П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

Письма к родным

ТОМ
I

МУЗГИЗ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 1216/16 — 4 200 000

1930

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

Письма к родным

ТОМ
I

1850 – 1879

Редакция и Примечания
В. А. ЖДАНОВА

БИБЛИОТЕКА
МУЗ. ТЕХНИКУМА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРИИ
Инвент. № 4066

Государственное
Музыкальное Издательство
1940

Труды Дома-музея П. И. Чайковского

Цена 30 р. Переплет 2 р. 50 к.

Редактор Е. Бейчек. Тех. редактор Е. Уварова.
Корректор О. Атлас. Художник Г. Клеринг.

Сдано в производство 27/IX 1939 г. Подписано к печати 19/VII 1940 г.
Уполномоченный Мособлгорлита Б—7610 Тираж 5000 экз. Объем 48 п. л.
24 бум. л. 49, 53 авт. л. Формат бум. 62 × 94/16. Индекс 112 г. «Н» Гиз 183.
Заказ 3187. 39744 зн. в п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ОТ РЕДАКТОРА

В обширном эпистолярном наследстве П. И. Чайковского его переписка с родными по своему объему и значению занимает особое место. Она охватывает почти всю жизнь композитора — с десятилетнего возраста и документирует те периоды, для которых нет больше почти никаких первоисточников.

Письма Чайковского к родным правдивы, как интимный дневник, иногда откровенны больше, чем дневник, своею обнаженностью переходя границы, дозволенные в признаниях самым близким друзьям. Его ближайшие родственники — его ближайшие, пожалуй, единственные друзья. «Люблю я всех вас именно за то, что вы не только самые близкие мне люди, но и самые л у ч ш и е на свете»[1],— с полной искренностью писал он им. И непрерывная цепь этих писем вызвана внутренними побуждениями. Письма являются продолжением личной интимной беседы, прерванной разлукой. Навсегда лишенный собственной семьи, Чайковский всю силу любви перенес на сестру и братьев.

Книга открывается письмами десятилетнего Чайковского из Петербурга к матери и к отцу в Алапаевск. Эти письма полны воспоминаний о милой «Алапаихе», где он провел детские годы, и надежд на встречу с родными.

В 1852 году переписка с родителями прекратилась, так как семья Чайковских переехала в Петербург.

Дальше мы читаем уже письма взрослого Чайковского к сестре Александре Ильиничне, вышедшей в 1860 г. замуж за сына декабриста Л. В. Давыдова и уехавшей в Каменку (Киевская губ., Чигиринский уезд). В этих письмах он отмечает каждый этап в своей жизни. В одном из первых — Чайковский делился приятной новостью: появилась надежда по-

[1] Письмо № 246.

лучить новое место в министерстве и прибавку жалованья; начал, между прочим, и теорией музыки заниматься. «С моим изрядным талантом... было бы неблагоразумно не попробовать счастья на этом поприще». Через несколько месяцев: «Рано или поздно, но я променяю службу на музыку. Не подумай, что я воображаю сделаться великим артистом,— я просто хочу делать только то, к чему меня влечет призвание: буду ли я знаменитый композитор, или бедный учитель,— но совесть моя будет спокойна и я не буду иметь тяжкого права роптать на судьбу и на людей». Год спустя: «Я должен пожертвовать всем для того, чтобы развить и образовать то, что мне дано богом в зародыше... я должен выбрать что нибудь одно». Наконец, перед выходом из консерватории: «Уже мне теперь нет другой дороги, как м у з ы к а» [1]. Сестра меньше других беспокоилась за судьбу брата, она верила в его будущее. Отец всячески старался вернуть сына с «опасного пути», старший брат не доверял его склонностям, предсказывал неудачи, и только любимая сестра была единственной моральной поддержкой. «Граф Бобринский спрашивал меня, какой музыки ты последователь новой или Вагнера, и я ответила с обидой: мой брат не подражает, он создает»,— однажды писала она брату. А узнав от отца, что он намеревается, якобы, вернуться к службе, она взволнованно спрашивала: «Неужели ты имел такое намерение? Время ли, когда ты встал на хорошую дорогу» [2].

В те же годы были письма к отцу и к мачехе, Чайковский сохранил с детства сильную привязанность к отцу. Он любил его доброту, проявлявшуюся к старости «как-то особенно трогательно».

Отношение к мачехе Елизавете Михайловне со стороны детей и родственников сначала было враждебное, но потом все полюбили эту «полуобразованную, но очень умную и необычайной доброты женщину, сумевшую внушить всем самое искреннее уважение своей нежной и беззаветной преданностью своему старому мужу» [3].

С середины 60-х годов в семейной переписке начинает занимать первое место переписка с младшими братьями-близнецами Анатолием и Модестом, родившимися на десять лет позднее Чайковского. Когда этим маленьким правоведам было еще двенадцать лет, Чайковский писал о них сестре: «Моя привязанность к этим человечикам... с каждым днем делается все больше и больше... я внутренно ужасно горжусь и дорожу этим лучшим чувством моего сердца» [4]. А через пятнадцать лет он признавался фон-Мекк: «Меня соединяет с ними одна из тех привязанностей, которая и между братьями встречается редко. Конечно, я не был для них матерью, но я с самой первой минуты их сиротства хотел быть для них тем, что бывает для детей мать. И с тех самых пор между мной и ими образова-

[1] Письма №№ 46, 48, 49, 53.
[2] Письма А. И. Давыдовой от 29 января и 30 августа 1866 г.
[3] Письмо к Н. Ф. фон-Мекк от 23 ноября 1877 г.
[4] Письмо № 48.

лись такого рода отношения, что как я люблю их больше самого себя и готов для них на всякую жертву, так и они беспредельно мне преданы»[1]. В этих словах определена вся сущность их отношений. Близнецы не были похожи друг на друга — ни внешне, ни внутренне. Окончивши Училище правоведения, они пошли разными путями. Анатолий стал прокурором, а позднее получил место вице-губернатора; Модеста не привлекала казенная служба, он мечтал о литературной деятельности и, приняв должность воспитателя глухонемого мальчика Конради, занимался и литературным трудом. Он написал несколько пьес, составил либретто «Пиковой дамы» и «Иоланты» для Чайковского. Петр Ильич всячески покровительствовал, ободрял Модеста, быть может, не совсем искренно преувеличивая значение его таланта. Модест был довольно тонким ценителем творчества брата, интересным и полезным его собеседником по вопросам искусства, в противоположность Анатолию, который мало разбирался во всем этом. После смерти Петра Ильича Модест выполнил дело огромной важности: написал широко известную трехтомную его биографию, до последнего времени являвшуюся единственным первоисточником, и создал Клинский музей с его ценнейшим рукописным собранием.

Письма Чайковского к братьям чрезвычайно ценны и интересны: в них рассказана вся жизнь композитора за последние двадцать пять лет. Среди писем к ним во втором томе имеются и письма к другим двум братьям: Николаю и Ипполиту. Но Чайковский не был с ними близок. С Николаем пути разошлись в юности. Он «человек хороший, но не из особенно добрых»,— однажды отозвался о нем Петр Ильич[2]. Инженер-путеец, он не имел ничего общего со своим гениальным братом. А в годы перелома он всячески отговаривал Чайковского от решительного шага, мотивируя тем, что Глинки, дескать, из него не выйдет и что будет осужден он на жалкое существование скромного музыканта. «С Глинкой мне, может быть, не сравняться, но увидишь, что ты будешь гордиться родством со мной»,— ответил ему тогда Петр.[3]

Средний брат Ипполит был моряком, служил в Русском обществе пароходства и торговли сначала капитаном, потом чиновником в агентстве в Таганроге и в Петербурге. Немало иронических отзывов о нем, об его нескладном характере, разбросано в письмах к сестре и младшим братьям, но все же Чайковский любил его больше, чем Николая. Жизненный путь закончил Ипполит глубоким стариком уже в наши дни (1927 г.) в доме своего брата в качестве сотрудника музея его имени. Похоронен рядом с Модестом и Бобом в Демьянове под Клином.

В последние годы наравне с письмами к Анатолию и Модесту значительное место занимают письма к племяннику Владимиру Львовичу Давы-

---

[1] Указанное письмо к фон-Мекк.
[2] Указанное письмо к фон-Мекк.
[3] Ж. Ч., I, стр. 129.

дову прозванному Бобом. Все дети сестры были дороги Чайковскому, но Боба он особенно полюбил еще в раннем детстве. С годами симпатия к нему росла и с середины восьмидесятых годов Боб играл огромную роль в жизни Чайковского. Для Боба Чайковский сочинил детские пьесы, сделал облегченное переложение «Щелкунчика», ему посвятил Шестую симфонию. Он находил в Бобе всякие таланты, считая его незаурядной личностью. В действительности же Боб не представлял собой ничего выдающегося. Немного склонный к музыке, немного к живописи, он во всех областях остался дилетантом. Окончив все то же Училище правоведения, отбывши воинскую повинность в гвардейском полку, он, сделавшись главным наследником Чайковского, поселился вместе с Модестом в Клину. Свой жизненный путь Боб кончил трагически — в 1906 г. он застрелился. По его завещанию, авторские права и клинский дом отошли к Модесту.

Жизненный путь Чайковского, улыбки и слезы, радости и муки творчества нашли отражение в его письмах к родным.

* * *

Письма П. И. Чайковского печатаются по новой орфографии и только в некоторых случаях сохранены характерные особенности, относящиеся к индивидуальной манере письма П. И. Чайковского.

Сокращенные в подлиннике имена и отчества, если они стоят не при фамилии, а также и самые фамилии и другие сокращенные слова даны полностью, без скобок, за исключением общеупотребительных сокращений; иногда для сохранения намеренной условности письма и в случаях, вызывающих сомнение, слова дополнены в прямых скобках. Числа, обозначенные цифрами, даны словами, за исключением чисел месяца и сложных вычислений. Дата унифицирована: сначала место написания, потом число, месяц, год (в двойной дате сначала старый стиль). Отсутствующие элементы этой даты дополнены в прямых скобках. При ошибочном исчислении автором двух дат (старого и нового стиля) за правильную берется дата нового стиля в письмах, написанных из-за границы. Не датированные письма, а также писавшиеся в течение нескольких дней имеют редакторскую дату в левом верхнем углу, напечатанную курсивом. Обоснования датировки в необходимых случаях даны в примечаниях. Слова, зачеркнутые кем-то в подлиннике и не поддающиеся прочтению, отмечены точками в двойных скобках [[...]]. Слова, не подлежащие опубликованию, а также произведенные редакцией сокращения писем отмечены точками в одинарных скобках [...].

Письма, печатающиеся по копиям (местонахождение подлинников которых неизвестно), имеют у заголовков звездочку. В этих копиях подпись, как правило, не воспроизведена и она печатается в прямых скобках.

Детские письма и одно английское письмо (№ 175) печатаются с сохранением всех особенностей подлинника.

Печатается большая часть писем; исключены лишь мелкие записки и те письма, которые почти дословно повторяют публикуемые. Письма родных к Чайковскому приведены только выдержками в комментарии.

Переводы иностранных слов даны на той же странице (ссылка звездочкой). Примечания приложены в конце книги (цифровые обозначения ссылок). Имена, за исключением детских и нескольких других писем в примечаниях не раскрыты. Сведения о лицах даны в аннотированном указателе; имена, встречающиеся без фамилий, тоже введены в указатель — с ссылкой там на фамилию, при которой имеется аннотация.

В содержании даты писем даны только в старом стиле. В примечаниях употребляются следующие условные сокращения:

Ж. Ч.— Модест Чайковский, «Жизнь Петра Ильича Чайковского». По документам, хранящимся в архиве имени покойного композитора в Клину. Три тома. Изд. Юргенсона, М. 1900—1902.

Р.М.О.— Русское музыкальное общество.

Ч. М.—П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк. Редакция и примечания В. А. Жданова и Н. Т. Жегина. Три тома. Изд. Academia, 1934—1936.

Ч. Ю.—П. И. Чайковский. Переписка с П. И. Юргенсоном. Редакция и комментарии В. А. Жданова и Н. Т. Жегина. Том. I. Музгиз, 1938.

Письма к родным впервые публиковались (в больших выдержках и мелких цитатах) только в указанной выше биографии Чайковского и в примечаниях к его переписке с фон-Мекк и Юргенсоном.

Подлинники писем находятся в двух хранилищах: в Рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (детские письма, письма к отцу, мачехе, сестре, зятю и Модесту до 1876 г.), остальные — в Домемузее П. И. Чайковского в Клину. Местонахождение подлинников ряда писем к Анатолию и его жене неизвестно (они печатаются по копиям, имеющимся в Клинском музее).

Иллюстрации воспроизводятся по фотографиям из фондов Клинского музея.

В. Жданов

П. И. Чайковский
1873 г.

Письма к родным

1850

І. И. П. и А. А. Чайковским

[Петербург]
8 ноября 1850 года.

Милые Папаша и Мамаша.

Теперь я наверно считаю что милая Мамашинька доехала благополучно и я этому радуюсь [1]. Я еще все пишу вам от Модест Алексеевича. Он так добр что я вам этого немогу выразить он был болен жабой но сегодня кажется ему лучше; Надежда Платоновна также очень добрая. Колинька выздоровел от кори он также Ангельчик.

В Алапанхе сегодня Торжество, Михайлов день; Я помню как прошлой год я с Полей и Григорьем ходил покупать книги но вам кроме мыла нечего покупать.

Если бы вы знали мои милые как я об вас часто думую мои чудные Ангелы и ужасно мне хочется хоть один раз поцеловать вас.

На прошлой недели у Модеста Алексеевича, Павел Николаевич был и видел меня. Поцелуйте за меня моих прекрасных Модю и Толю [2]. Помните ли милая Мамаша как я в тот день как уезжал посадил плющ, посмотрите пожалуйста как он растет.

Прощайте милые чудные и прекрасные Мамачка и Папушичка целую ваши ручки и прошу вашего благословления; ваш сын Петр Чайковский.

Милая Тетя Лиза [3] и Сестрица [4].

Мне совершенно вам нечего писать мои милые но несмотря на это я вас очень люблю и никогда не забуду.

Поцелуйте за меня моих милых кузин Малю [5], Мину [6] и Катю [7]. Прощайте милые Тетя Лиза и Сестрица.

Ваш племянник и брат Петр Чайковский.

Милые сестры Зина [8] и Саша [9].

Я думаю что Зиночке не хочется больше в Петербург потому что верно ей надоело но в Феврале я все таки вас буду ожидать и Сашу также. Прощайте милые сестры ваш брат.

Петя.

Милый брат Поля [10].

И тебе хочу написать несколько строчек. Целую тебя милый Поля.

твой брат Петр Чайковский.

Милая тетя Настя [11].

Много, много благодарю вас за то что вы меня так хорошо приготовили. Я в Училище из новичков был прежде всех дежурным что у нас много значит. Прошу вас также как меня приготовить Полю и чтоб он также попал в Правоведение. Прощайте милая тетя Настя ваш благодарный ученик

Петр Чайковский.

2. И. П. и А. А. Чайковским

1850 г. ноября середина. Петербург.

Милые и прекрасные Папаша и Мамаша.

Вы не можете вообразить как я был рад когда получил от вас письмо милая Мамашинька! Я до сих пор еще у Модеста Алексеевича сегодня ровно недель оттого что в классе скарлатина. Прошлую Суботу я не видел Колю, у него еще все свинка, но сегодня я с нетерпением его ожидаю. Я очень скучаю милая Мамашинька и Папаша, но Модест Алексеевич такой добрый и Надежда Платоновна также, что я утешаю себя этим. Прошлое Воскресение я был с ними в балете. В Январе я с час на час буду ждать вас мои чудные и прекрасные с Модей и Толей потому что мне очень без вас скучно [1].

Хорошо ли вы доехали мои милые; Ах! я очень бы желал видеть те радости когда вы приехали в Алапаиху. Милый мой Папаша верно очень радовался когда увидел Мамашу, Сестрица верно побежала скорее за обедом, а Тетя Лиза за ковром который хотела подарить вам к приезду. Здесь уже на улице давно снег, но ездют еще все на колесах. Мне очень будет весело, когда прийдет Николинька сегодня вечером; Коля Вокар просто Ангельчик я его очень люблю; он недавно молился богу, вспомнил об Коле и хотел молиться за него богу потому что он был болен.

Прощайте мои прекрасные Ангелы целую ваши ручки и прошу вашего благословения.

Ваш Сын Петр Чайковский.

Милая тетя Лиза и Сестрица.

И вам я непременно хочу написать несколько слов мои милые но мне совершенно нечего написать кроме того что я вас очень, очень люблю. Поцелуйте за меня моих милых кузин, Малю, Мину и Катю и прошу поклониться je crois bien! Машурочке[2]. Прощайте мои милые. ваш племянник и брат Петр.

Милые Сестры Зина и Саша я думаю, что вам очень было весело когда вы приехали домой и увидели трех Ангелов Папашу, Модю и Толю. Поцелуйте и расцелуйте за меня этих двух херувимов Толю и Модю. Прощайте мои милые сестры ваш брат

Петр Чайковский.

Милый брат Поля.

Воображаю, как ты был рад когда Мамаша тебе подарила саблю, сумку и каску. Поцелуй за меня мою милую Каролину. Прощай милый Поля.

Твой брат Петр Чайковский.

З. И. П. и А. А. Чайковским

1850 г. ноября 23. Петербург.

Милые и прекрасные Папаша. Целую вас крепко! и Мамаша мои милые в ручки, ножки и все тело ваше.

Прошлое воскресение Николенька здес не был оттого что Коля Вакар очень болен, у него сделалась нервическая горячка[1] и оттого теперь у Модеста Алексеевича очень скучно.

Вот уж шесть недель как я у Модеста Алексеевича и надеюсь что будущее Воскресение меня потребуют в приготовительный класс. Мне все таки ужасно хочется поцеловать ваши ручки мои прекра[сные] Папачка и Мамачка и потому с нетерпением жду будущего счастливого для меня и Коле Февраля.

Перед прошедшим воскресение был у нас дядинька Петр Петрович, который приходил с Илинькой нас увидеть. Он такой добрый старичок! Прошлою неделю начался пост и вы верно поститесь мои Ангелы потому что в те счастливые времена когда я был с вами вы всегда это делали; и я теперь вспоминаю с каким удовольствием и радостью мы получали от вас елку но между Сашей, Полей, Малей, Катей и Миной я не буду участвовать, но по крайней мере буду об этом вспоми-

нать. Поцелуйте за меня мои прекрасные Зину, Сашу, Полю, Толю и Модю и милых кузин. Кланяйтесь также Тете Лизе, Сестрице, Настасье Петровне и Немкам. Когда будете писать M-elle Fanny, то пожалуйста поклонитесь ей от меня. С нетерпением ожидаю первого вашего пись[ма], я еще не имел этой счастливой минуты чтоб поцеловать бумажку на которой были ваши ручки.

Целую миллионы раз ваши ручки и прошу вашего благословления.

Ваш сын Петр Чайковский.

4. И. П. и А. А. Чайковским

1850 г. декабря 10. Петербург.

Милые Папаша и Мамаша.

Я очень был рад, когда получил от вас письмо[1]. Но когда узнал о болезни Сашинькиной то меня это очень испугало. Но слава богу я и Коля здоровы, извините меня Мамашинька и милый Папашенька что я так долго к вам не писал. Прощайте милые родители, прошу вашего благословения.

Ваш сын П. Чайковский.

5. И. П. и А. А. Чайковским

1850 г. декабря 17. Петербург.

Милые Папаша и Мамаша!

Вы не можете вообразить себе как я был рад, когда получил ваше письмо, милые и прекрасные мои ангелы. Я читал и перечитывал множество раз ваше письмо и целовал мысленно ваши ручки, писавшие это милое письмо.

Но вот уж скоро настанет тот месяц, которого я жду с нетерпением, и когда я действительно поцелую ваши прекрасные ручки; кажется, что тогда я буду как в раю. Извините, милая Мамашенька, что я вас также жду к Февралю но у меня есть какое то причуствие, что я вас увижу и расцелую. Я вижу, что Коля гораздо тверже меня характером, потому что он не так скучал.

Мне надо вам сказать, милая Мамаша, что Коля Вакар после непродолжительной нервической горячке умер.

Вчера за мной Модест Алексеевич посылал, но я не мог идти ибо многие из моих товарищей, пока я был у него пере-

гнали меня в науках, потому что прежде явились; а так как у нас будущую неделю будет экзамен, то я воспользовался этим Воскресением, чтобы хотя немного, но лучше приготовиться.

Пишите мне по чаще, мои прекрасные, оттого что я очень без вас скучаю. Поцелуйте за меня Тетю Лизу, Сестрицу Настасью Васильевну, милых сестер Зину и Сашу и милого брата Полю. Расцелуйте за меня прекрасных Модю и Толю, воображаю какие они Ангельчики.

Покланитесь Настасье Петровне. Покланитесь также милому, Адольфу Богдановичу и всему его семейству, особенно милой старушки. Прощайте, милые Папаша и Мамаша, целую ваши ручки и прошу вашего благословления. Ваш Сын

Петр Чайковский.

6. И. П. и А. А. Чайковским

1850 г. декабря середина. Петербург.

Cher Maman et Papa! *

Voila! sans doute que vous recevrez ma lettre aux fêtes de Noel ou un peu après. Mais aprésent je m'imagine comme vous faites touts les préparatifs de l'arbre de Noel pour mes petits chers frères ma soeur et mes petites cousines. Vous passerez les fêtes de Noel avec grand plaisir tandis que je les passerai très tristre car dans la maison du bon M-eur Vacar le chagrin de la mort du petit ange Nicolas n'est pas encore passé.

J'était bien étonné hier en arrivant ne trouver pas une lettre de vous mes chers et admirables anges.

Vous ne pouvez pas comprendre avec quel transport j'attens l'arrivée de vous, mon ange Papa. J'ose penser aussi a votre arrivée chére Maman, Ce serait trop de bonté pour nous car ce n'est pas aussi longtemps que vous étez arrivé à Alapaeff.

---

* Милые Папаша и Мамаша!

Вы конечно получите мое письмо на рождественских праздниках или немного позже. Теперь же я представляю себе, как вы готовите елку для моих маленьких милых братьев, моей сестры и маленьких кузин. Вы проведете рождественские праздники очень весело, тогда как я проведу их очень печально, потому что в доме доброго г-на Вакара горе после смерти маленького ангела Коли еще не прошло.

Я был очень удивлен вчера, когда приехал и не нашел письма от вас, мои милые прекрасные ангелы.

Вы не можете понять, с каким нетерпением я жду вашего приезда, мой ангел Папаша. Смею думать и о вашем приезде, милая Мамаша. Это было бы слишком хорошо для нас, потому что вы только недавно приехали в Алапаевск.

Nicolas est ici, et je suis très content de le revoir denouveau. Je crois que Monsieur Bérar vous a déja envoyé mes balles avec ma lettre; si elles sont mauvaises ayez la bonté de ne pas me compter comme votre et me gronder dan votre lettre.

Ayez aussi la bonté m'écrire comment vat votre santé; grâce à Dieu comme vous le croyez mois et Nicolas nous nous portons très bien. Comment vas aussi celle de Sachinka, et Pola; je m'inquiète beaucoup sur leur compte.

Adieu chers et, admirables, anges Papa, et Maman. Je baise milles fois vos mains et prie votre bénédiction.

Votre fils
Pierre.

Cher tante Lyse je n'oublie pas aussi de vous écrire chaque fois que je le peu, pour vous faire mes grands remerciments à l'amour que vous me gardez.

Votre neveu
Pierre.

Милая Сестрица,

Так как я вам обещал писать так часто как могу то и пишу вам милая и добрая Сестрица. Посмотрите, пожалуйста как растет тот плющ, который я посадил когда уеждял. Поклонитесь от меня Настасье Петровне и поцелуйте Лидиньку [1], также поцелуйте Машурочку и Каролину, ваш брат

Петр Ч.

Милые братья и сестра, целую крепко вас и обнимаю, пожалуйста не забудьте вашего брата.

Петр Чайковский.

Коля здесь, и я очень рад снова увидеться с ним.

Мне кажется, что г-н Берар уже послал вам мои отметки вместе с моим письмом; если они плохи, будьте добры, забудьте, что я ваш, и побраните меня в письме.

Напишите мне также, как ваше здоровье; слава богу, как вы знаете, я и Коля совершенно здоровы. Как здоровье Сашиньки и Поли; я очень беспокоюсь за них.

Прощайте, милые, прелестные ангелы Папаша и Мамаша. Целую тысячу раз ваши ручки и прошу вашего благословения.

Ваш сын
Петр.

Милая тетя Лиза, я не забываю писать вам каждый раз когда могу, чтобы поблагодарить вас за вашу любовь ко мне.

Ваш племянник
Петр.

И. П. Чайковский

А. А. Чайковская

Родители П. И. Чайковского

1851

7. А. А. Чайковской

Petersbourg,
1 Février 1851.

Chére Maman!

Je vous écris à vous seule, car je crois bien que Papa est déjà en voyage pour Pétersbourg. Je suis sûr qu'il viendra, quoique j'aie lu dans sa dernière lettre que peut-être il viendra en été. Non, je ne veux pas croire á cela, il ne laisserá pãs tomber toutes mes éspérances, j'attends oui, j'attends avec grande impatience son arrivée, et je prie chaque jour pour lui Dieu qu'il veille sur lui pendant tout son voyage. Et pour vous, je prie aussi de ne pas vous envoyer aucune maladie.

Je vous attends, ma chère maman, pour l'été, ou pour l'autômne ou pour l'hiver, et même pour l'année prochaine.

Je me porte très bien et Nicolas aussi. Monsieur Vacar est très bon. Mais une bonté d'ange qui m'étonne beaucoup, c'est celle de Monsieur Bérar.

Aujourd'hui nous avions le résultât, je suîs resté sur ma place; je suis le troisième.

Pour la conduite j'en ai reçu 10, car comme chez nous on inscrit pour les polissoneries; je n'était pas inscrit une fois et on m'a ajouté une balle pour la conduite; si ce mois je ne ferai point de polissonerie, je recevrai 11, et l'autre mois non plus je recevrai 12.

Chère et bonne maman! j'ai pour vous une prière. Envoyez moi des livres c'est-à-dire **L'éducation maternelle**, puîs m e s p e t i t s m u s i c i e n s, et Ermack que j e n ' a i p a s f î n i s d e l i r e.

Baisez pour moi toutes mes soeurs et frères et cousines. Tante Lyse, M-elle Anastasie Petroff et surtout ma bonne cou-

sine s e s s t r i z a; qites-lui que je ne mange plus de miel, personne ne m'en donne, et je n'ai plus de si bonne cousine.

Adieu, chère Maman, vous, mon ange consolateur, en un mot ma charmante maman.

Votre fils dèvoué, qui vous aime et vous adore

Pierre Tschaikovsky.

Quand vous écrivez à M-elle Fanny et à ma tante Надежда Тимофеевна?

Петербург. 1 февраля 1851.

Милая Мамаша!

Пишу вам одной, потому что думаю, что Папаша уже на пути в Петербург. Я уверен, что он приедет, хотя и прочел в его последнем письме, что он может быть приедет только летом. Нет, я не хочу верить этому, он не даст погибнуть всем моим надеждам, я жду, да я жду с большим нетерпением его приезда и каждый день молюсь, чтобы бог хранил его во время всего пути. И за вас я молюсь, чтобы вы не заболели никакой болезнью.

Вас я жду, дорогая Мамашенька, летом, осенью, зимой или даже в будущем году.

Я здоров и Коля тоже. Господин Вакар очень добр. Но чисто ангельская доброта, которая меня очень удивляет,— это доброта господина Берара.

Сегодня нам сообщили результаты, и я остаюсь на своем месте: я третий ученик.

За поведение получил 10, потому что здесь, как у нас, записывают за шалости; меня ни разу не записали и прибавили один бал за поведение; если в этом месяце я совсем не буду шалить, то получу 11, если в следующем месяце тоже не буду, то получу 12.

Милая и добрая Мамашинька! У меня просьба к вам. Пришлите мне книги, т. е. Материнское воспитание, затем м о и х м а л е н ь к и х м у з ы к а н т о в и Ермака, которого я н е д о ч и т а л.

Поцелуйте за меня всех моих сестер, братьев и кузин, тетю Лизу, мадемуазель Настасью Петровну и особенно мою добрую кузину — с е с т р и ц у; скажите ей, что я не кушаю больше меда, никто мне его не дает и у меня нет больше такой доброй кузины.

Прощайте, моя милая Мамаша, мой ангел утешитель, одним словом, моя прекрасная Мамаша.

Ваш преданный сын, который Вас любит и обожает

Петр Чайковский.

Когда вы напишите M-elle Фанни и моей тете Надежде Тимофеевне?

8. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. февраля начало. Петербург.

Cheres Papa et maman.

Voici la lettre que M. Berard vous envoiera avec mes В е д о м о с т и.

Cette semaine je n'ai pas taché d'apprendre et j'ai reçu 3 mauvaises notes pour lesquelles je suis resté pour le dimanche.

Je vous demande grand pardon je tacherai de ne pas apprendre si mal pour ne pas vous afliger. Je sais que je vous causerai avec cela des larmes, j'ai pleuré aussi, mais les larmes n'aident point mes charmants anges.

Quand je prie de tout mon coeur
Dieu éxauce ma prière
La prière est une soeur
Oui elle est comme une lumière
Qui éclaire notre âme.

J'ai composé ces vers moi même en écrivant la lettre. Laissons ça et parlons de notre sort.

Je ne sais pas pourquoi j'ai denouveau envie de composer des vers [1]. Hier lorseque j'était ici j'ai composé une histoire depuis votre partie à la maison d'ici ma vie. M. Berard est si bon pour moi que je ne puis l'exprimer. C'est presque tout-à-fait un ange de bonté.

Chere Papà je vous prie d'etre si bon d'adresser les lettres icî et non pas chez M. Vacar.

C'est déja la troisième semaine et la quatrième nous ferons nos dévotions.

J'ai oublié de vous écrire que déja depuis longtemps. Le prince Oldenbourg était chez nous. J'etais très content quand il s'approcha de moi et commenca à me parler. Qui êtes vous! Ou demeure votre pére et enfin assez longtemps. Chère maman vous ne pouvez pas vous imaginer comme j'étais triste, quand j'avais recu la nouvelle que vous etez malade. Vous avez mal à l'oreil.

Adieu ma chère maman et mon très cher papa. Je prierais Dieu qu'il guérisse votre maladie.

Je prie votre bénédiction

Pierre Tschaikovsky.

Saluez à tante Lyse et à toutes mes soeurs et cousines et à tout mes frères.

Pierre Tschaikovsky.

Милые Папаша и Мамаша.

Вот письмо, которое вам пошлет г. Берар вместе с моими ведомостями.

Эту неделю я не старался учиться и получил 3 плохие отметки, за которые меня оставили в воскресенье.

Очень прошу у вас прощенья, я постараюсь не учиться так плохо, чтобы вас не огорчать. Я знаю, что это заставит вас плакать, я также плакал, но слезы не помогают, мои прекрасные ангелы.

Когда молюсь от сердца я,
Господь мою молитву слышит.
Молитва наша есть сестра
Она, как свет,
Нам душу освещает.

Я сочинил эти стихи сам, когда писал письмо.

Но оставим это и поговорим о нашей судьбе.

Не знаю, почему мне опять хочется сочинять стихи[1]. Вчера, когда я был здесь, я сочинил рассказ, начиная с вашего отъезда домой и моя жизнь здесь. Г. Берар так добр ко мне, что я не могу этого выразить. Это почти настоящий ангел доброты.

Милый Папашенька, я прошу вас, будьте добры, посылайте письма сюда, а не к г. Вакару.

Идет уже третья неделя [поста], а на четвертой мы будем говеть.

Я забыл вам написать, что у нас уже давно был принц Ольденбургский. Я был очень рад, когда он подошел ко мне и заговорил. Кто вы? Где живет ваш отец — и вообще говорил довольно долго. Милая мамаша! Вы не можете себе представить, как мне было грустно, когда я узнал, что вы больны. У вас болело ухо.

Прощайте, милая мамаша и дорогой папаша. Я буду молиться богу, чтобы он вылечил вашу болезнь.

Прошу вашего благословения

Петр Чайковский.

Поклонитесь тете Лизе и всем моим сестрам и кузинам и всем моим братьям.

Петр Чайковский.

9. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. февраля 18. Петербург.

Милые Мамаша и Папаша!

Вот уже третий день что мы у Модеста Алексеевича. Уже давно мы не писали к вам мои прекрасные оттого, что все ожидали Папашу, который еще не приехал, но скоро приедет. Июнь не за горами как вы говорите и если приедите то верно уже совсем останитесь[1].

Я еще когда был в приготовительном классе то написал вам письмо, но забыл привезти. Итак я попрошу M. Berar, чтоб он бы отослал письмо.

Завтра мы вместе с Модестом Алексеевич. поедем в театр.

Спешу приготовлять уроки которые мне задали и потому милые, чудные мои небесные Ангелы целую и прощаюсь с вами.

Ваш сын
П. Чайковский.

Поцелуйте за меня всех моих милых сестер и Тетю Лизу.

10. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. марта 19. Петербург.

Прекрасные мои Папаша и Мамаша!

Я очень был рад что сегодня получил письмо в котором мы нашли много приятного и веселого. Вы были в Ирбите как вы пишите? Ах я очень помню, как прошлой раз я был в Ирбите с папашей и очень веселился! Мы были в кабинете восковых фигур и в выставке стеклянных вещей. Я все очень хорошо это помню.

На прошедшей недели мы говели и третьего дня исповедывались а вчера причащались.

Очень очень прошу вас приехать в Июне потому что вы обещали приехать в этом месяце.

Прекрасные и милые мои ангелы я очень скучаю без вас! Занятия мои идут очень хорошо.

Поцелуйте за меня и поблагодарите Сашу и Полю за их милое письмо. Толю и Модю также поцелуйте и всех кузин. Тетю Лизу и Сестрицу также Настасью Петровну и Лидиньку поцелуйте. Мине и Каролине кланяйтесь. Последней скажите, что у меня была Антонида и сказала, что у нее родилась дочка. Прошу вашего благословления.

Ваш сын
Петр Чайковский.

11. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. апреля 7. Петербург.

Прекрасные мои Папаша и Мамаша!

С большим сожалением я должен уведомить вас что добрейшие Модест Алексеевич и Надежда Платоновна уезжают в Камен-Подольск, где и останутся жить совсем[1]. Скоро будут каникулы именно в мае и нам не к кому будет итти. Прошу вас приехать нам будет очень скушно но если вы мои прекрас-

ные Ангелы не приедите, то мы будем очень скучать. Я думаю, что ваши добрые сердечки сжалятся над нами и приедите. Но во всяком случае ваш приезд необходим по многим причинам. И так ждем вас в Июне месяце непремено!

Поцелуйте за меня тетю Лизу, Сестрицу, Настасью Петровну, Лидиньку и милых сестер и братьев расцеловать миллионы* раз.

Прощайте милые мои родители прошу вашего Благословления.

Ваш Сын
Петр Чайковский

12. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. апреля 12. Петербург.

Милые и прекрасные Папаша и Мамаша!

С Воскресения до вчерашнего дня мы гостили у доброй и милой Марии Александровны [1].

С большим удовольствием я пишу вам это письмо потому что мне кажется, что оно уже последнее, потому что я вас ожидаю в скором времени.

Когда Модест Алексеевич уедет то мы верно будем ходить по Воскресеньям и Праздникам к Марьи Александровне [1] которая такая добрая женщина что в доброте = вам двум прекрасным Ангелам.

Третьего дня когда я был у Марьи Александровне то она брала нас к Редеровым. Там было много дам и между прочим от одной из них я слыхал что она об вас говорила милая Мамашинька.

Не знаю что вам писать мои прекрасные родители-ангельчики, душички, милочки, добрые и все что вам угодно, но только скажу что я вас так люблю, что у меня нет слов чтоб выразить это.

Поцелуйте за меня Полю, Сашурочку, прекрасных Толю и Модю; Малю, Мину, Катю также поцелуйте. Поклонитесь и поцелуйте ручку у Тете Лизе Сестрице и Зиночке.

Вас же прекрасных ангелов целую с ног до головы и прошу Вашего благословления.

Машурочке «je crois bien» надо поклонится.

Ваш сын
П. Чайковский.

* *Зачеркнуто:* 1851

16. И. П. и А. А. Чайковским

[Петербург]
22 апреля 1851 года

Милые Папаша и Мамаша!

Сегодня мы у добрейшего Ив. Ив. Вейца и останемся может быть до завтраго вечера.

В Среду я был на балу в дворянском собрании с господином Berrard. Там было очень весело и я выиграл на фартунке маленькую статую, изобра[жа]ющую солдата в трехугольной шляпе и ризинку обделанную слоновой костью.

Третьего дня я получил от вас письмо, в котором вы верно помните, что вы писали мои Ангельчики и от которого я делал то же и что вы моя душичка Мамаша! и постараюсь исполнить то что вы мне писали.

На балу я много танцовал и видел государя так близко как Папашин диван стоит от его конторки в кабинете; видите, как я все хорошо помню; я встретился также с Ф. С. Черныше вым, которой шел с нашим директором т. е. Языков[ым] — они друзья. Я узнал его сейчас но не хотел сказать; а он меня потом узнал и долго со мной говорил.

Прощайте милые и прекрасные мои Ангелы, целую вас с ног до головы и прошу вашего благословления!

Ваш сын
Петр Чайковский

14. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. апреля середина. Петербург.

Chers Papa et Maman.

Voila déja deux samedis que je n'ai pas vu Monsieur Veitz et c'est pour quoï je vais aprésent chaque Dimanche chez M. Platon Vacar qui a été si bon de vouloir me prendre chez lui.

Je vous prie encore mais deux anges si vous le pourrez de venir à St Petersbourg parceque je ne sais pas encore ou je passerai les vacances tandis qu'ils s'approchent à grands pas vers nous.

M. P. Wacar a été aussi chez Nicolas au corps pour le prendre mais ils ont l'examen et c'est pourquoi il ne peut pas venir.

Notre examen commencera le 22 Mai il finira le 26, et le 27 sera le роспуск pour les vacances.

J'ai beaucoup desoin de vous pour vous parler de plusiers chose nécéssaires. Vous pensez sans doute que je vous dis cela seulement pour que vous veniez? Soyez sûr que ce n'est pas cela.

Peut étre vous aurez pitié de moi et de Nicolas qui vous attendaient en vain au mois de Fevrier, et peut étre vous attendrons en vain au mois de Juin.

Mais vous nous avez donc écrit que vous viendrez pour tout-à-fait à Petersbourg.

Je n'ai plus rien à vous écrire et vous m'écrirez sans doute o u i ou non c'est à dire si vous viendrez où si vous ne viendrez pas ici.

Baisez mes soeurs et frères et tout le monde.

Je baise, mille et mille fois vos mains. Je prie votre bénédiction

Votre fils

P. Tschaikovsky

Милые Папаша и Мамаша.

Вот уже две субботы, как я не видал г. Вейца и поэтому я хожу теперь каждое воскресенье к г. Платону Вакару, который был так добр, что берет меня к себе.

Еще раз прошу вас, мои ангелы, если вы сможете, приезжайте в С.-Петербург, потому что я еще не знаю, где буду проводить каникулы, которые приближаются к нам быстрыми шагами.

Г. П. Вакар был также у Коли в корпусе, чтобы взять его к себе, но у них экзамены и потому он не мог приехать.

Наши экзамены начнутся 22 мая, кончатся 26-го, а 27-го распустят на каникулы.

Мне очень нужно вас видеть, чтобы переговорить о нескольких необходимых вещах. Вы конечно думаете, что я пишу так потому, что хочу, чтобы вы приехали? Уверяю вас, что это не так.

Может быть вы сжалитесь надо мною и Колей, которые напрасно ждали вас в феврале и может быть будут напрасно ждать в июне.

Но вы ведь писали нам, что приедете в Петербург совсем. Мне нечего вам больше писать, но вы напишете конечно мне д а или нет, т. е. приедете ли вы сюда или нет.

Поцелуйте моих сестер, братьев и всех.

Целую тысячу и тысячу раз ваши ручки и прошу вашего благословения.

Ваш сын

П. Чайковский

15. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. апреля 30. Петербург.

Милые мои Папаша и Мамаша!

Скоро у нас будет роспуск на каникулы и я ожидаю вас с нетерпением, у нас также скоро экзамен, от которого зависит мой переход в 1-ое Отделение. Говорят что я непременно перейду, но есть препятствие; говорят что я слишком молод.

В среду 25 Апреля я праздновал мое рожденье и очень плакал вспоминая счастливое время которое я проводил прошлый год в Алапаихе но у меня были 2 друга Белявский, и Дохтуров, которые меня утешали. Мамашичка вы видели, когда я поступил в приг[отовительный] кл[асс] Белявского, я вам говорил, что он мой друг.

Благодарю милые мои сестры за то что вы потрудились так хорошо вышить маленькие вещицы, а вас милые Папаша и мамаша благодарю за деньги которые вы нам послали.

Поцелуйте за меня Сашу, Полю, Толю, Модю Малю, Мину и Катю. Целую ручки у тете Лизе, сестрицы и Настасье Петровны. Прощайте милые Папаша и Мамаша.

Прошу вашего Благословленья.

Ваш сын
П. Чайковский.

Милая Кузина

Так как ты желаешь чтоб я тебе писал то исполняю это. Мне совершенно нечего писать. Женя Шателен и ее муж Александр Павл. Нормандский приезждали к Ив[ану] Ив[ановичу] сегодня как новобрачные (мы сегодня у Ив. Ив. Вейца). Саша Вейц целует Сашу, Полю, Малю и Катю.— Мину же она не хочет целовать она говорит что она очень капризная

Твой брат
Петр Чайковский

16. И. П. и А. А. Чайковским

Le 20 Mai l'an 1851.

Chers Papa et maman!

Voila c'est deja la dérnière semaine qui reste jusqu'aux vacances; Après-demain commencent les examens et Samedi prochain j'irai pour les vacances chez le bon M. Platon Wakar qui veux me prendre chez lui.

M. Markoff la maman de sa femme est v[r]aiment un ange de bonté. ainsi que ses deux filles dont l'une est la femme de

M. Wakar ont la bonté de vouloir me prendre chez eux à la campagne dans un village non loin de St. Petersbourg où je pense passe[r] très gaiement le temps. J'ai la hardiesse encore de vous demander votre arrivée ici.

M. Berrard qui ne peut vous ecrire autant que parler à besoin de vous parler de ma conduite, de mon aprentissage, de mon entrée dans la premiére sexion'é et ensuite á l'école.

Adieu mes chers et bons anges Papa, et Maman. Je vous souhaite de la santé et je prie votre bénédiction.

Vofre fils dé voué
Pierre.

20 Мая 1851 г.

Милые Папаша и Мамаша.

Вот уже и последняя неделя, которая остается до каникул. После завтра начинаются экзамены, а в будущую субботу я уеду на каникулы к доброму г. Платону Вакару, который хочет взять меня к себе.

Г-жа Маркова, мама его жены, настоящий ангел доброты! так же как и ее две дочери, одна из которых жена г-на Вакара; они так добры, что хотят взять меня к себе на дачу, в деревню недалеко от С.-Петербурга, где я надеюсь очень весело провести время. Осмеливаюсь еще раз просить вас приехать сюда.

Г. Берар, который не может написать вам столько, сколько ему нужно сказать, хочет переговорить с вами о моем поведении, занятиях, поступлении, в первое отделение, а затем и в Училище.

Прощайте, мои милые и добрые ангелы Папаша и Мамаша. Желаю вам здоровья и прошу вашего благословения.

Ваш преданный сын
Петр.

17. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. мая конец. Петербург.

Chers Papa et Maman!

Voilà déja que je suis chez le bon M. Platon Wacar pour les vacances.

J'aî bien subit l'examen. Outre la conduite, et la propreté dans les livres d'où sans doute on ne peut pas subir l'examen, j'ai reçu dans tous les objet 12 excepté le latin et la religion.

Je part peut-étre au village avec M-dame Markoff, car M. Platon a été si bón de me le permettre.

Je vous attends mes chers Parents pour le mois d'Août car c'est le plus facile pour vous voir. Samedi j'ai reçu la lettre où vous m'écrivez que M. Modeste m'a beaucoup loué, c'est pour quoî je m'en suis beaucoup contenté.

Plusieurs disent qu'on fermera notre classe préparatoire et plusieurs ont entendu parlé de cela de la bouche du directeur

lui-même, et plusieurs disent que cela a été publiqué dans les gazettes, et on dit que la 1-re sexion passera à l'école de Droit et la seconde [sexion] devra rentré chez ses parents.

Chers Papa et chère Maman, vous croyez que je suis passé à l'école? non c'est seulement dans la 1 sexion que je suis passé, car les éléves de la seconde sexion ne peuvent donc pas subir l'examen à l'école, et à on peut passer seulement à 12 ans à l'école, et mois je n'en n'ai que 11.

Outre cela, de la 1-re sexion, il y aura très peu qui passeront à l'école et il y a seulement Labri qui passera à l'école par ce que il a eté toujours le premier.

Adieu ma chère Maman et mon cher Papa. Je prie votre bénédiction.

Votre fils dévoué
Pierre.

P. S.

M. Platon a reçu votre lettre et il m'a communiqué de vous dire qu'il vous a déja écrit avans de recevoir votre lettre.

Il vous répondra sur votre dérniére lettre quand il causera avec M. Ivanoff sur le compte be l'entrée de Nicolas à l'école de Droit. Il a été chez lui mais Monsieur était si occupé qu'il n'a pas eût le temps de parler avec M. Platon; cependant il a voulut être un de ses jours chez lui et lui causer et c'est alors qu'il vous répondra sur votre lettre.

P. T.

Je vous envoie aussi mes balles de l'examen.

Милые Папаша и Мамаша!

Вот я уже и на каникулах у доброго г Платона Вакара.

Я хорошо сдал экзамен. Кроме поведения и чистоты книг, по которым экзамена, конечно, не держат, я получил по всем предметам 12, кроме латыни и закона божьего.

Может быть я поеду в деревню с г-жей Марковой, потому что г. Платон был так добр, что разрешил мне это.

Жду вас, мои милые родители, в августе, потому что тогда будет легче всего с вами увидеться. В субботу я получил письмо, в котором вы пишете, что г. Модест очень хвалил меня, чем я очень доволен.

Многие говорят, что наш приготовительный класс закроют, и многие слышали это от самого директора, а многие говорят, что это было опубликовано в газетах, и говорят, что отделение перейдет в Училище Правоведения, а второе отделение должно будет вернуться к родителям.

Милые Папаша и Мамаша, вы думаете, что я перешел в училище? Нет, я только перешел в 1-е отделение, потому что ученики 2-го отделения не могут держать экзамен в Правоведение, и в училище можно перейти только когда будет 12 лет, а мне еще только 11.

Кроме того, из 1-го отделения в Училище перейдут очень немногие, перейдет только Лабри, потому что он всегда был первым учеником.

Прощайте, милая Мамаша и милый Папаша. Прошу вашего благословения.

Ваш преданный сын
Петр.

P. S. г. Платон получил ваше письмо и поручил мне передать вам, что он написал вам еще до получения вашего письма.

Он ответит на ваше последнее письмо после того, как переговорит с г. Ивановым о поступлении Коли в Училище Правоведения. Он был у него, но г. Иванов был так занят, что не мог найти времени, чтобы поговорить с г. Платоном; однако он собирается пойти к нему на-днях, чтобы переговорить, и тогда ответит на ваше письмо.

П. Ч.

Посылаю вам мои экзаменационные отметки.

18. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. июня начало. Петербург.

Cherś Papa et Maman.

Hier j'ai reçu votre lettre mes deux anges et je vous remercie beaucoup de ce que vous voulez venir ici au mois de Septembre.

Mais, ma chére Maman vous m'avez promit de venir aussi avec tout le monde sans doute que c'est trop mais vous avez aussi dit que vous viendrez ici. C'est trop je le répéte mais seulement venez mes chers anges ensemble. Aujourd'hui mes chers je part pour le village avec la bonne M-dame Markoff.

Adieu mes deux anges.

Je prie votre bénétiction.

Votre fils.
Pierre.

Vous m'avez demandé comment il faut écrire a M. Berrard: en français.

Милые Папаша и Мамаша.

Вчера я получил письмо от обоих моих ангелов и очень благодарю вас за то, что вы хотите приехать сюда в сентябре.

Но, милая Мамаша, вы обещали мне тоже приехать вместе со всеми; конечно это слишком хорошо; но вы сказали, что приедете сюда. Это слишком хорошо, повторяю, но только приезжайте, мои милые ангелы, вместе. Сегодня, мои милые, я уезжаю на дачу с доброю г-жей Марковой.

Прощайте, мои два ангела.

Прошу вашего благословения.

Ваш сын
Петр.

Вы спрашивали, как надо писать г. Берару: по-французски.

19. И. П. и А. А. Чайковским

Chers Papa et Maman!

Voila deja que je suis à la campagne. Vous ne pouvez pas vous imaginer come je passe le temps gaiement. Mais cette campagne est si belle, les environs sont admirables.

Je vais vous les décrire. La campagne est sur une colline, au contraire passe une allée qui mêne à un lac (долгое озеро) dans lequel il y a beaucoup de poisson; à gauche de l'allée près du lac une basse-cour. D'un autre coté de la maison un jardin, après ce jardin il y a une grande allée qui mêne dans un bosquet. D'un autre coté de la maison il y a un petit village (Надино) de l'oin on voit une église dans la quelle est entérré, le fondateur dela campagne le papa de M-dame Markoff, qui est mor au mois de Mars cette année.

Je vous remercie cher Papa d'étre si bon de vouloir venir ici. Mais Maman je vous prie venez aussi car rappellez vous comme vous nous avez promit de venir ici. Vous avez dit: a u x m o i s d u J u i n, a v e c t o u t l e m o n d e, e t p o u r t o u j o u r s; sans doute que c'est trop, mais je voudrais vous baiser enssemble, j'ai taché d'étre sage toute l'année pour embrasser mes deux anges enssemble.

Quoique pendant ce temps j'ai une seconde maman et un second Papa M. Markoff qui sont bons et doux comme des anges, et M-elle Nadine leure fille qui a dit qu'elle veux remplacer ma soeur, toi ma chére Zina, elle est aussi bonne que toi, sa bonté est infinie.

M. Platon et M-dame sa femme ne sont pas à la campagne je les aime aussi beaucoup.

Baisez la main de Сестрица, Tante Lyse que j'éspére voire ce moi, de Zina, de M-elle Anastassi Petroff, baisez ma chère Lydie, et embrassez, ma chere Sacha, Pola, Tola et Модя comme j'étais éffrayé quant je su que le dèrnier etait malade et surtout que Maman etait malade.

Adieu mes chéres Anges.

Je prie votre bénédiction.

Votre fils
Pierre.

le 11 de Juin l'an 1851.

Милые Папаша и Мамаша!

Вот я уже и на даче. Вы не можете себе представить, как я весело провожу время. Дача такая красивая и окрестности великолепны.

Опишу их вам. Дача на холме, напротив идет аллея к озеру (Долгое озеро), в котором много рыбы; налево от аллеи около озера птичий двор.

С другой стороны дома сад, за садом большая аллея, которая ведёт в рощу. С другой стороны дома маленькая деревня (Надино), издали видна церковь, в которой похоронен основатель деревни, отец г-жи Марковой, который умер в марте этого года.

Очень благодарю милого Папашу за то, что он так добр, что хочет приехать сюда, но, Мамаша, прошу вас, приезжайте тоже, вспомните, как вы обещали нам приехать. Вы сказали: в июне со всеми и навсегда; конечно, это слишком хорошо, но я хотел бы расцеловать вас всех вместе, я старался быть хорошим весь год, чтобы поцеловать моих обоих ангелов вместе.

Хотя на это время у меня есть вторая мамаша и второй папаша г.г. Марковы, хорошие и добрые как ангелы и M-elle Надя, их дочь, которая сказала, что хочет заменить мне сестру, тебя, моя милая Зина; она такая же добрая как ты, ее доброта бесконечна.

Г-на Платона и его жены нет на даче; я их тоже очень люблю.

Поцелуйте ручку сестрицы, тети Лизы, которую я надеюсь увидеть в этом месяце, Зины, M-elle Настасьи Петровны, поцелуйте мою милую Лиду и поцелуйте моих милых Сашу, Полю, Толю и Модю; как я испугался, когда узнал, что Модя был болен, и особенно, что Мамаша была больна.

Прощайте, мои милые ангелы.

Прошу вашего благословения.

Ваш сын
Петр.

11 июня 1851 г.

20. А. А. Чайковской

[Петербург]
17 июня [1851 г.]

Еще еще просьба Ангел золотой Мамашичка приежджайте с Папашей. Без вас не будет полный рай.

Тетя Лиза, Сестрица, Зина, Саша, Поля, Толя, Модя, Маля, Мина, Катя, Лидичка, Настасья Петровна, встаньте на колени и просите то что вы наверно знаете.

Ваш

Попка.

21. И. П. и А. А. Чайковским

Mes trés chers Papa et Maman!

Avant hier M. Platon était venu ici à la campagne. Et aujourd'hui il part. Vous vous fachez pourquoi je vous écris si rarement, mais je ne suis pas en ville mes deux anges et je ne puis pas vous écrire si souvent. Mais si vous saviez ma position? Voila déja la quatrième semaine que je suis à la campagne et je n'ai pas reçu de vos nouvelles; mais dans la dérnière lettre vous m'avez écrit que Maman et Modia sont malades c'est ce qui me dérange beaucoup. Et c'est pourquoi je prie Dieu pour qu'il vous donne de la santé.

Vendredi le 29 serra mon jour de nom. Ce sera la 1-ère fois que je passerai se jour sans vous. Mais je me réjouirez en me rappellant comme j'ai passé gaiement ce jour l'année passée, et en attendant le moix de Septembre dans le quel je verrais et j'embrasserai mes deux anges.

Baisez pour mois la main de ma chère tante Lyse, Зина, Сестрица, et Lydie, et tous mes petits anges dont je n'éspére pas revoir bien tôt.

Adieu mes anges consolateurs. Je prie votre bénédiction.

Votre fils

le 25 Juin l'an 1851. Lundi. Pierre.

Мои дорогие Папаша и Мамаша!

Третьего дня г-н Платон приехал сюда на дачу. И сегодня он уезжает. Вы сердитесь на то, что я редко пишу, но я не в городе, мои два ангела, и не могу писать вам так часто. Если бы вы знали мое положение? Вот уже четвертая неделя, как я на даче и не получаю от вас известий; но в последнем письме вы писали, что Мамаша и Модя больны, что очень расстраивает меня, и потому я прошу бога послать вам здоровья.

В пятницу 29-го будут мои именины. В первый раз я проведу этот день без вас. Но я буду утешаться, вспоминая, как весело провел этот день в прошлом году, а также в ожидании сентября, когда я поцелую моих двух ангелов.

Поцелуйте за меня ручку милой тети Лизы, Зины, Сестрицы, и Лиды и всех моих маленьких ангелов, которых я не надеюсь так скоро увидеть.

Прощайте, мои ангелы утешители. Прошу вашего благословения.

Ваш сын

25 июня 1851 г. Понедельник. Петр.

22. И. П. Чайковскому

Милый мой Папаша.

Вчера я получил ваше прекрасное письмо, которое меня много обрадовало. Весть что вы скоро приедите меня очень обрадовала. Вчера я только что приехал с дачи как получил ваше Ангельское письмо. Сегодня добрейший Платон Алексеевич сказал мне что в газетах уже печатано, что г. Берард выходит из нашего пансиона.

Я не знаю как вам угодно отдать меня в другой пансион или оставить оттого что приготовительный класс еще остается год но уже с другим воспитателем.

Жду с нетерпением вас, что бы вы похлопотали обо мне, а во вто[рых] вас хочет расцеловать

Попка.

Так звала меня прежде мама.

Еще раз

17 июля 1851 года. Попка П. Ч.

23. И. П. Чайковскому

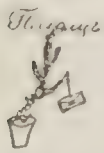
[Петербург]
20 июля 1851 года

Поздравляю вас мой Ангел Папаша со днем вашего Ангела и желаю вам всех благ на свете а вас моя милая душенька мамашинька с дорогим имянинником. Мне весело когда я вспоминаю прошлого году этот день. Я помню как на другой день мы ездили на гулянье Старик и старуха. Я помню палатку я помню лодку я помню хор мужиков, я помню оркестр Екатеринбурский, я помню иллюминацию с вензелем, я помню танцы Спирина и Тети Лизы я помню Сашу, Малю, Полю и меня сидевших около доброго П. И. Ахматова, я помню всех гостей, я помню милую Зинушу, мило танцующ[ую] с милой Лидушей, я помню милую Сестрицу, я помню всех и помню наконец бедного улетевшего из гнездышка простившего[ся] со всем более ему не возвратимым Петра Чайковского.

Теперь я сравниваю это с нынешним годом. Я провел это лето очень весело потому что я провел его в деревне. Часто вечером вспоминаю я об вас, об Алапаихе об Воткинске, я вспоминаю милую Тетеньку Надежду Тимофеевну которой уже более нет.

Но я провожу это время с такими людьми которые также, как и вы любят

Петра Чайковского.



24. А. А. Чайковской

[Петербург]
7 августа 1851 год

Милейший мой
Ангел Мамаша!

Я пишу вам одним потому что верно Папашу уж вы проводили до Шайтанска.

Мне все кажется что вы или в Казани, или в Нижнем Новгороде. Но я не думаю что бы вы бы не исполнили такую просьбу какова была моя вы верно сюрпризом поехали с Папашей. Я не буду вам много писать оттого что верно все это я делаю напрасно. Но если вас Папаша оставил в Алапаеве вам скучно так надо вас повеселить бабочка моя, которая любит своего Петрушку или Попку который вас обожает и который с жадностию ждет той минуты, чтобы поцеловать вашу прекрасную ручку. Папашину я наверно поцелую а вашу бог знает когда.

Прощайте мой Ангельская душка.

ваш Pierre.

Милая Сестрица.

Целую вас от всего сердца и благодарю за милое ваше письмо.

Петр Ч.

Целую ручки у Тети Лизы у Зины и Н[астасьи] П[етровны] и всех братишков и сестер.

Петр Чайковский.

25. А. А. Чайковской

[Петербург]
26 Авг. 1851 года

Верно вы одни теперь прекрасная мамаша и скучаете. Чем грустить моя драгоценная велите заложить себе коляску, укатите в Екатеринбург. А там бог даст Ив[ан] Иванович уговорит поехать в Казань, оттуда в Нижний Новгород, там Глафира Тимофеевна попросит поехать в Москву, там дядинька Петр Петрович уговорит поехать в дорогой Питер, а тут мы вас расцелуем так что вы и не поедете больше в противную Алапаиху останитесь жить вот тут и все. Впрочем может быть Папаша опять раздумал, опять не захочет поехать к своим цыплятам.

В день коронации я был с Платоном Алексеевичем у Спасителя, где мы с вами некогда путешествовали. Я поставил две свечки за вас и за Папашу.

В коронацию был ровно год, как мы с вами были в театре и смотрели «Жизнь за Царя».

Ожидаю с нетерпением Папашу. Но мы все думаем с Колей что вы приедете к нам.

Целую ручку у Тете Лизе, Сестрицы Зине и Наст[асьи] Петр[овны], Сашу, Полю Лидю, Малю, Мину, Катю, Толю, Модю расцелуйте.

Ваш сын просит вашего благословления.

П. Чайковский.

26. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. октября 7. Петербург.

Милые Папаша и Мамаша!

Вот уж это 2-рое письмо, которое я вам пишу.

Я опять совершено привык с тех пор как Папаша уехал но еще все когда вспомню об этих неделях как я у вас провел мне бывает скучно.

Тетя Лиза которая хотела приезждать ко мне совершенно забыла об нас забыла и ни разу у нас не была; причина я надеюсь та которую вам пишет Коля [1].

Надеясь на Декабрь и на Январь я очень, очень много утешаюсь и не замечая, как ско[ро] проходят минуты, часы, дни и недели. Мне кажется все что это не может быть! И душа моя как будто предчувствует что это непременно сбудется. И уже если бог как будто предсказывает это, то неужели не сбудется!

Верно вы не захотите мои Ангелы, чтобы все наши надежды не исполнились? Неужели все воздушные замки, которые я строю не исполнятся? Мне странно об этом подумать. И значит что все эти надежды непременно исполнятся.

Поцелуйте Зину и всех братьев и сестер.

Целую ваши ручки и прошу вашего благословления.

Ваш Сын

П. Чайковский.

27. И. П. и А. А. Чайковским

Mes chers et bons anges
Papa et Maman.

Déja les derniers jours du mois d'Oktobre déja l'hiver s'achemine à grands pas pour remplacer l'autômne, il n'y a plus ni de feuilles vertes, ni de gazon, le soleil en se fachant ne brille et ne réchauffe plus, on n'entend plus le beau ramage des hirondelles, on ne voit plus le ciel d'azur, et toute la nature semble s'atrister.

De quoi donc? est alle fachée, se fâchte t'elle? de ce que l'autômne est trop lente? Oui! c'est la cause de sa tristesse, elle veut que le moi de J a n v i e r arriver plus vite, elle veut que le moi de J u i n arrive plus vite, elle veut que toute la création devienne denouveau heureuse; oui! c'est-ce que je veux aussi... moi... je veux revoir un mélange de vert avec toutes les couleurs imaginables mais ce que je veux le plus, je veux revoir mes anges!

La Néva pas longtemps s'est couverte de glaçons, et il n'y a plus de ponts. C'est pourquoi chaque Samedi M. Platon a beaucoup de dificulté à envoyer nous chercher. Encore je vous prie un o u i! ... et un n o n. C'est tout ce que je veux.

Adieu, mes Anges, Papa et Maman. Je baise tout le monde. Je prie votre bénédiction.

Pierre Tschaikovsky.

le 28 Octobre l'an 1851.

Мои милые и добрые ангелы!
Папаша и Мамаша.

Наступили уже последние дни октября и уже зима быстрыми шагами приближается, чтобы сменить осень; нет больше ни зеленых листьев, ни травы, солнце, рассердившись, не сияет и не греет больше, не слышно красивого щебетанья ласточек, не видно лазурного неба, и вся природа становится печальной.

Но почему? Сердится ли она, что осень слишком длинна? Да! Это причина ее грусти, она хочет, чтобы январь пришел скорее, чтобы июнь наступил скорее, она хочет, чтобы все творение стало снова счастливым; да! это то, чего и я хочу ... я хочу увидеть сочетание зеленого со всевозможными красками, но больше всего я хочу увидеть вас, моих ангелов!

Недавно Нева покрылась льдом, и мостов больше нет. Поэтому г-ну Платону трудно посылать за нами каждую субботу. Еще раз прошу сказать да!... и нет! Вот все, чего я хочу.

Прощайте, мои ангелы Папаша и Мамаша. Целую всех. Прошу вашего благословения.

Петр Чайковский.

28 октября 1851 г.

28. И. П. и А. А. Чайковским

Le 11 Novembre l'an 1851. St. Petersbourg.

Mes anges et mes bons Papa et Maman!

Je dois vous dire: mais ne vous chagrinez pas que ce dimanche je suis puni pour les trois mauvaises notes que j'ai reçu pendant la semaine. J'éspére et j'ose mème vous dire et vous promettre que cela n'arrivera plus jamais. Au moi décembre quand vous reviendrez denouvau alors j a m a i s, j a m a i s, vous n'entendrez pas des mots de M. Berrard dire qu'il est mécontent de moi. Mais aprésent M. Berrard trouve que je me suis changé; si c'est come ça alors je tâcherai de tout mon possible de se corriger. Mais peut étre vous écrira-t-il quelque chose de moi; alors vous saurez tout. Mais j'aime toujour M. Berard comme un Ange. Après vous il est aussi mon pére; et comme s'est déja sur que nous perdrons M. Berrard ici à l'école et comme nous aurons un nouvel protecteur jamais je ne l'aimerai comme M. Berrard. Mais M. Berrard que je suis un peu faux voici danquels accidents. Une fois je jouais du piano lorsque quelques éléves passèrent par la sale ou je jouis. Je jouais une polca et plusieurs commencérent à danser. Aprés eux survinrent des autres et firent le méme. M. Berrard qui se trouvait enbas entendit un bruit qui se faisait audessu de lui. Il se dépéche d'aller l'arréter. Comme mes camarades entendirent que la porte s'ouvre, ils courrurent à l'instant. Je restai seul et

M. Berrard me demanda qui étaient les danseurs. Il y en avait tant que dans mon embarras je les oubliai. Alors l'éléve qui était alors de service survint et lui raconta ceux qui dansaient. Mais Berrard me regarda alors avec mécontentement et me dit que c'était de la fausseté. Je n'ai pas besoin de vous raconter les autres détails parceque quand vous viendrez ici à St. Petersbourg vous saurez tout. J'attend cette semaine ou vous arriverez ici.

Je baise mille fois vos mains et je baise aussi tout le monde.

Je prie votre bénédiction.

P. Tschaikovsky.

С.-Петербург. 11 ноября 1851 г.

Мои ангелы и мои добрые Папаша и Мамаша!

Я должен сказать вам: но не огорчайтесь, что в это воскресенье я наказан за три плохих отметки, которые получил за неделю. Надеюсь и осмеливаюсь даже сказать вам и пообещать, что этого никогда больше не будет. В декабре, когда вы снова вернетесь, вы никогда, никогда не услышите от г. Берара, что он недоволен мною. Но теперь г. Берар находит, что я изменился; если это так, то постараюсь исправиться. Но может быть он напишет вам что-нибудь обо мне, тогда вы будете знать все. Но я все-таки люблю г. Берара как ангела. После вас он тоже мой отец; а так как уже известно, что мы потеряем г. Берара в училище и у нас будет новый воспитатель, я никогда не буду любить его так, как г. Берара. Но г. Берар [считает], что я немного виноват вот в каких случаях. Однажды, когда я играл на рояле, несколько учеников проходили через залу, где я находился. Я заиграл польку и некоторые начали танцовать. После них пришли другие и начали делать тоже самое. Г. Берар, который был внизу, услышал шум, происходивший над ним. Он поспешил пойти остановить его. Когда мои товарищи услышали, что дверь открывается, они сейчас же убежали. Я остался один и г-н Берар меня спросил, кто танцовал. Их было так много, что от смущения я их позабыл. Тогда дежурный ученик пришел и сказал, кто танцовал. Берар посмотрел на меня с недовольством и сказал что это была ложь. Мне не надо рассказывать вам другие подробности, потому что, когда вы приедете сюда в С.-Петербург, вы узнаете все. Жду ту неделю, когда вы приедете сюда.

Целую ваши ручки тысячу раз и целую также всех.

Прошу вашего благословения.

П. Чайковский.

29. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. ноября 18. Петербург.

Chers Papa et Maman!

Je vous aî déja ecrit que j'étais retenu deux fois pour le Dimanche. Je ne sais pas moi-méme ce qui m'est arrivé. Il m'est difficile dans la première sexion. Je vous en prie ne vous chagrinez pas parceque quand vous viendrez ici tout vous sera raconté.

Je vous attend avec la plus grande impatience parcequ'alors je serais toujours tout-à-fait en repos. Mais aprèsent je ne sais pas pourquoi nous ne recevons pas si longtemps de vos lettres. Aujourd'hui il est déja Novembre de sorte que si vous avez ténu votre promesse il ne nous reste qu'un moi.

Je vous attend avec une telle impatience que je serais le plus heureux de touts les hommes quand vous viendrez.

Je baise Zina et tout le monde.

Je prie votre bénédiction.

Pierre de Tschaikovsky.

Милые Папаша и Мамаша!

Я писал уже вам, что меня два раза оставляли в воскресенье. Сам не знаю, что со мной случилось. Мне трудно в первом отделении. Прошу вас не огорчаться, потому что, когда вы приедете сюда, вам будет все рассказано.

Жду вас с огромным нетерпением, потому что тогда я буду совсем спокоен. Не знаю, почему мы не получаем теперь так долго ваших писем. Сегодня уже ноябрь, так что, если вы сдержали свое обещание, нам остается только месяц.

Жду вас с таким нетерпением, что буду самым счастливым человеком, когда вы приедете.

Целую Зину и всех.

Прошу вашего благословения.

Петр Чайковский.

30. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. ноября 23. Петербург.

Какая приятная эта неделя! праздников куча! Воскресенье был день Ангела Платона Алексеевича, нам было очень весело и только на один день уехали в училище сегодня уже опять дома. У нас так как был большой праздник, то вчера (т. е. накануне) непустили меня потому что у нас надо ходить в церковь. Жду с нетерпением вашего письма, которое еще не получилось.

Целую Зину, Сашу, Полю, Наст[асью] Васильев[ну], Толю, Модю, Лидию, Наст[асью] Петровну и всех.

Прощайте милые Ангелы целую ваши ручки и прошу вашего благословления. Ваш сын

П. Чайковский.

31. И. П. и А. А. Чайковским

С. Петербург.
2 декабря 1851 г.

Chers Papa et Maman.

Est ce que j'ose vous reprocher, que vous ne viendrez pas encore vivre pour toujours ici. Non! je vous remercie encore

beaucoup mon Ange Maman que vous viendrez ici, oh! que nous serons heureux il y a déja plus d'un an que je ne vous ai pas vu. O! que je serai heureux quand je pourrai baiser votre main, quand je pourrai vous embrasser. Alors je serai le plus heureux des mortels, et j'ai denouveau beaucoup d'espérance que je vous verrai.

Déja il ne reste plus qu'une semaine jusqu'à votre arrivé puisque vous voulez venir pour Noël.

Je prie à Dieu chaque jour pour qu'il vous comble de biens pendant le voyage ma chére Maman.

Se sera aussi très bien que vous viendrez l'année prochaine. Je vous attend mon cher Ange Maman et je crois que vous viendrez ici et que vous tiendrez votre promesse.

Je remercie bien mon Ange Papa que vous envoyez chez nous des choses les plus précieuses p o u r n o u s du monde.

Je prie votre bénédiction

Votre fils

Pierre Tschaikovsky.

Ma chère et bonne Zina.

Je te baise de tout mon coeur et je t'attend avec impatïence chez nous à St. Petersbourg.

Ton frère qui t'aimera toujours

Pierre Tschaikovsky.

Je vous baise mille fois Sacha et Pola baisez aussi pour moi Tola et Moda.

Votre frère

Pierre Tschaikovsky.

Милые Папаша и Мамаша.

Разве я смею упрекать вас, что вы не приедете еще сюда жить навсегда. Нет! еще раз благодарю вас, мой ангел Мамаша, что вы приедете сюда; о! как счастливы мы будем; уже больше года я не видел вас. О! как счастлив я буду, когда смогу поцеловать вашу ручку, когда смогу вас обнять. Тогда я буду самым счастливым из смертных, и я опять очень надеюсь, что увижу вас.

Уже остается только неделя до вашего приезда, потому что вы хотели приехать на рождество.

Каждый день молюсь богу, чтобы он осыпал вас своими благами во время путешествия, моя милая Мамаша.

Очень хорошо будет, что вы приедете в будущем году. Жду вас, мой милый ангел Мамаша, и верю, что вы скоро приедете и сдержите свое обещание.

Благодарю очень моего ангела Папашу за то, что вы посылаете нам самое драгоценное, что есть д л я н а с на свете.

Прошу вашего благословения.

Ваш сын

Петр Чайковский.

Моя милая и добрая Зина.

Целую тебя от всего сердца и жду тебя с нетерпением к нам в С.-Петербург.

Твой брат, который будет всегда любить тебя

Петр Чайковский.

Целую вас тысячу раз, Саша и Поля, поцелуйте за меня Толю и Модю.

Ваш брат

Петр Чайковский.

32. И. П. и А. А. Чайковским

1851 г. декабря 10. Петербург.

San doute chers Papa et Maman que la nouvelle que vous ne viendrez pas ici nous a beaucoup chagriné! et si ma chére Maman vous ne viendrez pas ici au moi de Décembre nous serons encore doublement tristes.

Mais j'ose encore avoir l'éspérance que vous viendrez ici ma chére Maman, au moi de Janvier, et ça ne sera pas denouveau vous viendrez l'été.

Je vous félicite de tout mon coeur et avec les fétes de Noël.

Comme pas longtemps j'avais l'ésperance de passer cette grande féte avec vous, aprésent je l'ai perdu entiérement, et je me consolerai en me rappelant comme je les passai, a Votkynsk, à Alapaeff, et à Pétersbourg il y a déja 3 ans.

Je baise tout le monde, Zina, Sacha, Pola, Tola, Moda, Lydie, ma chere cousine Anastasie, Настася Петровна et enfin tout le monde et leur souhaite tous les biens du monde. Je vous félicite encore une foix mes Anges et je prie Dieu de vou donner tous les bien imaginable.

Je prie votre bénédiction et je baise mille fois vos mains.

Votre fils

Pierre Tschaikovsky.

Конечно, милые Папаша и Мамаша, известие, что вы не приедете сюда, очень нас огорчило! и если вы, моя милая Мамаша, не приедете сюда в декабре, мы будем грустить вдвойне.

Но я смею еще надеяться, что вы приедете сюда, моя милая Мамаша, в январе, а если этого опять не будет, то вы приедете летом.

Поздравляю вас от всей души с праздником рождества.

Еще недавно я надеялся провести этот большой праздник с вами, теперь эта надежда потеряна совершенно, и я буду утешаться воспоминанием о том, как я проводил его в Воткинске, Алапаевске и в Петербурге три года тому назад.

Целую всех, Зину, Сашу, Полю, Толю, Модю, Лиду, мою милую кузину Анастаси, Настасью Петровну, словом, всех и желаю всех благ мира. Поздравляю вас еще раз, мои ангелы, и молю бога дать вам все блага жизни.

Прошу вашего благословения и целую тысячу раз ваши ручки.

Ваш сын

Петр Чайковский.

1852

33. И. П. и А. А. Чайковским

1 Janvier 1852.

Chers Papa et Maman!

Je vous félicite de tout mon coeur avec le nouvel-an et je vous désire touts les biens imaginables.

Pas longtemps nous avons reçu votre lettre dans laquelle vous écrivez que nous demandions M. Platon de nous mener au théatre. Tout était pret pour partir Dimanche au théatre mais il y eut un temps horrible et c'est ce qui nous empécha d'aller au théatre. Mais bientot nous irons, parceque il est content de nos balles.

Sa petite fille avait la rougeole mais aprésens elle est mieux quoiqu'elle a un toux assez fort.

Vous vous fachez chers Parents que nous étions punis touts les deux mais soyez sûrs que cela nous n'arrivera jamais d'au tant plus, que l'année 1852 est commencée.

Pas longtemps M. Platon envoya Nicolas regarder les Girafes et comme il raconte ce sont de si grands animaux que c'est affreux. Il a vue aussi une tortue qui doit vivre 1000 ans. Je n'étais pas avec lui parce que j'avais un peu mal à gorge, et à la tête.

Aprésent je suis grace à Dieu, tout-a-fait bien portant. M. Platon vous félicite aves le novel-an.

Votre fils vous prie votre bénédiction, baise mille fois vos main et felicite tous ses soeur, frére, cousins, cousines ainsi que toute la maison.

Pierre.

1 января 1852.

Милые Папаша и Мамаша!

Поздравляю вас от всего сердца с новым годом и желаю вам всех благ, какие только можно себе представить.

Недавно мы получили ваше письмо, в котором вы пишете, чтобы мы попросили г. Платона повести нас в театр. Все было готово, чтобы отправиться в воскресенье в театр, но погода была ужасная и помешала нам поехать туда. Но скоро мы пойдем, потому что он доволен нашими отметками.

У его внучки была краснуха, но теперь ей лучше, хотя у нее довольно сильный кашель.

Вы сердитесь, милые родители, что мы оба были наказаны, но будьте уверены, что этого с нами больше не будет, тем более что начался 1852 год.

Недавно г. Платон послал Колю смотреть жирафов и, как он рассказывает, это такие огромные животные, что просто ужас. Он видел также черепаху, которая должна жить 1000 лет. Я не ходил с ним, потому что у меня немного болело горло и голова.

Теперь, слава богу, я совсем здоров. Г. Платон поздравляет вас с новым годом.

Ваш сын просит вашего благословения, целует тысячу раз ваши ручки и поздравляет всех своих сестер, братьев, кузенов, кузин, а также весь дом.

Петр.

34. И. П. и А. А. Чайковским

1852 г. января 5—6. Петербург.

Chers Papa et Maman.

Je vous baise la main de tout mon coeur mes Anges et je ne sais pas méme comment exprimer comme je vous aime.

Avant-hier Tante Lyse a été chez nous c'est á dire chez Nicolas parce que j'étais déja à l'école de Droit. Elle vous salut de tout son coeur, et vous baise mille fois.

Vraiement aujourd'hui je n'ai rien pour vous écrire — éxcepté que je vous aime et je vous adore.

Pas longtemps je jouais à l'école du piano. Je commencais à jouer «Соловей» tout à coup je me rappelle comme je jouais cette piéce autre fois. Une tristesse affreuse s'empare de moi: tántôt je me rappelais comme je la jouais à Alapaeff le soir et vous écoutiez, tantôt je me rappelle comme je la jouais il y à quatre ans à St. Pétersbourg avec mon maitre M. Philippoff, tantot je me rappelais comme vous chantiez avec mois ensemble cette pièce en un mot je m'étais rappelé que c'était toujours votre pièce favorite[1]. Mais bientôt denouveau une éspérance brille dans mon ésprit: je crois: tel jour ou telle nuit vous viendrez denouveau, et je serai denouveau dans ma

maison paternelle. Je vous baise les mains autant de fois que de gouttes dans la mer.

Je prie votre bénédiction.

Votre fils

Pierre Tchaikovsky.

P. S. La petite fille de Monsieur Platon est malade, et c'est pourquoi il ne peut pas aller avec nous demain au thèatre.

Hier le 5 Janvier j'etais au théatre, je n'ai pas le temps de vous le décrire. Je vous remercie.

Pierre.

Милые Папаша и Мамаша.

Целую ваши ручки от всего сердца, мои ангелы, и не знаю даже, как выразить, как я вас люблю.

Позавчера тетя Лиза была у нас, т. е. у Коли, потому что я уже был в Училище правоведения. Она кланяется вам от всего сердца и целует вас тысячу раз.

Сегодня мне, правда, нечего написать вам, кроме того, что я вас люблю и обожаю.

Недавно я играл в училище на рояле. Я начал играть «Соловья» и вдруг вспомнил, как играл эту пьесу раньше. Ужасная грусть овладела мною: то я вспоминал, как играл ее в Алапаеве вечером и вы слушали, то как играл ее 4 года тому назад в С.-Петербурге с моим учителем г. Филипповым, то вспомнил, как вы пели эту вещь со мной вместе, одним словом, вспомнил, что это всегда была ваша любимая вещь [1]. Но вскоре появилась новая надежда в моей душе: я верю: в такой-то день или в такую-то ночь вы снова приедете и я снова буду в родном доме. Целую ваши ручки столько раз, сколько капель в море.

Прошу вашего благословения.

Ваш сын

Петр Чайковский.

P. S. Внучка господина Платона больна, и потому он не может пойти с нами завтра в театр.

Вчера, 5 января, я был в театре, но у меня нет времени описать вам это. Благодарю вас.

Петр.

35. И. П. и А. А. Чайковским

1852 г. январь. Петербург.

Chers Papa et Maman!

Comme notre nouvel protecteur M. Thibaux je vous l'ai déja écrit il est si bon que je ne puis vous le décrire. Il a tourné son attention principalement sur l'apprentissage. Pendant notre préparation il ne nous donne pas une minute d'oisiveté ce qui nous fait beaucoup du bien, et c'est aussi pour cela que je ne puis vous écrire beaucoup.

Nous avons passé très gaiement le temps chez Tante Lyse où nous étion le Dimanche dernier. Le plus grand plaisir

était en lisant votre lettre, et sur tout ces mots: «par notre prière générale Papà s'est décidé de venir au moi de Mai pour tout-à-fait». Comme j'ai été effrayé en lisant que le bon docteur Kemmerling [?].

J'éspére, j'attend ce jour heureux quand vous viendrez à St. Petersbourg.

Comme je vous ai promis de vous raconter la suite de «Волшебный Стрелок» mais je vous assure mes Anges je n'ai pas le temps. J'entends la sonnette, on se rassemble... Le maître entre en classe. Adieu!.. Adieu... jusquà la lettre prochaine.

Je prie votre bénédiction

P. Tchaikovsky.

P. S. C'est très mal de la part de Sacha qu'elle ecrit à ses cousines Mala, Aline et à ses frères pas un mot.

Милые Папаша и Мамаша!

Наш новый воспитатель г. Тибо, как я уже вам писал, так добр, что я не могу вам его описать. Он обратил внимание главным образом на занятия. Во время приготовления уроков он не дает нам лениться ни одной минуты, что для нас очень хорошо, и потому я не могу много писать вам.

Мы очень весело провели время у тети Лизы, где были в прошлое воскресенье. Самое большое удовольствие было чтение вашего письма, особенно этих слов: «по нашей общей просьбе папа решил приехать совсем в мае». Как я напугался, когда прочел, что добрый доктор Кеммерлинг [?].

Надеюсь и жду того счастливого дня, когда вы приедете в С.-Петербург.

Хотя я обещал рассказать вам продолжение «Волшебного Стрелка», но уверяю вас, мои ангелы, что у меня нет времени. Слышу звонок, все собираются... Учитель входит в класс.

Прощайте!.. прощайте... до следующего письма.

Прошу вашего благословения.

П. Чайковский.

P. S. Очень нехорошо со стороны Саши писать своим кузинам Мале и Алине и ни слова своим братьям.

36. И. П. и А. А. Чайковским

1852 г. марта 13. Петербург

Милые и прекрасные мои родители!

Сегодня мы первый раз еще читали такое счастливое письмо.

Вы нам пишите прекрасные ангелы, что вы приедите в Мае, и так значит мы и не увидим, как пройдет Март и Апрель, и как настанет этот счастливейший месяц в году. Как будем мы счастливы когда расцелуем вас прекрасные мои; я от радости скакну до потолка.

Вот уже опять настает счастливая весна, нам только ее и надо, а потом уже будет всегда весело, мы будем вас видеть каждую Субботу: тогда уже в полном смысле можно будет сказать что мы счастливейшие из людей потому что после 2-хлетней разлуки (мне) или после четырехлетней (Николеньке) очень, слишком нельзя выразить как приятно. Прошлое Воскресение мы были у Тети Лизе, которая все еще так весела, как прежде.

На этой неделе я имел 2 раза 7 [1] и Ф. Ф. Тибо-Бриниоль не хотел меня отпустить раньше Воскресенья 11 час., но когда Платон Алексеевич приехал ко мне в Субботу, то M. Thibaux объявил ему, что я прощен.

Завтра я буду говеть и вспомню как прежде говел с вами.

Прощайте милые родители-ангелы. У меня больше нет новостей.

Прошу вашего благословенья.

П. Чайковский.

Chere Zinaide.

Je vous remercie beaucoup ma chère soeur que vous avez eu la bonte de m'écrire. J'étais enchantés.

Je voulais te demanaer mon anqe si M. Thibaux-Brinîol a été dans les petites classes de l'institut le maitre de geographie. Je te baise mille foix.

Ton frére
Pierre *.

Милые мои Поля и Саша!

Очень благодарю вас за письмо ваше мои Ангелы: прошу вас писать почаще мои Ангелы. Целую вас.

Ваш брат
П. Ч.

37. И. П. и А. А. Чайковским

Петербург
16 марта 1852 года

Милые и прекрасные родители!

Прежде всего поздравляю вас с праздниками. Последний раз вы проводите их в Алапаеве, потому что через два месяца вы будете здесь.

---

* Дорогая Зина.

Я очень тебе благодарен, милая моя сестра, за то, что ты была так добра, что написала мне. Я был в восторге.

Я хотел спросить тебя, мой ангел, не был ли учителем географии в младших классах института г. Тибо-Бриньоль. Целую тебя тысячу раз.

Твой брат
Петр

Вчера мои прекрасные я читал письмо в котором вы пи-шите чтоб я очень старался выдержать экзамен; вы говорите 10 ваканций, но вы верно не знаете, что 120 кандидатов значит кандидатов в 12 раз более. Как же могу я поступить в Училище, если мне 11 лет; а другим 15 лет которые уже три года сидят в 1 Отделении и мучутся, чтобы поступить в VII класс Училища. И потому милые родители много есть сомнений что я непоступлю в училище этот год и вернее что я непоступлю, но останусь еще на год в 1 Отд[елении] Приг[отовительного] класса, чего мне очень, очень, очень не хочется. Нечего делать! это редко случается чтобы воспитанник который бы с первого года мог поступить. Может быть что я выдержу экзамен, мои прекрасные, и это наверно будет: но по конкуренции или по недостатку я не поступлю потому что я один из самых молодых но 15 летние будут приняты, потому что если они непоступят то каррьера их будет очень незавидна. И потому не огорчайтесь мои Ангелы если я не поступлю, зато уже будущий год без всяких сомнений. Из этого милые Ангелы не думайте что я не хочу стараться, потому что я до сих пор очень стараюсь: но с сегодняшнего дня я буду в трое больше стараться, потому что знаю, что это будет для вас величайшая радость, если я поступлю [1]. Я буду просить M. Thibaux, чтобы он вам написал письмо обо мне. На этой недели мы говели. Вчера я приобщался.

Целую всех моих добрых сестер и братьев! Прошу вашего благословения

Ваш сын
П. Чайковский.

38. И. П. и А. А. Чайковским

[Петербург]
Пятница 28 Марта 1852.

Сегодня такой день мои прекрасные родители, что нельзя писать по французски.

Сегодня страстная Пятница: после завтра начнется Святая Неделя. Сегодня целый день буду читать или евангелие или щипать шолк.

Время я провожу очень весело. Конечно без вас, но зато Платон Алексеевич и Мария Петровна и все так добры что нельзя выразить. Вот уж начинается весна, Нева скоро разойдется, по ней уже запрещено ездить. Когда вы получите мое письмо, то прекрасная ваша Н е й в а, которая отличается от нашей реки только одной *й* верно разойдется. Видите, как я

уже привык жить в Питере, что даже говорю: наша Нева, у нас; одним словом совершенно как житель Петербурга.

Но вот скоро, скоро я не буду писать вам письма, а буду говорить с моими Ангелами лично. Ах как приятно будет первый раз в жизни приехать домой из Училища, посмотреть на вас, расцеловать вас, мне кажется что это будет для меня самое большое из счастий, которые со мной случались.

Вы, Зина, Саша, Поля, Толя, Модя, Лида, Настасья Васильевна, моя добрая и чудесная сестрица, Тетя Настя, все эти новые лица, перемены будут мне казаться сном, я не буду верить самому себе. В Субботу Платон Алексеевич, был так добр что приехал за мною, повез на вербы, велел мне выбрать вещи, которые мне понравятся.

Прошлое письмо я вам писал: поздравляю вас с праздниками, а теперь могу сказать: Христос воскресе: и вообразите у меня такие уши не ослиные что я слышу что вы мне отвечаете: «Воистину воскресе». Уж вы меня как хотите браните а яичко я вам не могу прислать, и потому вообразите что у вас в руках яйцо, а я с своей стороны буду думать что у меня в руках ваше яйцо.

Вчера я был очень рад что нашел между газетами такую, которая Сентября месяца, а именно 14-аго, и чтоже: Санкт Петербургские городские известия в Северной пчеле.

Приехали в С.-Петербурге
Чайковский.

Я хотел сберечь газету или вырезать то место, где ваше имя, да нечаянно потерял.

Целую Зину, Сашу, Полю, Толю, Модю, Лиду, Н[астасью] В[асильевну], Тетю Настю (добрую душу чудесную) и одним словом всех.

Прошу ваше благословление.

Прощайте... го-го!!! как ошибся. До свидания! мои Ангелы душички и все возможное [1].

Ваш сын
. . . . . Чайковский

P. S. Ich grüsse meine lieben Madamen Kemerling und besonders Каролина Даниловна *.

---

* P. S. Кланяюсь милой госпоже Кемерлинг и особенно Каролине Даниловне.

А. П. Давыдова
1870 г.

1861

39. А. И. Давыдовой

С.-Петербург,
10 марта 1861 г.
После обеда. (За обедом была солянка и корюшка).

Сейчас, Саша, прочитал твои письма к Папаше и к Мале. Сквозь них видны такая грусть, такое тихое, но мрачное безнадежие, что мне стало и жалко и досадно. Как тебе не стыдно быть в таком расположении духа? Забудь прошлое, гони от себя милые воспоминания, — смотри смело вперед; ты увидишь, сколько тебе предстоит тихих радостей, сколько счастия. К августу уж ты мать! [1]. Тут кстати являются к тебе тетя Лиза и Маля; в возне с ребенком год пройдет незаметно; там поездка хоть ненадолго в Петербург, свидание с друзьями, родными, — да, право, я бы хотел быть на твоем месте. А муж, которого ты любишь? Нет, ободрись, старайся только быть здоровою и, главное, не заглядывай в прошедшее, приучи себя к этому, и ты увидишь, что перестанешь грустить.

В моем образе жизни с твоего отъезда ничего не переменилось. Только поездка в Медведь вывела меня на несколько времени из обычной колеи [2]. Про Медведь тебе уж, вероятно, все известно от Мали. Сашенька Карцова много переменилась в свою пользу; куда девалась прежняя сухость, бесцветность? У ней теперь столько жизни, что как посмотришь на нее, так весело сделается. Участвовал там в спектакле и исполнил две роли довольно удачно. Летом еще не знаю, где буду, легко может статься, что прикачу на несколько дней и к Вам, а может быть, и заграницу махну, коли Папаша будет в состоянии удружить деньгами. Теперь великий пост с своим вонючим маслом, тощими рыбами, живыми картинами, оттепелью и скверными дорогами, ефимонами, прежде и после освящены-

ми обедами и конным цирком. Масляницу провел очень бурно и глупо. Простился со всеми театрами, маскарадами — и теперь успокоился; а все-таки дома не сидится. Сейчас отправляюсь к Пиччиоли [3], у которых хочу поговорить по-итальянски и послушать пения. Откладываю письмо до возвращения домой.

12 часов ночи

Я был у Пиччиоли. Оба они так же милы, как прежде. Она велела тебе передать тысячу поклонов и сказать, что любит тебя по-старому. Домой возвратился рано, так что успел поужинать. Увы! тощая жареная рыба не утолила моего аппетита. От скуки я потормошил Амалию, т. е. насильно заставил ее пробежаться раз десять по зале. За ужином говорили про мой музыкальный талант. Папаша уверяет, что мне еще не поздно сделаться артистом. Хорошо бы, если так; но дело в том, что если во мне есть талант, то уж наверно его развивать теперь невозможно. Из меня сделали чиновника, и то плохого; я стараюсь по возможности исправиться, заняться службою посерьезнее, — и вдруг в то же время изучать генерал-бас? Что твое пение? От него, признаюсь, я не ожидаю ничего хорошего. Ты, вероятно, и не дотрагиваешься до фортепиано и не смотришь на ноты, столь усердно собранные и посланные тебе г-ом фон-Дервизом. Сей последний выздоровел, к великой радости тети Лизы и всего русского народа, а в особенности каретного извозчика Спиридона, на котором он все еще ездит.

В воскресенье объявлена свобода [4]. Я нарочно ходил в приходскую церковь, чтоб видеть впечатление, которое манифест произведет на мужичков. В этот день в опере оркестр три раза играл «Б о ж е, ц а р я х р а н и», при громких и восторженных криках всего собрания. После Вашего отъезда в опере ничего замечательного не давали: все одно и то же. «Вильгельм Телль» дали по крайней мере раз десять. Саша! Напиши-ка Амалии (только не говори, что по моему совету), чтоб она не поступала на сцену. Я про это с ней никогда не говорил, — да ты ведь знаешь, что я не очень разговорчив, когда дело идет серьезное, потому что вмешиваться не люблю. Во-первых, хотя у ней и есть задатки дарованья, но едва ли она будет в состоянии встать на первый план, а быть такой актрисой, как какая-нибудь Подобедова, не стоит, а во-вторых, даже если допустить, что у ней огромный талант, кто может поручиться за успех? Что, если она не произведет впечатления? Тогда для нее все погибло; едва ли в таком случае ее возьмут замуж,

а остаться старой девой, да притом неудавшейся актрисой — участь незавидная. [...]

Так не скучай же, Саша. Скоро уж лето! То-то у Вас будет хорошо! Лева, целую тебя тысячу раз во все приличные отверстия. Ради бога, господа, не стесняйтесь, не пишите мне отдельно. Я понимаю, что невозможно Вам всем писать. Конечно, оно очень приятно было бы, но я этого не требую. Сам же буду Вам писать по возможности часто.

Целую тебя, Саша, крепко, крепко, крепко.

П. Чайковский.

40. А. И. Давыдовой

С.-Петербург,
9 июня 1861 г.

Наконец я собрался написать к тебе, Саша. Уж не сердись, что так редко; я в первом письме выразил, кажется, с какой точки зрения я смотрю на письмо... Как тебе небезызвестно, я еду за границу; ты можешь себе представить мой восторг, а особенно, когда примешь в соображение, что, как оказывается, путешествие мне почти ничего не будет стоить: я буду что-то вроде секретаря, переводчика или драгомана Писарева... Конечно, оно бы лучше и без исполнения этих обязанностей, но что же делать?..[1]

Путешествие это мне кажется каким-то соблазнительным, несбыточным сном. Покамест не сяду на пароход[2], я не могу поверить, что все это действительно... Я! в Париже, в Швейцарии, — это даже смешно. А ты, бедная, — сам-друг? Не бойся, я испытал это интересное положение,— это совсем не страшно. Бабушка у меня была хорошая, и если у тебя такая же будет, — так это отлично.

Живу теперь попеременно то на Головке, в которой ничего не переменилось, то у себя внизу. Наверху воцарилась Маврунька и сейчас только поила меня преизрядным кофе. В то время, как я усердно глотал эту волшебно упоительную жидкость, она два часа мне говорила про то, что ты была всегда в большой вражде с какой-то Ньюшой Мерц. Я доказывал, что ты даже ее никогда не знала, но она утверждает, что были какие-то столкновения с Ньюшей и тобой. Когда будешь говеть в будущем году, не забудь с Ньюшей помириться.

Вчера я обедал у Сони Адамовой. Она все еще жалеет, что ты не вышла за Моля (который, между прочим, на-днях женится!). Софи похорошела и пополнела, слава богу, а то ведь как спичка была. Говорят, она в интересном положении, чему

виною, как слышно, отставной генерал-майор Друри, бывший любовник Авдотьи Яковлевны. Сия последняя совершенно погибает от любви. A propos *. Софи Адамова рассказывала мне, что в прошлом году Вареньки обе были в меня серьезно влюблены и что даже Катоновна подверглась за это сильнейшим притеснениям со стороны Надежды Савишны, а слез сколько было пролито! Рассказ этот крайне польстил моему самолюбию...

Недавно я познакомился с некою М-me Герингросс и влюбился немножко в ее старшую дочку. Представь, как странно? Ее все-таки зовут Софи. Софи Киреева, Соня Лапинская, Софи Боборыкина, Софи Герингросс, — все Софьи! Вот много-то премудрости. Сегодня я за чашкой кофе мечтал о тех, по ком вздыхал. И поневоле имя Софья четыре раза сосчитал.

Извини, что письмо мое так глупо. Но я в хорошем расположении духа, а ты знаешь, в такие довольно редкие минуты у меня только глупость на уме. Не обещаю писать тебе из-за границы, зато буду аккуратно вести дневник и когда-нибудь тебе прочитаю. Думал о том, не заехать ли на возвратном пути к тебе, да денег, вероятно, не хватит, а крюк нужно будет сделать большой.

Поцелуй от меня благородного Льва Давыдова и пожелай ему успеха в управлении имением. Еще раз целую Вас обоих, и есмь ваш преданный

П. Чайковский.

41. И. П. Чайковскому

Берлин,
9/21 июля 1861 г.

Милый Папаша! Мы уже третьи сутки в Берлине; не писал Вам раньше, чтобы успеть собраться с впечатлениями. До самого Берлина путь наш мы совершили благополучно, — не особенно весело и не особенно скучно. В Динабурге нас посадили в очень удобный дилижанс, и через сутки уже мы были в Ковно[...].

От Ковно до границы три часа езды. Переезд через границу — минута поэтическая и торжественная, — все перекрестились, и последний русский часовой громко воскликнул нам: «С богом!», махнув знаменательно рукой. В Эндкундене уже немцы, пиво, талеры [...]. В Четверг рано утром мы приехали в Берлин и остановились в Hotel de St. Petersbourg, находящийся в самой лучшей улице и считающийся

первым. Одевшись и умывшись, мы отправились шляться по городу и наблюдали немецкие нравы. Город похож на Петербург, но в изгаженном виде. Воздух еще тяжеле и вонюче, а воды мы и не видали. Шпре — какая-то пародия на реку,— да и все у немцев пародия на других людей; ниже я сообщу Вам мои общие впечатления, а теперь расскажу по порядку, что мы делали. В первый день мы прошлялись до самого обеда по городу, а обедали в нашем отеле за table d'hôt'ом. Немецкая кухня, как она ни смешна, а пришлась мне довольно по вкусу; кушаний много и они сытны. Вечером отправились к Кролю (нечто вроде Излера); там множество народу, пьющего пиво и бессмысленно шляющегося по саду, освещенному газом и вообще устроенному довольно недурно; там встретились мы с двумя русскими, которые и ехали вместе с нами, и целым обществом отправились на шпицбал, где бывают все берлинские камелии. Если Вы хотите иметь понятие о берлинских женщинах, то представьте себе, положим, нашу прачку Катю, одетую только вдвое хуже, чем она обыкновенно одевается, отнимите от нее грацию, врожденную русским женщинам, руки ее положите в микроскоп, вместо ноги приставьте старый и огромный утюг, заставьте ее пробежаться, чтобы воняло пóтом, и вы будете иметь фотографию здешних дам. Танцы у них до того смешны, что мы с Василием Васильевичем приходили в ужас; наших танцев у них и в помине нет. Познакомившись с некоторыми женщинами, мы отправились на другой подобный же бал и вынесли из него те же впечатления. На другой день мы купили «Полярную звезду», которой Василий Васильевич так начитался, что с ним от раздражения нерв сделалось дурно, и за обедом он ничего не ел. После обеда отправились в театр; давали комическую оперу «Orpheus in Hölle». Театр какой-то летний, вроде большого балагана; декорации и вся обстановка — нищенские; актрисы, актеры, певицы, танцовщицы — все это ниже всякой критики. Потом опять были на балу и опять удивлялись отсутствию в берлинских дамах вкуса, манер, остроумия, веселости. Скажите тете Лизе и Саше, что во всем Берлине мы нашли только одну Гарибальди — и то на самой первой берлинской камелии, а все другие считают это какою-то недосягаемою роскошью.

Сегодня вечером отправляемся в Гамбург, а оттуда в Лондон на пароходе. Жизнь здесь недорога, но русский рубль принимается за что-то гораздо меньшее, чем талер. [...] Во всяком случае, путешествие доставляет мне огромное наслаждение, и этот подлый Берлин даже интересовал меня. Теперь

мы его, однако, изучили,— и довольно! Целую Вас крепко, крепко, передайте то же самое и всем нашим. Еще раз целую Вас. Пишите скорее в Антверпен на имя M-rs les frères Breuls, Anvers, Belgique для передачи Писареву.

Прощайте, напишу из Гамбурга.

П. Чайковский.

Позаботьтесь, Папаша, чтобы Толя и Модя не сидели сложа руки.

Пишу Вам адрес наш поподробнее. Адресуйте Belgique, Anvers, M-rs les frères Breuls, для передачи В. В. Писареву. Оставить впредь до востребования. Или адресуйте прямо в Париж, poste restante.

42. И. П. Чайковскому

Антверпен,
17/29 июля 1861 г.

Милый Папаша! В Гамбурге мы прожили неделю; извините, что оттуда не писал Вам, — все как-то не мог собраться с мыслями. Гамбург несравненно лучше Берлина. Квартиру мы занимали в лучшей части города, и с нашего балкона вид был превосходный. Вообще там неделя прошла незаметно, — увеселений множество. Каждый вечер мы проводили очень приятно: то какое-нибудь гулянье, то бал с женщинами двусмысленного поведения, которыми этот город изобилует, то посещение мест, где веселится низшая часть населения. Это чрезвычайно весело и разнообразно. Например, балаган какой-нибудь — вы входите, и Вам предлагают прокатиться на лошади верхом. Вы садитесь на деревянную лошадь, какой-то немец трубит в трубу, и Вас вертят до одурения, или большой балаган, где за десять копеек Вам и пляшут, и поют, и гимнастические штуки делают, и играют на фортепиано — и все это к величайшему восторгу зрителей. Русских в Гамбурге мы видели многих. Во-первых, постоянно виделись с двумя русскими моряками, с которыми Писарев имеет дело; во-вторых, с путешественниками, в числе которых я нашел двух товарищей по Училищу, весьма милых юношей. Едят в Гамбурге ужасно много и хорошо; обед за table d'hôt'ом длится два часа, и это стоит около восьмидесяти копеек. Кроме того там существуют погребки, в которых завтракать и ужинать можно и дешево и хорошо. Вообще оттуда я уезжал с некоторой грустью. Вчера мы приехали в Антверпен. Дорога от Кельна до Бельгии чрезвычайно интересна; туннелей бесконечное множество,— это меня очень занимало. Антверпен не произвел на меня особенно

приятного впечатления. Притом я надеялся получить от Вас письмо; получили ли Вы мое первое? В нем находился адрес в Антверпен. Во всяком случае надеюсь, что в Париже найду от Вас известия. Писарев уехал отсюда на целый день куда-то осмотреть заводы. Я совершенно один и порядочно скучаю; во всем городе нет ни одной души знакомой; попробовал сейчас пошляться, да ничего интересного нет. Боюсь, что придется здесь прожить довольно долго. Хотелось бы скорей в Париж; там скучно и быть не может. Извините, что сегодня письмо мое и коротко и скучно. Я нахожусь в довольно гадком расположении духа. Кланяйтесь всем нашим; когда Тетя Лиза едет? учатся ли Толя и Модя? Амалью видел сегодня во сне. А Мина много хохочет? Катя — объедается огурцами? Машурочке кланяйтесь. Авдотье Яковлевне, если она будет, скажите, что Гамбург совратил меня с пути истины, и тоже ей поклонитесь хорошенько.

П. Чайковский.

Пожалуй, что пишите в Париж, poste restante, или на имя Ольховских адресуйте. Попросите Амалию, Толю и Модю, если нечего делать им, написать.

43. И. П. Чайковскому

Лондон,
29 июля/10 августа 1861 г.

Милый Папаша! После Брюсселя, в котором время я провел не слишком весело, мы три дня прожили с Писаревым в Остенде. Здесь было очень хорошо. Я ужасно люблю море, особенно когда оно шумит, а в эти дни оно как нарочно сумасшествовало! Купался очень усердно. Дамы и мужчины купаются в открытом море вместе; не думаю, чтоб три купанья могли принесть пользу, а все-таки мне там как-то необыкновенно хорошо чувствовалось. Там мы очень сошлись с одной московской дамою, путешествующею с доктором. Она владетельница Шайтанского завода, урожденная Ярцова, а замужем была за генералом Кузьминым. Мы с ней вместе совершили путешествие в Лондон. Сей последний «дистанция-с огромного размера!» Мы поселились в довольно скромной гостинице и целые дни проводили в осматривании города. Только что сейчас ходил в Вестминстерское аббатство и в Парламент. Вчера и третьего дни мы были в Хрустальном дворце; здание действительно великолепное, но внутри как-то слишком пестро. Были также в Темзенском туннеле, где от духоты со мной чуть дурно не сделалось. Вообще я бы время

проводил очень приятно, если б меня не томила неизвестность об Вас. Письма ждут меня в Париже, и сердце мое рвется туда, а Василий Васильевич все откладывает. Лондон очень интересен, но на душу делает какое-то мрачное впечатление. Солнца в нем никогда не видно, дождь на каждом шагу. Мне чрезвычайно по вкусу здесь е д а. Кушанья просты, даже грубы, но сытны и вкусны. Третьего дня были в увеселительном саду К р е м о р н' е — подобного этому я ничего не видел. Когда входишь, так кажется что-то волшебное; там видел и старого знакомого Леотора. Были в концерте певицы П а т т и, которая в Лондоне производит страшный фурор, но на меня особенного впечатления не сделала. Оставляю место для Василия Васильевича. Поцелуйте покрепче Анатошку и Модю и кланяйтесь и целуйте всех остальных. Уехала тетя Лиза? Какие об ней известия?

Преданный Ваш сын

П. Чайковский.

44. И. П. Чайковскому

Париж,
12/24 августа [1861 г.]

Извините, драгоценный Папаша, что довольно долго молчал. В Париже поневоле закружишься и забудешься. Мы приехали сюда 2/14 августа, накануне именин Наполеона, праздновавшихся с большим великолепием, и на другой день утром встретились с Юферовым. Вы можете себе представить, как я был рад его увидеть, с какою жадностью я выслушивал все петербургские известия о Вас и всех других близких сердцу! Весь этот день мы прошатались по празднику. Иллюминации и фейерверк были баснословно хороши, и энтузиазм всеобщий. И это те самые французы, которые десять лет тому назад бесновались о республике? Потом отыскал и Николая Ивановича. Мы с ним вместе обедали и много смеялись. Лида живет в Нормандии на морских купаньях, и Николай Иванович тоже туда отправился [1]. Вообще жизнь в Париже чрезвычайно приятна. В нем можно делать все, что угодно, но только скучать нет никакой возможности. Стоит выйти на бульвары, и уж весело. Мы поселились вместе с Юферовым и целый день не расстаемся; когда дома, то играем на очень порядочном фортепиано, взятом на прокат за пятнадцать франков в месяц. За квартиру же платим втроем 150 франков. Доставляем себе многие удовольствия, которые вообще не дороги, но и не забываем посещать судебные места. О подробностях расскажу Вам устно. В театрах бы-

ваем почти каждый день и в опере были два раза («Трубадур» и «Гугеноты»). И исполнение и самые театры, конечно, гораздо ниже, чем в Петербурге, но постановка замечательно хороша и много ensembl'y. Что касается до Bal mabill'a и т. п., то не могу сказать, чтоб это было особенно хорошо. Театры доставляют большое удовольствие. Через неделю я поеду погостить к Лиде Ольховской и кстати покупаюсь. Что дальше будет, не знаю, во всяком случае в конце сентября я дома. Поцелуйте покрепче Толю и Модю и скажите им, что я постоянно о них думаю. 16 августа мысленно буду присутствовать на их экзамене. Не забудьте, Папаша, сказать экзаминаторам, что Толя и Модя приготовлены для 1-го, старшего отделения. Что они мне не пишут? Поцелуйте также Машуру и благодарите ее за милую приписку. То же самое и доброй моей Авдотье Яковлевне. Мина и Катя уже в Институте вероятно? Получили от Вас еще письма.

Целую Вас и обнимаю.

П. Чайковский.

45. А. И. Давыдовой

С.-Петербург,
23 [illegible]тября 1861 г.

По всем правилам следовало бы начать это письмо с извинений о долгом молчании, но это уж слишком обыкновенно, и я надеюсь, Саша, что ты на меня не в претензии. Что сказать тебе о моем заграничном путешествии? Лучше и не говорить о нем. Если я в жизни сделал какую-нибудь колоссальную глупость, то это именно моя поездка. Ты помнишь Писарева? Представь себе, что под личиной той b o n h o m i e *, под впечатлением которой я считал его за неотесанного, но доброго господина, скрываются самые мерзкие качества души; я до сих пор и не подозревал, что бывают на свете такие баснословно подлые личности; — теперь тебе не трудно понять, каково мне было провести три месяца неразлучно с таким приятным сотоварищем. Прибавь к этому, что я издержал денег больше, чем следовало, что ничего полезного я из этого путешествия не вынес, — и ты согласишься, что я дурак. Впрочем, не брани меня; я поступил, как ребенок, и только. Ты знаешь, что лучшею мечтою моей жизни было путешествие за границу, случай представился, la tentation était trop grande **, я закрыл глаза и решился.

---

* добродушия

** соблазн был слишком велик

Не заключи из этого, что за границей гадко или что путешествие вещь скучная. Напротив, но для этого необходима полная свобода в действиях, достаточное количество денег и какая-нибудь разумная причина ехать. В Париже мы жили с Юферовым, и это меня чрезвычайно утешало. Вот милый человек! Вообще в сем последнем городе были минуты чрезвычайно приятные. Если будешь зимой в Киеве, то, вероятно, будешь встречаться с неким г-м Гудимом-Левковичем; он всех Давыдовых хорошо знает и тебя тоже — по слухам; он расскажет тебе некоторые подробности, — мы виделись почти каждый день. Ты не поверишь, как я был глубоко счастлив, когда возвратился в Петербург. Признаюсь, я питаю большую слабость к российской столице. Что делать? Я слишком сжился с ней! Все, что дорого сердцу,— в Петербурге, и вне его жизнь для меня положительно невозможна. К тому же, когда карман не слишком пуст, на душе весело, а в первое время после возвращения я располагал некоторым количеством рублишек. Ты знаешь мою слабость? Когда у меня есть деньги в кармане, я их всех жертвую на удовольствие. Это подло, это глупо,— я знаю; строго рассуждая, у меня на удовольствия и не может быть денег: есть непомерные долги, требующие уплаты, есть нужды самой первой потребности, но я (опять-таки по слабости) не смотрю ни на что и веселюсь. Таков мой характер. Чем я кончу? что обещает мне будущее? — об этом страшно и подумать. Я знаю, что рано или поздно (но скорее: рано) я не в силах буду бороться с трудной стороной жизни и разобьюсь вдребезги, а до тех пор я наслаждаюсь жизнью, как могу, и все жертвую для наслаждения. Зато вот уже недели две, как со всех сторон неприятности: по службе идет крайне плохо, рублишки уже давно испарились, в л ю б в и — несчастие; но все это глупости,— придет время, и опять будет весело. Иногда поплачу даже, а потом пройдусь пешком по Невскому, пешком же возвращусь домой,— и уже рассеялся.

Поздравляю себя с Татьяной. Добрая будет женщина!

Возрадуйся, великая Татьяна!
Ликуй вся Русь. Вперяю взоры вдаль
И вижу я прелестну стройность стана,
Прекрасный лик, на нем турецку шаль;
И узнаю племянницу свою я —
Лясандры, Льва пленительную дщерь.
И счастлив я, я весел, я ликую!
(Ах! кончу я стихи мои теперь.)

Импровизация недурна. Я начал заниматься генерал-басом,

и идет чрезвычайно успешно; кто знает, может быть, ты через года три будешь слушать мои оперы и петь мои арии [1].

О смерти Алексеева тебе, вероятно, писали. Несмотря на известное тебе отвращение мое к мертвецам, я посещал панихиды очень аккуратно и вообще принимал большое участие в этом деле, за что получил от тети Кати 523 поцелуя и 6 рублей на издержки по хлопотам о дозволении вывезти тело из Петербурга.

Не лучше ли было бы мне вместо заграницы провести лето у тебя? Рассказы тети Лизы и Мали соблазняют меня до того, что я хоть сейчас бы уехал к Вам отдохнуть душевно, а потом бы в Питер опять бороться с жизнию. Увы! это невозможно. Разве летом на будущий год.

Расцелуй от меня Льва Давыдова как можно крепче, а Татьяну Львовну угости для меня лишний раз молочком. Благословляю тебя и твою династию.

Твой многоуважаемый брат
П. Чайковский

46. А. И. Давыдовой

Петербург,
4 декабря 1861 г.

Милая Саша! Если я довольно долго тебе не отвечал, то это оттого, что не знал, как приняться за письмо [1]. Не знаю, какими словами благодарить и за самую посылку, которая пришла ко мне в одну из тех минут, когда из затруднительного положения выводит неожиданный случай, и за ту деликатность, с которою ты все это сделала; я нисколько не мучаюсь в отношении к тебе тем безотчетным, тягостным чувством, которое испытывают самолюбивые люди в отношении к людям, оказавшим им услугу; ты так мило пишешь, что по прочтении твоего послания я чувствовал себя глубоко тронутым (да не покажется это тебе пошло) и ни минуты не сомневался, что никогда и никто не принимал во мне такого искреннего участья, как ты. Желаю, чтоб и мне пришлось когда-нибудь оказать тебе услугу...

Дела мои идут по-старому. На службе надеюсь получить в скором времени место чиновника особых поручений при Министерстве; жалованья двадцатью рублями больше и немного дела. Дай бог, чтобы это устроилось. Что касается до провинции, то едва ли я из Петербурга могу теперь выбраться. Я писал тебе, кажется, что начал заниматься теорией музыки и очень успешно; согласись, что с моим изрядным талантом (надеюсь, ты это не примешь за хвастовство) было бы неблагора-

зумно не попробовать счастья на этом поприще. Я боюсь только за бесхарактерность; пожалуй, лень возьмет свое, и я не выдержу; если же напротив, то обещаюсь тебе сделаться ч е м и н и б у д ь. Ты знаешь, что во мне есть силы и способности,— но я болен тою болезнью, которая называется о б л о м о в щ и н о ю, и если не восторжествую над нею, то, конечно, легко могу погибнуть. К счастью, время еще не совсем ушло[2].

Светская жизнь в Петербурге в полном разгаре; я приобрел несколько новых знакомств (именно: Сабуровы, М-me Савельева, М-me Герингросс, другая М-me Герингросс, М-me Козлова (не та, которая бывала у Бутовских) и вообще довольно часто бываю в обществе. В театрах бываю не так часто, как прежде; два вечера в неделю у меня заняты уроками; по пятницам поочередно у Пиччиоли и у Бонне, по воскресеньям дома, по понедельникам почти всегда играю в восемь рук у одного господина, так что театральное время совершенно теряю.

Замечательно, какое ты оставила по себе воспоминанье; если б я помнил все поклоны, поцелуи и т. д., которые мне поручают передавать тебе, то не достало бы в письме места на другое. Известие, что ты приедешь весной, я принял, конечно, с радостью, но без всякого удивления, как другие. Я всегда был уверен, что этим кончится. Не век же в самом деле жить в деревне. Я готов верить, что тишина деревенской жизни приятна, но тем не менее необходимо изредка окунуться в суету суетствий. Приезжай пораньше и оставайся подольше. Только что сейчас у нас были Л. Генке, Лида Ольховская, Софи, Андрюша, Иленька. Ты слышала, что Софи сходила с ума? Теперь она совершенно здорова. Иленька попрежнему для меня несимпатичен. Поцелуй от меня во все места мою любезную племянницу и ее многоуважаемого отца. Еще раз крепко, крепко благодарю тебя и целую.

П. Чайковский.

Никаких домашних известий тебе не пишу; они тебе подробно излагаются Амальей. Толя, Модя были дома три дня; они учатся хорошо [[...]].

1862

47. А. И. Давыдовой

1862 г. апреля 12. Петербург.

Друг мой Саша! Не сердись на мое молчание. Во-первых, оно происходит не от недостатка сердечной любви к тебе, а во-вторых, рано или поздно оно разрешится огромным посланием. Я ничего не делаю вполовину и коли пишу, так много, и люблю, так от души. Надеюсь, что ты в этом не сомневаешься, и затем, целуя тебя, Леву и Таню, есмь твой брат

П. Чайковский.

48. А. И. Давыдовой

С.-Петербург,
10 сентября [1862 г.]

Милая Саша! Наконец-то во мне пробудилась заснувшая совесть, и я собрался поговорить с тобой. Теперь киевские Давыдовы уже разъехались, и тебе, вероятно, письма из Петербурга очень нужны для развлечения. Во-первых, скажу тебе, что все лето я немилосердно проскучал; служил усердно, по праздникам ездил на дачу, и это было мое единственное утешение; ты, я думаю, не забыла мой faible * к даче Голова; этот faible нисколько не уменьшился, и теперь я, кажется, остался один ее приверженцем. Подробности переезда тети Лизы ты, вероятно, знаешь из писем Мали; мы теперь живем с Папашей одни, и представь себе, что сверх ожидания нисколько не скучаем [1]. Во-первых, обедаю я всякий день дома;

---

* слабость

часто приходит расстраивать наш tête-à-tête некоторый известный тебе господин, по имени Герард, но так как и я и Папаша его любим, как брата, то, конечно, это доставляет нам большое удовольствие. Вечером довольно часто бываем в театре (в русском) или играем в карты. Денег у Папаши на хозяйство выходит больше, чем вдвое меньше,— и это ему приятно; заказываю обед я, и вообще служу посредником между Эмильей Константиновной и Папашей, которого она почему-то ужасно боится. Праздников в последнее время было очень много, так что Анатолий, Модест и Алеша очень часто были дома; раз мы все вместе ездили в балет (брали с собой Малю), а вчера они с Алешей ездили смотреть «Nos intimes». Сей последний так сделался хорош в лицейском мундире, что редкая женщина пройдет мимо него, не влюбившись; он приезжает обыкновенно вместе с Толей и Модей, а спит подле меня; мы друг другу говорим стихи и вечно смеемся. Толя часто вспоминает про Каменку и рассказывает много про всех Вас; в Таню, по его рассказам, все влюбились; я украл у Алеши твою карточку, где ты с Таней, и очень часто ею любуюсь. Папаша, получив от тебя известие об отнятии твоей дочери от груди, был очень тронут. В последние дни у него было большое горе; дело Ячменевой в Гражданской палате решено в пользу Беклешева, хотя это решение далеко не окончательное и в Сенате оно, конечно, будет отменено, но он был страшно расстроен; до сих пор он не допускал мысли, чтобы присутственное место могло смотреть на это дело не его глазами. Я однако ж его успокоил, а третьего дни вечером он получил письмо от Дервиза (старшего), который наблюдает за ходом дела; и письмо это его совершенно утешило [2].

Я поступил в вновь открывшуюся Консерваторию, и курс в ней начинается на-днях. В прошлом году, как тебе известно, я очень много занимался теориею музыки и теперь решительно убедился, что рано или поздно, но я променяю службу на музыку. Не подумай, что я воображаю сделаться великим артистом,— я просто хочу только делать то, [к] чему меня влечет призвание; буду ли я знаменитый композитор, или бедный учитель,— но совесть моя будет спокойна, и я не буду иметь тяжкого права роптать на судьбу и на людей. Службу, конечно, я окончательно не брошу до тех пор, пока не буду окончательно уверен в том, что я артист, а не чиновник.

Про то, что Аня Егорова выходит замуж, ты верно уже знаешь. Я познакомился с ее весьма симпатичным женихом; она от счастья помолодела и похорошела. Софи, говорят, лучше. Андрюша все сидит, жаль его бедного, и жаль всего бо-

лее оттого, что он не может утешиться тем, что пострадал за убеждение. Я знаю, что он просто хотел порисоваться, он может быть и сам не отдает себе в этом отчета, но это так. Преступление его, по-моему мнению, разделяется на два момента: первый, когда он служит панихиду по Петре, Иване, Акакии, все равно по ком,— тут он поступает хорошо; второй момент, когда он объявляет попу, что Петр, Иван и Акакий были расстреляны за революционные мнения,— тут он думает, что хорош, но в сущности неимоверно пошл. Фаня, вероятно, переедет жить к нам.

Встал я сегодня необыкновенно рано; меня разбудили Толя и Модя, уезжавшие в Училище. Здесь кстати могу заметить, что привязанность моя к этим человечикам, в особенности (это по секрету) к первому, с каждым днем делается больше и больше. Я внутренно ужасно горжусь и дорожу этим лучшим чувством моего сердца. В грустные минуты жизни мне только стоит вспомнить о них,— и жизнь делается для меня дорога. Я по возможности стараюсь для них заменить своею любовью ласки и заботы матери, которых они, к счастью, не могут знать и помнить, и, кажется, мне это удается. Вчера получил длинное письмо от Коли; на-днях напишу ему такое же.

Поцелуй от меня по тысячи раз г-на агронома и сельского хозяина Льва Давыдова и прекрасную дочь его леди Татьяну. Целую тебя.

Твой брат
П. Чайковский.

1863

49. А. И. Давыдовой

[Петербург]
15 апреля 1863 г.

Милый друг Саша! Из полученного от тебя сегодня письма к Папаше я вижу, что ты принимаешь живое участие в моем положении и с недоверием смотришь на решительный шаг, сделанный мною на пути жизни. Поэтому-то я и хочу подробно объяснить тебе, что я намерен делать и на что я надеюсь. Ты, вероятно, не будешь отрицать во мне способностей к музыке, а также и того, что это единственное, к чему я способен; если так, то понятно, что я должен пожертвовать всем для того, чтобы развить и образовать то, что мне дано богом в зародыше. С этою целью я начал серьезно заниматься теориею музыки; пока это мне не мешало кое-как заниматься и службою, я оставался в министерстве, но так как занятия мои делаются все серьезнее и труднее, то я, конечно, должен выбрать что-нибудь одно. Добросовестно служить при моих занятиях музыкою невозможно; получать даром жалованье целую жизнь нельзя, да и не позволят,— следовательно, остается одно: оставить службу (тем более, что я к ней всегда могу возвратиться). Одним словом, после долгих размышлений я решился причислиться к Министерству, оставив штатное место и лишившись жалованья. Не заключи из этого, что я намерен делать долги или вместо жалованья выпрашивать деньги у Папаши, которого положение теперь далеко не блистательно. Конечно, я немного выиграл в материальном положении, но, во-первых, я надеюсь в будущем сезоне получить место в Консерватории (помощника профессора); во-вторых, я уже достал себе на будущий же год несколько уроков; в-третьих, и это самое главное, так как я совершенно отказался от светских удовольствий, от изящного туалета и т. п., расходы мои сократились до весьма малых

размеров. После всего этого ты, вероятно, спросишь: что из меня выйдет окончательно, когда я кончу учиться? В одном только я уверен,— что из меня выйдет хороший музыкант и что я всегда буду иметь насущный хлеб[1]. Все профессора Консерватории мною довольны и говорят, что при усердии из меня может выйти многое. Все вышесказанное я пишу не из хвастовства (кажется, не в моем характере), а говорю с тобой откровенно и без всякой ложной скромности. Когда кончу курс Консерватории, мечтаю на целый год приехать к тебе, чтоб среди тишины и покоя написать что-нибудь большое и потом пойти мытарствовать по свету.

Ну, довольно об этом... Поздравляю тебя с дочкой; ты не поверишь, душа моя, как я беспокоился о тебе и как от души перекрестился, когда пришла депеша о благополучном разрешении[2]. Насчет того, что ты пишешь Папаше, мне самому кажется, что ему было бы выгоднее до решения дела прожить у тебя и у Зиночки, но советовать ему ничего не решаюсь; если посоветую ему остаться у тебя, он может подумать, что я хочу от него отделаться, а если стану уговаривать жить в Петербурге, то будет казаться, как будто я желаю непременно жить на его счет[3]. В начале июня он с Толей и Модей будет у тебя, я же еще об том, где буду, ничего не знаю. Очень благодарю тебя, мой друг, за приглашение гостить у тебя. Коля хлопочет остаться служить в Петербурге. Тебе уже, вероятно, писали о назначении Н. И. Ольховского начальником Монетного двора; теперь все зависит от него, и нужно надеяться, что дело устроится.

Великий пост с своими концертами очень меня утомил; меня беспрестанно просили аккомпанировать в различных концертах; два раза я появлялся на сцене Большого и Мариинского театров, раз был на музыкальном вечере у вел. кн. Елены Павловны, причем удостоился чести обратить на себя ее внимание и с нею разговаривать, а через два дни получил от нее конверт с вложением 20 р. (не слишком-то великокняжески). Теперь сижу большею частью дома и продолжаю усердно заниматься[4]. Кстати, прошу у тебя и у Левы извинения, что редко Вам пишу; не приписывай это тому, что я никогда об Вас не думаю, а просто недостатку времени и отсутствию вообще большой наклонности к писанию писем.

Целую тебя крепко, крепко, также милого Леву, Таню и Веру, с которыми бы ужасно хотелось познакомиться.

П. Чайковский.

1864

50. А. И. Давыдовой

[Тростинец]
28 июля 1864 г.

Милая Саша! Напрасно ты думаешь, что меня нет в Каменке потому, что у Голицына мне так хорошо, что я не могу с ним расстаться [1]. Я не скрываю, что мне здесь очень хорошо, но не сомневаюсь в том, что у тебя, с твоим мужем, детьми и всем Вашим семейством, — мне было бы гораздо еще лучше. Но как сердце меня ни тянет к тебе, а рассудок ясно говорит, что по весьма многим причинам следует мою поездку в Каменку отложить до будущего лета и уж тогда прямо из Петербурга на все три месяца. Чтоб ты не думала, что я недостаточно стремлюсь к Вам душой, я тебе скажу, что перед отъездом из Петербурга я хлопотал ехать прямо к тебе, но обстоятельства этого не позволили; сюда же я приехал, надеясь без особенных неудобств пробраться к тебе. Благодарю тебя за письмо. Оно меня действительно успокоило; я немножко боялся, чтоб ты не сердилась. Худая погода, о которой ты пишешь, меня ни мало не ужасает,— здесь она нисколько не лучше. Живу я очень покойно и кроме Голицына никого не вижу. Скажи Вере Васильевне, [2] что «Гроза» моя сильно подвигается и что она (т. е. Вера Васильевна) рискует услышать ее в Русском музыкальном обществе [3]. От Папаши, Толи и Моди не имею уже с месяц никаких известий.

Не получила ли ты на мое имя писем; если да, то перешли их, пожалуйста, сюда!

Итак, еще раз благодарю тебя, милая Саша, грущу до смерти, что не могу быть у тебя, но повинуюсь своей судьбе и прошу твоего извиненья, что не исполнил обещания. Поцелуй Леву и Алешу. Таню и Веру пожми и разлобызай от меня нещадно. Кланяйся низко Александре Ивановне и Елизавете, Александре, Софье и Вере Васильевнам.

[*Подписи нет.*]

1865

51. А. И. Давыдовой

Киев,
24 августа 1865 г.

Милая Саня! Наше путешествие до самого Киева сопровождалось самой гнусной погодой, и если бы мы не были вчетвером, можно было бы с отчаяния броситься в синие волны Днепра[1]. Часто думали и вспоминали о Каменке и почему-то и ее тоже не могли себе представить иначе, как в самом мрачном виде, точно будто мы в ней исправляли должность солнца и без нас темно и холодно. Остановились в гостинице «Европа»; она вовсе не дурна и содержится довольно опрятно; даже я не нахожу ее очень дорогой, хотя за порцию кофе, которого мы сейчас с прожорливым Модей спросили, требуют 50 коп. без сливок и хлеба, а в порции всего два стакана.

Вчера день был очень скучный. Дождь не переставал лить; я попробовал было провести время туристом и отправился с Толей и Модей осматривать древние церкви, но дальше Софии не был. Какая-то фигура, покрытая парчей (останки митрополита Макария), к которой монах заставил приложиться, навела на меня такой ужас, что я оттуда бежал, и никакие увещания моих деспотических братьев не могли принудить меня продолжать эксплорацию киевских храмов. Алеша и Толя уехали вчера в 7 часов, а мы с Модей пошли в Café italiano, где читали газеты, и это единственный час, проведенный вчера без скуки. Сейчас отправляюсь с Модошей искать Левдика, чтобы снять карточки: погода несколько разгулялась.

О Каменке думаю с великою грустью; я никогда еще не проводил такого приятного лета; в праздности упрекнуть себя не могу, а между тем как много милых воспоминаний! Одним

словом, я возвращаюсь в Петербург с грустью в сердце, но с спокойною совестью, помышляя о том, что не прогулял все время без всякой пользы. Вера Васильевна, которая по свойственной ей доброте заботилась о том, чтобы я из Каменки уехал с желанием поскорей в нее воротиться, может быть уверена, что оно так и есть. Я иначе не могу себя представить будущим летом, как в Каменке.

Целую тебя, Саша, как можно крепче, так же как и Леву и детей. Передай поклоны всему Вашему семейству.

П. Чайковский.

52. А. И. Давыдовой

[Петербург]
1 сентября 1865 г.

Милая Саня! На этот раз письмо мое не будет длинно. Глазная болезнь, которая у меня началась еще в Каменке, развилась до значительной степени; мне по вечерам нельзя ни читать, ни писать; глаза густо покрываются какою-то пеленой, к утру превращающейся во что-то гнойное. Впрочем, все единогласно уверяют меня, что это пустяки; один господин, страдавший тою же болезнью, посоветовал мне именно для этого случая составленную доктором Буяльским примочку; я сейчас ее купил и по написании этого письма начну примачивать. Путешествие от Киева до Петербурга было отвратительно; мы с Модестом жестоко голодали и чуть-чуть не опоздали к железной дороге [1]. Петербург встретил нас ужаснейшим дождем, а в Гатчине я был свидетелем такой сильной грозы, какой не помню; у меня душа в пятки ушла; молнии так и падали кругом [2]. Квартиру Лизавета Михайловна наняла мне очень сносную за баснословно дешевую цену — 8 р. сер. у какой-то доброй старой немки. Вчера утром переехал. Комната очень маленькая и очень чистенькая; расположение духа моего после деревенского простора несколько хоть и страдает от этих крошечных размеров, но тут дело в привычке. Видел тетю Лизу с чадами, очень довольную старорусской поездкою, тетю Катю, Пиччиоли и всех моих приятелей. Тетя Катя ужасно тронута твоей припиской к моему письму.

Рубинштейн очень доволен, что я успел окончить работу; просит только, чтобы я насчет терминов посоветовался с каким-нибудь филологом [3]. Музыки еще никакой не слышал; по странному стечению обстоятельств, на другой день моего приезда в первый раз играли в Павловске мои танцы [4], но афиши

я увидал только вечером, когда ехать уже было поздно. Ларош был и остался ими очень доволен.

Целую тебя, милая, милая Саша, Леву и детей тоже. Передай всем поклоны. Я часто, очень часто думаю о Каменке и ее жителях.

П. Чайковский.

Передай Вере Васильевне, что я исходил весь Киев, но Левдика не нашел.

53. А. И. Давыдовой

[Петербург]
8 сентября 1865 г.

Милая Саня! Вот уже более недели я в Петербурге и все еще не успел вполне войти в колею так называемой столичной жизни. Квартира моя, сначала показавшаяся мне сносной, теперь начинает сильно не нравиться, хотя, по правде сказать, она очень хороша для своей цены; просто я еще не свыкся с ее микроскопическими размерами[1]. Хозяйка женщина добрейшая, а кухарка уже подружилась со мной, так же как и живущие на ее попечении кошки; следовательно, будущее мне улыбается. Глаз мой все еще не проходит, и заниматься по вечерам решительно не могу; кажется, без доктора не обойдется, хотя при одной этой мысли меня так и пробирает мороз по коже. Обедаю я по очереди у Пиччиоли и обеих теток, отношения которых самые холодные. Раз вместе с братьями обедал у Лизаветы Михайловны. A propos, в пылу благодарности за всевозможные оказываемые ею услуги я знаменитую банку вишен подарил ей, а не M-me Piccioli. Братья беспрестанно бывают дома, ночуют в доме Литке, а день проводят неразлучно со мною. На-днях как-то получил от Толи письмо из Училища с просьбой немедленно туда приехать, так как Языков желает со мной поговорить. Я сейчас же отправился, но Языков был болен, и я должен был отправиться к инспектору. Этот последний объявил мне, что они решили, не подвергнув Модеста экзамену, оставить в классе, главнейшим образом оттого, что ему будет трудно по молодости лет и при наклонности его к головным болезням быть в четвертом классе; пускай лучше отдохнет. Мне оставалось только найти это мнение довольно основательным, что я и объяснил ему. Два дни тому назад приехал сюда Коля для покупки мебели, и сегодня он угощал нас (т. е. братьев, К. Шоберта и меня) обедом. Ипполита до сих пор ни разу никто из нас не видел, и завтра Коля едет к нему. Наша прошлогодняя кухарка живет у него, и Лизавета

Михайловна, которая раз туда ездила, говорит, что у них хозяйство идет хорошо.

Время я вообще провожу покамест довольно праздно и поэтому немного скучаю; причиною моего бездействия глаза, что меня чрезвычайно бесит, хоть я и знаю, что болезнь скоропреходящая. Начинаю помышлять о будущем, т. е. о том, что мне придется делать по окончании в декабре курса Консерватории, и все более и более убеждаюсь, что уже мне теперь нет другой дороги, как музыка. От службы я очень отстал, да притом при имеющих совершиться преобразованиях места получать будет очень трудно. Вне Петербурга и Москвы я жить не в состоянии. Весьма вероятно, что уеду в Москву.

Вчера было Танюшино рождение. Милая Танюрка, как часто я об ней вспоминаю! Расцелуй ее и Веру и Анюту. Левушку тоже. Николаю Васильевичу хорошенько поклонись.

Целую тебя.

П. Чайковский.

54. А. И. Давыдовой

1865 г. октября начало. Петербург.

Милая моя Саша! Напишу тебе вкратце все, что со мною произошло с тех пор, как я тебе не писал. Во-первых, болезнь глаз хотя и не идет crescendo, но и к выздоровлению не очень близко, все оттого, что никак не могу собраться к какому-нибудь доктору; впрочем, в понедельник решил непременно итти к Блессичу. Квартира моя была мне до того противна, что я решился переехать к тете Лизе, у которой нанял весьма порядочную и дешевую комнату, к сожалению, весьма далеко от Консерватории. Впрочем это для меня в настоящее время полезно, ибо, как тебе не безызвестно, я подвержен геморрою. Братья будут спать у меня, по крайней мере, тетя Лиза обещалась так устроить. О приезде ваших в четверг и воскресенье тебе уже известно, и это письмо я тебе пишу у них, сидя у Алеши в комнате перед обедом. Занимаюсь я теперь гораздо менее прошлого года, по причине глаз, которые вечером отказываются смотреть на ноты, буквы и тому подобную работу. По будням обедаю всего чаще у Пиччиоли, также у тети Кати, тети Лизы и у Лизаветы Михайловны, которая продолжает быть с нами внимательной и услужливой до невероятной степени; я не знаю, что бы я без нее делал: она возится с моим бельем, зашивает шинели и пальто, перетаскивает меня с одной квартиры на другую, посещает

братьев и т. д. Модест, бедный, был недавно на целое воскресенье наказан, и очень несправедливо. Анатолий начал брать уроки на скрипке, и мне ужасно совестно, милая Саша, что это причиняет тебе излишний расход. Я заставлю их обоих написать тебе из Училища.

Насчет того, что ты мне писала о воспоминаниях, оставленных в Каменке, я отказываюсь верить, это не лезет мне в голову, и если б было справедливо, т. е. серьезно, то действовало бы на меня очень неприятным образом.

Вообще же, несмотря на некоторые невзгоды, расположение духа у меня довольно розовое, кажется, оттого собственно, что снедающее меня самолюбие (это мой главнейший недостаток) в последнее время было польщено несколькими музыкальными успехами и впереди я предвижу другие [1].

Целую тебя, Саша, очень крепко, а также милого Левушку и детей.

П. Чайковский.

55. А. И. Давыдовой

С.-Петербург,
22 октября [1865 г.]

Милая Саня! Письмо твое я получил уже недели две тому назад и так долго не отвечал по свойственной мне лени. Живу я теперь у тети Лизы и до того недоволен, что к 1 ноябрю непременно перееду. Во-первых, сырость невообразимая, и с тех пор, как я переехал, я постоянно чувствую себя нехорошо: то болят зубы, то руки и ноги, кашель постоянный и т. д. Во-вторых, далеко от всех центров, от Консерватории и т. д.; в-третьих, покоя нет ни малейшего, постоянный шум, звонки, раздающиеся у моей комнаты, и т. п. Вдобавок ко всему, я даже не могу перевезти рояль из опасения совершенно его испортить сыростью. Между тем занятия мои делаются очень серьезны. К окончанию консерваторского курса мне задано большое сочинение, которое потребует тишины, покоя и инструмента. [1]

У Давыдовых постоянно кто-нибудь болен; бедная Вера Васильевна с самого приезда возится с зубами. Я бываю у них довольно часто, и сегодня с Толей и Модей (которые отпущены по случаю казанской божьей матери) будем у них обедать [2]. Вообще жизнь их в последнее время приняла несколько мрачный колорит по причине постоянной болезни Веры и Лизаветы Васильевны. Уроки пения она решила не брать, и я боюсь, что это скверно подействует на бодрость ее духа. Оно и в самом деле грустно: переехать в Петербург специально для того, чтобы заниматься музыкою, и видеть все свои планы и мечты мало-по-малу разрушающимися. Очень смеялся я над твоею

рассеянностью, весьма родственною моей; легко воображаю я удивление Папаши, когда он получит письмо, в котором ты называешь его м о п к о й. Очень часто думаю я о Вас, милые мои, и смущаюсь при мысли о том, что Вы скучаете и порываетесь к чему-нибудь другому, когда крылья Вам обрезали и нельзя полететь, куда хочется. Напиши мне, Саша, каково расположение духа Левы, Николая Васильевича и твое. Разнообразит ли Вашу жизнь хоть сколько-нибудь приезжая швейцарка? Дорого бы я дал, чтобы услышать французскую болтовню Тани и Веры. Напиши мне также что-нибудь про Анюту[3]. Скажу тебе по секрету, что сын Амальи мне совсем не нравится и в сравнении с Анютой никуда не годится; всего неприятнее то, что на голове нет ни одного волоса, и хотя он невероятно толст, а это отсутствие волос придает ему все-таки вид какой-то неотделанности.

Тебе велела передать кучу нежностей тетя Катя, у которой я очень часто бываю и, когда хочу хорошенько заняться, провожу целый день с утра. Она все так же выздоравливает и заболевает десять раз в сутки. Расцелуй Леву и детей. Николаю Васильевичу самый горячий поклон.

П. Чайковский.

А тебя-то и позабыл наикрепчайшим образом расцеловать.

56. Е. М. Чайковской

[Петербург]
29 октября [1865 г.]

Добрейшая Лизавета Михайловна!

Так как мне весьма трудно найти сегодня время побывать у Вас, то пишу к Вам письмо с двумя просьбами.

Вчера я встретил поверенного портного М а р б р и е, который сказал мне, что срок уплаты моего векселя очень близок (1-го ноября), чтобы я об этом подумал, так как на этот раз уже никаких отсрочек быть не может. Я его упрашивал подождать до весны (я получу 150 р. сер. с Р у б и н ш т е й н а), но он отказал мне наотрез. В такой крайности я вижу только одно средство к спасению: нельзя ли как-нибудь упросить армянина, чтобы за этот месяц он не брал папашиных денег; если он не верит, что я их отдам ему весной вместо Папаши, то пускай возьмет с меня заемное письмо с самыми дьявольскими процентами. Ради бога, съездите к нему и попросите. У меня теперь к концу консерваторского курса будет огромная работа и мне не хотелось бы попадать в долговое отделение, да уж одна мучительная мысль, что придется возиться с про-

клятыми французами, отнимает у меня покой и мешает заниматься. Другого же средства у меня совершенно в виду не имеется; я бы обратился к Давыдовым, но им я и без того должен. Итак, вся надежда на Вас. Я очень рад, что пришлось говорить с Вами об этом письменно; на словах я бы никогда не решился. Другая просьба заключается в следующем. Апухтин уезжает из Петербурга на два месяца и предлагает мне свою квартиру; так как у него очень тихо и покойно, то я переезжаю к нему и для этой цели умоляю Вас приехать ко мне в воскресенье утром. Мебель там есть, нужно только перевезти тюфяк, платье и бумаги, а на будущей неделе и фортепиано.

Итак, позаботьтесь о несчастном и избавьте его от тьмы кромешной (т. е. долгового отделения). Я очень рад, что решаюсь переехать, но только не хотелось бы жить в первой роте Измайловского полка. Оно, знаете, немножко далеко и уж слишком тихо.

Преданный Вам
П. Чайковский.

1866

*57. А. И. и М. И. Чайковским

[Москва]
6 января [1866 г.] 3½ ч. пополудни.

Милые мои братья! Путешествие мое совершилось хотя грустно, но благополучно; я все думал о вас, и меня все мучила мысль, что я в последнее время надоедал Вам своей хандрой, которою я страдал очень сильно. Но не сомневайтесь никогда в моей любви, хотя бы она внешним образом и совсем не высказывалась. Остановился в гостинице Кокорева; был у Рубинштейна и уже успел познакомиться с двумя директорами Музыкального общества, повидимому порядочными... Рубинштейн так настоятельно просил меня переехать к нему, что я должен был обещаться, и завтра переезжаю [1]. Итак адресуйте: на Моховую в д. Воейковой в кв. Н. Г. Рубинштейна. Горло мое болит до сих пор. Между разными бумагами у меня остался на шкапике тот перевод, что я делал летом; отвезите его вместе с партитурами в консерваторию для передачи Рубинштейну, которому я обещал доставить его еще перед отъездом [2].

Целую Вас крепко, не разлюбите меня! Поклоны посылаю всем.

Пишите. Скоро опять буду писать.

П. Чайковский.

Я сейчас написал Папаше [3]; напишите и Вы.

*58. А. И. и М. И. Чайковским

Москва,
10 января 1866 г.

Милые братцы!

Живу я у Рубинштейна. Он человек очень добрый и симпатичный, с некоторою неприступностью своего брата ничего общего не имеет, зато, с другой стороны, он не может стать

с ним наряду как артист. Я занимаю небольшую комнату рядом с его спальней, и, по правде сказать, по вечерам, когда мы ложимся спать вместе (что, впрочем, будет случаться, кажется, очень редко), я несколько стесняюсь; скрипом пера боюсь мешать ему спать (нас разделяет маленькая перегородка), а между тем теперь ужасно занят. Почти безвыходно сижу дома, и Рубинштейн, ведущий жизнь довольно рассеянную, не может надивиться моему прилежанию. Был по разу в обоих театрах; опера идет прескверно, зато не помню, чтоб я когда-нибудь испытал такое артистическое наслаждение, как в драматическом спектакле. Пришлось попасть на пьесу, обставленную самыми лучшими актерами; это была «Паутина», производящая здесь большой фурор [1]. Еще ни с кем почти не познакомился, но довольно коротко уже сошелся с неким Кашкиным, приятелем Ларош, очень хорошим музыкантом [2]. Рубинштейн раз вечером почти насильно потянул меня к каким-то Тарновским [3], впрочем, очень милым людям. Вчера был здесь общедоступный концерт, в материальном отношении неудавшийся, но довольно интересный; оркестр хорош, а хор великолепен [4]. Бывают очень и очень грустные минуты, но вообще чувствую непреодолимую жажду к работе, и она составляет огромное утешение. Уже оркестровал бо́льшую часть моей летней увертюры, и, к ужасу моему, она выходит непомерно длинна, чего я вовсе не ожидал; сперва я обещал Н. Рубинштейну отдать ее для исполнения сюда, а потом перешлю в Петербург [5].

Вчера, ложась спать, много думал о вас; воображал все ужасы первой ночи после праздников; мне все казалось, что Модька, уткнув нос в одеяло, проливает тайные слезы, и очень хотелось его, бедного, утешить [6]. Не ради пышной фразы говорю тебе, Модя: зубри, зубри, зубри и води дружбу с Инсарским или Толстым, а не с юродивым Лепиным. Я очень боюсь, чтоб ты не остался в классе и вообще не попал в число неодобряемых начальством лиц. За Толю я не боюсь, а потому не даю ему советов; я знаю, что он зубрила. Милый мой Толька, преобори свою лень писать письма и напиши мне. На тебя, Модя, я надеюсь.

Целую Вас.

П. Чайковский.

* 59. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
14 января 1866 г.

Милый Толька!

Благодарю за письмо. Все эти дни я чувствовал себя не совсем хорошо, но теперь лучше. Ваши письма мне доставляют

большое удовольствие. Вчера читал первую лекцию, конфузился ужасно, но прошло благополучно.

По части приезда моего в Петербург или Вашего в Москву я тебе скажу, что я этого наверное столько же желал, сколько и ты, но ведь нельзя делать все, что хочется. Я ни за что в мире не согласен, чтобы Вы издержали жалованье на проезд или, что еще хуже, чтобы Вы делали долги. При том же ты себе и вообразить не можешь, как все здесь дорого; я не захочу, чтобы Вы голодали здесь или скучали, а еда и театры потребуют такого количества денег, которого нет ни у меня, ни у Вас. Все мое жалованье за первый месяц пойдет на новое платье, которое Рубинштейн требует, чтоб я сделал, говоря, что мое теперешнее слишком неприлично для профессора теории [1]. Словом, если рассудить благоразумно, предвидя все последствия моей или Вашей поездки, то выходит, что лучше всего от нее воздержаться и подождать до святой. Мой милый Толя, ты поверь, что мне очень грустно отказаться от удовольствия Вас видеть, но благоразумие берет свое. Не пишу тебе сегодня ничего больше; мне приходится писать так много писем, что я просто с ума схожу. Устал неимоверно.

Целую тебя до бесконечности, и облобызай Модошу.

П. Чайковский.

Сейчас получил Ваше письмо с карточками Давыдовых. Пишу и им. Напиши мне, где нашлась твоя геометрия.

60. Е. М. Чайковской

Москва,
15 января 1866 г.

Добрейшая Лизавета Михайловна!

Извините, что до сих пор Вам не писал; дела у меня очень много, да притом письма писать для меня величайшее наказание. Я решил, что лучше всего писать мне к Анатолию и Модесту, а им я поручаю осведомлять обо мне всех интересующихся моей особой. Скажу Вам только, что время я провожу далеко не весело, хотя занятия не позволяют о том много думать. Истинное наслаждение я испытывал здесь два раза в русском театре; таких актеров, я думаю, нет во всем мире, и тот, кто не видел здешнюю труппу, не имеет понятия о том, что значит хорошо сыгранная пьеса. О том, что я живу у Рубинштейна и каков этот человек, я Вам не пишу, ибо все это Вам, вероятно, говорили братья. Вообще же к Москве я едва ли когда-нибудь привыкну; мне все кажется, что я в нее попал как-то случайно. Дороговизна здесь на все неимоверная, так

что я не знаю, как благодарить судьбу за свободную комнату, предложенную мне Рубинштейном. Уроки мои еще не начались, но вчера я должен был делать экзамен всем поступившим в курс. Признаюсь, я ужаснулся при виде такого громадного количества кринолинов, шиньонов и т. п. Но не теряю надежды, что мне придется пленить этих фей, так как вообще здешние дамы ужасно страстны. Рубинштейн не знает, как ему отбояриться от целого полчища дам, предлагающих ему свои... любезности.

Папаше я писал.

Будьте здоровы, добрейшая Елизавета Михайловна. Передайте самые глубокие поклоны Софье Михайловне, Алекс[андру] Мих[айловичу] и Ивану Михайловичу.

П. Чайковский.

61. А. И. и Л. В. Давыдовым

Москва
15 января 1866 г.

Милые мои и дорогие сердцу Саша и Лева! Зная меня хорошо, Вы на меня, конечно, не сердитесь за долгое молчание; поэтому без извинений перехожу к краткому обзору всего мною прожитого с тех пор, как к Вам не писал. Жил я в Петербурге у тети Лизы и жил прескверно, чему не мало способствовала необходимость постоянно видеть и чувствовать даже на себе горестность ее материального положения; это меня подчас очень расстраивало. У Ваших бывал чаще, чем у кого-либо. Писал свою кантату, которую те, кому надлежало произвести над нею приговор, остались очень довольны[1]. Вообще же я страдал до невероятия хандрою и ненавистью к человеческому роду. Эта болезнь духа в настоящее время, благодаря перемене места и новым впечатлениям, несколько ослабла, но далеко не прекратилась. Чему приписать это, я не знаю, но только никак не плохому положению финансов, как некоторые полагали[2]. Во-первых, я никогда не был так равнодушен к золотому тельцу, как теперь; во-вторых, это дело поправное и в отчаяние никогда меня не приводящее. С наслаждением мечтаю о лете, которое надеюсь провести у Вас; недавно я с поразительною ясностью видел всех Вас во сне, и особенно живо мне слышался голос моей милой Танюрки, о которой не могу думать без какой-то болезненной нежности; меня иногда неотступно преследует воспоминание о ее падении в моей комнате и о том, как она прерывающимся голосом говорила Леве: «Я убилась, папочка!» Надеюсь услышать летом ее французскую болтовню. Кстати о лете, я его все представляю себе уже не в Каменке,

а в Вашем собственном имении. Я страстно, страстно желаю этого для Вас и для себя. О моем московском житье-бытье сказать особенно нечего; я буду читать здесь курс теории музыки, и вчера я делал экзамен желающим поступить в этот курс. Девиц множество, и есть очень хорошенькие. Живу у московского Рубинштейна; это один из самых симпатичных людей, каких я только знаю. Москва мне нравится, но я сомневаюсь, чтоб мне когда-нибудь привыкнуть к ней; я слишком прирос корнями к Петербургу, и как он в последнее время ни был мне противен, а все-таки он мой родной город. Я все сижу дома и занимаюсь; бывают очень грустные минуты, но где их не бывает? От братьев получил уж два письма; они грустят обо мне, но надеюсь, что придется увидеться с ними на масленице и на святой, да и до лета не слишком далеко. Напиши мне, Саня, милая, и расскажи о Ваших планах на покупку имения.

Адрес мой: В Москву, на Моховой, дом Воейковой, кв. Н. Г. Рубинштейна. Целую Вас обоих очень крепко и всех племянниц тоже. Николаю Васильевичу очень кланяюсь. Всем няням и Вассе Петровне, и Федору Петровичу и Соне, и Ване и Андрею и всей Каменке.

[*Подписи нет.*]

62. М. И. Чайковскому

Москва,
16 января 1866 г.

Модя! Благодарю тебя за письмо. Нового рассказать мне Вам решительно нечего; про курс мой напишу Вам только, когда он начнется; покамест я только должен был делать экзамены желающим в оный поступить. В Русском театре был два раза и неимоверно наслаждался, это пока единственно приятные минуты, проведенные мною здесь. Опера отвратительная, концерт Музыкального общества, бывший вчера, тоже был плох, словом, по части музыки куда хуже Петербурга. Раза два был в Артистическом кружке [1]; слышал, как Островский читал там «Пучину», а Писемский «Комика». Большею же частью сижу дома. Ты мне пишешь про дружбу к Толстому и Инсарскому, а ничего не говоришь про ученье; пожалуйста зубри, чтоб не остаться в классе. Толе я писать не буду, покамест он мне не напишет. В следующем письме прошу мне отвечать по пунктам:

1) про Катю. Выздоравливает ли она? [2]
2) где были в субботу и воскресенье?
3) про Давыдовых,
4) про Училище.

Так как мне писать на сей раз решительно нечего, да притом я страшно устал (написал пять писем), то я и прекращаю, посылая тебе всевозможные лобзания и Анатолию тоже.

П. Чайковский.

Ради бога напиши, отнесли ли Вы в Консерваторию мой перевод *.

*63. *А. И. и М. И. Чайковским*

[Москва]
23 января 1866 г.

Милые братья! Вы, пожалуйста, не слишком разоряйтесь на письма; пишите мне лучше раз в неделю да поподробней и побольше, что-нибудь вроде дневника. Вы знаете, как я люблю рассказы про Училище. Таким образом я буду иметь понятие о всем, что Вы делаете, а то теперь я постоянно делаю напряжение над своим умом, стараясь вообразить Вас в том или другом положении. Я буду тоже писать Вам аккуратно раз в неделю, а иногда и два.

Я только что приехал с совещанья профессоров Консерватории и обеда, который по этому случаю давал директор Музыкального общества Ланин. Вообще состав здешней консерватории будет стоять гораздо ниже петербургского. Но есть два-три порядочных человека. Я со всеми, впрочем, в отличных отношениях, но особенно успел сойтись с Рубинштейном, Кашкиным (друг Лароша), Альбрехтом и Осбергом. Также подружился с одним из директоров, Торлецким, известным богачом, на-днях даже был у него на вечере. Я очень удивился при встрече на этом вечере с бывшим технологом Шефером, он ужасно вырос и женится на одной здешней барышне, которая гораздо старше его. Также я познакомился с семейством каких-то Чайковских, ел ужасно много; в танцах, конечно, не принимал участия, хотя был во фраке Рубинштейна. Этот последний ухаживает за мной, как нянька, и хочет непременно исполнять при мне эту должность. Сегодня он подарил мне насильно шесть рубашек, совершенно новых (не говорите этого Давыдовым и никому), а завтра хочет насильно везти заказывать платье. Вообще это удивительно милый человек, — только я не понимаю, чем он заслужил здесь свой громадный музыкальный авторитет. Музыкант он очень обыкновенный, с братом его и сравнивать нельзя. Не могу умолчать при перечне моих здешних друзей об Агафоне[?] *, лакее Рубинштейна, пре-

* *В копии очевидно ошибка:* Александре

почтенном старике, и о прелестной белой кошке, которая и в эту минуту сидит у меня, и я ее страстно ласкаю. Самое приятное препровождение времени для меня мечты об лете; в последнее время я воспылал сильною нежностью к Саше, Леве и их детям и решился лето провести у них вместе с Вами. Особенно сладостна для меня мечта, что они будут жить в своей собственной деревне [1], и этого не говорите Давыдовым, они могут обидеться. О свидании с Вами на святой тоже много думаю; насчет масленицы благоразумие велит воздержаться. К Папаше писал вчера [2], а сейчас написал длинное (второе) письмо к Авдотье Яковлевне; я получил от нее письмо, дышащее такою сильною и искреннею любовью, что был ужасно тронут и обязал себя нравственно писать ей часто [3]. В будущем письме я буду с Вами говорить очень серьезно об одном деле, которое у меня сильно лежит на душе.

П. Чайковский.

Пожалуйста, кланяйтесь от меня Ипполиту и скажите, чтоб он не сердился на меня за то, что не успел с ним проститься.

*64. *А. И. и М. И. Чайковским*

1866 г. января 30—31. Москва.

30 января 1866 г.
Воскресенье.

Только что вернулся из Зоологического сада, который здесь очень хорош. Там был сегодня большой праздник, фейерверк и т. д. Неделю эту провел довольно приятно; я имею через Рубинштейна право входа в [*1 неразобр.*] клуба, в котором есть превосходная библиотека. Я набрал из нее множество хороших книг и наслаждаюсь чтением. Над «Пиквикским клубом» Диккенса я смеюсь от всей души, без всяких свидетелей, и иногда эта мысль, что никто не смотрит, как я смеюсь, заставляет меня веселиться еще более. Советую Вам прочитать эту вещь; уж если довольствоваться чтением беллетристики, то по крайней мере нужно выбирать таких писателей, как Диккенс. У него много общего с Гоголем, та же непосредственность и неподдельность комизма, то же уменье двумя малейшими чертами изобразить целый характер, хотя глубины Гоголевской в нем нет.

Уроки мои идут очень успешно, и даже я пользуюсь необыкновенным сочувствием обучаемых мною москвитянок, которые вообще отличаются страстностью и воспламенимостью.

На этом месте я был прерван соседями Тарновскими, при-

славшими за мной чай пить, а оттуда Рубинштейн повез меня в маскарад Большого театра.

Робость мало-по-малу совершенно проходит. Знакомых несколько прибавилось (к несчастью), впрочем, все люди хорошие. В том числе особенно мне нравятся Тарновские муж и жена, люди очень богатые и страшные любители музыки; М-me Тарновская — известный композитор романсов, исполняемых Никольским. «Я помню все», «Зачем» и т. д. Вчера был на блинах у Кашкина. Этот последний послал Ларошу десять рублей серебром для приезда на два или на три дня в Москву, и я очень радуюсь при мысли увидеть кого-нибудь из петербургских. У нас теперь все комитеты и прения по поводу здешней консерватории. Прения эти очень бурны. Я участвовал на-днях в составлении устава и написал огромную инструкцию инспектора, которая была принята без изменений.

О вчерашнем маскараде писать решительно нечего, так как он ничем не отличался от петербургских маскарадов. Скука такая же непроходимая. Был на этой неделе в русском театре и видел «Самоуправцы» — трагедию Писемского и прелестную пьесу Николая Ивановича Ольховского «Аллегри». Кстати, сходите, любезные братцы, к Ольховским, к Лиз. Павл. Дитловой (которая мне писала) и побывайте у Апухтина и Голицына; я не знаю, почему оба последние не отвечают на мои письма. Письмо, о котором пишет Толя в приписке к письму Моди, я не получил.

Объясни мне пожалуйста, Толя, отчего ты получил 5 из физической географии[1] и будет ли это иметь дурные последствия? О том, как проведете масленицу, напишите мне, пожалуйста, подробно; я с своей стороны расскажу Вам все, что будет интересного. Вероятно, если приедет Ларош, проведу время неразлучно с ним. Начинаю подумывать об опере. Все либретто, подаренные мне Рубинштейном, оказались безмерно плохи, я остановился на другом сюжете и хочу сам составлять слова; это будет простая переделка одной трагедии[2]. Здесь есть, впрочем, поэт Плещеев, который согласится помогать мне при этом. Прощайте, мои милые. Если Коля в Петербурге, то влепите ему от меня безешку и скажите, что я ему напишу в Ковно. Кланяйтесь Ипполиту, Лизавете Михайловне скажите, чтоб она не сердилась, что я не пишу. У тети Кати, я надеюсь, Вы будете!

Целую и обнимаю.

П. Чайковский.

*65. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
6 февраля 1866 г.

Милый моя Толяша! Прости, что не сейчас же написал тебе ответ. Я рассудил, что лучше будет, если письмо придет к тебе в училище (где, может быть, оно тебя рассеет, чем в вихре масленицы). Отвечаю на твое письмо от 22 января, которое я получил 31-го [1]. Хорош Апухтин! [2] Касательно преследующей тебя мысли о ничтожности и бесполезности советую тебе эти глупейшие фантазии отбросить. Это чрезвычайно несовременно; в наше время такие соболезнования о своей персоне были в моде, это было общее веяние, свидетельствовавшее только о том, что наше воспитание делалось крайне небрежно. Юношам в шестнадцать лет не годится тратить время на обдумывание и оценивание своей будущей деятельности. Ты должен только стараться, чтобы настоящее было привлекательно и таково, чтоб ты собою (т. е. шестнадцатилетним Толей) был доволен. А для того нужно: 1) трудиться, трудиться и избегать праздности, чтобы быть готовым переносить труд впоследствии; 2) очень много читать, 3) быть относительно себя как можно скромнее, т. е., сознавая себя не дураком, не вообразить уже по этому самому, что все остальные дураки и что какое-то сверхъестественное влияние мешает толпе распознать твои таланты и умственные способности; вообще приготовляться быть обыкновенным хорошим человеком, а не гением, для которого закон не писан; 4) не увлекаться желанием нравиться и пленять; в отношениях с товарищами (а это, пока ты в училище, очень важно) быть не слишком гордым, но и не заискивающим их дружбы; с теми же, которые тебя не любят или обращаются небрежно, воздавать им тою же монетой, но не доводить себя до сантиментальных ссор с столь же чувствительными примирениями и т. д.; 5) не смущаться неудачами, как-то: дурными баллами, несправедливостями Шнейдера, беснованием языков, юродством Горлова и Алопеуса и т. п.,— все это в сравнении с тем, что будет в жизни после выпуска, совершеннейшие пустяки. Я желал бы, чтоб ты был первым в классе, но хоть бы ты был последним, то в глубине души я бы не сердился на тебя, если б только знал, что это произошло не от лени. Дурной правовед может быть тем не менее отличным человеком. 6) Но главное, главное — много не воображать про себя и готовить себя к участи обыкновенного смертного. Ты говоришь, что быть чиновником не привлекательно. А я тебе скажу, что я знаю кучу умнейших, даровитейших и образованных тех людей, проводивших всю жизнь в департаментах, но не воображавших

себя непризнанными гениями, а потому счастливых (примеры: Пичугин, Адамов, Маслов, Сатин и т. д.).

Масленицу всю я просидел безвыходно дома. Много писал и читал. Морозы здесь ужасные. Радуюсь при мысли, что великий пост близко; я его считаю преддверием весны и лета, и о лете я мечтаю с наслаждением, конечно, намереваясь его провести с тобою у Саши. О серьезном деле, что я хотел вам говорить, я раздумал; скажи Моде, что на его письмо я буду отвечать особо. Рассказывать мне решительно нечего, а потому и кончаю, прося тебя подробно рассказать, как Вы провели масленицу.

Целую тебя множество раз. Поцелуй Модю.

П. Чайковский.

66. А. И. Давыдовой

Москва
7 февраля 1866 г

Милый друг Саша! Не знаю, получила ли ты мое первое письмо из Москвы. Я его не сам отдавал на почту, а потому несколько сомневаюсь, притом же от тебя не получаю до сих пор ответа, и мне бы хотелось иметь о Вас известие.

Я начинаю понемногу привыкать к Москве, хотя порою и грустно бывает мое одиночество. Курс идет, к моему удивлению, чрезвычайно успешно, робость исчезла совершенно, и я начинаю мало-по-малу принимать профессорскую физиогномию. Ученики и особенно ученицы беспрестанно изъявляют мне свое удовольствие, и я этому радуюсь. Хандра тоже исчезает, но Москва все еще для меня ч у ж о й город, и много еще пройдет времени, пока я начну без ужаса думать о том, что придется в ней остаться или надолго или навсегда. Продолжаю жить у Рубинштейна и, вероятно, останусь у него до самого лета. Он очень хороший господин, да и вообще люди в Москве какие-то всё хорошие. В музыкальном отношении здесь гораздо хуже Петербурга. Опера отвратительная, концерты Музыкального общества тоже во многих отношениях хуже. Зато здесь необыкновенно хорош русский театр (ты, впрочем, имеешь о нем понятие). Рубинштейн очень заботится о моем увеселении; два раза таскал меня в маскарад (где, как всегда, было скучно), доставляет случаи даром бывать в театре и т. д. От знакомств совершенно отказался, кроме музыкальных. Впрочем, бываю часто в одном доме по соседству; это некие Т а р н о в с к и е, муж с женой и двумя прелестными племянницами. Особенно одна из них меня сильно пленяет[1]. Масле-

ницу провел очень тихо и все время почти просидел дома, только вчера ходил на балаганы и был там в цирке. Мороз был неимоверный, и смотреть на наездниц в газовых платьях было прежалко. Сегодня первый день поста, и Москва как будто вымерла. Я ужасно радуюсь наступлению этого периода времени; великий пост служит trait d'union * весне, а за ней и лету. А лето я предполагаю, если только какие-нибудь необыкновенные препятствия не помешают, провести у Вас. Ты не поверишь, с каким наслаждением я об этом мечтаю; молю бога, чтоб только Вы все были здоровы, и даже (pardon!) желал бы, чтоб ты к тому времени не была в интересном положении, и прошу Леву об этом позаботиться.

Напиши, не собираетесь ли Вы уехать за границу. Это бы меня очень, признаться, огорчило, хотя я от всей души желаю исполнения всяких Ваших планов и мечтаний. На письма из Петербурга я не успеваю отвечать, так много их получаю, и это меня несказанно утешает. Братьями я очень доволен, они доказали, что искренно меня любят, за что я им воздаю сторицей. Из Ваших получил два письма от Лизаветы Васильевны и одно от Александры Ивановны. О Папаше давно уже не имею известий и жду с нетерпением. Как-то поживаете Вы и милые, чудные девочки? Поцелуй их от меня хорошенько. Что Левушка, занят ли очень и доволен ли ходом работ? Расскажи мне также что-нибудь про здоровье и расположение духа Николая Васильевича.

Итак, целую Вас всех наикрепчайшим образом.

П. Чайковский.

67. М. И. Чайковскому

1866 г. февраля начало — середина? Москва.

Милый друг Модоша!

Я все это время очень занят, а потому так долго и не писал Вам. Рубинштейн задал мне очень важную работу, которую я хочу кончить к третьей неделе поста[1]. Ответы на твои вопросы следующие:

1) Относительно беспокойства о ничтожестве твоей личности прочти то, что я писал к Толе. Странно, что Вы оба, вероятно не сговорившись и независимо от взаимного влияния друг на друга, страдаете одним и тем же.

---

* соединительной чертой

2) О том, что Толя к тебе пристает, чтоб ты не занимался онанизмом, то в этом я его поощряю. Только постоянным надзором и даже именно приставанием можно тебя отучить от этого постыдства. Я даже Толстому хотел писать, чтоб он следил за тобой и стыдил тебя в случае, если попадешься. На онанизм вообще следует смотреть, как на отвратительную привычку, вкореняющуюся очень глубоко, и поэтому-то лучше оскорблять иногда твое самолюбие и делать маленькие неприятности, чем допустить до погибели. Ты знаешь, что Анатолий если иногда и действительно надоедает тебе своим гувернерством, то ведь в сущности он это делает по любви и желанию всякого добра. Точно так же и ты наблюдай за его несносным гримасничаньем и доводи его до бешенства, лишь бы он отучился. Ужасно затрудняюсь, когда приходится говорить про себя; жизнь моя совершенно однообразна и тиха, так что я и не знаю, что писать тебе. Вот разве одно маленькое обстоятельство. Я бываю довольно часто у соседей Тарновских. Там есть одна племянница, которая до того прелестна, что я подобного еще ничего не видал. Я, признаться, очень ею занят, что дает Рубинштейну случай приставать ко мне наиужаснейшим образом. Как только мы приходим к Тарновским, ее и меня начинают дразнить, наталкивать друг на друга и т. д. Зовут ее дома М у ф к о й, и я в настоящее время занят мыслью, как бы достичь того, чтобы и я имел право называть ее этим именем; для этого стоит только покороче с нею познакомиться. Рубинштейн был в нее тоже очень влюблен, но уже давно изменил. Нрав мой теперь в лучшем порядке; я стал очень спокоен и даже весел. Меня очень утешает мысль о близости святой, лета и т. д. Я полагаю приехать в Петербург на всю страстную и святую. От Саши получил большое письмо вчера. Она непременно нас ожидает к лету; меня только беспокоит то, что опять ваше путешествие должно совершиться на чьи-нибудь чужие деньги. Я сделал на-днях большой подвиг, т. е. написал письмо к Лиде Ольховской. Пожалуйста, отправьтесь в это воскресенье к ней обедать.

Целую тебя, милый Модоша, весьма крепко. Сделай то же с Анато[шей].

П. Чайковский.

*68. *А. И. Чайковскому*

Москва,
6 марта 1866 г.

Теперь наше свидание так близко, что и писать не стоит, ибо на страстной неделе я буду в Петербурге и все мои по-

мысли заняты исключительно этой поездкой; только сомнение берет относительно остановки. Напиши, где мне лучше всего остановиться. У Давыдовых я не хочу ни за что; остается избрать Лизавету Михайловну или тетю Катю; обдумав этот весьма важный для меня вопрос, я прошу Вас дать мне совет, и скорее. У тети Кати я боюсь ее болезни, у Лизаветы Михайловны — отдаленности от центра города. Итак, что лучше?

Эта неделя прошла для меня довольно бурно и очень приятно. Во-первых, в прошлое воскресенье я встретил в концерте в Большом театре Иванова, товарища и приятеля по Училищу, и на другой день был у него. Это с тех пор, что я в Москве, первое свидание с приятелем, и оно мне было в высшей степени приятно. В среду приехал сюда Кологривов и доставил мне тоже большое удовольствие. У Тарновских продолжаю бывать постоянно и хотя в Муфку (вследствие некоторых причин) не влюблен, но нахожу удовольствие с нею болтать. В концерте бываю каждый вечер, в пятницу на концерте Рубинштейна игралась увертюра моего сочинения и имела успех. Я был единодушно вызван и, говоря высоким слогом, приветствован громкими рукоплесканиями. Еще лестнее для моего самолюбия была овация, сделанная мне на ужине, который после концерта давал Рубинштейн. Я приехал туда последним, и, когда вошел в залу, раздались весьма долго продолжавшиеся рукоплескания, причем я очень неловко кланялся во все стороны и краснел. За ужином после тоста за Рубинштейна он сам провозгласил мой тост, причем опять — овация. Пишу Вам все это так подробно, ибо это в сущности мой первый публичный успех, а потому весьма мне приятный (еще одна подробность: на репетиции мне аплодировали музыканты). Не скрою, что это обстоятельство прибавило Москве в моих глазах много прелести [1].

Получил длинное письмо от тети Кати; она в таких ужасных красках описывает мне положение тети Лизы, что я был очень взволнован, а отчего не пишет мне подлец Ларош, — я этого не понимаю. Так как писать более решительно нечего, то я и останавливаюсь, посылая тебе множество поцелуев и Моде тоже. За рапортичку, присланную Модей, я очень благодарен, она меня до того обрадовала, но вместе и удивила, что я даже имел подлость усумниться подлинности; признаться, Модька, я не ожидал от тебя такой прыти.

Итак, прощайте и отвечайте скорее сверх абонемента, т. е. немедленно по получении письма.

[П. Чайковский.]

*69. *А. И. и М. И. Чайковским*

[Москва]
7 апреля 1866 г.

Братцы!

Простите, что долго не писал. Путешествие совершил благополучно [1]. Известие о покушении на государя [2] дошло до нашего поезда уже на той станции, где мы пили чай, но только в очень неясном виде; мы уже вообразили, что государь умер, и одна близ сидевшая дама даже проливала по этому случаю слезы, а другая восхваляла необыкновенные качества души будущего государя. Только в Москве я узнал, в чем дело. Овации здесь происходят уму невообразимые, например, в Большом театре третьего дня давали «Жизнь за царя», но его-то (как сказал бы Ларош) вовсе и не было. Как только появлялись поляки, так поднимался крик: «долой, долой поляков!», хористы конфузились и умолкали, а публика требовала гимн, который и был пропет раз двадцать [3]. В конце вынесли на сцену портрет государя, и далее уже нельзя описать, что была за кутерьма [4].

С железной дороги я прямо попал на урок, и это подействовало на меня хорошо, т. е. я сразу опустился в прозу моей московской жизни. Был принят здесь, конечно, весьма хорошо; у Тарновских в тот же день давался обед, а потом музыкальный вечер, который я открыл увертюрой из «Руслана и Людмилы». Погода здесь стоит великолепная, тепло, как в июне, и я вчера долго гулял по Александровскому саду. Разговоры все теперь вертятся на покушении против государя, и Комиссаров сделался в один день величайшею знаменитостью; в московском Английском клубе его единодушно избрали в почетные члены и послали ему золотую дворянскую саблю. Скучаю я довольно сильно, и, что всего глупее, у меня уже началось лихорадочное ожидание лета, так что я то и дело рассчитываю дни и часы, а это будет отравлять теперь мою жизнь, ибо все будет казаться, что еще очень долго. О поездке в Петербург, кажется, нечего и думать, ибо из одного разговора, который я имел вчера с Рубинштейном, оказывается, что обстоятельства финансовые мне этого не дозволят. Вчера вечером случилось следующее курьезное обстоятельство: я остался у Тарновских один с тремя женщинами, и они насильно заставили меня с ними танцовать вальс, причем каждая по очереди играла; я устал до того, что насилу добрел до своей комнаты.

Целую. Пишите.

[П. Чайковский].

70. А. И. и Л. В. Давыдовым

[Москва]
8 апреля 1866 г.

Милые мои Лева и Саша!

Чувствую, что виноват перед Вами, слишком редко пишу, но уж Вы меня простите. Я ездил [в] Петербург и провел там две недели очень приятно, несмотря на то, что я приехал туда как раз ко дню смерти бедной Кати[1]. Свиданье со всеми близкими сердцу было мне несказанно приятно; у Ваших бывал беспрестанно, они так же удивительно добры, как и всегда. Бедная Вера ужасно скучает о том, что не может ехать в Каменку, и я даже боюсь, что это лето плохо подействует на ее и без того слабое здоровье; когда нужно говорить о даче и о Каменке, то она всякий раз с трудом удерживает слезы, а иногда и просто плачет. Нельзя ли устроить ее поездку? Кстати, уж буду адвокатом за еще двух существ, которые только и бредят о Каменке. Ты писала Вере, что можно бы было Толю и Модю оставить в Петербурге; но мы с нею решили даже не говорить им покамест о таком решении; они (особенно Толя) совершенно упали бы духом. Одна из причин, почему им бы это лето хотелось провести в Каменке, та, что я буду у Вас, и это теперь единственное место, где мы можем пожить вместе. Если б ты знала, как эти два господина ко мне искренно привязаны (за что, впрочем, я воздаю им сторицей), то тебе бы стало жалко разлучать их со мною. Итак, милые друзья, если есть малейшая возможность, устройте эту поездку. Очень может быть, что часть издержек я в состоянии буду принять на себя. (Модесту, не столь страстно любящему Каменку, можно предложить остаться в Петербурге, может быть он и согласится.)

Вся Москва теперь в страшном волнении по поводу покушения на жизнь государя; овации здесь происходят невообразимые; вы прочтете в «Московских Ведомостях» о том, что было, например, третьего дни в Большом театре (давали «Жизнь за царя»), где и я присутствовал. По-моему, московская публика в порыве энтузиазма превзошла пределы благоразумия. Опера собственно и не шла, ибо, как только поляки появлялись, весь театр вопил: «Вон поляков!» и т. д. В последней сцене четвертого акта, когда поляки должны убить Сусанина, актер, исполнявший эту роль, начал драться с хористами-поляками и, будучи очень силен, многих повалил, а остальные, видя, что публика одобряет такое посмеяние над искусством, над истиной, над приличием,— попадали, а торжествующий Сусанин удалился невредим, махая грозно руками и при оглу-

шительных аплодисментах москвичей. Согласись, что это превышает всякое вероятие.

Дела мои идут успешно. Кажется, я уже писал Вам о моем композиторском успехе в Москве. 24 апреля моя увертюра (та же самая) будет исполняться в Петербурге на concert-monstre в Михайловском манеже[2]. К сожалению, я там не буду. В Каменку полагаю прибыть в 20-х числах мая; перед отъездом напишу Вам еще.

Целую Вас обоих до изнеможения, а также и детей. Кланяйся Николаю Васильевичу и наидобрейшей Катерине Васильевне. Скажи ей, что если я забывал передавать ей поклоны, то это чисто по рассеянности, ибо ты знаешь сама, как мне она симпатична.

[Подписи нет.]

**71. А. И. и М. И. Чайковским*

[Москва]
16 апреля [1866 г.]

Братцы!

Очень я на Вас сердит, что больно мало мне пишете. Впрочем, и мне писать решительно нечего; такого однообразия жизни, какой я веду теперь, я и не ожидал. Хорошо еще, что все продолжаются разные торжества, и это несколько скрашивает Москву. На-днях здесь были Голицын и Шаховской; с первым я раз обедал у Дюссо. Не могу сказать, чтоб я был особенно рад его видеть; он вовсе не принадлежит к числу моих ближайших друзей; при том же в последнее время пустота и ничтожность этих людей стали особенно сильно бросаться мне в глаза[1].

Приобрел себе нового друга в лице профессорши пения Вальзек. Славная немка. Меня что-то очень полюбила. На-днях я провел у ней целый вечер; под конец она меня угостила собственного изделия картофельным салатом; это было до того вкусно, что я подобного никогда еще не ел.

Ряды моих учениц начинают редеть, так что я найду, вероятно, возможным уехать отсюда к Саше 15 мая. Позаботьтесь о том, чтоб Вам взяли билеты во-время.

В Петербург ехать надежды мало. У Тарновских бываю так же часто, как и прежде; к Муфке совершенно охладел. Ее замужество с Салютенковым, кажется, расстраивается; вообще я в ней очень разочарован. Больше писать решительно не в состоянии. Я только что написал три письма: к Лизавете Васильевне, Лизавете Павловне и тете Кате.

Целую Вас. Толя! Приветствие Петровского я ни мало не нашел остроумным. Андрюше Апухтину и Быкову кланяюсь.
[П. Чайковский.]

*72. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
25 апреля [1866 г.]
Вечером.

Давно от тебя не получаю ни одной строчки и несколько о том тоскую.

Вообще я забыт всеми и о том, что делается в Петербурге, не имею понятия. День мой теперь сделался довольно регулярен и по большей части проводится следующим образом. Встаю между 9 и 10 часами; валяясь в постели, разговариваю с Рубинштейном и потом пью с ним чай; в 11 часов или даю урок до 1 ч. или сажусь за симфонию [1] (которая, между прочим, идет вяло) и таким образом сижу в своей комнате до половины третьего; при этом ко мне заходит обыкновенно Кашкин или Вальзек (профессорша пения, сделавшаяся моим новым другом). В 2½ иду на Театральную площадь в книжный магазин Уметина, где ежедневно прочитываю все газеты, оттуда иногда хожу гулять на Кузнецкий мост. В 4 часа обедаю по большей части у Тарновских, иногда у Нилусов (всего в эти три недели был три раза) или в трактире. После обеда или опять иду гулять или сижу в своей комнате. Вечером почти всегда пью чай у Тарновских, но иногда бываю в клубах (три раза в Артистическом, два раза в Купеческом и один раз в Английском), где читаю журналы. Домой всегда возвращаюсь часов в 12; пишу письма или симфонию, а в постели долго читаю. Сплю в последнее время отвратительно; мои апоплексические ударики возобновились с большею силою, чем прежде, и я теперь уже, ложась спать, всегда знаю, будут они у меня или нет, и в первом случае стараюсь не спать; так, например, третьего дня я не спал почти всю ночь. Нервы мои расстроились опять донельзя; причины тому следующие: 1) неудачно сочиняемая симфония [2]; 2) Рубинштейн и Тарновский, которые, заметив, что я пуглив, целый день меня пугают самыми разнообразными способами, 3) непокидающая меня мысль, что я скоро умру и даже не успею кончить с успехом симфонию; словом, я, как обетованного рая, жду теперь лета, ибо надеюсь, что в Каменке обрету спокойствие, забвенье всех неудач и здоровье. Со вчерашнего дня перестал пить водку, вино и крепкий чай.

Хоть у Тарновских я бываю часто, потому что чувствую там себя как дома и никто, слава богу, уже давно меня не за-

нимает, но они подчас меня ужасно бесят своею невообразимою пустотой и чисто московскою привязанностью ко всему отсталому, старому, к Муравьевщине, Катковщине и т. д. Вообще я ненавижу род людской и с удовольствием удалился бы в пустыню, с самой незначительной свитой.

Милый Толя, я содрогаюсь при мысли, что мы в это лето будем так же часто ссориться, как в прошлом году.

Билет в дилижанс я уже взял на 10-е мая.

Милого Модошу целую и благодарю за письмо; буду ему на-днях отвечать.

[П. Чайковский.]

*73. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
3 мая 1866 г.
Вечером

Милый Толяша! Очередь писать мне сегодня к Моде, но так как я не знаю его адреса (т. е. забыл, в чьем доме тетя Лиза), то пишу тебе.

Заключение твоего письма, где ты говоришь, что надеешься получить хоть одно известие до моего отъезда, меня очень удивило. Неужели ты думаешь, что я без тебя поеду к Саше? Ты, кажется, знаешь, что я тебя люблю более кого-либо, и если я прежде мог проводить два лета сряду без тебя, то, во-первых, я всегда по тебе скучал, а, во-вторых, мы тогда круглый год жили более или менее вместе. Итак, о моей особе не сокрушайся; если ты останешься в Петербурге, то и я проведу его там же, да я уже теперь почти решил, что не поеду. Жду только положительного извещения о Вас, т. е. едете Вы или нет.

Погода теперь в Москве стоит удивительная, поэтому и расположение духа моего очень поправилось; я целые вечера одиноко просиживаю в Александровском саду у самого Кремля. В воскресенье (1 мая, с которым Вас поздравляю) я был на самом великолепном гулянье, какое можно себе представить, в Сокольниках; я ездил туда в коляске с М-me Нилус. Сегодня был у Тарновских обед, по случаю дня рождения их сына, и я очень много выпил шампанского, и по этому случаю мне страшно хочется спать.

Засим целую тебя, и до скорого свиданья. Надеюсь, что Шнейдерская придирчивость не обескуражила тебя и что следующий экзамен ты выдержал хорошо. Поцелуй Модю; письмо никому не показывай [1].

[П. Чайковский.]

74. А. И. Давыдовой

[Москва]
14 мая 1866 г.

Милый друг Саша! Не писал тебе так давно потому, что все хотел принять окончательное решение относительно моего отъезда и никак не мог. Вот в чем дело.

Шоссе из Москвы в Киев наполовину испорчено, а потому дилижансы ходят только до Довска, а затем пассажирам предоставляется ехать на перекладных по провалившемуся шоссе. Недели три тому назад я пошел в контору дилижансов взять билет. Чиновник объявил мне, что я могу взять билет на 16-е мая только до Довска, и прибавил, что к этому времени дорога будет исправлена. Я имел неосторожность взять билет и заплатить 19 р. с. с тем, что в день отъезда мне билет переменят до Киева. Теперь оказывается, что шоссе точно так же испорчено, как и прежде, исправлено будет не ранее июля и дилижансы ходят все-таки не далее Довска. О дороге между Довском и Киевом здесь рассказывают такие ужасы, что из Москвы я не решаюсь ехать, хоть оно может быть и глупо. Ты не можешь себе представить, как эта глупая помеха расстраивала меня все это время; целую зиму я только и мечтал о Каменке, о свидании с Вами, о покое душевном, который только у Вас я и нахожу, и вдруг это глупейшее и подлейшее шоссе! Братья тоже не могут еще решиться ехать к Вам, ибо стыдятся взять денег от Александры Ивановны. Они умоляют меня приехать теперь в Петербург, чтобы все это дело хорошенько рассудить и положить решение сообща.

По всем этим причинам я покамест положил:

1) Билет в дилижанс отдать в контору (что уже я и сделал).

2) Завтра отправиться в Петербург, решить с братьями вопрос о нашем путешествии и повидаться с Папашей, который там будет в конце мая.

3) Если во исполнение моего пламенного стремления к Вам все затруднения устранятся, — совершить путешествие вместе с братьями в начале июня.

Если ты будешь удивляться отвращению, которое внушает мне дорога от Довска до Киева, то я тебе скажу, что кроме неудобств, меня останавливает также недостаточность финансов, ибо у меня на дорогу в Каменку хватает только в случае возможности ехать до Киева в дилижансе, ибо деньги за мой перевод [1] я получу не ранее августа месяца. Итак, целую тебя, Леву и детей до бесконечности. Из Петербурга, как только решится дело, напишу. Если б ты знала, как я расстроен и со-

крушен неудачей! Впрочем, не теряю еще надежды обнять Вас всех в июне.

П. Чайковский.

75. А. И. Давыдовой

[Петербург]
7 июня [1866 г.]

Милая моя Санюшка!

Тебе Толя уж вероятно объяснил многочисленные причины, заставившие меня отказаться от поездки в Каменку. Это мне очень, очень дорого стоило, тем более, что я лета и Каменки чаял, как манны небесной; теперь буквально часу не проходит, чтоб я по поводу самых незначительных обстоятельств не вспоминал до малейших подробностей все, что делалось ровно год тому назад у Вас. Мне так хотелось п о г р е т ь с я около Вас, т. е. тебя, Левы и ваших детей, которых я, право, люблю, как бы моих собственных, может быть оттого, что таковых у меня никогда не будет. Все, что ты пишешь о них (например, вчерашнее описание Анюты в письме Левы), есть для меня нож в сердце, ибо сейчас же является мысль: зачем не поехал? и т. д. Да и увижу ли я Вас осенью, бог знает. Вот и еще одного греятельного аппарата лишился надолго, и это лишение весьма для меня чувствительно. Я говорю о Тольке. Впрочем, если Вы не решитесь приехать в Петербург и если его присутствие доставляет Вам большое удовольствие, то приношу Вам его в жертву, ибо, клянусь, я весьма озабочен настроением Вашего духа, могущего сделаться минорным, если поездка в Петербург не осуществится. Словом, да будет так, как Вам желается.

Мы живем на Мятлевской даче в сущности совсем недурно, и если бы не постоянно грызущая мысль о Каменке, то можно было бы найти эту жизнь приятной; погода порядочная[1]. Папашу вижу беспрестанно; он теперь уже нимало не скрывает своих узаконенных отношений к Лизавете Михайловне, и я его за это хвалю. Мне иногда приходит в голову, что провидение поступило очень благосклонно, ниспослав ему (т. е. Папаше) упокоение старости в лице этой женщины. Он нуждается именно в женском уходе, а она ухаживает за ним, как за ребенком. Когда он приехал в Петербург, она собственноручно обмыла его чуть ли не с ног до головы. Эта непоэтическая подробность меня тронула; я подумал: а что если бы ее не было? Кто бы приготовил ему мягкий биток для его беззубия, еще более мягкую постель для усталого тела, совершенно готовое для принятия его помещение и тысячу разных мелочей, возможных только, когда имеешь около себя любящую и пре-

данную женщину. И вот как странно устроены люди! Женщина, казавшаяся бесстыдною и бессовестною, оказывается нежной, преданной, полезной и необходимой для всей мужской половины нашей фамилии, а между тем на самом дебюте своей карьеры, т. е. при поступлении к нам в должность экономки, она подвергается разным оскорблениям, малым и большим, даже однажды получает от двух соединенных теток такой реприманд, от которого она долго не могла опомниться. Да, воистину добродетели скрываются вовсе не там, где мы читаем их вывеску. Ибо что, например, за такое rendez-vous всех добродетелей тетя Лиза? А ведь как она мало снисходит к слабостям других и как любит уязвить ближнего! Я говорю это потому, что нахожусь под впечатлением одного ее милого поступка. Впрочем, не в том дело.

Что за идеальные люди Давыдовы! Но и это для тебя не новость, а мне трудно удержаться не говорить об них; в такой интимности, как теперь, я еще никогда с ними не жил, и мне приходится каждую минуту удивляться бесконечной их доброте.

Теперь обращаюсь к тебе, Толька! Я думаю о тебе ежеминутно, а за Вашим путешествием следил шаг за шагом. В настоящую минуту только не могу наверное себе представить, что ты делаешь, так как не знаю, поспели ли Вы к пароходу в понедельник. Полагаю, что нет. В таком случае ты теперь спишь в гостинице «Европа», что также делает Модест, смущая ночную тишину весьма изрядным храпом. Он ведет себя хорошо. Я нахожу, что он очень исправился в отношении обидчивости; никаких сцен ни у кого с ним не бывает; целый день поет или пляшет самым безвредным и безобидным способом. На меня даже очень приятно действует его постоянная веселость и какая-то ровность нрава; каждый вечер он вместе с Александрой Васильевной заказывает кушания, а по туалетной части сделался всеобщим и необходимым советником. Я уже начал оркестровать симфонию. Здоровье в вожделенном состоянии; только на-днях не спал целую ночь, ибо долго занимался, а потом меня мучили ударики [2].

Напиши мне, Саша (впрочем, не трудись мне писать отдельно; я знаю, сколько ты пишешь), как здоровье Левы и прошла ли его боль в груди.

Целую Вас всех от глубины души (прости за чушь) и кланяюсь всем, не исключая Вани; я как-то вспомнил его милую и добрую физиогномию, и мне стало грустно, что и его не увижу нынче!

Толя, жду письма от тебя. П. Чайковский.

*76. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
8 ноября [1866 г.]

Милый мой друг! Вот видишь, как ты скверно сделал, что по лени не согласился вести дневник для меня. Во-первых, я скучаю, ничего не зная о тебе, а во-вторых, твоя леность и меня сбила с толку, а мне гораздо легче было бы писать каждый день по три строки, чем настрочить разом целое письмо.

Я попрежнему здоров и по возможности счастлив; со всеми живу в мире и согласии и ежечасно помышляю о приближающемся свидании с Петербургом. Увертюру для Дагмары совершенно окончил, но, кажется, приезд ее в Москву отложен до апреля, и, следовательно, я напрасно торопился[1]. Теперь займусь переделкой симфонии[2], а там, может, понемножку примусь за оперу. Есть надежда, что сам Островский напишет мне либретто из «Воеводы»[3]. Сделал несколько новых знакомств, в том числе с кн. Одоевским[4] и первой московской красавицей княгиней Мещерской, у которой вчера провел вечер. Я не помню, писал ли я о Альбрехте. Этот господин играет большую роль в моей московской жизни, а потому следует сказать о нем несколько слов. Во-первых, это милейший человек во всей Москве; я еще в прошлом году с ним очень сошелся, а теперь до того полюбил и привык к нему, что в его семействе нахожусь как дома, и это для меня подчас большое утешение. Во-вторых, я довольно сильно привязался к его двум весьма милым детям, с своей стороны меня очень любящим. На-днях жена его должна родить третьего, и я уже заранее приглашен быть крестным отцом. Он занимает место инспектора консерватории и живет здесь же; Рубинштейн и я обедаем у него в качестве нахлебников почти ежедневно. Что касается до Тарновских, то я бываю у них довольно часто, однако несравненно реже прошлого года. Посылаю тебе довольно остроумный menu одного обеда у князя Одоевского, на котором я присутствовал вместе с Рубинштейном, Лауб, Коссманом и Альбрехтом, покажи его Давыдовым. На-днях хочу снять с себя карточки и прислать Вам. Что пишешь: отчего у меня нет денег? Их у меня бывает много, но ведь и трат ужасно много![5] А Боксо? а новое платье и теплое пальто?

Сегодня посылаю Папаше долг. Целую тебя крепко, крепко во всякие места!

Что Модя мне не пишет? Это меня начинает удивлять. Напиши мне что-нибудь о тете Кате и Дитловой. Целую всех,

начиная с Папаши, Сашу, Леву, детей покрепче обнимаю, Лизавете Михайловне низко кланяюсь.

Получил письмо от А. В. Давыдовой.

[П. Чайковский.]

*77. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
1 декабря 1866 г.

Голубушка моя! Давно уже не писал тебе; не сердись, ибо не имеешь права сердиться. Ты должен знать, что... и т. д. Я только что воротился с одного вечера, на котором слышал превосходные вещи Шумана, исполненные Лаубом и Рубинштейном; после музыки был великолепный ужин, а потому и письмо это пишу с некоторым трудом.

На прошлой неделе приезжал сюда Кросс. Останавливался он у нас. Я провел с ним четыре дня неразлучно; довольно сильно кутили, и по этому случаю я истратил порядочный куш денег. Кутеж этот закончился маскарадом в воскресенье в Большом театре. Время в нем я провел довольно весело; меня весь вечер интриговала какая-то совершенно повидимому мне неизвестная, но тем не менее интересная и меня хорошо знающая маска. Потом я присоединился к Рубинштейну и ужинал с ним и его маской, причем мы пили (впрочем, кроме меня) ужасно много, так что мне пришлось везти домой Рубинштейна совершенно пьяного; я еще в первый раз видел его в таком ужасно пьяном виде. На другой день у меня страшно болела голова и я насилу сидел у себя в классе. Также несколько раз виделся я здесь с Кюзелем, который на-днях едет в Петербург и отвезет Саше и Давыдовым мои карточки. Для Папаши я собираюсь сделать большой портрет и на-днях буду сниматься; скажите ему это. Представь, что у меня все время (т. е. месяца два) была уверенность, что тетя Катя умерла, основанная на том, что Вы ни разу об ней не писали мне и я приписывал это нежеланию огорчать меня. Из письма Моди, рассказывающего, что он там веселился 24 ноября, я впервые получил об ней известие, и ты себе не можешь представить, как я обрадовался, что она весела и жива. Поцелуйте ее от меня и не говорите об моем глупейшем предположении. Впрочем мысль, что в Петербурге кто-нибудь умер, меня постоянно и неуклонно преследует [как] кошмар, и если ты не хочешь, чтоб иногда вследствие твоего молчания и о тебе эта бессмыслица не закралась в моем воображении, то пиши хоть два слова каждую неделю. В Петербург приеду 25-го числа утром, если останусь жив и здоров.

[П. Чайковский.]

1867

78. М. И. Чайковскому

1867 г. Москва[1].

Модест!

Во-первых, позволь тебя поругать. Анатолий писал мне, что ты сделал нечто очень бесчестное и скверное; не знаю, в чем дело, но хорошо знаком с твоим характером; — чтобы повеселиться и кутнуть, ты по бесхарактерности готов на всякую штуку. На Анатолия не сердись: несмотря на его привычку к тебе придираться иногда несправедливо, он тебя любит и напрасно серьезно обвинять не станет. Ах, Модька! Я серьезно боюсь за тебя! Помнишь, что я тебе говорил насчет отсутствия правил и сколько-нибудь серьезного взгляда на жизнь? Ради бога, подумай о себе и о своей будущности.

Также ругну тебя за то, что обещал мне писать много, а ничего не пишешь. Я совершенно здоров и время провожу приятно; веселий и публичных наслаждений, впрочем, не имею никаких, ибо в театре с приезда в Москву был всего раз, да еще раз при открытии цирка, где, между прочим, случился при мне страшный случай. Какие-то мошенники, желая воспользоваться суматохой, начали сильно шикать и махать руками; публика, не зная в чем дело, стала им подражать, представление остановилось, раздался крик: «п о ж а р!», и вся масса с невыразимым воплем кинулась к выходу, ломая по пути все, что попадалось, падая друг на друга, не обращая никакого внимания на увещания нескольких благоразумных людей, в числе коих, конечно, был я. Словом, история ужасная.

Если ты хочешь знать, что́ я по вечерам делаю, то я должен признаться, что часто поигрываю в картишки по-маленькой, причем всегда проигрываю. Также бываю в клубе и у некото-

рых знакомых. Напиши мне и поподробнее обо всех, кто что делает. Если не хочешь показать Анатолию письмо, то, по крайней мере, поклонись ему и скажи, что я ему скоро напишу.

П. Чайковский.

*79. А. И. Чайковскому

[Москва]
2 мая [1867 г.]
Вечером

Я начинаю бояться, что по поводу экзаменов не получу от тебя ни одного письма, а между тем мне очень интересно знать, как сошло Римское право, и что было потом, и к чему ты готовишься теперь, и т. д. Итак, найди свободную минутку и отпиши.

Про себя сказать хорошего нечего. Всю прошлую неделю прохандрил, чему причиною следующие три обстоятельства: 1) дурная погода, 2) безденежье, 3) утрата всякой надежды найти потерянное либретто[1].

Про праздники, бывшие здесь, говорить нечего; они известны по газетам[2]. На гулянье вчера в Сокольниках не был, ибо предпочел прочесть «Дым», которому посвятил весь вечер и не раскаивался. Очень часто вижусь с Ларошем; познакомился у него недавно с одним очень интересным человеком, здешним профессором университета Бугаевым. Невероятно ученый и очень умный малый; на-днях он до глубокой ночи говорил нам об астрономии и последних открытиях в этой области. Боже! какими мы выходим невежами из Училища, и до какой степени мною овладевает ужас, когда приходится встретить начитанного и истинно просвещенного человека[3]. Скажу тебе, как говаривал нам Постельс: «Читайте, мои милые, и внимайте, внимайте и читайте!»

Напиши мне об экзаменах Модеста и попроси его написать мне; от меня он получит письмо на будущей неделе. Распоряжайтесь мною на лето как хотите. Около 28 мая я буду в Питере.

Папашу и всех лобызаю. Уехала ли Саша?

[П. Чайковский.]

*80. А. И. Давыдовой

Гапсаль
20 июля [1867 г.]
Вечером.

Сильно я виноват перед тобой, милая Сашура, прости, пожалуйста. Вот тебе изложение наизамечательнейших обстоятельств моей гапсальской жизни.

Путешествие наше в Финляндию ты уже знаешь; это была одна из тех глупостей, на которые так способен твой покорнейший слуга. В Гапсаль я приехал с сильным против него предубеждением и весьма ничтожным запасом денег, но с каждым днем я открывал в нем различные достоинства, наконец окончательно меня с ним примирившие. К тому же, твоя субсидия вместе с довольно значительной суммой, присланной мне из Москвы, сделали наше пребывание в Гапсале вполне возможным. Скажу тебе по секрету, что с тех пор, как наш замкнутый кружок прорвался и целые кучи знакомых хлынули на н а ш и х, а следовательно отчасти и на меня, — я стал хмуриться и внутренно даю себе слово никогда не жить летом в таких местах, где люди чуть не каждый день танцуют и делают друг другу визиты ежеминутно, но тем не менее здесь жить можно и все-таки бывают весьма приятные минуты. Вера Васильевна уж, вероятно, тебе писала, что я занимаюсь очень аккуратно и сделал уже очень много [1]. Опера моя идет очень изрядно, и с этой стороны я собою совершенно доволен. Но вот что скверно: я имею случаи в Гапсале беспрестанно убеждаться в том, что во мне гнездится болезнь, называемая м и з а н т р о п и е й; на меня находят здесь страшные припадки ненависти к людям. Но об этом поговорю когда-нибудь с тобой поподробнее. Напиши мне откровенно, не разлюбила ли ты меня немножко (и Лева также),— мне это нынче иногда приходит в голову; почему — сам не знаю.

Прости за глупый этот вопрос. Однако я ничего дельного тебе не рассказал про Гапсаль, но Вера Васильевна, вероятно, пишет тебе все подробности. Словом, я здоров и весел, чего и тебе желаю. Обнимаю тебя крепко, крепко, Леву и детей.

П. Чайковский.

81. А. И. Давыдовой

[Гапсаль]
8 августа 1867 г.

Милая моя Саша! Получил твое письмо как раз в день отправления к тебе моего [1].

Ты спрашиваешь, отчего я решился ехать в Гапсаль, зная, что в нем живет особа, для которой мое присутствие небезопасно! [2] Во-первых, оттого, что некуда было больше деться; во-вторых, мне хотелось провести со всеми ими лето, а в-третьих, мне кажется, что если то, что ты предполагаешь, существует действительно, то скорее мое отсутствие вредно для нее, чем присутствие. Когда меня нет, мою особу можно себе воображать пожалуй достойную любви, но когда жен-

щина, любящая меня, ежедневно сталкивается с моими далеко не поэтическими качествами, к а к т о: беспорядочностью, раздражительностью, трусостью, мелочностью, самолюбием, скрытностью и т. д., то, поверь, ореол, окружающий меня, когда я далеко, испаряется очень скоро. Может быть, я слеп и глуп, но, клянусь тебе, кроме самого простого дружеского расположения я ничего не замечаю. Итак, не сердись на меня и ради бога не думай, что я с какою-то Печоринскою гордыней и злобой воспаляю намеренно нежное сердце, чтобы потом поразить его еще более холодным равнодушием. На такую крупную подлость я совершенно не способен, тем более, что нет предела любви и уважения, которые я питаю ко всему этому семейству.

Последние дни доживаем мы в Гапсале. В субботу, через три дня, уже будем на пароходе. Гапсаль сам по себе ничего не стоит, но он оставит мне несколько приятных воспоминаний благодаря сожительству Давыдовых и сознанию, что время не пропало даром. Как я ни дичился и ни избегал здесь знакомств, а кончилось все-таки тем, что я перезнакомился со всеми. Что касается до братьев, то они здесь сделались какими-то светскими львами: танцуют, ухаживают и удивляют Гапсаль. Сегодня на прощанье, кажется, поедем в лес обедать. Погода здесь, наконец, улучшилась; хоть и не жарко, но по крайней мере нет дождя. Надеюсь, что к тому времени, когда это письмо придет, все твои дети выздоровеют. Обнимаю тебя, милая Сашура, так же как и Леву и всех племянниц.

П. Чайковский.

** 82. А. И. Чайковскому*

[Москва]
31 августа [1867 г.]

Сейчас возвратился от Островского и получил твое письмо, присланное с Тевяшевым. В Москве нашел всех попрежнему; дела покамест никакого нет, а потому шляюсь целый день по Консерватории и по городу без всякой цели. Ларош теперь живет очень далеко, у Каткова (на даровой квартире). Они очень сошлись, и Ларош от своего нового друга в восторге. Островский продолжает меня надувать; в Петербурге я прочел в газетах, что он окончил мое либретто, но это оказалось совершенно ложною вестью, насилу добился от него половины старого акта[1]. Теперь занят покупкою огромного стола и вообще лучшим устройством своей комнаты, дабы иметь возможность с удовольствием сидеть дома и прилежно заниматься оперою. В течение зимы я хочу непременно ее окончить. Представь себе, что, к стыду моему, я у Василия Васильевича до

сих пор не был. Вечером вчера был на именинах у Дюбюка и был немножко пьян. Мне очень досадно, что в эту минуту я решительно не в состоянии прислать Вам денег; я сам не имею ни одной копейки и до 1-го октября не вижу никаких средств откуда-нибудь их получить. В крайнем случае обращайся пожалуйста к Апухтину, если же это тебе не нравится, то напиши мне, согласен ли ты, чтобы я написал Адамову дать Вам взаймы до 1-го октября небольшую сумму. Это устроить легко; к тому времени я и сам буду в состоянии за Вас заплатить.

Про себя покамест решительно нечего говорить, разве то, что я к Москве, должно быть, очень привык, потому что она далеко мне не так ненавистна, как в это же время в прошлом году. Обедать я буду попрежнему у Альбрехта с 2-го сентября, а покамест живу, как птица небесная; два вечера сряду провел в Английском клубе. Что за прелесть этот клуб; вот бы быть членом, да дорого стоит.

Целую тебя. Пиши. Модесту кланяйся и скажи, чтоб писал, а не пьянствовал.

[П. Чайковский.]

* *83. А. И. Чайковскому*

[Москва]
28 сентября [1867 г.]

Любезный друг Толя!

Я совершенно здоров телом и духом, чего тебе желаю; живу попрежнему, а из подробностей некоторые за сим следуют: 1) По понедельникам у нас (т. е., собственно говоря, у Рубинштейна) бывают большие вечера, на которых занимаются музыкой и карточной игрой.

2) Был с Ларошем в «Тартюфе», которого отлично дают в Малом театре, с Самариным и Шумским в главных ролях.

3) Сей последний (т. е. не Шумский и не Самарин, а Ларош) написал и напечатал маленькую статейку в «Русском вестнике», а для следующего номера он готовит длинный ряд статей о Глинке [1]. Почти в течение целого месяца мы с ним видались мельком, но в последние дни почти не разлучались, по случаю превосходной погоды... но это § 4.

4) Мы с ним провели целый день в Кунцове, прелестном месте в шести верстах от Москвы. Между прочим записали там с голоса одной крестьянки превосходную песнь («Соловушко») [2].

5) Прошлое воскресенье провели в деревне в шестидесяти верстах отсюда у князя Трубецкого, с Рубинштейном, Лаубом

и Коссманом. Завтра (по причине продолжающейся превосходной погоды) еду туда опять и остаюсь до понедельника утра.

6) Опера понемногу подвигается; Островский уехал на время в Петербург; когда он оттуда вернется, я его оседлаю.

7) Денежные дела так же плохи, как и твои. Жду с нетерпением приезда Папаши; кажется, он на-днях должен приехать [3].

Видел раз (во французском театре, который здесь крайне плох) Сорохтина; он тебе кланяется. Андр. Апухтин, вероятно, будет здесь. От Лели получил вчера отчаянное письмо на французском диалекте [4]. Что за причина его мрачной меланхолии? Поблагодари Модеста за письмо. Кланяйся Вере Васильевне и скажи, что пьесу я ей скоро возвращу.

[П. Чайковский.]

84. А. И. Давыдовой

Москва,
11 октября 1867 г.

Милая и дорогая моя Саша!

Уже более двух недель тому назад получил я твое последнее письмо, в котором ты изъявляешь сомненье, не сержусь ли я на выговор твой за пребывание в Гапсале и вообще за поведение относительно Веры Васильевны [1]. Нисколько, милый друг. Я очень хорошо понимаю твое беспокойство и твою досаду, но вот мое оправдание.

Или я совершенно глуп, или Вера Васильевна такая актриса, какой давно не бывало. Если я прежде и мог еще опасаться того, что ты считаешь за совершившийся факт, то в это лето я убедился окончательно, что кроме самой будничной, так сказать, обыкновенной, хотя и сильной дружбы с ее стороны ничего нет. Даже и теперь, когда ты мне пишешь о послании ее к Лизавете Васильевне, мне все-таки не верится. Что касается до предположения твоего, что я из пустого тщеславия разжигаю ее чувство, то надеюсь, что ты эту мысль уже покинула. Если б даже я и был способен на такую низость, то никогда не позволил бы себе внести несчастие и горе в семейство, которое я люблю и уважаю более, чем кого-либо в мире.

Словом, прости меня, мой милый друг Сашура, что я был невольной причиной беспокойств твоих и Лизаветы Васильевны. Клянусь тебе вести себя впредь так, как ты найдешь нужным, и, если ты велишь, я откажусь от всяких поездок в Петербург, так как быть в Петербурге и не быть у них невозможно. За долгое мое молчание тоже не сердись; причина

тому моя безалаберность и отсутствие той способности к ведению корреспонденций, которою ты обладаешь в высшей степени. Про себя особенного сказать нечего. Пописываю свою оперу и даю уроки. Представь себе, что когда Папаша проезжал через Москву и был у меня, как нарочно я ездил в деревню к некоему кн. Трубецкому, за шестьдесят верст от Москвы, по случаю превосходнейшей погоды. Я никак не ожидал, что он так рано проедет.

К стыду моему, у Василия Васильевича был только раз; совестно ужасно.

Как то вы, бедные мои милые пустынники, проводите серую мрачную осень, не скучаете ли? Не дай бог! Будьте все здоровы и счастливы, начиная с тебя и Левы и кончая тем, кто еще начинает в тебе существовать.

П. Чайковский.

Ипполиту, если он еще у тебя, кланяюсь. Пускай не засиживается у тебя и не привыкает к бездействию. Это всего хуже.

* 85. *А. И. Чайковскому*

1867 г. октября 31 — ноябрь. Москва [1].

Анатолий! Давно уже ни от кого из Вас я не имею известий; надеюсь, что все здоровы,— иначе Вы бы написали мне. У меня все благополучно, и нового даже сообщить нечего; в субботу будет наш первый концерт, чему я очень радуюсь, ибо, вообще говоря, в Москве наслаждаются более чувственно, чем духовно, т. е. невероятно много едят и пьют. Концерты принесут, наконец, музыкальную пищу, в которой я сильно нуждаюсь, так как без них, подобно медведю в берлоге, питаюсь собственными силами, т. е. моими сочинениями, не выходящими у меня из головы. Как ни стараюсь жить смирно, в Москве без пьянства и объядения обойтись невозможно. Для примера скажу тебе, что вот уже дней пять, что я возвращаюсь домой позднею ночью с переполненным брюхом. Впрочем, не думай, что я ничего не делаю; с утра до обеда я занят беспрерывно.

Вчера у нас шла в первый раз опера Кашперова. Я думаю, что с тех пор, как пишутся оперы, такой мерзости еще не бывало; справедливость, впрочем, требует сказать, что успеха она собственно не имела, хотя благодаря превосходному пению Меньшиковой (для которой я и пишу роль) и шуму и треску третьего акта не шлепнулась со скандалом. На-днях я

встретил в опере Киреева, а сегодня он был у меня; предоставляю тебе судить, как это было мне приятно [2]. Какой он милый, хоть и не так хорош собой, как прежде. С неделю тому назад я выслал сорок рублей серебром Авдотье Яковлевне и двадцать пять Дитловой.

Целую тебя. Расцелуй Папашу, Лизавету Михайловну и Модеста.

[П. Чайковский.]

Письмо под № 1 я написал уже дней пять тому назад и по рассеянности забывал отослать на почту. С тех пор никаких особенных происшествий не было, кроме разве «Грозы», да, впрочем, и об ней я писал. Был также первый концерт Музыкального общества. Приехал из-за границы мой ученик Володя Шиловский, который все время прожил там вместе с тетей Катей и сошелся с ней самым интимным образом. Она теперь живет в Баден-Бадене.

Вчера целый день провел с Киреевым, вместе с ним обедал, а потом ездили с ним к цыганам, которых он очень любит.

Прощай. Скажи Папаше, что на-днях пишу ему. Модеста за письмо благодарю.

86. М. И. Чайковскому

[Москва]
25 ноября 1867 г.

Модест! Как ты поживаешь и отчего совсем мне не пишешь? Стыдно.

У нас умер митрополит,— единственная новость, которую могу тебе сообщить.

Ларош теперь переселился на время к нам, по той причине, что ему запрещено выходить на чистый воздух, а он не желает терять свои уроки.

По этому случаю я чаще сижу дома; к тому же сюда приехал наш общий приятель Клименко и почти каждый день бывает у нас. Он говорил мне, что виделся с Анатолием у Мамгига; про жену сего последнего он рассказывал, что она величайшая стерва в мире; скажи Анатолию, чтобы он не входил с ней в излишнюю интимность.

Опера теперь идет довольно успешно; написал все 3-е действие; в следующем концерте будут исполнены из нее танцы, которые я оркестровал в Гапсале [1]. Видишься ли ты с нашими гапсальскими приятелями? Что поделывает Розен, бывает ли он у Вас?

Ради Бога, скажи Вере Васильевне, что я у ног ее прошу прощения за удержание моих фортепианных, но я не мог иначе сделать по причинам, от меня не зависящим. Скажи ей, что напечатаны они будут и подлинник ей возвращен [2].

Целую тебя и Анатолия.

П. Чайковский.

*87. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
12 декабря [1867 г.]

Ты спрашиваешь, буду ли я в Петербурге? Благоразумие заставляет меня решить этот вопрос отрицательно. Во-первых, денег у меня на поездку нет, а во-вторых, как нарочно на праздники сюда приезжает Берлиоз и дает здесь один общедоступный концерт и один вместо 4-го собрания Музыкального общества [1]. Придется отложить поездку до масленицы или до поста. Лизавете Михайловне скажи, что, как только будут деньги, пришлю. Кто из Вас двух был дома, когда Рубинштейн приезжал, ты или Модест, и как он Вам понравился?

Ларош живет по случаю болезни у нас [2]. Это значительно повлияло на мой образ жизни; я стал чаще сидеть дома по вечерам.

5-го декабря был у нас правоведский обед, довольно веселый (я сидел рядом с Сорохтиным); омрачен он был выходкой товарища председателя окружного суда (Арсеньева), который хотел было говорить об его пререканиях с адвокатом Урусовым, вследствие чего большинство так сильно протестовало, что произошло нечто вроде скандала.

Танцы мои имели здесь большой успех. Юргенсон даже собирается напечатать их аранжировку в четыре руки [3]. Из Петербурга я получил словесную просьбу их прислать, но послал сказать, что отдам их не иначе, как получив официальное за подписью всех директоров отношение. Заремба через Рубинштейна велел мне передать, что я таковое получу. Если так, то ты их услышишь. Эти подлецы слишком кавалерственно ко мне относятся; нужно плевать на них, чтобы дать почувствовать свое достоинство [4].

Целую тебя и Модеста.

[П. Чайковский.]

[P. S.] За неимением денег отвечаю через почту. Я уже писал, что на все согласен. Купаться в Гапсале ничуть не прочь.

1868

*88. А. И. Чайковскому

1868 г. января 27—28 ? Москва.

Милый Толя!

Меня очень удивляет, что ты пишешь, будто не получил ответа ни на одно из твоих трех писем [1].

Неужели до тебя не дошло написанное мной перед самыми праздниками длинное на восьми страницах письмо, где я объяснялся с тобою по поводу твоего предположения, что я не желаю тебя видеть? Отвечай мне на этот вопрос непременно [2]. Насчет твоей поездки скажу вот что.

1) Честное слово, очень, очень рад был бы тебя видеть. 2) Что касается до денег, то их у меня действительно очень мало, но это вздор, и я бы непременно тебе написал «приезжай», если бы не следующие две причины: 3) Ларош живет у нас и занял мою комнату, так как она единственная теплая. Я же сам теперь никакой не имею и сплю, где случится. Место бы, конечно, нашлось, и для тебя, но мне не хотелось бы, чтобы приехал именно в то время, когда у меня нет своего угла, где бы я мог распоряжаться по произволу и быть с тобой вместе. 4) Наконец, мне досадно, что ты не можешь быть в субботу 3 февраля на концерте [3]; если б это оказалось возможным, то все препятствия можно было бы отправить к чорту.

В конце концов я понимаю, что благоразумнее будет, если мы вопрос о твоей поездке решим отрицательно. Итак, будь уверен, что во всяком случае не нежелание тебя видеть причина моего решения.

Самая интересная новость — это помолвка Лароша на одной очень милой консерватористке, впрочем очень бедной,

но, к удивлению, действительно любящей его [4]. Глупость все-таки большая с его стороны. Спектакли (их было два) у Лопухиных кончились благополучно [1].

Целую тебя и прошу передать безешку Модесту.

Твой [П. Чайковский.]

* 89. *А. И. Чайковскому*

1868 г. февраля начало. Москва.

Милый Толя!

Извини, что не отвечал сейчас же. Отвечаю на твои вопросы:

1) Симфонию мою играть больше не будут. Две серии концертов существовали в начале сезона потому, что зала не была готова и нельзя было поместить 1.500 человек в Малой зале [1].

2) Впрочем, ты, кажется, ни о чем более меня не спрашивал. Симфония моя имела большой успех, особенно понравилось Adagio [2].

Масленицу провел довольно скучно, не так, как в прошлом году. Все вертелся на блинах всевозможного свойства: аристократических, купеческих, артистических и т. д. Ты знаешь, вероятно, что здесь уже месяца два живет Клименко, который [приехал] на одну неделю, но так прельстился Москвой, что не может никак уехать и, вероятно, в скором времени окончательно переселится в Москву [3]. Вот-то славный человек! Скажу, как Модя: он так меня полюбил, что я не знаю, как и благодарить его. На-днях он едет ненадолго в Петербург, и я его просил быть у Вас и в Училище и дома.

В понедельник здесь в Большом театре дается большой концерт в пользу голодающих, на котором я сам буду дирижировать танцами. Должно быть, будет скверно, потому что я все более и более убеждаюсь в совершенной неспособности управлять оркестром. Но от просьбы нельзя было отделаться. Притом вещью продирижировать нетрудно [4]. Начиная с сегодняшнего дня, принимаюсь за оркестровку третьего действия. Вообще хочу покончить оперу к лету. У меня уже имеется в виду другое либретто.

Писать некогда, поэтому целую тебя и остаюсь

[П. Чайковский.]

Скажи Модесту, чтоб писал мне.

90. А. И. Давыдовой

[Москва]
16 апреля 1868 г.

Милая Сашура!

Приехав из Питера[1], я нашел здесь твое письмо и, несмотря на муки совести, опять-таки ленился в течение целой недели и лишь по истечении нескольких дней сажусь тебе сказать, что я люблю тебя так же сильно и крепко, как прежде и как всегда! И можешь ли ты серьезно сомневаться в этом?[2] Я просто ленив, ленив и ленив. Чтоб доказать тебе, что я тебя люблю, может быть, гораздо больше, чем ты думаешь, скажу тебе, об чем я постоянно мечтаю. Ты, может быть, замечала из моих разговоров, что я страстно интересуюсь тою тихою, лишенною веселой суеты жизнью, на какую обречены люди, живущие в деревне. Тебе, может быть, рассказывала Вера, что мы шутя говорили с ней часто о каких-то наших будущих хуторах, где мы будем тихо доживать свой век. Что касается до меня, это совсем не шутка, я действительно страстно привязался к этой мысли, и вот откуда все это происходит. Несмотря на то, что до старости мне еще далеко, я положительно человек утомленный жизнью. Не смейся; если б ты жила со мною постоянно, ты бы в этом легко убедилась. Люди, меня окружающие, изумляются моей неразговорчивости, часто находящей на меня хандре, тогда как в сущности мне жить совсем не дурно. Повидимому, что же нужно человеку, который обставлен хорошо в материальном отношении, которого любят, который на своем поприще оказался и всеми признается человеком недюжинным? И вот, несмотря на все эти благоприятные обстоятельства, я избегаю всякого рода обществ, не в состоянии поддерживать всевозможных знакомств, люблю уединяться, молчать и т. п. Все это объясняется вышереченною усталостью жить. Вот в такие-то минуты, когда я не только ленюсь говорить, но даже думать,— я мечтаю о какой-то блаженной, преисполненной тихих радостей жизни и эту-то жизнь не могу себе иначе представить, как около тебя. И ты не сомневайся в том, что рано или поздно тебе придется уделить частичку твоих материнских забот на состарившегося и усталого братца. Ты, может быть, подумаешь, что подобного рода душевное состояние приводит человека к желанию жениться. Нет, милая будущая сожительница! Опять-таки от усталости мне лень заводить какие-то новые супружеские отношения, лень стать во главе семейства, лень взять на свою ответственность судьбу жены и детей. Словом, брак для меня немыслим. В какой форме совершится

мое присоединение к твоему семейству, — этого еще не знаю; буду ли владельцем хутора в твоем соседстве, или просто буду твоим нахлебником, решит будущее. Несомненно то, что для меня немыслимо это будущее блаженство без т е б я. Как ты думаешь, доказывается ли из предыдущего моя любовь к тебе? Итак, никогда не сомневайся во мне. Как ни эгоистичны мои расчеты на тебя, а в них читается самое твердое чувство любви и дружбы.

Но довольно об этом.

В Петербурге время я провел очень приятно. Одно, что меня мучит и тревожит, — это В е р а. Научи и наставь мне: что мне делать и как поступать в отношении ее? Я хорошо понимаю, чем бы это все должно бы было окончиться,— но что прикажешь делать, если я чувствую, что я бы возненавидел ее, если б вопрос о завершении наших отношений * браком сделался серьезным. Я знаю, что она из гордости, а другие по неведению или по посторонним соображениям ни мало не воображают об этом, но я знаю также, что, несмотря ни на какие препятствия, я бы должен был принять на себя инициативу в этом деле и благоприятное решение его считать для себя величайшим счастьем, ибо таких чудных созданий, как она,— нет. Но я так подл и так неблагодарен, что не могу поступить, как бы следовало, а мучаюсь ужасно. Помоги мне успокоиться и, ради бога, разорви это письмо.

Папаша здоров и весел; это на меня производит самое отрадное впечатление. Братьями я весьма доволен. Как-то ты поживаешь, мой друг? Надеюсь в скором времени получить приятное известие о твоем благополучном разрешении.

Летом еду за границу; во всяком случае напишу тебе, когда это решится окончательно. Когда-то мы увидимся? Целую и обнимаю тебя, милая Сашура, Леву и детей тоже. Кланяйся Лизавете Васильевне и Николаю Васильевичу.

П. Чайковский.

91. А. И. Давыдовой

Париж,
20 июля/1 августа [1868 г.]
Суббота.

Милый друг мой Сашура!

Выставляя число, вспоминаю, что сегодня день именин и рожденья нашего милого старичка [1]. Пожелаем этому добрейшему существу еще долгой и счастливой жизни для нашей общей радости.

---

* *Зачеркнуто:* законным

Милый друг мой, как я виноват перед тобою! Я еще не поздравлял тебя с счастливым исходом твоей последней беременности, которая вследствие твоих беспокойств и на меня навела страх порядочный [2]. Как я был счастлив, когда получил известие, что ты благополучно отделалась от своей тяжкой, но милой ноши. К будущему году (а лето 1869, если можно заглядывать так далеко, хочу провести у тебя) подрастет для всеобщего услаждения новый экземпляр А н ю т ы.

Ты уже верно знаешь, при каких обстоятельствах и с какой обстановкой я поехал заграницу [3]. Обстановка эта в материальном отношении очень хороша. Я живу с людьми очень богатыми, притом хорошими и очень меня любящими. Значит и в отношении компании очень хорошо. Тем не менее я сильно вздыхаю по отчизне, где живут столько дорогих для меня существ, с которыми я не могу жить иначе, как летом. Меня немножко бесит мысль, что из всех лиц, которые были бы рады прожить со мной свободные три месяца, я избрал не тех, которых я больше люблю, а тех, кто богаче. Правда, что тут важную роль играет престиж з а г р а н и ц ы.

История моих нынешних странствований чрезвычайно проста и даже неинтересна. Неделю прожил я в Берлине и вот уже пять недель живу в П а р и ж е. Мы мечтали, уезжая, что побываем в самых живописных местах Европы, но вследствие болезни Шиловского и необходимости посоветоваться с одним знаменитым здешним доктором попали сюда, и нас держат здесь против воли.

Время провожу следующим образом. Встаю довольно поздно, иду завтракать и читать газеты. Возвратясь около 12 домой, раздеваюсь совсем (жары здесь неописанные) и занимаюсь до самого обеда. В 6 часов обедаю с спутниками или один. Вечер провожу в театре. Нужно отдать справедливость Парижу. Нет в мире города, где бы столькие удобства и удовольствия жизни были доступны за столь дешевую цену. Театры здесь великолепны не по внешности, а по постановке, по умению производить эффекты удивительно простыми средствами. Например, здесь умеют удивительно хорошо разучить и поставить пьесу, так что и без крупных актерских дарований пьеса производит гораздо лучший эффект, чем та же пьеса, исполненная у нас с такими колоссальными талантами, как Садовский, Шумский, Самойлов, но небрежно разученная, сыгранная без а н с а м б л я. Кстати о Самойлове. Я видел его здесь; он очень тобой интересуется и взял с меня слово, что в первом письме я передам тебе его поклон.

Что касается музыки, то опять-таки скажу, что в различ-

ных операх, мною слышанных, я не встретил ни одного певца с замечательным голосом. Но какое тем не менее превосходное исполнение! Как тщательно все разучено, как все осмыслено в их исполнении, как серьезно все они относятся к самым незначительным подробностям, сумма которых однако и должна произвести надлежащий эффект. У нас и понятия не имеют о таком исполнении.

Различные замечательности Парижа я уже видел в мой первый приезд, поэтому я совсем не вел здесь жизни туриста, бегающего по церквам, музеям и т. п. Я живу здесь как человек, всецело преданный своему делу, и вылезаю из норы только вечером. Нельзя не признаться, что для работающего артиста такая шумная, блестящая обстановка, как Париж, годится бесконечно менее, чем какое-нибудь Тунское озеро, уже не говоря о берегах хотя и воюючего, но милого Тясмина[4], имеющего счастье протекать около дома, в котором живут некоторые прелестные и дорогие мне особы. Что-то поделывают эти особы? Как-то провели они это лето? Сердце сжимается при мысли о их одиночестве! Милая, дорогая моя Сашура, когда-то увижу тебя?!

Через неделю мы уезжаем отсюда прямо в Петербург. Хочу съездить на несколько дней в Силамеги[5] повидаться с братьями и с Вашими.

Крепко обнимаю тебя, Леву и всех.

П. Чайковский.

* 92. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
10 сентября [1868 г.]

Милый Толинька! Благодарю за твое письмо и извиняюсь, что долго откладывал ответ. И я тебе в кратких, но точных словах расскажу, что со мной было со дня нашей разлуки.

В день приезда в Москву (где все были рады мне) я напился пьян на обеде, данном Рубинштейном. Как в этом простом факте Москва дала себя почувствовать! Обжорство — слабость москвичей. 1-го сентября был большой ежегодный обед, — опять пьянство (забыл, 30 августа обедал у Островского). С 2 сентября начались классы; я имею теперь занятий в ней еще более прежнего. Отвык от классов и в первый урок так сконфузился, что принужден был минут на десять уйти, дабы не упасть в обморок. Не помню, 2-го или 3-го встретился с Апухтиным в театре. Он сначала не хотел даже меня узнавать, так был сердит, но после долгих объяснений, наконец, умилостивился. На другой день мы с ним обедали в Анг-

лийском клубе, и там после обеда с ним сделалось дурно, так что я страшно перепугался, но не потерялся, схватил его и потащил с большим трудом в сад, где вскоре он оправился. Должно быть, лишнее скушал что-нибудь. Следующий вечер мы с ним были у Шиловских, где он пленил всех своими рассказами. Затем он два дня пробыл в имении Шаховских, а вчера я с ним свиделся в опере. Это было первое представление нашей итальянской оперы. Давали «Отелло». Пела прелестно Арто [1], и дебютировал очень хороший молодой тенор Станио. После оперы были в клубе и время провели приятно.

Вот, кажется, все, достойное интереса за последние полторы недели в моей жизни. Гедеонов был в Москве и велел немедленно приступить к репетициям «Воеводы». Партии уже розданы. Но едва ли он поспеет к октябрю, как того хотел Гедеонов. С итальянцами оно почти невозможно; я думаю, что опера пойдет не ранее декабря. Нового я ничего не пишу и не могу ни на чем остановиться. К счастью, концерты Музыкального общества начнутся поздно, и я еще успею что-нибудь состряпать.

Ларош воротился и говорил мне подробно о своих свиданиях с тобой и Модей. Третьего дня я был у него утром с Рубинштейном и вечером с Клименко. Они живут очень мило на одной квартире с Юргенсоном.

Милый мой мальчик, целую тебя множество раз и прошу писать почаще. Вчера получил письмо и от Моденьки, которому отвечу на-днях. (Опять забыл. Вчера в опере видел Глатера; он тоже говорил про Вас.)

Обними от меня Папашу и Лизавету Михайловну. Ему я тоже напишу.

[П. Чайковский.]

93. М. И. Чайковскому

Москва,
13 сентября * 1868 г.

Милый Моденька!

Очень благодарю за твое хотя и несколько мрачное, но милое письмо. В твои года еще рано жить в прошедшем, а ты воспоминаниям придаешь такую цену, как будто все кончилось. Не забудь, что ты только что начинаешь жить. Это банально, но справедливо. Пожалуйста, учись хорошенько и старайся выйти 9 классом, дабы не запятнать нашей столь знаменитой фамилии. Толя тебе, вероятно, давал читать мое письмо, где рассказываются кое-какие подробности о моем житье-

* *В подлиннике ошибочно:* августа

бытье. Анухин ночевал у меня два раза; каждый день со мной обедал и проводил вечера в театре или клубе, всех здесь обворожил и уехал вчера, к моей великой грусти. Итальянская опера у нас началась с дебюта тенора Станио в «Отелло», имевшего большой успех. Бегичев подарил мне абонементное кресло. Дела у меня гибель. Третьего дня неожиданно получаю повестку явиться в театр. Каково было мое удивление, когда я узнал, что уже перед тем было две хоровых репетиции моей оперы, а вчера назначена была первая считка для солистов. Я на ней присутствовал и аккомпанировал певцам. Представь себе, что Гедеонов велел приготовить оперу к 11 октября, и теперь все здесь помешались на том, чтобы желание его превосходительства исполнилось. Я крепко сомневаюсь, чтобы в один месяц можно было выучить вещь столь трудную; заранее ужасаюсь при мысли о той беготне и [*1 неразобр.*], которую мне придется испытать. Репетиции будут каждый день. Певцы все очень довольны оперой.

В Консерватории у меня занятия умножились. Денег буду получать несколько больше, да зато как я утомляюсь! [1] В жизни сравнительно с прошлым годом никаких особенных перемен нет. Планы на счет самостоятельной жизни рассеялись. Когда я заикнулся Рубинштейну насчет того, что мне у него не совсем удобно, да и совестно пользоваться квартирой даром, он сильно обиделся и обещал устроить так, чтобы никто мне не мешал.

Обедаю на прежнем основании у Альбрехта, хотя чуть не ежедневно надуваю его.

Напрасно ты говоришь, что Ларош к тебе изменился; он говорил мне про тебя с большой любовью. Живет он премило; он тоже абонирован с женой на итальянскую оперу. Крепко обнимаю тебя, мой милый друг, и остаюсь

преданный брат П. Чайковский.

94. А. И. Давыдовой

Москва,
24 сентября 1868 г.

Милая моя Саня! Три дня тому назад получил твое письмо, и так как из него явствовало, что В[ера] терзается сомнениями насчет моей дружбы, то поспешил отвечать тебе, чтобы ты с своей стороны написала и успокоила ее. Сегодня я перечел написанное тогда; оно мне показалось темноватым и запутанным, и я сажусь вновь.

Что я всегда буду немножко страдать своим бессилием

сделать ее счастливою, дать исход чувству, которое, как она выражается, поглотило все ее существование, — это несомненно и неизбежно. Тут дело идет о счастии целой жизни, и странно было бы, еслиб я совершенно равнодушно относился к ее любви ко мне. Именно потому, что я всей душой ее люблю и благодарен ей, я должен немного мучиться. А уж в том, что я давно отвечаю ей в сердце самой теплой дружбой и благодарностью, в этом уверь ее, пожалуйста, если (чему я удивляюсь) она может сомневаться.

Что касается до моей холодности, которая ее так огорчает, то она происходит от множества причин, из которых главная есть та, что я ее люблю как сестру, но отношения наши (вследствие гнета разных общественных условий) не могут быть искренни, а это ставит между нами какую-то стенку, сквозь которую мы не можем относиться прямо друг к другу. Кроме того, тут есть целая бездна разных психологических тонкостей, которые проанализировать мог бы разве какой-нибудь Толстой или Теккерей.

Во-первых, мы оба постоянно лжем друг другу; она (боясь, по ее выражению, надоесть постной миной) притворяется равнодушной, я делаю вид, что ничего не понимаю и не знаю. Между тем мы оба понимаем и знаем друг друга, — и вот в наших разговорах звучит какой-то диссонанс. Это меня раздражает, я начинаю делаться злым, чувствую, что не могу этого скрыть; она огорчается, я это чувствую; она чувствует, что я это чувствую, я чувствую, что она чувствует, что я это чувствую, и т. д. до бесконечности.

Есть еще одна причина. Мне часто приходит в голову, что она оттого меня так любит, что воображает меня музыкальным гением, а я очень часто мучаюсь своим (может быть и мнимым) творческим бессилием и бешусь, что не соответствую идеалу, которому она поклоняется. Если в подобную минуту она начинает восхищаться моими сочинениями или просит меня сыграть, меня обуревает ужасная злоба и на себя и на нее. Когда, напротив, на меня находит уверенность в своих способностях (как было в Гапсале), ее высокое обо мне мнение мне льстит и радует меня, и отношения между нами вследствие этой невидимой причины делаются более задушевными. Вообще она должна была заметить во мне резкие переходы от худо скрытой злобы к самым искренним излияниям; все это—следствия разных болезненных ощущений, иногда даже и беспричинных, свойственных нервным натурам. Какой-то клапан в сердце вдруг запрется, и тут, как ни насилуй себя, останешься холодным; потом, тоже без особенной причины, клапан отво-

В. В. Давыдова
1867 г.

Дезире Арто
1868 г.

рится, — тут тебя волнуют самые нежные братские чувства; но появляется раскаяние, находит злоба, — и клапан опять закрылся. Наконец, скажу тебе, что есть какой-то неизъяснимый закон судеб, по которому человек сильно любимый, как бы он ни был добр и мягок сердцем, — не может не тиранить и не терзать немножко того, кто любит. Я чувствую, как часто поддаюсь этой силе, и если причиняю зло такой доброй и любящей и мною любимой особе, то это совершается помимо моей воли.

Итак, напиши ей, чтоб она и не допускала той мысли, что я ее не понимаю и ей не сочувствую. Время одно может уврачевать наши раны, устранить недоразумения и сделать наши отношения такими простыми и искренними, какими мы оба желаем, чтоб они были [1].

Друг мой Саня, напишу тебе другой раз подробности о себе. Теперь спешу в класс. Жизнь моя в сравнении с прошлым годом ни в чем не изменилась. Опера уже разучивается и будет поставлена по отъезде итальянцев, т. е. в декабре. Летом непременно увижусь с Вами. Целую тебя крепко, дорогая моя Саня, и прошу расцеловать всех членов твоего семейства, начиная с мужа.

П. Чайковский.

*95. *А. И. Чайковскому*

Москва,
25 сентября [1868 г.]

Видишь, какой я добрый! Ты мне только одно письмо написал, а я тебе уж второе. Благодарю за карточку, которую вчера мне привез Коля. Она очень похожа, и твоя милая рожа украшает мой альбом. Колю я видел только мельком; он меня звал обедать, но я был уже отозван, и надуть нельзя было. Сегодня он уехал, а дни через три вернется, и тогда увидимся. С тех пор, как я тебе не писал, у меня была бездна хлопот. Ты знаешь уже, что мою оперу хотели дать в октябре; переписали партии и приступили к репетициям, которые и я должен был посещать. Конечно, это были только считки. Увидев, что в такой короткий срок невозможно поставить оперу, я объявил здешней дирекции, что пока здесь итальянская опера, которая отвлекает хоры и оркестр, я не даю партитуры, и в этом смысле написал Гедеонову письмо. Вследствие этого обстоятельства репетиции приостановлены и опера отложена до отъезда итальянцев. По этому случаю я несколько свободнее. Впрочем, Меньшикова бо́льшую часть роли уже знает наизусть, сегодня я у ней обедал, и она пела некоторые нумера очень недурно. Время проходит вообще довольно скоро и ве-

село. Знаешь, кто отравляет мне жизнь в Москве? Вас. Вас. Давыдов. Теперь пристал ко мне, чтоб я сделал его декоратором в Большом театре. И я должен с ним бегать по городу, ища декоратора Вальца и тому подобных лиц. Всего скучнее, что он просто требует от меня, чтоб я бывал у него. Касательно будущих сочинений моих могу сообщить тебе очень приятное известие: на-днях обедал у Островского, и он сам предложил написать мне новое великолепное либретто. Сюжет его планирует он уже двадцать лет, никому до сих [пор] не решился отдать и, наконец, избрал меня. Действие происходит в Вавилоне и в Греции при Александре Македонском, который сам принимает в опере деятельное участие. В опере сталкиваются представители двух классических наций: евреи и греки; герой — молодой еврей, обманутый в любви к одной еврейке, предпочтившей Александра из честолюбия, который в конце делается пророком. Ты не можешь себе представить, до чего эта канва великолепна [1]. Пока пишу симфоническую вещь под названием «Fatum» [2].

Итальянская опера производит в здешней публике страшный фурор. Арто — великолепная особа; мы с ней приятели.

Получил на-днях от Саши большое письмо. В первый раз, как будешь наедине с Верой, скажи ей от меня, что она добрая и милая и что Саше я писал. Получил ли Модя мое письмо? Отчего ни один из Вас не пишет? Крепко целую Папашу и Лизавету Михайловну, а также тебя и Модю.

[П. Чайковский.]

* 96. *А. И. Чайковскому*

[Москва]
21 октября 1868 г.

Милый Толька!

Я поступил бессовестно, не ответив на твое письмо немедленно; в тот день, когда я получил его, у меня не было денег, и мне не хотелось писать тебе, не посылая их.

Впрочем, Коля Шоберт мне должен с незапамятных времен десять рублей за проданное ему платье, и если он уехал, не взыскав с тебя долга, то несчастье не велико. На всякий случай посылаю пять рублей. Если удастся одна вещь, то скоро пришлю еще.

Итак, голубчик, не сердись за неаккуратность. Я страшно занят теперь, пишу речитативы и хоры для «Domino noir» Обера, который должен идти в бенефис Арто; вот за эту-то работу я и должен, вероятно, получить деньги с Мерелли (антрепренера) [1].

Я очень подружился с Арто и пользуюсь ее весьма заметным благорасположением; редко встречал я столь милую, умную и добрую женщину.

У нас был здесь Рубинштейн, играл два раза, как бог, и производил фурор неописанный [2]. Он нисколько не переменился и так же мил, как прежде.

Коля был здесь проездом на-днях, и я с ним виделся два раза; какой он... * Увидя у него целую кипу всевозможных кредитных билетов (он получил шестьсот рублей подъемных), я попросил его шутя десять рублей взаймы. Он немножко даже рассердился и не дал. Отчего Вы оба не заставили его дать Вам что-нибудь?

Стал довольно часто бывать в Артистическом кружке. Играю там обыкновенно по полкопейки в ералаш, а потом ужинаю с Островским, Садовским и Живокини, которые очень милы и забавны [3].

Ларош сделался на этих днях московскою знаменитостью вследствие напечатанных им двух статей в «Московских ведомостях» об итальянской опере [4]. Его италиоманы страшно ругают и чуть ли не собираются бить.

Написал оркестровую фантазию «Fatum».

Нижеследующие строки покажи Папаше.

Папочка! Ради бога, простите, что не пишу Вам. Я злоупотребляю Вашей добротой, но Вы знаете, что я Вас страшно люблю. Кланяйтесь и целуйте Лизавету Михайловну. 1-го числа буду Вам писать и пришлю часть долга.

Модя! и тебе напишу на-днях. Всех лобызаю.

Прилагаемую бумажку отнеси к Бернарду или пошли кого-нибудь.

[П. Чайковский.]

97. М. И. Чайковскому

1868 г. ноябрь. Москва.

Милый Модинька!

Получил сегодня твое письмо, где ты совершенно справедливо говоришь о неслыханной своей доброте, а также и о том, что тебя все любят. Карточка твоя заставила меня с грустью подумать, что ты в действительности далеко не так обаятельно хорош, как на портрете. Впрочем, очень похоже и хорошо сделано и, ей богу, доставило мне большое удовольствие.

Ах! Модинька (чувствую потребность излить в твое арти-

---

* Пропуск в копии

стическое сердце мои впечатления), если б ты знал, какая певица и актриса Арто! Еще никогда я не бывал под столь сильным обаянием артиста, как в сей раз. И как мне жаль, что ты не можешь ее слышать и видеть. Как ты бы восхищался ее жестами и грацией ее движений и поз!

Отчего ты не пишешь мне разных подробностей о своем житье-бытье? Я думаю, времени-то свободного много. Отчего, например, не говоришь, уехал ли Коля Шоберт? Что Н. И. Ольховский, тети Катя и Лиза и т. д. и т. д.

Я же про наших общих знакомых в Москве могу сказать следующее. К Давыдовым и Катерине Васильевне, грешный человек, совсем не хожу, во-первых, честное слово, времени не нахожу, а во-вторых, скука смертная. Ларош теперь в грустном положении. Чтоб получить обещанные ему Хлудовым две тысячи рублей, он должен представить готовую партитуру оперы к 1 января, а у него еще и проэктировано далеко не все, так что вряд ли он поспеет, хотя и сидит все вечера дома [1]. С женой живут счастливо. Недавно у них был обед по случаю именин жены его. Тебе велит очень кланяться.

Володя Шиловский, вероятно, был у Вас, и потому о нем нечего говорить. На-днях должен я получить изрядную сумму денег с Мерелли. Если сумею кое-что из нее удержать к первым числам декабря, то очень может статься, что к этому времени я приеду дня на два в Питер. Н. Рубинштейн 3 декабря приглашен дирижировать и играть на концерте Музыкального общества. Он меня очень зовет ехать с ним, тем более, что на этом концерте пойдут мои танцы. Это было бы весьма приятно. Что ты мне пишешь насчет изменений в твоем характере? Я ничего не понял. Напиши поподробнее, а также дай мне сведения о том, как ты учишься.

Скажи Лизавете Михайловне, что тридцать рублей для нее у меня готовы, но еще до сих пор не собрался их выслать. Пусть будет покойна.

Целуй Папашу, Толю и Лизавету Михайловну. Пиши. Крепко обнимаю тебя, милый мальчик мой.

П. Чайковский.

98. М. И. Чайковскому

1868 г. декабря середина. Москва.

Милый друг Модька!

Давно не писал тебе, друг мой Модоша, но у меня было множество обстоятельств, лишавших меня возможности пи-

сать письма, ибо все свободное время я посвящал одной особе, о которой ты, конечно, слышал и которую я очень, очень люблю. Кстати, скажи Папаше, чтобы он не сердился на меня за то, что я не пишу ему о том, что все говорят. Дело в том, что решительного еще ничего нет и что, когда наступит время и все разрешится так или иначе, я ему первому напишу [1].

Музыкальные мои дела находятся в следующем положении: на-днях выходят из печати две мои фортепианные пьесы [2]; переложил для четырех рук двадцать пять русских песен, которые тоже печатаются [3], и инструментую оркестровую фантазию для пятого концерта Музыкального общества [4]. На-днях был концерт в пользу бедных студентов, где в последний раз перед отъездом пела одна особа; на этом же концерте игрались мои танцы с большим успехом, а Рубинштейн исполнил мою новую пьесу, посвященную Арто [5].

Какие вы оба подлецы, а уж особенно ты; как это не писать в течение целого месяца или даже больше ни единого слова?! Неужели считаться ответами?

Попрежнему продолжаю бывать довольно часто в Артистическом кружке, где я обыкновенно ужинаю. Ах! если б ты знал, Модька, как меня все любят; я даже не знаю, как благодарить за всю эту любовь. В самом деле, я очень подружился с стариками: Живокини и Садовским. Последний выражает мне свою любовь особенно оригинальным образом: за ужином ему подают большое яблоко; он его тщательно чистит, режет на кусочки и дает их мне понемногу, приговаривая: «Ох батюшка, ох голубчик!» Лишь когда уже последний кусок яблочка съеден, мне позволяется уйти из клуба.

Еще до сих пор не решил, еду ли в Петербург на праздники; во всяком случае дам знать письмом к милому Папочке дня через четыре или пять.

Крепко поцелуй обожаемого тобою братишку твоего Толю, обними Папочку и Лизавету Михайловну и помни твоего

П. Чайковского.

99. И. П. Чайковскому

[Москва]
26 декабря 1868 г.

Милый, дорогой мой Папочка!

К моему величайшему огорчению, обстоятельства воспрепятствовали мне съездить в Петербург. Эта поездка стоила бы мне по крайней мере 100 р. с., а у меня их в настоящее время нет. Итак, поздравляю Вас с Новым годом заочно; нечего и говорить о том, что я Вам желаю счастья и всяких благ. Так

как до Вас конечно доходили слухи о моей предполагаемой женитьбе и Вам, быть может, неприятно, что я сам о ней ничего Вам не писал, то я Вам сейчас объясню, в чем дело. С Арто я познакомился еще прошлой весной, но был у ней всего один раз после ее бенефиса на ужине. По возвращении ее нынешней осенью я в продолжение месяца ни разу у нее не был. Случайно встретились мы с ней на одном музыкальном вечере; она изъявила удивление, что я у ней не бываю; я обещал быть у нее, но не исполнил бы обещания (по свойственной мне тугости на знакомства), если б Антон Рубинштейн, проездом бывший в Москве, не потащил меня к ней. С тех пор я чуть не каждый день стал получать от нее пригласительные записочки и мало-по-малу привык бывать у нее каждый вечер. Вскоре мы воспламенились друг к другу весьма нежными чувствами, и взаимные признания в оных немедленно за сим воспоследовали. Само собой разумеется, что тут же возник вопрос о законном браке, которого мы оба с ней весьма желаем и который должен совершиться летом, если ничто этому не помешает. Но в том-то и сила, что существуют некоторые препятствия. Во-первых, ее мать, которая постоянно находится при ней и имеет на свою дочь значительное влияние, противится этому браку, находя, что я слишком молод для дочери, и по всей вероятности боясь, что я заставлю ее жить в России. Во-вторых, мои друзья, и в особенности Рубинштейн, употребляют самые энергические меры, дабы я не исполнил предполагаемый план жениться. Они говорят, что, сделавшись мужем знаменитой певицы, я буду играть весьма жалкую роль мужа моей жены, т. е. буду ездить с ней по всем углам Европы, жить на ее счет, отвыкну и не буду иметь возможности работать, словом, что когда моя любовь к ней немножко охладеет, останутся одни страдания самолюбия, отчаяние и погибель. Можно бы было предупредить возможность этого несчастья решением ее сойти со сцены и жить со мной в России, но она говорит, что, несмотря на всю свою любовь ко мне, она не может решиться бросить сцену, к которой привыкла и которая доставляет ей славу и деньги. В настоящее время она уехала уже петь в Варшаву, мы остановились на том, что летом я приеду в ее имение (близ Парижа) и там должна решиться наша судьба [1].

Подобно тому, как она не может решиться бросить сцену, я с своей стороны колеблюсь пожертвовать для нее всей своей будущностью, ибо не подлежит сомнению, что я лишусь возможности итти вперед по своей дороге, если слепо последую за ней. Итак, милый Папочка, вы видите, что положение

мое очень затруднительно; с одной стороны, я привязался к ней всеми силами души, и мне кажется в настоящую минуту невозможным прожить всю жизнь без нее, с другой, холодный рассудок заставляет меня призадумываться над возможностью тех несчастий, которые рисуют мне мои приятели. Жду, голубчик, чтоб Вы мне написали Ваш взгляд на это дело [2].

Я совершенно здоров, и жизнь моя идет установленным порядком, с тою разницей, что *ее* теперь нет и что я грущу.

Была здесь недавно Саша Карцова, которую я встретил в театре и на другой день обедал с ней у А. П. Беренса. Этот последний, его жена и Саша взяли с меня слово написать Вам, что они Вас целуют и кланяются.

Лизавету Михайловну крепко обнимаю и поздравляю с новым годом. Братьев тоже крепко целую и прилагаю для них по случаю праздника бумажку, с которой они должны побывать в магазине Бернарда и затем прокутить каждый по 10 р. сер. Скажите им, что стыдно считаться письмами с человеком, который буквально завален работой.

Остаюсь Ваш любящий сын

П. Чайковский.

Лизавете Михайловне пришлю часть долга после 1-го числа. Получила ли она посланные мною 30 руб. сер.? Скажите братьям, чтоб немедля шли к Бернарду.

1869

* 100. А. И. Чайковскому

1869 г. января начало. Москва[1].

Милый мой Анатоша! Вчера я получил письмо от Моди, в котором он меня ругает за то, что я ему давно не пишу, но так как я помню, что очередь за тобой, то сегодня пишу тебе, а Модьке скажи, что он получит от меня письмо на будущей неделе.

Я теперь в больших хлопотах. «Воевода» ставится; каждый день репетиции, и я едва нахожу время успевать везде, где нужно; этим объясняется и мое долгое молчание. Опера идет покамест плохо, но все относятся к ней с большим старанием, так что можно надеяться на порядочные результаты[2]. Меньшикова будет очень хороша; особенно хорошо она поет во втором действии песню «Соловушко громко свищет»! Тенор также очень недурен, но бас плох. Если опера сойдет хорошо, я постараюсь устроить, чтобы Вы оба приехали в Москву на масленице.

Начал уже писать другую, не скажу на какой сюжет, ибо хочу до некоторого времени оставить в тайне, что я ее пишу; каково будет удивление, когда узнают, что летом (я сильно надеюсь на то, что летом буду иметь возможность писать) я уж навалял пол-оперы[3]. В том концерте будут играть мою новую симфоническую фантазию; кажется, вещь недурная и очень эффектно оркестрованная; она называется «Фатум».

Касательно известного тебе любовного пассажа, случившегося со мной в начале зимы, скажу тебе, что очень сомнительно, чтоб мое вступление в узы Гименея состоялось; это дело начинает несколько расстраиваться; подробности рассказывать теперь еще преждевременно; когда увидимся, может быть, расскажу[4].

Лизавета Васильевна здесь; я раз обедал у Катерины Васильевны и виделся с ней. Димочка поправился. По правде сказать, давыдовские отпрыски меня несколько тяготят в Москве. Во-первых, нужно у них бывать (у Петра Васильевича я до сих пор еще не был), а во-вторых, приходится вступать в конфиденциальные разговоры о моей женитьбе, а ты знаешь, как я сообщителен в отношении всего меня касающегося. Впрочем Катерина Васильевна мне чрезвычайно симпатична.

Коля мне писал, что он к первому представлению моей оперы (предполагаемому на 27 число), вероятно, будет в Москве.

К масляной неделе я получу разовые деньги за оперу и тогда немедленно вышлю должные тебе двести рублей серебром; не сомневайся в них.

Обнимаю тебя, мой милый, и остаюсь

[П. Чайковский.]

Поцелуй Модю, Папочку и Лизавету Михайловну. Какой вздор Вы оба пишете, говоря что я перестану Вас любить из-за Арто. Еслиб таких, как она, появился целый десяток, то и тогда я бы любил Вас попрежнему. Поцелуй от меня покрепче тетю Лизу.

** 101. А. И. Чайковскому*

1869 г. января начало. Москва.

Толя! Вчера со мной случилось очень неприятное приключение. Относя к тебе письмо в почтовый ящик, я забыл приложить марку и опустил его в рассеянности без оной, так что ты или совсем его не получишь, или оно введет тебя в расходы. И то и другое мне очень неприятно. На-днях напишу тебе большое письмо.

Целую Модошу.

[П. Чайковский.]

102. М. И. Чайковскому

[Москва]
1 февраля 1869 г.

Милый Модинька!

Благодарю тебя за твои довольно частые письма; я очень рад, что ты чувствуешь потребность иногда изливать мне волнующие тебя чувства. Мне не совсем-то нравится их меланхолическое настроение, но я его совершенно понимаю и в твои года испытывал то же самое. Боюсь только, что, отдавшись этим мрачным настроениям, ты перестанешь учиться, а я тебя

уверяю, что единственное спасение в душевном горе это — работа. Ты имел несчастье родиться с душою художника, и тебя постоянно будет тянуть в этот мир высочайших духовных радостей, но так как вместе с чуткостью артистической натуры ты не одарен никаким талантом, то берегись, ради бога, поддаваться свои влечениям. Помни, что, с другой стороны, ты имеешь все нужные способности; чтобы быть заметным человеком и на том поприще, к которому тебя готовит Училище, а поэтому умоляю тебя, Модинька, учись хорошенько и привыкай к мысли, что ты должен служить и добиваться на службе карьеры. Если ты, решившись быть разочарованным и меланхолическим юношей, перестанешь учиться или не будешь серьезно относиться к твоим будущим служебным обязанностям, то сделаешь себя, а потому и всех нас несчастными. Ну, довольно об этом.

Опера моя прошла очень благополучно; несмотря на пошлейшее либретто, она имела блестящий успех. Меня вызывали пятнадцать раз и поднесли лавровый венок. Исполнена она довольно изрядно, но в первом акте произошла ужасная путаница: тенору два раза делалось дурно (он перед тем от боли нарывавшего пальца несколько ночей не спал); если б не Меньшикова, которая его поддерживала в своих руках, как маленького ребенка, то пришлось бы опустить занавес [1].

Вчера я получил несколько благодарственных писем, из коих некоторые я сохраню до нашего свидания [2].

История с Арто разрешилась самым забавным образом; она в Варшаве влюбилась в баритона Падилла, который здесь был предметом ее насмешек, — и выходит за него замуж! Какова госпожа? Нужно знать подробности наших отношений с ней, чтобы иметь понятие о том, до какой степени эта развязка смешна [3].

Целуй крепко Папашу. У него хотел быть Андрей Петрович Беренс с известием о моем успехе. Лизавету Михайловну тоже. Скоро пришлю весьма крупную сумму денег для Толи, которого поручаю тебе расцеловать. (А рад этому случаю понежничать с братцем?)

П. Чайковский.

* 103. *А. И. Чайковскому*

1869 г. февраля 15. Москва.

Милый мой друг Толька!

Нет, я нисколько не забываю тебя и, напротив, по случаю приближающегося выпуска очень думаю о тебе. Дай бог, что-

бы все сошло удачно. Я до великого поста не пойду в контору театров за разовыми, пускай наберется побольше, а то боюсь разочароваться. Как только получу деньги, так сейчас и вышлю должные мною 227 р. сер. На масленицу я буду ожидать тебя; пускай Модя не приезжает на этот раз, а то будет очень разорительно, боюсь, что у меня не хватит денег. В будущем году, если доживем, я выпишу его. А впрочем, посмотрим. С ним-то мы летом непременно увидимся, а с тобой бог весть! Если ты поедешь к Саше, то вряд ли поживем вместе, ибо я к ней не поеду до тех пор, покамест Лева не переедет в свое собственное имение.

Пишу тебе это письмо ночью после концерта Музыкального общества. Исполнялась в первый раз моя фантазия «Фатум». Это, кажется, лучшее, что я до сих пор написал, по крайней мере, так говорят другие (успех значительный) [1]. Читал ли ты статью Ларош о моей опере? Еслиб ты мог знать все обстоятельства, предшествовавшие статье, и побудительные причины ее появления, то ты... *[2]

С большим жаром принялся я за «Ундину». Уже большая часть первого действия готова. К сожалению (не говори этого Папаше), мое здоровье в последнее время решительно расстроилось; нервы раздражены до крайности так, что я подчас ослабеваю до совершенного изнеможения [3]. На прошлой неделе я было решил даже уехать куда-нибудь до сентября на отдых, но раздумал. Это бы было очень неловко относительно Рубинштейна, который был бы поставлен в очень затруднительное положение насчет классов. Я случайно узнал на вечере у Оболенского, что Алеша здесь проездом; на другой день утром съездил к нему и познакомился с его супругой, — очень мила [4].

Ты спрашиваешь про Володю [5]. Он мне несколько раз писал и всегда поручает сказать тебе, что он тебя ужасно любит. Живет он в Ницце и страшно кутит, судя по беспрестанным требованиям денег из дому.

Кланяйся Папаше, Лизавете Михайловне и Моде и всех их расцелуй. Дай мне сейчас же знать, будешь ли ты на масленице и в какой день тебя ждать.

[П. Чайковский.]

104. М. И. Чайковскому

1869 г. апреля 3. Москва.

Оттого так редко теперь пишу, что все свободное время посвящаю опере. Меня и сюжет ужасно пленяет, да и хочется

* Пропуск в копии.

поскорее кончить, чтобы летом с спокойным духом заняться оркестровкой.

Итак, Моденька, если ты хочешь, чтобы твой достославный брат прославился поскорее, то не сетуй на него за лень к письмам. От Вас писем я тоже ждать не буду часто, ибо знаю, что идут экзамены. Ах! если б ты их хорошо выдержал! Как бы я тебя за это с аппетитом поцеловал!

С фактической стороны ничего интересного в моей жизни не происходит. Концертов такое же множество, как и в Питере; я впрочем ни на каких не бываю. Завтра концерт Рубинштейна, в котором Л а р о ш выступает впервые как композитор. Об его увертюре я не имею ни малейшего понятия, но слышал, что очень неважная [1]. В консерватории идут большие приготовления к принятию великой княгини Елены Павловны, собирающейся на святой приехать в Москву с специальной целью инспектировать консерваторию. Для нее готовят всю «Ж и з н ь з а ц а р я» домашними средствами; и кажется, пойдет очень недурно.

Очень бы мне хотелось побывать этим летом и заграницей и у Саши; не знаю только, как сумею все это соединить. Впрочем, заграничная поездка зависит от денежных обстоятельств, а обстоятельства очень неважные покамест.

Скажи, Модя, Толе, чтобы он мне немедленно написал, должен ли я написать Иванову, или не предпринять ли чего-нибудь в Москве для помещения его на службу. Если я что могу сделать, то лопну и сделаю!

Рубинштейн все собирается повидаться с Л ю м и н а р с к и м (председателем окружного суда) да не находит времени; а Извольский уехал заграницу.

Засим прощай, милый Модя, дай знать, как идут твои экзамены, и не забывай братца

П. Чайковского.

Расцелуй папашу и Лизавету Михайловну.

Толе скоро напишу.

** 105. А. И. Чайковскому*

1869 г. апреля 19. Москва [1].

Милый Толя!

Сейчас говорил с Рубинштейном [2]. Он на этой неделе увидится с предержащими властями и поговорит. Извольского, к сожалению, нет, а то бы сейчас же что-нибудь можно было сделать, впрочем, на-днях и он должен вернуться.

Кроме того я сейчас написал письмо к Адамову, прося его частным образом написать одному из здешних тузов. Мне кажется, что это будет всего вернее. Если хочешь, я также могу написать Иванову. Но ведь нужно же, мне кажется, в случае, если ты хочешь служить в Москве, прислать просьбу? С чего же начнется дело, если не с просьбы? Чорт знает, как все это меня беспокоит, а между тем боюсь, что ты слишком полагаешься на меня, забыв, что я в служебных делах ничего не понимаю. Пиши же мне поскорее и объясни, пришлешь ли ты просьбу.

На-днях я писал к Гедеонову, спрашивая, может ли моя опера («Ундина») идти в будущем сезоне в Питере. Он через своего секретаря отвечал, что опера моя будет поставлена в ноябре, если я представлю партитуру к сентябрю. От этого я теперь очень усердно занимаюсь инструментовкой первого действия; два остальных уже сочинены, и инструментовать я их буду летом.

Куда еду, еще до сих пор не знаю, но по всей вероятности заграницу. Доктор находит для меня необходимым купаться в море и пить какие-то воды. В таком случае я в последних числах мая буду в Питере. Своей оперой на этот раз я очень доволен и работаю с увлечением. Поздравь от меня с праздником Папашу и расцелуй его хорошенько, Лизавету Михайловну тоже, Модю тоже. Христос воскресе!

Сейчас иду в Кремль на заутреню. Александра Ивановна может сердиться сколько ей угодно, а я все-таки к Петру Васильевичу не пойду; времени нет.

[П. Чайковский.]

** 106. А. И. Чайковскому*

1869 г. апреля конец. Москва[1].

Милый мой голубчик!

Говорят, что в Москве тебе начинать службу не годится, и вот по этому случаю что́ я для тебя выдумал. В Рязани председателем окружного суда некто Коробьин. Я с ним познакомился на правоведском обеде; он славится как необыкновенно хороший человек. Я вспомнил, что Коробьин женат на сестре моего приятеля Бибикова, и попросил Бибикова написать о тебе письмо. Он написал, и сегодня Коробьин, проездом бывший в Москве, сказал, что очень рад тебя к себе взять, и поручил мне написать тебе, чтобы ты явился к нему на другой день по получении письма к 9½ часов утра по

следующему адресу: в Эртелевом переулке, дом Шландера, кв. 12 (в этой квартире живет Евгения Сергеевна Шишшина). Ради бога, голубчик, сходи к нему. Рязань всего в четырех часах от Москвы; мы будем часто видеться, и до получения места ты смело можешь рассчитывать на мою помощь. Потом уже, когда положение уяснится, — переведем тебя в Москву [2].

Впрочем, если ни за что не хочешь в провинцию, то просись в Москву. Рубинштейн постарается и это уладить.

Еду за границу [3], около 20 мая буду в Петербурге.

Коробьин остается в Петербурге, кажется, только два дня.

[П. Чайковский.]

* 107. А. И. Чайковскому

1869 г. апреля конец. Москва.

Толя! Рубинштейн тебе устроил что-то весьма хорошее; сегодня я подаю кому-то докладную записку о тебе и надеюсь, что ты будешь служить в Москве и жить со мной. Но для этого необходимо, чтобы ты приехал сюда немедленно, т. е. как только можно будет; я полагаю, что акт будет около 12-го числа; сейчас же стремись сюда, — мы тут всё тебе устроим. Напиши сейчас же, в каком положении находятся дела с Коробьиным. Не бойся того, что ты уже, может быть, решил что-нибудь с ним; это нисколько не мешает. Коробьин большой приятель Рубинштейна, мой хороший знакомый и родственник Бибикова, следовательно, мешать нам не будет. Если б ты знал, как я ликую при мысли, что мы будем жить вместе.

Предупреждаю тебя, что я остаюсь в Москве только до 20 числа; в этот день еду в Петербург. Пиши сейчас же обо всем этом и будь покоен — мы тут всё сделаем, что нужно.

Получил от Моди письмо, но не имею времени ему отвечать, да притом мы скоро увидимся. Целуй Папашу и Лизавету Михайловну.

Чтобы письмо дошло в тот же день, сходи на железную дорогу и там положи его в ящик.

[П. Чайковский.]

* 108. А. И. Чайковскому

1869 г. май. Москва?

Любезный Толенька!

Оставьте до моего приезда дела в том положении, в каком они теперь находятся. Киевом пренебрегать не следует, а

Москва будет нами покорена и Вы в нее въедете из Киева победителем осенью.

Кланяйтесь Папеньке, Моденьке и всем тетенькам и дяденькам, а также Лизавете Михайловне.

[П. Чайковский.]

* *109. А. И. Чайковскому*

Москва,
3 августа [1869 г.].

Как-то ты поживаешь, мой милый мальчик[1]? Очень много думаю о тебе и сокрушаюсь о твоем одиночестве. Я знаю по опыту, что значит одному быть в мало знакомом городе, как иногда болезненно сжимается сердце при мысли о любимых людях, живущих далеко, как иногда не знаешь, куда деваться с тоски. Если ты все это испытываешь, то утешай себя мыслью, что в Киеве не долго останешься, ибо мы сделаем все, чтобы перетащить тебя в Москву.

Путешествие от Киева до Москвы мне было ужасно скучно, и, несмотря на то, что я ехал все время в первом классе, испытывал разные неудобства и спал прескверно. Въезжал в Москву не без некоторого удовольствия; привычки сделали то, что я Москву люблю, как что-то свое родное. Рубинштейна еще нет, он в Липецке. Зато здесь живет теперь Балакирев, и, признаюсь, его присутствие тяготит меня: он требует, чтобы я ежедневно был с ним, а это мне немножко скучно. Это очень хороший и очень расположенный ко мне человек, но, не знаю отчего, я никак не могу сойтись с ним душа в душу. Мне не совсем нравится исключительность его музыкальных мнений и резкость тона. Третьего дня мы поехали с ним в Царицыно к Плещееву и ночевали[2] там, а вчера вечером я оттуда проехал на дачу к Володе. Дорогой сильно простудился и сегодня сижу у него больной, хотя теперь, к вечеру, стало лучше. Володя здоров, но в их семействе разыгрываются теперь такие драмы, что, я боюсь, он опять свихнется.

В Петербург я не проехал, да вряд ли и поеду. Мне все говорят, что не стоит тратить деньги на проезд, так как оперу можно переслать с кем-нибудь, например, с Балакиревым, берущимся ее доставить в дирекцию.

Жаль мне бедную Авдотью Яковлевну, которой, впрочем, я написал любезное письмо. О Константинове ничего тебе не пишу, так как ты уже, вероятно, виделся с ним в Киеве. Его жена очень симпатичная особа. Очень мне интересно

знать, нанял ли ты новую квартиру; желал бы, чтобы ты переехал из теперешней, отвратительной.

Вообще говоря, я покамест сильно скучаю и хотя не жалею, что уехал из Каменки, так как при теперешнем положении вещей там невозможно было оставаться, но мне грустно, что я расстался с тобой так рано. Мне бы, собственно говоря, не следовало уезжать из Киева, не устроив тебя хорошенько. Как идут денежные дела? Я тебе пришлю маленький куш к 1 сентября, но если нужно теперь, ради бога, мой милый голубчик, напиши.

Крепко, крепко обнимаю тебя.

Напишу завтра письмо к Адамову и буду говорить о тебе.

[П. Чайковский.]

** 110. А. И. Чайковскому*

Москва,
11 августа [1869 г.]

Милый мой голубчик!

Получил на-днях твое письмо и очень, очень соболезновал твоей тоске. Ты не можешь себе представить, как чутко я понимаю все, что ты испытываешь, и как я тебя жалею. В особенности меня беспокоит то, что у тебя нет денег и что в эту минуту я не в состоянии ничего тебе послать. Но как бы то ни было, а к концу месяца я тебе пошлю вспоможение.

Очень удивляюсь, как это по лицу Тимофея я не мог догадаться, что он мошенник. Теперь припоминаю, что у него глаза смотрят вниз и во всей фигуре что-то подло-притворное.

Мы наняли новую квартиру на Знаменке; я буду жить наверху, и для тебя там будет место. Я всячески хитрил, чтобы жить отдельно, но не было никакой возможности. Впрочем, теперь я буду платить и найму особого лакея.

Время провожу скучно и часто не знаю, куда деться со скуки. Часто бываю на даче у Шиловского и ночую у него. Он живет отдельно и в начале сентября уедет; ужасно зовет меня ехать с ним, но я решительно отказываюсь, благоразумно сообразив, что в первый же месяц он мне надоест, что, находясь в материальной зависимости от него, я буду относиться к нему враждебно и что, одним словом, несмотря на прелести Ниццы, я буду сожалеть о Москве и об потерянном положении. Оперу отправил в Петербург через Бегичева и теперь покоен; дадут или не дадут, я с ней покончил и примусь за новую работу. Балакирев еще здесь, часто видимся, и я все более и более убеждаюсь, что, несмотря на все его достоинства, общество его лежало бы на мне тяжелым гнетом,

если б я жил с ним в одном городе. В особенности неприятна в нем узкость воззрений и упорство, с каким он держится своих пристрастий. Впрочем, в некоторых отношениях он в это кратковременное пребывание принес мне некоторую пользу.

Видел ли ты Константинова? Что делает тиран Мещерский? Напиши мне, в чем состоят твои занятия и трудны ли они.

Целую тебя крепко.

[П. Чайковский.]

* *111. А. И. Чайковскому*

[Москва]
19 августа [1869 г.]

Милый друг!

Нового сообщить тебе нечего. Балакирев сегодня уезжает. Как он ни утомителен, а справедливость требует сказать, что это очень честный и хороший человек, а как артист он стоит неизмеримо выше общего уровня. Мы сейчас трогательно с ним распростились.

В последние дни совершил несколько дачных поездок и между прочим одну с Балакиревым. На-днях я давал вечер, на котором были Балакирев, Бородин, Кашкин, Клименко, Арнольд и Плещеев [1].

У Лароша родилась дочь, которую взялась воспитывать старуха-мать Лароша. Я его видел в Эрмитаже и даже поздоровался, но мириться и сходиться вновь не намерен. Наняли мы с Рубинштейном порядочную квартиру, в которой и тебе найдется место, когда приедешь.

Как я начинаю тревожиться о Саше! Сегодня 19 число. Модеста нет, значит я могу заключить, что он остался, чтобы ехать вместе с Сашей! Очень жаль, что история так кончится.

Тороплюсь страшно, а потому прекращаю, чтобы не наврать. Пиши же, я от тебя только одно письмо получил.

[П. Чайковский.]

* *112. А. И. Чайковскому*

Москва,
10 сентября 1869 г.

Милый Толя! Представь себе, что я неожиданным образом побывал в Питере. Володя так просил меня проводить его, что я не мог отказать. Мне очень хотелось быть там инкогнито, так как я ехал всего на два дня, но судьба воспротивилась этому. На Невском я встретил Дитлову и хотя дал тягу от нее, но она меня заметила, и через нее все узнали

о моем пребывании в Петербурге. Тем не менее я ни у кого кроме Балакирева, Апухтина[1] и Адамова не был. Последний очень расспрашивал о тебе и дал слово написать Мотовилову. Я с своей стороны решил сделать так: пойду сейчас к Мотовилову и, если опять-таки не застану его, напишу докладную записку и оставлю адрес. Пусть назначит мне час, когда я наверно его застану, или ответит письменно.

С Модестом виделся там каждый день. Я перед тем получил от него глупейшее письмо с требованием объяснений моей холодности; никакой холодности не было, просто мне в Москве противно было убедиться, что он такой же, как я. В Петербурге я с ним объяснился и надеюсь, что он успокоился.

Консерватория открылась, и мои мучения начались. Живем мы с Рубинштейном несравненно лучше прежнего, так что я с удовольствием вхожу в свою комнату и сижу в ней.

Вчера мы с ним в первый раз обедали дома. Жена Агафона изготовила отличный обед, так что я расстаюсь с Альбрехтами и буду постоянно обедать дома; если ты приедешь, то тоже будешь обедать с нами.

Я очень рад, что ты съездил в Каменку, и представляю себе, как приятно тебе было свидеться со своими. Отчего не пишешь про Мещерского?

Извини, мой голубчик, что не могу тебе прислать покамест больше двадцати рублей серебром, при первом возможном случае пришлю еще.

Я слышал про Маслова (от Башилова, который до тебя служил в Киеве), что он большая скотина; это меня бы ужаснуло, если б я не надеялся, что ты перейдешь в скором времени в Москву.

Сейчас иду к Мотовилову и о последствиях этого посещения напишу на особом листочке.

Добился, наконец, свидания с Мотовиловым. Увы! ничего особенно утешительного он не сказал. Говорит, что кандидатом он, пожалуй, и мог бы тебя взять, но еще бог знает когда будет место. Жалованья ты бы никакого не получал, да притом министр положительно желает, чтобы все вы послужили немножко в провинции. Он советует тебе оставаться еще несколько времени в Киеве и обещается, как только будет что-нибудь в виду, дать мне слово не забывать о тебе, но прибавил, что не мешало бы тебе с год остаться в Киеве. Словом, он был очень любезен, но так как все это еще в тумане и даже приблизительно нельзя определить, как и что

будет, то я ушел от него с тяжелым чувством. Но ты не теряй куражу; я сегодня же напишу Адамову и попрошу его сделать что-нибудь решительное или, по крайней мере, дать хороший совет, как поступить.

Целую тебя. Не сокрушайся, пожалуйста.

[П. Чайковский.]

113. А. И. Давыдовой

1869 г., сентября 15—16 ? Москва[1].

Милая моя Саня!

Есть у меня один ученик, молодой человек, очень образованный и очень хороший. Летом он жил на кондициях в одном помещичьем семействе в Рязанской губернии. Оттуда он приезжал в конце прошлого месяца в Москву и был у меня. Между прочим, он стал мне рассказывать про одну M-lle Mortier de Fontaine, живущую в том же семействе в качестве гувернантки, и описал мне ее в таких красках, что я изумился и про себя подумал, что для тебя эта девица была бы находкой. Она француженка, проведшая детство и получившая первоначальное воспитание в России, но окончила она свое образование в Германии. Все эти три языка знает в совершенстве, также знает английский язык и всевозможные науки. Музыку знает и имеет очень развитой вкус, впрочем, играет хотя недурно, но и не особенно хорошо. Узнав все это, я просил Иванова (уехавшего опять туда же) поговорить с ней, узнать, не хочет ли она переменить место, и написать об ее условиях. Прилагаю при [сем?] полученный мною недавно ответ и прошу тебя, моя милая Саня, обстоятельно мне написать, должен ли и могу ли действовать решительно.

Кроме того, вчера я видел англичанку, говорящую по-французски и ищущую места; цена ее очень дорога: 600 р. сер.

Итак, скорее пиши мне. На-днях Шиловский, уезжая в Петербург, предложил мне проехаться туда в семейном вагоне; так как этот бедный больной мальчик уезжает на целых два года за границу и очень грустит, что расстается со мной, то я решился съездить в Петербург на два дня, с тем чтобы нигде не показываться. И действительно кроме Балакирева и Адамова (с которым я должен был говорить о Толе) я ни у кого не был. Между тем все о моем приезде узнали, все (кроме Давыдовых) на меня сердятся, и Модест пишет, что мой приезд наделал ему много хлопот, так как к нему все при-

ставали с расспросами[2]. Ради бога, Саня, если Ваши будут тебе писать, то объясни им, что я не был у них во избежание визитов к теткам и другим родным, что бы взяло у меня все время, а ведь я ехал для Шиловского и у него остановился. Скажи им, что если я кого люблю всем сердцем в Петербурге, так это именно их и что для меня было бы большим горем, если б они в этом усумнились. В Москве я устроился премило, комнатка моя просто прелесть; я порядком поиздержался на нее, но не раскаиваюсь. Был на-днях у милой Катерины Васильевны. Выходя от нее, встретил очень состарившегося Василия Васильевича и Александру Михайловну. Последняя посмотрела на меня с такой злобой, что я испугался; должно быть оттого, что я мало у них бывал в прошлом году. Да что ж мне делать с моим несчастным характером, боящимся людей и с трудом привыкающим к людям!

Целую тебя, моя голубушка.

Обними от меня крепко всех: Папашу, Лизавету Михайловну, Леву и всех детей.

Пиши скорей, адресуй в Консерваторию.

П. Чайковский.

* *114. А. И. Чайковскому*

[Москва]
25 сентября 1869 г.

Милый мальчик!

От Адамова ни слуху, ни духу,— не отвечает мне, поэтому и я ничего нового насчет планов будущего тебе сообщить не могу.

Некто Волков, студент, говорил мне, что видел тебя в Киеве и даже обедал с тобой. Он сказал мне, что ты был весел; это мне доставило большое удовольствие. Надеюсь, что приезд Губерта[1] и свидание с Верой подействовали благоприятно на твое расположение духа. Вера говорила тебе, вероятно, что она со мной виделась. Признаюсь, это свидание мне очень было тяжело; они все сердиты на меня за то, что я не был у них в Петербурге. Вчера я превозмог себя и сделал визит Лизавете Сергеевне, надеясь, что при Александре Ивановне и Соне это будет не так ужасно. Представь, что ни ту, ни другую я не застал и просидел целые полчаса (показавшиеся мне вечностью) с Лизаветой Сергеевной. Она очень мило обошлась со мной. Сегодня Александра Ивановна и Соня едут в Малый театр, в ложу, которой я их снабдил.

У нас здесь открылась итальянская опера. Сестры Маркизио превосходны, но остальные певцы и певицы очень плохи.

Волков говорил мне, что ваша опера идет очень плохо. Ты мне никаких подробностей не пишешь, а мне бы очень интересно знать, каков оркестр, хоры, как принялся за дело Губерт, какое он на сотоварищей произвел впечатление и т. д.

Очень сильно работал в последнее время; дописывал двадцать пять русских песен в четыре руки[2], надеясь взять с Юргенсона денег, но оказалось (чего я нимало не помнил), что я уже в прошлом году забрал у него вперед более пятидесяти рублей.

Вчера ко мне утром явился Иленька и потребовал, чтобы я с ним пообедал в Эрмитаже. Обед он задал превосходный, но скучно было, ибо нет для меня ничего тяжелее, как подобные родственные отношения с людьми, которых не встречаешь часто в жизни.

Модест что-то мне вовсе не пишет; не знаю, чему приписать это. Твоя цепочка * целы; буду ждать случая переслать их к тебе; заеду на-днях к Дервизу.

Целую тебя крепко.

[П. Чайковский.]

** 115. А. И. Чайковскому*

[Москва]
7 октября 1869 г.

От Адамова все-таки нет ответа, и я ума не приложу, что это может значить. Как только получу от него письмо, что бы в нем ни было, сейчас же перешлю его к тебе.

Вот что, голубчик, ужасно мне досадно, что я в эту минуту нахожусь в страшном безденежье и ничего не могу тебе послать. Постарайся, пожалуйста, как-нибудь обойтись еще несколько времени, пока я найду возможным прислать тебе хотя небольшое вспоможение. Мысль, что ты нуждаешься, меня терзает.

Ровно неделю тому назад был здесь Папаша с Лизаветой Михайловной, и я целый день провел с ними вместе. Обедали они у меня дома, были в Малом театре и ужинали в «Московской». На другой день я их провожал.

Консерватория уже начинает быть противной, и уроки по-прошлогоднему уже начали утомлять меня. Ничего не пишу; впрочем докончил пятьдесят русских песен и вчера получил из Петербурга заказ от Бесселя; он просит аранжировать «Иоанна Грозного» Рубинштейна.[1] От Балакирева получаю ругательные письма за то, что ничего не пишу.[2] Про оперу вер-

---

* Пропуск в копии.

ного все-таки ничего не знаю; говорят, что она пойдет, но когда — неизвестно.

Бываю иногда в опере. Певицы Маркизио очень хороши, особенно в «Семирамиде», но, слушая этих превосходнейших певиц, я более чем когда-нибудь убедился в том, что Арто одна из величайших художниц в мире. Если ты и не попадешь нынешней зимой в Москву, то приедешь ко мне, по крайней мере, гостить на рождество, и я рад, что мы вместе будем слушать Арто.

Сегодня утром я был очень обрадован неожиданным появлением Константинова; он приехал на неделю. Оттого не видел тебя в Киеве, что оставался там только два часа; на возвратном пути увидится с тобой. Кланяйся хорошенько Губерту и скажи, что поручение его исполнено. Жалею, что ему, бедному, плохо приходится. Ты спрашиваешь, нельзя ли его в Москву? Теперь об этом и думать нечего.

Целую тебя, мой милый голубчик, не скучай и пиши мне.

[П. Чайковский.]

116. М. И. Чайковскому

[Москва]
12 октября [1869 г.]

Достолюбезный братец!

Я так завален делом, что с трудом нахожу время писать; оттого-то я и счастливлю тебя так редко письмами. Вот какие у меня дела:

1) Аранжирую увертюру Антона Рубинштейна «Иоанн Грозный» в четыре руки.

2) Доканчиваю и корректирую народные песни в четыре руки.

3) Пишу увертюру к «Ромео и Джульетта» [1].

4) Приготовляю лекции моего нового курса форм.

Кроме всего этого я должен значительную часть времени жертвовать Константинову, приехавшему из Одессы ненадолго и совершенно мной завладевшему. Дома сижу довольно много; однакож вечером почти всегда ухожу; большею частью с Бибиковым, который за мной заезжает [...].

Итальянская опера у нас в полном ходу; Маркизио очень замечательные певицы, но после Арто я не в состоянии кого бы то ни было слушать с наслаждением. Кстати, эта исключительно прелестная женщина в Петербурге и проживет там полтора месяца (не знаю хорошенько зачем). Постарайся ее увидать и думай, смотря на нее, что я чуть было не связался с ней узами Гименея.

Очень радуюсь, что Меньшикова тебе нравится; я всегда был одним из немногих москвичей, которым она нравилась. О моей опере ни слуху ни духу. Я начинаю думать, что ее вовсе не дадут; впрочем, только что написал Гедеонову письмо, в котором прошу его дать мне положительные сведения о том, пойдет ли опера. Мне кажется, что если б я был нахальнее и практичнее, то она бы уже шла теперь[2].

На-днях ко мне являлся пьяный Петровский, твой бывший товарищ. Агафон его не принял,— и отлично сделал.

От Володи получил только одно письмо из Парижа; он здоров и, кажется, очень веселится с Рюминым.

Целую тебя, мой милый Модька, и требую письма.

Твой П. Чайковский.

Бибиков тебя целует.

* *117. А. И. Чайковскому*

[Москва]
30 октября 1869 г.

Что ты так давно мне не пишешь, мой милый киевлянин? Положим, что я имею о тебе довольно подробные сведения от Мещерского, но этого мне не достаточно. Я, например, интересуюсь знать, в кого ты влюблен, с кем особенно сдружился и т. п., а об этом Мещерский говорил довольно неопределенно, именно, что ты ухаживаешь за какой-то актрисой и что ты очень сошелся с каким-то следователем. Мещерский живет здесь уже полторы недели и, к сожалению, остается чуть ли не еще столько же. Само собой, что мы видимся ежедневно и уже имели два-три крупных разговора. Впрочем, справедливость требует сказать, что он чрезвычайно любезен, да кроме того мне нравится то, что он так тебя любит. Между прочим, он в Петербурге будет всячески о тебе заботиться. Виделся ли ты с Константиновым? Его жена предобрая и премилая и тоже тебя обожает.

Я все это время очень много работал; кончил заказанную Бесселем аранжировку и почти написал вчерне увертюру к трагедии «Ромео и Джульетта». Про оперу мою ничего не слышно, и я начинаю думать, что ее в нынешнем сезоне вовсе не дадут. Это меня не особенно огорчает; не знаю, почему я стал теперь гораздо равнодушнее к своим композиторским успехам и готов с величайшим стоицизмом переносить всякого рода неудачи.

Виделся недавно в театре с Дервизом, который тоже мне говорил о тебе; он, кажется, на-днях едет к Вам в Киев.

Я познакомился в театре с его женой, которую нахожу очень миленькой, гораздо лучше, нежели я ожидал.

Скоро мне предстоит свидание с Арто. Она здесь будет на-днях, и мне наверное придется с ней встретиться, так как вслед за ее приездом начнутся репетиции «Domino noir» с моими хорами и речитативами и мне необходимо присутствовать на этих репетициях. Эта женщина сделала мне много вреда, и я, когда увидимся, расскажу тебе,— каким образом, но тем не менее меня влечет к ней какая-то необъяснимая симпатия до такой степени, что я начинаю с лихорадочным нетерпением поджидать ее приезда. Увы! Это все-таки не любовь [1]!

Напиши мне про Губерта, кланяйся ему хорошенько и передай, что ему стыдно давать свое имя Фаминцыну [2]; в объявлении об издании его паршивой газетки Губерт стоит рядом с Рубцом.

Целую и обнимаю.

Кланяйся Третьякову.

Послезавтра, по получении жалованья, высылаю тебе маленькую субсидию.

[П. Чайковский.]

118. А. И. Давыдовой .

Москва,
15 ноября [1869 г.]

Милая моя Саничка!

Оттого так долго тебе не отвечал, что все ожидал каких-нибудь успехов в моих поисках, но к величайшему моему горю все мои старания оказываются тщетны, и я теряю надежду найти что-нибудь тебе подходящее.

Ни одна из дающих здесь уроки учительниц (из хороших, разумеется) не хочет ехать так далеко, так как они частными уроками в Москве получают гораздо более; была одна на виду порядочная пианистка, сказавшая, что она не прочь ехать, но с тем, чтобы за те же деньги ничего кроме уроков музыки не давать и чтоб был хороший инструмент, на котором она могла бы упражняться сама,— но так как эта госпожа, как видишь, не подходила под твои условия, то я в серьезные разговоры с нею и не вступал.

Впрочем, я имею еще тень надежды на одну особу, и если что-нибудь у нас с ней выйдет, то я немедленно тебе напишу. Итак, прости меня, милый друг, что не мог быть тебе полезным, хотя и желал этого всей душой.

Ты думала, что я в ноябре поеду в Петербург, но представь себе, что до сих пор еще не знаю, когда пойдет моя

опера,— да даже и пойдет ли она в этом сезоне? Одному приятелю писали, что уже начались хоровые спевки, но официального извещения никакого не имею.

Делом я завален ужасно; торопился окончить новую увертюру, которая должна быть исполнена в одном из следующих концертов Музыкального общества, да кроме того имел довольно много заказной работы. Так что нервы в сильно напряженном состоянии, и я намерен несколько времени поотдохнуть, т. е. ничего кроме классов не делать.

Ваших давно не видал и хочу завтра сходить к Катерине Васильевне. Был у меня на-днях Василий Васильевич,— такой же мрачный, как всегда. Приехала в Москву моя бывшая невеста А р т о. Я с ней, разумеется, не вижусь, но придется встречаться, так как скоро начнутся репетиции оперы «Domino noir», к которой я приделал речитативы и хоры, и буду бывать на репетициях.

Если Вера Васильевна еще у Вас, то хорошенько ей поклонись. Целую тебя и все семейство.

П. Чайковский.

** 119. А. И. Чайковскому*

[Москва]
18 ноября * [1869 г.]

Знаешь, отчего так долго не пишу? Все хочу послать тебе денег и все не могу дождаться получения с Бесселя, который должен мне порядочную сумму. Мысль, что ты сильно нуждаешься, мне невыносима; но так как деньги все нейдут, то решаюсь писать и просить прощенья, что так скверно поступаю. Вчера я получил грустное известие из Петербурга: опера моя в нынешнем сезоне не может итти, так как едва хватает время поставить две оперы, раньше моей стоявшие на репертуаре: «Гальку» и «Кроатку»! Это известие мне в высшей степени неприятно, так как я сильно рассчитывал на поспектакльную плату. В нравственном же отношении оно подействовало на меня тоже очень скверно, так как я чувствую в настоящее время непреодолимое отвращение ко всякому композиторству и знаю, что в продолжение, по крайней мере, месяца ничего не в состоянии будут писать. Представь себе, что в петербургской дирекции только неделю тому назад узнали, что моя опера там лежит уже три с половиной месяца! Ну, разумеется, я теперь в Петербург не поеду. Ты спрашиваешь, как я проведу праздники. Если ты приедешь

* *В копии и очевидно в подлиннике описка:* сентября

в Москву, то буду в Москве, если же тебе почему-либо нельзя будет, то я недели на две съезжу в Киев; эта поездка доставит мне большое удовольствие. Не помню, писал ли я тебе, что Мещерский, уезжая отсюда, дал мне слово усердно хлопотать о тебе в министерстве, и я не сомневаюсь, что твое желание получить место следователя будет исполнено.

Концерты наши начались[1], и, несмотря на четыре еженедельные представления итальянской оперы, у нас около 850 членов, а к концу сезона будет 1200, тогда как в Петербурге всего 210 членов. Дела бедного Балакирева тоже идут не совсем блистательно; у него едва-едва покрыты расходы. Как подумаешь обо всем этом, так, ей богу, поблагодаришь судьбу, что живешь в благословенном граде Москве. Увертюру свою я кончил, и в одном из следующих концертов Музыкального общества она пойдет[2]. Кажется, вещь довольно удачная.

Каков был в Киеве концерт Лауба? И напиши мне, отчего ты его называешь стариком, когда ему всего тридцать семь лет. Меня эта выходка против наших годов ужасно взбесила; пойми, дурак, что он всего восьмью годами меня старше!

Вчера здесь дебютировала с большим успехом ваша Прохорова под именем: dell'Greco. Она пела в «Вильгельм Телле».

Толя, крепко целую твои ручки и прошу простить меня за мою подлость. Кто знает, может быть завтра или послезавтра придут деньги?

Целую тебя до удушения.

[П. Чайковский.]

120. М. И. Чайковскому

[Москва]
18 ноября * [1869 г.]

Любезный моему сердцу Модя!

Ты справедливо сравнивал себя однажды с А в д о т ь е й Я к о в л е в н о й. Твои письма всегда по стилю сходны с ее эпистолами. Я даже удивляюсь, что ты не подписываешься, как она в последнем письме: «д ы ш у щ а я В а м и А. Б.». Неужели ты не можешь обойтись без сетований на судьбу, что тебя никто не любит, что ты одинок, и так далее? И как это ты не поймешь, обладая художественным тактом, что эта вечная песнь разочарования уж давно сделалась приторно скучна? Все тебя окружающие и все близкие ровно ничем не дают тебе поводов распевать в минорном тоне о том, что

---

* *В подлиннике описка:* сентября

ты неоценен и непонят. Напротив, все, сколько мне известно, к тебе расположены, начиная с Папаши и кончая Пашенькой; вся эта разочарованность есть нечто напускное и неестественное в твои года. Ну, довольно ругаться!

Вчера я получил из Петербурга очень грустное известие. Опера моя отложена до будущего сезона, так как едва хватает времени поставить две оперы, раньше моей стоявшие на репертуаре: «Г а л ь к а» и «К р о а т к а». Итак, я в Петербурге вряд ли буду, а тебя выпишу сюда на масленицу, так, как в прошлом году Толю. Известие о невозможности поставить оперу мне в особенности в денежном отношении неприятно. Впрочем, должную мною на твою обмундировку сумму пришлю во всяком случае.

В нравственном отношении это на меня подействует худо, т. е. я недели три ничего не в состоянии буду писать; по крайней мере в эту минуту я без отвращения не могу думать о композиторстве. К счастью, заказанную тобой [1] увертюру к «Р о м е о и Д ж у л ь е т т е» я благополучно окончил и в одном из следующих концертов она будет исполнена.

Очень рад, что А р т о тебе понравилась; это свидетельствует о твоем понимании. Трудно себе представить более превосходную певицу [2].

Заметь себе еще, что она совсем не концертная певица и что, не слыхав ее в опере, нельзя себе составить о ней надлежащего понятия. Концерты наши начались, и, несмотря на три абонемента итальянской оперы, у нас более 800 членов, а к концу их наберется 1200, тогда как в Вашем несчастном болоте их всего только 210. У бедного Балакирева едва только покрылись расходы; он мне пишет, что от волнений и забот у него начиналось воспаление в мозгу [3].

Когда пройдет мое отвращение к музыке, начну писать романсы, дабы нажить маленькую сумму денег. На-днях был у Катерины Васильевны. С Бибиковым продолжаем часто видеться. Здесь прожил недели две Мещерский.

Целую тебя, Моденька, в обе щечки и остаюсь

П. Чайковский.

** 121. А. И. Чайковскому*

1869 г. декабря начало. Москва.

Милый Толя!

Виноват, голубчик! Уж более недели тому назад получил твое письмо и чорт знает почему не мог собраться тебе ответить.

На другой день после твоего письма приехала сюда Вера с Петром Васильевичем; я в этот день отправился с визитом к Лизавете Сергеевне (можешь себе представить, чего это мне стоило) и как-раз попал к их приезду. Дня через три после того вечером был у них, скучал страшно, а в субботу вместе были в опере. Давали «Фауст», в первый раз в нынешнем сезоне пела Арто и была так хороша, как никогда [1]. Разумеется, Вера Васильевна и все остальные нашли ее никуда негодной во всех отношениях, и Вера Васильевна уехала тотчас после третьего акта. Послезавтра опять отправляюсь туда (т. е. к Петру Васильевичу).

Мое бездействие (о котором я тебе писал в прошлом письме) продолжалось очень недолго, и на прошлой неделе я накатал шесть романсов, которые собираюсь напечатать [2]. Ты спрашиваешь, могу ли я тебе дать тридцать рублей. Об этом нечего и спрашивать; разумеется, дам, только приезжай, ради бога. Получил ли ты ответ от Адамова? Я бы желал, чтоб ты приехал на праздники, так как тебе было бы здесь веселее.

У нас на этой неделе суматоха: в пятницу концерт в честь Бетховена, в субботу именины Н. Рубинштейна; предполагается устроить в саду утреннюю серенаду; потом большой обед и вечером бал с разными сюрпризами. В воскресенье концерт Антона Рубинштейна.

В эту минуту я сижу дома (три часа ночи) и очень беспокоюсь о Ник. Рубинштейне. Он должен был приехать сегодня в девять часов вечера из Петербурга, где играл в Балакиревском концерте, и до сих пор еще не едет [3]. Альбрехт и Агафон, поехавшие его встречать, тоже не возвращаются; не понимаю, что это значит.

Поцелуев тебе посылаю 100.000, а денег всего только 15 руб., но и те, я думаю, пригодятся.

Целую крепко.

[П. Чайковский.]

* *122. А. И. Чайковскому*

[Москва]
7 декабря 1869 г.

Толя!

Время такое сумасшедшее, что не нахожу возможности писать тебе подробно; посылаю тебе письмо Мещерского к сведению и исполнению его советов.

Вчера у нас был пир в течение целого дня, утром — катание за город, обед и бал. Устал страшно.

Целую тебя. Получил ли ты письмо и пятнадцать рублей серебром?

[П. Чайковский.]

* 123. А. И. Чайковскому

1869 г. декабря середина. Москва.

Посылаю тебе, Толя, письмо Адамова. Прочти его и напиши мне свое о нем мнение.

Целую тебя в обе щечки и в бородавку на ухе.

Клименко просит меня передать поцелуй тебе и Губерту.

(Не удивляйся, что на нем ноты; это я записал одну персидскую мелодию [1], пришли письмо назад.)

[П. Чайковский.]

124. А. И. Давыдовой

Москва,
19 декабря [1869 г.]

Милая и дорогая Саня!

Прости, голубчик, что давно не писал, а главное, что ничего окончательного не дал тебе знать о музыкальной гувернантке. Поиски мои не увенчались успехом, и я теперь, припоминая, с какой уверенностью говорил тебе об этом предмете летом, стыжусь за себя. Но, право, я не думал, что это так трудно.

Вера Васильевна прожила здесь недели три и уехала, наконец, дня три тому назад с Толей, который поехал в Петербург хлопотать о месте. Я виделся с ней неоднократно. Ее обращение со мной мне не очень-то понравилось; в нем весьма заметно тайное желание дать мне почувствовать, что прежнее все кончилось. Мне с ней от этого как-то неловко было. С Колей и Толей я на-днях обедал у Лизаветы Сергеевны. Она очень любезна; Петр Васильевич чрезвычайно мил, но я все-таки не могу к ним привыкнуть. Накануне отъезда Веры Васильевны были вечером у Катер. Васил. П е р е с л е н и. Она попрежнему прелестна.

Не знаю, писал ли я тебе, что мои летние труды напрасны; опера моя итти в нынешнем сезоне не может. Я сначала впал в меланхолию, получив это грустное известие, но теперь привык к ужасной мысли, что я был глупейшим образом обманут,— и успокоился. Начинаю сильно подумывать о новой опере, но не могу остановиться ни на одном сюжете, а покамест написал увертюру и шесть романсов. В Петербург не поеду; антипатия моя к этому омерзительному городу делается все сильней и сильней.

Вера Васильевна говорила мне, что ты совсем помирилась с Николаем Васильевичем. Значит, вы опять надолго прикованы к Каменке. Может быть, летом опять увидимся; едва ли удастся съездить полечиться заграницу. То обстоятельство, что оперу не дадут в нынешнем сезоне, расстроило все мои планы, но что всего более меня пугает, так это то, что я решительно не вижу, из каких сумм выдам обещанную Модесту сумму. Впрочем, до этого еще далеко. Очень рад был увидеть Толю, хотя мне и не нравится, что он поехал в Петербург без всякой надобности, только чтоб деньги тратить. Адамов пишет, что ему нечего беспокоиться, что место он наверное получит.

Жалко, что железная дорога нейдет прямо до К а м е н к и, а то бы наверное приехал к тебе на рождество; так хочется взглянуть на вас всех. Целую Леву и всех детей. Кланяйся Николаю Васильевичу, Плесскому, Дериченке, няне, Федоре и всем.

Обнимаю тебя.

П. Чайковский.

1870

125. М. И. Чайковскому

[Москва]
13 января 1870 г.

Любезный брат Модя!

Полагаю, милый брат, что ты не сердишься за мое долгое молчание и веришь в мое родственное расположение, которое я тебе не раз оказывал. Вспомни, сколько раз я тебе давал денег и вообще сколько благодеяний тебе оказал! Вообще, милый брат, я тебя очень люблю, и хоть я нещадно тебя надул, обещав тебе прислать денег на праздники и не исполнив этого, но все-таки я — твой благодетель, и ты не должен знать, чем меня отблагодарить.

Шутки в сторону, Моденька, мне очень стыдно, что я тебя надул, откладывал все, а потом так прокутился, что ежедневно занимаю по 1 р. у Агафона. Но, честное слово, пришлю тебе немного вскоре, а затем обещанный куш к марту. Толя прожил здесь до четверга вечера и очень хотел остаться еще, но безденежье тому помешало. Я его почти не видел, он все кутил с Тарасовым, Гудимом и еще своим товарищем, которого фамилию не помню.

У нас здесь гостили Балакирев и Корсаков. Они проехались напрасно: концерт, которым Балакирев должен был управлять, не состоялся, так как зала была занята. Мы, разумеется, каждый день виделись. Балакирев все больше и больше начинает меня обожать, так что я наконец не знаю, как его отблагодарить за всю эту любовь. Корсаков посвятил мне очень хорошенький романс, проданный им Юргенсону[1]. Им обоим очень нравится моя увертюра, которая и мне тоже нравится. Кроме этой увертюры я еще написал х о р насекомых из оперы «М а н д р а г о р а», сюжет которой тебе, кажется, известен; он

сделан Рачинским. Я было решился приняться за это либретто, но приятели отговорили, доказывая, что опера выйдет несценичная [2]. Теперь Рачинский же готовит мне очень интересный сценарий под названием «Раймонд Люллий» [3].

Милый Моденька, ради бога, старайся привыкнуть к мысли, что скоро должна для тебя миновать пора переодевания себя в папашин халат и надевания колпака от лампы на голову; тебе, может быть, придется очень скучать и томиться на службе, и я боюсь, что ты на себя слишком легко смотришь, не приготовляешься к тому, что тебя ожидает; а ведь без страдания ничто не дается. Если есть малейшая возможность, старайся быть [[...]]. Это весьма грустно. В твои лета еще можно заставить себя полюбить [[...]]; попробуй хоть один раз, может быть удастся.

Представь себе, какая у меня память на лица. Твоего товарища Краевского я видел лет восемь тому назад, когда он с заплаканными глазами приехал с приемного экзамена к Адамову; на-днях встретил его в Артистическом кружке и сейчас же узнал. [...]

Представь, что Шиловский с сентября мне не писал ни разу. На-днях в «Русских Ведомостях» подсмеивались над тем, что «Figaro» в числе разных аристократов и вельмож, проживающих в Ницце, называет: княгиню Бутовскую, графа Рюмина и князя В. Шиловского.

Получил вчера письмо от Авдотьи Яковлевны; если увидишь ее, скажи, что на-днях ей напишу. На прошлой неделе Рубинштейна притянули в мировой суд за то, что он на некую M-lle Щебальскую, ученицу консерватории, закричал: «Ступайте вон!» Вся Москва об этом толковала, и большинство было против Рубинштейна, но мировой судья его оправдал.

Целую тебя, Моденька. Пиши.

П. Чайковский.

Крепко целую Папашу и Пышку [4].

126. А. И. Давыдовой

Москва,
5 февраля [1870 г.]

Милая моя Саня!

Слышал я, что ты нездорова. Это известие тем более меня расстраивает, что никаких подробностей здесь не знают. Видно, эта зима особенно жестоко отнеслась к Давыдовым, так

как и петербургские и здешние — все перехворали. У Петра Васильевича — постоянный лазарет, Василий Васильевич тоже хворает. К последнему грустно приходить; они оба так тяготятся жизнью, что жалко смотреть на них. Уже начинают подумывать об оставлении Москвы, но я полагаю, что напрасно будут странствовать, — нигде не найдут они местечка, где оскорбленному есть чувству уголок.

Я же, напротив, пользуюсь елико возможно вожделенным здравием и живу себе попрежнему не скучно и не особенно весело, но, впрочем, покойно. Одно меня сокрушает, — то, что нет людей в Москве, с которыми у меня были бы домашние интимные отношения. Я часто думаю о том, как я был бы счастлив, если б вы здесь жили или если б что-нибудь подобное было. Я чувствую сильную потребность в детском крике, в участии своей особы в каких-нибудь мелких домашних интересах — словом, в семейной обстановке. Ты, может быть, скажешь, что таковую я могу найти у Петра Васильевича или у Катерины Васильевны? Нет! — почему, и сам не знаю, а не могу. Остается самому жениться, но на это не хватает смелости [1].

Собираюсь начать писать третью оперу на сюжет, заимствованный из трагедии «О п р и ч н и к и» Лажечникова [2]. Что касается «У н д и н ы», то она пойдет только в начале будущего сезона, если только меня не надуют [3]. Вообще я в нынешнюю зиму был довольно деятелен по части сочинения. Третьего дня отдал в печать две фортепианные пьесы, из коих одна посвящена тебе [4]. Как только выйдет из печати, так сейчас тебе пришлю. Хотя весна еще далеко и мы едва еще избавились от невыносимых морозов, но я уже начинаю подумывать о лете и жду с нетерпением весеннего солнца, всегда так благодетельно на меня действующего. У вас, я думаю, уже чувствуется близость весны.

Я в ужасе, что не нашел тебе музыкальной гувернантки, наобещавшись с три короба. Как-то ты устроилась с этим, моя голубушка?! Будь здорова. Расцелуй всех и попроси (если сама не можешь) Л е в у ш к у что-нибудь написать.

П. Чайковский.

* *127. А. И. Чайковскому*

1870 г. марта начало. Москва.

Пишу тебе эти несколько строк для успокоения своей совести. Я тебе в последнем письме обещал прислать маленькую субсидию, но обстоятельства сложились так, что я не мог

этого сделать, и, вероятно, пришлю тебе некоторую сумму дней через пять [1]. Ты, бессовестный, меня совсем забыл, уж с месяц ничего не пишешь. Целую тебя бессчетное число раз. Ты не поверишь, как мне совестно, что я так подло поступаю с тобой, — оставляю тебя в критическом положении без помощи. Прости, голубчик мой.

Сейчас ужинал с Мещерским; говорили о тебе.

[П. Чайковский.]

128. М. И. Чайковскому

[Москва]
3 марта [1870 г.]

Милый Модя!

Очень был огорчен известием о твоей болезни, но вместе с тем предавался и ликованию по случаю ее благополучного окончания. Ты пишешь, что не был приглашаем ко мне на масленице по случаю моего н е ж е л а н и я; это ты врешь, ибо желанье было, но денег совершенно не было. Я сильно запутался в делах по причине неудавшихся надежд на оперу, а потому мне и думать нельзя было звать тебя. Не забудь, о неблагодарный, о забывчивый юноша, что я тебе должен еще выслать сто рублей в течение этого месяца! Еще ли будешь упрекать в коварстве благороднейшего человека в мире!

Сегодня рассматривалось дело Рубинштейна с Щебальской, о котором ты, вероятно, не мало слышал. Рубинштейн приговорен к 25 р. штрафу; его адвокат будет апеллировать, и если не воспоследует кассации, то Рубинштейн выйдет из Консерватории, а с ним почти все профессора, — в том числе и я.

Послезавтра исполняется моя увертюра к «Р о м е о», в сочинении которой я так много обязан тебе [1]. Уже была одна репетиция; вещь, кажется, недурна, а впрочем господь ее знает [2]. Скажи ради бога Алине Хвостовой, что романсы мои почти готовы и в самом непродолжительном времени ей будет послан экземпляр, за которым я попрошу ее зайти к Б е р н а р д у. Масленицу провел в совершенной праздности и не без скуки. Здесь прожила с неделю С а ш а К а р ц о в а с мужем, Иленькой и премилою дочкою Л и з о й. Я у них бывал каждый день. Сашенька так же хороша, как прежде, несмотря на двух человек детей. Михаил Павлович сильно постарел.

Где проведу лето, еще не знаю. Шиловский очень зовет заграницу; я бы пожалуй к нему на месяц и съездил бы, да ведь у него семь пятниц на неделе. Очень может быть, что останусь жить в Москве; я уж теперь настолько состарился,

что меня никуда особенно не тянет. Одного только хочется: покоя и покоя.

С П. В. Давыдовым довольно давно не виделся, с Катериной Васильевной и всем семейством ездил в цирк. Можешь себе представить, сколько было шуму, радостей, криков!

На третьей неделе здесь в концерте Мертена пойдут отрывки из «У н д и н ы»; очень любопытно будет услышать. Сетов пишет, что есть полное основание думать, что опера будет дана в начале осеннего сезона.

Желаю тебе, Моденька, быстрого выздоровления и всяких успехов; очень желал бы, чтобы ты получил желаемое место в Петербурге. Только, пожалуйста, хлопочи, а не сиди сложа руки.

Целуй и кланяйся всем.

Твой обожаемый тобою
П. Чайковский.

** 129. А. И. Чайковскому*

Москва,
7 марта 1870 г.

Милый мальчик!

Можешь себе представить мое несказанное удивление, когда я прочел сегодня в списке неотправленных (по необозначению города) писем мое письмо к тебе! Адрес написал, а город забыл выставить, — чертовски обидно. Не помню, что именно я писал тебе в предыдущем письме, должно быть, разные новости московские.

1) Дело Рубинштейна с девицей Щебальской рассмотрено В Мировом съезде, и сей последний приговорил его к 25 р. сер. штрафу. Вся Москва помешалась на этом деле; на Рубинштейна сыплются сочувственные адреса.

2) У Агафона родилась дочь.

3) Моя увертюра была, наконец, исполнена в Музыкальном обществе. Кажется, это произведение лучше всего, что я написал [1].

4) Здесь проездом был Ипполит, но я его не видел, так как он не застал меня дома.

5) На масленице здесь была красавица Сашенька Карцова, у которой я ежедневно бывал, неоднократно обедал и ездил с ней по театрам.

6) Был у меня Бронников; кажется, очень много про себя воображает.

7) Вчера я обедал с киевским антрепренером Бергером. Он говорил, что знает тебя и что ты всегда неразлучен с каким-то приятелем, должно быть, Тарасовым.

8) Получил письмо от Модеста, который был очень болен, но теперь поправился.

9) На масленице возил в цирк семейство Переслени.

10) На третьей неделе в концерте Мертена будут исполнены некоторые нумера из «Ундины» [2].

11) Вчера, наконец, после долгой возни уложил и отправил к тебе штаны.

12) Получил письмо от Володи, который очень просит меня приехать на лето к нему. Так как эта поездка ничего не будет стоить, то я ее, вероятно, предприму, но не более, как на месяц.

13) Брат мой Анатолий назначен... да, впрочем, это ты знаешь.

Ленюсь я в последнее время жестоко; опера остановилась на первом хоре.

Очень часто думаю о том, как тебе должно быть трудно начинать свою службу; я даже не понимаю, как это вдруг произвести следствие. Пиши мне, как ты начал, а главное, объясни, где ты следователем, в самом Киеве что ли?

Обнимаю

[П. Чайковский].

130. М. И. Чайковскому

[Москва]
26 марта 1870 г.

Милый мой Модя!

Поздравляю тебя с совершившимся уже вероятно расставанием с Училищем [1]; живо вспоминаю то, что одиннадцать лет тому назад сам испытывал, и желаю, чтобы в твою радость не была замешана та горечь, которую я тогда испытывал [...].

Переживая в памяти всю мою жизнь с тех пор, я [[...]] с некоторым удовольствием вижу, что она не прошла даром. Желаю и тебе того же.

Сейчас выхлопотал себе 100 р. с., которые получу 1-го числа и немедленно вышлю Лизавете Михайловне. У нас тут огромное множество концертов; сегодня идет второй концерт Лавровской; она в течение полутора недель заработала здесь более пяти тысяч рублей сер. Вот завидная участь! Девушка она премилая; скажи Хвостовой, что она сегодня поет мой романс, посвященный сей последней.

Таузиг дал только один концерт и имел хоть не восторженный, но большой успех [2]. Завтра концерт Рубинштейна, на котором будет исполняться первая часть симфонии Ларош, написанной им четыре года тому назад [3]. Не помню, писал ли

я тебе о моей увертюре к «Ромео»; она оказалась недурною, и я ею очень доволен.

Третьего дня сюда приехал Рюмин и много рассказывал о Володе, глупившем в нынешнюю зиму больше, чем когда-либо. Он истратил около шестнадцати тысяч рублей сер. и расстроил здоровье до того, что с ним бывали по четыре раза в день обмороки. Он очень скучает обо мне, и я дал ему слово хоть на месяц приехать летом. Попечителем его уже теперь больше не мать, а Рюмин, который теперь и живет для ведения дел Володи.

Напиши мне, ради бога, о твоих служебных планах; удастся ли переход в министерство внутренних дел? Это было бы недурно, потому что тебе не придется скучать в провинции. От Анатолия давно не получал писем и сам давно не писал, но я имел о нем известия через певца Третьякова.

Вообще говоря, я здоров и нахожусь в недурном расположении духа, но лень меня обуяла непомерная; вот уже недели четыре ничего не пишу. Один из моих романсов («И больно и сладко») производит здесь фурор.

П. Чайковский.

Целую всех. Пиши.

131. Л. В. Давыдову

1870 г. апреля середина. Москва[1].

Милый Левушка!

Очень я был рад получить твои милые каракульки; от них веет чем-то особенно милым, чем-то южно-весенним, теплым и чистым. Говорю это без всяких комплиментов: ты и Саша и Ваши дети имеете особенное свойство возбуждать во мне разные хорошие чувства, и каждое соприкосновение с Вами освежительно действует на мою душу.

Очень желал бы я, чтобы ты приобрел Ребедайловку или какое бы то ни было другое пепелище; это было бы для Вас приятно, а для меня источник всевозможных наслаждений. Я до смерти люблю деревенскую жизнь и Вас, но в Каменке я как-то не чувствую себя дома, чего бы не было, если б приходилось жить в Вашем имении. Про мою жизнь сказать особенного нечего; так же занят много в Консерватории, так же пописываю, как и прежде. Начал сочинять оперу на сюжет трагедии Лажечникова «Опричники»; едва только несколько сцен написал. По временам попрежнему на меня нападает невыразимая хандра, которая, впрочем, не мешает мне работать, — напротив, в занятиях я нахожу для нее наилучшее противуядие.

Летом, вероятно, съезжу заграницу, и мне по этому поводу очень грустно думать, что я не проведу каникулы у Вас, но, впрочем, у Вас, кажется, и места нет, так как все семейство, кажется, съедется.

В последнее время было такое множество концертов, что мне все не приходилось побывать ни у Петра Васильевича, ни у Василия Васильевича. Последний был очень сильно болен, но теперь, кажется, поправляется.

Очень меня беспокоит Модест; не могу привыкнуть к мысли, что ему придется теперь жить более или менее самостоятельно. Насколько я уверен, что Толя будет сильно работать, чтоб добиться порядочного положения, настолько же меня страшит Модест. Мне кажется, что это будет какая-то неудавшаяся личность, хотя и не лишенная интереса.

Отчего ты не пишешь подробно об интересном положении Саши? Здорова ли она, милая, добрая наша Саня?

Крепко обнимаю тебя, милый Левочка; расцелуй Сашу и детей.

Твой П. Чайковский.

** 132. А. И. Чайковскому*

[Москва]
23 апреля 1870 г.

Милый мальчик!

Ты, вероятно, сильно на меня сердишься за долгое молчание; но знаешь ли причину оного?

Она состоит в том, что я от Третьякова узнал о твоем новом переезде, но куда? — об этом ты не пишешь ни слова. Пускаю это письмо наудачу.

Много рассказывать не буду, ибо ничего особенного не случилось. Здесь прожил целый месяц некто Рюмин, очень богатый и милый человек, с которым я весьма близко сошелся. Он приехал прямо из Ниццы по делам Володи Шиловского, у коего он состоит попечителем. Этот Рюмин во что бы то ни стало хочет из меня сделать религиозного человека; он надарил мне много книг духовного содержания, которые я дал ему слово прочесть. Вообще я пустился в богоугодные дела, на страстной неделе мы с Рубинштейном даже говели. Опера моя идет очень вяло. Причиною этого я считаю то, что сюжет ее хотя и очень хорош, но как-то мне не по душе. «Ундина» — хоть и грубо скроенное либретто, но так как она подходила под склад моих симпатий, то дело и шло очень скоро.

Праздники я провел приятно. Представь себе, до чего дошло мое гражданское мужество: в первый день пасхи я обе-

дал у Лиз. Сер. Давыдовой, зато у Переслени давно не был. Как-то ты веселился в Каменке? Полагаю, что при тебе там было получено мое письмо к Левушке.

В половине мая, вероятно, 17-го числа я еду заграницу. Отчасти радуюсь, а отчасти сокрушаюсь; радуюсь, ибо заграница всегда имела в моих глазах обаяние, сокрушаюсь, ибо, во-первых, тебя не буду долго видеть, а во-вторых, боюсь, что Шиловский будет своими сумасшедшими выходками отравлять мне удовольствие, хотя в своих письмах он божится и клянется, что всячески будет меня покоить и лелеять.

От Модеста получил два или три письма, из коих решительно нельзя усмотреть, в каком он состоянии духа обретается. То радуется, то тосклив, жалуется на безденежье и на несчастье в любви. Я ему послал покамест только пятнадцать рублей серебром и двадцать пять высылаю к 1 мая, да кроме того взялся сделать ему теплое платье к зиме.

Очень меня беспокоит твое положение; не могу себе представить, как это ты следствие производишь. Напиши, ради бога, идет ли дело на лад.

Здесь теперь только и говорят о дуэли между Урусовым и братом Островского[1]. Препошлая история. Читал я в «Музыкальном сезоне» про концерт Губерта. Радуюсь успехам, кланяйся ему от меня крепко.

Обнимаю и бесчисленное число раз целую тебя.

[П. Чайковский.]

* 133. *А. И. Чайковскому*

Соден,
1/13 июня 1870 г.

Милый мой Толька!

Я очень виноват перед тобой; не успел тебе писнуть перед отъездом из Москвы, а в Петербурге и Париже я так много бегал, что не нашел свободной минутки. Прежде всего насчет визитов к Мотовилову скажу тебе, что этот изверг естества взял да уехал куда-то (в Симбирск, кажется) и так до самого моего отъезда и не возвращался. В Петербурге я говорил о тебе с Мишей. Он говорит, что перейти в Москву на место следователя было бы хорошо, но особенно сильно желать сего не следует, так как он полагает, что в Киеве ты на очень хорошей дороге. Впрочем, мы с Мишей еще наверно увидимся заграницей, и, разумеется, я буду много говорить с ним о тебе и о Модьке. Этот последний расскажет тебе подробности моего пребывания в Питере, и потому я о них умалчиваю; упомяну только о тяжком гнете Мещерского, с одной стороны, и Балакирева — с другой, чтобы ты мог понять, каково

мне было среди двух огней. Моденька был очень мил, и я был им доволен; меня радует то, что он весел и едет в провинцию без тоски и страху.

От Питера до Парижа я ехал безостановочно; устал страшно и подъезжал в ужасном волнении. Я боялся найти Шиловского умирающим, однако, хотя он и очень слаб, но все же я ожидал худшего. Радость его при виде меня была неописанная. Мы пробыли в Париже трое суток и затем отправились сюда. Так как я Париж люблю, то, разумеется, эти три дня прошли для меня приятно; был в трех театрах и много гулял. Сильно напуган был обмороком Володи, но все прошло благополучно.

Соден — небольшая, чистенькая деревня, лежащая у подножья горного хребта Таунус. Местоположение красивое, и воздух превосходный, но огромное множество чахоточных придает Содену характер несколько мрачный, вследствие чего в день приезда на меня напала такая тоска, что я с трудом удерживался от истерики. Теперь тоска угомонилась: я очень серьезно отношусь к своей обязанности следить за Володей. Он висит на ниточке, доктор сказал, что при малейшей неосторожности он может впасть в чахотку, если же он выдержит хорошо лечение, то может быть спасен. Любовь его ко мне и благодарность за мой приезд так трогательны, что я с удовольствием принимаю на себя обязанность быть аргусом его, т. е. спасителем его жизни. Что меня особенно убивало сначала, это мысль, что я так долго не увижу ни тебя, ни Модеста, ни Сашу. Эта мысль и теперь меня терзает, но я полагаю, что к концу лета я найду возможность вернуться в Москву с юга и заеду в Каменку и Киев. Мы пробудем здесь пять недель, а что потом будет — не знаю. Разумеется, я еще несколько раз буду писать тебе и Моде. Следующее письмо я пошлю Моде прямо в Каменку, а он перешлет тебе для прочтения.

Вчера мы ездили с Володей на ослах. Я не нашел это особенно веселым; животные эти оправдывают свою репутацию: они так глупы и ленивы, что, не быв прибиты по заднице палкой, ни за что не идут вперед. Что меня приводит в восторг, так это вид гор. А что будет, если я увижу Швейцарию, куда я непременно отправлюсь с Володей!

В Содене множество русских. Я с ними не знакомлюсь и благодарю бога, что не встретил никого из петербургских и московских знакомых. Работать много не буду, однакож кое-что сделаю. Ради бога, пиши мне, мой голубчик, и скажи Моде при его проезде, чтобы подробно написал о том, что он

делал с минуты нашего расставания. В случае, если он уже проехал, перешли ему это письмо в Каменку. Целую тебя необычайно крепко.

[П. Чайковский.]

134. И. И. Чайковскому

Соден,
2/14 июня 1870 г.

Милый мой Папочка!

С тех пор, как я с Вами расстался, уже прошло полторы недели, а мне кажется, что это было вчера, так скоро прошло время. Как и предположено было, я не останавливаясь ехал до Парижа; путешествие это довольно утомительно, и как ни удобны железные дороги вообще,— но когда приходится в течение трех суток безвыходно сидеть в вагоне, то нервы наконец начинают раздражаться от свистков, звонков, отворяющихся и затворяющихся дверей и т. д.

Нечего и говорить, что мое свидание с Володей было весьма приятно. Я его нашел более здоровым, нежели ожидал; однакож нельзя не сознаться, что оно (т. е. здоровье) у него сильно расстроено и что лечиться ему нужно очень серьезно.

Мы пробыли в Париже около 4-х суток; разумеется, я провел время приятно, так как город и ресурсы его мне хорошо известны. Если отложить в сторону ложный патриотизм, то нельзя не притти к заключению, что в отношении комфорта, удобств, словом, всей материальной обстановки наши столицы сильно отстали от западно-европейских, а уж в особенности от Парижа. У нас хорошо жить одним богачам; в Париже человек с самыми ограниченными средствами может пользоваться всеми прелестями жизни.

В Содене мы находимся уже четвертый день. Местечко довольно милое; оно лежит у подножья довольно высокой цепи гор, называемой Таунус. Народу здесь много, но нравы очень простые, не то, что в Бадене, Висбадене и т. п. Володя начал уже пить воды; может быть, и я решусь полечиться ими; говорят, они для нервов полезны.

Мы здесь пробудем недель пять и потом отправимся в Швейцарию.

Вы уж теперь одни, мой милый Папочка, и, вероятно, немножко скучаете! Что-то делает милая пышка? Если Вы напишете мне, то я буду в восторге. Адрес: Soden (Nassau) neben Francfurt am Main, Kurhaus, Herrn P. Tschaicovsky.

Целую крепко Вас и Лизавету Михайловну. Володя Вам крепко кланяется.

П. Чайковский.

135. М. И. Чайковскому

Соден,
7/19 июня 1870 г.

Милый мой Модька!

Ты, надеюсь, читал проездом в Киеве письмо мое, писаное к Анатолию; с тех пор прошла целая неделя. Тоска, которую я испытывал в первое время, мало-по-малу угомонилась; я нашел здесь кое-что достойное не только внимания, но и восхищения. Соден лежит в долине хребта Таунус, и вот этот-то Таунус и составляет для меня предмет восторгов. Высотой своей он не особенно отличается, но, будучи весь покрыт густым сосновым лесом и обстроен прелестными замками, перед которыми знаменитые воспетые мною и увековеченные тобой * гапсальские развалины — сущая дрянь,— этот хребет гор для туриста представляет много интересного. В особенности интересен замок Кенигштейн, выстроенный в 967 году и еще в 1800 бывший важною крепостью. Мы взбирались с Володей на верх башни, и вид, открывшийся моим изумленным взорам, был поистине великолепен. Спустившись сверху, мы полюбопытствовали насчет казематов и подземных ходов, каковые и были нами осмотрены в сопровождении проводника. Страсти что такое! Каждое утро я отправляюсь пешком в место, называемое Drei Linden, и там читаю или сочиняю[1] — один среди суровой горной природы и имея перед глазами чудную панораму, обнимающую пространство верст в двести.

Что касается жизни в Содене, то она очень проста. Мы встаем в 6 часов. Володя пьет воды, а я (по совету врача) беру щелочные ванны. В 8 часов пьем кофе, до 1 ч. я гуляю и сижу на Drei Linden. В 4 часа слушаем довольно порядочный оркестр; с 6-ти часов гуляем до 8, пьем чай и в 10-ом ложимся спать. Бывают минуты, когда я скучаю по Вас, когда томительное желание провести хотя несколько дней в Каменке доводит меня до слез и воспоминание прошлого лета, проведенного у Саши с Вами, терзает меня. Но я энергически борюсь с тоскливыми настроениями, утешая себя мыслью, что я положительно спасаю Володю своим строгим надзором за ним, да и самому мне принесет пользу соденский образ жизни. На Володе благодетельное влияние лечения уже весьма заметно; у него появился отличный аппетит, сон, на лице краски, возвратилась способность подолгу ходить пешком, и даже он начинает толстеть. Русских здесь очень

* т. е.: твоими позами и классическими жестами *(прим. Чайковского)*

много, и как я ни избегал знакомств, но это оказалось невозможно, и шапочных у меня уже появилось много. Обедаем мы за table d'hôt'ом. Обед бесконечно длинный, но (по-моему) весьма недурной. В четверг я слышал здесь прусский военный оркестр, тот самый, что на состязании всех военных музык взял в Париже первый приз. Он изумительно хорош; я ничего подобного еще не слыхивал.

Собираемся все съездить в оперу, во Франкфурт, но там дают такую дрянь, что от немцев я этого никак не ожидал. Представь себе, что во Франкфурте производит фурор певица Минни Гаук, которую в Москве целую зиму шикали!

Долго ли здесь пробудем, наверное не знаю, но во всяком случае не более, как до половины июля; вероятно отсюда отправимся в Швейцарию.

Пиши мне, голубчик мой, подробно о каменской жизни. Как здоровье Саши и т. д. и т. д. Напиши также, как ты нашел Толю. Целуй Сашу, Леву, Таню, Веру, Анну, Наталью, Федору. Кланяйся всем находящимся в Каменке Давыдовым.

П. Чайковский.

Адрес: Soden (Nassau) neben Francfurt am Main. Kurhaus.

Володя тебе очень кланяется.

** 136. А. И. Чайковскому*

Соден,
24 июня/6 июля 1870 г.

Не понимаю, мой голубчик, отчего ты мне не пишешь. Начинаю думать, что письмо мое не дошло до тебя. А между тем в течение целого месяца, что я за границей, не получив от тебя ни единой строчки, я начинаю беспокоиться. А Модест просто сердит меня; имел об нем стороной известие, что он до половины июня был еще в Питере, но он сам не дал себе труда написать. Я же ему писал в Каменку; там ли он? Да и ты не в Каменке ли? Не случилось ли чего? Я начинаю тосковать.

В Содене жизнь идет однообразно, и, по правде, скучно зато здоровье мое в отличном состоянии. Я беру щелочные ванны, которые чувствительно хорошо на меня действуют, да кроме того мне чрезвычайно полезен образ жизни, который я здесь веду. Он состоит в следующем: встаю в 6 часов утра; бужу Володю, который идет пить воды, а я в ванну; в 8 часов пьем кофе, затем гуляю, читаю или пишу письма, в 1 ч. обедаем за табльдотом, в 4 часа идем на музыку, от 6 до

8 гуляем; пьем чай, играем, а в 10-м часу ложимся. Ты видишь, что я веду жизнь вполне праздную, да, признаться, и охоты работать нет никакой.

На-днях в Майнгейме (город, лежащий на расстоянии двух часов от Содена) был большой музыкальный фестиваль по случаю столетней годовщины Бетховена. Он продолжался два дня, и мы на нем были. Программа весьма интересная, а исполнение удивительное. Это был съезд нескольких оркестров из прирейнских городов; хор состоял из четырехсот человек; такого могучего и превосходно выученного хора я еще никогда не слышал. Дирижировал известный композитор Лахнер. Между прочим, я в первый раз слышал очень трудную по исполнению «Missa solemnis» Бетховена. Это одно из гениальнейших музыкальных произведений. Зато других музыкальных удовольствий ужасно мало. Оркестр в Содене невелик, играет очень недурно, но программы ужасные. Мы с Володей заставили их выучить «Камаринскую» Глинки, которую они завтра будут играть в первый раз.

Ездил в Висбаден на свидание с Н. Рубинштейном, застал его проигравшим в рулетку свои последние деньги. Это не помешало нам провести очень приятный день. Он не унывает и убежден, что не уедет из Висбадена, не сорвав банка. Я очень и очень тоскую о тебе и всех наших. Ежечасно вспоминаю время, столь приятно проведенное в прошлом году в Каменке. Много бы я дал теперь, чтобы совершить поездку в большой лес, подобную прошлогодним, с чаем, костром и т. п.: Мы здесь останемся еще недели 1½ и отправимся в Швейцарию, где я жду для себя много удовольствия и вдохновения. Когда возвращусь в Россию, еще не знаю. Пиши мне сюда; если письмо не застанет, мне его перешлют.

Ругни Модеста, если будешь ему писать, однакож и поцелуй его. Прощай, мой дорогой голубчик.

[П. Чайковский.]

137. А. И. Давыдовой

Соден,
24 июня/6 июля 1870 г.

Милая моя Саничка!

Вот уже месяц, что я живу заграницей, и до сих пор не имею никаких известий ни о ком из Вас; писал я и Папаше, и Толе, и Моде, и никто из них не отвечал. Модесту письмо я адресовал в Каменку и считал его в то же время и к тебе написанным, но, вероятно, он отменил свое намеренье провести часть лета у тебя, так что, быть может, ты, не прочитав

письма, отослала его, а мне делается совестно, что я до сих пор не известил тебя о том, где нахожусь и что делаю. Из Петербурга я проехал прямо в Париж, провел там пять дней и попал затем в Соден, где и нахожусь по сие время. Место это лежит в красивой долине хребта Таунус. Оно летом населено множеством больных и не отличается особенно веселым образом жизни, но зато, прожив в нем месяц без всяких треволнений, рано вставая и ложась, много гуляя и предаваясь праздности, я замечаю на своих нервах, что время это для моего здоровья не прошло даром. Хоть я, по правде, и скучаю, но чувствую себя хорошо, тем более, что ванны из минеральной воды, предписанные мне доктором, чрезвычайно хорошо на меня действуют. Что касается Шиловского, то воды производят на него весьма благодетельное влияние, и сильно грозившая ему опасность близкой чахотки начинает удаляться. Недели через полторы мы поедем в Швейцарию, где я надеюсь много наслаждаться природой и вдохновляться ею. На-днях неподалеку отсюда был большой музыкальный праздник в честь Бетховена по случаю его столетней годовщины; я был на этом празднике и много наслаждался. На нем были исполнены некоторые, по своей трудности очень редко играемые вещи Бетховена, которых я еще никогда не слышал, и притом были исполнены превосходно. Это единственное музыкальное наслаждение, которое я испытал до сих пор за границей.

Мы живем здесь совершенными дикарями и тщательно избегаем знакомств, хотя нельзя было обойтись без того, чтобы не сойтись с некоторыми соотечественниками. Признаться сказать, нет ничего невыносимее, как русские за границей: их можно мгновенно узнать по громким и нахальным голосам, по вычурным туалетам и вообще наглому поведению. А русских здесь множество; между прочим я видел здесь хорошо знакомую Вере Васильевне младшую Гардер с больною матерью. Виделся раза два с Рубинштейном (московским); он живет в Висбадене, где специально занимается игрой в рулетку и страшно проигрался. Ежеминутно и с ожесточением думаю о проведенном у тебя в прошлом году лете; вспоминаю все подробности этого чудного времени и бешусь при мысли, что не могу хотя несколько дней провести с Вами. Господи, что бы я дал, чтоб внезапно очутиться в большом лесу! Воображаю себя тащущим сухие прутья и сучья для костра, вижу на пригорочке тебя с Левой, детьми, окружающими скатерть с самоваром, хлебом и маслом; вижу отдыхающих вдали лошадей, обоняю запах сена, слышу милые детские крики! Ка-

кая все это прелесть! Пожалуйста, при поездке в лес устройте в честь меня громадный костер.

Если будешь писать мне, адресуй так: Soden neben Francfurt am Main. Kurhaus. Если меня уже здесь не будет, то письмо перешлют. Кланяйся и целуй всех, кому подобает то или другое. Если Модька у тебя, выдери ему уши. Крепко, крепко тебя обнимаю.

П. Чайковский.

138. И. П. Чайковскому

Интерлакен,
12/24 июля [1870 г.]

Милый мой Папочка!

Благодарю Вас за милое письмо, полученное мною недели две тому назад в Содене. Касательно пребывания нашего в вышеозначенном месте могу сказать только, что мы дожили в нем нужное время, т. е. курс лечения до конца, и притом очень покойно и приятно. Большинство больных, приехавших после нас, не могли выдержать всего курса, так как при первом известии о войне[1] все стремительно принялись спасаться в Швейцарию, боясь, что железные дороги будут или сломаны, или заняты перевозкой войска. Действительно, прямым путем ехать было очень затруднительно; наплыв беглецов из разных в о д Германии был так силен, что многие не находили мест на поездах и в гостиницах. Чтоб избежать эти неприятные затруднения и замедления, мы сделали с Володей огромный крюк через Штутгардт и Боденское озеро, но зато доехали без особых затруднений до Интерлакена. Говорить о том, какое сильное впечатление производит Швейцария и в особенности то восхитительное место, где мы находимся, было бы излишне. Интерлакен находится между двух озер, Тунским и Бриенцким и со всех сторон окружен колоссальными Альпийскими горами и ледниками. Вид этот столь величественен и поразителен, что в первый день приезда я испытывал даже какое-то смутное чувство страха, что-то давящее, но мало-по-малу начинаешь привыкать к этим чудесам природы и испытываешь целый ряд самых разнообразных наслаждений красотой природы. Одно, что меня немножко бесит, это бесчисленное множество снующих по Швейцарии англичан; куда ни ткнешься, непременно встретишь сынов Альбиона.

Получил письмо от Модеста, а Толя упорно молчит. Часто думаю о Вас и беспокоюсь о том, что Вы скучаете в душном Питере. Не съездить ли Вам месяца на два к Саше или хоть

к Амалье? Целую Вас крепко, мой дорогой; Лизавету Михайловну тоже.

Адрес: Suisse, Canton de Berne, Interlaken.

П. Чайковский.

Володя Вас крепко целует и благодарит за память.

139. М. И. Чайковскому

Интерлакен,
12/24 июля [1870 г.]

Милый Моденька! Благодарю тебя за письмо, полученное мною еще в Содене; оно доставило мне большое удовольствие, так как я из него усмотрел, что ты находишься в хорошем состоянии духа. Не могу понять упорного молчания Толи.

Мы уже третий день находимся в Интерлакене, где проживем, вероятно, месяц и откуда я намерен совершать экскурсии по Швейцарии. При известии о войне все стали стремительно спасаться из Содена в Швейцарию; наплыв путешественников был так велик, что многие не находили мест на поездах и в отелях. Чтобы избежать этих замедлений и кутерьмы, происходившей оттого, что вместе с пассажирами везли и войска к французской границе, мы с Володей сделали большой крюк, через Штутгардт и Констанцское озеро. Тем не менее и по этой дороге ехать было очень беспокойно и неудобно. Из Франкфурта ехали с нами до Ульма баварские и виртембергские рекруты, вследствие чего мы очень опаздывали; теснота в вагонах невообразимая, еду и питье доставать было очень трудно. Но, слава богу, доплелись до Швейцарии, и здесь все идет обыкновенным порядком.

Моденька, я не в состоянии тебе рассказать, что я испытываю, находясь среди самой величественной природы, какую только можно себе представить. Восторгам, удивлению нет пределов; как угорелый, я бегаю с утра и до вечера, не испытывая никакой усталости. Володя, который к природе равнодушен, который от самого въезда в Швейцарию только и любопытствует узнать, где ж наконец находится швейцарский сыр,— очень подсмеивается надо мной. А что еще будет, когда я дня через три пойду пешком бродить по горам, ледникам, ущельям! Самый Интерлакен есть не что иное, как ряд великолепных отелей, куда стекаются со всех стран мира путешественники, ибо это центр швейцарских красот. Он расположен между двумя восхитительными озерами: Тунским и Бриенцким и со всех сторон окружен колоссальными горами, из коих самая великолепная — покрытая снегом Юнг-

фрау. Немного досадно то, что здесь множество англичан; куда ни сунешься, наткнешься на сына Альбиона.

Я вернусь в Россию в конце августа. Ты уже будешь в Симбирске; ради бога, приехав туда, не предавайся тоске. В денежном отношении я тебе помогу. Напиши мне, там ли Инсарский.

Целую тебя тысячу раз.

Петр Великий.

Поцелуй от меня Сашу в руки и глазки, также Леву и детей.

Адрес: Suisse, Canton de Berne, Interlaken.

* *140. А. И. Чайковскому*

[Москва]
4 сентября 1870 г.

Толя!

Ты мне не писал уже четыре месяца, и нужна моя вся ангельская доброта, чтобы платить тебе за зло моими добрыми, милыми письмами. Но видно мне справедливость будет отдана лишь на том свете. Не знаю, известно ли тебе, но так и быть скажу, что я провел шесть недель в Швейцарии, где испытал много приятных минут; потом поехал в Мюнхен, где прогостил сутки у Голицына, оттуда в Вену, которая мне понравилась едва ли не более всех городов в мире, и наконец с торжеством достигнул Петербурга 24 августа. В Вене я, между прочим, видел нашего дорогого брата Николая. В Питере я провел неделю и жил в полнейшей зависимости Мещерского, не дозволявшего мне бывать нигде, кроме его. К счастью, в Петербурге никого больше не было. Что касается Папаши, то я его нашел веселым и здоровым; вообще он произвел на меня в высшей степени отрадное впечатление. Толстушка тоже мила попрежнему. Ничего тебе не говорю о Коле Шоберте; ты догадываешься, что мне жаль его, очень жаль.

Я чрезвычайно недоволен Модестом; выманив у Папаши около пятисот рублей, он их все прокутил; вместо Тамбова, где он в обществе Карцевых нашел бы себе значительную нравственную поддержку, он поехал в Симбирск, чтобы жить с пьяницей Валуевым и играть с ним с утра до вечера на биллиарде. На второй же день своего приезда он уж навалял Папаше отчаянное письмо о безнадежности своего служебного положения. Адамов смеялся над вздором, который он в этом письме пишет. Вообще глупо, глупо, глупо! Про тебя я слышал, что ты ведешь безобразную жизнь. Скажи пожалуйста,—

не глупо и не безобразно ли это? Губерт говорит, что ты не бываешь ни в каких семейных домах. Это мне ужасно не нравится.

Пиши, любезнейший, и притом скорее.

[П. Чайковский.]

141. М. И. Чайковскому

Москва,
17 сентября [1870 г.]

Милый Модька!

Твое письмо мне доставило необычайное удовольствие. Получив его, я в течение нескольких часов его не открывал, быв уверен, что ты в нем, как и всегда, жалуешься на судьбу и проливаешь слезы. А так как на сей раз мне казалось, что грусть и слезы были бы вполне понятны, то я и боялся прочесть письмо. Но каково было мое изумление при чтении твоего, во-первых, очень хорошо написанного, а во-вторых, веселого письма. Одно мне не понравилось, это что ты плохо служишь. Вновь предлагаю тебе со рвением отнестись к твоим занятиям.

Я по приезде в Москву немного поболел, а потом все пошло попрежнему; те же люди, те же занятия.

Вижусь часто с Бибиковым, который нередко про тебя вспоминает. Рюмин был здесь два дня проездом в Петербург. Он не едет к Шиловскому и хорошо делает. Володя до того нравственно опустился, сделался так отвратительно пошл и пуст, что на него остается рукой махнуть. Впечатление во мне от моей нынешней поездки осталось неприятное. Хоть я и ходил по Швейцарии и видел такие красоты, каких, не видав, и вообразить нельзя, но постоянное сожительство с таким пустяшным самодуром, каким сделался теперь Шиловский, хоть кому надоест. В Вене встретился на улице с Колей и провел с ним два дня. Ты уже верно слышал о его курьезных похождениях во Франции.

В Петербурге провел очень приятную неделю, благо, не было ни Давыдовых, ни Балакирева, никого вообще, кто бы преследовал меня. Известие о смерти Коли Шоберта было мне очень грустно. Апухтин только и бредит что о Вашем Валуеве. Мещерский попрежнему величаво мил.

Серьезным я во все лето ничем не занимался, но только совершенно заново переделал увертюру к «Ромео». Оперу начинаю теперь пописывать, но очень лениво. Сегодня был у меня Андрей Чайковский, а вечером в опере я встретил Карцева. Завтра я с ними всеми обедаю у Беренса.

Толя мне на-днях навалял (буквально) письмо, из которого я мог только заключить, что он неимоверно занят, ибо в жизни не читал я более небрежно написанной эпистолы. Кстати о эпистолах. Ты пиши мне как можно чаще, а от меня писем не требуй, ибо я писать тебе хоть и буду, но не часто, т. е. раз в две недели. А ты пиши два раза в неделю, ибо ты знаешь, что я люблю их читать; ты мне решительно всем обязан и потому должен всячески мне угождать. Немедленно по получении сего отпиши мне, какое желаешь иметь теплое платье: с конгсовым воротником или с мерлушками. Ты его получишь в весьма скором времени. Обещаюсь прислать тебе 1-го октября небольшую сумму денег. Ну, скажи пожалуйста, не благодетель ли я твой?

Еще раз целую крепко и обнимаю тебя, мой милый [...] и прошу писать, писать и писать.

П. Чайковский.

142. М. И. Чайковскому

[Москва]
5 октября 1870 г.

Модя! Твое последнее письмо было мне далеко не так приятно, как первое. Не могу себе представить, какое ты можешь находить удовольствие в поднесении конфект и других аттенций* симбирским аристократкам, когда ты знаешь, что это тебе не по силам. И зачем ты не пишешь мне о службе? Тем не менее письмо доставило мне удовольствие большое, и даже меня трогает самая его длинnота. Хотел бы отвечать тебе тем же, но у меня набралось так много спешной работы и так меня теребят на все стороны, что не нахожу времени писать по душе. Между прочим, представь себе, что я взялся написать музыку к балету «Сандрильона» и что огромная четырехактная партитура должна быть готова к половине декабря[1]!

С Бибиковым вижусь довольно редко; он постоянно поручает тебе кланяться. Вчера мы с ним вместе обедали с Кондратьевым. Зато мною совершенно завладел Константинов[2]; заставляет обедать у него почти каждый день. Вообще меня все так обожают, что я даже не понимаю, за что.

Очень меня беспокоит, чтоб ты не страдал от хлада, не имея еще теплого платья. Я уже заказал было тебе мерлушковую, как у меня, шубку на вате, но, получив твое письмо, немедленно сделал распоряжение о прекращении работы и приобрел хороший бобровый мех за пятьдесят рублей сереб-

* знаков внимания

ром, каковой тебе завтра или послезавтра высылается. Но боюсь я, что тебе будет холодно в одном пальто; я не знаю, до какой степени оно снабжено ватой.

Часть Давыдовых здесь. Я у них у всех бываю, хотя и не часто. Александра Ивановна очень изменилась; сильно похудела и постарела. Лизавета Васильевна восхитительно мила, как и всегда. Виделся в театре с Кривошеиным. Какая антипатичная особа! Он был у меня, но визита я не успел отдать. Давыдовы все в ужасе от его предложения, и некоторые прямо обвиняют Сашу, что она сводничала его с Верой. Лизавета Сергеевна в особенности ужасается от его фамильи.

Еще из новостей могу тебе сообщить: 1) что у Ларош сын родился, 2) пруссаков, к моему несказанному восторгу, расколотили под Парижем, 3) у нас ошикали Тамберлика, и я написал протест, подписанный всеми профессорами Консерватории [3].

Прощай, Модичка. Целую тебя наикрепчайше. Пиши мне.

Прости, что вследствие разных непредвиденных трат пришлю тебе мзду несколько позднее.

[*Подписи нет.*]

* *143. А. И. Чайковскому*

1870 г. октября 5? Москва [1].

Милый мой Толька!

Заранее предуведомляю тебя, что письмо будет краткое: все не могу собраться с силами, чтобы засесть и написать тебе побольше. Время теперь у меня сильно занято; я имел глупость взяться написать за ничтожную плату музыку к балету «Сандрильона», который будет поставлен в декабре, и так как условие заключено, то на попятный двор уже поздно, а между тем осталось всего два месяца, а я только что начал.

О твоих служебных делах я думаю, наверное, не менее тебя. С Извольским уже было говорено, и он обещался употребить все свое влияние, но он говорит, что до приезда Манасеина (занявшего место Мотовилова и находящегося теперь в Смоленске) ничего нельзя сделать. Не только я, но и Рубинштейн постоянно думает о твоем переводе в Москву, и поверь, что все, что можно, будет сделано.

Я о тебе имел известие от Лиз. Вас. Давыдовой. Завтра я у Петра Васильевича обедаю. Модест мне написал два письма: в первом Симбирск был описан в самых розовых красках, так что я возрадовался, а третьего дня я уже получил от него

перемиаду, в которой он, говоря, что отлично принят симбирской аристократией, объясняет, как дорого покупать для дам конфекты и как поэтому ему невозможно остаться в Симбирске. О службе ни слова, как будто он поехал в Симбирск, чтобы ухаживать за дамами и соболезновать пьянству Валуева, о чем он также распространяется. Грустно подумать, что нам всем трем суждено вечно мыкаться в безденежье, от нашего бесстыдства.

В заключение вот тебе несколько новостей: 1) был у меня Кривошеин, которому я визита не отдал; 2) моя увертюра печатается в Берлине и будет играться в нескольких германских городах [2]; 3) здесь находится мой друг Кондратьев, с коим часто вижусь; 4) с Губертом вижусь редко, он здесь всем ужасно нравится; 5) часто бываю у Константинова.

Напиши мне, не можешь ли ты в случае, если не удастся перебраться в Москву, приехать сюда хоть ненадолго?

[П. Чайковский.]

144. М. И. Чайковскому

1870 г. октября середина. Москва.

Модька!

Пишу тебе несколько строк, чтоб ты не беспокоился о м е х е. Меня надул подлейшим образом один меховщик; завтра высылается тебе мех, купленный у другого. Все это меня очень мучит. При каждом порыве ветра я мучаюсь, думая о тебе.

Целую тебя крепко.

П. Чайковский.

145. И. П. Чайковскому

Москва,
26 октября 1870 г.

Милый Папочка!

Я злоупотребляю Вашим позволением писать к Вам редко; но в последнее время я знаю, что Вы имели о мне сведения от Давыдовых, и вот отчего я ленился уведомить Вас о своем житье. Про себя скажу, что здоров, весел и цветущ; занимаюсь много, но начинаю уже так свыкаться с моими обязанностями в Консерватории, что перестаю находить их отяготительными [1]. Своей работой (т. е. сочинением) занимаюсь по камест мало, но с ноября сильно засяду. У нас гостит теперь Антон Рубинштейн, и я счастлив, что вижу его каждый день. Он открыл ряд наших концертов, начавшихся необыкновенно блистательно; у нас уже теперь 1.100 членов [2].

Давыдовых вижу не очень часто, что-то не по душе мне часто бывать у Лизаветы Сергеевны; она очень любезна со мной, но я никак не могу к ней привыкнуть. Был я у Андрея Петровича Беренса два раза, который всегда поручает мне передавать Вам нежный поклон.

Свой долг относительно Модеста я исполнил, но боюсь, что поступил неблагоразумно; он поручил мне купить вместо теплого платья в 50 р. с. один бобровый воротник в эту же цену; я ему послал отличный воротник в 55 р., но очень боюсь, чтоб ему не было холодно. А ведь все это одно фанфаронство; дескать, лучше мерзнуть в пальтишке с бобром, чем компрометировать свое достоинство симбирского франта. Вчера получил от него письмо очень неприятного свойства; давно ли он с таким восторгом выражался о Симбирске и уж теперь жалуется на тоску, на председателя, на общество и еще бог знает на что.

Толя в течение этой зимы будет наверное переведен в Москву. Об нем хлопочут очень многие и в том числе первая московская красавица А л ф е р ь е в а, имеющая большое влияние на Извольского, от которого все зависит.

Целую Вас, мой дорогой и милый, в глазки, носик и ручки; расцелуйте Пышку. Если увидете Лиду Ольховскую, нежно ее поцелуйте.

П. Чайковский.

146. М. И. Чайковскому

Москва,
1 ноября 1870 г.

Милый Модя!

Прости мою неаккуратность в ответах. У нас тут был Антон Рубинштейн, и вообще так много всяких отнимающих время обстоятельств, что не найдешь свободной минутки. Тем не менее я об тебе очень думаю и сокрушаюсь о твоих мрачных воззрениях на симбирскую жизнь, еще столь недавно казавшуюся тебе весьма сносной. Не могу не преподать тебе совета: не отчаиваться и терпеливо ждать. Никакие успехи даром не даются, и это всегдашняя история, что молодые люди ожидают, что их сразу сделают министрами. Я убежден, что ты ошибаешься, говоря, что Ваш председатель не обращает на Вас никакого внимания и что он нисколько не интересуется тем, что Вы делаете. Адамов мне его очень хвалил. Если же ты, паче чаяния, прав, то ведь ничего безнадежного в этом нет. Ты можешь взять на праздники отпуск, приехать погостить ко мне и в Питер, а перевести тебя будет нетрудно хотя бы в Киев. Быть может, и устроится твоя заветная мечта

жить в Петербурге, если Мещерский энергично похлопочет. Вообще ты не можешь жаловаться на судьбу; тебя все (действительно) любят, и ты, если захочешь, имеешь в себе все данные выбиться на хорошую дорогу. Итак, ради бога, не предавайся меланхолии; твое недовольство судьбой всегда и мне неприятно, как будто я сам испытываю все, что ты переносишь. А как меня радовало твое первое письмо! Скажу тебе, что меня в отчаянье приводит, что я не оказываю тебе материального вспомоществования. Впрочем, как только получу жалованье, завтра или послезавтра, высылаю тебе рублей двадцать; я знаю, что это капля в море,— но что же делать! Знай, по крайней мере, что я бы давал тебе гораздо больше, если б мог; а не могу потому, что у меня нет уменья удерживать деньги, которых в сущности у меня достаточно. А что меня ужасает, так это то, что эта милая черта, т. е. транжирство, в тебе тоже есть. Я вечно в долгах, и никогда копейки нет за душой...

Я здоров, весел сколь возможно и понемножку работаю. Вижусь с Давыдовыми; сегодня обедал у Катерины Васильевны, а завтра (накануне отъезда Александры Ивановны и всех) обедаю у Петра Васильевича, т. е. у его жены, ибо его здесь нет. Про тебя все нежно расспрашивают. Концерты наши начались хорошо; сразу 1.000 простых и 55 действительных членов. Напиши мне, думаешь ли проехаться в Москву и Питер. Получишь от меня субсидии на дорогу.

Целую крепко, жди письма.

П. Чайковский.

** 147. А. И. Чайковскому*

[Москва]
29 ноября 1870 г.

Милый друг!

Я тебе написал еще два дня тому назад, но по дороге из дому в консерваторию потерял. Наша переписка сделалась весьма вяла; причиною того я считаю праматерь всех пороков — леность. По крайней мере, с моей стороны молчание нельзя объяснить недостатком любви; сердце мое пылает к тебе попрежнему. Я провожу время попрежнему и все более и более привязываюсь к Москве. Если б у меня были только деньги, я бы устроился здесь как нельзя лучше. Но и с моими средствами при разумном ведении финансовых дел можно бы жить, нимало не стесняясь. Беда в том, что у нас трех (ты, Мод[ест] и я) удивительная способность швырять деньгами. Дервиз мне рассказывал, что он видел тебя кутившим; сие

мне не нравится. Что касается Модеста, то он перещеголял всех. Такого безумного швыряния я даже и не ожидал. Папаша мне пишет, что он в Петербурге оставил долгов много, а в Симбирске наделал их еще больше. В объяснение своих трат он мне описывает необходимость платить за разные пикники, складчины в пользу раненых, конфеты для дам, обеды и подписки в пользу актеров. Какова наивность?! Я ему написал ругательное письмо. Дело о твоем переводе подвигается, хотя не столь скоро, как я бы того желал. На-днях мой товарищ Маслов видел, как у Манасеина, ехавшего в Петербург, было записано о потребности говорить о тебе с министерскими тузами. Вообще ты можешь быть уверен, что перевод совершится в течение этого сезона. Очень может быть, мой голубчик, что я с помощью Дервиза приеду к тебе на праздники. Кстати, ты спрашиваешь меня, как я с ним возобновил отношения? Очень просто. Поехал к нему обедать с Ивановым и с тех пор бываю у них от времени до времени. Марья Ивановна мне очень нравится; мила и добра.

Вижусь часто с Константиновым, который так же, как и его супруга, о тебе всегда с большою любовью вспоминают и готовят для тебя комнату. Ларош в очень плохом положении; кажется, переезжает в Питер. Губерт мил и весел[1]. Вчера обедал у Вас. Вас. Давыдова, а незадолго перед сим и у Лизаветы Сергеевны.

Обнимаю тебя.

[П. Чайковский.]

148. А. И. Давыдовой

[Москва]
20 декабря 1870 г.

Голубушка моя!

Твое письмо меня тронуло и вместе с тем устыдило[1]. Удивляюсь только, как ты можешь хоть единую минуту сомневаться в неизменности моей горячей любви к тебе. Мое молчание есть отчасти леность, а отчасти то, что для письма требуется спокойное состояние духа, каковое я почти никогда не могу добиться. Я или в Консерватории, или с лихорадочной торопливостью спешу свободный час посвятить сочинению, или меня увлекают, или ко мне приходят, или я так утомлен, что могу только спать. Словом, жизнь моя слагается так, что я не умею сыскать удобной минуты для переписки с людьми, столь близкими сердцу, как ты, моя добрая и милая Саня. Впрочем, я уже писал тебе однажды подробно, что хотя мы с тобой живем и врозь, но ты играешь в моей жизни весьма значительную роль. В трудных минутах мысль всегда

инстинктивно вращается к тебе; думаешь себе: «уж если очень плохо придется, пойду к ней»; или: «сделаю так, Саша бы непременно так посоветовала»; или: «не написать ли ей? что она скажет?» Но за всем тем жизнь продолжает развертывать свой свиток и увлекает в свою пучину, не давая времени остановиться, укрепиться, одуматься. Ближайшая среда заедает все время и опутывает с ног до головы. Зато с каким восторгом мечтаешь о том, как бы на время отделаться от этой среды, подышать другим воздухом и погреться около любвеобильного твоего сердца. Это лето думаю во что бы то ни стало побывать у тебя; заграницу наверное не поеду. С каким наслаждением поцелую тебя и всех твоих. Благодарю за карточки. Все четыре девочки милы, и каждая имеет особые прелести. Серьезное лицо Тани мне ужасно симпатично.

Я живу давно установленным порядком. Пишу понемногу новую оперу и вращаюсь среди тех же людей и той же обстановки. Все более и более сживаюсь с Москвой, так что мне теперь немыслима жизнь в ином месте. Третьего дни приехал ко мне проездом в Петербург Модя. Он едет в сию столицу по высшему приказанию. Я им не вполне доволен за то, что не умеет (впрочем, так же, как и я) легко обходиться при малых средствах. Но вообще говоря, он мне нравится; боюсь только, что не будет усердно служить; для него это необходимо, а между тем честолюбия в нем мало. Толя перейдет зимой сюда. Вижусь изредка с Вашими. Сегодня обедал у Катерины Васильевны с Модей. Она мила попрежнему. К Лизавете Сергеевне начинаю привыкать. Она чрезвычайно любезна. Бываю у Дервиза; в день Вашей свадьбы мы обедали у него и пили за Ваше здоровье. Письмо сестрицы[2] очень трогательно, но чтож делать, если жизнь сводит и разводит людей помимо их желаний и стремлений. Я ей напишу. Ты поступила превосходно, пригласив ее в Вербовку. Целую тебя, моя дорогая, милая, также и Леву и всех. С новым годом! Модя тоже целует.

П. Чайковский.

1871

* 149. А. И. Чайковскому

1871 г. января начало. Москва.

Толька!

Вчера я обедал у Дервиза с Извольским. Он первый начал говорить о тебе и поручил мне написать тебе, чтобы ты не сомневался насчет перехода в Москву. У Манасеина есть твоя докладная записка, переданная ему Мотовиловым, и о тебе все знают и хлопочут. Впрочем, переход совершится не ранее декабря. Сначала ты будешь сделан следователем в уезде, а потом уж окончательно назначен в Москву. Извольский хлопочет о тебе в особенности по просьбе Алферьевой. Целую тебя крепко.

Независимо от всего этого я писал Адамову.

[П. Чайковский.]

* 150. А. И. Чайковскому

1871 г. января конец. Москва.

Толя!

На твое столь же краткое, сколь и глупое письмо отвечаю столь же кратко, но далеко не столь глупо. Никогда я не буду хлопотать о глупостях, которые только под пьяную руку могли тебе влезть в голову. В Москве тебе служить выгоднее; ты сам это понимал и желал, и это будет. Если хочешь, чтоб я писал тебе обстоятельнее, то сам пиши обстоятельно.

С нетерпением жду свиданья с тобой, ибо не скрою, что буду смертельно рад облобызать тебя. Прощай, изменчивая, бесхарактерная, но очень любезная сердцу дрянь.

[П. Чайковский.]

* 151. А. И. Чайковскому

Москва,
3 февраля 1871 г.

Милый мой!

Я имел разговор с Гордеевым насчет твоих служебных дел. Из его слов я вижу, что, желая оставаться в Киеве, ты уступаешь просьбам твоих приятелей и также своей собственной охоте остаться на месте, с которым ты обжился. Но ведь важнее всего для тебя служебные успехи, и ты сам очень хорошо понимаешь, что Москва—арена для деятельности все же более обширная, чем Киев. Я очень понимаю, как неприятно бросать множество дружеских связей и разные уже установившиеся привычки; я даже так близко вошел в твое положение, что после разговора с Гордеевым (который, между прочим, мне нравится очень) я тебя простил за легкомысленность, в коей было обвинил тебя, и начинал уже колебаться, как вдруг... но это требует более подробного рассказа. В воскресенье 31 января я после завтрака лег спать (ибо не спал ночь). В пять часов слышу над собой звук знакомого голоса; открываю глаза и немею от удивления и отчасти удовольствия. Передо мной стоял г. вице-директор департамента Министерства юстиции. Он приехал для свидания по делу с своим родственником всего на один день. Разумеется, мы обедали вместе, провели вечер в театре и потом еще в разных местах. Я рассказал ему о твоих служебных обстоятельствах, и он нашел, что перейти в Московский округ судебным следователем для тебя положительно выгодно, что это все-таки шаг вперед, но что, впрочем, если ты хочешь остаться в Киеве, то это можно сделать и что ты о того много не потеряешь, так как через год в Киеве откроются новые учреждения. Итак, пойми, душа моя, что ввиду слов столь важного лица, как Адамов, я не могу предпринять ничего решительного, пока ты не ответишь мне и не велишь поступать так или иначе. Если он находит, что перевод в Москву есть шаг вперед, то я не могу действовать, не сообщив о том тебе и не дождавшись твоего окончательного решения. Итак, милый мой, сообрази все хорошенько и напиши.

Я провожу время приятно. У меня живет теперь милый Клименко (который кланяется тебе). Начал заниматься гимнастикой три раза в неделю. Оперу пишу.

Обнимаю и целую тебя. Пиши.

[П. Чайковский.]

152. А. И. Давыдовой

[Москва]
11 февраля 1871 г.

Милая моя Саня!

Как хорошо с твоей стороны, что ты вступила в сношения с бедной сестрицей Настасьей Васильевной. Я не знаю, как благодарить тебя за то, что ты еще во-время успела придти на помощь одинокой старушке [1]. Нечего и говорить, что я согласен на твое предложение и даже готов удвоить назначенную тобой сумму. У меня сердце щемит, когда вспомню, что она, бывало, лелеяла, ласкала, баюкала, кормила и ухаживала за моим детством. Странная вещь жизнь! Не смешно ли, что люди, некогда столь близкие, что, казалось, невозможно и разойтись им, делаются друг другу чужды до такой степени, что я, например, никогда ни на минуту и мыслью не останавливался на сестрице?! В первом письме (касавшемся ее) ты писала, что хотела пригласить ее в Вербовку. Отчего это не состоялось? Впрочем, полагаю, что трудно ей будет перетаскиваться на старости лет в новую сторонку. Обо всем ты, моя добрая и милая, подумаешь.

Ради бога, прости бессвязность и маранье. Писал ночью, страшно усталый.

[*Подписи нет.*]

153. И. П. Чайковскому

[Москва]
14 февраля 1871 г.

Милый, дорогой и бесценный Папочка!

Вы пишете, что не худо бы мне было хоть в месяц раз писать Вам! Нет, не в месяц, а по крайней мере в неделю раз я бы должен был доносить Вам о всем, что со мной случается, и я удивляюсь, как Вы до сих пор меня хорошенько не выругали. Ну, теперь, ей богу, не буду больше так бессовестно оставлять Вас без известий; прошу на коленях прощенья и впредь стану аккуратнее. О смерти дяди Петра Петровича я узнал от Дервиза дней пять тому назад; дай бог ему насладиться той долей вечного блаженства, которой заслуживает эта чистая и честная душа. Надеюсь, мой дорогой, что Вы бодро перенесли это горе; вспомните, что бедный дядя с своими ранами и при своем нежном сложении прожил долго [1].

Толя писал мне, чтоб я хлопотал, чтоб его не переводили из Киева. Я сначала возмутился этой бесхарактерностью, но

после сообразил, что он, быть может, прав. Мне положительно известно, что положение его в Киеве весьма приятно; все общество в нем души не чает, у него множество друзей, его обожающих, и один из них являлся ко мне депутатом от всей киевской молодежи с просьбой не переводить Толю из Киева.

Адамов, бывший здесь на несколько часов, говорил мне, что в будущем году откроются в Киеве новые учреждения и что Толя вряд ли что потеряет от того, что не переходит в Москву. Сообразив все это, а также приняв во внимание, что ничего положительного насчет перевода в Москву я не знаю, я решил написать Адамову о желании Толи остаться в Киеве. Вообще, Папочка, о Толе Вы не беспокойтесь. У него есть твердое желание выслужиться, да притом Вы знаете, что он не ленив, — следовательно, он не пропадет и наверное добьется карьеры. Насчет Моди я беспокоюсь больше, ибо он не столь серьезно относится к своей служебной деятельности, но правда и то, что до сих пор он не имел случая показать своей доброй воли и способностей. Я слышал, что он в Петербурге кутит; скажите ему от меня, что я считаю это весьма неуместным в его положении. О месте в Синоде я тоже слышал и желаю успеха, но лучше было бы служить ему по судебной части. Впрочем, я плохой судья в этом деле; пусть устроится, как хочет, лишь бы понимал, что кроме удовольствия и наслаждения бывать в театрах и вообще тратить деньги есть также наслаждение трудиться. Он это, конечно, поймет, ибо он умен и честен по природе, но я бы желал, чтоб понял поскорее. Я ему буду писать особо на-днях. Голубчик мой, о себе скажу, что здоров и весел; работаю попрежнему. Быть может, свижусь с Вами в Питере в посту; мне очень хочется приехать дня на два или на три, а летом увидимся авось побольше, хотя я еще положительного о лете ничего не знаю. Получил письмо от Саши; она, милая, хлопочет о Настасье Васильевне и решила отлично: мы общими силами будем давать ей по сто рублей в год.

Прощайте, мой милый и дорогой Папочка; крепко целую Ваши ручки и обещаюсь впредь писать почаще; прежнюю вину прошу простить. Милую Пышку обнимаю. Модьке дайте пять плюх и восемь [...], пусть не злится за мои резкие слова о кутеже. Я его люблю и боюсь за него.

П. Чайковский.

* 154. А. И. Чайковскому

[Москва]
17 мая 1871 г.

Сладчайший леденец моего сердца!

Выезжаю отсюда около 30-го: сутки или двое провожу в Конотопе [1], оттуда в Киев, забираю дурака и с ним вместе пру в Каменку.

Твой брат и повелитель
[П. Чайковский.]

Адамову напишу.

* 155. А. И. Чайковскому

[Москва]
3 сентября 1871 г.

Извини, голубчик, что давно не отвечал на твои письма. 29-го августа я вернулся в Москву и стал энергически заниматься переездом на квартиру. Сия последняя вышла очень мила, и я непомерно доволен, что хватило духу исполнить давно желанное предприятие [1]. Напиши мне подробно, как ты отнесся к переселению Модеста в Киев и каков твой теперешний взгляд на это обстоятельство.

Я очень понимаю, какие это возлагает на тебя тяжелые обязанности, и поэтому жалел тебя. Но не совершается ли теперь в Моде кризис, долженствующий радикально изменить его?! Я полагаю, что это должно совершиться вскоре, ибо безобразия его превзошли всякую меру, и дальше по этому пути итти невозможно человеку, в природе которого все же много хорошего. Мне бы очень хотелось на первое время оказать ему денежную помощь, но в эту минуту это довольно трудно, так как я протранжирился на квартиру. С этою же почтой пишу к Коле, чтобы он дал ему от меня двадцать пять рублей серебром. Из них Коля мне пятнадцать должен, а десять я ему вышлю 1-го октября.

Про себя скажу, что у Кондратьева я остался доволен прелестью местоположения и превосходной погодой [2]; что касается собственно его гостеприимства и забот о моем благосостоянии, то он оказался довольно швах.

Это происходит не от недостатка любезности и любви ко мне, а оттого, что лакашки его до того распущены, что держат себя настоящими господами и третируют своих господ и их гостей, как своих слуг. Происходящие от того беспорядки, недосмотры, неприятности ежедневно возмущали меня до глубины души. У Шиловского [3], напротив, я был окружен столь нежными заботами, что остался им весьма доволен.

В Москве все по-старому, но я живу новою жизнью и, о чудо! второй вечер сряду провожу дома; вот что значит чувствовать себя у себя.

Стрелецкого я отрекомендовал Рубинштейну и ручаюсь, что этот год он проучится здесь даром. Но как прожить год с его средствами, не понимаю.

Целую тебя и Модеста. Скоро и ему напишу.

[П. Чайковский.]

156. А. И. Чайковскому

Москва,
2 декабря [1871 г.]

Милый друг!

Гудим, вероятно, передал тебе все интересное, меня касающееся, и потому я позволил себе не сразу отвечать на письмецо. Я должен тебе прежде всего выразить мое скорбное недоумение насчет твоей болезни [...]. Что меня удивляет, беспокоит и злит, так это скверное лечение сукина сына Г ю б е н е т а. Как? ты уже три месяца болен и пишешь мне о летнем лечении? Но разве ты не надеешься оправиться от болезни в течение предстоящей зимы? Что это все значит? Не мучь меня и точно разъясни, в каком положении и градусе твоя болезнь; воздержен ли ты и не сам ли виноват в продлении болезни? Я хотел бы также знать, насколько болезнь препятствует твоим служебным занятиям? Очень рад, что прокурором у Вас К а п н и с т; если ты не возненавидел дамского общества, то постарайся познакомиться с его женой, очень милой дамой. Я с ней одно время часто видался.

Теперь я должен тебе сообщить, что по неотступной просьбе Шиловского я еду около 15-го декабря на один месяц за границу, но так как это не должно быть известно и в Москве, все (за исключением Рубинштейна) должны думать, что я поеду к С а ш е, то, пожалуйста, никому, даже Саше Г у д и м у не говори о моем пребывании заграницей. Если папаша, п а ч е ч а я н и я, выедет из Каменки раньше получения моего письма, то предупреди его, что после 15-го декабря он меня не найдет в Москве, но зато я увижу его при обратном проезде в П е т е р б у р г е.

Дела нашей к о н с е р в а т о р и и еще колеблются, и будущность ее неизвестна. Одно только знаю: для дела я буду жалеть и возмущаться, если она лопнет; но для себя я буду рад. До того мне опротивели мои занятия, до того я утомляюсь и расстраиваюсь, что буду рад какой бы то ни было перемене. С голоду уж, конечно, не умру. Вероятнее всего, устро-

им в Москве приходящие классы, или же я перееду в Питер, если мне предложат в консерватории хорошее жалованье. А кто знает, может, и в Киев махну?

Опера моя подвигается медленно, и я едва ли вполне окончу ее даже к великому посту. Интересного сообщить тебе нечего; что я стал фельетонистом, это ты, вероятно, уже знаешь; я делаю это единственно из самоотвержения, ибо Губерт ленится, а чужих пускать не хочется; скажи Модесту, что я очень рад всему, что о нем слышу, и дай ему в рыло за то, что не пишет. Тебя целую во все места [[...]].

П. Чайковский.

157. А. И. Давыдовой

[Москва]
9 декабря 1871 г.

Милая моя и дорогая Саня!

С ликованием сердца получил я известие о рождении тебе сына [1], а мне августейшего племянника; я всегда очень беспокоюсь, когда подходит время разрешения, и тем с большим счастием получаю известие о благополучном окончании дела.

Письмо мое на сей раз будет кратко, ибо, во-первых, о моем житье ничего интересного сказать не имею, кроме того, что я невыразимо доволен, что живу теперь один, а также о том, что я так занят и так устаю от чрезмерной работы, как никогда. Кроме консерваторских занятий я очень тороплюсь окончить свою оперу к весне да кроме того еще взялся писать фельетоны о музыке, что меня очень затрудняет, так как дело это мне незнакомо. Вот вследствие этой-то усталости я и намерен сотворить следующую штуку.

Мне представляется возможность съездить на месяц заграницу и очень дешево; я решил по различным соображениям совершить эту поездку около 15-го декабря, т. е. приблизительно через неделю. Но так как это (по причине консерваторских дел) должно остаться неизвестным всем (за исключением Рубинштейна), то я прошу тебя, мой ангел, никому, кроме Ваших московских, о том не писать. Здесь все должны думать, что я поехал отдыхать к тебе. Братьев я об этой поездке уведомил. Не знаю, получится ли это письмо при милом нашем Папочке; если да, то предупреди его, что после 15-го числа он в Москве меня не застанет и что я увижусь с ним при возвращении. Чтобы по приезде из-за границы в Питер (около 1-го февраля) мне было известно его местожительство, я прошу тебя сообщить мне его петербургский адрес. Я тебе из

Ниццы напишу, а тебя прошу адресовать мне письмецо Nice, France. Place Masséna, № 4.

Милая и дорогая моя, попроси от меня у Левушки прощения, что я так бессовестно не отдаю ему долг (15 р. сер.), но все это время я был стеснен в денежном отношении, а теперь берегу для поездки и поэтому еще злоупотреблю его снисходительностью. Скажи Папочке, что мой долг ему я давно уже уплатил Лизавете Михайловне при ее проезде. Сестрице Настасье Васильевне деньги и нежное письмо выслал, но, к а ю с ь, очень поздно; мучился этим ужасно, но квартира меня так разорила, что решительно не мог раньше.

Целую тебя, моя милая, дорогая, до удушения, а также всех твоих и Папашу, если он еще у тебя.

П. Чайковский.

1872

158. А. И. Чайковскому

Ницца,
1/13 января 1872 г.

Толя!

Ты меня очень беспокоишь. Ты мне не отвечал на письмо, писанное из Москвы недели за две до отъезда, и я не имею никаких сведений о твоем насморке. Пожалуйста тотчас по получении сего отношения ответствуй прямо в Москву, в стенах которой я обретусь с 1-го февраля, а может и раньше.

Мое путешествие совершилось очень благополучно; я провел сутки в Питере (останавливался у Мещерского), сутки в Берлине и столько же в Париже. Париж хотя блестящ и оживлен, но не столько, как прежде. В Ницце я нахожусь уже около недели. Чрезвычайно странно попасть из глухой русской зимы в место, где иначе, как в одном сюртуке, выдти нельзя, где растут апельсины, розы, сирень и цветут яркой зеленью деревья. Место вообще прелестное. Но что убийственно, так это светский характер жизни. Сюда стекаются на зиму со всех концов света праздные богачи, и мне стоит больших трудов, чтобы не быть увлеченным в этот вихрь. Ты знаешь, как я люблю светскость, и поэтому легко можешь себе представить, как все это мне нравится. Вообще я должен указать на весьма странный факт. Я ждал минуты выезда из Москвы с таким страстным нетерпением, что под конец лишился даже сна. Но уже в день выезда меня охватила жгучая тоска, которая не покидала меня ни на минуту в течение всего путешествия и которая не оставляет меня даже и теперь среди этих чудес природы. Разумеется, бывают минуты приятные, особенно когда утром под лучами палящего, но не мучительного солнца сидишь утром у самого моря один. Но и эти приятные минуты не

лишены оттенка меланхолического. Что же из всего этого следует? Что наступила старость, когда уже ничто не радует. Живешь воспоминаниями или надеждами. Но на что надеяться?

Из письма управляющего Шиловского усматриваю, что Модест в Москве, и любопытствую узнать — зачем. Получил ли он место, о котором писал Давыдовым?

Так как нельзя жить, не возлагая ожиданий на сладкое будущее, то я уже теперь начинаю мечтать о том, что на святой побываю в Киеве, а часть лета проведу опять с тобой в Каменке.

На этот раз не оканчиваю последней страницы, ибо нечего писать больше. Лобызаю.

П. Чайковский.

159. А. И. Чайковскому

Москва,
31 января [1872 г.]

Сегодня утром я телеграфировал тебе. Очень жалею, что по приезде я не получил твоего письма в ответ на мое, посланное из Ниццы, в котором я убедительно тебя прошу дать мне подробные сведения о твоей болезни. Она меня очень беспокоит. Дело в том, что из Вены я имел в виду поехать на Киев и целый день перед отъездом мучительно колебался между потребностью ехать как можно скорее в Москву и желанием тебя видеть, но простой расчет моих денежных ресурсов, а также то соображение, что пребывание в Киеве и Конотопе (где я непременно должен был остановиться) взяло бы слишком много времени, — заставили меня решиться ехать кратчайшим путем на Смоленск. Я было хотел писать тебе очень нежное письмо из Вены, да просто не хватило времени. Я хочу тебя убедительно просить взять отпуск и приехать на месяц в Москву. Ты хоть, вероятно, и будешь немножко скучать здесь, но здесь есть превосходные доктора, которые быстро поставят тебя на ноги. Между тем тебе будет спокойно, а мне в высшей степени приятно. Твоя болезнь и отдаление от меня причиняют мне много беспокойства, и ты бы просто оказал мне услугу, если б решился приехать. Ради бога, не жертвуй здоровьем для службы; ты ничего не можешь потерять от того, что посвятишь месяц на леченье серьезное. Что касается финансов, то тебе только нужно будет взять на дорогу, здесь же, ты можешь быть уверен, что мне и не тяжело и не жалко будет издержать для нашей общей пользы и общего удовольствия несколько лишних десятков рублей. Согла-

сись, что было бы слишком смешно, если б мы стеснялись друг перед другом; я полагаю, что ты не пожалел бы для меня никаких денег, точно так же, как и я готов для тебя на всякие жертвы.

Путешествием я доволен, но однако же не нашел тех наслаждений, коих ожидал от юга вообще и Средиземного моря в особенности. Более подробные сведения сообщу тебе при личном свидании. Горечь, которую я испытал вследствие всех кунштюков * Модеста, уже начинала было проходить, но его месячное пребывание в Москве, пригнанное как-раз к тому времени, что я отсутствовал, а также различные подробности о его пребывании здесь, слухи о его щедрости и сыпании бог весть откуда взятых денег, — все это меня опять волнует и внушает страх и злобу. Скажи ему, чтобы написал и объяснил мне, что все это значит. Хоть бы он имел настолько такту, чтобы не делать всего этого как-раз в то время, когда за него собираются уплачивать какие-то огромные суммы долгу. Прошу тебя хорошенько подумать о моей убедительной просьбе и сообщить решение. Если ты соберешься в скором времени, то дай знать по телеграфу, в противном случае — пиши.

П. Чайковский.

Кланяйся Саше и Леле Гудимам. Между прочим, Модест через Рубинштейна посулил Стрелецкому какие-то порученные ему десять рублей серебром, — но и не думал их отдать. Нужно их уплатить или нет, — что это значит?

160. И. П. Чайковскому

Москва,
31 января 1872 г.

Милый Папочка!

Я уже третий день нахожусь в Москве и тороплюсь написать Вам и извиниться, что так давно не сообщал Вам известий о себе. Я мечтал на возвратном пути побывать в Питере, чтобы с Вами повидаться, — но обстоятельства сложились так, что я должен был спешить в Москву. Рубинштейн дал мне знать, что мое присутствие необходимо; поэтому я из Вены поехал прямо на Смоленск. Впрочем, замечу, что до сих пор не знаю Вашего адреса и не знаю, куда писать Вам. Александра Ивановна так добра, что согласилась доставить Вам это письмо.

Путешествие мое обошлось очень благополучно и приятно. Я был в Берлине, в Париже, в Ницце (три недели), в Генуе, в Венеции и в Вене. В Ницце погода была довольно скверная;

* выходок

одно время дожди были так сильны и ветер так ужасен, что море чуть не потопило всю Ниццу, один поезд провалился, целая скала обрушилась и завалила огромный дом со множеством людей. Впрочем, были и отличные дни; жарко бывало так же точно, как у нас в июне. Но вообще как ни приятна была мне вся поездка, а бездействие меня, наконец, начало тяготить, и в Москву я вернулся с удовольствием. Без меня у меня гостил Модест, — зачем и для чего, не знаю, но полагаю, что для Давыдовых. Странное выбрал время, как-раз, когда я уехал, что ему было хорошо известно.

О Толе не имею никаких известий; сегодня он телеграфировал Рубинштейну, прося известить обо мне. Хочу ему написать, чтоб он приехал ко мне, чтобы полечиться в Москве у хорошего доктора. Я думаю, что его служба от этого нисколько не пострадает, а между тем киевские доктора, говорят, просто варварски залечивают.

Александра Ивановна говорила мне, что Вы очень помолодели, чему я от души рад. Крепко Вас целую, мой дорогой, а Вы обнимите от меня толстушку и напишите мне словечка два о том, как Вы устроились и довольны ли квартирой.

П. Чайковский.

161. И. П. Чайковскому

Москва,
8 мая 1872 г.

Дорогой мой Илья Петрович!

Страстно Вас любящий сын Ваш Петр, узнав (из письма Авдотьи Яковлевны), что Вы собираетесь из Питера на юг, пришел в неописанный восторг, ибо очень по Вас соскучился, и просит Вас дать ему знать, когда Вы изволите выезжать вместе с Вашей пухлой и милой супругой. Он желал бы с Вами провесть в Москве хоть денечек. Он также надеется вместе с Вами пожить в Каменке. Итак, ответьте несколько слов Вашему страстно любящему Вас Петру, который при сем случае мысленно целует Вашу ручку, а также обнимает пухлую пышку.

Сын Ваш
Петр Чайковский.

162. М. И. Чайковскому

1872 г. июня конец. Каменка.

Модя!

В прошлую почту тебе пришло огромное письмо. Так как я и Толя вообразили себе, что адрес написан рукой Адамова, то решили распечатать, надеясь увидеть какое-нибудь из-

вещение касательно твоей службы. Но так как оказалось, что мы ошиблись, то Лева торжественно принял письмо под свое хранение, и теперь оно посылается тебе, к немалому моему сожалению, ибо смерть хочется его прочитать.

Если хочешь меня видеть, то помни, что я остаюсь здесь не более как до 1-го числа, и потому являйся.

У нас здесь хоть и приятно, но грустно. М и т я все хворает, и Саша сильно тоскует. Послезавтра ждут Папашу. Все тебя целуют и просят поскорее ехать в Каменку.

Лобызаю тебя.

П. Чайковский.

163. А. И. Чайковскому

Киев,
5 июля [1872 г.]
Среда.

Толя! Согласно обещанию пишу тебе. Мы попали на А л е к с а н д р а[1]; ехали очень хорошо и почти все время играли в пикет. В Киеве находимся уже третий день и едем сегодня вечером в 11 часов[2]. Как только въехали на Крещатик, так встретили (как и следовало ожидать) Модеста, очень худого и желтого. Сейчас же поехали все трое в баню [...]. Обедали у Массиу с Жедринским. Вечером были в театре («П т и ч к и п е в ч и е») и пили чай в саду с Юзефовичем. Вчера утром были у Юзефовича, осматривали Софийский собор, обедали (опять с Жедринским и Юзефовичем) у Массиу. После обеда поехали в Лавру, где очень приятно провели время; потом опять были в Шато, ужинали дома. (Мы стоим в Grand Hôtel.) Сегодня утром ездили втроем в Лавру и обедали у Терье. Теперь сижу дома и пишу тебе. Вообще Киев, как и всегда, произвел на меня восхитительное впечатление. Сашу Гудима видел только мельком; он неузнаваем, задумчив, рассеян и ни мало не любезен [...]. Жедринский — симпатичен до nec plus ultra; обещается исполнить твои поручения. Юзефович — забавен. Модест с нами неразлучен и очень мил. Тебя истребовали к прокурору в Киев по требованию Модеста, который вообразил себе почему-то, что ты этого желаешь. Но можешь быть покоен,— ты вовсе не нужен. Между прочим я узнал здесь от Жедринского, что ты собираешься покупать именья. Это весьма забавно,— но еще забавнее то, что ты от меня это скрываешь.

Сегодня десятый день, что ты сидишь; крепись, близок исход. Тебе все кланяются, прощай. Целую. Обнимай и целуй от меня Сашу, Леву и детей.

Петр.

164. М. И. Чайковскому

1872 г. июля 17—18. Ворожба. 17-го вечером.

Модя!

Как только ты уехал, я начал хлопотать о месте в дилижансе. Тут подвернулся хозяин дилижансов Наброцкий. Я просил его устроить доставку моего бумажника к завтрашнему утру. «Как Ваша фамилия?» — спрашивает он. Я отвечаю с наглостью: князь Волхонский. Он делается учтив и соглашается избавить меня от поездки, при мне дает в рыло ямщику, совравшему, что у меня пропало пятьсот рублей. В разговоре он титулует меня все время сиятельством. В настоящее время ложный князь сидит в гостинице, тоскует, попивает чай и с ужасом думает о предстоящей завтра развязке. Завтра я о ней сообщу тебе. Теперь же нежно целую тебя и собираюсь лечь спать.

П. Чайковский.

18 июля. 9 ч. утра.

Дилижанс, который должен привезти мой бумажник, придет перед самым поездом, так что я не успею сообщить тебе об окончательной развязке. Если завтра не получишь письма, то значит, что я уехал благополучно [1].

Всю ночь не давали спать блохи и крысы.

Прощай, Модя.

Петр.

165. А. И. Чайковскому

[Москва]
2 сентября [1872 г.]

О твоей поездке заграницу и болезни я узнал только недавно от Рубинштейна, проведшего несколько дней в Киеве и видевшегося с Модестом. Очень все это меня огорчает и беспокоит; надеюсь, что теперь хоть ты и ослаб, но все кончится благополучно. Живо представляю себе тоску ахенской жизни. Я имею о ней понятие по рассказам. Я провел 10 дней у Кондратьева и около месяца у Шиловского. С 15-го августа нахожусь в Москве. В Питер поеду, вероятно, на-днях по делам оперы. Переезжаю на новую квартиру и нахожусь в больших хлопотах по ее устройству [1].

Весьма сомневаюсь, что это письмо застанет тебя в Ахене, и потому очень-то не расписываюсь. Из Каменки известия — благоприятные. Давыдовы еще на даче: Василий Васильевич

опасно заболел, отчего они не могут еще переехать. Литке находится в Москве. Выставка наша очень интересна; завтра она окончательно закрывается[2].

Целую тебя и нежно обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Постарайся хоть на один или на два дня съездить в Париж.

166. А. И. Чайковскому

Москва,
4 сентября [1872 г.]

Толичка! Как только получил твое письмо, начал хлопотать о деньгах. Я переехал на новую квартиру, очень роскошно устроился и истратил тьму денег, а потому исполнение твоей просьбы в данный момент было затруднительно. Тем не менее я сейчас же принялся хлопотать, и счастье мне благоприятствовало. Во-первых, я через два часа по прочтении твоего письма неожиданно встретился с братом Николаем. Этот милый, но скаредный человек [[...]] предложил послать тебе пятьдесят рублей в подарок, на что я с радостью согласился. На другой день я встретился с Гудимом, которому откровенно рассказал про твои обстоятельства, и этот милый Сашка с большою радостью предложил послать тебе сто рублей. Вот уже сто пятьдесят; затем посылаю тебе тоже в подарок (не хочу отставать от Коли) пятьдесят рублей — итого двести. Через неделю или около того я твердо надеюсь послать еще сто (по телеграфу), которые ты мне при первой возможности отдашь. Одним словом, лечись себе и о деньгах не беспокойся, ибо я и Саша Гудим о тебе печемся. Последний едет на-днях заграницу и увидится с тобой. Деньги и письма передаст тебе Рюмин, который намерен втереться в дружбу с тобой. Он человек не без достоинств, и, быть может, ты не будешь раскаиваться, что столкнешься с ним.

Брат Коля пробыл здесь одни сутки; я обедал с ним и с Литке, и, о чудо! Коля заплатил за обед. Он получил восьмитысячное место. Сегодня начались консерваторские классы. Выставка окончилась. Про оперу никаких известий нет. Я сюда приехал 15-го числа с Шиловским и время проводил очень весело, тем более, что здесь находился Н. Д. Кондратьев. Завтра обедаю с Гудимом в Эрмитаже. [...]

Целую крепко

П. Чайковский.

167. М. И. Чайковскому

[Москва]
2 ноября 1872 г.

Модя! Меня просто совесть терзает в наказанье за то, что не пишу тебе, — но что же мне делать, когда симфония, которую я доканчиваю, до такой степени поглотила меня, что я не в состоянии приняться ни за что другое[1]. Это гениальное произведение (как называет* мою симфонию Ник. Дм. Кондратьев) близко к концу и, как только будет росписано на партии, так сейчас и исполнится. Мне кажется, что это мое лучшее произведение в отношении законченности формы, — качества, которым я доселе не блистал. Желательно, чтоб ты его послушал, и вообще ты бы прекрасно сделал, если б хотя ненадолго явился в Москву после твоего черкасского пленения[2]. Вообще, хоть я тебе и не пишу (да и вообще никому в мире не пишу), но часто и с сокрушением думаю о твоей тоске; надеюсь, по крайней мере, что Капнист не станет долго терзать тебя и ты возвратишься в объятия коллежского секретаря Юзефовича, которого прелестно пропечатали недавно в «Петербургских Ведомостях» за его глупейшую выходку в думе. Пишу тебе о нем и хохочу, вспоминаю его хронический насморк и ногоподобные руки[3]. Из новостей сообщаю тебе следующие:

1) Кондратьев провел в Москве полторы недели и уехал заграницу, похитив незабвенного Алешу Киселева. Марья Сергеевна завтра тоже уезжает. Он был в Москве забавнее, чем когда-либо. 2) Володя поселился в Москве и купил себе прелестный барский домик, в который скоро переедет. 3) Старая Львовна[4] попрежнему шляется ко мне и теперь сделалась для меня такой же необходимостью [...] и нотная бумага для оркестровки симфонии. Часто вспоминает о черкасской бессарабке. 4) Я познакомился здесь с одним твоим (как он уверяет) приятелем: Бурнашевым. Напоминает сильно Масалитинова и вообще мне нисколько не нравится. 5) О Давыдовых ничего не пишу, ибо ты знаешь о них всякую штуку. 6) Прочел если не прекрасную, то необыкновенно тонкую штуку Драза «Babolain». Советую тебе приобресть у коллежского секретаря этот романчик. 7) Мой квартет произвел в Петербурге фурор[5]. 8) Донауров написал мне очень тронувшее меня письмо из Петербурга накануне своего отъезда заграницу, куда он переселяется вероятно на очень долго. На какие деньги?—

* *В подлиннике очевидно описка:* наказывает

не знаю. 9) С Бибиковым в натянутых отношениях. Прощай, молодая Чайчиха!

Преданная и любящая сестра

Петролина.

Пиши и адресуй в Консерваторию.
Об Анатоле уже давно ни слуху, ни духу.

168. И. П. Чайковскому

Москва,
22 ноября 1872 г.

Голубчик мой Папочка!

Вы хоть и не прямо меня браните, а только косвенно за то, что я, бессовестный, редко пишу Вам, но я все-таки мучусь и терзаюсь, что Вы на меня сердитесь. Ну, простите, мой дорогой, — ведь Вы знаете, что я на письма вообще лентяй, а тут еще я сиднем сидел за моей новой симфонией, которую теперь, слава богу, окончил. Впрочем, Вы сами виноваты, что родили таких ленивых сыновей, — пеняйте на себя. Итак, покрываю нежными лобзаниями Вашу седую головку и ручки и еще раз прошу не пенять за мою лень.

Вы пишете насчет квартиры, что желаете, чтобы она была теплая; до сих пор я в этом отношении совершенно ею доволен. Впрочем, у нас все время стоит такая теплынь, что даже противно. Так бы хотелось хороших морозцев, вместо туманных, сырых, дождливых дней! Я много сижу дома, но не мало и пешком хожу и хорошо делаю, потому что если мне хоть немножко себя запустить, то такое брюхо вырастет, что упаси боже.

Окончивши симфонию, я теперь отдыхаю. У Давыдовых бываю. Александра Ивановна бодра, весела и здорова; все остальные тоже, за исключением Василия Васильевича, который хоть и поправляется, но очень медленно. В отношении женитьбы моей скажу Вам, что иногда мне и самому приходит в голову обзавестись хозяюшкой, такой же толстенькой и добренькой, как Ваша пышка, — да только боюсь, как бы мне не раскаяться потом. Я получаю хоть и совершенно достаточно (около 3000 в год), но по безалаберности вечно нахожусь в затруднительных обстоятельствах. Одному-то оно ничего, а каково с женой и малыми ребятами?

Здоровье мое хорошо, но одно, что меня немножко беспокоит, — это глаза, которые у меня от работы сильно утомлены, и зрение так ослабло в сравнении с прежним, что я обзавелся pince-nez, которое, как говорят, весьма украшает меня.

Нервы все плохи, но этому горю ничем не пособишь, — да впрочем это неважно. У кого в нашем поколении не расстроены нервы, а особенно между артистами!

Братья мне тоже ничего не пишут, и я об них никаких известий сообщить не могу, а о свадьбе Коли узнал от Давыдовых. На праздниках я с Рубинштейном собираюсь в Киев, где он хочет дать концерт, а я поеду с ним для компании. Впрочем, весьма может случиться, что меня дирекция потребует в Петербург для переговоров об опере, и тогда я буду иметь радость хорошенько расцеловать Вас[1]. Симфония моя будет исполнена в Петербурге, и я очень бы желал, чтобы Вы ее послушали. Прощайте, мой голубчик, целую Ваши ручки, шейку и глазки, а также лобызаю п ы ш к у. Мой М и ш а[2] очень просит передать Вам свой низкий поклон.

П. Чайковский.

169. И. П. Чайковскому

[Москва]
9 декабря [1872 г.]

Милый Папочка!

Петр Васильевич Давыдов говорил мне на-днях, что получил какое-то письмо из Петербурга для передачи Александре Ивановне. Я вообразил, что это уж не Ваше ли письмо и что Вы не получили моего, написанного Вам недели две тому назад. Не сердитесь ли Вы на меня и не переврал ли я адрес? Одним словом, попрошу Вас немедленно по получении сего письма отвечать, чтобы разрешить все мои недоумения и беспокойства.

Анатолий и Модест мне весьма мало пишут, а первый не написал ни разу по приезде из заграницы. Я мечтаю на праздниках вместе с Рубинштейном съездить в Киев и повидать обоих братьев.

Про себя особенно нового и интересного сказать ничего не имею. Здоровье в хорошем состоянии, но нервы попрежнему часто дают себя знать. Теперь я немножко ленюсь и ничего не пишу: хочется, чтобы прежде была исполнена моя новая симфония, которую я считаю своим до сих пор лучшим произведением. Насчет моей оперы я теперь п о ч т и уверен, что она будет дана в будущем сезоне. Уже две цензуры (театральная и драматическая) ее пропустили; остается только музыкальный комитет, который, как мне говорят, наверное ее пропустит.

У Давыдовых все беспокоятся насчет Василья Васильевича, который простудился, и эта простуда усложняет его болезнь. Все остальные здоровы. Погода у нас стоит преподлая; мороз сильный, а снегу нет. В театре производит фурор Н и л ь с о н;

я ее вчера видел в «Гамлете». Она действительно очаровательна; поет превосходно, хотя не имеет такого звучного голоса, как Патти; но зато в отношении игры это просто совершенство. Бываете ли Вы в театре, мой милый, и вообще напишите мне, как живете, с кем видитесь, где бываете. Что толстушка, как она поживает?

Недавно получил я письмо от сестрицы Настасьи Васильевны; она напоминает мне о двадцати пяти рублях, которые я должен был выслать раньше, да позабыл, к моему горю и стыду. Конечно, я поспешил исправить свою ошибку.

Итак, прощайте, мой дорогой, и осчастливьте меня письмецом. Целую крепко Вас и Лизавету Михайловну.

Ваш нежно любящий сын

Петр Чайковский

170. М. И. Чайковскому

Москва,
10 декабря [1872 г.]

Уже с неделю, как получил оба твои письма разом, любезная Модестина, и очень тебе за них благодарен. В первом письме ты пишешь, что Анатолий сообщил тебе известие о моей хандре. Никакой особенной хандры нет, а действительно иногда овладевает мною, как и прежде бывало, тоска и мизантропия. Это происходит отчасти от моих нервов, которые иногда раздражаются без всякой видимой причины, отчасти от не особенно утешительной обстановки моего композиторства. Но вообще говоря, особенной перемены в отношении к прежнему нет.

Я уже писал тебе, что окончил новую симфонию («Журавель»), на которую возлагаю большие надежды. Она будет исполнена, вероятно, в январе, не раньше. Теперь же предаюсь праздности, по отсутствию всякого вдохновения и позыва к сочинительству; пробовал было написать романсиков, да все как-то пóшло выходит, и слов не умею подобрать, которые бы мне в самом деле нравились[1]. Вот кабы ты этим занялся да написал бы мне реэстрик подходящих стихотворений? Байкова исписала мне стихотворениями целый ворох бумаги, да такую все дрянь, что я ни одного не признал достойным музыки.

У Давыдовых ничего особенного не происходит. Василий Васильевич поправляется медленно.

У нас здесь производит фурор Нильсон. Я ее слышал два раза, и нужно отдать справедливость ее огромному сценическому таланту, который с тех пор, как я ее слышал в Париже, сделал громадный шаг вперед. В вокальном отношении она

представляет что-то совсем особенное: начнет петь так, что, кажется, ничего нет замечательного, да потом как хватит высокий какой-нибудь do-dieze или замрет на средней ноте pianissimo, так весь театр и затрещит. Впрочем, несмотря на все ее удивительные качества, она все-таки менее мне нравится, чем А р т о. Если бы последняя вздумала приехать в Москву, я бы прискакнул от восторга.

Если успеешь во-время мне ответить, то напиши, не собираешься ли на праздники в Киев, куда и я хочу махнуть на недельку вместе с Рубинштейном и Губертом. Хорошо бы это было! Мне хочется немножко рассеяться да и Киев посмотреть и оперу его тоже, да и его, Анатолия, который, между прочим, не удостоил меня ни одним письмом с самого приезда из заграницы.

Бурнашев (который продолжает называть тебя своим нежнейшим другом) мне до крайности противен, однако ж бывает у меня. Здесь в мире т е т о к произошла отвратительная история между Булатовым и Глебовым, о которой я поговорю с тобой при свиданье. Предмет твоей любви — Михайло просит передать тебе, что он ездил к Сергию и вынимал «часть» про твое здоровье. Этот Лепорелло делается замечательно комичен в последнее время. Впрочем, я им очень доволен и еще больше его братом.

Прощай, любезная сестра, целую.

Петролина.

1873

171. А. И. Давыдовой

[Москва]
9 января [1873 г.]

Прости, голубушка, что по обыкновению ленюсь и давно не даю о себе ничего знать. Из писем Папаши ты, вероятно, уже знаешь, что я на праздники совершенно неожиданно попал в Питер, куда меня вызвали для присутствования в комитете, решавшем судьбу моей оперы. Я так был убежден, что меня забракуют, и вследствие этого был до того расстроен, что даже не решился прямо отправиться к Папаше, боясь его обеспокоить своим отчаянным видом. На другой день после злополучного комитета, стоившего мне многих терзаний и однако же окончившегося к моему полному удовольствию, я поехал к Папаше и прожил у него около недели[1]. Не скажу, чтобы эти дни были проведены мною приятно, ибо я был разрываем на куски; что ни день, то музыкальные вечера и обеды, так что я даже с нетерпением ожидал возможности улизнуть от всех этих удовольствий и поскорее вернуться в мою милую богоспасаемую матушку-Москву. Здесь в самом деле меньше суеты и больше покоя. Вообще я теперь в эту поездку убедился, до какой степени я безвозвратно оторвался от Петербурга и, напротив, до чего я обжился в Москве. Как бы меня ни ласкали и какие бы удачи ни дались мне в удел в Петербурге, я уж теперь до конца жизни останусь закоренелым москвичом. Так, кажется, бывает со всеми, пожившими в Москве. Моя сладчайшая и вожделеннейшая мечта — это, чтобы когда-нибудь и Вы, милые мои, переселились в первостольную.

В Питере был у Адамова, который, несмотря на все свои повышения и на невероятную роскошь, которою он окружен, нисколько не переменился. Жена его мне понравилась. Софья

Ивановна имеет вид женщины, которая всегда была уверена, что Миша, а следовательно, и она будут важны и богаты. Видел я там, т. е. в Петербурге, тетю Катю, висевшую у меня на шее по крайней мере полчаса, и Лиду Ольховскую, которую я нашел весьма много поправшеюся и повеселевшею.

Сейчас был у Александры Ивановны, которая была не совсем здорова, но теперь поправляется, т. е. она уже здорова, но только не выезжает. Не знаю, жаловалась ли тебе на меня сестрица Настасья Васильевна, которую я заставил довольно долго дожидаться моего приношения, в чем весьма раскаиваюсь; впрочем, она мне написала очень нежное благодарственное письмо.

Авдотью Яковлевну видел и получил несколько траги-комических сцен, а сюда, в Москву, грозное письмо, упрекающее меня в неблагодарности и жестокости сердца.

Моде не пишу, ибо надеюсь, что это письмо Вы будете читать вместе. Крепко тебя обнимаю и целую твои ручки, а также твоего Льва и всех детей. Николаю Васильевичу—низкий поклон.

Твой П. Чайковский.

Послезавтра здесь будут исполнять мою новую симфонию.

172. И. П. Чайковскому

Москва,
5 февраля 1873 г.

Милый Папочка!

Время летит так быстро, что мне кажется, как будто не далее как вчера еще я ел Ваши идеальные пельмени и спал в Вашей маленькой столовой, но оказывается, что с тех пор уже прошло больше месяца, и совесть грызет меня опять, что я так неаккуратно веду мою корреспонденцию с Вами. Время оттого бежит так скоро, что я очень занят, делаю переложение своей оперы, пишу музыкальные фельетоны в одной здешней газете[1] и составляю биографию Бетховена для «Гражданина»[2]! Все вечера просиживаю дома и вообще веду себя самым мирным и благонамеренным московским обывателем. У нас наступила, наконец, довольно жестокая зима, и сегодня такой мороз, что носам москвичей грозят опухоли и болячки, но мне, пребывающему постоянно дома, весьма тепло и уютно в моей квартирке.

Недавно я думал о Вас, и вот какая мне пришла мысль. Так как Вы очень хорошо владеете литературным языком, то не задумаете ли от нечего делать—по утрам, положим—писать воспоминания о разных известных лицах, с которыми Вам слу-

чалось сталкиваться, и вообще о разных интересных обстоятельствах службы и даже еще раньше — Горного корпуса. Подумайте об этом, Папочка, это бы Вас, мне кажется, заинтересовало, а потом Вы бы это напечатали в «Русском архиве» или каком-нибудь другом журнале. Что вы скажете на это? — черкните-ка мне о том словечко [3].

Моя симфония была здесь исполнена на прошлой неделе с большим успехом; меня много вызывали и делали разные овации [4]. Успех был так велик, что в десятом концерте симфонию сыграют еще раз, и к этому дню теперь делают подписку, чтобы поднести мне подарок [5]. Кроме того из Музыкального общества мне выдали 300 р. с. в виде гонорария за исполнение симфонии. Ларош приезжал сюда на один вечер, чтобы прослушать мою симфонию. Вообще всеми этими успехами (и о! низость человеческой души!) материальными выгодами, сопряженными с успехом, я очень доволен; желательно было бы, чтобы и опера прошла в будущем году так же счастливо!

Авдотья Яковлевна написала мне сюда трагическое письмо, в котором упрекает за неблагодарность, жестокость и разные другие черные стороны моей коварной души.

Что-то Вы поделываете, мой голубчик?! Пожалуйста, напишите мне словечка два о Вашем здоровье и препровождении времени. Из всего моего пребывания в Питере я только и вспоминаю с удовольствием часы, проведенные с Вами и с Вашей дебелой, но милой сожительницей. Скажите сей последней, что я ей положительно п р и к а з ы в а ю каждый день гулять пешком и подальше, чтоб хорошенько запыхалась,— это ей здорово.

У Давыдовых сидел сегодня довольно долго; у них все здоровы.

Обнимаю Вас крепко, мой милый и дорогой, и целую нежно Ваши ручки. Пышку тоже крепко о б л о б ы з о в ы в а ю и еще раз повторяю: гулять и гулять и не сидеть сиднем дремля, толстея и пыхтя.

Ваш сын

Петр Чайковский [6].

Николай Львович Вам низко кланяется.

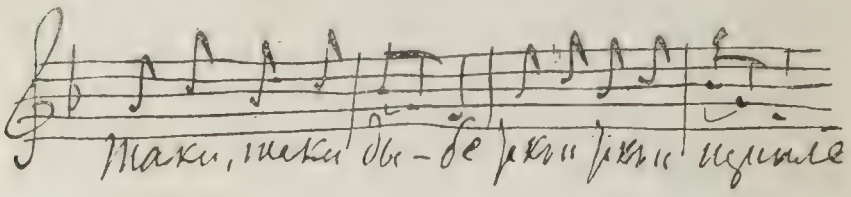
173. М. И. Чайковскому

Москва,
13 февраля 1873 г.

Милый Модя!

Ты говоришь, что я умолк! Но разве Саша не получила моего письма, писанного в прошлом месяце? Я это письмо рассчитывал на Вас двух и очень буду огорчаться, если оно до

тебя не дошло. С нотами, заказанными тобою и Персефоной, я действительно замешкался, но я потерял было твое письмо. Между прочим я узнал потом, что Юргенсон или, лучше, его приказчики присовокупили к нотам счет. Не обращай на него внимания; это произошло от недоразумения. Все присланные опусы я приношу в дар тебе и Персефоне, и никаких денег присылать не нужно. О моей симфонии ты, вероятно, знаешь из газет; прибавлю от себя, что она имела большой успех, и в особенности «Журавель» заслужил самые лестные отзывы[1]. Честь этого успеха я приписываю не себе, а настоящему композитору означенного произведения — Петру Герасимовичу, который в то время, как я сочинял и наигрывал «Журавля», постоянно подходил и подпевал мне:



Когда я был в Петербурге, то играл финал на вечере у Римского-Корсакова, и вся компания чуть-чуть не разорвала меня на части от восторга, а М-me Корсакова слезно просила аранжировать в четыре руки. Ну и пусть ее аранжирует! За эту симфонию мне из Музыкального общества выдали мою долговую расписку в триста рублей, а в последнем концерте она опять пойдет (т. е. не расписка, а симфония), и к этому дню мне готовят овацию с подарком. Конечно, по моему ангельскому бескорыстию, я хочу не принимать подарка, но едва ли меня допустят до этого. Ах! Как тяжело подчиняться тиранническим требованиям толпы! Она не понимает, что мы, художники, живем в таких высоких эмпиреях, что их деньги для нас — презренный металл!

Вообще близится время, когда и Коля, и Толя, и Ипполит, и Модя уже не будут Чайковскими, а только братьями Чайковского. Не скрою, что это-то и есть вожделенная цель моих стараний. Своим величием стирать во прах все окружающее, — не есть ли это высочайшее наслаждение?! Итак, трепещи, ибо слава моя скоро тебя раздавит.

Остроумно милый тон моего письма вдохновлен моими частыми свиданиями с Апухтиным, который теперь находится здесь в более веселом состоянии духа, чем когда-либо, несмотря на то, что проиграл в карты все, что наиграл прежде.

На-днях здесь была свадьба Андрея Апухтина на своей родной тетке, и я присутствовал на ней свидетелем. Леля в качестве chef de la famille* не признает этого брака и хотя был на свадьбе, но всем объявлял, что заехал нечаянно, увидев в окнах свет.

Ты спрашиваешь о моих планах на лето? Не знаю, почтенный, ничего еще не знаю, но, кажется, не миную Каменки ни в каком случае.

Целую тебя крепко, Сашу, Леву и всех.

П. Чайковский.

174. И. П. Чайковскому

[Москва]
7 апреля 1873 г.

Милый и дорогой мой Папочка!

Я уже около месяца не вставая сижу за работой; пишу музыку к волшебной пьесе Островского «Снегурочка»[1] и поэтому до того запустил свою корреспонденцию. К довершению всего третьего дни со мной случилось маленькое несчастье; я порезал себе левую руку и так сильно, что доктор целые два часа употребил на то, чтоб остановить кровь и перевязать рану. Поэтому мне писать теперь очень неудобно, и Вы не удивляйтесь и не корите меня, мой ангел, что так мало пишу. Хочу только поздравить Вас с праздником и пожелать Вам приятно провести его вместе с милой Пышкой. Меня очень звал на праздники брат Коля, но я ехать не могу. Итак, Христос воскресе! Троекратно лобызаю и Вас и Вашу ручку и Вашу Пышку и пребываю страстно Вас любящий сын.

П. Чайковский.

Дорогой мой, напишите, когда проедете через Москву и вообще какие Ваши планы!

175. А. И. Давыдовой и М. И. Чайковскому

Moska,
27 April 1873.

My good sister and my dear brother!

I have know what mötsch plesir that you learn the englisch langage; böt you cannot told that I cannot understand. I kan understand wery biutiföll oll what you will and enough bether. My brother! You are one fulischmen, böt you, my dear sister, are one biutifföll women. I have not times to scrive this letter

---

* главы семьи.

englisch, böt god sawe the gueen and collection of britisch autors is one trifles. I can you told that the spaniers wear their sats cocked and I cocked my pistol directly. The king has conferred the order of the Garter on him, böt i will cringe to nobody. We always deal with him, and we dined on soup and fisch. Tell me: how did he come by so much money and why do you call out? Call un-your brother and your sister call down the servent. I will call for you at six. He assisted me with all his endeavours, i have atoned for my fault and i will ask him to dine. Do not argue withe me, You argue against reason and i abide by what I say: France abounds with fruit and several frees are blown down. My brother, what are you gaping at? My sister, you lies in with your first child.

I are your affectioned brother

Pither! *

Положим, что это письмо, хотя и английское, но лишенное смысла; однакоже Вы усмотрите из него, что если б я только захотел, то мог бы перещеголять и Вас обоих и Вашу м и с с.

Милая Саничка! Я получил недели две тому назад твое письмо, в котором ты как бы оправдываешься, что редко мне пишешь. Уж если кто из нас виноват, то, конечно, я против тебя, хотя, по правде сказать, у меня голова кругом ходит от бездны дела. Еще наверное не знаю, когда буду в Каменке, но наверное буду. Вероятнее всего, что в конце мая я отправлюсь отсюда недели на две к Кондратьеву, потом в Каменку тоже недели на две и потом проеду заграницу, где

Москва,
27 апреля 1873.

* Моя добрая сестра и мой дорогой брат!

Я узнал, с каким удовольствием вы изучаете английский язык, но вы не можете сказать, что я не понимаю его. Я могу понимать очень хорошо все, что вы хотите, и даже еще лучше. Мой брат! вы сумасшедший, но вы, моя дорогая сестра, красивая женщина. У меня нет времени писать письмо по-английски, но,— боже спаси королеву и коллекцию британских авторов,— это пустяки. Я могу сказать вам, что испанцы носят шляпы набекрень, а я взвел курок моего пистолета. Король наградил его орденом Подвязки, но я не буду жаловаться никому. Мы всегда имеем с ним дело. У нас за обедом были рыба и суп. Скажите мне, как он получил так много денег и почему вы вскрикнули? Навестите вашего брата и сестру, позовите прислугу. Я зайду за вами в шесть часов. Он старался помочь мне, я искуплю свою вину и позову его обедать. Не спорьте со мной, вы возражаете против разума, а я остаюсь на том, что сказал: Франция изобилует фруктами, а несколько деревьев свалено. На что вы смотрите, мой брат? Моя сестра рожает первого ребенка.

Ваш любящий брат
Петр.

хочу погулять, если будут деньги,— а вероятно будут. Предполагаю ограничиться Швейцарией и ходить по ней в продолжение месяца, после чего вернусь в Россию и, быть может, опять побываю в Каменке. Воображаю, как теперь у Вас должно быть хорошо; охотно бы очутился среди Вас и пошел бы пешком в Тростянку; не пренебрег бы также ни Ревовкой, ни Пляковкой, ни Юрчихой, ни даже подлесной экономией.

В настоящее время в здешнем Большом театре идут деятельные репетиции к пьесе Островского «Снегурка», к которой я написал музыку и по этому случаю каждое утро принужден торчать в театре.

Модя! Полное собрание Гербеля стоит 18 р. сер. (отдельные томы теперь не продаются), но я постараюсь достать тебе Кронберговский перевод «Гамлета» отдельно [1]. Во всяком случае напишу тебе о результатах моих поисков. Сладостно мечтаю о скором свидании с Вами и остаюсь любящий

Петр.

Леву и детей целую.

176. А. И. Чайковскому

[Москва]
16 мая 1873 г.

Любезный Антон!

Я действительно собираюсь проехаться заграницу, но предварительно буду в Киеве и в Каменке. Выезжаю отсюда, вероятно, 25-го; заеду дней на семь к Кондратьеву; оттуда в Киев и в Каменку и проеду заграницу через Волочиск. Одним словом, с тобой увидимся. Еду заграницу с исключительною целью потаскаться по Швейцарии, которую обожаю. Кланяйся Жедринскому, Массну, Гудимам, Бергеру, Дондукову, Кочубею, Акиму, Ярославу, Святославу, Муравьеву, Арсению и всем остальным моим друзьям.

П. Чайковский.

177. И. П. Чайковскому

[Москва]
24 мая [1873 г.]

Милый и дорогой Папочка!

Сердце мое рвется к Вам, но покамест придется ограничиться только письменным изъявлением моей бесконечной любви к Вам. Дело в том, что я собираюсь это лето попутешествовать, а именно поехать отсюда на юг, т. е. в Киев и Каменку, а потом, в половине июня, дернуть заграницу через Елисаветград, Жмеринку и Волочиск. В Петербург ехать мне бы стоило

дорого, поэтому я покамест буду лишен удовольствия расцеловать Вас. Как жаль, что Вы решили остаться в Питере и что мы не проведем хоть несколько дней вместе в Каменке! Из Каменки и из заграницы я буду Вам непременно писать и весьма может статься, что назад я проеду через Питер.

Все последнее время я был в лихорадочной деятельности. Постановка пьесы Островского с моей музыкой, переложение для печати моей симфонии, экзамены, прием Константина Николаевича. Кстати, он был со мной чрезвычайно любезен, остался в восторге от моей симфонии и наделал мне множество комплиментов.

Здоровье мое хорошо, но нервы до крайности раздражены и утомлены, и самым лучшим средством для них будет путешествие. Извините, что пишу Вам на клочке. Теперь 4 часа ночи, и у меня не нашлось бумаги.

Целую ручки у Вас и обнимаю мою милую Лизавету Михайловну.

Ваш сын П. Чайковский.

178. И. П. Чайковскому

Париж,
23 июля/4 августа 1873 г.

Милый Папочка!

Совесть меня ужасно терзает, что не даю Вам о себе известий, но это оттого, что я не знаю Вашего адреса в Павловске. Рискую адресовать в Петербург. Авось Вы или Лизавета Михайловна завернете туда и найдете мое письмецо. Я выехал от Саши накануне своих именин и с тех пор странствую по Европе. Был в Бреславле, Дрездене, Кельне, Цюрихе, Люцерне, Женеве, Милане, на озере К о м о и наконец добрался до города Парижа, где и обретаюсь уже третий день[1]. В Швейцарии я много странствовал и между прочим подымался на гору Р и г и по вновь устроенной железной дороге, самого удивительного способа построения. Заезжал также в Веве, где мне хотелось собрать нужные для Саши сведения, которые я ей и послал. Она может устроиться там очень недорого и хорошо. Пансионы для девочек в Веве отличные, и ей очень удобно будет посылать трех старших в качестве приходящих за 30 франков в месяц. Местоположение в Веве поистине превосходное, хотя с непривычки как-то жутко и страшно среди этих высочайших, подавляющих громад. Из Швейцарии я пробрался в Италию с намереньем объехать ее всю вдоль и поперек, но уже в Милане жара была настолько невыносима, что я не решился спуститься еще южнее и,

пораздумав хорошенько, направил свои стопы в Париж, где хорошо во всякое время года. Нельзя описать, до чего этот Париж удобен и приятен для жизни и как приятно можно здесь проводить время человеку, имеющему намеренье веселиться. Уже самое гулянье по улице и глазенье на магазины в высшей степени занимательно. А кроме того театры, загородные прогулки, музеи,— все это наполняет время так, что и не замечаешь, как оно летит. Скажите Лиде Ольховской, что я на каждом шагу вспоминаю, как мы вместе были в Париже двенадцать лет тому назад. Я намерен пробыть здесь около недели и затем стремлюсь в отечество. Вряд ли финансы дозволят мне ехать через Петербург, так что сомневаюсь увидаться с Вами летом. Утешаюсь мыслью, что когда будут ставить мою оперу, мне придется жить в Петербурге довольно долго. Крепко обнимаю Вас, мой голубчик. Поцелуйте от меня Лизавету Михайловну и Лиду и кланяйтесь очень Катерине Ивановне.

Ваш П. Чайковский.

179. И. П. Чайковскому

[Москва]
9 октября 1873 г.

Милый мой Папочка!

Очень уж я виноват перед Вами; каюсь, целую Вас в щечки и ручки и прошу и на сей раз простить мою колоссальную лень на письма. Впрочем, эта лень понятна. Я так устаю, у меня столько дела, что когда прихожу домой отдыхать, не нахожу в себе сил усесться за письма. В последние дни я был довольно сильно болен. У меня была жаба, лихорадка, и до сих пор еще душит ужасный кашель. Но все это не имеет ничего серьезного, и здоровье мое находится вообще в отличном состоянии. Живу я попрежнему. Скучать не нахожу времени и был бы совершенно счастлив, еслиб меня не беспокоила судьба моей оперы, о которой положительных сведений до сих пор не имею никаких. Сейчас мне говорили, что еще не решено, пойдет ли она в этом сезоне, а ждать-то мне уж больно не хочется, да и деньги нужны. Так как я настоящих детей не имею, то всей душой прилепляюсь к детищам своей музыкальной фантазии и страдаю за них, как маменьки, желающие пристроить замуж своих дочек и с беспокойством ищущие женихов. Кроме того, что приятно наконец услышать свою оперу исполненною, мне бы хотелось пожить три-четыре недельки в Питере с Вами. Уж больно давно мне не приходилось каждодневно вкушать Ваш чудный

с у п, спать на милом диване под толстым стеганым одеялом, слушать смех высокими нотками, который так мило издает толстушка, одним словом, вкушать все прелести житья с Вами, из коих главная, конечно, та, чтобы Вас видеть и целовать как можно больше. На Модю я ужасно злюсь. Как не написать мне хоть вкратце, что он делает и как идут служебные дела?! Определился ли он, если да, то хорошо ли, где, с кем, на каких условиях? Пожалуйста, отдерите ему за это уши. И Давыдовы об нем тоже очень беспокоятся. У них я бываю каждое воскресенье. Александра Ивановна совершенно здорова, но, разумеется, очень огорчена болезнью Василия Васильевича. Сейчас Лизавета Васильевна присылала мне письмо Саши. Она пишет, что начинает разочаровываться в Веве в отношении воспитания и начинает подумывать о большом городе. Вообще видно, что В е в е далеко еще не вполне удовлетворяет ее. Коля проездом был у меня, и я хорошо познакомился с его женой, которая мне очень нравится. Толька, подлец, ровно ничего не пишет. Скажите, голубчик, Моде, что на-днях я пришлю ему мой долг,— а уши-то все-таки отдерите. Целую Ваши ручки.

Милую Пышку обнимаю.

Ваш сын Петр.

180. М. И. Чайковскому

Москва,
28 ноября [1873 г.]

Милый Модя!

Редко случалось мне пред кем-либо быть столь виноватым, как пред тобой; с какой важностью я назначил тебе субсидию в сто рублей, и как мещански мой государственный банк оную тебе выплачивает. Но на-днях произойдет перемена в моих финансовых обстоятельствах, и тогда... нет, ей богу, без шуток, долг будет уплочен. А сия перемена произойдет по тому случаю, что на будущей неделе будет исполнена моя «Буря»[1] и я по обыкновению получу за это 300 р. с. из Музыкального общества. Эта сумма сильно подбодрит меня. Мне очень любопытно будет прослушать новое мое произведение, на которое я возлагаю большие надежды, и очень жалею, что ты его не будешь слышать, ибо я не прочь принимать к сведению твои мудрые замечания.

Я переехал на новую квартиру, которая хоть теснее, но зато уютнее прежней[2]. Жизнь потекла обычным порядком. Из происшествий должен тебя известить об одном очень грустном, а именно о смерти Вас. Вас. Давыдова, на похоро-

нах которого я был. Сцены были очень тяжелые, и мне кажется, что эта смерть нанесла хоть и ожиданный, но тяжелый удар Александре Ивановне. Из приятелей я теперь лишен самого приятного, т. е. Кондратьева, который провел здесь пять недель и теперь находится в Харькове на выборах. У Шиловского я очень часто обедаю, но его сообщество мне крайне тяжело; он день ото дня становится взбалмошнее и тяжелее. Только в нынешнем году я убедился, что в сущности я довольно одинок здесь. У меня много приятелей, но таких, с которыми душу отводишь, как, например, с Кондратьевым,— совсем нет. Софья Львовна представляет для меня большой ресурс, но это скорей вещественный атрибут моей обстановки, чем серьезная дружба. Впрочем, все к лучшему: и самые милые приятели, будучи многочисленны, мешают работать, а я, слава богу, не сижу сложа руки. Чтобы заключить достодолжным образом эту маленькую иеремиаду, скажу тебе, положа руку на сердце, что в сущности все меня ужасно любят, и я не знаю, как отблагодарить их за это; я, право, даже не понимаю за что... и т. д. Мечтал я повидаться с тобой в скором времени по случаю исполнения моей симфонии, но концерты отложены до января [3]. Когда начнутся репетиции оперы (в посту), я приеду в Питер и проживу довольно долго.

Крепко тебя целую, Толю тоже и прошу обоих написать мне обстоятельные письма. У Папаши целую ручки и милую Лизавету Михайловну прижимаю к сердцу. Тебе очень кланяется Миша, Алеша и Бишка.

Твой П. Чайковский.

1874

181. А. И. Чайковскому

[Москва]
26 января [1874 г.]

Милый мой Толичка!

Сегодня я видел Сашу Гудима, и он мне сообщил разные подробности о тебе. Вместе с тем он сказал, что ты очень интересуешься моей поездкой в Питер. Во-первых, я остановился там (вместе с Михайлой) в отвратительном Hôtel Victoria. Во-вторых, прямо отправился к Направнику, которому я перед тем назначил час свидания письменно. Я решил очаровать его полным согласием со всеми его требованиями и ласково-почтительным обращением. Цель эту я достиг блестящим образом, и мы расстались в самых дружеских отношениях. Все четыре дни я проработал за сокращениями и изменениями в партитуре [1]. Большею частью обедал у Папаши и занимался тоже у него. Как я ни убегал от всех, но меня-таки нашли и атаковали в моем номере. С Бесселем виделся. Затруднения с цензурой устранены благополучно [2]. Вообще с оперой покончено; со второй недели каждый день начнутся репетиции, и я знаю наверное, что Направник будет лезть из кожи [3].

Теперь я написал новый квартет и услышу его на-днях на вечере у Рубинштейна [4].

Недавно я провел целый вечер с Федотовой, которая мне показалась ужасной ломакой. Мне она объявила, что она меня терпеть не может и что нет никакого сравнения между тобой и мной. Про тебя говорит с энтузиазмом самым превыспренним и, очевидно, влюблена в тебя.

Представь себе, что Модест выехал из Петербурга в тот же час, когда я выехал из Москвы. Знаменитая история

с сюрпризами между тобой и мной повторилась. Модест прожил здесь неделю, но почему-то не у меня, а у Шиловского. Последний собирается сделать ужасную нелепость, т. е. жениться; это будет его гибелью, тем более, что женится он на богатой и молоденькой девушке, которая очень удивится, когда найдет [...] Да и ндрав его тоже ей не по вкусу.

У нас здесь цари, и я сейчас видел выезд двора из Кремля в театр на spectacle gala. Очень торжественно и гам страшный.

Милый Толя, мне очень хочется спать, но, чтобы не отступить от обычая и дописать все четыре страницы, пишу большими буквами. Прощай Толя, Толя прощай, прощай Толя, пиши Толя, прощай Толя, кланяйся Жедринскому, Толя, прощай, Толя, прощай Толя.

Твой брат П. Чайковский.

182. М. И. Чайковскому

Венеция,
17/29 * апреля 1874 г.

На!.. смотри на виньетку и злись, лопай с зависти [1]. Сегодня я целый день гулял по этой площади. Устал ужасно и вздумал побеседовать с тобой, Моденька. Я безостановочно ехал до Венеции; только в омерзительной [...] столице Варшаве пришлось переночевать, чего бы не было, если б нашелся умный человек, могший предупредить меня, что только четырехчасовой поезд имеет безостановочное соединение с варшавским. Настроение духа было очень меланхолическое, а почему? — по многим причинам, из которых одна заключается в том, что мне было совестно перед тобой. Вместо того, чтобы транжирить деньги и кататься заграницу, мне бы следовало заплатить твои долги, а также Толины. А вместо того я мчусь наслаждаться южной природой. Мысль о моей скаредности и эгоистичности меня так терзала, что только теперь, изливая эти чувствия на бумагу, я начинаю чувствовать некоторое облегчение. Итак, прости, милый Модя, что я себя больше люблю, чем тебя и вообще остальное человечество. Мне совестно также перед Лизаветой Михайловной. Следовало бы непременно рублей сто насильно ей вложить в портмоне, чтоб она могла осуществить мечту о поездке в Париж. Ты, может

* *В подлиннике описка:* 17/19

быть, думаешь, что я ломаю самоотверженного человека? Нисколько! Я знаю, что самобичевание это бесплодно, ибо я все-таки катаюсь, а ты сидишь дома с твоими долгами. Но мне по крайней мере легче сделалось, исповедав грехи.

Теперь возвращаюсь в Венецию, с которой начал. Во-первых, холод здесь ужасный, и это мне нравится, потому что итальянскую жару я испытал в прошлом году. Во-вторых, гостиницы все переполнены иностранцами, и я с трудом нашел комнатку, притом весьма невзрачную. В-третьих, Венеция такой город, что если бы пришлось здесь прожить неделю, то на пятый день я бы удавился с отчаяния. Все сосредоточено на площади св. Марка. Засим куда ни пойдешь, пропадаешь в лабиринте вонючих коридоров, никуда не приводящих, и пока не сядешь где-нибудь в гондолу и не велишь себя везти, не поймешь, где находишься. По Canale Grande проехаться не мешает, ибо дворцы, дворцы и дворцы, все мраморные, один лучше другого, но в то же время один грязнее и запущеннее другого. Словом, совершенно как обветшалая декорация из первого акта «Лукреции». Зато палаццо дожей верх красоты и интересности, с романтическим ароматом совета десяти, инквизиции, пыток, ублиеток и т. п. прелестей. Я все-таки избегал его еще раз вдоль и поперек и для очистки совести побывал в других двух-трех церквах с целой бездной картин Тициана и Тинторета, статуй Кановы и всяких эстетических драгоценностей. Но, повторяю, город мрачный, как будто вымерший. Не только лошадей, даже ни одной собаки я не видел.

Сейчас получил ответную телеграмму из Милана. «Жизнь за царя» пойдет не раньше 12 мая (по нов. стилю), и я решаюсь завтра выехать прямо в Р и м, а потом в Неаполь, где буду ждать твоего письма. Целую Папашу, Лизавету Михайловну и тебя.

П. Чайковский.

183. А. И. Чайковскому

Рим,
19 апреля*/1 мая 1874 г.

Милый Толя!

Напала на меня непомерная тоска вследствие одиночества, и вот, чтоб облегчить душу, пишу к тебе. Одиночество вещь хорошая, и я первый люблю его, но в меру. Вот уже завтра неделя, что я выехал из России, и хоть бы с кем-нибудь словечком перемолвился; кроме служителей в отелях и кондук-

* *В подлиннике ошибка:* 20 апреля

торов на дороге, никто от меня не слышал ни единого звука. Утро все бродил по городу и видел действительно капитальные вещи, т. е. Колизей, термы Каракаллы, Капитолий, Ватикан, Пантеон и, наконец, верх торжества человеческого гения — собор Петра и Павла. Потом пообедал в table-d'hôt'e, потом ходил по Corso, и тут-то на меня налетел сплин, от которого стараюсь спастись письмом и чаем, который сейчас буду пить.

От Петербурга до Венеции я ехал не останавливаясь; только в Варшаве пришлось ночевать, так как двенадцатичасовой петербургский поезд не имеет непосредственного сообщения с заграничным. Дорога меня немного утомила, но чрезвычайно благотворно подействовала на очень напряженную нервную систему. В Венеции я остался полтора суток и не особенно сильно наслаждался. Впрочем, ты, кажется, был в этом странном городе и, вероятно, согласишься со мной, что он производит тоскливое впечатление. Там я по телеграфу снесся с Миланом и, узнав, что «Жизнь за царя» пойдет не ранее 12 мая/30 апреля, решился проехать на юг, причем миновал Флоренцию. Я стараюсь пользоваться охлаждением температуры, которая в Венеции опустилась так низко, что я буквально м е р з в своей комнате. Для пребывания в Неаполе это охлаждение, распространившееся по всей Италии, очень выгодно, ибо уж если начнутся жары, так они будут очень мучительны и половина удовольствия пропадает. За исключением достопримечательностей Рима исторических и художественных, самый город с его узкими и грязными улицами не представляет особенного интереса, и я не понимаю, как можно (после нашего русского простора) проводить здесь целую жизнь, как это делают некоторые русские. Денег у меня оказывается вполне достаточно, и я могу, ни в чем себе не отказывая, изъездить всю Италию. Я взял в Венеции так называемый billetto circolare, который стоил всего сто семьдесят три франка, и с этим билетом я имею право доехать до Неаполя и потом назад до Милана,— необыкновенно дешево. Кстати о деньгах. Представь себе, что с самого отъезда из России я упрекаю себя в черством эгоизме. Вместо экскурсии по Европе мне бы следовало принять деятельное участие в уплате долгов твоих и Модеста. Мысль эта положительно отравляет мое путешествие. Вот, думаю себе, я гуляю по Ватикану, а бедный Толя старается измыслить средство заплатить какому-нибудь назойливому кредитору. Еслиб ты знал, как ядовито уязвляет меня раскаяние. Но пойми, что я помешался на поездке в Италию. И преглупо; уж если хотел

рассеяться, поехал бы в Киев или даже Крым,— и дешево и сердито.

Милый Толя, обнимаю тебя так же крепко, как люблю, а уж люблю поистине крепко.

П. Чайковский.

Дорого бы я дал, чтобы ты вдруг здесь очутился.

184. М. И. Чайковскому

Флоренция,
27 апреля/9 мая 1874 г

Ты думаешь себе: вот счастливый человек! То из Венеции пишет, то в Риме и Неаполе был, а то вдруг из Флоренции корреспондирует. А между тем, Модя, нельзя себе представить человека, более тоскующего, чем я все это время. В Неаполе я дошел до такого состояния, что ежедневно проливал слезы от тоски по родине вообще и всем дорогим людям в особенности. Что бы я дал в эти ужасные минуты черной меланхолии, чтобы около меня очутился хотя бы Николай Львович! Все московское мне кажется особенно милым, а уж воспоминание об Алеше[1] просто болезненно меня томит. О тебе и некоторых очень немногих питерских вспоминаю с блаженством, но вообще Петербург-то в сущности и есть причина моей меланхолии. Меня терзает «О п р и ч н и к». Эта опера до того плоха, что на всех репетициях (особенно от 3 и 4-го акта) я убегал, чтоб и не слышать ни одного звука, а на представлении готов был провалиться. Не странно ли, что когда я написал ее, то мне первое время казалось, что это прелесть что такое. Но какое разочарование с самой первой репетиции! Нет движения, нет стиля, нет вдохновения! Вызовы и рукоплескания на первом представлении ничего не означают, а означают, 1) что было много знакомых и 2) что я уже прежде заслужил хорошо установившуюся репутацию. Я знаю, что опера не выдержит и шести представлений, и это просто убивает меня.[2]. Кроме этого я мучаюсь тем, о чем писал тебе в первом письме, да еще в довершение всего меня преследует здесь самая ужасная погода, какую только можно себе представить. Итальянцы просто не запомнят подобной весны. Неаполь, в коем пробыл шесть дней, как бы не существует для меня, потому что он немыслим в дурную погоду, а я там почти и не видел чистого неба во все шесть дней, а уж последние два дни буквально нельзя было выходить из комнаты. Я убежал оттуда сломя голову, чтоб ехать прямо к Саше, минуя Милан, в котором я решился не быть по неко-

горым весьма основательным причинам. Мне просто неловко там быть, ибо из письма некоего г. Щуровского я узнал, что «Жизнь за царя» ставится там непозволительнейшим образом [3]. Нужно вмешаться и лезть с советами и указаниями, а я имею основание полагать, что таковые будут приняты неохотно. Во Флоренции я остановился только переночевать. У Саши останусь дня два и потом прямо в милую Москву, но, быть может, проеду и через Питер, в коем кроме тебя и, разумеется, Папаши с Лизаветой Михайловной (кои уже, вероятно, будут уехамши) никого не хочу видеть, и потому не говори о моем проезде. Очень может быть, что вскоре после сего письма мы с тобой увидимся, но не наверное, ибо в Москву меня тянет не только тоска по ней, но и дело, которое меня беспокоит, т. е. мои классы. В Неаполе получил твое письмо, а также письма от Ани и Малоземовой. Собственно писать мне было незачем, но я это делаю, чтоб облегчить душу излиянием. В Помпее был, и она сделала на меня впечатление очень сильное.

Прощай, Модя; до скорого свиданья [4].

Твой П. Чайковский.

Я успел только пробежать по главным улицам Флоренции; она мне очень нравится. Рим мне ненавистен, да и Неаполь,— чтоб чорт его взял! Один и есть только город в мире, это Москва да еще Париж.

185. М. И. Чайковскому

Низы,
18 июня 1874 г.

Ты мне написал письмо еще месяц тому назад, и оно получено мною в Москве, а я доселе не отвечал. Это оттого, что жизнь здесь так установилась, что для корреспонденции (вообще для меня тягостной) нехватает места. Во-первых, я пью карлсбадские воды, а во-вторых, я осмеливаюсь в противность твоим советам все-таки сочинять «Вакулу». Порядок такой: встаю в 6½, пью пять стаканов воды, начиная с 7 часов; в 9 чай, от чая до 12 часов чтение и игра на фортепиано (преимущественно Шумана), в 12 часов завтрак. От 12 до 3 занятия, т. е. сочинение «Вакулы», от 3-х до 5-ти первая партия в безиг (к которому я очень пристрастился), потом купанье и обед; после обеда одиночная прогулка, продолжающаяся около двух часов, затем сиденье на крылечке, в 9 часов чай и после того немедленно вторая партия в безиг, а в 11 или 11½ отхождение ко сну. Порядок этот без всяких

существенных изменений исполняется вот уже две недели. Мы живем с глазу на глаз; иногда приезжает доктор или один из братьев Николая Дмитриевича. Я чрезвычайно доволен этим образом жизни и жду от него в совокупности с водами большой пользы для своего здоровья. В последнее время гармоническое течение жизни и мирное прохождение оной несколько нарушено пребыванием здесь (к счастью, кратковременным) Савельева, младшего сына знаменитой Julie. Этот молодой человек с утра до вечера отрицает авторитеты, ниспровергает эстетику, пристает ко мне с рассуждениями о музыке, причем намекает, что ни в грош меня не ставит, ругает Бетховена и Шумана, словом, с необыкновенно фразистою самонадеянностью трактует обо всем и приводит меня в ярость. J'ai pris le parti de ne pas * разговаривать с ним. Как только заговорит, я ухожу или упорно молчу. Впрочем, уезжает завтра. Нередко с Николаем Дмитриевичем вспоминаем тебя; он велит передать тебе, что сердится и не будет писать, пока ты не напишешь. А ты и в самом деле напиши, как ты живешь, как Ваши отношения с Толей, думаешь ли приехать в Низы и т. д. Здесь со мной находится Алешка, и я очень рад, что его взял; премилое и преуслужливое создание. Напиши мне также, где Леля? Скажи ему, что на станции в Курске я познакомился с губернаторшей и почтил в ней рождшую того, кто ему мил. Толе я напишу позднее. Обоих Вас я прижимаю к своему братскому сердцу и остаюсь

П. Чайковский.

Непременно, милый Модя, напиши сюда.

186. И. П. Чайковскому

[Москва]
27 сентября 1874 г.

Милый и дорогой мой Папочка!

Я не отвечал на Ваше письмо немедленно потому, что Вы получили на него живой ответ в лице Модеста. Все лето я не имел от Вас никаких известий и очень беспокоился, а подчас и сердился, что Вы мне не писали, но теперь вижу, что не имел на то никакого права, ибо Вы мне послали письмо, которое до меня не дошло. Так как Модест рассказал Вам все про меня, то мне остается только сообщить Вам, что я, во-первых, совершенно здоров, а во-вторых, очень доволен своей новой квартирой, которую Модест осматривал вместе со мной. Он бы

* Я принял решение не

теперь не узнал ее, — до того она сделалась мила и прелестна. Все остальное идет по-старому, и я попрежнему очень занят. Вероятно, в ноябре мне нужно будет съездить в Петербург по делам; конечно, остановлюсь у Вас. Мне смерть хочется услышать от Вас подробности о Вашем житье-бытье заграницей. Модест пишет, что Лизавета Михайловна очень довольна путешествием, но я непременно хочу знать, была ли она в Париже. На-днях ожидаю Анатолия, о котором я недавно имел известие, что он прожил довольно долго в Киеве, а теперь находится в Минске. Радуюсь, что он успевает по службе. Дай-то бог, чтоб и Модька полез в гору. У Давыдовых все благополучно. Скажите Моде, что я очень благодарю его за письмо и весьма радуюсь, что он получил свое жалованье; я боялся, что ему его не выдадут. Сегодня уезжает отсюда Апухтин, который пробыл у меня два дня. Он сильно потолстел.

Целую Вас, мой голубчик, очень крепко. Если вздумается иногда черкнуть мне словечко, то доставите несказанное удовольствие. Модеста и Лизавету Михайловну целую.

Ваш сын П. Чайковский.

С каким наслаждением я бы перелетел сейчас хоть на часочек к Вам прямо к обеду (теперь третий час). Ужасно хочется покалякать с Вами и вашей дражайшей половиной.

187. М. И. Чайковскому

Москва,
29 октября [1874 г.]

Представь себе, Модя, что я до сих пор копчу над клавираусцугом новой оперы. Я свалил было эту обузу на Лангера и Размадзе; оба взялись и или ничего не сделали или сделали так плохо, что пришлось переделывать все сызнова[1]. Вот отчего я так занят, что никому не отвечаю. Очень тебе благодарен за оба твои письма[2]; они тем более мне доставили удовольствие, что ты их пишешь с изяществом Sevigné. Серьезно, в тебе есть литературная жилка, и я бы очень был рад, еслиб она забилась так сильно, что ты стал бы с о ч и н и т е л е м. Авось хоть либретто когда-нибудь порядочное будет, а то ищешь, ищешь — и ничего порядочного не добьешься. Поэт Берг предлагает мне написать оперу на сюжет из гусситов и таборитов. Я его спрашиваю, имеет ли он в голове какой-нибудь план; оказывается — никакого, ему только нравится, что они пели гимны. А дорого бы я дал теперь за хорошее либретто из иностранной истории! Я очень рад, что тебе, Мало-

земовой и вообще сочувствующим мне понравился мой Второй квартет. Я считаю его лучшим своим сочинением: ни одна из моих вещей не вылилась у меня так легко и просто. Я написал его почти в один присест и тем более удивился, что оно публике не по вкусу, что полагал этим способом написанные сочинения имеющими все шансы нравиться. Живу я хорошо, насколько возможно жить хорошо при страшном безденежье, которое угнетает меня с самого приезда в Москву. На конкурс рассчитывать нельзя, так как срок, оказывается, не 1-го января, а 1 августа будущего года[3]. Нового писать пока еще ничего не собираюсь. Хотел было приняться за фортепианный концерт, да что-то не выходит.

Здесь находится Шиловский; на-днях он едет заграницу и проживет несколько времени в Петербурге. Дай бог, чтоб тебе он не действовал на нервы так, как мне. Когда я его вижу, на меня как будто пудовую гирю повесят. Нет сил переносить его безалаберность и капризность. Зато Николай Львович, которому он дал сто рублей сер., в восторге от него. С Голицыным они теперь en froid, впрочем, на этот раз по вине Голицына. Очень много сижу дома и, к сожалению, ничего не читаю; или занимаюсь или играю. Я изучил основательно «Бориса Годунова» и «Демона». Мусоргскую музыку я от всей души посылаю к чорту; это самая пошлая и подлая пародия на музыку; в «Демоне» есть прелестные вещи, но много и балласту.

У нас здесь по воскресеньям играет русский квартет, исполнивший между прочим мой D-dur'ный квартет. Ступай послушать Краус, — хорошая певица. Кланяйся от меня Малоземовой и скажи, что я напишу ей. У Папаши целую ручку и крепко его обнимаю. Лизавету Михайловну тоже. Скажи Папочке, что я напишу Бесселю насчет «Опричника».

Целую.

П. Чайковский.

Пиши, ради бога, чаще. Ты меня очень радуешь письмами.

188. А. И. Чайковскому

Москва,
21 ноября 1874 г.

Толя! Ваше общее молчание меня начинает беспокоить; я начинаю думать, что случилось что-нибудь нехорошее и что кто-нибудь из вас болен. Особенно меня удивляет Модест. Мне известно, что на-днях играли мою «Бурю»; отчего он

мне не доносит об исполнении этого сочинения[1]? После квартета он написал мне два премилых письма; тогда и Малоземова мне написала, а теперь никто, кроме Стасова, писавшего мне после первой репетиции[2]. Странно!

Ты мне велел написать, когда я поеду в Киев. Исполняю это приказание. Я получил на-днях письмо от Сетова, уведомившего меня, что «Опричник» должен был итти 19-го числа. Я просил Сетова назначить одно из предотавлений (если опера не провалится) 1-го декабря, в воскресенье. Жду от него извещения. Если он ответит утвердительно, то я еду в пятницу (29 ноября) с вечерним поездом и возвращусь в среду[3]. Итак, если можешь ехать, приезжай в четверг. Впрочем, прошу тебя не жертвовать службой ради удовольствия прокатиться.

Я теперь весь погружен в сочинение фортепианного концерта. Хочу непременно, чтоб Рубинштейн в своем концерте сыграл его; дело идет очень туго и плохо дается[4]. Я по принципу насилую себя и принуждаю свою голову измышлять фортепианные пассажи; в результате — порядочно расстроенные нервы, и вот именно поэтому мне и хочется съездить в Киев, хотя этот город, утративши Толю, утратил для меня и девять десятых своей прелести[5]. К тому же я ненавижу «Опричник» всеми силами души. Ну, словом, хочу прокатиться, и, разумеется, было бы очень приятно прокатиться с тобой.

Мне очень любопытно знать, как ты проводишь время, поселился ли с Лопухиным, часто ли бываешь у Папаши, видишься ли с кузинами Анной и Лидиями, кутишь ли [...] и т. д. Вообще у тебя материал для письма найдется, тогда как моя убийственно бесцветная жизнь, или лучше сказать — прозябание, лишено всякого фактического интереса. Не рассказывать же тебе, какие кушанья слопал вчера Николай Львович у Боде, а также подробности вечера, проведенного им у Оконешникова, или об истерике Кадминой и остротах Губерта. Завтра идет у нас в концерте моя увертюра к «Вакуле», названная в афише увертюрой к неоконченной опере[6]. Отвечай мне поскорее.

Целую тебя крепко.

П. Чайковский.

Я видел сегодня необыкновенно страшный сон об Апухтине. Что он?

189. М. И. Чайковскому

Москва,
26 ноября 1874 г.

Милый Модя!

Извини, что на твои милые, длинные письма отвечаю так коротко и неаккуратно. На прошлой неделе, как-раз накануне получения твоего письма, я очень был обеспокоен мыслью, что ты ничего мне не пишешь, несмотря на то, что после «Б у р и» я ждал от тебя уведомления, — и вот в этом беспокойстве написал к Анатолию, прося уведомить, не болен ли кто из Вас. Вот уж неделя, что жду ответа,— и напрасно. Снова начинаю беспокоиться. В твоем письме я недоволен твоими предположениями о годичном пребывании за штатом. Не понимаю, чего тут радоваться! Нужно себе составить непременно положение по службе и во что бы то ни стало добиваться войти в штат. Мечты об актерстве глупость. Другое дело литературный труд, но он не должен мешать службе, потому что только последняя, как бы ни была скромна, может дать тебе положение.

Я всей душой погряз в сочинение фортепианного концерта; дело подвигается, но очень плохо. Кстати о моих сочинениях. Я очень огорчен холодным приемом, который был оказан «Б у р е» не только публикой, но и моими друзьями. Ты ни слова не пишешь о том, как тебе эта вещь понравилась. Малоземова тоже ни гу-гу! Статья Ларош меня просто разозлила. С какою любовью он говорит, что я подражаю и Литольфу, и Шуману, и Глинке, и Берлиозу, и еще кому-то. Точно будто я только и умею, что компилировать, где попало. Я не обижаюсь, что «Б у р я» ему не особенно нравится; я этого ожидал и рад, что хотя подробности он хвалит. Но мне неприятна общая моя характеристика, из которой явствует, что у меня есть захваты от всех существующих композиторов, а своего [...]. Зато я с наслаждением прочел его обращение к Р о с т и с л а в у. Остроумно и элегантно, без Кюивского неприличия и взбеленности [1].

Поздравляю тебя с вступлением в число пишущей и печатающейся братии. Кстати, не хочешь ли написать корреспонденцию о музыкальных делах Петербурга, об обеих операх и концертах и квартетах Музыкального общества? Я поместил бы ее в «Р у с с к [и х] В е д [о м о с т я х]», а ты получил бы построчную плату из редакции. Напиши-ка; вообще не пренебрегай своей ж и л к о й.

В Екатеринин день я обедал у Переслени. При мне было получено письмо от Левы. Не могу тебе передать словами, до чего я беспокоюсь о Сашиной болезни. У меня явилось подо-

зрение, что уж не р а к ли это? Ради бога, напиши мне, какие знаешь подробности и что думает об ее болезни Лизавета Михайловна, которая с ней провела все лето. Если получу от С е т о в а телеграмму, то, быть может, съезжу в Киев на «О п р и ч н и к а».

П. Чайковский.

* 190. М. И. Чайковскому

1874 г. декабря середина. Москва.

Я неостановочно работаю над концертом, который я непременно должен окончить на этой неделе. Поэтому пишу тебе только несколько слов, милый Модя. О ч е н ь, о ч е н ь, о ч е н ь радуюсь твоему вступлению в «Г о л о с»: читал первую статейку и хвалю. Статья для Москвы отлична, и на этой неделе я тебе пришлю ее напечатанною; она должна выйти в четверг или пятницу. Я поместил бы ее сейчас же, но завтра должен выйти мой собственный фельетон, а два дни сряду о музыке нельзя. Гонорар тебе пришлют в Петербург прямо из р е д а к ц и и. Покамест я сказал, чтоб тебе послали по 4 копейки за строчку. Я подпишу твой фельетон буквой **М** [1].

Целую тебя.

191. М. И. Чайковскому

1874 г. декабря конец. Москва.

Модя!

Посылаю тебе следуемый за твою статью гонорарий. Извини, что не пишу подробного письма. Подожди малость, дай собраться с силами и улучить свободную минутку. В Питер я не поеду, — некогда!

Целую тебя.

П. Чайковский.

Расцелуй от меня Папашу и Лизавету Михайловну, а также Толю. Всех Вас поздравляю с праздником и новым годом.

1875

192. М. И. Чайковскому

[Москва]
6 января 1875 г

Милый Модя!

Никоим образом не могу удовлетворить твою просьбу насчет «Демона». Я его почти не знаю, а то, что знаю, мне совсем не нравится. Советую тебе обратиться к Малоземовой; она, конечно, настроена, ради личной приязни, слишком благоприятно в пользу «Демона», но ведь согласись, что Антона Рубинштейна следует хвалить во что бы то ни стало из принципа. Всего лучше, если ты напишешь коротенькую статейку, в которой изложишь содержание оперы и назовешь наиболее выдающиеся места[1]. Вдаваться в технические подробности тебе неловко, так как, вероятно, все уже знают, что пишешь ты. Скажут: вот суется критиковать дело, которого хорошо не знает; воображает, дескать, что так как у него брат музыкант, так ему можно рассуждать о музыке, и т. п. Твоей статьей о киевской опере я очень доволен. Ты жалуешься, что тебе трудно писать и что каждую фразу приходится высиживать. Но неужели ты думаешь, что без труда и усилия что-нибудь дается? Я иногда по два часа сижу, грызя перо и не зная, с чего начать фельетон; думаю, что никуда не годно выйдет, — ан, смотришь, другие хвалят и даже находят легкую работу и следы непринужденности в процессе писания. Вспомни, как я когда-то с трудом высиживал задачи для Зарембы! Вспомни, до чего я расстроил себе нервы в 66-м году на даче Мятлева оттого, что коптел над симфонией, которая не давалась, да и только[2]. Даже и теперь иные вещи требуют кусания ногтей, выкуривания громадного количества папирос, прохаживания себя по комнате, прежде чем дойдешь до

изобретения основного мотива. Иногда, напротив, пишется ужасно легко; мысли так и копошатся и гонят одна другую. Все зависит от известной настроенности и расположения духа. Но даже и когда их нет, нужно уметь заставить себя работать. Иначе никогда ничего не выйдет.

Ты пишешь, что находишься в дурном расположении духа. Поверь, что оно нисколько не лучше моего. Это все проклятые нервы. То, что ты мне пишешь о Ларошах, меня ужасно затронуло за живое место. Я живо почувствовал, что́ они должны были испытать, расставаясь с детьми [3]. Да и девочку ужасно жаль. Напиши мне адрес Ларош а, я хочу ему написать. Поцелуй у Папаши ручку за его прелестное письмо, расцелуй милого нашего старичка во все места и скажи ему, что я его страсть как люблю. С Толей я больше не знаком. Насчет Суханова могу тебя удостоверить, что это человек очень хороший, но я по опыту знаю, как тяжело ездить в зависимости от кого бы то ни было. Не смею ни советовать, ни отсоветовать [4].

Твой П. Чайковский.

193. А. И. Чайковскому

[Москва]
9 января 1875 г.

Может быть, я и напутал, но мне кажется, что ты мне не отвечал на письмо, в котором я просил тебя уведомить о твоих служебных обстоятельствах. Я тоже все эти дни часто думал о тебе. Терпеть не могу праздники. В будни работаешь в указанное время, и все идет гладко, как машина; в праздники перо валится из рук, хочется побыть с близкими людьми, отвести с ними душу, и тут-то является сознание (хотя и преувеличенное) сиротства и одиночества. Но в самом деле я в Москве живу, собственно говоря, немножко сиротой. На праздниках на меня даже по этому случаю сильная хандра напала. У Давыдовых скучно, с консерваторскими приятелями и их женами я-таки не особенно близок. Словом, очень мне хотелось в Питер, да денег мало было. Кроме того, что никого здесь нет, кого бы я мог в настоящем смысле слова назвать другом (хотя бы таким, как был для меня Ларош или как теперь Кондратьев), но я еще находился под сильным впечатлением удара, нанесенного моему авторскому самолюбию и не кем иным, как Рубинштейном. Он под пьяную руку любит говорить, что питает ко мне нежную страсть, но в трезвом состоянии умеет раздражить меня до слез и бессонницы. При личном свидании я расскажу тебе, как было дело. Да и Губерт

твой тоже обозлил меня по тому же поводу. Эти господа никак не могут отвыкнуть смотреть на меня, как на начинающего, нуждающегося в их советах, строгих замечаниях и решительных приговорах. Дело идет о фортепианном концерте, который я целые два месяца писал с большим трудом и стараниями; но это несчастное произведение не удостоилось чести понравиться гг. Рубинштейну и Губерту, которые выразили свою неапробацию очень недружеским, обидным способом. Если принять в соображение, что они считаются моими друзьями и что во всей Москве нет никого, кто бы мог с любовью и вниманием отнестись к моему сочинению, то ты поймешь, что мне было очень тяжело[1]. Удивительное дело! Разные Кюи, Стасовы и С° хоть иногда и пакостят мне, но при случае дают чувствовать, что интересуются мной гораздо больше моих так называемых друзей. Кюи недавно написал мне очень милое письмо. Сегодня я получил письмо от Корсакова, которое меня очень тронуло[2]. Я очень, очень одинок здесь и, если б не постоянная работа, я бы просто ударился в меланхолию. Да и то правда, что [...] образует между мной и большинством людей непроходимую бездну. Она сообщает моему характеру отчужденность, страх людей, робость, неумеренную застенчивость, недоверчивость, словом, тысячу свойств, от которых я все больше и больше становлюсь нелюдимом. Представь, что я теперь часто и подолгу останавливаюсь на мысли о монастыре или чем-нибудь подобном. Пожалуйста, не вообрази, что я чувствую себя и физически скверно. Здоров совершенно, сплю хорошо, ем еще лучше,— а так рассиментальничался по поводу твоего письма. Отчего ты думаешь, что я усомнюсь в достоинстве У т и н а?! Я его не знаю, но уже потому, что ты с ним близок, он мне нравится.

Крепко тебя целую.

П. Чайковский.

Бедный В е л и н с к и й! Ты слышал, что он умер?

194. М. И. Чайковскому

1875 г. января середина. Москва.

Модя! Беги сейчас к Краевскому и попроси его напечатать в «Голосе» отрывок из моего фельетона в том виде, как там показано. Я обещал это устроить киевским артистам, которые очень обижены, что о них в Питере ничего не печатается. Пожалуйста, сделай это сейчас же, чтобы заметка появилась до праздников.

Целую тебя. П. Чайковский.

Вчера видел Аладьину, которая от тебя в восторге.

195. М. И. Чайковскому

1875 г. января конец. Москва.

Модичка!

Я послал в «Голос» статью. Беги сейчас в редакцию и проси, чтоб напечатали как можно скорее. Поручаю тебе корректуру, которую нужно сделать очень тщательно.

П. Чайковский.

Целую Папашу, Лизавету Михайловну, тебя и Толю.
Алеша тебе очень кланяется.

196. М. И. Чайковскому

Москва,
3 февраля [1875 г.]

Модя! Я нахожу совершенно неудобным, чтоб статья, написанная мною с такой любовью и охотой, статья, в которую я влил столько неподдельного юмора, остроумия, ума, эрудиции и т. п. прелестей, появилась без моей подписи. Нет, без шуток, она утратит весь свой смысл, если не будет подписана мною. Я отвечал Бильбасову отрицательно на его предложение отдать статью в горнило твоего вдохновения. Затем убедительно прошу тебя немедленно прислать мне статью, ибо я, хоть это и жаль, отдам ее в «Русские Ведомости». Из петербургских газет я бы согласился напечатать ее в «Петербургских Ведомостях», но неловко, потому что я затронул Кюи. Объясни, ради бога, почему, если Краевский боится возражений Макарова на мою статью, он нисколько не стесняется напечатать ее в твоей переработке? Ведь и тебе тоже Макаров будет возражать. Я думаю совсем другое. Макаров — хороший знакомый Краевского, или же твое уверение, что эти господа в восторге от моей статьи, — ложь, а напротив, они находят ее неприличной, дурно написанной и т. д. А жаль, потому что статистика в конце фельетона очень интересна.

Писать мне решительно нечего. Я здоров. Видел ли ты Лепина? Он совсем с ума сошел.

Целую. П. Чайковский.

197. М. И. Чайковскому

Москва,
13 февраля 1875 г.

Модя! Ты прав, что литераторы сволочь! — но чтож из этого? Ведь и музыканты тоже часто бывают сволочью; неужели же от этого я должен возненавидеть музыку? Я совсем не желаю, чтобы ты специально предался музыкальной критике; на твое сотрудничество в «Голосе» я смотрю только

как на окошечко, которое ты прорубаешь себе в российскую словесность. Настоящая твоя сфера: беллетристика. У тебя, может быть, и нет первоклассного таланта, но есть положительная способность, есть вкус и то понимание, которое так ценит в тебе Ларош. Понимание великая вещь; его бывают лишены иногда люди очень умные. Благодаря этому пониманию ты никогда не напишешь ничего пошлого и ничего фальшивого. Это достоинство хоть и отрицательное, но существенное в литераторе. Итак, пожалуйста, не унывай и продолжай свое сотрудничество в «Голосе». Я очень зол на эту газету, и мне очень забавно, что после ничем не мотивированного отказа в напечатании статьи они еще смеют обижаться на тон моей ответной телеграммы. Я не понимаю одной твоей фразы. Ты пишешь, что для моего достоинства лучше не печатать этой статьи, т. е. вообще или теперь, после носа, полученного от «Голоса»? Напиши мне об этом.

Твое поручение насчет Мамонтовой я принял очень близко к сердцу, но ехать к ней мне решительно нельзя, во-первых, потому, что я, несмотря на многократные приглашения, у них ни разу не был; во-вторых, потому, что она беременна и я боялся испугать ее; в-третьих, потому, что муж ее в отсутствии и, будучи очень ревнив, был бы недоволен, что я посетил его супругу без него; в-четвертых, потому, что он вообще порядочная сволочь и очень подозрителен насчет людей, приезжающих к нему не для свиданья, а для денег, по какой бы это ни было причине. Я поручил все это дело устроить С. И. Юргенсон, которая находится с обоими в очень интимных отношениях. Впрочем М-me Мамонтова и не подозревает, что ее сестра так серьезно больна; она говорила на-днях Юргенсону, что Настасье Петровне легче.

Извини, что мало пишу. Страшно устал. Кончил свой фортепианный концерт[1] и уже написал скрипичную пьесу, обещанную Ауэру[2]. Оставляю место для Алеши, который очень тронут твоим воспоминанием. Целую тебя, Папашу и Елизавету Михайловну.

П. Чайковский.

Третьего дня скончался Павел Иванович Грузинский.

198. А. И. Чайковскому

Москва,
9 марта 1875 г.

Толя! Merci за твое письмецо. То, что ты мне пишешь насчет любви ко мне, мне известно; так как и я люблю тебя нисколько не меньше, то в грустные минуты более чем кого-либо хотелось бы иметь тебя около себя. К сожалению, на-

смешница-судьба вот уже десять лет сряду устраивает так, что те, кого я люблю более всего на свете, далеко от меня. Я действительно чрезвычайно о д и н о к в Москве, не потому, что не с кем время проводить, а потому, что нет кругом меня никого в самом деле б л и з к о г о[1]. Если ты наблюдателен, то мог заметить, что дружба моя с Рубинштейном и другими консерваторскими товарищами основана единственно на том факте, что мы все служим в одном месте. Я имею весьма веские доказательства того, что никто из них не питает ко мне тех чувств нежной дружбы, в которых я весьма нуждаюсь. Словом, мне здесь не с кем душу отвести. Отчасти это происходит, быть может, по моей вине: я не очень-то податлив на сближения. Как бы то ни было, а во время ипохондрических припадков этот недостаток в б л и з к и х по душе людях весьма тягостен.

Всю эту зиму в большей или меньшей степени я постоянно хандрил и иногда — до последней степени отвращения к жизни, до призывания смерти. Теперь, с приближением весны, эти припадки меланхолии совершенно прекратились, но так как я з н а ю, что с каждым годом или, лучше сказать, с каждой зимой они будут возвращаться в сильнейшей степени, то я решил весь будущий год отсутствовать из Москвы. Где я буду и куда денусь, еще не знаю, но я д о л ж е н переменить место и окружающую среду. Я поговорю с тобой об этом при свидании; я попрошу тебя приехать сюда на страстную и пасхальную недели, а также и Модеста; это тем более следует сделать, что на святой здесь пойдет «О п р и ч н и к», и, хоть для курьезу, стоит посмотреть.

Здесь несколько дней пробыл Лева. Я с ним строил планы сожительства в Женеве на будущую зиму. Очень может быть, что это так и случится, хотя весь вопрос в д е н ь г а х, а вопрос этот еще в тумане.

Целую тебя в глазки, щечки и губки и еще раз благодарю за письмецо, которое подействовало на меня весьма сладко и умягчительно.

Ты, вероятно, уже знаешь из газет о смерти бедного Л а у б а[2]?

Послезавтра у нас идет «М а р т а» для великого князя[3].

Представь, что я теперь высидел уже несколько заседаний в качестве присяжного в Судебной палате.

Твой П. Чайковский.

Итак, жду тебя на страстной. О плане улепетнуть из Москвы — никому ни слова (кроме своих, т. е. Модеста, Папаши и Лизаветы Михайловны).

199. М. И. Чайковскому

Москва,
12 марта 1875 г.

Я вижу, что Кондратьев очень преувеличенно передал в письме к Мещерскому о моей ипохондрии. Она действительно порядочно меня терзала в течение этой зимы, но нисколько не повлияла на мое здоровье, которое находится в вожделенном состоянии. Теперь, с приближением весны, это прошло. Вероятно, мне пришлось писать Кондратьеву в одном из сильных ипохондрических припадков и очень может быть, что теперь, прочитав мое письмо, я бы раскаялся в преувеличенном описании дурного состояния моего духа. Ты как будто упрекаешь меня, что я делюсь конфиденциями с Кондратьевым, а не с тобой. Это именно происходит оттого, что хоть я его и люблю, но уж, конечно, в десять раз меньше, чем тебя или Анатолия, а с другой стороны, я очень хорошо понимаю, что и он меня любит по-своему, т. е. настолько, насколько я не нарушаю его благосостояния, которое для него превыше всего на свете. Если б я написал тебе или Толе то, что написал Кондратьеву, то вы оба приняли бы мои сетованья слишком близко к сердцу, а Николай Дмитриевич хоть и огорчился, но уж, конечно, нисколько не расстроился. То, что ты мне пишешь насчет антипатии, которую я к тебе питаю, я принимаю за шутку. Из чего ты мог вывести подобное заключенье? Меня бесит в тебе, что ты не свободен ни от одного из моих недостатков — это правда. Я бы желал найти в тебе отсутствие хотя бы одной дурной черты моей индивидуальности,— и никак не могу. Ты слишком на меня похож, и когда я злюсь на тебя, то в сущности злюсь на себя, ибо ты вечно играешь роль зеркала, в котором я вижу отражение всех моих слабостей. Ты можешь таким образом вывести заключенье, что если я питаю антипатию к тебе, то, следовательно, таковую же питаю и к себе. Ergo, ты дурак, в чем никто и никогда не сомневался.

Анатолий написал мне письмо, содержание коего весьма сходно с твоим. Оба эти письма имели на мою больную душу (квартирующую в здоровом теле) действие целительного бальзама. Но как в самом деле не проклинать судьбу, которая так старательно устраивает, чтобы я с вами жил врозь! Я строю планы на будущую зиму, планы весьма смелые, настолько смелые, что, боюсь, не хватит храбрости привести их в исполнение. Хочу целую зиму пропадать из Москвы и жить на воле. Что скажешь на это? Я скажу, что нужны деньги. Я без особенного труда мог бы эксплоатировать Шиловского, но ведь это значит отягощать себя чувством благодарности, ставить себя

к нему в обязательные отношения. Надеяться на премию за конкурс имею основание, но все это неверно и непрочно [1]. Словом, прежде чем принять решительные меры, я должен решить вопрос с денежной стороны.

Вчера в Малом театре при вел. князе шла «Марта», исполненная учениками и учениц Консерватории. Я редко испытывал такое удовольствие от превосходного исполнения; такого ансамбля трудно найти на первоклассных сценах. Что ты пишешь мне о «Голосе», возмутительно. Анатоль тебе передаст, что я жду его и тебя на страстной неделе. На святой здесь пойдет «Опричник».

Целую тебя.

П. Чайковский.

Смерть Лауба меня ужасно сокрушает!

Поцелуй покрепче Папочку и Лизавету Михайловну.

200. М. И. Чайковскому

1875 г. марта конец. Москва [1].

Модя! Повидайся пожалуйста с нашей тетушкой M-me Ассиер и попроси ее прислать мне официальное письмо с поручением брать в отпуск ее сына. Я был у него и виделся с ним. Крошечный мальчишка с большими удивленными глазами, повидимому мало развит, но очень симпатичен. Для формальности нужно разрешение родителей, чтобы я мог брать его в отпуск. Я бы желал, чтобы ты приехал на страстную неделю вместе с Анатолием; в Харьков не поедем.

Папочку и Лизавету Михайловну целую.

[*Подписи нет.*]

201. А. И. Чайковскому

Москва,
12 мая 1875 г.

Милый Толя! Благодарю тебя за пачпорт; он мне нужен, ибо, быть может, я хоть ненадолго, а продеру заграницу. Это, впрочем, зависит от денег, в которых, как и всегда, я нуждаюсь. Этакая у меня ненасытная утроба: чем больше получаю, тем больше мне их недостает.

После твоего отъезда я пребываю в вожделенном здравии и достаточном благополучии. Присутствовал на многих репетициях «Опричника» и с стоическим мужеством переносил систематическое обезображение этой злосчастной оперы, и без того уже безобразной. Однакож представление «Опричника», состоявшееся в прошлое воскресенье, не соответство-

вало моим ожиданиям в том смысле, что я ожидал еще гораздо худшего. Все очень старались. Мне показалось, что публика относилась к опере весьма холодно, что не мешало, разумеется, моим доброжелателям орать, хлопать и подносить венки, из коих один, как я узнал потом, был преподнесен мне Дервизом[1]. Все мои помыслы обращены теперь на мое любезное детище, на милого «Вакулу». Ты не можешь себе представить, до чего я люблю его! Мне кажется, что я положительно с ума сойду, если потерплю с ним неудачу. Мне нужна не премия, на которую я плевать хочу, хотя деньги тоже вещь хорошая. Мне нужно, чтоб «Вакулу» поставили в театре. Копия с партитуры готова; теперь я очень занят ее просмотром и затем отправляю ее в Петербург. Я еще решительно не знаю, в каком порядке устрою мои летние перегринации; но во всяком случае первую половину августа проведу у Саши, чтобы побыть с тобой.

Насчет твоей служебной деятельности скажу тебе, что, несмотря на самое сильное желание иметь тебя в Москве, я нахожу, что твои интересы требуют службы в Петербурге. Поближе быть к солнцу, из которого обильно изливается на чиновников всякая благодать, т. е. повышения, места, ордена, чины, единовременные выдачи и т. д., весьма не мешает. Впрочем, повторяю, твое переселение в Москву для меня не только желательно, но восхитительно приятно.

Затем прощай, голубчик. Целую тебя и обнимаю и с восторгом помышляю о пребывании вместе с тобой у Саши в деревне.

Твой брат П. Чайковский.

Я тебе потом напишу определительно, куда выезжаю и в какое время где буду.

202. А. И. Давыдовой

[Москва]
2 июня 1875 г.

Голубушка моя Саня!

Не удивляйся, что я до сих пор не еду к Вам в Вербовку. Я приеду в начале июля, и вот почему пришлось отложить посещение твоих владений до следующего месяца: во-первых, я решил, что неудобно, если сразу к тебе наедет много гостей; во-вторых, у меня есть одна спешная и скучная работа, для которой мне нужно, чтоб в моем распоряжении был инструмент. Как окончу эту работу, так сейчас поеду на юг, на несколько дней заеду к Кондратьеву, а потом в Вербовку!

Пишу это письмо потому, что очень боюсь, чтобы ты не рассердилась на меня. Думаю, что Папаша с Лизаветой Михайловной теперь уже у тебя. Расцелуй их за меня, а также и все твое семейство.

Целую твои ручки.

П. Чайковский.

203. М. И. Чайковскому

[Москва]
29 июня 1875 г.

Милый Модя!

Извини, что наскоро только отвечаю на твое письмо. Я случайно на два дня попал в Москву и не нашел времени поговорить с тобой подробно. Насчет займа у Володи для Ларошей я с тобой поговорю при свиданье; теперь скажу только, что с твоей стороны это большая наивность. Не говоря уже о тугости Володи в отношении выдачи денег, я нахожу, что на сей раз он бы имел достаточные основания отказывать, ибо какое ему, в самом деле, дело до найма дачи детям Лароша! Еслиб я имел возможность это сделать, так это другое дело. Словом, я даже Шиловскому не говорил о твоем письме. Сейчас я еду к Кондратьеву дней на десять, а потом к Саше. Очень, очень хотелось бы с тобой повидаться там или тут. Посылаю тебе на всякий случай 50 р. сер. Трать их, как хочешь,— на дорогу или на что угодно, и напиши, как вообще поживаешь. Толе скажи, что я рассчитываю видеться с ним в Вербовке.

Твой П. Чайковский.

Я получил от Лароша необыкновенно милое письмо [1].

204. Л. В. Давыдову

Усово, Тамб. губ.
30 августа 1875 г.

Представь себе, милый Левушка, что я ехал сюда почти шесть суток. Вот как мило устроены у нас поезда железных дорог! В Орле я сидел 20 часов, 9 часов в Грязях, 3 в Козлове, 3 в Тамбове! Боже мой, как я злился, тосковал и вдобавок мучился укорами совести. Из прилагаемого при сем письма к Сане ты увидишь, отчего происходили эти муки совести. Я считаю, что поступил очень эгоистично и скверно относительно ее и тебя, не поехавши проводить ее. В благодарность за все наслаждение, которое я испытал, живя у Вас в Вербовке [1], я удрал, чтоб отделаться от хлопот и забот, которые мне предстояли, еслиб я поехал в Женеву. Каюсь и прошу прощенья.

У меня к тебе следующие просьбы:

1) Немедленно и вкратце написать, как доехала Саша до Женевы.

2) Огромными буквами и отдельно от письма написать ее адрес, который я все забываю.

3) Как можно скорее выслать мне все фотографические вербовские снимки.

4) Письмо к Саше отправить к ней тотчас же.

Здесь стоит погода скверная, и холод совсем ноябрьский. Целый день хожу за грибами, которых здесь уродилось множество. Вчера при мне в саду камердинер Шиловского убил два вальдшнепа.

Крепко тебя обнимаю и благодарю за наслаждения, испытанные мной в Вербовке.

Твой П. Чайковский.

205. М. И. Чайковскому

Москва,
14 сентября [1875 г.]

Представь себе, Модя, что я окончательно потерял способность вести с кем бы то ни было корреспонденцию. Колебался и боролся часа два, прежде нежели решился засесть, чтоб написать по письму тебе и Кондратьеву. Такая лень, что сил нет. Впрочем, и то возьми: сижу в Консерватории, пишу усердно балет [1], веду музыкальную хронику [2]; надеюсь, что занятий достаточно. Я устроился по-старому; разница только та, что живу этажом выше и роскоши поприбавилось. Тот же Мих. Ив. Софронов, тот же Алекс. Ив. Софронов, та же Бишка. Последняя пропадала четыре дни; я публиковал в газетах и сегодня какая-то дама, отказавшаяся от п р и л и ч н о г о в о з н а г р а ж д е н и я, привела мне ее. Тот же Николай Львович периодически является с запасом сплетен о Булатове, Бенедиктове и tutti quanti! Тот же Шиловский с теми же сумасшествиями, сценами, скандалами и т. п. Накануне своего отъезда, дней пять тому назад, он пьяный ворвался в 4 часа ночи к Булатову и нанес последнему целый ряд оскорблений. Само собой разумеется, что Николай Львович был посредником, и, боже мой, сколько по этому поводу было рассуждений, взвешиваний каждого слова, глубокомысленных прений!

Началась итальянская опера. На-днях должен итти «О п р и ч н и к» в русской, и с тем же самым позорным исполнением. Часто вижусь с Танеевым. Еслиб ты знал, как он великолепно играет мой концерт [3]! Благодарю тебя за известие о «Вакуле» [4]. Я получаю с разных сторон подобные же изве-

ствия, но тем не менее ужасно беспокоюсь насчет судьбы этой оперы. Зато если получу премию, мы с тобой съездим на Рождество за границу к Саше. Напиши мне, как ты об этом думаешь, а также дадут ли тебе отпуск.

Засим, будучи утомлен до последней крайности, прекращаю сию цидульку, прося прощенья, что не дописал четырех установленных страниц.

Алексей Иванович Софронов, который теперь стоит сзади меня и чешет мне голову, просит очень тебе кланяться. Он такой же милый, как и был, только немножко вырос!

Целую тебя.

П. Чайковский.

Скворцов просит тебя писать музыкальные корреспонденции из Питера в «Русские Ведомости».

Папашеньку и Лизавету Михайловну обнимаю.

206. А. И. Чайковскому

Москва.
11 декабря 1875 г.

Милый Толя!

Мне перед тобой очень совестно. Я не только не пишу тебе, но и не исполняю своих обещаний. Обещал я тебе ковер купить — и не купил! Обещал портрет — и не послал. Впрочем, в очень скором времени этот портрет ты получишь. Что касается ковра, то, представь, я имел твердое намерение сделать это 1-го декабря,— но не тут-то было! Деньги разлетелись, как дым. Теперь же, ввиду путешествия, я до того стал жаден, что вытянуть из себя на постороннюю цель деньги мне так же трудно, как отрезать палец.

Милый Толичка! Все это время я просто погибал от наплыва разных работ. В том числе с неимоверным рвением я полемизировал в газетах по поводу Славянского. Здесь есть газета «Современные Известия», которая целые передовые статьи посвящает обруганию твоего милого братца, который, как ты справедливо замечаешь, позабыл бессовестно Толиньку и ему не пишет! [1]

Но что же делать? Если б ты только знал, до чего после писания статей, инструментовки балета, консерваторских классов и т. д. и т. д. мне трудно найти время, чтобы как следует побеседовать с тобой. Но чем меньше я тебе пишу, тем больше я тебя люблю, мой милый и самый лучший из всех товарищей прокуроров!

Ты уже знаешь, вероятно, что вследствие невыносимого холода я должен был переехать. Я живу теперь близ Воз-

движенки в доме Шлезингера в Крестовоздвиженском переулке. Плачу пятьсот рублей (по четвертям года) и обладаю очень уютными тремя комнатами с передней, кухней, ватерклозетом и проведенною водой.

Из выдающихся происшествий могу тебе сообщить, что я очень сошелся с Сен-Сансом, славным и умным французом, могущим оказать мне важные услуги * по части распространения моей известности в Париже[2]. 6-го декабря в Консерватории был праздник, т. е. представление «Фрейшюца», бал и ужин. На этом балу я плясал до такого безумия, что на другой день был болен. Вчера здесь дебютировала Арто, которая потолстела до безобразия и почти потеряла голос, но талант взял свое, и ее вызывали после четвертого акта более двадцати раз. На-днях я получил официальное уведомление о принятии моей оперы для постановки в будущем сезоне в Мариинском театре. Я очень рад.

В понедельник я ожидаю сюда Модеста. Взял ли он место у Конради? Это меня очень интересует.

Прощай, мой голубчик! Я вернусь из заграницы 15 января. Ах, как бы я был рад, если бы и ты с нами ехал!!

Твой П. Чайковский.

Портрет на-днях получишь.

207. А. И. Чайковскому

1875 г. декабря середина. Москва.

Толя! Ты получишь мой портрет по прилагаемой квитанции на Николаевской железной дороге. Очень боюсь, что он не в целости до тебя доедет, хотя уложен превосходно. Что ж ты не приехал на первой неделе и отчего не написал? Я тебя ожидал ежедневно.

Крепко целую и жду письма.

П. Чайковский.

208. А. И. Чайковскому

[Женева]
31 декабря 1875 г./12 января 1876 г.

Милый Толя!

Вчера я получил твое письмо. Оно мне доставило очень много удовольствия, ибо я вижу из него, что ты меня любишь. Хоть это для меня не ново, но в периоды упадка духа и хандры

---

* *В подлиннике:* заслуги

такие новые проявления сочувствия от людей, которых любишь больше всего на свете, весьма и весьма дороги. За мою меланхолию не беспокойся; она на меня нападает уж не в первый раз и пройдет так же, как проходила прежде. Уже теперь я почти совсем справился и чувствую себя очень хорошо. Как ты глуп, Толя! Как мог ты хоть единую секунду вообразить, что я от тебя буду прятаться в Петербурге? Не могу себе представить случая в жизни, когда бы мне не было приятно тебя видеть.

Мы с Модестом ехали на Смоленск и Варшаву[1]. Разумеется, опоздали в Берлин на полтора суток. Моде Берлин очень понравился, и мы остались там два дня. Он слышал там «Гугеноты», а кроме того мы вместе были на представлении «Вокруг света в 80 дней». Стояли в Hôtel St. Petersbourg.

Сюда приехали ровно через неделю после выезда из Москвы. Лева и девочки нас встретили. Было предположение нам жить поблизости в отеле, но Саша встала на дыбы, и хотя в тесноте, но поместились тут же. Время проводим очень приятно, но сидим безвыходно дома, за исключением двух-трех прогулок по городу. Я не очень-то люблю Женеву, но жить в уютном уголке, о котором ты пишешь, действительно приятно. Саша потолстела животом, но очень бодра и здорова. Дети так же милы, как и в Вербовке. Таня здесь утратила вид праздной барышни и поэтому производит впечатление очень приятное. Бебинька вырос; он жестоко тиранит меня и Модеста, и, разумеется, мы с блаженством исполняем его приказания.

Мне очень нравится семейство Норовых, особенно M-me Норова. Завтра, в Новый год, я даю обед в Hôtel National всем нашим и Норовым. В воскресенье мы уезжаем. Я хочу провести несколько дней в Париже инкогнито; поэтому пожалуйста, Толя, не сообщай об этом в музыкальных сферах. Дело в том, что мне хочется во все время поездки не иметь никакого дела с музыкой, и следовательно, я не пойду ни к Saint-Saëns, ни к Виардо и т. п. Следовательно, нужно, чтоб эти особы не знали о моем пребывании в Париже[2]. За сообщенное тобой известие благодарю; оно очень приятно. Вообще твое письмо доставило моей душе много сладостных ощущений. Я буду в Питере около 15-го числа.

Целую тебя как можно крепче.

П. Чайковский.

Пожалуйста, расцелуй Папочку и Лизавету Михайловну.

1876

209. М. И. Чайковскому

Берлин,
11/23 января 1876 г.
11 часов вечера.

Милый Модя! Если б ты знал, до чего я о тебе тоскую[1]! Вчера я весь вечер плакал, и сегодня при воспоминании о тебе у меня все время болит сердце и навертываются слезы. В этой скорби о человеке, который хоть и очень близок моему сердцу, но оставлен мною не среди дикой страны, а в самом центре цивилизации, есть нечто преувеличенное. Это все еще остатки нравственного недуга, которым я страдал в Москве и который рассеялся во время нашего путешествия вдвоем. Теперь, очутившись один, я погрузился опять в самые мрачные мысли. Кажется, если б были лишние деньги, бросился бы сейчас же в Париж, чтоб хоть еще денек пошляться вместе. Ехал я до Кельна в великолепном спальном вагоне, превосходящем по удобству и роскоши все, что можно себе представить. В Кельне пересел в обыкновенный вагон первого класса. Приехал сюда в 7¾, а в Hôtel добрался только в 8½. Представь мою злобу! Сегодня идет «Лоэнгрин» с Маллингер и Ниманом, но как было попасть туда, когда, умывшись и одевшись, я бы мог притти в театр только в десятом часу, а опера началась в 6½! С горя я бросился к Бильзе и застал какой-то квартет для четырех виолончелей, вариации для корнет-а-пистона и т. п. пакости. При том же огромная зала, уставленная столиками, за которыми сидят [...] берлинцы и курят вонючие сигары, — это мне вовсе не нравится. Вообще до чего Берлин кажется омерзителен, гадок, подл после Парижа. Я раскаиваюсь, что решился здесь остаться; как ни утомительна дорога, но это все-таки движение. Сидеть же одному в отеле, где мы еще так недавно были вместе веселые и полные приятных

ожиданий от Швейцарии и Парижа, — это невыносимо. Вероятно, спокойно выспавшись, я приду завтра в более сносное расположение духа, но теперь я могу воскликнуть, как Катерина в «Грозе»: «Ах, как мне скучно без тебя!» Завтра утром я буду тебе телеграфировать; вообще писание этого письма и телеграфное сношение с тобой утешает меня. Разлука с любимым человеком разве только тем хороша, что отлично дает случай измерить силу любви к нему.

После Бильзе я зашел поесть в какой-то препрязный кабачок, а теперь возвратился домой (мой номер на той же лестнице, где мы были вместе), спросил чаю и пишу тебе это письмо.

Милый Модя! Не скучай. Я советую тебе скорее ехать в Лион. Мне кажется, что только там разъяснятся все сомнения, которые теперь тебя могут тревожить. Я много думал о тебе ночью и сегодня. Я очень рад, что ты религиозен. Теоретически я с тобой ни в чем не согласен, но если б мои теории тебя пошатнули в твоей вере, я бы на тебя разозлился. Я столько же горячо готов с тобой спорить о вопросах веры, сколь горячо желаю, чтоб ты остался при своих религиозных верованиях. Религиозность в том виде, как она проявляется в тебе, свидетельствует о высокой пробе металла, из которого ты отчеканен. Жду от тебя письма в Москве. Старайся поменьше тратить денег; в случае нужды обращайся прямо ко мне. Ты знаешь, что я всегда могу тебя выручить из затруднительного положения. Вообще имей в виду, что я тебя очень, очень, очень люблю!

Крепко обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

Я потерял в вагоне теплую шапку.

210. М. И. Чайковскому

С.-Петербург,
20 января 1876 г.
Понедельник.

Милый Модя! Я приехал в Питер на прошлой неделе в среду и до сих пор сижу на Канонерской. Это произошло оттого, что на текущей неделе будет исполняться моя симфония и я считаю необходимым присутствовать на репетициях; а так как ехать в Москву и снова возвращаться не стоило, то я и решился побыть здесь. В день моего отъезда из Берлина я прочел на

столбах, что у Бильзе будет играться Andante из моего квартета, и отправился; но, как и следовало ожидать, Бильзе захворал, и вся программа была отменена.

В Питере только, очутившись среди своих, я перестал меланхольничать, а то, расставшись с тобою, я ужасно тосковал. Если хочешь знать, как я провожу время, то вот тебе краткий отчет: 1) В среду вечером приезд, баня, чай и ужин с Пап[ашей] и Лизаветой Михайловной; ночью свидание с Толей, который поздно возвратился с балу. 2) Четверг: разные деловые посещения, обед и чай у Мещерского. 3) Пятница: деловые посещения, обед у Дюссо с Толей и Ларошем, опера («Гугеноты»), баня (с Кондратьевым), чай у Кондратьева с Шахом. 4) Суббота: деловые посещения, в том числе у Направника, колебания — оставаться или ехать, обед у Азанчевского, цирк с Кондратьевым и Мещерским, вечер у Апухтина. 5) Воскресенье: разные визиты утром, шляние по Невскому с Ларошем, обед дома, посещение Пороховщиковых, опера («Тангейзер»), ужин в трактире. 6) Понедельник: разные визиты, обед у Адамова, опера («Рогнеда»), чай дома. Сегодня предстоит утром репетиция «Анджело», обед у Мещерского, вечером в квартете (мой Второй квартет) и вечер у М-me Давыдовой. Словом, ты видишь, что суетни ужасно много.

Я останусь здесь до воскресенья. Теперь уже наступил тот момент пребывания в Питере, когда меня начинают теребить во все стороны, так что не знаешь, куда спрятаться от массы приглашений и требований. Кроме необходимости быть на репетициях я еще остался здесь для различных переговоров об постановке «Вакулы», которая состоится в начале будущего сезона. Решительно не знаю, кому отдать роль Солохи. Кадминой не будет, Каменская не годится, Крутикова совсем погибает, словом, решительно никого нет в виду. Вчера я имел серьезный разговор с Азанчевским относительно отправления меня на два года заграницу. Весьма может статься, что это дело устроится с будущего года. Оно для меня и желательно и страшно, ибо я все-таки ужасно люблю святую Русь и боюсь по ней стосковаться.

Много здесь говорим про тебя, и все, т. е. мы, канонерские, находим, что тебе следует, не колеблясь, оставаться при твердом намерении быть у Конради. Вспомни, что ты по условию только четыре часа должен проводить с мальчиком, что ты будешь иметь время заниматься в остальное время, чем захочешь. Трудности во всяком деле неизбежны. Надеюсь, приехавши в Москву, найти от тебя письмо. Дома все в восторге

от твоих и моих подарков. Перчатки Кондратьеву оказались малы, и я их разделил между Толей и Ларошем.

Милый Модя, крепко тебя целую и умоляю не скучать и не слабеть духом.

П. Чайковский.

Нечего и говорить, что тебе все кланяются и целуют.

211. М. И. Чайковскому

Москва,
28 января 1876 г.

Третьего дня приехал наконец в Москву, где нашел целую массу писем, а в том числе и твое, доставившее мне большое удовольствие. Я очень живо воображаю себе все, что ты чувствовал, попавши в центр парижской B o h è m e; но в конце концов хорошо, что тебе пришлось побывать с этими господами; ничего нет глупее, как путешествовать, избегая знакомств с туземцами, как я обыкновенно делаю. Как ни интересны музеи, театры, рестораны, а люди все-таки еще интереснее. Касательно системы запугиванья, которой держался с тобой гувернер Левашевых, скажу тебе: п л ю н ь н а э т о. Имей всегда в виду, что ты еще не закабалился на служение Конради. Обдумай хорошенько дело теперь, в Лионе; взвесь все pro и contra *, и если по зрелом размышлении окажется, что труд не по силам, откажись. Я виделся с Конради несколько раз, и мне кажется, что люди они хорошие. В крайнем случае, истраченную тобой сумму я приму на себя и заплачу ее без особенного затруднения из поспектакльной платы за «В а к у л у».

Я уж не помню, на чем остановился я в последнем письме (адресованном в p o s t e r e s t a n t e) в описании петербургского времяпровождения. Под конец пребывание в Питере сделалось для меня невыносимым вследствие обычного теребления меня на все части. Симфония моя прошла очень хорошо и имела значительный успех. Меня очень дружно вызывали и рукоплескали [1]. Не меньший успех имел в этот вечер Т а н е е в, игравший превосходно, особенно рапсодию Л и с т а. Перед тем в квартетном вечере и в концерте я имел с ч а с т и е познакомиться с Ж о р ж е м Мекленбургским и нашел этого юношу очень с и м п а т и ч н ы м, познакомился также с его мамашей и сестрой, которые были очень благосклонны. У А. А. Давидовой было два вечера с Апухтиным, и оба очень веселые. С Ларошем виделся часто; дела его до крайности плохи, но

---

* за и против

унывать, — он не унывает. Был я два раза на репетиции «Анджело»; со второй репетиции, на которую я пришел с Ларошем, последнего прогнали без всяких церемоний, вследствие чего и я ушел. Опера мне не нравится нисколько. С Кю и мы виделись часто, и раз я у него обедал вместе с Танеевым; он так и рассыпался в нежностях. Виделся со всеми кузенами и кузинами и обедал с Ларошем у Annette. Поехал в Москву вместе с Кондратьевым и Мещерским. У Кондратьева в его отсутствии происходили невообразимые скандалы. Мария Сергеевна прогнала Алешку, и теперь у них идет драма. Алешка плачет и клянется, что это в последний раз; Николай Дмитриевич хочет его оставить, она говорит, что уедет, если так случится,— словом, чорт знает что такое. У меня все по-старому. М[ихаил] и Ленька в восторге от подарков, Николай Львович к своим отнесся довольно язвительно. Он явился ко мне в вечер дня моего приезда в час пополуночи, когда уже я лежал, и нарассказал кучу сплетней. Шиловский, слава богу, уехал на другой день приезда в Питер, сыграв со мной отвратительно-драматическую сцену ревности, неоцененной любви и т. д.

Прощай, милый Модя. Твое письмо доставило мне неописанное удовольствие; жду с нетерпением лионских писем. Прошу тебя не унывать и не падать духом. Целую тебя крепко, крепко.

Твой П. Чайковский.

212. М. И. Чайковскому

Москва,
10 февраля, [1876 г.]
1 ч. пополуночи.

Милый Модя! Третьего дня получил твое лионское письмо, очень меня заинтересовавшее своими подробностями и утешившее общим духом его. Я вижу из него, что ты вошел в колею новой жизни и хотя питаешься свиными ушами, но зато не падаешь духом. Твое пребывание в Лионе во всяком случае принесет тебе большую пользу хотя бы в отношении французского языка, на котором ты по возвращении должен будешь говорить превосходно, иначе я с тобой не знаком. Весьма поощряю тебя в решении брать уроки у аббата. Ты не можешь себе представить, с какою жадностью я поглотил все сообщаемые тобой подробности. Ради бога, продолжай мне доносить обо всем и в следующий раз опиши подробно твои отношения к М-me Вохенхублер и о чем ты с ней разговариваешь. Вообще у тебя положительный талант к писанию писем. Несмотря на крат-

кость твоей характеристики лиц, коими ты теперь окружен, я вижу их отсюда.

Что касается до меня, то, ей богу, не знаю, что сообщить тебе интересного; по крайней мере фактами жизнь моя бедна попрежнему. Ощущениями, заботами, работами, впечатлениями она полна, но, дабы делиться с тобой ими, нужно время, а его у меня нет. Теперь я на всех парах стремлюсь к окончанию квартета, начатого, помнишь, в Париже. Он уже готов, но еще не инструментован[1]. Кроме того, я усиленно занят корректурой оперы[2]. От фельетонства я отказался наотрез[3]. Вообще же сижу много дома и обретаюсь в очень хорошем расположении духа, чему не мало способствовало отсутствие Шиловского[4], уезжавшего в Петербург слушать «Анжело». Он, т. е. «Анжело», имел успех. Часто вижусь с Кондратьевым, у которого дома разыгрывалась все время драма, героем которой является все тот же невыносимый Киселев. Теперь он в деревне, куда отправлен по моему настоянию. Николай Львович попрежнему удостаивает меня своим знакомством; все находят, что за последнее время он постарел, и я сам начинаю замечать кое-какие морщинки, сделавшиеся очень заметными.

Про музыкальные дела могу тебе сказать следующее. Во-первых, я слышал «Аиду» и пришел от нея в восторг, усугубленный чудным исполнением Арто роли Амнерис. Я получил на-днях письмо от Бюлова с массой статей о моем Первом квартете, исполненном в Америке[5]. К симфонии моей пресса отнеслась довольно холодно, не исключая и Ларош[6]. Все сошлись в том, что в ней не заключается ничего нового и что я начинаю повторяться. Неужели это так? Хочу после квартета отдыхать, т. е. буду доканчивать балет, а нового ничего писать не стану, пока не примусь за оперу. Я колеблюсь между «Ефраимом» и «Францеской», и кажется, последняя возьмет перевес. Я тогда (помнишь?), кажется, несправедливо отнесся к этому очень ловко составленному либретто. Теперь оно начинает мне нравиться[7]. Крепко обнимаю тебя, милый Модя.

Твой П. Чайковский.

У Давыдовых все по старому. Лизавета Васильевна едет скоро в Женеву.

213. А. И. Чайковскому

Москва,
10 февраля 1876 г.*

Милый мой и голубчик! Теперь два часа ночи; я написал одно большое письмо в Вену, одно большое письмо к Модесту

* *В подлиннике описка:* 1875 г.

и одно большое письмо к Званцеву, и потому у меня едва хватает сил, чтоб сказать тебе, что я тебя очень люблю и что мне весьма хочется, чтоб ты сюда приехал, как хотел, на первой неделе поста. Портрет я получил четыре дня тому назад и отдал вделать его в прелестную раму, которая будет готова не раньше, как на будущей неделе. Мне страх как лень писать тебе сегодня разные подробности. Ограничусь только сообщением, что я чувствую себя в отношении расположения духа прекрасно. Все время, с приезда из Питера, я посвящаю на сочинение квартета, который уже написан, но еще не инструментирован. Во всем остальном не состоялось ничего выделяющегося из обычной колеи жизни. Если ты мне напишешь, что не приедешь на первой неделе, то я тебе сооружу более подробную цидулку, а покамест крепко тебя целую и обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Обними Папашу и Лизавету Михайловну.

214. М. И. Чайковскому

Москва,
3 марта 1876 г.

Милый Модя!

Твои письма для меня большое удовольствие. Ты не поверишь, как мне интересны подробности твоего житья-бытья в Лионе. Я просто захлебывался от удовольствия, читая описание шествия семинаристов в собор, и как я понимаю хорошо твои ощущения [...]. Наконец, твое описание четы Вохенхублер есть маленький литературный chef doeuvre, особенно когда дело доходит до целованья грязных ручек. Но довольно льстить. Ах, Модя, как мне сделалось завидно, когда ты упомянул в письме о распускании деревьев и о фиалках, продаваемых на всех углах! У нас здесь такая мерзость. Оттепель началась раньше времени и не так, как я люблю, т. е. сразу, а как-то по крошечным порциям.

Я окончил свой квартет, начатый в Париже, и вчера в первый раз он был исполнен на вечере у Рубинштейна. Очень хвалят, но я не совсем доволен. Мне кажется, что я немножко исписался, начинаю повторять себя и не могу выдумать ничего нового. Неужели моя песенка спета и дальше я не пойду? Весьма грустно. Впрочем, попробую несколько времени не писать ничего нового, дабы собраться с силами. Все еще вожусь с бесконечными корректурами «Вакулы», который недели через две выйдет из печати. Был у нас на-днях интересный концерт Рубинштейна, которому поднесли в этот вечер двадцать шесть

тысяч рублей. Присовокупи к этому четыре тысячи рублей сбору и ты получишь аппетитную сумму в тридцать тысяч рублей. Вообще же нынешний великий пост не обилен интересными концертами вследствие того обстоятельства, что разрешены театры. Кстати, имеешь ли ты какие-нибудь русские газеты и следишь ли за тем, что происходит в России?

Ты мне ничего не пишешь о том, что намерен делать в ближайшем будущем и скоро ли вернешься в отечество. Что ты решаешься принять окончательно предложение Конради, этому я не могу не радоваться, точно так же, как и тому, что ты отклонил сопутствие Мещерскому. Господи! как бы ты (т. е. не господь, а ты, Модя) раскаялся, если б имел неосторожность принять его предложение, впрочем, любезное и дружеское!

Из твоих московских приятелей все живут по-старому. Николай Львович только что-то как будто клонится к упадку. Раздражителен сделался до чрезвычайности. Со всеми почти перессорился. Николай Дмитриевич с нетерпением ожидает от тебя письма. Он теперь покоен, так как его мерзавец Алешка уехал в деревню. Шиловский ездил в Петербург слушать «Анжело», познакомился с К ю и и только бредит им.

Крепко тебя целую.

П. Чайковский.

Миша и Алеша тебя целуют.

215. А. И. Чайковскому

Москва,
17 марта [1876 г.]

Милый Толя!

Я погрузился по горло в инструментовку б а л е т а, которую должен окончить непременно к фоминой неделе. Так как мне остается отработать еще два с половиной действия, то я решил страстную и седьмую посвятить окончанию этой бесконечно скучной канители. А для того, чтобы заняться хорошенько, мне необходимо на две недели отсюда уехать, иначе ничего не сделаешь. Я знаю целую массу людей, которые рассчитывают на то, что я буду в то время не занят в консерватории, и хотят меня немножко эксплоатировать, в том числе, например, Л и ш и н, который объявил мне, что на страстной неделе он нарочно приедет в Москву, чтоб поближе со мной познакомиться, а также познакомить меня с его творениями. Одна барыня из Динабурга пишет мне, что нарочно посетит Москву в то же время, дабы испросить у меня несколько советов насчет ее занятий теорией музыки, и т. д., и т. д.

Чтоб избегнуть всего этого и беспрепятственно докончить свою работу, я решил уехать на две недели (страстную и святую) в деревню к Конст. Шиловскому. Вместе с тем я прихожу в отчаяние при мысли, что ты хотел приехать ко мне как-раз в то же время. Напиши мне, голубчик, принял ли ты это решение окончательно. Если да, то я останусь здесь; если нет, то не приедешь ли ты ко мне на фоминой? Это было бы для меня очень усладительно. Ты понимаешь, что из-за б а л е т а я ни за что не хочу лишиться удовольствия провести несколько дней с тобой. Напиши мне сейчас же, и основательно, как ты полагаешь. Не стесняйся. Очень может быть, что Москва имеет для тебя особенное обаяние именно на страстной и святой; я это совершенно понимаю и останусь с удовольствием. Словом, распоряжайся мной, как хочешь.

Вчера великий князь провел у нас вечер, и ему сыграли мой новый квартет, который весьма ему понравился. Сегодня была в его присутствии генеральная репетиция «Ф р е й ш ю ц а». Прелесть что такое. Особенно оркестр и хоры — просто изумительно хороши. Напиши мне скорее. Целую тебя очень, очень нежно. Поцелуй Папу и Лизавету Михайловну.

П. Чайковский.

216. М. И. Чайковскому

Москва,
24 марта [1876 г.]

Милый Модя!

Извини, что я не во время отвечаю. Письмо твое меня очень обрадовало, но я немножко разозлился за то, что ты спрашивал Сен-Санса, когда будут и г р а т ь м о ю у в е р т ю р у[1]. Ведь он может вообразить, что я умираю от страстного желания быть и г р а н н ы м в Париже. Положим, что в сущности оно так и есть, но Сен-Санс никоим образом не должен знать этого.

У нас совсем весна. Представь, что сегодня на главных улицах даже п ы л ь есть. В конце этой недели я уезжаю на всю страстную и всю святую к Косте Шиловскому в деревню. Хочу уйти от всей суеты, сопряженной с праздниками в Москве, и заняться хорошенько балетом, который непременно нужно окончить и притом как можно скорее. Вчера в зале театральной школы происходила первая репетиция некоторых нумеров из первого действия этого балета[2]. Если б ты знал, до чего комично было смотреть на балетмейстера, с о ч и н я в ш е г о под звук одной скрипочки т а н ц ы с самым глубокомысленным и вдохновенным видом. Вместе с тем завидно было смотреть на танцовщиц и танцоров, строивших улыбки предполагаемой

публике и наслаждавшихся легкой возможностью прыгать и вертеться, исполняя при этом священную обязанность. От музыки моей все в театре в восторге. На последних днях мой новый квартет исполнялся три раза: первый раз в консерватории, по случаю приезда великого князя, остальные два публично. Он о ч е н ь всем нравится. Во время Andante (Andante funebre e doloroso) многие (как говорят) плакали. Если это правда, то торжество большое. Зато возобновленный здесь «О п р и ч н и к» исполняется самым срамовским и компрометирующим меня образом.

Я очень расстроен в последнее время смертельной болезнью толстого к н я з я О б о л е н с к о г о, которого ты, кажется, у меня видел. С ним был недавно удар, и по всей вероятности он проживет очень недолго. Николай Львович (который в сущности один из добрейших людей, каких я знаю) уже десять дней не отходит от его постели и не спит ночей. При этом бедный старичок все плачет. Уж не предчувствие ли, что и ему скоро расставаться с земною юдолью? Не дай бог умирать в такое время, как теперь. Ты не можешь себе представить, до чего идеально хороша погода.

А ты все-таки не пишешь мне, когда намерен вернуться и когда мы увидимся. Летних планов у меня еще никаких нет. Знаю, что поеду в августе заграницу, хотя с бо́льшим бы удовольствием остался в России, в деревне. [...]

Крепко целую тебя.

П. Чайковский.

217. М. И. Чайковскому

Москва
29 апреля 1876 г.

Милый Модя!

Ты не поверишь, как я теперь счастлив, что С а ш и н ы роды прошли благополучно [1]. Я о ней болезненно беспокоился и мучился мрачными предчувствиями, которые, как все мои предчувствия, оказались, как видишь, вздорными. Беспокоился я также о тебе. От Губерта имел я известие, что твой Коля уже поехал к тебе [2]. Как-то ты его встретил? Как прошли первые тяжелые и трудные дни? Я убежден, что только они одни и будут тебе в тягость. Как только отношения встанут в нормальный свой вид, всякая тягость прекратится, и дело пойдет очень просто. Какой ты странный человек! Не мало написал ты мне из заграницы писем, и хоть бы в одном какие-нибудь предположения о будущем! Наконец, в последнем письме ты мне пишешь, что намерен повидаться со мной в Мюнхене. Отчего

в Мюнхене? Я в этом городе не намереваюсь быть. Сколько ты времени останешься заграницей, все ли время Коля будет находиться при тебе? Где будешь жить? На все эти вопросы отвечай тотчас же и с толком.

Теперь приходится говорить о себе, — а что? Был я все это время не совсем здоров. Простуда в деревне на охоте все еще дает себя чувствовать. У меня периодически появляется лихорадка, последний пароксизм которой был так силен, что доктор усмотрел в ней начало тифа. Все однакож прошло благополучно, и, кажется, лихорадка не возвратится. Погода у нас теперь ужасная; представь, что после совершенно июньского тепла наступил январский холод, доходивший до 5 градусов мороза. Я не могу без жалости и ужаса смотреть на деревья, которые было распустились и теперь поблекли; листья свернулись и некоторые почернели. Что из этого будет? Ну как мы останемся летом без зелени? Планов на лето у меня определенных нет, потому что нет в виду денег. Представь, что в эту минуту я окутан сетью долгов, из которых нужно будет непременно выпутаться, а что затем будет, я решительно не знаю. Сегодня я еду на один день в Петербург. Меня вызывают в дирекцию для переговоров об опере. Клавираусцуг вышел[3]. В среде близких мне людей «Вакула» производит фурор. Танеев уже знает его от доски до доски наизусть. Это меня очень радует, потому что «Вакула» мое любимое детище. Здесь, в Москве, проживает теперь временно известный тебе Лишин. Недавно он играл мне свою оперу «Граф Нулин». Боже! какая это мерзость! И если б ты знал, как вообще этот господин мне противен с своею дилетантскою самоуверенностью, дешевым остроумием и бесцеремонностью обращения. Был здесь недавно брат Коля, для которого я устроил картежный вечерок. Николай Львович был на этом вечере очень забавен, и Коля изъявлял свое удовольствие басовым рассыпчатым хохотом. День своего рождения я провел в постели. Шиловский влюблен, сумасшествует и разъехался с [[...]], ревновал и делал сцены. Предмет любви [[...]], живущая на отдельной квартире на счет своего любовника.

Целую тебя. П. Чайковский.

218. А. И. Чайковскому

Москва,
19 мая 1876 г.

Толичка! Я в последнее время часто прихварываю, и это обстоятельство заставляет меня принять твердое намерение лечиться. Я подробно переговорил с доктором, который нахо-

цит необходимым мне выдержать курс в Виши. Теперь я адски хлопочу достать деньги на заграничное путешествие и хочу через неделю выехать. Я отправляюсь отсюда прямо к Кондратьеву, у которого хочу провести две недели. Может быть, оттуда прокачусь в Каменку, а потом на два месяца заграницу. Итак, милый Толя, ты бы отлично сделал, если б достоверным образом известил меня, можешь ли ты провести со мною несколько времени у Кондратьева или в Каменке. Если будешь писать мне, то пиши сейчас же в Москву, ибо 26-го я уеду, или же пиши в Низы. Адрес: по Курско-Киевской железной дороге на станцию Ворожба, а оттуда в г. Сумы, Н. Д. Кондратьеву для передачи П. И. Ч. Если вздумаешь, не успев написать мне, ехать к Кондратьеву, то знай, что нужно остановиться в Ворожбе, взять место в дилижансе до Сум, а там простой городской извозчик свезет тебя в Низы. Напиши мне, что знаешь о Саше, т. е. когда она едет в Каменку. Расцелуй Папочку и Лизавету Михайловну. Как здоровье последней? Целую.

П. Чайковский.

22—1

219. М. И. Чайковскому

Москва,
19 мая 1876 г.

Милый Модя!

Я несколько дней все откладывал ответ тебе на последнее письмо, потому что мне хотелось написать тебе что-нибудь верное. Теперь я уже почти решил, каким образом проведу лето. В последнее время я все прихварываю — мне необходимо полечиться. Насчет Вундерфрау я переменил свое мнение. Во-первых, я постоянно вижу людей, которые мне доказывают, что она шарлатанка; во-вторых, не знаю почему, жизнь у нее представляется мне чем-то до того невыносимо скучным, что при одной мысли предстать перед ней, выдержать ее тыканье, потом три недели провести без куренья и вообще подчиняться ее деспотизму — я прихожу в уныние. Я предпочитаю поехать выдержать курс вод в Виши. Это тем более приятно, что я таким образом увижусь с тобой, ибо Виши от Лиона не далеко. Когда я туда приеду, мы с тобой спишемся и увидимся так или иначе, но, вероятно, я приеду к тебе, так как тебе отрываться от занятий будет неудобно. Не знаю, писал ли я тебе, что, быв в последний раз в Петербурге, провел вечер у Конради. Они очень любезны и милы и вообще мне нравятся. Через неделю я выеду из Москвы, вероятно, прямо к Кондратьеву, к которому и прошу тебя адресовать твое письмо.

Там я пробуду не более двух недель и отправлюсь в Каменку, тоже ненадолго. Июль я посвящаю леченью. В начале августа буду в Байрейте, а остальную часть этого месяца хотел бы посвятить купанью в море.

У нас теперь идут экзамены. Дня три тому назад приехал сюда Дон ауров и сегодня уехал в Низы. Он мало переменился: те же ненасытимые любовные аппетиты и тот же несколько тяжеловатый нрав,— en somme* добрый и милый малый. Кажется, дела его теперь пошли лучше; Мятлев стал принимать в нем участие.

Милый Модя, целую тебя нежно и радуюсь мысли о свидании.

Твой П. Чайковский.

220. А. И. Чайковскому

Киев,
2 июня [1876 г.]

Милый Толичка!

Я нахожусь в Киеве, по дороге в Каменку, куда отправляюсь завтра. Здоровье мое требует, чтобы я в нынешнее лето непременно полечился. По всей вероятности, я поеду в Виши, но предварительно хочу поговорить с доктором Штраусом, которому слабые стороны моей организации должны быть хорошо известны. Я пробыл у Кондратьева три дня; почему оттуда так скоро уехал,— это я когда-нибудь расскажу при свидании. А свидания с тобой мне очень хочется. В Каменке или Вербовке я пробуду никак не менее двух недель, а может быть и больше. Если ты приедешь туда около 20-го числа, то я постараюсь тебя дождаться, но мне необходимо, чтобы ты написал мне тотчас же, возможен ли твой приезд. Итак, по получении сего письма тотчас же садись и пиши мне в Каменку.

Я приехал в Киев сегодня утром в восемь часов. Жара стоит непозволительная; я выкупался в Днепре, который покамест еще ведет себя хорошо, так что я имею надежду послезавтра рано утром быть в Каменке. Как скучны эти переезды от последней станции парового движения до места. Мысль ехать [...] от Черкасс до Каменки меня просто ужасает. Киев опять разукрасился несколькими новыми домами; Крещатик просто прелесть.

Целую тебя крепко. Думаю, что Папаша и Лизавета Михайловна уже на пути. Если нет, то и их целую.

П. Чайковский.

---

* *словом*

221. М. И. Чайковскому

Киев,
2/14 июня 1876 г.

Милый Модя! Пишу тебе из Киева, находясь на пути в Каменку. Я выехал из Москвы 26 мая прямо к Кондратьеву. У него я нашел очень приятное общество, состоящее из него, жены, брата Жени, Донаурова и т. д. Все было бы очень хорошо, но лакашка Алексей каждую ночь устраивает лакейские попойки, вследствие чего спать нет никакой возможности. Однажды ночью, выведенный из себя, я вышел из флигеля, в котором проживал, и сделал невыразимый скандал. Разбудил хозяина дома и объявил решительно, что если Алексей на другой день не будет изгнан,— я уеду. Алексея не изгнали, и вследствие этого обстоятельства я нахожусь в Киеве, откуда уезжаю завтра рано утром. Я решился недели через три ехать на лечение в Виши, разумеется, предварительно заехав в Лион, чтобы повидать тебя. Хочу, впрочем, посоветоваться еще с Штраусом, которому слабые стороны моей организации достаточно известны.

Во всяком случае, из Каменки я тебе дам знать о приблизительном сроке моего приезда. Жара здесь стоит совершенно невыносимая; перо валится из рук, и мне стоит невероятных усилий писание этого небольшого письмеца. Киев неузнаваем; множество новых великолепных домов и роскошных магазинов. В Каменке я надеюсь дождаться Толи и таким образом убить в это лето двух зайцев, т. е. пожить с братом Толей и пожить с братом Модей. Думаю, что еще одно твое письмо успеет дойти до моего отъезда в Каменку, и прошу это сделать непременно. Крепко обнимаю.

Твой П. Чайковский.

222. А. И. Чайковскому

Каменка,
7 июня 1876 г.

Толя!

Я приехал сюда 4-го июня совершенно больной, т. е. с страшным пароксизмом лихорадки, который повторился вчера в гораздо меньшей степени, а сегодня я чувствую себя отлично. Здесь убийственно скучно. Во-первых, главный элемент скуки и стесненности приносит семейство Петра Васильевича, которое находится здесь. У них теперь решается дело о разделе Каменки, и никак не могут притти к какому-нибудь результату, взаимно деликатничают, откладывают, не решаются и тянут канитель. Александра Ивановна

22—2

очень озабочена Алешей, который что-то глупит. Что касается Левы, то он очень грустит. Письма от Саши весьма не успокоительные. Ребенок оказывается слабым и больным; она сама чувствует себя тоже скверно. Теперь доктор ей советует отправиться в горы, в какой-то Morguin, чтобы полечиться воздухом и железными ваннами. Вероятно, она это и сделает. Лева просит меня поехать туда, чтобы успокоить ее, уговорить, не стесняясь его одиночеством, поступить так, как лучше для ее здоровья, и вообще помочь ей в деле переезда. Таким образом, мой голубчик, я тебя здесь не дождусь. Ах, Толя, если б ты мог достать малую толику денег для поездки заграницу, как хорошо мы могли [бы] провести с тобой время! Знай, что я теперь через неделю еду к Саше, пробуду с ней несколько дней и отправлюсь лечиться в Виши. Если будешь писать мне, то адресуй poste restante, France, Vichy.

Целую тебя крепко. Где наш милый старичок? На даче или в Питере? Я очень горюю, что не придется пожить с ним это лето. Что Лизавета Михайловна? Расцелуй их обоих.

П. Чайковский.

223. А. И. Чайковскому

[Каменка]
16 июня 1876 г.

Милый Толичка!

Послезавтра я отправляюсь заграницу в Виши. В Вене я встречусь, вероятно, с Сашей, которой здесь дождаться не могу, так как нельзя быть уверенным, что она попадет сюда около 25 июня, как предполагается. Между тем мне необходимо выдержать курс леченья в Виши, чтобы поспеть в конце июля в Байрейт. В августе весьма вероятно, что я приеду в Вербовку; об этом мы с тобой спишемся позже. Теперь же прошу тебя немедленно отписать мне в Виши (France, Vichy, poste restante M. Pierre de Tschaïkovsky) об том, что поделываешь, кого видишь, где бываешь и куда намерен отправиться, когда получишь отпуск. Как бы я хотел, чтоб ты побывал со мной заграницей. К сожалению, обстоятельства таковы, что денежной помощи я оказать тебе не могу, ибо сам имею на поездку весьма ограниченные средства. Но если б ты мог достать себе рубликов пятьсот-шестьсот, в каком бы я был восторге!

Здоровье мое теперь лучше; лихорадка меня окончательно покинула. Жизнь здесь не особенно веселая, но и не такая

М. И. Чайковский

А. И. Чайковский

1870 г.

невыносимо скучная, как мне показалось вначале. Я очень много хожу пешком, а также езжу с Левой по полям и в Вербовку. Предаюсь полной праздности и ничего не сочиняю. Сегодня отсюда уехал Алеша, дела которого оказываются весьма плохи. Урожай здесь обещает быть небывалым. У Левы все отлично, кроме пшеницы, которая пропала от мороза. Целую тебя крепко и прошу непременно написать, и обстоятельно.

Твой П. Чайковский.

Папашу и Лизавету Михайловну крепко обнимаю.

224. М. И. Чайковскому

1876 г. июля 2. Виши [1].

Виши,
Пятница

Модя!

Не знаю, что дальше будет, но сегодня меня давит такая ужасная, убийственная тоска, что весьма сомнительно, чтоб я здесь долго остался. Ты не можешь себе представить, какая Виши гадость и до какой степени здесь нет ничего, могущего меня пленить и утешить. Но главное, убийственна мысль, что ты так близко, а между тем я здесь погибаю от тоски и одиночества. Я приехал вчера вечером поздно; на последней станции ко мне пристал господин, предлагавший остановиться в отеле Bellevue, где он состоит переводчиком. Я согласился. Отелик маленький, но чистенький. Я взял большую комнату с двумя кроватями, потому что она отдалена и в ней можно играть не церемонясь. Спал недурно. Утром у меня был доктор, красивый и симпатичный малый. Он очень обстоятельно расспросил и рассмотрел мою болезнь и указал способ пить воды и брать ванны. Я сейчас же пошел выпить первый стакан. В десять часов был завтрак очень вкусный. Был на почте, получил десять писем. Потом шлялся, записался членом казино и т. д. и все время неописанно страдал от тоски. Не знаю, что будет завтра (я тебе буду писать очень часто), но теперь я только живу мыслью, что ты через неделю приедешь, а также решимостью в случае ухудшения в состоянии духа, — уехать в Лион [2]. Поцелуй от меня Колю очень нежно; я его обожаю. Кланяйся Софье Александровне [3] и обними самого себя.

П. Чайковский.

225. М. И. Чайковскому

1876 г. июля 3. Виши[1].

Vichy, суббота,
Hôtel Bellevue.

Милый Модя!

Единственное мое утешение — это переписываться с тобой. Nessun dolor maggiore che ricordarsi del tempo felice nella miseria[2]! Тоска, которая меня грызет, тем более ужасна, что так живы в памяти три дня, проведенные с тобой в Лионе. Мне так приятно там было у вас на place Perrache! Знаешь, что меня даже беспокоит это невыносимое состояние духа, которое нападает на меня каждый раз, как я заграницей бываю один! В этом есть что-то болезненное! Представь, что я вчера раз д е с я т ь плакал. Я знаю только одно. Продолжаться так не может. Если невыносимая хандра не пройдет к концу недели, то я махну в Лион. Может ли быть польза в леченье, когда места с тоски не найдешь! Впрочем, увидим. Я тебе буду писать ежедневно.

Вчера вечером я был в театре; просидел всего один акт. Лег спать в 10 часов и спал хорошо. Встал в 5½ часов с головною болью и в 6 уже был в в а н н е. Представь, что другого часа для меня не оказалось. Оно не особенно приятно. Table d'hôte здесь хорош. Завтракают в 10 часов и обедают в 5. Рядом со мной сидит (благодаря совершенно излишнему вниманию хозяйки) какой-то русский, должно быть, купчик — необыкновенно противный, неприличный и самоуверенный. Против меня тоже сидит русский, но очень симпатичный толстяк, который по разным признакам должен быть не кто иной, как А н т о н и н К н я ж е в и ч.

Фортепиано я себе достал, но нот нет никаких во всем Виши. Я себе выписал Dmitri. Ах, Модя, как я бы полетел теперь с радостью в квартиру Mr. Dauvergn'a! С каким бы удовольствием я бы обнял и расцеловал вас всех трех, не исключая и милой Софьи Александровны!

Получил сейчас длинное и о ч е н ь интересное письмо от Д о н а у р о в а.

Прощай, до завтра!

П. Чайковский.

Напиши мне тотчас же письмо.

226. А. И. Чайковскому

Виши,
3/15 июля 1876 г.

Милый Толичка! Вот тебе краткое описание всего, что я делал после выезда из Каменки. Я приехал в Вену (20 июня по нашему стилю) и прожил там в ожидании Саши около недели, причем скучал самым непозволительным образом. Наконец, они приехали, и я провел с ними чудный день. В субботу 26-го числа утром я проводил их и в этот же день уехал прямо в Лион. Не могу тебе описать, до чего мне было приятно увидеть Модеста и его семью. Я застал их вечером во время укладывания Коли в постель. Коля с первого раза совершенно и на-веки обворожил меня. Потом пошли мы с Модестом в Café и проболтали до двенадцати часов ночи. Следующие два с половиной дня я проводил таким образом. Утром в восемь часов Модест с Колей приходили ко мне по дороге к Гугентоблеру. До двенадцати часов я проводил время один; остальной день мы проводили все вместе. Любовь моя к Коле, основанная, во-первых, на его чудном кротком нраве и уме, а во-вторых, на глубоком с о ж а л е н и и к нему, возрастала в геометрической прогрессии с каждой минутой, и теперь это для меня одно из самых близких сердцу существ в мире.

Что касается Модеста, то я у д и в л е н умом, тактом, добросовестностью и умелостью, которые он прилагает к делу. Если я Модеста всегда очень любил, то т е п е р ь я, кроме того, г л у б о к о его уважаю. Привязанность, соединяющая учителя с учеником, необыкновенно трогательна, и в течение этих трех дней было множество случаев, вызывавших во мне слезы умиления. Я очень полюбил также и Софью Александровну,— милое, доброе и хорошее существо, очень сдружившееся с Модестом.

Третьего дни вечером я приехал в треклятый, мерзкий, отвратительный Виши. Здесь соединилось все, чтоб сделать мое пребывание невыносимым. Нужно вставать в пять часов, чтобы получить в а н н у; уж это одно пренеприятно. Затем с у е т а, давка из-за каждого стакана воды на источнике, светский характер времяпровождения, совершенное отсутствие красот природы, но, главное, о д и н о ч е с т в о, — все это глубоко отравляет мне каждую минуту жизни. Т о с к а на меня напала такая, что вряд ли я выдержу полный курс; весьма вероятно, что удеру в Лион.

Ах, Толя! Если б ты знал, как мне вообще противна заграница! Первое представление «Н и б е л у н г о в» состоится

по нашему стилю от 1-го до 4-го августа. На другой же день я луплю в Россию, прямо в Вербовку и надеюсь, что ты к тому времени непременно явишься туда же. Не обмани меня, Толя, ведь я надеждами только и живу теперь. О проклятый, проклятый, проклятый Виши!

Крепко целую. П. Чайковский.

Пиши мне все-таки сюда, адресуй в Hôtel Bellevue.

Если уеду, сделаю распоряжение о пересылке писем.

227. М. И. Чайковскому

Виши,
4/16 июля [1876 г.]

Милый Модя! Сейчас я получил твое письмо. Четыреста франков будут тебе высланы сегодня, хотя еще не знаю, каким путем, т. е. в письме или по телеграфу. Сейчас пойду и разузнаю всю процедуру. Каким образом Mr. Dauvergne осмеливается удерживать твои деньги? Не следует ли тебе обратиться к консулу, чтоб он заступился?

Виши продолжает быть мне противным и мерзким. Я тебя не приглашаю сюда, ибо, во-первых, здесь мерзко, а во-вторых, не хочу тебя разлучать с Колей ни за что на свете. Но сам я приеду к тебе в Лион в будущий понедельник, через восемь дней, и с тем, чтобы остаться в Лионе до Вашего отъезда, а может быть, и проводить вас в Монпелье. Я уже говорил с моим доктором об этом предмете, выдумав целую историю о том, что по семейным обстоятельствам мне более десяти дней оставаться в Виши невозможно. Он сказал, что это ничего, лишь бы я продолжал еще десять дней кюру натуральными водами и ваннами. А так как натуральные воды в Лионе имеются, то затруднений никаких нет. Прощай, Модя, напиши мне еще раз и заставь Колю написать мне письмо. Кланяйся милой Софье Александровне.

Твой П. Чайковский.

Вчерашний день был проведен так же скучно, как и третьего дня, хотя все же несколько сноснее.

228. А. И. Чайковскому

Виши,
6/18 июля 1876 г.

Я глубоко ненавижу Виши. Кроме того, что здесь скучно и что я одинок, меня бесит то, что я должен ежедневно вставать в пять часов,— иначе я не могу взять предписанную мне

ванну, ибо все остальные часы заняты. Впрочем, теперь я уже не так неистово скучаю, во-первых, оттого, что кое с кем за table d'hôte сошелся (особенно с Антонином Княжевичем, милым толстяком), а главное и во-вторых, потому, что я употребил с моим доктором вполне удавшуюся хитрость. Я ему наврал, что получил из России известие, что мне необходимо туда возвратиться скорее и что оставаться в Виши я могу всего одиннадцать дней. Он успокоил меня, сказав, что самое главное будет сделано в эти одиннадцать дней, а вместо остальных десяти он мне предпишет пить Виши в дороге и везде, куда бы я ни поехал, в такой дозе, которая совершенно заменит недожитое здесь время. Да, Толя, я совершенно потерял возможность жить на чужбине один! Это мне урок. В будущем году нужно подыскать товарища или взять с собой Алешу. Итак, я остаюсь здесь еще пять дней и засим еду к Модесту в Лион. Там я останусь до поездки в Байрейт, а после нее прямо в Россию, т. е. в Каменку, где надеюсь нежно обнять тебя.

Я забыл тебе ответить в прошлом письме на вопрос, нравится ли мне статья Ларош а. В общем (особенно первая половина) она очень хороша, т. е. превосходна со стороны блестящего и остроумного изложения, но в том, что касается меня, эта статья мне очень противна[1]. Скажи Ларошу (которому, впрочем, я собираюсь написать), что я никак не ожидал от него такого размадзе-фаминцынского[2] непонимания, какое он обнаружил по отношению к моему Второму квартету. Если я написал что-либо в жизни действительно прочувствованное и непосредственно излившееся из недр внутреннего *я*, то это именно первая часть из этого квартета, а он называет ее холодною и изысканною. Вообще, не касаясь его общего взгляда на мое композиторство, которое если не очень верно, то во всяком случае лестно и за которое я ему очень благодарен, он в последнее время при оценке отдельных моих вещей впадал в такие странные и непостижимые для меня ошибки, которые пошатнули во мне веру в его критическую чуткость. Например, пренебрежение к фортепианному концерту[3]? Это ужасно странно!

Не будь оперы Вагнера, я бы, не задумываясь, полетел теперь в Россию, которую тем более обожаю, чем чаще бываю в омерзительной заграниц е. Если будешь писать мне (умоляю писать), то адресуй Deutschland, Bayreuth, posterestante.

Крепко тебя обнимаю.

П. Чайковский.

229. М. И. Чайковскому

Виши,
6/18 июля 1876 г.

Милый Модя! Сейчас получил твое письмо, за которое ужасно тебе благодарен, но если б ты знал, до чего меня бесит сукин сын Dauvergne! Вчера я был опять у моего доктора (необыкновенно изящный молодой человек моих лет, живущий среди ослепительной роскоши и необычайно любезный), который совершенно меня успокоил, говоря, что он укажет мне средства окончить леченье и вне Виши, но требует, чтобы я уехал не ранее понедельника, дабы взять необходимое число ванн. Засим в понедельник я лечу в Лион и останусь с тобой до отъезда в Байрейт. Я еще тебе не описывал распределение моего времени; вот оно. В 5½ часов меня будит премилая девушка Annette; в 6 я пью первый полстакана и сейчас же иду в ванну, которая продолжается около ¾ часа; потом пью еще два полстакана, туляя в промежутках; в 8 часов я захожу в кафе и читаю газеты. В 10 часов происходит длинный завтрак. Подле меня сидит глубоко антипатичный русский, а напротив премилый толстяк, с которым я хорошо сошелся и который оказался ни кем иным, как Антонином Княжевичем. От завтрака до 3-х часов играю, читаю или брожу по парку и захожу в казино, где есть «Голос». В 3 часа опять пью воды. В 5 часов опять длинная еда. Потом гуляю, иногда захожу в театр, а в 10 часов аккуратно ложусь. Воды действуют на меня отлично; они теплые, с газом. Вообще в физическом отношении я чувствую себя отлично, за исключением чувства утомленности в ногах, которое есть следствие вод. В моральном отношении я теперь совершенно спокоен, но только оттого, что заручился возможностью уехать раньше срока. В будущем году я приеду сюда не иначе, как с Алешей. Кстати, вчера я получил от него письмо, которое меня ужасно обрадовало и тронуло и которое я тебе посылаю вместе с прежним письмом, для того чтобы ты насладился орфографией Михайлы. Посылаю тебе также статью Ларош а, которая во всем том, что говорится обо мне, весьма мне не нравится. Еще раз mercі за письмо; ты не поверишь, как меня оно утешило. Получил вчера от Кондратьева длинное, преглупое письмо. Целую тебя, Колю и Софью Александровну.

П. Чайковский.

230. М. И. Чайковскому

Виши,
7/19 июля 1876 г.

Милый Модя! Благодарю тебя за сегодняшнее прелестное письмо. Ты не поверишь, с каким нетерпением я ожидаю минуты отъезда из скучнейшего и вместе благодетельного Виши. Я называю его благодетельным потому, что воды действуют на меня превосходно, по крайней мере на мой желудок. Сплю я плохо и не могу много ходить, так как вода имеет свойства причинять в ногах чувство постоянного утомления. Твой доктор совершенно прав, — мне нельзя здесь оставаться, так как, имей я перед собой еще две с половиной недели пребывания в ненавистном месте, я бы истерзался нравственно, а, по уверению моего здешнего доктора, для целесообразного действия лечения необходимо совершенное спокойствие духа, в котором я теперь и нахожусь, благодаря моему остроумному изобретению половину лечения сделать здесь, а другую половину в Лионе. Само собою разумеется, что я поеду с Вами не только до Монпелье, но до Cette. Не знаю, говорил ли тебе, что из письма Альбрехта оказывается, что Клиндворт достал мне место на первое представление «Нибелунгов», имеющее состояться 1-го августа. Из этого следует, что я проживу с Вами до последних чисел июля. Сегодня вечером в здешнем театре идет «Seraphine» с Паскà в главной роли, — постараюсь попасть, хотя по причине раннего часа моих вод посещение театра мне не особенно удобно.

Это мое письмо будет последнее из Виши. Я приеду в Лион в понедельник в 8 ч. 53 мин. вечера и очень желал бы остановиться в том же № 9, где уже я жил.

За программы очень благодарен[1]. Из них «Гамлет» мне весьма нравится, но чертовски трудно. Целую тебя. Низкий поклон Софье Александровне.

П. Чайковский.

231. А. И. Давыдовой

Лион,
13/25 июля [1876 г.]

Голубушка моя Саша!

Виноват я перед тобой, что так долго не давал о себе никаких известий. Расставшись с Вами, я пошел домой, уложился и тоже уехал. В понедельник вечером 21-го числа я неожиданно позвонил в № 3 Place Perrache, и удивленный

Модя отпер мне дверь. Я провел в Лионе трое суток чрезвычайно приятно. Мне кажется, что Модест взялся за дело столь же добросовестно, сколько и умно. Привязанность, соединяющая ученика с учителем, показалась мне очень трогательной. Коля внушил мне очень нежное чувство: я нахожу его очень кротким и умным мальчиком. И Софья Александровна мне очень нравится. Проживши с ними три дни (в Hôtel d'Angleterre), я с большой неохотой отправился в Виши. Там меня взяла такая безмерная тоска, что я не мог выдержать всего курса. Я остался там всего одиннадцать дней и, успокоенный доктором, который уверил меня, что и этот небольшой курсик будет мне полезен, возвратился в Лион. Воды в Виши, несмотря на мою ужасную тоску, были мне в самом деле очень полезны, и в будущем году я во что бы то ни стало опять съезжу полечиться. Согласись, что, живя в очень непривлекательном месте один, когда на расстоянии шести часов находится Модест с своим симпатичным антуражем, я не мог не соскучиться. Вчера вечером я снова соединился с милым Модей и останусь с ним еще около двух недель. 1-го августа по нашему стилю я должен быть в Баварии, в Байрейте на представлении четырехдневной оперы Вагнера, и, как только раздадутся последние аккорды финала, сажусь в вагон и лечу в Вербовку, где буду следовательно около 10-го числа.

Я совершенно согласен с Николаем Васильевичем: ничего нет противнее и скучнее, как заграница, и если можно проводить в ней счастливые минуты, то только в сообществе очень близких сердцу людей, как например, у Вас в Женеве или здесь с Модестом. Ах, мой ангел, что бы я дал, чтоб очутиться в эту минуту с Вами в Вербовке.

Обнимаю тебя, Леву, Папашу, которого поздравляю с именинами, Лизавету Михайловну и всех без исключения.

П. Чайковский.

232. М. И. Чайковскому

1876 г. июля 27/августа 8. Париж.

Париж,
8 августа 1876 г.

Милый Модя!

Дорогу совершил весьма благополучно. От Тараскона до самого Парижа сидел в coupé-lit один. Лежал, ходил, [...] совершенно свободно. Супоманця в дороге проявилась с сумасшедшей силой. Я ел суп в Тарасконе, ел в Лионе и ел

сегодня в 7 часов утра еще на какой-то станции. Само собой разумеется, что ежеминутно думал о тебе и Коле. Приехал в Париж в 8½ часов утра; остановился в Hôtel de Hollande. Хозяин, Луи и консьержиха узнали меня и приняли очень радушно. Помывшись и одевшись, пошел в Bains de Louvence, где восседал в уксусе, отрубях, бальзаме и т. д. Завтракал (курячью котлету и haricots verts* в Diner de Paris. Старый друг наш (гарсон) узнал меня, но места у него не было. Пил кофе в Café de la Rotonde и читал «Голос». Шлялся по Парижу [...] купил себе в magasins du Louvre четыре пары подштанников, а в магазине au pont neuf — полную зимнюю пару, т. е. черный сюртук, таковую же жилетку и серые штаны за девяносто пять франков. Кроме того, купил еще зонтик и две цепочки для Миши и Алеши. Вообще меня теперь прорвало, и деньги я кидаю с каким-то сладострастием. Плевать, лишь было бы весело! К сожалению, несмотря на мою любовь к Парижу, я все-таки очень, очень скучаю о тебе, хотя далеко не так, как после нашей разлуки зимой. Оно понятно. Я теперь за тебя спокоен; я знаю, что ты находишься à bon part. К тому же, я получил такое обожание к Коле, что мне теперь было бы просто ужасно, если б он остался на чужих руках. Меня беспокоит также ваше общее здоровье [...]. Продолжаешь ли ты шуметь дверями № 31, поминутно отворяя и запирая их, дабы бегать [....] и возвращаться? Вот вопросы, которые для меня теперь столько же интересны, сколько известия с театра войны, которые, между прочим, очень грустны для сербов! Что касается моих брюшных обстоятельств, то хотя я чувствую себя отлично, но по временам все еще бывает следующего вида гримасочка:

Аппетит дивный, и ощущение бодрости и силы — признан, что здоровье хотя и туго, но возвращается. Сейчас пойду обедать к Peters'y. В театр я решил не итти, ибо очень жаркого спектакля нет. Сегодня утром в вагоне я прочел четвертую песнь «Ада» и возгорелся хотением написать симфоническую поэму на «Франческу»[1].

Обнимаю тебя с невероятною нежностью. Поцелуй от меня Колю, в глазки, шейку и ручку. Фофу обнимаю.

Твой Чайковский.

Помни, что я жду письма в Байрейте. Еду завтра в Мюнхен.

*. зеленые бобы

233. М. И. Чайковскому

Байрейт,
2/14 августа 1876 г.

Модя! Ты поймешь, что среди суеты, в которой я теперь обретаюсь, невозможно написать обстоятельного письма, и потому не сердись, что мое будет несвязное и коротенькое. Сейчас я получил твое письмо. Чрез все фазы тоски, которые ты испытал, я прошел совершенно так же, но, может быть, еще с бо́льшей силой. Что касается моей болезни, то она только теперь прошла совершенно. В Париже в самый тот день, как я тебе написал, со мной вечером сделалась такая колика, что я испугался серьезно; побежал в аптеку, купил сильнейшего слабительного, выпил громадную порцию, провел ужасную ночь, но уж к вечеру другого дня был почти здоров. Пришлось вследствие этого провести лишний и очень скучный день в Париже. Дорогою сюда немилосердно тосковал об тебе, Коле, о России, о Москве и еще множество о чем. Ночевал в Нюренберге; приехал сюда только накануне представления, в субботу 12 [августа]/31 [июля]. Был встречен Клиндвортом; встретил целую массу знакомых и сразу попал в омут, в котором и верчусь целый день как угорелый. Познакомился с целою массою новых лиц; был у Листа, который принял меня необычайно любезно; был у Вагнера, который теперь никого не принимает, и т. д. Из известных тебе лиц здесь находятся Рубинштейн, с которым я живу и который приехал вечером в субботу же; Ларош, который с утра до вечера пьян, Кюи, которого я свел с Ларошем, но лишь для того, чтобы через два часа они снова поссорились, и т. д.

Вчера состоялось представление «Рейнгольда» *; как сценическое представление, эта штука меня заинтересовала и пленила изумительной постановкой; как музыка—это сумбур невероятный, через который по временам мелькают необычайно красивые и поразительные подробности.

Байрейт — крошечный городишка, в который съехалось теперь несколько тысяч человек, стесненных в помещении и необеспеченных по части утоления голода. У нас квартира нанята уже давно и очень хорошая; что касается пищи, то в первый день я насилу достал вечером ужин, а вчера получил обед только вследствие счастливого стечения обстоятельств. Во всяком случае, я не скучаю, но никак нельзя сказать, чтоб я наслаждался, ибо все помыслы мои обращены к тому,

* «Золото Рейна»

чтобы как можно скорей удрать через Вену в Россию, что я сделаю, вероятно, в четверг.

Ты не можешь себе представить, как я люблю тебя и Колю, и как я ежеминутно о Вас думаю и как сладко, хотя и грустно было мне читать сегодня твое письмо.

Крепко вас обоих целую. Соне поклон.

П. Чайковский.

Пиши мне в Вербовку.

234. М. И. Чайковскому

Вена,
8/20 августа [1876 г.]

Не знаю почему, но мне кажется, что ты в ту минуту, как я пишу, уже не находишься в Палавасе. Адресую в Лион — все равно, ведь ты уже скоро там будешь!

Байрейт оставил мне тяжелое воспоминание, хотя для моего артистического самолюбия там произошло многое для меня лестное. Оказалось, что я совсем не так мало известен в Германии и других заграницах, как я думал. Тяжелое это воспоминание потому, что суета там была все время неописанная. Наконец в четверг все кончилось, и с последними аккордами «Гибели богов» я почувствовал как бы освобождение от плена. Может быть «Нибелунги» очень великое произведение, но уж наверное скучнее и растянутее этой канители еще никогда ничего не было. Нагромождение самых сложных и изысканных гармоний, бесцветность всего, что поется на сцене, бесконечно длинные диалоги, темнота кромешная в театре, отсутствие интереса и поэтичности в сюжете — все это утомляет нервы до последней степени. Итак, вот чего добивается реформа Вагнера? Прежде людей старались восхищать музыкой, теперь их терзают и утомляют. Разумеется, есть чудные подробности, но все вместе убийственно скучно!!! *

На другой день после «Гибели богов» все разъехались (из наших), за исключением Ларош, который остался на вторую серию. Ларош в ужасно нервном состоянии и по временам казался мне сумасшедшим. Он сидит без денег, и хотя Рубинштейн и я ему дали по сто марок, но этого ему мало. Из Байрейта я поехал в Нюренберг, где провел почти сутки, чтоб написать корреспонденцию в «Русские ведомости», которую и окончил благополучно. Что за прелесть

* Во сколько тысяч крат мне милее балет «Сильвия» [1]. *(Прим. Чайковского)*

этот Нюренберг! Сегодня утром приехал в Вену, завтра еду в Вербовку.

Как я рад, что мы снялись в Монпелье! Ты не поверишь, как мне приятно взирать на наш квартет и вспоминать все подробности совместного пребывания. Когда я вспоминаю тебя, то не иначе, как в твоем голубом сюртучке, в плетеных туфлях, с книгой подмышкой, зонтиком и Колей, которого ты тащишь по песку за руку. Мне очень недостает известий об вас! В Байрейте я получил только одно письмо! Верно, получу от тебя письмо в Вербовке!

Целую тебя крепко, милый Модя! Поцелуй от меня Колю в глазки, и в ладонь! Ах, как я люблю этого ребенка! Обнимаю. Фофе кланяйся.

П. Чайковский.

235. М. И. Чайковскому

Вербовка,
19/31 августа 1876 г.

Модя! Я удивлен, что до сих пор не имею о тебе известий. Неблагодарный! Не я ли тебе писал из Байрейта, из Вены, пишу теперь отсюда! Главное, что мне смертельно хочется знать, как кончилось ваше палавасское пленение. Теперь, когда ты уж оттуда уехал, я могу тебе сказать откровенно, что даже и омерзительнее этого места я ничего не знаю. Вишни в сравнении с Палавасом — рай! Я бы мог простить этой отвратительной деревушке и палящий зной, и отсутствие растительности, и общий тоскливый вид ее,— но чего я никогда ей не прощу, это что она заставила нас всех, начиная с Фофы [...] неустанно от зари и до зари. Живя там, чтоб не обескуражить тебя, я притворялся, что доволен Палавасом. Теперь я свободно могу предаться моей ненависти! О, мерзкая пустыня! О, [...] мерзость запустения! Еще если б Коля все время был здоров, все бы можно позабыть, но ведь и он, голубчик, «ослабит», по его выражению! Модя, поцелуй этому божественному мальчику ручку, ножку, но особенно чудные милые глазки! Ты не знаешь, до чего я его обожаю. Нет минуты, чтоб я не думал о нем!

Вот уже неделя, что я в Вербовке. Полагаю, нет нужды подробно расписывать здешние прелести. Достаточно сказать, что я нахожусь среди самых милых сердцу людей, за исключением еще тебя, и что Вербовка сама по себе как местность мне очень по сердцу. Толя здесь тоже. Мы очень, очень хорошо проводим время. Вчера приехал Ипполит, длинный, толстый, тонкоголосый, сантиментальный, — но очень ласковый

и не лишенный комизма в своих рассказах. Папашу я нашел очень похудевшим и состарившимся. Сему не мало способствует состояние Лизаветы Михайловны, которая опять больна. Саша меня немножко беспокоит. Она слишком усердно увлеклась лечением крестьян, с утра до вечера она с ними возится. Сейчас мы весьма были все обрадованы, что один из ее больных, у которого было мизерере* и которого Штраус приговорил вчера к смерти. [...]. Это значит, что он спасен! Когда она возвратилась с этим известием, мы от радости начали все плясать! Это все прекрасно, но Саша вечно озабочена, худа и бледна.

Я переживаю теперь очень критическую минуту жизни. При случае напишу тебе об этом поподробнее, а покамест скажу одно: я решился жениться. Это неизбежно. Я должен это сделать, и не только для себя, но и для тебя, и для Толи, и для Саши, и для всех, кого люблю. Для тебя в особенности! Но и тебе, Модя, нужно хорошенько подумать об этом. [[...]] не могут вместе ужиться. Впрочем, обо всем этом я тебе напишу из Москвы.

Твой П. Чайковский.

Кланяйся Фофе.

236. М. И. Чайковскому

Москва,
10/22 сентября 1876 г.

Милый Модя! Твое молчание меня начинает беспокоить. В последнем письме ты пишешь, что болен. Неужели ты серьезно разболелся и отчего в последнем случае не поручишь Софье Александровне дать о себе известий? Ты знаешь, что какие бы ни были известия, но они всегда лучше неизвестности!

Итак, вот теперь полтора месяца, что мы с тобой расстались, но мне кажется, как будто с тех пор прошло несколько столетий. Я много передумал за это время о себе и о тебе и о нашей будущности. Результатом всего этого раздумывания вышло то, что с нынешнего дня я буду серьезно собираться вступить в законное брачное сочетание с кем бы то ни было. Я нахожу, что наши склонности суть для нас обоих величайшая и непреодолимейшая преграда к счастию, и мы должны всеми силами бороться с своей природой. Я очень люблю тебя, очень люблю Колю, весьма желаю, чтобы Вы не расставались, для Вашего общего блага,—но усло-

* заворот кишек

вие sine qua non прочности ваших отношений, это чтобы ты не был т е м, чем был до сих пор. Это нужно не для q u'en d i r a t' o n*, а для тебя самого, для твоего душевного спокойствия. [...] Ты скажешь, что в твои года трудно побороть страсти; на это я отвечу, что в твои года легче направить свои вкусы в другую сторону. Здесь твоя религиозность должна, я полагаю, быть тебе крепкой подпорой.

Что касается меня, то я сделаю все возможное, чтобы в этом же году жениться, а если на это не хватит смелости, то во всяком случае бросаю навеки свои привычки и постараюсь, чтобы меня перестали причислять к компании [...] Напиши об этом твое мнение.

Твои отношения к К о н р а д и меня пугают. Я начинаю думать, что они сукины дети.

Я провел в Вербовке чудные две недели; потом был несколько дней (très á contre-coeur**) в У с о в е с целью занять у Ш и л о в с к о г о, что мне и удалось[1]. Теперь живу по-старому в своей маленькой квартирке. А л е ш а очень вырос и н е в ы р а з и м о подурнел, но для сердца моего остался мил, как и всегда. Что бы ни случилось, а с ним я никогда не расстанусь. Об о п е р е не имею еще никаких известий; не знаю, пойдет ли она, но, впрочем, все это для меня теперь на последнем плане[2]. Думаю исключительно об искоренении из себя пагубных страстей.

Целую крепко.

П. Чайковский.

Благодарю за Колин портрет, хотя он очень неудачен. За письмо поцелуй его. Я его с т р а с т н о о б о ж а ю и думаю о нем ежесекундно.

Твой П. Ч.

Вчера уехал Толя, проживший у меня около недели.

237. Л. В. Давыдову

Москва,
12 сентября [1876 г.]

Милый Левик!

Дня три тому назад поручение твое исполнил, т. е. купил сигары у Аргеландера. Для Николая Васильевича я выбрал К о н ш а с; мне кажется, что они очень хороши как по табаку, так и по свертке. Тебе выбраны Д е л и ц и о з ы. Мы с Толей, который сопровождал меня, выкурили по одной из них и на-

---

* молвы [*досл.*: что об этом скажут]

** очень против желания

шли, что своей цены они во всяком случае стоят. Как увидишь из прилагаемого счета, я истратил всего у Аргеландера 66 рублей 66 коп. сер., да за пересылку 2,25, итого приблизительно 69 р. Что мне сделать на остальные шесть рублей? Напиши об этом. Не понадобятся ли какие-нибудь книги? Вообще если нужно что посылать Вам, пожалуйста, обращайся всегда ко мне и будь уверен, что поручения твои будут исполнены во всей точности и с величайшей охотой. Господи, чем я могу заплатить Вам за те нравственные и физические блага, которыми я пользуюсь, проведя хоть несколько дней среди вас?! Ты знаешь, что я приехал к вам в последний раз в Вербовку в ужасном нравственном состоянии и с убийственно расстроенными нервами. Достаточно было провести две недели в Вербовке, чтоб набраться духу и получить примирительный взгляд на жизнь. Ты может быть и не подозреваешь всей силы моей любви ко всем вам!

Здесь стоит довольно плаксивая осень, вероятно нисколько не похожая на вашу, которая должна быть восхитительна. Объявления войны ждут с часу на час, и мне говорил вчера очень компетентный человек, что сегодня, 12-го числа, должен появиться манифест. И страшно и вместе приятно, что любезное отечество решается наконец поддержать свое достоинство. Толя прожил у меня около недели и уехал. От Модеста не получаю никаких известий и очень беспокоюсь, так как он жаловался в последнем письме на головную боль.

Вчера я получил отчаянное письмо от Маши (акушерки). Она просит сообщить ей ваш адрес и, вероятно, надеется на помощь от вас. Я ей покамест пошлю немножко денег. Нельзя ли ей найти занятия в Вербовке или Каменке? Адрес ее: Киев, Университет, акушерке Марье Федоровне Бордзиловской.

Крепко целую тебя, Сашу и всех.

П. Чайковский.

Напомни Сане насчет портретов.

Папу и Лизавету Михайловну целую крепко.

238. М. И. Чайковскому

Москва,
17 сентября 1876 г.

Модя! Благодарю тебя за деньги,— они пришли очень кстати. Но я на тебя нисколько не сердился, ибо очень хорошо знал, что не прислал потому, что не было.

Я провожу время так же бесцветно, как и всегда. Но в этой бесцветности есть своя прелесть. Не могу тебе выска-

зать того ощущения сладостного покоя и почти счастия, которое я испытываю в моей маленькой уютной и тихой квартирке, когда прихожу вечером домой и беру в руку книгу. В такие минуты я наверно не менее тебя ненавижу ту прекрасную незнакомку, которая заставит меня изменить свой образ жизни и свой антураж. Не бойся за меня. В этом деле я не намерен торопиться, и будь уверен, что если я в самом деле свяжусь с женщиной, то сделаю это весьма осмотрительно. Между тем сочинительская моя деятельность приостановилась. Я еще с возвращения ничего или почти ничего не написал. Меня немножко пугает то обстоятельство, что до сих пор нет никаких известий о «Вакуле». Ставят ли его? Репетируют ли хоры? Никто меня об этом не осведомляет. Впрочем, если б даже случилось, чтоб «Вакулу» совсем не дали, я приму этот факт с величайшей твердостью. Ужасный я стал философ.

Очень жаль, что ты будешь жить в Корсуни, хотя для тебя это во многих отношениях хорошо. Но ведь я, согласно уговору, мечтал, что ты вместе с Колей (которого я обожаю до несказанной степени) погостишь у меня! Модя, это письмо очень коротко. Я сейчас обедал у Переслени (Соня именинница) и теперь опять еду на именины к М-me Бернар. Следующую страницу посвящаю моему голубчику.

Нежно целую.

П. Чайковский.

Милый мой Коля!

Я очень рад был получить твое письмо. Я очень скучаю, что не вижу моего милого голубчика Колю. Каждый день я вспоминаю, как мы вместе гуляли в Лионе и в Палавасе. Не забывай меня и пиши иногда. Кланяйся маме и Соне. Может быть, зимой увидимся. Целую тебя крепко 1.000.000.000 раз.

Петя.

Николай Львович просит тебя написать ему.

239. А. И. Чайковскому

Москва,
20 сентября 1876 г.

Толя! И я об тебе скучаю. Главное, меня немножко совесть упрекает за то, что я в Москве был недостаточно с тобой нежен и не так, как следует, выражал всю силу моей любви к тебе. Если такая мысль приходила тебе в голову, то знай (впрочем, ты, кажется, это знаешь), что если я был с тобой не особенно ласков, то это совсем не значит, что я недостаточно люблю тебя; это значит, что я на самого себя злился.

Когда я на себя злюсь, то всегда кажется, как будто я злюсь на других. А злился я на себя вот за что. Я чувствовал, что в р у, когда говорил тебе, что в п о л н е решился на известный тебе крутой п е р е в о р о т образа жизни. В сущности я на это вовсе еще не решился. Я только имею э т о серьезно в виду и жду чего-то, что бы заставило меня действовать. А покамест я должен признаться, что моя уютненькая квартирка, мои одинокие вечера, моя обстановка, тишина и покой, среди которых я обитаю, все это имеет для меня теперь какую-то особую неоцененную прелесть. Мороз дерет по коже, когда подумаю, что со всем этим нужно расстаться... А расстаться нужно. Повторяю, что я имею серьезно в виду п е р е р о д и т ь с я, но хочу только приготовить себя к этому постепенно. Впрочем, по этому поводу пришлось бы говорить слишком много. Перехожу к другим материям.

Я, разумеется, желал бы, чтобы «Вакула» пошел поскорее. Мне очень хочется услышать поскорее любимое свое детище. Но если судьбе угодно «М а к к а в е н» пустить раньше, то я не приду в глубокое отчаяние. Мне нужна только уверенность, что «В а к у л у» поставят в нынешнем сезоне. Впрочем, при случае, скажи Бесселю, что он будет сукин сын, если будет интриговать против «Вакулы». Если можешь, то скажи Антону Рубинштейну: «брат велел Вам передать, что Вы сукин сын [...]». Господи, как я этого человека с некоторых пор глубоко ненавижу! Он никогда, никогда не относился ко мне иначе, как с снисходительною небрежностью. Никто не оскорблял так моего чувства собственного достоинства, моей справедливой гордости (извини, Толя, за самохвальство) своими способностями, как этот петергофский домовладелец. А теперь еще он лезет с своими паршивыми операми, чтобы мешать мне! Неужели этому глупейшему и надутейшему из смертных мало его заграничной славы! Неужели ему недостаточно Берлина, Гамбурга, Вены и т. д., и т. д. Если б не уголовное уложение и XV том, поехал бы в Петергоф и с удовольствием поджег бы его поганую дачу.

Теперь я излил злобу, и стало легче. Толя, ты был несправедлив к Моде. Тотчас после твоего отъезда я получил от него сто рублей и самое милое письмо, из коего я усмотрел, что он в самом деле не мог послать раньше. Хлопотал ли ты об учительнице для Саши?

Нежно, крепко тебя обнимаю. Твой П. Чайковский.

Представь, я получил сегодня из Венского Филармонического общества приглашение и г р а т ь в концерте! Вот так штука!

240. А. И. Давыдовой

Москва,
20 сентября [1876 г.]

Надеюсь, радость моя, что после написания письма ко мне ты получила письмо от Толи, который в бытность свою в Москве в моем присутствии доносил тебе о результате нашего визита к Дервизу и о всем прочем. На всякий случай спешу сообщить тебе, что мы были у Дервиза, и он объяснил нам, что только в день нашего посещения он решил вопрос о месте для Генке. От этого он так долго и не отвечал тебе: он хотел дождаться возможности предложить Генке подходящее место. Теперь Дервиз, который уехал на Кавказ, по дороге уже вероятно виделся с Генке и дело устроилось.

Касательно арфы я говорил с Рубинштейном. Консерватория во всяком случае приобретет ее с радостью, но цену теперь объявить нельзя. Прежде нужно, чтобы арфа приехала сюда. Итак, мой ангел, поручи Норовым отправить арфу в Москву, прямо в Консерваторию. Здесь ей будет сделана справедливая оценка (за это я тебе ручаюсь), и ты во всяком случае получишь ту сумму, которой инструмент стоит. Что касается покупки фортепиано, то пианино не куплю тебе ни за что в мире. Советую тебе решиться на несколько подержанный рояль Беккера, который я всегда могу получить по собственному выбору из Консерватории за триста рублей. Demi-рояль можно получить только новый (в консерватории их нет) или по случаю, но на это рассчитывать можно не всегда. Во всяком случае, если решишься на новый инструмент, то знай, что я тебе могу устроить рассрочку. Новый demi-рояль можно получить за двести пятьдесят-триста рублей. Но, повторяю, лучше всего купить в Консерватории по моей протекции хороший и почти новый рояль за триста рублей. Реши это дело, как хочешь, и распоряжайся мной, не стесняясь.

Я здесь делал предложение одной превосходной девушке и музыкантше ехать к тебе учительницей и надеялся, что она примет предложение; она и сама колебалась, но потом решительно отказала. Теперь Толе поручено сделать справки в Петербурге, не найдется ли там желающей.

Меня очень удивляет, что Папаша до сих пор не проехал. Уж не болен ли он? Я обедал 17 сентября у Катерины Васильевны, и она тоже недоумевает насчет Саши. Кстати, на этом обеде я видел невесту Васи Давыдова, и она мне очень не понравилась. От Моди я получил длинное и милое письмо. Он наверное будет жить в Корсуни. Про оперу свою

до сих пор не знаю ничего. Живу попрежнему, но продолжаю подумывать о женитьбе. Нежно тебя обнимаю, а также Леву и всех.

П. Чайковский.

Вчера мне пришлось присутствовать у одной знакомой дамы на раздирающей душу сцене. Сын ее, умный и милый молодой человек, объявил ей при мне, что едет в Сербию[1]. Представь, что она упала, как сноп, и потом, придя в себя, долго лежала с парализованным языком. Я был ужасно потрясен этой сценой.

Я послал сестрице Настасье Васильевне пятьдесят рублей за два года. Гора с плеч свалилась!

Получил ли Лева сигары и мое письмо?

241. М. И. Чайковскому

[Москва]
28 сентября 1876 г.

Милый Модя! Я затерял твое письмо и не могу отвечать по пунктам на твои аргументы антиматримониальные. Помню, что многие из них несостоятельны, многие, напротив, совершенно согласуются с моими собственными мыслями. Помню, что ты мне предсказываешь судьбу Кондратьева, Булатова и tutti quanti. Будь уверен, что если когда-нибудь мои замыслы осуществятся, то уж, конечно, я не пойду по стопам этих господ. Потом ты говоришь, что нужно плевать на qu'en dira-t'on! Это верно только до некоторой степени. Есть люди, которые не могут меня презирать за мои пороки только потому, что они меня стали любить, когда еще не подозревали, что я в сущности человек с потерянной репутацией. Сюда относится, например, С а ш а! Я знаю, что она о в с е м догадывается и все п р о щ а е т. Таким же образом относятся ко мне очень многие любимые или уважаемые мной личности. Разве ты думаешь, что мне не тяжело это сознание, что меня ж а л е ю т и п р о щ а ю т, когда в сущности я ни в чем не виноват! И разве не убийственна мысль, что люди, меня любящие, иногда могут с т ы д и т ь с я меня! А ведь это сто раз было и сто раз будет. Словом, я хотел бы женитьбой или вообще гласной связью с женщиной зажать рты разной презренной твари, мнением которой я вовсе не дорожу, но которая может причинить огорчения людям мне близким. Во всяком случае, не пугайся за меня, милый Модя. Осуществление моих планов вовсе не так близко, как ты думаешь. Я так заматорел в своих привычках и вкусах, что сразу отбросить их, как старую пер-

чатку, нельзя. [...] Итак, ты совершенно прав, говоря в своем письме, что нет возможности удержаться, несмотря ни на какие клятвы, от своих слабостей.

И все-таки я остаюсь при своих намерениях, и будь уверен, что так или иначе я их осуществлю. Но я сделаю это не вдруг и не необдуманно. Во всяком случае, я не намерен надеть на себя хомут. Я вступлю в законную или незаконную связь с женщиной не иначе, как вполне обеспечивши свой покой и свою свободу. А покамест еще ничего определенного в виду нет.

На-днях здесь была Ал. Арк. Давыдова. Я с ней виделся два раза — очень милая особа. Репетиции «Вакулы» начнутся с начала октября. Я совершенно успокоился на этот счет. Увидимся ли мы? Теперь, я думаю, ты можешь на это дать ответ положительный. Не могу не сказать в заключение этого письма, что я до безумия, до страсти обожаю Колю. Так или иначе, но этой зимой я должен вас обоих видеть.

П. Чайковский.

Кланяйся М-me Конради и Фофе.

242. А. И. Давыдовой

[Москва]
6 октября 1876 г.

Получил вчера твое и Левино письмо, милый друг мой Саня! Прежде всего отвечу тебе касательно покупки фортепьян. Я имею возможность купить по очень дешевой цене рояль Беккера из Консерватории, которая отдает мне инструмент по той же цене, по какой и сама покупает, а покупает она, разумеется, с огромной уступкой. Рубинштейн дал мне выбрать из трех инструментов тот, который мне наиболее понравится. Я остановился на одном, несколько уже подержанном, но очень милом инструменте, который будет вам стоить двести шестьдесят рублей. Покупая его, вы, конечно, не приобретаете нечто необыкновенное. Это просто хороший, звучный и прочный рояль, который у Вас охотно купят еще лет через десять за ту же цену (и даже дороже), которую вы дадите теперь! Консерватория на свой счет его отполирует и отчистит, но вам придется заплатить за провоз, который, я думаю, будет стоить рублей в двадцать пять. Деньги потрудись выслать прямо в Консерваторию, а за провоз я заплачу, и потом мы сосчитаемся.

Теперь насчет нот. Юргенсон выслал тебе ноты по Таниной записке. Если что найдешь лишним, присылай назад, не стесняясь. Очень рад, что ты довольна Блуменфельдом. Что

касается арфы, то ее всегда охотно купят, и если ты добьешься, чтоб тебе ее возвратили, то распорядись только, чтоб выслали сюда.

Пожалуйста, мой ангел, не беспокойся насчет моей предполагаемой женитьбы [1]. Во-первых, я вовсе не располагаю решиться на этот шаг в ближайшем будущем, и во всяком случае в нынешнем году (т. е. учебном году) этого наверное не случится. Но в течение этих нескольких месяцев я хочу только присмотреться и приготовиться к супружеству, которое считаю по разным причинам очень хорошим для меня делом. Будь уверена, что я не брошусь без оглядки в омут неудачного брачного союза. Соня Переслени (которая, впрочем, вряд ли и пошла бы за меня) окончательно вычеркнута из списка кандидаток. Я имел случай убедиться в изумительном б е с с е р д е ч и и этой девицы. Если это бессердечие приложить к ее взбалмошности, то выходит нечто ни мало для меня не подходящее. Насчет Толи я тоже немножко беспокоюсь; по моему совету, он написал ей письмо, которое должно разрешить их недоразумение. Но дошло ли это письмо и как оно было принято, об этом я ничего не знаю.

Крепко обнимаю тебя, мой Ангел.

П. Чайковский.

Крепко обнимаю всех детей. Господи, что бы я дал в эту минуту, чтобы поцеловать Бебинькину щечку.

Очень радуюсь, что Лева доволен сигарами.

243. А. И. Чайковскому

[Москва]
14 октября [1876 г.]

Боюсь, что моя телеграмма пришла к тебе ночью и напугала тебя. Дело вот как случилось. Юргенсон пишет мне, что он нашел покупщика для скрипки и что сей не дает более двухсот пятидесяти рублей. Юргенсон без меня не решался отдать за эту цену. Я сходил к нему, и, хорошенько сообразив все обстоятельства, мы решили продать ее. Но тут-то мне и пришла в голову мысль воспользоваться этими деньгами, которые нужны мне до зарезу.

Ведь, если я не ошибаюсь, деньги нужно возвратить Г у д и м у, и я думаю, что месяц он может без ущербу ждать, особенно если принять в соображение, что скрипка могла провисеть еще долго. Напиши мне об этом, Толичка.

Что делает «Вакула»? Я об этом не имею ни малейшего понятия и решительно не знаю, когда буду в Петербурге. Ра-

ботаю очень много. Делаю корректуры разных своих сочинений (в том числе Третий квартет) и с рвением сочиняю «Франческу». Последние дни провожу с Кондратьевым и Мещерским. С Кондратьевым мы все еще немножко en froid. Это не помешало нам вчера зело напиться пьяным. Поздравь меня. Я тебя съобезьянничал. Купил себе такую же сидячую ванну, как у тебя, и ежедневно в ней утром сижу в холодной воде. Это отлично на меня действует. Иду сейчас в класс.

Твой П. Чайковский.

О Модесте ни слуху, ни духу.

244. М. И. Чайковскому

Москва,
14 октября [1876 г.]

Милый Модя!

Уже недели две тому назад я стал удивляться твоему долгому молчанию. Удивление это мало-помалу стало превращаться в беспокойство, а теперь беспокойство выросло до тоски и страха. Завтра, если, придя в консерваторию, я письма от тебя не получу, то буду телеграфировать. Не могу объяснить твоего слишком долгого молчания иначе, как болезнью или, что гораздо вероятнее, пропажею одного или двух твоих писем. Если же это не что иное, как лень, тогда будет тебе стыдно.

Вчера у меня весь вечер просидели Кондратьев и Мещерский, и буквально весь вечер был посвящен разговорам о тебе и о твоем новом положении. Несмотря на разногласие во взглядах, все трое сходились в одном, а именно в том, что тебя любят самым искренним образом. В Мещерском ты имеешь замечательно преданного друга. Этот разговор навел на меня много мрачных мыслей. Ради бога, рассей их поскорее письмом и известиями о здоровье и хорошем состоянии духа.

Только что сейчас окончил новое свое произведение: фантазию на «Франческа да-Римини». Писал я ее с любовью, и любовь вышла, кажется, порядочно. Что касается вихря, то можно бы написать что-нибудь более соответствующее рисунку Доре, но не вышло так, как хотелось[1]. Впрочем, верное суждение об этой вещи и немыслимо, пока она не будет оркестрована и исполнена. О Сербском марше[2] я уже тебе писал. Что касается «Вакулы», то никаких положительных вестей не имею, хотя знаю, что ставить его понемножку начинают[3].

Не знаю, сообщал ли я тебе, что начал ежедневно брать утром холодные ванны, как Толя. Не можешь себе представить, как это великолепно влияет на мое здоровье. Никогда я так хорошо себя не чувствовал (при этом плюнь три раза), как теперь. Это обстоятельно (т. е. холодная вода) имело и будет иметь влияние на мои писания. Если в «Франческе» есть что-нибудь свежее и новое, то в значительной степени это зависит от воды.

Кондратьевы переехали сюда, но Николай Дмитриевич сегодня на две недели отправился в Харьков. Отношения с ним хорошие, с маленьким оттенком холодности; так, например Николай Дмитриевич говорит мне не Петя, как прежде, а Чайковский. Оно не лишено комизма. Алексей появился, и Николай Дмитриевич утверждает, что он никогда так хорошо не вел себя, как теперь. Мещерский был в Сербии и наделал много шума своими письмами оттуда. Он имеет очень бодрый и веселый вид.

Я очень заинтересовался делом Струсберга, которое идет теперь в суде, и я нередко на нем бываю[4]. Прощай, милый Модя. Я с лихорадочным нетерпением ожидаю известий от тебя. Поцелуй Колю миллион раз.

Твой П. Чайковский.

245. А. И. Чайковскому

[Москва]
26 октября [1876 г.]
Вторник, вечером.

Милый Толя!

Пишу тебе только несколько слов. В субботу утром я буду в Петербурге на один или два дня. Цель сего письма следующая. Модя мне телеграфировал, что 27-го будет в Петербурге. Я боюсь, чтоб мы не разъехались в случае, если они поедут через Москву в деревню. Скажи ему, чтоб подождал меня.

Твой П. Чайковский.

246. А. И. Давыдовой

Москва,
8 ноября 1876 г.

Ты наверно, голубушка моя, была не совсем здорова, когда писала мне свое письмо, в котором звучит ужасно грустная нотка. Читая это письмо, я узнал в нем особу, связанную со мной самой тесной кровной связью. Хандра, припадок

которой причинил грустный и меланхолический тон твоему письму, мне очень знакома. И у меня бывают часы, дни, недели и месяцы, когда все представляется в черном цвете, когда кажется, что все тебя покинули, бросили и никто тебя не любит. Но свою хандру я объясняю, кроме слабости и чувствительности нерв, своею холостой обстановкой, совершенным отсутствием элемента самоотвержения в жизни. В самом деле, я живу, исполняя по мере сил свое призвание, но без всякой пользы для отдельных личностей. Если я сегодня сотрусь с лица земли, то от этого может быть немножко потеряет русская музыка,— но уж наверно никто не сделается несчастным. Словом, я живу эгоистическою жизнью холостяка. Я работаю для себя, забочусь о себе, стремлюсь только к собственному благополучию. Это, конечно, очень покойно, но зато это сухо, мертво и узко. Но каким образом ты, для стольких существ совершенно необходимая, для стольких других полезная, а для третьих столь утешительная и дорогая, можешь поддаваться хандре,— этого я не понимаю. Как ты можешь сомневаться, что все, с которыми ты приходишь в соприкосновение, тебя любят! И разве можно тебя не любить? Я даже уверен, что такие пустые дурищи, как например М-me Булатова или Друцкая, хоть и сплетничают, а в глубине души тебя обожают. Нет, уж на этот счет, пожалуйста, успокойся. Наверное, нет человека в мире, которого бы больше любили, чем тебя. Да и есть за что! Это не только общая симпатичность твоя, но и вся твоя жизнь, которая ни на секунду никогда не была не чем иным, как благом для всех, которые хотя бы только издали соприкасались с тобой. Что касается меня лично, то смешно бы было уверять тебя, что я тебя люблю. Если я кого люблю, то это, конечно, тебя, твое семейство, братьев и нашего старичка. И люблю я всех Вас именно за то, что Вы не только самые близкие мне люди, но и самые лучшие люди на свете.

Я просто думаю, что у тебя расстроены нервы, что ты устала от вечной хлопотни не только о своих, но и о чужих. Еще мне кажется, что у тебя есть одно больное место, это твоя старшая дочка. Это место и у меня немножко болит. Я очень понимаю, что о Тане часто приходится задумываться. Она прелестная девушка, но я знаю, почему ты за нее страдаешь. Ты боишься, что замкнутая сфера семейной жизни недостаточна для ее широкой натуры; ты боишься, что она уже тяготится своей судьбой! Не так ли я угадал? Дай бог, чтоб не так. Но об этом пришлось бы говорить ужасно много, и я это отлагаю до личного свиданья.

С роялем вышло маленькое несчастье. Теперь до окончания мобилизации войск никаких грузов на Курскую дорогу не принимают [1]. Итак, тебе придется несколько времени подождать, а пока перевези рояль из Вербовки. При первой возможности рояль, который уже совершенно готов к предпринятию путешествия, будет отправлен.

Я жду теперь со дня на день приглашения в Питер, где моя опера ставится и будет дана в конце ноября [2]. В прошлую субботу здесь играли в первый раз мой Сербо-Русский марш, который произвел целую бурю патриотического восторга [3]. На рождестве я буду у тебя наверно. Надежда повидаться с тобой и твоими меня поддерживает и утешает.

Крепко, крепко тебя обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Лидия Генке с семейством здесь, но я еще ее не видел.

247. А. И. Чайковскому

Москва,
15 декабря 1876 г.

Милый Толя!

Напиши мне, голубчик, как здоровье Папаши. Я уже давно не имею об этом сведений [1].

Я решил мысленно поездку в Каменку не совершать. Во-первых, денег нет, но это неважно,— достать всегда можно. Во-вторых, боюсь задержек по случаю мобилизации, а также по причине заносов и мятелей. В-третьих, эта поездка, которая отнимет у меня на одну езду дня три туда, да столько же назад, не только не освежит, но напрасно утомит. В-четвертых, мне неловко после массы пропущенных классов снова пропускать, а это неизбежно в виду того, что у нас празднуется всего три дня. В-пятых, я, вероятно, буду что-нибудь в свободные дни писать. В-шестых, мне лень тронуться. Сначала по приезде сюда из Питера я чувствовал себя очень плохо, главнейшим образом страдал желудок, который не в меру принимал в себя в Питере шампанского. Теперь я чувствую себя (тпфу, тпфу, тпфу!) отлично и ощущаю непомерную потребность сидеть на месте. Нечего и говорить, что я бы в Каменку с тобой вместе съездил с удовольствием. Но один и на столь короткий срок! — как-то не хочется.

Впрочем, если ты собираешься и очень будешь меня уговаривать, я охотно поддамся. Билеты можно взять у Дервиза, не правда ли?!

Полагаю, что завтра приедет Коля. Мне он очень нужен вот по какому случаю. На-днях Генке мне пишет письмо,

прося, чтоб я дал ему взаймы двести семьдесят пять рублей до марта. Эти деньги ему нужны, чтоб заплатить по какому-то векселю, который предъявлен ко взысканию. Я с трудом достал сто рублей и послал ему, обещавши попросить остальные у Коли. Как ты думаешь, Генке отдаст или нет? В крайнем случае я бы мог и помимо Коли достать остальные сто семьдесят пять, но если б ты знал, до чего я з а п у т а н в долгах! Ежедневно я получаю в разных видах просьбы о деньгах и передаю направо и налево столько сумм, что мне, наконец, самого себя жалко. Признаюсь, что я бы с гораздо большей охотой дал бы тебе некоторую сумму для уплаты долгов. Я очень жалею и симпатизирую Лидии Петровне, но сам Генке никогда особенно сильной симпатии мне не вселял. Напиши мне, что ты об этом думаешь, и, пожалуйста, все это между нами, кроме, конечно, Модеста, которому скажи, что я буду ему писать на-днях отдельно.

Напиши мне, Толичка, что ты поделываешь, что Гламша, кого ты обвинял, часто ли видишь нашу компанию, т. е Аркадьевну [2], Фофку, Алинку [3], Карлушу, Иванишну и t u t t i q u a n t i.

Про себя скажу, что я теперь с о в е р ш е н н о з д о р о в (тпфу, тпфу, тпфу), доволен и покоен. Пишу вариации для c e l l o с оркестром [4]. Целую тебя. Не забудь мой плед, подушку и рубашки.

Твой П. Чайковский.

248. А. И. и Л. В. Давыдовым

Москва,
18 декабря [1876 г.]

Милые мои Саня и Лева!

К моему величайшему огорчению, я не решаюсь ехать в Каменку! Решение это я принял по следующим соображениям.

1) У меня свободного времени всего четыре дни, т. е. сочельник и три дни праздника. Потом начинаются классы. Так как мне ничего не вычитают за пропущенные часы, то я ничего не потеряю в материальном отношении, если проведу в Каменке целую неделю. Но после того, что я прожил три недели недавно в Питере, причем никто меня не заменял, мне неловко перед Консерваторией, тем более, что классы мои в самом деле немножко поотстали.

2) У меня набралось много работ и в том числе заказанных за деньги, которые очень удобно будет кончить во время свободных нескольких дней [1].

3) У меня сильно расстроенные нервы. Я знаю, что ничего не было бы целебнее для меня, как провести свободных недели две в Каменке, но я могу прожить у Вас не более двух-трех дней.

4) Всего же больше меня удерживает страх просидеть несколько дней на какой-нибудь станции, что не только возможно, но почти неизбежно. Что Александра Васильевна проехала в Москву благополучно,— это чистая случайность. Мой приятель Кондратьев, возвращавшийся в Москву из Сум, просидел в Курске сутки и в Туле полсуток. Лопухин-Демидов (что мне достоверно известно) третий день собирается и не может выехать из Москвы, ибо поезды вчера и третьего [дня] ходили только до Тулы. Словом, мысль подобно многим другим очутиться на какой-нибудь станции и провести в ней какой-нибудь праздничный день меня ужасает и останавливает. Итак, я решаюсь остаться, утешая себя мыслью, что проведу в Каменке страстную и святую неделю. Это наверно. Не сердитесь на меня, милые друзья! Мне очень, очень грустно, что не увижусь с Вами.

Рояль принимают следующим образом: до Курска он поедет как товар, до Киева с багажем. Затем из Киева, Лева, ты сам его достань тем или другим способом. Сегодня или завтра я получу квитанцию и перешлю тебе. Саня! Прочти письмо тетушки Ассьер, которое тебе передаст Александра Васильевна. Что мне с ней делать? Я послал покамест двадцать пять рублей. Но какое я ей буду искать место? Посоветуй.

[*Подписи нет.*]

249. А. И. Давыдовой

[Москва]
23 декабря 1876 г.

Ангел мой! Полагаю, что Александра Васильевна уже успела передать тебе письмо мое с объяснением, почему я не могу приехать. Очень сокрушаюсь об этой невозможности, в особенности теперь, когда праздник приближается. Народу наехало сюда множество, меня тормошат во все стороны по-петербургски, а я имел глупость воображать, что будет возможность заняться, воспользовавшись свободными днями! Господи, как у Вас будет весело на елке в новом уютном [доме?], и с какой завистью я об этом думаю. Меня злит также воспоминание прошлого года. В это время я совершал с Модей одно из приятнейших путешествий * в жизни!!!

* *В подлиннике ошибочно:* происшествий

Я решительно не знаю, что делать с роялью. До сих пор отправить товаром нельзя, а иначе обойдется до одного Киева около 60 рублей. Пожалуйста, будь уверена и покойна насчет того, что, как только явится возможность, рояль будет отправлен. Денег от Плесских я еще не получал.

Очень жалею, что не могу исполнить твою просьбу касательно дочери Лиды Генке. Завтра я у нее буду и поговорю об этом самым деликатным образом. Недавно как-то я получил письмо от Генке, просившего у меня 275 р. взаймы. К сожалению, я не мог дать ему более 100 р. сер., но через дня три он у меня был и сказал, что достал остальные деньги. Что мне делать с тетушкой Ассьер? Посоветуй.

На-днях здесь провел несколько дней граф Л. Н. Толстой [1]. Он у меня был несколько раз и в том числе провел два целых вечера. Я ужасно польщен и горд интересом, который ему внушаю, и с своей стороны вполне очарован его идеальной личностью.

Итак, приходится только письменно пожелать Вам всем счастья на новый год. Буду вспоминать, как мы чудно провели этот вечер в прошлом году. Крепко всех обнимаю.

П. Чайковский.

1877

250. А. И. Давыдовой

[Москва]
1 января [1877 г.]

Милый друг Саня!

В день, когда Александра Васильевна должна была уехать, я ей утром послал письмо, которое она хотела доставить тебе. Не знаю, почему это письмо не дошло до нее, но из твоего письма я вижу, что ты не прочла подробного изложения причин, почему я лишил себя величайшего удовольствия побывать у Вас на праздниках. Ты пишешь, что Александра Васильевна проехала туда и назад благополучно. Это чистая случайность. В тот самый день, как она уезжала, из Харькова приехал сюда мой приятель Кондратьев, который по крайней мере в трех местах ждал по несколько десятков часов возможности двинуться дальше. Все это ничего, когда имеешь перед собой много времени. Но в моем распоряжении была всего неделя.

Теперь отвечаю на твои вопросы. Рояль уже отправлен, и надеюсь, что Лева уже получил накладную. Но из Киева нужно доставить по особому распоряжению. Я имел возможность отправить его только до Киева и клянусь тебе, что эта отправка совершилась при первой возможности. Тут произошла только одна глупость. А именно: артельщик, отправивший рояль, устроил так, что за провоз заплатите вы же, а между тем у меня имеются Ваши деньги. Напиши мне, душа моя, что мне делать с деньгами, прислать Вам или ждать поручения? Состояние счетов следующее:

Рояль	260 р.
Нотный счет	51 р.
	311 р.

Вы прислали мне	300 р.
Взято у Левы в Питере	100 р.
Да от прежнего счета оставалось, кажется,	8 р.
Итого	408 р.
Следовательно Ваших	311 р.
Денег у меня всего	97 р. сер.

Перейдем к тетушке Ассьер. Я уже писал тебе, кажется, что на прочтенное тобой письмо я отвечал ей, чтоб она разъяснила в точности, какого рода занятий и места она желает. До сих пор я ответа не получал. Денег я ей послал всего 25 р. сер. Ты спрашиваешь, какова она? Я ее не видел никогда, но слышал от Папаши, от Лизаветы Михайловны и братьев, что она очень мила и симпатична. Адрес ее следующий: г. Ставрополь, Ставропольской губ., в Кавалерийском военном училище, в квартире казначея, Ольге Григорьевне Ассьер. Теперь у меня гостит ее сын Миша. Мальчик не лишен симпатичности, но его воспитатель очень на него мне жаловался за лень, беспорядочность и школьничество. Был на-днях у Лиды Генке и отвез детям хорошенькие подарки. Петю возил в театр.

Целую тебя, мой Ангел.

Твой П. Чайковский.

Как теперь адресовать к Вам письма??? На станцию Каменка или в Смелу?

251. А. И. Давыдовой

[Москва]
2 января 1877 г.

Милая Саня!

Вчера утром я тебе отправил письмо с подробным объяснением разных обстоятельств, но боюсь, что вследствие неверного адреса это письмо или вовсе не дойдет до тебя или дойдет позже. А главное, меня беспокоит, что письмо к Леве, посланное за неделю перед этим со вложением квитанции от страхового общества в посылке рояля, подвергнется той же участи. Я его адресовал так: по Фастовской дороге, на станцию Каменка. Между тем Екатерина Васильевна, у которой я вчера обедал, говорит мне, что нужно все-таки по старому адресовать в Смелу. Если действительно мои два письма, из коих одно страховое, не дошли еще до тебя (в чем я сомневаюсь), то пошли тотчас же на железнодорожную станцию Вашу и вытребуй эти письма. А главное, ради бога, не

сердись, если из-за неверного адреса произойдет задержка в получении инструмента. Скажи Плесским, что деньги я получил и инструмент на-днях будет выслан. Я откладываю более подробные сведения о цене и т. д. до отсылки инструмента.

Накануне Нового года я взял к себе в отпуск двоюродного брата Мишу Ассьера. Он останется у меня до 6-го числа. На сей раз я нашел в мальчике много симпатичных сторон. К сожалению, он не может вынести ничего особенно назидательного из пребывания у меня. Для него важно было бы провести несколько дней в хорошем семейном доме. Мне пришла в голову мысль, не позволишь ли ты и Лева, чтоб я привез его на лето к Вам? Это было бы для него очень полезно и благодетельно. В моем неверно адресованном письме я сообщил тебе адрес его матери. На всякий случай пишу еще раз: Ставропольской губ., в г. Ставрополь, в Военном Училище, кварт. казначея, Ольге Григорьевне Ассьер.

Целую тебя как можно крепче. Все эти дни живу воспоминанием о прошлом годе. Вчера была годовщина моего обеда, а сегодня — Левиной болезни.

Твой П. Чайковский.

252. М. И. Чайковскому

Москва,
2 января 1877 г. *

Милостивый Государь
Модест Ильич!

Я не знаю, помните ли Вы еще о моем существовании. Я прихожусь вам родным братом. Состою профессором здешней консерватории и написал несколько сочинений, как-то: опер, симфоний, увертюр и других. Когда-то Вы удостаивали меня Вашим лестным вниманием. Мы даже совершили с Вами в прошлом году путешествие заграницу, оставившее в сердце моем неизгладимо приятные воспоминания. Потом Вы нередко писали мне милые и весьма интересные письма! Теперь все это кажется мне лишь сладким, но несбыточным сновидением. Да, Вы забыли и не хотите знать меня!!!

Но я не таков, как Вы. Несмотря на мою ненависть к ведению корреспонденции, несмотря на усталость (теперь двенадцать часов ночи), сажусь, чтобы напомнить Вам о себе и воодушевляющих меня чувствах любви к Вам.

Итак, братец, поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам счастия, здоровья, а в делах Ваших скорого и счастливого

* *В подлиннике описка:* 1876 г.

успеха. Кланяюсь я милому птенцу Вашему Николеньке и прошу преподать ему поцелуй от нежной и любвеобильной души моей. И напишите, братец, как ихнее здоровье и веселы ли они и помнят ли меня.

А я, братец, праздник провел бездельно и не ахти весело. Хотел заниматься, да все мне мешали. А теперь живет у меня в отпуску родственник наш Миша Ассьер, и мальчик они, ей богу, очень симпатичный и милый. И я, братец, все вечера просиживаю с ними дома. Да еще, братец, частехонько бывает у меня (и ваш он тоже знакомый) Котек, которого очень и очень я долюбливаю.

А перед праздниками, братец, очень я близко сошелся с писателем графом Толстым, и очень они мне понравились, и имею я теперь от них очень милое и дорогое для меня письмо. И слушали они, братец, мой Первый квартет и во время Анданте ажно слезы проливали. И очень я, братец мой, этим горжусь, и ты, братец мой*, не забывайся, потому я ведь, братец ты мой, птица довольно важная. Ну, прощай, братец ты мой.

Твой разгневанный брат
П. Чайковский.

253. А. И. Давыдовой

Москва,
4 января 1877 г.

На меня сегодня нашло раздумье. Плесские мне прислали 200 рублей. Я сегодня рассмотрел множество пианин. Самые дешевые стоят 225 р. Но это такая гадость, что я ни за что в мире не решусь им послать. Хорошее пианино и новое стоит по меньшей мере 350, 375 рублей. Достать пианино так, как я для вас достал рояль, — нельзя. В Консерватории этих инстументов нет. По случаю, конечно, можно купить подержанное пианино и дешевле. Но, во-первых, подержанное пианино нельзя рекомендовать, а во-вторых, нужно ждать случая, а случай может и не представиться. Вообще почему они хотят непременно пианино? Если это необходимо потому, что места нет, — тогда и толковать нечего. Если же Плесские думают, что пианино дешевле, то они ошибаются. Я видел сегодня у Юргенсона несколько пианино Штейнве, которые стоят 1000 р.! А главное, что рояль я могу достать в Консерватории по очень дешевой цене, пианино же там нет. Словом, скажи

* совершенно противуположный предыдущему тон горделивой презрительности *(прим. Чайковского)*

им, что хорошее пианино, за которое я могу поручиться, дешевле 350 р. найти не могу. Рояль же (стоющий гораздо больше) я могу достать хороший за эту же цену. Пожалуйста, мой Ангел, поговори с Верой Андреевной, и пусть они дадут мне ответ положительный. Я хотел было прямо послать им пианино в 350 р., но боюсь, что эта цена им не понравится. Дешевле же, повторяю, хорошего инструмента достать не могу.

Какой невежа твой племянник? Хотя бы ради того, что ты поручила передать мне деньги Плесских, он мог бы потрудиться сам приехать. Он прислал мне эти деньги с Женей Пересленi, да еще потом поручил мне передать, чтоб я прислал росписку! C'est inouï! *

Крепко тебя обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Я бы попросил поскорее отвечать на это письмо.

254. А. И. Чайковскому

[Москва]
12 января 1877 г.

Милый Толя!

Сегодня утром получил твое письмо. Оно меня очень расстроило. С чего ты вздумал хандрить? В самом деле, это мне непонятно. Женщины в тебя влюбляются, служба тебе улыбается, все, кто тебя знает, тебя любят! Одного разве нет — денег! Неужели они единственная причина твоего мрачного состояния духа? Но ведь если это так, то мне остается топиться, ибо более запутанных дел, чем мои, трудно себе представить. Вообще, Толя, очень бы мне хотелось с тобой повидаться. Не найдешь ли ты возможным на масленице приехать на целую неделю ко мне? Может быть, в виду Папашиной болезни и старости следовало бы мне искать всякого случая ездить в Петербург. Но после «Вакулы» эта столица уж слишком стала мне противна, и ты заранее можешь предвидеть, что в Петербурге я гораздо меньше буду с тобой, чем в Москве. Разумеется, жизнь в Москве тебе не будет стоить ни копейки. Жду твоего ответа. Если ты предпочтешь приехать не на масленице, а раньше, то еще лучше. Я очень, очень хотел бы тебя видеть.

К Гламше я не пойду, покамест она меня не позовет. Я с ней виделся не раз и был очень внимателен. Она очень хорошенькая, женщина, но [[...]] признаться, буду очень рад, если можно будет обойтись без посещений ее. Кстати, дела набра-

* это неслыханно!

лось множество, и кроме дела я день и ночь занят мыслью о поездке в Париж в марте, с целью дать там к о н ц е р т, что мне советуют все и здесь и из Парижа. Для этого концерта нужно ни мало, ни много две тысячи рублей! А где их взять? Тем не менее все распоряжения уже сделаны, а если денег не достану — отменю [1]. Колебаться же и выжидать нельзя. Прошу тебя кроме Модеста никому об этом пока не говорить.

Приезжай, милый Толя!

Твой П. Чайковский.

255. А. И. Давыдовой

Москва,
19 января 1877 г.

Получив твое письмо, мой Ангел Саня, я тотчас же отвез Екатерине Васильевне 200 р. сер. Что касается остальных денег, то у меня к тебе большая просьба. Ради бога, позволь им немножко у меня полежать. В последнее время я немножко позапутался и сижу без гроша. Мне очень совестно, что я так неделикатно с тобой поступаю, но ведь я задержу ваши деньги очень ненадолго. Через месяц я поправлю свои делишки и пришлю их тебе, или же ты дашь мне какое-нибудь поручение.

Очень и очень боюсь я, что рояль тебе не понравится. Ему пришлось долго на жестоком морозе ожидать своей отправки. Не подействовало ли это на него? Во всяком случае знай одно. В случае, если вы будете инструментом недовольны, я за ту же цену тотчас же отдам его в Консерваторию, и вы во всяком случае ничего не потеряете. Даже издержки на отправку Консерватория возьмет на себя.

У меня зародился теперь план поездки в Париж с целью дать там концерт из своих сочинений, и все мои помыслы направлены теперь к приведению в исполнение смелого предприятия. Что это полезно будет для распространения моей известности, об этом и говорить нечего, но денег оно будет стоить много, и достану ли я их, это большой еще вопрос, хоть и есть надежда.

Катарр мой разыгрался совсем. Летом необходимо будет полечиться, а между тем сомнительно, чтобы я попал заграницу. Если останусь в России, то буду пить воды в Вербовке. На святой неделе надеюсь быть в Каменке и приветствовать начало весны вместе с тобой.

Будь здорова, моя голубушка. Целую крепко тебя, Леву и всех.

Твой П. Чайковский.

256. А. И. Давыдовой

Москва,
22 февраля [1877 г.]

Милая и дорогая Саня!

Непомерно виноват перед тобой. Уж давно собираюсь ответить тебе и Леве на Ваши милые письма, да лень и суета мешали. Суета происходила в значительной степени оттого, что я кроме нескольких спешных работ был занят мыслями об известном тебе намерении устроить концерт в Париже. Теперь план этот бухнул в реку забвения, или, по крайней мере, исполнение его отложено до более благоприятного времени. Мне нужно было для реализирования моего плана две тысячи рублей. Денег этих я не достал. Будем надеяться, что в будущем году эту очень полезную для меня поездку я осуществлю.

На масленице я был в Петербурге и провел несколько приятных дней. На Папашу я не мог нарадоваться; такой он стал опять бодрый, веселый и ласковый. Во время его болезни меня особенно грустно поражало отсутствие этой обычной ласковости. Однакож Лизавета Михайловна немножко на него жалуется. Он стал на нее иногда сердиться не на шутку. Всю прошлую неделю у меня прожил к великой моей радости Голя, приезжавший сюда с специальною целью пожить со мной, да кстати послушать музыку моего балета, который наконец поставлен[1]. Вообще я теперь наводнил произведениями своей музы несчастную Москву[2]. Что ни день, играются мои вещи, и даже я решился недавно выступить в качестве дирижера. Хотя очень неумело, очень несмело и неуверенно, но с большим успехом я продирижировал недавно в Большом театре свой Русско-сербский марш[3]. Я теперь вообще буду искать случаев появляться публично дирижером своих вещей. Нужно победить свою сумасшедшую застенчивость, так как, если мой план поездки заграницу осуществится, нужно будет самому капельмейстерствовать.

Думаю непременно приехать к Вам в Каменку в начале страстной недели и прогостить до конца святой. Кстати! Наднях у меня будут деньги. Не прикажешь ли купить чего-нибудь нужного и привезти? Если нет, то пришлю деньги. Очень благодарен Леве за позволение отложить уплату долга.

На прошлой неделе я получил от Беккера, известного фортепианного фабриканта, великолепный подарок, т. е. новый превосходный рояль. Как то Вы нашли ваш инструмент? Боюсь, что в дороге и еще раньше здесь он пострадал от мороза. Благодарю за карточки Тани и Анны. Они производят фурор.

Крепко тебя обнимаю, мой Ангел.

Твой П. Ч.

Получил наконец известие от тетеньки Ассьер. Она получила место и живет в Екатеринодаре. Место казенное в институте.

257. Е. М. Чайковской

[Москва]
18 апреля 1877 г.

Милая моя Лили!

Я должен отдать Вам за себя, Сашу и Колю 210 рублей сер. «Вакула» шел два раза. Я слышал, что сборы были неполные, но надеюсь, что рублей 250 мне все-таки придется получить. Теперь вот в чем заключается моя просьба. При этом письме я прилагаю доверенность на имя И. И. Юргенсона. Пусть Толя отнесет эту доверенность к Кондратьеву, адрес которого я позабыл, но достать который очень легко. Кондратьев засвидетельствует мою подпись, и тогда доверенность нужно отнести к Юргенсону, который обещал мне получить за меня деньги. Таким образом я буду с Вами квит. Засим я прошу Толю сходить к Мале и сказать ей, что Саша мне поручила отдать ей 60 рублей. Деньги эти я истратил, но пришлю их около 1-го числа. В субботу Вы узнаете, не пойдет ли «Вакула» еще один раз. Если да, то нужно будет подождать до конца месяца, если нет, то получить деньги за два представления.

Здоровы ли вы, мой Ангел, и как чувствует себя милый, дорогой Папочка? Скажите ему, что я крепко, крепко целую его ручки. Вас нежно обнимаю.

П. Чайковский.

258. А. И. Чайковскому

1877 г. май. Москва.

Милый Толя!

Посылаю тебе покамест только сто рублей. Отдай из них остальное, что следует, Папаше и Сашины шестьдесят рублей Мале. Остальные же шестьдесят решительно отдать ей теперь не могу. Мои блестящие дела, о которых я тебе писал, утратили свой блеск. Я еду в воскресенье 29 мая в десять часов в Глебово. Пожалуйста, напиши мне туда. Я тебе тоже напишу. Адрес Глебова следующий: Московской губернии, в г. Воскресенск (Новый Иерусалим), оттуда в сельцо Глебово, К. С. Шиловскому, для передачи П. И. Ч.

Я от экзаменов устал ужасно. Жду деревни, как избавления от тягчайшего ига. Пишу тебе между двумя экзаменами в консерватории и потому не распространяюсь. Прими уверение в моей нежной любви к тебе. Папашу и Лизавету Михайловну нежно целую.

Твой П. Чайковский.

259. А. И. Чайковскому

[Москва]
18 мая [1877 г.]

Милый Толя!

Твое письмо меня сразило. Неужели эти 170 р. 60 коп. приходятся мне за два представления? Значит, театр в оба раза был совершенно пуст! Меня это убивает больше со стороны сразу упавшего интереса к опере. Пожалуйста, ответь мне тотчас[1]. Если окажется положительным образом, что деньги получены за о б а представления, то я тебе тотчас же вышлю сто пятьдесят рублей, чтоб расквитаться и с М а л е й и с Папашей. Тотчас же отвечай. Я вернулся из деревни вчера вечером. Был двое суток у К о с т и Ш и л о в с к о г о. Ездил я к нему, чтобы поручить ему о б д е л а т ь сценариум будущей оперы. Толя! я напишу п р е л е с т н у ю о п е р у, совершенно подходящую к моему музыкальному характеру. Ты очень удивишься, когда я тебе скажу название оперы. Все, кому я сообщал об этом, сначала удивляются, а потом приходят в в о с т о р г. И знаешь, кто мне дал эту мысль? Л а в р о в с к а я. Опера эта будет: «Е в г е н и й О н е г и н»! Сценариум составлен прелестно[2].

Последний экзамен будет 28-го. На другой день я отправляюсь к Косте Шиловскому, у которого приготовлен для меня целый флигель с фортепиано. Там я с жаром примусь за оперу и буду писать до тех пор, пока не почувствую желания отдохнуть и съездить обновиться духом к Саше. Это случится, вероятно, как-раз к твоему отпуску, так что ты можешь заехать за мной в Г л е б о в о, и тогда вместе направим наши стопы к Саше. Если ты согласен, то я тебе объясню, как ехать к Шиловскому. Впрочем, это очень просто. Остановишься на станции Крюково между Клином и Москвой. Здесь наймешь лошадей и около тридцати верст среди прелестной местности будешь ехать до Г л е б о в а, где я тебя встречу с распростертыми объятиями.

Твой П. Чайковский.

260. М. И. Чайковскому

[Москва]
18 мая [1877 г.]

Милый Модя!

Прости, что так долго не отвечал. Я ездил в деревню на три дня к Конст. Шиловскому и очень приятно провел время. Вот что я тебе скажу насчет «Инесы».

Она не возбудила во мне ни тени интереса. Она не вызвала во мне ни малейшего желания приняться за работу,— верный признак, что этот сценариум не заключает в себе задатков хорошей оперы. Признаюсь, страдания Инесы какие-то мелодраматико-романтические, отзывающиеся лубочными романами. Характеров нет вовсе. Единственное подобие интересного характера Педрина, но она является только в первом акте. Сцена переодевания во втором акте до-нельзя натянута и неестественна. Все это так эпизодично и так мало поэтично! Нет, дружище Модя, ты в составители либретто не годишься, но за доброе намеренье merci.

На прошлой неделе я был как-то у Лавровской. Разговор зашел о сюжетах для оперы. Ее глупый муж молол невообразимую чепуху и предлагал самые невозможные сюжеты. Лизавета Андреевна молчала и добродушно улыбалась, как вдруг сказала: «А что бы взять «Евгения Онегина?» Мысль эта показалась мне дикой, и я ничего не отвечал. Потом, обедая в трактире один, я вспомнил об «Онегине», задумался, потом начал находить мысль Лавровской возможной, потом увлекся и к концу обеда решился. Тотчас побежал отыскивать Пушкина. С трудом нашел, отправился домой, перечел с восторгом и провел совершенно бессонную ночь, результатом которой был сценариум прелестной оперы с текстом Пушкина. На другой день съездил к Шиловскому, и теперь он на всех парах обделывает мой сценариум. Вот тебе этот сценариум вкратце: Действие 1. Картина первая. При открытии занавеса старуха Ларина с няней вспоминают старину и варят варенье. Дуэт старух. Из дома слышно пение. Это Татьяна и Ольга под аккомпанемент арфы поют дуэт на текст Жуковского. Являются крестьяне с последним снопом, поют и пляшут. Вдруг казачок докладывает: «Гости!» Переполох. Входят Евгений и Ленский. Церемония представления и угощения (брусничная вода). Евгений Ленскому, а женщины друг другу сообщают свои впечатления: квинтет à la Mozart. Старуха уходит готовить ужин. Молодежь остается гулять попарно. Они чередуются (как в «Фаусте»). Татьяна сначала дичится, потом влюбляется. Картина 2. Сцена с ня-

ней и письмо Татьяны. Картина 3. Сцена объяснения Онегина с Татьяной. Действие 2. Картина 1. Именины Татьяны. Бал. Сцена ревности Ленского. Он оскорбляет Онегина и вызывает на дуэль. Общий ужас. Картина 2. Предсмертная ария Ленского и дуэль на пистолетах. Действие 3. Картина 1. Москва. Бал в Собрании. Свидание Тани с целой вереницей тетушек и кузин. Они поют хор. Появление генерала. Он влюбляется в Татьяну. Она ему рассказывает свою историю и соглашается выдти за него замуж. Картина 2. В Петербурге. Татьяна ждет Онегина. Он является. Огромный дуэт. Татьяна после объяснения поддается чувству любви к Евгению и борется. Он умоляет ее. Является муж. Долг берет верх. Онегин в отчаянье убегает.

Ты не поверишь, до чего я ярюсь на этот сюжет. Как я рад избавиться от эфиопских принцесс, фараонов, отравлений, всякого рода ходульности. Какая бездна поэзии в «Онегине». Я не заблуждаюсь; я знаю, что сценических эффектов и движения будет мало в этой опере. Но общая поэтичность, человечность, простота сюжета в соединении с гениальным текстом заменят с лихвой эти недостатки.

Модя. Я очень виноват перед тобой. Ты поручил мне купить что-то для Коли. Но я первое письмо твое затерял и решительно не помню, что ты велел купить. Пожалуйста, попроси Алину Ивановну поручить это Кольрейфам. 29-го числа я уезжаю к Косте Шиловскому и проживу у него с месяц. Пиши туда. Адрес: Московская губ., Звенигородского уезда, в заштатный город Воскресенск, оттуда в Глебово.

П. Чайковский.

261. Л. В. Давыдову

[Москва]
19 мая 1877 г.

Милый друг Лева!

Во-первых, я, конечно, виноват, что не писал ни разу с возвращения в Москву. Во-вторых, mercі за милое приглашение. Я буду у Вас во второй половине лета, а не теперь. Причины следующие. В шестидесяти верстах от Москвы живет старший из братьев Шиловских, очень талантливый и милый человек, жену которого я тоже очень люблю. Этот Шиловский по моему указанию пишет теперь для меня либретто оперы. Как только кончатся экзамены, я еду к нему и тотчас же приступаю к сочинению оперы. Я живу у него в отдельном огромном флигеле, вдали от дома, так что ничто и никто не может мешать, а сочи-

нение оперы для меня дело такого рода, что 1) в течение известных часов я не должен видеть ни души и знать, что никто меня не видит и не слышит; сочиняя, я имею привычку громко петь, и мысль, что меня слышат, мне очень мешает.

2) я имею в своем распоряжении фортепиано тут же, т. е. в моей спальне, — без этого условия писать я не могу, по крайней мере, скоро, покойно и легко.

Вот эти-то два условия я не могу найти в Каменке. А писать оперу мне необходимо, так как я чувствую теперь к этому делу непреодолимое влечение и упускать время нельзя. Левушка, ты знаешь, что если собрать в одну кучу всех моих друзей и в том числе Шиловских, то моя любовь ко всей этой куче не будет равняться и сотой доле моей безграничной любви к Саше, к тебе, к твоим детям, ко всем каменским Давыдовым. Там соединились все предметы моих самых нежных чувств. Но ты согласишься, что я не встречу в Каменке условий, благоприятных для сочинения, по крайней мере, такого сложного и трудного, как опера. В Вербовке это скорее было возможно.

Итак, душа моя, я приеду к Вам во второй половине лета, чтоб отдохнуть сердцем, душой и умом. Видеть Вас для меня неотложная потребность. По всей вероятности, я пригоню свое пребывание в Каменке к тому времени, когда Модест с Колей и Толя тоже сберутся к Вам.

Я ужасно устал от Москвы и Консерватории. Жду с величайшим нетерпением конца. Заграницу вряд ли поеду, хотя в Виши следовало бы съездить. Я буду пить воды у Шиловских.

Итак, до свиданья, голубчик. Целую Вас всех самым нежным образом.

Твой П. Чайковский.

262. М. И. Чайковскому

[Москва]
23 мая 1877 г.

Милый Модя!

Получил вчера твое письмо. Совершенно верно, что Мещерский преувеличил все во сто раз[1]. Все твои извинения и изъяснения принимаю. Желательно только, чтоб ты освободился от своего недостатка, который тем более заметен, что он выделяется из прекрасного фона твоей теплой и милой души. N'en parlons plus *.

Если хочешь, то я менее, чем кто-либо, могу укорять тебя в этом недостатке, ибо заражен им только немного менее

* Не будем больше говорить об этом.

тебя. Все мои отношения к Шиловскому в сущности суть эксплоатация и довольно неблаговидная и унизительная для меня[2]. Правда, он навязывал мне деньги, но ведь я мог их не брать. Впрочем, я уже сказал: n'en parlons plus.

Не помню, писал ли я тебе, что выбрал сюжетом для оперы «Евгения Онегина». Что ты на это скажешь?

Экзамены кончаются, близится отъезд,— но у меня на душе не так легко, как бывало прежде. Мысль, что опять придется ту же канитель тянуть, опять классы, опять Николай Львович, опять разные дрязги,— все это меня смущает и отравляет мысль о свободных трех месяцах[3]. Стар я становлюсь! Во всяком случае я еду отсюда на один месяц к Шиловскому и хочу поработать над «Онегиным». Потом, вероятно, к Саше, но мне нужно знать наверное, когда ты с Колей отправишься к ней же. В конце лета хочу либо на Кавказ, либо за границу, смотря по курсу [...].

Иногда мне кажется, что провидение, столь слепое и несправедливое в выборе своих протеже, изволит обо мне заботиться *. В самом деле, я начинаю иногда усматривать не пустую случайность в некоторых совпадениях обстоятельств. Кто знает, быть может это начало религиозности, которая если когда-нибудь обуяет меня, то уж всецело, т. е. с постным маслом, с ватой от Иверской и т. п.

Посылаю тебе карточку мою с Котиком вместе [...] Не забудь написать мне по адресу Шиловского: Моск. губ. заштатный гор. Воскресенск, в сельцо Глебово. Прощай, милый Модя! Колю обнимаю с самой теплой нежностью. Алине Ивановне и ее супругу поклон. Милой Фофе тоже.

Твой П. Чайковский.

263. М. И. Чайковскому

Глебово,
9 июня [1877 г.]

Вчера получил твое письмо, милый Модя. Сначала твои критики на выбор «Онегина» меня разозлили, но это продолжалось одно мгновенье. Пусть моя опера будет несценична, пусть в ней мало действия,— но я влюблен в образ Татьяны, я очарован стихами Пушкина и пишу на них музыку потому, потому что меня к этому тянет. Я совершенно погрузился в сочинение оперы. Правда и то, что нельзя себе представить обстановки более благоприятной для сочинения, как та, которою я пользуюсь здесь. В моем распоряжении целый отдель-

* Тпфу, тпфу, тпфу! *(прим. Чайковского).*

ный, превосходно меблированный дом; никто, ни одна душа человеческая, кроме Алеши, не появляется ко мне, когда я занят, а главное, у меня фортепиано, звуки которого, когда я играю, не доходят опять-таки ни до кого, кроме Алеши. Я встаю в 8 часов, купаюсь, пью чай (один) и потом занимаюсь до завтрака. После завтрака гуляю и опять занимаюсь до обеда. После обеда совершаю огромную прогулку и вечер просиживаю в большом доме. Общество здесь состоит из обоих хозяев, двух старых дев Языковых и меня. Гостей почти не бывает,— словом, здесь очень покойно и тихо. Местность в полном смысле восхитительная. Но что ужасно — это погода: холод такой, что по утрам ежедневные морозы. До сих пор не было ни одного теплого летнего дня.

В силу всего вышеизложенного работа моя быстро подвигается вперед, и еслиб мне не трогаться отсюда до августа, то я бы наверное успел написать всю оперу начерно, а осенью занялся бы оркестровкой. Но в начале июля я отсюда вероятно тронусь. Не думаю однако же, что попаду в Гранкино. Нужно несколько дней провести в Москве с Котиком, потом поехать к Саше, где я надеюсь тебя увидеть, а потом хоть немножко за-границу съездить. Меня опять тянет туда неудержимо. Прощай, милый Модя. Пожалуйста, возгорись симпатией к моей рождающейся опере. Всю вторую картину первого акта (Татьяна с няней) я уже написал и очень доволен тем, что вышло. Бо́льшая часть первой картины тоже уже написана. Нежно целую Колю. Собственникам Гранкина кланяюсь и Софье Александровне тоже.

Твой П. Чайковский.

264. А. И. Чайковскому

[Глебово]
15 июня [1877 г.]

Милый Толичка!

Сегодня получил твое письмо и тороплюсь тебе ответить. Я здесь уже ровно две недели. Обставлен я самым благоприятным образом для занятий. Занимаю целый флигель, имею в услужении Алешу, имею в своей гостиной рояль,— словом, нельзя себе представить бо́льших удобств. Общество здешнее тоже мне весьма по-сердцу, библиотека великолепная, местность бесподобная, и гулять мне ничто не мешает. Я распределил день самым правильным образом, работаю очень аккуратно в известные часы, и так как ничто решительно не препятствует мне заниматься, то опера идет успешно. Весь первый акт в трех

картинах уже готов, сегодня я принялся за второй. Если б я остался здесь все лето, то нет никакого сомнения, что опера в конце лета была бы готова, но остаться я здесь не могу, да и не хочу по разным причинам. Я даже сомневаюсь, Толя, что тебе придется ехать сюда за мной. Очень может быть, что после Петрова дня я уеду в Москву и буду ожидать тебя там. Впрочем, я во всяком случае уведомлю тебя своевременно, где мы увидимся: здесь или в Москве.

Ругай сколько хочешь «Евгения Онегина», а я пишу свою музыку с большим удовольствием и знаю наверное, что поэтичность сюжета и несказанная красота текста возьмут свое [1]. Сцена Татьяны с няней вышла у меня мило (скажите: «какое самохвальство»), да и вообще я доволен.

Толя! расцелуй Папашу и Лизавету Михайловну и скажи, что не пишу потому, что тебе поручил уведомить о том, что я здоров и весел.

Здоров-то я, слава богу, здоров, но желудок все тот же, изжоги те же, и лечиться в конце лета я решил во что бы то ни стало.

Целую тебя крепко.

П. Чайковский.

265. И. П. Чайковскому

Глебово,
23 июня 1877 г.

Милый и дорогой Папочка!

Ваш сын Петр задумал жениться. Так как он не хочет приступить к бракосочетанию без Вашего благословения, то и просит Вас, чтоб Вы благословили его на новую жизнь. Женюсь я на девице Антонине Ивановне Милюковой. Она бедная, но хорошая и честная девушка, очень меня любящая. Милый мой Папочка, Вы знаете, что в мои года не решаются жениться без спокойной обдуманности, а потому не тревожьтесь за меня. Я уверен, что моя будущая жена сделает все, чтобы я был покоен и счастлив. Прошу Вас кроме Лизаветы Михайловны не говорить об этом покамест никому. Саше и братьям я сам напишу.

Будьте здоровы, мой голубчик, и отвечайте мне сейчас же. Адресуйте письмо в Москву, в Консерваторию. Целую крепко Вашу ручку и у Лизаветы Михайловны тоже [1].

Ваш сын Петр.

266. А. И. Чайковскому

Глебово
23 июня [1877 г.]

Милый Толя! Ты очень верно догадался, что я что-то от тебя скрываю, но этого что-то ты не угадал. Дело вот в чем. В конце мая совершилось одно обстоятельство, которое я до времени хотел скрыть от тебя и от всех близких и дорогих людей, дабы Вы напрасно не тревожились о том, как, что, на ком, зачем, хорошо ли я делаю и т. д. Я хотел кончить все дело и потом уж открыться вам всем. Я женюсь. При свидании расскажу тебе, как это случилось. Я сделал предложение в конце мая, хотел устроить свадьбу в начале июля и потом уж известить всех вас об этом. Но твое письмо меня поколебало. Во-первых, я не могу же избегнуть встречи с тобой, а ломать комедию, выдумывать причины, почему я не еду с тобой в Каменку,— было бы трудно. Во-вторых, я сообразил, что без благословения (предварительного Папаши) неловко соединиться брачными узами. Итак, я решил открыться теперь же. Передай Папочке прилагаемое письмо. Пожалуйста, не беспокойся обо мне, я поступил очень обдуманно и приступаю к этому важному шагу в жизни совершенно покойно. Что я совершенно покоен, это ты можешь вывести из того, что в виду близкой свадьбы я мог написать две трети оперы. Я женюсь на девушке не особенно молодой, но вполне порядочной и имеющей одно главное достоинство: она влюблена в меня, как кошка. Она совершенно бедна. Зовут ее Антонина Ивановна Милюкова, она родная сестра мужа Настеньки Хвостовой. Итак, я не только объявляю тебе о предстоящей свадьбе, но и приглашаю на нее. Ты будешь вместе с Котеком единственными свидетелями венчанья, которое должно произойти тотчас после твоего приезда. Затем ты уедешь в Каменку, а я проведу недели три с женой (как это странно звучит!). Я выговорил себе право весь август путешествовать. В Каменке я буду, но долго не останусь. Лечиться мне необходимо, необходимо также докончить оперу. Все это я сделаю, уехавши на Кавказ или заграницу, если только денег хватит. Жена между тем наймет и устроит квартиру, так что я возвращусь в лоно своего семейства. Итак, до свиданья, любезный шафер. Жду тебя 6-го числа утром в Москве, в Крестовоздвиженском переулке.

Твой П. Чайковский.

Попроси Папашу решительно никому не говорить об этом, и ты тоже не говори никому. Саше и братьям я напишу сам.

267. М. И. Чайковскому

Москва,
5 июля [1877 г.]

Милый Модя! Когда ты получишь это письмо, я уже буду женат. На-днях произойдет моя свадьба с Антониной Ивановной Милюковой. Дело это было решено еще в конце мая, но я его покамест держал в секрете, чтоб не терзать тебя и всех близких мне неизвестностью и сомнениями до тех пор, пока факт не совершится. Доказательством того, что я приступаю к этому совершенно покойно и обдуманно, служит то, что в виду близкого бракосочетания я прожил совершенно покойно и счастливо целый месяц в Глебове, где написал две трети оперы. После свадьбы, на которой Толя будет присутствовать, я поеду с женой (как это странно звучит) в Питер на несколько дней, потом проживу с ней до августа, а август пропутешествую, если хватит денег. Заеду и в Каменку, но главная моя цель Эссентуки, ибо мне очень нужно полечиться. Тотчас после приезда в Питер я тебе напишу подробно, а теперь времени нет. Хлопот бездна.

Целую тебя крепко и Колю тоже.

Твой П. Чайковский.

268. А. И. и Л. В. Давыдовым

Москва,
5 июля 1877 г.

Милые и дорогие мои Саша и Лева!

На-днях совершится мое бракосочетание с девицей Антониной Ивановной Милюковой. Сообщая Вам об этом известии, я пока воздержусь от описания качеств моей невесты, ибо кроме того, что она вполне порядочная девушка и очень меня любит, я еще очень немного о ней знаю. Только когда мы несколько времени поживем вместе, черты ее характера раскроются для меня совершенно ясно. Толя, который будет присутствовать на свадьбе, расскажет кое-что поподробнее. Скажу Вам одно: я ее до тех пор не свезу к Вам в Каменку, пока мысль, что мои племянницы будут называть ее тетей, нисколько не будет меня шокировать. Теперь, хотя я и люблю свою невесту, но мне все еще кажется с ее стороны маленькою дерзостью то, что она сделается тетей для Ваших детей, которых я люблю больше всех детей в мире.

Я прожил месяц неподалеку отсюда в деревне у Шиловских. Мне нужно было там прожить, во-первых, для того, чтоб начать свою оперу, во-вторых, для того, чтобы приготовиться

к мысли, что я женюсь. Доказательством того, что я приступаю к этому важному шагу не легкомысленно, а обдуманно, служит то, что месяц этот я провел очень покойно и написал целых две трети оперы.

Засим целую вас крепко и нежно. В августе я увижусь с Вами. Я поеду, вероятно, в Эссентуки и проведу дня три в Каменке.

Искренно и горячо любящий Вас

П. Чайковский.

Пожалуйста, сообщите об этом всем дорогим особам, живущим в Каменке, а также Ипполиту, адрес которого я не помню [1].

269. А. И. Чайковскому

Петербург,
8 июля 1877 г.
Пятница.

Толя! Я бы жестоко солгал перед тобой, если б стал тебя уверять, что я уже вполне счастлив, вполне привык к новому моему положению и т. д. После такого ужасного дня, как день 6-го июля, после этой бесконечной нравственной пытки,— нельзя скоро оправиться. Но всякие невзгоды имеют и свою хорошую сторону; я невыносимо страдал, видя, как ты обо мне сокрушаешься,— но вместе с тем ты виновник того, что я с таким мужеством боролся с своими мучениями. Скажи пожалуйста, что значат все испытания, неудачи, невзгоды перед силою моей любви к тебе и твоей любви ко мне! Что бы ни случилось со мной, я знаю, что в твоей любви найду всегда опору, поддержку и утешение. И теперь ты ни на секунду не выходишь из моей головы и твой милый образ меня утешает, ободряет и поддерживает. Надежда скорого свиданья сделает то, что я ни в каком случае не упаду духом.

Теперь расскажу тебе все по порядку. Когда вагон тронулся, я готов был закричать от душивших меня рыданий. Но нужно было еще занять разговором жену до Клина, чтобы заслужить право в темноте улечься на свое кресло и остаться одному с собой. На второй станции, после Химок, в вагон ворвался Мещерский. Увидя его, я почувствовал необходимость, чтоб он меня куда-нибудь поскорее увел. Он так и сделал. Прежде чем начать какие бы то ни было разговоры с ним, я должен был дать волю наплыву слез. Мещерский выказал много нежного участия и очень поддержал мой падавший дух. Возвратившись после Клина к жене, я был гораздо покойнее.

Мещерский устроил, что нас поместили в купе, и засим я заснул, как убитый. Дальнейшее путешествие после моего пробуждения было не особенно тяжко. Не было секунды, чтоб я не думал о тебе. Как я объяснил выше, представление о тебе вызывало во мне слезы, но вместе с тем бодрило и утешало меня. Где-то около Окулова вследствие сошедшего с рельсов товарного поезда мы простояли в поле около пяти часов и, следовательно, приехали в Петербург вместо десяти в три часа. Утешительнее всего мне было то, что жена не понимала и не сознавала моей плохо скрываемой тоски. Она и теперь и все время имеет вид вполне счастливый и довольный. Elle n'est pas difficile *. Она со всем согласна и всем довольна.

Остановились в Европейской; очень хорошо и даже роскошно. Я съездил выкупаться, по дороге заехал на телеграф и послал телеграммы тебе и Котеку; последний должен меня уведомить о том, как ты провел время после меня. Если я узнаю, что ты успокоился и здоров, то это сильно подвинет меня к достижению нормального состояния духа. Обедали мы у себя. Вечером ездили в коляске на острова. Погода была довольно скверная и моросило. Просидели одно отделение и поехали домой [...]. Но были разговоры, которые еще более уяснили наши взаимные отношения. Она решительно на все согласна и никогда не будет недовольна. Ей только нужно лелеять и холить меня. Я сохранил себе полную свободу действий. Принявши добрую дозу валерьяна и упросивши конфузившуюся жену не конфузиться, я опять заснул, как убитый. Этот сон большой благодетель. Чувствую, что недалеко время, когда я окончательно успокоюсь.

Да и чего в самом деле горевать? Мы оба с тобой очень нервны, и оба способны видеть вещи в более мрачной окраске, чем они на самом деле есть: я до того обеспечил себе свободу действий, что, как только мы с женой привыкнем друг к другу, она не будет меня стеснять ни в чем. Не нужно себя обманывать: она очень ограничена, но это даже хорошо. Умная женщина вселяла бы во мне страх к себе. Над этой я стою так высоко, я до такой степени доминирую ее, что по крайней мере никакого страха перед ней не испытываю.

Сегодня погода отвратительна. Тем не менее мы с женой вечером поедем в Каменноостровский театр, а завтра хочу отправиться в Павловск.

Толя, если б ты был здесь, я бы тебя теперь задушил в своих объятиях. Делаю это мысленно. А ведь хорошо, что

* Она не требовательна.

случаются такие дни, как 6 июля. Только в такие дни можно во всей полноте измерить такую любовь, какая соединяет меня с тобой. Будь здоров, играй на скрипке и не беспокойся обо мне. Я заранее знаю, что скоро все будет обстоять благополучно.

Твой П. Чайковский.

270. М. И. Чайковскому

Петербург,
8 июля [1877 г.]

Модя! Чувствую, что ты беспокоишься обо мне, и испытываю потребность успокоить тебя. Свадьба моя состоялась 6-го июля. Толя на ней присутствовал. День этот, не скрою, был довольно тяжек для меня уж хотя бы оттого, что пришлось выдержать церемонию бракосочетания, длинный свадебный завтрак, отъезд с провожаниями и т. д. Дорогой я отлично спал. Вчера мы провели день довольно приятно, вечером катались, были в каком-то увеселительном месте на Крестовском, и ночь прошла очень покойно. [...] У жены моей одно огромное достоинство: она слепо мне подчиняется во всем, она очень складная, она всем довольна и ничего не желает, кроме счастия быть мне подпорой и утешением. Сказать, что люблю ее, я еще не могу, но уже чувствую, что буду ее любить, как только мы друг к другу привыкнем.

Вот что я хочу тебя просить, Моденька! До августа я проживу неразлучно с женой здесь, в деревне у ее матери, в Москве и т. д. 1-го августа я выезжаю из Москвы и еду прямо к Саше, где во всяком случае проведу несколько дней. Как я бы желал, чтоб ты продлил свое пребывание до моего приезда, как мне приятно было бы тебя видеть! Если же нельзя тебе оставаться более нескольких дней, то не согласишься ли приехать к Саше позднее, а не 15-го июля, как предполагал. Как бы то ни было, но постарайся устроить свидание со мной.

Я написал бóльшую часть «Онегина» в Глебове,— очень бы хотелось до наступления учебного года написать все остальное, но не знаю, поспею ли.

Целую тебя нежно, нежно; писать покамест более нечего. Я тебя люблю и среди маленьких треволнений, испытываемых мною теперь, с наслаждением останавливаю свою мысль на тебе.

Твой П. Чайковский.

Поцелуй от меня Колю и кланяйся Алине Ивановне, ее супругу и милой Софье Александровне.

271. А. И. Чайковскому

Петербург,
9 июля [1877 г.]

Милый и дорогой мой Толя!

Вчера были разные переходы от спокойного к невыносимо скверному расположению духа. Беспокойство и тоска об тебе попрежнему меня мучили, несмотря на твою телеграмму и на телеграмму Котека, который сообщил мне, что ты уехал в хорошем расположении духа.

Как я был жесток и бессердечен, сказав тебе, что не пойду к Ларошу, ибо боюсь двадцати пяти рублей[1]. Какой эгоизм! Я пошел к нему и благодарю судьбу, что пошел. Во-первых, он меня встретил как Мессию жид, очевидно находясь вполне на краю гибели и ухватившись за меня, как за соломинку. Я хочу быть для него этой соломинкой. Я должен сделать все возможное, чтоб спасти погибающего друга. Во-вторых, он провел обед и весь вечер с нами; был очень мил с моей женой и, главное, нарушил наш тягостный tête-à-tête. Впрочем, тягость только с моей стороны: она имеет вид совершенно счастливый и довольный. Вечером мы были в Каменноостровском театре, потом пили чай и пиво (в значительном количестве) у меня. Его присутствие сильно меня ободрило [...].

Погода стоит ужасная. Не знаю, как убьем сегодняшний вечер, но во всяком случае с Ларошем вместе. Я обещал притти к нему в 3 часа. Вчера я сделал две встречи: 1) утром, идя под руку с женой, встретился на Невском с Никсом Литке, говорил с ним, но не решился сказать (почему-то), что моя дама — моя жена; 2) вечером по дороге в театр — с Константиновым, которому тоже ничего не сказал и от которого отделался на сей раз пятью рублями. Деньги текут, как вода. Мне кажется, что самым счастливым днем моей жизни будет 1-е августа.

Твой П. Чайковский.

272. А. И. Чайковскому

[Петербург]
11 июля 1877 г.

Осталось еще около трех недель до моего свиданья с тобой. Я живу исключительно надеждой на отпуск, данный мне супругой от 1-го августа до сентября. Вчера были в Павловске. Папаша очарован моей женой, что и следовало ожидать. Лизавета Михайловна была очень ласкова и внимательна, но я несколько раз заметил у нее на глазах слезы. Эта проницательная и добрая мачеха, должно быть, догадывается, что я переживаю

критическую минуту жизни. Признаюсь, что все это было мне тяжело, т. е. нежности и ласки Папаши (столь противоположные моей ласковой холодности к жене) и проницательность Лизаветы Михайловны. Я переживаю в самом деле тяжелую минуту жизни, однакож чувствую, что мало-по-малу свыкаюсь с новым положением. Оно было бы совсем ложно и невыносимо, если б я в чем-нибудь обманул жену,— но я ведь предупредил ее, что она может рассчитывать только на мою братскую любовь [...].

Жена моя в физическом отношении сделалась мне безусловно противна [...].

Ларош служит мне огромным утешением и поддержкой. Он очень мил. Вчера мы с ним не видались,— он ездил в Петергоф на концерт Рубинштейна, а мы в Павловск, но сегодня увидимся. Вчера утром, пока жена брала ванну, я пошел в Исакиевский собор к обедне. У меня появилась потребность в молитве. Возвратившись оттуда, я узнал с удивлением, что у меня был Рубинштейн (Николай), приехавший для концерта брата. Он просидел с полчаса, не дождавшись меня. Жена очарована его любезностью.

Я хочу остаться здесь до среды утра и уехать с почтовым поездом. Если понравится в имении belle-mère *, то поживу несколько дней там, потом убью как-нибудь время до 1-го августа (постараюсь несколько дней украсть) и засим лечу. У меня в мыслях провести несколько дней в Каменке и потом, взяв тебя, отправиться в самом деле на Кавказ. Жить целый месяц в Каменке как-то неловко. Целую нежно.

Твой П. Чайковский.

273. А. И. Давыдовой

Москва,
20 июля 1877 г.

Милая и дорогая моя!

Извини, что оставляю тебя без известий о себе. Чувствую, что ты беспокоишься обо мне и желаешь знать, как я себя чувствую в новом положении. На этот вопрос я и сам не могу еще отвечать тебе решительно. Если б я сказал, что плаваю в океане блаженства, то соврал бы. Я слишком заматерел в холостой жизни и не могу еще без сожаления вспомнить об утрате своей свободы. Кроме того я чувствую себя усталым от всех вынесенных треволнений и сильно соскучился обо всех Вас. Иногда я не могу удержаться от злости на свою жену,

* тещи

когда вспомню, что она как бы отдаляет меня от самых близких сердцу.

Тем не менее нельзя не отдать справедливости моей супруге; она делает все возможное, чтоб нравиться мне, всегда всем довольна, ни о чем не сожалеет и всячески доказывает мне, что я составляю единственный интерес ее жизни. Она во всяком случае добрая и любящая женщина. Мне очень мало нравится ее семейная среда. Я провел теперь три дня в деревне у ее матери и убедился, что все то, что мне в жене не совсем нравится, происходит оттого, что она принадлежит к очень странному семейству, где мать всегда враждовала с отцом и теперь, после его смерти, не стыдится всячески поносить его, где эта же мать н е н а в и д и т!!! некоторых из своих детей, где сестры друг с другом пикируются, где единственный сын в ссоре с матерью и со всеми сестрами и т. д. Ух, какое несимпатичное семейство!

Но я имею все данные надеяться, что жена моя скоро сбросит с себя все, что вкоренилось в нее вследствие дурной семейной обстановки.

Теперь все мои мечты устремлены к приближающемуся свиданью с Вами всеми. Боже! с каким наслаждением я обниму Вас. Я уже люблю свою жену, но как еще неизмеримо далека эта любовь от той, которую я питаю к тебе, братьям, Леве, детям твоим!!!

Я пробуду у тебя только несколько дней, ибо мне необходимо съездить полечиться в Эссентуки.

До свиданья! Обнимаю тебя и всех.

П. Чайковский.

Я выезжаю отсюда в конце июля.

274. А. И. Чайковскому

Каменка,
27 августа 1877 г.

Сегодня уж суббота, мой милый Толя. Уже послезавтра неделя, что ты уехал. Несмотря на то, что мне очень грустно без тебя, уезжать отсюда ужасно не хочется. Благодаря присутствию здесь Модеста время проходит все-таки приятно. Саша хочет ехать в Одессу, и мы с Модестом решили было проводить ее туда; было положено, что мы выедем сегодня, в субботу, но ни ей, ни нам не хочется тронуться с места. Я отложил свой отъезд до вторника и еще не знаю, поедем ли все-таки в Одессу, или прямо в Киев. Относительно препровождения времени ничего существенно нового не произошло. Я попрежнему одержим бешеною страстью к охоте и выпускаю

по тридцать снарядов в день. На другой день после твоего отъезда ходили с Модей на Махор, видели массу перепелок, пукали, ахали, волновались, но ничего не убили. Во вторник мы, т. е. Саша, Лева, я и Модя, ездили в Вербовку обедать. Я с Модей отправились на уток; их летало ужасно много, но пуканье сначала было без всякого результата, зато в конце охоты я убил наповал в лет утку. Нельзя тебе описать моего восторга и гордости. Модя чуть не лопнул от зависти. После того несколько раз ходили с Модей в большой сад и на бакай и кое-что поубивали.

Вопрос о покупке Лозановки принял серьезный оборот. Вчера мы ездили туда и пришли в совершенный восторг от усадьбы. Представь себе великолепный старый каменный дом с залой в два света и хорами, с темными коридорами, массой комнат, великолепной террасой. Дом построен, должно быть, в конце прошлого, столь обожаемого мною столетия. Сад громадный, запущенный ужасно, но жирный, густой, обратившийся в лес. Просто прелесть! Саша только и мечтает теперь об этой покупке. Лева, покуривая трубку, то и дело смотрит в план, даже Тася, которая ездила с нами и сначала протестовавшая против оставления Вербовки, согласилась на обмен.

Я кончил инструментовку первой картины и делаю теперь клавираусцуг.

Толичка! побывай пожалуйста у Котика сейчас же или пошли к нему это письмо. Скажи ему, что я много о нем думаю и ужасно люблю его. Не пишу ему потому, что покамест кроме каменских интересов и обстоятельств, интересных для тебя, но не интересных для него, ничего сообщить не имею. Попроси его написать мне в Москву. Пусть он изложит мне свои обстоятельства и скажет, что́ я могу сделать для него. И ты мне пиши в Москву. Я же тебе напишу еще один раз или отсюда, или из Киева.

Обнимаю тебя нежно, мой голубчик.

Твой П. Чайковский.

Впрочем, не посылай ему этого письма. Я ему сейчас напишу.

275. А. И. Чайковскому

Каменка,
2 сентября [1877 г.]

Милый мой Толя!

Я все еще здесь,— не могу решиться уехать. Представь себе, что, несмотря на мои письма и телеграммы, я не имею никаких известий от Антонины насчет квартиры [1]. Не пони-

маю, что это значит, но во всяком случае я теперь решил ни за что не уехать отсюда до будущей среды, т. е. 7-го числа. В воскресенье 4-го предполагается большая охота в З р у б а н ц е, а во вторник 6-го Танино рождение и большое торжество, от которого и не хочется и неловко уезжать. Модест наконец уехал третьего дня вечером. Я говорю н а к о н е ц, потому что мы его все не пускали под разными предлогами; во вторник утром мы его проводили в одиннадцать часов утра, оттуда я пошел пострелять на берег Тясмина около Пляковки, был на именинах у Бирюкова, вечером ужинал у Александры Ивановны, и вдруг, представь мое изумление, отворяется дверь, и входит Модест. Оказалось, что по случаю разных неисправностей ему приходилось просидеть двенадцать часов в Знаменке, его взяла тоска, и он вернулся. На другой день вечером он уехал окончательно.

Было несколько интересных охот; на одной из них Модест убил утку, я же все это время очень несчастлив, трачу бездну пороха, но без всякого результата. В воскресенье мы все ездили к обедне в Матреньевский монастырь, и это было очень приятно. Дорога через лес восхитительна. Вообще, чем больше я здесь живу, тем меньше мне хочется уезжать, и хотя без тебя и Модеста мне бывает очень грустно, но и в самой этой грусти, которую я хожу рассеять одинокими прогулками, есть что-то приятное, и вот почему. Только в разлуке, думая о любимом человеке, сознаешь всю силу своей любви к нему. Толя! я ужасно люблю тебя.

Но ах! как я мало люблю Антонину Ивановну Чайковскую! Какое глубокое равнодушие внушает мне эта дама! Как мало меня тешит перспектива свидания с ней! Однакож и ужаса она не возбуждает во мне. Просто лишь одну тоску.

Видишься ли ты с Котиком? Я от него имел несколько дней сряду письма. Жалко бедняжку. Письма его меня глубоко трогают. У него очень хорошая, самого лучшего сорта душа, и немногие это знают. В Москве его считают хитрым и неискренним. Впрочем, чорт с ними. Если я без умиления думаю о жене, то о Рубинштейне и С° думаю не без некоторого озлобления.

Сегодня Саша получила твое письмо. Что Толстой говорил и как ты с ним познакомился? Надеюсь, что все это ты мне расскажешь в письме в Москву [2].

Прощай, Толичка. Еще раз повторяю, что страх как люблю тебя.

Твой П. Чайковский.

Котику кланяйся.

Что Панаева? Как идет наше дело с ней?

276. М. И. Чайковскому

Киев,
9 сентября 1877 г.

Милый Модя!

Вчера утром мы приехали сюда с Алешей и тотчас же получили милейшее письмо твое [1]. Изображение господина, который кипятится в общественных местах по всякому поводу, написано художественно и еще раз подтверждает меня в том мнении, что ты одарен положительным литературным талантом, коим напрасно пренебрегаешь. Если тебе лень писать длинные повести или романы с завязками и развязками, то ты должен бы смастерить целый ряд очерков, вроде того, который ты написал о вышереченном господине. Это было бы свежо, оригинально и принесло бы тебе деньги. Подумай, до чего твоя жизнь будет мила, если ты будешь ее делить между педагогическими обязанностями и литературой, как она будет полна и плодотворна! Советую тебе серьезно об этом подумать, пока ты молод и пока le pli du dillettantisme * еще не сложился. Я знаю, что, будь я на твоем месте, я бы не оставил втуне своих способностей. После твоего отъезда я еще кое-что прочел из «Карениной». Как тебе не стыдно восхищаться этой возмутительно пошлой дребеденью, прикрытою претензией на глубокость психического анализа. Да чорт его побери, этот психический анализ, когда в результате остается впечатление пустоты и ничтожества, точно будто присутствовал при разговоре Alexandrine Dolgorouky с Nikolas Kondratie'вым о Китти, Алинах и Лили [1]! Да твой эпизод из станционного ожидания в тысячу раз художественнее, серьезнее и интереснее, чем все эти барские тонкости.

Но довольно о литературе.

После твоего отъезда из Каменки мне было очень грустно, и эта грусть с каждым днем увеличивалась. В последние дни я даже страдал поносом от особого рода ощущения жуткости, свойственной нервным людям в виду сильных и неприятных ощущений. Впрочем, были и очень приятные эпизоды. В воскресенье мы ездили на охоту в Зрубанец. Жалко, что ты не испытал охоты на куропаток. Она полна совершенно особенных неожиданностей и сюрпризов. Было очень весело, очень интересно, но и ужасно утомительно, так как приходилось все время бегать в кустах с горы на гору. В два часа у Николая были пельмени, на которых присутствовали все, не исключая и Алеши. [...]

---

* уклон в дилетантизм.

Перед этой охотой я ездил с Левой на целый день в Вербовку и просидел часов шесть на пруде. Утки летели в массе, но ни одна не была лишена жизни.

Танины именины прошли с торжеством. Утром было поднесенье подарков; я поднес стихи и двадцать пять рублей. В двенадцать часов был молебен и питие шоколада. Вечером множество гостей, танцы и великолепный ужин. Да, забыл тебе сказать, что накануне я обедал у Плесских, а перед этим был у них с визитом.

В среду в семь часов я уехал. Разумеется, меня провожали, а Вишницкий до того расчувствовался, что проводил меня до Бобринской, чтоб мне было веселее, как он выразился. В Киев приехали вместо девяти часов в час пополудни. Ночь провели плохо,— народу было много. Пообедав, я отправил Алешу в Лавру, а сам пошел гулять. Вечером был в опере; давали «Травиату», в коей главную роль пела некто Павловская очень хорошо. Все остальное плохо. Сегодня, отлично выспавшись, отправился с Алешей в Софийский собор, к Михайлу, в Лавру, в Аскольдову могилу и, наконец, в прелестный, восхитительный Выдубецкий монастырь. Алеша стал опять ужасно мил нежен, ласков. У него чудное сердце и необычайно тонкая натура.

Сегодня получил письмо от супружницы. Пишет, что ждет не дождется. Выезжаю завтра утром.

Целую тебя, милый Модя. Я в восторге, что все у тебя идет хорошо, а главное, что любовь Коли к тебе так прочна и крепка. Прощай, мой голубчик. Покажи Коле следующую строчку: я ужасно люблю Колю и рад, что он любит Модю.

Твой П. Чайковский.

Леня велел кланяться, передать «нижающие почтение и целую ихние ручки».

277. А. И. Чайковскому

Москва,
12 сентября 1877 г.

Толичка!

Я вчера приехал в Москву. Последние дни моей жизни в Каменке были и чудно приятны и вместе грустны. Близость отъезда печалила меня. Танины именины проведены были с большим торжеством. Утром было поднесение подарков (я написал стихи и подарил двадцать пять рублей), в двенадцать часов молебен и шоколад, в три часа обед, а потом вечер, на

котором присутствовало все каменское общество и были танцы. На другой день я уехал. В Киеве я остался двое суток и провел их вдвоем с Алешей чрезвычайно приятно. Мы осмотрели с ним все, что интересно; погода была прекрасная. Слышал я там «Травиату», сидя в глубине ложи и прячась от многих знакомых. Мне очень понравилась певица Павловская. Уехали мы в субботу. Путешествие было благополучно, но преисполнено грустных мыслей. Я вспоминал то светлое настроение, в котором был, совершая ту же поездку в обратном порядке полтора месяца тому назад.

Жена меня встретила. Она, бедная, много перенесла тяжелых минут при устройстве квартиры в ожидании меня, переменила уже двух кухарок, из коих с одной судилась у мирового судьи, была два раза обокрадена и последние дни безвыходно сидела дома, не доверяя квартиру кухарке. Зато устройством квартиры я вполне доволен: очень изящно, мило и даже не без роскоши. В Консерватории еще не был, но письма уже все получил, и между прочим от тебя и от Котика. Чтобы мне облегчить себе труд ответа на массу писем, ожидавших меня здесь, то письмо это я пишу вам обоим. Потрудись дать его прочитать ему.

Ты, конечно, желаешь знать, что я теперь ощущаю. Толя, позволь умолчать об этом! Мне тяжко: вот все, что скажу. Но ведь это было неизбежно после той полноты счастья, которую я испытал в Каменке. Я знаю, что нужно еще немножко потерпеть, и незаметно явится спокойствие, довольство и, кто знает, может быть счастье[1].

Теперь я мечтаю о поездке в Петербург, которая непременно состоится в скором времени, но еще не могу определить, когда!

Засим покамест прощай, голубчик Толя. Следующее письмо я напишу к Котику. Обоих Вас я нежно обнимаю.

Твой П. Чайковский.

278. М. И. Чайковскому

[Петербург]
1 октября [1877 г.]

Модя!

Я прихожу наконец в себя и возвращаюсь к жизни. В те минуты, в ужасные минуты, которые я пережил, меня поддерживала и утешала мысль о тебе и Толе. Только в эти минуты я понял, до какой степени люблю Вас обоих. Итак, несмотря на разлуку, я жил с тобой, потому что мысль о тебе не поки-

дала меня; вы оба были той соломинкой, за которую я ухватился, и соломинка в виде Толи вынесла меня на берег.

Много пока не распространяюсь; я еще не настолько спокоен, чтоб написать целое письмо. Мне очень, очень горько, что не дождусь тебя здесь. Но ждать более нет сил. Нужно поскорей уехать и вдали осмотреться и одуматься.

Я удушаю тебя в моих объятиях. Прощай, мой голубчик. Пиши мне Genève, poste restante.

Твой П. Чайковский.

По поручению Петра Ильича делаю приписку в этом письме.

Лизавета Михайловна только знает все случившееся в настоящем виде, от Ильи Петровича — тщательно скрывается. Петя просит вас говорить, как условлено между всеми, что: Толя уехал в Москву за Петей, чтобы с ним и Антониной Ивановной отправиться заграницу. Вы с Толей уговорили Антонину Ивановну остаться в Москве, потому что Петя все-таки не совсем привык к ней, несколько стесняется ею. Отъезд совершился будто при вас, все счастливы, и все совершенно благополучно. Пребывание Пети в Петербурге скрывается самым тщательным образом. В Москве говорится, что супруги уехали заграницу из Петербурга, соединившись здесь; в Петербурге, — что в Москве. Зинаида Ильевна, которая гостит (с детьми) у папаши, тоже ничего не знает. Затем вас просят навещать почаще папашу.

Вообще нам бы надо повидаться, я могу сообщить вам всякие подробности, да и так просто мне было бы очень приятно. Зайдите ко мне или пришлите известить о вашем приезде. Я живу: Галерная, д. 30, кв. 14.

Ваш Котек

Еще. Если вы приехали сегодня, то чтобы сделать вероятным отъезд Пети при вас, — сходите к папаше только завтра.

279. М. И. Чайковскому

Берлин,
5/17 октября 1877 г.

Милый мой Модя!

Мы второй день в Берлине и живем в том же Hotel S. Petersburg, где и с тобой жили. Мне было бы очень весело и хорошо, если б не смущал меня грозный вопрос о будущем. Денег у нас немного; курс ужасный, откуда я достану средства даже скромно прожить до будущей осени?

Кроме того, как я разделаюсь с Антониной Ивановной? Как решусь устроить себя впоследствии? Все это в тумане. Знаю только одно: возвратиться в Россию мне немыслимо ни теперь, ни через несколько недель. Нужно спрятаться на год. Очень все это затруднительно. Например, меня очень беспокоит Алеша! Как я его пристрою? Как я проживу без него так долго? Я к нему ужасно привык и ужасно люблю его. Неужели бросить его на произвол судьбы!

Впрочем, независимо от разных беспокойных вопросов я

чувствую себя отлично. Возвратился мой солидный аппетит, мой исполинский сон, и бывают минуты, когда я сознаю, что жить очень приятно. Но как мне тяжело и горько, что я так долго не буду видеться с тобой! О, если б быть богатым!

Не ожидай от меня описания всего пережитого мной в истекшем месяце. Я не могу еще без жгучей боли вспоминать об ужасах, через которые я перешел. Когда-нибудь расскажу.

Буду ожидать от тебя письма и обстоятельного рассказа о тебе. Пиши в Женеву, poste restante.

Прощай, мой милый и дорогой Модя. О, как я тебя люблю и как мне тяжело будет так долго жить без тебя.

Твой П. Чайковский.

Завтра утром едем в Женеву.

280. А. И. Давыдовой

Женева,
9/21 октября 1877 г.

Мы остановились здесь в Hôtel National, в том самом, где два года тому назад мы обедали все вместе. И этот отель и Женева вообще до такой степени напоминают Вас, что так и ожидаешь, что встретишь или тебя, или Леву, или кого-нибудь из девочек. Мы два раза ходили с Толей смотреть на дом № 26 в Boulevard Plaimpalais. Ваша квартира осталась в том же виде, даже двойные рамы остались. Но квартира не занята. Мы с умилением и с неизъяснимой грустью смотрели на дом, где Вы так долго жили, где я провел несколько чудных дней и где произошел на свет Юрий.

Вчера мы ездили в Clarens и наняли квартиру в Pension Richelieu, куда и прошу адресовать письма. Завтра мы туда переедем. Если б не так грустно и тяжело на душе, то можно было бы провести там время тихо и приятно. Но мое положение так странно, так исключительно, будущее так темно и мрачно, что и чудная природа и тишина не принесут покоя и утешения.

Я еще ничего не решил. Жду письма из Одессы от моей бедной супруги, чтобы предпринять какое-нибудь решение. Сегодня мы ходили на почту, но еще никаких писем нет. Ужасно грустно! Единственная надежда впереди, — это попасть когда-нибудь к Вам, но это невозможно ни теперь, ни в близком будущем.

До свидания, надеюсь. Целую тебя, Леву и всех детей самым нежным образом.

П. Чайковский.

С нетерпением ждем от Вас писем.

281. М. И. Чайковскому

Женева,
9/21 октября 1877 г.

Милый Модя!

Ходили на почту. Нет никаких известий ни от тебя, ни от кого. Между тем меня снедает болезненно нетерпеливое чувство узнать, что ты делаешь, как ты провел время в Москве, когда приехал в Петербург и т. д. Мне также очень хочется знать, что сталось с Алешей.

Какую тяжелую минуту мы теперь переживаем! Как мерзка и противна Женева, насквозь пропитанная воспоминаниями о Давыдовых и о тебе. Мы ходили с Толей смотреть на № 26 Boulevard Plaimpalais. Как это было грустно! Хоть бы Норовы остались, и тех нет.

Никаких решений я не предпринял; жду сначала известий из России. Вчера мы ездили с Толей в Clarens и наняли себе помещение в Pension Richelieu, куда и прошу тебя писать мне. Помещение очень милое; вид из окон чудный. Но что до всего этого, когда на душе кошки скребут. Прибавь еще ко всем этим причинам грустить наш ужасный денежный курс! На месяц или полтора наших финансов хватит, но что потом! Ничего не знаю. Знаю, что скверно, скверно, очень скверно.

Модя! Ради бога, дай мне сведения об Алеше и посоветуй, что мне с ним сделать! Разлука с ним для меня убийственно тяжела, — я слишком привык к нему, т. е. к его присутствию около меня. Но я охотно буду переносить разлуку, если буду знать, что ему хорошо, что он не погибает в праздности и не скучает. Я мечтал, что по отъезде Толи (о чем я без ужасу не могу вспомнить) можно будет выписать Алешу,—но при этом ужасном курсе (за 100 р.—230 фр.) возможно ли это?

Ах, сколько я наглупил и напортил себе! Даже не на кого свалить свою беду, во всем я один виноват.

Нежно тебя целую. Если бы у меня было миллион капиталу, то охотно дал бы восемьсот тысяч, чтобы ты был с нами. Прощай, голубчик. Кланяйся Котику и Ларошу. Колю поцелуй.

Твой П. Чайковский.

282. А. И. Давыдовой

Clarens,
11/23 октября 1877 г.

Милая моя Саничка!

Мы устроились здесь с Толей очень дешево и очень хорошо. Место чудесное; окна выходят прямо на озеро, и погода стоит восхитительная. Еслиб на душе был покой, то как было бы хорошо в этой тишине. Но все соединилось, чтобы покоя на душе не было. Писем из России до сих пор не получаем; курс ужасный, и не предвидится конца его падению. Мы платим вдвоем тринадцать франков в день: имеем превосходные две комнаты, отличный обед, безусловную тишину (потому что кроме нас живут только двое: какой-то русский с женой), вид удивительный, учтивую прислугу, внимательную хозяйку, словом, могло бы быть очень хорошо, если б...

Я совсем забыл тебе написать прежде об ответе, который я имел от Доора из Вены о музыкальном учителе. Посылаю тебе его письмо целиком.

До свиданья, мой Ангел; будьте все здоровы и счастливы.

Твой П. Чайковский.

Адрес: Suisse, Clarens. Pension Richelieu.

283. А. И. Давыдовой

Clarens,
12/24 Octobre 1877

Я забыл тебе вчера написать, что по прочтении письма Доора, которое я тебе вчера прислал, нужно тебе выбрать одного из двух предлагаемых учителей или же совсем отказаться от приглашения учителя, но во всяком случае нужно отвечать Доору. Адрес его следующий: Wien. Conservatorium. Herrn Professor Anton Door.

Сегодня погода сделалась скверная, идет дождь, и озеро бурлит. Тем не менее здесь очень хорошо, и благодаря неисчерпаемой доброте и нежности Толи у меня с каждым днем на душе становится легче. Здоровье же в отличном состоянии. Вчера получили письмо от Модеста.

Прощай, мой Ангел.

Твой П. Чайковский.

Толя собирается написать тебе завтра.

284. М. И. Чайковскому

Clarens,
17/29 октября 1877 г.

Модя! Получил наконец сегодня твое милейшее письмо. Я ему был тем более рад, что начинал беспокоиться о тебе. Мы оба с Толей с наслаждением читали и перечитывали твое письмо. Живо ты описал картину встречи родственников. Я так и вижу эту сцену.

Я уже, кажется, описал тебе прелестное место, в котором мы живем. Это дорога между Clarens и Montreux. Мы поместились отлично: имеем две прелестные комнаты, занимаем весь мезонин. Окна выходят прямо на озеро. Погода стоит все время великолепная. Порядок дня такой: встаем в семь часов, в восемь пьем кофе, потом до обеда читаем и занимаемся. Обед в час. После обеда гулянье до пяти и даже до шести часов, обыкновенно в горы, куда-нибудь повыше. В семь часов ужин, потом чтение, писание писем, а в десять постели. В нашем пансионе кроме нас двух живут только некто Беренс с женой из Петербурга, — очень милые люди. Завтра они уезжают в Ментону, и весь table d'hôte будет теперь состоять из твоих двух братцев. Кормят великолепно, скорее откармливают, чем кормят! Само собой разумеется, что этот режим чрезвычайно благодетельно влияет на мое душевное и телесное благосостояние. Но есть многое такое, что отравляет мое спокойствие. Прежде всего денежный вопрос. Денег с грехом пополам хватит, чтоб пожить смирно еще месяц, а что дальше будет, не знаю. Потом меня просто терзает А л е ш а. Во-первых, я чувствую, что долго прожить без него н е м о г у, во-вторых, я боюсь, что он скучает, от скуки свяжется со всякой сволочью, пожалуй пить начнет!! А между тем не могу притти ни к какому решенью. Ты не можешь себе представить, до чего я люблю его.

Ты пишешь, что мы, верно, скоро поедем в Париж. Если деньги явятся, то это возможно, — но не надолго, разве на перепутье в Италию, куда ужасно тянет Толю, да и меня тоже. Все зависит от денег.

Я начал заниматься, т. е. приступил к инструментовке оперы. Вообще говоря, я оправился вполне, но иногда с ужасом помышляю о том, что мне скоро вернуться в Россию невозможно. Я здесь оправился именно оттого, что никого не вижу. Ни Петербург, ни Москва, ни Каменка для меня немыслимы, т. е. теперь, до будущего лета, по крайней мере. А ведь заграницей только тогда хорошо, когда можешь хоть сейчас домой уехать. Вообще еще многое для меня темно. Что я сделаю с квартирой, с Алешей?

По поводу твоего письма к Толе скажу одно: что бы ни случилось, но никогда я не соглашусь и одного дня провести с Антониной Ивановной! Я желаю ей всякого счастья, что не мешает мне глубоко ее ненавидеть. Скорее я соглашусь на какие-угодно терзания, — но лишь бы не видеть ее. Поэтому ты напрасно мечтаешь переделать ее и сделать из нее подходящую для меня подругу жизни. Во-первых, опыт доказал, что мне жить вдвоем с женой — безумие. Во-вторых, уж если это и возможно, то никак не с Антониной Ивановной. Я не встречал более противного человеческого существа. Напрасно ты воображаешь, что она добродушна. Весьма заблуждаешься. Впрочем, не буду распространяться об ней. Она мне ненавистна, ненавистна до умопомешательства.

Вот еще что я хотел тебе сказать. У меня засела в голове мысль, что все меня должны презирать и ненавидеть. Презрения я стою, потому что сделать такое безумие, какое я сделал, может только круглый дурак, тряпка, сумасшедший. Но мне до общего презрения дела нет. Мне только больно думать, что вы, т. е. ты, Толя, Саша с Левой сердитесь в глубине души на меня за то, что я сунулся жениться, не посоветовавшись ни с кем из вас, а потом повис на вашей шее. Мне совестно, что я причиняю вам столько забот. Скажи мне, что не сердишься нисколько и прощаешь. Я не могу хорошо выразить, что хочу сказать; ну, словом, уверь меня, что ты меня любишь в самом деле попрежнему; мне все кажется, что все теперь иначе стало [1].

Прощай, голубчик. Пиши Clarens, Canton de Vaud, Pension Richelieu.

Твой П. Чайковский.

Целую Колю.

285. А. И. Давыдовой

Clarens,
26 октября/7 ноября 1877 г.

Милая, дорогая Саша!

Получил сейчас письмо твое и письмо от Антонины Ивановны, адресованное к Толе, но написанное для меня. И в том и другом я вижу отражение твоего ангельского сердца. К несчастию, письмо Антонины Ивановны, насквозь пропитанное благородными чувствами, добротою и даже чем-то вроде понимания наших отношений, только увеличило то чувство, которое она мне внушает. Если б ты знала, что такое было

ее третьеводнишнее письмо в сравнении с сегодняшним! Оба эти письма характеризуют ее вполне.

Милая и дорогая моя! И о н а и т ы, очевидно, полагаете, что когда-нибудь будет возможно сближение. Напрасно она старается то угрозами, упреками и обвинениями в бесчестности, то, напротив, выражениями любви и нежности (как сегодня) что-нибудь сделать. Ради бога, оставим навсегда вопрос о нашем примирении. Мы с ней не в ссоре. Она не хотела мне сделать зла, и я ни в чем ее не обвиняю. Пусть ты права, что у нее доброе сердце, пусть я кругом виноват, что не умел оценить ее, пусть это правда, что она любит меня, но жить с ней я н е м о г у, н е м о г у, н е м о г у. Требуй от меня какого хочешь удовлетворения для нее; по возвращении в Россию я буду ей давать две трети моих заработков, я скроюсь в какую-угодно глушь, я готов сделаться нищим, словом, что угодно, но, ради бога, никогда и не намекай мне, чтоб я возвратился к Антонине Ивановне. Очень может быть, что это б о л е з н ь,— но это болезнь неизлечимая. Словом, я н е л ю б л ю ее во всей полноте этого выражения.

Потрудись ей передать, что я умоляю ее никогда больше ни со мной, ни с братьями не вступать ни в какие угодно объяснения. Что было, то прошло. Вернуть прошлого нельзя. Нужно думать об устройстве ее будущности. Она мне говорила, что тяготится праздностью. Не может ли она избрать себе какие-нибудь занятия, хотя для удовольствия? Пока я жив и пока я в состоянии работать, она никогда ни в чем не будет нуждаться. Но, главное, я умоляю тебя н а к о л е н я х — удали ее из Каменки, сделай это ради всего святого в мире; это необходимо для твоего и моего спокойствия. Известие о твоей болезни вонзилось острым кинжалом в мое сердце. Пока Антонина Ивановна не устроит свою жизнь и будет оставаться у тебя, ты не можешь быть покойна, а я уверяю тебя, что твое здоровье для меня дороже моего собственного. Пока я буду знать, что Антонина Ивановна в Каменке, я не могу сомневаться в том, что ты не можешь быть вполне здорова.

Скажи Антонине Ивановне, что я предлагаю ей самые искренние дружеские отношения в том смысле, что с радостью беру на себя заботы о ее благосостоянии. Я это буду делать с радостью, ибо, повторяю это с полной и с к р е н н о с т ь ю, признаю себя виновным перед ней.

У меня нет слов, чтоб передать тебе, до чего меня мучит, что я причиняю тебе не только заботы, но и б о л е з н и. Ведь хоть ты и не говоришь этого, но для меня ясно, как

день, что я виноват в твоих страданиях. Боже мой! Что же мне сделать, чтоб Вы, мои близкие, мои горячо любимые, не платились за мое безумие! Научи меня, что мне сделать! Требуй от меня всего на свете,— кроме о д н о г о; я на все готов!

Я здоров, Толя тоже. Я получил из Консерватории субсидии, которые дают мне возможность безбедно прожить этот год заграницей[1]. В Россию мне и думать нечего ехать.

Ради бога, прости меня! Я хотел сделать все к лучшему. Скажи Антонине Ивановне, чтобы простила мне резкий тон последнего письма[2]; он был вызван ее неожиданными и оскорбительными обвинениями. Мы можем быть издали в самых лучших отношениях, но о прошлом, ради бога, ни слова.

Целую тебе руки и умоляю простить меня.

Твой П. Чайковский.

P. S. Я сейчас перечел это письмо и испугался, что оно огорчит тебя, что я тебе покажусь неблагодарным. О, я бесконечно тебе благодарен, я сознаю всю силу твоего благотворного влияния на все окружающее, но, видя перед собой Антонину Ивановну и постоянно будучи свидетельницей ее тяжелого состояния, ты увлеклась желанием уверить меня, что она не заслуживает того, что я с ней сделал. Это имело влияние и на нее. Из всего, что она мне писала, я вижу, что она не понимает, чего мне теперь нужно. Если она даже надеется когда-нибудь снова жить со мной, то теперь, пока я еще не вполне оправился, об этом не нужно говорить со мной. Упрекать меня тоже не для чего. Словом, нужно, чтоб она пожалела меня. Она же как будто взяла себе задачей всячески терзать меня.

Я, может быть, резко выразил то, что чувствую. Ради бога прости меня.

Отчего Лева ни разу не послал мне даже поклона? Я буду очень несчастлив, если он изменился в отношении меня.

Не показывай моего письма Антонине Ивановне, но мое письмо к ней прочти.

286. М. И. Чайковскому

Clarens,
26 октября/7 ноября 1877 г.

Модя! Твое милое письмо получил сегодня, а вчера прочитал присланные тобой письма Саши и Антонины Ивановны. Последнее очень любопытно и в то же время отвратительно, если сравнить его с письмом, которое она написала Толе, полученное тоже вчера. Последнее письмо замечательно тем, что

из овцы, умилившей тебя до того, что даже в отдаленном будущем ты предположил возможность примирения между нами,— она вдруг явилась весьма лютой, коварной и хитрой кошкой. Я оказался обманщиком, женившимся на ней, чтоб замаскироваться, я ежедневно оскорблял ее, она много от меня претерпела, она ужасается моему позорному пороку и т. д., и т. д. О, какая мерзость! Но чорт с ней.

Письмо Саши тоже неприятно. По ее рассказу я заключаю, что уж если Бебн знает мою историю и осуждает меня, то чего же ожидать от всех других? Не скоро или, лучше сказать, никогда мне теперь нельзя будет показать носа в Каменку. Это очень грустно. Мне жаль, что Саша, увлеченная своим добрым сердцем, взяла к себе Антонину Ивановну! Это не упростит, а усложнит дело. Теперь я уже написал Антонине Ивановне мое абсолютное решение не жить с ней. Засим я предоставил ей полную свободу выбрать место жительства и требовать от меня какого она хочет удовлетворения. Но еще раз скажу: чорт с ней.

Перехожу к твоим делам, мой милый Модя. Вот тебе мой совет. Не говори с Конради,— это ни к чему не поведет, потому что ты никогда не решишься высказать ему своих требований во всем их объеме. Напиши ему обстоятельно и с достоинством. Если тебе нужно сразу крупную сумму, то попроси его выдать тебе тысячу рублей из тех десяти, которые обещаны. Прибавки двух тысяч не проси,— это мне както не нравится. Что касается увеличения жалования, то на это я более согласен, хотя и это мне не совсем по-нутру. Если в нем есть хоть капля порядочности, то из твоего письма, которое будет прекрасно написано, он сам поймет, что это нужно сделать. Мне кажется, что это будет более благородно, чем прямо просить прибавки. Во всяком случае, для просьбы о прибавке времени еще мало прошло. Но, впрочем, я все-таки не могу дать вполне разумного совета, ибо недостаточно знаю Конради.

В то время, когда ты нуждаешься в деньгах, я внезапно сделался если не богачом, то надолго совершенно обеспеченным человеком. Известная тебе особа прислала мне три тысячи франков и засим будет посылать ежемесячно 1.500. Все это предложено с такой изумительною деликатностью, с такой добротой, что мне даже не особенно совестно. Боже мой! до чего эта женщина добра, щедра и деликатна. В то же время и умна удивительно, потому что она, оказывая мне такие неизмеримые услуги, делает это так, что я ни на минуту не сомневаюсь в том, что она делает это с радостью. Таким

образом я имею теперь полную возможность не только хорошо и покойно жить несколько месяцев заграницей, уплатить долги и в том числе долг Леве, содержать Антонину Ивановну, выписать Алешу, помочь Котеку поехать заграницу. Кстати, если он еще в Петербурге, то, ради бога, отыщи его и скажи ему все это, но более никому на свете. Я беру с тебя честное слово, что ты никому не проговоришься. Мне, например, страшно, что ты скажешь Ларошу; никому, никому!!! Говори всем, что я получил субсидии из консерватории и живу на эти деньги[1]. Мне очень бы хотелось помочь тебе в твоих денежных затруднениях; напиши мне, мой милый, и я с радостью приду к тебе на помощь.

Я решил с Толей через несколько дней поехать в Италию и потому прошу тебя адресовать мне письмо в Рим, poste restante. Не знаю, долго ли останусь там, но оттуда я дам тебе мой адрес, т. е. адрес того места, где я поселюсь окончательно.

Если б не письмо Антонины Ивановны, которое меня и Толю очень уязвило, то расположение духа было бы превосходно,— конечно, насколько это возможно при столь ненормальных и грустных обстоятельствах. Каменка меня очень смущает и причиняет много грустных чувств.

Еще один секрет я сообщу тебе. Очень странно и малодушно это, но не могу побороть себя. Мне и Толе, обоим до того страстно захотелось побывать в Париже, что мы решили ехать через Lausanne и Pontarlier в этот божественный город, а потом дня через три в Италию. Не правда ли, что это очень малодушно!!! Пожалуйста, храни это в тайне; мы останемся там никак не более трех дней и потом не останавливаясь поедем в Рим, где я и буду ожидать письма от тебя.

Здесь погода стоит идеальная, и мы делаем превосходные прогулки ежедневно. Сейчас только мы пришли из Gorge du Chauderon — прелестное, тихое, орошенное чудными каскадами местечко.

Вот что, Модя. Принялся бы ты теперь за писание. Когда ты, наконец, начнешь эксплоатировать свой литературный талант? Надеюсь, что наконец все устроится настолько благоприятно, что тебе можно будет не только писать спокойно письма, но и повести и комедии.

Крепко тебя целую.

Твой П. Чайковский.

287. А. И. Давыдовой

Clarens,
1/13 ноября [1877 г.]

Сегодня понедельник, милая и дорогая Саня, а в прошлую среду, узнав из твоего письма о твоей болезни, мы с Толей были так огорчены и обеспокоены, что тотчас же послали Леве телеграмму с уплоченным ответом. До сих пор мы не получили ответной телеграммы. Беспокойство наше увеличивалось с каждым днем. Кроме того, мы совсем приготовились ехать в Италию,— и только ожидание ответной телеграммы задерживало нас. Между тем сегодня Толя получил письмо твое, из которого можно заключить, что во всяком случае ты на пути к выздоровлению. Это нас успокоило. Мы пришли к заключению, что или наша телеграмма не дошла до Вас, или Ваш ответ — до нас. Вследствие этого мы решились сегодня ехать.

Ты требуешь, чтоб я решил, что делать Антонине Ивановне. Я полагаю, что это ей нужно решить. Что касается денег, то в течение нынешнего года, т. е. до будущей весны, я буду посылать ей денег в неопределенном количестве, ибо и мои средства хотя обеспечены, как я писал тебе, но тоже неопределенны. Толя дал ей уезжая что-то около трехсот рублей из моих денег; я думаю, что до 1 декабря ей больше не нужно. Впрочем, я просил ее, совершенно не стесняясь, требовать от меня денег, сколько ей нужно, и я буду по мере возможности удовлетворять ее нужды. В будущем же году, т. е. с 1-го сентября, я буду ей платить ежемесячно известную сумму, но мне трудно давать ей более ста рублей. Что касается ее уверений, что она зарабатывала сто рублей, то, не входя в подробности, прямо скажу тебе, что это л о ж ь. Во всяком случае, я лучше готов лишиться необходимого, чем не платить ей столько, сколько нужно, чтобы я мог считать себя удовлетворившим ее за ее грустное положение.

Напрасно ты полагаешь, мой Ангел, что я не достаточно сознаю свою вину перед ней. Может быть, я сознаю ее более, чем она сама. Я ей предоставил полную свободу требовать от меня, чего она хочет. Если ей вздумается развестись со мной, чтоб выйти замуж, то я на это совершенно согласен и устрою ей это, но не теперь. В настоящую минуту я н е м о г у вернуться в Россию. Я б о л е н. Мне нужно набраться сил. В болезни моей, т. е. сильно потрясенной нервной системе, нет ничего серьезного. Но в том положении, в котором я нахожусь теперь, мне нельзя принять на себя хлопоты о разводе. Не беспокойся обо мне. Я получил целую массу

предложений денежных средств для того, чтобы выжить этот год за границей. Я совершенно обеспечен и могу даже уплачивать некоторые долги. Толя привезет с собой к Вам в Каменку известную сумму денег, из которой часть может взять Антонина Ивановна, а другую часть Лева возьмет в счет долга.

Как мне благодарить тебя за все, что ты для меня делаешь! Авось когда-нибудь лично выскажу свою благодарность! Для моего спокойствия необходимо, чтоб я знал, что все живущие в Каменке, несмотря на все, сохранили ко мне хоть часть любви своей. О! что бы я дал теперь, чтоб поцеловать ручку Александры Ивановны, Лизаветы Васильевны и т. д. Как мне хотелось бы обнять тебя, Леву, всех Вас. Если можешь, пожалуйста, не разлюби меня.

Твой П. Чайковский.

P. S. Отвечай пожалуйста в Naples, poste restante.

Как я бы хотел развязаться с квартирой! Это зависит от Антонины Ивановны.

288. М. И. Чайковскому

Париж,
2/14 ноября 1877 г.

Милый Модя!

Пишу тебе только несколько слов. Я получил твое последнее письмо за час до отъезда из Кларанса. Когда увидишь Толю, спроси его, какое впечатление произвело на меня твое чудное письмо. Я был тронут до самой глубокой глубины души[1]. Спасибо тебе за любовь; не хочу добавлять к этому спасибо, что я тебе отплачиваю тем же. Я ужасно нуждаюсь теперь в любви тех, кого и я люблю больше всего на свете.

Я очень раскаиваюсь, что приехал в Париж. Кроме мучений я ничего здесь не испытываю; меня утешает только то, что Толя очень доволен, что побывал в Париже, куда его ужасно тянуло. Я мучаюсь потому, что мне совестно быть в Париже на деньги М-me Мекк и в такое время, когда русскому не до веселья. Мы останемся здесь только до завтрашнего утра, т. е. всего два дня. Вчера я совсем был болен. Мы были в Gymnase; у меня сделался сильнейший понос, и после первой пьесы я должен был бежать домой, купивши по дороге слабительного, которого и принял в огромной дозе. Действие было сильное, и сегодня я уже здоров, хотя чувствую слабость.

Толя сейчас вернулся из оперы, где давали «Фауста». Он в телячьем восторге от всего вообще и от Корвалло в осо-

бенности. Я же хотел посмеяться и пошел в Пале-Рояль, но ушел, не дождавшись конца. Чтоб веселиться, нужно иметь более спокойное состояние духа. Вчера мы, наконец, получили ответную телеграму от Саши, через неделю после посылки нашей телеграммы, в которой я спрашивал о ее здоровье. Ответ благоприятный.

Обедали оба дни в Diner de Paris у знакомого тебе гарсона. Живем в Hôtel de Hollande, где нас очень радушно приняли и тотчас же узнали.

Я был сегодня у доктора поговорить о катарре моем. Рекомендовал его мне хозяин гостиницы. Доктор хоть и знаменит и живет роскошно, но мне он не понравился.

Нежно тебя обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Теперь уж второй час, а вставать нужно рано.

289. А. И. Давыдовой

Рим,
9/21 ноября * 1877 г.

Милая и дорогая моя Саня!

Я очень устал, очень не в духе, очень раздражен и зол на себя и поэтому не буду писать тебе много. К тому же Толя скоро будет в Каменке и обстоятельно все расскажет и поговорит за меня.

Во-первых, позволь исповедаться перед тобой; я сделал страшную глупость (я, кажется, обречен делать только глупости), что приехал сюда. С самого выезда из Clarens'a я не в духе и чувствую себя скверно. Здесь шумно, суетливо, нужно бегать, смотреть, глазеть, а я быть туристом теперь не в состоянии. Да и денег мы истратили порядком. Словом, теперь решено так. Мы завтра уезжаем с Толей в Венецию. Там пробудем неделю, а засим я провожу его до Вены. Засим поеду назад в Кларанс. Там дешево и покойно. Меня твои оба письма, полученные сегодня, очень расстроили. Скажу тебе откровенно. Я жалею Антонину Ивановну, но гораздо более мне жалко тебя. Относительно ее любви ко мне позволь мне иметь свое мнение и притом непоколебимое. Ее сердце нисколько не уязвлено. А вот ее самолюбие оскорблено очень чувствительным образом, и я понимаю, что она должна страдать. Положение ее довольно трудное и очень щекотливое. Все, что можно сделать, чтоб облег-

---

* *В подлиннике ошибочно:* декабря

чить ей его, я сделаю. Это моя обязанность, тем более святая, что я отдаю полную справедливость ее искреннему желанию быть для меня хорошей женой и другом и что она не виновата в том, что я не нашел то, чего искал. Во-первых, я ей гарантирую сто рублей в месяц, во-вторых, я с удовольствием готов заплатить за все, что она издержала, и не только сумму, истраченную на мебель, но и все остальное. Только я могу теперь уплатить ей это в виде векселя, ибо капитала и прочных средств не имею. Ты требуешь моего совета, как ее устроить. Я ничего не могу на это сказать. Пусть она решит сама, что ей делать, и выбирает какое угодно местожительство. Я подчиняюсь всякому ее решению. Но я полагаю, что во всяком случае ей следует чем-нибудь заниматься. Если она говорила, что может зарабатывать сто рублей, то вместе с моими сто это составит двести, и этих денег достаточно, чтоб жить безбедно где бы то ни было.

Впрочем, полагаюсь совершенно на то, что ты решишь с Левой и с Толей. Позволь мне, мой Ангел, поблагодарить тебя от всего сердца за все, что ты для меня делаешь. Я нисколько не обижаюсь за то, что ты заступаешься за Антонину Ивановну. Я злобы к ней не питаю. Но прошу тебя, когда ты сокрушаешься о ее страданиях, вспоминать, что сорок тысяч ее нравственных страданий не сравнятся со всем тем, что я испытал все это время!!

Она в этом смысле может считать себя удовлетворенной. Если я ей нанес ненамеренно зло, то она мне столь же ненамеренно нанесла в миллион раз больше зла. Что я катаюсь по Италии, это еще не значит, что я наслаждаюсь жизнью. Еще замечу следующее: я ее ни в чем не обвиняю, а она написала Толе письмо, исполненное такой злобы, таких оскорбительных упреков, что мне теперь гораздо менее ее жалко, чем еслиб она выдержала до конца роль покорной овцы. Тем не менее, повторяю, я готов сделать все, чтоб усладить ее участь.

Выше я сказал, что мне жаль тебя. Да! мне жаль, и это терзает меня, может быть, больше всего, что ты с своим изумительно добрым сердцем должна была перенести столь много тяжелых минут. Я очень понимаю, что, несмотря на симпатию, которую тебе внушает Антонина Ивановна, тебе трудно иногда бывает с ней. Да, наконец, тебе и меня жаль, и я знаю, что кроме братьев никто в мире не принимает во мне такого участия, как ты с Левой. Прости мне все это, мой Ангел.

Я несколько раз говорил, что долго не буду среди Вас. Ты

этому удивляешься? Неужели ты не понимаешь, что мне теперь неловко будет с Таней, с другими детьми, с Александрой Ивановной и всем большим домом? И много нужно времени, чтоб эта неловкость сгладилась.

Прощай, мой Ангел.

Твой П. Чайковский.

290. М. И. Чайковскому

Рим,
10/22 ноября [1877 г.]

Модичка!

Хочется поболтать с тобой обстоятельно, а времени нет. Мое путешествие в Италию была величайшая глупость. Это совершенно напрасно брошенные деньги.

Завтра мы уезжаем с Толей в Венецию, где я с неделю хочу отдыхать от сумасшедшей суеты жизни туриста. Какое безумие в моем положении бегать с Бедеккером в руках по музеям!!! Из Венеции к 20 числу нашего стиля мы едем в Вену и там я дождусь Алеши, которого уже выписал. Засим Толя поедет в Каменку, Москву и Петербург, а я в Швейцарию, опять в свой милый Кларан.

Могу тебе рассказать только вкратце наше путешествие. Мы выехали из Парижа ровно неделю тому назад утром. На другой день вечером в десять часов приехали во Флоренцию, где ужасно скучали целых два дня. Я просто умирал с тоски. Я чувствовал себя не в состоянии наслаждаться красотами Италии, мучился излишнею тратой денег, и между тем необходимо было ехать в Рим, где предстояло еще больше тоски и суеты, но где мне необходимо было получить: 1) письма вообще, 2) lettre chargée от M-me Мекк в особенности и 3) симфонию мою, которая должна была придти в Кларанс через день после моего отъезда и переслана мне сюда.

Приехали в Рим в шесть часов утра, злые и не в духе. Как он мне показался грязен, шумен, темен, мрачен. Одевшись, пошли на почту, — и оказалось, ничего нет. Прошлялись день по улицам, были в соборе Петра, вечером в какой-то отвратительной опере. На другой день с гидом ходили в Ватикан, где мы осмотрели музей скульптурный. Каково мне было в отвратительном состоянии духа осмотреть три тысячи статуй!! Оттуда пошли на почту и получили несколько писем, в том числе из Каменки! Все письма из Каменки всегда бывают неприятны. Я пришел в совершенный упадок духа, когда в отделении lettres chargées мне сказали, что писем нет. После завтра я решился телеграфировать M-me Мекк, что письмо ее

не дошло. Это было очевидно, ибо из телеграммы ее я знал, что деньги высланы десять дней тому назад! Проходя мимо почты, я еще раз зашел и попросил поискать внимательно. Оказалось целых два письма. Второе от Альбрехта. Опять были в Ватикане, смотрели картины и ложи Рафаэля. Когда мы возвратились домой, то случилось то, чего я ожидал и чего боялся больше всего. Массалитинов из газет узнал, что мы в Риме, прилетел к нам и оставил карточку с приглашением на обед. Боже, как мне не хотелось его видеть! Однако ж пришлось отправиться. Полицын в Париже. Массалитинов вел себя очень деликатно и очень мило. Ни о чем не расспрашивал, угостил превосходным обедом, возил кататься в Колизей, — словом, лез из кожи, чтобы угодить! Сегодня были с Толей в Капитолии, хлопотали насчет симфонии, которую, как и письмо, насилу получили, ездили с Массалитиновым и с Lady Hamilton (sic!), урожденной русской, в Palais des Césars, обедали с нею же у него, меняли деньги у банкира, и наконец я теперь сижу дома и пишу тебе письмо, а Толя в опере с Массалитиновым. Завтра утром едем в Венецию. Не пиши мне туда. Пиши мне в Вену, Leopoldstadt, Hôtel Goldenes Lamm.

Теперь не могу удержаться, чтобы не сообщить тебе одной мысли, от которой я просто не могу теперь отделаться. Она мне пришла в голову совершенно неожиданно в нужнике!! Толя строжайше запретил мне писать тебе о ней, но я не могу удержаться и, благо его нет, сообщу тебе.

Что, если бы Конради нашел возможным устроить, чтобы ты с Колей приехали хоть на месяц ко мне в Кларанс? Курс ужасен, но ведь там дешевизна ужасная. Мы с Толей платили за чудную квартиру и превосходное кормление с прислугой, с бельем и т. д. тринадцать франков в день. Ведь это по шесть с половиной с рыла! Если б ты с Колей приехал, то я бы вам устроил за двенадцать франков, так как Коля маленький. Это составляет триста шестьдесят франков в месяц, т. е. сто пятьдесят по самому ужасному курсу, да и того менее!!

А между [тем] это было бы для меня такое блаженство, такое счастье, о котором я едва мечтать смею! Я хотел было сгоряча написать об этом прямо к Конради, но Толя не позволил.

Не распространяюсь об этом, но прибавлю, что это тем более удобно, что Коле неудобно сидеть дома, пока M-me Конради будет рожать и болеть. Что ты скажешь на это? Я не смею надеяться, но, боже мой, какое это было бы

для меня истинное благодеянье!!! Если это покажется тебе глупо, то не обращай никакого внимания. Устал ужасно. Прощай, мой дорогой.

Твой П. Чайковский.

О, если б ты приехал! Как мне хочется тебя видеть. Я буду ходить за Колей, как нянька.

291. А. И. Давыдовой

Венеция,
12/24 ноября 1877 г.

Милая и дорогая Саша!

Сейчас я получил длинное письмо от Антонины Ивановны [1]. Она все просит меня объяснить ей, почему я не остался жить с ней, и уговаривает сказать ей все откровенно. Но я, ей богу, не имею ничего сказать ей, кроме того, что уже было сказано много раз. Я себя признаю виноватым, я отдаю справедливость ее хорошим намереньям и ее искренности и честности, но я не могу с ней жить. Она выражала Толе подозрение, что мой человек Михайла, лишившийся места вследствие моей женитьбы, ходил к колдунье и посредством ее чар вложил в мое сердце ненависть к ней. Не могу же я подтвердить этого! Ей теперь представляется, что я сразу изменился к ней после Каменки. Я только могу удивляться, как она не замечала моего постепенного изнеможения в борьбе с своим сердцем. Правда, что в первое время я был с ней ласковее, потому что надеялся выйти победителем из этой борьбы. Но ведь уж и в то время мне случалось даже плакать при ней,— а она мне теперь пишет, что была тогда вполне счастлива!

Но не в том дело. Антонина Ивановна в сегодняшнем письме пишет мне, что любит меня больше всего на свете. Я ее прошу доказать мне это на деле. А доказать это она может, перестав на разные лады растравлять мои раны. Сегодняшнее письмо написано в самом любящем тоне. Оно очень длинно, полно самых благородных чувств, но тем не менее она спрашивает, за что я так безжалостно поступил с ней, чем она это заслужила!

Господи! С какой же высоты, на какой площади нужно мне в тысячный раз говорить: не за что, не за что, не за что, виноват, виноват, виноват! Когда же наконец это кончится!

Вот что, Саша! Я должен побороть мою скромность и сказать тебе следующее. Кроме того, что я муж Антонины Ивановны, безжалостно с ней поступивший, кроме того, что она

ни в чем не виновата, что она б е д н а я* и т. д. и т. д., а я полусумасшедший и безжалостный тиран ее, — есть еще одно обстоятельство. Я артист, который может и должен принести честь своей родине. Я чувствую в себе большую художественную силу. Я еще не сделал и десятой доли того, что могу сделать. И я хочу всеми силами души все это сделать.

Между тем я не могу теперь работать. Взгляни, пожалуйста, на мою историю с Антониной Ивановной с этой стороны. Скажи ей, чтоб она перестала терзать меня упреками и угрозами лишить себя жизни. Пусть и она тоже поймет это. Нужно дать мне возможность сделать все то, на что я призван. Я болен и, клянусь тебе, близок к сумасшествию. Заклинаю ее дать мне возможность успокоиться и начать работать, как следует. Я знаю, что Рубинштейн очень ясно дал ей почувствовать это, но теперь она все это позабыла. Она сделалась теперь самым безжалостным палачом моих* всю великость того* ты хочешь мне сделать. Но для моего полного успокоения одно только средство: дать мне хоть немножко позабыть все, через что я перешел в последнее время. А для этого нужно, чтоб Антонина Ивановна перестала пытаться доискиваться до причин нашего разрыва. Пусть она будет моим другом, но не нужно, по крайней мере, теперь возвращаться все к тому же: з а ч е м, з а ч т о, о т ч е г о и т. д. и т. д. Я сам не знаю, зачем и за что.

Еще просьба. Антонина Ивановна пишет мне, что если она расстанется с тобой, то ей останется только покончить с собой. Таким образом мне теперь приходится просить тебя, чтоб ты оставила ее у себя. Ведь все равно я теперь еще долго не возвращусь в Россию, и поэтому ее присутствие у тебя не повлечет отдаления моего пребывания среди Вас.

Толя скоро будет в Каменке.

Обнимаю тебя крепко, нежно. Я всех Вас люблю со всей силой, на какую способен.

Твой П. Чайковский.

292. А. И. Давыдовой

Венеция,
18/30 ноября 1877 г.

Милая моя Саша!

Все эти дни я не писал тебе по следующей причине. Я получил твое последнее очень успокоительное письмо дней шесть тому назад [1]. Оно имело на меня самое благотворное

---

* В подлиннике вырезано несколько слов.

влияние. Я принялся за работу, а работы у меня бездна. Между прочим, я должен окончить те сцены оперы, которые пойдут на консерваторском спектакле и которые Толя должен отвезти в Москву. Я засел за работу и сделал в шесть дней столько, сколько и не мог ожидать. Работа эта поглотила меня, и только сегодня я принялся за письма. Кроме того, я еще оттого затруднялся писать тебе, что писать о том, что важно, мне не хочется, так как Толя скоро будет у вас и лучше, чем мои [письма], расскажет и разъяснит все, что нужно. Лева прав, говоря, что мы в письмах друг друга плохо понимали. Впрочем, не иду далее, а то неминуемо сверну все на то же...

Одно только я знаю: если есть на свете хорошие, добрые и абсолютно безупречные люди, то это ты с Левой. Его письмо мне сделало много добра. Я дорожу, может, гораздо больше, чем ты думаешь, Вашей любовью. О чем бы я ни думал, какие бы ни делал предположения, — всегда натыкаюсь на мысль о Вас, на то, как сделать, чтоб Вы были довольны и, главное, не разлюбили меня. Спасибо Вам обоим за все. Много хлопот, много неприятных минут причинил я Вам.

Завтра мы с Толей уезжаем в Вену. Там мы пробудем вместе несколько дней, и около последних чисел ноября он будет в Каменке.

Простившись с Толей, я приеду опять в Венецию. Здесь очень тихо. Мысль о разлуке с Толей пугает меня. Последнее мое письмо к тебе было написано в очень нервном и раздраженном состоянии. Прости, ради бога, если я в нем выражаюсь не так, как бы следовало.

Прощай, мой Ангел. Я очень устал и с трудом пишу: целый день просидел за трудной работой.

Твой П. Чайковский.

Обнимаю Вас всех нежно.

Тяжело русскому жить теперь заграницей. Боже мой, до чего нас ненавидят! Толя тебе расскажет, как мы кипятились и обижались каждый вечер на площади св. Марка, когда продавцы газет кричат, чтоб приманить покупателей: «Grande vittoria dei Turchi!» * И это повторяется каждый день по поводу всякого турецкого известия о всякой рекогносцировке. «Vittoria dei Russi» ** не кричат никогда.

---

* «большая победа турок»

** «победа русских»

293. А. И. Давыдовой

Вена,
20 ноября */2 декабря 1877 г.

Милая Саня!

Толя будет у Вас на-днях. Пишу эту записку, чтобы ты имела на всякий случай мой адрес. Отсюда я еду в Венецию, где нанял на месяц квартиру. Адрес следующий: Venezia. Riva dei Schiavoni, Hôtel Beau Rivage.

Целую.

П. Чайковский.

294. М. И. Чайковскому

Вена,
27 ноября/9 декабря 1877 г.

Модя! Что значит, что я не получил от тебя письма в Вене? Я иначе не могу себе объяснить это, как тем, что ты серьезно отнесся к моей просьбе приехать с Колей ко мне. Вместе с тем, я боюсь верить в это. Ce serait trop de bonheur! ** Ты не знаешь всю неизмеримость услуги, которую ты оказал бы мне! Несмотря на то, что Алеша должен приехать и что я буду не один, — мне этого мало. Мне нужно тебя и Колю!

О многом хотелось бы поговорить с тобой, да сегодня я собрался написать разом несколько писем, и потому не хочется вдаваться в подробности. К тому же, я надеюсь, что это письмо уже последнее к тебе и что скоро увидимся. Ах, боже мой, какое это было бы для меня блаженство! Я бы совершенно воскрес духом!

Здесь я провожу теперь очень приятные дни, несмотря на угрожающее мне в близком будущем расставание с Толей.

К нам приехал из Берлина Котик. [...]

Мы сидим почти безвыходно дома, играем с Котиком в четыре руки или беседуем втроем, а вечером часто бываем в театре. Мы слышали: «Водовоза» Керубини, «Сильвию» (балет), Deslibe'a, «Валькирию» Вагнера и «Аиду», Последняя шла скверно. Из всего этого самое очаровательное впечатление я вынес из «Водовоза» и «Сильвии», которые даются вместе[1]. Вчера и сегодня мы обходимся без театра.

Модя, не пиши больше. Я почему-то уверен, что увидимся.

Целую крепко. Твой П. Чайковский.

Алеша приезжает послезавтра.

---

* *В подлиннике ошибочно:* 21 ноября

** Это было бы слишком много счастия!

295. А. И. Чайковскому

Вена,
1/13 декабря 1877 г.

Толя! Проводивши тебя, мы пошли с Котеком пешком домой. Он так был грустен, говорил таким больным голосом, что мне сделалось совестно оставить его на целый день одного, и я решился провести еще сутки в Вене, тем более, что и Алеше очень хотелось остаться здесь один денек. Что это был за ужасный день! Когда мы пришли домой и твоя комната оказалась пуста, то сердце у меня болезненно сжалось, и это сжимание шло c r e s c e n d o до вечера. Мы целый день просидели дома. Расставшись с Котиком и очутившись один, я впал в состояние совершенно безумной тоски, которая была тем более ужасна, что я наверно знал, что и ты тосковал обо мне. Возвратившись домой в самом отвратительном состоянии, я был встречен Алешей и тотчас же, как и следовало ожидать, подвергся сильнейшему истерическому припадку. Я целый день боролся с слезами и очень желал остаться победителем, но тут, увидя опустелые комнаты и сознавши всю великость утраты, которую я сделал с твоим отъездом, я потерял силу владеть собой. Если б ты видел то нежное участие, которое мне выказал Алеша, то ты бы, может быть, более оценил его. После того, как мне стало легче, Алеша потащил меня гулять. Потом мы ужинали, причем я ничего не ел, но зато выпил четыре кружки пива и, возвратившись домой часов в двенадцать, тотчас же лег спать. Спал я довольно хорошо. Пробуждение было очень грустное. Теперь я уже выпил кофе, все уложено, и часа через два мы едем! Очень сожалею, что не уговорился телеграфировать тебе в Волочиск, а тебе не велел телеграфировать мне из Волочиска. Несколько строчек от тебя могли бы очень успокоить меня.

Толя! последнее время я выказал себя ужасным эгоистом и относительно Котека и относительно тебя. Мне очень стыдно за свои низкие чувства. Я искренно и мучительно раскаиваюсь в том, что выражал тебе страх насчет денежных обстоятельств Котека. Вчера я старался вести себя так, чтобы у него не осталось и тени тягостного чувства денежной зависимости от меня. Милое и доброе существо этот Котик!

Что касается тебя, то прости меня за эгоистическое чувство, которое я выразил тебе вчера, прося тебя избавить меня от всяких сообщений касательно Антонины Ивановны. Это было отвратительно. Я сваливаю с себя все тягостные последствия своего безумия, возлагаю это иго на тебя и вдобавок еще требую, чтоб ты даже ничего не сообщал мне. Прости, меня, милый, дорогой голубчик!

Я должен еще раз повторить тебе то, что сказал накануне отъезда. Ты можешь быть совершенно покоен относительно меня. Ты меня оставил совершенно здоровым. Я наверное буду несколько времени тосковать о тебе ужасно, но мало-помалу привыкну и, когда погружусь в симфонию, успокоюсь.

Толя! Мне бы хотелось словами выразить тебе, как я тебя люблю, но нет слов. Это бездонная пропасть любви. Если мои эгоистические выходки оставили в тебе неприятное воспоминание, то разгони их, ибо припадок эгоизма прошел. Я достаточно наказан всем тем, что испытал вчера, испытываю сегодня и еще буду несколько времени испытывать [1].

Я написал вчера письмо к Конради.

Поцелуй от меня нежно Сашу, Леву и всех детей. Вчера вечером была минута, когда я чуть-было не решился ехать в Россию сейчас же: до того ужасно мне казалось остаться здесь без тебя.

Твой П. Чайковский.

Прощай, моя радость, мой милый.

Мне ужасна мысль, что я пишу не при тебе, а тебе. Я долго не привыкну к этому.

Nessun dolor maggiore che ricordarsi del tempo felice nella miseria! Это относится к воспоминанию о Clarens.

*

296. А. И. Чайковскому

Венеция, .
2/14 декабря 1877 г.

Толя! Как ужасно думать, что ты получишь это письмо еще не ранее, как через неделю! Мне бы хотелось, чтоб ты сейчас, в эту минуту отозвался мне: моя душа полна тобой. Ты и представить себе не можешь, до чего я тоскую об тебе, до чего Венеция, Hôtel Beau-Rivage, все, все мне отвратительно, потому что все это живо напоминает мне тебя, а ты где-то далеко. Телеграфировать? Я это и сделал сегодня, тотчас после приезда, но дойдет ли телеграмма до тебя, пока ты в Каменке? Из полученного сегодня письма Левы я вижу, что первая телеграмма пришла на четвертый день, и столько же времени шел оттуда ответ. Я знал и ожидал всего того, что теперь со мной делается, но это ожидание оказалось во стократ слабее ужасной действительности. Ах, как мне тяжело, грустно, страшно! И как я бесконечно люблю тебя! Только теперь, когда тебя нет, я сознаю всю силу моей любви к тебе

и мучаюсь, что, пока ты был со мной, я не умел выражать тебе этой любви. И это всегда так со мной!

Дорога от Вены сюда была для меня ужасна. По временам я забывался, и мне казалось, что ты тут рядом. Когда я в рассеянности брал кусочки бумаги в рот, то инстинктивно оборачивался в т в о ю сторону, ожидая выговора, и с ужасом видел, что тебя нет! Наконец вечером я пришел в такое отчаянье, что, не зная, что делать, выпил разом две бутылочки коньяку. Это мне очень помогло. Я сильно опьянел, забылся и потом крепко уснул. Утром, пока мы ехали, мне было довольно сносно, но зато приехать в вонючую Венецию, взобраться в мои комнатки и опять со всей силою сознать все, чего я лишился в тебе, это свыше моих сил. Я спустился вниз и опять выпил лишнего. Потом мне принесли письма; в числе их письма от Левы и Саши, очень милые и ласковые, но раздражавшие меня потому, что, как оказывается из них, я в последнем письме к Антонине Ивановне наглупил, подав ей смутную надежду, что когда-нибудь возможно сближение. Засим, не получивши письма от М-me Мекк, я послал на почту узнать, не лежит ли там письмо. Мне принесли какую-то повестку. Убежденный, что это u n e l e t t r e c h a r g é e, я отправляюсь на почту и получаю вместо письма телеграмму от Шиловского, в которой он просит прислать адрес, чтоб выслать д е н ь г и. Буду отвечать ему письмом.

По поводу денежных обстоятельств я должен сказать тебе, что я занял у Котика сто франков и очень хорошо и предусмотрительно поступил, так как иначе пришлось бы ехать в третьем классе. Я приехал сюда сегодня, имея только тридцать лир из тех шестидесяти, которые у меня были. Все гульдены и все, что было, ущло на отель и на дорогу. Я ехал в том самом вагоне и в том же купе, в котором мы с тобой ехали. Это только удваивало мои мученья. Шаг за шагом я мысленно следил за тобой, и когда я плакал, то мне казалось, что в эту минуту и ты плачешь обо мне, и от этого мне делалось хуже. Может быть, ты прав, сказав, что я теперь придумываю себе нравственные терзанья, может быть, я преувеличенно скучаю без тебя, может быть, следовало бы разумом сдержать себя. Но я не могу. Беспрестанно мне лезут в голову воспоминания. Как нам хорошо было в Берлине, в Кларане, в Вене даже, несмотря на близость твоего отъезда. Здесь так пустынно, так грустно, отель такой покинутый как будто всеми! Конечно, ты спросишь: а чтож Алеша? Алеша очень мил, ласков, услужлив; конечно, мне было бы во сто раз хуже без него, но он не может заменить мне тебя, ибо

как я его ни люблю, а все же это не то; по крайней мере, в тех обстоятельствах, в которых я нахожусь, мне его мало. Ах, как мне грустно.

Я соображаю, что очень глупо бесполезно терзать тебя этими излияниями, но, с другой стороны, во-первых, они меня облегчают, во-вторых, когда ты их будешь читать, я наверное уже буду в более покойном состоянии.

Теперь у меня есть одно большое утешение. После писем Левы и Саши Каменка мне опять открыта, если не сейчас, то в не очень отдаленном будущем.

Прощай, мой милый, дорогой. Целую тебя миллионы раз. Что бы я дал, чтоб поцеловать тебя на самом деле.

П. Чайковский.

297. А. И. и Л. В. Давыдовым

Венеция,
2/14 декабря [1877 г.]

Милые и дорогие Саша и Лева!

Сегодня я приехал в Венецию и нашел здесь Ваши письма. Они мне доставили много утешенья. Я было совсем отчаялся насчет пребывания в Каменке. Теперь она для меня снова открыта. Саша, голубушка! Ради бога не думай, что я хоть на минуту с е р д и л с я на тебя! Мне просто было неизъяснимо мучительно думать, что Антонина Ивановна у Вас. Ее присутствие в Каменке лишило для меня своего престижа то теплое гнездышко, на которое я всегда рассчитывал и в котором привык почерпать душевные силы для борьбы с жизнью. В тяжелые минуты я всегда обращался мысленно к Каменке и в ней чувствовал верное прибежище для себя. Между тем столь долгое пребывание Антонины Ивановны среди Вас породило какую-то фальшь, что-то ложное и ненормальное в моих отношениях к Вам. Это мне было ужасно тяжело. Теперь, после Ваших последних двух писем, Каменка для меня снова открыта, и если не сейчас, то в не очень отдаленном будущем я непременно явлюсь туда, чтобы окончательно выздороветь.

Я действительно подал какие-то отдаленные надежды Антонине Ивановне в моем последнем письме! И это тем более дурно, что я л г а л, говоря ей, что не ручаюсь за то, что со мной будет впоследствии. Я наверное знаю, что лучше умру, чем снова сойдусь с ней. Но я уж решительно не знал, что ей сказать, чтоб хоть на время отделаться от ее писем, которые мне наносили столько зла, что и сказать нельзя. Теперь, совокупно с Толей, я думаю, что Вы наконец удалили ее.

Я пишу это письмо с величайшим трудом. Вот уже третий день, что я расстался с Толей и испытываю такую ужасную, такую ядовитую тоску и боль в сердце, что у меня нет сил сообразить и двух мыслей. Только теперь, когда он уехал, я вполне сознал, как было для меня благодетельно его присутствие, как я ему много обязан и как я люблю его. Я имел глупость возвратиться сюда, где еще так недавно мы были вместе. Боже мой, до чего мне противна Венеция, до чего мне скучно! Я просто с ума схожу.

Ваши письма пришли сегодня очень кстати. Теперь, как отдаленная заря, для меня заблистала надежда попасть к Вам. Мне кажется, что будет достаточно одного мгновения, чтобы сделаться снова совершенно здоровым человеком. Стоит только увидать Вас всех вместе, чтобы помириться с самым лютым горестным чувством. Лева! Насчет денег я не буду писать тебе сегодня, — Толя, я думаю, устроил мои дела с этой стороны. Я очень бы желал не брать у тебя денег. Ты совсем не такой богач, чтобы из-за моих глупостей тратить деньги. Положим, я отдам их, если останусь жив, но мало ли что может случиться.

Я ни минуты не сомневаюсь, что все, что Вы делали, было делаемо ради меня и для меня. Пожалуйста, мой Ангел Саня, выкинь из головы мысль, что я когда-нибудь сердился на тебя. Я только страдал от мысли, что тебе из-за меня было так много забот и неприятностей. Кроме того, мне показалось, что Каменка или навсегда или надолго для меня закрыта, и это приводило меня в отчаянье.

Целую Вас обоих столь же нежно, как и люблю.

П. Чайковский.

298. А. И. Чайковскому

Венеция,
2/14 декабря [1877 г.]

Сегодня я послал тебе письмо, написанное в семь часов вечера. Теперь двенадцать часов ночи, Алеша давно спит, а я, прочитавши две газеты, выпивши бутылочку к и р ш в а с с е р у и вследствие этого ставши значительно покойнее, получил неудержимую охоту еще раз написать тебе, но перо куда-то девалось, Алешу будить не хочется, и поэтому пишу карандашом, который попался под руку.

Я очень недоволен отелем. Когда я вошел в комнаты, то они оказались приготовленными только в том смысле, что печки были страшно натоплены. Мебели ужасно мало, очень тесно, и стол для писания маленький и шатающийся. Помнишь

ли, что было сговорено, что Алеша будет обедать с Dirretore и что при этом им будет даваться вино. Сегодня этого не сделали, и когда я спросил — почему, то сказали, что надо платить особенно. Положим, Алеша вина не любит, но все-таки скверно. В шесть часов, когда стало совсем темно, я потребовал согласно уговору лампу (помнишь, она была в счету). Девка возвратилась, сказав, что надо платить особо. Я сделал страшную сцену, позвал Dirretore и, будучи очень нервен, чуть не приколотил его. Результатом вышло то, что завтра лампа будет. Узнав, что за table d'hôt'ом обедают всего четыре человека, т. е. прусский барон с женой и какой-то австриец с женой, я ужаснулся. Я спросил, нельзя ли мне обедать за особым столом. Оказалось, что можно. Поощренный этим, я спросил, нельзя ли мне обедать с Алешей. И на это согласились, но с тем, чтобы мы обедали и завтракали не в большой столовой, а рядом. Сегодня в девятом часу вместо обеда, от которого мы отказались, нам дали ужинать в этой боковой зале. Я очень рад, что избавлен от прусского барона. Ужин был очень порядочный. После ужина мы ходили гулять. Пили кофе на нашем месте, ходили гулять по нашей улице по направлению Grand Hôtel. Это было для меня и больно и сладко. Толичка! Как мне высказать тебе, до чего я тебя люблю! Но здесь я едва ли буду в состоянии долго остаться! Слишком больно! Получил письмо от M-me Mayor необыкновенно милое. Она с грустью сообщает, что кроме больных немок нет никого. Думаю, что не выдержу здесь месяца и поеду туда, хотя и там будет больно и сладко! Надеюсь, что сегодня хорошо буду спать вследствие выпивки. Завтра утром попробую заняться симфонией и надеюсь, что будет лучше...

Целую тебя нежно; обнимаю тебя со всею силой, на какую способен. Жду депеши от тебя. В эту минуту ты уже спишь в Каменке.

Твой П. Чайковский.

299. А. И. Чайковскому

Венеция,
3/15 декабря 1877 г.

Толичка!

Сегодня мне гораздо лучше. Я очень хорошо спал и с утра принялся за симфонию[1]. После завтрака мы ходили с Алешей в дворец дожей и шляться по улицам. От двух до пяти я опять писал. В пять мы обедали; от шести до восьми я сидел на площади и гулял. Теперь снижу дома. Алеша уже ложится

спать. Я только что написал большое письмо Карлуше в ответ на его, пересланное мне Маноршей. Благодаря симфонии, я чувствую, понемножку свыкнусь с тяжестью разлуки с тобой и кое-как проживу месяц. А что будет далее?

Сегодня утром получил твою телеграмму во время завтрака [2]. Разумеется, был в состоянии величайшего блаженства, узнав, что ты благополучно доехал и что все идет хорошо. Сумеешь ли ты отделаться от Антонины Ивановны или она заставит тебя довезти себя до Москвы? Получил ли ты мои две телеграммы? Мне очень хотелось телеграфировать тебе сегодня о том, что я покойнее, но у меня денег нет. От Надежды Филаретовны не получил покамест ничего, кроме извещения о взятии Плевны. Это меня очень удивляет. У меня в кармане десять лир.

Скажу тебе про Венецию, что она мне до-нельзя противна. В ней есть что-то поганое, мерзкое, к чему я никогда не привыкну. Помещение мое ужасно высоко, ужасно тесно, но довольно уютно. Хорошо то, что я завтракаю и обедаю вместе с Алешей. Последний держит себя прелестно. Он нисколько не скучает; утешает и старается веселить меня, когда я тоскую, читает, занимается арифметикой и пишет так же много писем, как и я. Дворцом дожей он очень восхищался. Вообще я очень, очень им доволен. Завтрашнее письмо я уже буду адресовать в Петербург. Мне очень хотелось сегодня пойти слушать Патти в «Цирюльнике», но денег не хватило.

Целую тебя, голубчик мой; прости, что из-за меня тебе так много хлопот.

Твой П. Чайковский.

300. А. И. Чайковскому

Венеция,
4/16 декабря [1877 г.]

Сегодня утром ходил с Алешей в церковь (dei Greci), но служба еще не начиналась, и потому вернулся домой. После завтрака мы с ним долго гуляли. В три часа, когда по возвращении с прогулки я уселся за симфонию, вдруг приносят телеграмму от Модеста. Она гласит следующее: «Tu as vaincu Conrady, Nicolas et moi partons après couches. Au revoir» *. Ничего не могло быть более кстати. Состояние моего духа было отвратительное. Не могу тебе пересказать, какую ужас-

* «Ты победил Конради. Коля и я отправляемся после родов. До-свидания».

ную ночь я сегодня провел. Кроме жгучей и ядовитой тоски по тебе, на меня напал какой-то страх, очень неопределенный, но очень мучительный. Мне вдруг показалось, что я должен заболеть! Что тогда мне делать? Что станется с бедным Алешей? Как я буду страдать, страдая здесь один так далеко от тебя? Одним словом, всякий вздор лез мне в голову. Разумеется, теперь все это как рукой сняло. Я смело и бодро смотрю вперед и с величайшим удовольствием буду теперь работать, тогда как вчера я работал через силу. Венеция, которая еще вчера казалась мне так отвратительна, сегодня мне даже немножко нравится. Только с отелем все-таки не могу помириться: уж очень высоко, и еда скверная. Сегодня за завтраком были такие бараньи котлеты, что даже я не мог взять в рот ни кусочка.

Толя! Посоветуй Модесту ехать с Колей в Кларан. Там и Коле будет хорошо и нам. Здешний вопючий воздух не может быть полезен Коле. Впрочем, я совершенно подчинюсь решению Конради и Модеста.

Начиная с завтрашнего дня, я буду вести краткий дневник и посылать тебе его два раза в неделю: в среду и в субботу. Я сижу теперь с пятью лирами. Телеграфировал сегодня Модесту и в Каменку насчет отеля. Что это значит, ума не приложу! Вчера вечером я тайно от Алеши купил себе бутылку коньяку. Сегодня я уже в нем не нуждаюсь. Прощай, моя радость! Нежно тебя целую.

Твой П. Чайковский.

Получил письмецо от милого Котика.

301. М. И. Чайковскому

Венеция,
4/16 декабря 1877 г.

Модя! Я пишу тебе потому, что полагаю, что письмо мое придет как-раз к тому времени, когда Алина Ивановна будет разрешаться от бремени, и в такое время мне как-то неловко писать к Герману Карловичу, хотя письмо мое к нему было бы гимном благодарности самой жаркой, самой восторженной.

Сегодня в три часа дня, когда я сидел, погруженный в инструментовку симфонии, мне принесли твою телеграмму. Я до того обрадовался, что совсем с ума спятил. Не зная, как излить мою радость, я сдуру послал телеграмму Герману Карловичу, в которой недостаточно выразил свою благодарность, но зато весьма некстати упомянул о климате Венеции, когда

еще об этом слишком рано говорить. Целый день я находился в нервно возбужденном состоянии и теперь пишу это письмо, не зная, как мне дать тебе понять всю силу моей радости. Чтоб ты мог себе ее отчасти представить, я должен тебе сказать, что после отъезда Толи я страшно тосковал, несмотря на приезд Алеши, тосковал до того, что стал пьянствовать. Только выпивши бутылочку коньячку, я мог находить жизнь сносною. Венеция в этот приезд показалась мне так противна, так гадка, так погана и вонюча, что я не знаю, как бы я продолжал жить здесь. А уехать — так куда? Теперь, после стольких разъездов, я понял наконец, что мне везде будет скучно, если около меня не будет кого-нибудь из вас. Тебе оттого удобнее пожить со мной, чем Толе, что твоя деятельность нисколько не остановится — ты только перенесешь ее сюда. Как мне будет легко и хорошо, когда ты с Колей будете со мной. Какую тихую и милую жизнь мы устроим! Какой чудный человек Герман Карлович!

Прежде всего, когда разрешение Алины Ивановны благополучно кончится и решено будет время твоего отъезда, нужно будет обдумать, куда вы поедете. Я совершенно подчинюсь Вашему решению. В сущности, мне совершенно все равно, где жить. Я бы советовал тебе, несмотря на твою нелюбовь к Швейцарии, поехать в Montreux или в Кларанс. Только в Швейцарии можно устроиться и дешево и хорошо. Здесь я плачу с Алешей пятнадцать франков в день, живу в четвертом этаже, ем скверно, имею две клетушки, тогда как в Кларансе с Толей мы имели чудное помещение и великолепную еду за тринадцать. Впрочем, будем жить, где тебе вздумается и где захочет Конради. Даже если окажется, что Коле нужно заняться с Гугентоблером, то я буду очень рад жить в Лионе. Вообще я готов ехать куда угодно, лишь бы не возвращаться в Россию и быть с тобой и с Колей.

Все последние дни я был настоящим страдальцем, и право, я не знаю, куда бы меня повела моя хандра, если б не сегодняшнее известие. Даже Венеция мне очень понравилась, когда я пошел гулять после твоей телеграммы.

Модя, передай Герману Карловичу мою благодарность; у меня нет слов, чтоб ее выразить.

Я телеграфировал тотчас же в Каменку об этом счастии.

Целую тебя нежно. Колю тоже. Если Алина Ивановна разрешилась, поздравь ее.

Твой П Чайковский.

302. М. И. Чайковскому

1877 г. декабря начало. Венеция.

Модя! Как глуп Ленька! Написал целое письмо и ни единого слова не упоминает о радости, которая предстоит и ему и мне [1]. Я совершенно счастлив и в ожидании свидания с Вами обоими буду много работать. Приятное ожидание — отличный стимул для работы. Я очень доволен своей симфонией, — это несомненно лучшее, что я написал, но она дается мне не без труда, особенно первая часть. Целую тебя нежно. Жду от тебя письма с подробностями где, как и что!

Твой П. Чайковский.

303. А. И. Чайковскому

1877 г. декабря 5—7. Венеция.

Венеция,
5/17 декабря.

С сегодняшнего дня начинаю свой дневник для тебя. Не знаю отчего, оттого ли, что я очень усердно целые дни сижу за симфонией, или оттого, что вообще я не в нормальном состоянии, только мне стало невыразимо трудно писать письма. Сейчас я с невероятной натугой написал три небольшие письмеца Котеку, Рабусу и Юргенсону. Только тебе и Модесту, да еще M-me Мекк я пишу без усилия. Кстати о M-me Мекк. Сегодня 5-е число, а о деньгах ни гу-гу. Теперь у меня в кармане всего три лиры, и если и завтра ничего от нее не будет, то придется принять какие-нибудь меры. Я провел ночь недурно, но и не особенно хорошо. Известие о приезде Модеста подействовало на меня самым благотворным образом. Я покоен. Но так как без мучений я жить не могу, то теперь мучаюсь мыслью, что Конради облагодетельствовал меня и что отныне я и Модест его рабы; иногда же мне приходит на мысль, что он раздумает или что Алина Ивановна родит неблагополучно. Словом, я в самом деле стал невыносимым человеком, на что, впрочем, ты и намекаешь в сегодняшнем письме, говоря, что я стал капризен и еще что-то. Твое письмо я получил сегодня утром за завтраком. Уж как я был рад! Я перечитал его раз десять и с аппетитом смотрел на эту бумагу и этот конверт, которые ты вертел в своих руках так недавно. Где-то ты теперь! Когда я воображу себе, что ты, может быть, путешествуешь с Антониной Ивановной, то кровь от ужаса застывает в моих жилах! Что может быть ужаснее, как лицезреть

это омерзительное творение природы! И к чему родятся подобные гадины! И к чему на меня нашло сумасшествие, к чему случилась вся эта пошлая трагикомедия!

Что меня радует, так это то, что Алеша так мил, так весел. Об нем вовсе не приходится заботиться. Он всегда занят, нисколько не скучает, охотно остается один дома, когда я совершаю свою ежедневную одинокую прогулку. Он чрезвычайно хорошо понял, что мне от него нужно теперь, и удовлетворяет с лихвой всем моим требованиям.

Погода сегодня уже второй день стоит великолепная. Выбор места, на котором мы живем, удачный в отношении прекрасного вида из окна, но очень неудачен в отношении столь любимой мной тишины. Даже ночью постоянно слышны голоса, шаги, пение и т. д. Еда здесь в отеле у ж а с н а я. Ты бы просто погибал от голода!

Сегодня на площади видел нашу Р а а б, ее подлого отца и толстяка-итальянца. Теперь девять часов вечера. Мы пьем с Ленькой чай. Получил сегодня от милого К о т и к а письмо и телеграмму. В последней он спрашивает о здоровье и о деньгах.

Но какое блаженство думать, что приедет Модест. Я готов был бы поцеловать ноги у Конради за эту колоссальную услугу! Право, я не мог бы остаться здесь даже и с Алешей. Не хлопочи о моем возвращении в Россию. Я весною и без того ворочусь,— но н е р а н е е. Нужно дать Каменке вздохнуть от Антонины Ивановны и уж потом принять ее супруга. До завтра, мой родной.

Отсутствие денег меня мало тревожит. А как бы я тревожился, не будь известия о Модесте!

6/18 декабря.

Получил сегодня утром письмо от Надежды Филаретовны с векселем. Она прислала мне денег разом на два месяца. Письмо ее на в о с ь м и листах, опять с философией. Это письмо написано гораздо лучше и яснее предыдущего. Между прочим, она очень трогательно рассказывает о периоде, когда она жила с мужем и пятью детьми, имея д в а д ц а т ь копеек в день на расходы. Вообще письмо доставило мне большое удовольствие. А Венеция все-таки мне не по душе; должно быть, это твое влияние. Погода стоит чудная. Целый день в комнате у нас солнце. Тем не менее что-то такое делает для меня этот город противным. Ради бога, уговори Модю, чтобы он выбрал какой угодно другой город, лишь бы не Венецию. Ночь эту я провел довольно скверно. Хочу сегодня раньше лечь спать. Но все-таки жизнь мне стала мила вследствие

известия о приезде Модеста! Но почему меня берет какой-то страх и кажется, как будто этого не будет, Конради раздумает, Алина Ивановна родит неблагополучно и т. д.? Завтра еще напишу и затем отправлю к тебе этот отчет за три дня. Еда делается мне здесь с каждым днем противнее. Получив вексель, я тотчас побежал к банкиру в надежде тут же получить деньги. Ничуть не бывало. Во-первых, нужно наложить марку где-то около моста Риальто, во-вторых, вексель дан â trois jours de dates *, и поэтому раньше пятницы денег не получу. Пришлось занять в отеле десять лир, а то не на что было бы папирос купить. До свидания, Толичка, до завтра.

Среда, 7/19 декабря
9 час. вечера.

Погода стоит удивительная. Днем так тепло, что в пальто едва ходить можно. Вечером луна глядит во всю рожу и чудесно освещает Венецию. И все-таки она противна, и тому причиною вонь, вонь постоянная, хроническая и днем, и ночью, и в дождь, и в ясную погоду—повсюду она меня преследует. Еще одно бедствие для такого обжоры, как я, очень чувствительное. Ты знаешь, как я нетребователен на еду, — мне всегда все вкусно. Кухня в Hôtel Beau-Rivage ужасная: иногда решительно есть нельзя. Ты бы наверное ничего не мог есть. Алеша хотя и уписывает все с свойственным его возрасту аппетитом, но и тот часто замечает, что нехорошо. Господи, что бы я дал за тарелку щей, пирог, биток, огурчик русский!

Я тебе еще не писал ничего о распределении дня. Встаю в обычное время, т. е. в восемь часов. Пью чай, занимаюсь. В одиннадцать часов спускаемся с Алешей в особую комнатку, где подается завтрак из двух блюд с десертом. Потом ходим гулять с Алешей, разумеется, больше всего по площади. В 1½ возвращаюсь домой и опять работаю до самого обеда. В пять часов опять спускаемся и обедаем. Обед состоит из супа, рыбы, двух viandes, legumes**, жаркого, пирожного и десерта. Все это скверно, невкусно, тяжело и иногда даже вонюче. После обеда я гуляю один очень долго. Возвращаюсь около восьми часов, и пьем чай. Я пишу письма (с большим трудом), читаю газету «L'Italie» или «Пенденниса». Алеша ложится в десять, я гораздо позже; третьего дня лег в два часа ночи. Мне сделалось грустно, я выпил коньяку, повеселел, стал читать «Пенденниса», и один

* с оплатой через три дня
** мясных, овощей.

эпизод так мне напомнил Кондратьева, что мне захотелось написать ему, что я и сделал. Написал ему очень неприятное письмо. На другой день раскаялся и послал другое, с извинениями [1].

Прощай, милый мой Толя. Будь совершенно покоен насчет меня. Я здоров и даже весел.

Твой П. Чайковский.

304. А. И. Давыдовой

Венеция,
8/20 декабря 1877 г.

Милая, дорогая Саша!

Вот уже около недели, что я живу здесь. Не особенно мне нравится Венеция! Чистого воздуха здесь никогда не бывает. В комнатах холодно, а если отворить окно, тотчас же тебя обдаст струей уличного зловония. Кормят очень плохо, а для такого нетребовательного, как я, человека даже изумительно плохо. В Венеции бездна исторических памятников и художественных произведений, но все это уже мною пересмотрено, а снова ходить и смотреть нет времени. Я теперь всецело предался работе, т. е. инструментовке большой симфонии, сочиненной еще прошлой зимой. Сначала работа шла ужасно туго. Я до того скучал об Толе, что просто с ума сходил. Но тут вдруг явилась телеграмма Модеста, которая меня совершенно ободрила, и работа закипела у меня на всех парах.

Дело с Модестом вышло так. Мысль устроить так, чтоб он отправился с Колей заграницу, пришла мне еще в Риме. Толя уговорил меня не предпринимать для этого никаких переговоров, так как в то время у Модеста шли приготовления к заключению условия с Конради. Моя мысль была, ничего не говоря Модесту, прямо обратиться к Конради и настрочить письмо, которое и тронуло бы его и вместе польстило ему. Но Толя не допустил, говоря, что лучше подождать. Через несколько времени я открылся в письме Модесту. Он отвечал, что как бы ни желал, а ничего сделать не может, но, впрочем, может быть и т. д. В Вене в день отъезда Толи я написал Конради письмо. Вероятно, оно было проникнуто очень искренним чувством, если тотчас по получении этого письма Конради на просьбу мою согласился. Я написал письмо в прошлую среду, а в воскресенье уже получил от Модеста следующую телеграмму: «Tu as vaincu Conrady. Pars avec Nicolas après couches. Patience. Au revoir» *.

* «Ты победил Конради. Отправляюсь с Колей после родов. Терпенье. До свиданья».

Радости моей не было пределов. Ничто так не может быть для меня в эту минуту приятно, как пребывание около меня Модеста с Колей. В том отношении это особенно хорошо, что у меня не будет на совести, как было с Толей, что я отрываю брата от его деятельности. Кроме того, из всех существующих в мире детей после твоих я, конечно, больше всего люблю Колю. Таким образом, мы устроимся совсем семейно. Модест не будет вечно прикован к Коле, так как у меня теперь Алеша, на которого можно с полной доверенностью оставлять Колю в случае, когда Модесту и мне вздумается отлучиться.

День у меня проходит очень тихо и однообразно. Встаю в 8 часов, пью чай и сажусь работать. В 11 часов завтрак. Потом гуляю до 1. От 1 до 5 опять работаю. В 5 обед (отвратительный!), прогулка, в 8 часов чай, потом пишу письма, читаю газеты и около 11 ложусь. Здоровье в отличном состоянии, насколько можно быть здоровым при тех обстоятельствах, в которых я нахожусь. Мне приятно думать, что письмо это придет в Каменку, когда уже обуза свалилась с плеч твоих. Много я виноват перед Вами и много, много Вам обязан. О будущем теперь ничего не говорю. Все зависит теперь от Модеста, но, разумеется, мечтаю о возвращении в Россию весною. Жить в настоящем значении этого слова можно только в России.

Целую нежно тебя, моя милая Саничка. Леву тоже. Еще раз благодарю Вас обоих за все, за все. Нет жертвы, которой я бы не принес для Вас. Не забудь, пожалуйста, сегодня три раза, по крайней мере, поцеловать от меня ручку Александры Ивановны, а также Лизаветы Васильевны и Александры Васильевны, и всех, всех тысячи раз лобызаю, кого в руку, кого в щечку, а Юрика даже и в опку.

Твой П. Чайковский.

305. А. И. Чайковскому

1877 г. декабря 8—10. Венеция.

Венеция,
8/20 декабря 1877 г.

Толичка!

Сегодня ничего особенного не произошло. Погода испортилась и море вдали так бушует, что и при закрытых окнах шум его доносится [...].

Работа у меня кипит. Венеция с каждым днем противнее и еда невозможнее. Жду письма от Модеста. Почему до сих пор нет письма от тебя?

Пятница, 9/21.

Наконец сегодня я оказался при деньгах. После завтрака отправился к банкиру, и он отсчитал мне золотом всю сумму. Сумма, кажется, очень изрядная, а между тем едва-едва хватит, чтоб прожить. Я послал Котику перевод на триста марок, но едва ли это ему надолго хватит. Счет в отеле за одну неделю оказался двести сорок семь лир! Правда, что в том числе телеграммы. Но если принять [во внимание], что кроме отеля я буду тратить пять франков в день на папиросы, кофе и т. д., то окажется, что можно будет свести концы с концами, — не более. Да еще я так и жду, что ты мне велишь высылать денег для уплаты за тот или другой долг. Боюсь, что за «Вакулу» ты получишь очень немного и тебе не хватит покрыть все необходимые мои расходы!

Впрочем, я, кажется, делаюсь мало-помалу старушкой из сказки Пушкина о золотой рыбке. Чем больше денег мне падает с неба, тем больше я их хочу. Боже мой, что бы я делал без M-me Мекк! Да будет тысячу раз благословенна эта женщина! Сегодня опять нет письма от тебя. Начинаю немного беспокоиться. Зато Котик милый каждый день пишет мне письма. Горло у него совсем прошло. Он слышал Сарасата и не восхищен им. Купил сегодня Алеше «Записки охотника» и Географию Белозы! Как последняя могла попасть в изящный книжный магазин на площади св. Марка, — не понимаю. Засим ничего особенного нет, и продолжение дневника откладываю до завтра. Алеша очень, очень мил. О, какая здесь еда подлая!!

Суббота, 10/22.

Первая часть симфонии приходит к концу. Я сегодня очень много работал и очень устал. Утром получил письмо от Модеста. Он желает жить в Сан-Ремо (около Ментоны). Я очень сочувствую этому выбору. Отправил к нему телеграмму в этом смысле. В конце недели думаю отправиться в Сан-Ремо и все приготовить. Надеюсь, что там можно будет устроиться вроде Кларанса. Я уеду из Венеции без всякого сожаления. Вчера вечером мне захотелось покутить. Я отправился в Birreria di Genova, где каждый вечер поют и играют что-то вроде Café-chantant. Оказалась пустота, смехотворное пение с претензией на серьезность, скверное пиво и скука. Выпил кружку пива и воротился домой. Сегодня здесь на улицах большое оживление. Через три дня рождество, везде выставлены подарки, кричат, зазывают, насилу протолкаться можно. Я купил сейчас у букиниста за шесть лир громадный том французской

иллюстрированной истории Наполеона. Пью чай и хочу заняться рассматриванием этой книги. Совершенно здоров, покоен и весел. Прощай, нежно целую! Следующее письмо отправлю в среду.

П. Ч.

306. А. И. Чайковскому

[Венеция]
11/23 декабря 1877 г.
Воскресенье.

Кончил сегодня самую трудную часть симфонии, первую. После завтрака мы ездили в Лидо, пили кофе в том же ресторане на берегу моря и долго сбирали раковины. Алеша с таким наслаждением и увлечением предавался этому занятию (он набрал чуть не целый пуд), что и мне было весело. Возвращение назад было сопряжено с приключениями. Внезапно напал такой туман, что в двух шагах буквально ничего не было видно; вследствие этого мы вышли из фарватера, сбились, чуть не наехали на барку, останавливались, садились на мель и т. д., словом, вместо получаса ехали больше часа. Холод ужасный. На вчерашнюю телеграмму к Модесту ответа до сих пор нет. Теперь одиннадцать часов. В восемь часов мы по обыкновению пили чай. В девять мне захотелось гулять идти, и я отправился [...].

Pour la bonne bouche * оставляю благодарность тебе за милое, в высшей степени успокоительное письмо твое, полученное мною сегодня. Я так был счастлив, читая его! Оно сулит мне так много хорошего. Предложение Саши жить в Вербовке не принимаю. Ты сам понимаешь, что это было бы как-то странно: ни то, ни се. Притом же теперь и речи не может быть о возвращении в Россию: Модест едет сюда! Летом другое дело. Перспектива жить в Вербовке очень мне улыбается. До завтра, Толя! Крепко тебя целую.

[*Подписи нет.*]

307. А. И. Давыдовой

Венеция,
12/24 декабря [1877 г.]

Саша, голубушка!

В будущий вторник, 20-го числа, Модест с Колей выезжают за границу. Они выбрали своим местопребыванием San Remo (где ты была у Боткина). Я еду туда в конце этой недели, чтобы приготовить жилище.

---

* на закуску

Адрес: Italie Septentrionale, San Remo, près Menton, poste restante.

Нежно целую. Третьего дня послал тебе письмо.

П. Чайковский.

Я ужасно доволен.

308. А. И. Чайковскому

1877 г. декабря 12—13. Венеция. 12/24 декабря 1877 г.

В твоем вчерашнем письме сказано: «завтра напишу опять». Я сегодня и ждал письма не без волнения, но не получил ничего. Зато получил от Модеста телеграмму, что Алина родила и что в будущий вторник он выезжает. Я решил в пятницу отправиться в Сан-Ремо, чтобы приготовить помещение подешевле и получше. На один день остановлюсь в Милане. Сегодня не произошло ничего особенного. Работал по обыкновению. В обычные часы гулял. [...]

Я тебе еще ни разу не писал о голубях. Теперь уже я их кормлю ежедневно и научился делать так, что они обсаживают меня всего с ног до головы. Даже ссорятся и дерутся, сидя у меня на голове или на руке. Я покину Венецию без сожаления. Тем не менее я должен сказать, что, может быть, именно благодаря венецианской тишине и миру я так хорошо (тпфу, тпфу, тпфу) себя чувствую эти последние дни. Нервы изумительно успокоились. Сплю я отлично, но, впрочем, каждый вечер незадолго до сна я выпиваю или пива или рюмки две коньяку. Аппетит всегдашний, т. е. отличный. Разумеется, всем этим я обязан симфонии, но только благодаря венецианской однообразной жизни и отсутствию всяких развлечений я мог так упорно и так усидчиво заниматься. Когда я писал оперу, я не испытывал того чувства, какое дает мне симфония. Там я пишу наудачу: может быть, годится, а может быть, ничего не выйдет. Симфонию я пишу с полным сознанием, что это произведение недюжинное и наиболее совершенное по форме из всех моих прежних писаний.

Читаю я все еще «Пенденниса», перемежая это чтение с Историей Наполеона. Перед сном аккуратно каждый день прочитываю две газеты: «Italie» и «Gazetta di Venezia». До завтра, мой милый.

Вторник, 13/25.

Сегодня здесь рождество. Оно празднуется так же, как у нас, т. е. все сидят дома. На улицах совершенно пусто. После

двухнедельной превосходной погоды сегодня идет в первый раз дождь. Я работал по обыкновению. Вечером хотел итти в театр, но одному скучно, а Алеше очень не хотелось. Остались дома, пили чай, я сделал небольшую вечернюю прогулку и теперь собираюсь почитать. Это для меня самый приятный час дня. Закрывши ставню, я могу добиться безусловной тишины. Алеша спит. Тишина безусловная до такой степени, что слышно, как лампа горит. Думаю, мечтаю, читаю, вспоминаю, словом, отдыхаю. От тебя опять не было письма. Это меня немножко беспокоит. От Котика получил целых два. Покойной ночи.

[*Подписи нет.*]

309. А. И. Чайковскому

[Венеция]
14/26 декабря [1877 г.]
Среда.

Наконец сегодня получил твое второе письмо. Оно мне доставило неизъяснимое удовольствие. Все, что ты в нем сообщаешь, до крайности мне приятно, но всего приятнее то, что я начинаю привыкать к мысли о возможности жить в Каменке летом, т. е. не в Каменке, а в Вербовке, именно это-то мне и приятно[1].

Когда ты получишь это письмо, я уже буду в San Remo. Прочел сегодня в путеводителе Бедеккера статью о Сан-Ремо. Место восхитительное, — впрочем, я его помню, когда проезжал мимо в 1871 г. Но там не особенно дешево. С тех пор, как там жила императрица, оно сделалось модным местом. Теперь там обретается великая кн. Ольга Николаевна, король Вюртембургский. Но отелей и пансионов множество.

Сегодня я работал от утра до завтрака и от завтрака, после небольшой прогулки, до самого обеда не вставая. Я почти кончил третью часть симфонии. Вечером ходил в Birreria di Genova — кафешантан, очень слабый. Но я с великим удовольствием выпил две кружки пива.

С нетерпением ожидаю твоего письма из Москвы. Много тебе возни из-за меня, мой милый!

Николай Львович до сих пор никакого отчета и никакого письма мне не прислал.

Целую тебя, голубчик мой.

Твой П. Чайковский.

310. А. И. Чайковскому

1877 г. декабря 15—17. Венеция — Милан.

Венеция,
15/27 декабря.

Кончил скерцо. Очень устал. Целый день был туман такой, что в двух шагах нельзя было ничего различить. Ложусь сейчас спать. Теперь десять часов. Завтра нужно встать в шесть. Все уже уложено, и счет заплачен. О, как я рад, что не буду больше есть ту мерзость, которой здесь кормят. Мы — последние обитатели отеля. Завтра у них никого не останется.

Милан, 16/28.

Выехали в восемь часов. Приехали в четыре. Остановились в Hôtel d'Europe. Погуляли, пообедали. Теперь иду в театр и завтра опишу свои впечатления. Чувствую себя отлично.

Милан, 17/29.
Утром.

Очень хорошо выспался. Про вчерашний театр скажу, что он доставил мне больше злобы, чем удовольствия. Давали оперу «R u y-B l a s» Маркетти. Эта опера давно уж разошлась по всей Италии. Я ожидал найти в ней что-нибудь интересное. Оказалось самое пошлое, банальное, плоское подражание Верди. Исполнение было такое, что если б у нас в Москве шла опера таким образом, то весь театр начал бы шикать. Пение самое непозволительное, т. е. главные певцы и певицы все ужасно старались, но голоса ужасные. Костюмы, декорации, хоры, оркестр — все это очень плоховато. А между тем это второй театр после L a S c a l a. В этом последнем вчера ничего не было. Сегодня идет «Африканка», и мне очень хочется остаться, да Алеша говорит, что денег много тратим. Увы! он прав. После оперы шел балет очень забавный (с арлекинами, исчезновениями, превращениями, как у нас в балаганах), и Алеша хохотал на весь театр. Я сам очень много смеялся. Да! я забыл сказать, как держала себя публика во время оперы. Приходила в восторг. Громадный театр был битком набит. Если я решусь остаться, то напишу тебе об этом на этом же листке; если уеду в Г е н у ю, то допишу его сегодня ночью. Мы приедем туда в 11¾ часов вечера. Теперь пойдем в Собор и полезем вверх.

2 часа дня.

Был ли ты на вышке Миланского собора в 1872 г.? Я был сегодня в первый раз. Погода была благоприятна, но не со-

всем; швейцарских гор не было видно. Зато тирольские красовались во всем своем блеске. Вообще Миланский собор одна из величайших красот, мной виденных. И тот, кто не взбирался, кто не видел всех подробностей, тот не знает, до чего этот собор грандиозно прекрасен. Прогулка эта очень мне понравилась. После того пошли в галлерею и там завтракали. До чего после венецианской мерзости и гнили все казалось мне вкусно! Теперь я дома. Опять пойдем гулять, а в 6.40 едем в Геную, где я намерен ночевать. Сейчас буду телеграфировать Модесту о своем адресе в San Remo. Я решился остановиться в Hôtel Victoria, но ты все-таки адресуй покамест poste restante.

Твой П. Чайковский.

311. А. И. Чайковскому

San Remo,
19/31 декабря 1877 г.
9 часов вечера.

Толя! Пока я окончательно не устроюсь здесь, не буду тебе писать аккуратно, а как придется, под свежим впечатлением. Свежее впечатление от Сан-Ремо ужасное! Т. е. я не говорю о местоположении и климате, хотя, приехавши, когда уже было совсем темно, я ничего не видел, но, судя по тем прелестям, которыми я наслаждался дорогой, здесь должно быть восхитительно. Но я говорю об отеле. Усмотрев из Бедеккера, что есть отель Виктория, очень удаленный от центра, я выбрал для первой остановки этот отель, вообразив себе, что он великолепен, пуст и дешев. Оказалось, во-первых, что все переполнено. Нас поместили в крошечной комнатке, где кроме самого необходимого ничего нет, даже писать приходится на маленьком туалетном столике. В комнате висит прейскурант. Из него усматриваю следующие цены: 1) комната восемь франков; 2) обед (вне табльдота) восемь франков, а если спросить в комнату, то десять! 3) кофе утром 1,75, а если в комнате, то два (требуется, чтоб и кофе пили в table d'hôt'e), и т. д., и т. д. Когда мы пошли с Алешей в столовую, то обед кончался и публика выходила. Тут было по крайней мере сто, если не более, расфранченных дам и кавалеров, которые с горделивым изумлением осматривали нас с ног до головы и т. д., и т. д. Ты можешь себе представить, как все это в моем вкусе! А Бедеккер говорит, что здесь меблированных комнат вовсе нет; что я буду делать? Решительно не знаю, но одно несомненно, это что нам жить здесь не по карману. Впрочем, завтра, когда будет светло, пойду искать и смотреть.

С какой любовью, с каким сожалением я думаю о Кларане, о милых честных Манорах! Как жаль, что Модест решил сюда ехать!

Я в долгу перед тобой за целых два дня. Третьего дня в шесть часов мы выехали из Милана, а в 11¾ были уже в Генуе и остановились в Hôtel des quatre nations. Отель совершенно в моем вкусе, т. е. старый, престарый дом с толстыми стенами, с дверями в четверть аршина толщины, расположенный неправильно и совершенно пустой! Нам отвели целый великолепный апартамент с громадным, уже пылавшим камином. Напившись чаю, легли спать, и я почему-то спал отвратительно, с вздрагиваниями и т. д. Целый следующий день, т. е. 18/30, мы прогуляли. Взбирались, между прочим, на вышку одной церкви, с которой прекрасный вид на всю Геную. Вечером были в театре, где давали скучнейшую «Африканку», и притом скверно исполненную. Сегодня выехали в час. Дорога чудесная. Остальное тебе известно из начала письма. Я, наверное, здесь не останусь, если не найду дешевого и удобного помещения.

Но до чего здесь тепло! Пришлось сейчас открывать окно, потому что в комнате слишком жарко, а Алешу сейчас укусил комар, прилетевший на свет. Но что мне в теплоте, когда приходится писать на туалетном столике и платить восемь франков за обед. Целую тебя. Сегодня из Генуи я написал Папаше. Целую тебя, его и Лизавету Михайловну.

П. Чайковский.

312. А. И. Чайковскому

San Remo,
20 декабря 1877 г./1 января 1878 г.

Толя!

Сегодня утром, вставши рано, пошел искать помещение. Я мечтал было найти в какой-нибудь вилле один этаж, но таковых не оказалось. Целые виллы отдаются за две тысячи, три тысячи и т. д. Напал я на маленькую квартирку, которую один француз («un refugié, Monsieur, un condamné à mort, Monsieur») * ужасно мне навязывал, но, слава богу, отделался, а то чуть было не взял, а она так тесна, что нам четырем не поместиться бы ни за что. Наконец попал в Pension Joly, где нашел помещение более или менее подходящее. Модест будет спать с Колей, я отдельно, Алеша тоже, и кроме того будет общая комната. За все это плата тридцать восемь франков **

---

* «беглец, сударь, приговоренный к смерти, сударь»
** золотом *(прим. Чайковского)*

в день. По здешним ценам это не особенно дорого. Главное мое условие было, чтобы обедать не за table d'hôt'ом. Нам будут подавать в нашей комнате завтрак в час, а обед в семь. Если сравнить с Pension Richelieu, то здесь гораздо хуже, а еду даже нельзя вовсе сравнивать. Одно только хорошо: мы будем жить в верхнем этаже, где кроме наших четырех комнат ничего больше нет. Меблировка слабая, но чисто. Хозяева очень любезные.

Толя, мой милый! На меня сегодня опять напала сумасшедшая, ужасная тоска! Здешние пальмы, апельсины и лимонные деревья не радуют меня! Мне страшно и грустно. Как мне в Россию хочется, ты не можешь себе представить. Ну, как это прожить целую зиму без холода и снегу? Сегодня было так тепло, как у нас в июле, а ведь это конец декабря!

Впрочем, может быть, все это пройдет завтра. От Модеста телеграммы нет. Писем никаких не получил. Сегодня праздник и Poste restante заперт.

Адрес: Italie, San Remo, Pension Joly.

Целую тебя нежно, крепко в глазки и губки.

Твой П. Чайковский

313. А. И. Чайковскому

San Remo,
21 декабря 1877 г./2 января 1878 г.
Какой-то кафе.

Сегодня утром вставши пошел на почту. Мне дали множество писем. Одно от тебя из Москвы, ужасно меня тронувшее. Кроме того письмо официальное от Бутовского. Он пишет, что министр финансов назначил меня делегатом с тысячью франков в месяц жалованья! Это меня поразило, как громом. Я отвык даже думать об этом делегатстве и вполне был уверен, что жалованья мне никакого не дадут. И вдруг пожалуйте! Я было приготовился сегодня приступить к финалу симфонии и ждать здесь Модеста! И главное, я не знаю, где Модест, выехал ли он? Словом, положение совершенно неожиданное и очень неловкое. Я решительно не знаю, что делать. С одной стороны, и неловко и, может быть, невыгодно отказываться ехать, а с другой, как все это противно! И хорошо ли мне в моем теперешнем состоянии ехать и закабалить себя на всю весну, на все лето? Немножко успокоившись, я пошел в телеграф и послал тебе депешу с вопросом: где Модест? Потом зашел в какой-то кафе и сел пить пиво. Гарсон подошел и спросил что-то. Я не понял и отвечал: да! Он притащил мне бумаги, перо и чернила. Вот я и стал тебе писать. Что делать, —

решительно не знаю. Господи! когда же будет покой?.. Вечером я докончу это письмо. Может быть, решусь на что-нибудь.

Вечером, 8 часов

Пришедши домой, я лег на постель и валялся до самого обеда, соображая, думая, мечтая, тоскуя, мысленно покрывая тебя поцелуями (ах, как я тебя люблю, Толя), жалуясь на судьбу, которая не дает мне успокоиться, вспоминая, думая о России, о милой России, снежную пустыню которой я предпочитаю тысячу раз здешним пальмам и кипарисам. Потом позвали обедать. Я ничего не ел. Потом мы пошли гулять, а я зашел в кафе, выпил коньяку, еще погулял и возвратился домой с решимостью не быть бабой и во что бы то ни стало добраться к 10-му числу до Парижа (я забыл сказать, что Бутовский пишет, что от 10 до 18 числа будут заседания Комитета, на которых мне необходимо быть). С Модестом я еще не знаю, как устроюсь. Если из твоей телеграммы я узнаю, что он остановится в Париже, то буду телеграфировать в Hôtel de Hollande. Моя роль в Париже будет очень трудная. Бутовский пишет, что правительство не может делать новых ассигнований, а, судя по программе вопросов, которые будут обсуждаться от 10—18, нужно будет отвечать, будет ли р у с с к и й о р к е с т р давать русские концерты, нельзя ли выписать х о р национальных певчих на счет Комитета выставки, и т. д., и т. д. [1]

Сейчас я напишу Т а л ю, председателю русского отдела, что приеду к 10-му. Я решаюсь на это в особенности потому, что я знаю, что т ы и все д р у з ь я мне посоветовали бы это.

Насчет д в у х т ы с я ч Антонине Ивановне, потрудись ей написать, чтоб она была покойна, — я их уплачу во-время. Ты совершенно прав, это необходимо. Получил сегодня письмо от Л е л и с чудным стихотворением, заставившим меня пролить много слез [2]. Целую тебя несчетное число раз.

Твой П. Чайковский.

314. А. И. Чайковскому

San Remo,
23 декабря 1877 г./4 января 1878 г.

Третьего дня я написал тебе, что еду в Париж. После того я провел ужасную ночь, а вчера и сегодня я совершенно болен, все мне противно, все меня злит, — словом, от мысли ехать в Париж, являться к начальству и быть в его распоряжении, знакомиться с массой людей, заседать, шляться по обедам и вечерам, не иметь возможности писать, я просто с ума схожу. Нет, Толичка, не сердись на мое малодушие. Клянусь тебе, что

лучше голодать где-нибудь в Царевококшайске и прозябать в совершенном мраке, чем итти в этот Вавилон и закабалить себя на в о с е м ь месяцев. Куда же денутся мои мечты о тишине деревенской жизни? Где же будет то спокойствие, которое должно будет окончательно восстановить меня, что я буду делать с Модестом и Колей?

Знаешь, третьего дня я старался вообразить, что бы ты говорил, если б ты был со мной. И мне казалось, что ты бы заставил меня ехать. Но с е г о д н я я знаю, что, посмотря на мое горестное и убитое лицо, на мое угорелое метанье по комнате, ты бы сказал: о с т а н ь с я. Я знаю, что теперь, решившись отказаться от делегатства, я буду мучиться от мыслей, что я был малодушен, что ты, M-me Мекк и другие будете этим недовольны, и т. д., но все-таки это лучше, чем то, что со мной было эти дни с минуты получения письма от Бутовского. Я тебе могу сказать теперь откровенно. С тех пор, как ты уехал, здоровье мое физическое ничего, но нервы стали хуже; я от тебя скрывал одну вещь, в которой теперь признаюсь. С того дня, как ты уехал, и до сегодня я каждый вечер перед сном выпиваю несколько рюмок к о н ь я к у; днем я тоже ужасно пью. Я не могу о б о й т и с ь без этого. Я бываю спокоен только, когда немножко п ь я н. Я так пристрастился к этому тайному выпиванию, что один вид бутылки с коньяком, который я всегда держу при себе, меня радует. И письма писать я могу только выпивши. Это служит тебе доказательством, что я еще болен. В Париже, чтоб поддерживать себя, мне пришлось бы пить с утра до вечера.

Вся моя надежда на Модеста. Тихая жизнь в приятном для моего сердца обществе и работа — вот что мне теперь необходимо. Ну, словом, прости меня, ради бога, но я не могу ехать в Париж, не могу там быть полезным ни себе, ни другим.

Получил сегодня твое второе письмо из Москвы [1]. Ах, как оно было мне отрадно и приятно! Получил также письмо от Бочечкарова с твоей припиской. Смысл этой приписки я понимаю: тебе стало жаль старика. Но он все-таки ужасно надул меня и вдобавок и прощенья не просит и отчета не посылает.

Прощай, милый. Я скверно себя чувствую, но лучше, чем вчера и утром, ибо решил не ехать. Вчера я телеграфировал Котеку с е м ь д е с я т слов, чтоб он отыскал Модеста на станции в пять часов утра и сообщил ему о моей поездке в Париж. Сегодня получил ответ, что Модест, т. е. его поезд, опоздал на двенадцать часов, а потом я телеграфировал об отмене своего решения и что я жду его здесь.

Целую. П. Чайковский.

315. А. И. Давыдовой

San Remo,
24 декабря 1877 г./5 января 1878 г.

Голубушка Саша!

Все эти дни я был совсем болен, расстроен, несчастлив. Приехавши, я нашел в poste restante официальное извещение, что я назначен музыкальным делегатом на Парижскую выставку и должен быть там уже 10-го января с тем, чтобы остаться до конца выставки. Не могу передать словами, до чего я был сражен. В том состоянии, в каком я нахожусь, ехать в Вавилон, быть под начальством у какого-то тайного советника Таля, заседать в каких-то комиссиях, знакомиться с массой людей, делать визиты, таскаться на обеды и музыкальные вечера и жить в Париже д о к о н ц а в ы с т а в к и, т. е. в о с е м ь м е с я ц е в!!! Клянусь тебе, что я только и живу надеждой весной возвратиться в Россию и прожить у Вас все лето. Вообще все мои планы,— все это разом рушилось. Вместе с тем я вообразил, что я д о л ж е н принять на себя эту обязанность, что Вы, братья, друзья, все питающие ко мне сочувствие, должны глубоко возненавидеть и уж окончательно признать меня презренным человеком, если я откажусь. Я решился ехать. Но что я выстрадал за эти дни, я не могу рассказать! Я не спал, не ел, я даже напивался пьян с горя несколько раз в день. Наконец сегодня мне пришла в голову следующая мысль. Я уж жестоко поплатился за то, что однажды пошел против своей натуры и вообразил себе своей обязанностью то, что ею не было. К чему мне итти на дело, которое мне противно, страшно. Что я буду делать с Модестом, который везет Колю совсем не для того, чтобы жить в Париже и по целым дням не видеться со мной? Наконец я болен, я теперь не могу выносить толпы, новых знакомств и т. д. Я написал ф о р м а л ь н ы й отказ от должности, а теперь через силу пишу письма всем, приговора которых я боюсь. Ради бога, если ты, Лева, все каменские находите, что я малодушен, бесхарактерен, — простите меня. Я не могу, не могу ехать туда. От одной этой мысли я болен.

Я до сих пор, можно сказать, не видел San Remo. Мне все было противно, отвратительно, я желал поскорей умереть и был вполне равнодушен к красотам природы.

Модест сегодня на дороге из Берлина в Париж. Завтра или послезавтра напишу толковее. Нежно целую всех.

П. Чайковский.

Italie, San Remo, Pension Joly.

316. А. И. Чайковскому

[Сан-Ремо]
24 декабря 1877 г./5 января 1878 г.

Я вчера так боялся, что ты рассердишься на меня за отказ от делегатства, что в слишком резких чертах изобразил тебе свое состояние. Я действительно часто прибегал к крепким напиткам в последнее время, но это делалось в скромных размерах, как-раз настолько, чтоб повеселеть и хорошо спать. Я спал хорошо, и вообще здоровье отлично, хотя в последние дни нервы порасшатались. Но все это скоро кончится. Клянусь тебе, что с приездом Модеста все как рукой снимет, но всего важнее для меня теперь знать, что ты и вообще все не сердятся на меня за отказ.

Сегодня я с утра принялся за симфонию и работал весь день, вследствие чего очень устал и потому пишу коротко. Вечером иду в театр. Дают «Фауста», и поет какая-то Людмила Раевская. Она меня интересует.

Целую тебя несчетное число раз.

Твой П. Чайковский.

Папу, милого дорогого старичка, и Лизавету Михайловну нежно целую.

317. А. И. Чайковскому

San Remo,
24 декабря [1877 г.]/5 января 1878 г.
12 часов ночи.

Хотя я написал тебе сегодня маленькую записочку, но хочется еще поболтать с тобой, мой милый Толя! Сегодня я чувствую себя гораздо лучше, но до сих пор я еще не могу войти во вкус Сан-Ремо. Что здесь в декабре лето, везде зелень и цветы, — так это меня покамест нисколько не радует. Напротив, скорее это бесит меня. Я никуда не ходил гулять, ни разу кроме набережной, по которой все гуляют. А помнишь, как мы чудно гуляли в Кларансе! Вообще эти три недели, проведенные в Кларане, особенно до письма из Каменки, оставили во мне самое приятное и отрадное воспоминание. Да и что можно себе представить лучше пансиона Маноров. Какая здесь гадость в сравнении с виллой Ришелье. И помещение, и меблировка, и еда, и прислуга — все это в подметки не годится кларанскому пансиону. Теперь мне вот чего хочется. С Модестом мне здесь, конечно, будет приятнее, но я хочу провести в Сан-Ремо не более месяца, а потом уговорить Модю поехать в Кларан. К тому времени уже начнет весной отзываться, как будет хо-

рошо в Gorge du Ghauderon! Прелесть! Там провести месяц с хвостиком, а потом понемногу собираться в Россию. О! как я люблю милую, далекую Россию! Знаешь, от чего бы я не отказался? Если б M-me Мекк предложила мне подарить мне маленькую деревеньку, где-нибудь недалеко от Москвы, я бы имел наглость принять этот дар и охотно бы поселился навеки в этой глуши. После того, что произошло, едва ли я могу жить спокойно в Москве. Потом я сам удивляюсь своей раздражительности; я, должно быть, сделался невыносим в общежитии, а в классах я буду чистым извергом. Это единственно, что мне теперь улыбается, т. е. жизнь в деревне и в России.

Кстати о M-me Мекк. Она мне давно не писала, и, конечно, по свойственной мне подозрительности, я уже вообразил, что она меня разлюбила, что она узнала про *то* и хочет прекратить всякие сношения. До сегодняшнего утра я был даже уверен в этом. Но получил именно сегодня утром письмо от нее, и такое милое, такое ласковое, с такими искренними изъявлениями любви. Хороший человек эта Филаретовна!

Толичка, ты не можешь себе представить, как я тебя люблю! Иногда просто душа хочет выскочить и полететь к тебе. Когда-то я тебя увижу? Уверяю тебя, что мне теперь осталась одна радость в жизни, — это два-три человека, присутствие которых на земле радует меня и заставляет любить жизнь. Все остальное мне постыло. По крайней мере, так мне кажется сегодня. Я все еще взволнован передрягой, которую пришлось выдержать вследствие парижского проклятого-распроклятого делегатства.

Ну, прощай, голубчик.

Модест приедет не раньше, как дней через четыре.

Целую.

Твой П. Чайковский.

Пожалуйста, не забудь написать моей супруге, что свои паршивые 2.500 р. она получит, хотя бы пришлось продать душу сатане.

318. А. И. Чайковскому

1877 г. декабря 26. Сан-Ремо[1].

Сан-Ремо,
7 января 1878 г.
Pension Joly.

Сегодня вечером получил от Модеста телеграмму из Милана. Коля не совсем здоров, у Модеста нет денег, потому что не меняют русских, и он просит прислать. Все это меня

так беспокоит, что я решаюсь завтра утром съездить в Милан вместо того, чтобы посылать денег и ждать.

Вчера и сегодня сидел не вставая и сегодня кончил мою милую симфонию. Здоровье отлично. Расположение духа хорошо. Завтра из Милана напишу.

Целую.

П. Чайковский.

319. А. И. Чайковскому

1877 г. декабря 28. Милан[1]. Милан.

Третьего дня я получил депешу от Модеста, что он в Милане и без денег, так как кредитива не меняют, а Коля не совсем здоров. Вчера в семь часов утра я выехал и вечером в семь часов был в объятиях Модеста. Трудно пересказать, до чего это было приятно. Провели чудесный вечер, болтали, перебивали друг друга, я разузнавал от него массу подробностей обо всех, и о тебе в особенности. Отлично выспался. Утром сегодня ходили все вчетвером в Собор, и было очень весело, несмотря на отвратительную погоду и тучи снега. Вместе завтракали. Потом я занимался. Я взял симфонию с собой; она готова, но выставляю знаки и непременно хочу завтра отсюда отослать ее в Москву. У нас был билет в La Scala, где сегодня должна была итти в первый раз опера «Cinq Mars» Гуно. После обеда мы отправились (мы заплатили за второстепенные места по двадцать франков) в театр, но он оказался заперт по случаю смерти короля, который умер сегодня. Денег нам не отдали, но обещают отдать завтра. Вернулись домой, взяли ванну и теперь собираемся пить чай. Завтра в два часа уезжаем и остановимся ночевать в Генуе. Извини, милый, что пишу безалаберно. В Сан-Ремо начну опять вести правильный дневник. Целую тебя нежно, моя радость.

Твой П. Чайковский.

1878

320. А. И. Чайковскому

1878 г. января 1—4. Сан-Ремо.

Сан-Ремо,
1/13 января,
12 часов ночи,

Сейчас расстались с Модестом. День прошел следующим образом. Утром я водил Модю и Колю по городу и показал им все самое главное. После завтрака три моих сожителя отправились на большую прогулку, а я засел за письма и написал их шесть: к тебе, к Надежде Филаретовне, к Рубинштейну, к Юргенсону, к Котеку, к Талю в Париж. После обеда ходили с Модей гулять при чудном лунном освещении. В девять часов воротились и присутствовали при кушé * Коли. Остальное время провели, сидя в нашем салоне, болтая, перечитывая письма и читая. Модест с Колей составляют пару людей, очень интересную и симпатичную. Трудно мне выразить, как я люблю Колю. Какое счастье иметь около себя такого ребенка! Как приятно его ласкать и лелеять.

Получил письмо от Котека, в котором он сообщает, что решился остаться в Берлине и поступить в школу Иоахима. Что касается денег, то он решился написать М-me Мекк и просить высылать ему сто рублей, которые она назначила его сестрам, так как им теперь не нужно: одна больна, другая неспособна к музыке. Он очень боится, что я рассержусь. Я его успокоил. Судя по некоторым намекам Надежды Филаретовны на м у з ы к а н т о в, р о д и в ш и х с я о т м у з ы к а н т о в, я имею основание думать, что она неохотно согласится на его просьбу, а впрочем, бог знает. На мою просьбу написать мне ее мнение о К о т и к е она мне ничего не отвечала.

---

* отходе ко сну *(фр.)*

Я забыл тебе сказать, что мне чрезвычайно жалко р о я л я, который я в пылу излишней щедрости предложил Антонине Ивановне. Я ведь тогда не знал, что мне придется уплатить ей две тысячи. Знай я это, я бы ни за что не отдал милого инструмента, тем более, что отнимать его теперь от Переслени очень не хочется. Нельзя ли отвильнуть? Впрочем, чорт с ней. Пускай берет, лишь бы исчезла с глаз моих навеки. Извини, голубчик мой.

Я продолжаю немножко б у д и р о в а т ь на Сан-Ремо. Не могу простить ему первых, ужасно грустно проведенных дней.

2/14 января,
11 часов вечера.

Ну как не б у д и р о в а т ь на Сан-Ремо? Сегодня пошли после завтрака гулять в горы. Сначала все шло очень хорошо. Места были всё красивые, хотя всё закрытые. Взобравшись среди лимонных и апельсинных плантаций куда-то довольно высоко, сели отдыхать, а Алеша и Коля взлезли на дерево. Не прошло и двух минут, как явился какой-то старый мужик и осыпал их и нас всякими ругательствами. Я было начал кричать на него; тогда он в бешенстве подскочил ко мне с очевидным намерением вытолкать меня и ругая меня самым бесцеремонным образом. Что было делать? Пришлось ретироваться, но я долго не мог успокоиться и до сих пор не могу без омерзения думать об этой сцене.

За обедом между Колей и Модестом была ужасная сцена, слезы, крики, плач, потом наказанье, т. е. изгнание Коли из столовой наверх и лишение двух кушаний. Затем примиренье. Все это было и трогательно и в то же время забавно. Какой в сущности чудный ребенок Коля, но нужно отдать справедливость и Модесту. Он превосходно и с величайшим умом и тактом исполняет свои обязанности.

Я начал сегодня инструментовку третьего акта оперы. В общем мне хорошо, тепло, отрадно, только Сан-Ремо продолжает не нравиться. Вчера в одной книге я вычитал следующее: «людям полнокровным и с сильно возбужденными нервами климат и местность Лигурийского побережья не подходит; они тяготятся этой ослепительной пестротой и роскошью природы». Вот, вероятно, и объяснение, почему я не наслаждался ни в Риме, ни в Венеции, ни здесь.

Теперь сидим с Модей и при освещении тусклой лампы пишем: он — задачи для Коли, я — письмо к тебе. До завтраго, Толичка мой. Получил милое письмо от Кондратьева.

Вторник, 3/15.

Очень устал, писать сегодня не буду. Впрочем, ничего особенного не было. Совершили большую прогулку в горы. Хорошего мало. Красивых видов нет. Все закрыто деревьями. Дороги ужасные. Читаю «Александра I» Соловьева. Хорошо.

Среда, 4/16.

Я с каждым днем все больше и больше влюбляюсь в Колю. Ты его не знаешь так хорошо, как я, потому, что тебе не приходилось с ним жить. Я не знаю ни одного ребенка с более приятным нравом, более нежного, мягкого. Ум его замечателен, но самая поразительная из его способностей — это память. Сегодня за обедом он меня положительно изумил своим знанием истории. Он лучше меня знает (а ведь это моя специальность!), какой царь от кого родился, на ком женат был, сколько имел детей, как их звали, и т. д. Сцены его с Модестом всегда дают ему случай выказать его необычайную доброту, его привязанность к Модесту, желание угодить ему всячески. Он очень полюбил Алешу и целый день с ним возится и играет. Со мной он очень нежен и мил. Моя партитура его ужасно интересует. Он беспрестанно является в мою комнату, расспрашивает, зачем и как. Я стал его понимать и говорю с ним свободно.

День сегодня прошел обычным порядком. Гуляли по берегу моря. Модесту и Коле Сан-Ремо очень нравится. Я продолжаю дуться, и кажется, что никогда не примирюсь с этой скучной местностью. Каждый день во время прогулки мы встречаем Ольгу Николаевну, королеву Виртембергскую и отвешиваем ей низкие поклоны. Очень симпатичное, красивое лицо, но худое, бледное.

Вообще же при тех условиях, в которых я теперь нахожусь, я очень легко проживу здесь месяца три, но к весне меня неудержимо потянет в Россию, и я мечтаю об этом, как о самом сладком сновидении. Увы! как только от общей мысли о России я перехожу в частности к Каменке, наступает охлаждение. Тяжело и неловко мне там будет, особенно без тебя и Модеста. Впрочем, до этого далеко еще! Ближайшие планы следующие: недели через три отправиться по к о р н и ш е (шоссе в Ниццу) до Ниццы, оттуда в Лион и Париж, где Модесту нужно быть, а потом в лоно семейства Маноров. Насколько я ненавижу Венецию, Рим, Сан-Ремо, настолько я сохранил самое теплое воспоминание о V i l l a R i c h e l i e u. Два дня прошло без писем. Я пишу круглым числом около трех писем в день. Почему не получаю столько же?

Засим целую тебя тысячи раз, мой дорогой. До следующего письма, которое закончится субботой.

Твой П. Чайковский.

Модя поручает тебя п о ц е л о в а т ь. Скажи Ларошу, что пора бы ответить на письмо.

321. А. И. Давыдовой

San Remo,
5/17 января 1878 г.

Вот уже шестой день, что мы живем в San Remo, милая и дорогая моя Саша. Вспоминали не раз, что и ты здесь была. Мы устроились не особенно роскошно, но и недурно. С первого же дня установился порядок, от которого мы больше не отступаем. Свиданье с Модестом и Колей было очень отрадно для меня. Я ужасно люблю Колю и с каждым днем люблю все больше и больше. Модест как воспитатель тоже радует меня. Иногда за его строгости я даже сержусь на него, но потом сознаю, что иначе и нельзя. Коля очень полюбил Алешу, и так как Алеше можно доверить его, то это позволяет Модесту ходить со мной каждый вечер делать вечернюю прогулку, которые теперь восхитительны, так как луна полная. Нечего и говорить, что климат очаровательный; местность великолепная, но, несмотря на все это, я не могу сказать, чтоб Сан-Ремо мне особенно нравилось. Я сделался болезненно впечатлителен, и так как первые дни здесь я был очень расстроен, то теперь уже не могу изгладить первого впечатления. Все равно. С Модестом и Колей я готов жить, где угодно. В Сан-Ремо очень дорого, и я отчасти рад этому обстоятельству, так как оно заставит нас недели через три покинуть здешние места и переехать в Швейцарию, в Кларан, куда меня тянет, и где в д в о е дешевле. Состояние мое вообще хорошо. Я совершенно здоров, но не нервами, которые, к сожалению, на каждом шагу дают себя знать. Время, время и время — единственное лекарство. Я очень много работаю. Симфонию я кончил и теперь дописываю оперу. Возвращусь в Россию, окончивши эти два большие труда. В Россию! При этой мысли в сердце происходит приятное щекотанье. Нужно пожить п о н е в о л е за границей, чтобы вполне понять, до чего любишь свою родину. Но до этого еще далеко, месяца три-четыре.

Как то вы все поживаете, мои дорогие? Застанет ли тебя это письмо в Каменке? Что Анна, милая Анна, как-то с ней порешили? Всех обнимаю и целую.

П. Чайковский.

322. А. И. Чайковскому

1878 г. января 5—7. Сан-Ремо.

5/17 января 1878 г.
Четверг.

Сегодня я поймал себя на том, что как бы потихоньку от себя с ч и т а ю д н и и ч а с ы, которые осталось здесь провести. Не могу я полюбить Сан-Ремо, да и только. Или я дошел до того, что мне уж нигде хорошо не будет, что я вечно буду чего-то ждать и куда-то стремиться? Мы сделали сегодня довольно отдаленную прогулку по берегу моря. Места были действительно превосходные, а я все-таки чего-то злюсь. В горы мне просто противно ходить после случая со стариком, о котором я тебе писал. Но, пожалуйста, не заключай из этого, что я хандрю. Нисколько. Сегодня я очень много сделал и между прочим в полтора часа инструментовал любимую твою арию «Л ю б в и в с е в о з р а с т ы п о к о р н ы»!!! Замечательно, что мне никто ничего не пишет. Тот самый Кашкин, который говорит, что меня очень любит, до сих пор не ответил мне на мое большое венское письмо [1]. Никто из моих московских друзей, несмотря на все мои просьбы, до сих пор еще не объяснил мне, каким способом идут мои классы, а всего лучше то, что никто ни полслова не пишет мне об «О н е г и н е»: пойдет ли он? А между тем прежде Рубинштейн даже просил меня дать им оперу и спрашивал, как я хочу распределить роли.

У Модеста с Колей сейчас была большая сцена. Как Коля ни просил прощенья, но Модя остался тверд. Мальчик лег спать и долго в постели плакал и хныкал, все прося прощенья. У меня сердце надрывалось. Наконец он заснул. Что-то теперь снится в этой маленькой головке? Ах, какая у него чистая, незлобивая душа! Что за чудный нрав! Для меня большое счастье близость этого ребенка. Целую.

6/18 января.
Пятница.

Толя! Думал я, думал, писать или не писать тебе о том, что произошло сегодня, и в конце концов решил написать. Как-то мне странно скрывать от тебя что бы то ни было. Только ты, пожалуйста, не волнуйся и не сердись на виновника сегодняшней неприятности, — он действовал в совершенном неведении. Помнишь мое венецианское подозрение насчет Алеши? Эти подозрения охватили и Модеста. Несмотря на сильный протест, мы все вместе отправились к доктору. Пока Модест с в и н о в н и к о м сидел на докторской аудиенции, я ожидал результата

с неописанным волнением. Наконец оба вышли. Я предчувствовал правду. [...] Не буду тебе описывать, что я почувствовал, удостоверившись в истине. Дома произошла ужасная сцена. Ввиду того, что с нами К о л я, я предложил в и н о в н и к у одно из двух: или ехать в Берлин лечиться под руководством К о т е к а или в Петербург—под твоим. Слезы, горе, отчаянье. Доктор сказал, что опасности заразиться от него никакой нет. Мы решили было однако же уехать все в Ниццу, чтобы устроить ему отдельное жилье, теперь колеблемся. Завтра решим. [...]

7/19 января 1878 г.
Суббота.

Вчера я узнал, что здесь есть русский доктор, и решился посоветоваться с ним. [...]

Доктор говорит, что здесь Алеша вылечится гораздо скорее, и потому нет никакого основания посылать его отсюда. Русский доктор представляет то удобство, что не нужно будет ходить с Алешей вместе, и еще то, что он берется все устроить относительно помещения в больницу. Все это меня очень утешило. Разумеется только, что наши планы должны рушиться. Придется остаться здесь долее, нежели я думал. Что бы я делал, если б не было Модеста,— я просто с ума бы сходил. А теперь благодаря его присутствию я покоен. А что придется подольше жить здесь, это не беда. Пожалуйста не волнуйся за меня. Я совершенно покоен и сегодня занимался как ни в чем не бывало. Вот уже пять дней, что я не получаю никаких писем.

Нежно, крепко тебя целую, мой дорогой.

Твой П. Чайковский.

Само собой разумеется, что болезнь Алеши секрет.

Поцелуй от меня ручку у милого нашего Папы. Л и л и о б н и м а ю.

323. А. И. Чайковскому

1878 г. января 8—11. Сан-Ремо.

8/20 января 1878 г.
Воскресенье, 12 час. ночи.

Сейчас только пришли с Модестом из театра. Давали «Ф а у с т а». Модест очень смеялся. После завтрака ездили за десять верст в Б о р д и г е р у. Получил твое письмо. Буду отвечать тебе завтра. Нового ничего нет. Отчего ты ничего не пишешь о себе?

9/21 января 1878 г.
Понедельник.

[...] M-me Мекк продолжает разыгрывать относительно меня роль бодрствующего и пекущегося обо мне Провидения. Вскоре после того, как Модя, успокоивши меня, ушел гулять с Колей, является почтальон с письмом (lettre chargée) от Надежды Филаретовны. Раскрываю. Прежде всего она говорит мне, что радуется моему отказу от делегатства, тогда как я боялся, что она рассердится. Потом пишет по обыкновению тысячу нежностей и наконец посылает мне вексель в тысячу пятьсот франков сверх абонемента, на издание симфонии. Нужно тебе сказать, что я теперь далеко не в блестящем денежном положении. Мои деньги уж давно разошлись и остались только деньги Модеста. Эти тысяча пятьсот весьма кстати. Что это за непостижимая женщина? Она угадывает, когда и как мне написать, чтоб утешить меня. Модест по возвращении не мог притти в себя от изумления и деликатной утонченности ее милого письма. Вместе с тем она прислала карточки всего семейства. [...] Получил письмо от Котека, которое рассердило меня. Он сообщает мне о холодном ответе M-me Мекк на его письмо и приходит к заключению, что она сердится на него за сифилис. Затем он начинает соображать, кто мог ей насплетничать, и приходит к какому выводу? Насплетничал не кто иной, как я!!! Меня это очень раздосадовало. Тем не менее я тотчас же отвечал ему и скрыл, что злюсь, ибо жалко его. Он просил M-me Мекк перевести на него деньги, посылаемые сестрам, ибо им больше не нужно. Надежда Филаретовна в коротенькой записке отвечает ему, что деньги она посылает его отцу и что он, т. е. отец, может ими распоряжаться, как хочет. Письмо действительно должно было огорчить бедного Котика, но это не мешает его предположению быть очень диким. [...] Знаешь, что мне приходит в голову. Живя на чужой счет, я подаю дурной пример Котику. И он это очень наивно выразил в одном из своих последних писем: «Если ты меня будешь упрекать за то, что я обратился к M-me Мекк, то я тебе скажу: а ты-то сам!!!» Эта фраза мне весьма не понравилась, так же как и следующая: «Итак, я остаюсь в Берлине и буду жить на двести пятьдесят франков, которые буду получать от той самой особы, которая тебе дает тысячу пятьсот франков». Эта фраза звучит как-то странно, каким-то упреком! Дескать, уж много больно тебе! Вообще я не знаю, хорошо ли делает он, решившись остаться заграницей. Придется его выписать и поговорить обстоятельно. Так трудно теперь мне давать ему советы. Он спрашивает меня,

следует ли ему оставаться в Берлине, чтобы учиться у Иоахима. Если бы я даже находил, что не следует,— могу ли я высказать это? Ведь он скажет, что я говорю это, жалея давать ему денег?

Вторник, 10/22.

Утром писал ответ Надежде Филаретовне. После завтрака ходили к доктору — очень симпатичный человек. Алеша переезжает завтра в maison de santé. Он будет иметь комнату и полное содержание за шесть франков в день. Ванны ему будут делать ежедневно. Получил твое письмо, очень хорошо и приятно на меня подействовавшее, хотя меня весьма огорчает, что ты хандришь. Отчего это? Влюбись, Толичка! Пока молод, пользуйся правом предаваться этому величайшему наслаждению, но влюбись умеренно, без драмы, без сцен и треволнений! Женись наконец на [[...]]. Впрочем нет, все-таки даже и тебе не советую жениться. Завтра напишу тебе об Антонине Ивановне и денежных делах. О, если б состоялся твой план насчет Панаевой — Татьяны?

Алеша ведет себя сегодня лучше. Понимание начинает просыпаться в нем. Как нам будет трудно без него, а главное, уж теперь от Коли — ни на шаг! Иду спать. Устал.

Среда, 11/23.

Грустно, Толя. Часа два тому назад за Алешей пришел монах, взял его вещи и повел его. Мы пошли провожать. Пришлось взбираться высоко в горы. Дом чистенький, пахнет госпиталем, комнатка маленькая, уютная! Когда мы взобрались, к нам тотчас же пришел патер-приор, обещавший самый лучший уход за больным. К счастью, в этом же maison de santé живет один русин из Галиции, обещавший служить Алеше переводчиком; он кое-что говорит по-русски. Грустно было оставлять Алешу. Я сегодня уж перестал сердиться на него. Утром он будет ходить к нам, обедать будет дома в двенадцать часов, потом опять гулять, в половине седьмого ужин, потом четыре втиранья каждый вечер. Когда-то он поправится?

Я написал Юргенсону, чтобы он выдавал Антонине Ивановне жалованье по сто рублей каждое первое число до 1-го апреля, а оставшиеся за Консерваторией триста рублей моих получил бы в свое время. Об остальных моих предположениях ты узнал из проекта письма к Антонине Ивановне.

Напиши мне побольше о себе, за кем ухаживаешь, как Папочка и Лизавета Михайловна.

Целую тебя, голубчик мой.

П. Чайковский.

Толя! Прочти прилагаемое письмо к Антонине Ивановне. Пошли его, или если оно глупо, то напиши от себя в этом духе [1]. Словом, я не отступлю ни на шаг от моих условий: 1) две тысячи пятьсот рублей и вексель, 2) сто рублей в месяц условно, без письменного обеспечения и 3) рояль остается за мной.

Целую.

324. А. И. Чайковскому

1878 г. января 12—14. Сан-Ремо.

12/24 января 1878 г.
Четверг.

Сегодня дует сильнейший мистраль. Море бушует так, что страшно смотреть. Мы после завтрака ходили в порт и гуляли по стене. Несколько раз волны хлестали и обкачивали нас. Алеша приходил к нам после завтрака и гулял с нами, а в шесть часов вечера ушел. Престранные отношения образовались между нами. Мне и жалко его, а вместе с тем не могу не сердиться на него. Мы терпим большие неудобства вследствие того, что живем не вместе. Например, мы лишены теперь возможности ходить по вечерам в кафе и читать газеты. Сегодня в театре шел «Севильский цирюльник». Нам обоим с Модей очень хотелось туда, главнейшим образом потому, что роль Розины поет русская, Раевская. Об этом здесь много в газетах писали и предсказывали, что роль не по ней, что она будет ошикана и т. д. Хотели мы поручить надзор за Колей, после того как он заснет, здешней девушке Маргерите, и она согласна была просидеть весь вечер. Но ветер выл так ужасно, что страшно было надолго отлучаться от Коли. Я так и ожидал, что дом рухнет. Наконец Модя уговорил меня отправиться одному. Я отправился, но сердце было все время не на месте, и после первой сцены второго акта я побежал домой. Нашел Модеста уже беспокоившимся обо мне. Действительно ветер так злился и бушевал, что страшно было итти. (Раевская была очень недурна и имела большой успех.)

13/25 января.
Пятница.

Провел отвратительную ночь. Нельзя описать ужасной силы рассвирепевшего ветра. Окно мое так шумело, трещало, что я едва заснул. Но только что я погрузился в сон, как окно

с страшным шумом отворилось, а вслед за ним отворилась и дверь. Я перепугался и вскочил. Запер окно, опять заснул, и опять та же история. Так продолжалось до четырех часов ночи. Наконец я решился затворить ставню и прикрепить ее, а окно оставить отворенным. Только после этого я мог заснуть. Замечательно, что, несмотря на всю свою силу, ветер этот теплый, и я нисколько не страдал от отворенного окна.

Сегодня ветер утих, но море все еще довольно неистово бушует. На дворе было просто жарко, как летом.

Какой Модест милый! Он теперь ежедневно дает Алеше уроки и преусердно с ним занимается. Теперь восемь часов вечера. Коля пилит, Модест читает «Daily News», я пишу тебе. Сняли утром карточку с Коли. Как он мил!

До завтра, милый. Целую тебя в губы, глаза и шею. Еще раз целую.

14/26 января.
Суббота.

Утром принесли письмо от Рубинштейна, приведшее меня в ярость по своему тону. Я очень взволновался и написал ответ, которым Модест остался очень довольным. Как я прав, не любя этого человека! Как он бессердечен, сух и помешан на своей роли благодетеля! Я ему раз навсегда объяснил, что я совсем не так много ему обязан, как он думает [1]. Весьма противно мне будет попасть в Москве опять под его иго. Сегодня мое письмо вышло коротенькое. Кончил инструментовку. День прошел обычным порядком. Алеша в том же положении. Обнимаю тебя, милый мой.

Твой П. Чайковский.

Прилагаю тебе письмо Рубинштейна.

325. А. И. Чайковскому

1878 г. января 15—16. Сан-Ремо. 15/27 января 1878 г.
Воскресенье.

Сейчас мы с Модей очень хохотали. Он сравнивал меня с пушкинской старушкой, которая захотела сделаться царицей морской. Разговор шел о моем будущем. Я изъявил решительное желание сделаться богатым помещиком и жить в своем замке. Повод к этому разговору подало вчерашнее письмо Рубинштейна. Оно возбудило в моей душе много злобы против этого музыкального генерала, продолжающего смотреть на меня, как на прапорщика, вполне ему подчиненного. Все элементы антипатии и ненависти к Рубинштейну, бессознательно

бродящие на дне моего сердца, забушевали с неудержимой силой, и я не могу себе представить, как мне придется служить опять в Консерватории под ферулой его превосходительства! Меня бесит, что он так упорно хочет быть моим благодетелем. Поняв, что то, что он сделал для меня нынче осенью, в сущности очень ничтожно и что простое приличие требовало оказать мне помощь [1], он теперь вообразил себе, что я ему обязан деньгами М-me Мекк, и находит, что это благодеяние было излишне. Я злоупотребил снисходительностью и великодушием моего начальника, я предаюсь лени, я отучаюсь от труда, мне нужно одуматься! Господи, до чего это все нагло, пошло, самоуверенно. До чего мало он понимает, что я нисколько не нуждаюсь в тех двух тысячах семистах рублях, которые я почти насильно себе выпросил, и что, захоти я, так мне в другом месте за меньшую работу дали бы бóльшие деньги! Нет! Ему все кажется, что я только и держусь, что его благодеяниями. Знаешь, что я вижу в основании всего этого? Опять все то же. Шантаж! Дескать, с своей позорной репутацией благодари судьбу, что я еще держу тебя. Честное слово, это так. Ну, как же не мечтать освободиться от этой обузы? Я даже сегодня утром, валяясь в постели, решил было просить у Левы и Саши, чтобы они взяли меня учителем музыки, и остаться навсегда жить у них! Только бы подальше от халуйства! Представь, что добродушный, милый Карлуша и тот написал мне пошлость, которую я никак не могу забыть. Он тоже упрекает меня за отказ в делегатстве и в конце аргументов прибавляет: «А главное, я боюсь, что тебя разлюбит Николай Григорьевич. И в каком положении он перед Давыдовым, которого он просил рекомендовать тебя». Угрожать мне величайшим бедствием: что Рубинштейн меня разлюбит,— разве это не противно! И потом они хотят меня уверить, что и рекомендацией в делегаты Давыдовым меня я опять-таки обязан Рубинштейну!!! Противно!

Толичка, мой милый! Я должен тебе сказать, что я чувствую себя превосходно; здоровье мое отлично. Рубинштейн прав, если хочешь, говоря, что я блажу. Это верно,— но ведь единственная моя болезнь в том и состоит, что я блажу и не могу не блажить. С чисто физической точки зрения я совершенно здоров. Даже дрыганий (тпфу, тпфу, тпфу) больше нет! Сегодня мы совершили с Модей и Колей на ослах прогулку в горы, в городок Cola, где есть интересная картинная галерея. На возвратном пути я нарвал целый букет фиалок.

Понедельник, 16/28.

Сейчас получил твое письмо. Я не путаю насчет консерваторских денег. Помнишь первое письмо Рубинштейна? В нем было сказано, что мне назначена сумма в 1200—1300 рублей (он не знал наверное), которая будет мне выплачиваться в течение года. За первые два месяца по сто рублей я получил еще в Кларансе, остается тысяча или тысяча сто. Положим, тысяча. М-me Нилус получает шестьсот; за моего стипендиата Литвинова я уплачу сто,— остается триста, которые я назначаю мерзавке. Это-то совершенно верно. Но вот что мне темно. Из твоих писем я вижу, что М-me Нилус начла сто сорок шесть рублей процентов. Каким это образом? У нее был мой вексель в тысячу триста рублей. Срок ему был в декабре. В мае я заплатил восемьсот. Оставалось пятьсот. Откуда же взялись проценты? Решительно не понимаю. Ведь проценты были уже в сумме векселя. Каким же образом на выплачиваемые помесячно пятьсот могло набраться сто сорок шесть рублей, и почему именно сто сорок шесть? Меня это так сегодня озадачило, что я написал М-me Нилус письмо. Знаешь ли, сколько из этих тысячи триста рублей я получил в действительности? С е м ь с о т! Итак, процентов на семьсот рублей я плачу 600 + 146. Не дурно! Правда, что М-me Нилус в этом не виновата. Она дала мне какие-то фонды, принадлежавшие ее сыновьям и в то время сильно упавшие в цене. Она иначе их не могла дать, как по той цене, по какой купила; вот отчего и образовалась столь большая сумма, да еще Николай Львович за комиссию содрал. Но все-таки досадно за семьсот рублей заплатить тысячу четыреста сорок шесть?

Ну, о долгах довольно.

Сегодня утром фотограф, явившийся к нам, снял нашу группу вчетвером. Как мне было досадно думать, что мы не снялись с тобой в Кларане или в Венеции! Как только будет готова, пришлю тебе. Я ужасно страдал во время снимания, по-обыкновенному.

После завтрака я взял нотной бумаги и пошел один в горы, чтобы докончить сцену д у э л и, которая еще не сочинена вполне. Насилу нашел уголок, где никого не было. Работал успешно. За обедом у Коли с Модестом была страшная сцена, которая меня немного расстроила. Я нашел, что Модя уж слишком рассвирепел. Я не могу видеть, когда Коля горько плачет. Потом, конечно, был мир. Но какое золотое сердце у этого мальчика и до чего он любит Модеста!

Толя! Мне кажется, что ты все-таки недоволен моим отказом от делегатства[2]. Вообрази, голубчик, меня среди суеты,

массы знакомств, среди людей, не знающих и не ценящих меня как музыканта, среди всякой русской шушеры, которая полезет в музыкальные экспоненты, среди всей этой кутерьмы, — ну, могу ли я это выдержать? И целых восемь месяцев!!!

Какая скотина твой друг Рубинштейн! Я все еще не могу успокоиться от его дурацкого письма!

[*Подписи нет.*]

326. А. И. Чайковскому

1878 г. января 17—18. Сан-Ремо.

17/29 января 1878 г.
Вторник.

Вчера, после моего письма, Модест прочел мне две главы из своего романа, который он давно уже пишет понемногу. Я был изумлен. Это до того хорошо, умно, тонко, интересно и ново, что я не верил, что передо мной сидел сам автор [1]. У Модеста серьезный, положительный талант. Если б к этому присоединить ту выдержку, терпение, усидчивость в труде, которыми могу похвастать я, то у него уже давно было бы написано несколько замечательных вещей. Я взял с него слово, что он кончит здесь свой роман. Модест строжайше запрещает мне сообщать об этом кому бы то ни было, кроме тебя. А ты не болтай никому, даже Ларошу не говори. Я очень рад, что не ошибся в своем предположении насчет литературного таланта в Модесте.

Спал я сегодня скверно, с болью в желудке. Утром совершил холодное омовение всего своего тела. Ванн здесь нет. Прачка нас надувает уже несколько дней сряду. Дошло до того, что Модест ходит сегодня в моей ночной рубашке, а я сам себе выстирал платок. Не знаю, почему я сегодня утром чувствовал себя, несмотря на скверную ночь, удивительно хорошо. Работа идет отлично, и я принялся за последнюю трудную часть оперы, т. е. за интродукцию. Мне было до того хорошо, что я подумал: верно сегодня случится какая-нибудь пакость.

Так и есть. После завтрака пришли письма; одно от Юргенсона. Он мне пишет, что до сих пор не получил Глинкиных вещей, которые я ему выслал еще из Венеции [2]. Это меня привело в ужас. Во-первых, потерянный труд, а во-вторых, пропали рукописи, за которые Юргенсон заплатил две тысячи рублей. Послал телеграмму в Венецию. Кроме того из письма Танеева я вижу, что симфония моя не дошла до

Москвы, а я выслал ее из Милана три недели тому назад. Телеграфировал Альбрехту. Завтра получу ответы.

Мы ходили сегодня с Модей в оперу, а беречь Колю поручили здешней девушке Маргарите. В опере шел «Севильский Цирюльник». Розина (русская) пела очень мило. Тенор очень хороший. Все остальное ниже всякой критики, но всего ужаснее здешняя публика — кричит, свищет, беснуется!

Теперь двенадцать часов ночи. В то время, как я тебе пишу, внизу под нами выносят покойника, умершего вчера от водяной.

18/30 января.
Среда.

Славу богу! Получил ответы из Венеции, что посылка была отправлена во-время, а из Москвы, — что симфония уже там. Я совершенно покоен.

Сегодня погода стоит скверная, серо, холодно. Тем не менее я очень весел. Сейчас я кончил интродукцию. Работы осталось еще не более, как недели на две. [...] Вероятно, мы, т. е. Модест, Коля и я, съездим дни на два или на три в Ниццу, а потом опять сюда вернемся. Целую тебя крепко. Не забудь каждый раз после письма передавать нежные поцелуи Папе и Лизавете Михайловне.

П. Чайковский.

327. А. И. Чайковскому

1878 г. января 19—21. Сан-Ремо. 19/31 января.
Четверг.

Вчера вечером, написавши письмо к тебе, я пошел в город пить кофе. В к а ф е, где я обыкновенно бываю, в этот вечер давал представление какой-то фокусник. Зала была уставлена стульями, эстрада приготовлена, публика, довольно немногочисленная, собралась. Вдруг дверь отворяется, и входит мужчина в белом галстуке и фраке. Он взбирается на эстраду, и кого я узнаю? Того самого фокусника, которого мы с тобой видели в M o n t r e u x, помнишь? Я так обрадовался, как будто это был какой-то родной мне. Так живо вспомнил я и мальчика с пляской св. Витта и с краснотой в лице, и другого мальчика, которого на другой день мы видели в костюме рабочего, и старика-фокусника, слегка пьяненького, который рассказывал про свои торжества в разных городах Швейцарии, и нас с тобой, и как потом мы с тобой пришли домой и заспанный Фриц отворил нам дверь... Ах, какая прелесть и Кларан, и Маноры, и

Фриц, и Marie, и даже глупая Louise, и наша комната, и все это. Я так расчувствовался, вспомнив Кларан, что даже написал письмо M-me Манор. Конечно, я не уеду из заграницы, не побывавши там.

Сегодня ничего особенного не произошло. Были у Алеши. Он начинает очень худеть и тосковать. Гнев мой прошел. Теперь мне только жалко его.

20 января/1 февраля 1878 г.
Пятница.

Алеша пришел к нам утром, очень бледный, исхудалый, грустный. Я начинаю беспокоиться за него, хотя вспоминаю, что все больные этою болезнью впадают в меланхолию и слабеют. У него какая-то боль подмышкой, плохой сон и плохой аппетит. Доктор однакож доволен ходом леченья. Вечером получил письмо от M-me Мекк, которое взволновало меня. Письмо по обыкновению и даже более обыкновенного наполнено изъявлениями любви. Но вместе с тем она опять жалуется на какую-то неприятность, случившуюся с ней, и хотя не называет виновника, но по тем насмешкам и ироническим замечаниям, которыми она отделывает Рубинштейна, а также по разным другим намекам я имею основание заключить, что виновник неприятности именно он, Рубинштейн. Я даже понял из ее письма, что Рубинштейн был у нее и говорил про меня. Отсюда и из сопоставления этого факта с письмом его я догадываюсь, что Рубинштейн ездил к ней хлопотать, чтобы она перестала высылать мне деньги, так как я приучаюсь к лени и т. д. Хорош господин! Фу, какая сволочь!

21 января/2 февраля.
Суббота.

Алеше лучше. Завтра мы все едем на два дня в Ниццу. Я ходил с Алешей к его милому доктору, и он разрешил Алеше ехать с нами, да кстати, велел ему взять там две ванны. Радости Коли нет пределов. Потом придется вернуться сюда и ждать, чем кончится леченье Алеши. Доктор доволен ходом леченья. Что-то нет писем от тебя. Целую тебя крепко.

П. Чайковский.

328. А. И. Чайковскому

1878 г. января 22—25. Ницца — Сан-Ремо.

Ницца,
22 января/3 февраля 1878 г.
Воскресенье.

Сегодня в восемь с половиной часов мы сели в весьма удобную коляску и отправились по необычайно живописной

дороге по направлению Ниццы. В Ментону мы приехали в двенадцать часов, завтракали и гуляли. В два отправились дальше. Тут-то и началась самая прелесть. Дорога идет по краю высочайших скал, виды на каждом шагу меняются, солнце греет и ярко светит, местами мы взбираемся так высоко, что приходится ехать среди снега. Наконец, в пять часов приехали в Ниццу и остановились на каком-то восьмом этаже Hôtel de la Paix. Успели немножко погулять. Обедали в table d'hôt'e, потом я с Алешей брали ванны, превосходно устроенные тут же в отеле. Модя, уложивши Колю, ходил в театр и вернулся рано.

Понедельник, 23/4.

Спал очень хорошо. После кофе мы с Модестом и с Колей снимались по просьбе Надежды Филаретовны. Кстати, пришли мне сейчас же в первом письме свою карточку, — я обещал послать ее Надежде Филаретовне. Не позабудь сделать это, голубчик мой. После завтрака ездили осматривать все, что в Ницце наиболее красиво и замечательно. В четыре часа я с Колей ходил в зверинец смотреть у к р о т и т е л ь н и ц у. Теперь только что кончился обед. Хочу пойти в театр. До свиданья.

Был в театре. M-elle Кушник пела A n g o t.

Сан-Ремо,
Вторник, 24/5.

Утром сделали чудеснейшую прогулку в Chateau; ты, может, помнишь это место? С него дивный и огромный вид на Ниццу с окрестностями. Погода была совсем майская. После завтрака выехали в два часа с половиной, а в семь часов прибыли в Сан-Ремо. Как мне показалось противно Сан-Ремо после красивой, веселой Ниццы. Как здесь, в сущности, скучно. Гулять совершенно негде, кроме берега моря. В горы, куда ни придешь, все одно и то же. Все те же бесконечные оливковые деревья, застилающие вид, и с бабами, стариками и мальчишками, собирающими под ними оливки.

Нашел множество писем и в том числе твое маленькое. Я все забываю тебе сказать, чтоб ты поцеловал от меня Леву, Сашу, Таню, Анну. Когда они уезжают назад? Я им не пишу в Петербург, ибо ты сообщишь все, что нужно. Целую тебя.

25 января/6 февраля 1878 г.
Среда.

Толичка! В наказание тебе за коротенькое последнее письмо и я сегодня напишу тебе только один листик. Сегодняшний день ознаменовался страшной руготней, которой удостаивается

от меня ежеминутно Сан-Ремо. Препаршивое и предрянное в сущности местечко. После Ниццы оно мне кажется просто непозволительно жалко. Гулять решительно негде. Нельзя же вечно ходить по набережной. Как только пойдешь в горы, начинаются бесконечные, скучные, однообразные оливковые рощи, маскирующие все виды и сами по себе очень уродливые. Зато сегодня насчет Алеши я имею основание сильно радоваться. Доктор сказал, что через неделю он будет вполне здоров. Если это правда, то нужно отдать справедливость доктору: он очень энергично, умно вел леченье. Не забудь написать, сколько времени Лева с Сашей пробудут в Петербурге.

Целую тебя, Папу, Лизавету Михайловну, Леву, Сашу, Таню, Анну.

П. Чайковский.

329. А. И. Чайковскому

1878 г. января 26—28. Сан-Ремо.[1]

27 января/8 февраля 1878 г.
Четверг.

Ничего особенного не происходило. Алеше гораздо лучше. Погода стоит великолепная. Море, как зеркало, а все-таки Сан-Ремо скучно. Я замечаю, что Модя начинает очень скучать и что хочется ему куда-нибудь отсюда. Я усиленно работаю над оперой и надеюсь, что дня через три-четыре все будет кончено.

28 января/9 февраля.
Пятница.

Сейчас получил твое письмо. Смерть Зины очень огорчает меня. Жаль младших детей. Но особенно меня беспокоит, как Папочка перенесет это известие. Очень боюсь, что оно сильно потрясет его. Хотя ты не пишешь обстоятельно, какого числа она скончалась, но если Вы получили депешу 14-го, то умерла она, вероятно, 13-го. Странное совпадение чисел, которое не может не поразить Папашу[2]! Пожалуйста, напиши мне обстоятельно, как он перенесет грустное сообщение.

Я кончил клавираусцуг оперы. Теперь остается выставить знаки. Как ни скучно в Сан-Ремо, но нельзя было не восхищаться сегодня удивительной погодой. Во время прогулки мы нашли массу цветов. Птички пели на все лады. Немножко я сержусь на тебя. Ну, как не написать про Сашу поподробнее? Где они живут, что делают, как проводит время Таня, как Анна переносит свою судьбу, часто ли ты их видишь? Поверь, что это меня гораздо более интересует, чем исполнение моей

увертюры в концерте. Когда будет «Франческа»? Что ты делаешь, где чаще всего бываешь [...], что делают Апухтин и Ларош и т. д. Положи себе два раза в неделю непременно писать мне и веди, как я, дневник. Если ничего не было интересного, то так и отметь, что, дескать, ничего не было. Но материалу у тебя найдется много. Пожалуйста, по прочтении сего письма пойди вниз и крепко обними от меня нашего старичка. Господи! придется ли мне еще обнять его лично; что-то говорит мне противное. А впрочем, предчувствия часто меня обманывали.

Еще раз перечел твое письмо. Мне так хочется представить себе ясную картину твоей жизни,— и не могу; уж ты слишком скуп на подробности о себе. Насчет рояля я остаюсь при прежнем мнении, а впрочем, предоставляю тебе решить это, поговорив с Левой и Сашей. Кроме того, что мне жаль рояль как ценную вещь, мне его жаль также потому, что это подарок. Я бы лучше готов ей впоследствии заплатить по частям стоимость вещи. Целую.

Арии Татьяны нет, и потому ты напрасно хлопочешь об исполнении ее Панаевой. Есть целая сцена с письмом, но она для исполнения в концерте неудобна, так как в ней нет конца; она прямо переходит в сцену с няней. Гораздо лучше спеть ей арию Оксаны.

28 января/10 февраля 1878 г.
Суббота.

Я не в духе. Часа два тому назад, когда Модест гулял, а я сидел дома, явились ко мне два господина. Один Нагорнов, а другой — какой-то француз-скрипач. Последний живет в Ницце и был у меня по поручению Азанчевского. Ну, словом, убежище мое открыто, а ты знаешь, как я этого не люблю. Господи, какой я стал мизантроп, как мне скучен и невыносимо тягостен был этот визит и пустые разговоры! Если б не Алеша, сейчас бы убежал куда-нибудь с Модей и Колей. Тем не менее все идет отлично, и я совершенно здоров. Люблю тебя до смерти. Только пиши, пожалуйста, про себя подробнее.

П. Чайковский.

330. А. И. Чайковскому

1878 г. января 29 — февраля 1. Сан-Ремо. 29 января/10 февраля 1878 г.
Воскресенье.

[...] Вечером был в опере. Шел «Цирюльник». Русская певица Раевская очень недурна.

30 января/11 февраля.
Понедельник.

Спал скверно. Целый день работал. Переписываю л и б р е т т о. Дня через два все будет кончено. Получил письмо от Рубинштейна в ответ на мое. Все эти д е с п о т ы тотчас делаются смирны, как на них зубы оскалишь. Чем грубее было мое письмо, тем дружественнее его ответ. 10-го ф е в р а л я там пойдет моя новая симфония.

Очень интересно, что окажется?

1/13 февраля.
Среда.

Сегодня я кончил оперу и уже уложил и отправил ее. Нахожусь по этому случаю в отличном расположении духа... Алеша сегодня переехал к нам. После завтрака и прогулки я написал большое письмо Надежде Филаретовне. Представь себе, что чуть ли не в первый раз в нашей переписке я затруднялся в выражениях. Оттого ли, что совестно, оттого ли, что трудно вечно благодарить и благодарить, — только я порядком помучился, прежде чем написал. Рубинштейн очень обижен повелительным тоном телеграммы, которую Д а в ы д о в ему послал с требованием партитуры «Евгения Онегина». Для чего он ее спрашивал? Для Панаевой, или еще кроме того она нужна была[1]? Попроси от меня Панаеву вместо арии Татьяны, которую невозможно петь в концерте, спеть арию О к с а н ы. Это для меня будет большая услуга.

А писем от тебя все нет и нет! Пиши, если не хочешь, чтобы я подозревал, что ты скрываешь от меня что-нибудь неприятное. Поцелуй Папу, Лизавету Михайловну, Леву, Сашу, Таню, Анну. Целую.

Твой П. Чайковский.

331. А. И. Чайковскому

1878 г. февраля 3. Сан-Ремо.[1]

San Remo,
2/14 февраля 1878 г.
Четверг.
(пишется в пятницу утром).

Вчера, т. е. в среду, я отправился вечером в город, чтобы отнести на почту письмо к тебе. Дорогой я встретил ф а к и н а, шедшего с письмами для нашего пансиона. Оказалось и мне письмо. Оно было из Ниццы от Азанчевского, который сообщил мне, что весьма рад со мной повидаться и что завтра, т. е. в четверг, он придет ко мне на целый д е н е к. Ты меня слиш-

ком хорошо знаешь, чтоб я нуждался объяснять тебе, каков мне показался этот денек! Тотчас же было решено, что на весь следующий день мы поедем с Модестом и Колей в Monte-Carlo! На другой день, т. е. сегодня утром в четверг, мы уехали. На пути есть большая остановка на границе, где сходятся два поезда и где мы могли встретиться с Азанчевским. Я очень этого боялся, но его не оказалось в числе пассажиров. В Монте-Карло мы пробыли около трех часов. По-моему, это самое красивое место в свете. Ничего более фантастически чудного я не видел. Модя пробовал играть и, проиграв десять франков, благоразумно остановился. В семь часов мы уже были в Сан-Ремо. Нужно тебе сказать, что, уезжая, я поручил хозяину, хозяйке и всем людям сказать Азанчевскому, что я два дни тому назад уехал в Геную. Только что мы подходим к дому, как навстречу к нам выбегает M-r Joly, в сущности очень подленький и лживый французишка. Он подстерегал нас для того, чтобы сообщить, что не только приехал в San Remo Азанчевский, но вместе с ним и его жена и еще un général, и не только приехали, но остановились у него! Каков скотина! Недели две тому назад умер у него жилец, и с тех пор никто не хочет нанять его квартиру,— так он воспользовался случаем пустить ночевать богатых гостей, приехавших из Ниццы в коляске. Разумеется, он оправдывался тем, что не знал, что приехавший господин и есть Азанчевский; это оказалось ложью, по свидетельству горничной Margueritte, ибо Анна Ивановна прежде всего спросила про меня. Азанчевские и le général (не могу догадаться, кто это?) приставали к Joly, чтобы узнать, не скрываюсь ли я от них. Joly утверждает, что он разуверил их, но я сильно подозреваю, что этот мерзавец дал им почувствовать правду. Представь, до чего комично и неприятно было положение наше! Весь вечер и всю ночь мы провели под одной кровлей с Азанчевскими, которые должны были считать нас уехавшими в Геную. Я очень боялся, что они вздумают остаться еще на один день. Слава богу, они сегодня, т. е. в пятницу, уехали с первым поездом.

Азанчевский дошел до того, что уже не произносит ничего, кроме мычаний, как рассказывал нам Joly, Маргарита и sommeiller *. Как было приятно мне с ним, можешь себе представить? Несмотря на мою искреннюю симпатию к Азанчевскому, я не испытываю ни малейшего укора совести за то, что удрал от него. В самом деле, не глупо ли было с их

* ключик

стороны, зная, что я уж давно здесь, и видя, что я не ищу свидания с ними, все-таки лезть ко мне, да еще с каким-то g é n é r a l? Вообще я решил теперь плюнуть на всякие приличия, учтивости, неизбежные соблюдения всяких форм общежития, если они мне в тягость. Довольно я ломал себя. Пора начать жить остаток дней, как хочется, свободно, не поддаваясь тиранству общественных отношений. Скажи, пожалуйста, ну, с какой стати всякий человек, желающий меня почему-либо видеть, может наивно воображать, что и мне приятно свидание с ним? Я уже не говорю о б А з а н ч е в с к о м, человеке добром и достойном всякого уважения, но какой-нибудь Нагорнов, наглая сволочь, которая, прожив теперь в Москве два года, ни разу не был у меня, здесь вваливается ко мне с улыбкой на устах и с уверенностью, что он доставляет мне неизъяснимое блаженство своим посещением!

Впрочем, я намерен из Флоренции, где мы будем через несколько дней, написать Азанчевскому милое письмо и сказать ему всю правду.

Толя! Так как я вчера не успел написать дневника, то стал его сегодня писать з а д н и м ч и с л о м и сначала помнил, что я должен воображать себя пишущим вчера, но потом позабыл и потому напутал в употреблении слов в ч е р а и с е г о д н я. Извини.

Я сержусь на тебя. Писем нет как нет. Вчера я хотел даже телеграфировать тебе. Я подозреваю, что П а п а ш а болен, умирает, я не знаю, что́. Пиши чаще.

3/15 февраля.
Пятница.

Только что я упрекнул тебя за неписание, как получил твое письмо, с известием о том, что Антонина Ивановна пристает с письмами к Папаше и к тебе. Это очень, очень мне неприятно. Толя! я согласен на фортепиано,— но с следующим условием. Напиши ей сейчас же, что она не получит н и ч е г о, если не даст п о д п и с к у в том, что, получивши 1) вексель в 2500 р. (который я дам, когда хочешь), 2) фортепиано и 3) обещание 100 р. субсидии, о н а п р и з н а е т с е б я в п о л н е д о в о л ь н о й и у д о в л е т в о р е н н о й, н и к о г д а н е б у д е т п и с а т ь н и м н е, н и П а п а ш е и н и к о м у и з м о и х р о д н ы х н и ч е г о. Я это говорю совершенно серьезно. Я ей не дам ничего, если она не согласится дать этой подписки. С этим исчадием ада шутить нельзя; благородные чувства с ней излишни, особенно после сцены с тобой в концерте, после писем к Папаше и к тебе. Р е ш и т е л ь н о о т к а з ы в а ю с ь ч т о б ы т о н и б ы л о д а т ь, е с л и о н а

не даст подписки. Чего мне ее бояться? Ее сплетней я не боюсь, да они будут итти своим чередом, во всяком случае. Хочет она развода? Тем лучше. Хочет шантажировать меня, донеся про меня тайной полиции,— ну, уж этого я совсем не боюсь. Итак, пусть даст подписку во что бы то ни стало. Ну, довольно об этом.

Перейду к казусу о Панаевой. Ты поступил неполитично, не телеграфировавши Рубинштейну сам. Телеграмма от Давыдова, написанная довольно повелительно, не могла не шокировать такого деспота, как Рубинштейн. И в самом деле, без моего разрешения и без моей телеграммы он был вправе отказать. Не говори этого Давыдову, но, по-моему, он поступил бестактно,— зная нрав Рубинштейна, подписать телеграмму. Долго, впрочем, об этом обстоятельстве распространяться нечего, так как сцену Татьяны в концерте исполнять нельзя, о чем я тебе уже писал. Пусть споет арию Оксаны; я умоляю об этом.

Я все-таки недоволен тобой. Пиши сколько хочешь кратко, но пиши обо всем. Ты ни слова не пишешь о том, как принял известие о смерти Зины Папаша, о Саше и Леве, о впечатлении, которое произвело на тебя письмо ко мне Рубинштейна. Мне не нужно длинных писем, но нужны обстоятельные.

Теперь, обругавши тебя, начну извиняться, что из-за меня тебе приходится переписываться с Антониной Ивановной. Бедный Толя! Прости ты меня.

Во вторник 7/19 февраля мы едем во Флоренцию. Хочу попробовать, не полюбится ли мне Италия теперь. Я очень изменился с тех пор. Я стал здоровым и вполне нормальным человеком. При том же, окончивши и оперу и симфонию, я теперь вполне покоен. А такое [...], как Антонина Ивановна, уже потеряла власть расстраивать меня. Она только бесит меня тем, что хочет и другим жизнь отравлять. Пиши мне сейчас же. Адресуй: Italie. Florence или Firenze, Hôtel Citta di Milano. Via Cerretani.

Целую тебя нежно.

П. Чайковский.

332. А. И. Чайковскому

1878 г. февраля 4—7. Сан-Ремо—Пиза.

4/16 февраля 1878 г.
Суббота.

Совершили на ослах чудесную прогулку на расстоянии двух часов отсюда в церковь Santa Maria di Guardia, стоящую на высокой горе, с которой вид удивительный. Я сегодня немнож-

ко нездоров; маленький ж а р о к и насморк. Поэтому вечером я никуда не ходил; сидел дома и пил чай. Модя ходил гулять. Теперь стоят великолепные лунные ночи.

Воскресенье, 5/17.

Спал не без некоторых странных лихорадочных сновидений, но хорошо. У меня г р и п п, т. е. маленькое болезненное состояние, очень приятное, когда хочется нежиться и валяться. Насморк ужасный. Ездили после завтрака кататься в городок T a g g i a на расстоянии верст десять. Вечер сидел дома, с нетерпением дожидаясь десяти часов, чтоб лечь спать. Так и сделал.

6/18 февраля 1878 г.
Понедельник.

Спал очень сладко и крепко, но опять с лихорадочными сновидениями. Между прочим, с изумительною живостью видел во сне, что обедал вдвоем с Россини и ругал увертюру «В и л ь г е л ь м а Т е л л я», а тот обижался. Хотел все о б ъ я т ь н е о б ъ я т н о е, как всегда при маленьком ж а р к е. Проснулся здоровый. Сегодня последний день нашего пребывания в Сан-Ремо. Р е к а п и т у л и р у я* все семь недель, проведенных здесь, я не могу не придти к заключению, что они принесли мне громадную пользу. Благодаря правильности жизни, подчас скучного, но всегда ненарушимого спокойствия, а главное, благодаря времени, которое залечивает всякие раны, я вполне выздоровел от с у м а с ш е с т в и я. Я несомненно был несколько месяцев сряду немножко с у м а с ш е д ш и м, и только теперь, вполне оправившись, я научился о б ъ е к т и в н о относиться ко всему, что наделал во время этого краткого сумасшествия. Тот человек, который в мае задумал жениться на Антонине Ивановне, в июне, как ни в чем не бывало, написал целую оперу, в июле женился, в сентябре убежал от жены, в ноябре сердился на Рим и т. д., был не я, а другой Петр Ильич, от которого теперь осталась только одна м и з а н т р о п и я, которая, впрочем, вряд ли когда-нибудь пройдет. Я перестал т р а г и ч е с к и смотреть на Антонину Ивановну и на свою неразрывную связь с ней. Лишь бы только она оставила в покое всех моих близких и меня, пусть себе наслаждается жизнью. Но для того, чтобы она оставила нас в покое, нужно, чтобы ты перестал потворствовать ей и исполнил бы мою просьбу, изложенную в последнем письме. Это тварь слишком презренная, чтоб с ней церемониться. Платить, пожалуй, нужно все, чего она просит,— но не даром, а требуя от нее, чтоб

---

* обозревая *(фр.)*

она не тревожила нас. Итак, пусть даст положительное обязательство держать себя подальше,— иначе она не получит ни [...]. Своим выздоровлением я больше всего обязан тебе, Надежде Филаретовне и Модесту, сожительство которого вместе с Колей (я безгранично люблю этого ребенка) составляют для меня истинное благо. Теперь двенадцать часов утра. Я допишу этот листочек завтра вечером в Пизе, где мы будем ночевать.

Пиза,
7/19 февраля *.
Среда, утром.

Ехали вчера от семи часов до утра до семи часов, не останавливаясь, без единой станции, где бы можно было поесть. Даже в Генуе едва успели перебежать с одного поезда на другой. Притом, для экономии поехали во втором классе. Ужасно неудобно и утомительно! До сих пор еще ничего не видели. После ужина и после того, как Коля заснул, мы с Модестом пошли погулять и заходили постоять в театр, где шла «Forza del destino». Театр огромный и великолепный, но пустой. Исполнение отвратительное, а тенор имел совершенно фигуру Апухтина. Только что я встал. Погода, к счастью, великолепная.

Целую тебя крепко.

П. Чайковский.

333. А. И. Чайковскому

Флоренция,
12/24 февраля 1878 г.

Толя, мой милый! Не хочу тебя обманывать и потому признаюсь тебе, что на этот раз я пишу дневник задним числом. Тем не менее, ради принципа все-таки опишу тебе день за день все, что произошло. В последний раз я тебе послал письмо из Пизы во вторник вечером 7/19.

Среда, 8/20.

Осматривали достопримечательности Пизы: знаменитую кривую башню, собор и находящееся при нем кладбище, весьма замечательное. Все это мне очень понравилось, особенно чудная башня. Мы взбирались на самый верх и любовались чудеснейшим видом. Как я рад был не видеть моря и оливок,— и то и другое порядком надоело. После завтрака ездили в Cascino, находящееся очень далеко от города. Погода была великолепная, ни души народа,— это было очень приятно. Мы

---

* *В подлиннике ошибочно:* 8/19 февраля

гуляли в лесу, огороженном на огромном пространстве стеной, вследствие чего в нем имеется масса диких коз, зайцев, антилоп, содержащихся на счет короля. Это весьма забавляло Колю. Обед за табльдотом был весьма скучен и длинен. Остальной вечер мы просидели дома.

Четверг, 9/21.

Истративши в отеле очень много денег, мы уехали в одиннадцать часов, а в два приехали во Флоренцию и остановились в отеле Citta di Milano, где я уже заранее заказал помещение. Отель мне очень понравился. У Модеста с Колей великолепная комната, выходящая на улицу и освещенная целый день солнцем. Комната эта служит нам салоном. Рядом с ней, разделенная от салона только высоким сводом, их спальня. Комната Алеши находится подле их спальни и имеет в себе н у ж н и к, отлично устроенный. Затем, перейдя через коридор, моя комната, очень удобная и уютная. После жалкой обстановки пансиона Joly все это кажется так великолепно, так роскошно! Во весь этот день мне было очень весело. Обед был очень хорош; народу не особенно много, и все англичане. Это противно, но зато застраховывает от скучнейших table d'hôt'ных знакомств. Перед обедом мы гуляли все вместе. Прежде всего я пошел на Lung'Arno вспоминать тебя. Как теперь мне представляется все иначе! Как тогда я был жалок, и какой теперь сравнительно я здоровый человек. После обеда я гулял один. Вследствие наступления весны город получил теперь совсем другую физиономию. Масса цветов на каждом шагу, толпы народу снуют по улицам, на площадях масса освещенных палаточек с дешевыми товарами. Все это показалось мне очень весело. Весь вечер я писал ответ Надежде Филаретовне, от которой письмо ожидало меня во Флоренции. Письмо это на восьми листах, необыкновенно, как-то особенно милое и нежное. Пришлось и мне отвечать длинным письмом. Модест, уложивши Колю, ходил гулять и заходил в театр смотреть Сальвини (соперника Росси) в «Отелло».

Пятница, 10/22.

Утром мы тотчас же заметили, какая огромная разница между сан-ремским и здешним климатом. Хотя и здесь весна, но далеко еще не так тепло, как там. Ходили смотреть галлерею Уфиции. Я, конечно, тотчас же устал. Модест восхищался, но смотрел поверхностно. Он хочет сходить один, без Ко-

ли, в другой раз. Потом они возвратились домой, а я пошел шляться один. После завтрака я свел Алешу в ванну, а потом был в К а ш и н о, где встретился с Модестом и Колей. Представь, как странно! Весь день я был не в духе и зол. Ни с того, ни с сего. Вечером даже чувствовал себя немножко нездоровым и рано лег спать.

Суббота, 11/23.

Утром ходили смотреть Palazzo Vecchio. Я очень умилился, когда увидел того самого старичка, который и нас с тобой водил. Помнишь? «Vedez Moussou, la cole de Raphael, Moussou!» * и т. д. Он же и на этот раз водил нас. Между завтраком и обедом я написал р о м а н с. Ходили гулять в сад Boboli при Palazzo Pitti. Вечером я был с Модестом в театре. Сальвини играл Г а м л е т а. Он мне не нравится: стар, некрасив и слишком манерен. Росси лучше.

Воскресенье, 12/24.

Только что встал и пишу тебе это письмо.

Целую тебя крепко.

Вчера я получил две телеграммы из Москвы по поводу новой симфонии [1], игранной 10 числа.

[*Подписи нет.*]

334. Л. В. Давыдову

Флоренция,
12/24 февраля [1878 г.]

Милый мой Лева!

Прежде всего извини, что пишу на полулистиках: вся бумага вышла, час поздний, и достать негде. Благодарю за стократ милое и дружеское письмо из Питера. Ты напрасно так стараешься приглашать меня к себе: я и без твоего приглашения намерен осчастливить тебя своим посещением и многомесячным пребыванием. Кроме того, что я желаю побывать у вас и всех вас обнять, я сплю и вижу, как бы вернуться в Россию, а если в Россию, то куда же, как не к Вам?

Лева! Я совершенно выздоровел, и ты напрасно думаешь, что мне нужно оправляться. Не знаю, как это случилось, но в один прекрасный день я вдруг сознал с неотразимою очевидностью, что я был несколько месяцев сряду в состоянии умопомешательства, и с такою же очевидностью, — что теперь

---

* «Смотрите, сударь, школа Рафаэля, сударь!» *(искаженная французско-итальянская фраза)*.

состояние это прошло. Иначе как сумасшествием нельзя объяснить всего того, что я натворил. Тот Петр Ильич, который женился и потом бесновался, — не я, а кто-то другой. Это я говорю не шутя. В самом деле, я напрасно теперь стараюсь припомнить, как все это случилось, какими силлогизмами я мог себя уверить, что я обрету блаженство и покой в женитьбе на Антонине Ивановне, — не могу! Это было в буквальном смысле слова безумие. Оно продолжалось долго и потом, уже за границей. Я на все смотрел чьими-то другими глазами и другой головой.

Все прошло. Остались два неприятных качества: 1) неизлечимая мизантропия и 2) невероятная раздражительность. Боюсь, что выздоровевший, но очень раздражительный Петр Ильич будет тебе и Саше в тягость, и хочу по возможности предупредить и облегчить эту тягость и потому прошу тебя о следующем. Для того, чтобы я был у м н и ц а, н е х а н д р и л и н е к у р а л е с и л, нужно соблюдение следующих условий: 1) Можешь ли ты поместить меня так, чтобы, живя у тебя, я мог сколько угодно быть о д и н, у с е б я, в случае если я почувствую потребность никого не видеть? [...] Флигель слишком близок к дому, к детям, которых я обожаю, но которые все-таки могут нарушать мое одиночество. Есть минуты, когда даже такое божественное существо, как В о л о д я, своим присутствием может причинить мне раздражение. Ты видишь, что я выражаюсь очень откровенно. Всех Вас я обожаю, я был бы счастлив, б е з у с л о в н о с ч а с т л и в, если б мог жить целую жизнь с Вами, рядом с Вами, облагораживая и возвышая себя через соприкосновение с людьми, которых я считаю лучшими в мире. И тем не менее мне для спокойствия и во избежание припадков болезненной раздражительности необходимо быть всегда свободным, если захочу укрыться абсолютно о т в с е х.

2) Нельзя ли отдалить меня и совершенно обеспечить от музыкальных каких бы то ни было звуков днем, когда я буду заниматься? Опять скажу, что я питаю самую горячую любовь К Тане, к Вере, к Тасе, но если во время работы я услышу их гаммы и этюды, то мгновенно почту их за злейших моих врагов. Конечно, эта враждебность, мгновенно явившаяся, мгновенно и исчезнет, — но она оставит за собой на весь день состояние неудовольствия и разраженности.

3) Нельзя ли мне добыть на время хотя бы самый паршивый инструмент? Это не необходимо, но это очень важно, ибо без работы

[Конец не сохранился.]

335. А. И. Чайковскому

1878 г. февраля 13—14. Флоренция.

Флоренция,
13/25 февраля 1878 г.

Вчера после моего письма я тотчас же получил твое, но отвечаю только сегодня, так как мне пришлось вечером написать несколько писем и я устал, а мне хочется поговорить несколько подробнее по поводу признания, которое ты мне сделал. Мне очень, очень грустно, Толя, что ты так хандришь. Утешать тебя я не буду, ибо ты не без основания говоришь, что в сущности жаловаться нечего. Но, пользуясь привилегиею своей относительной старости, могу тебе дать несколько советов. Все то, что ты испытываешь, мне очень, очень знакомо. По-моему, имеются две причины твоей хандре: 1) нервность, вследствие которой часто тоска нападает без всякой причины, и 2) болезненное самолюбие. Вторая причина, конечно, важнее первой, ибо она-то, приводя тебя в состояние раздражения, действует дурно на нервы. Вот об этом-то я и хочу с тобой поговорить. В сущности то, что ты испытываешь, составляет явление самое обыкновенное. Я не знаю ни одного человека из моих знакомых, т. е. из тех, которые одарены умом и вообще более тонкой организацией, которые бы не терзались тем самым недовольством, той самою неудовлетворенностью стремлений, которая составляет твою болезнь. Все они считали себя призванными на что-то очень необыкновенное и оказались или совсем неудавшимися, или хотя и вполне удавшимися, как ты, но не достигшими той высоты, на которую рассчитывали. Я не буду входить в рассмотрение того вопроса, на сколько ты имел право считать себя человеком выходящим из ряда, ибо я не знаю, на что ты надеялся. С моей точки зрения, ты удался вполне. Я никогда не питал особенного желания, чтоб из тебя вышел гениальный ученый юрист или вообще великий человек. Я тебя любил и люблю так, как ты есть. Я всегда считал тебя умным, добрым, благородным, симпатичным и д е л ь н ы м человеком, т. е. таким, который пробьет себе хорошую дорогу, составит себе независимое положение, будет всеми любим. Все это исполнилось, и твои успехи как на службе, так и в обществе не подлежат никакому сомнению. Если ты говоришь, что твоя амбиция состоит только в том, чтоб ты был талантливым прокурором, то ведь это вполне сбылось. Про тебя именно все говорят, что ты талантливый прокурор, и никто в этом не сомневается. Что ты умен и необыкновенно симпатичен,— это тоже признано всеми. Что ты тонкая и благородная натура, что ты принадлежишь к числу

избранных, т. е. имеющих способность высшего понимания, это факт, не подлежащий спору. Вообще ты одна из тех редких личностей, которые вселяют всем неотразимую симпатию. Если для тебя всего этого мало,—ты не вполне искренен, когда говоришь, что только того и хочешь, чтобы быть хорошим прокурором. Впрочем, повторяю, что я не хочу входить в подробности относительно того, есть или нет в тебе задатки великой будущности. Ты знаешь, что великий человек никогда не бывает велик для своей кухарки. Это положение можно расширить, т. е. сказать, что великий человек не кажется великим для своего брата. Я тебе говорю совершенно откровенно, что я тебя всегда считал обаятельно симпатичным человеком, т. е. таким, в котором все качества составляют нечто гармоническое и цельное. Мне кажется, что секрет симпатичности кроется именно в этой гармоничности, когда ни одно качество не развито в ущерб другому. Итак, чтоб покончить с этим, скажу, что я рассчитывал для тебя на блестящую и завидную будущность и что в моих глазах ты очень последовательно идешь к той цели, которую я в своих мыслях для тебя назначил. Если ты не поддашься своей хандре и не падешь духом, то я убежден, что ты достигнешь очень высокого положения в обществе, ибо именно у тебя есть все данные для блестящей карьеры и для счастливой жизни. Так как я не замечал в тебе какой-нибудь преобладающей способности (как, например, у меня к музыке), то полагал, что ты пойдешь по широкой общей стезе и что на этой стезе, благодаря вышеупомянутой гармонической цельности твоей чудной натуры, ты займешь не последнее место. Весьма может быть, что я ошибаюсь, т. е. что ты имеешь основание считать себя неудавшимся, но я тебе пишу откровенно, что думаю, ибо надеюсь, что от этого произойдет польза.

Вот что я хотел тебе объяснить. Нет ничего бесплоднее, как те страдания, которые причиняет неумеренное самолюбие. Я это говорю потому, что сам вечно страдал тем же и тоже никогда не был доволен теми результатами, которых достиг. Ты, может быть, скажешь, что так как обо мне пишут в газетах, то я знаменит и должен быть счастлив и доволен. А, между тем мне этого мало. [...] Я хотел быть не только первым композитором в России, но и в целом мире; я хотел быть не только композитором, но и первоклассным капельмейстером; я хотел быть необыкновенно умным и колоссально знающим человеком; я также хотел быть изящным и светским и уметь блистать в салонах; мало ли чего я хотел. Только мало-по-малу, ценой целого ряда невыносимых

страданий, я дошел до сознания своей настоящей цены. Вот от этих-то страданий я и хотел бы уберечь тебя. Мне смешно вспомнить, например, до чего я мучился, что не могу попасть в высшее общество и быть светским человеком! Никто не знает, сколько из-за этой пустяковины я страдал и сколько я боролся, чтоб победить свою невероятную застенчивость, дошедшую одно время до того, что я терял за два дня сон и аппетит, когда у меня в виду был обед у Давыдовых!!! А сколько тайных мук я вынес прежде, чем убедился, что совершенно неспособен быть капельмейстером! Сколько времени нужно было мне, чтоб придти к убеждению, что я принадлежу к категории неглупых людей, а не к тем, ум которых имеет какие-нибудь особо выдающиеся стороны! Сколько лет мне нужно было, дабы понять, что даже как композитор — я просто талантливый человек, а не исключительное явление.

Только теперь, особенно после истории с женитьбой, я наконец начинаю понимать, что ничего нет бесплоднее, как хотеть быть не тем, чем я есть по своей природе.

Между тем жизнь коротка, и мудрый человек, вместо того, чтобы хандрить, мучиться от неудовлетворенного самолюбия, терять время на бесплодные сожаления о неисполнившихся мечтаниях, должен наслаждаться жизнью. И знаешь, Толя! Я даже рад, что ты не имеешь какого-нибудь особенного художественного дарования, указывающего на исключительный путь. Всякий такой человек встречает на каждом шагу тьму препятствий, интриг, дух партий, непризнанность, соперничество и т. д. Между тем, идя по общей стезе, т. е. просто добиваясь посредством службы независимого положения, можно устроить себе отличную жизнь. Самолюбию нужно давать волю как-раз настолько, чтобы оно служило стимулом к восходящему движению карьеры, и добросовестно исполнять свое дело, отдавая ему столько сил и времени, сколько нужно, чтобы дело делалось. В тебе от природы есть эта добросовестность, и она служит ручательством, что ты никогда не запустишь себя до компрометирования своего положения. Не следует смущаться, что другие, менее достойные и менее способные, идут быстрее. Если я в музыкальной сфере примирился с тем, что люди, менее меня способные, достигли гораздо больше славы и лучших средств, то в сфере службы тебе непременно следует примириться с этими несправедливостями рока, ибо в службе личные отношения и случай играют бóльшую роль, чем где-либо.

Я все боюсь, что в пылу своего усердия принести тебе пользу, неясно выражаю свою мысль. Из твоего письма я

вижу, что ты постоянно переходишь от веры в свои необычайные силы к упадку духа и непризнаванию должной цены себе. Я тебе хочу указать середину между тем и другим. Ты une nature supérieure*, без одной какой-либо выдающейся способности. Поэтому ты имеешь право с высоты смотреть на жизнь, на неизбежность частого торжества бездарности и пошлости и, примирившись с этим, вести жизнь спокойного созерцателя.

Если ты, например, начнешь читать больше, чем читал до сих пор, — сколько наслаждений ты себе доставишь! Чтение есть одно из величайших блаженств, когда оно сопровождается спокойствием в душе и не делается урывками, а постоянно. Искусство даст тоже много приятных минут. Наконец, при твоей способности всем нравиться, и общество украсит твою жизнь, если ты опять-таки не поддашься болезненному самолюбию и не захочешь блистать во что бы то ни стало больше всех. Общество приятно тогда, когда входишь в него не с целью затмить всех своей бонтонностью, своим умом и т. д., а для того, чтобы наблюдать и изучать людей, оставив в стороне амбицию. Впрочем, насколько я тебя знаю, у тебя бездна такта, естественности, простоты и врожденной комильфотности, так что не мне учить тебя, как пользоваться обществом.

Кончаю, буду продолжать завтра.

Флоренция, 14/26.

Я собирался сегодня продолжать мои наставления и хотел подробно поговорить насчет одной важной стороны твоей жизни или, лучше, твоего недовольства жизнью. Я хотел распространиться о том, что я замечал в тебе стремление к начитанности и приобретению всякого рода сведений. Между тем я замечал, что причина этого стремления заключается в тебе не в силу непосредственного желания знать, а в силу того, чтобы кичиться своими знаниями или превзойти того или другого из твоих знакомых по части образованности. Между тем чтение только тогда наслаждение, когда оно само по себе цель, а не средство достижения посторонних, основанных на ложном самолюбии целей. Да! я хотел распространиться об этом и о многом другом, как вдруг получил твое письмо в форме дневника, из которого вижу совершенно ясно, что ты просто влюблен. Я рад этому, хотя мне и жалко было читать, что любовь отнимает у тебя сон. Рад потому, что

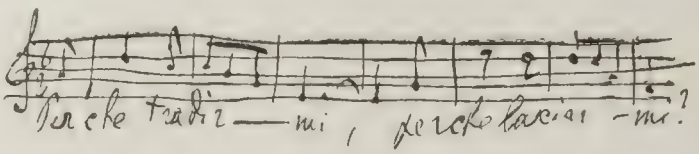
* выдающаяся натура

любовь наполнит твою жизнь и потом мне кажется, что Панаева не может не влюбиться в тебя, и я предвижу, что выйдет из всего этого что-нибудь хорошее.

Как мне приятно было читать твой дневник! Мне кажется, что это лучшая форма для переписки. Это первое твое письмо, из которого я мог получить ясное понятие о том, как ты живешь. Я так живо представляю себе тебя и в концерте, и у Палкина, и дома во время бессонницы! Я читал твой дневник, как самый прелестный роман.

Однакож следует и мне за свой приняться.

Третьего дня (воскресенье) мы ездили кататься за город и совершили приятную прогулку. Между прочим, очень поэтическое воспоминание оставил во мне монастырь des chartreux *. Вечером я ходил по набережной в тщетной надежде услышать где-нибудь знакомый чудный голосок:



Встретить и еще раз услышать пение этого божественного мальчика сделалось целью моей жизни во Флоренции. Куда он исчез?

Вчера утром написал пьесу для фортепиано. Я положил себе каждый день писать по пьесе [1]. После завтрака ходили в Palazzo Pitti. Вечером я опять ходил до усталости по набережной, все в надежде увидеть моего милого мальчика. Вдруг вижу вдали сборище, пение, сердце забилось, бегу, и, о разочарование! Пел какой-то усатый человек и тоже хорошо, но можно ли сравнивать? [...]

Весь вечер мы говорили с Модестом про тебя. Он мне прочел несколько глав из своего дневника, писанного осенью. Поразительно, до чего его недовольство собой сходно с твоим. Он точно так же, как и ты, падает иногда духом, считает себя мелкой душонкой и т. д.

В сущности же я тебе скажу, что ты и Модест составляете самую пленительную красу человечества и что ничего лучшего, ничего более отрадного нет в моей жизни, как вы оба, каждый в своем роде. Даже самые недостатки ваши симпатичны.

---

* картезианский монастырь

Пожалуйста, дорогой мой, воспрянь духом, не бойся сравнения ни с кем. Примирись с тем, что есть люди более умные и более талантливые, чем ты,— но проникнись убеждением, что у тебя есть та г а р м о н и я, о которой я вчера писал, и эта гармония ставит тебя безгранично выше большинства людей. Ну, что толку в том, что Л а р о ш умнее нас с тобой? Что толку в том, что Апухтин остроумнее нас с тобой? Я бы бросился в реку или застрелился бы, если б Ларош и Апухтин вдруг сделались моими братьями, а ты — приятелем!

Если П а н а е в а тебя полюбит, я напишу ей целый цикл романсов, вообще сделаюсь ее благодарным рабом [2].

Посылаю тебе это письмо не в очередь. Не хочу ждать до завтра. Карточка твоя была покрыта поцелуями. Завтра я отошлю ее к Надежде Филаретовне.

Твой П. Чайковский.

Обнимаю тебя до удушения.

336. А. И. Чайковскому

1878 г. февраля 18. Флоренция.

Флоренция.

В то самое время, когда ты начал радовать меня своим дневником, я начинаю быть неаккуратным. Сегодня суббота, а я с вторника не писал тебе ни разу. Но все-таки я выдержу характером и опишу задними числами все, что было. [...]

Четверг.
16/28 февраля.

Ничего особенного. После завтрака приятная прогулка в Кашино. Ты бы не узнал теперь Кашино. Какое оно стало прелестное — просто чудо. Деревья начинают зеленеть, птички поют без умолку. Есть чудесные одинокие тенистые аллеи. Вечером был в народном театре и наслаждался вполне. Представь себе самую раздирающую драму, исполненную самыми наивными и усердными актерами, в которой, впрочем, несмотря на все ужасы, огромную роль играет п о л и ш и н е л ь. Словом, самое курьезное сочетание мелодрамы совершенно невероятной с арлекинадой [1]. Публика приходила в неистовый восторг. Дешевизна совершенно непонятная. У нас была великолепная ложа почти на самой сцене, и это еще усугубляло удовольствие. Ложа стоила четыре франка. Модест пришел к самому концу.

Пятница,
17 февраля/1 марта.

Тоже ничего особенного. Получил письмо от M-me Мекк, которая в восторге от моей симфонии. Какая она милая. Как тепло и нежно ее письмо. Заметь, что из моих московских друзей никто и ничего мне покамест не пишет о симфонии [2]. После обеда шлялся в надежде встретить [...], но неудачно. Зато мне предстояла другая радость. На Lung'Arno я наткнулся на уличных певцов и прямо обратился к ним с вопросом не знают ли они нашего мальчика. Оказалось: знают, и дали слово, что сегодня вечером он будет на Lung'Arno в девять часов. [...]

Суббота,
18 февраля/2 марта 1878 г.

Спал неважно. Утром осматривали церковь Santa-Croce, где похоронены Макиавели, Микель Анджело и т. д. Только что вернулся с огромной прогулки в S. Miniato. Ходил один. Оттуда восхитительный вид на всю Флоренцию. Не знаю почему, я сегодня не в духе. Полагаю, что желудок не в порядке: иначе не могу объяснить свою хандру и раздражительность. Это иногда бывает со мной. В сумме же мне очень хорошо.

Через неделю, никак не позже, мы уезжаем в Швейцарию. Я бы охотно остался еще здесь, но деньги плывут, как вода, и приходится поспешно отступать. Итак, отныне мой адрес: Clarens, Villa Richelieu. Вот где на каждом шагу буду вспоминать тебя.

Как твои дела с Панаевой? Я беспокоюсь о тебе.

Целую.

П. Чайковский.

Меня очень огорчила смерть Шумского. Маша Головина в чахотке. Она писала мне, но не знает, что у нее чахотка.

337. А. И. Чайковскому

1878 г. февраля 22. Флоренция. Флоренция.

Опять пишу задними числами. Прости! Много было впечатлений в продолжение последних дней. Я ж и л, а не прозябал. Был ли я счастлив? Это другой вопрос. Но жил усиленно.

48—1

Суббота,
18 февраля/2 марта 1878 г.

Вечером мне предстояло [...] и 2) встреча с певцом-мальчиком. Надежда увидеть последнего была так приятна, что превозмогла первую. Я отделался [...] не без труда и весь отдался предстоящему впечатлению от пения нашего милого мальчика. Ровно в девять часов я подошел к мосту, где должен был меня ожидать человек, обещавший найти его. И этот человек был тут, и какая-то толпа других мужчин с любопытством ожидала меня, и центром всего этого был наш мальчик. Прежде всего я заметил, что он немножко вырос и что он к р а с и в, тогда как мне с тобой показалось тогда, что он невзрачен. Так как толпа все увеличивалась и место людное, то я направился подальше по направлению к Кашино. Дорогой я изъявил сомнение, что это не он. «Вы услышите, когда я запою, что это я был. Вы мне тогда дали серебряный полфранка!» Все это говорилось чудным голосом и проникало до глубины души. Но что со мной сделалось, когда он запел? Описать этого невозможно. Я думаю, что ты не сильнее наслаждаешься, когда слушаешь пение Панаевой! Я плакал, изнывал, таял от восторга. Кроме известной тебе песни, он спел еще две новых, из которых одна, P i m p i n e l l a,— прелестная. Я вознаградил щедро и его и аколитов* его. Дорогой к дому встретил Модеста и очень сожалел, что это было без него. Впрочем, в понедельник утром мы имели в виду услышать его снова. Начиная с этого вечера, я весь проникнут одним чувством. [...]

Воскресенье, 19/3.

Ничего особенного. Я был не совсем здоров вследствие дурно проведенной ночи. Вечером мы ходили с Модей в маскарад в главном театре P e r g o l a. Я ожидал увидеть кипучее и буйное веселье. Ничуть не бывало. Очень мало народу, скверные костюмы, совершенное отсутствие дам, так что мужчины танцовали друг с другом. [...]

Понедельник, 20/4.

О н явился в двенадцать часов в к о с т ю м е по случаю последних дней карнавала, в сопровождении двух усатых аколитов, тоже в костюмах. Только тут я рассмотрел его. Он положительно к р а с а в е ц с невыразимо симпатичным взглядом и улыбкой. Слушать его на улице лучше, чем в комнате. Он стеснялся, не давал полного голоса. Я записал все

---

* приспешников *(фр.)*

его песни[1]. Потом водил его сниматься. Карточки его будут готовы уже после нашего отъезда; одну из них я пошлю тебе.

Вторник, 21/5.

[...] Вечер был свободный, и мы провели его с Модестом в театре, где давали карнавальную пьесу с Арлекином, Коломбиной и т. д. Довольно забавно.

Среда, 22/6

Утром получил письмо от Саши, очень меня тронувшее. Ходил осматривать Museo Nazionale, очень интересный; завтракали с Модей и Колей в нашем ресторане, помнишь (Gille e Leta). Гулял в Cascino один, был очень далеко, сорвал несколько фиалок, которые вкладываю в это письмо. После обеда он придет и будет петь. Я заранее наслаждаюсь. Завтра вечером едем прямо в Женеву, к большому огорчению Модеста, которому Флоренция нравится. Но оставаться более нельзя. Деньги текут, как вода.

Толичка, потрудись получить деньги за «Вакулу» и пошли их Антонине Ивановне.

[Подписи нет]

338. А. И. Чайковскому

Кларан,
25 февраля/9 марта 1878 г.
22 февраля. Среда.

Опять пишу задними числами.

Витторио (мой певец) приходил с больным горлом и петь не мог. Это меня очень огорчило.

23 февраля. Четверг.

Грустно было готовиться к отъезду. В сумме, Флоренция сделалась моим любимым из всех заграничных городов. Уехали в восемь часов вечера, простившись очень трогательно со всеми. Колю все ужасно полюбили. Ехали очень удобно, одни. Утром были в Турине. Коля спал плохо и мешал спать другим. Кстати о Коле. Не могу себе представить, как я буду жить без него. Я до того привязался к нему, до того люблю его, что наверное ни отец, ни мать так его не любят. Чем больше его знаешь, тем больше ценишь его. Я не видал и никогда не встречал более чистого душою, доброго и любящего ребенка. Болтовня его сделалась для меня необходимым условием жизни. Трудно мне будет расстаться с ним.

24 февраля. Пятница.

Путь совершен удобно и приятно. В семь часов вечера приехали в Женеву и остановились в Hôtel de Russie. Ходили все брать ванну и пили чай. Спал я отвратительно, как все последние дни.

25 февраля. Суббота.

Походили по Женеве. Ты не можешь себе представить, до чего Женева кажется скучна, пошла, прозаична после Флоренции, которая в последние дни, благодаря дивной весенней погоде, сделалась каким-то фантастически прекрасным городом. А Витторио? Один он сколько прелести придавал ей!

На каждом шагу вспоминал тебя, и воспоминание это было как-то жутко и сладко. Подъезжая к Кларансу (мы выехали в два часа), я ужасно волновался. Были встречены чрезвычайно радушно милой M-me Манор и Marie. Я буду жить в нашем салоне; наша спальня будет Алешиной комнатой. Модест с Колей поместились внизу, где балкон, на котором мы, помнишь, смотрели на заходящее солнце! Кажется, тут же жили Беренсы!

Не могу тебе описать странного смешения чувств, которые я испытываю в эту минуту. Ужасно жутко и грустно вспоминать о тебе, переживать некоторые тяжелые минуты. Вместе с тем приятно вспоминать покойные, тихие дни после бури. А главное, такое наслаждение думать, что все это прошло и не возвратится, что трагедия обратилась в комедию и такую глупую, неправдоподобную, что, кажется, как будто это был просто сон...

На-днях я тебе напишу подробно по поводу одного предложения Надежды Филаретовны. Она предлагает мне десять тысяч для уплаты Антонине Ивановне вперед на несколько лет пенсии. Я устал сегодня и не могу изложить подробно своего мнения, — но во всяком случае помимо тебя я ничего не решу. Но какова эта Надежда Филаретовна? Слыхал ли ты о чем-нибудь подобном?

Крепко, нежно целую тебя.

Твой П. Чайковский.

339. А. И. Чайковскому

Clarens,
26 февраля/10 марта 1878 г.

Толичка!

Напиши Антонине Ивановне следующее письмо. Я должен ей заплатить две тысячи пятьсот и обязался платить сто рублей в месяц пенсии. Пенсия эта очень непрочна, т. е. прочность ее

зависит от моей жизни, а жизнь моя есть вопрос. Я могу умереть скоро, и тогда она лишится пенсии. Не найдет ли она более выгодным получить от меня капитал в десять тысяч, который погасит мой долг и заменит ей пенсию. Скажи, что я готов ей дать десять тысяч (скажи, что ты их достал мне от Левы, от Давыдовых или от кого бы то ни было), но только с тем, чтобы она дала мне формальный развод. Надежда Филаретовна предлагает мне эти десять тысяч, чтоб я потребовал или развода, или уплатил ей пенсию за много лет вперед. На последнее я ни в каком случае не согласен, ибо она получит деньги и все-таки будет приставать ко мне. Итак, пусть даст развод, и при подписании его она получит десять тысяч. Таким образом, она купит себе свободу и обеспеченный кусок хлеба, тогда как пенсия моя не есть обеспечение, ибо я смертен.

Держи все это в абсолютной тайне и отвечай мне скорее хоть коротко: как твое мнение? Ах, как было бы хорошо, если б я мог добиться развода. Если для этого необходимо мое присутствие в Москве, то ведь я могу приехать из Каменки летом. Если ты найдешь нужным съездить в Москву для этого дела, то возьми мои сто рублей из театра. А впрочем, как я неделикатен! Извини, голубчик. Лезу к тебе с своими пасквильными делишками, когда тебе не до меня. Знаю твой ответ на это; знаю, что ты меня любишь, а все-таки влюбленному человеку нет никакой охоты путаться в дрязги с Антониной Ивановной.

Как твои дела? Давно не имею от тебя известий. Скучаю без них. Как здесь каждый шаг мне напоминает тебя!

В table d'hôt'e, к сожалению, мы не одни. Приходилось сегодня за обедом и за ужином занимать разговором каких-то двух очень загадочных дам, которые понимают русский язык, но на вопрос мой, русские ли оне, отвечают нет и при этом как-то переглядываются и ломаются. Едят ножом, но одеты богато. Не понимаю, что такое. Как здесь холодно после Флоренции! Совсем зима. Но зато горы необычайно красивы в снегу. Погода серенькая; как-то жутко и грустно на душе после ослепительного блеска Флоренции. Но зато как здесь тихо; как чудно хороши наши комнаты, какой вкусный обед, какая милая Marie! Кстати, она называет тебя M-r Anatole, беспрестанно говорит о тебе и велела тебе кланяться. Чудная девушка! Модя хотя и скрывает от меня, но видимо тоскует по Флоренции, где он катался, как сыр в масле.

Прощай, мой голубчик. Целую тебя в губки, шейку и носик.

Твой П. Чайковский.

Если ты найдешь возможным получить мои деньги из театра и назначить их Антонине Ивановне, то пошли их Юргенсону.

340. А. И. Давыдовой

Clarens,
28 февраля/12 марта 1878 г.

Мы уже несколько дней в Кларансе, дорогая моя! Очень трудно было расстаться с Флоренцией, где так много всякого рода красот, где Модест, большой любитель художеств, катался, как сыр в масле, где так тепло, весело. Но, несмотря на все экономничанье, жить там долго оказалось совершенно не по карману, и мы поспешили сюда. Здесь застали отвратительную погоду, которая держится очень упорно. Я подъезжал к Кларану с большим волнением. Живо вспомнился Толя и вообще те три недели, которые я с ним провел здесь. Как это кажется давно и далеко! Как все это дико и странно! Точно какой-то тяжелый сон с кошмарами.

Однакож лучше не вспоминать про весь этот вздор. Возвращаюсь к настоящему. Мы устроились и очень хорошо и очень дешево. Модя во Флоренции немножко запустил Колю и теперь принялся с большим усердием за занятия. Я тоже занимаюсь. Вообще общество Модеста вместе с Колей до того вполне удовлетворяет меня, что с ними я бы мог без скуки пожить, если б еще хоть целый месяц дождь шел не переставая, как теперь.

Я очень привязался к Коле и не знаю, как расстанусь с ним и Модей. Этот месяц мы проживем здесь, и в начале апреля я надеюсь выехать отсюда вместе с ними к Вам. Благодарю тебя, мой Ангел, за милое приглашение. Ты совершенно напрасно в чем-то извиняешься передо мной; у меня и в голове никогда не было в чем бы то ни было обвинять тебя. Уж если искать виновника всему, то, конечно, придется мне всецело принять на себя вину всей дикой комедии, которая разыгралась нынешнею осенью и в которой ты, как везде и всегда, играла роль бесконечно доброй и нежной женщины. Если твое теплое сердце увлекло тебя до небольшого заблуждения, то уж я никак не могу претендовать на это, особенно теперь, когда все кончилось. В сущности же я тебе неизмеримо обязан, и ты оказала мне огромную услугу, которую я очень ценю и понимаю. Сердце сжимается у меня при мысли об Анне и о том, что ты вытерпела, расставаясь с ней. Я утешаю себя надеждой, что летом она приедет, а до лета недалеко. Получил ли Лева мое письмо с различными просьбами? Я имел в виду,

что вы проживете лето в Каменке, и известие, что Вы переедете в Вербовку, ужасно радует меня. Получил вчера от Толи письмо, очень обеспокоившее меня. Он влюблен не на шутку, очень нервен, и я боюсь, чтоб он не разболелся.

Адрес: Suisse, Clarens, Villa Richelieu.

Через месяца полтора я буду с Вами и надеюсь провести уже святую неделю в Каменке. А до тех пор напишу и уведомлю о выезде. Крепко целую тебя, милая моя Сашура, и всех Вас.

Твой П. Чайковский.

Модя целует.

341. А. И. Чайковскому

1878 г. февраля 27 — марта 1. Кларан.

Clarens,
27 февраля/11 марта.
Понедельник.

Погода отвратительная. Дождь не перестает лить и в комнатах холодно. Никакой прогулки нельзя сделать. Мы очень заинтригованы двумя дамами, которые с нами. Они русские, беспрестанно говорят про Россию и с любовью о ней вспоминают, но по-русски или не говорят, или не хотят говорить. Манеры у них очень странные; одеты богато, но едят с ножа. Насколько я недоволен погодой, настолько я нахожу идеальным пансион Маиоров. Каждый раз, как я вхожу в свою комнатку, то прихожу в восторг от ее уютности, от комфортабельности мебели, от чудных окошечек, которые тебе сначала не понравились. Еда превосходная. Модест также восхищается вкусным обедом, как и мы с тобой. Словом, из всех отелей и пансионов, в которых мне пришлось когда-либо жить заграницей, более всего мне нравится этот.

Получил сегодня твое письмо, которое очень расстроило меня. Я чувствую, что ты переживаешь теперь трудный кризис, и хотя совершенно уверен, что все кончится хорошо, но все же беспокоюсь о твоем здоровье и о твоих любовных терзаниях. А главное, я, ей богу, не знаю, следует ли мне желать, чтоб ты женился на *** [1] или нет!! Многое есть за и многое против. Как бы то ни было, но прошу тебя беречь себя, а в случае неудачи не падать духом и помнить, что всякое несчастье твое будет в то же время несчастьем и для меня, и если ты хочешь, чтоб я был покоен и здоров, то будь и ты покоен и здоров. Твое состояние, твое нервное расстройство составляют теперь единственное облако в моей жизни. Я совершенно здоров, совершенно был бы счастлив, если б не беспокойство о тебе. Ах, Толя, как мне теперь кажется смешна

вся трагедия, разыгравшаяся нынешней осенью! Как это было дико и глупо! Но если трагедия оказалась теперь лишь водевилем, то это благодаря тебе, именно т е б е, да еще Надежде Филаретовне. Господи, сколько я должен быть благодарен этой чудной женщине и как я боюсь п р и в ы к н у т ь начать смотреть как на нечто должное мне на все, что она для меня делает. Никогда, никогда я не в состоянии буду д о к а з а т ь искренность моей благодарности. Я теперь уж стал затрудняться писать ей. В сущности, все мои письма к ней должны бы были быть благодарственными гимнами, а между тем нельзя же вечно изобретать новые фразы для выражения благодарности?

Вторник. 28 февраля/12 марта.

Телеграфировал Котику, что он может выехать и что я буду рад его видеть. Дождь продолжает лить, гулять нет никакой возможности. И, несмотря на это, я нисколько не скучаю и не могу не нарадоваться на здешнюю тишину, чистоту, удобство. Если тебя интересуют подробности, то могу тебе сообщить, что вместо Л у и з ы теперь другая девушка, гораздо глупее и хуже ее. Ф р и ц а тоже нет. Он что-то нашалил и был изгнан со скандалом. Но Marie, прелестная, милая Marie, продолжает восхищать меня, и Модя с первого раза влюбился в нее, так же как и я. Как дешево здесь! Несмотря на то, что Модесту с Колей отвели лучшие комнаты во всем доме, несмотря на то, что я потребовал утром к чаю одно мясное блюдо, M-me Маиор берет с нас за всех четырех двадцать семь франков. Это выходит на одиннадцать франков дешевле, чем в Сан-Ремо, где мы имели безобразное помещение и бездну неудобств. Фортепиано у меня очень хорошее, и я написал сегодня пьеску. Абонировался в библиотеке и нашел несколько хороших русских книг.

Среда, 1/13 марта 1878 г.

Получил телеграмму от Котика. Он завтра будет здесь. Я очень буду рад его видеть. Сегодня целый день шел густой снег, и в эту минуту не только горы, но вся местность покрыта густым слоем снега. Утром сочинял. Ходили немножко гулять, несмотря на снег. К нашим двум дамам приехал гостить какой-то француз, — должно быть их любовник. Я продолжаю наслаждаться своим пребыванием здесь. Т е б я вспоминаю на каждом шагу. Посылаю тебе карточку певца-мальчика, который пел P e r c h e l a s c i a r m i. Скажи мне, как ты найдешь его лицо. По-моему, в его лице есть признаки г е н и а л ь н о с т и.

Нежно целую. Твой П. Чайковский.

342. А. И. Чайковскому

1878 г. марта 2—4. Кларан

[Clarens]
3/15 марта 1878 г.
Пятница.

Опять неистовый холод. После утренней прогулки я до обеда писал. Я работаю над сонатой для фортепиано (не говори об этом)[1]. Работал неудачно, неуспешно. После обеда ходили на Righi Vaudois. Господи, как мне каждый уголок этой дороги живо напоминал тебя! Будь я один, я бы тотчас впал в меланхолию. К счастью, в таком большом и приятном обществе воспоминание о тебе не отравляло, а сообщало особенную прелесть прогулке. Кстати об обществе. Я не могу себе представить, как я перенесу разлуку с Колей. С каждым днем, с каждым часом моя любовь к нему усиливается. Никогда я не любил так глубоко и нежно ни одного ребенка.

На возвратном пути мы испытали очень неприятные минуты. Вздумали возвращаться не по большой дороге, а по какой-то тропинке, очень крутой, и попали в такое место, что ни вперед, ни назад. Я боялся главнейшим образом за Колю. Одна минута была ужасная. Я упал и начал катиться по склизкому склону, грозившему падением с большой высоты, а Колю держал за руку. Кое как удержался, но потрясенье было очень сильное.

Вечером до ужина и после ужина музицировали. Котек навез много нот, и ожидается еще целая масса четырехручных аранжировок из Берлина. Мне очень понравилась Symphonie espagnole Lalo[2]. После чая играли мою Четвертую симфонию, которую Модя еще никогда не слыхал.

4/16 марта 1878 г.
Суббота.

Хорошо спал. Гуляли. Занимался опять без увлеченья, насилуя себя. Не знаю и никак не могу постичь, почему, несмотря на столько благоприятных условий, я не расположен к работе. Выдохся я, что ли? Приходится выжимать из себя жиденькие и дрянненькие мысленки и за каждым тактом задумываться. Но я добьюсь своего и надеюсь, что вдохновенье осенит снова. За обедом вспоминал тебя. Был бульи с хреном. Нас кормят так же вкусно, как и при тебе. Как надоело мне общество наших таинственных дам! Нужно все время говорить и говорить по-французски. К счастью, их гость — жантильом, человек довольно интересный и бывалый. Ходили гулять в Châtelet и в Crêtes. Опять ты на каждом шагу. После прогулки я получил два очаровательных письма: одно

от Надежды Филаретовны, другое от тебя. Твое письмо я просто пожирал, до того оно интересно! Ты не поверишь, до чего мне нравится эта форма писем. Теперь я знаю все, что ты делаешь; живо представляю себе тебя в различных сферах, где тебе приходится действовать, и это мне в высшей степени приятно. Продолжаю беспокоиться насчет Александры Валерьяновны. Боюсь, чтоб, встретив препятствие, ты не начал сильно падать духом. Мне очень странно, что ты все еще мучишься мыслью о своей моложавости. Я считаю это благоприятным обстоятельством. M-me Мекк в совершенном восторге от твоей карточки.

Брали ванну, и опять я вспоминал тебя. Много музицировали. Сейчас пойду спать. Целую тебя с невыразимой нежностью.

Твой П. Чайковский.

Толичка! Мне ужасно жаль [[...]] *, что с ним? Работает ли он? Жду с нетерпением твоего ответа по поводу десяти тысяч и Антонины Ивановны! Бедненький! Не до того тебе!

В одном месте письма ты спрашиваешь: не слишком ли подробно? Чем подробнее, тем лучше.

343. А. И. Чайковскому

1878 г. марта 5—8. Кларан.

5/17 марта 1878 г.
Воскресенье.

Погода несколько лучше. Я ходил с Котеком в Songier, где мы с тобой столько раз были и пили вино. Ходили мы по Gorge du Chauderon. Его узнать нельзя; в некоторых местах опасно итти. Громадные скалы в течение зимы падали, ломали перила, даже железные, и заваливали тропинку. На возвратном пути сидели на нашем с тобой любимом месте. Вечером играли и в четыре руки и со скрипкой.

6/18 марта 1878 г.
Понедельник.

Погода ужасная, гулять нет никакой возможности. Дождь и снег, чередуясь, делают прогулку мало желательной. Все утро сидел за скрипичным концертом, который начал вчера, и до такой степени увлекся, что бросил покамест сонату. Хочу воспользоваться присутствием Котека здесь. Это будет для меня новая и трудная работа, но зато и интересная[1]. Мы все больше и больше ознакамливаемся и дружимся с нашими дамами. Котек целый день не в духе — он получил неприятное письмо от отца. Котек часто заставляет меня призадумываться.

* Одно слово (фамилия) утрачено.

Я его очень люблю, — но уже иначе, чем прежде. Кроме того, в тайне души я не то что сержусь на него, но мне как-то неприятно, что он приучается жить на чужие деньги. Высказать этого ему я никогда не решусь, тем более, что ему и в самом деле нечего больше делать, как жить в Берлине; по крайней мере, перспектива ученья у Иоахима представляет цель для него. С другой стороны, я тронут его любовью ко мне, я ужасно ценю в нем доброе сердце, его простоту и наивность. Словом, во мне борятся относительно его разные чувства, вследствие которых хотя я и очень ласков, но уже нет прежнего. Он это замечает и высказывает мне; меня это злит, потому что я не могу сказать ему всю правду да и огорчать его не хочу. Словом, бывают минуты, когда я и на себя злюсь и на него злюсь, и результатом этого — будированье. Потом мне делается совестно, и я делаюсь преувеличенно нежен. Впрочем, не придавай этому значенья и не думай, что я тяготящусь им. Во-первых, мне очень приятно играть с ним, во-вторых, для моего скрипичного концерта он мне необходим, в-третьих, я его очень, очень люблю. Душа его самая добрая, нежная, и характер в высшей степени удобный и симпатичный.

7/19 марта 1878 г.
Вторник.

Опять все утро усиленно работал над концертом. Пожалуйста, не говори никому о том, что́ и как я пишу. Терпеть не могу, когда от меня чего-нибудь ждут. Получил от Юргенсона разные ноты и в том числе «Франческу». Кстати, играли в Петербурге «Франческу» или нет? Неужели играли и она прошла так же незаметно, как симфония моя в Москве? До сих пор еще ни один из московских приятелей не прислал мне ни единого сочувственного слова по поводу этой симфонии. А я-то, дурак, ожидал, что все будут тронуты, потрясены, восхищены! Получил сегодня же от Надежды Филаретовны книги. Я просил ее приискать мне тексты для романсов, а она вместо того наслала мне сборников стихотворений, да кстати «Русскую Старину» за этот год. Целый день шел снег, и было до того холодно, что я надевал шубу, сидя дома. Вечером играли с Котиком «Франческу». И он и Модест самым трогательным образом выражали свое удовольствие. Беспокоюсь о тебе. Здоров ли ты? Как твои дела?

8/20 марта 1878 г.
Среда.

Опять занимался и очень успешно. Концерт двигается — не особенно быстро, но двигается. После обеда совершили вели-

колепную прогулку в место, где мы с тобой не были. Погода сегодня лучше, т. е. сыро и грязно, но теплее, так что я гулял в одном сюртуке. Тряхнул стариной и исполнил с Модестом большое pas-de-deux, за которое удостоился громкого одобрения от зрителей, т. е. Котека и Коли. Мои произведения музыкальные, конечно, принимаются не с таким энтузиазмом, как мои пируэты.

Получили из Берлина массу нот в четыре руки и после прогулки играли очень много, в том числе опять «Франческу». В результате всех этих дней следующее: здоровье отлично, расположение духа превосходно. Одно только облачко — это ты! Ты меня очень беспокоишь, особенно когда долго писем нет. О будущем мало думаю. Каменка мне мало улыбается. Ох, как тяжело мне там будет, особенно когда уедет Модест с Колей. Но делать нечего. Все-таки ехать туда нужно.

Нежно целую.

Твой П. Чайковский.

344. А. И. Чайковскому

1878 г. марта 9—11. Кларан.

9/21 марта 1878 г.
Четверг.

Толичка! День так наполнен, что я только вечером нахожу возможность писать письма, а так как сегодня (я пишу в субботу) мне предстоит разом несколько писем, то буду тебе писать коротко. Прости. Погода чудная. После обеда ходили гулять в Веве по новой прелестной дороге. Возвратились по железной дороге. Играли в четыре руки и со скрипкой. За ужином ужасно хохотали. Мы очень подружились с нашими двумя дамами. Они оказываются презабавными.

10/22 марта 1878 г.
Пятница.

Был с утра немножко нездоров; у меня была ревматическая боль в ногах, значительно напугавшая, тем более, что и аппетита не было. Я сейчас вообразил, что начинается серьезная и опасная болезнь. После обеда Модест, Котек и Коля поехали кататься на лодке, а я пошел лечить свои ноги солнцем. Отправился в Montreux, сел около церкви на солнце и просидел довольно долго; возвратился домой новой дорогой, идущей высоко параллельно с нижней. Чудный день! Цветов масса, деревья зеленеют. Солнце помогло, и я пришел домой совершенно здоровый. Смотрел с нашего балкона на дивный заход солнца и глубоко наслаждался[1]. Вечером писал письмо к Надежде Филаретовне и читал Jacolliot, который сделался теперь моим любимым писателем[2].

Суббота, 11/23.

Погода опять ужасная. Дождь и снег идут без конца. Начал писать Andante скрипичного концерта[3].

[...] Теперь сообщу тебе мысль, которая мне пришла в голову. Очень мне хочется видеть тебя. Не найдешь ли ты возможным приехать на святую в Каменку? Подумай об этом, мой милый. Ты меня несказанно бы осчастливил этим. Отвечай мне на этот вопрос поскорее, а также и на следующий. Узнай, пожалуйста, у специалиста, сколько времени нужно для получения развода, трудно ли это, где мне нужно хлопотать об нем: в Питере или в Москве, не думаешь ли, что я должен все это покончить до моего возвращения окончательного в Москву к сентябрю? Что касается согласия Антонины Ивановны, то в нем я не сомневаюсь, ибо нужно быть уж совсем идиоткой, чтобы не ухватиться руками и ногами за это предложение. Жду с нетерпением твоего письма. В заключение прошу тебя опять: приезжай на святой в Каменку, если хочешь сделать меня счастливым.

Целую тебя.

П. Чайковский.

345. А. И. Давыдовой

Clarens,
14/26 марта 1878 г.

Сейчас получил письмо твое, дорогая моя, и спешу тебе ответить. Уже с неделю тому назад я писал тебе, и если письмо дошло, то ты должна уже теперь знать, что я ни в каком случае не изменю своего намерения прожить у Вас весну и лето. Мы уедем отсюда в начале апреля и на страстной неделе прибудем в Каменку. Предоставляю тебе и Леве распорядиться как угодно насчет моего жилища, и знай заранее, что, как бы меня ни поместили, я буду доволен. Я очень понимаю, что требования, которые я предъявил Леве, не особенно удобоисполнимы, и если хоть часть их возможна, то я буду вполне счастлив. Чем ближе я буду к Модесту и Коле, тем лучше, но, впрочем, и это не необходимо.

Мы здесь ужаснейшим образом мерзнем. Вот две с половиной недели, что мы здесь, и о весне до сих пор нет помину. С утра до вечера идет снег, и сегодня его выпала такая масса, что можно было бы кататься в санях. Это тем более досадно, что как нарочно зимой мы жили в климате летнем, а теперь приходится топить печи, носить калоши, сидеть сиднем дома. Однакож пожаловаться нельзя: я нисколько не скучаю, благодаря сообществу Модеста и Коли. День так полон, что не успеешь осмотреться, как и вечер наступил. Утром до обеда

занимаемся, после обеда по возможности гуляем, вечером писание писем, чтение, разговоры. Модест меня ужасно радует. Он стал усердно писать по вечерам свою п о в е с т ь (это секрет!), и теперь уже целая третья часть ее готова. Вчера он прочел мне всю эту готовую часть, и я приходил в восторг от правдивости, талантливости и живости рассказа и действующих лиц. Если б он все лето мог прожить со мной, то я ручаюсь, что к осени повесть была бы готова. Но, увы, придется расстаться. Толя пишет мне, что постарается приехать к страстной тоже к Вам. Его любовные дела идут, кажется, плохо; он очень хандрит, и ему чрезвычайно полезна будет эта поездка.

Что касается меня, то здоровье мое находится в самом превосходном состоянии, и если я не могу сказать, чтоб расположение духа было всегда хорошо, то все же хандра нападает редко и хороших минут больше, чем дурных. Трагикомедия, в которой я разыграл роль столь дикую и странную, теперь пришла к развязке. Я вышел из нее цел и невредим, с очень беспокойной цепью на шее, но жить все-таки можно.

Представь себе, что А н н а написала мне письмо, да какое милое, ласковое. Меня это ужасно тронуло. Я ей тотчас же ответил. Не скучать по ней ты, конечно, не можешь, но утешай себя мыслью, что пребывание в институте принесет ей пользу. Я в этом уверен. Целую тебя крепко, а также всех других, начиная с Левы.

Твой П. Чайковский.

Когда наш отъезд окончательно определится, я, конечно, дам знать.

346. А. И. Чайковскому

Clarens,
15/27 марта 1878 г.

Все эти дни очень небогаты фактами.

1) В о с к р е с е н ь е 12/24. Ходили гулять в Villeneuve. Модест встретил знакомую, M-me Каблукову.

2) П о н е д е л ь н и к 13/25. Получил письма от Надежды Филаретовны и от тебя. Твое письмо меня немножко взволновало. Собственно мне в нем не понравилось сообщаемое тобой поразительное известие, что [...] знает о моих отношениях к Надежде Филаретовне. Каким образом, — не могу понять. То, что ты пишешь о затруднениях в деле о разводе, меня нисколько не пугает. Я знаю, что нужно, чтобы я был уличен в прелюбодеянии, и совершенно готов прелюбодействовать, когда угодно. А что лучше, если Лева примет на себя иници-

ативу, в этом ты прав. Итак, подождем до Каменки. Я крепко надеюсь с тобой свидеться. Вообще меня несколько удивило, что ты как бы против развода, тогда как прежде ты был за. Погода целый день была самая ужасная, и снег пролежал весь день. Я продолжаю с большим увлечением работать над концертом.

Вторник 14/26 марта. Опять ужасная погода. Алеша ужасно заигрывает с Marie, а последняя в него влюблена. [...]

Ты как-то спросил меня об Алеше. Он во все время, предшествовавшее болезни, и во время болезни был совершенно невыносим. Откуда-то явилась в нем наглость, самоуверенность, даже дерзость. Отношения мои к нему совершенно переменились. Много было неприятных столкновений. Ему сильно доставалось и от меня и от Модеста. Начиная с Флоренции, он вдруг опомнился, и с тех пор им нельзя достаточно нахвалиться. Мы все, в том числе и Котек, совершенно очарованы его услужливостью, скромностью, учтивостью. Здесь и во Флоренции он служит предметом всеобщих ухаживаний со стороны хозяев и слуг. Я теперь с совершенною очевидностью понял, что виною всему были мои нежности. Я его слишком баловал. В виду чудовищной моей ласковости он вообразил, что он умнее и лучше всех людей на свете. Это была с моей стороны огромная ошибка. Теперь отношения сделались вполне нормальны. Я к нему настолько ласков, насколько вообще ласков с прислугой. Вообще я переменил о нем свое мненье. В наших с тобой спорах о нем ты был более прав. Я убедился, что он в сущности мало меня любит. С другой стороны, нельзя не признать в нем множества данных для превосходного слуги. И отныне он будет не что иное, как хороший слуга. Прежние пересоленные нежности не возвратятся никогда.

Среда 15/27. Погода очень холодная, но ясная; и то слава богу. По обычаю занимался. После обеда гулял один. Получил разом четыре письма: от тебя, от Надежды Филаретовны, от Кости Шиловского и от Левы. Ни в одном из них нет ничего для меня неприятного, а между тем я очень расстроен и очень не в духе. Во-первых, я беспокоюсь о тебе. Какое несчастие, что Александра Валерьяновна светская барышня, а не простая бедная девушка. Тебе это покажется странным, но я лучше бы желал, чтоб твоя будущая супруга не имела состояния и связей. Но, оставив в стороне это, я не могу не беспокоиться, когда вижу, что ты серьезно влюблен, а между тем я не усматриваю, чтобы ты пользовался взаимностью. Если ты хочешь меня очень утешить, то напиши наверно, что будешь в Каменке.

Меня немножко удивляет, что я ни от кого не получил депеши по поводу исполнения «Франчески». Неужели она не произвела никакого эффекта? Неужели она была скверно исполнена? Неужели ни одному человеку она не внушила в голову мысль уведомить меня, что она сыграна и понравилась. Я не об успехе в публике говорю. Но все эти Давыдовы, Малоземовы, Конради и т. д.— неужели и для них «Франческа» не представила ничего стоющего особенного внимания? Очень это мне горько. Впрочем, скажу тебе прямо. Если она никому не понравилась, то это значит, что Направник нарочно провалил ее[1]. При хорошем исполнении она не может не произвести эффекта. Если исключить из твоего письма все то, что касается твоих отношений к Александре Валерьяновне, то оно, как и предыдущее, доставило мне огромное, неимоверное удовольствие. Засим целую тебя и призываю на тебя всякие благословения свыше.

Твой П. Чайковский.

347. А. И. Чайковскому

1878 г. марта 16—18. Кларан.

Clarens,
16/28 марта 1878 г.
Четверг.

Дни становятся так однообразны, что трудно вести дневник. Писал концерт и окончил его вчерне. После обеда ходили все в Chauderon. От выпавшего снега такая невылазная грязь, что едва с трудом добрались до половины дороги. Погода продолжает быть мерзкой. Вечером написал письмо Надежде Филаретовне, в котором старался раскрыть ей красоты музыки Моцарта, которых она не понимает[1].

Пятница, 17/29. Хороший, довольно еще холодный, но светлый солнечный день. Начал переписку концерта. После обеда Котек получил письмо от Малоземовой, из которого я узнал, что «Франческа» имела успех и что ее хорошо играли. Это меня очень порадовало. Надеюсь, что она это не выдумала ради того, чтобы мне удовольствие доставить. Вечером мы в последний раз ужинали с загадочными полурусскими дамами. Сегодня они уехали. Теперь мы будем обедать только с одной посторонней, а именно, с немкой, чопорной, уродливой, старой и глухой. Она вчера за обедом стала по-немецки разговаривать с Модестом. Я терпел, терпел и наконец разразился таким смехом, который чуть-чуть не перешел в истерику. К счастью, немка не обиделась. Модест, разговаривающий по-немецки — это самый забавный фарс, какой себе можно представить.

Суббота, 18/30 марта. Погода опять подлая. Это становится просто невыносимо. Я спал довольно хорошо, но долго не мог заснуть, ибо вчера вечером на ночь прочел газету, из коей усмотрел, что война неизбежна [2]. Ужас, как это меня огорчает. По крайней мере, то хорошо, что я буду теперь в России и что не придется испытывать то, что мы с тобой терпели, когда венецианские газетчики кричали: «Vittoria di Turchi *. Утром переписывал концерт. После обеда ходил гулять под проливным дождем. Получил письмо от Надежды Филаретовны. Она стала теперь писать не только много, как и прежде, но и часто. Не знаю, говорил ли я тебе, что в одном из своих писем о н а предлагает мне говорить ей т ы. Я отвечал уклончиво. В шесть часов все трое ходили в ванну.

Я сегодня в самом неписальном расположении духа. Должно быть, раскис от теплой ванны, но все-таки хочу докончить листочек и для этого определю тебе свое общее состояние. Во мне не осталось никаких следов болезненного состояния души. Я сделался совершенно таким, каким был до катастрофы. На самую катастрофу привык смотреть как на проявление сумасшествия, мании. О будущем вообще думаю без всякого страха; но в близком будущем, т. е. в Каменке, не предвижу ничего приятного. С несравненно большим удовольствием я бы поехал в Глебово, куда меня очень зовут, и даже к Кондратьеву. Меня радует только свидание с тобой, на которое я крепко надеюсь. Прости за неинтересное письмо. Целую крепко.

Твой П. Чайковский.

348. А. И. Чайковскому

1878 г. марта 19—22. Кларан.

19/21 марта
Воскресенье.

День этот ознаменовался двумя происшествиями. Во-первых, с нами в t a b l e d ' h ô t e обедал старший сын M-me Mayor, студент, с своим другом, и по этому случаю хозяйка смастерила такой обед, какого я в жизни никогда не ел. Во-вторых, после обеда мы ходили на высокую лесистую гору, у подошвы которой мы с тобой однажды лежали на траве, помнишь. Подъем сопряжен был с большим количеством эпизодов с падениями, с втаскиванием друг друга и т. д.

---

* «Победа турок»

20 марта/1 апреля 1878 г.
Понедельник.

Ожидал получить от тебя письмо, но тщетно. Что тебе за охота, Толя, причинять мне беспокойство и тоску? Отчего, если некогда тебе писать большие письма, не пишешь коротенькие? Кончил переписку первой части концерта и вечером играл ее. Модест и Котик оба в совершенном восторге. Я был очень доволен сделанною мне ими овациею. Погода стоит самая безнадежно отчаянная. На душе невесело. Модест меня очень беспокоит. Он решил во что бы то ни стало устроить жизнь отдельную от Алины Ивановны, которую он видеть не может. С одной стороны, я понимаю его антипатию. Один тон ее писем к Модесту достаточен, чтоб понять его отвращение к ней. С другой стороны, как разлучить Колю с родителями?! Положим, что они не особенно сильно к нему привязаны. Но ведь самолюбие не позволит им расстаться с сыном. Что будут говорить? А между тем Модест задался во что бы то ни стало мыслью жить или в Москве, или в Каменке, или заграницей, словом, где бы то ни было, лишь бы не с Конради.

21 марта/2 апреля.
Вторник.

Довольно плохо спал. Модест решился написать откровенно Герману Карловичу о своем желании расстаться с ними. Меня это очень тревожит. Сегодня утром я сообщил Моде результат моих соображений. Мне кажется, что он не должен решаться на столь решительный шаг, не посоветовавшись с Сашей, Левой, тобой, и потому я просил его дождаться Каменки. Он горячо оспаривает мое мнение и говорит, что лучше порешить теперь. Однакож он согласился подождать несколько дней. Погода опять ужасная. На меня начинает находить хандра, тем более, что политика до крайности огорчает и раздражает меня. Курс страшно упал. Мне совестно перед Надеждой Филаретовной. Чего ей будет стоить промен следующей присылки денег, которая необходима мне, чтобы выехать отсюда. Целый день был ужасно нервен, зол и сварлив. Если б можно, так напился бы пьян. Гулял один.

22 марта/3 апреля 1878 г.
Среда.

Опять от тебя нет письма. Если и завтра не будет, буду телеграфировать. Котек успел переписать скрипичную партию концерта, и перед обедом мы ее сыграли. Успех был громадный как автору, так и исполнителю. В самом деле, Котек сыграл так, что хоть публично бы сейчас же исполнить. После

обеда ходили все вместе гулять очень далеко, но возвратились по нашей любимой дорожке и сидели на любимом месте (помнишь?). Газеты сегодня несколько утешительнее. Вечером сыграл Андантe, которое понравилось гораздо меньше первой части. Да я и сам не особенно доволен.

Как холодно! Я сижу теперь у камина и никак не могу согреть окостеневших ног. Целую нежно.

П. Чайковский.

349. А. И. Чайковскому

1878 г. марта 23—25. Кларан.

Clarens, 23 марта
Четверг.

Получил твое письмо [1]. Ты теперь стал писать редко да зато метко. Я читал твое письмо, как самый интересный и захватывающий дух роман. Merci, Толичка. Ничего более за этот день интересного не было, кроме разве письма от милой Надежды Филаретовны, как всегда ласкового и интересного. Она благодарит меня за откровенность, с которой я высказал ей, что нахожу неудобным говорить ей ты. Финал моего концерта производит у нас фурор, но Andante забраковали, и завтра придется писать новое. Погода ужасная.

Пятница, 24 марта.

Вспоминал с величайшим наслаждением наше прошлогоднее путешествие в Каменку. Сегодня ровно год, как мы, проведши ночь на станции Бобринской, явились в Каменку. Написал новое Andante, которыми оба строгие, но сочувственные критики остались довольны [2]. Котек целый день мрачен и молчалив. [...] Впрочем, он очень милый человек. С какой любовью он возится с моим концертом! Нечего и говорить, что без него я бы ничего не мог сделать. Играет он его чудесно.

Суббота, 25 марта.

Модест с Колей и Алешей ездили в церковь в Веве. Я усиленно занимался инструментовкой концерта. Погода сегодня чудесная, и после обеда мне захотелось сделать хорошую большую прогулку. Помнишь chalet * Блументаля, куда ты меня тщетно звал? Теперь я уже несколько раз в нем был и очень люблю его. А сегодня мы с Котеком пустились дальше и дошли до Avants, где подобно тебе пили вино и наслаждались

---

* домик в швейцарском вкусе

чудесным свежим воздухом. Там еще снег, а по дороге везде свежая травка и масса полевых цветов. Прогулка была восхитительная, но я так устал, что едва пишу это письмо.

Твое вчерашнее письмо не только меня очень заинтересовало, но и утешило. Ты в нем больше толкуешь о своей поездке в Каменку, чем об Александре Валерьяновне. Из этого заключаю, что или любовь твоя несколько остыла, или же ты имеешь основание не особенно сокрушаться и питать приятные надежды. Во всяком случае, я перестал тревожиться. Какую ты ведешь полную, разнообразную впечатлениями жизнь! Это просто вихрь какой-то, вроде того, который вертит Франческу и Паоло. Сумасшедшего Алексея Давыдова я очень хорошо помню. Я всегда находил его очень забавным и симпатичным, но никак не ожидал, что в его изобретениях есть что-нибудь серьезное [3]. Жаль, что ты не пишешь, отчего Гламма убежала из Москвы [4]. Стерва она и больше ничего.

Я еще ничего не знаю о нашем отъезде. Денег у нас теперь почти вовсе нет. Как только получу деньги от Надежды Филаретовны, дам тебе знать о дне нашего выезда. Но во всяком случае на страстной я буду в Каменке и надеюсь обнять тебя там.

Получил сейчас из Риги прелестное письмо от Танеева. В нем он сообщает мне разные толки об «Франческе». Я нахожу их очень курьезными [5]. Похлопочи у Давыдовых насчет бедного Котика [6]. Получили ли они наши письма?

Обнимаю тысячу раз.

Твой П. Чайковский.

350. А. И. Чайковскому

Clarens,
29 марта/10 апреля 1878 г.
Воскресенье, 26 марта/7 апреля.

День был удивительно хорош. Я не запомню подобной прелести. После обеда мы наняли коляску и поехали в Aigle. Там гуляли в густом лесу, усеянном массой весенних цветов. Воротились, когда уж совсем стемнело.

Понедельник, 27 марта/8 апреля.

Ничего особенного, за исключением того, что дождь льет ливмя целый день, и поэтому скучно. Много работал над инструментовкой концерта, которая значительно подвинулась.

Вторник, 28/9.

Продолжение ужасной погоды. Я чувствовал себя целый день очень дурно и думал, что не начинаю ли разбаливаться. Вечером ничего не мог ни читать, ни писать. Сидел у камина и грелся. Горничные девушки Marie, Annette и portier* Emile устроили нам сюрприз, т. е. явились вечером в нашу гостиную наряженными: Annette в костюме мужчины, Marie в подвенечном платье и Emile в женском. Смеялись не мало.

Среда, 29/10.

Погода такая же мерзкая. Становится просто скучно, и хочется поскорее уехать. Получил твое письмо. Мы выедем отсюда 2-го или 3-го в Женеву. Оттуда Модест съездит на один или на два дня в Лион к Гугентоблеру. По возвращении его тотчас же поедем в Вену, где один или два дня остановимся. Словом, я буду в Каменке в твоих объятиях в среду или в четверг на страстной неделе. В субботу я тебе напишу отсюда заведенным порядком, а в день отъезда из Женевы в Вену буду тебе телеграфировать.

Я еду в Россию и с радостью и с некоторым беспокойством. С радостью потому, что, кроме желания вообще очутиться в отечестве, я ликую при мысли свидания с тобой. Беспокойство же причиняет мне Каменка. Что я там буду делать, когда и ты и Модест оба уедете?

Читая твое письмо, я очень возгордился своим чутьем. В прошлом письме я тебе выразил свое подозрение, что твоя страсть несколько на попятный двор съехала, а сегодня читаю в твоем письме подтверждение этого подозрения. Я очень рад. А если ты совсем охладеешь, то я от удовольствия готов протанцовать pas de deux с тобой, ибо я за [[...]], а не за Панаеву, по многим причинам.

Пожалуйста похлопочи за Котека, который грустит, беспокоится и страдает от неизвестности. Пусть Давыдов ответит да или нет, и не тянет дело. Мне очень жаль бедного Котика.

Пожалуйста, голубчик, приезжай в Каменку во всеоружии законника, знающего все, что нужно по вопросу о разводе. Мне забавно было читать, как ты умилился от нежностей Кюи. Я сам на его удочку всегда ловлюсь. В сущности же, это [...] и больше ничего [1]. Получил прелестное письмо от Сережи Танеева из Риги [2]. Он премило описывает свой концерт, в кото-

---

* швейцар.

ром публики было человек сорок, а чистого убытку десять рублей.

Засим целую тебя. Скоро придется влепить в тебя реальную безешку. Прощай, мой милый.

Твой П. Чайковский.

Прилагаю доверенность на получение поспектакльной платы, если ты вздумаешь ею воспользоваться.

351. А. И. Чайковскому

1878 г. марта 30 — апреля 1. Кларан.

30 марта/11 апреля 1878 г.
Четверг.

Был в этот день осчастливлен посещением генерала Шеншина, моего кредитора. Господи, что это за дурак и чего только я не натерпелся, пока он сидел у меня. Я так отвык от г о с т е й, от дурацких разговоров, от наглого приставания с ы г р а т ь что-нибудь. И вдруг является этот сукин сын, торжественно объявляет, что он вздохнул свободно, покинувши Россию, э т у п р о к л я т у ю т р у щ о б у, что все у нас мерзко, что политика России п о д л а я, что у нас только умеют воровать, что солдаты наши плохи, что Англия действует справедливо. И все это говорит р о с т о в щ и к, по уму и развитию стоящий ниже даже Бочечкарова! В довершение всего он говорит мне: «Нет, батенька, не уйду, пока вы мне не сыграете чего-нибудь новенького» и т. д., и т. д. Визит Шеншина был для меня предвкушением тех столкновений с пошлостью и глупостью, которые неизбежно предстоят мне в России. Вообще чем ближе наступает момент отъезда, тем страшнее мне делается. Нечего говорить! Много я вытерпел грустных минут заграницей, но много было и приятных, а главное, была полная свобода. Сегодня я кончил концерт. Разменял вексель, присланный Надеждой Филаретовной.

Пятница, 31 марта/12 апреля.

Погода великолепная, но не весь день. В пять часов была гроза. Я наслаждаюсь праздностью и отдыхом. Котек получил от Давыдова отказ, выраженный, правда, в очень мягкой форме, очень вежливо и ласково, но все-таки неприятный и очень его огорчивший. Грустно и мне за него. И к чему было обещать ему это? Давыдов очень много потеряет. Такого скрипача, как он, они найдут; но такого хорошего музыканта — не скоро.

Суббота, 1 апреля.

День небывало чудный. Ничего подобного еще ни разу здесь не было. Утром ездили на пароходе в Шильон, а возвратились на лодке. Обедала у нас сегодня известная тебе Каблукова. По этому случаю муж хозяйки поймал небывало огромную и вкусную форель. Каблукова очень мила, а также и ее дочка. Ходили вдвоем с повеселевшим немножко Котиком в Chauderon. Ах, как хорошо сегодня! По возвращении были все трое в ванне. Получил сегодня письмо от Маши Головиной. Ужасно жаль бедную девочку, — она очень больна. Сообщает бездну новостей про Гламму. Господи, что это за гадина! Как верны мои интуитивные мнения о людях, и как я всегда предчувствовал, что это [...] — преподлая шлюха и больше ничего.

Завтра мы поедем в Gorge du Trient. Послезавтра Модя поедет в Лион и вернется в середу 5-го в Женеву, откуда мы все вместе отправимся в Вену, вероятно, в четверг. Тебе я буду телеграфировать из Женевы.

Целую тебя, голубчик.

Твой П. Чайковский.

352. А. И. Чайковскому

Каменка,
27 апреля 1878 г.

Представь себе, Толя, что только сегодня я сообразил, что хотя я уже не заграницей, а все-таки писать тебе надо [1]. Мне все как-то казалось, что мы недавно виделись, скоро опять будем видеться, следовательно, и писать нечего. Прости, ради бога. Вчера получил вечером твое письмо. Оно было громко прочтено почти целиком и произвело неописанный фурор. Мы насчитали, что, не доехавши до Курска, ты встретил двенадцать знакомых! Прекурьезно. Я с большим волнением и нетерпением ожидаю следующего письма. Мне все что-то кажется, что la злодейка будет строить каверзы. Я питаю маленькую надежду, что, может быть, тотчас после разговора ты написал мне несколько строчек и что я сегодня их получу.

Очень, очень было грустно после твоего отъезда, и не одному мне. Все грустили. Но я все-таки тешу себя надеждой скорого свиданья. Сашины именины прошли довольно весело. Вечером был настоящий бал с оркестром [...]. Я довольно робко пустился в пляс, но потом, как это всегда бывает в Каменке, увлекся и плясал страстно, неутомимо, с разными бесноваииями и школьничествами. На другой день Лева уехал в Чи-

Каменка

О картины Б. Сангурского, находящейся в спальне П. И. Чайковского. (1889 г.).

гирин вместе с Васильевым (героем бала) на мировой съезд и вернулся только вчера. Вот факты, достойные быть внесенными в хронику; все остальное неинтересно. Жизнь уже установилась в прочные формы. Утром после чая делается небольшая прогулка. Потом занятия до обеда. Занятия идут хорошо. С тех пор, как ты уехал, я написал три части сонаты, вальс и еще одну пьеску. Я давно не находился в обстановке, столь удобной для писания. Никто мне не мешает. После обеда иду домой писать письма, делать корректуру, присланную мне Юргенсоном. Потом гуляю один. Весь вечер сижу в доме и довольно много играю. Вчера по просьбе А. И. Шидловского играл даже так много, что сегодня рука болит. От Котека получил отчаянное письмо. Не знаю, почему мои письма к нему идут долго. Ничего не получая от меня, он вообразил, что я его ненавижу, презираю и т. д.[2] Он поступил в школу к Иоахиму. Видно по всему, что он очень хандрит. От Надежды Филаретовны получил письмо с следующим предложением. Она зовет меня провести несколько дней в конце мая в Браилове, ее имении, в совершенном одиночестве. Разумеется, ее не будет. Она приедет туда лишь в июне. Я непременно хочу воспользоваться ее предложением.

В день своего рождения я получил две телеграммы[3]. Одну от тебя, другую от профессоров Московской консерватории. Полагаю, что ты в этот день был у них и напомнил обо мне. Иначе не могу объяснить столь непостижимой внимательности.

Дошел до четвертой страницы и теперь, кроме того, что я тебя страстно люблю, решительно не знаю, что писать тебе. Разве поговорить об общем состоянии. Оно превосходно как физически, так и морально. Большое счастье быть способным так всецело предаваться своему любимому занятию, как я. Голова моя вечно занята моими музыкальными соображениями; я не успеваю задумываться насчет своей будущности, своего щекотливого положения; я не имею времени много думать о грустном состоянии общественных дел. Благодаря этому я перенесу очень хладнокровно самые неприятные известия о моем деле, которое в твоих руках. Не скрывай от меня ничего. Я приготовлен к перенесению к а в е р з.

Целую тебя, мой голубчик.

Твой П. Чайковский.

Толичка! Прости, что так поздно собрался написать тебе.

Целую тебя в шейку. Целую тебя в глазки. Целую тебя в губы.

353. А. И. Чайковскому

[Каменка]
1 мая 1878 г.

Во-первых, поздравляю с днем рожденья и крепко тебя целую, мой родной.

Во-вторых, скажу тебе, что вчера вечером Саша получила твое письмо при мне, так что я тотчас же узнал, в чем дело. Напрасно ты боялся, что это сильно меня расстроит. В первую минуту я, конечно, разозлился,— но тотчас же сделался спокойнее, ибо я предвидел, что эта гадина будет несколько гадить [1]. Так как вследствие письма я был все-таки возбужден и не мог, конечно, спать по обыкновению, то, предварительно вооружившись успокоительными каплями, пошел домой и тотчас же сел писать к Антонине Ивановне. Я знал, что, только написав письмо и распорядившись насчет его отсылки, я получу возможность спать. Мне кажется, что письмо хорошо написано; впрочем, ты сам реши; я его прилагаю тебе в черновом виде [2]. Написав письмо и надышавшись свежим воздухом через отворенное окно, я лег спать и вскоре отличнейшим образом заснул.

Сегодня я до того спокойно отнесся к сообщенным тобой известиям, что даже сочинял утром. Да и в самом деле, чего тут бояться? Во-первых, я почти уверен, что развод состоится, а во-вторых, если даже и нет, то что ж за особенная беда? Можно будет жить и так. Ведь она же, стерва, будет потом раскаиваться, — но уж поздно. Денег она не получит, если ей самой вздумается впоследствии хлопотать о разводе. Я хорошо сделал, что назначил ей двухнедельный срок. В случае, если она его пропустит и потом уж скажет д а, я буду торговаться под предлогом, что уж десяти тысяч достать больше негде. Меня очень мучит, что ты еще до сих пор не получил от меня ни одного письма. Сейчас пойду на станцию и буду тебе телеграфировать поздравленье.

Ничего особенного не происходит, за исключением разве отвратительной погоды и несносного ветра, отравляющего все мои прогулки. Я все-таки гуляю. Сочиняю удачно и довольно много [3]. Вчера получил огромное письмо от Котека; он получил, наконец, мои письма, успокоился, и тон письма веселый [4]. Ему, видимо, начинает нравиться школа, новое товарищество, внимание Иоахима и т. д. От денег (которых, впрочем, я и не могу ему теперь посылать) решительно отказывается. Вообще же письмо это мне доставило удовольствие.

У нас здесь все здоровы и всё идет своим порядком. Хатой своей я продолжаю быть довольным. Я так привык теперь

к дальнему расстоянию от дому, что это не составляет для меня никакого неудобства. Модест до сих пор еще не получает повеления тронуться в путь. Я его засадил за работу: велел ему составить мне сценариум для оперы из «Ундины» Жуковского. Меня начинает подмывать снова написать музыку на этот сюжет, и на этот раз вполне хорошо [5].

Целую тебя миллионы раз. Не забудь моих поручений, т. е. pince-nez и ноты от Бесселя.

Твой П. Чайковский.

Сохрани, Толичка, сие черновое письмо.

Толя! Я не последовал твоему совету относительно Рубинштейна. Лучше без посредников [6].

354. А. И. Чайковскому

Каменка,
10 мая [1878 г.]

Наконец вчера получено твое письмо, необстоятельное, неопределенное, очень вообще неудовлетворительное. Например, совершенно непонятно, до какой степени ты упрочил свое комиссионерство у Фаллизена [1]? Будешь ли ты получать у него деньги и какие? Доволен ты или нет? Не в духе или нет? Тем не менее я был очень рад. Известие, что ты приедешь на июнь и июль, а не на июль и август, немножко неприятно. Во-первых, я как-раз полагал июнь посвятить на разные поездки, а июль и август — на житье в Вербовке с тобой. Во-вторых, август я считаю лучшим месяцем по причине охоты. Ну, нечего делать. На-днях я с Сашей, с значительной частью ее семейства, Модестом и Колей поеду в Киев, а оттуда я проеду в имение к М-me Мекк около Жмеринки, где хочу провести несколько дней. После Жмеринки предполагаю проехать к Кондратьеву и предлагаю тебе съехаться у него, чтобы вместе отправиться в Каменку. Так как ты теперь опять благоволишь к Кондратьеву, то думаю, что это тебе не будет неприятно. Пожалуйста, Толичка, ответь мне на это. Отменить мою поездку к Надежде Филаретовне я ни в каком случае не могу. Ей этого ужасно хочется, да и я не прочь побывать в этом месте, которое, говорят, удивительно хорошо. В другое же время ехать нельзя, ибо она сама будет у себя в имении в конце мая. Нам необходимо до точности договориться о времени съезда к Кондратьеву. Проведем там недельку, а потом и во-свояси. Итак, буду ждать ответа. Пиши по следующему адресу: по Одесской железной дороге, на станцию Жме-

ринка, а оттуда в Браилов, в усадьбу Н. Ф. Мекк.

Мы провели последние дни очень приятно. Два раза ездили в лес и вчера даже целый день пробыли в Зрубанце и ели там пельмени. Работы мои идут хорошо. Мы, вероятно, уедем в Киев в пятницу 12 числа, и я останусь там трое суток.

Модест едет потому, что Саша его очень зовет, а я — чтоб на-последях не расставаться с Модестом. Лева дает мне взаймы сто рублей. Не посылай мне денег. Сочтемся при свидании.

Целую тысячу раз.

Твой П. Чайковский.

355. М. И. Чайковскому

Браилов,
17 мая [1878 г.]
Среда.

Севши в вагон и расставшись с Вами, я, разумеется, усердно занялся пролитием слез. Засело мне в голову воспоминанье о нашей встрече в Милане. Как было весело! какое прелестное было путешествие оттуда в Геную и дальше... тут потоки слез. Все это было, и именно оттого, что уж было и никогда не вернется, казалось мне так хорошо! И вот уж с тех пор прошло почти полгода... Тут опять слезы. И т. д., и т. д., пока, наконец, я неожиданно для себя не заснул мертвецким сном. В сущности нечего особенно сокрушаться. Но Киев с своей суетой мне расстроил нервы. Проснулся я уже близко от Жмеринки, как-раз в виду Браилова и парового плуга, работавшего недалеко от железной дороги. По поводу этого один господин, с тоном человека, вполне знакомого с местностью, рассказал, что Браилов принадлежит банкиру Мекку, стоило три миллиона, приносит семьсот тысяч дохода и т. п. вздор. Подъезжая к Жмеринке, волновался. В зале меня дружелюбно встретил симпатичный молоденький лакашка, подававший нам, помнишь, ужин, которого я послал узнать, есть ли лошади из Браилова. Через две минуты явился Марсель. Он оказался совсем не француз, а туземец, прозванный кем-то Марселем. Учтивости и услужливости необычайной. Пальто и шляпу имеет лучше моих, и потому, когда я уселся в великолепную коляску, запряженную великолепной четверкой, а он на козлы рядом с кучером, то я стал конфузиться и проконфузился до самого Браилова. Ехали около часа. Дом — в полном смысле дворец. Моя комната — верх роскоши и удобства. Умывшись, я шествовал, по приглашению Марселя, в столовую, где стоял огромный се-

ребряный самовар, кофейник на спирту, яйца, фарфоровый сервиз, масло и т. д. Кафе и чай идеальны. Я тотчас же заметил, что Марсель предупрежден: в разговоры не вступает, не торчит, а подавши то или другое, тотчас же уходит. Он спросил, как я желаю распределить день. Я приказал в час подать обед, а в девять чай с холодным ужином. После кофе осматривал дом, который состоит из массы отдельных квартир, превосходно меблированных. Громадный каменный флигель, предназначенный для гостей, построен как гостиница: огромный коридор и по бокам нумера, содержимые постоянно так, как бы они были обитаемы. Что касается нижнего этажа дома, где я живу, то нет пределов утонченной комфортабельности. В моей комнате все принадлежности туалета, как-то: щетки, гребни, ногтяные и зубные щеточки, мыло, порошки, все имеется новое. На двух столах лежат бумага, перья и все принадлежности письма. Несколько шкапов с книгами стоят в разных комнатах. Повсюду интересные иллюстрированные издания. В музыкальном зало рояль, великолепная фисгармоника и масса нот. В кабинете у Надежды Филаретовны несколько картин, из коих рекомендованный ею в прошлом письме Иоанн Креститель мне не понравился. Зато спящий ребенок из мрамора прелесть. В час я опять шествовал в столовую и имел обеденный стол. Очень тонко, но немножко легко. Закуски роскошные, вина тоже. Меню следующее: прентаньер, спаржа, цыплята и пирожное из сливок (я просил, чтоб было не более четырех кушаний). После обеда рылся в нотах и гулял по саду. В четыре часа приказал подать экипаж и поехал на скалу. Быстрая речка течет между двух скалистых и поросших густым лесом берегов. На лучшем месте устроена беседка. Гулял довольно долго, потом вернулся в шесть часов другой дорогой домой. Самое Браилово, как местность, не ахти что такое. Из окон нет вида никакого, кроме великолепных, впрочем, деревьев сада. Самый сад велик, разнообразен по растительности, богат сиренью и будущими розами, — но опять-таки не живописен и мало тенист. В сумме же более всего мне нравится дом: окрестности, говорят, есть прелестные, но в местности, непосредственно окружающей дом, прелести не особенно много. В этом отношении я ставлю Браилов ниже Глебова, Булатовского имения, и даже Усова. Тем не менее наслаждаться можно, и я бы наслаждался, если б не... твоя милость. До обеда я не грустил — некогда было Но после обеда, во время катанья и теперь испытываю немалую жуткость и тоску. И не то, чтоб я эгоистически желал, чтобы ты бессменно состоял при мне. Но мне жалко тебя и как-то

совестно. Я гуляю и катаюсь на свободе, а ты, бедный, через три дня должен вырваться из милого каменского общества и стремиться в место ненавистное. Если б я знал, что, пожив-ши здесь, я возвращусь в Каменку и найду тебя там, то я бы был покоен и весел. Модя, для спокойствия моего необходимо, чтоб ты д а л м н е к л я т в у приехать в Каменку в июле или хоть в августе. Без содроганья не могу вспомнить о последних двух днях в Киеве; фу, как было грустно, ввиду разлуки, да еще с неприятными казусами. Поцелуй крепко милую В е р у ш у. Вообще всех, начиная с Саши и Левы, нежно и страстно обнимаю. Тебя удушаю в объятиях. К о л ю, милого, У к у, Б о б и к а, М и т ю, Т а н ь к у, Т а с ь к у, ну, словом, всех, всех. Алеши еще нет.

Пиши мне сюда.

Твой П. Чайковский.

356. А. И. Давыдовой

Браилов,
18 мая [1878 г.]

Милая моя Саня!

Пишу это письмо тебе и прошу тебя, в случае если оно придет, когда Модеста уже не будет, тотчас же отослать его. Я катаюсь здесь, как сыр в масле. Так как и с материальной стороны и с точки зрения красот природы мне здесь хорошо, так как я скоро увижусь с Вами и опять буду жить у Вас, так как и Толя скоро явится, то мне бы можно было здесь наслаждаться жизнью вполне. Но увы! разлука с Модей очень дорого мне стоит и значительно отравляет наслажденье.

А между тем очень, очень хорошо. Живу я в д в о р ц е, в буквальном смысле этого слова. Обстановка роскошная, кроме учтивых и ласково предупредительных слуг, никаких человеческих фигур я не вижу, и никто не является со мной знакомиться, прогулки прелестные, к моим услугам экипажи, лошади, библиотека, несколько фортепиан, фисгармонии, масса нот,— словом, чего лучше. А у меня все-таки Модест в виде гвоздика сидит на сердце. Главное, меня сокрушает, что ему невесело ехать в ненавистное Гранкино, в ненавистную среду людей. Если он еще тут и присутствует при чтении этого письма, непременно возьми с него слово явиться в Каменку во вторую половину лета. Мне было очень приятно увидеть вчера вечером Алешу. Он от Вас, он даже Вас видел спящими на какой-то станции, где съехались оба поезда; от него вчера так и пахнуло всеми Вами. А л е ш а в телячьем востор-

ге от Браилова. Говорит: «что дом, что сад, что люди, что угощенье, и опять в лес можно ездить, и покойно и хорошо» и т. д.

Вчера вечером, несмотря на то, что я один как перст, весь дворец, т. е. по крайней мере весь нижний этаж, был роскошно освещен. В 9 часов мне подали великолепный ужин с чаем, потом я музицировал и рылся в нотах, потом сидел у открытого окна и мечтал и воображал всех Вас, а в 11 часов лег спать на батистовых простынях и наволочках. Сегодня все утро прогулял, бродя по саду, который очень велик и местами очень хорош, особенно благодаря большому количеству старых толстых деревьев и массе сирени, впрочем, китайской. На розовых кустах огромное количество бутонов. Потом ходил в монастырь, который находится рядом с усадьбой. Монастырь этот до 1840 г. был католический, но с 40-го года его обратили в православный женский. Здание собора, переделанное из католического, не лишено характерности.

В час ел отличный обед, а в четыре отправился в лес в экипаже и сделал в нем огромную прогулку. Теперь пишу это письмо в ожидании ужина. Что моя бедная Веруша? Не могу вспомнить без слез, как она, бедненькая, перемогала себя в тот проклятый вечер. Вообще вся эта поездка оставила мне какое-то неприятное воспоминание. Никаких писем еще не получил и ничего еще не знаю насчет того, когда увижусь с Вами.

Жду письмо от Анатоля. Отдохнула ли ты, моя бедненькая, от утомительной поездки? Всех Вас целую несчетное число раз.

Ваш П. Чайковский.

Меня принимают здесь за жениха дочери М-me Мекк.

Модя, поцелуй от меня Колю понежнее.

Т. е. до чего мне хотелось бы поцеловать ладонь ручки у Уки!!!

357. М. И. Чайковскому

1878 г. мая 18—20. Браилов.

Браилов,
18 мая.

Я отошлю завтра это письмо прямо в Гранкино. Мне приятно будет, если ты, приехавши туда, уже найдешь мою цидулку. Милый Модя мой! Как бы мне было здесь чудно хорошо, если б я мог знать, что и тебе хорошо. Но увы, хотя я и знаю, что ты в Каменке, но знаю также, что пребывание там отравлено для тебя, во-первых, предстоящей поездкой

в Гранкино, во-вторых, моим отсутствием. Последнее предположение не свидетельствует о моей нескромности; я наверное знаю, что насколько разлука с тобой отравила мое пребывание здесь, настолько и ты должен страдать от того, что недостает меня. Но тут время, разумеется, имеет большое значение. Сегодня я уже менее тоскую, чем вчера, а завтра буду тосковать менее, чем сегодня. Вчера приезд Алеши очень утешил и обрадовал меня. Впрочем, подробности о вчерашнем вечере и сегодняшнем дне ты узнаешь из моего письма, которое я адресую к Саше. Если оно уже тебя не застанет, то тебе перешлют его.

19 мая, 7 ч. вечера.

Сейчас возвратился с гулянья в очень веселом расположении духа, как вдруг мне подали депешу из Каменки, из коей узнаю, что телеграмма, посланная мною третьего дня из Жмеринки, не дошла. Весьма это меня удивляет и огорчает.

Представь себе, Модя, что, несмотря на то, что я совершенно свободен, что мне никто не мешает и никто ни в чем не стесняет,— я все-таки не успеваю сделать всего, что бы хотелось, и это меня немножко раздражает. Хотел сегодня утром переписать пьесу скрипичную и не успел дописать и половины [1]. Хотел написать письмо и Котеку, и тебе, и Надежде Филаретовне,— и не имею времени докончить сей листок, ибо хочу до заката солнца погулять, а потом ужинать, играть и спать. Как я исполню намеренье написать все три письма?

Я продолжаю быть вполне довольным Браиловым. В нем нет прелести характерности, в нем ничто не напоминает старину,— все с иголочки, и вообще дом напоминает скорей городской, чем деревенский. Но зато все так роскошно, широко, комфортабельно. Сад мне все более и более нравится. Сегодня я перелез через стену сада, и передо мной невдалеке открылся небольшой квадратный лесочек. Я тотчас туда отправился. Оказалось, что это остатки сада, когда-то разведенного католическими монахами имеющегося здесь монастыря, бывшего до 1840 г. католическим. От стены, которой он был обведен, остались руины ворот, довольно живописных. Деревья старые, толстые, трава густая, сочная — просто прелесть что такое. Место это мне нравится больше всего из того, что я видел. Тут есть обширное поле для воображения. Я сел под огромный дуб, стал воображать, как некогда тут гуляли монахи, как они смиряли плоть. [...] Ничего, ничего... молчание!

Алеша очень мил. Впрочем, об нем завтра.

20 мая

Получил сегодня твое письмо. Если ты поставил себе задачей расстроить меня, то цель твоя вполне достигнута! Да! мне очень больно и очень жаль, что ты разговариваешь опять совершенно серьезно о предмете, который я считал уже исчерпанным. Я думал, что ты, наконец, привык к мысли о том, что наши мечты жить вместе суть только м е ч т ы, совершенно не приложимые к жизни. Ты опять! Моденька, я тебе в последний раз скажу по этому поводу то, что думаю, и очень коротко.

1) Уж если тебе жить в Москве, то только у меня или со мной, это все равно. Жить тебе отдельно, или у Кольрейфов, как ты предполагал, — лишено всякого смысла. Наконец, уж если пошло на сравнение, то жизнь с грубоватым, но честным Конради и с его глупой, пошлой, капризной, но цивилизованной женой лучше, чем жизнь с ростовщиком Кольрейфом, старичишкой, пользующимся самой жалкой репутацией, и его женой, сквозь видимую ласковость которой я никогда не мог привыкнуть равнодушно усматривать, как она аккуратно напоминала мне об уплате самых [...] процентов, которые я платил и до сих пор плачу ее мужу.

2) Жить со мной тебе нельзя по тысяче причинам. а) Я недостаточно все-таки люблю Колю, чтоб ради него совершенно радикально изменить весь строй моей жизни. б) Я нахожу, что лучше Коле лицезреть разные недостатки своих родителей, по поводу которых ты вывел софистическое заключение, что для его совершенствования вредно быть свидетелем различных проявлений этих недостатков (да и у кого их нет?), чем лицезреть мои пороки и мои недостатки, от которых ради него я не имею сил отделаться. в) Ответственность, которая легла бы на меня с той минуты, как я бы сделался г л а в о й семейства, в которое попал бы Коля,— м н е н е п о с и л а м. г) [...]. д) Я слишком раздражителен, слишком дорожу абсолютным покоем, чтобы не тяготиться постоянною жизнью с ребенком, да притом таким трудным и болезненно суетливым, как К о л я; е) в принципе я вообще против сожительства с кем-либо, даже с самыми д о р о г и м и и б л и з к и м и людьми. Это порождает д е н е ж н ы е р а с ч е т ы. А там, где денежные расчеты, всегда может явиться недоразумение. Другое дело, если б ты, например, приехал жить ко мне, хотя бы на целые годы, но один, т. е. гостить у меня. Но раз что ты поселишься со мной и с Колей, который богаче нас обоих, я буду смотреть на тебя как на самостоятельного сожителя, и тут появит-

ся тысяча разных маленьких сомнений, недоразумений, разъяснений, которые ни к чему хорошему не приведут.

Но ты заметишь, что я рассуждаю как эгоист, и что пора перейти от забот о моем собственном благополучии к твоему. Итак, теперь я буду рассматривать неудобства твоего разрыва с Конради с точки зрения твоих нравственных и материальных интересов.

3) а) Нечего правду таить. Когда ты, увлеченный своим желанием разъехаться с Алиной Ивановной, говоришь, что удовольствуешься тремя и даже двумя тысячами, лишь бы добиться цели, то я не могу в глубине души не удивляться твоей наивности и твоему незнанию самого себя. Уж вот именно, кто бы другой говорил, а не ты. Несмотря на все неблагоприятные стороны твоего трудного и тяжелого положения, все-таки в виду твоего колоссального неумения обращаться с деньгами я считаю для тебя большим счастьем, что ты живешь на всем готовом. Ты иначе и не можешь жить. А кому, как не родителям Коли, естественнее и проще всего взять на себя заботы о твоей обстановке, т. е. о том, чтоб у тебя были обеспечены все главные жизненные потребности, как-то: квартира, стол, прислуга и прачка. б) Ты напрасно, читая эти строки, заподозриваешь, что я не хочу стать на твою точку зрения, т. е. забываю твою ненависть к Алине Ивановне. На это я тебе скажу, что ты, наверно, не больше ее ненавидишь, чем я ненавидел Рубинштейна, о чем я, впрочем, никогда не говорил. И все-таки я жил с ним, ибо это было нужно, и терпел до тех пор, пока не явилась возможность переехать от него без ссоры и неприятностей. в) Ссора и неприятности с Конради неизбежны, если ты от них уйдешь с Колей, и это будет отзываться очень тяжело на Коле, а тебе совершенно отравит твою мнимую свободу. г) Свобода твоя будет только мнимая. Будучи в денежном отношении в зависимости от Конради, ты не сделаешься свободным человеком, но разница та, что, оставаясь у них, зависимость твоя нормальна, а переехавши от них, зависимость твоя ненормальная. д) Переехавши от Конради, твои обязанности усложнятся в десять раз, ибо что бы ты ни говорил, а для тебя очень важно то, что, живя у них, ты можешь уходить из дому сколько угодно; поселившись же с Колей отдельно, ты будешь прикован к дому вечно. е) Нет никакого сомнения, что в первый же месяц после твоего переселения ты ощутишь денежные затруднения. Пока ты их ощущал только на себе, большой беды не было, но когда ты с ужасом увидишь, что недостаток де-

нег отзывается на Коле, ты будешь глубоко страдать в тысячу раз больнее, ядовитее, чем страдаешь теперь от антипатии к Алине Ивановне.

Ах! я мог бы привести еще тысячу аргументов. Но к чему? Главная суть в том, что я знаю, я чувствую, я предвижу множество бедствий, если ты, не послушавши меня, все-таки сделаешь по-своему. В вопросе о переселении от Конради ты так же слеп, как я был слеп в прошлом году по поводу женитьбы. Если не так же, то почти так же. Скажи, пожалуйста, Модя, неужели ты думаешь, что я бы не почел величайшим счастием жить с тобой при других, благоприятных, нормальных условиях? Неужели ты можешь сомневаться в моей безграничной любви к тебе? Пожалуй, сомневайся. Но я в твоей любви ко мне не сомневаюсь ни минуты, и вот жертва, которой я прошу у тебя для меня. Пожалуйста, в виде жертвы, ради меня оставь, забудь свое намеренье уехать от Конради. Относительно тебя я могу быть покоен только, пока ты с Колей у них. Постарайся подавить в себе враждебность к матери Коли. Она все-таки его мать. Живи так, чтоб поменьше видеться и встречаться с ней, но все-таки живи у них. Это так должно быть. Ибо ты столько же серьезен, неподражаем, велик (sic!) в исполнении своего долга относительно Коли, сколь легкомыслен в жизни.

Если ты думаешь, что оказываешь мне услугу, бросая Конради и переселяясь ко мне или близ меня, то очень заблуждаешься. Это принесет мне только массу тревог, забот и мук,— а у меня их, ей богу, было уж довольно. Кто знает, может быть обстоятельства переменятся, может быть, судьба сама собой, без насилования ее, устроит наше сожительство? Жизнь моя в Москве не прочна. Может быть, я переселюсь к тебе или поблизости от тебя! Тогда другое дело. Но, ради бога, не предпринимай ничего теперь. Уж если ты предлагаешь Конради посвящать им все летние месяцы, то не лучше ли тебе помириться с statu quo и, продолжая попрежнему жить с ними зимой, летом ввиде каникул жить со мной, с Сашей в Каменке, заграницей, где бы то ни было. Ну, делай, как хочешь. Я теперь говорил об этом в последний раз. Своего мнения я не изменю. Мне очень досадно будет, если ты рассердишься на меня. Что бы ты ни сделал, моя любовь к тебе никогда не поколеблется, но я никогда не помирюсь с мыслью, что ты легкомысленно взял на себя такую обузу, с которой не легко справиться. Что касается убийственной мысли, что, любя тебя и Толю больше всего в мире, я обречен жить вдали от

Вас, то я к этому уже достаточно привык, и притом я вовсе не теряю надежды, что судьба когда-нибудь соединит нас. Впрочем, и то сказать! Может быть, в этом есть и хорошая сторона. Сколько радости и счастья доставляют мне свидания с Вами! Как приятно среди жизненной рутины лелеять себя надеждами таких свиданий, ожидать их, как праздника! При том же, мой странный, раздражительный нрав à la longue должен быть утомителен и тяжел для постоянного сожительства.

Сейчас еду кататься на завод. По возвращении допишу письмо.

7 часов вечера.

Ездил в завод, который грандиозен и великолепен. Брал с собой Алешу. Директор завода (граф Сципио) провел меня по всему заводу и относился ко мне, как к начальнику. Я конфузился. Оттуда поехали в лес, но едва приехали, как началась гроза. Я струхнул, и мы отправились назад, хотя тучка прошла, едва помочивши землю. Меня теперь беспокоит, что ты рассердишься на это письмо. Пожалуйста, прости, Модя мой милый, если я что-нибудь высказал резко. Ей богу, мною руководит единственно желание тебе блага. На твои отношения к Коле я смотрю как на к р е с т, который ты несешь с великой христианской добродетелью. Зачем это все случилось? Может быть, к лучшему, может быть нет, но я о ч е н ь х о р о ш о понимаю всю тяжесть этого к р е с т а. И тем не менее сердце мое чует много б е д, если ты меня не послушаешь. Впрочем, делай, как знаешь. Во всяком случае, ты будешь всегда занимать львиную часть моего сердца.

Алеша очень мил и забавен. Видя, как все падают ниц в моем присутствии, и он обращается со мной почтительнее обыкновенного. Во время прогулок с ним по лесу все-таки то о том, то о другом поспорим. Мое знание русского языка обогатилось вследствие его болтовни. Ш а м а р о в а к у ч а — значит муравьиная куча; труп мертвой собаки на его языке называется т р е б у ш и н а и т. д.

Мне было бы совсем хорошо и весело, но ты меня беспокоишь. Когда-то дойдет до тебя это письмо? Между тем ты, едва приехавши в Гранкино, начнешь п р е д п р и н и м а т ь м е р ы, и я предчувствую неприятности. Об одном прошу тебя: непременно нам нужно в и ю л е повидаться. Если ты захочешь, чтоб я съездил в Гранкино,— я готов, но нам нужно еще пожить вместе в В е р б о в к е. Ради бога!

Страстно тебя обнимаю.

Твой П. Чайковский.

358. М. И. Чайковскому

[Браилов]
22 мая 1878 г.

Вчерашний день ознаменовался, во-первых, грозой, которая с разными промежутками продолжалась целый день, а во-вторых, массой писем, которые я получил, и в том числе от тебя, от Надежды Филаретовны и присланное тобой же поразительное, неподражаемое, изумительное письмо Антонины Ивановны. Первое впечатление было радость и желание поскорее, тотчас же ехать устраивать, хлопотать, ускорять дело о разводе. Между тем как и когда ехать? Я даже ничего не могу решить и в будущем, ибо денег почти нет, следовательно, нужно ждать денег от Надежды Филаретовны, а она в своем последнем письме ничего о них не говорит. Писать же ей: дескать, «пришлите скорей, нужно ехать!» нельзя. Я не сомневаюсь, что деньги будут,— нужно только подождать. Как бы то ни было, но я пришел в какое-то особенного рода нервное состояние, вследствие которого должен был часа полтора буквально бегать по саду, чтобы физическим утомлением добиться просветления головы, которая находилась в каком-то тумане. Потом стал писать письма Надежде Филаретовне, Юргенсону, Антонине Ивановне и каждое из них должен был несколько раз переделывать и переписывать[1]. Какое-то затмение нашло. Письмо Антонины Ивановны перечел еще раз и, каюсь, имел ребячество и слабость злиться и порывался отвечать колкостями и сарказмами. Наконец, сообразил, что это ровно ни к чему не поведет. Кататься никуда не ездил. Спал хорошо, чего вовсе не ожидал. Сегодня утром только я вполне оценил всю неподражаемую прелесть письма Антонины Ивановны. Не правда ли, что это письмо писала не она, а разом М-me Никльби, тетка-приживалка в «Крошке Доррит», Каурова из «Завтрака у Предводителя», Городничиха, Коробочка, обе дамы из «Мертвых Душ», словом, непостижимо, что в одной человеческой голове может набраться столько глупости и упорного непонимания.

Какая прелесть, например, вся Москва, знающая наизусть, от слова до слова, ее письма ко мне! Уж я не говорю о ее предположении, что я задумал развод раньше свадьбы! Потом, сделавши это предположение, она тотчас же принимает его за непреложную истину и спрашивает: зачем я допустил ее сделать заем? Все это феноменально хорошо.

Был я вчера у обедни в монастыре. Церковь очень красива, служба благолепная, пение очень хорошее, и несколько

лиц монашенок показались мне очень интересными, особенно одна красивая старуха, в длинной мантии, читавшая апостола густым басом и управлявшая правым клиросом.

Живо представлял себе вчера твой отъезд и беспокоился о тебе. Несколько смущался при воспоминании о моем последнем письме и опасался, не будешь ли сердиться. Боюсь, что ты не так поймешь письмо, как следует. Основная мысль следующая: я понимаю, что тебе у Конради не хорошо, но терпи, ибо если ты от них уедешь, то встретится много неудобств, которые тебе отравят жизнь; для Коли же во всех отношениях лучше оставаться в доме родителей.

Какая прелесть Колино письмо! Как мне понравилось, что он поручает мне поклониться Надежде фон-Мекк! Как его письмо нежно!

Я получил сейчас письмо от Толи. Он предлагает мне съехаться у Кондратьева 27-го. Но ехать ли мне к Кондратьеву? Не лучше ли ехать прямо в Москву и там вместе с Толей устроить все дело? Ничего не знаю и, пока не получу денег, ни на что не могу решиться.

Я написал Антонине Ивановне, что согласен заплатить 2 500 р., хотя считаю, что она их уже раз получила,— но заплачу их не иначе, как векселем.

Крепко тебя целую, мой дорогой.

Твой П. Чайковский.

359. А. И. Чайковскому

Браилов,
22 мая [1878 г.]

Вчера я получил от Антонины Ивановны письмо, наполненное невообразимой чепухой, но в конце концов она изъявляет согласие на развод. Теперь что мне делать? Я не имею денег ни копейки и ожидаю их от Надежды Филаретовны. Но затем, ехать ли мне к Кондратьеву или прямо в Москву, чтобы при тебе, с твоей помощью положить начало делу? Можешь ли ты дождаться меня в Москве, куда я приеду не ранее 30 мая, ибо до воскресенья во всяком случае останусь здесь? Будь так добр, получив это письмо, телеграфируй мне, что мне делать: ехать ли в Москву или ехать к Кондратьеву? Если ты предпочитаешь съехаться у последнего и потом опять ехать в Москву, то ведь это лишний расход. А между тем нужно же начать дело. Я в совершенном недоумении. Я здесь первый и второй день очень скучал по Модесте, но в общем здесь

восхитительно хорошо, и я живу как среди волшебного сна. Очень жаль, что меня тревожат все эти известия. Хотя я и рад, что развод теперь дело решенное, но ты увидишь, что Антонина Ивановна наделает еще кучу пакостей.

Целую тебя наикрепчайше, мой дорогой.

П. Чайковский.

360. М. И. Чайковскому

Браилов,
25 мая 1878 г.

Сегодня праздник вознесенья. Я сейчас был в монастыре и провел очень приятный час. Народу собралось гибель как туземного, так и пришлого, ибо здесь храмовой праздник. В церкви нельзя было найти места, но по протекции какой-то монашенки я попал на хоры. Церковь по смешению остатков католического храма с византийскими приделками очень курьезна и характерна. На потолке сохранились надписи латинские. Они состоят из названий различных добродетелей, специально мужских, как-то: scientia *, fortitudo (храбрость) и т. п. Певчие стояли сегодня тоже на хорах, и я наблюдал за лицами. Особенно интересна р е г е н т ш а, древняя старушка с очень красивым выразительным лицом. Управляет хором она мастерски. Некоторые вещи пелись по нотам, и очень изрядно. Значит, она имеет понятие о музыке? Откуда? Я в воображении своем построил целый роман.

Не дождавшись конца обедни, я вышел на монастырский двор, и тут зрелище открылось очень оживленное и любопытное. Во-первых, мне очень нравится здешний народный костюм. У мужчин он скорее польский; головы у них с чубами и подбритые, как у Тараса Бульбы. У женщин одежда несравненно красивее, чем у каменских. Почти у всех великолепные коралловые бусы. Даже у слепых нищенок, сидевших рядком и певших хором что-то очень своеобразное, были чудные кораллы и красивые платья. Слепые играли, как на базаре в Каменке, на лирах и пели. Один, кажется, возвещал близость страшного суда: «б р а т п р о т и в б р а т а, с у с и д п р о т и в с у с и д а!» Выходивший из церкви народ оделял нищих бубликами. У дверей церкви толпились продавцы и продавщицы разной дешевой дряни. Повсюду расположились группы и ели — кто сало, кто какую-то жидкость с капустой, кто просто хлеб. Тут же рядком гуляли юные девицы, учащиеся в школе при монастыре. Всё вместе очень живописно, очень интересно.

При моей любви к порядку и правильности распределения времени, жизнь моя здесь установилась так прочно, как будто я целый век свой живу здесь. Иногда мне кажется, как будто все это м о е, и дом и леса. Прогулки мои восхитительны, как пешие, которые я делаю утром, так и вечерние в экипаже и с ч а е м. Сначала я конфузился, что за коляской едет целый фургон с самоваром, посудой, столом, стульями, коврами. Но все это делается с такой охотой и услужливостью, что я уже ни мало не стесняюсь. Каждый раз еду в новое место. Но третьего дня место, где я пил чай, было до того восхитительно, что я чуть не плакал от восторга. Это было на высоком берегу реки посреди чудного леса с роскошным видом в даль. Вчера мы ездили в далекий лес, где, как в Пизе, есть огороженное место с дикими козами. По возвращении домой был встречен сюрпризом. У моста меня ожидала лодка, сев на которую, я был привезен к беседке посреди пруда, и в ней пил чай, ловил удочкой карасей и т. д. Вообще я буквально катаюсь, как сыр в масле. Между тем будущее меня несколько тревожит. Нужно ехать в Москву, нужно где-нибудь встретиться с Толей,— между тем я ничего не могу решить, ибо не имею денег и жду или их или вообще определенного указания насчет их от Надежды Филаретовны.

С величайшим нетерпением буду ждать от тебя известий из Г р а н к и н а. По получении сего письма адресуй мне в Москву в Консерваторию. Что я должен быть в Москве в начале июня, это несомненно. Буду ли у Кондратьева, не знаю. Модя! С тех пор, как я прочел «Р о м е о и Ю л и я», Ундина, Бертольда, Гульбрандт[1], кажутся величайшим ребячеством и вздором. Кончено. Я буду писать «Ромео и Юлию». Все твои возражения уничтожаются перед тем восторгом, которым я возгорелся к этому сюжету. Это будет самый капитальный мой труд. Мне теперь смешно, как я мог до сих пор не видеть, что я как будто предназначен для положения на музыку этой драмы. Ничего нет более подходящего для моего музыкального характера. Нет царей, нет маршей, нет ничего, составляющего рутинную принадлежность большой оперы. Есть любовь, любовь и любовь. И потом, что за прелесть эти второстепенные лица: кормилица, Лоренцо, Тибальт, Меркуцио. Пожалуйста, не бойся однообразия. Первый любовный дуэт будет совсем не то, что второй. В первом все светло, ярко; любовь, любовь, не смущаемая ничем. Во втором трагизм. Из детей, бесконечно упивающихся любовью, Ромео и Юлия сделались л ю д ь м и, любящими, страждущими, познавшими

в трагическое и безвыходное положение. Как мне хочется поскорее приняться за это [2].

Прости меня, мой милый и бедный либреттист, за то, что я даром промучил тебя над «Ундиной». Чорт с ней, с этой «Ундиной». И что в ней хорошего? И как это глупо и пошло, что она уплакала своего дурака? Уплакала! Вот-то дурацкое словцо [3]. Да и вообще как можно увлекаться этой дребеденью? Нужно быть ослом... и т. д. Вот в каком отношении я теперь нахожусь к «Ундине». Ничего я не напишу хорошего, если бы принялся за нее.

Я ежечасно думаю о тебе, мой милый! Люблю погружаться в воспоминания нашего житья, беспокоюсь о твоем расположении духа. Ах! как бы я желал, чтоб ты увлекся своею повестью так, как я теперь увлекаюсь будущей оперой. Только увлекательный труд может помирить тебя с настоящим. Расцелуй от меня Колю.

Твой П. Чайковский.

361. М. И. Чайковскому

Браилов,
27 мая 1878 г.

Что за пакостная система у судьбы во всякую бочку меду неизменно примешать ложку дегтя? Казалось бы, чего лучше, как мне, любящему от времени до времени уединение, пользоваться им в таком чудном месте и в такой восхитительной обстановке! Нет, все отрава какая-нибудь. Первые дни я грустил и беспокоился о тебе. Потом успокоился и начал было предаваться наслаждению беззаветно. Не тут-то было. Пришло письмо от Антонины Ивановны, и с этой минуты меня терзают какое-то неопределенное беспокойство, потребность тотчас же приступить к делу и невозможность уехать отсюда без денег. И ехать нельзя, и наслаждаться спокойствием и одиночеством не могу. Но всего больше суетит и сердит меня мысль о том, что Толя живет в Москве, и я телеграфировал ему, чтобы ожидал меня там, а между тем определенного в виду ничего не имею. Я знаю, что Надежда Филаретовна не ударит лицом в грязь. Знаю, что деньги будут,— но когда, как? сколько? где? — этого ничего не знаю. Словом, нужно ждать подачки от своей благодетельницы. Положим, благодетельница так деликатна, так щедра, что благодеяния ее не в тягость. Но в подобные минуты все-таки чувствуется ненормальность, искусственность моих отношений к ней.

Между тем повидимому все идет так, как будто я вполне счастлив. Гуляю, ем, катаюсь вечером в лес и всегда с чаем, утопаю в роскоши, удобствах,— но в тайне сердца червь беспокойства грызет меня. Минутами даже бывает совсем скверно. Пессимизм берет верх над всем, начинаю беспокоиться обо всем и обо всех. Однако ж все это одни глупости, и в сущности главная причина моего беспокойства — Толя. Выписать же его сюда не могу, да и незачем. Пока он будет ехать сюда, я получу деньги и снаряжусь.

Ничего не пишу. Даже не переписываю больше скрипичных пьес для Надежды Филаретовны. Или читаю, а для чтенья материалов бездна, или брожу по саду и в окрестностях, или ем и пью. Жаль, что погода вот уже два дня как испортилась. Третьего дня вечером мы только что приехали в лес, как началась жестокая гроза, все время заставившая меня просидеть с закрытыми глазами и ушами в сарае на пасеке. Вчера день был холодный, но вечером мы все-таки ездили в лес, с чаепитием. Боже, до чего я бы наслаждался, если б не проклятая л о ж к а д е г т ю. Например, что за прелесть вчерашний лес, искание белых грибов, которых здесь не мало, и потом восхитительная полянка, на которой мы пили чай!

Вечером вчера сыграл чуть не всего «Евгения Онегина»! Автор был и единственным слушателем. Совестно признаться, но так и быть, тебе по секрету скажу. Слушатель до слез восхищался музыкой и наговорил автору тысячу любезностей. О, если б все остальные будущие слушатели могли так же умиляться от этой музыки, как сам автор.

С в е л и ч а й ш и м нетерпением жду известий из Гранкина. Адресуй мне в Москву, а потом в Каменку, ибо и в Москве долго не буду и у Кондратьева, если и поеду к нему, долго не останусь.

Целую тебя, Модя мой милый.

П. Чайковский.

Колю нежно расцелуй.

362. А. И. Давыдовой

Браилов,
28 мая [1878 г.]

Ты меня спрашиваешь, моя голубушка, р е ш у с ь л и я вернуться отсюда в свою хату? Да я бы сию же минуту полетел в эту хату с величайшим блаженством, если б можно было. Неужели ты думаешь, что потому, что здесь больше роскоши, чем у Вас, так я не стремлюсь к вам душою? Нет никакого сомнения, что дом, местоположение, сад, окрестно-

сти — все здесь гораздо лучше, чем в Каменке. Я никогда не любил самую Каменку, а теперь, с тех пор, как там изволила провести два месяца одна особа, мне кажется, что и самый воздух каменский отравлен. Но все это я забываю, со всеми недостатками Каменки мирюсь, потому что там живете Вы, т. е. самые близкие и дорогие для меня люди. Что касается специально моей х а т ы, то я ее даже очень люблю. Она и сама по себе мила и очень удобна для занятий.

Мое положение теперь адски глупое, и, несмотря на все хорошие стороны моей здешней жизни, я начинаю сильно суетиться, беспокоиться и даже злиться. Решительно не знаю, что делать. По делу развода мне кажется необходимым тотчас же к о в а т ь ж е л е з о, пока горячо. Поэтому, как это мне ни противно, а я должен уехать в Москву. Но ехать туда, не зная, что и как д е н ь г и,— нельзя. Между тем я еще не получил ответа на мое письмо к М-me Мекк, где я ей возвестил о согласии Антонины Ивановны и спросил, как поступить с десятью тысячами. Уехать, не дождавшись ответа, тоже нельзя, ибо наши письма могут разъехаться, да, наконец, она может быть пошлет мне деньги сюда. Не будь во всем этом несвоевременного отпуска Анатоля, большой беды бы не было. Н о о н в М о с к в е, и он мне в Москве будет нужен. Я телеграфировал ему, чтоб дожидался меня, и боюсь, что ему ждать придется долго, да и совестно отнимать у него время от отпуска и заставлять по-пустому жить в Москве. Таким образом все последние дни я нахожусь в возбужденном и тревожном состоянии, которое отравляет мне все удовольствие. Кроме того я испытываю какое-то тяжелое и неловкое ощущение, чувствуя себя в эту минуту в безусловной зависимости от М-me Мекк. Я знаю, что этот ложный стыд ни на чем не основан. Она делает это с такой дружбой, с такой искренней любовью, она так богата и т. д., а все-таки неловко и совестно.

Я недавно воротился из поездки в лес с чаем. Прогулка была бесподобная и, будь я покоен, наслаждения было бы бездна. Но я торопился домой, в надежде получить какое-нибудь известие, способное разъяснить мне вопрос: что делать? Приезжаю. Дворецкий говорит, что была т е л е г р а м м а на имя З а й к о в с к о г о и поэтому он ее отправил назад. Дурак! Нет сомнения, что это ко мне. Я заставил его послать назад в Жмеринку и теперь должен ждать два часа!

Ах, с каким восторгом я бы теперь очутился среди Вас!

Всех целую и обнимаю. Когда дело разъяснится, я дам знать. Целую твою ручку.

П. Чайковский.

363. М. И. Чайковскому

[Браилов]
30 мая [1878 г.]

Милый, дорогой мой Модя!

Сегодня я наконец уезжаю. Вот в коротких словах, как кончилось дело. Сегодня мое беспокойство увеличилось до того, что я решил Алешу отправить к Леве за деньгами, так как у меня всего восемь рублей, с которыми ни тпру, ни ну! Но чтобы поскорее узнать, нет ли чего на почте, я поехал его провожать. И хорошо сделал. Положим, Алеша опоздал,— но это большое счастие. На почте оказалось письмо от Надежды Филаретовны. Из письма этого я понял, что она и не намеревается присылать мне деньги сюда. Зато в Москве они ожидают меня. Тут же на станции я получил депешу от Анатолия. Он беспокоится, ждет. Я было совершенно упал духом,— но вдруг une idée lumineuse *. Возвратившись домой, я наврал какую-то чепуху дворецкому и попросил сто рублей. «Слушаюсь!» Через пять минут деньги были у меня. Я еду с несколько неприятным чувством, что пришлось брать деньги. Вместе с тем мне грустно, очень грустно расставаться с Браиловым, да и страх берет ехать в Москву.

Отчего нет от тебя известий? Я беспокоюсь. Неужели ты адресовал к Кондратьеву? Надеюсь иметь от тебя известие в Москве. Больше писать не могу. Я в очень суетливом состоянии. Целую тебя, Колю с бесконечною нежностью.

Твой П. Чайковский.

364. М. И. Чайковскому

Низы,
6 июня [1878 г.]

Я не имею возможности писать тебе много, Модя мой милый. Вот все, что было, вкратце: Вторник 30. Отъезд из Браилова. Среда 31. Путешествие. Отвратительное состояние духа. Четверг 1. Приезд в Москву, встреча с Толей, Танеевым, Николаем Львовичем, вечер у Юргенсона с музыкантами, ужин с Толей и Николаем Львовичем у Патрикеева. Николай Львович постарел, он был очень мил, и я рад был его видеть. Пятница 2. Завтрак у Рубинштейна по случаю дня его рождения. В пять часов посещение секретаря консистории и разговор о деле. Оказывается, что если дело начать теперь, то придется в ожидании разных формальностей, требующих моего присутствия, жить в Москве все лето. Между тем Толю я нашел совершенно расстроенным, боль-

* блестящая идея

ным, и ему необходимо поскорей уехать. Что касается меня, то Москва показалась мне до того у ж а с н а, что я едва вынес эти три дни. Решено уехать в Воскресенье.

С у б б о т а 3. Беготня и разговоры с Рубинштейном. Обед у Бернара, свидание с умирающей в чахотке Машенькой Головиной и вечер в Эрмитаже со всеми музикусами.

В о с к р е с е н ь е 4. Отъезд из Москвы. Блаженство и наслажденье. Мы решаем заехать к Кондратьеву.

П о н е д е л ь н и к. Приезд к Кондратьеву. Очень весело. Написал сейчас огромное деловое письмо Надежде Филаретовне. Зовут завтракать. Прощай, дорогой, целую тебя. Отчего нет известий о тебе ни в Москве, ни здесь?

Жди более обстоятельного письма.

П. Чайковский.

365. М. И. Чайковскому

Низы,
9 июня [1878 г.]

Милый мой Модя!

Если б я помнил, куда тебе телеграфировать, то тотчас бы воспользовался этим средством, чтоб узнать, что ты делаешь, ибо очень тяжело решительно не иметь о тебе никаких сведений. К Кондратьеву главнейшим образом мы поехали потому, что Алеша только сегодня выезжает из Москвы, а без него в Каменке жить невозможно. Здесь было бы довольно и весело и приятно, если б не отсутствие известий от тебя, а также положение домашних здешних обстоятельств, которое так же ужасно, так же ненормально, как и прежде. Алексей так же точно безобразничает, как и два года тому назад, но теперь это все стало еще позорнее, так как он, женившись, живет здесь совершенно самостоятельным барином и à la barbe de tout le monde * производит неимоверные скандалы. Сегодня ночью произошло то самое, что два года тому назад заставило меня уехать, т. е. всеобщее пьянство, крики и шум в течение всей ночи, рвота, умаливание и упрашивание жены,— ну, словом, такая гадость, что мы с Толей всю ночь не спали и от бешенства расстроили себе нервы. Но на этот раз никакого скандала я не сделал и решился переговорить ласково. Был сейчас разговор, из которого я вынес чувство сожаления к Николаю Дмитриевичу. Он согласился со мной на всех пунктах и дал слово у е х а т ь заграницу. М е р и во всем этом ведет себя превосходно, с изуми-

* под носом у всех

тельным тактом. Завтра мы едем в Каменку, где я получу, конечно, известия о тебе.

Не буду тебе описывать подробно, что произошло в Москве,— это был такой ад кромешный, что я без ужаса не могу вспомнить. Я очень рад, что сразу решился отложить дело развода. Каждый лишний день, проведенный среди московской вони, стоил бы мне месяца жизни. Теперь прежде всего нужно обстоятельно переговорить с Антониной Ивановной и предупредить ее, в чем будет состоять ее роль во всех фазисах дела. Малейшая непрочность в роли может компрометировать все дело, а при колоссальном уме этой дивной женщины чего она не натворит, если не будет как следует промуштрована! [...]

[...] Прощай, мой милый. Лелею себя надеждой увидеться с тобой.

Целую нежно тебя и Колю.

Твой П. Чайковский.

366. М. И. Чайковскому

Киев,
12 июня [1878 г.]

Мы остановились на сутки в Киеве. До Ворожбы ехали с Кондратьевым. Тут мы встретили Малю, едущую из Каменки, а когда пришел поезд, с которым мы должны были ехать, то в нем оказались А л е ш а со всем моим добром, Лизавета Васильевна, Катерина Васильевна, Коля, Саша Переслени. Я решился остаться на сутки в Киеве, отчасти чтобы побаловать себя, отчасти для покупки разных нужных вещей и в том числе патронов для ружья. Алеша передал мне уже здесь письмо твое, пришедшее в Москву без меня. Не можешь себе представить, Модя, как я был счастлив, читая, что ты доволен и не скучаешь. Что касается твоей такой мысли, что ты теряешь привязанность Коли, то об этом нужно говорить или много или ничего. Но я думаю, что ты ошибаешься. Мнение о нем Саши, впрочем, несколько повлияло на меня. Мне иногда кажется, что он вообще не г л у б о к о чувствует и что по натуре мало способен к беззаветным привязанностям. Но ты? — это другое дело. Ты один, на котором сосредоточились все силы его сердца. В этом я непоколебимо уверен.

Модя! вчера утром, одевшись, мы с Толей отправились в Братский монастырь. Никогда еще благолепие православной службы так сильно не действовало на меня, как тут. Служил чудный старец-епископ, но не знаю, тот ли, который очаровал Miss Eastwood. Божественная вещь православная служба при

такой обстановке. Я трепетал от художественного восторга, и Анатолий тоже. Потом купались в Днепре, обедали дома, гуляли по Крещатику, пили чай с Димой, ходили в Шато де Флер, где, к несчастию, встретил множество знакомых. Всего противнее было выслушивать от некоторых из них сплетни про музыкантов. Ах, какое гнилое и дрянное дерево русская музыка, мнящая быть гордым дубом!

Спал скверно, ибо ужинал. Сегодня едем вечером в Каменку. Денег истрачено видимо-невидимо. Сейчас пойдем купаться.

Целую тебя и Колю миллион раз. Твой П. Чайковский.

367. М. И. Чайковскому

Каменка,
15 июня [1878 г.]

Модя! Мы приехали сюда третьего дня. Я подъезжал к Каменке с удовольствием. Несмотря на все ее недостатки, все-таки я ехал д о м о й, а в гостях как ни хорошо, но дома, как известно, лучше. Нас встретили Анна и Вера и тотчас же обдали мои приятные ощущения ведром холодной воды. Они сообщили нам, что Саша очень больна. У нее припадок ее обычной болезни, но в сильнейшей степени, так что уже несколько дней сильнейшие страдания не прекращаются, и только морфин несколько облегчал ее. Приехали домой. Лева ходит, как тень, худой и бледный. Тишина мертвая. На секунду появилась бледная Таня и, даже не обратив на нас ни малейшего внимания, шепнула: «п р и п а р к у» и тотчас же исчезла. Весь этот день был ужасен. Вечером у Тани, которая не отходила от матери, несколько дней не спала и не ела, был сильнейший припадок истерики. К больной никого не пускали. Все говорили шопотом. Словом, было грустно и тяжело. Но с ночи Саша начала чувствовать облегчение. Утром нас на секунду к ней впустили поздороваться. Затем в течение дня облегчение шло все crescendo, и вечером в Сашиной спальне образовался целый раут. Сегодня она en pleine convalescence*. Все повеселели, Таня ожила, Ука получил позволение снова бегать и показываться во всех комнатах, вечером Лева уже ездил верхом, ну, словом, все приняло свой обычный вид.

Хатка моя прелестна вследствие массы цветов, уже вполне созревших **. Алеша, приехавши двумя днями раньше, привел

---

* вполне здорова *(Прим. Чайковского.)*

** Но очень странно не видеть среди всего этого тебя и Колю! *(Прим. Чайковского.)*

все в порядок, Вера наготовила воз с цветами. Сегодня я уже стал заниматься, т. е. переписывать сонату. Вечером ходил гулять, но был застигнут грозой. Вот уже три дня сряду, что грозы следуют одна за другой непрерывно.

Все твои письма получил и читал их с наслаждением. Твоим советом относительно «Page d'amour» воспользуюсь впоследствии [1]. В настоящую минуту мне романы вообще и Zola в особенности противны. У меня набралось множество всякого рода с т а р и н ы, и я не могу оторваться от прелестей XVIII века.

Идет речь о спектакле, и мы все не допускаем мысли, что ты не будешь в нем участвовать. В июле ты должен приехать сюда. Меня несказанно радуют твои хорошие отношения с Алиной.

Модя! Как адресовать тебе, чтобы письма доходили скорее, т. е. на какую станцию железной дороги? А то я боюсь, что письма сначала попадают в Екатеринослав, потом в Новомосковск и т. д. Обнимаю тебя несчетное число раз, а также Колю.

Твой П. Чайковский.

368. М. И. Чайковскому

Каменка,
18 июня [1878 г.]

Пишу тебе, мой милый Модя, вечером после ужина и не на своей бумаге, ибо Анатолий опять возобновил свой роман с Агафьей и в настоящую минуту находится в нашем домике вместе с этой туземкой.

Ты бы не узнал теперь садика, окружающего наш домик,— до такой степени он разросся. Масса цветов буквально неисчерпаемая, ибо каждый день делается несколько букетов для меня и для наших гостей, и их все-таки остается неисчислимо много.

С свойственной мне аккуратностью в распорядке дня, я распределил свои дневные занятия точно так же, как при тебе. Вообще все происходит, как в то время,— разница только в том, что вместо тебя Толя, а вместо Коли... никого. Милый Колька! часто просыпается во мне моя нежная склонность к нему, часто воображаю себе его милую рожицу, и иногда так хочется увидеть его, послушать его болтовню! Твое последнее письмо с описанием революционера я получил еще третьего дня [1]; хотел писать вчера, но случилось, что прельщенный чудной серенькой, но сухой погодой я прямо с обеда пошел гулять и возвратился лишь к ужину. Сегодня мы все ездили

в Зрубанец сбирать земляничку, я же ходил пешком и хотя опять чувствую себя весьма усталым, но откладывать письма не хочу, дабы ты не беспокоился о Саше и о всех вообще.

Саша совсем выздоровела, но еще очень худа. Я нахожу, что переход от сильной болезни к здоровому состоянию совершился слишком непосредственно, что она недостаточно отлежалась, и потому побаиваюсь, как бы опять что-нибудь не случилось. Третьего дня в воскресенье у нас даже составился импровизированный бал, в коем я был тапером и Саша хозяйничала, как будто никогда и не бывала больна. Понемножку уже сбираются к переезду в Вербовку, который состоится через неделю. Я буду очень рад, хотя хатки нашей жалко. Саша Переслени, которая целые дни проводит у нас, переезжает вместе с нами и в Вербовку. Довольно необычное явление представляет пребывание в Каменке Катерины Васильевны. Они оба вместе (т. е. Лев Васильевич и Катерина Васильевна) прелестны. Сегодня утром они были у нас, т. е. в нашей хатке, с визитом, и за пять минут до их появления перед калиткой уже слышалось очаровательное воробьиное их щебетанье. Однакож в этом щебетанье много грустных ноток. Здесь вместе с Катериной Васильевной находятся К о л я и Д и м а[2], оба проваливщиеся на экзаменах и очень суетящие их. Коля сделался необыкновенно противен. Носит невероятной ширины модные панталоны и воротнички преувеличенно большие, без умолку болтает всякий пошлый вздор и вообще производит впечатление балбеса, ни на что негодного. Д и м а, с которым я уже виделся в Киеве, тоже наводит на грустные размышления. Представь, что он без всякого стыда признался мне в присутствии Толи [[...]] Цинизму его нет никаких границ, и все-таки я не могу не питать к этому безобразному мальчишке что-то вроде симпатии.

Я получил письмо от Юргенсона, которому, как ты знаешь, было поручено предупредить [...] о роли ее в производстве бракоразводного дела[3]. Он насилу нашел ее. Наконец свиданье состоялось, и бедный Юргенсон тщетно промучился с ней два часа. По его выражению, разговор вертелся «к а к б е л к а в к о л е с е» и все возвращался к тому, что я ее обманул, что Анатолий коварный интриган и т. д. Про развод она решительно объявила, что «л г а т ь» не согласна, и потому, когда будут доказывать мое прелюбодеяние, она будет доказывать, что это н е п р а в д а!!! Я пришел к убеждению, что ни теперь, ни позже нельзя приступить к делу,— она слишком невозможно глупа. Я ей написал, что десяти тысяч в моем распоряжении больше нет, что если она когда-нибудь

вздумает просить у меня развода, я соглашусь и подчинюсь всяким условиям, кроме денежного вознаграждения, а теперь отказываюсь от предложенных ею условий. Ежемесячную же субсидию буду платить попрежнему, по мере возможности. Модя, напиши, голубчик, когда именно тебя ждать. Ты очень умно делаешь, что решаешься на время расстаться с Колей. Мы затеваем спектакль, и нужно знать, можно ли на тебя рассчитывать.

Целую тебя крепко.

П. Чайковский.

Милого моего Колю целую в глазки, тубки, щечки. Напишу ему в следующем письме.

369. М. И. Чайковскому

Вербовка,
4 июля [1878 г.]

Модя!

Письмо это будет немножко безалаберно, ибо я тороплюсь. Сейчас Лева едет в Каменку, и нужно поспеть тебе написать.

Вербовка прелестна. Ты о ней не имеешь никакого понятия, не видав ее в благоустроенном своем виде. Было бы вполне хорошо, если б 1) не дожди, 2) не болезни, 3) не тайные, внутренние мои тревоги. Дожди идут ежедневно и всегда после обеда, так что все мои прогулки испорчены. Больные здесь постоянно. На другой день после переезда заболел Митя, и был один день, когда все ходили, повеся нос. Теперь он выздоравливает. Была больна Таня, Тася, Толя (воспаление в глазу), Вера (нарыв в ухе).

Что касается внутренних тревог, то они причинены длинным письмом Антонины Ивановны[1]. Из этого письма явствует, что она окончательно сходит с ума. Глупости ее предыдущего, известного тебе письма ничто в сравнении с последним. Дерзостей, мерзостей пропасть, но они, конечно, только забавны. Беспокоит же меня мысль, что она никогда не отстанет от меня. На развод она изъявляет согласие, но требует, чтоб он был произведен так: я должен явиться к ней в Москву, потом мы с ней пойдем к людям (sic!) и предстанем на суд их, причем она выскажет бесстрашно всю правду о моих подлостях, а затем пусть люди, если хотят, разводят нас,— она готова принести эту жертву. Я отвечал на полустраничке, что она получит в августе 2.500 р. для уплаты долга и будет получать по мере возможности свою пенсию. Письма же ее будут возвращаемы к ней нераспечатанными. Теперь я уж отделался от первого впечатления и начинаю забывать, что

все это было. Но не дай бог, чтобы в дурную минуту она попалась ко мне навстречу в Москве. Боюсь, как бы я не имел слабости притти в ярость.

Какие еще у нас новости? Перемена повара. Бедного Филиппа жена не пустила в Вербовку; он, было, удрал от нее сюда пешком, но она явилась и увлекла его. Сегодня в первый раз готовил новый повар из Лозановки, и мы ставили ему баллы. В среднем балл вышел едва-едва переводный: 2½. Вчера мы ходили с Толей на уток, а сегодня с Левой и Романом ездили на дроф. Охота была полна эмоций; мы подкрались первый раз на расстоянии нескольких шагов, дали залп... и ни одна не осталась на месте из большого стада.

Решено играть «Женитьбу» Гоголя. Распределение ролей: Подколесин — Толя, Кочкарев — Плесский, Агафья Тихоновна — Наталья Андреевна, сваха — Таня, тетка — Саша Переслени, Яичница — Бирюков, Жевакин — Коля Переслени, Анучкин — Шеньян, купец — А. И. Шидловский, я режиссер! Когда ты приедешь? В последнем письме ты об этом ничего не пишешь. Как меня радуют твои письма! И как я хвалю себя за то, что не поощрял твоего сепаратизма. Прощай, родной. Колю, моего милого голубчика, нежно целую. Модя, что за прелесть Ука! Ради его одного стоит сюда приехать.

Твой П. Чайковский.

370. М. И. Чайковскому

Вербовка,
7 июля 1878 г.

Милый мой Модя!

За последнюю неделю я окончательно превратился в какую-то Диану богиню,— чуть не каждый день хожу на охоту. В воскресенье была большая охота с Вишницким, Волоховым, Романом, Тихоном и т. д. Было убито довольно много, но я по обыкновению только пукал. Репетиции спектакля начались вчера. В распределении ролей совершилась перемена; Лева не хочет, чтоб Таня играла сваху. Ее роль взяла Саша. Яичницу за неимением другого играет Дима. Владимир Андреевич отказался от участия в спектакле. Кроме «Женитьбы» для Тани и Саши мы поставим две сцены: 1) сцена двух дам из «Мертвых Душ» и 2) сцена двух дам из «Misantrope». Вчерашняя репетиция обнаружила, что Наталья Андреевна будет восхитительно хороша как фигура, но интонации несколько однообразны. Саша превосходно играет сваху. Коля Переслени хотя пересаливает, но недурно исполняет роль Же-

вакина. Толя весьма порядочно играл Подколесина; Бирюков не знал роли.

Теперь все здоровы здесь, и было бы очень весело, если б не отвратительная погода и не ежедневные дожди. Третьего дня мы ездили в вербовский лес собирать грибы. Там появились п о д о с и н о в и к и и в такой массе, какой я никогда нигде не видывал. В этот же день Саша ездила с тремя меньшими и Мисс И с т в у д к Раевским, и с целым рядом приключений. На возвратном пути их настигла гроза, Сашу едва не убили лошади, все промокли, кое-как добрались до Каменки и вернулись сюда уже поздно вечером, застав всех нас в страшном беспокойстве.

Толя уезжает тотчас после спектакля. Я около 20-го числа уеду ненадолго в Браилово, где между прочим получу 2 500 р., которые нужно заплатить Антонине Ивановне. До чего неисчерпаемо щедра и добра эта Надежда Филаретовна! Переписка наша идет попрежнему. 18 июля она уезжает со всем семейством заграницу, а я тотчас после нее приеду в Браилово и проведу там дней пять или шесть. Мне нужно бы также съездить к Кондратьеву, да я стесняюсь поехать к нему, ибо не хотелось бы оставаться там долго, а он будет меня всячески удерживать. Модя, хоть бы ты написал определительно, когда будешь сюда. А то не съехаться ли нам у Кондратьева? По получении сего тотчас же напиши как можно определеннее, когда ты можешь урваться. Если ты решил ехать к Жедринским, то хорошо бы было, если б ты сюда явился к началу будущего месяца.

Все очень огорчены, что тебя не будет на нашем спектакле. Я усердно переписываю свои пьесы, но еще очень много осталось работы. О либретто и опере покамест вовсе не думаю. Здоровье и сон (тпфу, тпфу, тпфу) превосходные.

Целую тебя нежно.

Твой П. Чайковский.

371. А. И. Чайковскому

Вербовка,
19 июля [1878 г.]

Проводивши тебя, поехал в большой дом. Там шла двухчасовая суета по случаю отъезда Ипполита и всеобщего провожания. Я был болен, грустен и зол. С железной дороги поехали прямо в Вербовку. Я ехал с Натальей Андреевной в дрожках и все молчал. Предоставляю тебе представить себе, какое ощущение я испытал в виду твоей опустевшей комнаты. Принял на ночь прописанное Дериченкой лекарство (ревень с магнезией).

Спал не особенно хорошо и встал весьма рано. Желудок все еще не совсем в порядке. Встали сегодня все очень поздно. Саша Переслени весь вечер плакала и всю ночь бредила и кричала; — можешь гордиться, она, кажется, не в шутку втюрилась в тебя. Грустные мои чувства были слегка рассеяны видом Натальи Андреевны, появившейся на балконе около десяти часов и тотчас же уничтожившей десять огурцов с медом и стакан кофе с большим количеством хлеба и масла.

В двенадцать часов приехал Алеша, которого я посылал с человеком Надежды Филаретовны, вместе с сим последним, передавшим мне деньги, милое письмо и превосходный альбом брайловских видов [1]. Теперь второй час. Сейчас будут обедать, а после обеда Таня с Сашей едут в Каменку к Бирюковым, а я тороплюсь воспользоваться этим случаем и написать тебе.

О Модесте ни слуху ни духу. Прощай, мой дорогой! Не хандри, будь весел и жди меня.

О Париже в письме Надежды Филаретовны нет ни слова. Таким образом я увижусь с тобой не раньше конца августа.

Целую тебя бесчетное число раз.

Твой П. Чайковский.

372. А. И. Чайковскому

Вербовка,
21 июля [1878 г.]

Толя!

Только сегодня я начинаю оправляться окончательно от нездоровья. Все эти дни я продолжал недомогать, хандрить и грустить об тебе. В эту минуту воображаю тебя сидящим у Юргенсона. Увидишься ли с Николаем Львовичем?

Вчера в одиннадцать часов утра приехал М о д е с т. Что за безалаберный человек! Он почему-то вообразил себе, что спектакль должен был быть вчера, и очень был сокрушен, узнав, что тебя нет. Он был убежден, что застанет тебя. Своим пребыванием у Жедринских в Рыбнице он очень доволен. Там был Апухтин, и было очень весело. Володя был тоже там. Машеньку сватает богатый старик Стремоухов, но она колеблется, а родители, кажется, желают этого. У них тоже был спектакль. Модест очень потолстел. Видно по всему, что он благоденствовал в Гранкине. Отношения его с Алиной Ивановной превосходны. Зато насчет Коли у него явились разные сомнения, недоразумения и затруднения. Модест жалуется на его с у х о с т ь с е р д ц а и боится, что он похож в этом отношении на родителей. После обеда мы все, т. е. Модест, я, Саша, Таня и Наталья Андреевна, ходили в В ы с о к о е. Я брал ружье.

Всем было грустно при мысли, что тебя с нами нет. Далеко не такая это была веселая прогулка, как с тобой. После ужина Саша Переслени и Таня сыграли Модесту (в костюмах) обе свои сцены, а Наталья Андреевна прочла монолог свой. Модест хохотал, как сумасшедший. В заключение мы спели ему: с н а ч а л а м ы и Наталья Андреевна проплясала по положению, но опять-таки всем и мне в особенности сделалось грустно, ибо тебя не было тут.

Лева уехал в Чигирин на съезд. Сегодня утром скончалась старуха Горовая. Роман, Соня, но в особенности Вера в большом горе.

Пожалуйста, милый мой, дорогой, позаботься об успокоении своих сильно расстроенных нервов. Для этого я считаю необходимым, чтобы 1) ты окончательно разделался с Фаллизом, 2) не поддавался на кутежи с Ларошем и пил менее, 3) чтоб ты не предавался бесцельной хандре. Если тебе взгрустнется обо мне, то помни, что мы скоро наверное увидимся, что я совершенно здоров, что дела мои отличны, что с [...] я разделался, что, следовательно, мое благополучие упрочено. В разлуке живее чувствуется любовь, и мне более чем когда-либо хочется в эту минуту сказать тебе, что я безмерно и бесконечно тебя люблю. Как я буду покоен и рад, когда получу от тебя письмо, из коего увижу, что ты не хандришь.

Я поеду в Браилово около 1-го августа и проведу там неделю. Все лучше будет, если ты мне и туда напишешь. Целую тебя бесчетно.

Твой П. Чайковский.

373. А. И. Чайковскому

Вербовка,
25 июля [1878 г.]

Милый мой!

Вчера получил твое московское письмо, которое тем более меня обрадовало, что с самого твоего отъезда я все еще не могу поправиться и вчера чувствовал себя целый день скверно, был не в духе, злился. Письмо твое пролило целительный бальзам в мою душу. Ничего серьезного у меня нет, но все-таки я не в нормальном своем состоянии здоровяка. Между прочим, у меня два дни сряду зуб болел и даже была une rage de dent *, от которой случайно бывший тут Роман Ефимыч меня спас чудеснейшим средством, которое и тебе рекомендую: х л о р о ф о р м о м. Вчера зубная боль продолжалась, но уже как отда-

* мучительная зубная боль

ленное воспоминание о вытерпенной накануне боли. Мне кажется, что сегодня я уж окончательно вхожу в свою тарелку.

Наступили последние дни пребывания в Вербовке Анны и Саши Переслени. Они обе уезжают 30-го в воскресенье. В этот же день и я уеду в Браилово, а Модест останется пока здесь. Вероятно, около 5-го числа мы с ним съедемся в Киеве и вместе побываем у Кондратьева, от которого ему уже недалеко до Гранкина.

Лева вернулся из Чигирина третьего дня. Без него тут совершились очень важные происшествия, из которых последнее и тебя удивит: 1) умерла бабушка Горовая и 2) А. И. Шидловский покинул семейство навсегда. Это случилось три дня тому назад и вот почему. Он целый день, вместо занятий с Верой, делал ей признания в любви и довел бедную девочку до того, что она пошла жаловаться Саше. Вечером произошло объяснение, результатом коего была его отставка от должности учителя. На другой день утром он уехал. Никто особенно не сожалеет его. Вера ликует, Тася тоже. Лева очень доволен.

Вчера все, кроме меня, Веры и Натальи Андреевны, ездили опять в Каменку. Вечером мы все соединились в Высоком и пили там чай. Вечер был восхитительный, но я мало наслаждался по нездоровью. Только к концу, особенно по получении твоего письма, почувствовал себя хорошо.

Модест прочел мне продолжение своей повести. Оно очень хорошо, но меня несколько пугает масса лиц, участвующих в повести. Вообще повесть страдает от недостаточности формы, хотя отдельные эпизоды очень удачны. Сегодня именины Анны. Я подарил ей десять рублей. Вечером собираются ехать в вербовский лес. Я непостижимо охладел к охоте и весьма рад, что Лева не устраивает ничего по этой части. Целую тебя, мой голубчик. Я совсем не шутя сказал, что буду в Питере в конце августа. Даю честное слово, что буду.

Твой П. Чайковский.

374. А. И. Чайковскому

Вербовка,
28 июля [1878 г.]

Вчера получил твое первое петербургское письмо. Мне досадно, что Коля уезжает. Я сильно рассчитывал на то, что его сообщество все-таки будет тебе ресурсом.

У нас все благополучно, и все идет своим порядком. Наталья Андреевна каждое утро в моем присутствии съедает около десяти-двенадцати огурцов, потом я занимаюсь коррек-

турой «Евгения Онегина», после совершаются общие прогулки, преимущественно в Высокое, вечером Саша Переслени паясничает, Таня на разные манеры ломается и т. д. Но чем более приближается день отъезда, тем чаще и более всем делается грустно. Признаюсь, что мне ужасно жаль Саши Переслени. Можно положительно сказать, что она за все свое пребывание здесь была безусловно душою общества. Я хотел выехать в одно время с ними, т. е. завтра, в воскресенье, в Браилово, но по разным соображениям отложил поездку. Главные причины: 1) не хочется ехать в Браилово, пока не кончу корректуры «Онегина», и 2) не хочется бросать здесь Модеста одного. Я решился 5 или 6-го числа вместе с Модестом выехать в Киев, оттуда вместе с ним же съездить дня на два к Кондратьеву и кстати устроить там Колю Переслени и уж потом ехать в Браилово и отдыхать там несколько дней безусловно.

Вчера была поездка в Тарапун и от нас и из Каменки. Я все время злился. Вообще я все злюсь, на кого и на что — неизвестно; обыкновенно на первого попавшегося. Это доказывает, что свойственная мне мизантропия начинает сильно давать себя чувствовать и что нужно на несколько времени уединиться. В этом отношении Браилово будет мне очень полезно. Я совсем охладел к охоте до того, что вид ружья наводит на меня тоску. Но в физическом отношении здоровье мое превосходно,— сплю и ем отлично. Если б ты знал, какая мерзость корректура оперы! Хорош Кашкин! После трех корректур ошибок, как мух в вербовской буфетной.

Сегодня в последний день пребывания здесь Анны и Саши мы пойдем все пешком в Высокое. Завтра обед в Каменке и вечером провожание отъезжающих.

Прощай, моя радость. Ради бога, не хандри и будь здоров.

Твой П. Чайковский.

375. А. И. Чайковскому

Вербовка,
31 июля [1878 г.]

Я думаю, эти дни тебе икалось, Толя! Третьего дня мы ходили пешком в Высокое, и туда Лева привез из Каменки письма, в том числе и Саше Переслени. Прочитав его, она сделалась бледна, как полотно, и очень расстроена. На вопрос, в чем дело, она не хотела отвечать. На другой день утром я узнал, что она имела глупость написать Базилевскому, что ты за ней сильно ухаживаешь и что она боится за себя. Он отве-

чал ей очень резкими упреками и объявил, что если будет так продолжаться, т. е. если она будет позволять ухаживать за собой, то он от нее откажется, хотя это и будет ему стоить жизни. Одним словом, письмо очень неприятное. Много было говорено о тебе. Таня была очень возмущена твоим поведением и удивлялась, что человек, читавший ей так много наставлений, поощряет кокетничанье девушки, невесты другого. Она видела какие-то твои рукопожатия в вечер спектакля. Насилу я им доказал, что ты и не думал ухаживать за Сашей, что, напротив, она за тобой ухаживала, что тебе она вовсе не нравится, что ты стеснялся ее авансами и т. д. Лева тоже стоял за тебя. В конце концов твой адвокат, т. е. я, совершенно выиграл дело, окончившееся головомойкой, заданной сестрой Сашей Саше Переслени за легкомысленность. И в самом деле — это поистине пересленское легкомыслие. Ну, положим, кокетничала, допустим даже, что ты ухаживал,— но зачем было писать про это? У Базилевского она просила прощения и объяснила, что все это глупости.

Вчера совершился отъезд. Саша с Левой тоже уехали в Киев на один день. Вчера вся Вербовка, за исключением меня и мисс Иствуд, ездила обедать в Каменку и провожать уезжающих. Я не ездил, ибо был нездоров. У меня сильно болела от простуды спина и был жарок. Я рад был провести денек в полном одиночестве, и к вечеру мне стало легче, а сегодня я совсем здоров. Таня престранная девочка. Все возвратились вчера в грустном состоянии духа, а у Натальи Андреевны даже были распухшие глаза. Одна Таня имела веселый вид и даже напустила на себя какую-то пересленскую шаловливость, весьма контрастировавшую с ее обычным в последнее время мрачном видом. Вообще как жаль, что она все что-то на себя напускает. Нечего сказать, ломака изрядная! Как выигрывает Саша Переслени рядом с ней, несмотря на все свое сумасшествие! Как я люблю цельные, непосредственные натуры, хотя бы и не особенно тонкие! Анна была последние дни очень грустна и нежна со всеми. А M-lle Ган плакала при отъезде, — кто бы мог этого ожидать? Сегодня у нас здесь республика. Саша с Левой вернутся завтра.

Я был и рад твоему последнему письму, но вместе и сердился немножко за слабохарактерность твою, приведшую тебя в омерзительное общество Ивашева. Какая в сущности дрянная скотина наш друг Ларош! Кстати, Толичка! Ты пишешь, что сидишь без денег; я было хотел тебе послать, но сообразил, что ты как-нибудь до моего приезда обойдешься. Если нужно сейчас, то, пожалуйста, телеграфируй, и глупо

будет, если ты станешь ломаться. Деньги есть. Целую тебя множество раз. Я все вожусь с корректурой «Онегина».

Твой П. Чайковский.

Толя, займи денег у Папаши, я отдам, когда приеду. Пожалуйста, сделай это.

376. А. И. Чайковскому

Вербовка,
3 августа [1878 г.]

Что тебе рассказать новенького? Ничего особенного не было. Саша с Левой возвратились из Киева. Аккуратно каждый день мы вечером отправляемся в Высокое и пьем чай собственными средствами, т. е. сами ставим самовар, причем наибольший труд падает на Наталью Андреевну. Погода стояла все это время чудная. Только сегодня поднялся отвратительный ветер с пылью. А лучше бы дождь! Лева говорит, что он дал бы охотно три тысячи рублей за дождь. Здоровье мое отлично, но я мало наслаждаюсь тем dolce far niente*, на которое имею теперь полнейшее право вследствие того, что все работы кончил. Даже корректура «Онегина» приведена к вожделенному концу. Я сыграл здешним всю оперу и произвел не малый эффект[1]. Мне самому эта музыка очень нравится. Мало же я наслаждаюсь ничегонеделанием по безобразию своей натуры, вечно находящейся в ожидании каких-то невероятных наслаждений и вечно неудовлетворенной. Вчера я насилу дождался обеда. После обеда насилу дождался прогулки. Во время прогулки насилу дождался чаю. После чаю насилу дождался восхода луны. После ждал ужина, после — права итти спать... а после спал, и хорошо спал. Сон едва ли не величайшее благо в жизни. Он дает нам силу, начиная с следующего утра опять, опять все чего-то ждать. Теперь я начинаю с беспокойством думать, что скоро предстоит отъезд. Я знаю, что только уехавши из Вербовки я вполне оценю прелесть здешней тихой и покойной жизни. Жалеть прошедшее и надеяться на будущее, никогда не удовлетворяясь настоящим, вот в чем проходит вся моя жизнь. Впрочем, я так мрачно отношусь сегодня к жизни [потому], что погода так омерзительна. Ветер и пыль невыносимо скучные.

Ты не можешь себе представить, Толичка, до чего сделался обворожителен Юрий. Он, как по мановению какого-то жезла, вдруг стал говорить все и как чудно говорить! Курьез-

* блаженная праздность

нее всего, что он про себя иначе не говорит, как в женском роде: «я пришла, я пила, я была» и т. д. Бобик тоже радует взор и сердце. Он теперь ужасно пристрастился к рисованию, и Модест каждое утро дает ему урок. Способности у него несомненные.

По получении сего письма напиши мне хоть одно (а лучше два) письма в Браилов, где я буду около 10-го числа (Одесская ж. д., ст. Жмеринка). Вчера получил длинное, милое письмо от Котика. Он живет на даче близ Берлина и очень доволен; милое и доброе существо этот Котик! От Николая Львовича тоже получил письмо с извещением, что он нашел для меня прелестную квартиру. Я телеграфировал, чтобы нанял ее. Мне нравится, что квартира эта совсем отдельный флигелек внутри двора на Молчановке.

Целую тебя, мой родной, крепко, крепко.

Твой П. Чайковский.

До свиданья! Недели через три увидимся.

377. А. И. Чайковскому

1878 г. августа 8. Ворожба[1].

Ворожба.

Мы выехали в субботу вечером из Вербовки. Провожали все. Мне было немножко грустно, хотя уехал и не надолго. Но когда я возвращусь, уже не будет ни тебя, ни Моди, ни Алеши, и на носу будет сидеть распроклятая Москва.

В Киев мы приехали в девять часов утра и, переодевшись, отправились в Братский монастырь, где я опять наслаждался благолепием архиерейской службы. Купались, завтракали, шлялись по Крещатику, обедали и вечер провели в Château, где я очень потешался пением еврейского квартета. На другой день завтракали с Андрюшей Апухтиным, с которым уже встретились накануне. Он очень потолстел. Потом опять шлялись. Обедали в Château, а в 9,50 выехали. Вагоны были переполнены так, что в первый класс были усажены пассажиры второго класса. Всю ночь не спали. Теперь приходится ждать поезда, который пойдет в час, а мы приехали сюда в девять. Я гулял. У Кондратьева пробудем до четверга 10-го, а в пятницу вечером я надеюсь быть в Браилове. Вообще я нахожусь в состоянии духа не особенно приятном и очень вздыхаю о вербовской тишине и мире. Между прочими покупками я приобрел в Киеве платье для Натальи Андреевны. Вообще денег издержал баснословно много.

Убийство Мезенцова очень меня раздражает. Курс наш все падает. Вообще на горизонте черные тучи. А впрочем, я совершенно здоров и благополучен. Думаю в Питер приехать не через Москву, а через Ландварово-Роменскую дорогу.

До свиданья, голубчик мой. Вероятно, из Низов еще напишу. Мне кажется, что там мне будет весело.

Твой П. Чайковский.

378. А. И. Чайковскому

Браилов,
12 августа [1878 г.]

Получил оба твои письма, одно в Низах, другое здесь. В Низах мы провели менее двух суток и довольно приятно, хотя Кондратьева я застал серьезно больным, сильно похудевшим и слабым. Он заболел еще в Петербурге и с тех пор в продолжении двух месяцев не может поправиться. Все тело его, руки и голова покрыты какой-то странной сыпью, до того странной, что Модест заподозрил сифилис. Он очень упрашивал меня остаться, но я остался тверд и непоколебим. Модя уехал в один день со мной в противоположную сторону. Путешествие сюда было скучно и неприятно, главное от того, что у меня все побаливает один зуб, да и желудок не был в порядке, но зато здесь я наслаждаюсь. Я приехал вчера вечером и, как и в первый раз, немножко конфузился и чего-то стеснялся. Совестно как-то занимать одному целый дворец и быть предметом ухаживаний. Спал отлично и сегодня чувствую себя как дома. Погода чудная; я пишу сидя на балконе в виду огромных старых деревьев, чудного цветника, монастырских зданий, среди целой массы зелени. Я один и, признаюсь, наслаждаюсь одиночеством. Оно, к счастью, не отравлено грустью, ибо с тобой скоро увижусь, а об Модесте не скучаю оттого, что он сильно соскучился по Коле и с наслаждением возвращался в Гранкино. Я хочу остаться здесь до будущей субботы, потом поехать в Вербовку, а оттуда уже все-таки через Москву в Питер. Окончательно в Москву я возвращусь уже к 4 сентября. В Питер я приеду вероятно около 31-го августа или 1-го сентября.

Толичка, постарайся как-нибудь устроить свои денежные дела до моего приезда,— мне лень посылать отсюда деньги. При свиданье я тебе дам, сколько окажется нужно.

К браиловским прелестям прибавилась еще одна. В первый приезд нельзя было еще купаться; теперь же купанье превос-

ходное. Не сердись за неточность и необстоятельность этого письма. Мне нужно написать разом: тебе, Модесту [1], Котеку, в Каменку и Надежде Филаретовне. Хотя мне здесь отлично, но с неменьшим удовольствием я поеду отсюда в Вербовку. В Сумах виделся с Колей Пересленн. Представь, что он с Алешей Киселевым уже несколько раз обедал в трактире и они на ты. Удружил я Лизавете Васильевне, нечего сказать! Целую тебя, голубчик, тысячу раз.

П. Чайковский.

379. А. И. Чайковскому

1878 г. августа 14. Браилов [1]. Вербовка.

Толя! Старушка Кондратьева просила меня ходатайствовать у Коли [2], чтобы он дал место ее зятю Селастенникову. Я писал ему из Низов, но недостаточно обстоятельно. Вот чего просит этот господин.

Место или агентуру по железнодорожной части, преимущественно в Харькове. Согласен был бы и на другой город, но непременно университетский. Жалованье или жалованье с процентами он желал бы до трех тысяч рублей. Он писал об этом Коле с месяц тому назад. Но ответа до сих пор нет. Пожалуйста, милый мой, попроси об этом Колю. Бедная старушка Кондратьева все отдала и всего лишилась ради своей дочери, жены этого Селастенникова, и теперь не знает, что делать.

Я здоров и весел, несмотря на дурную погоду. Вчера целый день выл совсем осенний ветер, а сегодня дождь с утра. Минутами бывает грустно, но вообще я не скучаю. Чтенья бездна, музицировать тоже можно сколько угодно. К тому же, я долго здесь не останусь. Сегодня понедельник, а в субботу утром я уже поеду в Вербовку. С тобой увижусь около 1-го сентября. Я буду тебе телеграфировать о дне приезда. Не помню, писал ли я тебе, что квартиру Николай Львович уже нанял мне на Молчановке. Я решил жить собственным хозяйством, т. е. держать кухарку. Хочу вообще экономничать и даже копить. Вообще строй моей жизни будет теперь совсем другой.

Жажду тебя видеть, расцеловать и о многом поговорить. Пожалуйста, не пьянствуй и не водись с Ларошем. Целую тысячу раз.

Твой П. Чайковский.

Котик, бедный, скучает в Берлине.

380. М. И. Чайковскому

Браилов,
16 августа [1878 г.]

Пребывание мое здесь приближается к концу. Я решился ехать не в субботу вечером, как предполагал, а в пятницу утром. И в этот раз Анатолию было суждено сократить и отравить мое пребывание здесь. Я получил от него отчаянное письмо с жалобой на тоску, хандру и с убедительной просьбой приехать скорее. Хотя в конце письма он и просит меня не обращать внимания на его меланхолию, хотя я и отлично знаю, что он несколько блажит и распускается в дешевой и беспричинной слезоточивости,— но все-таки прелесть моего пребывания здесь отравлена. Согласно его просьбе, я отвечал по телеграфу, что приеду ранее, чем было назначено в программе. В Вербовке я останусь недолго, а Кондратьева совсем похерю. Таким образом, я доживаю последние дни браиловского уединения уже больше по обязанности, чем по внутреннему влечению!

Тем не менее я пришел к совершенно непоколебимому заключению, что я могу найти полное удовлетворение от жизни только в форме деревенской и по большей части одинокой жизни. Да! если б можно было, я бы сейчас же согласился навсегда причалить к подобной пристани и весь свой век провековать где-нибудь в глуши, но с тем, чтоб от времени до времени видеться и принимать у себя нескольких близких, а также имея в своем сундуке или портфеле средства посещать столицы, чужие края и другие деревни. Я создан для подобной жизни. Глинка напрасно называл себя мимозой. Я мимоза, а не он. Только среди деревенского простора, тишины и одиночества я бы мог раскрывать свои листики и жить нормальною жизнью. Сколько я теперь мечтал об этом! Как часто воображал себя в уютном деревенском домике, ожидающим тебя, принимающим тебя, болтающим с тобой! Какую бы цену имели эти свидания! Чего бы я ни прочитал! Читать, живя в городе и имея обязательные занятия, тоже нельзя как следует.

Кстати о чтении. Я с ума схожу от Альфреда Мюссе. Сегодня я кричал от восторга, читая «Les caprices de Marianne» и, конечно, тотчас же решил написать на это оперу[1]. Как твое мнение? Я нахожу один большой недостаток для оперы: это то, что Coelio и Marianne ни разу не встречаются, ни разу не появляются вместе. Правда? Но зато что это за прелесть! Я влюблен в Coelio. [...]

Надеюсь, что в Вербовке найду от тебя письмо. В лес езжу каждый день, несмотря на дурную погоду. Купанье пре-

лесть. Вообще я все-таки доволен Браиловым. От Надежды Филаретовны писем нет.

Целую тебя и Колю нежно.

П. Чайковский.

381. А. И. Чайковскому

Браилов,
17 августа [1878 г.]

Милый мой!

Я завтра, 18-го числа, в пятницу утром, еду в Вербовку, куда прибуду в одиннадцать часов утра. Я останусь там дней шесть, а потом проеду в Питер через Москву, где, вероятно, даже не остановлюсь.

Я уезжаю отсюда не без сожаления. Я мог бы без всякой скуки долго жить таким образом, но для этого нужно полное спокойствие, а у меня его нет. Я начинаю, по выражению Кондратьева, суетиться. Меня суетит масса верст, которые мне предстоит проехать. Меня также немножко мучит, что я нарушу честное слово, данное больному Кондратьеву. Но вообще мне здесь было очень хорошо, как и в первый раз.

Не пишу много, ибо в виду скорого свидания лень распространяться. С величайшим удовольствием помышляю о свидании с тобой и с нашим дорогим, милым Папочкой.

Целую несчетное число раз.

Твой П. Чайковский.

382. М. И. Чайковскому

Вербовка,
21 августа [1878 г.]

Вот уже третий день, что я здесь. Приезд мой в Вербовку ознаменовался маленькою неприятностью, и даже не маленькою. Меня встретили Лева, Лизавета Васильевна, Наталья Андреевна и Вера. Лева говорит: «Дай багажную квитанцию!» Я в карман — хвать! — бумажника нет! В нем было шестьдесят рублей денег и разные нужные бумажки. Итак, в эту поездку я утратил портсигар, палку и бумажник. Где он пропал, я не знаю. В Фастове я сидел шесть часов в скучной компании Саши Гудима (удирающего заграницу) и очень помню, как положил квитанцию в бумажник. Вероятно, его вытащили во время сна. Счастье, что по совету Алеши остальные деньги были в мешке под рубашкой.

Мне было очень приятно вернуться в Вербовку. В тот же день мы ходили в лес и пили чай. Здесь несколько дней гостила Александра Ивановна, которой гораздо лучше. Вче-

ра была охота на перепелок. Я ощущал только одно утомление без всякого удовольствия. Вообще, как мне ни приятно здесь, а все-таки минутами является потребность спрятаться к себе и искать успокоения от милого, но многочисленного общества. Бедная Наталья Андреевна должна была вчера поневоле уехать в Каменку. К Плесским приехал больной племянник Кружилин, старший брат Феди, и вчера умер. Она должна была ехать домой для похорон. Сегодня здесь провела день Лизавета Васильевна. Вечером разыгралась страшнейшая гроза. Вчера у меня была маленькая сцена. Она обвиняла Толю в подлости по поводу Саши Переслени; я заступался. Наконец, она расплакалась, и мне стало так жалко ее, что я постарался окончить наш спор, в котором, впрочем, ни с той, ни с другой стороны не было злобы. Но какая, оказывается, стервенка эта Переслени! Как она врала и клеветала на бедного Толю, который и не подозревал, что Саша в глазах Тани расписала его величайшим негодяем, хотевшим соблазнить ее.

Я получил сегодня твое первое письмо, мой милый мальчик, и был тронут им. Оно внушило мне сильное желание повидаться с тобой. Буду ждать тебя в Москве. Лева очень уговаривает меня остаться до воскресенья, чтобы присутствовать на охоте с облавой в большом лесу. Вероятно, я останусь и в понедельник уеду. В Браилове я написал оркестровое Скерцо. Здесь пишу Introduzione e Fuga. Обе эти вещи войдут в состав сюиты, которую я хочу теперь сделать, чтобы уж надолго проститься с симфонической музыкой и приняться за оперу [1]. Какая она будет? «Ромео» или «Caprices de Marianne» [2]. Напиши мне твое мнение о последнем.

Саша поручает сказать, что пошлет тебе в четверг все, что ты просил, и напишет тебе.

Целую тебя и Колю.

П. Чайковский.

383. М. И. Чайковскому

Вербовка,
28 августа [1878 г.]

Как пролетела эта неделя, я и не заметил. Было очень весело, было до того приятно, тепло на душе, что нередко слеза прошибала при мысли, что нужно ехать в Москву. Чуть не каждый вечер мы устраивали поездки с чаем в лес, а по утрам я занимался. Представь себе, Модичка, что меня неожиданно обуяло вдохновение. В Браилове я написал Скерцо, здесь

Introduzione e Fuga и Andante. Все это составит оркестровую сюиту, в которую войдут еще Intermezzo и Рондо. И то и другое у меня уже вертится в голове. Я должен был уехать еще третьего дня, в субботу вечером. Но на вчера была назначена большая охота с облавой в лесу, в коей должны были участвовать тридцать два стрелка и около семидесяти человек облавщиков. Я не мог не соблазниться и отложил свою поездку на сегодня, понедельник. К сожалению, удовольствия никакого я не испытал, ибо третьего дня простудился и на охоте чувствовал себя до того дурно, что чуть не плакал и только и думал, как бы поскорее домой *. Наконец, в девять часов я улегся спать, а сегодня проснулся в пять часов совершенно здоровый и бодрый. Теперь семь часов; еще все спят, а я тороплюсь написать тебе, Надежде Филаретовне и Котеку, и эта торопливость, должно быть, дает себя чувствовать.

Мне грустно, что от тебя нет никаких известий, но я объясняю себе это тем, что ты мне уже пишешь в Москву. Анатолий хандрит. Меня это очень суетит и беспокоит. Еду прямо в Петербург. Очень жаль, что его ненормальное душевное состояние прибавляет тревоги к моим первым треволнениям первых дней в Москве, но я надеюсь при свидании повлиять на него благотворно. У меня засело в душе убеждение, что он распускает себя!

Квартиру мне должны уже теперь устраивать. Из письма Юргенсона я вижу, что Николай Львович забрал у него сто двадцать пять рублей; следовательно, что-нибудь он делает.

Мне тяжело будет сегодня расставаться с милой Вербовкой. Лева едет со мной до Киева. Саша в отчаянье, что в прошлый четверг она забыла послать тебе вещи и пшеницу.

Когда-то мы с тобой увидимся?

Целую тысячи раз тебя и Колю.

Твой П. Чайковский.

384. М. И. Чайковскому

Киев,
29 августа [1878 г.]
Гранд-отель.

Вчера, уезжая из Вербовки, я получил твое письмо, Модя. Нечего и говорить, что оно меня, и без того расстроенного, расстроило еще больше. Во-первых, я не мог усмотреть из твоего письма, прошла у тебя жаба или нет, в полном ты

* Охота была неудачна: убито очень мало. *(Прим. Чайковского.)*

выздоровлении или нет. Во-вторых, твои отношения к Конради, все вообще тяжелые и дурные стороны твоего положения, совершенное бессилие помочь тебе и вывести тебя из него — все это меня крайне волнует и огорчает. Но когда уж пойдет на неприятности, то их, как известно, целый ряд.

В Фастове я взял газету («Новое Время») и нашел в ней «Московский фельетон», посвященный грязной, подлой, мерзкой и полной клевет филиппик против Консерватории [1]. Лично про меня там почти ничего нет и даже упоминается, что я занимаюсь одной музыкой, не принимая участия в интригах и дрязгах. Но в одном месте статьи толкуется про амуры профессоров с девицами и в конце ее прибавляется: «есть в Консерватории еще амуры другого рода, но о них, по весьма понятной причине, я говорить не буду» и т. д. Понятно, на что это намек. Итак, тот дамоклов меч в виде газетной инсинуации, которого я боюсь больше всего в мире, опять хватил меня по шее. Положим, что лично до меня инсинуация на сей раз не касается, но тем хуже. Моя [...] репутация падает на всю Консерваторию, и от этого мне еще стыднее, еще тяжелее. Я геройски и философски выдержал этот неожиданный пассаж, продолжал до Киева толковать с Левой о черноземе и т. п., но в душе у меня скребли кошки. В Киеве новый сюрприз! Мы опоздали всего на полчаса, но поезд в Курск уже ушел. Мне так хотелось ехать, двигаться,— не тутто было. Приходится сутки прождать в Киеве, огорчить Анатолия, который будет меня ждать в четверг, тогда как я приеду в пятницу. Вдобавок беспутный Толя, как видно из письма Папаши, переменил квартиру, но адрес его мне неизвестен. Попробую телеграфировать Папаше.

Теперь я воротился от Михаила Васильевича, у которого был с Левой и коего не застали. Сижу дома и пишу тебе. Еще в Фастове, с газетой в руках, я решил, что так дальше продолжаться не будет, т. е., что я должен бросить свою профессуру. Я бы это сейчас сделал, т. е. вовсе не поехал бы в Москву, но квартира нанята, в Консерватории на меня рассчитывают и т. д. Ну, словом, я решился выдержать до декабря, затем на праздники уехать в Каменку и оттуда написать, что я болен, разумеется, предварив по секрету Рубинштейна, чтобы он искал другого профессора. Итак, vive la liberté et surtout vive* Надежда Филаретовна. Нет никакого сомнения, что она апробует мое реше-

---

* да здравствует свобода и особенно да здравствует

ние, следовательно, я могу вести усладительную скитальческую жизнь то в Каменке и Вербовке, то в Петербурге с Вами, то заграницей. Après tout* все к лучшему, и в настоящую минуту я совершенно успокоился насчет всяких газет. Одного только мне нужно для дальнейшего спокойствия это, чтобы ты и Толя были довольны своим положением. Но как это сделать? Приезжай, ради бога, в Москву, смерть хочется отвести с тобой душу. Теперь я пойду в баню, в пять часов обед, а вечером мы будем с Левой в опере, дают «Анду».

Я не могу говорить в коротеньком письме о твоих делах. В голове моей роится масса мыслей по поводу тебя, но высказать их мне трудно, ибо я устал с дороги и нахожусь в несколько раздраженном состоянии. Одно только покамест скажу: ради бога, пиши свою повесть. Только труд, и именно художественный труд, может отвлечь мысли от misères de la vie humaine**. Вместе с тем он даст тебе самостоятельность. Конради (т. е. я говорю о родителях, а не об Коле) сделаются для тебя второстепенным обстоятельством, когда ты будешь не только Колиным воспитателем, но и писателем-художником. А покамест плюнь на них. Я знаю, что́ ты скажешь. Ты скажешь, что, во-первых, нельзя на них плевать, когда поневоле ежедневно с ними сталкиваешься, а во-вторых, что писать тебе некогда, ибо ты целый день занят с Колей. Но все-таки пиши, пиши и пиши. Я бы мог привести тебе себя в пример. Я имел по шесть часов в день убийственных раздражающих занятий в Консерватории, жил с Рубинштейном, которого образ жизни был мне помехой, жил с ним рядом с Консерваторией, из которой постоянно неслись мешающие сочинению звуки этюдов и гамм,— и несмотря на это все-таки писал. Правда, что занятия с Колей тяжелее уроков теории, но тем не менее пиши.

А покамест целую тебя, мой милый, дорогой Модя. В сущности все трынь-трава, когда есть люди, которых любишь, как я люблю тебя, или как ты меня (извини за самоуверенность). Пиши мне в Москву в Консерваторию.

Целую. Здоров ли ты?

Твой П. Чайковский.

---

* В конце концов

** несчастий человеческой жизни

385. М. И. Чайковскому

Петербург,
4 сентября [1878 г.]

Путешествие до Питера было не лишено курьезных приключений. В вагоне своем я встретил несколько знакомых, в том числе Киселева, а также одного доктора, который все спрашивал: «Ну, а что у вас новенького?» Вообще я жестоко злился, но, к счастию, все они вышли раньше Клина. Здесь я обедал и вдруг вижу вдали знакомые очертания спины Лели. Первое мое движение было спрятаться, что я и исполнил с успехом. В Твери я увидел его издали с братьями Жедринскими и опять спрятался. Наконец я очутился один в салоне спального вагона первого класса и только что собрался расположиться спать, как мне вздумалось пойти прогуляться на какой-то маленькой станции. Возвращаюсь и нахожу на диване против себя, кого же?—Лелю!!! Нечего делать. Я успешно разыграл комедию, что рад его видеть и что не ожидал его встретить в поезде. Разумеется, спать почти не пришлось. В Петербурге меня встретил Толя в страшно нервном состоянии духа. Он не получил письма от этого осла Вержбиловича и целый день в тщетном ожидании от меня телеграммы промучился в неизвестности и решил, что я погиб. В карете, которая повезла нас домой, он истерически плакал. Бедный Толя! Мне до такой степени непостижимо поведение Вержбиловича, что решительно не могу себе объяснить, почему письмо не дошло. Мы поселились в пустой квартире Коли. Ежедневно видимся с Апухтиным и с Жедринскими. Из них Володя ужасно подурнел, но мил, Саша очень симпатичен, а Митя был бы восхитительнейшим произведением природы, если бы не руки. В день приезда, в субботу, мы ездили с Толей в Павловск и нашли Папочку здоровым и веселым. Были слезы при встрече. В первый раз в жизни я испытал неловкое ощущение от Папиного общества. Это происходит вследствии умалчивания им о моих прошлогодних катастрофах и воспоминания о том, как он восхищался [...]. Нам дали отличный обед, вечером мы были на музыке, а в Питере ужинали с Володей Жедринским у Палкина. На другой день был обед у Апухтина (я восхищался Митей) и спектакль во французском театре, необыкновенно скучный. Вчера я целое утро писал Надежде Филаретовне, стараясь подготовить почву для предположенной отставки от консерваторских обязанностей. Обед был на островах в каком-то ресторане на берегу Невы. Обедали Леля, Володя, Толя и я. Сидели мы на плоту; погода была дивная, и луна сияла на небе. Сегодня обед у Палкина с Па-

ной и Лизаветой Михайловной, которые переезжают в город. Третьего дня был в институте у Анны и встретился со всем семейством Карцевых и с Лидой Ольховской. Расположение духа хорошее, но сильно мизантропическое.

Целую тебя и Колю.

Твой П. Чайковский.

386. А. И. Давыдовой

1878 г. сентября 8. Петербург [1].

Милые мои! Вот уже почти неделя, что я здесь. В Москве меня ожидал сюрприз: на вокзале меня встретил — кто бы Вы думали? — Модест. Он приезжал по делу М-me Конради на один день в Москву, и случилось так счастливо, что мы съехались. Я решился по этому случаю проночевать в Москве на своей новой квартире. На другой день я отправился в Питер, а Модест — в Гранкино. В Петербурге меня встретил Толя, который накануне провел целый день в беспокойстве насчет меня, так как не получил по странному стечению обстоятельств письма, посланного накануне с одним общим знакомым. Мы поселились на пустой квартире Коли. В тот же день я был в Павловске, где нашел нашего дорогого старичка в бодром, веселом и вполне здоровом состоянии. На другой день был у Анны. Признаюсь, что как ни приятно видеть нашу милую Аниочку, но эти институтские приемы мне не по-нутру. Масса народа, целая туча Карцовых, с которыми нужно разговаривать,— это не в моем вкусе. Но Анну я нашел прелестной, очень хорошенькой институткой. Сколько мне кажется, она уже втянулась в казенную колею и не особенно скучает. После большого приема мы еще посидели у нее в маленькой приемной. После того я еще был у ней два раза, и в настоящую минуту я прямо от нее. Толя, который был со мной, совсем влюбился в Саню Карцову, которая в самом деле очаровательна. В общем институт мне все-таки нравится главным образом потому, что я ясно усматриваю, какою популярностью в нем пользуется Анна. М-me Пущина говорила Н. И. Карцову о ней с восторгом и удивлением к ее способностям. В особенности немецкая переэкзаменовка сделала ее знаменитой.

В общем я доволен своим пребыванием в Питере и много наслаждался свиданием с Папой, Толей, Анной, Лизаветой Михайловной, а также с несколькими приятелями. Но сердце мое часто стремится к Вам в Вербовку, и не проходит часа, чтоб я не вспоминал и не думал о всех Вас.

Скажи Тане, что мои мечты о свободе совсем не так далеки от действительности, как можно было думать. О, если б это случилось!

Всех, начиная от родителей и кончая Укой, божественным Укой, не менее божественным Бобиком, нежно обнимаю и целую. Завтра еду в Москву.

П. Чайковский.

387. А. И. Чайковскому

Москва,
11 сентября [1878 г.]

Путешествие было сначала очень скучно. От Петербуга до Любани со мной разговаривал некто Медведов (антрепренер), а потом Нилов, впрочем, очень симпатичный. Потом я отлично спал. В Москве был встречен Николаем Львовичем. Дома нашел несколько писем и в том числе от Надежды Филаретовны и от Котека. Был у Альбрехта и узнал распределение часов. К обеду у меня собрались неожиданно Ларош, Бочечкаров и, кто бы ты думал? — Коля [1]. Обед оказался отличный. Вечером гулял с Николаем Львовичем, пил чай и рано лег спать. Спал скверно, т. е. долго не мог заснуть. Сегодня был у Юргенсона и в Консерватории и дал свой первый класс. Нет слов, чтобы выразить мое отвращение ко всей Консерватории вообще: к стенам, к людям, к профессорам, к ученикам. Я вырвался оттуда, как из отвратительной, смрадной, душной темницы и поехал в Нескучный сад, где провел один часа два и много наслаждался благодаря дивной погоде. Обедал у меня Ларош и Николай Львович! Сейчас получил письма, а теперь собираюсь в баню и пишу тебе.

Как тебе объяснить, в каком я состоянии духа? Одна мысль меня охватила, поглотила и наполнила меня так, что ничему нет места. Я не тоскую, ибо знаю, что не надолго здесь останусь,— но я как-то суетлив и нетерпелив. Хотелось, чтобы поскорее приехал Рубинштейн, поскорее поговорить о деле и решить срок отъезда. Не только Консерватория, но и сама Москва для [меня] огромная отвратительная темница. Петербург представляется мне теперь раем.

Целую тебя, мой милый, с невообразимою нежностью. Письма от Надежды Филаретовны чудные, и я уверен, что она меня поощрит оставить Москву. Все дело в ней.

Твой П. Чайковский.

Напиши адрес твоей квартиры, — не помню. Адресую в суд.

388. А. И. Чайковскому

[Москва]
18 сентября [1878 г.]

Что это значит, что от тебя до сих пор нет письма? Ленивый мальчишка!

Я нахожусь в еще небывало странном состоянии духа и веду совершенно небывалый образ жизни. Не то, чтоб я мучительно тосковал или испытывал жгучее ощущение неудовлетворенности, нет! — нисколько. Но я бессмысленно скучаю и отношусь ко всему окружающему с холодным омерзением. Москва мне абсолютно противна, но так как уж окончательно решено, что я здесь не останусь, то меня это мало тяготит. Я стараюсь избегать всякого общества и всяких встреч. Все, кого я вижу, за исключением Николая Львовича, несносны мне, не исключая и Кашкина, и Альбрехта, и Юргенсона, и Лароша, который бог знает зачем торчит здесь и ежедневно предается объеденью и опитию. В Консерватории я ощущаю себя гостем; она сделалась для меня чем-то до того чуждым, что я уже больше не сержусь и не кипячусь в классе, а с тупым отвращением отношусь к ученикам, ученицам и их трудам. Гг. профессора, с их лакейскою преданностью Рубинштейну, с их дрязгами и мелкими местного свойства интересами, представляются мне тоже какими-то чужестранцами, с коими меня ничто не связывает. Я прихожу в Консерваторию прямо в класс и ухожу прямо из класса и стараюсь ни с кем не говорить и не встречаться. На разные приветственные восклицания, вроде: «Ба!», или: «Кого я вижу?» я делаю кислосладкую физиогномию и тотчас кидаюсь в сторону. Засим аккуратно каждый день я совершаю поездку или в Нескучный сад, где почти никого нет, или в Кунцево, где я сегодня ужасно много наслаждался и где уж окончательно ни одной собаки не встретишь. Гуляю часа два и еду домой обедать, почти всегда имея у себя гостем Николая Львовича. Вечером с ним же гуляю или хожу в церковь.. Между прочим, накануне в о з д в и ж е н ь я были в Успенском соборе на всенощной в алтаре, причем все, проходя мимо его, кланялись ему и называли или «Ваше превосходительство» или «Ваше сиятельство». При всем этом я совершенно здоров и все физические отправления on ne peut plus * правильны. [...] Квартира моя тоже имеет характер какого-то временного жилища. Она очень неуютна и имеет тот громадный недостаток, что и днем и ночью слышен шум экипажей. Решительно не расположен сочинять. Занимаюсь исключительно одними корректурами. «Евгений Онегин» наконец сдан. Мне

* как нельзя более

очень сладостно думать, что ты посетишь меня в начале октября, а также и Модест. Полагаю, что останусь здесь до ноября или самое позднее — до декабря.

Пожалуйста, пиши, как идет устройство квартиры и вообще что ты делаешь. Целую тебя несчетное множество раз.

Твой П. Чайковский.

Адресую в Окружной суд, ибо все-таки не помню адреса.

389. А. И. Чайковскому

Москва,
23 сентября [1878 г.]

Вчера приехал Рубинштейн[1]. Встреча его Консерваторией была полна торжественности. В шесть часов мы ему давали обед в Эрмитаже. На обеде говорились речи. Первая речь Рубинштейна была сказана в мою честь. Он говорил, что я произвел своими сочинениями огромное впечатление в Париже, и о том, как счастлива Консерватория, что я сделал ей честь вернуть[ся] и находиться среди профессоров. Все меня поздравляли. Самарин публично плакал от умиления и т. д. Ты можешь себе представить, как все это было мне неприятно. Я решил после этого тоста, что мне решительно невозможно говорить с Рубинштейном про мое решение уйти из Консерватории. Между тем за все последние дни решение это сделалось более сильно и непоборимо, чем когда-либо. Я возвратился домой очень грустный, а сегодня встал с отчаянием в душе и мыслью, что придется отложить мою отставку до будущего года.

Но, к счастью, Рубинштейн, увидев меня в Консерватории, сам попросил нескольких минут откровенного разговора. Я был в сильнейшем волнении, но имел дух объявить ему конфиденциально, но самым решительным образом, что остаюсь профессором до 1-го декабря. Разговор я вел в самом дружеском тоне, и после часового беседования мы расстались после долгих дружеских объятий. Итак, мне нужно вытерпеть два месяца с хвостиком, и затем я, наконец, свободный человек. У меня гора с плеч свалилась. Теперь я чувствую себя вполне спокойным и счастливым. Я решительно не могу жить в Москве. Пожалуйста, держи в секрете это дело. Я уеду отсюда без всяких скандалов и торжественностей, так что никто и не заметит. Сейчас от меня вышел Ларош. Он завтра едет.

Целую крепко. Твой П. Чайковский.

Пишу к тебе ночью. Не знаю, куда заложил твое письмо с адресом, и поэтому адресую все-таки в Окружной суд.

390. А. И. Чайковскому

Москва,
29 сентября [1878 г.]

Толичка!

Вчера я получил письмо от Надежды Филаретовны. Это был ответ на мой вопрос: как она относится к моему желанию уйти отсюда? Как и следовало ожидать, она пишет, что она уже давно именно этого желала и заранее знала, что я перестану, как прежде, считать своим долгом оставаться в Консерватории. Письмо вообще самое успокоительное и произведшее на меня в высшей степени отрадное впечатление. Она находит также, что я хорошо делаю, не соглашаясь на предложение Давыдова[1], говоря, что мне нужно быть в п о л н е с в о б о д н ы м ч е л о в е к о м, и эти слова подчеркнуты, из чего можно заключить, что она не намеревается когда-нибудь прекратить свои субсидии.

Я д о-н е л ь з я доволен и счастлив. Еще одно обстоятельство содействует к моему полному успокоению. Рубинштейн не только не огорчен моим уходом, но даже уже принял меры к замещению меня. А именно, он пригласил Т а н е е в а преподавателем в Консерваторию, и для того, чтобы теперь не знали — зачем, Танеев будет покамест фортепианным учителем; но ему велено готовиться к преподаванию теории[2]. Таким образом я могу уйти с спокойным духом в каждую минуту.

И эта к а ж д а я м и н у т а гораздо ближе, чем ты думаешь. Не удивляйся, что я Котеку обещал в декабре приехать в Берлин. Оно так и будет, если ничто не помешает. Во-первых, меня действительно тянет заграницу, и вот отчего. Пока я в Москве, я не напишу ни одной ноты, а между тем работать ужасно хочется, чтобы оправдать себя в собственных глазах и загладить отвратительно глупое свое поведение здесь. А согласись, что в К л а р а н е работать удобнее, чем в Петербурге, где все-таки шумно, людно, суетно и где я не могу устроиться так, чтоб ничто не отвлекало от работы. [...]

Итак, я давно уже решил мысленно, что или весь ноябрь или часть ноября и декабря я проживу в Петербурге с специальною целью насладиться твоим сообществом. Потом я уеду заграницу; буду много работать и в начале весны приеду в Петербург. [...]

Вот что, Толя! Не приезжай сюда, — не стоит, так как я не позже начала ноября сам приеду к тебе. Я здесь живу, как на бивуаке; мой дом мне до крайности противен, и принимать тебя в нем доставит мне мало удовольствия. Ну ее, проклятую Москву, имеющую счастье обладать такой прелестной личностью,

как Антонина Ивановна! Достаточно мысли, что эта гадина здесь, чтоб мне было противно. Между прочим, она изобрела новую тактику. Сама писать не смеет, так ее достойная матушка пишет мне, уверяя в своей страстной любви и опять приглашая быть посаженным отцом на свадьбе дочери Маши и прибавляя попрежнему, что без благословения моего эта девица не хочет вступать в брачные узы. Я отвечал с самою изысканною учтивостью, что должен безусловно лишить себя удовольствия свидания с милыми родными, как она себя величает.

Я очень смеялся, что милый Котик так трагически понял мое настоящее положение. Трагического в нем ничего не было. Мне просто противно и скучно, и я убегаю от всех или в окрестности города или в отдельные комнаты разных трактиров. Но чего стоит мне эта жизнь! Я трачу в день не меньше десяти рублей..

Целую тебя крепко. Сходи посмотреть, есть ли подходящий нумер под тобой.

Твой П. Чайковский.

391. А. И. Чайковскому

Москва,
2 октября [1878 г.]

Милый мой Толя!

Сейчас получил твое письмо, из коего усматриваю, что ты, по крайней мере, одного моего письма не получил. Отчего это?

Впрочем, не в том дело. Скоро отсюда писать тебе я перестану. Вчера вечером меня осенила гениальная мысль, что теперь, когда есть кому меня заменить в Консерватории, совершенно излишне продолжать тянуть эту скучную канитель до декабря или до ноября. Я совсем упустил из виду, что в сущности ничто особенное меня не привязывает к Консерватории и что особенно деликатничать нечего. Сегодня я объявил Рубинштейну, что уезжаю в конце этой недели. Ты можешь себе представить, до чего я доволен! Вот что, голубчик. Весь октябрь я проведу в Петербурге. Сходи вниз в нумера и посмотри, нет ли свободной и удобной комнатки. В крайнем случае, я поселюсь у тебя.

Хорошо сделаешь, если утром в субботу выедешь меня встретить.

Держи все это в секрете.

Твой П. Чайковский.

392. Л. В. Давыдову

[Москва]
7 октября 1878 г.

Лева! Вчера я купил тебе еще сигар. Magnifica больше нет. Поэтому я решился тебе выслать четыре сотни других по одиннадцати рублей и пять сотен по двенадцати. Аггелиндер их очень хвалит. Прости, милый, что так задержал. Я хотел также послать тебе сто рублей, которые остался должен по нашему окончательному расчету. Но нехватает. Подожди немного.

Со вчерашнего [дня] я свободный человек. Сегодня вечером уезжаю в Петербург. Я очень счастлив [1]. Писать не имею времени. Скажи Тане, что письмо ее доставило мне большую отраду и что отвечать на ее милые каракульки я буду из Питера.

Всех Вас целую крепко.

Твой П. Чайковский.

Я истратил всего на сигары около 167 рублей, следовательно из должных мною 100 вычти 17 рублей.

393. А. И. и Л. В. Давыдовым

[Петербург]
27 октября [1878 г.]

Милая моя Саша!

Дня через три по получении сей записочки я уже буду в Каменке, т. е. приблизительно в субботу 4-го числа. Пишу я эти несколько слов, дабы просить тебя никаких особых приготовлений для меня не делать, так как, увы! я останусь не два месяца, как думал, а только одну неделю. Оттуда поеду заграницу и ранней весной к Вам. Подробные причины изменения планов объясню при свидании.

Всех нежно целую.

П. Чайковский.

Лева! нельзя ли устроить охоту?

394. А. И. Чайковскому

1878 г. ноября 2. Москва [1]. Москва.

Пишу второпях и потому кратко. Путешествие было весьма удобно. Рядом со мной ехал Карякин с женой, и пришлось болтать. В Москве был встречен Алешей. Остановился в Лоскутной. Вскоре пришел Юргенсон и завтракал со мной;

вслед за тем явился Рубинштейн, очень мрачный и расстроенный. Он глубоко оскорблен систематическими нападками газет и поговаривает об окончательном уходе из Консерватории [2]. Мне очень жаль его. В пять часов ушел после двухчасовой работы над корректурой литургии [3]. Кстати о корректуре. Твой у м н ы й Аким забыл уложить в чемодан корректуру двенадцати фортепианых пьес. Пожалуйста, милый, отошли ее тотчас же к Осипу Ивановичу Юргенсону для отсылки к Петру Ивановичу. [...] Заходил к Кондратьевым, очень изумившимся. В десять с половиной часов в Эрмитаже был ужин, на коем присутствовали Рубинштейн, Альбрехт, Губерт, Кашкин, Юргенсон, Танеев, Зверев. Было не весело,—почему, не понимаю. Повторение все тех же вечных похабностей и острот показалось мне на этот раз мало привлекательным. Однако просидели до трех часов, и я лишь в четвертом пришел домой. Теперь восемь, а я уж встал и жду Карлушу, который сейчас приедет и поведет меня тайными ходами на репетицию концерта на хоры.

В час еду. Я был бы совершенно счастлив, если б меня не смущала мысль о тебе и о том, что ты грустишь и вообще недоволен и неудовлетворен своей жизнью и обстоятельствами. Но об этом в другой раз. А пока целую тебя бесчетное число раз. Поцелуй Модю, Папу. Володе кланяйся.

Еще раз нежно обнимаю.

П. Чайковский.

395. А. И. Чайковскому

1878 г. ноября 4. Каменка [1]. Каменка.

После репетиции концерта, куда я был приведен на хоры тайными ходами и сидел одиноко, мы отправились завтракать к Патрикееву с Рубинштейном, Юргенсоном и Танеевым, а в $1^1/_2$ я уже сидел в вагоне. Путешествие без всяких особенных приключений окончилось сегодня приездом в Каменку. Я нашел всех здоровыми и был встречен весьма радостно. Погода удивительно хороша. В саду до сих пор цветы, и деревья еще не совсем оголились. Дом нельзя узнать, до такой степени он преобразился и разукрасился. Дети — прелесть, а Юрий стал удивительно мило болтать. Порядок дня изменился теперь, т. е. в двенадцать завтракают и в шесть обедают. До самого обеда я сидел и болтал; только заходил ненадолго к Александре Ивановне. Теперь я чувствую невыразимое утомление от дороги и неизмеримое желание спать, но доснжу все-таки до чаю.

Толя! Узнай, голубчик, куда девал Аким, или моя хозяйка, или ее горничная, исписанную карандашом тетрадь нотной бумаги, которая имеет для меня капитальную важность, так [как] она заключает в себе три части моего нового симфонического сочинения[2]. Я, вероятно, буду тебе завтра телеграфировать об этом. Только сегодня я заметил, что тетради этой не было в моем чемодане. Ради бога, разыщи ее и вышли, когда определится мой флорентинский адрес. Кроме того, Аким забыл уложить корректуру, которую прошу отправить к О. И. Юргенсону для отсылки к Петру Ивановичу. Я так устал, что ничего обстоятельного рассказать не могу. Мне очень приятно здесь. Дорогой я то немножко скучал, то, напротив, ощущал приятное чувство покоя. Но, вообще говоря, мне недостает для моего полного счастья 1) чтобы ты был доволен и перестал хандрить, 2) чтобы я стал писать, а то мне все кажется, что я потерял способность писать.

Разумеется, часто думаю о тебе. Я столь же недоволен твоим неспокойным состоянием, сколь доволен бодрым видом Моди. Надеюсь получить здесь от тебя письмо. Пиши мне Italie, Florence, poste restante.

Крепко и нежно целую.

П. Чайковский.

396. М. И. Чайковскому

Каменка,
6 ноября [1878 г.]

Милый Модя! Я нашел в Каменке то ощущение мира и спокойствия, которого так давно не испытывал, проживая в столицах. Мне здесь очень хорошо. Я приехал в субботу утром сюрпризом, ибо забыл с дороги телеграфировать. Нашел всех почти здоровыми. Я говорю почти, потому что Саша и Таня сильно кашляют и не выходят. Весь первый день прошел в разговорах и в беготне к Якову Андреевичу по причине поноса. На другой день была охота в Тарапуне с гончими. Погода была чудная, и охота необыкновенно удачная, т. е. убито девять зайцев и одна лисица. Но удовольствие было отравлено моим усилившимся поносом, во-первых, а во-вторых, тем чувством, о котором я не раз говорил в последнее время. Чувство это состоит в том, что мне жалко всех милых моему сердцу, которые не пользуются такой свободой и таким благополучием, как я. В особенности меня смущает Толя. Ты произвел на меня в Питере самое отрадное впечатление своей бодростью, довольством жизнью, несмотря на все испытывае-

мые тобой трудности. Толя, напротив, постоянно сидит у меня в голове и отравляет все мои приятные минуты, ибо я знаю, что он недоволен и неудовлетворен и что я не в силах вывести его из этого состояния. Мне как-то совестно наслаждаться жизнью, когда Толя ею тяготится. Мысль, что он будет завидовать мне, узнав, что я был на охоте с девятью убитыми зайцами, проникает меня жалостью и досадой на мое бессилие сделать его столько же довольным и счастливым, сколько я теперь доволен и счастлив. Ах, что бы я дал, чтобы вы оба были счастливы, насколько счастие возможно[1]! Кстати, скажи мне, эгоизм это или противуположное эгоизму? Желаю ли я Вам счастия, чтобы самому быть счастливым, следовательно, р а д и с е б я, или же я желаю вам благополучия из любви к вам, следовательно, р а д и В а с? Как бы то ни было, но один факт не подлежит сомнению: для моего спокойствия необходимо, чтобы мои братья Толя и Модя были тоже спокойны и довольны. Но довольно о себе.

Квартира Сашина стала теперь верхом прелести и изящества, особенно много выиграли гостиная (бывшая спальня) и Левин кабинет, который из дрянной проходной комнаты обратился в идеально уютную. Вера выздоровела. Вообще все имеют здесь какой-то аппетитный, кокетливо-нарядный вид. Я включаю сюда Miss Э а с т в о о д[2], которая по возвращении из Лондона стала носить весьма идущий к ней чепчик, и Наталью Андреевну, облеченную в платье из люстрина, купленного нами с тобой в Киеве. Дети, об тех и говорить нечего. Юрий до того аппетитен, что и сказать нельзя. Бобик очень подурнел, но все-таки прелестен. [...] Сегодня празднуется годовщина свадьбы Левы и Саши, и будут обедать все из большого дома, Зина с своим Дубянским, приехавшие сегодня, Бирюковы и Плесские. Я принимал слабительное и нахожусь на диэте, но понос прекратился. За занятия еще не принимался.

Модя, пожалуйста, будь умник, как был в Питере при мне. Прощай, мой милый. Пиши мне Florence, poste restante, и Tchaikovsky без s *. Целую тебя, Колю и кланяюсь Алине Ивановне. Твой П. Чайковский.

397. А. И. Чайковскому

Каменка,
6 ноября [1878 г.]

Хотя сегодня не твой черед, и я уже написал Моде, но все-таки меня тянет и тебе написать, мой голубчик. Вчера я был на охоте и хотя у меня был сильнейший понос, но наслаж-

* Т. е. не Tschaikovsky

дение было бы огромное... если б не мысль о тебе. Мне все время было тебя жаль, ибо я знаю, что ты наслаждался бы охотой вдвое более меня и что ты будешь завидовать, читая об этом. Чего бы я не дал, чтоб ты был покоен и доволен! Мне совестно наслаждаться жизнью, когда я знаю, что Толя ею не наслаждается и не доволен ею. Из этого не следует, однако же, что ты должен скрывать от меня свои неприятности. Пиши мне всю правду, потому что только когда я буду знать, что ты по правде мне написал хорошие о себе известия, я буду покоен. Что касается меня, то если б только мне знать, что ты весел, то я бы больше ничего не желал. Я совершенно счастлив и покоен. Мне необыкновенно приятно здесь; я нашел в Каменке то ощущение мира в душе, которого тщетно искал в Москве и Петербурге. Не создан я для жизни в сих столицах. Впрочем, я должен сделать различие между этими двумя городами. Несмотря на все, я ужасно люблю Москву и ужасно не люблю Петербурга. И если мне надоест вести кочующую жизнь, то все-таки я изберу Москву своим постоянным местопребыванием, разумеется, только в том случае, если воздух Москвы будет очищен от заразы. Ты догадываешься, о какой заразе я говорю. Мысль, что она в Москве, делает мне Москву ненавистной, но стоит ей переехать в другой город, и я опять буду любить первопрестольную и охотно поселюсь в ней, конечно, партикулярным человеком. А что если когда-нибудь и ты попадешь в Москву? Ну, об этом в другой раз.

Я получил от Надежды Филаретовны письмо, в коем она, как и следовало ожидать, просит меня не стесняться и оставаться в Каменке, если мне этого хочется, но не скрывает своей радости при мысли о моем возможном приезде [1]. Разумеется, я все-таки поеду и уже назначил день отъезда. Он состоится во вторник 14-го числа. Реши вопрос, приедешь ли ты на праздники в Берлин. Нечего и говорить, до чего мне хочется, чтобы это состоялось, но вместе с тем я бы не хотел, чтобы это помешало твоему предположенному четырехмесячному отпуску. А превесело было бы недели две провести с Котиком и с тобой в Берлине. О деньгах не беспокойся. Деньги будут во всяком случае.

Я из девяти зайцев и одной лисицы, убитых вчера на охоте, не убил ничего, но подстрелил зайца, убитого потом Левой. Остальные звери были убиты Дериченкой, Бодманом (три зайца), Василием, сыном Андрея Петровича, Городецким, Левой и другими. Погода была чудная, но я был болен. Вечером принимал касторку и сегодня совсем здоров. Пиши мне Florence,

poste restante Tchaikovsky. Надеюсь, что ты нашел мою рукопись. Ты пришлешь мне ее во Флоренцию, но потом, когда я дам тебе адрес. Что В е л и н а[2]? Пиши мне подробно и всего лучше в форме дневника. Кланяйся Володе.

Целую тебя бесчетное число раз.

Твой П. Чайковский.

Неужели ты сюда ни разу мне не напишешь?

398. А. И. Чайковскому

Каменка,
9 ноября [1878 г.]

Получил сегодня твое письмо, мой милый мальчик. Меня чрезвычайно разозлило то, что ты пишешь о словах К о р ф а[1]. Удивительная вещь! Стоит одному болвану (Лопухину) что-нибудь вообразить, и тотчас сто других болванов повторяют глупость. Я помню, что одно время точно так же смотрели на Адамова. Было решено, что он слишком светский человек и служить не может. Бедный очень огорчился тогда таким приговором начальства. Это не помешало ему однако же дослужиться до директорства. Плюнь на эту сплетню, но я бы на твоем месте, плюнув, все-таки объяснился бы с Корфом. Знаешь что? Не найдешь ли ты возможным перейти в Москву под крыло Капниста? Я очень был бы рад. Это помирило бы меня с Москвой. Тебе в Москве было бы куда покойнее. Напиши мне твое мнение об этом.

Могу тебе сообщить очень приятное известие. По моим интригам и вследствие того обстоятельства, что Лева хочет 24-го ноября быть в Москве на юбилее корпуса, Саша с Таней и Верой через неделю уезжают вместе с Левой в Москву и Петербург, где и останутся до половины января. Я рад и за тебя и за себя. Мне здесь т а к х о р о ш о, что я уехал бы с горьким и тоскливым чувством. А теперь, ввиду их отъезда, и мой отъезд получает смысл. Я очень, очень рад. Каменка теперь, когда леса обнажены и холодный воздух не пропитан [...] испарением, мне нисколько не противна, а строй жизни до крайности мне понутру. Если б не понос, который меня преследует с самого приезда, да еще если б я нет-нет, да и не взгрустнул по Толе и Моде, — то я был бы вполне благополучен и счастлив. Я даже немножко позанялся, т. е. сделал корректуру двенадцати пьес, сделал кое-какие поправки в партитуре «Вакулы» и наконец принялся за доканчиванье сюиты.

Вчера была охота с б о р з ы м и в Тростянке. Борзые принадлежат Аппалату, и хотя они хороши, но охота все-таки не удалась, так как никто не умеет с ними обращаться. Дублян-

ский (муж Зины Давыдовой) знаток по этой части, и он руководил охотой, но ничего не вышло. За одним зайцем борзые пустились во всю прыть, — но заяц, не будь глуп, прямо в лес, и борзые остались с носом. Пишу тебе про охоту и боюсь, что внушаю тебе чувство зависти. Не завидуй, голубчик, скоро и для меня все это кончится. Я еду отсюда во вторник.

По получении партитуры «Вакулы», которую посылаю сегодня, отнеси ее к Направнику и передай лично. Ты его застанешь утром до одиннадцати часов. Кланяйся от меня Велине и скажи ей, чтобы она тебя лелеяла и ласкала, а не преследовала сценами. За это я ей дам роль в следующей опере. Пиши мне во Флоренцию poste restante и сейчас же, так, чтобы, приехавши, я тотчас получил о тебе известие. Целую тебя бесчетное число раз. Найдена ли моя черновая рукопись?

Твой П. Чайковский.

399. М. И. Чайковскому

Каменка,
13 ноября [1878 г.]

Коварный Модя! Неужели ты не мог собраться написать мне в Каменку? А ведь я тебе уже второе письмо пишу. Завтра я еду заграницу. Я получил сегодня письмо от Надежды Филаретовны. Она предлагает мне две квартиры: одну в городе, другую за городом на Viale dei Colli. Я выбрал последнюю. Таким образом я уже заранее могу тебе дать мой адрес, который попрошу передать и Толе. Italie, Florence, Restaurant Bonciani, M. P. Tchaikovsky.

Всю проведенную здесь добрую неделю (т. е. полторы недели) я могу назвать с л а д к о п р о м е л ь к н у в ш и м с н о м. Я чувствовал себя здесь удивительно хорошо. На душе такой мир, какого я давно не испытывал. Одна мысль только мне мешает, это та, что ты и Толя завидуете мне. О, противные, завистливые, злые люди! Вдохновение меня осенило здесь, и сюита уже вся вчерне готова. Но меня беспокоит, что рукопись первых трех частей я оставил в Петербурге и что она пропадет. Здесь я написал две последние части. Вся эта коротенькая и (если не ошибаюсь) хорошенькая сюита будет состоять из пяти частей:

1) Introduzione e fuga
2) Scherzo
3) Andante melanconico
4) Марш лилипутов
5) Пляска великанов

Во Флоренции, если рукопись не пропала, я примусь за оркестровку. А затем начну помышлять об опере и, кажется, я остановился окончательно на «Иоанне д'Арк». Потрудись сказать Толе, чтоб рукопись, если она найдена, была Акимом зашита в клеенку (или клиенку) и полотно и чтобы он тотчас же распорядился о присылке ее во Флоренцию (еще раз пишу адрес для ясности: Viale dei Colli, Restaurant Bonciani).

У меня целую неделю был понос, который теперь окончательно прошел, и здоровье в цветущем состоянии. Я очень рад, что моя квартира будет на Viale dei Colli, а не в городе. Город слишком живо напоминал бы мне тебя. Я еду заграницу без восторга, но и без грусти. Мне очень приятно, что Саша поспешила своим выездом. Меня не будет тяготить мысль, что я оставил Каменку, где мне было так хорошо.

Вчера была охота в большом лесу. Я очень устал, а толку никакого. Было тридцать стрелков, а убито всего два зайца. Из Вены я напишу Толе.

Алеша ведет себя превосходно. Вообще мне решительно не на что жаловаться, и в настоящее время я смело могу назвать себя счастливейшим человеком. Иногда я, как Собакевич, боюсь, что это не к добру. Расцелуй от меня Колю. Кланяйся Алине Ивановне. Тебя и Толю обнимаю.

Твой П. Чайковский.

400. А. И. Чайковскому

Каменка,
14 ноября [1878 г.]

Ты, я думаю, удивишься, мой Толька милый и дорогой, что это письмо все еще из Каменки. Я еду завтра. Все откладывал, откладывал и вместо недели прожил полторы. Я бы готов и вовсе не уезжать, до того мне здесь нравится, да теперь уж и хозяева здешние уезжают, так что поневоле нужно убираться. Саша с Левой, Таней и Верой едут в пятницу, но я немножко сомневаюсь, что они выберутся. Саша кашляет, Таня кашляет, Ука не совсем здоров. Вообще замечательно, что никогда, ни единого дня здесь не бывает без больных. Все они страшно берегутся, совершенно не постигают, как я решаюсь выходить из дверей дома в свой флигель без пальто, — а между тем я не простужаюсь, а они больны. Впрочем, я сам был нездоров, т. е. около недели у меня был упорный понос, а в

воскресенье после охоты со мной случилось то же, что с тобой в Вербовке, т. е. ужаснейший мигрень, окончившийся истерикой, после которой я спал двенадцать часов сряду. Охота эта была очень неудачной. Было тридцать стрелков, человек пятьдесят конных облавщиков, а убито всего два зайца. Я страшно устал, и мигрень была следствием усталости. Очень досадно, что я не мог дождаться еще письма от тебя. Теперь еще когда-то получу. Я останусь сутки в Вене и сутки в Венеции. Надежда Филаретовна уже наняла мне квартиру, и хотя, судя по описанию, квартира в прелестном месте, с чудным видом на Флоренцию, но в двух шагах от виллы, где живет Надежда Филаретовна, и я боюсь, что это будет стеснять меня.

Пиши мне по следующему адресу: Italie, Florence, Viale dei Colli, restaurant Bonciani. Надеюсь найти от тебя письма во Флоренции. Ради бога, если меня любишь, будь весел, доволен, плюй на Сабурова и не хандри. Горю любопытством узнать, что делает Велина и как себя ведет. Рукопись (если она найдена) отправь тотчас же во Флоренцию по вышеозначенному адресу, а если тебе с посылкой трудно возиться, то завези к О. И. Юргенсону и поручи ему переслать.

Целую тысячу раз.

П. Чайковский.

Мне кажется, что я долго заграницей не останусь и вернусь в Россию, может быть, скорей, чем думаю.

401. М. И. Чайковскому

Вена,
18/30 ноября 1878 г.

Фу, какой колоссальный лист! Пишу на нем поневоле, ибо Алеша ушел и без него своей бумаги не достану. Если весь не испишу, то не сердись.

Я в Вене, в том самом Goldenes Lamm, который весь пропитан воспоминаниями о тебе и Толе. Может быть, поэтому мне так и смертельно грустно, что все здесь говорит о Вас, даже хозяин и лакеи все про обоих Вас расспрашивают,— а Вас нет. Впрочем, как это ни странно, а я должен засвидетельствовать факт, что с самого выезда из Каменки мне смертельно грустно. Никогда так Каменка и каменское общество не было мне по-нутру, как в этот раз. Давно я не чувствовал себя так абсолютно хорошо (т. е. нравственно, ибо физически мне нездоровилось), как в эти полторы недели. Кажется,

я могу безошибочно теперь уже сказать, что только эта форма жизни, т. е. деревенская, но в обществе близких и милых людей, может вполне удовлетворить меня. По традициям молодости, заграница имеет еще в глазах моих какой-то неопределенный престиж, но каждый раз, как ощущение заграничности в первую минуту удовлетворено, она теряет для меня прелесть и начинает наводить тоску. Но такой тоски, как нынче, я еще никогда не испытывал, если принять в соображение, что никаких причин для грусти нет, так как обстоятельства жизни вполне хороши и я не имею никаких причин жаловаться. Впереди мне предстоит Венеция, где я пробуду день, и Флоренция, где Надежда Филаретовна приготовила мне квартиру, и, следовательно, можно себе представить, до чего обстановка моя будет хороша. Засим я совершенно свободен ехать куда угодно и оставаться заграницей сколько угодно. Следовательно, я вполне свободный и счастливый человек. Все это я превосходно сознаю, и тем не менее мне грустно до слез. Впрочем, и то сказать, Вена всегда мне была противна.

Дорогой я был чистым мучеником. Во-первых, у меня болел зуб и щека адски распухла. Во-вторых, я все время чувствовал невероятное утомление и болезненное нетерпение поскорей приехать. Кажется, мне просто надоело ездить. Уж слишком много времени я трачу на езду. Мы приехали вчера к обеду. Обед так же вкусен, как и прежде. Это положительно вкуснейший из всех известных мне обедов. Затем, так как в опере шли «Сицилийские вечерни», которые мне нимало не интересны, я пошел с Алешей в цирк Ренца. Плохая труппа, скучная программа, и ни одного милого лица между артистами. Спал хорошо, но не очень. Сегодня ходил с Алешей по городу и кое-что купил, причем, конечно, Ленька бесил меня своей медлительностью в выборе вещей. Сделавши огромную прогулку, мы пришли домой и обедали. Теперь я сел за письмо это и чувствую, что беседа с милым моим Модей очень утешила и облегчила мою неопределенную грусть. Впрочем, я напрасно называю ее неопределенной. Мне грустно, что ни от Толи, ни от тебя я не имею никаких известий. Надеюсь во Флоренции найти письма. Ради бога, пиши. Не забудь адреса: Florence, Viale dei Colli, restaurant Bonciani. Я остановлюсь в Венеции, чтобы отдохнуть и проверить свое прошлогоднее впечатление. [...]

Твой П. Чайковский.

Сегодня иду в оперу, дают «Роберта», завтра в час пополудни еду.

402. А. И. Чайковскому

Флоренция,
21 ноября/2 декабря 1878 г.

Милый, дорогой, хороший мой!

Вчера вечером я приехал сюда прямо из Вены, не заехав в Венецию. Насколько переезд из России в Вену был для меня неприятен и утомителен по причине флюса и остатков каменского нездоровья, настолько путешествие из Вены сюда было приятно. Погода была чудная, в вагонах было свободно,— ну, словом, было отлично. Здесь меня встретил Пахульский (наследник Котека у Надежды Филаретовны) и привез в мое помещение, которое было натоплено, освещено и ожидало только принять своего удивленного и очарованного жильца. Квартира состоит из целого ряда великолепных комнат, а именно: из салона, столовой, спальни, уборной, ватерклозета и Алешиной комнаты. В салоне стоит чудесный инструмент, на письменном столе два огромных букета, все принадлежности письма. Меблировка превосходная. Я совершенно очарован всем этим, но главная прелесть состоит в том, что квартира за городом, что из окон чудный вид, что тишина невозмутимая, а между тем до города ходьбы полчаса. Я чувствую себя превосходно. Дорогой меня немножко беспокоила мысль, что Надежда Филаретовна будет так близко, что мы будем встречаться, и я даже минутами подозревал, что она пригласит к себе. Но письмо ее, лежавшее вчера на столе, меня совершенно успокоило. Можно очень легко устроиться так, что встреч никаких не будет. Она через три недели уже уезжает отсюда, и за это время мы, конечно, ни разу не встретимся.

Вообще насколько в Вене я грустил, настолько теперь мне весело и хорошо. Для занятий нельзя будет выдумать ничего более удобного и подходящего, как мое помещение. Теперь десять часов утра. В двенадцать будет подан завтрак, а после того я отправлюсь в город и прежде всего за письмами. Я трепещу при мысли, что рукопись моя пропала! Если ты еще не посылал ее, то тотчас же пошли (Florence, Viale dei Colli, restaurant Bonciani), пожалуйста.

В Вене накануне отъезда я был с Алешей в опере и очень остался доволен. Давали «Роберта» в превосходном исполнении и с чудесной обстановкой. Алеша был вне себя от восторга. Я очень им доволен. Одно только меня злит — это то, что он доро́гой все спит. От Вены до Флоренции он почти все время спал. Но расположение духа у него очень хорошее. Ласков до нежности.

Вскоре по получении этого письма ты увидишься с Сашей и Левой. Предупреждаю тебя, что я им не сделал признания насчет денег, получаемых от Надежды Филаретовны. Поэтому ты с ними покамест об этом не говори; то же самое передай и Моде. Скажи Леве, Саше, Тане, чтобы с посторонними они не говорили об Надежде Филаретовне, о моих отношениях к ней, о том, что я живу здесь на приготовленной ею квартире, и т. д. Вообще ни с кем, кроме Вас двух, пусть они не говорят о Надежде Филаретовне. Не забудь это передать им, а также мои нежные поцелуи и благодарности за чудные полторы недели в Каменке. Тебя и Модю крепко обнимаю. Скоро опять напишу.

Целую тебя как можно нежнее.

П. Чайковский.

403. М. И. Чайковскому

Флоренция,
21 ноября/2 декабря 1878 г.

Не странно ли писать мне тебе из Флоренции? А пишу. Из письма к Толе, отосланного сегодня утром, ты уже знаешь подробности моего приезда и водворения на вилле Bonciani. Вилла эта есть не что иное, как ресторан, летом очень посещаемый, а в зимнюю пору абсолютно пустой, хотя в нижнем этаже и стоят на всякий случай накрытые столы. Верхний этаж, имеющий характер бельведера, очень хорошо меблированный и весьма уютный, занят мной. Вид из окон и с громадного балкона прекрасный, хотя самая Флоренция заслонена холмом. Тишина мертвая. Квартира хорошо отопляется и отлично освещается. Заботами Надежды Филаретовны приготовлено тысяча разных вещей или нужных или приятных. Т. е., кроме громадных и великолепных букетов, кроме миллиона письменных принадлежностей, зубных и всяких других щеточек, мыл, духов и порошков, есть великолепный новый венский рояль. Обед и завтрак очень обильный (Алеша от еды в совершенном восторге), но, как всегда в Италии, не особенно вкусный. Вина великолепные. Ну, словом, обстановка чудная, даже папиросы (2 р. 50 коп. сотня) от Бостанжогло есть...

После завтрака мы пошли с Алешей через S. Miniato в город. Милый город! Он теперь не имеет того праздничного веселого вида, который придавала ему весна в наше с тобой пребывание, но в нем есть что-то мне родное и приветливое. На почте получил по одному письму от Толи, Котека и тебя. Зашел в кафе и прочел эти письма с каким-то сладострастием... Письма эти все три успокаивающего и приятного характера.

Мне неприятно однакоже, что ты не пишешь повести. Оттуда пошли заказать платье для меня и пальто для Алеши. Потом были в ванне. Так как Алеша очень в своей засиделся, то я пошел один на Via Tornabuoni, чтобы купить нот у Рикорди, и оттуда на Via Cerretani, где у нашего отеля дал Алеше rendez-vous. Боже мой, как мне приятно было взглянуть на наши окна, увидеть на пороге швейцарской знакомые рожи двух служивших за обедом лакашей [...]. Купил «Le roi de Lahore». Возвратившись домой, обедал, играл, пил чай, приготовленный Алешей из чая Надежды Филаретовны, а теперь пишу тебе. Прощай, голубчик. Целую тебя, Колю и Толю.

Твой П. Чайковский.

Надежда Филаретовна занимает целый громадный дворец недалеко от меня.

Я сегодня послал к Толе письмо с маркой в двадцать пять сантимов, а теперь вспомнил, что нужно в тридцать. Неужели оно не дойдет? Какая будет досада!

404. А. И. Чайковскому

Флоренция,
23 ноября/5 декабря 1878 г.

Милый мой Толичка! Почему нет от тебя письма? Я немножко беспокоюсь и начинаю думать, что я живу столь далеко от города, что сюда даже почтальоны не ходят. Завтра схожу еще на poste restante узнать, нет ли там писем. Твое последнее письмо было от 12-го. Неужели с тех пор ты мне ни разу не писал?

Живу я очень хорошо, очень роскошно и очень покойно. Но не могу скрыть, что близость Надежды Филаретовны немножко стесняет меня. Она очень часто мимо ходит и ездит. Что, если я с ней встречусь? Как мне поступить? Она повидимому этого вовсе не боится, так как даже прислала мне на субботу билет в театр, где и она будет. Она предлагает мне осмотреть ее виллу и хотя говорит, что во время осмотра я не встречу ни души, но мне все как-то боязно. Иногда мне даже кажется, что уж не желает ли она теперь личного знакомства, хотя в ее ежедневных письмах нет ни единого намека на это. Все это делает меня не вполне свободным, и, признаться сказать, в глубине души я очень желаю, чтобы она скорее уехала. А уедет она 9-го по нашему стилю.

Я сейчас сделал огромную прогулку, ходил пешком в город, в городе долго бродил и возвратился все-таки пешком. Погода идеально чудная. Виды на город и на всю долину

Арно с Viale dei Colli чудесные. Порядок моей жизни такой. Встаю около восьми. После кофе занимаюсь. В двенадцать часов мне подают завтрак из двух кушаний с десертом. После завтрака гуляю и по возвращении домой играю, или читаю, или еще немножко занимаюсь. В шесть часов подается бесконечно длинный обед и не особенно вкусный. После того я играю, пишу письма, читаю, брожу по великолепному громадному балкону. В двенадцать часов ложусь спать. Сегодня будет уклонение от установленного порядка, т. е. я поеду вечером в театр. Здоровье мое отлично. Никаких определенных предположений я пока не имею. Но больше всего меня тянет в Париж. Я было хотел ехать в Рим и Неаполь, но так как в сих городах заниматься нельзя, то отказываюсь от этой мысли.

Скажи Моде, что я сейчас виделся с неизбежным Наполеоном, которого невозможно не встретить во Флоренции. Он, бедный, изуродован ударом ножа в щеку. В общем, я не могу не быть довольным, и лишь бы мне знать, что ты, Модя и все наши здоровы и благополучны,— я совершенно счастлив, но все-таки не без нетерпения жду 9-го числа. Какая подлость!

Я буду очень рад, если ты выкупишь и пошлешь Антонине Ивановне ее драгоценности.

Крепко обнимаю и целую.

П. Чайковский.

405. А. И. Давыдовой

[Флоренция]
25 ноября/7 декабря 1878 г.

Дорогая моя Саша!

Письмо твое получил вчера. Это было первое и до сих пор единственное письмо, полученное мною на вилле Bonciani. Для меня решительно непостижимо, почему ни Толя, ни Модя, ни другие мне ничего не пишут. Я поселился среди совершенно безмолвной и пустынной, но прелестной местности, в квартире, которая, как и следовало ожидать, преисполнена комфорта и даже роскоши. Очень может быть, что если б Вы оставались теперь в Каменке, я бы грустил и жалел бы, что меня с Вами нет. Но так как Вы уехали, то я нахожусь в совершенно спокойном и бодром состоянии духа. Так как все дорогие моему сердцу лица здоровы и благополучны, то я без всякой скуки могу еще прожить в одиночестве до Вашего возвращения в Каменку, куда вскоре после Вас я, вероятно, и прибуду. К началу поста я поеду в Петербург (в этот нена-

вистный город), куда меня тянет необходимость и жажда свидания с братьями, Папашей, Анной. Не будь их там, конечно, никогда бы нос мой не показался на Невском проспекте. Вообще меня часто приводит в уныние мысль, что самые дорогие для меня существа в мире проживают в Петербурге и что ради свидания с ними я не могу избегнуть сей великолепной, но унылой и печальной столицы.

Я думаю, мало на свете людей, которые, подобно мне, могли бы без скуки и тоски проводить дни в таком безусловном одиночестве, как я. Случается вечером, что Алеша ляжет спать часов в 9, а я до 12 часов сижу один среди такой абсолютной тишины, что ни единого звука, кроме биения собственного сердца не слышишь. Дом мой на горе. Ночи теперь лунные; иногда я выхожу на балкон и наслаждаюсь этой тишиной и этим одиночеством. Иногда однакоже, когда начнешь думать о всех Вас, моих милых и дорогих, сделается грустно. Например, прочтя твое вчерашнее письмо, я задумался. Я очень хорошо понимаю, как ты, бедненькая, тяжело перенесла разлуку с младшими ради старших детей! Надеюсь, что теперь уже удовольствие, испытываемое Таней и Верушей от поездки, утешило тебя в разлуке с чудными мальчиками.

Часто задумываюсь также насчет Толи. Чего бы я не дал, чтоб он перестал хандрить, скучать и быть недовольным.

Я пробуду здесь еще недели две и, куда поеду потом, еще не знаю. Но только во всяком случае долго заграницей я не засижусь. Одиночество вещь очень приятная, но только под условием, чтобы в недалеком будущем была перспектива свидания со всеми Вами, ибо, по правде сказать, жизнь только оттого и хороша, что Вы все существуете на свете.

Ничего не может быть трогательнее, как заботливость, которою меня окружает моя невидимая добрая фея M-me Мекк. Но близость ее от меня меня немножко смущает.

Прощай, родная, будь здорова и не тоскуй о детях, ведь ненадолго расстались. С каким наслаждением я вспоминаю чудную неделю, проведенную у Вас.

Твой П. Чайковский.

406. М. И. Чайковскому

Флоренция,
27 ноября/9 декабря 1878 г.

Милый Модя! Представь, что я не помню, кому из двух я писал в последний раз. Ну, все равно. В благодарность за телеграмму о симфонии напишу сегодня тебе. Телеграмма мне была чрезвычайно приятна. Я совсем и не знал, что симфония

пойдет так скоро. В этот же день, но после твоей, я получил еще телеграмму от Велинской [1].

Я начинаю до того сживаться с Villa Bonciani, с своим одиночеством, с восхитительной тишиной моей чудесной квартиры, что уж окончательно не скучаю. По вечерам иногда бывает до того хорошо! Книг у меня не мало. Есть и ноты. То и другое присылает Надежда Филаретовна, но есть и свои. Я купил «Le roi de Lahore» Massenet и с величайшим удовольствием играю эту оперу. Чорт возьми, сколько у этих французов вкуса, шика. Советую тебе достать. Я бы очень беспокоился, так давно не имея известий от Толи (последнее его письмо было от 12-го) и от тебя, если б не телеграмма и другие письма. Но все-таки оба Вы скупеньки. Впрочем, пиши лучше реже, но так объемисто и интересно, как твое последнее письмо. Итак, мне здесь прекрасно, и так как я знаю, что ничто мне не мешает, когда захочу переменить место и образ жизни, то я не скучаю. Но близость Надежды Филаретовны все-таки делает мое пребывание здесь как бы не свободным. Притом, несмотря на все ее бесконечные и ежедневные уверения, что она с ч а с т л и в а, чувствуя меня близко, мне все кажется, что и она должна ощущать нечто ненормальное. Она, бедненькая, считает своим долгом ежедневно писать мне письма, и видно, что иногда затрудняется в материале для беседы. С своей стороны, и я тоже не всегда имею что писать, а тоже почитаю себя как бы обязанным ежедневно писать. А главное, меня все преследует мысль, что она уж не хочет ли заманить меня? Но, впрочем, ни в одном письме намека на это нет.

В город я теперь почти не хожу. [...] Раз я был с Алешей в театре, и было скучно, хотя играла замечательная десятилетняя девочка, которую называют l a p i c c o l a R i s t o r i *. Завтра еду в Pergola слушать новую оперу «Il violino del Diavolo».

Я уже кончил инструментовку двух последних нумеров сюиты, а трех первых до сих пор не получал. Я не скучаю, повторяю это, но что бы я дал, чтоб вдруг ты с Колей очутился тут, как в прошлом году!

Целую тебя и К о л ю; сегодня я об нем много вспоминал. Толю тоже целую, напишу скоро.

Твой П. Чайковский.

Алеша до того очаровательно мил, что нельзя передать словами. Я не могу понять, что с ним было в прошлом году!!

---

* маленькая Ристори

407. А. И. Чайковскому

Флоренция,
29 ноября/11 декабря 1878 г.

Если бы не телеграмма и письмо Модеста, то я бы беспокоился о тебе и решительно не знал бы, чем объяснить твое молчание. Теперь я начинаю подозревать на основании предыдущего письма Модеста, что ты увлекся Панаишной и это тебя отвлекает. Мне также досадно, что нет еще до сих пор несчастной рукописи. Ну уж Аким! Я думаю, ему нередко икается! Про себя скажу следующее. Во-первых, здоров совершенно; во-вторых, так привык к своему тихому уголку, что даже почти никогда не предаюсь грусти. Работа идет так хорошо, что в эту минуту даже нечего делать. Жду посылки от тебя, а нового начинать не хочу. Образ жизни окончательно установился. В городе почти не бываю. Вчера Надежда Филаретовна прислала мне билет в театр. Давалась новая опера «Il violino del diavolo», в которой интересно только то, что примадонна Ferni вместе с тем и знаменитая скрипачка. В третьем акте она превосходно сыграла скрипичное solo. Мне было ужасно скучно, и я сожалел, что не сижу у себя за книгой или за фортепиано. Надежда Филаретовна тоже была в театре, и это меня стесняло, точно так же, как и вообще ее близость от меня постоянно меня стесняет. Мне все кажется, что она желает видеть меня; например, я каждое утро вижу, как, проходя мимо моей виллы, она останавливается и старается увидать меня. Как поступить? Выйти к окну и поклониться? Но в таком случае почему уж кстати не закричать из окна: здравствуйте! Впрочем, в ее ежедневных длинных, милых, умных и удивительно ласковых письмах нет ни единого намека на желание свидеться. Погода вчера стояла такая дивная, что я был в бешеном восторге. Крыша моей виллы есть терраса, с которой дивный вид на город и окрестности. Я большую часть времени от завтрака до обеда сидел на этой террасе. За завтраком и обедом я постоянно вспоминаю тебя. Подают по большей части баранину, мозги, сосиски, телятину! Что бы ты, бедненький мой, делал?

Однако я серьезно начинаю ощущать сильную потребность получать от тебя милые твои косые строчки. Пиши, голубчик мой, хоть понемножку, а пиши. Насчет будущих планов еще ничего не знаю, но во всяком случае более двух месяцев заграницей я не пробуду. К началу поста приеду к тебе. Обнимаю тебя, мой милый лентяй! Кланяйся очень Володе, Модесту—поцелуй, Саше, Леве и Папочке милому, которому все еще не собрался написать.

Твой П. Чайковский.

408. М. И. Чайковскому

[Флоренция]
30 ноября/12 декабря 1878 г.
Villa Bonciani

Как скоро дошло твое последнее письмо, мой милый, добрый Модя! Ты не то, что твой братец Анатолий, который не только не мог во-время выслать мне с лихорадочным нетерпением ожидаемую рукопись сюиты, но ни слова не пишет. Хорошо, что из твоих писем я усматриваю, что он здоров,— а то бы я сильно беспокоился. Скажи ему, что я тебя окончательно произвожу в чин любимчика[1].

Я очень зол на Лароша. Это[т] присяжный критический забияка не нашел ничего лучшего, как показать перед тобой свой форс и воспользовался случаем отщелкать новичка. Неужели ты думаешь, что я, подобно ему, не знаю, что в твоей повести есть недостатки. Я радовался и поощрял тебя не потому, что именно эта первая повесть есть верх совершенства, а потому, что она показала мне, что ты можешь и должен писать и что если ты себя не запустишь, то впоследствии напишешь и верх совершенства. Пожалуйста, не смущайся и кончай, а потом переписывай, сокращай, исправляй и верь, что «Трутни» будут все-таки очень интересным и свежим явлением в литературе.

Модя, не завидуй мне! Во-первых, в городе, который ты именно и любишь, я не бываю почти вовсе, отчасти потому, что далеко, отчасти потому, что мне страшно надоел Наполеон, которого нет возможности не встретить. Во-вторых, погода стоит дурная, и сегодня все покрыто снегом. Вообще Флоренция теперь далеко не так хороша, как в наше время. Тогда пахло весной, небо было вечно ясно, и на душе поэтому было весело Теперь небо всегда серо и неприветно. Что мне нравится здесь, так это совсем не город, не погода, а моя уютная тихая квартира и в особенности та абсолютная тишина, которою я наслаждаюсь по вечерам. Меня это в высшей степени освежило и отдохновило от всех испытанных треволнений. Надежда Филаретовна продолжает окружать меня самыми трогательными и нежными заботами; мы переписываемся ежедневно,— но, повторяю, близость ее тяготит меня, и я не чувствую себя свободным. Вот единственная неприятная сторона моей здешней жизни. Я снова должен тебе сказать, что Алеша настолько же в нынешнем году восхитителен, насколько в прошлом был невозможен. Сколько я ни стараюсь, но не могу в этом ласковом, добром, милом, веселом Леньке узнать прошлогоднюю злючку. Он очень мне приятен и полезен.

Сегодня я, может быть, вечером поеду в театр; дают знаменитую драму «La morte civile» и балет «I dui Tartufi». Все это меня интересует. К тому же, делать мне нечего. Я кончил и оркестровку и клавираусцуг двух частей сюиты, а первых трех все жду.

Целую тебя. П. Чайковский.

409. А. И. Чайковскому

Флоренция,
3/15 декабря [1878 г.]

Последнее твое письмо, полученное мною в день приезда на poste restante, было помечено 12-м ноября. Сегодня 3-е, следовательно, прошло три недели,— и я не имею от тебя с тех пор ни единой строчки. Из Каменки я тебе дал мой здешний адрес и просил не мешкая прислать мою рукопись; рукописи нет! Все это меня мало-по-малу удивляло, огорчало, беспокоило, и, наконец, сегодня я доведен до крайнего раздражения. Я кончил инструментовку двух последних частей сюиты и теперь должен уже три дня сидеть сложа руки. А при моем образе жизни, т. е. в совершенной пустыне, это очень скучно, тем более, что я не умею начинать новой работы, пока старая не свалена с плеч. Я не знаю, сердиться на тебя или беспокоиться? Я бы страшно беспокоился, если б из писем Модеста не усматривал, что ты здоров. Но сегодня я наконец начинаю думать, что Модест скрывает от меня твою болезнь, словом, глупые мысли начинают лезть в голову. Я еще понимаю, что посылка могла пропасть дорогой, но ни единой строчки в три недели, это непостижимо. Хоть бы, по крайней мере, знать из твоих писем, что рукопись выслана. Ну, уж твой хваленый Аким! Экая тупая хохлацкая башка! Всему он виноват. Я уверен, что и письма оттого не доходят, что он вместо почты носит их на Николаевскую ж. д. и посылает малой скоростью. Сейчас бегал в город и телеграфировал тебе. Ничего больше не пишу. Я очень зол и расстроен.

Целую крепко. Я не допускаю и мысли, что ты не пишешь по болезни.

Твой П. Чайковский.

410. А. И. Чайковскому

Флоренция,
3/15 декабря [1878 г.]

Как всегда в таких случаях бывает, стоило мне только послать к тебе телеграмму, как сегодня утром я получил твое письмо. Ах ты, бессовестный! С 12 по 26 октября ты не писал

мне ни разу, а меня, который двух дней, кажется, не пропустит, чтобы одному из двух Вас не написать,— ты смеешь упрекать за малое писание.

Я ужасно был рад увидеть наконец твои худющавые продолговатые буквы и снова насладиться столь характерическим, слегка витиеватым стилем. Вот что, Толя! Я не требую, чтоб ты мне писал часто, и даже дневника не требую,— но пиши мне во всяком случае не менее одного раза в неделю, хотя бы и понемножку. А то ты знаешь мою способность сейчас же начать беспокоиться. Посылки я все-таки не получил, но, по крайней мере, вижу из твоего письма, что ты поступил согласно моему указанию. Но отчего Юргенсон не посылает!! Ответа на телеграмму тоже я еще не получил.

Итак, прости меня, мой милый мальчик, за вчерашние дерзости. Все свои ругательства беру назад.

Толичка, напиши мне в следующем письме подробности про Сашу, Таню, Веру, Леву. Скажи Тане, чтобы не забывала, что я прокляну ее, если она не вскружит головы, по крайней мере, двум десяткам самых изящных молодых людей!

Так как сие письмо сверхштатное, то сегодня кончу на третьей страничке.

Ах да! Я и позабыл тебе сказать. Надежда Филаретовна уезжает отсюда 16/28 числа. В тот же день и я уеду. Я решился ехать в П а р и ж, во-первых, потому, что хочу слушать музыку; во-вторых, чтоб собрать некоторые материалы для оперы; в третьих, потому, что вообще мне очень хочется в Париж. Если я найду там дешевенькую квартирку, то останусь с м е с я ц; но остановлюсь во всяком случае в Hôtel d e Hollande, куда, следовательно, и потрудись адресовать мне письма, хотя одно письмо можешь послать мне сюда, ибо еще почти две недели осталось. Кроме близких родных, никому о Париже не говори, ибо я очень боюсь нарушить свое инкогнито.

Целую тысячу раз. П. Чайковский.

Расцелуй всех, а Папочке скажи, что я ему не пишу, ибо, пиша тебе и Моде, считаю, что пишу и ему.

411. М. И. Чайковскому

Флоренция,
4/16 декабря [1878 г.]

Чорт знает что такое! Я нахожусь в самом глупом положении. Положение это напоминает человека, который сильно разбежался, и вдруг посреди бега из земли выросла стена. Я до сих пор не получил моей несчастной рукописи! В первые пол-

торы недели моего пребывания здесь я с величайшим увлечением оркестровал и даже переложил на четыре руки последние части сюиты в ожидании первых трех. Но проходят дни за днями, а посылки нет. Таким образом, я обречен на совершенное бездействие, ибо тебе известно мое свойство никогда не приступать к новой работе, пока старая не сбыта с рук. Между тем моя здешняя жизнь не имеет смысла без работы. Весь ее charme * рушился с той минуты, как материал для работы истощился. Вчера, по крайней мере, я получил письмо от Толи, которое меня несколько успокоило. Из этого долгожданного письма я узнал, что он отнес рукопись две недели тому назад к Юргенсону для отсылки. Чего же этот старый дуралей думает? Одним словом, я зол и не в духе, насколько имеет право злиться человек, во всех других отношениях довольный и благополучный. Впрочем, погода скверная, на улицах и крышах снег, беспрестанно идет или он или дождь, — очень неприглядно. Но правда, что уж если разъяснится, так так бывает хорошо, что приходишь в умиление.

Теперь сообщу тебе одно обстоятельство. Пока Алеша ходил вчера в церковь, мне понадобилась бумага, и, отыскивая ее в его комоде, я напал на очень интересную рукопись. Это дневник, который, как оказывается, он вел в Сан-Ремо в прошлом году. Я проглотил его с большим интересом. Оказывается, что он только представлялся таким бесчувственным, в сущности же страдал и тосковал ужасно. Меня это ужасно тронуло. Теперь он ушел в город за марками, и я воспользуюсь этим, чтоб сделать для тебя несколько выписок; они имеют большой интерес **.

Модя, не правда ли, я не ошибся, предположив, что эти выписки будут для тебя иметь интерес психологический и что они тебе напомнят прошлый год. Благо, делать нечего, я их и сделал. Целую тебя очень крепко; поцелуй от меня понежнее Колю.

Твой П. Чайковский.

Я еду 16/28 в Париж. Адресуй Hôtel de Hollande, но одно письмо, я думаю, дойдет еще сюда.

412. А. И. Чайковскому

1878 г. декабря 5. Флоренция[1].

Вторник, 9 часов вечера.
Villa Bonciani

Вчера вечером, когда уже все в доме спали и я один сидел у камина, читая статью о собаках в книге Брема, раздался

* прелесть
** Дальше следуют выписки из дневника Алексея Софронова.

сильный звонок, затем стук отворяемых дверей, и, наконец, ко мне вошел телеграфист с твоей депешей. Она меня удивила ужасно, но не рассердила. Я в предыдущие дни уже истратил весь запас гнева. А главное, я, по крайне мере, успокоился, что рукопись цела. Я тут же решил, дабы не терять времени, приняться с сегодняшнего дня за оперу и весьма благополучно приступил сегодня к делу. Меня немножко беспокоила мысль, что ты на основании моих отчаянных писем вообразишь, что я злюсь, и, чтоб эта тревога понапрасну не расстроила тебя, я послал тебе телеграмму. Сию минуту я только что вернулся из города, куда ходил опять на телеграф. Послал поздравительную депешу Н. Г. Рубинштейну. Какое странное и темное человеческое сердце! Мне всегда или, по крайней мере, с давних пор казалось, что я не люблю Рубинштейна. Недавно я увидел во сне, что он умер и что я был от этого в глубоком отчаянии. С тех пор я не могу думать о нем без сжимания сердца и без самого положительного ощущения любви. Объясняется это очень просто. За весьма немногими исключениями, я не люблю вблизи никаких людей, ибо вообще не люблю людского общества. Но стоит мне отойти несколько вдаль и посмотреть на них из этой дали, как оказывается, что я их люблю. Я послал ему телеграмму самого нежного свойства. Теперь поговорим о времяпровождении.

Те три или четыре дни, которые я провел праздно в ожидании рукописи, были невеселы. При такой пустыннической жизни нельзя обойтись без занятий, тем более, что я очень увлекся в работе и нет ничего неприятнее, как встретить при этом препятствие. От нечего делать я играл с Алешей в дураки; мне ужасно не везло, я злился и тем не менее продолжал, несмотря на его просьбы бросить, и чем больше злился, тем больше проигрывал. Погода стоит все время отвратительная, иногда ненадолго небо разъяснится, и тогда бывает удивительно хорошо. Кроме больших прогулок, иногда, вооружившись биноклем, я отправляюсь на крышу, которая устроена в виде террасы, и долго наслаждаюсь видами. В городе бываю мало,— очень далеко. Надежда Филаретовна перестала меня стеснять. Я даже привык к ежедневной переписке, но нужно отдать справедливость этой не только чудной, но и умнейшей женщине. Она умеет так устроить, что у меня всегда есть бездна материала для переписки. Ежедневно я получаю от нее утром огромное письмо, иногда даже на пяти листах, и вместе с этим русские газеты и «Italie». Я ей отвечаю вечером. Ровно в 11½ утром она проходит мимо меня и пристально смотрит в мои окна, стараясь увидать меня, но не видя по бли-

зоркости. Я же ее отлично вижу. Кроме этого, мы виделись с ней раз в театре. Ни малейших намеков на желание свидеться нет, так что в этом отношении я совершенно покоен. Вообще говоря, мне здесь отлично, и моему мизантропическому нраву ничто не препятствует, даже лакей, подающий еду, очень учтив, но совсем неразговорчив. Лишь бы мне иметь от вас письма,— и я совершенно счастлив. Целую тебя, мой милый!

Если б можно было, я бы охотно свернул шею и выщипал бы бороду твоему Сабурову [2]. Нежно поцелуй Папу, Сашу, Таню, Веру, Модю, Володю Жедринского.

Твой П. Чайковский.

413. М. И. Чайковскому

[Флоренция]
6/18 декабря [1878 г.]
Villa Bonciani

Прежде всего похвалю тебя зато, что ты не отказался от рецензенства [1]. Я убежден, что ты справишься превосходно, тем более, что от тебя требуют не больших статей, а газетных кратких отчетов. Из этого не следует, что я не считаю тебя способным на большие статьи, но я хочу сказать, что твоя служба в «Голосе» не отвлечет тебя от Коли, от повести и всего остального.

Если бы ты мог себе живо представить Флоренцию такою, как она сегодня, то ты бы на этот раз серьезно позавидовал мне. Представь себе, что после нескольких дней самой ужасной погоды, доходившей до того, что вчера вовсе нельзя было выходить из комнаты, сегодня светлый, лучезарный день и тепло так, как бывало иногда только в Сан-Ремо. Все мои окна отворены: я ходил пешком в S. Miniato в одном сюртуке,— ветра ни капельки, ну, просто, очарованье. И тем не менее я не в духе! И причиной этого сегодня — кто бы ты думал? — Надежда Филаретовна! Эта баснословно благодетельная для меня женщина выдумала следующее. Уже в нескольких письмах ее были намеки, что она хотела бы, чтобы в с е г д а было, как теперь, чтобы в с е г д а она принимала на себя все заботы обо мне (ты уже знаешь, что я здесь ничего не плачу, хотя обычную сумму аккуратно 1-го декабря я получил). Я думал, что это только так говорится. Но сегодня она пишет мне, что решила после Вены в конце января приехать в Париж и просить меня теперь туда не ехать, и уж если я не хочу ехать в Вену (она мне это предлагала), то чтоб отправлялся теперь в Clarens, а в Париж пожаловал бы к 1-му февраля. Другими

словами, ей хочется, чтоб и в Париже я жил не сам по себе, а на нанятой ею и снабженной всем нужным квартире. Я отвечал, что мне нужно достать материалы для оперы в Париже (это правда) и что поэтому я все-таки поеду теперь в Париж на несколько дней, но затем готов ехать в Кларан и 1-го февраля явиться в Париж. И вот, написавши это, злюсь. Ты скажешь, что я бешусь с жиру. Это правда, но правда и то, что как ни деликатно, ни нежно, а Надежда Филаретовна все-таки несколько стесняет мою свободу и что я с наслаждением отказался бы от ее квартир, если б можно было, ибо денег, даваемых ею, мне вполне достаточно для моего благоденствия.

Господи! Прости мое прегрешение. М н е жаловаться на Надежду Филаретовну! Это ужасная подлость!

Не знаю, чем все это кончится, но в Париж 27-го числа я во всяком случае поеду и проживу там с неделю, а потому пиши туда.

Как мне завидно было читать, что ты проводишь время с нашими милыми каменскими! Как бы я хотел очутиться на один вечерок с ними, с тобой, с Толей в Hôtel de la Paix. Поцелуй их от меня покрепче. Скажи им, что я получил от Наты Плесской прелестное письмо.

Прощай, мой милый Модя. Нового ничего. Начал о п е р у!!! и довольно удачно. Что за богатый сюжет[2]!

Твой П. Чайковский.

Ради бога, пиши повесть.
Поклонись от меня Алине Ивановне, а Колю целую крепко.
Не правда ли, Алешин дневник интересен?!

414. А. И. Чайковскому

Флоренция,
8/20 декабря 1878 г.

Милый мой Толичка!

Получил сегодня письмо твое. Что ты пишешь мне не особенно часто и не особенно много,— это для меня ничего, лишь бы знать, что ты здоров. А вот что ты жалуешься на скуку и дурное расположение духа,— это мне крайне неприятно! С радостью поделился бы с тобой тем полным покоем и бодрым настроением, в коих нахожусь. Да увы,— сделать этого нельзя. Пожалуйста, милый, постарайся, наконец, допытаться, что тебе нужно для того, чтобы сколько-нибудь быть довольным, и что именно тебя раздражает. Ибо бороться с врагом можно

только тогда, когда его знаешь, и преследовать цель можно, когда ее видишь. Я бы мог думать, что тебя раздражает служба, но из писем вижу, что, напротив, ты весьма философски смотришь на нее. Согласись, голубчик, что и в самом деле не стоит из-за нее особенно сокрушаться! Ведь в сущности дрязги Сабурова или вообще служебные мелкие неудачи сущий вздор. Мне кажется, что на службу нужно смотреть исключительно как на средство достигнуть самостоятельного положения. Если же служба не при чем в твоем неудовольствии, то тогда я не понимаю, что тебя сокрушает. Разве что глупая и бешеная петербургская жизнь? Вот это я понимаю. Но при этом тотчас же вспоминаю, что ты по природе вовсе не мизантроп и очень не прочь жить на людях! Впрочем, так легко из удобного, спокойного и тепленького уголка читать мораль хандрящему в бешеном Петербурге человеку,— но от этой морали пользы тебе никакой. Мне бы безмерно хотелось, чтоб все это кончилось и чтоб ты, наконец, стал бодрее и веселее, хотелось бы помочь тебе, — а как, не знаю, и вот пишу мораль, которой не нужно. Я знаю только то, что ты чудеснейший м у ж ч и н к а, которого решительно все любят (не считать же Сабурова!), у которого есть все данные, чтоб быть если не вполне счастливым, то снисходительно-довольным жизнью, а между тем ты недоволен, а следовательно, и я недоволен.

Ну, довольно об этом. Ничего нового. В ожидании сюиты я принялся сочинять сцену из будущей оперы и с таким азартом, что про бедную сюиту позабыл. Осталось жить здесь неделю. Потом поеду в Париж. Так как у Котека на рождестве каникулы, так как он очень огорчен, что наше свидание не состоялось и так как мне очень хочется его видеть и поиграть с ним, то я решился выписать его на несколько дней в Париж.

Прощай, родной! Крепко обнимаю. Ради бога, будь повеселей и не огорчайся таким вздором, как холодность и глупость Саши Переслени и Тани. Глупые девчонки, и больше ничего.

Твой П. Чайковский.

Планы мои такие: великий пост или значительную часть его провести в Питере, а потом с тобой поехать на святую в Каменку. Ради бога, не забудь поблагодарить от меня Велину за депешу. Я хотел ей писать, но забыл ее имя.

Получил ты шведские деньги или нет? Вообще, как денежные дела?

Еще раз целую. П. Ч.

Не забудь, что нужно писать теперь в Париж, Hôtel de Hollande, Rue de la Paix.

415. М. И. Чайковскому

Флоренция,
10/22 декабря 1878 г.

Модя! Последние дни прошли в очень сильной творческой лихорадке. Я принялся за «Орлеанскую Деву», и ты не можешь себе представить, как это мне трудно досталось. Т. е. трудность не в отсутствии вдохновения, а, напротив, в слишком сильном напоре оного. (Надеюсь, что ты не упрекнешь меня в самохвальстве.) Мной овладело какое-то бешенство; я целые три дня мучился и терзался, что материалу так много, а человеческих сил и времени так мало! Мне хотелось в один час сделать все, как это иногда бывает в сновидении. Ногти искусаны, желудок действовал плохо, для сна приходилось увеличивать винную порцию, а вчера вечером, читая книгу о Жан д'Арк [1], подаренную мне Надеждой Филаретовной (великолепное издание, стоющее по меньшей мере франков двести), и дойдя до процесса abjuration * и самой казни (она ужасно кричала все время, когда ее вели, и умоляла, чтоб ей отрубили голову, но не жгли) я страшно разревелся. Мне вдруг сделалось так жалко, больно за все человечество и взяла невыразимая тоска! При этом вдруг мне вообразилось, что вы все больны, умерли, что я такой бедненький (точно будто меня сослали сюда насильно), и т. д. Ну, словом, сильно возбужденные нервы требовали пароксизма. После него я чудесно заснул, а проснулся с ощущением великого удовольствия, ибо Алеша, вошед ко мне, отворил окна и погода оказалась божественно прекрасной. Я тотчас же решил целый день прогулять и так и сделал. Пока Алеша ходил в русскую церковь, я пошел в S. Miniato, но потом соблазнился и сошел вниз, в город. Зашел в великолепную S. Croce, где служилась только в одном придельчике жалкая messe basse. Возвратившись домой и позавтракавши, взял экипаж и поехал с Алешей сначала в Bello sguardo, где вспоминал тебя и Колю, а оттуда в Кашино. Гулянье было необыкновенно блестящее. На возвратном пути на набережной, конечно, встретился с Наполеоном, который даже побежал за коляской и что-то говорил,— до того он привязчив! Я ограничился ласковыми поклонами.

Надежда Филаретовна уезжает отсюда в четверг 14/26, а я в пятницу 15/27 прямо в Париж, впрочем, если до тех пор придет наконец пресловутая сюита.

Я много, много обдумываю либретто и еще не могу составить решительного плана. В Шиллере многое мне нравится, но,

---

* отречения

признаюсь, его презрение к исторической правде несколько смущает меня. Если тебя интересует знать, какую сцену я написал, то могу сказать. Она происходит у короля, начиная с входа Иоанны; сначала она узнает короля, который хотел испытать ее и велел Дюпуа изобразить короля, потом ее рассказ, потом ансамбль и громкий восторженный финал.

Нового ничего. Уезжаю отсюда без восторга, но и без особенного сожаления.

Целую крепко. П. Чайковский.

416. А. И. Чайковскому

Флоренция,
11/23 декабря 1878 г.
Понедельник

Толя! Давно ли я тебе читал наставления насчет беспричинной хандры,— а вот в последние дни испытал сам два приступа этой болезни. Впрочем, третьего дня я просто был с сильно расстроенными нервами вследствие неумеренной рьяности в занятиях, но сегодня уж решительно никакой причины нет, за исключением разве дурной погоды, а я немножко хандрю. Отчасти это происходит однакож вследствие того, что я все-таки не получил еще пресловутой рукописи и вследствие этого пришлось ничего не делать целый день, а куда как я не люблю сидеть сложа руки. Нужно тебе сказать, что с некоторых пор я стал страшно разборчив и исключителен в чтении. Можно положительно сказать, что я безвозвратно утратил способность читать романы и вообще всякую беллетристику. Надежда Филаретовна очень рекомендовала мне на днях какие-то рассказы Доде. Начал, но пересилить не мог. Точно так же я дважды тщетно принимался за «Une page d'amour». Итак, остается читать только исторические статьи, но опять-таки и история не всякая мне интересна, а лишь специально XVIII век и, пожалуй, XVII. Но зато с каким наслаждением я читал в двух книжках «Русского Архива» переписку Екатерины с Гриммом[1]! Кроме того, не без удовольствия читаю жизнь животных Брема. Эти огромные шесть томов я купил в Москве накануне отъезда. Из газет я ежедневно получаю «Московские Ведомости» от Надежды Филаретовны, а также иногда «Голос», когда есть статьи Лароша. Но что я прочел с захватывающим интересом, так это книгу о «Jeanne d'Arc», присланную мне тою же Надеждой Филаретовной. Я, вероятно, уже говорил и писал тебе, что для будущей оперы остановился на «Орлеанской Деве» Шиллера, но мне далеко не все нравится в этой тра-

гедии, и я хочу порыться в истории, а также достать либретто двух провалившихся французских опер на этот сюжет [2]. Вот это-то и тянет меня больше всего в Париж.

Пишу тебе с трудом. Чтоб рассеять маленькую хандру, я страшно налопался за обедом, что здесь со мной редко бывает, ибо еда скверная. От обоих Вас что-то давненько писем нет! П. И. Юргенсон прислал мне несколько новых моих вещей и в том числе твои романсы [3]. Видел ли ты их? Скажи Саше, что детский альбом с посвящением Бобику вышел. Сегодня ровно три недели, что я здесь. Через четыре дни, т. е. в пятницу, еду в Париж. Котек приедет через три дня после меня и останется неделю. Целую тебя в глаза, нос, рот и бородавку на ухе.

Твой П. Чайковский.

417. Л. В. Давыдову

Флоренция,
12/24 декабря 1878 г.

Какой ты милый, Левушка, что написал мне! Это для меня был тем более приятный сюрприз, что я до сих пор не знал, как вы провели время в Москве. Сегодня же я получил длинное письмо от Модеста, в котором он много пишет про наших дорогих каменских туземок и рассказывает, как они мило устроились, как проводят время и как у них с утра до вечера гости. Я и радуюсь за них, но иногда мне так жалко бывает бедную Сашу, которая ради старших должна так долго лишать себя удовольствия видеть и младших детей и тебя [1]. Живо воображаю, как тебе должно казаться пусто и грустно без них! Но зато ты имеешь ни с чем не сравнимое счастье видеть Уку, Бобика! Скажи Бобику, что напечатаны ноты с картинками, что ноты эти сочинил дядя Петя и что на них написано: Посвящается Володе Давыдову [2]. Он, глупенький, и не поймет, что значит посвящается! А я напишу Юргенсону, чтобы послал в Каменку экземпляр. Меня только немного смущает, что Митюк пожалуй обидится немножко. Но согласись сам, можно ли ему посвящать музыкальные сочинения, когда он прямо говорит, что музыку не любит? А Бобику хоть ради его неподражаемо прелестной фигурки, когда он играет, смотрит в ноты и считает, можно целые симфонии посвящать.

Я послезавтра еду в Париж. Избрал я своим местопребыванием Париж потому, что принимаюсь вскоре за такую трудную, утомительную работу (оперу), которая требует, чтоб всегда под рукой была возможность рассеяться посредством театра, прогулки по бульвару и т. д. Не далее, как три дня тому назад,

я нажил себе совершенно неожиданно истерический припадочек только потому, что слишком устал от чрезвычайного напряжения всех сил, работая над первой сценой будущей оперы. Притом же моему мизантропическому нраву в таком огромном городе, как Париж, ничто препятствовать не будет. Наконец мне нужно быть в Париже, чтобы собрать некоторые необходимые для оперы материалы. Адрес мой будет таков: Rue de la Paix. Hôtel de Hollande. Впрочем, это только на первое время, ибо я буду себе искать дешевенького garnie*. Но письма во всяком случае дойдут.

Погода здесь стоит по большей части плохая, т. е. дожди, и даже раз был снег. Но иногда выдаются деньки удивительные. Я, к удивлению моему, нисколько не скучал здесь, несмотря на то, что был совершенно одинок и что живу в пустыне. От времени до времени я нуждаюсь в одиночестве, если нахожусь в нормальном состоянии духа. Впрочем, я не могу не упомянуть с благодарностью про Алешу. Он превосходно себя ведет, и я не могу достаточно нахвалиться его поведением, заботливостью, а главное, непостижимо постоянною веселостью, которая и на меня иногда переходит. Единственное облачко на моем горизонте — это Толя, который все недоволен, все жалуется, все хандрит. Что мне с ним сделать? Близость M-me Мекк немножко смущала меня в первое время, и, признаться, я побаивался, что уж не изменила ли она своей ligne de conduite** и не хочет ли завлечь меня к себе. Оказалось, что нисколько. Ежедневно в 11 часов она проходит мимо меня и пристально смотрит в мои окна, но за близорукостью никогда меня не видит; раза два мы были вместе в театре, т. е. она с своими в ложе, а я в партере,— и только! Но зато переписка ежедневная. Ах, Лева, что это за странная, но вместе с тем умная и добрая женщина! Да! кстати. Пожалуйста, прошу тебя и всех Вас по возможности ни с кем, кроме самых близких, об моих отношениях к ней не говорить. Хотя ничего не может быть невиннее этих отношений, но не преминут раздуть это в какую-нибудь мерзость, и если мне от этого ни тепло ни холодно, то ей может быть неприятно. Нужно, чтобы это не сделалось достоянием публики, особенно московской, язык которой и без того не мало чесался насчет и меня и ее.

Теперь вот о чем я хотел поговорить с тобой. Я не предвижу, чтобы когда-нибудь основался в Петербурге или Москве. Всего вероятнее, что я буду бо́льшую часть года всегда проводить с Вами, а меньшую в поездках. В виду этого мне

---

* меблированной комнаты

** линии поведения

нужно бы серьезно позаботиться о своем помещении в Каменке. Хотя я совершенно доволен флигелем, но все-таки там немножко узковато, и притом летом при отворенных окнах заниматься там стеснительно. Куда мне деться, когда я теперь приеду? Я буду писать оперу. Мне нужно быть совершенно застрахованным от всякого шума, нужно, одним словом, нечто вроде того, что было в прошлом году. Я уж думал, нельзя ли на мой счет сделать маленькую пристройку к флигелю или что-нибудь вроде этого? Голубчик, напиши свое мнение об этом. (Сколько стоит хату выстроить?) Я не знаю, сколько времени проведу в Париже. Во всяком случае, постом я уже буду в России, но полагаю, что к Вам попаду во всяком случае не ранее пасхи, ибо мне необходимо будет несколько времени провести в Петербурге. Впрочем, верного ничего еще не знаю.

Целую тебя, голубчик! Удушаю в своих объятиях детей.

Твой П. Чайковский.

418. М. И. Чайковскому

Флоренция,
12/24 декабря 1878 г.

Хорошо, что я сел тебе писать теперь, а не утром. Я уже немножко успокоился,— а то тебе досталось бы на орехи. Я получил твое письмо и читал его с невыразимым удовольствием (форма дневника чудесная), как вдруг в конце нашел пассаж с старым Кольрейфом, который меня удивил, рассердил и разозлил[1]. Ты знаешь, как иногда я из пустяков раздражаюсь по поводу писем. Может быть, это оттого, что нельзя сейчас же отозваться на раздражившее известие. Ты пишешь мне, что не плюнул в рожу Кольрейфу, а, напротив, рассыпался в благодарностях. Признаюсь тебе, что хотя я и сам страдаю отсутствием того, что ты называешь гражданским м у ж е с т в о м, но у тебя это отсутствие переходит за границы дозволенного. Плевать в рожу Кольрейфу было, конечно, излишне, но еще более излишни благодарности. Следовало просто сказать, что того, что он предлагает, н е н у ж н о,— и больше ничего, и сказать это тут же сейчас, а не писать на другой день. Да и написал ли ты? Ты в подобных случаях бываешь крайне легкомыслен и беспечен. П р о ш у и у м о л я ю тебя, если ты не написал, то сейчас же написать, что так как я о разводе вовсе не помышляю, то его шпионничанья вовсе не нужно. Меня мороз подирает по коже, когда я подумаю, что плюгавый старичишка уже начал подбираться к этой гадине, а эта гадина (несмотря на глупость, очень хитрая) узнала об этом и всем кричит, что я подсылаю

к ней шпионов. Ведь мне только то и нужно, чтобы она знала, что я думаю о ней столько же, сколько о прошлогоднем снеге. Только полным игнорированием ее я могу добиться, чтобы она лишилась всяких надежд и навсегда оставила в покое как меня, так и всех Вас. Я хотел сгоряча писать и Альбрехту и Поликсене Ивановне и т. д. Но теперь одумался и прошу только тебя, Модя, непременно и сейчас же написать.

Очень может быть, что все это с моей стороны болезненное и пустое только раздражение. Но стоит только упомянуть имя гадины, чтоб я тотчас почувствовал себя сумасшедшим, раздраженным до-нельзя. Имя этой твари причиняет мне просто какую-то физическую боль, и я тебя умоляю без нужды никогда не упоминать обо всей этой пакости.

Прости, что выругался,— но у меня теперь отлегло от сердца. Письмо это сверх абонемента. Ради бога, продолжай мне писать такие же чудные письма, но не заканчивай их подобным финалом.

Я вообще сегодня зол. Да и есть с чего.

Сюиты я все еще не получаю.

П. Чайковский.

Теперь пиши в Париж Hôtel de Hollande.

419. А. И. Чайковскому

Флоренция,
14/26 декабря 1878 г.

Вчера я получил твое письмо. Ты тщетно оправдываешься, бессовестный мальчишка! Во-первых, рукопись нужно было отнести к Юргенсону не 22, а, по крайней мере, 15-го, ибо письмо с моим адресом и с просьбой о рукописи было послано тебе из Каменки дня за три до моего отъезда, следовательно, 11-го или 12-го. Во-вторых, не подлежит сомнению, что между 12 и 26 ты мне не написал ни разу. Но об этом нечего и говорить. Досадно то, что я вследствие всей этой истории провел много праздных дней и не исполнил то, что хотел, т. е. уехать отсюда с правом отдаться всецело опере. Прибавлю еще, что рукописи все-таки нет.

Толя! Вчера я оказал подвиг необыкновенного гражданского мужества. Надежда Филаретовна в своем прощальном письме (она уезжает сегодня) прислала мне все счеты по вилле Bonciani, уже уплоченные, кроме того двести франков на случай, если из-за рукописи я засижусь здесь, и две тысячи франков золотом на издание сюиты! Хотя деньги у меня есть, но не особенно много, а именно, две тысячи пятьсот франков,

которые должны мне хватить до 1-го февраля, и потому — ох, как мне не помешала бы для Парижа эта сумма! Но меня обуяло гражданское мужество. Я нашел, что просто неприлично брать с нее, кроме всего, что она для меня делает, еще деньги на издание, которое мне не только ничего не стоит, но еще приносит гонорарий от Юргенсона. Кроме того, мне не хотелось взять с нее эту уплату за мои занятия с Пахульским, которому я давал два раза в неделю уроки. Ну, словом, при самом ласковом письме я возвратил ей две тысячи двести франков, а теперь (о, стыд и позор!) жалею. Вообще я иногда ужасаюсь своему сребролюбию и жадности к деньгам, чего к своему величайшему удовольствию не замечаю в тебе, судя по тому, что ты предлагаешь мне сто рублей! Ах, ты глупенький! Ну, что мне от твоих ста рублей? Если б «Вакула» принес тебе не двести, а две тысячи рублей, то и тогда я бы не взял с тебя ни копейки. Вообще ничего я так не желаю, как чтобы ты и Модя были в денежном отношении так же блестяще обставлены, как я.

Завтра я еду в Париж, где надеюсь устроиться на месяц или полтора в дешевенькой и миленькой квартирке. Но ты все-таки впредь до следующего письма адресуй мне в Hôtel de Hollande.

Вчера я был в театре. Билет мне прислала Надежда Филаретовна, которая тоже была со всем семейством, и в антракте я с смешанным чувством любопытства, умиления и удивления рассматривал ее в бинокль. Она болтала с своей прелестной дочкой Милочкой, и лицо ее выражало столько нежности и любви (это ее любимица), что мне даже понравилась ее некрасивая, но характерная внешность. Давали какую-то скучную комедию и играли очень хорошо, но итальянцы на сцене ужасные лакеи.

Если ни сегодня, ни завтра рукопись не придет, то я плюну и уеду, не дожидаясь, пока старому идиоту вздумается, наконец, послать ее.

Толичка мой милый! Пиши мне, и если опять примешь форму дневника, то ужасно обрадуешь. Твой П. Чайковский.

Володе Жедринскому передай выражение симпатии и поклон.

420. М. И. Чайковскому

[Флоренция]
15/27 декабря 1878 г.
Villa Bonciani

Милый Модя! Вчера во время гулянья, не знаю почему, я вспомнил, как мы весной ездили в лес (Зрубанец) за ландышами. Оттого ли, что погода стоит отвратительная, оттого

ли, что вообще я был вчера грустно настроен,— но вдруг мне захотелось воспеть лавдыши в стихотворной форме. Целый день и все сегодняшнее утро я провозился над стихами, и в результате получилась пьеса, которую при сем тебе посылаю отдельно. Я ужасно горжусь этим стихотворением. В первый раз в жизни мне удалось написать в самом деле недурные стихи, к тому же глубоко прочувствованные. Уверяю тебя, что хотя они мне достались с большим трудом, но я работал над ними с таким же удовольствием, как и над музыкой. Пожалуйста, дай сему моему творению самую широкую публичность; прочти его Лёле, Ларошу, у Давыдовых, Саше и Тане, Алине Ивановне, Жедринскому с Толей и т. д. Хочу, чтоб все удивлялись и восхищались.

Я должен был уехать сегодня, но так как посылки нет, то я принужден еще прожить день, хотя это нимало не весело. Надежда Филаретовна уехала, и, сверх ожидания, я испытываю большую тоску по ней и пустоту. Я со слезами на глазах прохожу мимо ее пустынной виллы, и Viale dei Colli сделалась мрачна и скучна. Я так привык ежедневно иметь с ней общение, каждое утро смотреть на нее, проходящую мимо меня со всей своей свитой, и то, что вначале меня стесняло и конфузило,— теперь составляет предмет самого искреннего сожаления. Но, господи, что это за удивительная, чудная женщина! Как трогательны были все ее заботы обо мне, доходившие до мелочей, но в общем сделавшие мою жизнь здесь в высшей степени приятной.

Уж целый месяц я ежедневно жду сюиты. Много, много крови мне испортило это тщетное ожидание, и, по правде сказать, от подавляемого гнева на Акима, Юргенсона (Осипа), от ежечасного беспокойства об утрате этой очень драгоценной для меня рукописи у меня нервы совсем не в таком порядке, как бы следовало. Толя прислал мне очень неудовлетворительные объяснения задержки, — но, боже мой, что мне до глупейших уверений Юргенсона, что в две недели он не успел послать! Не в объяснениях дело. Мне нужна эта рукопись. Почему и теперь ее все-таки нет? Как это объяснить? Я ужасно зол. Если завтра утром ее не будет, я плюну и разорву все остальное. Во всяком случае завтра еду в Париж.

Впрочем, я соврал, что разорву. Я просто распоряжусь, чтобы ее прислали в Париж.

Целую тебя крепко.

Твой П. Чайковский.

Вели Коле мне написать, ради бога.

ЛАНДЫШИ

Когда в конце весны в последний раз срываю
Любимые цветы, — тоска мне давит грудь,
И к будущему я молитвенно взываю:
Хоть раз еще хочу на ландыши взглянуть.
Вот отцвели они. Стрелой промчалось лето,
Короче стали дни, умолк пернатый хор,
Скупее солнце нам дает тепла и света,
И разостлал уж лес свой лиственный ковер.
Потом, когда придет пора зимы суровой
И снежной пеленой оденутся леса,
Уныло я брожу и жду с тоскою новой,
Чтоб солнышком весны блеснули небеса.
Не радуют меня ни книга, ни беседа,
Ни быстрый бег саней, ни бала шумный блеск,
Ни Патти, ни театр, ни тонкости обеда,
Ни тлеющих полен в камине тихий треск.
Я жду весны. И вот волшебница явилась,
Свой саван сбросил лес и нам готовит тень,
И реки потекли, и роща огласилась,
И наконец настал давно желанный день!
Скорее в лес!.. Бегу знакомою тропою.
Ужель сбылись мечты, осуществились сны?..
Вот он! Склонясь к земле, я трепетной рукою
Срываю чудный дар волшебницы-весны.
О ландыш, отчего так радуешь ты взоры?
Другие есть цветы роскошней и пышней,
И ярче краски в них, и веселей узоры, —
Но прелести в них нет таинственной твоей.
В чем тайна чар твоих? Что ты душе вещаешь?
Чем манишь так к себе и сердце веселишь?
Иль радостей былых ты призрак воскрешаешь
Или блаженство нам грядущее сулишь?
Не знаю. Но меня твое благоуханье,
Как винная струя, и греет и пьянит,
Как музыка, оно стесняет мне дыханье
И, как огонь любви, питает жар ланит.
И счастлив я, пока цветешь ты, ландыш скромный,
От скуки зимних дней давно прошел и след,
И нет гнетущих дум, и сердце в неге томной
Приветствует с тобой забвенье зол и бед.
Но ты отцвел. Опять чредой однообразной
Дни тихо потекут, и прежнего сильней

Томиться буду я тоскою неотвязной,
Мучительной мечтой о счастье майских дней.

И вот когда-нибудь весна опять разбудит
И от оков воздвигнет мир живой.
Но час пробьет. Меня — среди живых не будет,
Я встречу, как и все, перед свой роковой.
Что будет там?.. Куда, в час смерти окрыленный,
Мой дух, веленью вняв, беззвучно воспарит?
Ответа нет! Молчи, мой ум неугомонный,
Тебе не разгадать, чем вечность нас дарит.
Но, как природа вся, мы, жаждой жить влекомы,
Зовем тебя и ждем, красавица весна!
Нам радости земли так близки, так знакомы, —
Зияющая пасть могилы так темна!

П. Чайковский.

P. S. Так как я не поэт, а только стихоплет, то, может быть, ошибаюсь, но мне кажется, что стихотворение никогда не может быть вполне искренно, вполне вылиться из души. Законы стихосложения, рифма (особенно рифма) обусловливают д е л а н н о с т ь. Поэтому я скажу, что музыка все-таки бесконечно выше поэзии. Само собой разумеется, что и в музыке бывает то, что французы называют r e m p l i s s a g e, но он менее чувствуется. При внимательном анализе во всяком стихотворении можно найти строки, существующие только для рифмы [1].

421. А. И. Чайковскому

Флоренция,
16/28 декабря 1878 г.

Толичка!

Сейчас получил твое письмо, где ты опять пишешь о несчастной сюите. Все твои объяснения принимаю к сведению, но дело в том, что е е в с е-т а к и н е т, а между тем сегодня две недели ровно, как я телеграфировал тебе. Юргенсон или с ума сошел, или он просто затерял рукопись.

Как бы то ни было, но ждать я не могу. Все счеты за мое житье заплачены Надеждой Филаретовной по сегодняшний день,— сам я платить не могу за дальнейшее пребывание, наконец, К о т е к уже летит в Париж для свидания со мной,— и я не могу его оставить там дожидаться меня без денег. А денег у него нет, ибо я послал ему в обрез на дорогу. Да, наконец, уже все приготовления к отъезду сделаны, сейчас еду на

железную дорогу. Я оставил свой адрес, и все, что сюда придет, будет мне переслано аккуратно. Но я все-таки тебя прошу сходить к Юргенсону и узнать, в чем дело и отчего непостижимая задержка! Теперь уж мне все равно, когда она приедет: теперь или через два месяца, лишь бы не пропала!

Если б ты с М-me Пиччиоли встретился ранее, то я непременно пошел бы к Бонне. Очень досадно, что пришлось узнать адрес за час до отъезда[1].

Я послал вчера Модесту мои стихи. Пожалуйста, прочти их и восхищайся. Никогда своими музыкальными произведениями я не гордился так, как этим стихотворением.

Прощай! Нужно ехать.

Нежно целую.

Твой П. Чайковский.

Ни одно из твоих писем не пропало, но ты просто писал их довольно мало. В Париж я еду тем с большим удовольствием, что здесь с отъездом Надежды Филаретовны стало очень пусто и грустно. Давно ли я стеснялся ее пребыванием в моей близости, а теперь грущу!!!

422. М. И. Чайковскому

Париж,
18/30 декабря 1878 г.

Приехали сегодня утром. Путешествие совершил очень удобно, т. е. до Турина в coupé-lit*, а от Турина до Парижа без пересадки в sleeping-car **. Но чего это мне стоило! Запас золотых до того поубавился, что я не решаюсь остаться здесь. У меня теперь тысяча девятьсот франков. Из них нужно содержать в течение недели меня, Алешу и Котика, который приедет завтра, а потом нас двух с Алешей до 1 февраля. Решительно невозможно прожить, и хотя Надежда Филаретовна взяла с меня слово не стесняться, но я ни за что не хочу просить у ней денег. Можно бы было занять, да тоже не хочется. Ну, словом, я решился ехать до 1-го февраля к М-me Mayor. Впрочем, чтоб окончательно решить этот вопрос, я хочу поговорить завтра с Котиком, и потому решительный мой адрес ты узнаешь из письма, которое я напишу завтра Толе. Не правда ли, Модя, что лучше здесь прожить хорошо неделю и потом удалиться под дешевое крылышко М-me Mayor, чем кое-как промыкать до 1-го февраля. Не забудь,

---

* спальном купе
** спальном вагоне

что из тех же тысячи девятисот франков я должен по крайней мере четыреста дать Котику при его отъезде. Я приехал в Париж с обычным удовольствием, но того, что прежде, нет. Оттого ли, что Hôtel de Hollande мне напоминает и тебя и Толю, оттого ли, что я отвык от шума, но только я чувствую себя не по себе. Между прочим сообщу одну особенность. Я не знаю, имеет ли для тебя всякое место свой особенный запах. У меня весьма характерный. Москва имеет свой, Берлин свой, Clarens свой, Париж свой. Парижский совершенно особенный запах я всегда ужасно любил. Решительно не понимаю, почему сегодня я нюхаю, нюхаю и не могу найти этого запаха.

Алешей я сегодня недоволен. Во-первых, он денигрирует *, как и следовало ожидать, во-вторых, останавливается перед каждым магазином и говорит: «Вот бы купить!» Положим, что это в шутку отчасти, — но я все-таки немножко дуюсь на него.

Завтракал в Diner de Paris. Ну, например, могу ли я, живя в Париже, не завтракать и не обедать в Diner de Paris? А если проживу полтора месяца, то этого нельзя. Нужно жить пансионом. Это скучно. Нет, поеду к своей милой Маиорше!

Мне очень хотелось итти сегодня в Gymnase, где дают очень хорошую пьесу, но ради Алеши пойду в Châtelet, где дают феерию «Rothomago».

Целую тебя. В следующий раз вместо тебя хочу написать моему обожаемому мальчику Коле.

Твой П. Ч.

423. А. И. Чайковскому

Париж,
19/31 декабря 1878 г.

Толичка! Приехал Котик. Я очень рад его видеть, но нахожусь не в духе, ибо впал в нерешительность относительно дальнейшей судьбы. Мне кажется, что устроиться надолго в Париже мне невозможно, потому что денег не хватит. Не лучше ли ехать до 1-го февраля в Clarens, потом исполнить просьбу Надежды Филаретовны и приехать сюда и засим, пожуировавши, отправиться в матушку Рассею? С другой стороны, я во Флоренции так мило в своем воображении устроил себе тихий уголок Парижа, из которого (т. е. из уголка) я бы мог вылезать иногда на суету парижскую! Ну, словом, ты

* манкирует своими обязанностями

поймешь эту черту, имеющуюся и в тебе: колебаться, не решаться и смущаться пустяками. В конце концов, я еду к M-me Mayor и еду без огорчения, ибо очень люблю Villa Richelieu. Шум, суетня, толкотня на улицах — все это несколько раздражительно на меня действует, и мне кажется, что даже я очень умно поступаю, отправляясь отсюда. Но зато уж, конечно, проведу время здесь, не отказывая себе ни в чем, ибо к M-me Mayor я могу приехать хоть без копейки.

Чувствую, что пишу тебе весьма безалаберно. Прости, милый мой! Я только возвратился с Котиком и с Алешей из Jardin d'acclimatation *, где было очень приятно и где я тебя вспомнил не раз. Теперь уже 5¾. Нужно идти обедать, потом в театр и т. д.

Юргенсон прислал мне письмо гадины, которое при сем прилагаю [1]. Не скрою, что испытал чувство отвращения при виде ее почерка. Юргенсон отвечал ей очень учтиво и очень умеренно. Посылаю это письмо вот с какой целью **. Если гадина вздумает в самом деле обратиться к Модесту или к Саше, ради бога, попроси их от меня и скажи, что я умоляю их на коленях не отвечать ничего и вообще не изменять того порядка, который я завел, т. е. ничего общего ни со мной, ни с моими родными.

Сейчас иду обедать, потом в театр. Уеду отсюда вместе с Котеком в субботу или в воскресенье. Он обещался прожить у меня с неделю в Clarens.

Целую тебя самым нежнейшим образом.

Твой П. Чайковский.

Адресуй в Clarens.

424. А. И. Чайковскому

Париж,
21 декабря 1878 г./2 января 1879 г.

Сейчас получил твое письмо. Мне кажется, что Mr. Симонов какой-нибудь пройдоха. Я считаю совершенно невозможным, чтобы ты катался в Москву или его выписывал к себе. Вообще никакой таинственности и никакого вмешательства с его стороны не нужно, а поэтому не отвечай ему вовсе. Мне кажется, голубчик, что ты совершенно напрасно допустил себя до серьезного разговора с человеком, который не только не

---

* Ботанического сада

** посылаю также прелестный ответ Юргенсона. *(Прим. Чайковского.)*

вовлечен в это дело, но даже не хочет об нем переписываться. Ты должен был ответить, что если у Антонины Ивановны есть адвокат, то разговаривать можно только с адвокатом, который имеет от нее официальную доверенность. Если же этот господин или адвокат к тебе обратятся еще раз, то скажи, что я на развод согласен во всякую минуту, но денег никаких теперь не дам, а лишь могу принять на себя расходы. Когда я предлагал этой дурище развод, то именно сказал ей, что в ту минуту я имел случай достать деньги и что впоследствии денег у меня не будет. Во всяком случае, преждевременно говорить об этом теперь. Можно будет начать разговоры о деле, когда я приеду, а приезд свой я никоим образом не могу ставить в зависимость от капризов этой идиотки. Не она ли отказывалась от адвокатов и ни за что не соглашалась исполнять формальности разводной процедуры. Но, во всяком случае, денег я не дам, ибо у меня никогда рука не подымется просить денег у Надежды Филаретовны после того, что я на основании всех моих тщетных попыток написал ей летом, что от развода отказываюсь во всяком случае, ибо с Антониной Ивановной нельзя вести этого дела, даже получивши ее согласие. Вместо суммы на развод я попросил у Надежды Филаретовны денег для уплаты ее долга. Деньги эти она дала, и больше к ней обращаться я не соглашусь ни за что.

Но, впрочем, это все второстепенные вопросы. А главное, вести дело, разговаривать, назначать условия можно только с человеком, облеченным официальною доверенностью. Какое дело она может затевать? Принуждать меня к разводу на основании, положим, импотентности нечего, так как я и без того согласен хотя бы именно и на этом поводе основать дело. Денег же давать в виде капитала никто заставить меня не может.

Итак, ничего не отвечай и не пиши г. Симонову, который мне весьма подозрителен, а в случае если он обратится к тебе, то скажи, что:

1) денег не дам никаких, ибо их не имею;

2) расходы на развод готов принять на себя;

3) согласен на прелюбодеяние, на импотентность, на все, что угодно;

4) дело можно начать, когда я приеду, а приеду тогда, когда мне вздумается.

Сообрази визит Mr. Симонова с письмом к Петру Ивановичу, которое я послал тебе третьего дни, и скажи, есть ли возможность касаться этого дела, если о нем не будет говорить человек, которому по доверенности поручено его вести.

Какая польза может произойти от каких-то таинственных сношений с лицом, которое не сомневается в уме Антонины Ивановны?

Толя! Ты меня ужасно обяжешь, если пошлешь Николаю Львовичу пятьдесят рублей серебром. Но если ты все деньги почему-либо истратил, то не стесняйся. В субботу, т. е. послезавтра, я еду в Clarens. Меня немножко расстроил восставший снова омерзительный призрак гадины, и потому я не способен писать о том, что здесь делаю, как провожу время, словом, болтать. Поболтаю в другой раз. А пока целую несчетное число раз и прошу прощения, что из-за меня к тебе пристают.

Твой П. Чайковский.

P. S. Очень может быть, что Надежда Филаретовна опять мне предложит деньги, и тогда я, конечно, не откажусь дать их гадине, ибо я и сто тысяч не пожалел бы, если б они у меня были, но обещать теперь не могу. И во всяком случае, ранее моего возвращения в Россию, которое состоится не позже конца февраля, не предприму ничего.

Если же ты вследствие каких-либо новых обстоятельств, т. е. каких-нибудь попыток к разводу, предпринятых не таинственным Симоновым, а адвокатом, найдешь нужным, чтоб я приехал немного ранее, то и на это, конечно, готов. Но, ради бога, не связывайся с Mr. Симоновым и не веди с ним бесплодных пререканий насчет ума и добродетелей гадины.

Котек сейчас воротился с прогулки, вошел, схватил все письма, лежавшие на столе, и стал их читать. Я сделал ему довольно резкое замечание. Я зол. Он вообще очень милый, но... но... наивен до феноменальности.

425. М. И. Чайковскому

Париж,
22 декабря 1878 г./3 января 1879 г.

Модя! Мое пребывание в Париже совершенно отравлено двумя чувствительными напоминаниями об гадине. Одно — письмо ее к Юргенсону, которое ты, вероятно, видел у Толи; другое — визит таинственного незнакомца к Толе. Есть и другие причины, но в сущности все это пустяки, которые, к сожалению, только мешают мне как следует наслаждаться Парижем.

Я все время в отвратительном состоянии духа, и это, к сожалению, отражается на моих отношениях к милому, доброму Котику. Какая разница между нежностями, которые я расто-

чал ему письменно, и теперешней пассивной ласковостью. Нужно было ему как-раз попасть ко мне, когда я злюсь на все и на всех. Вследствие раздражительности я злюсь, когда он хватает все полученные мною письма и читает их, злюсь, когда он грубо обращается с гарсонами (называя их при этом Monsieur), когда он громко говорит в Diner de Paris, когда он рассказывает мне бесконечные истории о берлинских музыкантах и рассыпает предо мною воспринятые им в Берлине цветы немецкого остроумия, когда в театре он каждую минуту требует, чтоб я перевел ему, что говорится на сцене.[...]

Модя! Скажи Толе, что сегодня, хорошенько выспавшись, я совершенно покойно отнесся к сообщенной им истории визита. Надеюсь, что и он теперь понимает, как мало нужно беспокоиться безвредными ужалениями раздавленной ехидны. Что такое ее адвокат? На что она может жаловаться? Могу ли я бояться хотя единую минуту ее попыток нагадить мне? Ведь она может только требовать развода, т. е. именно того, чего я хочу и от чего она отказывалась. Но обещать денег не хочу, и совершенно излишне было бы давать их, ибо процедура развода вещь настолько тягостная, что платить еще за это деньги — глупо. Она, вероятно, не прочь бы шантажировать меня. Но нужно быть такими нервно-впечатлительными, как Толя и я, чтобы в первую минуту несколько испугаться и серьезно говорить с каким-то неизвестным о мировой сделке! Пожалуйста, скажи ему, чтоб он не отвечал ни единого слова этому болвану, а в случае его запроса отвечал бы, что дело можно будет начать, когда я приеду, и что вести его я согласен не иначе, как с адвокатом ее, ибо опыт показал, что непосредственно с ней дело вести нельзя. Приезд же мой останется в полнейшей независимости от ее капризов.

Ну, довольно об этой пакости!

Я не в духе и поэтому мало расположен писать тебе о театрах. Но все-таки скажу. Был я 1) с Алешей в «Rothomago» — феерия, которую дают в Ghâtelet и где я жестоко скучал, 2) в Comédie Française, где давались «Le depit amoureux» и «Andromaque». Роль Андромахи играла Sarah-Bernhard и играла превосходно. Роль моя переводчика при Котеке отравила все удовольствие. 3) На matinée в Gymnase, где давался «Bébé». Кроме того один вечер мне удалось Котека отправить в Grand Duchesse, а самому пойти в Gymnase и видеть прелестную новую пьесу «L'âge ingrat», чудесно сыгранную. Это был единственный спектакль, которым я действительно наслаждался. Вчера мы разлетелись в Hyppodrome на музыкальный

фестиваль с очень интересной программой. Оказалось, что вместо Jeudi 9 Janvier я прочел на афише Jeudi 2 Janvier, и вместо музыки пришлось наслаждаться конным ристалищем.

Образ жизни обычный. Завтраки и обеды в Diner de Paris втроем. Между едой шлянье по бульварам, посещение Лувра и Jardin d'aclimatation, вечером театр, а после спектакля Котик бегает за девками, а я сижу в Café на чистом воздухе (погода все время теплая, как летом). Утром до завтрака пишу письма.

Вчера получил твое письмо. Меня ужасно огорчает бессовестное и бессердечное поведение Тани относительно Толи. Весьма противно также то, что пишешь о ее величественности. Напрасно ты стараешься во второй главе письма взять назад свои резкие о ней суждения в первой главе. Я ее хорошо знаю. В сущности, конечно, она человек добрый, но она делает все, чтобы своей бестактностью парализовать приятное впечатление, производимое ее наружностью. Я порывался, читая твое письмо, вмешаться в это дело и написать Саше, что нельзя быть более несправедливой, как она оказывается по отношению к Толе, а Таню мне очень бы хотелось язвительно обругать, но в письме все это так трудно высказать и, быв так далеко, столь неудобно служить примиряющим посредником. Сегодня мы идем в Grand Opéra, где идет «Polyeucte». Говорят, очень скучно,— но постановка удивительная.

Я несказанно радуюсь твоему вставленному зубу. Браво! Пришли мне для прочтения твои заметки о Михайловском театре.

Я достал «Jeanne d'Arc» Mermet. Мало-по-малу прихожу к убеждению, что всего лучше держаться как можно ближе к Шиллеру, несмотря на то, что он очень мало сохранил историческую правду. Не знаю, что буду делать в Clarens. Рукописи все-таки нет, а серьезно приниматься за оперу, пока ее не кончу, не хочется. Сегодня пятница. В воскресенье уеду; получил телеграмму от M-me Mayor, что все готово.

Скажи Толе, что я прошу его самым решительным образом не принимать мать гадины, если она у него будет. Она совсем сумасшедшая.

Целую тебя, Толю и Колю. Последнему напишу, когда буду в лучшем настроении.

Твой П. Чайковский.

• Расположение духа лучше. Хочу сегодня веселиться.

426. А. И. Чайковскому

Париж,
23 декабря 1878 г./4 января 1879 г.

Милый мой Толя! Теперь, когда я немножко начинаю успокаиваться и приходить в нормальное состояние, я тебе должен признаться, что твое письмо с известием о визите г. неизвестного произвело на меня совершенно громовое впечатление. Хотя ум мой и говорил мне, что все это пустяки, но все мое существо было уязвлено напоминанием г а д и н ы. Я так отвык об ней думать! Иногда во Флоренции, среди своих размышлений и мечтаний, я вдруг припоминал всю историю и с трудом мог себя уверить, что это было в действительности, а не во сне. Приехавши сюда, я получил одно за другим два напоминания о гадине, от Юргенсона и от тебя. Достаточно мне было увидеть почерк ее, чтобы почувствовать себя тотчас же несчастным и упасть духом. Таково свойство яда этой змеи. Твое письмо доканало меня. Но вчера я уже стал спокойнее, а сегодня начинаю опять забывать. Хорошо было бы, если б до моего возвращения можно было бы в письмах не упоминать об этом, ибо для того, чтобы заниматься, мне нужно совершенно з а б ы т ь, а заниматься я хочу в C l a r e n s с большою рьяностью. Говорить об этом теперь излишне, так как все равно до моего возвращения ничего предпринимать нельзя. А тебя я убедительно прошу не принимать никого, кто к тебе явится по поводу этого дела. Я смотрю на посещение тебя родственником г а д и н ы как на очень грубую и неловкую попытку ш а н т а ж а. Ей не хочется упустить десяти тысяч — вот и все. [...] Затем я никаких других поводов для ее инициативы не могу представить, а ш а н т а ж тоже невозможен, если б она и решилась на него. В письмах моих заключаются только аргументы в мою пользу. Я был б е з у с л о в н о честен относительно ее и ни одного раза не употребил ни одного могущего компрометировать меня выражения. Однако, довольно об этой пакости.

Вчера был с Котиком и Алешей в о п е р е. Давали «Polyeucte». Хуже и бездарнее этой оперы я не слышал еще ничего в жизни. Присутствие К о т е к а не принесло мне никакого удовольствия. Он был бы очень приятный товарищ для меня в C l a r e n s, где мы бы целый день играли с ним в четыре руки. Здесь он своей наивностью, неумением держать себя и еще одной чертой, про которую не хочется говорить, на каждом шагу раздражает меня, а так как я вследствие маленькой порции яда гадины все эти дни очень раздражителен, то в результате его сообщество скорее мне н е п р и я т н о, чем при-

ятно. Особенно меня злит совершенно небывалая в нем прежде женолюбивость. Все наши разговоры вертятся на том [...]. В сущности, он тот же милый, добрый, любящий, наивно-добродушный юноша, и нужна вся моя подлость и раздражительность, чтобы тяготиться им. Меня постоянно укоряет совесть за то, что я недостаточно ласков с ним, и это мешает полноте удовольствия, которое, несмотря на все, Париж все-таки доставляет мне минутами. Сегодня мне удалось устроить так, что я буду в Comédie Française без него. Быть с ним в театре настоящая мука. Каждую минуту он требует перевода всего, что говорится на сцене. Ах, бедный, добрый Котик! Он и не подозревает, что я жалуюсь на него! Мне даже перед тобой совестно, что я так цинически неблагодарен относительно его.

Ну, теперь поговорим о тебе. Меня беспокоят относительно тебя следующие три вещи. 1) Отношения к Саше и Тане, о которых мне пишет Модест и которые меня крайне огорчают. Я хотел вмешаться в это дело, но издали, на письмах это так трудно! Я надеюсь на приезд Левы и сильно полагаюсь на его мущинский здравый смысл. Всего бы лучше было, если б ты решился обругать Таню без всяких церемоний и высказать ей всю правду относительно ее бестактности и девчонской взбалмошности. Но ты на это никогда не решишься. 2) Меня беспокоит твоя служба и отношения к Сабурову. 3) Я ужасно боюсь, что ты по слабости характера допустишь себя до приема всякой сволочи, которая придет к тебе говорить о моих отношениях к гадине. Я знаю, что она внушает тебе точно такое же физическое и моральное отвращение, как и мне, и что каждое напоминание об этой истории раздражает тебя не меньше моего. Ради бога, не принимай никого, кто к тебе придет для разговоров об этом деле, а главное, ее совершенно сумасшедшую мать. Если же по недоразумению Аким кого-нибудь примет, отвечай, что я тебя не уполномачивал трактовать об этом и что только по возвращении моем можно будет вступить в переговоры.

Погода ужасная, и дождь почти ни на минуту не прекращается. Обедаем и завтракаем ежедневно в Diner de Paris. Если говорить о Париже независимо от моего приватного душевного состояния, то это, по-моему, сверхъестественно чудный город, и в будущее время я охотно буду по зимам проводить здесь два-три месяца. Но, разумеется, для этого нужна более удобная квартира, а главное, занятия. Долго вести жизнь жуирующего иностранца скучно.

Обнимаю тебя с утроенною нежностью.

Твой П. Чайковский.

427. М. И. Чайковскому

Париж,
26 декабря 1878 г./7 января 1879 г.

Модя! Я все еще в Париже. Не особенно удачно было это посещение Парижа. Сначала вследствие неприятных известий я был не в духе, с обычной преувеличенностью отнесся к трагичности моего в сущности вполне благополучного положения, и поэтому меня ничто не радовало. Теперь, когда я опять вошел в свою тарелку, мне Париж, или, лучше сказать, эта праздная бульварная жизнь начинает надоедать. Я очень рад, что уеду завтра в Clarens. Ты удивишься, что я остался здесь так долго. Причиною этому то, что я нашел нерасчетливым таскать с собой Котика в Швейцарию для того, чтобы через два дня опять расставаться с ним. С обоюдного согласия мы предпочли остаться здесь несколько лишних дней с тем, чтобы завтра разъехаться в разные стороны.

Я был два раза в Comédie Française. В первый раз видел «Le fils naturel», во второй раз «Les Fourchambaults». От последней комедии я ожидал такого же наслаждения, как от «Le gendre de M. Poirier», и очень ошибся. Она очень неинтересна. В ней тоже главную роль играет Got, но нет ничего общего между гениально созданным Poirier и ролью Бернара в «Fourchambaults», в которой он является молодым и невероятно благородным человеком, получающим в конце пьесы плюху. Чего бы я не дал, чтоб та рука, которая наносит оскорбление Got, давала бы мне ежедневно по сто оплеух! Рука эта принадлежит божественному существу, которым мы оба с тобой восхищались в достопамятный спектакль в 1876 г. Фамилия его Boucher. Помнишь ты его? Что за очарование эта личность, и какой он оказывается чудесный актер! Я был так счастлив, что видел его в обеих пьесах. В «Fils naturel» играл Вормс и чудесно. Замечательно, что обе комедии построены на одном сюжете. И там и тут незаконные сыновья живут с своими матерями и узнают от них, кто их отец, а затем уже идет ряд компликаций, в коих они являются чудными сыновьями для обоих родителей. Курьезно тоже, что в обеих пьесах роли матерей исполняются актрисами на роли jeune première. В первой пьесе мать играет Favart, во второй Agar. От обоих спектаклей у меня сохранилось очень поэтическое воспоминание благодаря Boucher. Что за голос, что за улыбка, что за движения, походка, жесты!

Вчера в театре вовсе не были. Котик не особенно наслаждается. Он сделался каким-то отчаянным девушником, и кроме

этого предмета ничто его не интересует. Надеюсь найти от тебя письмо в Clarens. Целую тебя и Колю.

П. Чайковский.

428. А. И. Чайковскому

Париж,
26 декабря 1878 г./7 января 1879 г.

Толичка! Пишу тебе эту записочку сверх абонемента. Главная моя цель поблагодарить тебя и поощрить в писании дневника, который я читаю с интересом романа. А ты, как истый романист, еще вдобавок останавливаешься на самом интересном месте. С каким нетерпением жду обещанного описания в т о р н и к а!

Еще хочу тебе сказать, что мне теперь смешно и совестно вспомнить, какую кутерьму я поднял по поводу твоего письма об Антонине Ивановне! Я делаюсь совсем сумасшедшим, как только это дело всплывает! Чего я не воображал себе? Между прочим я в своем уме уже решил, что она начинает уголовное дело [...]. Живо я воображал себя на скамье подсудимых и хотя громил прокурора в своей последней речи, но погибал под тяжестью позорного обвинения. В письмах к тебе я храбрился, но в сущности считал себя уже совсем погибшим. Теперь все это представляется мне чистым сумасшествием.

Мне также у ж а с н о стыдно, что я тебе жаловался на милого, доброго, любящего К о т и к а!

Подробности о последних днях узнаешь из письма к Модесту.

Целую тебя бессчетно.

Твой П. Чайковский.

Рукопись я считаю погибшей и уже примирился с этим.

429. А. И. Чайковскому

Дижон,
29 декабря 1878 г./10 января 1879 г.

Толя! Ты очень удивишься, что я пишу тебе из Дижона. Вот как это случилось. Вчера мы выехали из Парижа. Так как я по обычаю сидел с Алешей в отдельном купе, то очень скоро заснул, и когда проснулся, то уже было светло и мы стояли на месте около какой-то дрянной станции. Я радовался, что через три часа уже буду дома. Холод был ужасный, и окна так замерзли, что сквозь стекла ничего не было видно. Отворив

окно, я с изумлением увидел, что горы и поля покрыты густым слоем снега. Никакой прислуги около поезда не было. От пассажиров я узнал, что мы стоим тут уже с четырех часов ночи. Видя, что поезд все стоит, и побуждаемые голодом и холодом, мы пошли с Алешей отыскивать еду и в каком-то кабачке близ станции нашли наконец кондуктора, машиниста и нескольких пассажиров. Оказалось, что вследствие страшной метели и наносов все поезды остановлены, пока путь будет расчищен. Тут мы позавтракали и согрелись. Во втором часу нам объявили, что поезд сейчас тронется. Обрадованный, я побежал, утопая в снегу, к поезду, который вскоре двинулся, и через час привез нас в Дижон. Здесь мы постояли около пяти минут, никто ничего нам не сказал, и мы продолжали с Алешей сидеть в своем купе. Потом мы куда-то поехали и после долгих маневров остановились среди массы других вагонов пассажирских и товарных. Прошло три часа. Стало темнеть, и холод сделался так силен, что не было средств выносить. Я осторожно вылез из купе и, увязая по брюхо в снегу, стал искать разъяснения. Не было ни единой души. Наконец встретился какой-то служащий, который сразил меня известием, что никаких поездов не будет и что мы совершенно напрасно просидели тут так долго. Пошли с величайшим трудом к вокзалу, и здесь начальник станции очень удивился, что я просидел на запасном пути три часа. Вместе с тем он извинился за то, что я не был предупрежден. Никогда ничего подобного не было, и они все голову потеряли. Масса поездов отовсюду собралось к Дижону, а двинуть их нельзя. Я спросил: «Когда же можно будет продолжать путь?» Ответ был: «Совершенно неизвестно! Может быть, послезавтра!»

Оставалось одно: отправиться в гостиницу. Так я и сделал. Городок небольшой, но гостиница прекрасная, и я с невероятным наслаждением уселся у затопленного камина, умылся и обедал за прекрасным табльдотом. Так как все вещи в сундуке, который получить было нельзя, то пришлось перед обедом купить себе рубашку. В довершение всех чудес, за табльдотом оказался гарсон, говорящий по-русски, как мы с тобой. Он родился в Петербурге, жил в Киевской губернии, и как попал сюда, мне непонятно.

Завтра, вероятно, напишу Моде. После обеда ходил по городу; чтоб перейти улицу, нужно ступать по колено в снег. По бокам образовались сугробы в два аршина вышины. Заходил в театр. Целую.

П. Ч.

430. М. И. Чайковскому

Дижон,
29 декабря 1878 г./10 января 1879 г.
Пятница.

Это письмо служит продолжением вчерашнего, адресованного к Толе. Никогда я не воображал, чтобы со мной могло случиться что-либо подобное. Находиться среди трескучего, ужасного мороза в Дижоне! Улицы, покрытые аршинным слоем снега! Около тротуаров целые снежные стены! И все это на юго-востоке Франции. В комнате такой холод, о котором трудно себе составить понятие. Я нисколько не огорчен случившимся. Напротив, я даже рад получить понятие о французской провинции. Дижон очень миленький город, но он весьма сильно напоминает еженедельный рисунок в «Illustration»: «N o s b o n s g e n s d e p r o v i n c e s». На улицах движение ничтожное; дома маленькие и узенькие; костюмы мужчин и женщин после Парижа кажутся обветшалыми. Но тем не менее целая пропасть разделяет Дижон с сорока тысячами жителями от Курска, например, в котором их не менее. Я был вчера в театре; он очень хорош, и хотя актеры и актрисы все второстепенные, но очень приличные. Сейчас был в музее, который имеет несколько Гвидо-Рени, Carlo Dolci, Perygino и множество хороших картин новой французской школы. Кроме того в нем знаменитые гробницы герцогов Бургундских. Заходил в собор S t. M i c h e l,— отличную древнюю церковь. Магазины великолепные; наш отель хотя с виду не казист, но очень комфортабелен, и еда превосходная. Вообще чувствуешь себя в стране, где централизация сильно дает себя знать, ибо между Дижоном и Парижем все-таки пропасть глубже, чем между Курском и Петербургом,— но в стране более цивилизованной, чем наше отечество. Ходил на станцию. Порядок начинает восстанавливаться, и сегодня в 1¾ ночи можно будет уехать. Сейчас мимо окон проехал шарабан на полозьях, и население выражает криками свое изумление.

Здесь есть весьма интригующий меня лакей. Имея необычайно приличные манеры и физиогномию, он говорит по-русски как русский. Я подозреваю, что это политический р е ф ю ж ь е*, умиравший с голоду и взявшийся за первое попавшееся место.

Все эти дни я ежечасно вспоминаю все, что было в прошлом году. Сегодня ровно год тому назад,— мы выехали с тобой из Милана в Геную. В ту минуту, как я тебе пишу, мы были в Alessandria и ожидали поезда. Nessun maggior и т. д.

Твой П. Ч.

---

* эмигрант

431. А. И. Чайковскому

Clarens,
30 декабря 1878 г./11 января 1879 г.

Толя!

Наконец я приехал в Clarens, вытерпевши ночью бессоницу и страшнейший холод. Как тебе объяснить, что я здесь ощущаю? Я очень рад был видеть Marie, M-me Mayor, виллу, вообще знакомые и милые места,— но мне все-таки сегодня очень грустно. Я поселился в комнате, где в прошлом году жил Модест с Колей, и каждый угол, каждый предмет до того напоминает мне их обоих, что сердце болезненно сжимается, когда вспомнишь, что они так далеко. Тебя мне Villa Richelieu напоминает менее, чем их, отчасти оттого, что я живу не в нашей комнате, отчасти оттого, что вообще та эпоха осталась в моей памяти, как тяжелый кошмар, тогда как начало весны, проведенное в обществе Модеста, Коли, Котека и Алеши, оставило о себе весеннее воспоминание. Как бы то ни было, но мне грустно. Конечно, это завтра пройдет, и для занятий ничего нельзя себе представить более подходящего, как вилла Ришелье. Вообрази, что на этот раз мы с Алешей единственные жильцы виллы. Бедная M-me Mayor! У нея с ноября не было ни одной собаки. Все это для меня очень выгодно, но сообщает вилле несколько мрачный характер. Я не решался сходить в верхние комнаты; это бы мне напомнило тебя, и, несмотря на весь ужас, который внушает мне воспоминание о том времени, грусть моя еще удвоилась бы.

Снегу здесь так же много, как в Дижоне, и днем я видел несколько катающихся саней, но вообще далеко не так холодно. Чтоб покончить с виллой Ришелье, прибавлю, что убранство комнаты, удобство, чудный обед — все это осталось так же хорошо, как было прежде.

Получил письмо от Бочечкарова. Толичка, исполни мою просьбу и пошли ему как можно скорее пятьдесят рублей серебром. У меня денег осталось мало, и я из своих не могу послать. Бедный старче очень нуждается.

Целую тебя! Жду с нетерпением писем.

Напиши мне твое мнение о моем стихотворении!

Твой П. Чайковский.

432. М. И. Чайковскому

Clarens,
30 декабря 1878 г./11 января 1879 г.

Не могу удержаться, чтобы не написать тебе сегодня не в очередь. Я в Clarens, в вилле Ришелье, в той самой комнате, где ты жил с Колей! Каждую минуту я так и вижу

вас обоих! От этого мне сегодня грустно. Тогда была весна и вы были со мной! Теперь суровая зима, на улицах масса снегу и ездят на санях,— и вас нет! Все есть: и специфический запах виллы в коридоре, и Marie, и обед такой же вкусный, как и прежде,— все по-старому, только Вас нет! Во всей вилле мы на этот раз уже окончательно одни. M-me Brandt, жившая внизу, умерла; больной мужчина, живший внизу, тоже умер, и тени их носятся по пустым комнатам. А где милая Baronne Fecth et-soeur? Если б они сегодня появились за table d'hôt'ом я бы, кажется, закричал от радости. С другой стороны, я не могу не радоваться, что приехал сюда, ибо знаю, что заниматься будет в высшей степени удобно.

Грустное настроение пройдет, вероятно, завтра же, и я так же буду завтра наслаждаться тишиной и покоем, как наслаждался ими на Viale dei Colli! О, воспоминания, сколько в них и сладости и в то же время горечи!

Однако я, кажется, сейчас заговорю стихами. Кстати о стихах. Как я ни горжусь «Ландышами», а все-таки не нахожу их годными для печати и потому отказываюсь от твоего предложения напечатать их. Да притом ты ошибаешься, Модя, полагая, что и «Вестник Европы» и «Русский Вестник» готовы препираться из-за чести напечатать мой вздор. Градации в художественных явлениях бесконечны. Мое стихотворение превосходно по отношению ко мне, т. е. к человеку не-специалисту. Но что оно в сравнение, например, с стихами Апухтина? Нет. Распространяй мою стихотворческую славу, труби и греми,— но тиснению не предавай.

Напиши подробно о своей повести. Что делают твои герои и героини? Ради бога, не падай духом и пиши.

А я Коле так и не собрался написать. Поцелуй его от меня в глазки, нос, шейку — повсюду.

Твой П. Чайковский.

Получила ли Алина Ивановна мое письмо?

1879

433. А. И. Чайковскому

Clarens,
1/13 января 1879 г.

Толя! Получил сегодня твое письмо, адресованное сюда. О прежних письмах не беспокойся — все они получены вовремя. Как интересно мне читать твой дневник! Но знаешь что? Мне не нравится, что тебя слишком теребят во все стороны! Когда ты, бедненький, успеваешь работать? Воображаю, как иногда тебе хочется отдохнуть от этой вечной суеты. Пожалуйста, имей в виду большой отпуск летом и требуй его даже в ущерб службе, ибо здоровье важнее службы. Чего бы я ни дал, чтоб ты очутился теперь здесь, около меня. И ты бы отдохнул, и я бы наслаждался твоей близостью. Признаюсь, что после Парижа Clarens, особенно ввиду того, что он так полон воспоминаниями о всех вас, кажется мне несколько пустынным и мрачным. Вчера вечером мне так хотелось перелететь в Петербург и встретить Новый год со всеми Вами. Но, с другой стороны, я рад моему одиночеству, потому что работа у меня теперь закипела и я приеду в Россию с значительною частью оперы в кармане. На этот раз если я буду жить у тебя, то уж, конечно, не понадеюсь на Акима, а сам буду укладывать рукопись. Впрочем, со мной будет Алеша, которым я продолжаю быть до-нельзя довольным. Удивительная вещь, до чего он бывает мил, когда его держишь на положении лакашки, как во Флоренции, и до чего он тотчас же портится, когда, как в Париже, живешь с ним не как с слугой, а как с товарищем. В Париже он немножко напомнил прошлогоднего Алешу, т. е. целый день спорил, держал себя самоуверенно и совершенно утратил ту ласковую нежность, которую он проявляет всегда, когда находится на положении слуги.

Villa Richelieu пуста и несколько тосклива, но мои комнаты очень уютны, в камине всегда огонь, вечером лампа горит весело, и en somme * я чувствую себя очень хорошо. Сегодня я уже менее скучаю, чем третьего дня и вчера. Работа пошла хорошо. Порядок установился следующий. Утром питие кофе вместе с легким завтраком. Прогулка, во время которой комната убирается. До обеда сочинение оперы. После обеда большая прогулка. По возвращении чтение и сочинение либретто. Я окружил себя массой источников и составляю сам либретто, план которого в общем уже созрел; с вечера я приготовляю себе известную сцену или текст хора или арии для следующего дня. Таким образом, я буду понемножку работать параллельно и музыку и текст. Вечером в восемь часов ужин с чаем. Затем писание писем и чтение. В одиннадцать часов отхожу ко сну.

Напиши мне, голубчик, как пойдет «Онегин» у Абазы, т. е. на сцене с хором, или в зале и одни solo[1]? Это очень меня интересует. Планы мои следующие. Этот месяц я проживу здесь; к февралю, если Надежда Филаретовна не изменит своего намерения, поеду опять в Париж недели на две и потом поспешу в твои объятия. Если же не поеду в Париж, то поеду прямо в Питер, остановившись ненадолго в Берлине.

Целую тебя.

П. Чайковский.

434. М. И. Чайковскому

Кларан,
2/14 января 1879 г.

Милый Модя! Чтобы доставить Коле удовольствие, я пишу ему отдельное письмо и пошлю в отдельном конверте. [...]

Как я, однако, в сущности люблю одиночество. Сегодня я уже совсем примирился с милой виллой Ришелье. Конечно, если б ты или Толя теперь внезапно очутились около меня, я бы пришел в бешеный восторг,— но жгучей тоски, как была в первый день, вовсе нет, и даже я снова, как на Viale dei Colli, наслаждаюсь тем безусловным отрицанием шума, среди которого живу. Это объясняется очень просто. Я уже увлечен своей работой, постоянно думаю о ней, и день наполнен или заботой или приготовлениями к оной. Я устроил порядок дня вроде того, как был при тебе, только велел подавать ужин вместо семи часов в восемь. Утром я пишу музыку оперы, а перед ужином часика полтора или два копчу над либретто,

---

* словом

Либретто это будет очень недурно; оно составлено не вполне по Шиллеру. Многое я заимствовал у Мерме и у Барбье, а кое-что и сам придумал. Будут очень хорошие сцены. Буду писать аккуратно, но не очень торопясь.

Не понимаю, каким образом можно было петь арию Татьяны в концерте? И каким образом Каменская взялась петь сопранную вещь[1]? Не ошибся ли ты? Не арию ли Ольги она пела?

Прощай, мой милый Модя. Очень я люблю получать твои письма.

Твой П. Чайковский.

435. А. И. Чайковскому

Clarens,
4/16 января 1879 г.

Представь мою бешеную радость, мой милый Толя! Сейчас я получил, наконец, столь давно путешествующую рукопись. Я не верил глазам своим, когда мне принесли наконец этот дорогой сверточек. Хотя я и привык к мысли, что он пропал, но радость моя все-таки была чрезмерна.

Ты мне предлагаешь вести дневник, но я и то почти веду дневник, ибо почти каждый день пишу то тебе, то Модесту. Записывать день за днем нечего, ибо они ужасно похожи друг на друга, но, впрочем, попробую, и если в течение недели окажется, что от этого мои письма интереснее, то буду продолжать. Итак, начну с вчерашнего дня.

3/15 января 1879 г.

Встал в обычное время. За завтраком * была холодная баранина, и я как всегда вспомнил моего милого, дорогого ненавистника баранины. После завтрака сделал обычную прогулку, а именно: из ворот налево, на почту, потом мимо русского пансиона по берегу озера, причем посидел, как всегда, на последней перед пристанью скамеечке. Сидя и любуясь чудным видом гор, покрытых густым снежным слоем, я подумал, что в сущности я очень счастливый человек. Например, теперь я хочу работать над оперой. Может ли быть лучшее место для занятий, как пустой дом M-me Mayor, где можно петь и играть, не стесняясь и наверное зная, что никто не придет и не помешает? Грустно то, что я отдален от милых сердцу. Но ведь это ненадолго! Зато приеду в Россию с порядочным запасом намаранной бумаги и буду наслаждаться их обществом с покойным сердцем. Под влиянием сих хороших мыслей отправился до-

---

* Я утром вместе с кофе всегда слегка завтракаю. *(Прим. Чайковского.)*

мой. [...] Потом сел и весьма успешно работал сцену первого действия оперы, когда является хор крестьян, бегущих от преследования англичан. Обед был как всегда восхитительный. Тотчас после обеда сделал большую прогулку с Алешей, а именно, пошел к церкви в Монтре, от нее вышел по направлению к Glion, потом спустились на большую дорогу через Veytaux. Дорогой забавлялись катанием снежных глыб и скатыванием их с горы. Возвратившись домой, получил письма от Юргенсона и Бочечкарова. Милый этот Петр Иванович. Представь себе, что в день моего приезда сюда я телеграфировал ему, чтобы он прислал мне двести рублей, и немножко мучился и конфузился. Он, как будто предчувствуя это, в письме, написанном накануне моей телеграммы, говорит: «Не нужно ли тебе денег? Если нужно тысченку-другую франков, я сейчас!..»

Пришедши домой, сыграл с Алешей игр десять в дураки и остался в выигрыше, что очень редко бывает. Писал либретто и письмо к Надежде Филаретовне. После ужина писал Юргенсону, читал найденную здесь в библиотеке (где я абонирован) «Русскую старину» за 1875 г., «Крошку Доррит» и в двенадцать лег спать.

4/16 января 1879 г.

[...] После обычной прогулки и обычного сиденья на лавочке [...] и обычных нескольких шуточек сел работать. Сначала шло почему-то туго, потом, напротив, вошел в большой азарт (ариозо Иоанны) и не заметил, как прошло время до обеда. Обед был бесподобный: имел слабость, несмотря на пример последних дней (у меня часто бывала изжога), выпить рюмку киршу и поэтому во время прогулки страдал изжогой. Был сегодня на скамеечке за Шателе — это мое любимое место здесь. Очень устал от прогулки. Дома нашел письмо Надежды Филаретовны и письмецо Толи. Принесли «Голос» (я его получаю ежедневно), и я прочел фельетон Ларошa [1]. Вечером перед самым ужином получил посылку. Ужасно был рад. Теперь примусь за чтение, а потом лягу спать.

Твой П. Чайковский.

436. М. И. Чайковскому

Clarens,
6/18 января 1879 г.

Модя! Толя предложил мне писать в форме дневника, и я согласился попробовать. Есть много вероятия, что мой дневник недостаточно интересен. Но посмотрим.

Пятница, 5/17.

Встал в девятом часу. Весьма смеялся над Алешей, у которого небольшой флюс, и распухшая щека придавала ему необыкновенно комический вид. После кофе совершил все ту же прогулку. [...] После прогулки занимался и весьма успешно, а именно кончил большой ансамбль первого действия перед заключительной сценой (Иоанна одна, хор ангелов). За обедом был в очень веселом настроении и хохотал с Marie. По поводу поданной мне моркови я спросил, что она больше любит — морковь или поцелуи мущины? Отвечала решительно: поцелуи. После обеда гулял один, ибо Алеша не совсем здоров. Возвратившись, провел мучительных часа два. Нужно было приготовить к следующему дню текст капитальной сцены Иоанны с ангелами. Ужасно мне это трудно достается. Потом вообще был в нервном состоянии от мысли, что еще так много нужно работать, прежде чем окончится этот труд. Вот мое несчастье! Я вечно спешу, сгораю от нетерпения дожить до той минуты, когда все готово. Потом играл в карты с Алешей и, мучимый сильным приступом аппетита, с нетерпением дожидался ужина, за коим, между прочим, были поданы макароны. Леня, бедный, тотчас после ужина лег спать, ибо не вполне здоров. Я написал письмо к Надежде Филаретовне, потом до двенадцати часов наслаждался «К р о ш к о й Д о р р и т» Диккенса. Ну, что это за чудная вещь! Спал не особенно хорошо.

Суббота, 6/18.

Алеша разбудил меня в девятом часу. У него щека распухла до того, что нет возможности смотреть без смеха. Хотя он говорил, что совсем здоров, но по глазам было видно, что не совсем. Занятия сегодня были удивительно удачны, так что за обедом я был опять очень весел и опять много хохотал с Marie. Гулял один. Погода чудесная: мороз и при этом ясное небо. Теперь очень забавно гулять по здешним местам, потому что на каждом шагу, как только куда-нибудь подымешься, встречаешь массу мальчишек, девчонок и даже взрослых, занимающихся скатыванием с горы на саночках. [...] Заходил на кларанское кладбище. Там появилось немало новых могилок. Около монтрезской церкви долго сидел на лавочке и наслаждался. Возвратившись домой и получив письмо от Котека и письмо от П. И. Юргенсона с векселем на пятьсот франков, занимался составлением первой сцены второго действия оперы. Алеша чувствует себя не совсем хорошо. Я хочу его уложить сейчас и напоить чаем. Он в жару, но я спокоен, ибо вижу по всему, что серьезного ничего нет.

Теперь восьмой час. Жду с нетерпением ужина. Вообще я собой доволен. Занятия, аппетит и сон (за немногими исключениями) в полной исправности. Прощай, Модя, целую тебя.

Твой П. Чайковский.

437. А. И. Чайковскому

1879 г. января 7—8. Кларан

Кларанс,
7/19 января 1879 г.
Воскресенье.

Мне очень хотелось идти в Веве в церковь. Теперь уже та церковь, которую ты видел еще неоконченной, уже освящена, и в ней бывает служба. К сожалению, Алеша имел вместо щеки какую-то безобразную подушку вследствие флюса, и мне жалко было его оставить. Поэтому все совершилось обычным порядком, с той разницей, что обед по случаю воскресения был еще лучше обыкновенного. После обеда гулял один. Ты помнишь, какой скучный вид имеет вся эта местность в воскресенье. Все закрыто, по улицам снуют идущие в церковь или [из] церкви безобразные в своих воскресных костюмах туземки, царит какая-то скука во всем — даже в самом воздухе, но сегодня мне это понравилось. В конце прогулки я пошел на ту набережную, по которой, помнишь, мы гуляли иногда утром, и сел на лавочку. Тишина была абсолютная. Издали доносились какие-то поющие голоса; передо мной мелькали чайки с своим комическим видом и не менее комическим взвизгиванием, мимо меня никто не проходил; Dent du Midi и Савойские горы белели сквозь легкий туман; я замечтался, сидя на лавочке, и вдруг почувствовал себя так хорошо, так покойно! К сожалению, это продолжалось недолго, потому что, пришедши домой, я тотчас же стал беспокоиться о сцене Дюнуа с Королем во втором действии, приходить в отчаяние ввиду предстоящей литературной обработки этой сцены, и пошла обычная моя суетня. Как это смешно! Я работаю всегда так, как будто мне необходимо, чтоб завтра все было готово, а если не будет,— то мне отсекут голову. Торопливость, суетня, пустые страхи, убийственная мысль, что пишешь вещь, которая когда-то еще будет кончена, когда-то исполнится,— все это, как всегда, и на этот раз отравляет наслаждение писать вещь по душе. Пока я утром пишу музыку, не замечаю, как время проходит, но как только кончено, начинаются беспокойства и бессмысленные страхи. Вот почему я думаю, что при такой работе лучше жить в Париже или другом большом городе, чем в

милом, но лишенном всяких развлечений Кларансе. Однакож, всем этим я вовсе не хочу сказать, что скучаю и что недоволен. Мне все-таки здесь отлично во всех отношениях. После чая писал письма (вот еще что меня очень утомляет; ведь я пишу круглым числом по три письма в день) к Юргенсону, Кондратьеву и Наталье Андреевне. Перед сном читал «К р о ш к у Д о р р и т».

Толя! Читал ли ты эту архигениальную вещь? Диккенс и Теккерей — вообще единственные люди, которым я прощаю, что они англичане. Следовало бы прибавить Шекспира, да он был в то время, когда еще эта поганая нация не была так подла.

Понедельник, 8/20.

Занимался очень успешно. Завтра будет кончено первое действие. Алеша выздоровел, зато у меня ужасный насморчище, на который я не жалуюсь, ибо он доставляет одно из величайших блаженств: ч а с т о е ч и х а н ь е. Гулял опять один. Подали счет за девять дней. Квартира, вино, отопление, еда, словом, все составило сумму в сто семьдесят франков. Можно ли представить себе что-нибудь дешевле этого! Что ни говори, а хорошо иметь в виду возможность во всякое время быть принятым здесь с распростертыми объятиями и жить так дешево и хорошо. Целую тебя до удушения. Жду дневника. Поцелуй Папу и всех.

Твой П. Чайковский.

Когда Лева и Саша собираются уезжать? Как здоровье Вол. Жедринского?

438. А. И. Чайковскому

Кларан,
9/21 января 1879 г.

Хотя сегодня очередь писать не тебе, а Модесту, но я все-таки пишу тебе, движимый несказанной благодарностью за твои чудные, разом полученные два письма с бездной интересных подробностей. Модестино письмо, напротив, очень коротко и бессодержательно, хотя я ни мало не в претензии, ибо он объясняет мне причины, почему некогда было писать. Уверяю тебя, Толя, что никогда в жизни ни одного романа я не читал с таким захватывающим интересом, как письма твои. Оно и понятно. Все действующие лица столь близки и, хоть в различных степенях, дороги мне. Впечатление, производимое на меня этими письмами, смешанное. С одной сторо-

ны, меня пугает, ужасает, ставит в тупик эта сумасшедшая жизнь, в которой ты вертишься, как пылинка, влекомая бурей. С другой стороны, мне бывает очень завидно иногда. Например, мне бы очень приятно было быть у Коли на встрече Нового года, чтобы посмотреть на всех Вас, увидеть, какова Таня в бальном платье, как Ольга принимает гостей, как танцует Жорж Карцев и т. д., и т. д. Но, главное, бывают минуты, когда мне страх как хочется понежничать немножко с Толей! Как жаль, что я не могу жить подолгу в Петербурге! В следующий мой приезд, который состоится месяца через полтора, я попробую решительным образом, под предлогом работы, не бывать нигде, кроме Папаши и Коли. Увидим, что выйдет.

Ты меня смешишь своими подозрениями насчет пропажи твоих писем. Ни единое из них ни разу не пропало. С тех пор, как ты снова принял дневничную форму, ты стал писать несравненно чаще. Видишь, как это удобно!

Теперь расскажу про сегодняшний день и начну с ночи. Вследствие маленького гриппа я спал довольно тревожно и видел прекурьезные сны, которые не могу не рассказать. В особенности один из них замечателен по игре слов, которая составляет главнейшую сущность. Я присутствовал на митинге, на котором Ренан говорил речь и заключил ее следующими курьезными выводами: «Существуют четыре вещи, которыми нужно дорожить на земле: France, rève, tombeau, roi»*. Я обратился к соседу и спросил, что это значит? Он отвечал, что Ренан роялист и был уже за это расстрелян и потому после своей смерти не решается говорить прямо, а каламбурами. Эти четыре слова означают: «Франция, мечтай о твоем красивом короле» (ton beau) **. Во сне я был глубоко поражен остроумием покойного, но ораторствующего Ренана. Тотчас после речи к нему подошел адвокат Герке, и они стали пить пиво и говорить по-немецки. После этого я проснулся и долго со сна восхищался каламбуром Ренана. [...].

Кончил первое действие. После прогулки solo (ибо Алеша еще не решается выходить) пришел домой и нашел на столе четыре письма: два от тебя (о, как я обрадовался!), одно от Моди, одно от Надежды Филаретовны. Престранно: три дня я вовсе не получал писем, а тут вдруг четыре. Как мне приятно было увидеть из твоего письма, что милый Володя Жедринский совсем ожил, танцует, устраивает

---

* Франция, мечта, могила, король.

** твоем красивом

театр и т. д. Перед ужином коптел над текстом дуэта Короля с Дюнуа и мучился с рифмами[1]. Насморк прошел. Совершенно здоров. Целую тебя крепко.

Твой П. Чайковский.

439. М. И. Чайковскому

1879 г. января 10—11. Кларан.

Clarens,
10/22 января 1879 г.

Затруднительно писать дневник, когда жизнь так однообразна. Вставать было очень холодно и мучительно. Занимался успешно. Я пишу сегодня дуэт Дюнуа с Королем и имею слабость восхищаться одной мелодией в партии Короля до того, что она непрерывно мной поется с присущею мне страстностью и прочувствованностью исполнения. Она написана на следующий текст:

Чудные мгновенья!
Сладкие томленья!
Ах! забыл для счастья
И престол и власть я!
Нежные признанья,
Страстные лобзанья
Светом озарили,
Блеском ослепили,
От очей сокрыли
Бедствия отчизны!

Ты видишь, что стихи мои довольно топорные, но это не везде так. Местами вышло удачно. Алеша все еще не совсем здоров,— у него упорный флюс, и я опять гулял один. Ходил по дороге к Веве, потом повернул в горы, шел по очень милым и совершенно одиноким местам и вышел около Chateau des Crètes. После гулянья давал урок французского языка Алеше. Я купил ему Оллендорфа, и мы проходим по этому руководству. Он учится очень хорошо, но, боже мой, какой ужасный и совершенно неисправимый выговор! Ты скажешь, что умнее было бы заниматься с ним русским языком, который у него плохо идет, и это совершенно верно. Но он помешался на французском языке, и я счел излишним препятствовать ему. Прочитавши милейшее письмо Юргенсона, сел за ненавистную работу, т. е. либретто. Часа три возился с текстом второй половины дуэта короля с Дюнуа, но вышел победителем. За ужином было много хохоту с Marie. Я продолжаю питать большой penchant* к этой милой девице.

* склонность

Вечером чувствовал свои нервы в очень возбужденном состоянии от усталости и напряжения, ибо кроме утренней работы и либретто я писал большое ответное письмо к Надежде Филаретовне, которая просила меня подробно рассказать ей либретто оперы. Боялся, что проведу бессонную ночь (я уж давно перестал пить вино перед сном), но оказалось, что заснул очень скоро и спал отлично.

11/23 января 1879 г.
Четверг

Бедный Ленька всю ночь промучился с своим флюсом, но зато к утру заснул крепко и проснулся совершенно здоровый — опухоль начинает спадать. Кончил дуэт, которым весьма доволен, но вторая половина далась мне с некоторым трудом. Что первое действие я уже кончил, это ты знаешь. Теперь мне остается сделать первую, меньшую половину второго (вторую половину я сделал во Флоренции), и таким образом у меня дня через три будут готовы два действия. Ведь это очень недурно, а я все недоволен, все ужасаюсь перед бесконечностью труда! В сущности, это лень. Хочется поскорее завоевать право ничегонеделанья. Когда кончу второе действие, съезжу с Алешей проветриться в Женеву на одни сутки. Гулял с Алешей и давал ему потом урок французского языка. Потом перед самым ужином была партия в дурачки,— ну, словом, как всегда. Теперь ужин только что кончился, пишу это письмо и потом примусь за чтение «Д о р р и т». Боже, как это хорошо! Если ты не читал, то тотчас же купи и читай. Целую тебя с необычайной крепостью. Пожалуйста, пиши дневник, как прежде. Последним твоим письмом я недоволен.

Твой П. Чайковский.

440. А. И. Чайковскому

Clarens,
14/26 января 1879 г.

Толя! Я в большом затруднении. Мне нужно тебе отдать отчет за три дни, а между тем не произошло решительно ни одного факта, который отличил бы один из этих трех дней от другого. Вся разница только в м е н ю обеда. Я бы, пожалуй, мог и его сообщать тебе, но это было бы уж слишком неинтересно и прозаично. Поэтому я опишу тебе все три дни разом, т. е. скажу, что я провел их точно так же, как и все предыдущие. Вчера были в бане. Работа подвинулась настолько, что завтра без всякого сомнения будет кончено второе действие.

Теперь перейду прямо к вопросу, который меня очень зани-

мает и который несколько расстроил и рассердил меня. Сегодня я прочел в «Новом Времени» программу концерта Музыкального общества и в нем, к удивлению, нашел сцену письма из «Евгения Онегина». Модест мне уже раз писал, что слышал в каком-то концерте эту штуку, но я был уверен, что он ошибся, что это была ария Ольги. Теперь я вижу, что г-жа Каменская действительно имела глупость два раза петь именно эту арию. Пожалуйста, повидайся или, по крайней мере, попроси Давыдова повидаться с Направником и сказать ему, что сцену письма, как не имеющую конца, нельзя исполнять отдельно, что это величайшая музыкальная бессмыслица. Можно исполнять ее только с тем условием, чтобы и дальнейшая сцена с няней тоже исполнялась. Меня сердит, что, не спросивши меня, дали из Москвы партитуру и позволили совершить такой непростительный музыкальный промах. Очень может быть, что Каменская (хотя я сомневаюсь, чтоб она могла иметь успех с арией, лишенной конца) опять вздумает спеть сцену письма. Вот это-то я бы и хотел предупредить, но, разумеется, нужно сделать так, чтобы Каменская не обиделась, ибо, с другой стороны, я не могу не быть благодарным ей за охоту петь вещи мои. Ну, довольно.

Отчего так давно нет писем ни от тебя, ни от Модеста? Меня тоже удивляет Котек, впрочем, он даже не удивляет, а беспокоит меня, ибо при его аккуратности я решительно недоумеваю, почему уже больше недели он мне не пишет.

Вообще я делаю большую глупость, что читаю ежедневно русскую газету. Всякий раз что-нибудь да рассердит и расстроит меня. Мне ничего не хочется знать из происходящего у нас, кроме всего того, что касается моих близких, и я бываю совершенно счастлив, когда имею дело исключительно с самим собой и с вами. Как только начну читать о том, что делается вообще в любезном отечестве (начиная с ужасного курса и с чумы и кончая ругательствами, которые сыплет это подлое «Новое Время» на Н. Г. Рубинштейна [1]), то непременно меня возьмет тоска и злоба. Хорошо было бы, если б можно было не знать много неприятного и подлого, творящегося у нас, и жить только в тесном круге семейных интересов.

Но независимо от этого я нахожусь в самом цветущем состоянии здоровья и ужасно доволен, что почти достиг конца второго действия оперы. Теперь уже решено, что отсюда к 1 февраля я поеду в Париж, а в Питер (который так дорог мне потому, что там живут предметы моих исключительных привязанностей, и в то же время так ненавистен) попаду не позднее 1-го марта.

Целую тебя, голубчик мой. Пиши пожалуйста. Расцелуй от меня Папочку и всех.

Твой П. Чайковский.

441. М. И. Чайковскому

Clarens,
16/28 января 1879 г.
10 часов утра.

Как дико мне писать письмо утром! Это объясняется вот чем. Я еще не помню, чтоб когда-нибудь до того уставал от работы, как в этот раз. Вчера я целый день чувствовал себя нехорошо и, чтоб дать хорошенько отдохнуть голове, решил даже ни единого письма не написать. Благодаря этому я отлично спал и сегодня проснулся, как встрепанный. Через час еду с Алешей в Женеву. Пробуду там сегодняшний день и вечером буду в концерте, а завтра вернусь. Радуюсь этой поездке, как ребенок. Не мало способствовало моему вчерашнему расстройству известие, полученное от Толи, что у него [...].

Ты знаешь мою несчастную способность преувеличенно трагически смотреть на подобные казусы. Я тотчас нарисовал себе целый ряд картин самой мрачной окраски и упал духом. Потом вспомнил разные другие подобные случаи и, наконец, несколько успокоился, прочитав еще раз письмо и увидевши, что Шперк обещает полное выздоровление через несколько дней.

Я отказываюсь от формы дневника, ибо решительно невозможно разнообразить его. В следующем письме я напишу тебе подробный сценариум моей оперы. Мне кажется, что он отлично составлен, но чего мне это стоило! До чего мне было трудно из Жуковского, Мерме, Барбье и самого себя мало-по-малу распланировать действие. Барбье мне принес большую услугу, ибо оттуда я возьму последнюю картину четвертого акта. Иоанна будет умирать на костре, а не в поле от раны, как у Шиллера. Первыми двумя актами я до того доволен, что, сыгравши их третьего дня вечером, пришел в совершенно неописанное нервное раздражение от мысли, что, может быть, оперу никогда не поставят, никогда не сыграют ее как следует, что нет подходящей Иоанны и т. д., и т. д.[1]. Если эта опера не будет chef d'oeuvr'ом вообще, то она будет наверное м о и м chef d'oeuvr'ом! Простота стиля безусловная. Формы удобопонятны. Одним словом, это будет самая резкая противоположность «В а к у л ы».

Целую тебя, Модя. Отчего не пишешь? Отчего Коля не отвечает?

Твой П. Чайковский.

442. А. И. Чайковскому

Clarens,
19/31 января 1879 г.

В среду в двенадцать часов поехал в Женеву. Так как в этот день я решил вообще кутить, то за завтраком выпил много вина и киршу; в Лозанне тоже выпил киршу и вследствие этого, подъезжая к Женеве, почувствовал сильнейшую изжогу и, следовательно, был не в духе. Остановились в одном из лучших отелей и тотчас пошли гулять. Но Женева удивительный город! Пройдешь одну или две улицы, и сейчас же начинает разбирать сильнейшая тоска. Это свойство Женевы. Купил нотной бумаги и разных подарочков для всего семейства Манор и к пяти часам уже был дома. В шесть был обед за table d'hot'ом, не особенно важный. Обедало всего семь человек. После обеда тотчас отправился в концерт. Программа была: 1) симфония Шпора, 2) танцы из «Кортеца» Спонтини и 3) «Эврианта» Вебера. Зал оказался плохим сараем. В восемь часов оркестр (человек двадцать, не более) вышли, а вслед за ними длинный и сухощавый капельмейстер. Оказалось, что оркестр ниже всякой критики, а дирижер какой-то клоун. Он выкидывал такие акробатические штуки, что Алеша все время хохотал. Я бы тоже хохотал, если б у меня вследствие кирша не была мучительная изжога. Возвратившись домой, читал «Крошку Доррит», пил соду и лег спать с искренним желанием как можно ранее уехать на другой день из Женевы. Спал хорошо. Спросил счет. Оказалось, что наши две комнатки стоили восемнадцать франков, обед двенадцать франков и т. п. Словом, за восемнадцать часов, проведенных в этом отеле, я заплатил пятьдесят франков. Тотчас же ушли, походили по улицам, наглотались женевской тоски и с величайшим наслаждением я уселся в вагон и полетел в свой милый Кларан. Встреча была восторженная. Маленькая Софи, которой я обещал привести кукольную посуду, выбежала далеко навстречу, Marie тоже. Когда я передал M-me Mayor подарки (для нее медальон, для Софи посуду, для Constant географическую игру, а для Gustav'a запонки), то она заплакала и схватила мою руку, чтоб поцеловать. Я невыразимо сконфузился. Со слезами она спрашивала: «Mais, mon dieu, que puis-je faire pour vous?» *, и я насилу отделался от этой неожиданной сцены. Подали обед, который показался мне вдесятеро вкуснее женевского, и так хорошо и весело мне показалось болтать с Marie, читать приготовленные газеты, потом сидеть у своего камина, потом гулять. Я серьезно при-

* «Но, боже мой, что я могу для вас сделать?»

вязан к вилле Ришелье. Забыл тебе сказать, что накануне перед самым отъездом я получил письмо от Модеста, в котором он ни слова не упоминал о твоей болезни, из чего я заключил, что особенно беспокоиться нечего. Вообще письмо Модино меня очень обрадовало. Мне было очень приятно узнать, что Таня будет на придворном балу. Вчера день я провел вследствие всех сих обстоятельств очень приятно и чувствовал, что, несмотря на скуку, испытанную в богопротивной Женеве, я хорошо сделал, что съездил. Это в самом деле произвело благоприятную диверсию и оживило меня. Получил от Надежды Филаретовны массу интересных нот и программ.

Сегодня занимался (начал третий акт), получил твое письмо, ужасно меня обрадовавшее, так как ты пишешь, что ранка закрылась, но немножко взволновавшее меня по поводу предстоявшего тебе обвинения во вторник. С лихорадочным нетерпением жду известия, как прошло дело. Получил кроме того милейшее письмо от Надежды Филаретовны и от Котика.

Забыл сказать, что вчера вечером я исполнил свое давнишнее намерение. От Юргенсона я узнал, что Н. Г. Рубинштейн ужасно раздражен газетными нападками. Я написал Стасову, стараясь убедить его, что, несмотря на его недоброжелательство к Рубинштейну, он должен во имя неизмеримых услуг Николая Григорьевича музыке потребовать от Суворина, чтобы он велел своему московскому корреспонденту прекратить подлое преследование[1]. Письмо я написал по возможности убедительно. Кроме Модеста, об этом никому ни слова.

Прощай, целую тебя тысячу раз.

Твой П. Чайковский.

443. М. И. Чайковскому

Clarens,
20 января/1 февраля 1879 г.

ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА

Опера в 4-х действиях

Сценарий

Действие I

Деревенские девушки, сидя около заветного дуба и украшая его гирляндами, поют хор. Входит Тибо (отец Иоанны), Раймонд (претендент на ее руку) и Иоанна. Тибо гово-

рит, что не время теперь для песен и игр, отчизна в опасности, — того и смотри враги придут. В такое время, говорит он, лучше всего для женщины иметь мужественного защитника в своем супруге, и поэтому он изъявляет желание, чтоб Иоанна вышла замуж за Раймонда. Она молчит. Он опять уговаривает. Раймонд просит не принуждать ее. Трио. Наконец Иоанна говорит, что судьба ей назначена иная. Тибо в гневе. Он подозревает, что она завела шашни с нечистой силой, и осыпает ее упреками. На горизонте показывается зарево пожара, и слышен набат. Мало-по-малу сбегаются соседние крестьяне, прогнанные англичанами и разоренные. Они ищут убежища. Хор выражает ужас. Тибо спрашивает, где войска, где король. Старик Бертран рассказывает, в каком отчаянном положении страна. Все в ужасе и оцепенении. Орлеан осажден, и осаду ведет вождь, непобедимый Салисбури. Вдруг выходит Иоанна и вдохновенно говорит, что бедствиям пришел конец, и предсказывает торжество Франции. Хор удивлен и недоумевает. «В наше время чудес уж не бывает»,— говорит он. «Есть чудеса! — восклицает Иоанна,— и чудо уж свершилось. Салисбури убит!» Никто не верит. Тибо решает окончательно, что она связалась с дьяволом. Является воин из-под Орлеана, отставший от отряда, пробившегося через осаждающих. Его спрашивают, «правда ли, что Салисбури убит?» — «Правда». Все уверовали в Иоанну. Ансамбль — молитва. После нее все уходят, кроме Иоанны. Она говорит, что час настал и пора действовать. Ее берет тоска разлуки с родной деревней. Ария. Слышен звон колокола деревенской церкви. Тоска ее делается отчаянная; она колеблется. Вдруг слышится хор ангелов, говорящий, что пора настала. Она умоляет, чтоб чаша минула ее. Ангелы воодушевляют ее, она решается, приходит в экстаз и поет вдохновенные пророчества.

Действие II

В замке Шинон. Король сидит в грустном раздумье вместе с Дюнуа и Агнесой. Он забавляется слушаньем менестрелей. Когда они кончили, он велел их угостить и дать каждому по цепи золотой. Дюнуа замечает, что цепи нельзя ковать словами, что казна пуста. Агнеса говорит, что в таком случае обязанность всякого имеющего отдать все для уплаты войску и всего, что нужно. Она уходит собрать свои драгоценности. Король смотрит ей вслед и говорит, что можно перенести всякие несчастья, будучи любимым такой женщиной. «До любви ли теперь?», — говорит Дюнуа и уговаривает

короля итти впереди своих полков защищать Францию. Король и итти не прочь и с Агнесой расстаться не хочется. Дуэт. Вбегает раненый рыцарь Лоре в сопровождении нескольких воинов и объявляет, что сраженье проиграно, все погибло, королю нужно или бежать или итти умереть на поле чести. Затем он умирает в ногах короля. Король, перед этим только что решившийся итти сражаться, так поражен, что падает духом и решается бежать. Он отдает приказания к побегу. Дюнуа возмущен, он отрекается от короля и уходит сложить голову. Король в мрачном отчаянье остается один. Входит Агнеса с ларчиком драгоценностей. Король сообщает ей известие. Она поражена, но старается утешить короля и в арии высказывает свою любовь к нему. Маленький любовный дуэт. За сценой слышны фанфары. Сцена начинает наполняться. Вбегает Дюнуа и говорит, что совершилось чудо, победа вернулась, англичане бегут. Король не верит. Входит архиепископ, подтверждает известие и рассказывает, как в критическую минуту явилась дева и исторгла победу из рук врагов. Слышны клики народа, звон колоколов. Является Иоанна в сопровождении рыцарей. Король перед ее входом велел Дюнуа встать на королевское место, а сам скрылся в толпе придворных. Но она не поддается обману и прямо подходит к королю. Он удивлен. Потом (по Шиллеру) она говорит ему, в чем состояли ее три молитвы. Король и все уверовали. «Кто ты?», — спрашивают ее. Она рассказывает свою историю. Когда она кончила, все тронуты и плачут. Потом начинается восторженный громкий, но певучий ансамбль, и в заключение король поручает ей войско, все в восторге приветствуют ее.

Действие III

Картина 1-я

Около Реймса на поляне. Встреча Иоанны с Лионелем. Они дерутся. Она побеждает его, но, занося над ним меч, видит при свете яркого лунного луча его лицо. Она влюбляется в него, а он в нее. Дуэт. «Беги, — говорит она, — сейчас придут».— «Я тебя никогда не покину»,— отвечает он. Она умоляет. Входит Дюнуа. Лионель бежит к нему и говорит, что он переходит на сторону французов (он бургундский рыцарь). Дюнуа радуется, что знаменитый вождь переходит на их сторону, и именем короля принимает его. Иоанна падает в обморок. Она ранена. «Рана легкая, но кровь течет».— «Пускай она с моею льется жизнью» (по Шиллеру).

Картина 2-я

Коронация (по Шиллеру). Марш. Король объявляет народу, что спасительница Франции Иоанна. Выходит старик Тибо. Он рассказывает, что Иоанна победила не в союзе с небом, а в союзе с адом. Никто не верит. Дюнуа и Лионель берутся оружием доказать ее невинность. «Пусть она сама ответит»,— говорит отец. Она молчит. Архиепископ троекратно спрашивает ее. Она, считая себя преступницей, на вопрос «чиста ли она», ничего не отвечает. Гремит гром. Ансамбль. Все уходят. Она остается одна. Подходит Лионель. «Все тебя оставили,— говорит он,— но я тебя не покину». Она поворачивается к нему и с ненавистью говорит, что он ее злейший враг. Она убегает.

Действие IV

Картина 1-я

В лесу. Лионель преследует Иоанну. Она сначала громит и проклинает его, но вдруг страсть обуяла ее. Она забыла все и предается страсти. Дуэт. Слышны фанфары англичан. «Бежим»,— говорит он. Она приходит в себя и снова проклинает его и себя. Хор ангелов говорит, что хотя она не исполнила условия и допустила проникнуть в сердце любовь земную и потому дела довершить не может,— но небо не проклинает ее. Пусть она подчинится своей злосчастной судьбе без ропота,— вечное блаженство будет наградой ей. Англичане всё ближе. Иоанна не хочет бежать. Лионель умоляет. Англичане являются; ее берут в плен, а Лионеля, пытающегося мечом защитить Иоанну, убивают.

Картина 2-я

Руан. Костер. Марш. Ведут Иоанну. Хор тронут и хочет помешать казни. Велят поспешить. Она на минуту падает духом в виду костра. Хор ангелов, который не умолкает до конца, поддерживает ее. Ее взводят. Патер делает из палок крест и держит его перед лицом Иоанны. Костер зажигают. Занавес...

Первые два действия уже готовы. Пишу теперь первую картину третьего. Если тебе сценариум не нравится, то, пожалуйста, скрой это от меня, ибо переменять уже поздно, а смущаться мыслью, что либретто скверное, не хочется.

Милый Модя! За твое последнеее письмо изъявляю тебе монаршее благоволение. Я прочел его с истинным наслажде-

нием. О моей поездке в Женеву ты можешь узнать из письма к Толе. Какая мерзость эта Женева! Я с большим удовольствием вернулся сюда домой.

Алеша очень усердно занимается французским языком. Я каждый день даю ему урок по Оллендорфу. Всего больше страдает выговор.

Нет слов передать, до чего я был доволен Колиному письму. Я его целовал с наслаждением. Скажи ему, что я был ужасно рад.

Затем прощай, Модя мой милый.

Твой П. Чайковский.

444. А. И. Давыдовой

Clarens,
21 января/2 февраля 1879 г.

Голубушка моя Саша! Хотя братья мне не писали о дне Вашего выезда, но полагаю, что скоро он должен уж свершиться, если еще не свершился. В Петербург я не писал ни разу ни тебе, ни Леве потому, что предполагал, что через братьев Вам обо мне были известны все подробности. Я с своей стороны знал и следил очень внимательно, с самым лихорадочным интересом за всем, что Вы делали. Из последнего письма Модеста я вижу, что речь шла о представлении Тани ее величеству. Ишь куда нашу Таню метнуло! Сгораю от нетерпения узнать, состоялось ли это. Вообще мне было в высшей степени приятно узнать, что Таня немало веселилась и что все вы, кажется, не скучали.

Тем не менее мне очень приятно будет теперь думать о том, что Вы уже в Каменке, что ты сугубо наслаждаешься Юрием, Бобиком и остальными, что все по-старому и что милое и теплое Ваше гнездышко заключает в себе уже не только одних птенцов, но и родителей. Пока Вы были в Питере, я и радовался за Вас, и часто на меня находила маленькая грусть, когда я припоминал, что Юрий так долго был без своей мамы, что Вы не могли так долго умиляться, слушая его болтовню, смотря на его херувимоподобную физиогномию. Получил ли Бобик ноты? Надеюсь, что да и что скоро он пожалуй и играть их примется.

Про себя скажу следующее. Живу в насиженном уголке своем и живу приятно, хотя несколько монотонно, но зато у меня кипит работа. Решительно никого не вижу; общество мое состоит из Алеши, Marie (девушки, той самой, которую я рекомендовал тебе и которую я ужасно люблю), из книг, нот. Дела так много, что я и не замечаю, как день проходит.

Маленькая тоска очень часто нападает на меня по вечерам, потому что вечером работать нельзя, и тут является потребность в обществе, особенно, если не попалось для чтения что-нибудь очень интересное. Но вообще я совсем не скучаю. Останусь я здесь еще полторы недели. Отсюда отправлюсь в Париж, где проживу недели три, и потом помаленьку начну приближаться к Каменке. В Петербурге пробуду несколько дней, в Москве, может быть, тоже, но во всяком случае весну проведу у Вас, точно так же, как и лето и осень. Напрасно я ломал себе голову, как бы устроить около Вас какое-нибудь помещение, на которое я мог бы смотреть как на свой постоянный domicile*. Я даже писал об этом Леве,— но вряд ли это возможно. Придется довольствоваться флигелем, который, впрочем, вполне обитаем. Однакоже, если Лева что-нибудь придумает, я буду глубоко счастлив.

Целую Вас всех, моих милых и дорогих. Как-то Веруша веселилась в Питере? Напиши мне, Ангел мой, как Вы приехали, как нашли детей.

Твой П. Чайковский.

Поцелуй за меня ручку у Александры Ивановны и Лизаветы Васильевны. Нате поклон и безешку**. Бобику лишний поцелуй. Впрочем я всех Вас страх люблю.

445. А. И. Чайковскому

Clarens,
22 января/3 февраля 1879 г.

Я с величайшим нетерпением ждал от тебя письма, чтобы узнать, как сошло дело Коньковой, и не вполне удовлетворен твоим сообщением, ибо оно кратко. Боже мой! Как я хорошо понимаю это невыносимо мучительное состояние, когда приходится публично себя выказывать и притом так, чтоб лицом в грязь не ударить. Яд болезненной застенчивости самый ужасный, и против него средств нету. Но я не думал, что твои жилы уже заражены им, и потому несколько удивлен силой того ощущения страха, которое ты испытал. Конечно, можно себя до некоторой степени утешать тем, что только у медных лбов бывает та золотая самоуверенность, вследствие которой они и в ус себе не дуют. Но все-таки лучше не быть застенчивым, все-таки лучше не бояться толпы, ибо она всегда глупа. Читая твое письмо, я как будто пережил все испытанное тобой и так ясно и отчетливо видел и залу суда, и равнодушно скучающие лица присяжных, и сидев-

* местожительство
** поцелуй

шего сзади Сабурова, и обвиняемых. Ну, слава богу, кончилась история[1]. Мне бы многое хотелось расспросить у тебя, да лучше все это сделаю при свидании, которое уже не особенно далеко.

Сегодня погода отвратительная, но я все-таки тулял. Писание идет хорошо, но я продолжаю по вечерам страдать тем нетерпением поскорей сбыть с плеч все трудности, поскорее завоевать право баклуши бить, о котором я тебе писал. Вследствие этого, может, я сплю не совсем так хорошо, как бы следовало. Т. е. меня никогда не клонит ко сну. Я ложусь во исполнение необходимой обязанности и хотя сплю совсем недурно, но не тем сладким сном, который посылается в удел людям уставшим и вместе с тем покойным. Вообще вечером в последнее время я нередко немножко скучаю и желаю какого-либо развлечения. Впрочем, это может быть оттого, что книг интересных для чтения не имеется, ибо «Крошку Доррит» кончил. Зато в Париже мне предстоит не мало развлечений. Осталось прожить еще здесь неделю с чем-то.

Меня очень удивляет твой вопрос, почему писем нет. Я аккуратно через день писал тебе и Модесту. Тебе как-то раз послал два письма в один день, из которых второе было маленькое. Я в нем просил тебя ответить мне, на сколько серьезна твоя [...] болезнь. Из сегодняшнего письма я вижу, что так как ты об ней ничего не пишешь, то, следовательно, важного в ней ничего нет. Я послал Модесту сценарнум оперы; прочти его и скажи свое мнение, но не смей ругать. Алеша очень успешно занимается французским языком, но выговор ужасен. Если б прожить во Франции месяцев шесть, то он бы выучился говорить довольно изрядно. Мне весьма любопытно узнать, когда Лева и Саша уезжают. Надеюсь, что в письме Модеста, которое я ожидаю в среду, получу известия. Продолжай, мой ангел, писать мне такие же длинные, интересные письма. Ты не поверишь, сколько я испытываю наслажденья, читая их. Получил сейчас письмо от Кондратьева; он доволен своим лечением.

Целую.

П. Чайковский.

446. М. И. Чайковскому

Clarens,
24 января/5 февраля 1879 г.

Как тебе не стыдно, Модя, вообразить, что я сержусь на тебя за неинтересные письма? Ничего не может [быть] для меня приятнее, как твои письма, но именно потому, что обыкновенно я их читаю с таким неописанным наслажде-

нием, я был один раз (когда ты написал лишь коротенькое письмецо) несколько разочарован, и слегка попрекнул тебе. Сегодняшнее и прошлое письмо я опять прочел с восторгом.

Не удивись, если мое сегодняшнее послание будет несколько безалаберно. Я ужасно устал от сегодняшней работы. Писал я любовный дуэт четвертого акта и очень напряженно, так что с трудом действую в эту минуту мозговыми способностями. Я прямо от первой картины третьего акта перешел к четвертому, ибо он будет труднее, и мне хочется поскорее спустить с плеч труднейшую сцену между Лионелем и Иоанной. Вобще я доволен собой, но немножко устал и в Париже решился для отдыха заняться сюитой, с тем чтобы две недостающие картины оперы написать уже в России.

Я еду в Париж через неделю, 30-го, но до сих пор еще не знаю, где поселюсь. В Hôtel de Hollande не хочется,— там очень темно, грустно, хотя я и люблю его за приятные воспоминания. Я решился остановиться в отеле первом попавшемся и употребить весь первый день на искание подходящего помещения. К тому же, Надежда Филаретовна еще не знает, где сама будет жить, а ей хочется, чтоб я жил поближе, и нельзя не сообразиться с ее желанием.

Погода вчера была изумительная. Было тепло как летом, солнце грело так, что я гулял в сюртуке и сидел на балконе, а в саду мы с Marie нарвали фиалок. Хоть я их и ненавижу, но уж так,— чтож, думаю себе, отчего и не сорвать!

В моей жизни прибавилось одно удовольствие. Я купил в Женеве клавираусцуги разных квартетов Моцарта и Бетховена и ежедневно вечером проигрываю один из них. Ты не поверишь, какое это наслаждение и как это отрезвительно действует. Надежда Филаретовна прислала мне оперу Гольдмарка «La reine de Saba»; по-моему, вещь очень мало талантливая и полная претензий. Зато я совершенно влюблен в оперу Massenet «Le roi de Lahore». Советую тебе достать и поиграть. Чего бы я не дал, чтоб «Орлеанская Дева» была не хуже этой оперы!

Так как мне мой будущий адрес неизвестен, то попрошу тебя писать мне Paris, poste restante, и передай о том же Толе.

Знаешь, Модя, что если бы не Надежда Филатеровна, я бы не поехал в Париж, а остался бы здесь еще недели две и потом понемножку стал бы двигаться в Россию.

Целую тебя несчетно.

Твой П. Чайковский.

447. А. И. Чайковскому

Clarens,
26 января/7 февраля 1879 г.

Толя! Прежде всего сообщу тебе о погоде: она стоит такая, что ничего подобного мне никогда не снилось. Тепло, как летом, снег остался только на вершинах, воздух так прозрачен, что можно различать каждую впадинку на Dent du Midi. В довершение всего, ночи теперь лунные, и когда я вечером выхожу на балкон или перед сном открываю окно, то глазам моим представляется совершенно фантастическая красота.

Приближается день моего отъезда; мне осталось здесь прожить меньше недели, и веришь ли? — у меня навертываются на глаза слезы, когда я думаю о предстоящей разлуке с виллой Ришелье. Поистине можно сказать, что я живу здесь, как у Христа за пазухой, и что вилла Ришелье вполне потрафила на мои требования. Конечно, я бы не хотел здесь всю жизнь жить, и что если б я не был занят, то скучал бы. Но при работе ничего нельзя себе лучшего представить, как жизнь под крылом M-me Mayor. Если б не Надежда Филаретовна, я бы ни за что не поехал на целый месяц в Париж. Я бы съездил туда на одну неделю или дней на пять и вернулся, чтобы прожить еще до конца месяца. Но нечего делать!

Твое последнее письмо доставило мне неизреченное удовольствие. [...]

Занятия мои идут хорошо. Если, бог даст, и в Париже я буду заниматься так же, как здесь, то ты увидишь меня в начале марта совершенно счастливым и довольным, ибо у меня в руках будет полная опера «Орлеанская Дева», разумеется, неоркестрованная только. В Петербурге я предполагаю прожить около месяца и оркестровать сюиту, а в Каменке заняться уже исключительно инструментовкой оперы. Ради бога, не сердись, голубчик, что в отплату за твои чудные письма я тебе пишу лишь коротенькие и неинтересные, но, ей богу, так устаю, что еле-еле двигаю вечером рукой, когда пишу. А ты все-таки, ради бога, продолжай свой дневник. Пиши мне покамест Paris, poste restante, P. Tchaïkovsky (без *s*). Я еще решительно не знаю, где поселюсь.

Расцелуй от меня нашего чудного Папу, а также Лизавету Михайловну.

Твой П. Чайковский.

448. М. И. Чайковскому

[Кларан]
27 января/8 февраля 1879 г.

Милый мой Модя!

Собственно, следовало бы мне писать тебе не сегодня, а завтра, но завтра мне предстоит очень трудная работа, и потому пользуюсь тем, что голова у меня сегодня свежая, не утомленная, и хочу отделаться от тебя сегодня. Ах, голубчик, что за дни стоят! Это что-то совершенно особое. Сегодня после обычной послеобеденной прогулки я пришел домой, получил кое-какие письма и сел их читать на балконе. Кончив чтение и подняв глаза, увидевши всю эту чудную картину, освещенную горячим, совсем весенним солнцем, я вдруг почувствовал такой наплыв того тихого и ни с чем не сравнимого восторга, который доставляет только природа, что просидел в экстазе часа два без движения. Это имело на меня удивительно освежающее влияние. В последнее время я слишком был погружен в свою оперу, чтоб обращать внимание на красоты природы; зато уже сегодня я вполне ощутил всю неизмеримость блаженства, которую они способны доставить. Знаешь ли, что я не могу без навертывающихся слез думать о предстоящем отъезде отсюда. В сущности, я редко бываю так счастлив и покоен, как был здесь; правда, что нервы вследствие напряженной работы немножко давали себя чувствовать, но зато сколько чудных минут доставляла иногда работа; как приятно было сохранять всегдашнюю уверенность, что решительно никакое препятствие извне не заставит меня оторваться от работы в те часы, которые для нее назначены,— как хорошо было (кроме самых первых дней, когда я тосковал при воспоминаниях о тебе, Толе и Коле) быть единственным обитателем виллы; сколько удовольствия мне доставляли здешние repas * вдвоем с Алешей и при услуживании неизменно милой Marie! Особенно я люблю здесь ужин, Он бывает в восемь часов и всегда с кипящим самоваром. Это так gemütlich **! Мне тем более приятно расписывать тебе прелести виллы Ришелье, что ты ее не любишь и, следовательно, не завидуешь мне! В Париж мне совсем не хочется. Я бы с удовольствием съездил туда на несколько дней, с тем чтобы потом вернуться. И как нарочно теперь стоит здесь такая изумительно чудная погода! Досадно еще то, что порядок дня так прочно установился, и теперь придется все это делать по-новому. А порядок соблюдался

---

* еда
** уютно

с поразительною строгостью, до педантизма. Например, ровно в 6½ Алеша получает французский урок, ровно в 7 я сажусь играть (не свою музыку, а например, клавираусцуг квартетов Бетховена и Моцарта, оперы Massenet и Гольдмарка), ровно без двадцати минут 8 начинается партия в дурачки, ровно в 8 ужин и т. д., и т. д. Алеша занимается с увлечением и выучивает уроки хорошо, но выговор ужасен. Я всякий раз при этом думаю, что лучше было бы ему учиться по-русски, но что же делать, если у него охота! В Каменке я заставлю его брать уроки у Ивана Андреевича.

Посылаю тебе echantillon'ы* рисунков почтовой бумаги Надежды Филаретовны. Она давно уже бросила свои прошлогодние буквы и девизы, и теперь у нее рисунки, сделанные от руки (!!!) известным французским художником. Можно себе представить, чего это стоило ей! Впрочем, я посылаю это не тебе, а Коле. Я видел его сегодня во сне. Как я целовал его, как я обнимал его! Пожалуйста, сделай все это за меня на яву.

Я теперь сижу совершенно без денег в ожидании присылки оных от Надежды Филаретовны. Уеду, вероятно, в четверг 1-го. Пиши мне poste restante. В начале марта буду иметь удовольствие обнять тебя. Один бог знает, как мне приятно будет свидеться с тобой, с Толей, с Колей. Но как я боюсь Петербурга! Целую тебя.

Твой П. Чайковский.

Очень доволен твоей статьей об «Age ingrat».

449. А. И. Чайковскому

Clarens,
29 января/10 февраля 1879 г.

Сегодня я прочел в «Новом Времени», что при выходе из театра взбесилась лошадь г. Лихачева и ушибла много людей, а в том числе больше всего г-жу Давыдову. Конечно, я сейчас же решил, что это Саша, и засуетился и забеспокоился. Думал даже телеграфировать, но весьма кстати пришло письмо от Пети Генке от 25-го, в котором он говорит про них и об ушибе ни слова. Правда, что сегодня день, располагающий к мрачным мыслям. Еще вчера ночью поднялся ветер, который все усиливался и усиливался, так что к утру вой был точь в точь, как у меня в «Буре», и целый день вой этот продолжается. Ставни и двери стучат, озеро беснуется, по

* образцы

небу ползут какие-то мрачные тучи, — ну, одним словом, картина самая грустная и тем более досадная, что в последнее время стояли чудеснейшие дни. К тому же, еще Алеша нездоров. Вчера у него был сильный жар, щека опять вздулась и аппетит пропал. Сегодня, кажется, дело идет к выздоровлению; он спал хорошо, и только щека болит.

Я очень доволен собой. У меня вполне готовы все первое действие, все второе действие, первые картины третьего и четвертого, и почти готова интродукция. Надеюсь, что в Париже мне удастся сделать остающиеся две картины, и таким образом в Россию я приеду с душой вполне спокойною.

Я получил ответ от Стасова. Он изъясняется мне в любви, говорит, что был счастлив получить мое письмо, ибо полагал, что вследствие парижских корреспонденций я его и знать не хочу, распространяется насчет преступлений Николая Григорьевича и приходит к заключению, что все это поделом. На мои вопли отчаянья, что в случае ухода Рубинштейна из Москвы музыка в ней погибнет, он отвечает, что это все-таки лучше, чем развращение юношества посредством приучения к холопству, угнетение всех талантов, поощрение посредственностей и бездарностей и т. д. В заключение он просит меня потребовать от него каких угодно услуг, но заступиться за Рубинштейна не хочет ни в каком случае. Письмо это, несмотря на все любезности, расточаемые мне, меня очень растревожило. Столько в нем самой грубой лжи (хотя, может быть, и невольной), столько ребяческой запальчивости против Николая Григорьевича, что мне очень хотелось отвечать ему громовыми выражениями, но я рассудил, что все это напрасно. Его ничем не проймешь! Пожалуйста, Толичка, об этом никому (кроме Моди) не говори. Знаешь, что я теперь не иначе вспоминаю о Давыдовских авансах и ухаживаниях за мной, как с отвращением. Поверь, что все это в пику Рубинштейну. Я сам себе удивляюсь, до чего теперь, когда бедный Николай Григорьевич возбуждает против себя столько гонений, я забыл все мои маленькие гриефы * против него и стал ценить его хорошие качества.

Я еще не получил денег и поэтому не знаю, когда поеду, но по всей вероятности в четверг 1-го числа. Мне бы хотелось, чтобы только ближайшие знали, что я в Париже. Говори всем посторонним, что я в Швейцарии. Как неловко ехать в Париж при том убийственно низком курсе, который грозит продолжаться еще долго.

---

* grief *(фр.)* — неудовольствие

Уехала ли Саша? Петя Генке с восторгом отзывается о Вере. Сделала ли Таня какую-нибудь решительную победу? Отчего Мещерский не высылает мне должного мне экземпляра «Военных рассказов»? Сообщи ему мой адрес. Целую тебя. Пиши Paris, poste restante.

Твой П. Чайковский.

450. М. И. Чайковскому

Clarens,
31 января/12 февраля 1879 г.

Я все еще здесь, милый Модя! Случилось недоразумение по части денег. Я был вполне убежден, что Надежда Филаретовна пришлет мне сюда обычную двухмесячную сумму. Между тем вчера получил от нее телеграмму, в коей она извещает меня, что сегодня, 31-го, выезжает прямо в Париж, а о деньгах ни полслова. Тогда я понял, в чем дело. Когда я отказался от двух тысяч франков во Флоренции, то написал ей, что до 1-го февраля мне не нужно денег, а что если будет нужно, то попрошу. Она и решила, что так как я не просил, то обычную сумму она передаст мне в Париже, где мы уговорились съехаться к 1-му февраля. А у меня денег вовсе теперь нет. Пришлось написать ей в Париж, чтобы прислала, но пока письмо дойдет, пока она пошлет и деньги прибудут, пройдет дней пять и таким образом я поневоле должен прожить лишнюю неделю здесь, чему весьма доволен. Странное дело! Меня в Париж вовсе не тянет. И знаешь, куда меня тянет? — В Питер, в ненавистный Питер! Мне начинает сильно хотеться увидеть вас, милых братцев, милого нашего Папу и вообще милых людей. [...]

Давно я собираюсь тебе сказать, да все забываю, что я почти ежедневно вижу здесь семейство, жившее рядом с нами в Hôtel Milan во Флоренции. Помнишь брюзгливого старикашку, паршивую с надтреснутым голосом его жену (которая за завтраком по утрам ела змей) и двух барышень, от соседства коих ты удрал за table d'hôt'ом. Мне всегда бывает очень приятно встречать их. Кроме того здесь живет старушка с дочерью, которые тоже были во Флоренции и занимали всегда в качестве самых старых жильцов le haut bonde de la table*. Помнишь их?

Получил сегодня твое письмо с описанием бала у Конради и с воспоминанием о С.-Ремо [1]. Я тоже ежедневно вспоминаю все, что там происходило. Послезавтра будет год нашей знаме-

* почетные места за столом

нитой поездке в Monté-Carlo, а 5-го — год нашему отъезду и прибытию в Пизу. Пиза одно из самых чудных воспоминаний.

Из твоего умолчания о либретто моем я вывожу заключение, что оно тебе не нравится, и немножко суечусь и беспокоюсь. Сегодня я писал текст второй картины третьего акта, а также начал и музыку этой картины.

Меня очень интересует твоя статья о «Mariage de Figaro». Пожалуйста не забудь прислать ее. Модя! а что наша повесть [2]? Неужели ни на шаг не прибавилось? Я не виню тебя, ибо знаю, что в самом деле не до писания среди кутерьмы. Но очень жаль. Нет! в будущем году нужно непременно нам опять жить заграницей.

Твой П. Чайковский.

Целую крепко тебя и Колю.

451. А. И. Чайковскому

Clarens,
2/15 февраля 1879 г.

Милый Толя! Из моего последнего письма к Модесту ты уже знаешь причину, почему я засиделся здесь. У меня ни гроша денег. Я написал Надежде Филаретовне в Париж и уже получил телеграмму, что деньги высланы и что она нанимает для меня квартиру. Если деньги придут завтра, то уеду в воскресенье. Если же они придут послезавтра, то по случаю бессмысленного обычая не разносить почты по воскресеньям я получу их не раньше понедельника и в таком случае выеду во вторник. Во всей этой истории нет ничего для меня неприятного, ибо я ничуть не прочь был бы остаться здесь подольше. Напротив, оно вышло даже лучше, так как Надежда Филаретовна наймет мне квартиру и мне не нужно будет тратить время на отыскивание ее. Но все-таки мне как-то неприятно и совестно было писать Надежде Филаретовне: дескать, пришлите денег, а то не выпускают. Неприятно также то, что, вероятно, в Париже уже имеются письма от тебя и от других, и мне все кажется, что так как я за ними не иду, то почтарь их бросит в печку.

Я чувствую себя очень хорошо и работа идет успешно. Буду ли я в Париже иметь такую же благоприятную обстановку для занятий, как здесь? Весьма сомнительно. Marie мне говорила, что M-me Mayor поплакивает от перспективы моего отъезда. Сама Marie тоже ужасно огорчается. Меня все это ужасно трогает и вместе радует. Приятно знать, что есть местечко, где мне всегда открыт гостеприимный приют. И

до чего дешево! Уверяю тебя, что мне совестно бывает платить по счетам. Несмотря на то, что я занимаю самую лучшую комнату во всем доме, с меня за нас двух берут те же тринадцать франков, и как чудно кормят.

Саша уехала. Думаю, что, с одной стороны, тебе немножко грустно было, а с другой стороны, хорошо, что меньше будешь отрываться от занятий. Как ты думаешь, Толичка, если я решусь остаться в Питере недели три или месяц, не поселиться ли мне в той гостинице, где жила Саша? Можно ли там найти недорогое и удобное, а главное, п о к о й н о е помещение мне с Алешей? Оно немножко далеко от тебя, но я решительно отказываюсь жить в меблированной комнате, где жил осенью. Во-первых, Алеше места нет, во-вторых, хозяйка надоедная. Реши этот вопрос. Ведь до моего появления на брегах Невы осталось немного времени. Признаюсь, что, несмотря на упорную антипатию к брегам Невы, меня все-таки туда тянет очень сильно, ибо начинаю жаждать свидания с тобой, Модей, Папой, Колей (Конради) и другими.

Засим крепко целую тебя и прошу попрежнему писать. Кланяйся Володе Жедринскому.

Твой П. Чайковский.

Радуюсь, что чума угомонилась [1].

452. М. И. Чайковскому

Clarens,
4/16 февраля 1879 г.

Модя! Я все еще здесь. Вчера я получил от Надежды Филаретовны письмо с деньгами и с известием, что она в тот день, когда писала, должна была выбрать мне квартиру. Меня же она просила дать знать по телеграфу, когда я выеду, дабы можно было Пахульскому приехать ко мне на встречу. Так как поезд приходит в Париж в пять часов, то я телеграфировал, что не хочу, чтобы Пахульский из-за меня вставал в четыре часа ночи, и потому прошу мне телеграфировать адрес. Вот и жду телеграммы, а ее нет. Если завтра утром получу, то завтра же уеду, если нет, то еще день останусь. Признаюсь, что я радуюсь всякому претексту *, чтобы лишний денек провести здесь. Чем ближе к отъезду, тем дороже для меня делается вилла Ришелье. Я теперь окончательно чувствую себя здесь, как дома, и начинаю смотреть на M-me Mayor как на близкую родственницу, а на Marie, как на хорошего приятеля. Сейчас я сидел у M-me Mayor. Помнишь ты G u s t a v ' a, ее второго сына?

* предлогу

Семья Давыдовых

(1-й ряд, слева направо: Владимир Львович, Юрий Львович, Дмитрий Львович; 2-й ряд: Вера Львовна, Александра Ильинична, Лев Васильевич, Анна Львовна; 3-й ряд: Татьяна Львовна, Наталья Львовна). О фотографии.

Этот Gustave находится теперь в том положении, в каком некогда я нашел Евстафия. Он вдруг вырос, невыразимо похорошел и расцвел. При том же он носит мундир, collegien *, и это ужасно к нему идет. [...]

Твое письмо, вероятно, ожидает меня в Париже. Письма, лежащие в ожидании меня в poste restante, «Assomoir» в Ambigu и «Freichutz» в Grand Opéra, суть три вещи, которые мирят меня с поездкой в Париж.

Опера увеличилась большим маршем второй картины третьего акта. Марш вышел ничего себе. Шуму и треску в нем будет не мало.

Сегодня приходил сюда нанимать помещение какой[-то] г. Башмаков и очень долго сидел у меня и надоедал мне рассказами и разговорами. Господи, как все почти люди скучны и какое счастье как можно меньше видеть их.

Крепко обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

453. А. И. Чайковскому

Париж,
6/18 февраля 1879 г.

Милый мой Толя! Пишу тебе про мои первые парижские впечатления. Дорога была очень благополучна, т. е. хотя в Лозанне я не достал купе и промучился до Pontarlier в компартименте ** с англичанами и англичанками, но зато от границы до Парижа ехал в купе и все время спал. Ехал я не совсем с веселым и покойным сердцем. Мне было невыразимо жалко расстаться с Ришелье и с моей идеально покойной жизнью там. Кроме того, перед отъездом я получил телеграмму от Надежды Филаретовны в ответ на мою (в которой я просил дать мне знать по телеграфу мой адрес, дабы никого не беспокоить), что меня встретят и отвезут. И действительно, Пахульский вместе с ее французским лакеем ожидали меня, несмотря на то, что это было в пять с половиной часов утра. Пахульский тотчас же посадил меня в карету и отвез в мое помещение Rue de Rivoli, Hôtel Meurice, где все было освещено и стоял приготовленный кофе, а камины пылали. Это мне показалось очень весело, и неловкое ощущение скоро исчезло. Из рассказов Пахульского оказалось, что Надежда Филаретовна наняла себе заочно квартиру и заплатила за месяц вперед (три тысячи франков), но квартира ей чем-то не понрави-

* школьника
** общее купе

лась, и она раздумала, бросив свои три тысячи франков. Каково швыряет деньгами! Я содрогнулся от ужаса и от сожаления, ибо мне все кажется, что она переходит через должные границы в своих тратах. Когда Пахульский ушел, стало совсем светло, и квартирка моя показалась мне очень веселой, ибо солнце ярко озарило ее. Вид из окон довольно мизерный, а именно, Тюльерийский сад, в котором прелести мало, и кое-какие крыши больших зданий. Через несколько времени пришел человек Надежды Филаретовны с письмом, в котором она, как и следовало ожидать, предваряет, что считает меня у себя в гостях и потому намерена во что бы то ни стало платить за мое помещение. Я написал ей ответ, конечно, преисполненный благодарностей, и пошел вскоре после того гулять. Алеша в восторге от помещения и от своей комнаты. Кормление я устроил ему здесь. Сам же я буду есть в ресторанах и сегодня завтракал в каком-то довольно дорогом кафе. После завтрака купил себе пальто (мое невыносимо тяжело и жарко,) галстухов, цилиндр (!!!) и вернулся домой. Тут вдруг меня взяла невыносимая скука и сожаление о моем чудном житье в Clarens. Чтобы развлечься, пошел бродить по Парижу с Алешей и теперь вернулся домой, далеко не вполне разделавшись с ощущением какой-то пустоты и скуки, к которому еще прибавилось нервное раздражение от шума ездящих экипажей. К счастью, мне принесли с poste restante четыре письма: одно от тебя, одно от Модеста и два от Котика. Я нисколько не сержусь за краткость. Пиши хоть еще короче, но только не забывая упомянуть хоть в одном слове о каждом выдающемся факте. Твое и Модино письма доставили мне неописанное удовольствие, хотя то, что Мод[ест] пишет про впечатление, оставленное Таней, мне неприятно. Теперь уже пятый час. В шесть пойду обедать, а вечером, вероятно, просижу дома. Не знаю, будет ли у меня здесь охота к занятиям. Пока она отсутствует, но я льщу себя надеждой, что завтра ощущение скуки пройдет.

Как я рад, что ты помирился с Велиной. Целую крепко.

П. Чайковский.

Адрес: Hôtel Meurice, rue de Rivoli.

454. М. И. Чайковскому

Париж,
7/19 Fevrier 1879 г.

Милый Модя! Из моего вчерашнего письма к Толе ты уже знаешь, как я сюда приехал, что чувствовал в первые часы, каково мое помещение и т. д. По написании письма к Толе

я сидел дома и тут стал замечать, что шум карет, от которого трясутся столы и стулья, начинает действовать мне на нервы, но утешал себя мыслью, что если вечером запереть ставни, то шума не будет. Пошел обедать в Diner de Paris, был там принят по-родственному, потом шлялся, колебался, итти или не итти в театр, не пошел никуда и часов в восемь вернулся домой. Тут я разделся, надел халатик и, поболтав с Алешей, принялся за чтение интересной книги («Histoire du second Empire»). Но шум карет сделался еще чувствительнее, чем днем, и нервы мои окончательно расстроились. Часов в двенадцать лег и промучился в постели до тех пор, пока кареты почти перестали производить свой убийственный шум. Спал плохо, и утром первою мыслью моей было устроиться как-нибудь так, чтобы избавиться от этой неприятности. Позвал молодого человека (chef du bureau) и спросил его, нет ли другой квартиры, столь же прелестной, но чтобы спальня была не окнами на улицу. Он повел меня показывать, и тут только я догадался спросить, что стоит моя квартира. Оказалось, тридцать пять франков в день! Я пришел в смущение. Положим, что плату за квартиру взяла на себя Надежда Филаретовна, и это моему карману ни тепло ни холодно. Но мне показалось совершенно невозможным до такой степени злоупотреблять ее щедростью. Между из осмотренных мною квартир одна мне довольно понравилась, хотя она и несравненно хуже первой. Оказалось, что и эта стоит невероятную цену, а именно двадцать два с половиной франка в день!!! Тогда я решился переехать. Но француз до того пристал, притом мне показалось так хлопотно переезжать, что я стал колебаться. Заметив это, он решился сбавить два с половиной франка. Я сдался и тотчас же ушел, велев перенести свои вещи. Часа через два (позавтракав все в том же Diner de Paris) воротился, и уже все было готово, даже рояль принесли. У Алеши крошечная каморка, в которой едва повернуться можно. Ну, словом, помещение далеко не идеальное, но хорошо то, что оно на заднем дворе и шума нет никакого. В шесть часов пошел обедать, пошлялся по бульвару, в театр опять не пошел, вернулся и теперь, спросив у Алеши урок (при чем очень злился за то, что упорно вместо vous aimez он говорит vous aime), сижу и пишу. Впрочем, я очень доволен его успехами, он начинает осваиваться с языком.

В сумме, ничего особенно приятного от Парижа я не испытываю и, скорее, напротив, скучаю и сожалею милую майоршину виллу. В воскресение в Châtelet идет «La Damnation de Faust» Берлиоза, вся целиком. Я ужасно радуюсь

этому. Mercі за твое письмо, полученное вчера и прочитанное с бесконечным интересом. Целую тебя и Колю.

Твой П. Чайковский.

Алеша просит очень поклониться.

P. S. Уже запечатавши письмо, я вдруг вспомнил, что мне нужно тебе сказать еще две вещи. 1) Я еще ни разу не благодарил тебя за Вяземского. Книга эта в сущности мало интересна, хотя ты не ошибся, что по характеру она в моем вкусе. Интересно было бы, если б этот неглупый старик вместо того, чтобы в своем предисловии жаловаться на игнорирование его современной литературой и вообще на все новое, написал бы обстоятельно свои воспоминания. Ведь это могло бы быть поразительно интересно! Он знал Жуковского юношей, он брал уроки у Мерзлякова, он помнит московских тузов прошлого века, он был знаком со всеми выдающимися личностями начала столетия. И как мало он рассказал! Собственно, статьи его, написанные в двадцатых годах,— наивны, и больше ничего. 2) Твоя заметка о «Свадьбе Фигаро» написана очень хорошо, но немножко à la Laroche, т. е. слишком кудревато. Что значат твои поправки чернилами? Неужели статья была выпущена в том виде, как напечатана? Или это только корректурный оттиск? Я бы желал, чтобы ты продолжал писать так же хорошо, но проще. Еще один недостаток. Ты совсем мало указал на огромное историко-политическое значение Бомарше! Он не только остроумен, но остроты его были политическим памфлетом.

Как я устарел, Модя! Меня совсем не тянет в театр. Я с неудовольствием думаю, что нужно будет посмотреть

К занятиям никакого влечения покамест не ощущаю. «Assomoir».

П. Ч.

455. А. И. Чайковскому

Париж,
8/20 февраля 1879 г.

Сегодня утром под проливным дождем пошел на poste restante и к моей великой радости получил письмо твое, милый мой Толя. Ты спрашиваешь, когда я приеду? Думаю, что останусь здесь всего около трех недель и потом, остановившись на день или два в Берлине, покачу в Питер. Так как я во всяком случае останусь в Петербурге на некоторое время, то не благовременно ли было бы позаботиться о моем помещении? Предоставляю это решить тебе, но полагаю, что, несмотря на соблазнительную близость, ты не заставишь меня

жить в номере, где я жил осенью и где мне невозможно поместиться вместе с Алешей. Впрочем, буду тебе повиноваться безусловно. Прими во внимание, что о дешевизне особенно хлопотать нечего, ибо думаю, что деньги у меня будут.

Из моего вчерашнего письма к Модесту ты узнаешь историю моего переселения. Я очень доволен теперешним помещением. Тесновато, но удобно и тихо. Я сегодня совсем уже примирился с Парижем, несмотря на отвратительную погоду. Во-первых, мне приятно думать, что Париж есть уже преддверие моего возвращения в Россию. Собственно, я не испытываю ни малейшей тоски по отечеству, но мне начинает сильно хотеться видеться с тобой и другими радостями и украшениями моей жизни. Во-вторых, я понял теперь, что нет ни малейшей надобности, живя в Париже, вести сумасшедшую жизнь иностранца, приехавшего кутить. Я сижу оба эти дня целый день дома. Хожу завтракать и гулять, хожу обедать и гулять, — но кутежей никаких. В театре не был ни разу. Завтра пойду в оперу послушать «Фрейшюца». В эту минуту (десять часов вечера) я, облекшись в халат, сижу дома, пишу тебе и чувствую себя очень хорошо. Утром перед завтраком, а также перед обедом работал, и сверх ожидания дело пошло хорошо. Засим беспокоиться мне решительно нечего.

В твоем письме мне очень приятно было прочесть, что ты находишься в настроении, аналогичном с моим по отношению к Алекс. Арк. Давыдовой[1]. Не знаю почему, но с некоторых пор все любезности ее мужа, все приставания ее к тебе, чтобы уговорить меня поступить под его начальство, все это кажется мне необыкновенно противным. Тщетно было бы думать, что это д л я м е н я, и я совершенно напрасно был тронут предложениями Давыдова[2]. Ведь это не что иное, как самое жестокое и бессердечное покушение нанести язвительный удар Рубинштейновскому самолюбию. Вообще после всей травли на Рубинштейна, в которой роль одной из самых упорных злых собак является Александра Аркадьевна, я ужасно з а Рубинштейна и совершенно освободился от того тайного чувства враждебности, которое давно питал к нему. И этот Карл Юльевич, который оживился и проснулся только тогда, когда представилась возможность интриговать, ссориться, поощрять одних и давить других, — как он вдруг упал в моем мнении.

Целую тебя, мой милый, крепко. Кланяйся очень Велине. Я рад, что вы помирились.

Твой П. Чайковский.

Пиши сюда: P a r i s, H ô t e l M e u r i c e, R u e d e R i v o l i.

456. М. И. Чайковскому

Париж,
10/22 февраля 1879 г.

Милый Модя!

Был сегодня на poste restante, почему-то быв уверен, что найду от тебя письмо, но срезался. Особенно интересного и нового ничего не произошло. Вчера был в опере. Давали «Фрейшюца» и «Иедду», новый балет. «Фрейшюц» доставил мне большое удовольствие; в первом акте во многих местах глаза мои увлажались слезами. Во втором Краус доставила мне большое удовольствие прекрасным исполнением арии Агаты. «Волчья Долина» поставлена совсем не так блестяще, как я ожидал. Третий акт курьезен по французской бесцеремонности, с которой они позволили себе, с одной стороны, интеркализовать * Invitation à la valse с глупейшими танцами, а с другой стороны, вычеркнуть роль пустынника, который является в конце для развязки. Что касается балета «Иедда», то ни пресловутая танцовщица San Galli, ни пресловутая музыка г. Метра, ни пресловутая роскошь постановки ни мало не удовлетворили меня, и я ушел тотчас после второй картины. Такой рожи, как San Galli, я еще никогда на сцене не видел. Вазем в сравнении с ней Венера Милосская. В общем нужно сознаться, что Grand Opéra страшно упал.

Я все эти дни хорошо занимался и удачно окончил большой ансамбль второй картины второго акта. С Надеждой Филаретовной у меня какие-то совсем новые отношения. В последнее время она совсем перестала мне писать под предлогом, что у нее так болят голова и глаза, что она не может писать. Чтобы не терзаться, получая мои письма и сознавая себя неспособной отвечать, она просила меня писать не более раза в неделю. Во Флоренции было как-раз наоборот. Она мне писала каждый день, и я тоже. Мне кажется, что просто ей надоело вести переписку. Как бы то ни было, но оно выходит очень странно. На что ей понадобилось, чтобы я жил в Париже в одно время с нею? Во Флоренции мы ежедневно виделись и переписывались, здесь — если б не Пахульский, который приходит брать уроки, то между нами решительно ничего не было бы общего. К сожалению, нужно сознаться, что отношения наши ненормальны и что от времени до времени ненормальность эта сказывается.

Я перестал скучать и примирился с Парижем,— но я бы сейчас, сию минуту с радостью полетел бы в свой милый Clarens, об котором не могу думать без стеснения сердца. Там я жил, по твоему выражению, и как мне хочется,

* вставлять

и к а к б о г в е л и т. По поводу бога. Гуляя сегодня, мне пришла в голову следующая мысль. Может ли истинно и сознательно верующий мириться без страдания с мыслью, что бог, которому он с детства привык поклоняться в с в о е й ц е р к в и, обращаться к нему на с в о е м я з ы к е, соблюдая свои местные о б р я д ы, в о п л о щ а я е г о в т е о б р а з ы, которые приняты в иконописном стиле его народа,— что этот бог есть тот же, к которому обращаются гнусливые католические патеры и всякие другие иностранные попы? По-моему, нет, ибо я решительно не мирюсь с мыслью, что наш русский господь бог есть тот же, которому поклоняются в M a d e l e i n e.

Целую тебя, Модя, а также Колю.

Твой П. Чайковский.

Недавно зашел в Café de la Rotonde и там в «Г о л о с е» нашел твою статейку о бенефисе Dica Petit. Интересные новости я узнал в ней. Например, что есть знаменитый драматург О к т а в О р е л ь е!!!

Модя, нужно самому делать корректуру!!!!

457. А. И. Чайковскому

Париж,
12/24 февраля 1879 г.

Сейчас я выписал число, месяц и г о д и по этому случаю вспомнил, что ровно двадцать лет будет скоро со времени выпуска [1]. Какой я старик, Толя! Но (тпфу, тпфу, тпфу) здоровье у старика очень хорошее, и знаешь что́ хорошо: что у него уже недели три ни разу не было изжоги. Правду сказал парижский доктор, у которого я был с тобой в прошлом году: j'ai un estomac capricieux *. После длинного ряда бесконечных изжог вдруг ни с того ни с сего прекратились! Какая странная моя здешняя жизнь! Я не могу пожаловаться ни на что. И помещение хорошее, и фортепиано отличный, и занятия идут более или менее успешно, и здоровье, слава богу, хорошо, — а между тем со мной здесь никогда не бывает таких минут, как были в Clarens, где я несколько раз в день говорил себе: «ч т о н и г о в о р и т е, а х о р о ш о ж и т ь н а с в е т е!» Я там сознал счастье жить. Здесь я прозябаю, хотя прозябание в материальном отношении хорошее. Решительно прихожу к убеждению, что для меня нормальный образ жизни: д е р е в н я, г л у ш ь, т и ш и н а. Нет никакого сомнения, что если и впредь придется по зимам бывать заграницей, то на долю Парижа достанется два-три дни.

---

* у меня капризный желудок

Впрочем, вчера я пережил большое художественное наслаждение. Я слышал весь целиком «Damnation de Faust» Берлиоза,— одно из чудес искусства. Были моменты, когда я через силу сдерживал подступ душивших меня слез. Чорт знает, что за странный человек был этот Берлиоз. Вообще его музыкальная натура мне скорее антипатична, и я не могу никак примириться с некоторым уродством его гармоний и модуляций. Но иногда он достигает невероятных высот[2]. Если ты не знаешь, о какой я вещи говорю, то спроси Ларошa, — это одна из немногих любимых им музык.

Так как Алеша отлично себя ведет, то я обещался вчера ради воскресенья повести его в цирк и, несмотря на крайнюю усталость, должен был исполнить обещание, тем более, что вчера по-нашему был последний день масленицы. Едва достали места, и пришлось сидеть где-то очень высоко и дышать тропической атмосферой. Милый клоун Билли Гайден (которого ты любишь) был очень забавен. Я не выдержал до конца и вернулся домой рано. Наибольшее удовольствие, живя в Париже, я испытываю, когда сижу вечером у себя дома и наслаждаюсь на своем заднем дворе чудесной тишиной. Книг Надежда Филаретовна прислала мне множество. Сегодня я не мог удержаться и взял себе билет в Théâtre Français, где дают мою любимую комедию «Le gendre de M. Poirier». В 1876 г. я с Модей видел ее, и мы оба наслаждались отменно. Скажи ему, что актеры все те же самые. Сейчас хочу сходить на poste restante узнать, нет ли от одного из вас писем. Думаю, что от Модеста должно быть. Толя! я с блаженством выберусь отсюда, чтоб ехать на свидание с вами, моими милыми. Судя по ходу теперешних занятий, думаю, что привезу с собой готовую вчерне оперу. Мне осталось прожить здесь около двух недель. Читал ли ты в «Вестнике Европы» повесть «Специалист»? Если нет, то достань и прочти[3]. Дело идет о бракоразводном процессе. Очень интересно.

Целую тебя крепко. Твой П. Чайковский.

458. М. И. Чайковскому

Париж,
13/25 февраля 1879 г.

Модя! Два дня сряду я испытывал сильные художественные наслаждения. В воскресенье слышал «Фауста» Берлиоза, а вчера был в Comédie Française и видел три пьесы: 1) «Le mariage forcé», 2) «Le petit Hôtel» и 3) «Le gendre de M. Poirier». Вторая из этих пьес новая и написана Мельяком

и Галеви. Этого достаточно, чтобы рекомендовать ее. Прелесть что за пьеска, и что за игра! Что за чудный актер Thiron (который, помнишь, играет повара в «Gendre»), а Coquelin что за прелесть, а Samary! Последняя новая sociétaire* прелестная актриса. Что касается Gendre, то его играли те же самые актеры. Про Got я тебе скажу следующее. На рождестве я видел его здесь в «Fourchambaults». Он играет там сына. И пьеса эта мне не понравилась, и в особенности роль Got. Смотря на него тогда, я решил, что, вероятно, я до сих пор еще не знал, что в Comédie Française два Got. Тот, который играл Fourchambaults, не имел ничего общего с тем, который играл Poirier. С тех пор я все старался найти в магазинах его карточку, чтобы убедиться, что один человек не может являться в различных ролях до такой степени различно, что даже из смешного, длинноносого и старого лица в случае надобности является красивое и молодое лицо. Вчера, напряженно рассматривая в бинокль, я убедился, что это он. И знаешь что,— по-моему, это просто гениальный актер, ибо обе роли суть инкарнации**, перерождения. Нельзя себе представить, до чего они божественно играют! Я боялся, что во второй раз мне уж не покажется исполнение этой пьесы столь изумительным. Ничуть не бывало! Я наслаждался нисколько не меньше, чем в первый раз.

Croizette одна не вполне удовлетворяет меня. Это одна из тех актрис, которые (подобно московской Медведевой) представляют, а не изображают. Когда нужно сказать что-нибудь сильное и выделяющееся, она хороша, но пока она молчит или говорит простые речи, у ней как будто слышится: «Ведь это все притворство, вы не верьте, я совсем не маркиза, а просто Croizette». Кроме того, сильно растолстевши, она вдруг при этом сделалась до того похожа лицом на Алешу Давыдова, а манерами на Веру Бутакову, что у меня вся иллюзия пропадала. Она даже глазами моргала, как Алеша. Ну, довольно вести театральную хронику. [...] Твой П. Чайковский.

459. А. И. Давыдовой

Париж,
15/27 февраля 1879 г.

Голубушка моя Саша! Мне сейчас принесли два письма, адресованные еще в Швейцарию и пересланные сюда. Одно от Пети Генке, с которого я и начал. В нем он описывает

* актриса-акционер в Comédié Française.
** воплощения

в очень преувеличенном виде болезнь Веры. В каком бы я был убийственном беспокойстве, если б в то же время не пришло и твое письмо, из которого усматриваю, что Веруша вне опасности и хотя Таня тоже нездорова, но из спокойного тона твоего письма заключаю, что ничего особенного нет. Тем не менее мысль, что, может быть, после твоего письма все дети переболели корью, мне тягостна. Положим, что в кори ничего ужасного нет, а все как-то грустно представить себе Ваш милый домик больницей. Вследствие этого неприятного чувства решаюсь телеграфировать и по написании этого письма отправлюсь на телеграф.

Я очутился в Париже все ради той же М-me Мекк, которая очень желала этого. Признаюсь, что я очень вздыхаю о моем милом Clarens, где я так идеально покойно и хорошо прожил месяц. Здесь мне весьма удобно, весьма хорошо, но дело в том, что я решительно потерял способность жить с полным удовольствием в городе, хотя бы и в таком великолепном, как Париж. Мне необходима деревенская глушь, отсутствие городского шума и суеты. Здоровье мое (тпфу, тпфу, тпфу) в самом вожделенном состоянии. Работа идет столь хорошо, что я приеду к тебе с готовыми эскизами полной большой оперы, которую буду инструментовать летом. Так как работа эта не требует особенных предосторожностей по части уединения и безусловной тишины, то не беспокойтесь, пожалуйста, на сей раз устраивать мне что-нибудь особенное. Я могу отлично работать над инструментовкой во флигелях каменском и вербовском без всякого опасения помехи, ибо при этой работе я могу сносить шум и даже разговоры. Ну, словом, голубушка моя, теперь еще о моем будущем постоянном устройстве у Вас не нужно хлопотать. Приеду я во всяком случае весной, но не знаю, поспею ли к пасхе, потому что нужно в Петербурге ради братьев недели три-четыре остаться, а попаду я в Петербург в начале марта.

Про мою здешнюю жизнь много распространяться нечего. Скажу только, что на сей раз для меня совсем непонятно, почему милая моя М-me Мекк желала моего присутствия здесь. Во Флоренции мы жили недалеко друг от друга, и хотя мы не виделись иначе, как в театре, но было общение. Здесь я так же далек от нее, как живя в другом городе. Как бы то ни было, но парижская жизнь имеет для меня одну очень благоприятную сторону. Я очень устаю от работы, и потому мне хорошо иметь возможность легко развлекаться посредством прогулки по улицам, посещения театров и концертов. В сущности же я веду жизнь такую же одинокую, как и в

Clarens, т. е. сижу дома, никого решительно не вижу, кроме людей чуждых, и даже вечер все-таки по большей части провожу сидя у себя за книгой. В театре был всего два раза за десять дней.

Поручение твое относительно платков исполню с величайшим удовольствием. Как я буду рад, если получу известие, что все уже у тебя поправились и здоровы.

Всех нежно обнимаю и целую. Господи, как я рад буду Вас увидеть!

Твой П. Чайковский.

Если не ошибаюсь, бедный Петя Генке сражен прелестями Веруши.

460. А. И. Чайковскому

Париж,
15/27 февраля 1879 г.

Какой ты стал милый в отношении писем! Прежде, бывало, еле-еле дождешься в две недели одного письма! Теперь как ни пойду на poste restante (а хожу я не менее двух раз в неделю), от тебя письмо! Но оба твои последние письма заключают в себе известия о болезни твоей и потому мне неприятны. Надеюсь, что теперь все кончено. Много, Толинька, нужно сделать решительных перемен в твоей жизни ради здоровья. Нельзя быть здоровым и иметь нервы в порядке при такой сумасшедшей жизни. Нужно, во-первых, по части еды быть аккуратнее и есть по возможности в одни и те же часы, а во-вторых, пора тебе, наконец, решительным образом никого не принимать днем. Ведь я по опыту знаю, что и самые деликатные люди не могут понять, что посещением своим отнимают время. Не принимать никого,— решительно никого. В крайнем случае, не ездить ли тебе утром к Папаше и заниматься у него? Впрочем, обо всем этом удобнее будет говорить при свидании, которое не так-то далеко.

Знаешь ли, что я начинаю считать дни и часы до отъезда? Париж, в конце концов, мне не по нутру. [...] Я недостаточно наслаждаюсь жизнью, чтоб не желать скорее перемены. Ты, конечно, скажешь, что ничто меня здесь не удерживает и что я могу хоть сейчас уехать, но я тебе возражу, что мне было бы очень неприятно ехать домой, пока опера не будет вполне кончена, а мне работы осталось не более, как недели на две, даже меньше. Я скорее вот что бы сделал. С в е л и ч а й ш и м наслаждением я бы отправился отсюда на две недели в C l a r e n s! Но мне неловко относительно Надежды Филаретовны! Нужно будет прожить до 28 февраля здесь. В этот

день или самое позднее на другой поеду в Берлин и останусь там дня два. Ну, словом, менее чем через три недели я буду в твоих объятиях, Толя! Я решительно не могу у вас остановиться. Я слишком избаловался, слишком раздражителен характером, чтобы спокойно жить в помещении, где у меня не будет своего угла. Вспомни, что я в Петербурге должен во что бы то ни стало инструментовать и досочинить кое-что в сюите. Вам и двум-то тесно! Ну, где же я приткнусь, да еще с Алешей! Да наконец, раз что и ты и я утром всегда будем заняты, не все ли равно, что мы не будем в одной квартире? А обедать и вечер я, конечно, всегда с тобой. Ведь я останусь в Питере не менее трех недель, а может быть, и целый месяц! Пожалуйста, голубчик, подумай, где меня поместить, и мне кажется, что всего лучше было бы в La Paix, где была Саша. Не забывай, что я имею в год тысяч восемь дохода и что мне смешно экономничать на этих пустяках.

Сегодня я получил письмо от Саши необыкновенно кстати, ибо в одно время с ее письмом получилось также письмо от Пети Генке, в котором он говорит о том, что Вера серьезно заболела дорогой. Можешь себе представить, как я бы беспокоился, если б, к счастью, не пришло письмо от Саши, которая сообщает, что Вера вне опасности. Зато свалилась Таня, и Саша предвидит, что переболеют все остальные. Меня это все-таки настолько растревожило, что я тотчас же телеграфировал и заплатил ответ, чтобы узнать, в каком положении здоровье детей. Юрий в кори!! Ведь об этом без слез думать невозможно. А я, как нарочно, под впечатлением повести Достоевского «Братья Карамазовы». Если ты не читал этого, беги и тотчас доставай «Русский Вестник» за январь[1]. Там есть сцена, когда в монастырском скиту старец Зосима принимает посетителей. Между прочим, изображается женщина, убитая горем оттого, что у нее все дети умерли, и после последнего ребенка ее одолела сумасшедшая тоска, и она, бросив мужа, скитается. Когда я прочел ее рассказ о смерти последнего ребенка и слова, в которых она описывает свою безысходную тоску, я расплакался так, как давно от чтения не плакал. На меня это произвело потрясающее впечатление.

В театре все эти дни я не был. Есть бездна интересных пьес, которые следует посмотреть,— но сил нет. Удивительно, как я охладел к театру. Я только и счастлив и доволен, когда сижу дома вечером в халате и не слышу никаких звуков, не вижу никаких лиц. Обедаю ежедневно в Diner de Paris.

Вместо театра у меня явилась другая слабость: п о к у п а т ь! Вчера купил в о с е м ь г а л с т у х о в!!!

Целую тебя, голубчик мой.

Твой П. Чайковский.

Как мне завидно было читать и твое и Модино описание вечера, проведенного у Вас, когда играли в фанты. Вот так по мне была компания.

461. М. И. Чайковскому

Париж,
17 февраля/1 марта 1879 г.

[...] Модя! Как мне приятно было узнать, что тебе нравится мой сценариум. Я работаю с обычной аккуратностью и надеюсь, что к отъезду успею все покончить, а отъезд мой состоится менее, чем через две недели. [...] Теперь уже для меня не составляет никакого сомнения мое отношение к Парижу. Я к нему ужасно охладел. В театре я не был ни разу с тех пор, как видел «L e G e n d r e». Никуда меня не тянет; магазины, асфальт, рестораны, электрическое освещение, блеск, суета — все это не имеет для меня никакой прелести, и хотя в подражание кларанскому времяпровождению я большею частью сижу дома, но не нахожу в себе тех чудных минут сознания своего счастия, которое там я испытывал ежедневно и почти ежечасно.

Мне неприятно было узнать, что ты страдал от безденежья. Отчего ты мне не написал? Я всегда бы мог устроить тебе маленький заем у Юргенсона. Приблизительно дней через семнадцать увидимся. Целую тебя.

Твой П. Чайковский.

462. А. И. Чайковскому

Париж,
20 февраля/4 марта 1879 г.

Вот краткий дневник всего бывшего в последнее время:

Воскресенье, 18.

Утром занимался. После завтрака пошел пешком в концерт Паделу. Программа была интересная. Главная пьеса Symphonie fantastique Б е р л и о з а. Солистами были сын и дочь Виардо; он скрипач, а она певица — оба весьма недурны. Не досидел до конца. Погода была чудная, и я с большим удовольствием пришел домой. Во время прогулки не мог не наслаждаться созерцанием чудного города, полного блеска и жизни. Весь остальной день был в трансах. [...]

Понедельник, 19.

Занимался. Завтракал. Взял себе билет в театр, считающийся самым забавным. Мне хотелось рассеяться. Я очень устал от неустанной работы и постоянного напряжения, да кроме того еще злился 1) на Бочечкарова, приславшего Модесту письмо самого подлого свойства, 2) на Надежду Филаретовну! Да! на нее. Вот уж правда, что у бабы в о л о с д о л о г, а у м к о р о т о к. Уж кажется, умная и тонкая женщина, кажется, я достаточно ей себя описывал. Представь же, что она в своем последнем письме спрашивает меня: «Отчего Вы не бываете у Тургенева и Виардо?» Меня это очень разозлило, ибо нужно снова в ответ на это изобразить ей мое нелюдимство, мою ненависть к знакомствам. В театре забавлялся, но не особенно, и, не дожидаясь конца, ушел и пошел строчить длиннейшее письмо Надежде Филаретовне. Спал недурно и, проснувшись, с удовольствием помышлял, что через неделю поеду и что опера, вероятно, будет готова.

В т о р н и к, 20. Занимался. После завтрака ходил заказывать себе платье. В два часа давал по обычаю (два раза в неделю) урок Пахульскому. Потом опять занимался, в семь часов обедал, сделал огромную прогулку и о п я т ь з а н и м а л с я. Теперь уже двенадцать часов. Я очень доволен сегодняшней работой.

Милый мой Толя, по получении сего письма, я думаю тебе уже не стоит писать сюда, а лучше напиши мне в Берлин, где я пробуду два или три дня. Адресуй: Berlin, Linkstrasse, 18, II Treppe, Herrn Josef Kotek, с передачей П. И. Ч. А засим, ура, свидание в Питере! О, если бы можно было только обойтись там без родственников и знакомых. Напиши мне в Берлин, где мне велишь остановиться в Питере.

Посылаю тебе тысячу нежных лобзаний.

Твой П. Чайковский.

Поедешь ты со мной в Каменку на пасху, или мне провести ее в Питере???

463. М. И. Чайковскому

Париж,
Милый Модя! 22 февраля/6 марта [1879 г.]

Вчера был для меня весьма многознаменательный день. Совершенно неожиданно для самого себя я к о н ч и л в п о л н е оперу[1]. Когда тебе случится дописать последнее слово твоего романа, то ты поймешь, какое глубокое наслаждение доставляет эта свалившаяся с плеч гора. Что ни говори, а каждый день в течение почти двух с половиной месяцев в известные

часы выжимать из своей головы иногда и с большою легкостью, а иногда и с усилием музыку,— дело утомительное. Зато сколько я теперь буду отдыхать! Ведь инструментовка — это уже головной труд! Это вышивание по канве с готового узора. Сегодня я уже занимался приведением в порядок разбросанных лоскутков, а также доканчиванием сюиты. Завтра буду отделывать подробности фуги в этой сюите, а начиная с послезавтра, я до самого Петербурга даже не присяду за работу! Ведь для человека, прилежание которого есть не что иное, как стремительное преследование желанной цели, состоящей в праве быть праздным,— это сущее торжество! Вчера вечером я уже гулял по Парижу совсем другим человеком, именно гулял праздным фланером, и, может быть, поэтому вся моя многолетняя любовь к этому городу сказалась с силой прежних молодых годов. Этому, впрочем, способствовало еще одно обстоятельство: в концерте Châtelet на воскресение объявлена «Буря» моя. Встречая на столбцах и на окнах музыкальных магазинов свое имя, я почувствовал себя в Париже, как дома. Впрочем, скажу тебе, что хотя, с одной стороны, мне это приятно, но с другой — я беспокоюсь. Я заранее знаю, что и играть будут плохо и шикать будет публика, как это до сих пор всегда бывает с моими сочинениями заграницей,— и потому лучше было бы, если б сыграли ее уже после моего отъезда. Но нечего делать, придется немножко потерзаться в воскресенье, впрочем именно немножко, ибо я в этом отношении стреляная птица и знаю очень хорошо, что мое время впереди и до такой степени впереди, что я не дождусь его при жизни.

Как бы то ни было, но вчера и сегодня я таким гоголем расхаживаю по Парижу и тешу себя сладким сознанием, что можно баклуши бить, что ты не узнал бы своего братца, увидевши его в новом пальто, в цилиндре, в элегантных перчатках фланирующим. [...]

Иду сегодня в театр, в Variétés, где дается имеющая огромный успех пьеса «Le grand Casimir». Ах, как мне не хочется в «Assomoir» итти! А нужно будет. Через неделю буду уже в Берлине.

Целую. П. Чайковский.

464. Л. В. Давыдову

Париж,
22 февраля/6 марта [1879 г.]

Милый мой Лева! У меня к тебе большая просьба. Уж так как ты и Саша так добры, что берете меня к себе нахлебником и жильцом, то я хотел бы устроить свое жилище как

можно удобнее. Прежде всего мне необходим стол для занятий. Я бы попросил тебя, голубчик, велеть мне сделать из простого дерева большой стол, по возможности крепкий и не шатающийся. Так как это лето мне предстоит инструментовать целую оперу, то нужно, чтобы было где раскладывать свои листы, чтоб было просторно. Так как я еще хорошенько себе не представляю своего будущего помещения, то покамест попрошу тебя поставить сколько необходимо мебели. Побывав же у вас весной, я, может быть, съезжу в Киев или в Москву для покупки всего, что мне будет нужно в моем жилище. Лева! я никоим образом не могу допустить, чтобы ты тратился на мое устройство, и потому предупреждаю тебя, что я во что бы то ни стало должен принять на свой счет стоимость перестройки и переделки флигеля. Так как уж я попал на тему денег, то еще скажу следующее. Я не намерен скрывать ни от тебя, ни от Саши, что я могу считать себя теперь человеком богатым, ибо получаю от М-me Мекк пятьсот рублей в месяц, так что вместе с зарабатываемыми мною деньгами я могу получать в год от семи до восьми тысяч. Очень может статься, что в первую минуту тебе и Саше покажется предосудительным, что я живу на счет М-me Мекк. Но если ты примешь в соображение сущность моих отношений к ней, основанную исключительно на ее желании обеспечить мне возможность всецело предаваться моему композиторству, если ты вспомнишь, что лично мы с ней [не] знакомы, то полагаю, что простишь мне, если я не имею гражданского мужества отказываться от средств, идущих из столь симпатичного мне источника. Да я и не мог бы отказаться от них, не причинив ей смертельной обиды. Тем не менее я совершенно понимаю, что в первую минуту ты, может быть, будешь неприятно поражен этим известием. Во всяком случае это должно остаться тайной от всех, кроме тебя, Саши и двух младших братьев. Я повел этот разговор к тому, что, будучи богатым, странно было бы, чтоб я жил у Вас даром. Я знаю, что и это тебя в первую минуту рассердит. Но подумай, голубчик, что нельзя мне с человеком питаться, освещаться, отопляться, омываться и т. п. даром в течение нескольких месяцев в году, т. е. бо́льшую часть года во всяком случае. Не знаю, в какой форме устроить это, но устроить необходимо, ибо мысль, что я живу на даровщинку, стесняла бы меня. Кроме того, чтобы покончить с денежными расчетами, скажу тебе, что в течение будущего лета я во что бы то ни стало уплачу тебе весь мой долг.

Вчера для меня был очень приятный день — я кончил начерно сполна всю свою оперу, от которой, надеюсь, если по-

счастливится поставить ее на театре, больших благ для себя как в отношении упрочения своего имени, так и в отношении материальном.

Мне осталось жить здесь еще несколько дней, после чего поеду сначала в Берлин, где проведу дня два, и потом в Петербург. Признаюсь тебе, что я не могу думать о возвращении в Петербург без отвращения и ненависти к этому городу, но вместе с тем мне ужасно хочется видеть братьев, Папу моего милого, Анну, ну, словом, несколько бесконечно дорогих для меня людей, которые, как будто на зло мне, живут в отвратительном чухонском болоте, называемом С.-Петербург. Зато к Вам меня тянет ужасно. Как ни мало симпатична мне самая Каменка, но в конце концов она все-таки деревня, а уж жить у Вас мне до того приятно! Как я был счастлив, получив п и с ь м о от Бобика. Начертанные им строки были покрыты поцелуями. Как мне хочется поскорей увидать горделивоизящную Татьяну, благоуханную фиалку Веру, аппетитный свежий огурчик из грядки — Тасю, воинственного и рыцарского Митю, поэтического Бобика и, наконец, несравненного Уку, а также прекрасных родителей сего юного поколения. Очень будет приятно приехать к Вам. Если Толя меня отпустит или поедет со мной, то прибуду к пасхе, если же нет, то тотчас после пасхи. А пока нежно всех Вас обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Я почему-то твердо надеюсь, что мальчики не будут болеть. Письмо Miss Eastwood получил и книги куплю.

В твоей ответной телеграмме сказано, что ты ожидаешь меня «jour parquet»!

465. А. И. Чайковскому

Париж,
24 февраля/8 марта 1879 г.

Я теперь совсем примирился с Парижем и эти последние дни провожу весьма приятно. Причины сему две: 1) совершенное окончание оперы и сюиты, так что могу предаваться безусловной праздности; 2) чудная, совсем летняя погода. Признаться, я не без некоторого ужаса думаю о том, что в Питере застану еще зиму, а если не ее, то треповскую весну, которая всего гаже. Вообще нужна вся моя любовь к тебе и другим близким, чтобы я мог превозмочь в себе б е з г р а н и ч н у ю, решительно неискоренимую во мне антипатию к Петербургу. Уж конечно, не будь вас там, я бы носа не показал на берегах Невы.

Ты бы очень смеялся, увидев меня здесь. Я хожу по улицам в новом сером пальто (demi-saison), в изящнейшем цилиндре, на шее красуется шелковый plastron с коралловой булавкой, на руках лиловые перчатки. Проходя мимо зеркальных простенков на Rue de la Paix или на бульварах, я непременно остановлюсь и полюбуюсь собой. В стеклах магазинов также наблюдаю отражение своей изящной особы. Вообще на меня нашла (что со мной и прежде бывало) теперь мания кокетства. Лелею сладкую мечту купить себе хорошую золотую цепочку и таковую же булавку. Сделал себе новую пару платья и заказал дюжину рубашек. Деньги летят, и через несколько дней у меня не будет ни одного франка в кармане, но это ничего не значит, ибо меня ожидает получение от Надежды Филаретовны. Гуляя сегодня, взял себе место в спальном вагоне до Кельна на среду 28 числа. Таким образом, в четверг 1-го я буду в Берлине, откуда выеду в воскресенье вечером и, следовательно, во вторник заключу тебя в свои объятия. Впрочем, ты в свое время получишь телеграфическое извещение, но, пожалуйста, не забудь, голубчик, приготовить мне удобное и приятное помещение, нимало не заботясь о деньгах, ибо люди с моим состоянием о таких глупостях не думают.

Вчера наконец видел «Assomoir»[1]. Скажу тебе, что пьеса эта смотрится, конечно, с интересом, ибо всякому любопытно видеть, как во второй картине прачки стирают белье, в шестой картине все пьяны, в восьмой человек умирает от delirium tremens*. К тому же, все это исполняется идеально хорошо. Но тем не менее пьеса эта вдвойне антихудожественна; во-первых, потому, что она почерпнута из безобразного, хотя и даровитого романа, а во-вторых, дабы удовлетворить вкусу бульварной публики, роман искажен и к нему прибавлен мелодраматический элемент очень комического свойства. Виржини обратилась в пьесе в какую-то олицетворенную мстительность и порочность, и в последней картине муж поражает ее кинжалом в спину для того, чтобы порок был наказан. Ну, словом, «Assomoir» пьеса в сущности скандальная и успех ее основан на любви парижан к скандальностям. Zola давно уж мне стал противен. Но с тех пор, как я увидел торчащую на всех магазинах его карточку, изображающую необыкновенно противную, нахальную и самодовольную физиогномию его, и с тех пор, как я увидел эту пьесу, где сей жрец реализма допустил совершенно нереальные прибавления, ради большого эффекта, к своему

* белой горячки

сюжету, он мне стал просто гадок, и отныне уж, конечно, ни единой минуты своей жизни я не посвящу на чтение его паршивых мерзостей. Третьего дня я тоже был в театре Variétés и видел очень забавную пьесу: «Le Grand Casimir». Новизна сюжета ее состоит в том, что она изображает закулисную жизнь мира циркового, т. е. наездников, наездниц, укротителей зверей, клоунов и т. д. Это очень весело. Сегодня мне предстоит концерт, посвященный исключительно Берлиозу, а завтра я буду слушать свою «Бурю». Это будет для меня или большое удовольствие, или большая неприятность. Если исполнение будет хорошее, то я испытаю большое наслаждение, ибо в первый раз в жизни мне придется слышать свое произведение, быв уверенным, что, кроме Надежды Филаретовны, ни один человек из публики не будет знать, что я при этом присутствую. Если же будут играть плохо, то буду злиться. Что касается успеха или неуспеха, то об этом я и не думаю. Можно заранее предсказать, что успеха не будет, и я совершенно равнодушно отношусь к этому вопросу, тем более, что я тут не причем. В афишах под моим именем стоит professeur du conservatoire de Moscou *, и следовательно, и я могу считать себя в Москве, а из Москвы парижский неуспех будет мне казаться вопросом очень третьестепенной важности.

Сегодня суббота. В понедельник я напишу Модесту, может быть, в среду небольшое письмецо тебе, а затем писем от меня более не будет.

Крепко обнимаю и целую. Купил сегодня тебе и Модесту по три галстука.

Твой П. Чайковский.

466. М. И. Чайковскому

Париж,
26 февраля/10 марта 1879 г.

Вчера был день сильнейших волнений. Утром был концерт в Châtelet и исполнение «Бури». Испытанные мною терзания служат сильнейшим доказательством того, что мне не следует жить иначе, как в деревне. Даже то, что прежде было сильнейшим для меня наслаждением, т. е. слушание своих сочинений, сделалось источником лишь одних мучений. Условия, при которых я слушал «Бурю», казалось бы, обеспечивали мне совершенное спокойствие. Не тут-то было. Уже накануне вечером у меня начался понос и тошнота. Вплоть до самых

* профессор Московской консерватории

первых аккордов волнение мое шло с утра все crescendo, а когда играли, то мне казалось, что я сейчас, сию минуту умру, до того у меня болело сердце. И волнение было совсем не оттого, что я боялся неуспеха, а потому, что с некоторых пор каждое новое слушание какого бы то ни было моего сочинения сопровождается сильнейшим разочарованием в самом себе. Как нарочно, перед «Бурей» играли реформационную симфонию Мендельсона, и я все время, несмотря на страшную эмоцию, удивлялся чудному мастерству его. У меня нет мастерства. Я до сих пор пишу, как не лишенный дарования юноша, от которого можно многое ожидать, но который дает очень мало. Всего более меня удивляет, что мой оркестр так плохо звучит! Конечно, мой разум говорит мне, что я несколько преувеличиваю свои недостатки, но это меня плохо утешает. Исполняли «Бурю» весьма недурно, хотя и не первостатейно. Темпы были безусловно правильны. Мне казалось, что музыканты играли старательно, но без увлечения и любви. Один из них (виолончелист), с которого я почему-то ни на минуту не отводил глаза, улыбался и с кем-то как будто переглядывался, как бы говоря: «Извините, что мы вам преподносим столь странное блюдо, но мы не виноваты: велят играть — и играем!» Когда кончились последние аккорды, раздались довольно тщедушные аплодисменты, потом как будто собрался новый залп, но тут раздались три или четыре весьма громких свистка, и засим зала огласилась криками: Oh! Oh!, имевшими значение благосклонного протеста против шиканья, и потом все замолкло. Все это я выдержал без особенного огорчения, но меня убивала мысль, что «Буря», которую я привык считать блестящим моим произведением, в сущности так ничтожна! Я тотчас же вышел. Погода была чудная, и я ходил безостановочно часа два, после чего пришел домой и написал Colonn'y записку, в коей наврал, что был всего один день в Париже и потому не мог быть лично. Записка изъявляет искреннюю благодарность, и в самом деле, он разучил «Бурю» очень хорошо[1]. [...] Я тебе расскажу о том, как я крайне ошибся в некоторых своих расчетах или Надежда Филаретовна ошиблась в своих, — но только дай бог, чтобы у меня хватило денег добраться до Берлина. Я уже написал Юргенсону, чтобы он по телеграфу выслал мне перевод на банкира в Берлин в пятьсот марок, чтобы добраться до Петербурга.

Мне необходимо поскорей уехать и безотлагательно, я выезжаю послезавтра в среду. Что касается неуспеха «Бури», то это у меня ушло на задний план и уже сегодня мало сокрушает. Т. е. я говорю о том неуспехе, который она

произвела во мне. Я помирился с этим обстоятельством на том, что после оперы и сюиты я наконец напишу образцовое симфоническое сочинение. Итак, до последнего моего издыхания я буду, должно быть, только стремиться к мастерству и никогда его не достигну. Чего-то мне недостает,— я это чувствую, но делать нечего.

Голова больше не болит. Погода чудная, и я совершенно разгулялся. Завтракал в шикарном ресторане. Посылаю тебе вырезку из газеты о вчерашнем концерте. Газета эта «Paris Journal»[2].

Целую.

Твой П. Чайковский.

Покажи Толе это письмо. [...]

Насчет Абазы, я решительно отказываюсь быть у нее.

467. А. И. Чайковскому

Париж,
28 февраля/12 марта 1879 г.

Сегодня еду, мой дорогой и милый братик, и через несколько дней буду в твоих объятиях. Еду в прекрасном расположении духа, несмотря на крайнюю скудость денег! Да! представь себе, что я страшно зарвался, что я рассчитывал на такие получения, которых не оказалось. Принужден был телеграфировать Юргенсону, чтоб прислал мне денег в Берлин. В Петербурге мне тоже необходимы будут деньги. Не можешь ли где-нибудь достать мне рублей триста до 1-го апреля? Не может ли дать их Коля? Или нельзя ли достать у Конради? 1-го апреля я получу тысячу рублей от Надежды Филаретовны. Кроме того, мне, вероятно, что-нибудь дадут из Москвы за «Онегина». Кстати об «Онегине». Я получил третьего дня телеграмму от Юргенсона, из которой узнаю, что в субботу в первый раз шел «Онегин» целиком на репетиции с оркестром, что все идет отлично и что неминуемо представление состоится 17-го марта. Я решился во что бы то ни стало ехать и присутствовать на представлении incognito. Разумеется, и ты, и Модест тоже поедете. Имей это в виду.

Посылаю тебе вырезку из газеты, из коей ты усмотришь, что по свойственному мне обычаю всякие неудачи видеть в преувеличенном свете, «Буря» совсем не так ужасно провалилась. Оказывается, что шикал всего один господин и что он же шикал Сен-Сансу[1]. Я вполне помирился с этим неприятным происшествием. [...]

Еще немножко неприятно то, что я боюсь, что нехватит денег доехать до Берлина! Как давно я уже не был в таком положении.

Я читаю в первый раз в жизни «Les confessions» Руссо. Ах, что это за неподражаемая книга! Есть места, которые меня просто изумляют. Он высказывает вещи, которые мне удивительно понятны и о которых я никогда ни с кем не говорил, ибо не умел их выразить, и вдруг нахожу полнейшее их выражение у Руссо!!

Из Берлина я буду тебе телеграфировать о дне и часе выезда и приезда в Питер. Целую тебя, милый.

П. Ч.

468. Л. В. Давыдову

Петербург,
12 марта 1879 г.

Милый мой Лева!

Вчера получил твое письмо, доставившее мне много удовольствия. Несказанно рад устройству своего будущего жилья у Вас и вполне им доволен. Благодарю тебя, голубчик!

Я здесь уже четвертый день. Не стану тебе говорить о том, до какой степени радость свидания с милыми и близкими людьми отравлена для меня прелестями петербургской жизни. Ты это лучше, чем кто либо, понимаешь. Когда я прочел в конце твоего письма к Толе твои слова о невыразимой прелести ощущений, которые ты испытываешь, выезжая в поле, нюхая запах оттаивающего поля и смотря на полет журавлей к северу, то у меня навернулись слезы. Да! ненавистнее Петербурга нет ни одной точки на земном шаре. Тем не менее я вряд ли попаду к Вам ранее половины апреля. В субботу 17-го марта в Москве идет мой «Онегин», и мне непременно хочется прослушать его [1]. Я думал было после этого поехать прямо в Каменку, но уж больно жаль бросить братьев, с которыми только что увиделся, чтобы опять надолго расстаться. Поэтому я вероятно вместе с братьями (которые едут в Москву на «Онегина») вернусь в Питер и проведу здесь святую. Чтобы помирить мое желание поскорее вырваться из Петербурга с потребностью сердца подольше прожить с братьями, мы строили планы всем вместе поехать на святую в Каменку. Но это представляет тысячу неодолимых препятствий, так что в конце концов всего удобнее оказывается, вернувшись из Питера, пробыть до конца фоминой здесь. Кстати, и мое жилище будет готово как-раз к тому времени.

Я до сих пор еще не видел Анны [2]. Сегодня отправляюсь

к ней. Если не ошибаюсь, о скарлатине беспокоиться нечего. Там, как говорят Карцовы, была всего одна больная, которая уже выздоравливает. Впрочем об этом Маля уже написала Вам, вероятно, подробно.

Я нашел нашего старичка Папашу здоровым, но несколько более слабым, чем он был осенью. Ему ехать теперь в самом деле нельзя. Братья оба здоровы и оба устали от Петербурга и желали бы поскорее вырваться. Впрочем, Толя теперь несколько увлечен своими великосветскими успехами. Он познакомился с княгиней Белосельской, гр. Адлерберг и т. п. звездами фешенебельного мира, которые очень благосклонны к нему. Вчера он весь день провел в этом кругу.

Не буду тебе описывать убийственно горького впечатления, вынесенного мною из похорон бедного маленького Бутакова. Горе обоих родителей положительно раздирало сердце. Дай бог, чтобы Вера Васильевна могла поскорее выбраться отсюда.

Прощай, голубчик Лева. Крепко целую Сашу, всех детей и тебя. До свиданья,— к сожалению, не очень еще скорого. Буду в Каменке после 10-го.

Твой П. Чайковский

469. А. И. Чайковскому

Москва,
4 апреля [1879 г.]

Толя, мой дорогой!

Ничего путного отсюда написать тебе не могу.

Я совсем завертелся и жду — не дождусь часа отъезда. Напишу из Каменки. Здоров совершенно.

Целую тебя.

Твой П. Чайковский.

Крепко, крепко тебя обнимаю.

Антонине Ивановне написал в Петербург.

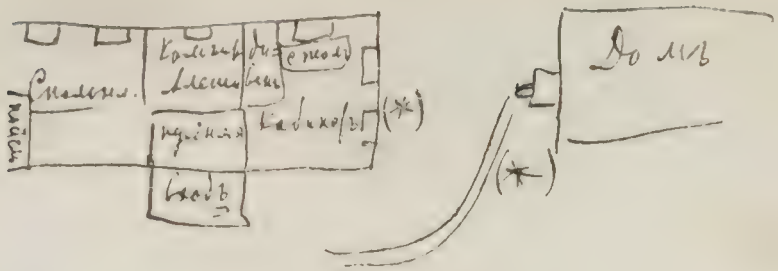
470. А. И. Чайковскому

Каменка,
9 апреля [1879 гг]

Милый Толичка! Вот точное описание всего бывшего в последнее время. В Москве скучал, томился и бесился. Накануне отъезда ко мне ворвалась совершенно неожиданно г а д и н а вместе с своей сестрицей и просидела часа два. На этот раз я был менее умен, чем в Питере, горячился и раздражался, но все-таки ни разу не вышел из себя. Когда я ей сказал и несколько раз повторил: н и к о г д а, н и к о г д а и н и з а ч т о

на свете, то вместо слез и истерик она перешла совершенно неожиданно к вопросу об обеспечении. Я выразил удовольствие, что дело перешло к цифрам, и после разных ее намеков на М-me Мекк (которая, по ее словам, подсылала к ней с предложением больших денег) спросил решительно, сколько ей нужно. Ответ: пятнадцать тысяч. По ее словам, эти деньги ей нужно, чтоб навсегда покинуть Россию, где на нее все странно смотрят и где поэтому она не может работать. Она желает переехать заграницу, дабы предаться музыке. Я отвечал, что денег этих у меня нет, но что я рад узнать, чего она желает. Она пробовала опять возвращаться к прошлому, говорила, что один камень мог не быть тронутым ее петербургскими сценами, но встретила с моей стороны энергический отпор и совершенное нежелание выходить из области цифр. Я имел неосторожность сказать, что кроме пенсии буду иногда выдавать экстраординарные субсидии, и позволил в случае особенной нужды обращаться ко мне. Наконец она ушла. Я был довольно расстроен, но за обедом с Кондратьевым у Патрикеева хорошо ел и пил и возвратился часов в девять домой совершенно спокойный. Здесь я нашел записку гадины, в которой она говорит, что истратилась в Петербурге и что ей нужно пятьдесят рублей. Имел слабость послать ей двадцать пять.

На другой день уехал. Денег оставалось у меня очень мало, и поэтому я разозлился, когда узнал, что у Модеста всего сорок рублей, тогда как я просил тебя выдать ему сто. Но все уладилось отлично. Дервиз (вследствие моего письма) дал нам два отделения в вагоне прямого сообщения и даровые билеты на Курско-Киевскую дорогу. Ехали мы очень удобно и приятно, но меня страшно терзал невероятно мучительный зуд во всем теле. Оказалось, что это крапивная лихорадка, которая была следствием нервного раздражения. В Фастове встретили Бернатовича, который велел прицепить нам отдельный вагон. Подъезжая к Каменке, я почувствовал совершенное облегчение, и все мои опухоли от крапивки внезапно прошли. Теперь я совершенно здоров. Ты не можешь себе представить, что здесь за чудная погода — совершенное лето. Озимые хлеба чудно зеленеют, фиалок и цветов масса, соловьи уже поют,— ну, словом, чудно. Всех нашел здоровыми, но у Саши вчера вечером болел немного бок. Детки после кори поправились, хотя еще худы и бледны. Таня бритая, но очень похорошела. Квартирка моя устроена чудесно и очень удобно. Модест и Коля поместились не у меня, так что мне просторно. Вот план:



Сейчас написал гадкое письмо о том, что мне нужно сперва собрать сведения о том, могу ли быть обеспеченным от ее приставаний, если капитализирую пенсию, и что окончательный ответ дам позднее. Писать мне письма запретил ей. Завтра начну заниматься. Сейчас пойду гулять в Тростянку. Целую тебя как можно крепче.

Твой П. Чайковский.

471. А. И. Чайковскому

Каменка
12 апреля [1879 г.]

Как мне хорошо здесь, мой милый Толичка! Погода стоит чудная, и я ежедневно совершаю прогулки в Тростянку. Лес начинает одеваться, соловьи поют во всю мочь, небо чисто и ясно! Какое несчастье только, что Каменка так бедна прогулками, что Тростянка так далеко, что нужно каждый раз, зажимая нос и стараясь не дышать, проходить через местечко!

Время проходит следующим образом. Встаю в восемь часов. После чая занимаюсь в своем миленьком кабинетике. В двенадцать часов завтракают. Опять занимаюсь. В три часа иду гулять. В пять обед. После того брожу около дома и наслаждаюсь чудным предвечерием — любимейший час дня моего. Чай пьют в восемь часов и потом сидят в гостиной, болтают, играют в карты, наконец, в двенадцать часов расходятся. Сон у меня теперь чудесный.

Вчера пришли сюда все мои вещи, т. е. книги, ноты, картины и т. д. Теперь все уже стоит и висит на своем месте. Таня необыкновенно мила. Я не помню, чтобы она когда-нибудь производила на меня такое хорошее впечатление. Немножко беспокоит меня Саша. Она имеет какой-то усталый и утомленный вид. Впрочем, ничего особенного нет. Юрий до

---

* Тут был прежде подъезд, который уничтожен. *(Прим. Чайковского.)*

того обворожителен, что описать его нет никакой возможности. Главная характеристическая черта — необыкновенная серьезность и положительность. Например, Модест подарил ему красный карандаш, а он потерял его. За обедом Модест спрашивает: «Где карандаш?» Юрий отвечает: «Его взял Петя!» Я никогда и не думал его брать и поэтому протестую. Юрий совершенно серьезно говорит: «К о н е ч н о, т ы в з я л у м е н я с к о м о д а!» Споров он не допускает. Бобик немножко бледен и очень худ после кори. Miss И с т в у д попрежнему или молчит, или смеется и краснеет. Коля Конради по обычаю целый день производит то, что на его языке называется с о у с, т. е. все ломает, всех толкает, везде суется,— но зато он до того мил со всеми, ласков, забавен, что сердиться нет возможности. Третьего дня у нас было представление: какой-то негр давал сеанс фокусов, и очень недурно. В большом доме был несколько раз. Начал заниматься, и сюита моя наконец стала решительно близиться к концу. Жду с нетерпением известия о твоих каникулах. Вчера получил твое большое письмо. Читал его с наслаждением, но желал бы, чтобы поскорее прошла твоя вторичная влюбленность в Александру Валерьяновну. Жду с нетерпением дальнейших известий.

Целую крепко.

Твой П. Чайковский.

472. А. И. Чайковскому

Каменка,
16 апреля 1879 г.

Если б я не боялся возбудить в тебе зависть, я начал бы с того, что описал бы тебе, как чудно теперь хорошо здесь, какие бывают великолепные утра, какие непостижимо красивые заходы солнца и лунные ночи с соловьями, как деревья распускаются, какие иногда со мной бывают экстазы вследствие всех этих прелестей! Но мне жаль тебя, бедненького, и поэтому умолкаю. Я чувствую себя превосходно как в физическом, так и в моральном отношении; ем, сплю отлично, занимаюсь успешно — ну, словом, нельзя желать более приятной жизни. Разумеется, иногда приходится пожалеть, что Каменка такая жалкая и бедная в отношении красот природы, но красоты весны так обаятельны, что я забываю [...] вонь завода и т. д. Сейчас совершил огромную прогулку. Обедали сегодня мы все у Бирюковых. Был, как всегда, пирог с капустой и вообще обед такой же вкусный и аппетитный, как и сама Дарья Александровна. После того отправился в Рудню, а оттуда берегом

Тясмина почти до Пляковки. Что это была за прелесть! В Тростянке бываю почти ежедневно. В лес пока еще не ездили. В Вербовку не поедут совсем. Это мне очень грустно, но делать нечего. С нетерпением ожидаю от тебя известий: 1) о любви и 2) о твоем отпуске. Мне нужно это знать, чтоб сообразить о своей поездке к Кондратьеву, где я хочу непременно погостить недели две.

Перехожу к делу. Узнай, голубчик, обстоятельно следующее. Имею ли я возможность, дав Антонине Ивановне вместо пенсии капитал, обеспечить себя навсегда от ее приставаний и денежных претензий, не прибегая при этом к разводу, которого она не хочет и которого я сам боюсь, если принять в соображение, что она может наделать скандала при ведении дела. Можно ли взять с нее формальную подписку в том, что она вполне удовлетворена? Спрашиваю это не потому, чтобы в моем распоряжении были деньги, но Надежда Филаретовна может мне предложить их, и я очень бы не прочь навсегда отделаться тем или другим способом от гадины. Как мне ни хорошо здесь, но это только потому, что я наверное здесь ее не встречу. Петербург и Москва, как показал опыт, для меня закрыты до тех пор, пока я не вполне покончил с ней мои расчеты.

Я написал Юргенсону, чтобы он прислал мне пианино. С ужасом вижу, что денег, которые я получу в течение лета, нехватит на все мои нужды. Господи! когда я, наконец, буду благоразумнее? Представь, что у меня теперь всего несколько рублей, и я не имею возможности сделать себе летние платья!

Жду с нетерпением твоего письма. Нежно обнимаю тебя. Володе поклон.

Твой П. Чайковский.

473. А. И. Чайковскому

Каменка,
21 апреля [1879 г.]

Вчера получил твое письмо с описанием истории письма к Александре Валериановне. Нечего и говорить, что письмо это я читал с невыразимым интересом и волнением,— но ты поступил безжалостно! Ведь ты остановился на самом интересном месте! С беспокойством и лихорадочным нетерпением жду продолжения. За самое написание письма весьма тебя хвалю. Это очень умно, ибо тот или другой конец,— но какой-нибудь конец нужен. Надеюсь, Толичка, что ты не падешь духом в случае неблагоприятного ответа! Впрочем, унизительного для твоего самолюбия в ее отказе ничего не будет. Что касается

р а н сердца, то ты по опыту знаешь, что они излечимы и что в р е м я могущественное средство против подобных бедствий.

Мы провели последние дни в тревоге. Саша, несмотря на то, что все последнее время недомогала, собралась внезапно в Киев по поводу французской гувернантки, которую там для нее нашли. Три дни тому назад она уехала, а на другой день пришла от нее телеграмма с извещением, что она н е м н о ж к о н е з д о р о в а, и с просьбой к Леве приехать за ней. Лева в тот же вечер уехал. Вчера мы целый день ждали от него обещанной депеши о состоянии Сашиного здоровья. Особенно Т а н я бедная очень тосковала. Депеша пришла сегодня утром. Он сообщает, что Саше лучше и что сегодня они выезжают. Конечно, ничего ужасного во всем этом нет, но случай этот подтверждает общее мнение, что Саше необходимо полечиться и отдохнуть. Мы с Модестом и с Таней решились энергически требовать, чтобы Саша отправилась в Карлсбад. Она страдает печенью и кроме того утомлена и имеет страшно расстроенные нервы — последствие петербургской жизни и болезни всех детей.

Весна делает исполинские успехи. Сирени начинают распускаться, и ландыши уже слегка показываются. Все это было бы чудесно, если бы не было все-таки маленьких беспокойств, мешающих полноте счастия. Между прочим, и твой роман меня слегка беспокоит. Как я бы хотел поскорее узнать его развязку, а также насчет твоего отпуска. 1-го мая я еду в Браилов и останусь там около недели. Дальнейшие планы не разъяснены. Они требуют соображения с твоими. Здесь предстоит целый ряд торжеств. Сегодня именины Александры Ивановны, послезавтра Сашины, 24-го рожденье Юрия, 25-го мое, 1-го Модестино.

Вчера получено извещение, что Саша Переслени наконец объявлена невестой. Целую несчетное число раз.

Твой П. Чайковский.

Сегодня, вероятно, кончу сюиту.

474. А. И. Чайковскому

Каменка,
23 апреля [1879 г.]

Толичка! Merci за полученное вчера чудесное, длинное и интересное письмо. Очень радуюсь, что рецедив любви прошел. Я полагаю, что будет очень хорошо, если ты в течение некоторого времени не будешь видеться с предметом страсти. Но только все-таки очень хотелось бы знать, дошло ли письмо

непосредственно к ней и какое произвело на нее впечатление? Теперь мне остается желать для твоего благополучия, чтобы поскорее определилось время твоего отпуска и чтобы поскорее настал и самый отпуск.

Третьего дня вечером Лева с Сашей воротились. Оказалось, что она, приехав в Киев, целый день провела в бесконечных хлопотах и покупках, очень устала, вечером была в гостях у княгини Друцкой и, возвращаясь от нее, испытала большой страх, ибо извозчик вез ее по каким-то пустырям и она вообразила, что он затевает что-то недоброе. Приехавши домой, она почувствовала страшный упадок сил, нервную боль в ногах, тоску, и все это разразилось истерическим припадком. Михаил Васильевич, у которого она останавливалась, съездил за Штраусом, который ее успокоил. Она заснула. Но на другой день у нее появилась боль в ногах, которая и теперь ее не покидает. Вчера она провела день довольно хорошо, т. е. сидела и за завтраком и за обедом вместе с нами, но к вечеру была очень слаба и ночь провела дурно. Сегодня ее именины,— она сидит в гостиной, принимает гостей и вообще ей лучше. Тем не менее состояние ее здоровья требует серьезных мер. Она сегодня сама заговаривает о поездке за границу. Серьезные разговоры по этому поводу поведутся, когда она несколько оправится. Я сужу об ее состоянии по себе и знаю, что, будучи так нервно раздражен, как она, я бы и дня не мог выжить в этой тесноте, шуме детей и вечной суете.

Поздравь меня! Я кончил наконец с ю и т у и имею право приступить к опере, что я и сделаю на-днях.

Продолжай, голубчик, писать мне столь же часто, много и интересно, как теперь. Твои письма теперь сделались образцом эпистолярного стиля.

Зовут чай пить. Целую тебя.

П. Чайковский.

Я убил сегодня к о п ч и к а.

В ту минуту, как запечатываю письмо, Саша чувствует себя совсем хорошо.

475. А. И. Чайковскому

Каменка,
28 апреля 1879 г.

Милый мой Толя! Давно что-то нет от тебя известий. С нетерпением жду их. У нас здесь все благополучно. Поверишь ли ты, что Саша, которая неделю тому назад приехала сюда больная и изнеможенная, сегодня едет на свадьбу и бал к Трипольским. Теперь идут деятельные приготовления. Обе

они, т. е. Саша и Таня, надевают те платья, в которых они красовались в Дворянском собрании. Трипольские были с Сашей почему-то в ссоре, но к свадьбе им, вероятно, понадобились эффектные дамы, и вот пошли письма с испрашиванием прощения, с визитами и т. д. Ну, словом, нельзя было отказать, да кстати Тане захотелось блеснуть своими красивыми чертами и туалетом. Я вчера и третьего дня слегка прихворнул и, может быть, разболелся бы довольно серьезно, если бы не перемогался. Теперь совсем хорошо. Но, боже, какая сегодня ужасная погода, совсем настоящая каменская. Ветер дует с таким усердием, как будто получает за это огромное жалованье, окна трещат, влетает пыль и садится на все предметы, находящиеся в моей комнате, начиная с носа и кончая чудным букетом ландышей, красующимся у меня на столе. Ландыши эти мы срывали вчера в Тарапуне, куда ездили с чаем. Я невыразимо наслаждался, несмотря на лихорадочный озноб и ломоту в членах. Наталья Андреевна ставила и раздувала самовар, мы лежали, вдыхая в себя аромат леса и только что созревших ландышей. Я думаю, что нет более идеальной формы благополучия, как быть в хороший день в лесу и пить чай, лежа на траве. Рождение мое сопровождалось некоторым торжеством, т. е. едой пельменей и поездкой в Тростянку. Тростянка — единственная прогулка, которая мирит меня с каменским местоположением. Почти каждый день я там бываю. Если б ее не было, то мне кажется, что я не мог бы жить летом в Каменке. Ведь в лес ездят редко, а для меня день без леса — не день, а скука. Зато мне очень хорошо и удобно в моей здешней квартирке. Особенно вечером, когда зажгу лампу и сижу с книгой на диване, она очень уютна. Днем она слишком доступна для Мити, Коли и вообще детей, которых я обожаю, но которые иногда нарушают мои занятия. Ах, Толичка! Если б ты знал, что такое Юрий! Он решительно не поддается никакому описанию. Это такая оригинальная прелесть, такой невероятный юмор! Целый день он проделывает разные штуки и говорит вещи, от которых я иногда надрываюсь с хохоту. Вместе с тем он красоты необычайной! Но он не мешает нисколько Бобику производить обычное обаятельное впечатление. Бобик — маленький поэт. Он целый день рвет цветы, восхищается цветами, солнцем, птичками. Модест остается здесь еще до начала мая. Коля очень мил. Отчего ты насплетничал Алине Ивановне, что будто я жаловался на дурное поведение Коли? Напротив, он стал необыкновенно мил и нисколько не с о у с н и ч а е т.

Целую множество раз.

Твой П. Чайковский.

476. А. И. Чайковскому

1879 г. апреля 30. Каменка. Каменка.

Толя! Я написал было сегодня утром письмо к г а д и н е, но, по совету Моди, раздумал посылать его. Прилагаю его здесь [1]. В случае, если ее поверенный явится, говори с ним в смысле моего письма. А главное, прости, голубчик, что смущаю тебя этим подлым делом. Очень тороплюсь и ничего не пишу. Как ты обвинял 24-го? За длинное интересное письмо спасибо и тысяча поцелуев.

Твой П. Чайковский.

477. А. И. Чайковскому

Браилов,
4 мая 1879 г.

Тотоша! Прежде всего расскажу тебе следующее обстоятельство. 1-го мая я ходил сам на каменскую станцию, чтобы отправить тебе поздравительную телеграмму от нас всех [1]. Третьего дни, приехавши на станцию, чтобы направиться сюда, я был очень изумлен, когда ко мне подошел телеграфист и показал служебную депешу из Петербурга, в коей было сказано, что за неуказанием фамилии адресата телеграмма не могла быть доставлена. Оказалось, что я очень точно обозначил твой адрес, но не назвал тебя ни по имени, ни по фамилии, а помощник телеграфиста, принимавший депешу, по неопытности не указал на сие опущение. Итак, знай, что мы 1-го мая о тебе думали.

Последние дни в Каменке я был немножко расстроен, и это было всеми замечено. Причина — письмо г а д и н ы. Только теперь, приехавши сюда и предаваясь отдохновительному бездействию, я понял, что в сущности следует скорей радоваться. Но представь, что я до сих пор еще имею слабость з л и т ь с я и б е с н о в а т ь с я по поводу безумия гадины, тогда как отлично знаю, что она вполне невменяема и что мне следует только добиваться с в о б о д ы, не обращая ни малейшего внимания на все ее пакости. Вот еще что я скажу тебе по этому поводу. Р а з в о д, несмотря на всю тягость процедуры, вещь столь желательная, что я даю тебе полномочие, в случае если ты это найдешь нужным, даже отступиться от моего решения не давать ей денег. Итак, если ее поверенный явится и ты заметишь из хода переговоров, что нужно дать денег, то давай их, но только торгуйся. Нет сомнения, что Надежда Филаретовна даст мне сколько нужно,

но я хотел бы не злоупотреблять ее бесконечной щедростью. Поэтому уж если давать деньги, то следовало бы дать то, что остается из десяти тысяч, если вычесть из этого расходы. В крайнем же случае можно дать даже и десять тысяч целых,— но уж ни в каком случае не больше. Если он произнесет имя М-me Мекк, то засмейся и скажи, что М-me Мекк мне делала иногда заказы и хорошо платила, но из сего не следует, что она может давать мне взаймы по нескольку тысяч, а что деньги дает мне тот же Лев Васильевич.

Здесь я нашел все на своем месте. Странное дело! Мне на этот раз очень не хотелось сюда ехать, хотя я в душе и сознавал, что несколько дней одиночества среди чудной здешней обстановки будут для меня очень полезны. Но, приехавши сюда, ощутивши, войдя в дом, характеристический его запах, увидавши все знакомые предметы и лица, бывшие в прошлом году свидетелями чудного состояния духа, в коем я находился в оба мои посещения Браилова, я тотчас почувствовал себя хорошо. После чудеснейшего ужина и чая я побродил по комнатам, по саду, потом заснул крепким, хорошим сном и сегодня встал бодрым, покойным и довольным. Меня очень сокрушает, что я в рассеянности забыл тебе написать, чтобы ты одно письмо адресовал сюда. Теперь уже поздно, если ты сам не догадаешься следующее письмо адресовать сюда, или если ты забыл адрес, то нечего делать — придется остаться без известий о тебе до Каменки, в которой я буду 13-го или 14-го числа. А между тем мне ужасно хочется поскорей узнать, когда ты получишь отпуск! Читал в твоем дневнике, как ты ежедневно суетишься и пьешь то водку с Ларошем, то коньяк с Литке,— я бешусь и хочу, чтоб как можно скорее ты мог на-время вырваться из этого омута. Кстати и раны твоего сердца скорее залечатся. Для разнообразия я хочу, чтоб ты ехал не прямо в Каменку, а сначала к Кондратьеву, где и меня найдешь. Но мне необходимо сначала узнать, когда ты высвободишься. Если обстоятельства сложатся так, что ранее июля тебе нельзя будет выехать, то постарайся пожалуйста побольше сидеть дома, поменьше таскаться. Даже и против выпивки в трактире я ничего не имею, если это делается изредка и умеренно. Всего хуже то, что ты каждый день мотаешься с места на место и что ты такой раб всяких заискиваний, приглашений и посещений. Модест в этом отношении молодец. Он в Петербурге ни у кого не бывает, а из деревни никому не пишет. Вот чему я завидую! Господи, как я бы желал иметь возможность менее писать письма! Впрочем, это до писем к тебе не относится.

Сейчас сделал чудесную прогулку по парку. Но погода нехороша — дует холодный ветер. Представь, что в Браилове нет ландышей [2]!

Целую тебя нежно.

Твой П. Чайковский.

478. М. И. Чайковскому

Браилов,
5 мая [1879 г.]

На этот раз я менее наслаждаюсь Браиловым, чем в прошлом году. Мне очень хорошо, я не скучаю, чувствую себя очень здоровым, отлично ем и сплю, гуляю много и с удовольствием,— но нет того, что было в прошлом году, т. е. частых экстазов и ощущений блаженства от пребывания с глазу на глаз с природой. Отчасти причиной этого ветреная погода, отчасти же все еще не сгладившееся впечатление от письма гадины. Впрочем, и то сказать! Книги все пересмотрены или перечитаны, ноты тоже; следовательно, нужно больше чем в прошлом году в самом себе искать элементов для приятного препровождения времени. А в себе я теперь нахожу постоянные и упорные помыслы о разводе, о гадине и т. д. Тем не менее я очень радуюсь, что не взял с собой работы. Мне очень полезно полениться немножко. Вчера совершил поездку в одно из самых прелестных мест — на скалу и пил там чай. К сожалению, погода — шварх, а именно назойливый и довольно холодный ветер. Знаешь еще, что меня бесит? Здесь буквально нет ландышей. Я не вполне доверял утверждениям дворецкого, что во всем уезде нет ни одного ландыша, но вчера в лесу, несмотря на самые тщательные поиски, не нашел ни одного листочка. В Марненгай, т. е. в одичалом древнем монастырском саду, находящемся вблизи дома, их тоже нет и в помине. Вообще меня поражает разница во флоре здешней и каменской. Все травы и цветы, произрастающие в Каменке в саду и в лесах, как-то: крапивы, цикории, лебеды и т. п., находятся и здесь, но здесь они колоссальных размеров, жирные и огромные. Зато сирень еще не распускалась, а ландышей вовсе нет!

В материальном отношении так же хорошо, как и в прошлом году, т. е. великолепно сервированный обед с дивными закусками и винами, так что вчера я даже пьян был немножко. Но до чего меня стесняет служащий мне, впрочем, очень милый, дворецкий! Я все считаю долгом с ним говорить, но в прошлом году я имел неосторожность исчерпать все материалы для беседы с ним! Это отравляет мне мои

здешние гастрономические удовольствия. Сплю великолепно. Дорогой я издержал такую массу денег, что мне нехватает на возвращение, и сейчас буду писать Леве о присылке двадцати пяти рублей, без коих нельзя будет тронуться отсюда.

С грустью помышляю о том, что тебя не будет в Каменке! Половина удовольствия пропадает для меня вследствие отсутствия тебя и Коли. Сегодня буду думать о тебе вечером.

Знаешь, чего недостает Браилову для того, чтобы наслаждение посещать его не сглаживалось от времени? Дом великолепен, роскошно обставлен, заключает в себе много дорогих предметов,— но он слишком нов. Все с иголочки, только что куплено и при том в самом модном вкусе. Это пленяет взоры, но не надолго. Впрочем, мне кажется, что я не совсем в своей тарелке и поэтому склонен к критиканству. Думаю, что стоит ветру перестать выть, сиреням распуститься, и я буду так же блаженствовать, как и в прошлом году.

Читаю с большим удовольствием попавшуюся в шкапу книгу, о которой не имел понятия: «Рассказы из польской старины» Карновича. Вообще я выше оклеветал браиловскую библиотеку, сказав, что все пересмотрено и перечитано. Читать есть что и очень много.

Алеша тоже в этот раз менее доволен, чем в прошлом году. Вчера жаловался, что не дают за чаем масла и что ему по вечерам надоедают беседы с дворецким. Сегодня поедем в мой любимый лес, и я все-таки не теряю надежды найти ландыши. А засим, милый мой Модя, благодарю тебя за прелестный месяц сожития в Каменке, желаю тебе не скучать в Гранкине и обнимаю крепко тебя и Колю. Алине Ивановне кланяйся.

Твой П. Чайковский.

479. А. И. Чайковскому

Браилов,
8 мая 1879 г.

Толичка! Я сокрушаюсь, не получая известий от тебя. Мне столько нужно у тебя узнать! Когда твой отпуск состоится? Когда я что-нибудь решительное узнаю о степени серьезности затеваемого бракоразводного дела? Что ты поделываешь? К чему привело окончательно твое письмо к Александре Валерьяновне, т. е. был ли ты после того у ней и совершилось ли свиданье? Все это меня крайне интересует.

Про себя скажу следующее. По правде говоря, я на этот раз мало наслаждаюсь жизнью [в] Браилове и к ужасу своему замечаю, что в сущности все помыслы мои устремлены к од-

ной главной цели, а именно, как бы *убить время*. И хотя средства убивать время есть и я это исполняю с успехом, но это уж не то. Тщетно стал бы я доискиваться причин моего охлаждения к Браилову. Отчасти это происходит оттого, что я прервал начатую работу и сокрушаюсь о потере времени, отчасти неизвестность относительно будущего, отчасти же я просто уже достаточно насмотрелся на Браилов. Мне осталось прожить здесь еще пять дней. Весьма вероятно, что твое письмо дожидается меня теперь в Каменке. Я плохо сообразил и просил присылать мне только те письма, которые придут до 6-го числа, а сегодня уже 8-е.

В письме, которое я получил вчера от Надежды Филаретовны, она уговаривает меня приступить к делу и не стесняться насчет денег. Я и сам начинаю опять желать развода во что бы то ни стало и не прочь даже заплатить десять тысяч, лишь бы отделаться от гадины навеки. Итак, прими это в соображение на тот случай, что поверенный к тебе явится. Вчера сюда приехал новый управляющий, поляк. Я очень побаивался, как бы он не вздумал нанести мне визита, но, слава богу, он оставляет меня в покое, хотя и живет во флигеле рядом. Вероятно, Надежда Филаретовна сделала ему внушение, чтоб он не соблюдал относительно меня никаких учтивостей. Недавно Надежда Филаретовна обращалась ко мне с просьбой узнать от Левы разные подробности касательно свеклосахарного хозяйства. По поводу этого я имел с Левой разговор, из которого уяснилось, что он очень не прочь сделаться главноуправляющим браиловским, если не сейчас, то в более отдаленном будущем. Как нарочно, она теперь взяла за огромную цену какого-то ляха. Тем не менее я запустил удочку, т. е. вчера написал Надежде Филаретовне, что Лева очень заинтересован ее хозяйством и что в тайне души я иногда мечтаю о том, что он когда-нибудь сделается ее управляющим. Посмотрим, что она на это скажет.

Я сижу без денег. На проезд сюда я взял у Левы 60 р., которые вместе с бывшими у меня 25 р. составили сумму в 85 р. Из них у меня теперь осталось 30, а нужно здесь более 30 роздать на чай и проехать назад. Поэтому я написал Леве, чтобы он прислал мне денег. Боже мой! когда я наконец сделаюсь порядочным человеком и буду иметь всегда деньги! Хочу начать экономничать и прожить в этом году как можно долее в Каменке. Но могу ли я делать планы, когда нахожусь в зависимости от капризов гадины?

Целую несчетно. Володе поклон.

Твой П. Чайковский.

480. М. И. Чайковскому

Браилов,
9 мая [1879 г.]

Милый мой Модя!

Вчера получил твое письмо из Каменки. Очень был ему рад. Рад также думать, что ты уже теперь благополучно в Гранкине. А повесть ты так мне и не прочитал, коварный! Когда-то увидимся, попаду ли в Гранкино?

Надежда Филаретовна в последнем письме предлагает мне прожить значительную часть лета в одном из фольварков, называемом Симаки. Он отстоит отсюда на расстоянии четырех верст. Дом там небольшой, но настолько уютный и удобный, что в нем два раза жила целое лето дочь Надежды Филаретовны графиня Бенингсен с семейством. При доме старый тенистый сад, имеющий, между прочим, ту замечательность, что во всей здешней местности это единственный уголок, в котором растут ландыши. В настоящую минуту передо мной великолепный букет из нас, взятый оттуда. Сад спускается к чудесной быстрой речке. Прямо за домом очень хороший лес. Надежда Филаретовна очень уговаривает меня согласиться на это и обещает устроить мне всевозможные удобства. Если я изъявлю согласие, то она к 15 июню хочет все приготовить и затем надеется, что я проживу во всяком случае не меньше месяца.

Много соблазнительного в этом предложении, но много и неудобств. Главное, мне, во-первых, совестно будет перед каменскими жителями, а во-вторых, и жаль так надолго с ними расставаться. Потом мне неизвестно, когда будет Толин отпуск, неизвестно, серьезно ли на этот раз разрешится мое дело с гадиной, словом, много разных неизвестностей, которые сначала необходимо разъяснить. Поэтому я отвечал Надежде Филаретовне, что как ни благодарен ей за предложение, но решительный ответ могу ей дать только через несколько времени, уже из Каменки. Историческая достоверность требует, чтоб я прибавил, что только через несколько часов по получении письма я нашел в предложении Надежды Филаретовны соблазнительные стороны. В первую же минуту я рассердился. Мне не понравилось, что она вовсе не принимает в расчет, что я люблю своих родных и что мне приятно с ними жить. Во-вторых, мне показалось, что хотя нас будут разделять четыре версты, но все-таки будут говорить чорт знает что и ее же дети (старшие) начнут коситься на наши отношения и распространять про меня всякий вздор подобно тому, как это было с Котеком. Вообще я увидел почему-то в этом пред-

ложении маленькое насилие и стеснение моей свободы. Но само собой разумеется, что она-то предлагает это исключительно, дабы доставить мне случай пожить в прелестной местности и одиноко. Как ты смотришь на это?

Знаешь, Модя, что я в этот раз уже совсем не испытываю того удовольствия, которое Браилов доставил мне в прошлом году. В сущности я с грустью сознаю, что на этот раз я здесь у б и в а ю в р е м я. Убиваю я его хорошо, т. е. читаю, гуляю, ем, играю и во всяком случае не скучаю и не тоскую ни мало. Но в тайне души ожидаю не без некоторого нетерпения дня отъезда. Причин множество. Но все они соединяются в одной: я н е в д у х е и почему-то все это время мало восприимчив к наслаждению природой. Кажется, что я сделал глупость, не взяв с собой партитуры и что в глубине моего н е в д у х и я лежит недовольство собой за то, что партитура бездействует. Прощай, голубчик. Обнимаю и целую тебя и Колю.

Твой П. Чайковский.

481. А. И. Чайковскому

Фастов,
13 мая [1879 г.]

Милый мой Толичка! На меня в последние дни свалились разом три твоих письма. Одно из них огромное, интересное! А я, неблагодарный, пишу тебе только одно это маленькое! Какая скука сидеть в Фастове! Последние дни в Браилове провел приятно благодаря божественной погоде, а также открытию нового, еще не виданного мною леса, который прелестью своей превосходит все, что только можно себе представить. Лес этот сплошь г р а б о в ы й, т. е. поросший деревом, которое называется г р а б. Нет никаких слов, чтоб передать очарованье этого леса! Точно будто это не в реальном, а в каком-то сказочном мире происходит! В первый раз я был там третьего дня, а вчера отправился туда с утра, с обедом. Но, увы, набежала грозовая туча, страшно напугала меня (я был один далеко от нашего лагеря), и пришлось уехать раньше, чем я собирался, т. е. не вечером, а в пять часов, когда наступало самое приятное время.

Тем не менее я рад, ужасно рад ехать домой. Мне ужасно жаль столько даром потраченных дней. Куда бы подвинулась моя партитура, если б я тихо сидел дома? Вообще я в Браилове не скучал, но и не так наслаждался, как в прошлом году.

Теперь обращусь к тебе. Читая твой дневник, я все более и более желаю, чтоб ты скорее вырвался из Петербурга или, по крайней мере, чтобы скорее определился срок твоего от-

пуска. А покамест советую тебе, голубчик, ездить почаще в Павловск к Папаше, по возможности проводить там целые ряды дней, дабы отдохнуть от жалких пошляков, с коими проводишь время в Питере. Все-таки в Павловске можно уединяться в парке и петь дуэты с природой. Из Каменки скоро тебе напишу. Нежно, нежно тебя обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Само собой разумеется, что я ни за что в мире не соглашусь начать дело развода ранее глубокой осени.

482. М. И. Чайковскому

Каменка,
14 мая [1879 г.]

Сегодня вернулся в Каменку. Последние дни провел в Браилове приятно, благодаря открытию нового, еще не виданного леса. Он находится в десяти верстах от Браилова и отличается от других, во-первых, своей бесконечностью, во-вторых, своей нетронутостью и девственностью, и в-третьих, тем, что он весь г р а б о в ы й, т. е. поросший деревом, называемый г р а б. Еще доселе ничего более чудесного я не видел в жизни. В первый раз я ездил туда по обыкновенью с чаем. Второй же раз, накануне отъезда, я отправился на целый день, т. е. с обедом и чаем. Перед обедом я гулял с Алешей, а после один. Ты поймешь, что это было за наслажденье. Но увы! на одной стороне неба показалась зловещая чернота, которая росла, росла, и я должен был стремительно бежать обратно в лагерь. Тут я успокоился, и скоро туча как будто удалилась, миновав нас. Совершенно уверенный, что грозы не будет, я углубился опять s o l o в лес и на этот раз так далеко и глубоко, что и забыл о небе. Как вдруг... т р а х!.. страшный удар молнии и грома, и затем пошла катавасия. Боже мой, что за страхи я испытал! Мне казалось, что уже все кончено. Бежал я, как сумасшедший, и конца не было этому бежанию, сердце билось, приходилось итти в гору. Наконец ни жив, ни мертв добрался до коляски и в ней спасался от ливня и грозы, которая уже успела удалиться. Увы! самое лучшее время, т. е. предвечерие, было испорчено, и пришлось возвращаться домой.

На другой день, т. е. вчера, я уехал. В Ф а с т о в е ужасно скучал, тем более, что шел дождь, который продолжался и во время пути. Но когда я проснулся около Корсуни, было утро такое чудное, такое божественное, что я не запомню ничего подобного. Никто меня не встретил в Каменке, и я был очень рад, так как по этому случаю пришел домой пешком. Юрию,

который был серьезно болен, лучше. У Саши несколько усталый вид. Остальные все здоровы. Наты еще нет, она загостилась у мамы. Как мне грустно, что тебя нет здесь! Целую тебя и Колю.

П. Чайковский.

483. А. И. Чайковскому

[Каменка]
15 мая [1879 г.]
Вторник.

Жестоко проскучавши в Фастове, я наконец дождался поезда. Ехал очень благополучно и спал до Корсуни под аккомпанемент дождя. Но тут внезапно очистилось небо, и наступило божественное утро. Я был очень доволен, что никто не приехал меня встречать, и пришел домой пешком, наслаждаясь дивной погодой и радуясь, что возвратился во-свояси. Само собой разумеется, что нет возможности найти в Каменке всех здоровыми. На этот раз выдержал очень сильную гастрическую лихорадку Юрий, но ему было уже лучше. Бедный мальчик очень похудел, но более мил и забавен, чем когда-либо. Саша, конечно, вследствие этого имеет опять усталый и изнуренный вид. Поболтавши с девочками и узнавши все подробности, пошел одеваться и мыться, потом был обед, потом гулянье, ужин и, наконец, сон, не особенно хороший вследствие непомерной жары. Теперь я решился приняться хорошенько за работу и за небольшими перерывами работать ежедневно до пяти часов. Так как летняя работа вообще очень утомительна, то я решился отчасти сократить, отчасти установить известным порядком мою переписку. Тебе я буду писать два раза в неделю по вторникам и пятницам. Впрочем, разумеется, в случае нужды могу и нарушать порядок. Надежде Филаретовне буду писать раз в неделю.

Сегодня очень много написал. Погода стоит дивная. Я бы охотно устроил сегодня поездку в лес с чаем, но без Натальи Андреевны, которая теперь поехала ненадолго погостить к матери, скучно. Для меня необходимо, чтобы она в красном капоте ставила самовар и разливала чай. Кстати о ней. Пелагея Осиповна (Персефона) пикируется с ней и ревнует ее ко всем членам семейства. Теперь вследствие отъезда Плесской она ликует.

Со страхом жду от тебя письма — боюсь, чтоб ты не вздумал потребовать, чтоб я начал дело развода летом. Ради бога, не заставляй! Вообще помышляй теперь только о том, как бы скорее вырваться из Питера. В хозяйстве каменском страшное

бедствие — жуки! Эти мерзавцы находились теперь в таком невероятном множестве, что их сгребают в канавках лопатами. К счастью, частые дожди спасают растительность от окончательного истребления.

Сейчас пойду к Александре Ивановне, которую еще не видел, и оттуда гулять в Тростянку. Целую тебя, мой милый Тотоша! Как я бы хотел, чтобы скорее решился вопрос о твоем отпуске!

Твой П. Чайковский.

Володе Жедринскому поклон.

484. А. И. Чайковскому

Каменка,
18 мая [1879 г.]

Письмо твое читал с живейшим интересом. Но история с Сабуровым не в моем вкусе, и мне кажется, что ты немножко по пустякам с ним хорахорился. Тем не менее я очень бы желал, чтоб по части твоей службы произошла какая-нибудь перемена, но уж, разумеется, не сопряженная с уменьшением жалованья. Я весьма недоволен, что твой отпуск будет лишь в один месяц. По-моему, нужно будет в таком случае докторское свидетельство и остаться еще один месяц. Кроме того, я хотел бы, чтобы поскорее ты мог узнать, в какой именно день начнется отпуск. Мне это очень нужно знать. Надежда Филаретовна сделала мне следующее предложение. У нее в четырех верстах от Браилова есть очень хорошенький фольварк, в коем имеется прелестный домик и старый, тенистый сад на берегу реки. Она предлагает устроить мне там помещение, разумеется, со всеми удобствами и роскошами. Просит она, чтобы я прожил там подольше, но не меньше месяца. Признаюсь, что мне этого не хочется. Как-то совестно надолго покидать каменских сожителей, да и вообще это разрушает все мои планы. Само собою разумеется, что я бы ни одного дня из твоего отпуска не подарил бы Надежде Филаретовне, и уж если буду там во время твоего отпуска, то надеюсь, что и ты бы со мной там пожил. Но мне совсем не хочется отнимать тебя от Каменки. Покамест я отвечал уклончиво, но мне очень совестно не исполнить ее желанья и, может быть, я найду возможным прожить там с месяц и пригнать так, чтобы ты мог туда ко мне приехать и потом вместе в Каменку. В последние дни я начинаю мириться с Каменкой как местностью. И здесь все-таки можно дышать, а главное, я чувствую себя д о м а здесь, тогда как в четырех верстах от Браилова я буду несколько стесняться близостью Надежды Филаретовны. Я написал ей, что

окончательный ответ дам, когда узнаю о твоем отпуске, о поездке Саши в Крым и т. д. Мне о ч е н ь хочется побывать у Кондратьева. Как это все соединить?

У нас здесь стоят великолепные теплые дни, но с ежедневной грозой, вследствие чего сыро и в лес нельзя ездить. Юрий почти совсем здоров. Саша с девочками поехали сейчас встречать Ипполита, который едет с пятьюдесятью тысячами, полученными от Кривошеина. Занимаюсь я все эти дни очень усердно. Наталья Андреевна снова появилась, возбудив этим недовольство и кислые мины Пелагеи Осиповны. У бедной Веруши вскочил чирий на носу. Сюда приехала жить на лето М а р ь я Ф е д о р о в н а, бывшая царь-девка. Федора тоже здесь. Вот и все каменские новости. Я чувствую себя очень хорошо, бодро, здорово. Любопытно знать, был ли у тебя поверенный гадины! Толичка, напиши мне, как ты вообще себя чувствуешь в отношении расположения духа. Очень ли ты тяготишься пребыванием летом в Питере или не особенно? Письмо это я буду посылать завтра и, если найдется материалу, напишу тебе еще немножко. Целую во всю мочь.

18 мая, пятница.

Вчера приехал Ипполит. Он получил пятьдесят тысяч и теперь приехал советоваться с Левой, что с ними сделать. А покамест отдал их в какой-то банк на 4½ процента. Ипполит несколько похудел, а впрочем, все тот же. Меня его приезд отнюдь не стеснил, ибо он спал у Левы. Вообще в то время, как сами хозяева вечно стеснены, я пользуюсь простором и удобством. Иногда мне бывает очень стыдно. Теперь Саша пригласила французскую гувернантку, которую решительно некуда поместить, и мы часто об этом рассуждаем, — а я все-таки застрахован от всякого стеснения. Заметь, что Лева сделал для меня радикальную перестройку флигеля, снабдил его всем необходимым и ни за что не хочет взять с меня денег.

Недавно только вернулись из леса. Я, конечно, ходил пешком. Ипполит пожелал сопровождать меня. Это значительно испортило мне удовольствие. Бедный Ипполит пришел со мной в Тарапун здоровым, но там у него сделался пароксизм лихорадки, причем очень комичны были проявления его мнительности. Теперь он лежит и сейчас спрашивал Сашу совершенно серьезно, не нужно ли послать за женой, «н е р а в н о ч т о н и б у д ь с л у ч и т с я». Между тем у него ничего, кроме самого обыкновенного лихорадочного припадка. Настоящий твой братец. Целую тебя. Как грустно, что здесь всегда кто-нибудь болен.

Твой П. Чайковский.

485. М. И. Чайковскому

[Каменка]
20 мая* [1879 г.]
Троицын день, 7 ч. утра.

Письма теперь у меня положено писать по утрам, и назначены дни. Твой день суббота, но вчера я проспал и потому пишу сегодня. У нас здесь все благополучно, но не совсем. Дом наш продолжает быть постоянным лазаретом. Теперь больны: Ипполит и Вера. Ипполит приехал четвертого дня вечером. Он получил свои пятьдесят тысяч и явился посоветоваться с Левой и Сашей об их помещении. Третьего дня я организовал поездку в лес, а сам собрался итти пешком, как вдруг мне навязался Ипполит. Очень мне это было неприятно,— но нечего делать! Дошли мы с ним пешком до самого Тарапуна и там тотчас же нашли наших с самоваром. Вдруг Ипполит почувствовал озноб, боль в горле и голове и немедленно стал проявлять такую комическую мнительность, какой я еще никогда не видал. Даже Толя ничто в сравнении с ним. По возвращении домой его уложили в постель (т. е. на Левин диван), и с тех пор он ежеминутно мучит Сашу и Таню своей капризностью, своими страхами и т. п. У него просто жаба, и то не очень сильная.

У Веры болит ухо, причем она удивляет противоположным качеством, т. е. крайней терпеливостью. У Мити кашель. Но все это пустяки, а меня серьезно беспокоит Саша. У нее постоянно усталые глаза и изнеможенный вид, хотя она целый день ежеминутно занята. Насчет поездки ничего еще не решено, хотя явился новый план уехать Саше с тремя старшими девочками в Одессу и там у Ипполита пить воды и купаться. Что касается меня, то среди этих вечных болезней я, слава богу (тьпфу, тьпфу, тьпфу), наслаждаюсь полным здоровьем. Констатирую в себе нередко ощущение полнейшего счастья. Мне никуда не хочется и менее всего в Симаки к Надежде Филаретовне. Я написал ей письмо с просьбой, чтобы она не сердилась в случае, если я не найду возможным приехать ни теперь, ни после. Не понимаю хорошенько, отчего это происходит, но мне в Каменке чувствуется теперь так хорошо, что даже с местностью я примирился и нахожу, что ничего нет особенно дурного. Я, кажется, начинаю проникаться чувством семейственности, т. е. делаюсь как бы настоящим членом здешней семьи и ощущаю себя среди их дома. Работа моя идет очень хорошо, и я ею доволен. Может быть, и это

* *В подлиннике ошибочно: июня.*

содействует общему состоянию довольства. Модя! пожалуйста, при будущих свиданиях с Таней будь с ней как можно нежнее. Знаешь ли ты, что эта толстая и, повидимому, цветущая девочка чувствует себя несчастной. Недавно я гулял вечером поздно по садику. Таня подошла ко мне, разговорилась, начала сокрушаться о том, что все ее дяди ее терпеть не могут, и ужасно горько плакала. Мне было невыразимо жаль ее. Будучи очень умна, она отлично понимает, отчего происходит, что так часто она навлекает на себя неудовольствие даже самых близких людей, и между тем переделать себя не может. Она сильно расстроила и разнежила меня. Ведь я сам, грешный человек, часто сердился на нее и охладевал к ней, тогда как в сущности у нее чудное сердце и все ее недостатки, ее неровность, ее аффектированность ею самою чувствуются и ненавидятся, но только она решительно не понимает, что нужно сделать, чтобы не быть такой. Я, разумеется, ее всячески утешал и старался доказать, что она очень преувеличенно смотрит на свои недостатки и на результаты оных. Между прочим оказалось, что Ипполит, рассердившийся на нее в Петербурге по поводу известного тебе обстоятельства, написал ей из Одессы очень оскорбительное письмо. Потом совершилось письменное примирение, но это оставило в ней много горечи в сердце.

Ната окончательно поселилась здесь и получила очень милый уголок в Аниной комнате. Она за мной очень ухаживает и оказывает тысячу разных нежных забот. Ука совсем поправился и очаровательно мил. Вчера были Тасины именины. Она получила бездну подарков и целый день торжествовала, а вечером у нее был на балконе особенный чай из маленького самоварика. У Miss Eastwood новое платье. Допишу это письмо сегодня вечером.

9 часов вечера.

В лазарет поступило два новых больных: Митя и Тася. У обоих жар, рвота, боль в горле. Саша бегает от одних к другим и очень утомлена. Мы заставили ее лечь и поспать два часа перед ужином. Ипполиту гораздо лучше. Мы ходили с Левой на сенокос верст за пять. Я очень устал. Погода изумительная. Прочел в новой книжке «Русского Вестника» продолжение «Карамазовых». Это начинает быть невыносимо. Все до одного действующие лица сумасшедшие. Вообще Достоевский возможен только на одну часть романа. Дальше всегда идет сумбур. Прощай, нежно целую тебя и Колю. Алине Ивановне поклон. Пиши, Модичка.

486. А. И. Чайковскому

Каменка,
22 мая [1879 г.]
Вторник.

Здесь у нас настоящий лазарет. Ипполит в пятницу вечером заболел и до сих пор болен. У него был дифтерит, и хотя не особенно сильный, но его, бедного, очень скрутило. Он до сих пор еще ничего не ел, страшно похудел и ослаб. Будучи ужасно мнителен, он порядочно намучил Таню и Сашу, ходивших за ним, своей болезненной капризностью. Кроме того больны Вера (впрочем, вчера она выходила) нарывом в ухе, Митя — жабой с рвотой, жаром и т. п. и Тася — расстройством желудка. Сама Саша имеет очень утомленный и усталый вид. До сих пор еще не решено, поедет ли она куда-нибудь и когда. Теперь ее уговаривают решиться съездить, по крайней мере, в Одессу, где можно ей будет спокойно и удобно пить воды. Здесь при вечных беспокойствах нет возможности приняться за серьезное леченье.

Недавно я вечерком тулял по саду, и ко мне присоединилась Таня. Мы разговорились, и вдруг она горько расплакалась. Она чувствует себя очень несчастной вследствие вечных недоразумений и неудовольствий с родственниками и дядями в особенности. Она очень хорошо понимает, что есть что-то такое в ней, мешающее ей нравиться и возбуждать к себе любовь,— но в чем заключается это нечто, она не понимает и не может быть другой. Видно, что у нее давно наболело на сердце, и тут ее горе разразилось очень трогательно. Я, конечно, утешал ее, как мог, и выказал много участия и нежности. Пожалуйста, когда приедешь сюда, будь с ней нежен. Оказывается, между прочим, что Ипполит после своих петербургских неудовольствий на нее написал ей очень оскорбительное письмо. Потом они на письмах помирились, но горечь на душе у ней осталась.

Я блаженствую, т. е. чувствую себя очень здоровым (тьпфу, тьпфу, тьпфу) как физически, так и морально. Замечательно, что я мало-по-малу примирился с Каменкой как местностью. Мне никуда не хочется, никуда меня не тянет, за исключением, может быть, Низов, где я не прочь провести недельки две. К Надежде Филаретовне ужасно не хочется. Как я бы хотел поскорее узнать, когда будет твой отпуск!

Прогулку я теперь делаю ежедневно, т. е. в Тростянку. Третьего дня только ходили с Левой на сенокос по направлению к Косаре, очень далеко. В Тарапуне были в пятницу. Я ходил, конечно, пешком, но с Ипполитом, а не один, и в душе злился. Он, бедный, тут-то, вероятно, и простудился.

Вчера получил твое письмо и читал выписку из гениального эпистолярного произведения г а д и н ы. Конечно, торопиться не нужно, и знаешь что? Может быть, в самом деле не оставить ли ее в заблуждении на счет внушаемого ею страха и трепета? Может быть, она вследствие этого будет податливее, т. е. пойдет на развод, чтоб напакостить мне и воображая, что я этого не хочу. Решительно приходишь в тупик перед безмерностью этой глупости!!!

Вчера по случаю именин жены Михаила Васильевича, находящейся здесь, в большом доме был вечер с гостями. Было томительно скучно. Прощай, мой Толя милый! Когда-то ты ослобонишься?! Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

Если придется тебе июнь прожить в Питере, купайся ежедневно в Неве. Вот чему я буду завидовать!

487. А. И. Чайковскому

Каменка,
25 мая 1879 г.

Вот уже и июнь на носу, а я все еще не знаю ничего верного о твоем отпуске! Сегодня получил твое письмо. Изложу тебе главнейшие случившиеся факты. Ипполит, все время проболев, несколько утомив Сашу, Леву, Таню, Дерченко своей феноменательной мнительностью и отчасти обидчивостью, уехал вчера утром. Теперь в настоящих больных считается А н н а, объевшаяся вчера в лесу и за ужином, и М и т я, который начинает выходить. Остальные, слава богу, здоровы. В лес ездили три дни сряду, а я ходил пешком. Были в Вербовке, где мне очень нравится вновь образовавшийся пруд. В большом доме свирепствует дворецкий Александр. Дошло до того, что даже Лизавета и Александра Васильевны жалуются на голод. Сегодня Владимир Андреевич насильно таскал меня на экзамен в школу.

Вот, кажется, и все факты. В хозяйственном отношении следует упомянуть про жучков, которые страшно опустошали свекловичные поля, но теперь, слава богу, начинают исчезать. В метеорологическом отношении нельзя не выразить полнейшего удовольствия. Погода стоит чудная. В кулинарном,— упомяну о появлении земляники и окрошки, причем с похвалой отнесусь об искусстве, с которым старый повар Емельян сие явствие воспроизводит. В музыкальном — отмечу следующие факты: 1) первое действие моей оперы скоро будет готово; 2) Акулина, которая стирает рядом со мной, целый день поет и мешает заниматься; 3) соловьи почти перестали петь.

В отношении садоводства скажу тебе, что маки, которые я сам садил, очень выросли, а также, что розы начали цвести.

Засим я иду гулять, а по возвращении опять напишу тебе.

8 часов вечера.

Сидел около часу у Александры Ивановны; потом пошел в Тростянку, прошелся с величайшим удовольствием. Вечер чудный. Я шел и думал о том, как было бы хорошо, если б ты поскорее мог освободиться. Во-первых, я этого желаю для тебя, а во-вторых, я соскучился по тебе и желаю для себя. Еще ничего здесь не известно о поездке Саши. Говорят о Крыме, но это еще во мраке неизвестности. Если они поедут в Крым, то, может быть, и мы с тобой туда сберемся. Покамест все здесь пьют воды: Саша, Таня, Вера и Тася. Лева устроил превосходное купанье, т. е. обливанье у нас на дворе, в сарае. Утром я беру свою ванночку, а перед обедом обливаюсь в сарае. Вследствие частых обмываний я сделался такой чистенький, гладенький.

Ты в последних письмах ничего не пишешь об Александре Валерьяновне. Чем кончилась вся эта история и каково положение твоего сердца? Что-то часто ты стал упоминать Савину, и я начинаю подозревать рецидив любви и к ней! Что касается меня, то я нахожусь в периоде совершенного равнодушия к прекрасному полу.

Тюля, не забудь, голубчик, про мой п а ч п о р т. Хорошо было бы, если б ты мог мне прислать его. Ведь без пачпорта в настоящее время я и носу не могу никуда показать.

Прощай, голубчик мой! Крепко целую. Жду с нетерпением известий о твоем отпуске.

Твой П. Чайковский.

488. М. И. Чайковскому

Каменка,
26 мая [1879 г.]
Суббота.

Модя! Изложу тебе главнейшие факты, случившиеся в течение минувшей недели. Ипполит, в течение нескольких [дней?] порядком намучивши Леву, Сашу, Таню, Романа Ефимовича и прислугу своей ни с чем не сравнимой мнительностью и капризностью, но и наговоривши много забавных вещей, уехал третьего дня утром. Его капитал берет себе Николай Васильевич для покупки какого-то имения на восемь процентов. Таким образом, Ипполит будет получать более четырех тысяч в год дохода. Он стал теперь самым богатым из нас, даже богаче Коли, у которого все-таки нет такого капитала.

Саша, Таня, Вера и Тася пьют воды. Вследствие этого весь дом подымается раньше, и порядок изменился. Я уже пью чай не первый, а вместе с другими, что значительно ухудшило качество моего чая, ибо прежде Ната наливала мне первый и лучший стакан. В порядке дня у меня произошла та перемена, что перед обедом я обливаюсь в превосходной обливалке, устроенной Левой в сарае. Мы очень много ездили в лес все это время; были в Вербовке, в Климовом хуторе, в лесках над Тясмином, близ Ревовки и везде с чаем. Я нисколько не охладел к этому роду удовольствия. В числе больных сегодня, слава богу, не состоит никто, а в числе выздоравливающих Митя и Анна. Последняя обкушалась поросенком. Ты бы не узнал теперь нашего палисадничка. На посеянные мной маки любо смотреть,— такие они стали огромные. Жасмин все еще цветет; розы в полном цвету; посеянная трава выросла и уже скошена симпатичным Панасиком, вследствие чего она стала похожа на газон. Все остальное делает гигантские успехи. Вчера был в школе мальчиков экзамен, на коем по настоянию Владимира Андреевича и я присутствовал. Одна рожица там — прелесть! Сегодня приехал Евг. Вас. Васильев, остановился у Романа Ефимовича. Засим никаких известий, способных заинтересовать тебя, не могу [сообщить]. От Толи получаю попрежнему весьма интересный дневник. В последнем письме он извещает о смерти Машеньки Смирновой. Про отпуск его никто ничего не знает. Жизнь ведет столь же беспутную, как и всегда. Он был на даче у Белосельской и очень обижен, что она не оставила его обедать. Я устал и хочу гулять. Докончу письмо вечером.

Вечером.

«Иоанна д'Арк» быстро подвигается, и скоро первое действие будет готово. На партитуру мою так приятно смотреть! Она такая чистенькая, хорошенькая! [...]

Засим, Модя, не имею сказать ничего, кроме того, что люблю тебя и желаю в течение лета увидеться с тобой. Попаду ли в Гранкино, еще не знаю.

Твой П. Чайковский.

489. А. И. Чайковскому

Каменка,
28 мая [1879 г.]
8 часов утра.

Чудное утро! Тихо, ясно. Сижу в халатике в своем кабинете. Из окна вижу садик, в коем расхаживают все пьющие воды. Чувствую себя нравственно очень хорошо, но физиче-

ски усталым, как всегда летом, вскоре после сна — точно будто не спал, а прошел тридцать верст пешком, и при этом тебя били. Но сейчас возьму обычную ванночку, и буду опять свеж и бодр. Ничего нового не произошло, и материалу для писания мало. Васильев здесь. Он наводит на меня скуку. Вчера вечером была поездка с чаем в прелестный лесок над Тясмином за Рудней, со стороны Ревовки. Гулянья пешком сделались для меня теперь тягостны по причине появления в совершенно непонятном и небывалом количестве особого рода мошек. Эта дрянь залезает в уши, в нос, в глаза, в рот, в волоса; целая туча их идет вместе со мною во время прогулки, и нет никакой возможности от них отделаться. Куренье немного помогает, но нельзя же вечно курить. Лева утешает, что это ненадолго и что скоро они должны подохнуть.

Наталья Андреевна занимается в настоящее время воспитанием для меня воробушка. До чего был противен этот птенец в первое время! Теперь он начинает покрываться перышками и быть похожим на птичку. Она обещает сделать его совсем ручным.

Сегодня первое действие оперы будет у меня совсем готово, и я тотчас же примусь за второе. Если пойдет все так же хорошо, то к осени опера может быть совсем готова. Это было бы очень приятно. [...]

Катя (Катерина Федоровна) выходит замуж за Городецкого, смотрителя кирпичного завода. Свадьба состоится в августе.

С бураками случилось то, что бывает каждое лето. В какое отчаянье приходил Лева! Казалось, что все погибло. А в конце концов, бураки оказываются великолепными. В Вербовке они, говорят, еще лучше. Сегодня мы все едем в Вербовку. Получил длинное письмо от Модеста. Он не скучает. Как местность, Гранкино ему все больше и больше нравится, но жалуется немножко на Алину. В Каменку не приедет; говорит, что Алина Ивановна сделалась так неласкова и раздражительна с Колей, что оставлять его с ней нельзя.

Прощай, милый мой Толичка.

Твой П. Чайковский.

490. А. И. Чайковскому

Каменка,
1 июня [1879 г.]

Получил вчера твое письмо. Насчет гадины я не согласен с тобой, что мне следует исполнить ее просьбу относительно прибавления пенсии. Мне не хочется баловать ее; нужно быть кремнем, дабы она не вообразила, что внушает мне страх. По-

верь, что в сущности во всех ее действиях кроется неопределенное, но несомненное стремление к шантажу. Притом я тебе скажу, что денег у меня нет ни копейки, и бог знает, скоро ли будут. Надежда Филаретовна спрашивала меня, как ей поступить с июньской бюджетной суммой, и вместо того, чтобы написать ей: «душечка! ради бога, пришлите скорей!», я разыграл джентльмена, сказал, что мне все равно, что могу ждать и т. д. И вот 1-е июня уже наступило, а о деньгах ни слуху, ни духу. Вчера вечером мы играли в ералаш с Левой, Романом Ефимычем и Васильевым, и я проиграл семь рублей, которые заплатить было нечем,— за меня заплатил Лева.

Приехала Вера Васильевна. Она очень поправилась и пополнела. Бедная Саша ежедневно больна. Она начала пить воды и продолжать не может, так как вследствие малокровия у нее постоянная мигрень со рвотой и т. п. явлениями. Ее состояние внушает мне иногда серьезные опасения. Вера Васильевна предлагает нанять пополам с Сашей виденную ею отличную дачу на южном берегу и берет на себя все заботы об устройстве, прокормлении и т. д. Вероятно, это состоится.

Я получил от Юргенсона известие, что 13 июня в Москве для великого князя Константина Николаевича еще раз пойдет весь «О н е г и н». Меня никто не приглашает, чему весьма радуюсь, ибо мне не хочется трогаться отсюда куда бы то ни было.

Вчера нам закатил великолепный обед Роман Ефимыч. Присутствовали Лева, Владимир Андреевич, Васильев, Бирюков и я. Вина были отличные. Лева имел соловые, пьяные глаза, остальные, и я в том числе, были тоже выпимши. После того, несмотря на гром и дождь, я совершил великолепную прогулку в Тростянку. Третьего дни мы все ездили в В е р б о в к у с чаем, шангами, ягодами, лепешками и т. д. Как хорошо в Вербовке и как жаль, что мы живем не там, а в нашей мало привлекательной Каменке!

Иду обливаться и потом обедать. Пожалуйста, Толичка, купайся в Неве ежедневно — и полезно и приятно.

Засим нежно тебя обнимаю. Твой П. Чайковский.

491. М. И. Чайковскому

Каменка,
2 июня [1879 г.]

Здоровье очень хорошо, работа идет успешно, никаких перемен не произошло. Все более или менее здоровы, но Саша скорее менее, чем более. Вследствие питья вод, диеты и слабо-

сти она страдает такими сильными мигренями, что должна была прекратить питье вод, по крайней мере на время. Приехала Вера Васильевна и уговорила Сашу нанять вместе с ней пополам дачу в Ялте. Решено, что август и сентябрь Саша с частью детей проживет в Крыму. Я еще ничего не решил [о дальнейшем]. Во-первых, у меня совершенно нет денег. Надежда Филаретовна спрашивала, как мне доставить июньскую бюджетную сумму и не прислать ли человека. Я отвечал, что не стоит, что можно послать по почте, а коли затруднительно, то буду ждать, — дескать, не нуждаюсь. Ну, словом, разыграл джентльмена, и вот 2-е июня, а я сижу без денег. Впрочем, вероятно, она, все-таки пришлет. Относительно гощения на фольварке у Надежды Филаретовны я написал уклончивый ответ, но не решительно отказался. Надеюсь, что она одумается и сама поймет всю неловкость моего житья у нее рядом со всем семейством.

Попаду ли я в Гранкино, когда поеду к Кондратьеву? — ничего этого еще не знаю. Толя до сих пор ничего не знает о своем отпуске, и пока я не получу от него определенных сведений, ничего решить не могу.

Васильев сегодня уехал. Вчера мы играли в ералаш по четверти копейки, и я проиграл семь рублей. Это только со мной может случиться. Ездили несколько раз в лес, а третьего дни — в Вербовку, где пили чай, ели шанги, лепешки, ягоды и т. д. Но моей нормальной прогулкой сделалась, как и в прошлом году, Тростянка. Вообще же я перестал ругать Каменку и, несмотря на всю ее неприглядность, умею находить прелести и в ней.

В. В. Бутакова произвела на меня (но это между нами) комическое впечатление. Она сделалась окончательно придворной дамой, и из уст ее так и сыпятся имена лиц царской фамилии. Но комизм состоит собственно в том, что она приняла совершенно тон Анны Павловны Шерер и, говоря об августейших особах, принимает грустно-задумчивый тон, который подметил Толстой. Но, впрочем, очень мила. Возвратилась Круазиха. С Сильвией произошел казус. В день свадьбы жених удрал, как Подколесин, прислав визитную карточку с известием, что по поводу полученной им депеши ему необходимо уехать. Бедная Сильвия возвратилась девственницей, но не в Каменку, а в Киев к Штраусам, у которых будет несколько времени проживать. Надеются, что в августе свадьба состоится.

Модя, милый мой, давно что-то не пишешь. Как-то ты поживаешь? Обнимаю тебя. Твой П. Чайковский.

492. А. И. Чайковскому

Каменка,
5 июня [1879 г.]

Очень был рад узнать из твоего письма, что время твоего отпуска определилось. Но все-таки я еще относительно себя ничего не решил. По правде сказать, я так обжился здесь и в общем мне так хорошо в Каменке, что никуда не хочется тронуться. А между тем я тоже не прочь побывать и у Кондратьева. Меня у д и в л я е т, ч т о т ы у д и в л я е ш ь с я этому. Ты сам находил, что в Низах не скучно. Всего более меня привлекает там купанье. Что касается Алексея и его сумасшедших поступков, — то ведь я во всяком случае поехал бы туда ненадолго! Что касается приглашения Надежды Филаретовны пожить у нее в отдельном фольварке, то мне у ж а с н о этого не хочется, и я покамест искусно отвиливаю, но решительного ответа не даю. Очень приглашает меня М о д е с т в Гранкино. Не съездим ли мы вместе с тобой? Но, повторяю, что больше всего мне хочется сидеть в Каменке. По предложению Веры Васильевны Саша наняла пополам с ней дачу в Крыму и переедет туда в августе. И туда тоже меня с тобой зовут. Во всяком случае я тебя весьма охотно избавляю от поездки к Кондратьеву, и если решусь к нему съездить, то съедусь с тобой в Киеве, а может быть, отложу до осени посещение его!

Вера Васильевна очень мила. Бывает у нас ежедневно. Она совсем о п р и д в о р и л а с ь. Из уст ее так и вылетают имена ее августейших друзей и знакомых. Говоря о государе, она принимает тот грустно-задумчивый вид, который Толстой подметил у А н н ы П а в л о в н ы Ш е р е р в «Войне и Мире».

Слава богу, все более или менее здоровы, хотя все-таки Саша имеет довольно усталый вид и должна воздержаться от продолжения курса. С бедной Натальей Андреевной случилось сегодня большое горе. Недели две тому назад по моей просьбе она взяла на воспитание воробьиного птенца. Сначала птенец был очень противен; потом мало-по-малу стал оперяться и сделался очень мил. Все, кроме Левы, ужасно полюбили бедненького М и м и ш к у, и он постоянно переходил с рук на руки. Вчера он заболел, сделался очень слаб, перестал принимать пищу и наконец сегодня околел. Наталья Андреевна целый день плачет. Мне самому грустно по милой птичке, которая была такая ручная, так любила, когда ее ласкали и целовали.

Вчера все ездили в вербовский лес, который очень вырос. Пили чай и гуляли. Между нами будь сказано, я несколько

боюсь Веры Васильевны, которая (может быть, это мне только кажется) не прочь устраивать со мной a parte* и как будто еще не совсем забыла старую слабость[1].

Сегодня вечером ожидается французская гувернантка для Таси, по фамилии М-lle Готье.

Я думаю, что в следующем письме я тебе сообщу окончательное решение насчет того, где мы с тобой встретимся и где я проведу вообще этот месяц. Я склонен думать, что, пожалуй, никуда не тронусь. А покамест крепко обнимаю милого Тотошу. Целую.

Твой П. Чайковский.

493. М. И. Чайковскому

Каменка,
8 июня [1879 г.]

За эту неделю было довольно много интересного. Во-первых, приезжал Фаня. Как-то утром рано, перед ванной, я сидел у окна и стриг ногти, соображая подробности инструментовки одного трудного места второго действия, как вдруг влетел Евстафий и с выражением бесконечной радости объявил: «Митрофан Петрович приехали!» Я всегда злюсь, когда во мне предполагают такую радость, которая хотя и естественна в подобных случаях, но которой во мне нет. Я разозлился и на это и на то, что вслед затем втащили ко мне несколько чемоданов, саков, футляров, и на то, что меня потревожили, и на то, что порядок моего дня нарушен, и, наконец, на Фаню, который вслед затем влетел и бросился в мои объятия, которые хотя и были распростерты, но не охотно, не широко и без сопровождения соответствующих подобным случаям восклицаний. Произошла маленькая, очень глупая сцена. Фаня заметил мою холодность и сконфузился; я тотчас стал его жалеть и тоже сконфузился, стал говорить какие-то отрывочные фразы, в свою очередь бросился в его объятия, на каковое приветствие он отвечал как-то робко и т. д., и т. д. Я только хотел тебе дать понятие об том, какая для меня мука встречаться с людьми, от которых я отвык и которые стали мне чужды, хотя и ни мало не неприятны. Ведь Фаню я всегда очень любил, и теперь он мне очень симпатичен. А все-таки в день своего приезда я не мог побороть в себе чувства какой-то враждебности к человеку, который помешал единообразному и строго соблюдаемому порядку моей жизни. Весь день я был с расстроенными нервами, занимался очень

---

* уединяться

мало, ибо неловко было не проводить времени с Фаней, и ощущал какую-то тоску в ногах и во всем теле. К концу дня я мало-по-малу постарался изгладить в Фане впечатление моей холодности, и кажется, мне это удалось. Перестав сердиться на него за предерзостное нарушение моих порядков, я стал сердиться на себя за бессердечие, эгоизм, и в результате получился отвратительный день. Прибавилось к этому еще письмо от Надежды Филаретовны на восьми листах, в коем она попрежнему все толкует о том, чтоб я приехал жить на ее фольварке. Ну, как не злиться на столь прекрасную, умную женщину, когда она упорно отказывается понять, несмотря на все мои намеки, что мне не хочется жить почти рядом с ней таинственным незнакомцем? У нее, как нарочно, несколько консерватористов, которые очень бы стесняли меня, и в полном сборе все семейство. Как ей не понять, что все это неловко, стеснительно? Я написал ей в ответ длинное письмо, в коем прихожу к заключению, что могу приехать только осенью, а так как осенью она уезжает заграницу, то, надеюсь, она наконец поймет.

В тот же день была еще одна третья неприятность. У старых Плесских была petite fête* по случаю празднования двадцатипятилетнего пребывания у них Агнесы Макаровны, и мы все должны были там быть от трех до шести часов. Пили шоколад, слушали вздор, который с видом вдохновенной пифии прорицала Софья Осиповна, и т. д. После petite fête я хотел итти гулять, но Фаня сказал, что он примажется ко мне... и примазался! Таким образом, этот добродушный и милый человек нанес мне еще один жестокий удар, ибо только одинокая прогулка могла бы меня успокоить. К счастию, я успел сделать после этой прогулки еще одну, и это меня успокоило. Мне кажется, что если б посторонний человек прочел это письмо, то подумал бы, что я сумасшедший. На что я жалуюсь, чем недоволен? Приехал милый родственник, были в гостях, гуляли, ели, пили,— а я злился!

Наконец вечером приехала М-lle Готье, французская гувернантка. Она имеет лет сорок с хвостиком, наружность ее некрасива, но не лишена симпатичности, а именно лицо у нее красноватое, нос слегка вздернутый, глаза очень добрые. Одевается хорошо. Ест ножом!!! Это совершенно непостижимо, особенно если принять во внимание, что, по ее словам, она воспитывалась во Фросдорфе у графа Шамбора!!! Держит себя прилично и очень просто. Старается на первых порах

---

* маленький праздник

эталировать * свои таланты, каковых у нее много. Между прочим, она лепит из глины, и о ч е н ь х о р о ш о. Третьего дня мы ездили в Вербовку; Лева принес ей кусок глины, из коей делают там кирпичи, и она вылепила очень милую головку необыкновенно скоро. Т а с я возненавидела ее самой лютой ненавистью и воспылала вдруг очень трогательной любовью к Miss Иствуд. Последняя тоже встретила француженку очень грозно и в свою очередь высказывает страстную ревность по поводу Таси. Вчера произошла даже драматическая сцена. Бедная Т а с я, которая все эти дни тоскует, плачет, не ест, не смеется, хотела поехать вместе с братьями и Miss Иствуд в Тростянку. Англичанка изъявила готовность ее взять. Саша сказала Тасе, чтоб она попросила позволения у M-lle Г о т ь е. Но Тася побежала жаловаться к Иствуд, и та влетела через минуту в гостиную, бледная, грозная, и разразилась потоком упреков к Саше. «Как! я пять лет ходила за Тасей, я ее люблю, она меня любит, и вы не пускаете ее со мной в лес! Вы видите, что она тоскует, что на ней лица нет, и не хотите дать ей отдохнуть!!!» и т. д., и т. д. Саша ее успокоила и объяснила, что француженка приглашена для Т а с и и что Тася обязана быть в ее подчинении.

Ты спросишь, какое впечатление Готье производит на меня? Я воздерживаюсь от суждения. Признаться, она мне что-то подозрительна. Б л и з к а к Ш а м б о р у — и е с т н о ж о м? Вообще же она скорей симпатична, чем наоборот. Мне только кажется, что она не гувернантка по натуре. П е р с е ф о н а торжествует. Она почему-то усматривает в Готье союзницу и приняла ее с распростертыми объятиями. Из уст ее теперь вылетают потоки таких утонченных французских слов, что страшно делается. По-русски она перестала говорить даже с нами, и дошло до того, что вчера после ужина, когда Лева и я допивали, покуривая, чай, она заговорила по-французски с Левой и сказала ему следующую достопамятную фразу: «Je vois tout en beau, je ne vois les détection que de près»**. Лева убежал от нее на балкон. Вообще она теперь сделалась удивительно комична, и что ни слово, то отморозит что-нибудь особенное. С Натальей Андреевной враждует и даже перестала с ней здороваться.

Бедная Ната! Птенец, которого она воспитывала, бедная Мимишка, которую все очень полюбили, особенно когда из голого подобия лягушки он обратился в пернатую птичку,—

---

* выставлять на показ *(фр.)*

** «Я вижу все в розовом свете и замечаю недостатки, только когда они очень близко».

скончался. Она была неутешна и целые два дня проплакала. И мне было жаль бедной птички, которая так мило уже начинала порхать из своей корзиночки на руку Натальи Андреевны. Теперь она взяла другого.

Я еще не могу сказать тебе решительно ничего определенного относительно своих поездок. Вероятнее всего, что весь июнь просижу здесь. Буду ли в Гранкине, об этом тоже сегодня ничего решительного не скажу. Толя приедет сюда 1-го июля. Денег у меня ни копейки. Надежда Филаретовна объявила, что так как я не нуждаюсь, то она передаст мне деньги, когда я приеду туда к ней. En somme я очень доволен, здоров и счастлив. Фаня вчера уехал. Моя нежность к нему росла все crescendo, и расстались очень дружески. Он очень милый человек. Пишу это письмо рано утром. Все это время я плохо сплю. Вечером еще напишу.

Сейчас вернулся с поездки в лес. Зовут ужинать, писать некогда.

Целую нежно тебя и Колю.

П. Чайковский.

494. А. И. Чайковскому

Каменка,
9 июня [1879 г.]

Признаюсь тебе, Толичка, что мне совсем не нравится твоя записка гадине о вероятности уплаты двухсот рублей. Во-первых, это не что иное, как слабость с твоей стороны, во-вторых, ты очень ошибаешься, думая, что политика требует потворствовать вымоганиям и шантажам этой [...] и ее пошляка-поверенного, а в-третьих, у меня денег нет. Теперь я от Надежды Филаретовны не получил ничего, в августе я получу две тысячи, но я должен Леве более тысячи трехсот рублей, Алеше триста, а остальных четыреста едва хватит, чтобы ездить, купить множество нужных вещей и вообще продержаться до 1-го октября. Я только теперь, живя в Каменке, сообразил, что мои шестьсот в виду моих привычек и большого бюджета — чистые пустяки и что пора знать цену деньгам и не смотреть на двести рублей, как на плевое дело. А главное, я нахожу крайне не дипломатическим давать злоупотреблять своей и твоей деликатностью этим жохам. Ну, мы поговорим об этом при свидании, и если я и соглашусь подтвердить заявленную тобой вероятность, то разве на половину, т. е. дам только сто рублей. Ты скажешь, что на развод я возьму денег от Надежды Филаретовны! Ах, если б ты знал, как мне бы хотелось не злоупотреблять ее щедро-

стью. Притом в последних письмах она что-то все жалуется на дурные дела и как бы тончайшим образом намекает на то, чтоб я был по возможности умереннее. Впрочем, ты не виноват, ибо ты не присутствовал при визите, который г а д и н а с сестрой нанесла мне в Москве у Дюссо, и не читал ее записки, написанной в тот день. Если б ты при этом был, то наверное убедился бы навсегда, что чем больше ей давать, тем она наглее, бессовестнее и подлее. Да и вообще, судя по всему, что ты пишешь о пресловутом поверенном, можно с уверенностью сказать, что с таким дураком нельзя вести дело и что на этот раз ровно ничего не выйдет из всей этой истории, точно так же, как и прежде.

Здесь провел два дня Ф а н я. Конечно, несмотря на симпатию к Фане, в первый день я смотрел на него, как на злейшего врага, пришедшего нарушить мои привычки и образ жизни, но потом был очень с ним нежен. Он очень милый человек. В случае, если придется жить по делу о разводе в Москве, я поселюсь у него.

Еще из новостей сообщу тебе о приезде французской гувернантки. Она (между нами сказать) производит на меня впечатление сомнительной личности. Рассказывает, что воспитывалась в Ф р о с д о р ф е у г р а ф а Ш а м б о р а, а между тем е с т н о ж о м. Мне не нравится, что она старается на первых порах эталировать свои таланты: к музыке, к лепленью из глины и т. д. Впрочем, будучи немолодой и некрасивой, она не лишена некоторой симпатичности. Тася, при которой она собственно состоит, почему-то возненавидела ее. Это, конечно, может быть пройдет. Но помяни мое слово, что эта особа долго здесь не останется. Теперь Саша и все очень ухаживают за ней, но ни ее характер, ни привычки еще не разъяснились. Сегодня она о ч е н ь п о з д н о в с т а л а и в оправдание рассказывала, что Аннушка, вошедшая к ней в комнату, на вопрос: «который час?» ответила нечаянно, вместо п я т и м и н у т в о с ь м о г о, в о с е м ь м и н у т п я т о г о. Увидим.

Фанин лакей влюбился в Аннушку и сделал ей предложение.

Вечером.

Сейчас вернулся с чудесного гулянья в Тростянке. Насчет моих поездок ничего еще не знаю. Жду ответа от Надежды Филаретовны на письмо мое, в котором я отклоняю ее приглашение. Во всяком случае 1-го июля я буду в Каменке. Если поеду к Кондратьеву, то можем съехаться в Ворожбе или в Киеве. Но к К о л е я н е п о е д у. Невозможно быть везде.

Ведь мне еще придется быть у Модеста! В свое время мы сговоримся с тобой, где встретиться. Всего вероятнее, что я никуда не тронусь. Прощай, мой голубчик.

Твой П. Чайковский.

495. А. И. Чайковскому

Каменка,
12 июня [1879 г.]

Жары стоят очень сильные. Само собой разумеется, что вследствие этого я плохо сплю. Окно отворено у меня всю ночь, но моя спальня имеет свойство сохранять всегда свой собственный душный воздух. Соседство прачешной, к сожалению, дает себя чувствовать.

Интересных новостей никаких сообщить не имею, за исключением лишь приезда Жени Бирюковой, случившегося вчера. Саша, слава богу, все эти дни имеет очень веселый и счастливый вид и чувствует себя очень хорошо. Французская гувернантка перестала казаться мне подозрительной. Она просто очень милая старая дева. Если бы ты знал, до чего сделалась забавна Персефона! Она помешалась на французском языке и целый день жарит невероятные фразы. Трудно удержаться от хохоту, смотря на нее, особенно когда она говорит колкости Наталье Андреевне, которую терпеть не может.

Я еще колеблюсь: ехать к Кондратьеву или нет. И хочется и не хочется, а главное, денег совсем нет, а занимать у Левы мне страх как совестно. Кроме того, меня удерживает страх жары на железной дороге и еще нежелание терять время и отрываться от своей милой партитуры. Вероятно, я никуда не тронусь, и ты найдешь меня здесь, когда приедешь.

В лес ездили два раза. Как хорошо было в Зрубанце третьего дня! Вообще по чудной погоде это лето превосходит все, какие я запомню. С самого моего приезда сюда продолжается нескончаемое вёдро, и не было ни одного дня, в который нельзя было бы гулять и наслаждаться. Бураки в нынешнем году, вероятно, будут отвратительны. Иные участки съели серые жуки, пришлось пересевать, и этот пересев снова от них пострадал. Там же, где жуки их не истребили и где они росли великолепно, теперь появился червь, который гораздо страшнее и опаснее жуков, и в Юрчихе он производит страшнейшие опустошения.

Саша поручила мне просить тебя узнать, получила ли Ольга Сергеевна два письма ее, на которые она не имеет никакого ответа.

Ты придешь в восторг от Юрия. Он так оригинален, что нет возможности письменно изобразить его прелести. Но моим фаворитом все-таки есть и всегда останется чудный, несравненный Бобик.

До свиданья, Толяша мой милый. Жду с нетерпением твоего приезда.

Твой П. Чайковский.

496. М. И. Чайковскому

Каменка,
15 июня [1879 г.]

Вчера я получил письмо от Кондратьева. Он жестоко хандрит вследствие разных неприятностей и просит меня приехать до того убедительно и трогательно, что я решился исполнить его просьбу, хотя немножко и à contre-coeur*. Я хочу выехать отсюда 19 или 20-го и остаться до 1-го июля, потом съехаться с Толей и возвратиться в Каменку. Между прочим Николай Дмитриевич сообщает грустные известия о Николае Львовиче. Он до того слаб, что едва двигается и почти не встает с своей постели. Живот у него непомерно вспух, и доктор сказал, что у него водяная. Но он сам храбрится и уверяет, что это оттого, что [...]. Неужели бедный старичок умрет? Какое счастие иметь такую работу, как моя, занимающую все помыслы. Не будь этого, мне кажется, что я обливался бы слезами при мысли, что человек, который даже жизнь на цепи в собачьей конуре предпочитает смерти, — должен все-таки умереть и скоро. Впрочем, я все еще надеюсь, что это последствие оспы и что еще он оправится.

Вчера у нас после долгой засухи была великолепнейшая гроза с градом, ливнем и освежением душной атмосферы, мешавшей мне спать по ночам. Но великолепнейшая гроза изволила нашалить, т. е. убила трех волов на поле в Лебедовке. Мальчик-пастух, спрятавшийся под одного из убитых волов, каким-то чудом остался цел. В то время, как бушевали стихии, у нас дома происходила гроза другого рода. Персефона, которая уже давно дуется, прячется, будирует и фрондирует, вчера сделала страшную сцену Наталье Андреевне à la Авдотья Яковлевна. По ее словам, Ната низкая интересанка, интриганка и виновница ненависти, которую будто бы все к ней питают. Сегодня пришлось расходившуюся старушку урезонивать, и Саша исполнила это с большим искусством.

---

* против желания

Все, что я тебе писал о M-lle Готье в прошлый раз, я беру назад. Она просто очень милая старая дева, без всяких претензий, довольно ограниченная, но хорошо знающая свой язык. Ножом она ест, вероятно, оттого, что она выросла и долго жила в Харькове, где ее отец был учителем французского языка. С Шамбором близка, как с нами близок Илья Зверев и вообще бывшие слуги. Ее мать служила чем-то в доме.

Модя, не брани меня за то, что я еду к Кондратьеву, а не к тебе. Уж так сложились обстоятельства, что если я теперь к нему не поеду, то буду мучиться и терзаться совестью.

6 часов вечера.

Получил два письма, — оба неожиданные. Одно от С. И. Юргенсон, которая по поводу «Онегина», дававшегося 11-го числа для вел. кн. Константина Николаевича, пишет мне изъявление невероятно восторженных чувств [1], другое от Marie. Это письмо страшно взволновало меня. Она беременна [...] Она ничего не просит, но намекает, что Алеша должен помочь ей. Ни в чем его не обвиняет, говорит, что любит его больше всего на свете и что сама соблазнила его. Письмо отчаянное,— она не знает, что делать, тоскует и т. д. Я сейчас написал ей длинное утешительное письмо и распорядился о высылке ей ста рублей через Юргенсона. Родить ей придется еще через четыре месяца. Я не дал ей формального обещания взять на себя судьбу ребенка, но должен был сказать ей, что во всяком случае приду к ней на помощь. Странное чувство ощутил я по поводу этого известия. Ни на Алешу, ни на Marie я нисколько не в претензии, хотя предчувствую, что ребенок этот будет меня впоследствии заботить. Я ощутил прежде всего жалость к бедной Marie, а во-вторых, — порыв сильнейшей отцовской нежности к эмбриону, находящемуся в ее чреве. По этому ощущению я мог измерить силу моей глубоко вкоренившейся любви и привязанности к Алеше. Его ребенок! Мне кажется, как будто он и мой! Не знаю, прочно ли это чувство и как я поступлю. Саша, с которой я советовался, говорит, что не следует себя связывать и нужно только помочь Marie деньгами теперь. Но ведь она не подозревает, до чего сильно я люблю Алешу!

Что касается Алеши, то он сильно побледнел, когда я сообщил ему это известие, но притворялся, что это ничего, и в первую минуту попытался даже предположить, что это не его ребенок и что она могла после нашего отъезда войти в связь с другим. Потом он объявил, что если сын, то он готов

его взять и отдать матери на воспитание. Наконец, сейчас он сказал, что тут ничего нет неприятного и что очень весело будет через двадцать лет познакомиться с французом, который вдруг окажется его сыном. Вообще он все-таки значительно поражен известием.

Модя! завтра у меня будет готова партитура громадного второго действия. Нужно правду сказать, что я молодцом работаю[2]. Что «Трутни»? О, как бы я хотел, чтобы ты их кончил.

Еду отсюда во вторник 19-го. Напиши мне туда. Адрес: Сумская линия, ст. Сыроватка.

Целую.

П. Чайковский.

497. А. И. Чайковскому

Каменка,
15 июня [1879 г.]

Я было хотел совсем отложить до августа или сентября мою поездку к Кондратьеву, но вчера я получил от него письмо такое отчаянное, грустное и такие мольбы приехать хоть ненадолго, что решился съездить к нему и остаться до 1-го июля. Между прочим он сообщает очень огорчившее меня известие о Николае Львовиче. Бедный наш старикашка, кажется, совсем плох. Он до того слаб, что почти безвыходно сидит в комнате. Между прочим, у него начал сильно пухнуть живот, и дошло до того, что Николай Дмитриевич испугался и повез его в Сумы к доктору. Доктор нашел, что у него водяная. Кроме того, у Николая Дмитриевича живет с целым семейством сестра его, тоже очень больная. Ну, словом, он сумел тронуть мое сердце, и я должен навестить его, иначе меня будет терзать совесть. Итак, потрудись, Толя, написать мне туда, как ты предполагаешь со мной встретиться — в Киеве или прямо в Каменке? Провести день в Киеве было бы приятно, но денег у меня ох как мало. Толичка! В случае если у тебя не будет денег на поездку, займи в своей кассе, и я осенью отдам. С Надеждой Филаретовной мы уговорились, что я буду у ней в августе, но я надеюсь до тех пор найти способ отвильнуть.

Толя! Потрудись дать знать гадине через ее болвана-поверенного, что я теперь денег не имею и не могу дать ничего. В августе же месяце, снисходя к твоей просьбе (так и напиши: снисходя), я дам ей сто рублей, если она не будет приставать. Я не прочь платить ей деньги и действительно писал тебе это, но не иначе, как после развода. Теперь

чем больше ей давать, тем больше она будет всячески затягивать и путать. Более ста, мне кажется, давать не следует.

Вчера была сильнейшая гроза с градом, и в Лебедовке молния убила трех волов. Мальчик-пастух сидел под одним из убитых волов и остался, благодаря счастливому случаю, цел. А у нас была своего рода гроза дома, т. е. Персефона сделала страшную сцену Наталье Андреевне, которую она ненавидит.

Уеду я отсюда 19-го или 20-го. Если в мое отсутствие придет твое письмо, мне его пришлют. Адрес Кондратьева: Сумская ж. д., станция Сыроватка, Н. Д. Кондратьеву. Если бы паче чаяния ты захотел заехать за мной туда, то тем лучше. Во всяком случае, начиная с 1-го июля я в полном твоем распоряжении.

Целую тебя крепко. Скоро поцелую тебя реально.

Твой П. Чайковский.

Анна просит тебя привезти карточку баварского короля.

498. М. И. Чайковскому

Каменка.
17 [июня 1879 г.]

Модя!

Мне пришло в голову: не проехаться ли мне из Низов с Толей к Вам в Гранкино и не провесть ли там несколько дней? Кроме того я мог бы приехать еще раз гораздо позже, осенью. Если Толя не будет почему-либо противиться этому, то охотно бы это сделал. Мне очень захотелось повидаться с тобой! Дай мне сейчас же ответ и напиши, как нужно ехать, на какой станции остановиться. А я тогда буду тебе телеграфировать (кстати, напиши адрес телеграммный) о дне выезда. А главное, не стесняйся написать правду. Очень может быть, что тебе почему-либо теперь не хотелось бы выходить из установленного порядка и что мы тебе помешаем. Не стесняйся, Модичка, ведь я ни в каком случае не обижусь. Я более, чем кто-либо, понимаю, что это может случиться. Что Толя не будет противиться, это несомненно. Итак, пиши скорее и спроси Алину Ивановну, не может ли она, в случае, если на это время она назначила отъезд в Киев, отложить его? Толя около 1-го июля будет в Низах, а 2-го, 3-го и 4-го мы могли бы поехать к тебе и остаться с неделю или несколько меньше. Адресуй, разумеется, к Кондратьеву (Сумская линия, ст. Сыроватка).

Мне как-то грустно будет вернуться в Каменку, не побывав у тебя, и я решился уж заодно прогостить и в Низах и в Гранкине.

Целую крепко. Твой П. Чайковский.

По поводу твоего сегодняшнего письма следовало многое сказать, да лучше уж при свиданье.

499. А. И. Чайковскому

[Каменка]
17 июня [1879 г.]

Толичка!

Я получил письмо от Модеста, из которого усматриваю, что он хандрит. Мне очень захотелось съездить к нему, тем более, что от Низов недалеко. Если тебе это не противно, то решим так, что ты приедешь к Кондратьеву и что мы тотчас же или на другой день поедем дня на три-четыре к Модесту. Впрочем, предоставляю тебе полную свободу. Модесту я написал условно, что м о ж е т б ы т ь мы приедем. Если тебе почему-либо хочется поскорей прямо в Каменку, то я съезжу к Моде позже осенью, как и предполагал прежде. Итак, ты должен написать мне: 1) хочешь ли ехать к Модесту, 2) если да, то когда тебя ждать в Низах, и 3) если не хочешь, то когда будешь в К и е в е, где мы с тобой должны съехаться, т. е. съедемся мы в Ворожбе, ибо если ты мне напишешь, что такого-то числа выезжаешь из Москвы, то я пригоню так, чтоб с тобой встретиться. В случае же, если произойдет недоразумение, то во всяком случае даю тебе r e n d e z - v o u s в К и е в е, в гостинице «Е в р о п а». Главное, имей в виду, что я отдаю себя в полное твое распоряжение и как ты напишешь — так я и сделаю.

Пиши же скорей. Тороплюсь.

Крепко целую. П. Чайковский.

Если ты не боишься утомить себя путешествием к Модесту, то хорошо было бы съездить вместе. Я получил письмо от А л и н ы И в а н о в н ы, в котором она обоих нас очень приглашает.

500. А. И. Чайковскому

1879 г. июня 19. Каменка.

Толя!

Для большей уверенности повторю вкратце то, что написал тебе в последнем письме:

1) Я еду завтра, 20-го, остановлюсь на день в Киеве по некоторым делишкам и потом еду в Низы, куда прибуду 22-го.

2) Буду там ожидать, во-первых, письма от тебя, а во-вторых, тебя самого, чтобы вместе с тобой съездить к Модесту.

3) Если тебе почему-либо не хочется к Модесту, а хочешь прямо в Каменку, то не стесняйся и поезжай прямо в Киев, где мы с тобой можем встретиться в гостинице «Европа» или съехаться в вокзале. В таком случае дай знать обстоятельно, когда приедешь в Киев.

4) У Кондратьева тебе придется провести самое большее сутки, в случае если ты согласен ехать со мной к Модесту.

5) Из Низов к Модесту недалеко.

6) Распоряжайся мной, как хочешь, но только предвари во-время.

Писать мне некогда. Сейчас приехали из большого леса и зовут ужинать.

Целую тебя крепко, крепко.

Твой П. Чайковский.

В Низах я, вероятно, получу сначала твой ответ на письмо, где я возвестил тебе, что еду к Кондратьеву, но я буду ожидать ответа [на] третьеводнейшнее письмо, в коем спрашиваю тебя, хочешь или не хочешь ехать к Модесту.

Засим нежно обнимаю тебя, голубчик мой.

Твой П. Чайковский.

501. А. И. Давыдовой

Киев,
21 июня [1879 г.]

Голубушка моя Саша!

В то время, как я тебе пишу, идет наискучнейший, тоскливейший дождь, грозящий лить целый день, ибо уже три часа сряду он идет и на небе нет ни малейшей надежды, чтоб разъяснилось. От этого расположение духа скверное, и я невыразимо скучаю и грущу, думая о Каменке и о Вас всех. Ехал я очень благополучно и спал великолепно. Приехавши в Киев, я был так неприятно поражен грязью вокзала, что решился все-таки поехать в гостиницу. Напившись чаю, пошел погулять и пошляться по Крещатику, а также купить кое-какие необходимые вещи. Как противен город летом, даже Киев! В воздухе носятся вонючие испарения, и над всеми ими царит запах пипи (pardon!). В Царском саду зелень и цветы показались мне такими жалкими, пыльными, чахлыми и опоганенными окурками и всякой другой человеческой пакостью. Вскоре пошел дождь, и я отправился завтракать, причем был очень осторожен в пище, ибо желудок пошаливает, — нет, нет, да и схватит его маленькая спазмочка. После того на меня напала

сонливость, и я часика два поспал, и справедливость требует сказать, что очень хорошо. Был разбужен криками под окном (я остановился в «Европейской» внизу). Оказалось, что пьяный мужик бил пьяную бабу. Затем сидел и скучал, пока не явилась мысль отвести душу сим маленьким письмецом. Так бы мне хотелось Вас всех в эту минуту нежно перецеловать! Нужно правду сказать, что никогда я, кажется, так не был покоен и счастлив, как эти два с половиной месяца у Вас в Каменке.

Ежеминутно переношусь мысленно к Вам, целую крепко всех, начиная с тебя и кончая Укой. Не хочу затруднять тебя просьбой отвечать, но очень прошу Таню, Верушу, Анну и Нату (которую тоже целую вместе с Мимишкой) написать мне. Попроси Леву пересылать мне все письма, которые придут вплоть до будущей среды.

Целую твои ручки.

Твой П. Чайковский.

Ужасно как мне недостает мой Алеша.

502. А. И. Давыдовой

Низы,
23 июня [1879 г.]

Милая моя Саня! Пишу тебе под самым грустным впечатлением. Уезжая, я забыл спросить твое средство от водяной! Между тем я нашел бедного моего старичка в положении о т ч а я н н о м, по крайней мере, на мой взгляд! Опишу тебе подробно все, что он из себя теперь представляет.

В н е ш н о с т ь. Худоба совершенно невообразимая и до того страшная, что, смотря на него, я должен брать на себя, чтоб не отвертываться от ужаса и жалости. Лежит в халате на боку, причем на постель вываливается громадный живот. Говорит с трудом; при этом слышится в груди какой-то посторонний звук, но впрочем не бульбулькание воды, а какая-то сипота, как при астме.

О щ у щ е н и е е г о. Он чувствует себя невероятно слабым. А п п е т и т а н и к а к о г о. Спит о т л и ч н о и целый день находится в полудремоте. Духом не падает и, напротив, старается уверить себя и всех, что ничего нет, что все пройдет, — только бы можно было, по его выражению, tirer canon (он воображает, что у него в животе г а з ы). Нервы сильно расстроенные, и при всяком случае плачет. Иногда бывает лихорадочный озноб.

П р и з н а к и б о л е з н и. Когда тронешь живот, слышишь переливание воды. У р и н ы выходит очень мало, приблизи-

тельно с одну треть горшка в день. Испражнения жидкие и по большей части непроизвольные, т. е. приходится раза два в день менять белье, по крайней мере так было вчера! По временам жалуется на удушье. Впрочем, вообще страдает мало; лишь изредка у него бывают колики.

Лечение его следующее. Доктор, посещающий его приблизительно два раза в неделю, дал ему микстуру, в которой заключается арника с spiritum nitri. Принимается она три раза в день по столовой ложке. Советовал он пить молоко стакана два в день. Кроме того два раза в день он принимает по пяти гранов хинины. Сегодня я нашел вместе с Кондратьевым, что старик хуже, чем вчера. На наши вопросы он по обыкновению отвечал, что все вздор, что ничего особенного нет, но слаб до того, что, говоря, беспрестанно останавливается и путается. Должно быть, сознает, что дело принимает серьезный оборот, и просил между прочим приискать ему сиделку или же отправить его отсюда на хутор близ Сум, где живет какая-то знахарка, производящая здесь своими удачными лечениями большую сенсацию. Вообще чувствует, что придется долго лежать, и начинает бояться.

Я возлагаю большие надежды на тебя и на твое лечение. Напиши, матушка, подробно, что делать. Признаться, к здешним докторам я не питаю ни малейшего доверия. Правда ли, что выпускать воду нельзя? Ведь это бы сразу его облегчило? Смертельная ли это болезнь? Есть ли это последствие оспы? Ради бога, прости, что беспокою тебя. Если тебе самой некогда написать, поручи Тане.

Я совершенно здоров, но очень огорчен болезнью бедного старичка. От Толи и Моди известий не имею, поэтому насчет дальнейших планов еще ничего не знаю. Всей душой стремлюсь к Вам в Каменку.

Целую тебя крепко.

Твой П. Чайковский.

Поцелуй за меня всех.

503. М. И. Чайковскому

Низы,
24 июня [1879 г.]

Милый мой Модя! Кажется, я не писал тебе из Киева. Не помню и потому начну сначала. Выехал я из Каменки в среду вечером. В Киеве провел весь четверг, очень скучал, не знал, как убить время и вечером выехал. Приехал сюда в пятницу перед обедом. Все были очень рады, и я сам ощущал некоторое удовольствие и от свидания с Кондратьевым и от самих

Низов, которые не лишены некоторой прелести. Но через полчаса нужно наконец было пойти к Николаю Львовичу, и с тех пор мое пребывание здесь отравлено горечью, сожалением и страхом за бедного больного. Нельзя без ужаса смотреть на него. Он очень напоминает мне С. И. Адамову за несколько дней до смерти. Представь себе крошечную, худенькую стариковскую головку, изборожденную оспой, с мутными слабыми глазами при столь же исхудалых других членах тела и огромном толстом животе. Голос слабый и сопровождаемый какой-то хрипотой. Очень я был потрясен этим зрелищем и до сих [пор] вхожу в его комнату каждый раз с волнением, а сидя у него, беру на себя, чтобы не отвертываться от ужаса. У него водяная. До сих пор не могу узнать, может ли он выздороветь и есть ли надежда. Лечит его хороший сумский доктор. Уход за ним отличный, и, несмотря на его капризность и взбалмошность, все живущие в доме относятся к нему с большим сочувствием и ласковостью. Вообще нужно отдать справедливость Николаю Дмитриевичу! Он обнаружил по отношению к Николаю Львовичу такую мягкость сердца и доброту, каких я не ожидал от него. Сам Бочечкаров, впрочем, духом не падает и нисколько не сознает опасности своего положения. Здесь разнесся слух о какой-то местной Wunderfrau *. Николай Львович пожелал ее видеть, и сего дня за ней послали. Болезнь и крайняя слабость нисколько не изменили его обычных приемов в разговоре, его шуток, внезапных гневов и т. д. Но все это выходит теперь уже не смешно, а невероятно жалостно.

Я ничего не делаю, сплю и ем очень хорошо, но мне при этих обстоятельствах не может быть весело. Не получил до сих пор ни от тебя, ни от Толи ответа на мои письма и потому ничего еще не знаю о том, когда и как отсюда уеду.

До свиданья, Моденька!

Твой П. Чайковский.

Вчера я написал Саше о Николае Львовиче и жду ее ответа. Хочу попытаться полечить его по ее указаниям.

504. А. И. Давыдовой

Низы,
29 июня [1879 г.]

Вчера получил твое с нетерпением ожидаемое письмо, милая моя Саша! Как тебе не стыдно делать предположение, что

---

* знахарки

я неохотно возвращусь в Каменку? Совершенно наоборот. Я только об том и думаю, как бы поскорее вернуться к Вам. Только в Каменке я чувствую себя вполне покойным и счастливым и теперь больше чем когда-нибудь убедился в том, что мне не следует подолгу гостить где бы то ни было. Я начинаю невообразимо скучать здесь, и вчера вечером у меня даже впервые после долгого периода времени сильно расстроились нервы. По случаю именин моих и праздника со вчерашнего вечера сюда наехало множество народа: все разные родственники и братья Кондратьева. К концу вечера они мне все до того надоели, до того показались чужды и далеки от меня, что я должен был делать над собой усилия, чтобы не говорить им неприятностей, и очень рано ушел в свою комнату. Спал тяжело и сегодня проснулся с сильною головною болью, которая и теперь меня терзает.

Поговорим о больном. После моего письма к тебе случилось следующее. Бочечкаров узнал, что здесь в окрестностях живет знахарка, и пожелал лечиться у нее. Привезли бабу, и она тотчас же предприняла следующее леченье: 1) водка, приправленная сасанателью, перцем и можжевельником, — принимать по три раза в день; 2) пиво с медом, — принимать по два стакана в день; 3) напиток из можжевельника и 4) натиранье живота водкой с уксусом. Запретила ему открывать окна и велела лежать под одеялами и пледом, чтобы потеть. Сначала больной подчинился охотно, но водка причиняла ему боль и тошноту, а в комнате сделалась нестерпимая духота. Наконец на третий день все это ему опротивело, и он прогнал бабу. Случился в этот день в гостях у Кондратьева доктор, не прежний, а другой, и он пожелал лечиться у этого доктора, который объявил, что леченья никакого не надо, и лишь запретил много есть. Доктор этот, впрочем, очень плохой, и я не поверил ему, когда он объявил, что через две недели больной умрет. Судя по всему, Бочечкаров если и не выздоровеет, то и не скоро умрет — натура у него очень крепкая. Между тем я с нетерпением ожидал твоего письма, которое наконец пришло вчера. Разумеется, с сегодняшнего же дня начато предписанное тобой леченье. Только молоко он сегодня будет пить еще без известковой воды.

Собственно перемен ни к худшему, ни к лучшему во все это время с больным не было. Только в те два дни, когда лечила бабка, он казался еще более слабым, чем прежде. В течение дня состояние его меняется. Иногда он кажется бодрее, и вчера, например, он даже с помощью других вышел на балкон и часа полтора сидел в кресле и разговаривал. Иногда же

бывает до того слаб, что не может вполне глаз открыть. Мне кажется, что ему позволяли слишком много есть и что он чувствует себя несколько лучше только тогда, когда желудок не отягощен. Моча выделяется попрежнему мало. Относительно причины болезни мнения двух лечивших его докторов разделились. Первый на основании анализа мочи находил, что у него поражена оспой печень, второй же подозревает страдание почек и Брайтову болезнь.

Когда я прочел вчера твое письмо, то все были изумлены твоими познаниями и тотчас же уверовали в твою компетентность. Твое лечение будет соблюдаться во всей строгости. За этим будут следить на первых порах я, а по моем отъезде — Кондратьев и его жена, которые будут письменно уведомлять тебя о ходе болезни. Вообще говоря, уход за ним хороший. Я придумал нанять женщину, которая бы безвыходно сидела при больном. Нашлась очень хорошая сиделка, которая теперь не покидает его ни на минуту. Навещают его все очень часто, что он очень любит. При этом бедный больной, несмотря на внушаемую им всем жалость, иногда изредка изрекает такие уморительные французские фразы, что нет возможности удержаться от хохота. Духом он довольно бодр. О возможности смертного исхода болезни он и не хочет думать и, несмотря на все уверения, продолжает утверждать, что в животе у него скопились газы, и, по его мнению, стоит только хорошенько tirer canon, чтобы все прошло. Аппетита у него нет никакого, и я полагаю, что строгая диэта не будет для него тягостна. Я постараюсь даже, чтобы он обходился одним молоком, без бульона. Курение можжевельником, вероятно, будет заменено натиранием камфорой.

Я получил от Толи известие, что он выезжает из Петербурга 30-го или 31-го. Следовательно, 2-го июля он будет здесь, 3-го мы поедем в Гранкино и останемся там дня три. Несмотря на всю мою любовь к Модесту, я очень раскаиваюсь, что задумал эту поездку. Мне хочется домой, домой и домой! Но теперь отказаться от поездки в Гранкино нет никакой возможности, так как Алина Ивановна телеграфировала мне, что ожидает меня с восторгом и нетерпением.

Очень мне неприятно узнать из твоего письма, что ты была опять нездорова. Надеюсь, что теперь лучше. Спасибо тебе, моя голубушка, за то, что ты так обстоятельно, хорошо ответила на мое письмо, несмотря на нездоровье. Я гораздо благоприятнее теперь смотрю на болезнь Николая Львовича, ибо сильно на тебя надеюсь.

Целую Вас всех и обнимаю с величайшею нежностью. Спасибо Наточке за ее милейшие письма.

Твой П. Чайковский.

Голова болит. Пойду прогуляться.

В случае жажды что должен пить больной?

505. А. И. Давыдовой

Низы,
3 июля [1879 г.]

Все последние дни я жестоко хандрю. Меня обуяло такое нестерпимое желание ехать поскорей в Каменку, что все здесь стало мне отвратительно и противно и даже предстоящая поездка в Гранкино только пугает меня. Но, слава богу, Толя наконец приезжает сегодня и можно было бы завтра же отправиться в путь, если бы не безалаберность моих братцев. Я просил Модеста письменно мне сообщить, как адресовать телеграмму о лошадях, а он дал мне свой телеграммный адрес по телеграфу же, на котором названия имен и местностей так перепутали, что узнать нельзя. Послал сегодня телеграмму на-удачу на ст. Алексеевку. Анатолий же напутал тем, что телеграфировал не из Петербурга, а с дороги. Между тем Модест велел мне о лошадях телеграфировать за три дня. Таким образом, пришлось потерять лишний день или два. Придется выехать отсюда не завтра, а послезавтра.

Теперь обращусь к твоему пациенту.

1) Все твои предписания исполняются с величайшею точностью. Сегодня он выпьет уже пять стаканов молока. Бульону не употребляет вовсе.

2) Состояние его теперь следующее. Слабость все та же, но нет того угнетенного состояния, в котором находился прежде. Он несколько бодрее и веселее.

3) Аппетиту никакого, но молоко не противно.

4) Моча, выделяющаяся отдельно от стула, т. е. в горшок, не увеличилась в количестве и все того же красноватого цвета. Но очень трудно сказать что-нибудь утешительное по этому поводу. Дело в том, что он очень часто имеет стул (раз десять в день), причем выходит испражнение очень жидкое и водянистое, и при этом же выделяется моча, по его уверению, в довольно большом количестве.

5) Живот сделался мягче, и здешний фельдшер (которого зовут Куликовым!) видит в этом несомненный признак улучшения. Ноги в том же положении.

Начал он лечение 29-го вечером или, правильнее, 30-го утром. Мне казалось, что 30. 31 и 1-го числа он был бодрее,

чем вчера и сегодня. Теперь у него голос стал какой-то странный, совсем особенный, и я заметил в нем сильное расположение плакать. Об чем бы ни заговорили, он плачет, впрочем немножко. Я приписываю это крайнему истощению и поэтому посоветовал ему сегодня выпить чашку бульона.

Вот тебе, голубушка моя, мое последнее донесение о больном. Теперь уже сам Кондратьев будет доносить о его состоянии, но, дабы не затруднять тебя перепиской, по возвращении моем в Каменку я буду посредником между тобой и больным. Может быть, один только раз (пока я буду в Гранкине) Кондратьев тебе напишет прямо, и если ты найдешь нужным что-нибудь сказать, то ответь ему, пожалуйста (его зовут Николай Дмитриевич).

Вчера я ездил с М-me Кондратьевой в Закладную. Это маленький хутор, принадлежащий брату Кондратьева. Он стоит на высокой горе, среди волшебно чудной местности с таким дивным видом на все стороны, что хочется плакать от восторга. Я же, смотря на эти чудеса природы, злился, что Вы обречены жить в такой относительно неинтересной и лишенной прелести местности, как Каменка. Вообще же я теперь убедился, что мне не следует уезжать надолго из Каменки, т. е. от Вас. Только с Вами да еще иногда в совершенном одиночестве где-нибудь заграницей я могу быть вполне счастлив.

Обнимаю и целую Вас всех с величайшею нежностью. Около 10-го числа надеюсь увидать Вас. Прощай, мой Ангел.

Твой П. Чайковский.

506. М. И. Чайковскому

Низы.
5 июля [1879 г.]

Модя! Прости и не сердись. Мы едем сегодня прямо в Каменку. Вот тому причины: Анатолий приехал третьего дня вечером очень усталый, с раздраженными нервами, и так как у него всего отпуска до 30 июля, то ему хотелось бы поскорее приехать на место и отдохнуть, а также, переговоривши с Сашей и Дериенкой, предпринять какое-нибудь леченье. Что касается меня, то все последние дни я *невероятнейшим* образом тосковал и томился оттого, что время пропадает, а опера лежит без движенья, так что и мне для успокоения отвратительного состояния духа следовало бы поскорее домой. Но, с другой стороны, мне страшно хочется тебя видеть и неприятно не исполнить слова. Между тем путешествие в Гран-

кино представляется мне чем-то очень долгим и полным неизвестности. Вместо того, чтобы ответить письменно на письмо мое к тебе, где я просил тебя написать, как ехать и как адресовать депеши, ты отвечал телеграммой, в которой до того исковерканы названия, что ничего нельзя понять. Тщетно я ожидал письма, которое объяснило бы эту кашу! В депеше твоей (т. е. Алины Ивановны) сказано: «телеграфировать нужно за три дня Аремпенна середа Шеффора». Что тут можно понять? Я все-таки третьего дни, узнав, что Толя едет сюда, телеграфировал Алине Ивановне о лошадях на станцию Алексеевку для передачи в Гранкино. Но ведь нет никакого сомнения, что телеграмма не дойдет, и, следовательно, пришлось бы ехать на телеге. Но это ничего,— как нибудь доехали бы. Главное же, что заставило меня решиться обмануть тебя и Алину Ивановну, это следующие соображения.

1) Я страшно томлюсь от мысли, что ничего не делаю, и, приехавши в Гранкино, несмотря на всю радость свидания с тобой, торопился бы ехать на место, тем более, что меня там уже десять дней ожидает спешная корректура [1]. Ты это состояние духа поймешь больше, чем кто-либо.

2) Толе в самом деле нужно ехать поскорее на место и отдыхать.

3) Николай Львович теперь лечится заочно Сашей, и так как в последние дни ему стало гораздо хуже, то мне хочется поскорее переговорить с Сашей о нем.

Вообще я сделал величайшую глупость, что тронулся из Каменки, не окончив вполне партитуры [2]. Только первый день я провел довольно приятно. Все остальное время я жестоко скучал и мучился. Только то хорошо, что виделся с Николаем Львовичем, быть может, в последний раз. В продолжение моего пребывания здесь он лечился: а) у доктора Тшебельского, б) у доктора Банковского, в) у знахарки, пичкавшей его всякой мерзостью, и г) по предписаниям Саши. Она лечит его молоком, и сначала ему стало как будто легче: живот сделался мягче, и расположение духа бодрее, но в последние три дни он стал до того слаб, что становится страшно.

Модя! ради бога, напиши мне скорее и успокой меня, что не сердишься. Я решился сделать то, что предполагал прежде, т. е. приехать в Гранкино осенью с работой и совершенно покойно провести недели две. Не правда ли, что это лучше, чем приехать теперь на три дни с расстроенными нервами,

с крайне раздраженным Толей и с мучительным желанием поскорее приняться опять за дело?

На всякий случай пишу письмо к начальнику Алексеевской станции, чтобы он отослал лошадей.

Как бы мне хотелось тебя видеть, как я радостно обнял бы Колю! Ради бога, поскорей напиши хоть несколько слов, чтобы я не мучился мыслью, что огорчил тебя.

А что, если б оказалась возможность тебе побывать в Каменке?

Вчера мы с Толей, т. е. два нерешительнейших человека в мире, целый день терзались, пока не пришли к убеждению, что лучше уехать прямо в Каменку.

Все боюсь, что недостаточно ясно высказался и что ты все-таки будешь сердиться за неисполнение обещания.

Целую крепко.

П. Чайковский.

507. М. И. Чайковскому

[Каменка]
9 июля [1879 г.]

Милый мой Модя! Вот уже второй день я в Каменке и до сих пор не могу успокоиться насчет того, как ты отнесся к моему подлому поступку. Вчера я телеграфировал тебе; к счастью, у Левы был твой телеграммный адрес. Теперь буду ждать твоего ответа. По крайней мере, я уверен, что ты уже в настоящую минуту знаешь, в чем дело, а то второй раз телеграфировать на-удачу мне не хотелось, а письмо бог знает когда бы дошло.

Я очень беспокоился, подъезжая сюда, вообразив себе почему-то, что непременно кого-нибудь застану больным, но, к счастью, страх был ложен. Все, не исключая Саши, приехали встречать нас. Но зато сегодня ночью Саша опять заболела: у нее была рвота, обморок, нервный припадок и т. д. Теперь ей лучше. Как бы мне хотелось, чтобы она решилась уехать заграницу! Собираются они в Крым, но дачи нет. Мне кажется, что они никуда не поедут, а я считаю, что для Саши необходимо куда-нибудь съездить. Бедного Николая Львовича ты, вероятно, уже никогда не увидишь. В день, когда мы должны были из Низов ехать к тебе, пришла телеграмма от старушки Кондратьевой, которая должна была приехать и умоляла меня дождаться ее. Против желания я остался в Низах на лишний день. Николаю Львовичу было очень нехорошо, но я еще надеялся. Зато на другой день он был так плох, что я уехал под самым грустным впечатлением. Если не ошибаюсь, именно

в этот день началось le commencement de la fin*. Он задыхался и не мог почти вовсе говорить. Вероятно, вода подступала к легким. Прощание было убийственно тяжелое. Он несколько через силу сказал мне: «До свиданья» и при этом плакал. Ясно, что страх смерти начинает проникать в его душу, до сих пор он ни разу и не заикнулся о возможности смертного исхода. Я колебался, уж не остаться ли при нем до конца? Но Толя уговорил меня уехать. Да, кстати, мне хотелось поговорить с Сашей об нем. Саша считает дело почти потерянным, но оставляет искру надежды, говоря, что иногда перед обратным всасыванием воды, т. е. выздоровлением, бывает полное падение сил. Со страхом жду известий из Низов.

В мое отсутствие произошло множество трагикомических сцен с Персефоной. Воробей Наталии Андреевны совсем вырос, летает и иногда далеко, но по зову возвращается,— прелестное создание. Приезжал Васильев и сделал Веруше предложение, но получил нос. Таня очень похудела и похорошела. Алеша вел себя хорошо, но, кажется, предается сильному донжуанству.

Вчера же начал инструментовать третье действие. От мух трудно работать. Скоро ли осень!

Целую тебя крепко.

Твой П. Чайковский.

508. М. И. Чайковскому

Каменка,
15 июля 1879 г.

Наконец сегодня получил письмо твое, милый Модя. Очень, очень неприятно было мне узнать, что я нанес тебе столь чувствительную неприятность своим обманом. Я даже едва мог сегодня заниматься, до того мне было тяжело думать обо всем этом. Очень хочется оправдываться и, как всегда бывает в подобных случаях, свалить вину на других,— но пришлось бы много писать, а я чувствую себя очень усталым. Скажу только одно: если б ты согласно моей просьбе обстоятельно ответил мне в Низы письменно, то наверное я бы побывал в Гранкине. Неизвестность, как и куда телеграфировать и ехать, была главною причиною моей нерешительности. Ну да что об этом толковать! Лучше скажу, что, дабы загладить вину, постараюсь остаться подольше у тебя. А что я буду у тебя в августе, то в этом даю честное слово. Толя огорчен вдвое еще больше моего, так как ему едва ли придется побывать у Вас, а между тем твое описание Скало-

* начало конца

новки его ужасно соблазняет. Оба мы вследствие твоего письма сегодня ходим кислые и скучные. Даже у нас была речь: «уж не съездить ли нам теперь дня на четыре к тебе?» Но потом благоразумие взяло верх. Ведь нужно телеграфировать за три дня, следовательно, попали бы к Вам дней через пять, а 20-го Алина Ивановна уезжает, и очень неловко приехать к Вам, когда ее не будет. Кроме того, здешние все обиделись бы, если б Толя уехал, ведь ему скоро уж и в Петербург надо и его отъезд имел бы вид бегства. В последнее время тут стало как-то не весело. Хотя в последние дни Саша совсем почти здорова, но все-таки не весело. Во-первых, Каменка надоела, во-вторых, надоели гости из того дома[1], в-третьих, погода скверная — ветер и пыль, в-четвертых, все имеют какой-то невеселый и разочарованный вид. Зато я доволен своей работой; в одну неделю я сынструментовал всю первую картину третьего действия, очень трудную, а сегодня принялся за вторую. Приеду я к тебе с работой. Очень желательно было бы попасть не в Гранкино, а в Скалоновку, но, впрочем, мне будет хорошо там, где будете Вы, т. е. ты и Коля, по которому я соскучился и хочу его видеть.

Что тебе сообщить по части новостей? Мимишка (воробей, воспитанный Натой) сделался всеобщим любимцем. Нельзя себе представить, до чего это маленькое существо прелестно, какое оно ручное, веселенькое и милое. С другим животным нашего дома, т. е. с Шибкой, пришлось расстаться. Вчера утром она скоропостижно околела; бедная собачка накануне еще была совсем здорова и вместе со мной ходила по обыкновению в Тростянку. Болезнь ее называют шатом, но, судя по описанию болезни, она отравилась или была отравлена. Огорчение было всеобщее. Митя рыдал с отчаянья. Я сам пролил слезу над трупом милого пса.

Известия о Николае Львовиче утешительны лишь в том смысле, что он еще, слава богу, жив. Но очень сомнительно, чтобы он мог выздороветь. Нужно отдать справедливость Николаю Дмитриевичу и Марье Сергеевне. Они очень к нему милы. Лечить его продолжает Саша.

Сашино письмо, о котором ты пишешь, меня очень удивило. Дело в том, что в первом письме твоем из Гранкино ты упомянул о том, что тебе доставила удовольствие гранкинская растительность после чахлой каменской. Я помню, что и тогда она обиделась этим выражением. Но я никак не ожидал, что так долго и так сильно обида будет помниться. Я ей не сказал ни слова. Очень любопытно было бы видеть остальное письмо и узнать, в чем заключается ее неудовольствие на тебя. Саша очень хороший, но очень странный человек!

Здесь находится Коля Переслени, имеющий свойство невыносимо действовать мне на нервы. Если Алина Ивановна не уехала, то скажи ей, что я очень, очень благодарен ей за милое письмо.

До свиданья, Модя! Крепко целую тебя и Колю.

Твой П. Чайковский.

509. М. И. Чайковскому

[Каменка]
21 июля [1879 г.]

Третьего дня утром мы сидели на террасе, по обыкновению наслаждаясь чудным видом на сарай, нужники, свиной саж, [...] хаты и аптеку Слоньского... Ната наливала мне третий стакан чая, и я собирался приняться за чтение газеты,— как вдруг к подъезду подкатила неуклюжая телега [...] извозчика и на ней — изящная дама в хорошеньком дорожном неглиже. Толя сразу ее узнал. Я же только, когда она подошла поближе, убедился, что это действительно Алина Ивановна. Мы были очень удивлены, ибо депеша ее, посланная накануне, до нас не дошла. Мне было в первую минуту даже приятно ее видеть, ибо от нее так и веяло Моденькой и Колей. Потом — несколько нудно, ибо пришлось отменить занятия, и я в этот день не успел почти ничего написать. Она осталась только до вечера. Принята была она очень любезно, и все поочереди с величайшею охотой уговаривали ее остаться подольше с таким искусством, что она, вероятно, верила в искренность приглашения. Правда, что она сразу объявила всю невозможность остаться долее, ибо на другой день должно было состояться то торжество в семействе Донатов, для которого она и уехала из Скалоновки. Держала она себя с обычною легкою бестактностью, рассказала несколько историй, из коих явствовало, что Ал. Арк. Давыдова есть воплощенная грубость, наглость и низость, тогда как она самая безропотная овца на свете, кокетничала с Толей и со мной,— но en somme была очень мила и произвела на многих приятное впечатление. Иствудша нашла ее very nice*, дети тоже. Про тебя выражалась не иначе, как самым дружелюбным тоном. Обед был в этот день превосходный. Провожал ее весь дом.

Воображаю, как ты теперь наслаждаешься в Скалоновке без Алины. Я очень рад, что ты так доволен Скалоновкой. Алина рассказывала, что ты совсем стал другой там — ласковый, довольный и всегда в духе. Я отлично понимаю это и завидую тебе. Алина сама в восторге от своей резиденции.

* очень приятной [*в подлиннике:* neiss]

Толе бедному ужасно хочется побывать у тебя,— но вряд ли придется.

У нас здесь затеялся спектакль. Пойдет «Беда от нежного сердца» и «La Fée» Октава Фелье. «Беду» уже три раза репетировали. В «La Fée» Толя будет играть роль jeune premier и теперь зубрит ее.

Удивила меня Надежда Филаретовна. Узнав, что Саше полезно было бы съездить заграницу или в Крым и что встречаются к тому многочисленные препятствия, она загорелась желанием помочь это[му], и как ты думаешь, что она предложила? Сначала она написала мне, чтобы я привез, когда поеду к ней, Митю, Володю и Юрия и сдал их бы ей под надзор гувернеров и гувернанток, причем я бы жил в своем фольварке, а они в Браилове и она бы раз в неделю посылала их ко мне. На другой день пришло новое письмо, где она развивает ту же тему, воображая, что вся трудность в том, что Саше некуда сунуть детей на время отъезда, и кроме того просит меня самым деликатным образом предложить Саше на поездку три тысячи рублей!!! Непостижимо странная женщина! Как много раз я описывал ей обстановку, семейные отношения и характеры всех членов семьи, как часто в последнее время я объяснял причину затруднений к Сашиному отъезду и как странно она себе все это представляет. Конечно, нельзя не быть тронутым ее участием, но мысль, что она Бобика считает каким-то жалким ребенком, которого не знают куда деть, и что Юрию она предлагает быть маленьким своим приживальщиком, меня сердит.

Саша в последнее время здорова и весела. Работа моя идет трудно. Целую неделю сижу над маршем третьего действия. Целую.

Твой П. Чайковский.

510. М. И. Чайковскому

Каменка,
28 июля [1879 г.]

Произошло довольно много интересных фактов. Во-первых, француженка чуть не вылетела. Дело в том, что бедная Наташа прониклась такой бешеной антипатией к своей воспитательнице, что даже не спит и не ест с горя. В свою очередь и француженка возненавидела Тасю. У них происходили постоянные сцены. Саша как ни старалась восстановить авторитет гувернантки, как ни хлопотала,— ни к чему не пришла. Наконец она решилась сказать Готье, что придется расстаться. Та наговорила грубостей. Не знаю, чем все это кон-

чится, но, кажется, француженка останется до 1-го сентября. Желательно, чтобы она скорей скрылась. Человек она в сущности не дурной, но глупа невообразимо и притом круглая невежда. Она никогда ничего не читала и не читает, и пользы от нее мало. Кроме того, она оказывается такой же подозрительной старой девкой, как Персефона. Недавно она вообразила, что Алеша и Евстафий ее ругали, тогда как они и не подумали об ней. Она жаловалась и при этом в особенности ругала Алешу, говоря, что ненавидит его. Толя питает к ней лютую антипатию и никогда не говорит с ней. Ну, чорт с ней,— дура.

Во-вторых, наш спектакль. Репетиции идут ежедневно и очень недурно. Я никак не воображал, что Толя в состоянии выучить длинную французскую роль. Выучил, представь себе, и очень хорошо. Писал ли я тебе о составе спектакля? Пойдут «Б е д а о т н е ж н о г о с е р д ц а» и «La Fée». В последней Лева играет роль старика, а Таня героиню. Какой у этой девчонки талант! Как она чудно говорит и по-русски и по-французски! Как восхитительно она играет К а т ю и з Т а м б о в а в русской пьесе. Варя Давыдова недурна, но бедная наша Веруша совсем невозможная актриса. В л а д и м и р А н д р е е в и ч выказывает пропасть усердия, но очень мало таланту. Но в общем все идет прелестно.

В антракте г. Котек исполнит несколько скрипичных номеров. Да! Он гостит теперь в Подольской губ. у отца, и так как мне нужно его видеть по поводу клавираусцуга, то я с позволения Саши и Левы выписал его к 1-му августа на три дни. Кстати, так как мне необходимо быть суфлером, то он будет аккомпанировать. Я очень рад его приезду.

Сегодня все были в величайшей тревоге, но, слава богу, теперь нет повода беспокоиться. Юрий вчера вечером заболел, и весь дом всю ночь не спал. У него сделался жар и кровавый понос. Причина болезни — о б е д, который состоял из ботвиньи, кукурузы, огурцов, хвороста. Теперь ему * [Оказы]вается, что фраза, которая рассердила тебя, не более как о с т р о т а, которой она очень довольна, но которая в сущности плоха. Хладнокровно рассудивши, ты сам поймешь, что кроме желания сострить тут и быть ничего не могло. Здоровье ее все-таки теперь лучше, чем было. Но Тася и постоянные болезни детей, конечно, не могут способствовать к ее успокоению. [...]

[*Подпись утрачена.*]

Ты что-то давно не пишешь!

---

* Половина листа утрачена

511. А. И. Чайковскому

Каменка,
6 августа [1879 г.]

Проводив тебя, мы с Левой пошли пешком домой. Вечер у нас был с гостями; я играл с Котиком в четыре руки и со скрипкой, немножко танцовали. Все грустили, что тебя среди нас не было. Холод был ужасный. Как-то ты спал? Я благодаря холоду спал отлично. Вчера был день довольно приятный, и было бы даже совсем хорошо, если б не сожаление о тебе! Так жаль было думать, что в такой чудный светлый день ты сидишь в вагоне, и одинокий. Утром я посидел за своей работой, и к обеду она была совсем кончена. После обеда совершилась поездка частью на лодке, частью в коляске на берег Тясмина за Рудней. Я ходил пешком. Пили чай. Вечер был чудный, и мы все вспоминали тебя и грустили. Вечером играли с К о т о м в четыре руки. Он, бедненький, кажется совсем втюрился в Веру. И в самом деле, эта девочка, с ее непосредственностью и простотой, должна казаться очаровательной рядом с ломачкой Таней. Последняя разыгрывает какую-то камедь, смысл которой я не вполне понимаю. В вечер твоего отъезда она имела какую-то дурноту вследствие музыки, а вчера вышла (как мне показалось) с слегка намалеванными бровями и ресницами. С Котеком она то кокетливо мила, то сурова и горделива. Все это было бы очень противно, если б бедная девочка была хоть сколько-нибудь виновата в том, что ей от природы дан надломленный, полный противоречий и странностей нрав. После ужина я ходил по садику одиноко, так как Лева и Саша сидели по своим углам, Наталья Андреевна была нездорова, Таня пошла ломаться в свою комнату, а все остальные ушли в дом. Спал хорошо. Сегодня денек серенький, но очень приятный. Мы все едем в Вербовку. Я отложил свой отъезд до завтрашнего вечера.

Приехал Ив. Ив. Бутаков. Вчера пришло на твое имя письмо от Саши Гудима. Прости, что я его распечатал. Мне хотелось узнать, будет ли он в Петербурге при тебе. Письмо это произвело на меня крайне неприятное впечатление. Во-первых, он намекает на безденежье и желает, должно быть, получить с тебя малую толику. Во-вторых, что значит этот вексель Акиму и наивная просьба с о б р а т ь побольше денег, — точно у тебя имения в разных губерниях есть? Во сколько этот вексель? Я хочу устроить твои дела с Гудимом так, чтоб на тебе не висела вечная обуза. Нужно будет отдавать ему твой долг помесячно, а вексель Акима я возьму на свое попечение. Ох, уж эти продувшиеся аферисты! Посылаю при сем рассердив-

шее меня письмо. Не нужно ли тебе прислать отсюда, т. е. из Браилова, немножко денег сейчас же? Впрочем, скоро увидимся. Пожалуйста, в случае неприятностей с Сабуровым нимало не унывай, ибо наверное все к л у ч ш е м у. Но, впрочем, не следует и пренебрегать. Не дерзи ему без надобности.

Прощай, милый, дорогой мой Тотошка! С величайшей неохотой еду в Браилов.

Целую тебя.

П. Чайковский.

512. М. И. Чайковскому

Каменка,
7 августа [1879 г.]

Не помню, Модя, писал ли я тебе про наш спектакль? Он прошел довольно благополучно, только В л а д и м и р А н д р е е в и ч напился пьян для храбрости и страшно фиглярничал. В антракте Котек играл на скрипке. Народу было видимо-невидимо. Потом был блестящий бал. На другой день мы встали все в два часа, и у меня целый день болела голова. В субботу уехал Толя, и в самом мрачном расположении духа. Сабуров ему строит разные пакости и между прочим потребовал его, несмотря на самые убедительные просьбы, к 1-му августа, т. е. отказал в просьбе опоздать несколько дней. Но Толя опоздал поневоле, и его ожидают в Петербурге разные неприятности. Он был до того расстроен при отъезде, что я должен был дать ему слово съездить к нему в скором времени в Петербург. Таким образом обязательства мои перед тобой и Н а д е ж д о й Ф и л а р е т о в н о й еще усложнились необходимостью исполнить данное Толе слово. Сегодня я еду в Браилов вместе с Котеком, который пробыл неделю здесь и произвел на всех очень благоприятное впечатление. Почти весь путь мы сделаем вместе. Сколько я останусь в Браилове, когда попаду к тебе, неизвестно. Если из писем Анатоля я увижу, что его дела идут хорошо, то сначала побываю у тебя, а потом у него в Питере; если же он будет очень хандрить, то сначала съезжу к нему, а в Гранкино попаду уже не ранее половины сентября. Впрочем, при моей особенной любви к осени в деревне это ничего.

Саша едет 10-го числа в Петербург, еще неизвестно в сопровождении кого, — это зависит от Дервиза. Если он пришлет вагон, то кроме Анны и Таси она повезет мальчиков (двух старших) и Miss Eastwood. Если вагона не будет, она возьмет с собой Наталью Андреевну для компании и услуг.

Все последние дни у нас тут невыразимая суета, приезды и отъезды. Целую неделю провела здесь Кити Гротхус с прелестными двумя дочерьми.

Приехал Ив. Ив. Бутаков. По случаю присутствия Котека происходят ежедневные музицированья и хождения в гости в большой дом. Я невыразимо утомлен всем этим и буду рад очутиться один в Симакове, но близость Надежды Филаретовны меня будет сильно стеснять.

Николай Львович в том же положении, т. е. отчаянном, но 11-го числа, несмотря на все увещевания Николая Дмитриевича, уезжает в Москву. Нет никакой возможности удержать его.

Об Ларош имеются сведения, что он убежал с какой-то девицей в Гельсингфорс и жену свою бросил окончательно.

Пиши мне: Одесская ж. д., ст. Жмеринка, оттуда в Браилов. Целую. Прости безалаберность письма. Мне еще нужно накатать множество писем.

Твой П. Чайковский.

513. А. И. Чайковскому

Фастово,
8 августа 1879 г.

Вчера вечером выехали из Каменки. Были провожаемы всеми. Барышни наши, все три, каждая по-своему жестоко кокетничали с Котеком, и Саша подозревает, что они все влюблены в него. Вот уж чего я не ожидал! Что касается героя этих бурных страстей, то он, кажется, влюбился в Веру; Анна ему очень симпатична, а Таня ему совсем не нравится. Он называет ее ломачкой. Меня это наводит на грустные размышления по поводу Тани. Несмотря на ее красоту, она мало нравится.

Дождь лил целый день вчера и льет непрестанно сегодня. Это грустно. Лева страшится за просо и овес, которые должны погибнуть и сгнить, если эта подлая погода не кончится. Ехали мы в кресельном вагоне, но спал я дурно, должно быть, оттого, что на Бобринской ужинал. Теперь девять часов, и придется еще три часа просидеть здесь. Я не в духе, и Котик, упорно преследующий меня воздыханиями о Вере, и рассказами о Берлине, встречает довольно суровое отношение к своей болтовне. Если б я мог быть уверенным, что в Симаках меня оставят в покое, то был бы очень рад на-время очутиться в одиночестве.

Беспрестанно думаю о тебе и беспокоюсь о том, что ты нашел в Петербурге. Надеюсь вскоре получить в Симаках

письмо (адресуй попрежнему в Браилов). Саша выезжает 12-го, ответа от Дервиза еще нет. Наталью Андреевну она берет с собой во всяком случае. Я ничего верного еще тебе не скажу. Одно только верно, это, что я ни за что не уеду, покуда не кончу работы, надоевшей мне до безобразия. Пожалуйста, Толичка, обрадуй меня приятными о себе известиями, а если дела плохи, то не унывай пожалуйста, ибо все это трынь-трава.

Целую.

Твой П. Чайковский.

514. А. И. Чайковскому

Симаки,
9 августа 1879 г.

Спешу тебе сообщить о первых здешних впечатлениях. Они удивительно приятны. Домик старый-престарый, густой сад с вековыми дубами и липами, очень запущенный и именно поэтому-то и восхитительный, река в конце сада, удаление от завода, местечка, абсолютная тишина, необыкновенно комфортабельно устроенное помещение, состоящее из залы, огромного кабинета, столовой, спальни и Алешиной комнаты, — все это как нельзя более соответствует моим вкусам и наклонностям. Кругом усадьбы поля, перелески, где можно бродить, никого не встречая, что я сейчас и сделал с невыразимым удовольствием. Наконец, в довершение всего при мне состоит старый лакашка Леон, с которым нечего церемониться, повар, которого я не вижу, и кучер при фаэтоне с четверкой, которою могу пользоваться сколько угодно. Не правда ли, чудно? Но увы! нет такой бочки меду, куда бы не затесалась ложка дегтю. Роль дегтя играет близость Надежды Филаретовны с ее семейством и свитой. Хотя я совершенно убежден, что никто беспокоить меня не будет, но все-таки эта близость несколько смущает меня. Встретил меня вчера Пахульский, чего я очень опасался, и не только встретил, но проводил меня и просидел целый вечер. Однакож, прощаясь, я сказал ему откровенно, что дней семь хочу остаться совсем один, а что его я приглашу. Таким образом я застраховал себя на довольно долгий срок.

С невыразимым нетерпением жду от тебя письма. Ты тоже у меня ложка дегтю. Мне немножко совестно наслаждаться здешними благами, когда ты, бедненький, томишься в Петербурге. Обнимаю тебя с бесконечной нежностью.

Твой П. Чайковский.

Какая чудная эта Надежда Филаретовна!!!

515. А. И. Чайковскому

[Симаки]
12 августа [1879 г.]

Страшно устал от работы и потому пишу лишь несколько слов, чтобы не пропустить обычного срока.

Все то же; все прелестно, все отлично, работа идет быстро, но я устал и буду очень доволен, когда все покончу. Жду с нетерпением от тебя письма, чтобы узнать, даешь ли ты мне разрешение посетить сначала Модеста. После того я приму какое-нибудь окончательное решение и напишу тебе обстоятельно, когда выеду, куда, сколько пробуду у Моди и когда приблизительно попаду в Петербург. Жду от тебя также письма, чтобы узнать, как доехала Саша, здоровы ли они все.

Сейчас вернулся пешком из леса весь в поту и хочу пойти выкупаться. После того ужин, а после того я принял за правило не только не работать, но и писем не писать. Поэтому я так и тороплюсь.

Работы осталось приблизительно на неделю.

Целую бесчетно. Твой П. Чайковский.

516. А. И. Чайковскому

Симаки,
13 августа 1879 г.

Если б я тебе написал письмо вчера, то сказал бы тебе, что невыразимо наслаждаюсь и местностью, среди которой нахожусь, и чудным домиком, и образом жизни, и прогулками. В первые два дня меня очень суетил Пахульский, который предложил мне привезти ко мне Милочку, младшую дочь Надежды Филаретовны, очень мной интересующуюся. Мне этого ужасно не хотелось, да и самого его я не особенно желал видеть. После некоторой борьбы я решился прямо написать Надежде Филаретовне, что, несмотря на всю мою симпатию к Милочке, я не желаю ее видеть, так как дорожу моими отношениями к ней (т. е. Надежде Филаретовне) в том виде, как они теперь, что мне нужна невидимость не только самой Надежды Филаретовны, но и ближайших к ней лиц. В ответ я получил заверение, что она смотрит на наши отношения совершенно так же и что Пахульский был очень наивен, воображая, что она пустит Милочку нарушать мое одиночество. Это меня успокоило совершенно; ведь я побаивался, что и сама Надежда Филаретовна, пожалуй, задумает нарушить сущность наших отношений и пожелает меня видеть. С тех пор я совершенно успокоился. Даже сегодня, несмотря на печальное известие о бедном Николае Львовиче, я

чувствую себя грустным, но покойным. Я, конечно, всплакнул о бедном старичке, но одиночество, ненадобность сдерживаться и скрывать свою печаль, а главное, природа — чудная, всепримиряющая, имели на меня самое благотворное влияние. Одним словом, мне сегодня грустно, но я не расстроен и не раздражен. Работал я больше чем когда-либо. Чтоб не рассказывать тебе грустные обстоятельства о конце Николая Львовича, прилагаю Кондратьевское письмо.

Получил также вчера твое письмо, очень меня утешившее. Как мне ни жаль думать, что ты в Петербурге, но я рад, что служебные обстоятельства совершенно благополучны. Я еще ничего не могу сказать о том, когда отсюда уеду. Мне здесь до того хорошо, удобно и отрадно, что если из твоих писем увижу, что ты не особенно сильно скучаешь, я желал бы остаться в Симаках еще недели две по меньшей мере. Трудно в письме рассказать тебе всю прелесть здешней жизни, — но я никогда и не мечтал о подобном благополучии. Вчера ездил на лодке с Алешей в чудный, необычайно живописный лес. Там бродил, искал грибы, пил чай и вернулся, когда уже совсем стемнело. Купанье у меня отличное. Погода стояла все время чудная; только сегодня опять немножко хмурится.

Работа моя идет отлично. Кроме оперы, которая недели через полторы будет вполне готова, я хочу переменить один номер в моей новой сюите. Я его уже вчера сочинил; нужно будет только один день посвятить на инструментовку [1]. Кроме того необходимо переписать либретто. Все это займет у меня две недели, никак не больше. О поездке в Петербург думаю с большим удовольствием, ужасно хочется увидеть тебя, Папочку, но, признаться, я предпочел бы приехать после Сашиного отъезда, дабы не попасть прямо из деревни в суету. Пожалуйста, пиши мне такие же интересные и обстоятельные письма, как сегодняшнее. Каким образом тебе могло не хватить денег на первый класс? Решительно не понимаю.

Устал и потому против принятого обыкновения кончаю не на последней страничке.

Нежнейшим образом целую тебя. Как жаль, что Володя Жедринский не остается с тобой.

П. Чайковский.

Письмо Кондратьева сохрани до моего приезда.

517. М. И. Чайковскому

Симаки,
15 августа [1879 г.]

Начну это письмо с убийственно грустного известия. Николая Львовича больше нет на свете. Он умер 11-го числа

в 10 ч. 50 м. утра. Вот немногие подробности, сообщенные Кондратьевым. Все последнее время он постепенно ослабевал, и чем делалось ему хуже, тем больше и исключительнее он говорил о своей поездке в Москву. Отъезд был назначен на 8-е число, и все было уложено. Но шел сильный дождь, и он решил еще подождать; 9-го тоже шел дождь; 10-го он был так слаб, что не мог говорить, и Кондратьев ежеминутно ожидал его смерти. 11-го Николай Дмитриевич пошел к больному в десять часов и застал его в отчаянном положении. Последние слова, слышанные от него Николаем Дмитриевичем, были следующие: «именем бога, пошли ко мне Григория!» Оказалось, что он уже звал Григория, и тот все не шел. Николай Дмитриевич пошел писать мне письмо с изложением хода болезни, как вдруг его прервал Саша, пришедший сказать, что Николай Львович кончается. Кондратьев побежал туда и застал его последние минуты. Он умер без страданий, тихо. Оказалось, что вслед за Николаем Дмитриевичем к умиравшему пришел Григорий. Николай Львович велел ему поднять себя, и едва его подняли, как он стал умирать. Слава богу, что он, повидимому, до самого конца не подозревал близости смерти. Он сказал Николаю Дмитриевичу при начале его последнего посещения: «сегодня в два часа, бог даст, я уеду!» Следовательно он упорно до самого конца продолжал то отрицание смерти, которое составляло столь характеристическую черту его. Я тебе не буду описывать, как сильно я огорчен. Большое счастье для меня, что в последние два года я немножко отвык от него. Будь я все это время попрежнему прикован к Москве, смерть эта потрясла бы меня гораздо глубже. Как бы то ни было, но никогда я не примирюсь с мыслью, что Николая Львовича нет на свете. Москва стала мне ненавистна. Воспоминание о том огромном участии, которое он принимал во всем ходе моей московской жизни, как ножом режет мое сердце. Положительно можно сказать, что он один делал мне жизнь в Москве сносною и возможною. Он обладал удивительным свойством примирять с жизнью; его присутствие и его сообщество было мне всегда ничем не заменимым развлечением, успокоением и утешением. Какое дело до того, что он был ничтожен в смысле нравственной и умственной силы! Он был всегда и всем приятен, и это заменяло ему большой ум и большие дарования. Ну да ты лучше, чем кто-либо, ценил способность Николая Львовича услаждать жизнь.

Я продолжаю чувствовать себя здесь отлично и быть довольным как нельзя более всей моей чудной обстановкой, но,

разумеется, мысль о Николае Львовиче отравляет все мои удовольствия. Но во всяком случае я не уеду, пока не окончу всей моей работы, а работать осталось еще недели полторы или две. Отсюда я поеду к тебе, но, может быть, заеду в Низы. Когда все это решится, я тебя извещу. Отчего, Модя, ты мне не пишешь? Я беспокоюсь. Целую тебя крепко.

Твой П. Чайковский.

518. А. И. Чайковскому

Симаки,
15 августа [1879 г.]

Получил твое письмо. Насчет Антонины Ивановны я с тобой согласен; нужно ее наказать, но мне кажется мало не дать ей обещанных сто рублей; нужно кроме того уменьшить пенсию. О разводе нечего и думать. Что-нибудь одно: или не отвечай ей до нашего свидания вовсе, а если будешь отвечать, то прямо напиши, что я лишил ее ста рублей и намерен сбавить пенсию. Впрочем, лучше подожди меня.

Кстати! Не позволишь ли ты мне сначала отсюда отправиться на недельку к Модесту и уж потом в Петербург к тебе? Дело в том, что если я, согласно обещанию, не побываю у Модеста теперь, то буду в Петербурге мучиться этим и торопиться к нему. Вовсе не посетить его я не могу, — это было бы бессовестно. Скажи, Толичка, откровенно: можешь ты позволить мне это сделать без ущерба для твоего нравственного благополучия? К тому же, я не прочь приехать в Петербург, когда Саша уже уедет. Боюсь я суеты. Впрочем, распоряжайся мной, как знаешь. Теперь скажу про себя, что продолжаю чувствовать себя превосходно, хотя я грущу о Николае Львовиче. Время проходит незаметно. Вчера случился пренеловкий казус. Я поехал в лес около четырех часов, в полной уверенности, что не встречусь с Надеждой Филаретовной, которая в это время обедает. Случись же как нарочно, что я выехал несколько раньше, а она опоздала, и я встретился с ней нос с носом. Это было ужасно неловко. Хотя мы лицом к лицу были на одно мгновенье, но я все-таки жестоко сконфузился, однакож учтиво снял шляпу. Она же, как мне показалось, совсем растерялась и не знала, что делать. И мало того, что она ехала в коляске с Милочкой, но сзади еще ехало два экипажа со всем семейством. В лесу я долго бродил и искал грибов, а когда вернулся к столику, где был приготовлен чай, то на нем лежали письма и газеты. Оказалось, что она послала верхового, чтобы отыскать меня в лесу и к чаю подать почту. Вообще вниманиям нет предела. Что это за

чудный для меня человек! Страшно иногда подумать, до чего я обязан ей и как бесконечна должна быть моя благодарность.

Сейчас минула ровно неделя, что я здесь. Дни промелькнули незаметно. Работа страшно подвинулась вперед. Во всю неделю я не видал, кроме Алеши и другого слуги, ни одной живой души. Завтра нужно будет, наконец, пригласить Пахульского.

До свиданья, нежно обнимаю.

Твой П. Чайковский.

519. М. И. Чайковскому

[Симаки]
21 августа [1879 г.]

Вчера получил твое письмо от 11 августа и очень был удивлен, что ты жалуешься на мое молчание. Я писал тебе аккуратно не менее раза в неделю. Нет никакого сомнения, что или одно или даже два письма моих пропали!

Удивлен был также узнать, что у К. Шиловского идет «Онегин» и что меня там ждут. Ничего подобного я до сих пор не слышал. Можешь быть уверен, Модя, что я там не буду.

Здесь я останусь еще около полутора недель. Во-первых, нужно окончить решительно в с ё, в с ё и уже потом предпринять мои поездки, а во-вторых, совестно еще уехать. Ведь для меня монтировали целый дом, накупили массу мебели и всякого рода вещей. Нельзя уехать, не пробывши по крайней мере трех недель. Работаю я лихорадочно быстро, чтобы поскорее отделаться и отдохнуть. Оркестровка уже кончена, но осталось еще много тех второстепенных работ, которые ты в Сан-Ремо называл бесконечными. Кроме того я еще написал новый номер для с ю и т ы. Нужно его инструментовать и переложить.

Отсюда я поеду к тебе, но, вероятно, заеду по дороге к Кондратьеву. Мне этого х о ч е т с я *; останусь у него самое большее два дня. Оттуда к тебе. Я буду у тебя в начале с е н т я б р я, в самых первых числах. Про свою жизнь ничего не скажу,— лучше устно опишу тебе ее. Условия жизни и д е а л ь н ы е, но я не могу сказать, чтобы я так наслаждался, как бы этого следовало ожидать. Причин, почему я не б л а ж е н с т в у ю, несколько.

* а он умоляет *(Прим. Чайковского.)*

Мне ужасно хочется с тобою видеться.
Целую тебя и К о л ю. До свиданья.

Твой П. Чайковский.

520. А. И. Чайковскому

Спмаки,
22 августа [1879 г.]

Получил сегодня твое письмо. Мне очень неприятно думать, что ты так страдаешь от безденежья, но до приезда в Петербург я не могу поспешить к тебе на помощь, ибо денег никаких еще не имею. Толя! хлопочи, голубчик, об постановке оперы. Это будет хорошо для нашего кармана. На этот раз я не сомневаюсь в у с п е х е. Он должен быть. Впрочем, едва ли можно надеяться, чтобы поставили в этом сезоне. Хоть бы обещали в будущем,— и то хорошо!

Как бесконечно долго идут письма! Я до сих пор еще не знаю, сердишься ты на меня за то, что я хочу съездить отсюда сначала к Модесту. А Модест между тем ожидает меня с величайшим нетерпением! Как мне не поехать? Да, мне и хочется повидаться с л ю б и м ч и к о м, который, судя по письму, в не особенно хорошем расположении духа.

Ничего нового про себя сказать не могу. Разве обругать себя! Уж, кажется, чего лучше как я теперь живу. Нельзя выдумать ничего более идеального, а я все-таки не так наслаждаюсь, как бы следовало. Причина этого, впрочем, очень простая. Меня обуяло безумное желание поскорей кончить работу, и я до утомления торчу за столом. Но, ура! Дня через три все или почти все будет кончено. Останется сущий вздор! Вот-то вздохну свободно!

Уеду я отсюда, однакож, не ранее, как через неделю. У Модеста останусь очень недолго, а потом и к тебе. Меня очень манят в Петербург, во-первых, ты, во-вторых, Папочка. [...]

Засим все обстоит благополучно, а так как я очень устал, то в подробности никакие не вхожу.

Нежно обнимаю. Если В о л о д я еще не уехал, то обойми его от меня.

Твой П. Чайковский.

521. М. И. Чайковскому

[Симаки]
22 августа [1879 г.]

Модя!

Хоть ты и очень умильно уговариваешь меня не ездить в Скалоновку [1], но я на зло тебе все-таки приеду. Твой страх за то, что Скалоновка меня не приведет в восторг, напрасен.

Во-первых, я еду гораздо больше для свидания с тобой и с Колей, чем для наслаждений природой, а, во-вторых, Симаки сами по себе, а Скалоновка сама по себе. Однако ж я очень желал бы попасть именно в Скалоновку, а потому очень прошу тебя похлопотать, чтобы до моего приезда не переезжали в Гранкино. С этой целью я взялся, собственно, за перо, ибо до того устал, что болтать письменно не в состоянии. Работа очень, очень близка к концу.

Знаешь ли, что ввиду твоего ожидания, а также Толиного, я бы готов был уехать отсюда сейчас после окончания работы, которое состоится дня через четыре, но, ей богу, совестно остаться всего недели, когда дом монтирован так полно и великолепно, что можно было бы год жить. Нужно по крайней мере остаться еще дней десять или (уж самое меньшее) неделю. Поэтому я попаду к Вам около 4-го или 5-го сентября. Впрочем, я заблаговременно извещу тебя и письменно и телеграммно.

А покамест нежно обнимаю.

Твой П. Чайковский.

522. М. И. Чайковскому

[Симаки]
26 августа [1879 г.]

Модя! Я назначил день своего отъезда 1-го сентября. Вечером в этот день буду в Киеве. Может быть на одни сутки останусь в Киеве и в таком случае у Николая Дмитриевича останусь всего двое суток; если же не останусь в Киеве, то у Николая Дмитриевича проведу трое суток, следовательно выеду от него во всяком случае 6-го сентября в среду и следовательно 7-го рано утром приеду в Алексеевку, куда и попрошу тебя выслать мне лошадей. Впрочем, в свое время, т. е. за три дня, буду тебе телеграфировать. А покамест, сказав тебе, что очень тебя люблю и что очень устал,— остаюсь твой любящий брат

П. Чайковский.

Мне очень хочется тебя видеть.

Все мои работы будут кончены дня через два.

523. А. И. Чайковскому

[Симаки]
26 августа [1879 г.]

Милый мой Толяша!

Я решил, что уеду отсюда 1-го сентября. На-днях все мои работы будут совсем кончены[1]; потом дня три я проведу в приятном ничегонеделании и в назначенный день уеду. Если

захочется, один день, может быть, останусь в Киеве (если будет опера). Два дня я проведу у Кондратьева и оттуда к Модесту, у которого останусь несколько дней. Приеду в Петербург следовательно около 15 сентября. Мне необходимо один день остаться в Москве, вот почему я и думаю, что раньше 15-го не доеду до тебя. Ты не сердишься на меня за все это?

Теперь скажу тебе насчет денег. Я уже получил свои бюджетные суммы. Несмотря на кажущуюся величину суммы, за уплатой долга Леве, Евстафию и Алеше, у меня останется немного. Я говорю это к тому, что хотел тебе отвалить порядочный куш, но по бюджету теперь назначается тебе не более ста рублей *, которые я и хочу тебе выслать или из Киева, если я там остановлюсь, или от Кондратьева, дабы ты обошелся как-нибудь до моего приезда. Меня очень беспокоят твои долги, и нужно будет поговорить с тобой и как-нибудь устроить их. Отсюда мне не хочется посылать тебе, ибо Надежда Филаретовна знает, кому я пишу и куда что посылаю.

Нового ничего нет. Совершенно здоров. Вчера был в Браилове в доме Надежды Филаретовны по ее просьбе. Они все уехали обедать в лес, и вот на это-то время она пригласила меня. Было очень приятно. Вообще мне кажется, что, несмотря на некоторые обстоятельства, мешавшие мне вполне наслаждаться здешней жизнью, пребывание в Симаках оставит во мне очень поэтическое воспоминание.

Работы скоро все кончатся! Ура! Жду с нетерпением письма от тебя. Меня очень беспокоит, как порешит Саша с Тасей.

Целую тебя нежно.

П. Чайковский.

524. А. И. Чайковскому

[Симаки]
28 августа [1879 г.]

Я просто вспрыгнул от восторга, когда получил твое письмо. Вот уже несколько дней, что я не получал ниоткуда известий о всех вас и, как водится, сумел построить целое здание самых ужасных бедствий, разразившихся над головой моих близких. И вдруг получаю твое письмо, написанное, как мне кажется, в хорошем расположении духа! Только отчего ты мне не пишешь, как кончилось дело с Тасей? Поместили ли ее? Как перенесла все это Саша? Знаешь ли, что я по-

* Покамест! *(Прим. Чайковского.)*

плакал, когда читал, как она тряслась перед Annenschule.

По поводу Таси я имею рассказать тебе очень много. Она и не подозревает, что по поводу ее у меня целая переписка с Надеждой Филаретовной. Подробности после. Дело в том, что эта удивительная, эта чудная Надежда Филаретовна возгорелась мыслью женить своего сына Колю (правоведа пятого класса) на Тасе, конечно, не теперь, а через пять лет. Нельзя передать тебе всю прелесть писем, которые Надежда Филаретовна писала мне по этому поводу. Она совершенно серьезно мечтает об этом, и, мало того, видно, что это ужасно занимает ее. Не говори этого Саше. Я лучше сам после скажу. Дело в том, что Саше да и всякому, не прочтя писем Надежды Филаретовны, может показаться просто смешно, что строят планы о женитьбе шестнадцатилетнего мальчика на одиннадцатилетней девчонке. А мне неприятно думать, что будут смеяться. Притом я ни за что в мире не хотел бы, что[бы] об этом узнали посторонние. Ну, словом, прошу тебя никому ни слова.

Merci, голубчик, за то, что ты не сердишься на мое надувательство. Выезжаю отсюда 1-го сентября. Работы свои еще не кончил, но почти все кончил. Ах, как я буду вспоминать Симаки! Как мне хорошо здесь! Но тем не менее ужасно рад повидаться с любимчиком и с тобой, моя милая Сандрильошка! Какая милая Феня! Поцелуй ее от меня.

Твой П. Чайковский.

525. М. И. Чайковскому

[Симаки]
31 августа [1879 г.]

Милый и дорогой Модя!

Завтра утром я должен был выехать отсюда прямо к тебе, заехав только к Кондратьеву. Но сейчас я получил от Анатолия следующую депешу: «Вследствие служебных неприятностей выхожу в отставку. Желал бы видеть как можно скорее. Здоров».

Разумеется, я сегодня же еду в Петербург безостановочно. Что будет дальше, когда увижусь с тобой, не знаю. Очень может быть, что я все-таки попаду к тебе. Из Петербурга, узнав в чем дело, буду тебе телеграфировать.

Прости меня! Но виноват ли я, Модя? Я так горячо желал с тобой повидаться и побывать в Скалоновке. В первую минуту я был в отчаянье от полученного известия. Теперь успокоился. Эка важность отставка, лишь бы был здоров.

Целую. Независимо от письма, буду тебе сегодня же телеграфировать.

Твой П. Чайковский.

Распечатываю письмо, чтобы сказать тебе, что мне смертельно грустно от мысли, что не повидаюсь с тобой. Знаешь, что было ровно год тому назад в сегодняшний день? Мы встретились с тобой на станции, были в бане с Николаем Львовичем, который танцовал, был весел и полон жизни!

Ах, Модя, как мне хочется тебя видеть! Из Петербурга я тебе тотчас телеграммой извещу, в чем дело, а затем в письме поговорю о том, когда я могу приехать к тебе или по крайней мере когда попаду в Каменку. Впрочем, ничего не знаю. На меня напал невыразимый страх за будущее. Очень бы мне хотелось рассказать тебе, как, несмотря на тысячи приятных минут, которые я здесь провел, меня постоянно т е р з а л о неопределенное предчувствие, что случится что-то неприятное и и м е н н о с Толей. А еще что я часто задумываюсь в последнее время над невидимой рукой провидения, оберегающей меня от ударов судьбы или по крайней мере ослабляющей их. Что бы было, если б я получил это известие во время работы! А ведь я вчера только с о в с е м и все кончил. В конце же концов я должен благословлять ежеминутно Надежду Филаретовну. Какая страшная б р о н я против бедствий ее материальная помощь мне.

Твой П. Ч.

Кланяйся Алине Ивановне и попроси у нее извиненья.
Колю нежно целую.

526. М. И. Чайковскому

[Петербург]
4 сентября [1879 г.]

Пишу тебе у Апухтина на бумаге Саши Жедринского. Путешествие совершил в самом несносном нравственном состоянии. Перепутал в телеграмме дни, вследствие этого не был встречен никем, вообразил себе невероятные несчастия, но все оказалось довольно благополучно. История Толина состояла в том, что Плеве, новый прокурор палаты, призвал его в кабинет, к р и ч а л н а н е г о, с к а з а л, ч т о о н р а б о т а е т х у ж е г и м н а з и с т а т р е т ь е г о к л а с с а и т. п. Толя решился подать в отставку, но на другой же день Плеве его призвал и как бы косвенным образом извинился поручением ему очень важного политического дела и приторно нежным обращением. С другой сто-

роны, весь судебный мирок выражает Толе столь красноречиво свое сочувствие и негодованье против Плеве, что он начинает колебаться, и дело, по всему видно, устроится благополучно. Тем не менее, мне очень жаль бедного Толю, обреченного на казенную службу и на столкновения с гадинами вроде Плеве. Я нашел его сверх ожидания скорее в хорошем расположении духа, хотя и дрыгающим больше обыкновения. Но можно ли иметь здоровые нервы при этом порядке? Вчера, например, у него ночевала Саша, суета превосходила даже ту, которую мы с тобой видели в Киеве, а у него важное дело, которое он должен окончить к среде. Вечером происходили отъезд Саши и совершенно растерзавшее мне сердце расставание с ней Таси. Господи, что за денек выдался! Как я с ума не сошел, не понимаю. После трех с половиной недель одинокой жизни в таком восхитительном уголке, как мои Симаки, вчерашние впечатления были для меня ужасны.

Сейчас был у Таси. Она спала хорошо, довольно весела и очень меня утешила. Начальница, у которой она пансионеркой, и самое заведение производят приятное впечатление.

Я в совершенном чаду и до сих пор еще совершенно не могу себе разъяснить, когда и куда я еду. Терзаюсь борьбой между невыразимым желанием удрать и сожалением расстаться с Толей. Вероятно, я приеду к тебе в конце месяца (нечего делать, в Гранкино, а не в Скалоновку), и с тобой вместе отправимся в Каменку.

Папочку не видел еще; он в Павловске, здоров и перенес расставание хорошо.

[*Подписи нет.*]

527. М. И. Чайковскому

1879 г. сентябрь 10. Петербург. С. Петербург.

Господи, до чего мне ненавистен Петербург! Впрочем, все благополучно. Толина история окончилась сегодня совершенно благополучно и самым лестным образом. Если б этот нетерпеливый молодой человек подождал бы два или три дни, то я бы мирно выехал из Симаков, как предполагал, к тебе, успел бы побывать в Москве, где у меня тысяча дел, и наконец приехал бы в Петербург не в такое время, когда в деревне еще так хорошо и когда я всеми силами души еще желал бы наслаждаться прелестью осени. Теперь все как-то вышло некстати. Например, я сижу в кабинете Толи, окруженный хао-

сом. Завтра совершается переезд на квартиру. Можешь себе представить, как весело!

Я только что вернулся с обеда, где были кроме меня Толя, Володя и Велинская. С последней у Толи теперь самые лучшие отношения. Потом я шлялся один по Невскому, устал, соскучился и пришел домой. Но не нашел ни Володи, ни Толи и сижу один, помышляя о том, что все-таки свободы нет и что беспрестанно хочется делать то, чего нельзя, или быть там, где в данную минуту быть не хочется. Ах, господи, как меня тянет куда-нибудь в непроходимую глушь и как мерзок Петербург!

Был у Таси и сегодня. Она очень весела и бодра. У Папочки до сих пор не мог быть, так как нужно было дождаться, чтобы Толина история чем-нибудь кончилась, а она сегодня только окончательно резрешилась. Бедный Толя корпел весь вчерашний и сегодняшний день над трудной докладной запиской, которую Плеве задал ему по важному политическому делу к двум часам сегодняшнего дня. Зато теперь он совсем свободен на несколько дней, так как в комиссии дела почти нет.

Был в Школе. Как я мечтал об этой минуте,— но разочарование было сильное. При свидании расскажу, как и отчего. Модя! мне ужасно хочется приехать к тебе и вместе с тобой отправиться в Каменку. Когда-то это будет! Завтра еду к Папочке в Павловск. Жду от тебя с нетерпением письма.

Целую. Твой П. Чайковский.

528. А. И. Давыдовой

1879 г., сентябрь 10. Петербург. Петербург.

Уже сколько дней сбираюсь я написать тебе, голубушка Саша, но с петербургской суматохой, с суетой переезда на квартиру решительно не мог найти ни минуты. Спешу сказать тебе несколько слов о Тасе. Я видел ее три раза. Она очень бодро и твердо перенесла свое детское горе и теперь производит самое благоприятное впечатление. Вчера я был у Норовых вместе с Тасей; она казалась очень счастлива отпуском, очень довольна находиться у Ольги Николаевны и выражала неохоту отправляться сегодня к Коридут. Завтра в 11 ч. утра я еду за ней, отвожу ее сначала в Институт, потом к Папочке, потом к Карцовым. M-me Гаусман жалуется, что мы слишком много привозим сладостей. На будущей недели придется уже меньше баловать Тасю. Учится она, кажется, совсем хорошо и жалуется, что ей слишком легко. В общем Тася производит на меня

обаятельное впечатление цельностью, непосредственностью своей симпатичной натуры. Я ее стал любить теперь еще более прежнего.

Ольга Николаевна удивительно мила с Тасей и на деле оказывается таким же хорошим и преданным тебе другом, как и на словах.

Папочку я нашел здоровым и веселым, но до того слабым и состарившимся, что становится страшно за будущее. Но что делать! Это в порядке вещей.

Толино дело оказалось мыльным пузырем. В сущности это был большой вздор, сильно раздутый Толей; но ты и Коля немножко виноваты. Вы раздували пламень, когда нужно было тушить. Как бы то ни было, но Толино самолюбие совершенно удовлетворено. Плеве официально заявил, что считает Толю не только полезным, но необходимым для службы.

Про себя ничего не скажу. Одна мысль и одно желание царят в моей голове: поскорей уехать,— до того ненавистны мне Петербург и эта сумасшедшая жизнь. С другой же стороны, жаль Толю, жаль Папочку,— ну, словом, я здесь самый несчастный человек, и в моей душе такой кавардак, что ничего не разберешь.

Саня! Из ста рублей, которые ты мне должна, употреби сколько нужно на белье для милой Наты. Целую нежно всех Вас! Когда-то попаду в Каменку! Думаю, что к октябрю.

Твой П. Чайковский.

529. М. И. Чайковскому

[Петербург]
11 сентября [1879 г.]

Модя!

Тщетно жду я от тебя известий. Я останусь здесь до вторника 18 сентября. И, если ты против этого ничего не имеешь, приеду к тебе около 25-го, ибо нужно будет побыть в Москве и заехать к Кондратьеву. С Толей все благополучно. Я страдаю здесь нравственно невыносимо, впрочем по-всегдашнему. Нужно еще пострадать неделю.

В свое время буду тебе телеграфировать.

Твой П. Чайковский.

530. А. И. Чайковскому

Москва,
20 сентября [1879 г.]

Прости, голубчик, что только сегодня успею тебе написать. Вчера никак нельзя было. Ехал благополучно. Возымел отличную мысль остановиться в знаменитой некогда Кокоревской

гостинице, которая мне всегда нравилась своей тишиной и высокими, чистыми комнатами с видом на Кремль. Нанял за четыре рубли чудесный номер. Вскоре приехали Рубинштейн с Юргенсоном и заставили меня оторваться от только что начатого чая для того, чтобы пойти завтракать.

О, Москва! Не успел я приехать, как тотчас же пришлось напиваться пьяным. Они ушли в два часа, а в пять был назначен обед у Юргенсона, где опять пили, пили и пили. Не могу тебе передать, до чего мне было жутко и противно окунуться в этот московский элемент пьянства. Разумеется, весь день ничего не делал и с Юргенсоном о делах ничего не говорил и не решил. Пришлось остаться на один день еще. Сегодня рано утром меня навестил протрезвившийся Петр Иванович, и мы говорили о наших делах и деньгах. Оказалось, что я мог взять у него двести рублей и что кроме того за ним остается пятьсот рублей, которые я ему и оставляю для уплаты для гадинской пенсии. Он едет сегодня в Петербург и будет у тебя. До трех часов работал, потом у меня сидел Сережа Танеев, потом я скромно обедал в трактире один, а теперь сижу дома среди невозмутимой тишины и, поработавши, сел писать тебе. Представь, что я еще один день должен остаться; во-первых, нужно кончить клавираусцуг, который еще не готов; во-вторых, жду от Кондратьева телеграммы. В письме, ожидавшем меня здесь, он пишет, что выезжает 20-го, т. е. сегодня, из Сум в Москву. Мне не хочется с ним разъехаться, и я телеграфировал, чтобы узнать точно день и час его отъезда.

Нечего и говорить, что беспрестанно думаю о тебе и желаю, чтобы ты был по возможности весел, здоров и покоен. Обнимаю нежно.

Твой П. Чайковский.

531. А. И. Чайковскому

[Москва]
22 сентября [1879 г.]

Наконец, после трехдневного непрерывного пьянства и величайшей скуки сегодня уезжаю в Харьков по пути к Модесту. Не имею времени написать что-нибудь путное. Голова трещит от вчерашней выпивки, и из желудка подымается изжога. Как я счастлив, что выбираюсь отсюда!

До чего опостылела мне Москва! Каким чужим и одиноким я здесь себя чувствую!

С Кондратьевым вышло очень глупо; придется разъехаться. Он как нарочно завтра выезжает из Низов. К Моде еду с удовольствием, но дорога меня пугает. Я предпочел бы увидеться с ним в Каменке.

С оперой не вполне покончил и остающуюся работу поручил Танееву.

До свиданья, Толичка! А Аким не мог не напутать. Не положил мне мою мыльницу. Береги ее до ноября.

Целую крепко.

П. Чайковский.

532. А. И. Чайковскому

Гранкино,
24 сентября [1879 г.]

Толя! Наконец я приехал в Гранкино. Расскажу все подробности вкратце. Выехал из Москвы с чувством величайшего восторга. Только побывав там, я понял, как сильно было для меня значение Николая Львовича и до какой степени это был в самом деле единственный близкий мне человек. Москва стала для меня окончательно чужбиной. Ехал очень хорошо и благополучно до самого Харькова. Так как от прихода курьерского поезда до отхода вечернего поезда по направлению к Гранкино оставалось двенадцать часов, то я остановился в гостинице Grand Hôtel, куда пригласил накануне по телеграфу Кондратьева. Он отвечал, что приехать не может, чему я собственно был рад, ибо боялся, что он меня задержит на лишний день в Харькове. Предстоящая поездка в Гранкино пугала меня: приезд поезда на ст. Алексеевку в четыре часа ночи, неизвестность, будут ли лошади, необходимость проехать восемьдесят верст в холодную ночь,— все это мне казалось страшным. Поэтому был весь день не в духе. После порядочного обеда в отеле ходил в театр, где шел «Фауст» с Макаровой в Маргарите. Макарова мне очень понравилась своей симпатичностью и хорошим голосом, Борисов (Мефистофель) — голосом, а все остальное — порядочным ансамблем. В 12½ выехал из Харькова. В 4 часа прибыл в Алексеевку. Холод был ужасный. Лошади меня ожидали, но по недоразумению вместо фаэтона и тройки — какая-то поразительно неудобная нетычанка. Целых сорок верст, изнемогая от холода и тряски, я ехал до Циглеровки. Здесь меня радушно принял управляющий Шоффа и дал мне чудесный фаэтон с четверкой, в коем я и доехал остальные сорок верст до Гранкино. Вследствие опять-таки недоразумения здесь телеграмма моя не была получена, и появление мое было сюрпризом. Модя занимался с Колей, когда я вошел, и удивлению не было конца. Герман Карлович здесь, но завтра уезжает. Модест собирался в четверг в Каменку и недоумевал, где я. Теперь все устроилось отлично. Мы в четверг вместе отправляемся. Он дня три проведет в

П. И. Чайковский
1879 г.

Каменке и потом прямо в Петербург. Гранкино сверх ожидания мне очень понравилось. В общем оно напоминает Вербовку: так же скромно, успокоительно и мило. В саду есть чудесные местечки и густая березовая аллея. Я нисколько не удивляюсь, что Модя предпочитает его Каменке. Обед был отличный, потом мы с Модей долго бродили по степи.

Об Ларошe грустные известия. Модест виделся с ним в Харькове; он заметил, что в обоих уже замечаются признаки взаимного неудовольствия. Денег у них оставалось немного, а новых достать очень трудно. Наконец они уехали в Таганрог — бог знает зачем. Оттуда Ларош хотел один приехать сюда, но третьего дня пришла телеграмма, что у них деньги украдены и что двинуться никуда не могут. Одним словом, ненормальность связи начинает давать себя чувствовать. Хочу теперь узнать, до какой степени нуждается Ларош в деньгах, и если в самом деле плохо (крайности быть не может, так как у нее много бриллиантов), то придется помочь, хотя у меня теперь всего семьдесят рублей в кармане. Жду с нетерпением от тебя письма. Целую крепко. Пиши в Каменку.

Твой П. Чайковский.

533. А. И. Чайковскому

Каменка.
30 сентября [1879 г.]

Пробыл в Гранкине до пятницы. Выехали после обеда и после бесконечного переезда через степь во мраке глухой ночи и со всевозможными приключениями добрались до станции Перещепино как раз к тому мгновению, когда поезд отходил. Мы опоздали, и пришлось ночевать на станции. К счастию, начальник станции оказался очень милым человеком и дал нам комнату для ночевки. Приехали вчера, в субботу вечером. Были встречены всем домом; все оказались здоровы. Тани нет, но зато, представь, каким счастьем забилось мое родственное сердце, когда среди встречавших я увидел Машу и Женю Ольховских.

Женя в последнее время стала вести себя безобразно [...]. Маша испугалась и не нашла ничего лучшего, как привезти и сбыть ее Саше. Оказывается, что девчонка она очень антипатичная, с отвратительными манерами, невежественная, тупая, и вот это-то сокровище перешло теперь к Саше. Меня это злит до чрезвычайности. Сегодня я призвал Машу к себе и старался объяснить ей, какую обузу она навязала Саше на шею. Она оправдывалась отчаянностью положения и не-

знанием настоящего положения вещей и здоровья Саши. Что тут делать? Я решительно ума не приложу, но только присутствие здесь Жени положительно для всех тягость и несносная обуза. В довершение всего у нее на лице золотуха, и с этой мерзостью она лезет со всеми целоваться. Саша, разумеется, совершенно серьезно взялась быть ей матерью, но по силам ли это ей? Мне вся прелесть пребывания в Каменке отравлена, и я не могу победить в себе чувства отвращения к этой девчонке.

Все остальное благополучно. Завод уже действует. Бураки оказались недурны, но еще не выкопаны все. Флигель мой переделан; спальня моя теперь там, где была Алешина; стало очень уютно, тепло и покойно. Модест останется здесь еще дня три или четыре и поедет в Петербург. Ты его скоро увидишь. Сегодня утром получено твое письмо к Саше. Жду письма к себе. Принесли ли мебель? Что Велина? Скоро ли выздоровеет Муравьев? Все это крайне меня интересует. Прости, что пишу безалаберно. Очень устал: нужно было написать труднейший ответ Надежде Филаретовне, которая опять мне пишет про Тасю и собирается уже теперь начать знакомство будущих супругов. Маша сейчас уезжает.

Целую крепко тебя, мой голубчик.

Твой П. Чайковский.

534. А. И. Чайковскому

Каменка,
4 октября [1879 г.]

Модя уехал вчера вечером. Он, вероятно, тебе подробно расскажет все, достойное внимания, а я все-таки немножко тебе скажу про себя. Вчера вечером и сегодня утром я немножко грущу по милом Моде, но это пройдет. В общем я могу с уверенностью сказать, что наслаждаюсь здесь жизнью. Вообще Каменка осенью и зимой мне нравится гораздо более, чем летом. Мне в моих уютных комнатках очень хорошо, покойно и приятно. Общества здесь как-раз настолько, насколько мне нужно. Одно только противно, это присутствие новой племянницы. Бедная девчонка очень несимпатична и даже внушает мне непобедимое физическое отвращение, а между тем она лезет с авансами, и иногда мне бывает ее жаль. Эта жалость делает то, что я при ней боюсь дать волю своим нежностям с Верушей; вообще она тяготит и стесняет. В первое время мне было очень жаль Саши. Но она давно не была в таком хорошем расположении духа, как теперь, и повидимому совсем не тяготится Женей. Это

меня утешает. Я был все эти дни очень занят корректурами; завтра буду свободен и хочу весь месяц отдыхать. По всей вероятности, перед отъездом заграницу, который состоится в начале ноября, я проведу несколько дней у тебя в Петербурге. В свое время дам точные об этом сведения. Гадине я из Гранкина написал и запретил ей раз навсегда беспокоить тебя письмами. Если она напишет,— не отвечай. Денег решил не давать. Зачем поощрять ее наглость! Жду с нетерпением от тебя письма.

Целую. Твой П. Чайковский.

Таня наслаждается в Ялте и видится с Володей Жедринским.

535. М. И. Чайковскому

Каменка,
4 октября [1879 г.]

Модя! Сегодня утром пришло на твое имя письмо от Лароша. Соблазн был слишком силен — я не мог удержаться и прочел. Письмо произвело на меня смешанное впечатление; с одной стороны, нельзя не удивляться способностям Лароша, его литературному таланту и знанию французского языка, а с другой стороны, мне было до-нельзя противно читать, как он во что бы то ни стало хочет, чтобы ты сделался прихвостником Бильбасова, соперником Аверкиева (одна из самых поганых личностей, когда-либо мной виденных) и вообще газетным анонимным репортером. И все это для того, чтобы оказывать ему какие-то «services négatifs, mais immenses» *. Какой отвратительный эгоизм! Он не советует тебе прилежно заниматься в досужное время повестью, не уговаривает тебя как можно больше читать и расширять свой умственный кругозор, не поощряет тебя к серьезным и полезным занятиям, но посылает в клоаку русской журналистики, в клевреты и прислужники Бильбасова!

Я написал ему дружески-ругательное письмо. Дела его устраиваются.

Сегодня было чудное утро, и я воспользовался им, чтобы сделать громадную прогулку до Пляковки туда через Рудню и берега Тясмина, а назад через полотно железной дороги. Пришел к концу завтрака. Теперь написал четыре письма, еще прогулялся в саду и жду обеда. Вчера вечером было очень грустно и пусто вследствие твоего отъезда. Целую тебя крепко, крепко.

Твой П. Чайковский.

---

* «услуги отрицательные, но огромные»

536. А. И. Чайковскому

Каменка,
7 октября [1879 г.]

Сегодня утром получил твое письмо, милый мой Толичка! Пассаж с Белинской очень интересен. Решительно не знаю, радоваться или печалиться этому; она ведь добрая и хорошая душа, но в конце концов, может быть, все к лучшему, ибо бог еще знает, хорошо ли было [бы] тебе жениться на ней, а между тем оно как будто шло к тому. Кстати о женитьбе. Мы с Сашей недавно говорили о том, что ты совершенно упускаешь из виду Варю. Скоро будет раздел, и она сделается богатой невестой. Очень может быть, что Николай Васильевич поменяется с Левой (об этом была речь) и ей, т. е. ей одной, без сестер, будет принадлежать Вербовка и Лебедовка. Саша говорит, что она чудная девушка. Многое в этой Сашиной мечте кажется мне соблазнительным. Напиши, противна тебе Варя как жена или нет?

Нового ничего нет. Чувствую себя отлично, но и в Каменке иногда мизантропничаю. Например, сегодня у нас гости: Бирюковы, Софья Васильевна, Варя, Бернатович, Анна Петровна и т. д. Меня вдруг взяла неодолимая тоска, и я на весь вечер пришел к себе в комнату; даже к чаю не пойду, буду пить его в своей комнате. Когда гостей нет, мне здесь очень приятно; сидим все и шьем. Я подрубил несколько полотенец и сделал метки. Одно только неприятно — присутствие Жени Ольховской всем в тягость и всем скука. Бедная ужасно несимпатична, глупа, пуста и, что всего досаднее, навязчива. Мне стоит невероятных ухищрений, чтобы отклонить ее посягновения на ласки. Бедная Вера ужасно страдает от ее приставаний, объятий и поцелуев. Идет речь о том, как бы на время поездки в Петербург Саше разделаться с ней. Саша просила Ипполита взять ее на это время (это пока секрет: не говори об этом).

Юрий очарователен,— но Бобик все-таки был, есть и всегда будет моим любимцем. Была сегодня очень скучная и очень неудачная охота в Зрубанце; ничего не убито. Господи, какая скука эта охота! Кроме утомления и скуки — ничего.

От Тани очень утешительные известия: ей весело, и, если не ошибаюсь, она немножко влюблена в Цертелева — дипломата. Она видит очень много народа, и по всему заметно, что наслаждается. Я очень рад за бедную Таню, вечно в Каменке скучающую.

Ната сделалась окончательно членом семейства. Без нее ничего не делается; она ведет хозяйство, разливает чай, уха-

живает за Сашей, как за ребенком, ну, словом, сделалась не только приятна, но и полезна. О Петербурге она все вздыхает, и Саша подозревает, что она к тебе неравнодушна. Владимир Андреевич стал опять хандрить, задумываться и уставливать глаза на неопределенной точке.

Как глупо все сделалось с Тасей! Сашу это очень расстраивает, но в сущности она сама виновата. [...]

Как мне приятно было читать, что ты виделся с Кондрашоном и как мне хотелось быть среди Вас. Что ни говори, а нельзя не любить Кондрашона.

Целую крепко.

П. Чайковский.

В самом начале ноября надеюсь на недельку приехать в Питер.

537. М. И. Чайковскому

Каменка,
10 октября [1879 г.]

Модя! Вот уже неделя, что ты уехал. Не могу, однако, сказать, чтобы дни эти промчались. Напротив, они тянулись довольно долго, и в последние дни я стал замечать в себе явления, которых сначала не понимал. Я ощущал какое-то неопределенное недовольство самим собою, слишком частое и почти непреодолимое желание спать, какую-то пустоту и, наконец, с к у к у. Бывали часы, что я не знал, куда деться. Наконец вчера мне стало вполне ясно, в чем дело. Нужно чем-нибудь заняться; я решительно оказываюсь неспособен прожить долго без работы. Сегодня я начал что-то такое творить и с к у к у как рукой сняло. А какая погода! Это просто непостижимо — совершенное лето. Вчера и сегодня я настоящим образом с в я щ е н н о д е й с т в о в а л. Главное то хорошо, что нет несносного вечного каменского ветра. Как мне бы хотелось в такую погоду быть в настоящей деревне, в Симаках или даже в Гранкине!

У нас здесь все благополучно и все здоровы. Было несколько забавных эпизодов, например, похищение и уничтожение в сортире трех оставшихся от обеда слоеных пирожков (спрятанных для Веры и Жени, ездивших в Смелу), совершенное прожорливой Миной, и чудные рассуждения и педагогические теории, высказанные по этому поводу Персефоной. Недурна была также маленькая стычка Персефоны с Натой по поводу французского языка и т. п.

В общем настроении заметна некоторая меланхоличность, которую я объясняю, с одной стороны, отсутствием Тани, а с другой,— присутствием Жени, вносящей повсюду, где она

суется (а суется она везде) какой-то диссонанс в тихую гармонию зимнего at home*. Сколько бесконечных рассказов про Уфу мы слышим, какое обильное истечение слюней мы созерцаем ежедневно! А какие невероятно тонкие ухищрения я употребляю, чтобы избегнуть ласк и поцелуев, коими чревата наша племянница и кои она беспрестанно собирается оказать мне, как я это усматриваю из вечно устремленного на меня ласкательного, но глупого взгляда! Бедная девочка! Минутами я проникаюсь к ней искреннею жалостью.

Юрий вчера с Миной пошел в лавку, спросил пистонов, сказал, что после пришлет двадцать копеек, и явился с ними домой.

Прощай, милый Модя! Колю целую. Пиши.

Твой П. Чайковский.

Таня очень веселится в Ялте и, кажется, слегка заинтересована Цертелевым.

538. А. И. Чайковскому

Каменка,
12 октября [1879 г.]

Толинька! Получил вчера твое письмо со вложением письма Козловой. Какая прелесть это последнее! То, что ты говоришь про «Вакулу», было уже много раз говорено и тобой, и мной, и всеми. Но что я могу сделать? Если я напишу, чтоб роли отдали другим, то ведь никто меня не послушает, а между тем из Коммисаржевского и Рааб я сделаю себе лютых врагов. Инициатива в этом деле не может принадлежать ни мне, ни тебе.

У нас слава богу, все благополучно. Погода в последние дни стоит изумительная,— совершенное лето. Я ежедневно хожу гулять очень далеко и при этом собираю шампиньоны, которых теперь очень много; чуть не каждый день благодаря мне за обедом бывают грибы. Начал понемножку работать, а то стал было тяготиться ничегонеделанием. Читаю довольно много, между прочим философские статьи Соловьева в «Русском Вестнике»[1]. Здоровье в отличном состоянии. Вообще я бы мог назвать себя вполне довольным и счастливым, если бы не присутствие нашей племянницы Жени, отравляющей всю прелесть интимной семейной обстановки. Ужасно неприятное обстоятельство ее пребывание здесь. Видеть эту подозрительного поведения девицу рядом с Верушей — положительно больно. Да и вообще она — источник для всех неловкого и неприятного чувства. И жаль ее и вме-

---

* домашнего уюта

сте досадно, что она явилась смущать покой Саши, колоть глаза Леве и всех ежеминутно стеснять.

Юргенсон пишет, что Лукашевич, у которого он был, чтобы предупредить об имеющей быть представленной в дирекцию опере моей, принял его с величайшею важностью, более чем холодно и сухо и с очевидным нежеланием содействовать принятию оперы [2]. Как ты думаешь, по представлении партитуры в дирекцию можно будет или нет просить Панаеву, чтобы она через Адлерберга похлопотала об опере?

Ничего определенного насчет отъезда у меня еще нет. Немножко меня смущает безденежье. Придется взять у Юргенсона и в Петербурге быть экономным, дабы доехать до границы, не меняя запасенного золота на бумажки. Вероятно, я выеду отсюда около 25-го числа. Целую очень крепко. Неужели к моему приезду Володи не будет?

Твой П. Чайковский.

539. А. И. Чайковскому

Каменка,
17 октября [1879 г.]

Хороши братцы! Ни тот ни другой уж целую неделю ничего мне не пишут. А я, бедненький, не мщу и не забываю их!

У нас здесь все благополучно. Саша здорова и весела, несмотря на то, что она, кажется, беременна. Пока не решится, верно ли это предположение, не говори о том посторонним, но, кажется, верно. Александра Ивановна была очень нездорова, но через [?] опять поправилась. Погода стоит хорошая. Я ежедневно хожу гулять и собираю с большим успехом шампиньоны, коих нынче очень много. Была на-днях охота с гончими в Тарапуне довольно неудачная, а я опять вернулся с охоты с сильной головной болью. Решительно прихожу к заключению, что это удовольствие не для меня выдумано. Больше охотиться никогда не буду. Начал писать понемножку концерт для фортепиано [1]. Работаю только утром перед завтраком и, странное дело, пишу не без некоторого напряжения: не чувствую большого расположения к писанию, а, с другой стороны, опыт показал, что и без дела жить не могу. Читаю очень много и даже не без удовольствия прочел философские статьи Соловьева в «Русском Вестнике».

Здоровье отлично, сплю хорошо, ну, словом, смело можно сказать, что чувствую себя счастливым и мог бы сказать про себя, что я безусловно счастливый человек, если б мои близкие тоже были довольны судьбой своей. Очень часто думаю

о тебе и сокрушаюсь о твоих служебных обстоятельствах. Выздоровел ли, по крайней мере, Муравьев?

Я еще не назначал своего отъезда. В следующем письме напишу тебе решительно, когда выеду. Я бы поехал отсюда в Питер с величайшим удовольствием, если б меня не смущала денежная сторона. Придется истратить рублей четыреста или по меньшей мере триста. А все-таки поеду, ибо если не повидаюсь с тобой, Модей и Папой теперь, то боюсь заграницей соскучиться. Останусь в Питере не более недели. Целую тебя, голубчик мой! Обними за меня Модю. Что Володя?

Твой П. Чайковский.

Едва ли тебе стоит писать мне сюда. Я выеду не позже 25-го числа.

540. А. И. Чайковскому

Каменка,
18 октября 1879 г.

Толичка!

Я выезжаю отсюда в среду 24-го; 26-го буду в Москве, а 28-го или (самое позднее) 29-го в Петербурге, где и проведу неделю.

Не стесняйся мыслью, что я ради исполнения обещания делаю столь огромный крюк. Я е д у потому, что х о ч у, потому что боюсь, уехавши прямо отсюда заграницу, соскучиться; потому что ощущаю потребность побыть с тобой, с Модей, с Папой. На этот раз я р е ш и т е л ь н о нигде и ни у кого не буду бывать, кроме 1) Папаши, 2) Конради и 3) Лёли. Потрудись не разглашать о моем приезде. Я о ч е н ь радуюсь мысли обнять и нежно поцеловать тебя и Модю. Мне очень улыбается также свидание с Лёлей и с Жедринскими, но зато уж кроме всех Вас и, разумеется, Папы с старой Л и л и решительно никого не хочу видеть и буду скрываться самым решительным образом. Может быть, один раз побываю у Давыдовых. В Москве я должен остановиться, чтобы посмотреть, что делается с оперой и сюитой. Алеша проедет прямо в Варшаву, где мы с ним и свидимся и будем продолжать путешествие далее.

Дай бог, чтобы к моему приезду твои служебные дела устроились! Как я рад буду увидать твоего сожителя! Денег у меня будет мало, и нужно будет жить скромно. Я занял у Евстафия двести рублей, возьму у Юргенсона рублей двести, но едва ли всего этого хватит. В крайнем случае займу в качестве члена и з О б щ е с т в а в з а и м н о г о в с п о м о щ е с т в о в а н и я у Клименки.

Нежно целую тебя. Твой П. Чайковский.

541. М. И. Чайковскому

Каменка,
20 [октября 1879 г.]

Модя!

Пишу тебе расфранченный, в новом сюртуке, в чистой рубашке и т. д.

Приехали Гротхусы с семью человеками детей-девочек, и вся эта фамилия у нас обедает, а вечером будут танцовать. Вот почему мне и нельзя очень распространяться — сейчас обед. Через неделю или несколько больше, около 27, 28, 29 я буду в Питере; проведу всего одну неделю. Очень мне захотелось повидаться с тобой и Толей перед заграницей [1].

Твое письмо произвело вчера фурор. Рассказ о Мише Карцове — прелесть. Большая и важная новость: Саша беременна. И немножко приятно думать, что появится новый baby, и очень очень страшно. Чем-то все кончится? В виду этого нового факта присутствие Жени Ольховской делается совершенно невозможным. Идет вопрос, как ее устроить. В Петербурге мне нужно будет повидаться с Мишей и поговорить о сестре его. Нового, кроме этой большой новости, ничего нет.

Мне кажется, что петербургский климат для Коли невозможен и что зиму ему нужно провести в Италии. Что ты об этом думаешь? Целую крепко.

П. Чайковский.

542. А. И. Чайковскому

Берлин,
11/23 ноября 1879 г.

Милый мой Тотоша! Путешествие совершил идеально хорошо. Сегодня утром приехал в Берлин и остановился в знакомом тебе Hôtel St. Petersbourg. Комнату дали скверную, но это ничего. Напившись чаю, прочитав газету и одевшись, отправился к Котеку. Этот милый человек изъявил бешеную радость при свидании со мной, и я был рад его видеть. Но, проведя с ним два часа и наслышавшись целой бездны всякого рода музыкальных сплетен и других рассказов, я до того устал, что трудно выразить, и когда мой бедный Котик пошел на репетицию какого-то концерта, то я был рад!!! Удивительное дело. Чем больше я живу, тем больше делаюсь неспособен к общежитию. Нет никакого сомнения, что я люблю Кота, но болтовня его действует на меня, как самая трудная физическая работа.

После того часа два бродил с Алешей по городу, и это доставило мне большое удовольствие. Заходил в очень инте-

ресный микроскопический музеум. Теперь пришел домой и в ожидании обеда пишу тебе письмо. От Надежды Филаретовны получил письмо и телеграмму. Она велела приготовить мне номер в Hôtel Meurice. Долго ли пробуду в Париже? Не знаю. Arcachon внушает мне немалый страх, и ох как бы я хотел отделаться от него! Увидим, что будет, а пока пиши на имя Кондратьева: Rue de la Paix, 20 (не нужно Hôtel de Hollande, ибо, судя по его записке, полученной сегодня, он не в Hollande, хотя и с последним адресом дойдет).

Обнимаю тебя и Володю с величайшею нежностью. Завтра постараюсь написать. Еду в Париж завтра вечером.

Твой П. Чайковский.

543. А. И. Чайковскому

Берлин,
12 ноября 1879 г.

Остальной вчерашний день был проведен следующим образом. В четыре часа был бесподобный, бесконечный обед; народу было очень много, но на сей раз Мольтке не было. Прогулявшись по Unter den Linden, в семь часов отправились с Алешей в театр, куда и Котик вскоре должен был прибыть с концерта. Давали «Гамлета». Оперу эту я очень люблю, и поэтому вечер был проведен довольно приятно. Исполнение было хорошее, но далеко не превосходное. Баритон, игравший Гамлета, был ужасным холуем, басы тоже плохи, но зато обе певицы отличные, особенно Офелия. Хор и оркестр хороши, но с Веной нечего и сравнивать. После театра пили чай у меня в номере. Котик был очень мрачен и беспокоен; сначала я думал, что это от любви, ибо он за обедом все время тараторил про какую-то Клару и про ее прелести, но потом после ухода его я, кажется, сообразил настоящую причину. Припоминаю, что он несколько раз раскрывал пустые портмоне и бумажник и чего-то там тщетно искал; кроме того, были вообще некоторые признаки, ясно указывающие, что у него денег вовсе нет. Придется непременно ему, бедненькому, дать. По уходе его я долго читал и часа в два ночи лег спать. Спал дорожным, беспокойным сном и видел во сне, что Ник. Ольховский, воскресший и помолодевший, требовал от Коли, чтобы последний отдал ему половину своей квартиры. Произошла ссора, драка, и тут я проснулся. Только к утру я заснул настоящим, чудным сном. Сейчас ходил менять часть денег. Погода ужасная,— идет снег с дождем, и ветер дует неистово.

Еду сегодня вечером. Расположение духа отличное, но немножко грущу о петербургских милых сердцу существах, Обнимаю тебя с величайшею нежностью. Володю поцелуй.

Твой П. Чайковский.

544. А. И. Чайковскому

Париж,
14/26 ноября 1879 г.

Милый Толичка! Вчера в 7 ч. 40 м. приехал в Париж. Дорога была покойна, но очень скучна. Бедный Котик казался грустен при расставании со мной.

Здесь был встречен Пахульским. Мне было приготовлено то самое помещение, в котором я жил в прошлом году. Чрезвычайно приятно было очутиться в тех же милых комнатках.

Бедная Надежда Филаретовна все время была больна. У ней болят зубы и десны, но так, что уже два месяца она ночей не спит. Здесь ей выдернули четыре зуба, но сделали еще хуже. Жаль бедненькую. Пахульский просидел у меня довольно долго, и когда он ушел, я оделся и пошел побродить по бульварам и поужинать. Спал великолепно. Сегодня утром пошел к Кондратьеву. Шел туда с некоторым страхом; я боялся, что он так же будет мне тягостен, как в Берлине был милый Котик. Если б так случилось, то я бы просто испугался; это значило бы, что я окончательно потерял способность к сообществу с людьми. Вышло напротив. Свидание с Николаем Дмитриевичем доставило мне огромное удовольствие. Ему гораздо лучше, и он начинает выходить. Проболтал с ним часа три, но выговорил себе полную свободу, один завтракал, один гулял и один буду обедать. Только вечер проведем вместе. Надежда Филаретовна едет завтра в Аркашон, а я здесь буду ожидать ее распоряжений относительно выбора для меня местопребывания. Таким образом, я пробуду здесь дней пять или шесть, чему очень рад. Я в Париже совсем, как дома, и любовь к нему осталась во мне так же сильна, как была и всегда прежде. Зато, ох, как мне не хочется в Аркашон! Но делать нечего. Денег у меня осталось совершенно достаточно, чтобы прожить здесь несколько дней и доехать до Аркашона. Впрочем, по всей вероятности я получу экстраординарную сумму, от которой не откажусь.

Пиши мне France, Arcachon près Bordeaux, Villa Brémontier, M-me N. Meck, pour remettre à M. P. T. К Кондратьеву больше не адресуй, так как он переезжает. Крепко тебя целую, моего милого. Володю нежно обнимаю.

Твой П. Чайковский.

545. А. И. Чайковскому

Париж,
16/28 ноября 1879 г.

Надежда Филаретовна изменила свое решение, отчасти, кажется, вследствие моего очевидного нежелания ехать в Arcachon, отчасти вследствие того, что она все время больна и что смешно было бы ехать в Аркашон и там вновь устраиваться, когда 10-го декабря ей нужно уже отправляться в Россию. Ну, словом, она остается здесь, а следовательно, и я до ее отъезда не тронусь из Парижа. Итак, Тотоша, пиши мне сюда в Hôtel Meurice. Кондратьев очень уговаривает меня переехать к нему в Hôtel Bellevue, куда он вчера переселился, но, во-первых, Надежда Филаретовна уже за несколько дней заплатила вперед, а во-вторых, хотя я рад видаться с Николаем Дмитриевичем, хотя мне приятно видеть, до какой степени он, бедный, ожил и ободрился с тех пор, как я здесь, но я все-таки хочу жить здесь отдельно. Ты бы пожалел бедного Кондрашона, если б увидел его. Хотя ему теперь лучше, но он страшно похудел. Экзема (около ста болячек на ногах) у него прошла и заживает, но зато на подошвах ног у него появились теперь сифилитические раны, вследствие коих опять нужно сидеть на одном месте. Однакож вчера мы были вместе с ним и с нашими слугами в цирке. Удовольствия было немного. Вообще же я очень доволен прожить недели три в Париже и что отделался от Аркашона. В воскресенье будет интересный концерт; в театрах тоже дают много интересного, так что с этой стороны очень хорошо. Кроме того, я надеюсь позаняться здесь и кончить свой концерт. Кондратьев и Надежда Филаретовна — оба говорят, что Модест напрасно едет в Рим и что ему нужен другой климат. В Риме будто бы царствуют лихорадки.

Когда я наконец получу от кого-нибудь из Вас какое-нибудь известие? Уехал ли Модест? Я ему писал poste restante в Венецию и в Рим. Холод здесь стоит страшный. Сегодня утром ко мне принесли великолепный рояль Эрара. Завтра начну заниматься.

Обнимаю тебя и Володю крепко. Пиши, голубчик.

Твой П. Чайковский.

Paris. Rue Rivoli. Hôtel Meurice.

546. М. И. Чайковскому

[Париж]
18 ноября [1879 г.]

Модя! Я тебе написал одно письмо в Венецию и одно в Рим, все три [?] poste restante. Вот, Модя, в чем дело. Ни-

колай Дмитриевич, Надежда Филаретовна, доктор, который лечит Николая Дмитриевича (знаменитость), все в один голос утверждают, что безумие с нездоровым и слабым мальчиком жить в Риме, так как там лихорадка, которой он будто бы не может избегнуть. Кроме того Кондратьев очень желал бы жить с нами, где бы мы ни были, а это нам было бы выгодно, так как он предлагает взять на себя главную часть платы за наем помещения. Между тем ехать в Рим после всех перенесенных им болезней он боится. Он в таком жалком, деморализованном состоянии духа, он так счастлив моим и перспективой твоего сообщества, что мне положительно жаль будет оставить его. Ввиду всего этого не согласишься ли ты жить не в Риме, а где-нибудь на Riviera Ponente, или даже во Флоренции, или, наконец, где-нибудь около Неаполя, если не в самом Неаполе. Разумеется, тебе не следует стесняться этим новым проектом и делать так, как тебе и Коле лучше. Я во всяком случае в начале декабря к твоим услугам. Как все это глупо устроилось! Если ты согласишься поехать на Riviera Ponente, то к чему, спрашивается, ты поехал в Рим? Не будет ли умнее всего поехать в Неаполь? Пожалуйста, Модя, поскорее напиши, как ты доехал, как Коля? Я очень беспокоюсь.

Я наслаждаюсь Парижем. Как жаль, что здесь климат неподходящий. Охотнее всего я бы остался в Париже. Но, несмотря на всю его прелесть, я всей душой стремлюсь к тебе и боюсь, что тебе очень трудно одному.

Обнимаю и целую тебя. Как увидишь из предыдущих писем, Аркашон похерен. Я этому содействовал.

Твой П. Чайковский.

Rue Rivoli. Hôtel Meurice.

547. А. И. Чайковскому

Париж,
19 ноября/1 декабря 1879 г.

Представь, Толя, что я не получил еще ни одного твоего письма. Вероятно, ты писал мне в Аркашон. Если да, то письмо твое дойдет до меня. Продолжаю быть здоровым, покойным и счастливым. Кондратьев очень счастлив, что я здесь, и до такой степени дорожит моим сообществом, что хочет поехать со мной в Италию. Он, бедный, все еще не выходит. Теперь у него сифилитические раны на подошвах ног!

Меня обуревает, как всегда в Париже, страсть к покупкам. Целый день мечтаю купить то и то,— а купила-то нема.

Впрочем, заказал себе пару платья и купил халатик. Вчера я писал Модесту предложение поехать жить не в Рим, где, говорят, Коле будет скверно, ибо там лихорадка, а куда-нибудь около Ниццы. Очень жаль, что в Петербурге мы не предвидели этого. Николай Дмитриевич, Надежда Филаретовна, доктор, лечащий Кондрашона, все единогласно утверждают, что безумно было бы нездорового мальчика везти в Рим! Правда ли это? Не знаю, но был бы рад, если б была правда, ибо, откровенно сказать, Рим мне антипатичен не менее, чем тебе.

Вчера был в концерте Паделу и слышал никогда не исполнявшуюся оперу Берлиоза «La prîse de Troie»[1]. Кондратьев в виде исключения тоже ездил со мной.

Надежда Филаретовна остается здесь еще дней десять. Она постоянно больна. Холод ужасный, чему я очень рад. Ненавижу вашу русскую манеру топить до безобразия и потеть. У нас в Париже лучше. Пиши, ради бога. Целую тебя и Володю.

Твой П. Чайковский.

Rue Rivoli. Hôtel Meurice.

548. М. И. Чайковскому

Париж,
21 ноября/3 декабря 1879 г.

Ах, Модя! Как я об тебе и Коле беспокоюсь. Здесь стоит невообразимый мороз. Если и Вас по дороге он терзал, то не знаю, было ли у тебя достаточно теплого. Если ты выехал, как хотел, в прошлый четверг, то теперь ты должен быть никак не дальше Венеции, ибо, несмотря на все твои уверения, я наверно знаю, что ты не мог не остановиться в Вене.

Вот что я хочу тебе сказать. Если мы начнем письменно разрешать вопрос о том, где нам поселиться, то этому конца не будет. Поэтому я решаю следующее. Оставайся пока в Риме, не обращай внимания на мое предыдущее письмо и устройся как можно удобнее и лучше, но не так, чтобы нельзя было уехать, как только вздумается. Затем недели через две я приеду, и тогда мы увидим и обсудим, что делать. А покамест, пожалуйста, пиши мне (очень коротко, но обстоятельно), как ты доехал, какое впечатление на тебя произвел Рим и т. д. Пиши Rue Rivoli, Hôtel Meurice.

Представь, что от Анатолия я не имел еще ни одного письма! Обнимаю и целую тебя и моего голубчика Колю. Я страшно напуган всеобщим уверением, что римский климат для него вреден.

Твой П. Чайковский.

549. А. И. Чайковскому

Париж,
22 ноября [1879 г.]

Сейчас получил твое письмо, мой милый Толька, и очень был счастлив, читая его, ибо я начинал уже немножко беспокоиться. Ввиду твоих занятий я решаюсь освободить тебя от обязанности писать мне подробные изложения о времяпровождении. В самом деле тебе некогда. Я, например, решительно не желаю, чтобы ты садился писать мне н о ч ь ю, по возвращении домой, когда нужно не письма писать, а спать. Пиши мне не более р а з а в неделю и не считай себя обязанным уписывать все четыре страницы. Лишь бы я знал, что ты здоров и что все * мне ничего не надо * свободного человека * не менее двух раз в неделю.

Сегодня стоит ужасная погода. На улицах метель и морозы в десять градусов; на тротуарах приходится вязнуть в снегу, ни ходить, ни ездить совершенно невозможно. В комнатах страшно холодно, но это мне ничего — я даже люблю это. Был сейчас у Кондратьева. Вчера я на него ужасно разозлился. Так как у него здесь есть разные знакомые, то я просил его в случае, если столкнусь с одним из них, представить меня в качестве М-г. П е т р о в с к о г о, что он мне и обещал положительно, но вчера, в то время как я сидел у него, является какой-то антипатичнейший и нахально глупый г. А п л е ч е е в, которому он меня отрекомендовал в качестве Чайковского; тот сейчас объявил мне, что он намерен близко со мной познакомиться, что он тоже музыкант, что сочиняет оперу, но в особом мелодическом стиле, что я должен эту оперу прослушать, что он желает меня часто видеть, что будет у меня и т. д., ну, словом, в одно мгновение он отравил мне всю прелесть моего i n c o g n i t o, и теперь, сидя дома, ежеминутно я должен ждать его появления.

Известие о покушении на государя произвело здесь большую сенсацию [1]. Все газеты выражают ему сочувствие.

От Модеста не имею еще никаких известий и поэтому еще ничего не знаю относительно того, куда и когда уеду. Дело в том, что все здесь толкуют о нездоровости римского климата, и я хотел бы уговорить Модеста переехать в Ниццу.

Здоровье отлично; ем и сплю превосходно. Занимаюсь понемножку. С Кондрашоном вижусь ежедневно. Он, бедный, все сидит дома.

Целую тебя и Володю.

Твой П. Чайковский.

---

* Утрачена часть письма.

550. И. П. Чайковскому

Париж,
22 ноября 1879 г.

Бесценный, милый и дорогой мой Папа!

Полагаю, что из сообщений Толи Вы знаете, что я благополучно доехал до Парижа, где уже и нахожусь около десяти дней. Здесь мне хорошо. Я слушаю много хорошей музыки, много брожу по чудным улицам, понемножку занимаюсь и ежедневно вижусь с моим приятелем Кондратьевым, который живет здесь и лечится. До сих пор еще ничего не знаю о Модесте. Выехал ли он, когда собирался, где теперь,— все это мне совершенно неизвестно. Но как только он напишет мне, что приехал на место, я тотчас же поеду к нему. В Париже вот уже несколько дней стоят жестокие морозы, а сегодня такая метель, что на улицу носа нельзя показать. Давно уже у них не было таких ранних и сильных морозов. В комнатах без печей холод стоит невыразимый,— но я это очень люблю, и для моего здоровья холодные комнаты всегда очень благоприятны.

Вчера получилось известие о покушении на жизнь государя и произвело большую сенсацию. Все без исключения газеты выражают большое сочувствие к государю и омерзение к виновникам отвратительного преступления. Как грустно за Россию! Когда все это кончится?

Думаю, что пробуду здесь еще недели две. Милый мой! Обнимаю Вас несчетное число раз и нежнейшим образом целую. Милую Л и л и тоже крепко прижимаю к сердцу. В конце зимы надеюсь лично обнять Вас обоих.

Ваш сын П. Чайковский.

551. А. И. Чайковскому

Париж,
25 ноября/7 декабря [1879 г.]

Что за мороз! Этакие и в России редко бывают. Вообще Париж принял теперь совершенно вид Петербурга, с той разницей, что у нас умеют убирать снег, а здесь он громадными кучами лежит, и только вчера проезд по улицам сделался возможен. Я нисколько не страдаю от мороза на улице и даже нахожу наслаждение вдыхать свежий морозный воздух, но в комнатах ужасно!

Я сейчас с концерта в C h â t e l e t. Давали целиком не игранную никогда оперу Берлиоза «L a P r i s e d e T r o i e»[1]. Французы теперь с ума сошли на Берлиозе и от каждой нотки приходят в неистовый энтузиазм. Сегодня был там пре-

зидент Греви, и, когда он вошел в свою ложу, весь театр аплодировал и сделал ему овацию.

Я все еще в совершенной неизвестности насчет Модеста. Приписываю это тому, что все железные дороги теперь вследствие снегов или вовсе остановили движение, или страшно опаздывают. Поэтому решительно еще не знаю, когда отсюда тронусь. Признаться сказать, смертельно не хочется уезжать из Парижа, который я люблю до страсти, в Рим, который мне антипатичен. Но, с другой стороны, здесь страшно много издерживается денег и много соблазну.

Кондратьев все еще, бедный, сидит безвыходно дома из-за ран на подошвах. Только в театр иногда ездит. Вчера мы вчетвером (он, я и наши слуги) играли в стуколку, и я по обыкновению проиграл. Надежда Филаретовна задержана здесь снегами и морозом, и бог знает, когда уедет. Я рад ее соседству, но Пахульский... ох, как несимпатичен, а приходится часто с ним видеться и заниматься с ним. Целую тебя со всевозможною нежностью и обнимаю Володю.

Твой П. Чайковский.

552. А. И. Чайковскому

Париж,
27 ноября/9 декабря 1879 г.

Милый мой Толя! Получил сегодня разом два твоих письма: одно, адресованное в Аркашон, другое — прямо. В последнем из них ты очень жалуешься на свое служебное положение и образ жизни. Оно меня очень огорчило, хотя я и привык теперь ожидать от тебя письма, написанные в грустном тоне, и каждый раз раскрываю твое письмо с сжатием сердца. Главное, меня всякий раз приводит в отчаянье мысль, что я бессилен помочь тебе, т. е. способствовать к перемене твоего положения. Конечно, к Шрейберу я напишу красноречивое письмо и надеюсь, что он внемлет моей просьбе. Сгоряча я даже хотел написать ему сегодня, но рассудил, что лучше подождать, пока ты велишь написать, а то, пожалуй, только напорчу. По правде сказать, мне бы хотелось, чтобы ты дотерпел до моего возвращения в Петербург, чтобы обстоятельно переговорить. Кто знает? Может быть, к тому времени произойдет какое-нибудь изменение в твоих обстоятельствах. Я боюсь, чтобы ты не раскаялся в поспешности действий. Но делай, как хочешь. В случае, если ты решишь остаться в Петербурге, т. е. ничего не предпринимать до моего возвращения, то я хочу тебе сделать следующее наставление. Я очень по-

нимаю твое положение: тебе просто опротивела служба в Окружном петербургском суде и ты точно так же жаждешь перемены, как я жаждал в былое время, чтоб провалилась консерватория, лишь бы мне не быть там профессором. Но я знаю также, что причина твоего отвращения к Окружному суду лежит не столько в его свойствах, сколько в самом тебе. Ведь не все же товарищи прокурора так тяготятся службой, как ты, точно так же как не все преподаватели теории ненавидят свое дело, как ненавидел его я. В тебе точно так же, как и во мне, есть способность, раз почувствовавши себя недовольным своей обстановкой, видеть недостатки ее в преувеличенном виде. Я, конечно, не стану тебя порицать за это, ибо совершенно так же падаю духом, как ты, и подобно тебе не умею победить себя. Но все-таки ты в таких годах, когда еще можно заставить себя тянуть лямку. Кому не приходится страдать от несовершенства и неудовлетворительности обстановки? Разница в том, как к ней относиться. Я сейчас припомнил, как Володя, возвратившись из своей знаменитой поездки в Ямбург, рассказывал нам эпопею своих приключений. Если бы ты или я очутились в подобном положении, мы бы считали себя невероятными мучениками, рассказывая об этом, проклинали бы свою судьбу и ту деятельность, которая приводит к подобным пассажам; у Володи же, который другого темперамента, из всего этого вышел лишь прелестно рассказанный комический эпизод. Как благодушно и философски он отнесся к случаю, который тебя и меня расстроил бы вконец! Нечего греха таить, мы бы с тобой оказались в сравнении с ним малодушными. Ты понимаешь. Тотоша, что я хочу сказать. Я бы не хотел, чтобы ты в жизни был такой тряпкой, как я, чтобы эта тряпичность привела тебя к таким же странным поступкам, какими я ознаменовал тридцать восьмой год своей жизни. Дело в том, что твое положение имеет вид несчастного только в твоих собственных глазах и в глазах тех, которые подобно мне узнают себя в тебе. Я бы, конечно, будь я товарищем прокурора, был бы таким же отъявленным ненавистником своего дела, как ты. Но, собственно говоря, что особенно ужасного в судьбе товарища прокурора? Не сам ли ты немножко виноват в том, например, что не успеваешь делать своего дела? Попробуй иметь больше характера в случаях, подобных тому, результатом коего твое исполнение против воли роли Молчалина? Ты слишком мягок, добр и деликатен,— я это понимаю, но желал бы, чтобы лучше ты был менее податлив на всякие просьбы и приставания. Возьмем ту же Велинскую. Ты слишком много отдаешь ей своего време-

ни. Если у тебя набралось очень много дела, попробуй хоть один месяц решительно отказаться от приема кого бы то ни было у себя, от обедов у Карцевых, от танцовальных вечеринок у Клингенбергов, от принимания на себя поручений болвана Лароша, одним словом, от всяких таких трат времени, которые без всякой надобности, единственно из чрезмерной деликатности ты на себя берешь? Ведь сколько бы у тебя было свободного времени, если б ты был более кремнем!

Разумеется, очень глупо, может быть, читать тебе все эти наставления, когда дело идет о том, чтобы во что бы то ни стало уйти из Петербургского окружного суда. Но я говорю все это на тот случай, что ты до весны решишься остаться в Петербурге.

Во всех этих наставлениях чувствуется своего рода эгоизм с моей стороны. Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам я теперь мог бы быть совершенно довольным судьбой, если б только мой Толя не хандрил и не считал себя несчастным. Нужно во что бы то ни стало сделать, чтобы ты приветливее относился к своей жизни, чем в эту минуту. Если до того дошло, что тебе уж решительно невтерпеж, то давай думать, что предпринять, чтобы переменить службу. Поговори со всеми друзьями. Не придумают ли они чего-нибудь? Не могу ли я кому-нибудь написать, чтобы тебе вовсе оставить судебное ведомство? Ну, одним словом, что-нибудь одно: 1) или решись остаться в Петербурге до весны и в таком случае вооружись философским взглядом на вещи, или 2) решись перейти в другое ведомство, и тогда нужно что-нибудь тотчас предпринять. Что ты найдешь себе дело, без особенного труда и сумеешь занять и в другой сфере отличное положение, в этом я не сомневаюсь. Для меня, главное, нужно, чтобы ты был здоров и покоен, и, ради бога, не задумывайся бросить свое прокурорство, если оно тебе невыносимо. Но только я бы желал, чтобы ты ничего не делал такого, чего тебе не посоветует Володя. Какое для меня неоцененное счастье, что с тобой живет Володя! Если б его не было, я бы теперь страшно о тебе беспокоился. Но в Володе и в его дружбе с тобой я вижу самую крепкую опору твою и знаю, что он убережет тебя от всякой невзгоды [1].

Прочитав твое письмо, я сильно огорчился и тотчас же в преувеличенном виде взглянул на твое неудовлетворительное положение; но потом раздумал, что лишь бы ты был здоров, для меня все равно — останешься ты прокурором или нет, а главное, мысль о Володе утешила меня. Вследствие сего пошел обедать, потом гулял по сильнейшему морозу, потом си-

дел у Кондратьева и, наконец, теперь пришел домой и пишу тебе совершенно покойно.

От Модеста до сих пор не имею известия. Если завтра от него не будет письма, я буду телеграфировать Масалитинову.

Если б ты знал, как курьезен Париж при этом страшном морозе, при этих массах снегу, лежащих на улицах, при отсутствии движения и тишине! Точно будто была эпидемия и вымерла половина жителей.

Ты ничего мне не пишешь о Лёле? Что он и Саша?

Письма сестры Саши, о коем ты пишешь, я не получил. Известие о М-г. Кошкарове довольно неприятно поразило меня. Авось это не устроится. Откуда он взялся? Вероятно, Сашино письмо я получу.

Толичка! Прости, если я в своих советах тебе написал какую-нибудь глупость. Чего бы я не дал, чтоб тебе было хорошо. Как мне будет противно мое благосостояние, если ты будешь продолжать хандрить! Обнимаю тебя крепко. Володю тоже.

Твой П. Чайковский.

Я не только не требую, но даже не хочу, чтобы ты писал мне подробно и много, пока не будет у тебя больше свободного времени. Пиши только не менее раза в неделю.

553. М. И. Чайковскому

Париж,
28 ноября/10 декабря 1879 г.

Модя! Я не совсем понял твое письмо, т. е. решительно ли ты предпочитаешь Рим всякому другому месту или нет. Поэтому я и телеграфировал тебе. Очень может быть, что в первый день ты еще не мог хорошенько дать себе отчета в том, насколько Рим годится для тебя. Меня в соображение не принимай, ибо мне совершенно все равно где жить, лишь бы для Коли было хорошо. Но какой ты, по выражению Николая Дмитриевича, безалаберный! Во-первых, ну как ты мне ни из Вены, ни из Флоренции, ни из Венеции не написал, а я ведь тут беспокоился об тебе. Во-вторых, теперь из Рима ты и не думал написать мне, куда адресовать тебе, остаешься ли ты совсем в отель de Russie, или это только на время? Я не решился телеграфировать прямо к тебе, боясь, что ты, может быть, уже переехал и не дал в отеле своего адреса. Пришлось посылать депешу на имя Масалитинова, а мне не хотелось бы очень-то вмешивать его в наши дела.

Прими также в соображение: можно ли дешево устроиться в Риме?

Завтра надеюсь получить твой ответ, ибо надеюсь, что ты будешь мне телеграфировать. Если ты ответишь, что хочешь Рим, то сейчас же бегу и покупаю билеты в спальном вагоне и телеграфирую тебе, когда приеду. Кондратьев на будущей неделе поедет в Ниццу и может быть потом отправится к нам в Рим.

До скорого свиданья, Модя мой милый.

Целую вас обоих.

Твой П. Чайковский.

Может быть по дороге я остановлюсь на один день в Флоренции.

554. А. И. Чайковскому

Париж,
30 ноября/12 декабря 1879 г.

Толя! Я наконец получил известие от Модеста. Какой он безалаберный. Останавливался в Вене, в Венеции, во Флоренции чуть не по два дня и нигде не мог написать мне, — а я здесь беспокоился об нем. Он уже пять дней живет в Риме. Остановился покамест в отеле и в ожидании меня останется в нем. Рим ему нравится, и уезжать ему не хочется, поэтому я не хочу его тревожить, и, несмотря на все свое отвращение к этому городу, поеду в Рим через шесть дней, то есть в среду 5/17 декабря. Приехавши туда, посмотрю, насколько удобно устроиться там прочнее, и там уже решу оставаться в Риме или ехать куда-нибудь в другое место. Масалитинов и Голицын до-нельзя ужасают меня. Всего охотнее я бы остался в Париже, а позже поехал бы в Clarens. [...]

В Париже все еще снег и все еще холодно, но уж не так, как на прошлой неделе. Бедная Надежда Филаретовна все еще не может уехать; во-первых, она больна, а во-вторых, боится снегов и задержек на пути.

Кондратьеву лучше, но все еще не выезжает, бедный. Приходится все вечера проводить с ним, и это не то что скучно, но несколько стесняет меня. Вчера получил восхитительное письмо от Натальи Андреевны с массой подробностей, очень интересных, о житье-бытье в Каменке. В театре совсем почти не бываю. На-днях, впрочем, слышал в Opéra Comique «Волшебную флейту» Моцарта. Прощай, голубчик! Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

Володю поцелуй от меня.

Адресуй в Рим в гостиницу, где живет Мод[ест] и где я буду жить: Via Babuino, Hôtel de Russie.

555. М. И. Чайковскому

Париж,
30 ноября/12 декабря 1879 г.

Модичка! Вчера получил твою телеграмму и одну минуту колебался. Не поехать ли мне, думал я, поискать где-нибудь около Бордигеры уединенную виллу, не нанять ли ее вместе с Кондратьевым и не дать ли тебе потом знать: «приезжай, дескать, все готово». Но потом сообразил, что пока мы будем искать, колебаться, сноситься почтой и телеграфом, — издержится бездна денег, мы оба будем в неизвестности, и на Коле эта непрочность устройства жизни может отразиться дурно. Поэтому я тотчас же побежал в агентуру спальных вагонов и удержал два места на среду. Раньше этого я не могу уехать по причине желания Надежды Филаретовны, чтобы я, если можно, не уезжал ранее ее, а она едет во вторник. Итак, я выезжаю в среду вечером и в пятницу вечером буду в Риме. Но если почувствую себя очень утомленным, остановлюсь во Флоренции и в таком случае приеду не ранее субботы. Хотя ты не жалуешься на неудобство одному смотреть за Колей, но я чувствую, как это тягостно. Прошу, потерпи еще недельку! Кондратьеву очень хотелось бы позднее соединиться с нами в Риме. Все это мы решим при свидании.

Модя! Ты не поверишь ужас, который внушают мне Голицын с Масалитиновым. Я обоих их люблю, но страшно отвык от них. Ради бога, приготовь их к мысли, что я страшно удручен работой, что я ни...* что весь день до обеда я запираюсь в своей комнате и т. д.

О, какое несчастье, что Париж такой холодный город. Как я невероятно люблю его и как здесь можно жить в стороне от всех, но наслаждаясь всеми прелестями столицы из столиц. Теперь, когда уже билеты взяты, скажу тебе откровенно, что я столь же бесконечно рад увидеть тебя, сколь бесконечно боюсь Рима, который мне в высшей степени антипатичен, несмотря на все его сокровища. Теперь интересно знать: изгладится это впечатление, полюблю ли я его или нет?

Твой П. Чайковский.

---

* Часть письма утрачена.

Количку, моего голубчика, обнимаю! Обоих Вас нежно обнимаю.

Двадцать четыре франка в день, по-моему, очень дорого. Вспомни, как мы дешево платили во Флоренции!

556. А. И. Чайковскому

Париж,
3/15 декабря 1879 г.

Последние дни в Париже провожу попрежнему тихо и приятно и, признаться, несмотря на все удовольствие предстоящего свидания с Модестом, думаю о Риме не без ужаса. Особенно меня пугает чета Голицына с Масалитиновым. Бедная Надежда Филаретовна все больна, и вот уже три недели, что она не выходила из комнаты. Вчера вечером (было воскресенье) я пообедал скромно и ради воскресенья решился сходить в Café-chantant; с большим удовольствием провел вечер, вернулся домой, по обычаю почитал до двух часов и лег спать. Просыпаюсь вдруг от неожиданной и совершенно неописанной зубной боли. Болел совершенно здоровый и целый зуб, но с такой ужасной силой, что я готов был рвать на себе волосы. Встал, зажег камин, ходил, старался лежать без движения и, наконец, когда уже стало светать, боль утихла и я заснул. Проснулся в одиннадцать часов. Зуб совершенно здоров, но чувствую себя слегка усталым и нервным; поэтому позволил себе подремать днем и теперь окончательно здоров. Что это за странность? Невралгия, что ли? Последнее время ознаменовалось приставаниями ко мне двух берлинских издателей, чтобы я продавал им свои будущие сочинения. Как это мне ни лестно, но по своим отношениям к другу Юргенсону должен был обоим решительно отказать. Видишь, как твой братец делается знаменит? Здешнее Общество квартетной музыки объявило, что второй сеанс будет посвящен исключительно моим сочинениям. К сожалению, это состоится только когда уж я буду в Риме.

Уезжаю послезавтра, в среду. Пиши мне в Рим (Via Babuino, Hôtel de Russie). Сегодня получил милейшее письмо от Наты с подробностями о поездке Тани и твоей невесты Вари на бал в Елисаветград, где Таня произвела огромную сенсацию. Сегодня буду обедать с Николаем Дмитриевичем в русском ресторане. Целую тебя наикрепчайше.

Твой П. Чайковский.

557. А. И. Чайковскому

Париж,
5/17 декабря 1879 г.

Сегодня уезжаю в Рим. Мороз стоит невообразимый, какого я и в России давно не запомню. Пишу тебе, чтобы предупредить, что пройдет порядочно времени, пока я успею написать тебе из Рима и пока письмо дойдет до тебя.

Думаю, что ранее недели ты письма от меня не получишь.

Не забудь мой римский адрес: Via Babuino, Hôtel de Russie.

Бедная Надежда Филаретовна уехала вчера как-раз в этот страшный, небывалый здесь мороз.

Крепко и нежно обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Володю тоже.

558. А. И. Чайковскому

Турин,
7/19 декабря 1879 г.

Попал неожиданно на целые сутки в Турин. Поезд, на котором я ехал, опоздал сюда на три часа, и пришлось ночевать до следующего прямого поезда. Дорога была ужасная. Я за целую неделю запасся местами в спальном вагоне, но вследствие неизвестных причин в этот день спальный вагон не пошел, и пришлось ехать в обыкновенном. Холод был нестерпимый; пришлось два раза пересаживаться и вследствие опоздания попасть на границе в тихий пассажирский поезд, который ежеминутно останавливается, и ехать в страшной тесноте. Дотащившись до Турина, я был совершенно измучен и рад был попасть в отличный отель, хорошо поесть (я целый день ничего в рот не брал), отлично выспаться, а сегодня прогуляться по красивому и очень оригинальному городу. Оригинальность заключается в том, что все улицы идут радиусами в виде совершенно прямых линий от центра, т. е. площади, на которой дворец, собор и лучшие отели.

Меня поражает после Парижа изумительная итальянская дешевизна. Великолепный завтрак на меня и Алешу в лучшем ресторане, с десертом, кофе и вином, стоил пять франков, т. е. лир, которые дешевле франков.

Еду вечером в семь часов и уже запасся местами в спальном вагоне. Надеюсь, что на этот раз не обманут. Дорогой я проклинал свою скитальческую жизнь и жалел, что не устраиваюсь подолгу на одном месте. И действительно, путешествия начинают утомлять меня.

Жду от тебя в Риме письма. Я буду там завтра в час пополудни.

Целую и нежно обнимаю. Твой П. Чайковский.

Володю тоже целую.

559. А. И. Чайковскому

Рим,
9/21 декабря 1879 г.

Милый Толичка!

Я приехал в Рим вчера. На сей раз Рим произвел на меня впечатление в высшей степени благоприятное. Причиною сего — погода. Что за солнце! Что за небо! Что за теплота! После Парижа, где зима так же сурова, как в Петербурге, с той разницей, что от [нее] не умеют защищаться, как в России, — римское лето показалось мне просто волшебным. Ходят в одних сюртуках. Ты знаешь, как меня пугало присутствие в Риме Голицына и Масалитинова. Пришлось с первого же дня вести с ними тягостные ложно-дружеские отношения. Голицын ездил даже встречать меня и попал не на тот поезд, рассердился и заехал к нам, но, так как мы гуляли, оставил карточку. Пришлось итти объясняться и извиняться. Свиданье с Голицыным было мне в высшей степени тяжко; пришлось играть комедию, притворяться обрадованным и т. д. К счастью, у меня хватило мужества поставить себя сразу так, что я буду от них довольно свободен. Но обедать пришлось у них сегодня вместе с Модей и Колей. Обед так же вкусен, как и прежде — помнишь?

Hôtel de Russie очень неудобен и дорог, поэтому мы сегодня с утра искали себе нового помещения и наконец нашли. Переезжаем завтра. Теперешний адрес следующий: Hôtel Costanzi, Via San Niccolo di Tolentino. Помещение будет очень скромное, но у Модеста с Колей комната большая и на солнце, что для Коли очень важно. Коля очарователен: здоров, весел, оживлен, ласков и совершенно влюблен в Рим. Модесту здесь тоже очень нравится. Следовательно, я без всяких раздумываний останусь с ними месяца полтора или два.

Целую тебя, голубчик. Володю тоже.

Твой П. Чайковский.

560. А. И. Чайковскому

Рим,
12/24 декабря 1879 г.

Милый мой Толя!

Мы, наконец, совсем устроились. Сначала я взял было комнатку, выходящую окнами на север и без камина. Оказалось

тесно, неудобно и холодно. Поэтому пришлось перебраться в другое помещение, рядом с Модестом, на солнце и с камином. Вид из окон просто великолепный. Так как погода стоит удивительно хорошая и на улице тепло, как летом, то заниматься еще не хочется. Целый день я брожу, то один, то с Модестом. Последний оказался отличным проводником; он в две недели до моего приезда успел по Бедеккеру превосходно познакомиться с городом, и ходить с ним осматривать разные достопримечательности очень приятно. Вчера мы ходили в S. Pietro in Montorio, где мы и с тобой были и откуда вид на весь Рим, а сегодня были в S. Giovanno Laterano все четверо. Отель наш великолепен, но немножко слишком фешенебельный. Кормят отлично. Одно только досадно: выходит очень дорого. Все вместе мы будем платить пятьдесят франков в день, из коих большую часть я беру на себя.

У Голицына третьего дня завтракал и с тех пор не был и мало-по-малу хочу их приучить не часто ожидать моих посещений. Как Голицын изменился и телом и духом. Он стал ужасно зол и ни про кого не скажет хорошего слова.

Масалитинов тот же. En somme они совсем не подходящие люди, но перестали пугать меня.

Вообще мне здесь нравится, и, кажется, месяца два я проведу здесь очень приятно, особенно если работа пойдет на лад.

Вчера мы были в театре и видели модную драму, очень плохую и плохо сыгранную. После Парижа мне все это показалось очень плохо.

Обнимаю нежно тебя и Володю. Пиши мне, Толичка!

Твой П. Чайковский.

561. А. И. Чайковскому

Рим,
16/28 декабря 1879 г.

Пишу тебе, возвратившись с большой поездки на Via Appia, очень усталый и страшно замерзший. Пока солнце на небе, здесь тепло, как летом, но как только зайдет, холод делается очень чувствителен, а мы были далеко. Via Appia старая, построенная римлянами дорога в Неаполь, вся усыпанная по бокам могилами богатых римлян императорских времен. Это очень интересно, но далеко. Вообще же я тебе скажу, но по секрету (не намекай об этом Модесту), что Рим все-таки не может никогда сделаться моим местопребыванием. Несмотря на все его красоты, на чудный климат, есть что-то такое неопределенное, к чему я не могу привыкнуть. Вообще за все время моих странствований я пришел к убеждению, что есть два места, которые заграницей мне вполне по душе: это 1) дом

Манорши[1] и 2) Париж. Вне этих двух мест я не чувствую себя дома. Впрочем, спешу прибавить, что мне здесь все-таки очень хорошо, что мы живем приятно в высшей степени и что я ни минуты не скучаю. Как Коля мил, Толичка! Я все больше и больше его люблю!

Сегодня утром получил твое письмо и до-нельзя был им обрадован, так как начинал уже скучать и беспокоиться о тебе. Впрочем, еще раз повторяю и прошу тебя не стесняться и писать мне немного, пока занятия тебе не позволяют, но только прошу писать приблизительно раз в неделю понемножку. Я ужасно рад, что мои слова имели на тебя хорошее влияние и что ты стал бодрее и веселее. Я не верю, чтобы твоя размолвка с Велиной была окончательная; но если вы опять сойдетесь, желал бы, чтобы ты приучил ее не слишком часто ожидать тебя.

Я получил на-днях от Саши в высшей степени интересное письмо с подробностями о сватовстве Кошкарова. К этой партии я отношусь враждебно. Пожалуйста, держи меня au courant всего, что будет происходить с Таней; я у ж а с н о ее люблю и интересуюсь ее судьбой. Я спрашивал у Кондратьева, который всех знает, не знаком ли ему Кошкаров; оказалось, что он о нем никогда ничего не слышал.

С Голицыным и Масалитиновым мои отношения устроились отлично, они совсем не тяготят меня, очень мало приглашают и совсем не бывают. Только один раз за всю неделю я был у Масалитинова вечером, чтобы слушать восемнадцатилетнего певца, чудно исполняющего народные песни, и вечер этот был очень приятен. Голицын теперь уехал в Неаполь на неделю. К о н д р а ш о н, уверявший меня в Париже, что он не может жить заграницей без меня и готов хоть на край света за мной ехать, устроился в Ницце, очень доволен и не помышляет о переезде в Рим.

Ты мне ничего не пишешь о Володе. Что он делает? Как его здоровье? Целую тебя крепко, мой голубчик, а также Володю.

Твой П. Чайковский.

Что делают Лёля и Саша Жедринский?

562. А. И. Чайковскому

1879 г. декабря 18—19. Рим.

Рим,
18/30 декабря 1879 г.

Милый мой Толичка!

Ничего нового сообщить не имею; жизнь вошла в свою колею. Встаю в девять часов, идем вниз пить чай; возвратив-

шись к себе, пишу и делаю маленькую прогулку. В 11½ сходим завтракать; потом прогулка — или общая, или Модест отправляется один (я его посылаю иногда одного, чтобы дать ему отдохнуть), или же, напротив, я отделяюсь и брожу один; в четыре часа возвращаемся, и я пишу письма или играю; в шесть часов сходим к обеду в table d'hôte, где я упорно отказываюсь от всяких общих разговоров и молчу, но ем за троих; после того или иду еще раз немножко погулять, или прямо, переодевшись в халат, сажусь и принимаюсь за чтение. Модест уходит спать в двенадцать, я же никогда не ранее двух часов и затем очень хорошо сплю до того момента, когда Алеша приходит будить. В театр не хожу. Сегодня был мой черед итти гулять одному; я зашел на минутку к Масалитинову и очень раскаивался, так как он привязался ко мне и пришлось два часа ходить с ним по Вилле Боргезе, причем он кланялся с каждым встречавшимся экипажем и сообщал, что это герцог такой-то, маркиза такая-то, кардинал такой-то. Невозможно сердиться на Масалитинова, он такой добрый, услужливый и ласковый!

31 декабря.

Получил письмо от Юргенсона, в коем он мне сообщает, что моя сюита в Москве игралась с успехом. Это меня очень бы обрадовало, если б тут же он мне не сообщил отзыва Рубинштейна, что будто бы ничего труднее этой сюиты нет. Я только о том и хлопочу, чтобы писать легко и просто, и вдруг оказывается, что чем больше стараюсь — тем хуже. Известие это меня страшно огорчило. Я написал в Москву к Танееву и прошу у него объяснений [1]. А в Петербурге игралась или нет сюита?

Толичка, поцелуй от меня Сашу, Таню, Веру, Анну, Тасю. Как мне иногда всех Вас хочется видеть; просто полетел бы, если б крылья были.

Сегодня тепло, как летом. Дует сирокко из Африки.

Целую крепко тебя и Володю.

Твой П. Чайковский.

563. А. И. Чайковскому

Рим,
23 декабря 1879 г./4 января 1880 г.

Сегодня я не в духе и без всякой серьезной причины. Мне немножко надоел городской шум; захотелось пойти куда-нибудь за город; мы и пошли после завтрака, и что же оказа-

лось? Шуму, грохота экипажей и телег, н и щ и х (этой язвы Рима) еще больше, чем в городе. А между тем погода такая дивная, что так и тянет куда-нибудь в деревню. В тайне души я вздыхал сегодня о Каменке, о Кларане, вообще о тишине и безлюдии.

Но жаловаться на Рим никак нельзя. Например, третьего дня мы сделали прогулку, которая просто восхитила меня; а именно пошли мы сначала в церковь S-ta Maria Maggiore, потом в другую церковь (S. Pietro in Vinculo), где знаменитая статуя Микель-Анджело «Моисей», а оттуда в Колизей; забрались на самый верх и смотрели на восхитительный заход солнца. Вчера я ходил в Капитолий и подробно рассматривал статуи императоров; это имело для меня капитальный интерес, так как я читаю превосходную книгу Amper'a «L'Empire Romain à Rome», где подробно излагаются в высшей степени живые и интересные характеристики императоров.

Завтра у нас будет елка. Это было бы очень весело и приятно, если б, вследствие неосторожности Моди, не пришлось пригласить Масалитинова, а вследствие этого — Голицына, а вследствие этого — живописца D j u l i o, который у них живет, а вследствие этого — молоденького юношу A m i c i, который недавно восхитил меня прелестным исполнением народных песен, а вследствие этого — и брата A m i c i, который ему аккомпанирует на мандолине. Таким образом составился целый раут, одна мысль о котором приводит меня в трепет. Каждый из нас четырех делает остальным трем подарки, не исключая ни Коли, ни Алеши. Подарки эти держатся в секрете друг от друга, и ты можешь себе представить, какая у нас теперь царит таинственность появлений и исчезновений друг от друга. Даже Коля, голубчик, сегодня один ходил в город покупать подарки. Его это секретничанье крайне занимает.

Сегодня обедаю у Голицына, который возвратился из Неаполя. Он хороший и добрый малый, но зачем климат Неаполя не предпочитает он римскому? Если б так было, то я бы обедал дома. Вот какой я стал дикарь, что вследствие предвкушения голицынского обеда у меня ноют ноги, вроде того, как это бывает перед исполнением какой-нибудь новой вещи моей в публике. Впрочем, обед у него отличный, а мне t a b l e d'hôt'ная кухня уже начинает надоедать. Получил милое письмо от Н а т ы. Вчера получил известия от Надежды Филаретовны. Она в Браилове и очень довольна, что очутилась дома.

Крепко целую и обнимаю. Володю тоже.

Твой П. Чайковский.

564. А. И. Чайковскому

Рим,
26 декабря 1879 г./7 января 1880 г.

Толяша! Твое последнее письмо пришло как-раз к елке, но, увы, оно не было приятным подарком, так как то, что ты сообщаешь о Тане, о ч е н ь меня огорчило и обеспокоило. Ради бога, в следующем письме сообщи какие-нибудь подробности.

Елка была у нас прелестная, и случилось так счастливо, что мы были одни, а то нам угрожало нашествие Масалитинова и tutti quanti. Все получили хорошенькие подарки. Убранство елки стоило мне порядочных денег и трудов, — особенно налеплять свечи было очень трудно. Коля был в совершенном восторге. Накануне этого дня я возвратился от обеда у Голицына в очень расстроенном состоянии духа; во-первых, я там неистово скучал, а, во-вторых, перед тем, как мне уходить, явился туда Р ю м и н Павел, привезший в этот день в Рим своего сумасшедшего брата Константина. Все, что он рассказывал о нем, ужасно поразило меня, да к тому ж на меня напал страх встретиться с ним. Потом это прошло. Да, впрочем, бояться совершенно нечего, так как сумасшествие его самое безобидное. Он здоровее, чем когда-либо, и на вид кажется прежним Рюминым, но только иногда говорит страшный вздор. Говорят, что он неизлечим, но я думаю, что это вздор, ибо два месяца тому назад он был гораздо хуже, чем теперь. Если улучшение уже было, то почему не быть еще? Сегодня мы кутили, т. е. завтракали не дома, а в ресторане, в том самом, где и с тобой мы едали макароны. Потом ходили в Капитолий, а оттуда во дворец Цесарей, — помнишь? — где мы были с Паскевич. Погода была чудная, и прогулка понравилась мне. Но вообще я к Риму отношусь все так же, т. е. не могу войти во вкус его, как Модест, который просто влюблен в Рим. Не будь его и Коли, конечно, я бы здесь не остался.

Как идет твое б о л ь ш о е дело? Я очень хвалю тебя за решение не бывать ни у кого и поработать. Вообще хоть ты мне пишешь не часто, но зато я доволен более бодрым и мажорным тоном твоих писем. Напиши мне хоть что-нибудь про Володю, уж который раз я тебя прошу. Как его здоровье, каковы его [[...]].

Прижимаю тебя и Володю к своему сердцу.

Твой П. Чайковский.

Я написал Бесселю письмо, что симфония готова, но даром ее не отдам [1].

Мои финансы плохи; придется употребить какую-нибудь крутую меру. Хочу просить у Надежды Филаретовны прислать разом два получения.

565. А. И. Чайковскому

Рим,
31 декабря 1879 г./12 января 1880 г.

Сегодня погода дурная, ветер дует северный, холодный, и может быть, поэтому я немножко взгрустнул об отечестве и об милых людях, от которых разделен таким огромным пространством. Толичка! Я очень беспокоюсь об Тане и Саше, — напиши о них, пожалуйста. Последнее время ознаменовалось тем, что я испытал значительное удовольствие от посещения некоторых музеев. В Ватикане некоторые картины («Преображение» Рафаэля и «Причащение св. Иеронима» Доменикино) произвели на меня впечатление. Фрески Микель-Анджело в Сикстинской капелле тоже перестали быть для меня тарабарской грамотой, и я начинаю проникаться удивлением к оригинальной и мощной красоте его. Был я также в Казино Виллы Боргезе, где находится несколько замечательных статуй, и остался доволен. Мое отношение к Риму, как к городу, однако ж не изменяется. Неопределенную антипатию к нему все-таки не могу в себе побороть. Но что окончательно мне начинает быть невыносимо, это обед за table d'hôte. До сих пор Модесту и мне удавалось остаться совершенно чуждыми к нашим соседям за столом, но дня три тому назад la glace a été rompue *. Господа и госпожи, сидящие около нас, сделали авансы, на которые нельзя было не ответить, и теперь все время приходится вести банальнейшие, невыносимейшие обеденные болтовни, причем на каждом шагу натыкаемся на возмутительные понятия иностранцев о России и русских. Неприятны также отношения к Голицыну. Так как я почти вовсе там не бываю, то постоянно терзаюсь мыслью, что Голицын обижается. Это составляет тягость. Ах! как я вздыхаю о деревне, о Clarens, о Париже, где можно удрать от всяких поползновений на знакомство. А здесь есть уже несколько лиц, обижающихся, что я не хочу с ними знакомиться, в том числе здешний музыкальный туз Сгамбати. Но в обществе Модеста и Коли я готов жить хоть в преисподней и поэтому не жалуюсь. Бывает все-таки много приятных часов, проводимых в нашем интимном обществе.

---

* лед был разбит [*в подлиннике:* la glasse]

Вечером.

После обеда пришло твое письмо. Благодарю за сведения о Саше и Тане; они, несмотря на твое мнение, что может быть все к лучшему, очень огорчили меня. Ну, не обидная ли вещь, что восемнадцатилетняя очаровательная девушка больна болезнью сорокалетних обжор и пьяниц. А Саша хоть и не опасно, но все-таки серьезно больна. Господи! Когда это все благополучно кончится! И нужно было этому Кошкарову подвернуться. Я так расстроился, что у меня даже з у б з а б о л е л. Известие об обещании Капниста хлопотать о тебе меня радует; я очень рад буду, если ты исчезнешь из Петербурга; может быть, и Модест не будет жить в Петербурге, — тогда я бы только несколько раз в год ездил туда для свидания с Папочкой на одну недельку. Если ты весной или летом должен будешь переезжать в провинцию, то первое время я непременно проведу с тобой, чтобы тебе не было скучно. Крепко тебя обнимаю, мой милый мальчик. Передай мои нежнейшие поцелуи Саше, Тане, Веруше, Тасе. Володю обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Слава богу, зуб перестал болеть.

Примечания

К письму № 1

[1] Первое письмо к родителям написано из Петербурга после отъезда матери.

В августе 1850 г. Александра Андреевна Чайковская приехала из Алапаевска в столицу, чтобы устроить десятилетнего сына в школу. Петр Чайковский был принят в приготовительный класс Училища правоведения. Мать жила некоторое время в Петербурге, навещала сына в училище, брала к себе на праздники. Но наступил день разлуки. По словам Чайковского, это был один из самых ужасных дней его жизни. «Дело происходило на Средней Рогатке, куда по обычаю тех времен ездили провожать отъезжающих по московской дороге... Пока ехали туда, Петя поплакивал, но конец путешествия представлялся отдаленным, и, ценя каждую секунду возможности смотреть на мать, он сравнительно казался покоен. С приезда же к месту разлуки он потерял всякое самообладание. Припав к матери, он не мог оторваться от нее. Ни ласки, ни утешения, ни обещания скорого возвращения не могли действовать. Он ничего не слышал, не видел и как бы слился с обожаемым существом. Пришлось прибегнуть к насилию, и бедного ребенка должны были отрывать от Александры Андреевны. Он цеплялся за что мог, не желая отпускать ее от себя. Наконец это удалось... Лошади тронули, и тогда, собрав последние силы, мальчик вырвался из рук... и бросился с криком безумного отчаяния бежать за тарантасом, старался схватиться за подножку, за крылья, за что попало, в тщетной надежде остановить его» (Ж. Ч., I, стр. 61). Лет тридцать спустя он признавался: «Я не могу спокойно ехать по этим местам, не переживая вновь то безумное отчаяние, которое овладело мной, когда экипаж, увозивший все самое дорогое мне, скрылся из глаз» (Воспоминания А. И. Брюлловой; рукопись).

Чайковский с братом Николаем остался на попечении старого приятеля их отца, Модеста Алексеевича Вакара. Семья его состояла из жены Надежды Платоновны и двух сыновей: пятилетнего Николая и младшего Виктора.

[2] Модя и Толя — братья Чайковские, близнецы, родившиеся 1 мая 1850 г.

[3] Елизавета Андреевна Шоберт — сестра матери Чайковского.

[4] Настасья Васильевна Попова, родственница Чайковских, прозванная в семье «сестрицей».
[5] Дочь Шоберт, Амалия Васильевна.
[6] Вильгельмина Васильевна, младшая сестра Амалии.
[7] Видимо, тоже Шоберт.
[8] Зинаида Ильинична — сестра Чайковского.
[9] Александра Ильинична — сестра Чайковского.
[10] Ипполит Ильич Чайковский.
[11] Настасья Петровна, гувернантка Чайковского.

К письму № 2

[1] Биограф со слов Чайковского отмечает, что этот год был для него тяжелым. «Все окружающее представлялось ненавистным, холодным и безучастным, пока наконец само начальство не обратило внимания на эту неутешную печаль... Тоска его была такого рода, что обращала внимание даже посторонних. Мать воспитанника Энгельгардта, совершенно чужая семье Чайковских, так была тронута рассказами об этом горе, что во время своих частых посещений приготовительного класса вместе с сыном стала вызывать и Чайковского в приемную, ласкала и наделяла лакомствами и даже в праздники навещала его в семействе Вакара» (Ж. Ч., I, стр. 66—67).
[2] Марья Егоровна Фосс, бонна в семье Шоберт. «Je crois bien» — ее поговорка. См. Ж. Ч., I, стр. 66.

К письму № 3

К письму есть приписка М. А. Вакара, датированная 23 ноября 1850 г. Эта дата положена в основание редакторской даты.
[1] От Чайковского скрыли настоящую болезнь Коли Вакара — скарлатину. Видимо, сам Чайковский занес ее в дом из Училища и, оставшись здоровым, заразил мальчика, который вскоре и умер.

К письму № 4

Письмо является припиской к письму Н. Чайковского и М. А. Вакара, датированному 10 декабря 1850 г.
[1] Письма родителей к Чайковскому за все эти годы не сохранились.

К письму № 5

Основание датировки: письмо написано вскоре после письма от 10 декабря 1850 г., но до наступления рождественских каникул и в воскресенье (в соответствии с этим остается только воскресенье 17 декабря).

К письму № 6

[1] Лидия Владимировна — двоюродная сестра Чайковского (дочь Владимира Петровича), друг его детства.

К письму № 8

[1] Стихотворения восьмилетнего Чайковского помещены в Ж. Ч., I, стр. 33 и сл.

К письму № 9

Приписка к письму Н. Чайковского и М. А. Вакара, датированному 18 февраля 1851 г.

[1] Приезд родителей ни в феврале, ни летом не состоялся.

К письму № 10

Приписка к письму Н. Чайковского, датированному 19 марта 1851 г.

К письму № 11

Приписка к письму Н. Чайковского, датированному 7 апреля 1851 г.

[1] После отъезда семейства Вакар наблюдение за братьями Чайковскими, Петром и Николаем, было поручено приятелю их отца Ивану Ивановичу Вейцу, гостившему в Петербурге, а затем Платону Алексеевичу Вакару.

К письму № 12

Приписка к письму Н. Чайковского и М. А. Вакара от 12 апреля 1851 г.

[1] Марья Александровна Чайковская — жена Владимира Петровича (мать Лидии).

К письму № 15

Приписка к письму Н. Чайковского и М. А. Вакара от 30 апреля 1851 г.

К письму № 26

Приписка к письму Н. Чайковского от 7 октября 1851 г.

[1] В письме Н. Чайковского сообщалось о смерти г-жи Шоберт.

К письму № 29

К письму сделана приписка Н. Чайковским, датированная 18 ноября 1851 г.

К письму № 30

Приписка к письму Н. Чайковского от 23 ноября 1851 г.

К письму № 32

К письму сделана приписка Н. Чайковского, датированная 10 декабря 1851 г.

К письму № 34

[1] Двадцать пять лет спустя Чайковский признался в одном письме: «Иногда в музыке нравится что-то совсем неуловимое и неподдающееся критическому анализу. Я не могу без слез слышать «Соловья» Алябьева!!! А по отзыву авторитетов, это верх пошлости» (Ч. М., I, стр. 19).

К письму № 36

Датируется в соответствии со следующим письмом от 16 марта, написанным в воскресенье, на другой день после «причастия»; в комментируемом письме говорится о том, что завтра, т. е. в пятницу, Чайков-

ский будет «говеть», — следовательно, написано оно в четверг 13 марта 1852 г.

[1] Имеется в виду отметка по 12-балльной системе.

К письму № 37

[1] Чайковский благополучно сдал экзамены (в первом десятке) и поступил в младший (седьмой) класс Училища правоведения.

К письму № 38

[1] Этим письмом заканчиваются детские письма к родителям. В мае 1852 г. семья Чайковских переехала в Петербург. Следующее письмо к родным написано девять лет спустя, в 1861 г., уже взрослым Чайковским. Он кончил Училище правоведения (в 1859 г.) и служил в департаменте Министерства юстиции. 13 января 1854 г. умерла мать, старшая сестра Зинаида вышла замуж за Ольховского и уехала на Урал, сестра Саша в ноябре 1860 г. вышла замуж за Льва Васильевича Давыдова, сына декабриста, и переехала в Киевскую губернию, в имение Каменка.

Следующее письмо адресовано сестре, А. И. Давыдовой, в Каменку.

К письму № 39

[1] В 1861 г. родилась старшая дочь Давыдовых Татьяна.

[2] Медведь — село в Новгородской губернии, где находился батальон, которым командовал П. П. Карцов, муж двоюродной сестры Чайковского Александры Петровны. В «Воспоминаниях» Ю. Л. Давыдова, со слов дочери Карцова, Екатерины Павловны Обуховой, записан следующий интересный рассказ об этой поездке Чайковского: «Был праздничный день, и погода стояла чудная. Все радовались предстоящему по случаю праздника параду войск, а больше музыкантам. Вдруг к крыльцу подъезжает почтовая бричка. Мама бросилась к окну и увидела, как дядя Петя, кряхтя, вылезает из брички. Конечно, радости не было конца. Все были на параде, и дядя Петя тоже. Он в очень возбужденном состоянии прислушивался к военному оркестру, отстукивая такт то ногой, то рукой. Кончился парад, дамы и офицеры были приглашены отцом на завтрак. Все сели за стол, и только тут обнаружили отсутствие дяди Пети. Желая прислужиться, адъютант предложил его поискать. Получив разрешение, он побежал вместе с моими старшими братьями на плац, но там никого не было. Тогда они побежали в окаймлявший плац лесок и уже отчаивались найти, как вдруг, выбежав на полянку, увидели дядю по середине поляны,— с палочкой в правой руке, стоя на одной ноге (очень типичная для Петра Ильича поза), причем свободная рука поддерживала подогнутую ногу,— неистово размахивавшего палочкой и дирижировавшего мнимым оркестром. Увидав адъютанта, дядя очень покраснел и сконфуженно сказал: «Я дирижировал продолжением марша, который мне очень понравился, и так как он очень хорошенький, я ему придумал и продолжение». По возвращении их в дом адъютант доложил во всех подробностях, где и в какой позе они застали дядю Петра Ильича. Рассказ вызвал дружный смех присутствовавших, а Петр Ильич сидел красный, насупленный, обиженный насмешкой». (Рукопись).

[3] Пиччноли — учитель пения. Имел большое влияние на музыкальное развитие будущего композитора. См. Ж. Ч., I, стр. 126 и сл.

[4] Так называемое «освобождение» крестьян.

К письму № 40

[1] В. В. Писарев, инженер, приятель отца Чайковского, пригласил Петра Ильича за границу, главным образом потому, что сам не владел иностранными языками. Расходы по поездке взял он полностью на себя. Отец выдал П. И. небольшую сумму на личные расходы. Это была первая заграничная поездка Чайковского.

[2] Маршрут изменился: ехали через Динабург. См. следующее письмо.

К письму № 44

[1] Двоюродная сестра Чайковского Лидия Владимировна и ее муж Н. И. Ольховский.

К письму № 45

[1] Осенью 1861 г. открылись по инициативе А. Рубинштейна первые в России музыкальные классы, помещавшиеся в Михайловском дворце. Чайковский был одним из первых учеников. На другой год классы были преобразованы в консерваторию, куда перешел и Чайковский. О пребывании его в консерватории см. воспоминания Ларош, в книге: Г. А. Ларош, «Собрание музыкально-критических статей», т. II, ч. 1, М., 1922.

К письму № 46

[1] В Клинском архиве письма сестры сохранились только начиная с 1866 г.

К письму № 48

[1] Несколько лет жившее вместе с Чайковскими семейство Шоберт переехало на другую квартиру. Одним из поводов переезда было появление в их доме Елизаветы Михайловны Александровой, рожденной Липпорт, на которой отец композитора женился только в 1865 г. Первое время против нее были настроены и дети Чайковские.

[2] В 1858 г. отец Чайковских, увлекавшийся некоей Ячменевой, передал ей все свои сбережения на реализацию какого-то изобретения. Затея вскоре рухнула, и деньги пропали. Поручителем была некая Беклешева: начался процесс Ячменевой с ней.

К письму № 49

[1] Отставка Чайковского от должности, с причислением к министерству, была оформлена 1 мая 1863 года.

[2] У Давыдовых родилась вторая дочь, Вера.

[3] Внешние условия для будущего композитора были неблагоприятны: отец Чайковского, занимавший место директора Технологического института, весной этого года вышел в отставку, лишившись заработка и имея много долгов.

[4] Чайковский работал напряженно. «Видя необыкновенное рвение своего ученика и, быть может, судя о процессе его работы по той чудовищной легкости, с которой работал сам, Рубинштейн менее и менее стеснялся размерами задач. Но по мере того, как возрастали требования профессора, трудолюбие ученика становилось отчаяннее: одаренный здоровым юношеским сном и любивший выспаться, Петр Ильич высиживал напролет

целые ночи и утром тащил только что оконченную, едва высохшую партитуру к своему ненасытному профессору» (Ларош, стр. 46).

К письму № 50

[1] Лето 1864 г. Чайковский провел в Тростинце Харьковской губ.— имении своего приятеля кн. А. В. Голицына.

[2] Вера Васильевна Давыдова, сестра мужа Александры Ильиничны.

[3] Чайковский как ученик консерватории должен был по заданию А. Рубинштейна написать летом зачетную работу — оперную увертюру. Он остановился на сюжете «Грозы» Островского. Увертюра получила отрицательную оценку Рубинштейна и публично тогда не исполнялась. Издана после смерти автора, в 1896 г. фирмой Беляева (ор. 86).

К письму № 51

[1] Это было первое посещение Каменки. Впервые Чайковский был и в Киеве.

К письму № 52

[1] В то время не было еще железной дороги в Киеве, и нужно было ехать на лошадях до ближайшей станции — г. Острова.

[2] Чайковский до конца дней своих панически боялся грозы.

[3] По заданию А. Рубинштейна Чайковский сделал перевод книги Гевварта «Руководство к инструментовке». Кроме того, летом же он сочинял концертную увертюру (c-moll).

[4] Приблизительно около весны этого, 1865, года Чайковский написал «Характерные танцы», исполненные в Павловске. Впоследствии они в несколько измененном виде вошли в оперу «Воевода» в виде балетного номера.

К письму № 53

[1] Семейного дома Чайковских к тому времени в Петербурге больше не было. Еще весной отец, не связанный больше службой, потеряв состояние и имея только долги, решил ради экономии переехать к старшей дочери Зинаиде Ольховской на Урал. Тогда же он официально вступил в третий брак с Елизаветой Михайловной Александровой.

К письму № 54

[1] К этому времени Чайковский написал смычковый квартет (B-dur) исполненный 30 октября на ученическом концерте, и увертюру (F-dur), сыгранную консерваторским оркестром под управлением автора на вечере в Михайловском дворце. От квартета сохранилось только Allegro, а увертюра была переделана для большого оркестра (см. ниже).

К письму № 55

[1] К выпускному экзамену Чайковский писал по заказу А. Рубинштейна музыку к гимну Шиллера «К радости», для хора и оркестра (в шести частях). Исполнена 31 декабря 1865 г. в торжественной обстановке публичного экзамена (автор не присутствовал).

[2] Еще осенью 1863 г. Давыдовы (мать и сестры Льва Васильевича, мужа сестры композитора) переехали на жительство в Петербург. Чайковский очень сблизился с их домом, и это укрепляло чувства Веры Васильевны к нему.

[3] У Давыдовых родилась третья дочь Анна.

К письму № 57

[1] Этим письмом открывается новая жизнь Чайковского. После выпускных экзаменов Петербургской консерватории, закончившихся 31 декабря 1865 г., Чайковский 5 января выехал в Москву. По приглашению Н. Г. Рубинштейна, он поступил на службу в Московское отделение Р. М. О. в качестве преподавателя гармонии в музыкальных классах (так называлась Московская консерватория до ее официального оформления). Поселился в квартире Рубинштейна. Заработок его равнялся пятидесяти рублям в месяц.

Уместно привести два контрастных по содержанию письма, которыми напутствовали Чайковского в новую жизнь близкие ему люди — отец и приятель Ларош. Отец писал 30 декабря 1865 г. в ответ на несохранившееся письмо к нему Чайковского: «Милый мой Петя! Благодарю за приятное письмо, а у меня, голубчик ты мой, все-таки, правду скажу, болит за тебя сердце. Ну, вот, слава богу, кончил ты по желанию свое музыкальное образование — и что ж дает оно тебе: предлагают, говоришь ты, быть учителем, пожалуй, назовут и профессором теории музыки с ничтожным жалованьем! Этого ли ты достоин, этого ли добивался? Светлая твоя головка, изящное образование, превосходный характер того ли заслуживают? Я как отец могу быть пристрастным, но ты спроси всех и каждого порознь из твоих товарищей и коротких знакомых — действительно ли светлая у тебя голова, т. е. умен ли ты, действительно ли ты прекрасно образован и какой у тебя характер. Я уверен, что все единогласно подтвердят мои слова. Ты не честолюбив, это прекрасно, да не о честолюбии тут речь — дело идет о достоинствах и о труде, а, главнейшее, о вознаграждении труда. Похвальна твоя страсть к музыке, но, друг мой, это скользкий путь: вознаграждение за гениальный труд бывает долго-долго спустя. Посмотри ты на бедного гениального музыканта Серова: трудясь со страстью, он только нажил серебряные волосы, а не серебро. «Юдифь» он работал четырнадцать лет, да столько «Рогнеду»,— а что выработал? Славу, ценою в 1.500 рублей в год, пока жив, т. е. едва-едва хлеб насущный. Ведь у нас только итальянцы Верди берут за свои пьесы по тридцать тысяч. Глинка умер бедняком, да и прочие наши таланты не дорого оценены. Кто знает твою игру и прочие музыкальные способности, тот и без Рубинштейна тебя оценит. Плюнь ты на них и снова займись службой. Не жалую я ни гражданских, ни казенных палат. Прежде там везде были подлецы, может быть, ныне стали люди пообразованнее и теперь. честному человеку там служить можно, а я все-таки советовал бы тебе придержаться юстиции,— там хоть не дадут большого жалования, да зато больше честных людей — и вольготнее. Впрочем, у тебя свой царь в голове. Я только желаю видеть тебя счастливым, здоровым и довольным. Целую тебя в глазки и всего с ног до головы».

Ларош писал уже в Москву, через неделю после отъезда Чайковского из Петербурга, 11 января. Писал по-французски; даем перевод и с сокращениями: «Вы самый большой талант музыкальной современной России. Более мощный и оригинальный, чем Балакирев, более возвышенный, более творческий, чем Серов, бесконечно более образованный, чем Римский-Корсаков. Я вижу в вас самую большую или, лучше сказать, единственную надежду нашего музыкального будущего. Вы знаете, что я не льщу. Я никогда не колебался сказать вам, что ваши «Римляне в Колизее» — жалкая банальность, а ваша «Гроза» — музей антимузыкальных курьезов. Впрочем, все, что вы сделали, не исключая превосходных «Характерных танцев» и сцены из «Бориса Годунова», я рассматриваю как работу ученика, подготовительную и экспериментальную, если можно так

сказать. Ваши «творения» начнутся, может быть, только через пять лет, но эти зрелые, классические превзойдут все, что было после Глинки. Резюмирую все сказанное: не за то, что вы уже написали, люблю я вас так сильно, но за то, что вы можете написать при мощи и живости вашего таланта. Образчики, данные вами до сих пор, суть только торжественные обещания превзойти ваших соотечественников».

[2] Перевод книги Геварта «Руководство к инструментовке».

[3] Это письмо Чайковского к отцу, видимо, не сохранилось.

К письму № 58

[1] Комедия И. А. Манна «Паутина» шла в московском Малом театре с участием Федотовой, Шумского, Прова Садовского, Самарина.

[2] Н. Д. Кашкин вспоминает о первой встрече: «[Чайковский] показался мне очень привлекательным и красивым; по крайней мере в лице его был ясный отпечаток талантливости, и вместе с тем оно светилось добротой и умом. Через посредство Г. А. Лароша мы уже ранее знали друг друга заочно, вследствие чего мы встретились уже почти как знакомые и наши отношения сразу приняли простой, товарищеский характер. Сколько мне помнится, я тут же предложил Петру Ильичу отправиться по окончании моего класса ко мне обедать, на что он согласился и через несколько часов уже сидел в моей квартире. За обедом у нас, конечно, завязались оживленные разговоры, и мы проболтали очень долго, а может быть и поиграли в четыре руки на фортепиано, что Петр Ильич всегда очень любил. Обед и послеобеденная беседа укрепили мои симпатии к новому товарищу («Воспоминания о П. И. Чайковском», М., 1896, стр. 9—10).

[3] К. А. Тарновскому уделено место в воспоминаниях Лароша о молодом Чайковском (Ж.Ч., I, стр. 223—225).

[4] Программу этого концерта см. в Ж.Ч., I, стр. 222.

[5] Эта концертная увертюра c-moll, тогда же забракованная и Н. Рубинштейном и А. Рубинштейном, не была исполнена ни в Москве ни в Петербурге и осталась неизданной. Впервые исполнена только шестьдесят пять лет спустя, в 1931 г. в Воронеже под управлением К. С. Сараджева, затем в Киеве и, наконец, в Москве в 1934 г. «Увертюра имела заметный успех в Киеве, где ее слушали много музыкантов, в Воронеже концерт был во время сильнейших морозов в нетопленном помещении. Публика сидела в шубах и калошах, оркестр тоже (кажется, я один был без пальто, во фраке), и потому довольно холодно реагировали на исполнение. В Москве она имела успех очень значительный у оркестра; в публике, довольно пестрой по составу, был успех, но, думаю, она не очень разобралась» (из письма К. С. Сараджева в Клинский музей от 29 декабря 1938 г.).

[6] Братья Чайковские после праздников возвращались из дома в интернат Училища правоведения.

К письму № 59

[1] Н. Д. Кашкин рассказывает, что Чайковский приехал в Москву «в необыкновенно старой енотовой шубе, которую дал ему А. Н. Апухтин, употреблявший ее в деревенских поездках; сюртук и прочие принадлежности костюма гармонировали с шубой, так что в общем новый преподаватель был одет не только скромно, но просто очень бедно, что, впрочем, не помешало ему произвести прекрасное впечатление на учащихся при своем появлении в классах: в фигуре и манерах его было столько изящества, что оно с избытком покрывало недочеты костюма».

Н. Рубинштейн, настаивавший на необходимости сделать костюм и предлагавший для этого кредит, отдал затем Чайковскому находившийся у него сюртук Г. Венявского. «Правда, Венявский был значительно выше Петра Ильича и толще, так что сюртук был не совсем впору, но молодой композитор этим не стеснялся и носил его с таким гордым достоинством, как будто это было платье от лучшего портного» (стр. 11).

К письму № 61

[1] Выше указано, что кантата «К радости» была исполнена в отсутствии автора на выпускном экзамене Петербургской консерватории. Чайковский или наивно ошибался или сознательно скрыл от сестры оценку этого произведения, — кантата не заслужила похвал ни от приятелей, ни от музыкальных авторитетов. «Нет, не хороша кантата; я от Чайковского ожидал гораздо большего»,— отозвался И. А. Клименко, а Цезарь Кюи через три месяца вспомнил о ней в газетном отчете и дал безнадежный отзыв: «Консерваторский композитор г. Чайковский совсем слаб. Правда, что его сочинение (кантата) написана в самых неблагоприятных обстоятельствах: по заказу, к данному сроку, на данную тему (ода Шиллера «К радости», на которую написан финал девятой симфонии) и при соблюдении известных форм. Но все-таки, если б у него было дарование, то оно хоть где-нибудь прорвало консерваторские оковы» («С-Петербургские ведомости», 1866 г., № 82). «Когда я прочел этот ужасный приговор,— вспоминал впоследствии Чайковский,— я не знаю, что сделалось со мной. У меня потемнело в глазах, голова закружилась, и я, как безумный, выбежал из кафе (где читал эту газету). Что я делал, куда попадал, я не отдавал себе отчета. Я целый день бесцельно бродил по городу, повторяя: я пустоцвет, я ничтожность, из меня ничего не выйдет, я бездарность» (воспоминания А. И. Брюлловой; рукопись).

[2] В ответном письме от 29 января 1866 г. сестра писала Чайковскому: «Зачем, Петруша, письмо твое так грустно? Тебе ли страдать ненавистью, ты олицетворение нежности и доброты. Петруша, скажи мне ради Христа, что тяготит тебя? Я безгранично люблю тебя, и всякая твоя забота — моя; может, я могу хоть маленькую долю твоего горя взять на себя, и я счастлива бы была, если б могла помочь тебе. Зачем тебе грустить, любимец всех, кто тебя знает? Музыкальное самолюбие, кажется, должно быть удовлетворено. В течение трех лет две гениальные вещи явились в музыкальном мире: «Юдифь» Серова да кантата Чайковского — вот что говорят о тебе. Ты так молод еще. Не деньги, говоришь ты, мучают тебя, так что же, что же? Уж не любовь ли, Петя?»

К письму № 62

[1] Артистический кружок был открыт незадолго до приезда Чайковского в Москву, 14 октября 1865 г. Основатели его — Н. Г. Рубинштейн и А. Н. Островский (см. в книге «Островский и русские писатели», М.—Л., 1937, стр. 53 и сл.).

[2] Двоюродная сестра Чайковского Екатерина Шоберт была тяжело больна и в марте 1866 г. умерла. См. письмо № 70.

[3] Речь идет о переводе книги Геварта.

К письму № 63

[1] Л. В. Давыдов купил впоследствии имение Вербовку, в десяти верстах от Каменки.

[2] Это письмо к отцу не сохранилось. В ответном письме от 5 февраля 1866 г. из Златоуста, где в то время он гостил у старшей дочери, И. П. Чайковский писал: «Поспешная решимость твоя ехать в Москву сначала меня поразила, но потом, раздумавши хорошенько, я успокоился. Что же? Если таково твое призвание, то дальше и толковать нечего. Ты в семье моей лучшая жемчужина; не думал я, что на твою долю выпадет такая трудная и скользкая дорога! С твоим дарованием ты нигде бы не пропал, не пропадешь и здесь, конечно, но трудно тебе, голубчик, жить при плохом вознаграждении. Я мечтаю, по крайней мере, что теперь, будучи свободен от службы и поступивши в звание артиста, ты можешь давать концерты, а это даст тебе возможность к приличному существованию,— не так ли? Уроками жить ты не можешь, потому что нетерпелив, как твой отец, а Московская консерватория, при всей доброте г. Рубинштейна, не может дать столько, сколько нужно. Отвечай мне на мою мечту. Из-за тебя я очень люблю всех Рубинштейнов, в особенности московского, который принял тебя так ласково и предложил даже квартиру у себя в доме,— ведь это в нынешнем эгоистическом веке редкость. Поцелуй его за это от меня, если случится кстати. Успех твоей кантаты меня радует... Второе твое письмо на первой странице заставило меня улыбнуться. Я воображаю тебя сидящим на кафедре; тебя окружают розовые, белые, голубые, кругленькие, тоненькие, толстенькие, белолицые, круглолицые барышни, отчаянные любительницы музыки, а ты читаешь им, как Аполлон сидел на горке с арфой или с лирой, а кругом грации, такие же точно, как твои слушательницы, только голенькие или газом закрытые, слушали его песни. Очень бы мне любопытно было посмотреть, как ты сидишь, как конфузишься и краснеешь... Приятно мне также, что ты бываешь в хороших домах. Пожалуйста, не дичись только, ты в обществе иногда бываешь обворожителен... Так, пожалуйста, не отказывайся от знакомства с хорошими московскими людьми — с твоею любезностью ты всем понравишься и мне что-то сдается, будешь счастлив».

[3] А. Я. Бахирева, жившая в Каменке, была восторженной поклонницей Чайковского.

К письму № 64

[1] В Училище правоведения была установлена 12-балльная система отметок успеваемости.

[2] См. прим. к письму № 76.

К письму № 65

[1] В этом письме Анатолий Чайковский писал: «С некоторых пор меня начала преследовать мысль, что я готовлюсь быть совершенно бесполезным человеком, именно потому, что, кажется, нет ни одного предмета, к которому бы я был способен. Это на меня так скверно действует, что я не могу ничего делать. Мне кажется, что пребывание мое в Училище совершенно бесполезно, во-первых, потому, что быть адвокатом, к чему бы я должен был готовиться, я совершенно не способен по моему застенчивому характеру, ну, а быть чиновником — что-то слишком не привлекательно. Теперь спрашивается, к чему же я способен? Ответ: решительно ни к чему. Впрочем, не смейся, пожалуйста, над моим философствованием».

[2] В следующем письме от 30 января 1866 г. Анатолий жаловался: «Апухтин уверял меня, что ты написал ему, что я будто бы веду себя относительно тебя очень худо. Сначала, без сомнения, я не поверил ему, но потом он так убедительно говорил, что я начал немножко верить».

К письму № 66

[1] Племянница Тарновских — Елизавета Михайловна Дмитриева. Об увлечении ею Чайковский писал в нескольких письмах, в том числе и отцу 19 февраля. Это письмо не сохранилось, а в ответном от 14 марта И. П. Чайковский, мечтавший о женитьбе сына, писал ему: «Откровенно тебе скажу: в твоем письме больше всего мне понравилась племянница. Она должна быть премиленькая, прехорошенькая и уж непременно умненькая. Я так ее полюбил, что непременно хочу ее видеть. Ты, пожалуйста, доставь мне возможность, когда я приеду в Москву».

К письму № 67

[1] Речь идет о переинструментовке для большого оркестра Концертной увертюры F-dur, написанной и исполненной оркестром Петербургской консерватории в 1865 г. Не издана. Об исполнении ее в новой редакции см. следующее письмо.

К письму № 68

[1] 4 марта в концерте Н. Г. Рубинштейна в большом зале Благородного собрания была исполнена Концертная увертюра F-dur. Пресса совсем не отозвалась на дебют Чайковского в Москве, а Н. Д. Кашкин отметил в своих воспоминаниях: «Г. А. Ларош, знавший увертюру в первоначальной редакции по исполнению в Петербургской консерватории, говорил, что в новом своем виде сочинение это проиграло относительно стройности формы и цельности характера... В бенефисном концерте Н. Г. Рубинштейна [она] хотя не имела блестящего успеха, но заставила, особенно музыкантов, обратить внимание на молодого композитора» (стр. 13—14).

К письму № 69

[1] Чайковский с середины марта до 4 апреля гостил в Петербурге.

[2] Покушение Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.

[3] Пока не была еще выяснена личность покушавшегося, распространился слух, что «злоумышленник» — поляк.

[4] Чайковский присутствовал на этом спектакле. Своим корреспондентам он, видимо, постеснялся сообщить о характерном эпизоде, случившемся с ним в театре. Приводим рассказ Кашкина: «Будучи занят постоянно музыкой и уже замышляя в то время писать оперу, молодой композитор взял из библиотеки Музыкального общества оркестровую партитуру «Жизни за царя» и отправился в театр, чтобы с нотами в руках проследить эффекты различных оркестровых комбинаций; ему... совсем не приходило в голову, что он совершает нечто предосудительное, и, усевшись на свое место в партере, он углубился в ноты, не замечая негодующих взоров, а потом и говора своих соседей или не относя этого говора к себе. Между тем соседи возмущались не на шутку тем, что какой-то неизвестный «в такое время» интересуется музыкой и сидит с нотами. Наконец раздалось угрожающее требование, чтобы он вышел вон, и тогда только несчастный музыкант заметил, что он служит предметом общего внимания окружающих, страшно сконфузился, испугался и поспешил удалиться подобру-поздорову, пока было время» (стр. 21—22).

К письму № 70

[1] См. прим. 2 к письму № 62.

[2] Увертюра F-dur была исполнена в Петербурге не 24 апреля, а 1 мая. И там пресса не отметила произведения молодого композитора.

Присутствовавший на концерте Апухтин «остался очень доволен» увертюрой, а Римский-Корсаков, впервые на этом исполнении познакомившийся с произведениями Чайковского, нашел увертюру «крайне бездарной и неинтересной» и даже составил плохое мнение о самом таланте автора (Ж.Ч., I, стр. 241).

К письму № 71

[1] Занятый серьезной работой, Чайковский отошел от прежних интересов и старых друзей. О своих разочарованиях в них он писал своему петербургскому приятелю Апухтину. Его письмо не сохранилось, но имеется ответ поэта с отповедью за новые взгляды. Апухтин писал: «Я могу только удивляться странному противоречию: выражая разочарование в Голицыне и С°, проповедуя горделиво-презрительный и совершенно справедливый взгляд на людей, ты в то же время, как наивная институтка, продолжаешь верить в труд, в борьбу. Странно, как ты еще не упомянул о прогрессе. Для чего трудиться? С кем бороться? Пепиньерка милая, убедись раз навсегда, что труд есть иногда горькая необходимость и всегда величайшее наказание, посланное на долю человека, что занятие, выбранное по вкусу и склонности, не есть труд, что музыкальная деятельность для тебя такой же труд, как для Н. Д. Нилус разговоры с Митей или для Масалитинова покупка нового галстучка» (без даты; опубликовано полностью, но с зашифрованными именами в Ж. Ч. I, стр. 241—243).

К письму № 72

[1] Весной 1866 г. Чайковский начал сочинение Первой симфонии. «Зимние грезы».

[2] Биограф отметил: «Ни одно произведение не далось ему ценой таких усилий и страданий».

К письму № 73

[1] В копии в конце письма пометка, неизвестно к какому месту относящаяся: «В этом письме некоторые слова зачеркнуты совсем, почему и сделана следующая оговорка: «Здесь было слишком высокопарное выражение и поэтому я его вычеркнул».

К письму № 74

[1] Гонорар за перевод книги Геварта.

К письму № 75

[1] Лето 1866 г. Чайковский провел под Петербургом, на даче Мятлева по Петергофской дороге. Вместе с ним жил его брат Модест, а на соседней даче — отец. Анатолий уехал в Каменку. Основной причиной, заставившей Чайковского отказаться от поездки к сестре, было полное безденежье; по словам биографа, такой нужды, как в этом году, Чайковский не испытывал никогда, и в день приезда из Москвы, не договорившись с родственниками о ночлеге, вынужден был даже провести ночь на улице, так как на гостиницу денег не было. Подробности о пребывании Чайковского на даче см. в Ж. Ч., I, стр. 244 и сл.

[2] Чайковский усиленно занимался симфонией «Зимние грезы». «Ненормальный труд убивал сон, а бессонные ночи парализовали энергию и творческие силы. В конце июля все это разразилось припадками страшного нервного расстройства, такого, какое уже больше не повторялось ни разу в жизни. Доктор Юргенсон, призванный лечить его, нашел, что он был

«на шаг от безумия», и первые дни считал его положение почти отчаянным. Главные и самые страшные симптомы этой болезни состояли в том, что больного преследовали галлюцинации, находил ужасающий страх чего-то и чувствовалось полное омертвение всех конечностей... После этой симфонии ни одна нота из всех его сочинений не была написана ночью» (Ж. Ч., I, стр. 248).

К письму № 76

[1] По заказу Н. Рубинштейна Чайковский сочинил Торжественную увертюру на датский гимн, приуроченную к предполагавшемуся торжественному приезду в Москву наследника, женившегося на принцессе Дагмаре датской. Приезд их был отложен до весны 1867 г.

[2] Симфония «Зимние грезы» была закончена в ноябре этого года.

[3] Либретто оперы «Воевода» по одноименной его пьесе Островский начал составлять в феврале—марте 1867 г., и тогда же Чайковский приступил к своей работе. Процесс ее можно проследить по дальнейшим письмам. См. в книге «А. Н. Островский и русские композиторы» стр. 141 и сл.

[4] В дневнике В. Ф. Одоевского знакомство с Чайковским не отмечено.

[5] В сентябре 1866 г. была открыта Московская консерватория, и в связи с этим бюджет Чайковского, преподавателя консерватории, значительно увеличился — до ста рублей с лишним в месяц. Консерватория помещалась тогда на углу Воздвиженки и Арбатской площади. Чайковский вместе с Рубинштейном переехал во флигель этого дома.

К письму № 78

[1] Нет точных данных для датировки этого письма; письма Модеста за 1867 г. не сохранились. В основание редакторской даты положена пометка на подлиннике, не противоречащая содержанию письма.

К письму № 79

[1] 5 марта 1867 г. Чайковский получил от Островского либретто первого действия «Воеводы» и 8 марта начал писать музыку. В апреле он потерял либретто, и так как на клавире он не выписывал полного текста вокальных партий, то эскизы этого действия остались без слов. Островский обещал восстановить по памяти утерянное либретто, а в ожидании его Чайковский приступил к инструментовке. Переписка Чайковского с Островским опубликована в указанной выше книге: «А. Н. Островский и русские писатели».

[2] Приезд в Москву наследника и Дагмары.

[3] Эпизод с Бугаевым со слов Кашкина записан в воспоминаниях Клименко. Мемуарист забыл тему лекции: он утверждал, что она была посвящена интегралу и дифференциалу. См. И. А. Клименко, «Мои воспоминания о Петре Ильиче Чайковском», Рязань, 1908, стр. 22—23.

К письму № 80

[1] Чайковский решил провести лето 1867 г. в Финляндии, куда отправился вместе с Анатолием. Однако вскоре деньги иссякли, и он был вынужден вернуться в Петербург. Но и здесь в летнее время было трудно устроиться и получить заем. Тогда он решил уехать в Гапсаль, где жили на даче Модест и Александра Ивановна Давыдова с двумя

дочерьми, Софией и Верой. М. И. Чайковский рассказывает, как ограничены были их расходы тогда: проезд в третьем классе, обед из двух порций на троих, кофе вместо обеда — и все это при веселом, добродушном настроении всех обитателей. В Гапсале Чайковский продолжал писать «Воеводу» и сочинил две фортепианные пьесы, объединенные общим заглавием «Воспоминание о Гапсале» и составившие opus 2 (1. «Развалины замка», 2. «Песня без слов»; сюда же вошло Скерцо, написанное раньше и только обработанное в Гапсале). Весь opus посвящен В. В. Давыдовой, в обществе которой Чайковский жил в Гапсале. См. Ж. Ч., I, стр. 268 и сл.

К письму № 81

[1] Это письмо сестры не сохранилось.
[2] Имеется в виду В. В. Давыдова.

К письму № 82

[1] Еще из Гапсаля Чайковский писал Островскому, прося его ускорить присылку продолжения либретто. Вновь писал в сентябре. Островский прислал ему в Гапсаль восстановленное либретто первого действия и позднее сделал еще первую картину второго действия. Остальное составлялось при помощи самого композитора.

К письму № 83

[1] Статья Лароша «М. И. Глинка и его значение в истории музыки» печаталась в нескольких книжках «Русского вестника» (1867, № 10; 1868, №№ 1 и 9). Статья эта сразу поставила Лароша в ряд крупных музыкальных критиков. Помещена в книге: Г. А. Ларош, «Собрание музыкально-критических статей», т. 1, М., 1913.
[2] Эта песня была введена Чайковским в «Воеводу», а затем перенесена в «Опричника».
[3] И. П. Чайковский возвращался с Урала от старшей дочери в Петербург; по дороге должен был остановиться в Москве.
[4] Это письмо в Клинском архиве не сохранилось.

К письму № 84

[1] А. И. Давыдова писала об этом 16 сентября. (Это единственное ее письмо 1867 г., сохранившееся в архиве.)

К письму № 85

[1] Основания датировки: премьера оперы Кашперова «Гроза» состоялась 30 октября 1867 г. (в письме говорится, что она была в ч е р а); во второй части письма, написанной «дней пять тому назад», отмечается, что был второй симфонический концерт Р. М. О., а он состоялся 4 ноября, 5 же (не раньше) Чайковский провел весь день с Киреевым (вчера).
[2] С Киреевым соединяла Чайковского особая дружба в его правоведский период.

К письму № 86

[1] «Танцы сенных девушек» из оперы «Воевода» были исполнены во втором симфоническом собрании Р. М. О. и затем в том же сезоне повторены дважды.

[2] Речь идет о фортепианных пьесах «Воспоминание о Гапсале», посвященных В. В. Давыдовой. Рукопись этих пьес она всю жизнь бережно хранила в особой папке.

К письму № 87

[1] Берлиоз дирижировал в Москве двумя концертами. Прием был оказан ему восторженный. На торжественном обеде Чайковский произнес «прекрасную речь по-французски, в которой со свойственным ему энтузиазмом сделал оценку высоких заслуг» Берлиоза («Воспоминания» Н. Д. Кашкина, стр. 44).

[2] По окончании Петербургской консерватории Ларош переехал в Москву и поступил в число преподавателей консерватории. Некоторое время он жил на квартире Н. Рубинштейна вместе с Чайковским. Вызвано это было тем, что Ларошу врачи запретили выходить на улицу, а квартира Рубинштейна соединялась с консерваторией внутренним ходом.

[3] Аранжировка танцев для ф-п. в четыре руки была сделана автором и издана Юргенсоном (ор. 3).

[4] Чайковский был оскорблен тем, что Заремба и А. Рубинштейн дважды забраковали симфонию «Зимние грезы» и отказались включить ее в программу симфонических собраний Р. М. О. После официального запроса Чайковский дал разрешение на исполнение танцев. Исполнены они были только 25 января 1869 г. под управлением Н. Рубинштейна (пятое симфоническое собрание).

К письму № 88

[1] Чайковский отвечает на письмо брата от 26 января 1868 г., что и положено в основание датировки.

[2] В письме от 6 февраля Анатолий Чайковский подтвердил, что письмо было им получено. Это, видимо, не сохранившееся письмо является ответом на письмо Анатолия от 14 декабря 1867 г., в котором он писал: «Ты не поверишь, как мне неприятно то, что ты не приедешь в Петербург... К моему несчастию, приходится сомневаться в желании твоем увидеть меня. Поверь, что если я летом и делал тебе неприятности, то это происходило потому, что ты, без всякого желания без сомнения, вызывал меня к этому. Прежде ты мне казался идеалом во всех отношениях, все, что ты говорил, казалось мне непреложной истиной, я даже и не давал себе труда проверять того. Теперь же вследствие того ли, что я два года прожил без тебя, или каких-нибудь других причин я понимаю многое не так, как ты, и если я начинал спорить, то ты сердился или не слушал, и этим оскорблял меня. Не было никого, к кому бы я был так привязан, как к тебе, и потому ты можешь понять, как неприятна мне утрата этих отношений. Я так мало уверен в том, что ты признаешь за мной способность хоть сколько-нибудь рассуждать, что боюсь, чтоб ты не рассмеялся над тем, что я тебе написал».

[3] На 3 февраля было назначено исполнение Первой симфонии Чайковского.

[4] Ларош женился на Анастасии Петровне Сушкиной.

[5] На спектаклях у Лопухиных были поставлены три пьесы: «Шила в мешке не утаишь, девушку под замком не упрячешь», «Путаница» и «Соль супружества». Об этом гр. Капнист вспоминает: «Петя играл в первой пьесе и был загримирован доктором Альфонским (ректором университета) так похоже, что приняли его за доктора. К «Путанице» П. И. сочинил на один куплет речитатив и музыку. Играл он отлично. Спек-

такль имел большой успех и повторялся три раза. Вскоре у П. И. начался роман с Арто, и он уже почти перестал бывать у Лопухиных». (Рукопись; Клинский музей).

К письму № 89

[1] В этом сезоне несколько симфонических собраний повторялись дважды. Причины объяснены в письме.

[2] 3 февраля в восьмом симфоническом собрании Р.М.О. была впервые исполнена симфония «Зимние грезы». Н. Д. Кашкин вспоминает: «Забракованная в Петербурге [симфония] встретила в публике такой горячий прием, который превзошел даже наши, т. е. друзей Чайковского, ожидания». По словам Капнист, присутствовавшей на концерте, Чайковский, «небрежно одетый, с шапкой в руках, которую нервно мял, очень неловко и неизящно выходил раскланиваться». После концерта друзья собрались в ресторане. «Когда Н. Г. Рубинштейн после короткого спича предложил тост за здоровье автора новой симфонии, то Чайковский со всеми перецеловался и потом разбил все бокалы, «чтобы,— говорил он,— никто уже не мог пить из этой посуды после только что провозглашенного тоста» («Воспоминания Н. Д. Кашкина», стр. 45 и Ж. Ч., I, стр. 285). Это был первый крупный успех молодого композитора, мало еще известного профессора консерватории.

[3] И. А. Клименко — автор книги «Мои воспоминания» о Петре Ильиче Чайковском».

[4] Концерт состоялся 19 февраля 1869 г. в московском Большом театре. Это первое публичное выступление Чайковского в качестве дирижера (под его управлением исполнены были «Танцы сенных девушек» из «Воеводы»). Н. Д. Кашкин рассказывает: «Зная застенчивость Петра Ильича, я очень опасался за него, но сам он храбрился. В концерте я отправился за кулисы, где был дирижер-дебютант, и подошел к нему; он сказал мне, что к собственному своему изумлению не чувствует никакого страха. Мы поговорили немного, потом перед его нумером я ушел на свое место в партер. Вскоре вслед затем вышел Петр Ильич, и я с первого взгляда увидел, что он совершенно растерялся: он шел между местами оркестра, помещавшегося на сцене, как-то пригибаясь, точно старался спрятаться, и когда наконец дошел до капельмейстерского места, то имел вид человека, находящегося в отчаянном положении. Он совершенно забыл свое сочинение, ничего не видел в партитуре и подавал знаки вступления инструментам не там, где это действительно было нужно. К счастию, оркестр так хорошо знал пьесу, что музыканты не обращали внимания на неверные указания и сыграли «Танцы» совершенно благополучно, только посмеивались, глядя на композитора. Петр Ильич после говорил мне, что от боязни ему казалось, будто голова у него не держится прямо, а все гнется на бок, и все время он делал только усилия удержать ее («Воспоминания», стр. 42). Ларош утверждает, что еще в Петербургской консерватории, где Чайковскому как ученику в обязательном порядке пришлось управлять ученическим концертом, ему казалось, «будто у него соскочит голова с плеч. В предупреждение такой катастрофы он, держа палочку в правой руке, крепко придерживал подбородок левою». Таким же запомнил Ларош Чайковского в Большом театре. «Я отчетливо помню его в той же, только одним посвященным понятной позе с палочкой в правой руке и белокурою, в то время уже довольно густой бородой, крепко скомканной в левом кулаке» (Ж. Ч., I, стр. 177).

К письму № 90

[1] Чайковский ездил в Петербург на пасхальные каникулы. (Об его пребывании там см. Ж. Ч., I, стр. 288 и сл.).

[2] Ответ на письмо сестры от 12 марта 1868 года. А. И. Давыдова писала: «Петруша, неправда ли, что дико с моей стороны воображать, что фимиам славы так отуманил тебя, что ты отрекся от близких и крепко любящих тебя, а между тем человек так глупо устроен, что как назло самые непотребные мысли лезут ему помимо воли в голову,— вот и я на минутку по временам сокрушаюсь, что ты всю зиму не писал мне и, что́ удивительно, не отвечал на мое последнее письмо. Ты давно не был в кругу родных и, верно занятый сильно, редко пишешь и им, отчего и я мало о тебе от них слышу, а чаще в газетах встречаю твое имя и, веришь ли, я и рада, и горжусь, и досадую, что только таким образом узнаю о тебе, о твоих успехах. И неужели никогда не придется мне самой наслаждаться твоими произведениями? А ведь неправда ли, что судьба тут несправедливо распорядилась, дав возможность посторонним наслаждаться и устранив меня, которая так близко принимает к сердцу все касающееся тебя. Ну, итак, Петруша, напиши мне хоть несколько слов, если еще хоть немножко любишь меня».

К письму № 91

[1] 20 июля — день именин отца Чайковского.

[2] У сестры Чайковского родилась дочь Наталия.

[3] Чайковский поехал за границу с В. С. Шиловским и на его средства. С ними ездил также вотчим Шиловского В. П. Бегичев и друг их дома К. Н. де Лазари, автор воспоминаний о Чайковском (цитируются ниже).

[4] Тясмин — река в Каменке.

[5] Селение близ Нарвы, где проводили лето младшие братья Чайковского вместе с петербургскими Давыдовыми.

К письму № 92

[1] Дезире Арто впервые появилась в Москве еще весной 1868 г., но это не нашло отражения в письмах Чайковского. Видимо, только в период осенних гастролей Чайковский обратил внимание на певицу, и эта встреча явилась самым поэтическим, быть может, единственным в своем роде эпизодом личной биографии композитора. Подробную характеристику Арто дает Ларош.

Арто — дочь известного валторниста, ученица Полины Виардо; в некоторых отношениях она ей подражала. Арто была некрасива, но своим очарованием покоряла сердца наравне с безукоризненными красавицами. Талант ее был большой. «Можно сказать, что во всех родах музыки, во всем царстве лирических настроений не было идеи, не было образа, к воспроизведению которого она была бы неспособна». Везде она имела успех, но настоящий ее триумф был в Москве. Для Чайковского Арто явилась «как бы олицетворением драматического пения, богинею оперы, соединившей в одной себе дары, обыкновенно разбросанные в натурах противуположных» (Ж. Ч., I, стр. 300—301).

К письму № 93

[1] С начала этого учебного года оклад Чайковского увеличился с 1.200 р. до 1.441 р. в год. См. Ж. Ч., I, стр. 297.

К письму № 94

[1] В архиве не сохранилось письмо сестры, на которое отвечает Чайковский, но имеется другое ее письмо, написанное три месяца спустя, 31

декабря 1868 г., в ответ на утерянное письмо Чайковского. Оно касается той же темы — Веры Васильевны Давыдовой и Арто. В интересах полноты освещения этой страницы личной биографии композитора приводим выдержку из письма: «Вот уже три дня, что я получила твое письмо, дорогой Петруша, и все еще не могу успокоиться, сердце бьется, в жар бросает, спать не могу, а все оттого, что радость пополам с тревогой; мне кажется, что так должны чувствовать матери, отдающие замуж шестнадцатилетнюю дочь. Итак, ты женишься, это очевидно. Одно из самых сильных, затаенных моих желаний сбывается; как же, казалось бы, не ликовать, а тут как назло тревожные мысли так и лезут. Не говорю уже о Вере; посылаю тебе ее письмо,— мне кажется, что всегда полезно знать, если мы любимы и как и кем еще. Теперь же тебе очень нужно знать себе цену, чтоб не ставить счастия своего на карту».

К письму № 95

[1] Этот замысел не осуществился.

[2] Симфоническая поэма «Фатум» была закончена в эскизах около 21 октября и инструментована в ноябре — начале декабря 1868 г. Исполнена под управлением Н. Рубинштейна 15 февраля 1869 г. Посвящена М. А. Балакиреву. В 1870 г. партитура была уничтожена автором, но после его смерти восстановлена по оркестровым голосам и издана М. Беляевым в 1896 г. (ор. 77). См. Ж. Ч., I, стр. 324.

К письму № 96

[1] В воспоминаниях Кашкина объяснены мотивы этого заказа: «Черное домино», как вообще французские комические оперы, написано с диалогом, а итальянцы в опере диалогов не допускают. «Черное домино» было поставлено для г-жи Арто в ее бенефис. Она пела все ансамбли по-итальянски, а свои нумера соло — по-французски и была удивительно хороша в этой прелестной опере. За речитативы Чайковскому было заплачено, сколько помнится, 150 рублей, и он находил это вознаграждение очень хорошим» (стр. 78). Никаких следов этой работы в музыкальном наследстве композитора не сохранилось. См. Ж. Ч., I, стр. 325.

[2] А. Рубинштейн участвовал во втором и третьем квартетном собраниях Р. М. О., 9 и 11 октября.

[3] Об этих вечерах в артистическом кружке есть любопытные подробности в указанных выше воспоминаниях И. А. Клименко (см. стр. 35—37).

[4] В «Московских ведомостях» (1868, № 216 от 8 октября) Ларош напечатал статью об итальянской оперной труппе, в которой дал отрицательный отзыв об артистах, не обладающих, по его утверждению, ни сценическими, ни голосовыми данными. «Составители труппы нынешнего сезона руководствовались мудрым приемом великих живописцев. Выбрана одна великолепная фигура, артистка первоклассная (нужно ли называть г-жу Арто?), и затем, дабы искусно оттенить ее громадным контрастом, подобран рой фигур второстепенных, остающихся в тени».

К письму № 97

[1] Ларош писал оперу «Кармазина», оставшуюся незаконченной. Публично была исполнена только увертюра к ней. См. письмо № 104.

К письму № 98

[1] Увлечение Чайковского певицей Арто было очевидно для всех. Много об этом говорили. Даже В. Ф. Одоевский после одного концерта, в котором участвовала Арто и присутствовал Чайковский, отметил в своем дневнике 22 ноября: «Чайковский что-то очень ухаживает за Арто» («Литературное наследство», 1935, № 22—24, стр. 248). А брат Анатолий писал из Петербурга: «Я слышал, что в Москве только и говорят, что о твоей женитьбе на Арто». «Нечего и говорить, что наделали тут слухи о твоей женитьбе, потому что сам ты знаешь, насколько знающие тебя могут ожидать от тебя такой штуки» (письма от 3 и 24 декабря 1868 г.).

[2] Первая из этих пьес — «Вальс-каприччио» (ор. 4), сочиненный в октябре 1868 г.; посвящен Антону Доору. Вторая — «Романс» для фортепиано, написанный в ноябре; посвящен Дезире Арто. Изданы Юргенсоном.

[3] Издание Юргенсона.

[4] Речь идет о симфонической поэме «Фатум», исполненной 15 февраля следующего года.

[5] Концерт в пользу недостаточных студентов был 8 декабря 1868 г. с участием Арто и других артистов итальянской оперы, а также оркестра под управлением Н. Рубинштейна. Эта дата положена в основание датировки.

К письму № 99

[1] Приятель Чайковского К. де Лазари пишет в своих воспоминаниях: «Арто жила с матерью в гостинице Шевалье. Поклонников у нее была масса. Каждый спектакль ее буквально осыпали цветами и подарками, но никто не подносил более ценных и обращающих на себя внимание, как маленький, круглый, живой и энергичный, черный, с узенькими, хитрыми глазками армянин Х., неизменно каждое представление, в котором участвовала Арто, сидевший в первом ряду. Он влюбился в Арто до безумия и следил за ней шаг за шагом... Главным образом он поставил себе за правило тронуть своим ухаживанием старуху-мать... Едва он узнает, что Арто на репетиции, как уже спешит в гостиницу к матери. Говорит ей о своих богатствах на Кавказе, о великолепном дворце, который у него там, что по-настоящему он князь и проч... Он рассказывал ей небылицы, будто Чайковский сын Садыка-паши, разоренный игрок, весь в долгах, и прочий вздор, которому иностранка могла тем легче поверить, что не знала совсем условий русской жизни. Кончилось тем, что мать Арто вооружилась страшно против Петра Ильича... Однажды в декабре я пришел к нему и застал его не веселым, как все предшествующее время, а убитым и расстроенным... «Слушай, Костя, был я вчера у нее. Сначала она была со мною мила, как всегда, но потом я заметил, что ей не по себе, что у нее есть какая-то забота. Я спросил, что такое. В это время прошла мать и едва мне поклонилась. Тогда я догадался, что кто-нибудь насплетничал ей на меня. «Моя мать вооружена против вас,— сказала мне Арто,— но что бы мне ни говорили, как бы ни старались нас разъединить, знайте, что я всегда буду вам верна и никому, кроме вас, принадлежать не буду, но вы поймите, что мне все-таки тяжело видеть, что матушка поддалась клеветам, которые на вас возводят». Как я ни старался узнать, что́ и кто говорил обо мне, она не хотела сказать и, продолжая уверять, что любит попрежнему, просила уйти, чтобы дать ей возможность переговорить с матерью и постараться успокоить ее. Как видишь, веселиться мне нечему!» Я старался утешить его, как мог, но все было тщетно. Однако через несколько времени отношения Чайковского с матерью Арто снова возобновились, и перед отъездом своей невесты в Варшаву Петр Ильич опять часто стал бывать в гостинице Ше-

валье. Свадьба их была отложена до лета и должна была происходить во Франции, в имении Арто» (газета «Россия», 1900, №№ 388, 393, 405). С а д ы к-П а ш а — писатель М. С. Чайковский, в родстве с композитором не состоявший.

[2] И. П. Чайковский ответил длинным письмом от 29 декабря 1868 г., опубликованным в Ж. Ч., I, стр. 305—308. Приводим из него несколько цитат: «Друзья-приятели сознают твой талант, но боятся, чтобы ты не потерял его с этой важной переменой. Я против этого. Если ты ради таланта бросил коронную службу, то, конечно, не перестанешь быть артистом даже и тогда, когда на первых порах не будешь счастлив; так бывает почти со всеми музыкантами... Добрый друг сумеет возбудить твое вдохновение, — успевай только записывать. С такой особой, как твоя ж е л а н н а я [Desirée], ты скорее усовершенствуешься, чем потеряешь свой талант... Оставлять ей театральные подмостки не следует, а тебе также не следует бросать занятие артиста по призванию... Зачем предполагать, что ты лишишься возможности итти вперед по своей дороге, если слепо станешь следовать за ней? Это значит, что ты как будто не имеешь своего характера, а будешь простым прихвостнем, станешь только носить ее шлейф и двумя пальчиками выводить ее на сцену, а потом улизнешь в толпу как ничтожный прислужник. Нет, мой друг, будь ты прислужником, но только прислужником самостоятельным: когда она будет петь твою арию, так чтобы аплодисмент принадлежал Вам обоим,— зачем же тогда слепо следовать.. Испытали ли Вы себя?.. Испытайте еще раз и потом уже решайтесь... Вчера, 28-го числа, мы праздновали у Давыдовых день рождения Саши. Жаль мне было смотреть на одну особу [В. В. Давыдову]. Она была не в своей тарелке, несмотря на то, что всеми мерами старалась скрыть свое горе. Катерина Васильевна что-то написала им, после чего она как будто осовела, что-то хочет сказать и замолчит, что-то заиграет на фортепиано и бросит. Милая, прекрасная девушка! Ну, что мне делать с этим дураком моим: не любит, негодный, а насильно милым быть нельзя. А как жаль, как жаль! Если, паче всякого чаяния, ты не женишься на Арто, женись на ней, это одна из всех наших знакомых милая, бесподобная особа. Об Авдотье и говорить нечего — она готова зубами съесть эту проклятую Арто. От злости она пожелтела еще больше» (конец письма, о В. В. Давыдовой, публикуется впервые). А в д о т ь я — Авдотья Яковлевна Бахирева, тоже увлекавшаяся Чайковским.

К письму № 100

[1] Основание датировки: на это письмо Анатолий Чайковский ответил 7 января 1869 г.; в самом письме говорится по поводу предстоявшей премьеры «Воеводы», что она намечена на «27-е число»,— без указания месяца, т. е. в том же месяце, когда и писалось письмо — в январе.

[2] О постановке «Воеводы» Н. Д. Кашкин вспоминает: «Начались спевки, репетиции, а вместе с ними и жестокие страдания композитора. Во-первых, во время разучивания оперы он сам заметил недостатки своего произведения, которые исправлять было уже поздно, а во-вторых, натолкнулся на совершенно неожиданные затруднения со стороны исполнителей. Нужно, впрочем, сказать, что в старании с их стороны недостатка не было, но, к сожалению, им иногда нехватало самых элементарных музыкальных познаний, вследствие чего вещи сравнительно очень простые обращались для них в непреоборимые трудности... [Застенчивый Чайковский] при постановке первой оперы совсем не мог делать каких-либо серьезных замечаний, предъявлять какие-либо требования,— он просто

страдал и только жаждал конца своих мучений» (стр. 55—56; см. там и другие интересные подробности этой постановки).

[3] Чайковский начал сочинение оперы «Ундина» по либретто Соллогуба, написанному для А. Львова в сороковых годах. Эскизы закончены в апреле, инструментовка — в конце июля. Опера была забракована и сожжена автором в 1873 г. Сохранилось лишь несколько отрывков. См. Ж. Ч., I, стр. 325—328.

[4] В ответном письме от 7 января 1869 г. Анатолий писал: «Все совершившееся с тобою в последнее время так озадачило и заинтересовало меня, что, получив твое последнее письмо, я только и думал об этом. Вера, которой я показал твое письмо к папаше, во избежание рассказа о твоих похождениях, который во всяком случае был бы немилуем, сильно огорчилась этим известием,— конечно, не потому, что она питала надежду выйти за тебя замуж, а, как она говорит, потому, что боится за непостоянство, да еще разные в этом духе опасения, а мне кажется, что она просто ревнует,— чувство, как мне кажется, весьма понятное и естественное».

К письму № 102

[1] Первое представление первой оперы Чайковского состоялось 30 января 1869 г. в московском Большом театре, в бенефис Меньшиковой. «Постановка оперы была до невероятности скудная, все было сделано из сборных декораций и кос-каких костюмов... На постановку «Воеводы» отпущено было несколько сот рублей... во всяком случае не более шестисот рублей, а мне даже кажется, что всего только триста» (Кашкин, стр. 57). Внешний успех был большой, но опера выдержала только пять представлений и затем исчезла навседа. После генеральной репетиции В. Ф. Одоевский записал в дневнике: «Эта опера — задаток огромной будущности для Чайковского». Он, между прочим, приглашал Чайковского быть в его ложе на премьере, но Чайковский ответил, «что намерен спрятаться в ложу на сцене, чтобы никто его не видал». «Представление удалось»,— отметил Одоевский на другой день («Литературное наследство», 1935, № 22—24, стр. 251—252). Подробности об этой постановке см. в «Воспоминаниях» Н. Д. Кашкина, стр. 57, и сл. и Ж. Ч., I, стр. 313 и сл.

[2] Известно одно из этих писем — от Садовского. Приводим его:

«Многолюбимый Петр Ильич!
Поздравляю с успехом!
Многолюбящий Садовский.
(Воздержно пий, мало яждь —
Здрав будеши.
Творя благо, бегай злаго —
Спасен будеши)».

(Напечатано в Ж. Ч., I, стр. 315, с искажениями; публикуем по подлиннику).

[3] Итальянская труппа, в которой была Арто, переехала из Москвы на гастроли в Варшаву. Там-то и произошло неожиданное замужество. Падилла — артист той же труппы, баритон.

Де Лазари рассказывает, как было получено в Москве это известие: «Однажды, уже в январе, вечером, часов в семь, входит к Петру Ильичу в комнату Николай Григорьевич, держа письмо какое-то и громко смеясь: «Знаешь, Петя, какое известие я получил? Прочти или я, лучше, сам тебе прочту его, Господи, как я рад! Слава богу, слава богу! — Арто замуж

вышла! И знаешь, за кого? За Падиллу! Ну, не прав ли я был, когда говорил тебе, что не ты ей нужен в мужья?! Вот ей настоящая партия, а ты нам, пойми, нам, России, нужен, а не в прислужники знаменитой иностранки». Чайковский не сказал ни слова. Он только побледнел и вышел. Через несколько дней его уже узнать нельзя было. Опять довольный, спокойный и всецело занятый одной заботой — творчеством».

К письму № 103

[1] Симфоническая поэма «Фатум» была исполнена в восьмом симфоническом собрании Р. М. О. 15 февраля 1869 г. под управлением Н. Г. Рубинштейна. Непосредственное впечатление автора было ошибочным. По утверждению Кашкина (стр. 61), успех был «посредственный». Самому автору вскоре пришлось прочитать в «Современной летописи» 1869, № 9 отрицательный отзыв Лароша, а после исполнения поэмы в Петербурге 17 марта, под управлением Балакирева,— получить приговор и от самого Балакирева, которому «Фатум» посвящен: «Сама вещь мне не нравится: она не высижена, писана как бы на скорую руку. Везде видны швы и белые нитки. Форма окончательно не удалась, вышло все разрозненно». Осуждали поэму и в личных беседах с Чайковским. Полная неудача постигла это произведение, и Чайковский уничтожил партитуру его. См. Ж. Ч., I, стр. 318—322; «Воспоминания» Н. Д. Кашкина, стр. 60—62; «Воспоминания» И. А. Клименко, стр. 11—17 и «Собрание музыкально-критических статей» Лароша, т. II, ч. 2, стр. 1 и сл.

[2] В несохранившейся части письма Чайковский говорил о статье Лароша по поводу «Воеводы», напечатанной в «Современной летописи» (1869, № 6 от 9 февраля). Отметив, что неудачное либретто поставило композитора в самое невыгодное положение, Ларош указал на существенный недостаток Чайковского — сильное влияние на него немецких образцов: «в его стиле явно слышится сродство его с новейшими подражателями Шумана, а отчасти и с А. Рубинштейном». «Музыка его, колеблющаяся между немецким (преобладающим) и итальянским стилями, более всего чужда русского отпечатка» (как исключение, в опере есть несколько песен вполне русских). Резюме: «опера г. Чайковского богата отдельными музыкальными красотами. Но в общем драматическом ходе она обличает в композиторе ограниченную способность применяться к разнообразным задачам слова и ситуации, отсутствие русского народного элемента и неумение или, вернее, нежелание подчинить оркестр голосам и выяснить последние не для эгоистических, виртуозных целей, а ради требования поэтического смысла» (статья помещена в сборнике статей Лароша, т. II, ч. 1, стр. 102—105). Эта статья оскорбила Чайковского ее пренебрежительным тоном, а, главное, замечанием о сродстве его музыки с музыкой подражателей Шумана. На другой день после опубликования статьи произошел разрыв личных отношений между Чайковским и Ларошем и следующий разговор, ему предшествовавший (записал Клименко). Ларош: «Вы получили, Петр Ильич, мою статью?» Чайковский: «Да, я получил ее, изорвал и бросил в печку, как вы того заслуживаете» [или: «Как заслуживает подарок от вас»; не помню подлинных выражений, но смысл их превосходно помню»] («Воспоминания», стр. 10). Только два года спустя, весной 1871 г., их отношения восстановились (Ж. Ч., I, стр. 315).

[3] В ответ на это сообщение о здоровье и по поводу замужества Арто И. П. Чайковский писал сыну 23 марта 1869 г.: «Пуще всего меня беспокоят твои нервные припадки. Старайся, мой друг, сам предупреждать их, только не наедине, а в доброй, хорошей компании, сам затевай веселые разговоры, пляши, скачи, смейся и пр. и пр. Стакан сахарной воды

или несколько капель валерианы очень полезно. Поступок M-lle Artot меня радует. Слава богу, значит, что она не совсем увлекла тебя; интриганка, страстная женщина и фальшивая,— вот кто она. Стало быть, не пара тебе — да и бог с ней».

[1] А. В. Давыдов, только что женившийся, был в Москве проездом из Петербурга.

[5] В. С. Шиловский.

К письму № 104

[1] 4 апреля 1869 г. в экстренном симфоническом собрании Р. М. О. (концерте Н. Рубинштейна) была исполнена увертюра к опере «Карамазина» Ларош. Дата этого концерта положена в основание датировки письма.

К письму № 105

[1] Основание датировки: письмо написано накануне дня пасхи («иду в Кремль на заутреню»), бывшей в 1869 г. 20 апреля.

[2] Анатолий Чайковский, оканчивавший Училище правоведения, хлопотал о службе в Москве. В письме от 17 апреля он просил заручиться протекцией Н. Г. Рубинштейна.

К письму № 106

[1] Основание датировки этого и следующего писем: Анатолий ответил на них 4 мая 1869 г.; он писал: «Вчера сдал предпоследний экзамен... Это помешало мне немедленно отвечать тебе».

[2] Хлопоты о службе в Москве не увенчались успехом, перспектива жизни в Рязани не соблазнила А. Чайковского, и он по окончании Училища поступил в Киевскую уголовную палату.

[2] Поездка за границу не состоялась. Чайковский провел лето в Каменке. См. Ж. Ч., I, стр. 323—324.

К письму № 109

[1] Это и следующие письма к нему адресованы в Киев, где Анатолий Чайковский начал свою службу.

[2] Возможно, что встреча с Плещеевым натолкнула Чайковского написать романс на его слова «Ни слова, о друг мой» (конец 1869 г., ор. 6).

К письму № 111

[1] О встречах с Балакиревым в Москве в 1869 г. есть подробности в «Воспоминаниях» Кашкина (стр. 63—64) и Клименко (стр. 31—32). Кашкин предполагает, что именно при этих свиданиях Балакирев высмеивал «Фатум» и тогда же дал мысль написать увертюру «Ромео и Джульетта». Клименко приводит пример «гнусного» приставания Балакирева к Чайковскому по поводу его «Valse-Caprice».

К письму № 112

[1] При изучении вопроса о взаимоотношениях Чайковского и Апухтина следует учесть неясную фразу из письма Модеста Чайковского к брату, написанного еще до поездки Чайковского в Петербург, 31 августа 1869 г.: «Был у Апухтина. Он был очень любезен и просил тебе сказать, что, видя твое искреннее раскаяние, он прощает тебя».

К письму № 113

[1] Основание датировки: в комментируемом письме упоминается письмо Модеста Чайковского от 14 сентября 1869 г., полученное, вероятно, числа 15 или 16 (см. след. прим.).

[2] Приводим небольшую цитату из этого письма Модеста от 14 сентября: «Тетя Лиза обижена больше всех, но зато М-me Адамова торжествует. Она рассказывает всем, что ты у нее обедал и провел два вечера, и публично извиняет тебя, что ты не поехал к Давыдовым, тем, что говорит, что тебе неловко было ехать к ним после твоей истории с Арто».

К письму № 114

[1] Н. А. Губерт, окончив в 1868 г. Петербургскую консерваторию, начал свою музыкальную деятельность в Киеве, где руководил музыкальными классами Р.М.О.

[2] Это — второй сборник народных песен. Первый сделан осенью 1868 г.

К письму № 115

[1] Аранжировка для ф-п. в четыре руки увертюры А. Рубинштейна «Иоанн Грозный» была сделана Чайковским в октябре 1869 г. Издана Бесселем.

[2] По поводу отсутствия вдохновения, необходимого для сочинения обещанной Балакиреву увертюры «Ромео и Джульетта», Чайковский жаловался ему 2 октября: «Представьте себе, что я совершенно выдохся и что ни одна хоть сколько-нибудь сносная музыкальная идейка не лезет в голову. Начинаю бояться, что муза моя отлетела куда-нибудь далеко». В ответном письме от 4 октября Балакирев сетовал на него, упрекая за то, что он «мало сосредоточивается», и подробно излагал свой процесс творчества. Письмо благоприятно подействовало на Чайковского, и он вскоре приступил к работе над увертюрой.

К письму № 116

[1] Сочинение увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта» началось в последних числах сентября и закончено в ноябре. О первом исполнении см. письмо № 129.

[2] Чайковский писал С. А. Гедеонову, директору императорского театра: «...В газетах я читал, что готовятся к постановке несколько новых опер и только в случае, если останется свободное время, имеется в виду дать и мою оперу. Из этого газетного известия я вывожу то прискорбное заключение, что об моей опере еще нет серьезного разговора, что появление ее на сцене сомнительно. Это для меня в высшей степени неприятно, ибо, отказавшись от всяких других занятий я усиленно трудился все лето, вполне положившись на обещание вашего превосходительства и с радостью помышляя об осуществлении так давно лелеянной мною мечты слышать свою оперу в Петербурге. Как бы то ни было, я еще не теряю надежды и твердо убежден, что лишь какие-нибудь неизвестные мне, но непреодолимые препятствия принудили Дирекцию отменить свое первоначальное намерение. Во всяком случае имею честь покорнейше просить ваше превосходительство уведомить меня о том, в какой мере я еще могу надеяться на то, что опера будет дана, а также в случае, если она стоит на репертуаре, известить, в какое приблизительно время ее могут дать. Прошу ваше превосходительство про-

стить мою докучливость и принять уверение в глубочайшем почтении, с коим имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою».

К письму № 117

[1] Кашкин рассказывает об этой встрече: «Мне пришлось сидеть в партере рядом с Чайковским, волновавшимся очень сильно. При появлении артистки на сцене он закрылся биноклем и не отнимал его от глаз до конца действия, но едва ли много мог рассмотреть, потому что у него самого из-под бинокля катились слезы, которых он как будто не замечал». Следующая встреча состоялась лет через восемь. Она тоже описана Кашкиным: «[По приезде в Москву] в консерватории встретил я Чайковского, и мы вместе отправились в директорскую комнату к Н. Г. Рубинштейну, но швейцар нам сказал, что к нему вошла какая-то посторонняя дама, и мы остались в приемной, откуда дверь вела в директорскую, ожидать выхода посетительницы, сообщая друг другу разные новости. Дверь директорской отворилась, вышла дама, которую я не узнал сперва, а Чайковский вдруг вскочил с места и весь побледнел. Дама, в свою очередь, слегка вскрикнула и так смутилась, что стала искать выхода в глухой стене, и потом, увидевши наконец дверь, быстро ушла в переднюю. Чайковский с минуту постоял молча, потом разразился громким хохотом и сказал: «И я думал, что влюблен в нее». Вышедший вслед за дамой Н. Г. Рубинштейн с изумлением смотрел на эту очень быструю молчаливую сцену, потом мы все немножко поговорили о неожиданности такой встречи, и тем дело окончилось» («Воспоминания», стр. 78—79).

Еще много-много лет спустя, в 1888 г., они снова встретились,— без намеков на прошлое, как старые приятели. И тогда Чайковский посвятил ей шесть романсов (ор. 65). См. второй том нашего издания.

[2] А. С. Фаминцын с 1867 г. издавал журнал «Музыкальный сезон».

К письму № 119

[1] В этом сезоне симфонические собрания Р.М.О. начались 7 ноября. Эта дата подтверждает, что в авторской дате письма (сентябрь) описка.

[2] Увертюра «Ромео и Джульетта» была исполнена только 4 марта 1870 г. в восьмом симфоническом собрании.

К письму № 120

[1] М. И. Чайковский разъясняет это выражение: «Я, шутя, в одном из моих писем к брату, узнав о работе его над «Ромео», предложил ему мою программу, по которой я уже будто бы написал музыку» (Ж. Ч., I, стр. 337).

[2] Модест писал брату 11 ноября 1869 г.: «Неделю тому назад слышал в концерте Арто, которая привела меня в неописанный восторг... Вообще же как женщина, своими манерами и лицом, она произвела на меня сильное впечатление, может быть потому, что я при этом думал о том чувстве, которое она в тебе возбудила».

[3] Письмо Балакирева от 12 ноября 1869 г.

К письму № 121

[1] См. прим. 1 к письму № 117.

[2] Эти шесть романсов составили opus 6: 1. «Не верь, мой друг», сл. А. Толстого; 2. «Ни слова, о друг мой», сл. Плещеева; 3. «И больно и сладко», сл. Ростопчиной; 4. «Слеза дрожит», сл. А. Толстого; 5. «Отчего», сл. Мея; 6. «Нет, только тот», сл. Мея. Романсы посвящены

тем лицам, с которыми Чайковский встречался за последнее время: А. Г. Меньшиковой, Н. Д. Кашкину, А. Д. Кочетовой, П. И. Юргенсону, И. А. Клименко и А. А. Хвостовой.

[3] Н. Г. Рубинштейн участвовал в качестве солиста в XX концерте Бесплатной музыкальной школы, под управлением Балакирева, 30 ноября 1869 г. Эта дата дала основание датировать письмо началом декабря (первыми числами) по смыслу: именины Рубинштейна, т. е. 6-е, будет через несколько дней.

К письму № 123

[1] Чайковский был занят переводом с немецкого текстов двенадцати песен и романсов А. Рубинштейна, написанных на слова Фридриха Боденштедта. Перевод делался для русского издания, выпущенного Юргенсоном в 1870 г.

К письму № 125

[1] Римский-Корсаков посвятил Чайковскому романс «Где ты, там мысль моя» (ор. 8). В 1872 г. Чайковский посвятил ему романс «Погоди» (ор. 16).

[2] Сюжет оперы «Мандрагора» рассказан в Ж. Ч., I, стр. 337. Из этой оперы был написан только упоминаемый в письме «Хор насекомых». Из приятелей, отговаривавших Чайковского писать оперу, всего больше подействовал на него Н. Д. Кашкин, в своих «Воспоминаниях» подробно описавший этот роковой разговор. «Спор продолжался довольно долго,— рассказывает Кашкин,— вдруг я заметил, что лицо Петра Ильича изменилось, и он почти со слезами сказал мне, что я своего добился, оперы на этот сюжет он писать не может, но так огорчен этим, что на будущее время никогда не будет мне сообщать своих намерений и ничего не покажет. Он так был расстроен, что я сам огорчился успешностью моих доказательств. Впоследствии Петр Ильич, кажется, был даже доволен, что оставил этот сюжет и вопреки своим угрозам иногда все-таки спрашивал моего мнения о своих предположениях» (стр. 67).

[3] Этот замысел не осуществился. См. Ж. Ч., I, стр. 338.

[4] Так иногда звали в семье Елизавету Михайловну, жену И. П. Чайковского.

К письму № 126

[1] В тот же день, 5 февраля 1870 г., Чайковский писал и отцу. Письмо это не сохранилось, но в ответном письме от 12 февраля имеется отклик на сетования Чайковского, на его тоску по семье. Отец успокаивал сына: «Что толщина мешает тебе нравиться женскому полу,— не беда; я люблю тебя более всего женского пола на свете. Кроме того, ты носишь в себе какой-то талисман, в тебя против твоей воли и собственных твоих опасений все влюбляются, несмотря на толщину».

[2] Опера «Опричник» закончена в апреле 1872 г. Подробное содержание либретто см. в Ж. Ч., I, стр. 385—392. О первом представлении см. письмо № 181.

[3] Только в мае, во время своего пребывания в Петербурге, Чайковский узнал решение об «Ундине»: собрание капельмейстеров Мариинского театра признало оперу недостойной быть поставленной на сцене. «Мне это было очень обидно и казалось очень несправедливо»,— много лет спустя признался автор. В конторе театра партитура затерялась, и только впоследствии Чайковский получил ее и тут же уничтожил. См. Ж. Ч., I, стр. 344; Кашкин, стр. 73.

[4] Чайковский посвятил сестре «Вальс-скерцо» для фортепиано (ор. 7).

К письму № 127

[1] Очевидно, речь идет о несохранившемся письме Чайковского, не дошедшем до адресата. О нем говорится в следующем письме от 7 марта 1870 г. Дата этого письма положена в основание приблизительной редакторской даты.

К письму № 128

[1] См. прим. 1 к письму № 120.
[2] См. прим. 1 к следующему письму.

К письму № 129

[1] «Ромео и Джульетта» была исполнена 4 марта под управлением Н. Г. Рубинштейна. Чайковский скрыл от брата неуспех и свое огорчение. На этот раз обстоятельства сложились чрезвычайно неудачно. Накануне концерта мировой суд вынес приговор Рубинштейну, в одной московской газете успела уже появиться злостная заметка, и в ответ на это симфоническое собрание превратилось в грандиозную демонстрацию сочувствия артисту, а новое произведение осталось в тени. Еще до первого исполнения московские друзья одобряли симфонию, они были уверены в успехе, но публика не могла воспринять ее. После концерта консерваторский кружок собрался в ресторане, но и там больше говорили о демонстрации, чем о «Ромео». «Увертюра моя не имела здесь никакого успеха и прошла совершенно незамеченной, — жаловался Чайковский Клименко. — Вспоминал я тебя в этот вечер [Клименко был страстным поклонником увертюры; р е д.]. После концерта ужинали мы в большой компании у Гурина. Представь себе, что в течение целого вечера хотя бы кто-нибудь о ней заикнулся. А между тем я так жаждал теплых сочувственных слов!» (письмо от 1 мая 1870 г.). См. Ж. Ч., I, стр. 341; «Воспоминания» Кашкина, стр. 64—65, и «Воспоминания» Клименко, стр. 55—56.

[2] Концерт состоялся 16 марта в московском Большом театре. «Этот концерт может дать понятие о том, с каким трудом Чайковский завоевывал в то время симпатии публики. Среди различных нумеров программы находились превосходное Adagio из его Первой симфонии и ария [из «Ундины»]. В инструментовке арии было введено фортепиано, имевшее довольно сложную и красивую партию, исполнение которой взял на себя Н. Г. Рубинштейн. Несмотря на хорошее исполнение, ни тот, ни другой из этих нумеров не имели и тени успеха; сколько помнится, после Adagio раздалось даже легкое шиканье» (Кашкин, стр. 74).

К письму № 130

[1] В 1870 г. М. И. Чайковский окончил Училище правоведения годом позже своего близнеца Анатолия, с которым поступил одновременно).
[2] Концерт Таузига состоялся 23 марта в Большом театре.
[3] Первая часть неоконченной симфонии Ларош была исполнена 27 марта 1870 г. в экстренном собрании Р. М. О. (концерте Н. Рубинштейна).

К письму № 131

[1] Основание датировки: из следующего письма известно, что комментируемое должно было быть получено в Каменке во время пасхальных каникул (первый день пасхи был 12 апреля).

К письму № 132

[1] 19 апреля 1870 г. в Сокольниках состоялась дуэль между адвокатом кн. Урусовым и Островским, братом драматурга. Поводом ее были споры по делам Артистического кружка.

К письму № 135

[1] За границей Чайковский был занят переделкой увертюры «Ромео и Джульетта».

К письму № 138

[1] Был канун франко-прусской войны.

К письму № 142

[1] Эта работа была только начата и затем оставлена.

[2] Константинов — театральный псевдоним де Лазари. Его воспоминания о Чайковском цитировались выше.

[3] 24 сентября 1870 г. впервые выступил в опере «Трубадур» знаменитый итальянский певец-тенор Тамберлик. Неожиданно его появление было встречено свистками и криками недовольной публики. Оскорбленный артист получил несколько сочувственных приветствий, в том числе и от Московской консерватории, составленное Чайковским. Приводим его полностью: «Мы, нижеподписавшиеся, глубоко огорченные прискорбным событием 24-го сентября, считаем долгом заявить вам, милостивый государь, что профессора Московской консерватории энергически протестуют против неприличного отношения московской публики к первому выходу на нашей оперной сцене одного из знаменитейших и достойнейших во всех отношениях представителей европейского искусства. Примите, м. г., от нас уверение, что мы всегда умели ценить ваш высокий талант и что мы глубоко огорчены тем, что, вынужденные вследствие нанесенного вам оскорбления, покинуть наш город, вы лишаете нас возможности и впредь наслаждаться вашим искусством. Николай Рубинштейн, Петр Чайковский, Александр Размадзе, Ф. Л. Лангер, Николай Кашкин, Вильгельм Фитценгаген, Ferdinand Laub, Н. Губерт, В. Кашперов, G. Galvani» (цит. по «Московским ведомостям», 1870, № 211).

К письму № 143

[1] Датируется в соответствии с предыдущим письмом.

[2] Увертюра «Ромео и Джульетта» после ее исполнения, заново переделанная, была напечатана в Берлине у Боте и Бок и исполнена в нескольких немецких городах благодаря содействию Клиндворта.

К письму № 145

[1] Интересны недавно написанные воспоминания бывшей ученицы консерватории М. К. Гурье, по мужу Котц. Они относятся как раз к этому времени, к началу семидесятых годов. Гурье начинает с признания, что Чайковский, молодой, еще мало известный композитор, не представлял для них большого интереса, к тому же он — петербуржец, который терялся в блестящей плеяде профессоров-иностранцев. «Да и сам Чайковский не выказывал большого интереса к своему предмету и к нашим успехам,— продолжает она.— Чрезвычайно сдержанный, молчаливый,

угрюмый, как будто чем-то недовольный, он не возбуждал ни внимания, ни симпатии. В обращении с нами он был очень резок и даже груб, что происходило, вероятно, оттого, что он тяготился преподаванием, что мы отлично чувствовали, и как будто вымещал свое недовольство на своих учениках и в особенности ученицах, которых он прямо преследовал. В отношении наших занятий он был в высшей степени требователен и страшно раздражался проявляемой нами неподготовленностью к восприятию теории гармонии так, как понимал ее он, требуя не только заучивания правил и выполнения заданий, но ожидая проявления музыкальных способностей в наших письменных упражнениях, в интересных модуляциях на рояле, а также быстром транспонировании под его диктовку и пр. Мы же действительно были совсем не подготовлены к его курсу, так как курс элементарной теории, который мы первый год проходили у Н. Д. Кашкина, был совсем эпизодичный, без системы, без учебника, без программы, и поэтому не дал нам необходимого (твердого) основания для курса гармонии. Особенно мы боялись его язвительных и подчас довольно резких замечаний, когда, сидя у рояля, мы должны были модулировать под его диктовку смело, быстро и не прибегая к параллельным квинтам и октавам. Сам очень скромный, застенчивый, даже робкий, Чайковский не терпел робости и как будто даже презирал ее в учениках и обрушивался на них особенно беспощадно и саркастически. Примером застенчивости Петра Ильича может служить его смущение, выражавшееся в том, что он краснел до корня волос каждый раз, когда к нему обращались с вопросами, на которые он отвечал раздраженно, очевидно сердясь на самого себя за свое смущение. Теперь, когда мы знаем, какой замечательно мягкий, деликатный в обращении и тонко чувствующий человек он был, его резкие выходки того времени кажутся просто невероятными, но тем не менее они имели место, и даже нередко, так что в консерватории внушали страх и вызывали робость только два человека — Рубинштейн и Чайковский. Чувство робости вызывалось и его видом, выражением лица, всегда угрюмым, даже мрачным, так что я совсем не помню его улыбающимся, даже во время саркастических замечаний» (рукопись; Клинский музей).

[2] Состав Московского отделения Р. М. О. в этом сезоне был следующий: 50 действительных членов, 92 члена-исполнителя и 1 151 член-посетитель. Бюджет, и так очень скромный, был значительно подорван переездом консерватории с Воздвиженки на Никитскую, где консерватория помещается до настоящего времени. В опубликованном отчете за 1870/71 г. было отмечено тяжелое материальное положение Общества. «Дирекция позволяет себе вновь заявить гг. членам, что без особого усиленного сочувствия и содействия г. Москвы к составлению надежных средств к поддержанию Московской консерватории дальнейшее ее существование в самом близком будущем сделается невозможным».

К письму № 147

[1] После непродолжительной службы в Киеве, а затем в Одессе, Губерт по приглашению Н. Рубинштейна переехал в Москву и поступил в консерваторию в качестве профессора теории музыки.

К письму № 148

[1] Писем А. И. Давыдовой этого времени не сохранилось.

[2] Настасья Васильевна Попова, прозванная в семье сестрицей.

К письму № 152

[1] А. И. Давыдова предложила организовать коллективную семейную помощь Н. В. Поповой, находившейся в трудном материальном положении.

К письму № 153

[1] Петр Петрович Чайковский, брат отца композитора, отставной генерал, принимал участие в пятидесяти двух сражениях в нескольких войнах. См. Ж. Ч., I, стр. 11.

К письму № 154

[1] В Конотопе жил старший брат Чайковского Николай Ильич.

К письму № 155.

[1] Чайковский переехал на Спиридоновку, близ Гранатного пер., дом Лебедева. Он писал Клименко 12 сентября 1871 г.: «Я устроился очень мило и нисколько не раскаиваюсь, что решился переехать от Рубинштейна. Как я его ни люблю, а жить в полнейшей зависимости от Агафона — куда как не весело». Об Агафоне, слуге Рубинштейна, есть интересные подробности в воспоминаниях де Лазари.

[2] Чайковский гостил в Низах, имении своего приятеля Н. Д. Кондратьева в Харьковской губернии.

[3] Усово — имение В. Шиловского в Тамбовской губернии.

К письму № 157

[1] Родился Владимир Львович (Боб) Давыдов.

К письму № 163

[1] Название днепровского парохода.

[2] Из Киева Чайковский отправился в Низы, имение Н. Д. Кондратьева.

К письму № 164

[1] Письмо написано в Ворожбе, где, опоздав на поезд, Чайковский остановился, возвращаясь из Низов; он гостил там вместе с Модестом. В Ворожбе братья разъехались. Чайковский ждал поезда по направлению к Усову. Во время их поездки на лошадях произошел следующий курьезный эпизод. На какой-то станции, где отказывали в лошадях, Чайковский записал жалобу, подписавшись ради убедительности: камер-юнкер князь Волконский. Разумеется, после этого лошади были поданы. В Ворожбе Чайковский обнаружил, что на этой станции он забыл бумажник с пятьюстами рублей и, главное, документами, изобличающими самозванство. За бумажником был послан нарочный. Обо всем этом и говорится в письме. Дальнейшее известно по воспоминаниям биографа. Нарочному смотритель станции отказался выдать бумажник «князя», и Чайковскому пришлось самому возвращаться за ним. Смотритель долго извинялся за причиненное беспокойство, и тронутый его заботами композитор спросил его фамилию. В ответ услыхал: Чайковский. Смущенный «князь» подумал, что смотритель по забытым документам узнал настоящую фамилию и так наказал за подлог, но потом выяснилось, что это была его настоящая фамилия. См. Ж. Ч., I, стр. 379—382.

К письму № 165

[1] Чайковский переехал на Кудринскую площадь. На этом доме установлена мемориальная доска.

[2] В 1872 г. была Московская политехническая выставка. Специально для нее в феврале — марте Чайковский написал кантату на слова Я. Полонского, исполненную в день открытия выставки, 31 мая, под управлением К. Ю. Давыдова.

К письму № 167

[1] К сочинению Второй симфонии Чайковский приступил в июне 1872 г. и с тех пор напряженно работал над ней. В день написания комментируемого письма инструментовка была уже почти закончена. Симфония посвящена Московскому отделению Р.М.О. О первом исполнении см. письмо № 172. Позднее симфония была переработана.

[2] М. П. Чайковский служил судебным следователем в г. Черкассах Киевской губернии.

[3] Руки — главное, на что всегда обращал внимание Чайковский.

[4] Незадолго до этого времени Чайковский познакомился с стариком Николаем Львовичем Бочечкаровым. Интересный рассказ о Бочечкарове см. в Ж. Ч., I, стр. 356 и сл.

[5] Первый квартет Чайковского был исполнен в Петербурге в третьем квартетном собрании Р. М. О. 24 октября 1872 г.

К письму № 168

[1] Чайковский очень беспокоился за судьбу «Опричника». Неделей раньше, 15 ноября 1872 г., он писал Клименко: «По правде сказать, я один только интерес имею в жизни,— это мои композиторские успехи. Нельзя сказать, чтобы в этом отношении я был особенно избалован. Пример: в одно и то же время представляют в дирекцию театров свои оперы два композитора: Фаминцын «Сарданапала» и я — «Опричника». Фаминцын всеми признается за бездарного человека, про меня пишут и говорят, что я даровит. Однако же «Сарданапала» принимают на сцену, а участь «Опричника» не решена, и есть много данных, что он так же канет в Лету, как и «Ундина». Еще «Ундине» — куда ни шло кануть в воду, это ее стихия, но вообрази «Опричника», утопающего и борющегося с волнами! Ведь он, бедный, утонет. Когда же я полезу спасать его, то и меня с собой стащит, т. е., говоря просто, я клянусь честью, что никогда не обмакну пера в чернила, если моя опера будет забракована».

[2] Михаил Иванович Софронов, слуга Чайковского, недавно поступивший к нему.

К письму № 170

[1] Около этого времени, в декабре—январе (точных сведений нет), Чайковский написал шесть романсов, составивших opus 16: 1. «Колыбельная песнь», сл. Майкова; 2. «Погоди», сл. Грекова; 3. «Пойми», сл. Майкова; 4. «О, спой же», сл. Плещеева; 5. «Так что же», сл. Чайковского; 6. «Новогреческая песня», сл. Майкова. Посвящены: Н. Н. Римской-Корсаковой, Н. А. Римскому-Корсакову (отголосок встреч с ним в Петербурге), Ларошу, Губерту, Н. Рубинштейну, К. Альбрехту.

К письму № 171

[1] Чайковский должен был лично сыграть «Опричника» в присутствии членов оперного комитета Мариинского театра. Комитет, состоявший из всех дирижеров театра, единогласно одобрил оперу. О постановке ее см. письмо № 181.

К письму № 172

[1] Музыкально-критическая деятельность Чайковского началась еще в 1868 г. в «Современной летописи». С 1872 г. его фельетоны печатались в «Русских ведомостях». Прекратились в 1876 г. (см. прим. 3 к письму № 212). Собраны в книге «Музыкальные фельетоны и заметки П. И. Чайковского», М., 1898.

[2] Статья Чайковского «Бетховен и его время» не закончена, в указанную выше книгу не вошла; печаталась в «Гражданине» (1873, №№ 7, 8, 11, 12). Участие Чайковского в этом органе случайно и объясняется личным знакомством с издателем газеты Мещерским.

[3] И. П. Чайковский начал свои воспоминания, но вскоре оставил их. Не напечатаны, но использованы в первом томе биографии (о роде Чайковских), составленной М. И. Чайковским.

[4] Вторая симфония впервые была исполнена 26 января 1873 г. в седьмом симфоническом собрании Р.М.О. под управлением Н. Г. Рубинштейна. Успех действительно был большой. Ларош напечатал большую статью о симфонии, в которой утверждал: «Это — произведение, стоящее на европейской высоте... Давно я не встречал произведения с таким могущественным тематическим развитием мыслей, с такими мотивированными и художественно обдуманными контрастами» («Московские ведомости», 1873, № 33; Собр. соч., т. II, ч. 2, стр. 9—15).

[5] Симфония была повторена в этом концерте, состоявшемся 27 марта. Для второго исполнения Чайковский сделал несколько изменений в инструментовке. Автора вызывали после каждой части; ему поднесли лавровый венок и серебряный кубок. См. Ж. Ч., I, стр. 402.

[6] Отец ответил 8 февраля: «Письмо твое, милый мой сын, от 5 февраля и «Голос» от 6 числа того же месяца № 37 привели меня в неописанный восторг и поселили желание обнять и расцеловать тебя с ног до головы за твою симфонию, которую я хотя и не слыхал, но газетные похвалы твоему таланту не даром, конечно, приписывают тебе гениальность этого произведения. Дай бог, чтоб и все прочие твои сочинения были таковы. Как же мне не радоваться и не восторгаться, мой милый сын, мой труженик, твоею работой или, лучше сказать, твоею гениальною головкой по музыкальной части, по которой сама судьба указала тебе путь. Ты бы и на службе был славным прокурором, но без известности, а теперь ты сам трудишься, сам приобретаешь себе средства для существования. Это тяжеленько, но зато честно, безукоризненно. Самое приятное чувство быть независимым и не одолженным. Тысячу благодарностей тебе за то, что ты помнишь обязанность сына писать к отцу хоть раз в месяц».

К письму № 173

[1] «Журавель» — популярная украинская песня, на которой построен финал Второй симфонии. Об эпизоде с Петром Герасимовичем в «Воспоминаниях» Ю. Л. Давыдова приводится следующая подробность: «Когда Петр Ильич играл какую-то вариацию на эту тему, к нему почтительно подошел буфетчик Петр Герасимович и сказал: «Извиняюсь, Петр Ильич, а только вы неверно играть изволите «Журавля», он поется так...» И тут последовало исполнение «Журавля», при этом фальшиво. Петру

Ильичу эта фальшь понравилась, и, попросив Петра Герасимовича еще раз спеть и записав его исполнение, он для его удовольствия сыграл «Журавля» «верно», за что получил его одобрение. В симфонию он внес вариацию темы, вызванную к жизни фальшивым исполнением ее немузыкальным Петром Герасимовичем» (рукопись).

К письму № 174

[1] Весной 1873 г. Чайковский получил заказ от дирекции казенных театров написать музыку для только что сочиненной Островским сказки-феерии «Снегурочка». Чайковский «без всякого усилия» написал ее в три недели. Первое представление в Большом театре состоялось 11 мая 1873 г. Большого успеха «Снегурочка» не имела. См. в книге «Островский и русские композиторы», стр. 153 и сл.

К письму № 175

[1] Имеются в виду следующие издания: Полное собрание драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей, издание Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, Спб., 1868, и «Гамлет», трагедия В. Шекспира, перевод А. Кронеберга, изд. второе, М., 1868.

К письму № 178

[1] Во время пребывания за границей Чайковский вел дневник, опубликованный в Ж. Ч., I, стр. 408—414 и в книге «Дневники П. И. Чайковского», М.—П., 1923. В первых числах августа Чайковский вернулся в Россию и проехал в Усово, где прожил около месяца, возвратившись в Москву к началу занятий, к 1 сентября. В Усове он написал симфоническую фантазию «Буря» на тему Шекспира. Тему эту подсказал Чайковскому В. В. Стасов, которому фантазия и посвящена.

К письму № 180

[1] Симфоническая фантазия «Буря» была впервые исполнена 7 декабря 1873 г. в третьем симфоническом собрании Р.М.О. под управлением автора. Успех был огромный. Повторена в экстренном собрании 7 апреля 1874 г.

[2] Чайковский переехал на Малую Никитскую улицу, дом Вишневской.

[3] Вторая симфония была впервые исполнена в Петербурге 23 февраля 1874 г. под управлением Направника.

К письму № 181

[1] Еще в письме от 16 декабря 1873 г. Направник указал Чайковскому на необходимость некоторых изменений и сокращений в «Опричнике», а также изложил свое мнение об исполнителях. В ответном письме от 18 декабря Чайковский поспешил заверить Направника: «Все, что Вы требуете относительно раздачи ролей, перемен и сокращений, я сделаю охотно, как Вы мне укажете». Однако, по словам биографа, «он был слегка задет за живое обилием сокращений, которые Направник счел нужным сделать в его партитуре» (Ж. Ч., I, стр. 425).

[2] Чайковский передал Бесселю право на издание оперы «Опричник» и не только не получил с него авторского гонорара, но даже передал ему право на одну треть поспектакльной платы. Эти кабальные условия

были выработаны как вознаграждение издателю за его хлопоты о постановке «Опричника» на казенной сцене. См. Ж. Ч., I, стр. 404.

[3] С первых же репетиций Чайковский стал разочаровываться в своей опере. «В ней нет ничего хорошего», — признавался он Танееву и даже отговаривал его ехать в Петербург на премьеру. Модест Чайковский вспоминает, что однажды его безобидная шутка по поводу либретто вызвала страшный, необычный гнев автора, больно переживавшего разочарование в собственном творении. Премьера «Опричника» была 12 апреля 1874 г. в бенефис Направника, в присутствии автора. Отзывы прессы оказались разноречивыми, главные из них: Кюи — отрицательный, Ларош — похвальный. См. Ж. Ч., I, стр. 426 и сл.

После первого представления, на ужине, который устроила дирекция Р.М.О. в честь Чайковского, ему были вручены триста рублей премии. На эти деньги Чайковский тут же уехал за границу. Он предполагал быть и в Милане на постановке «Жизни за царя» в качестве рецензента «Русских ведомостей».

[4] Второй квартет (F-dur) Чайковского был исполнен на квартире Н. Г. Рубинштейна в присутствии Кашкина, Альбрехта, Губерта и А. Г. Рубинштейна. Исполнители: Ф. Лауб, Гржимали, Фитценгаген и Гербер. Вспоминая этот вечер, Кашкин рассказывает: «Все время, пока музыка продолжалась, Антон Григорьевич слушал с мрачным, недовольным видом и по окончании со свойственною ему беспощадною откровенностью сказал, что это совсем не камерный стиль, что он совсем не понимает сочинения, и т. д. Все остальные слушатели, как и исполнители, были, напротив, в восторге» (стр. 84).

К письму № 182

[1] Письмо написано на почтовой бумаге с видом площади св. Марка в Венеции.

К письму № 184

[1] Алексей Софронов, брат первого слуги Чайковского Михаила, проживший с композитором до его смерти и положивший основание Клинскому музею.

[2] До 1881 г. «Опричник» выдержал четырнадцать представлений.

[3] Это письмо Шуровского опубликовано в Ж. Ч., I, стр. 437.

[4] Через несколько дней Чайковский выехал в Москву.

Вскоре он приступил к сочинению оперы «Кузнец Вакула» — для конкурса, учрежденного Р.М.О. Либретто составлено Я. Полонским по повести Гоголя «Ночь под рождество». К 21 августа опера была закончена. См. Ж. Ч., I, стр. 442—445.

Следующее письмо написано из Низов, имения Н. Д. Кондратьева, через полтора месяца после отъезда из-за границы.

К письму № 187

[1] Клавир «Кузнеца Вакулы», сделанный преимущественно автором, издан Юргенсоном в 1876 г.

[2] Приводим интересную выдержку из письма Модеста от 24 октября 1874 г.— по поводу Второго квартета, исполнявшегося в Петербурге: «Вчера я был на репетиции твоего квартета у Давыдова. Хвала великому преемнику великого Глинки! — восклицаю я вместе с М-me Вакар. Я совсем не был подготовлен слышать такую г е н и а л ь н у ю вещь; это до

гого хорошо, что у меня нехватает слов выразить весь мой восторг! Чего это и ты, и Давыдов, и великий князь, и дура московская публика находили этот квартет неудобопонимаемым с первого разу? Здесь все в восторге от него. Давыдов говорит, что положительно влюблен в эту музыку и что это едва ли не лучшее твое произведение. Ауэр при мне воскликнул: «Was für die Bethovenische Kraft!» [«Что за бетховенская сила!»], или что-то в этом смысле. Малоземова чуть не заливалась слезами и во что бы то ни стало хотела тотчас же телеграфировать и была отклонена от этого уверениями Давыдова, что тебе приятнее будет получить телеграмму после публичного исполнения. Репетиция сопровождалась бурными спорами насчет темпа Scherzo, причем Ауэр говорил, что нужно играть его скорее, а Давыдов — противное. Ошибок в партиях была бездна, сыгран же квартет был замечательно хорошо. Я пришел на службу весь под впечатлением этой музыки, так что не мог заниматься и ушел ранее обыкновенного... Оканчиваю вечером, после квартетного собрания. К первой части я опоздал и слышал только конец ее, сопровождаемый относительно большими аплодисментами (здесь очень редко чему-нибудь кроме Бетховена аплодируют). Scherzo, по-моему, у них менее удалось, чем на репетиции, благодаря слишком тихому темпу. Аплодировали, но меньше. Andante превосходно было сыграно. Аплодировали очень долго и даже несколько крикнули bis. Финал понравился больше всего. Теперь передам впечатления отдельных лиц. Корсаков на всю залу спорил с Кюи, причем было слышно, как первый кричал: «Я так доволен, так доволен, Andante восхитительно», на что Кюи ему крайне, повидимому, убедительно что-то говорил, а Корсаков в ответ ладил все свое: «так доволен». Стасов нашел, что все Andante построено на теме из «Пророка», а Кюи сказал, что совсем не из «Пророка», а из g-moll'ной сонаты (чьей — не знаю). Великий князь тоже громко восхищался, ему вторил Литке. На твое счастье, Бессель с своей стороны похвалил, но не все. Большинству публики понравилось, у одной дамы во время Скерцо были на глазах слезы. Вот тебе подробнейший отчет о квартете. Надеюсь, доволен мной? Напиши мне в благодарность. Прощай, мой дорогой г е н и й».

[3] Узнав, что конкурс отложен до следующего года, Чайковский сделал попытки провести оперу на казенную сцену помимо конкурса, чем вызвал большое неудовольствие со стороны высшей администрации. Пришлось ждать конкурса, который состоялся только через год, в октябре 1875 г.

К письму № 188

[1] «Буря» была исполнена в Петербурге во втором симфоническом собрании Р.М.О. 16 ноября 1874 г.

[2] Все это письмо Стасова от 13 ноября посвящено «Буре». «Что за прелесть ваша «Буря»!! Что за бесподобная вещь!» — восклицал Стасов.

[3] «Опричник» был поставлен в Киеве 9 декабря в присутствии автора и прошел с успехом. В течение сезона было несколько представлений. О премьере Чайковский писал в очередном своем фельетоне. См. в книге его фельетонов стр. 231.

[4] См. письмо № 193.

[5] Анатолий Чайковский был переведен на службу в Петербург.

[6] По словам биографа, исполнение увертюры к «Кузнецу Вакуле» не сопровождалось выдающимся успехом (Ж. Ч., I, стр. 451).

К письму № 189

[1] Статью Ларош см. в «Голосе» 1874, № 328 (в собрание его сочинений не вошла).

К письму № 190

[1] Статья М. Чайковского «Музыкальные известия из Петербурга» напечатана в «Русских ведомостях» (1874, № 274 от 20 декабря). Подписана буквой N. Дата газеты положена в основание датировки письма.

К письму № 192

[1] Ввиду отъезда Ларош за границу Модесту Чайковскому был поручен весь музыкальный отдел в «Голосе», с тем, чтобы наиболее ответственные статьи он заказывал авторитетным лицам. В данном случае он просил брата написать об опере А. Рубинштейна «Демон», только что поставленной в Петербурге (письмо с этой просьбой в архиве не сохранилось). Статью, видимо, написал сам Модест; помещена в «Голосе», 1875, № 22 за подписью: М-го.

[2] См. прим. 2 к письму № 75.

[3] Модест сообщал об отъезде Ларош и его жены. «Расставанье с детьми было до того трагично, что не было возможности удержаться от слез» (письмо от 3 января 1875 г.).

[4] В том же письме он говорил о возникшем проекте его поездки за границу вместе с Сухановым в качестве его компаньона.

К письму № 193

[1] Это случилось 24 декабря 1874 года. Чайковский хорошо запомнил несчастный этот день и три года спустя, раздражившись на Н. Г. Рубинштейна по другому поводу, вновь излил свой гнев в подробном письме к фон Мекк. Он рассказал ей, как ужасно себя чувствовал, когда играл концерт в присутствии Рубинштейна и Губерта: ...Я вооружился терпением и сыграл до конца. Опять молчание. Я встал и спросил: «Ну, что же?» Тогда из уст Николая Григорьевича полился поток речей, сначала тихий, потом все более и более переходящий в тон Юпитера-громовержца. Оказалось, что концерт мой никуда не годится, что играть его невозможно, что пассажи избиты, неуклюжи и так неловки, что их и поправлять нельзя, что как сочинение это плохо, пошло, что я то украл оттуда-то, а то оттуда-то, что есть только две-три страницы, которые можно оставить, а остальное нужно или бросить или совершенно переделать... Ну, словом, посторонний человек, попавший бы в эту комнату, мог подумать, что я — маниак, бездарный и ничего не смыслящий писака, пришедший к знаменитому музыканту приставать с своей дребеденью... [Губерт] стал разъяснять суждение Николая Григорьевича и, не оспаривая его нисколько, лишь смягчать то, что его превосходительство выразил уж слишком бесцеремонно. Я был не только удивлен, но и оскорблен всей этой сценой» (Ч. М., I, стр. 173).

Мысль о фортепианном концерте дал сам Рубинштейн, которому и был сначала посвящен он, но после этого вечера Чайковский посвятил концерт Гансу фон-Бюлову. А Рубинштейн впоследствии забыл свой приговор и много раз лично исполнял это произведение.

[2] Писем Кюи в архиве Чайковского нет ни одного, нет также упоминаемого письма Римского-Корсакова.

К письму № 197

[1] К 9 февраля 1875 г. была закончена инструментовка фортепианного концерта (b-moll).

[2] В январе Чайковский написал серенаду для скрипки, с сопровождением оркестра (ор. 26). Посвящена Ауэру.

К письму № 198

[1] Анатолий Чайковский писал брату 7 марта 1875 г.: «Подчас меня страшно огорчает, что ты, будучи тем или другим расстроен, имея потребность излить то или другое томящее тебя настроение, забываешь обо мне, который, конечно, любит тебя более самого себя, более всего на свете. Ты, по словам Мещерского, пишешь Кондратьеву, что тебя томит чувство одиночества. Мне кажется, что тебе при этих условиях мой приезд мог бы быть приятен, но в этом вполне я не уверен и потому прошу немедленно, без всяких опасений обидеть меня, написать, ехать ли мне к тебе или нет».

[2] Чайковский был очень огорчен смертью Лауба. Его памяти он посвятил Третий квартет (ор. 30).

[3] Опера Флотова «Марта» была поставлена в московском Малом театре 11 марта 1875 г. силами учеников консерватории, под управлением Н. Рубинштейна.

К письму № 199

[1] В то время уже многие были уверены, что премию на конкурсе получит Чайковский (фамилия автора оперы «Кузнец Вакула» была скрыта под девизом, но было ясно, кто автор ее). В октябре вопрос был рассмотрен, и Чайковскому присудили первую премию в полторы тысячи рублей.

К письму № 200

[1] В основание датировки положено упоминание в письме страстной недели (пасха была в 1875 г. 13 апреля).

К письму № 201

[1] Первое представление «Опричника» в московском Большом театре состоялось 4 мая 1875 г. Состав действующих лиц см. в Ж. Ч., I, стр. 464.

К письму № 203

[1] Это обширное на двенадцати страницах письмо Ларош от 7—9 июня 1875 г. из Висбадена сохранилось в Клинском архиве. Ларош писал о своих тяжелых переживаниях после смерти жены, скончавшейся 7 мая, а также о заграничных музыкальных новостях, о встречах с композиторами и т. д.

К письму № 204

[1] Вербо́вка — имение Л. В. Давыдова, находившееся недалеко от Каменки. Чайковский всегда любил бывать там.

К письму № 205

[1] В августе 1875 г. Чайковский начал писать музыку балета «Лебединое озеро». Закончил в марте 1876 г. Балет впервые был исполнен в московском Большом театре 20 февраля 1877 г.

[2] В 1875 г. печатались музыкальные фельетоны Чайковского в «Русских ведомостях».

[3] В то время Танеев разучивал фортепианный концерт Чайковского. Он исполнил его в Москве в симфоническом собрании Р. М. О. 21 ноября.

К письму № 206

[1] В фельетоне, помещенном в «Русских ведомостях» (1875, № 252), Чайковский напечатал ответ своему анонимному корреспонденту, обвинявшему его в пренебрежительном отношении к деятельности «народного» певца Славянского, в замалчивании его. В этом ответе Чайковский дал убийственную характеристику Славянского, который удовлетворяет вкусам «замоскворецкой публики» и «святотатственной рукою оскорбляет святыню нашего народного творчества». «Подобно тому, как лубочные издания Никольской улицы находятся вне круга серьезных литературных явлений, подобно тому и лубочный певец г. Славянский обрек себя на систематическое игнорирование со стороны бытописателя русской музыкальной жизни». В № 330 «Современных известий» от 30 ноября часть передовой статьи была посвящена этому фельетону — в защиту Славянского. «Г. Чайковский действительно выгоднее бы для себя поступил, если бы совершенно воздержался от всяких суждений не только об исполнителе русской песни г. Славянском, но и о самой русской песне и отчасти о музыке вообще», — говорилось в этой статье. Ответ на нее Чайковский напечатал в своем последнем фельетоне, 10 декабря, т. е. накануне комментируемого письма. Вероятно, неприятная полемика о Славянском была одним из поводов прекращения музыкально-критической деятельности Чайковского. См. письмо № 212.

[2] О знакомстве Чайковского с Сен-Сансом см. Ж. Ч., 1, стр. 473—474.

К письму № 208

[1] Чайковский вместе с братом Модестом выехал из Москвы в двадцатых числах декабря и после остановки в Берлине приехал в Женеву, где в то время жила семья его сестры. М. И. Чайковский поехал за границу со специальной целью изучить метод Гугентоблера (владельца школы глухонемых), с тем чтобы применить его в воспитании Коли Конради.

[2] Нет ни одного письма к родным из Парижа, куда Чайковский вскоре поехал, но следует отметить, что в Париже Чайковский впервые услыхал оперу «Кармен». Опера произвела на него огромное впечатление. Именно тогда он купил карточку Бизе и в память этого вечера сделал на ней надпись: «Бизе — 20/8 января 1876 г.»

К письму № 209

[1] Чайковский остановился в Берлине на обратном пути в Россию, а его брат остался за границей.

К письму № 211

[1] 24 января 1876 г. в Петербурге в симфоническом собрании под управлением Направника была исполнена Третья симфония, имевшая большой успех. Приговор Кюи в «С.-Петербургских ведомостях»: «В общем новая симфония талантлива, но от г. Чайковского мы вправе ожидать большего» (1876, № 29). Отзыв Ларош: «По силе и значительности содержания, по разнообразному богатству формы, по благородству стиля, запечатленного самобытным, индивидуальным творчеством, и по редкому совершенству техники симфония г. Чайковского составляет одно из капитальных явлений музыки последних десяти лет не только у нас, конечно, но по всей Европе» («Голос», 1876, № 28; помещено в «Собрании музыкально-критических статей» Ларош, т. II, ч. 2, стр. 35—38).

[1] Третий квартет (Es-dur), посвященный памяти Ф. Лауба, был начат в первых числах января и закончен 18 февраля 1876 г. Впервые исполнен месяц спустя в концерте Гржимали.

[2] Чайковский держал корректуру оперы «Кузнец Вакула».

[3] Последний музыкальный фельетон Чайковского был помещен в «Русских ведомостях» в 1875 г., № 268. После посещения Байрейта Чайковский напечатал еще в пяти номерах этой газеты отчет о байрейтском торжестве («Русские ведомости», 1876, №№ 191, 195, 196, 205 и 208). Ларош, на глазах которого проходила музыкально-критическая деятельность Чайковского, справедливо заметил, что композитор не имел настоящего призвания к этой деятельности, тяготился ею и с легкостью отказался от нее. «Надоело писать, и не стало критика». Во вступительной статье к собранию фельетонов Чайковского Ларош привел свой любопытный разговор с Чайковским: «Когда я в 1876 г. спросил его, продолжает ли он работать в «Русских ведомостях», он ответил, что нет, что совершенно исписался, что больше ничего придумать не в состоянии. «И знаете ли, что я открыл? Прошлою весною я должен был написать про NN. Навалял это я фельетон и вдруг вспомнил, что у меня уже было про него что-то такое в 1872 году. Полез я справиться и, как бы вы думали? — оказалось, что в 1872 г. у меня было сказано совершенно наоборот» («Собрание музыкально-критических статей» т. II, ч. I, стр. 76).

[4] В. С. Шиловский.

[5] В письме от 13 января нов. ст. 1876 г. из Бостона Бюлов писал непосредственно после концерта, что исполнение Первого квартета было «очень тонкое и законченное» и произведение было горячо принято публикой.

[6] В оценке статьи Лароша Чайковский был неправ. Ларош дал очень лестную оценку симфонии (см. прим. к № 211), ни о каких «повторениях» композитора не говорил, а наоборот, утверждал: «Г. Чайковский идет вперед и вперед. В его новой симфонии искусство формы и контрапунктического развития стоит так высоко, как ни в одном из его прежних сочинений».

[7] Сценариум оперы «Ефраим» (древний Египет, время исхода евреев) был сделан К. Шиловским, а либретто «Франчески да-Римини» составлено К. И. Званцевым. Замыслы не осуществились, так как после «Кармен» эти сюжеты не могли увлечь Чайковского. На тему «Франчески» он в том же году написал симфоническую фантазию, а мысль об «Ефраиме» совсем оставил. Он напряженно искал новое либретто и в декабре того же года обратился за помощью к Стасову, прося его написать либретто «Отелло». Вскоре он разочаровался в нем и снова просил Стасова дать новую идею. Стасов предложил «Cinq Mars» Альфреда де-Виньи. Чайковский не принял и его: он «пришелся не по плечу... показался слишком пестр, слишком нагроможден интересами и эффектами всякого рода, слишком сложен и громаден... Я желал бы драмы более интимной, более скромной, чем та историческая драма». «Каким образом, — писал он обиженному Стасову,— этот героико-историко-религиозно-политико-мелодраматико-трагический сюжет мог бы увлечь меня, когда, по вашему же приговору, я склонен исключительно к выражению чувств нежных и любовных?» Словом, Чайковский был готов к тому, чтобы ухватиться за новый подсказанный ему сюжет — «Евгений Онегин», в котором не было «эфиопских принцесс, фараонов, отравлений, всякого рода ходульности». См. Ж. Ч., I, стр. 483; Ч. М., I, прим. к № 7; «Русская мысль», 1909, март (переписка Чайковского с Стасовым в декабре 1876 г.—мае 1877 г.).

К письму № 216

[1] Модест Чайковский сообщал брату 14/26 марта 1876 г. из Лиона: «Я тебе не писал еще, что сюда приезжал Сен-Санс для участия в одном из воскресных концертов. Я ходил на генеральную репетицию, чтобы видеться с ним и разузнать о том, когда будут играть твоего «Ромео» в Париже. Он очень был любезен, узнал меня тотчас же, сообщил, что получил твое письмо с карточкой, и сказал, что он положительно не знает, когда будет исполнен «Ромео», но, наведя справки, напишет тебе. Он тебя все время называл: «ce cher Tchaïkovsky».

[2] Балет «Лебединое озеро» впервые был поставлен в московском Большом театре в феврале 1877 г.

К письму № 217

[1] 24 апреля 1876 г. родился в Женеве Юрий Львович Давыдов.

[2] М. И. Чайковский окончательно взял на себя воспитание Коли Конради и навсегда оставил службу.

[3] Клавираусцуг оперы «Кузнец Вакула» вышел из печати еще до первой постановки его в театре (изд. Юргенсона). О постановке см. письмо № 246.

К письму № 224

[1] Основание датировки: письмо написано на другой день после приезда в Виши, в п я т н и ц у, т. е. 2 июля 1876 г.

[2] По дороге в Виши Чайковский заезжал к брату Модесту в Лион, где провел три дня.

[3] С. А. Ершова, гувернантка Коли Конради.

К письму № 225

[1] Датируется в соответствии с предыдущим письмом.

[2] Это любимый Чайковским текст из «Божественной комедии» Данте («Ад», песня V); он часто употреблял его в письмах. В данном случае допущена ошибка вначале; точный текст: «Nessun maggior dolore...» Перевод: «Нет большей скорби, чем в нищете вспоминать счастливое время». См. Ч. М., II, прим. к письму № 368.

К письму № 228

[1] См. «Собрание музыкально-критических статей» Ларош, т. II, ч. 2, стр. 38—43.

[2] А. С. Размадзе и А. С. Фаминцын — музыкальные критики.

[3] См. «Собрание музыкально-критических статей» Ларош, т. II, ч. 2, стр. 33—35).

К письму № 230

[1] Модест писал брату: «Во время прогулок единственная моя мечта все эти дни — подыскать сюжет для симфонической картины. Не хочешь ли «Гамлета»? Мне кажется, его прелестно можно бы было устроить в трех частях: 1. Эльсинор и Гамлет до появления тени отца, 2. Полоний (скерцандо) и Офелия (адажио), 3. Гамлет после появления тени. Его смерть и Фортимбрас. Только я требую, чтобы он был написан в фа-бемоль-мажор. После «Гамлета» я обдумывал «Франческу», и она положительно начинает мне нравиться... Потом, если тебя затрудняет

Яго, отчего не сделать один рассказ Отелло? Право, он стоит симфонической картины! Как видишь, я нового придумал только «Гамлета»... но если бы ты знал, как мне хочется, чтобы ты на мой сюжет написал музыку» (без даты).

К письму № 232

[1] В письме, очевидно, описка: симфоническую поэму «Франческа да-Римини» Чайковский написал на сюжет пятой песни «Ада». К сочинению он приступил только во второй половине сентября 1876 г. и закончил в эскизах 14 октября. Инструментована к 5 ноября. Посвящена С. И. Танееву. Впервые исполнена 26 февраля 1877 г. в Москве.

К письму № 234

[1] Балет Делиба «Сильвия» только что тогда появился. Чайковский и впоследствии продолжал восторгаться им, считая его шедевром.

К письму № 236

[1] С 1869 г. Чайковский иногда брал деньги у своего ученика и приятеля В. С. Шиловского. По его личному подсчету, он получил от Шиловского за эти годы 7.550 рублей и кроме того ездил на его счет за границу в 1871 г. Впоследствии, в 1879 г., когда Чайковский был вполне обеспечен, Шиловский стал распространять слухи, что он получил от него двадцать восемь тысяч. Чайковский, уязвленный этими слухами, послал Шиловскому письмо, в котором подробно перечислил все получения и с горечью писал: «Это и много и мало. Много с точки зрения абсолютной ценности денег. Мало — если принять во внимание все неисчислимые нравственные муки, которые мне эти деньги стоили; мало — если вспомнить, что ты богатый меценат, а я бедный артист; очень мало — если припомнить твои бесконечные уверения в любви ко мне и готовности на всякие жертвы, наконец — совершенный нуль в сравнении с тем, что ты так часто обещал мне! Знаешь ли ты, что однажды (в мае 1872 г.) ты самым положительным образом обещал, что через несколько лет у меня будет двадцать тысяч годового дохода? Ты, конечно, этого не помнишь, но это факт, несомненный факт. Скажи, пожалуйста, что в сравнении с этим 7.550 р., полученные в течение десятилетнего знакомства?.. Я бы солгал, если б сказал, что совершенно равнодушен к распространяемым тобой слухам. Мне это неприятно, но я смиряюсь, ибо несу должную кару за неразборчивость к добыванию денег и за ту долю несомненного интересанства, которую проявил в моих с тобой отношениях... Моя вина состоит не в том, что я брал деньги (в этом я не усматриваю ничего ни бесчестного ни позорного), а в том, что я их брал от тебя, т. е. от человека, про которого я всегда отлично знал, что рано или поздно ты будешь об этом рассказывать á qui voudra l'entendre [направо и налево]». (10 мая 1879 г.).

[2] Речь идет о постановке «Кузнеца Вакулы».

К письму № 240

[1] В июне 1876 г. началась сербо-турецкая война, привлекшая в Сербию много русских добровольцев.

К письму № 242

[1] В ответ на предыдущее письмо к ней А. И. Давыдова писала брату: «О тебе, Петруша, я часто думаю, до того часто, что все мне снится то, что ты женат, что женишься, и плачу я и волнуюсь. Все меня пугает твое предвзятое решение. Иной раз я уже смирюсь, представляя себе, что ты женишься на Соне Пересленн, все-таки это близкое, знакомое мне существо и если пока еще не представляет полной гарантии счастия, которое она сумеет дать, зато среда, из которой выйдет она, правила, с детства внушенные, и умственное развитие дают право думать, что оценит и поймет счастие, могущее быть в ее руках! Ну, да это я напрасно написала, может быть, ты и думать перестал о ней как об одной из конкуренток» (27 сентября 1876 г.).

К письму № 244

[1] Густав Доре иллюстрировал «Божественную комедию» Данте (1861—1868). Н. Д. Кашкин, со слов Чайковского, отметил в своих воспоминаниях, что картина адского вихря работы Доре при сочинении «Франчески» играла значительную роль (стр. 107).

[2] В 1876 г. Чайковский, по предложению Н. Г. Рубинштейна, в сентябре написал Славянский (Русско-сербский) марш, впервые исполненный под управлением Рубинштейна на концерте в пользу Славянского благотворительного общества.

[3] Несколько дней спустя, 18 октября 1876 г., Чайковский писал Направнику: «Я должен Вам признаться откровенно, что несколько беспокоюсь насчет судьбы моей оперы. До сих пор не имею никаких известий о том, начались ли хоровые спевки и т. д.»

[4] Дело Струсберга — дело о крахе Коммерческого ссудного банка, которое с октября прошлого, 1875 г. привлекало всеобщее внимание.

К письму № 246

[1] В то время шла лихорадочная подготовка к русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

[2] «Кузнец Вакула» был поставлен в Мариинском театре 25 ноября 1876 года. Театр старательно подготовил спектакль, публика с большим интересом ждала премьеры, но самую оперу приняла сдержанно. Об этом Чайковский писал Танееву 2 декабря 1876 г.: «Вакула» торжественно провалился... Не скрою, что я сильно потрясен и обескуражен... В неуспехе оперы виноват я. Она слишком загружена подробностями, слишком густо инструментована, слишком бедна голосовыми эффектами... Стиль «Вакулы» совсем не оперный: нет ширины и размаха».

[3] Русско-сербский (Славянский) марш был исполнен 5 ноября. Один из современников, присутствовавший на концерте, вспоминает: «Гвалт и рев, которые после этого поднялись в зале, не поддаются описанию. Вся публика поднялась на ноги, многие повскакивали на стулья; к крикам б р а в о примешивались крики у р а. Марш заставили повторить, после чего та же буря поднялась сызнова. Благодаря невозможности распространить цензуру на музыкальные произведения, Чайковскому удалось устроить то, что казалось в то время невозможным — внушительную общественную демонстрацию. Это была одна из самых волнующих минут в 1876 г. В зале многие плакали» (архив Клинского музея).

К письму № 247

[1] Письмо написано некоторое время спустя после возвращения Чайковского из Петербурга, куда он ездил на постановку «Кузнеца Вакулы».

[2] Александра Аркадьевна Давыдова.

[3] Алина Ивановна Конради.

[4] «Вариации на тему рококо», для виолончели с сопровождением оркестра (ор. 33). Посвящены Фитценгагену.

К письму № 248

[1] Как раз в это время началась переписка Чайковского с фон-Мекк. Под заказными работами подразумеваются, очевидно, заказы фон-Мекк, которыми она начала свою материальную помощь композитору.

К письму № 249

[1] Чайковский познакомился с Л. Н. Толстым в декабре 1876 г. в Москве. Специально для Толстого был организован в консерватории камерный концерт из произведений Чайковского. Композитор вспоминал десять лет спустя: «Может быть, никогда в жизни я не был так польщен и тронут в своем авторском самолюбии, как когда Лев Толстой, слушая Andante моего квартета и сидя рядом со мной, залился слезами» (из дневника 1886 г.). По возвращении в Ясную Поляну Толстой написал ему письмо, на которое Чайковский ответил 24 декабря 1876 года. Больше они не встречались. Письма напечатаны в Ч. М., I, стр. 572—573. Там же указана библиография.

К письму № 254

[1] Еще в 1875 г. Сен-Санс советовал Чайковскому дать в Париже авторский концерт с оркестром Колонна. В декабре 1876 г. Чайковский просил находившегося в то время в Париже Танеева узнать у Сен-Санса, продолжает ли он считать целесообразным устройство концерта. Сен-Санс вновь подтвердил, что это желательно «теперь более, чем когда-либо». После этого Чайковский написал даже Колонну, но проект не осуществился из-за отсутствия денег.

К письму № 256

[1] 20 февраля 1877 г. в московском Большом театре состоялось первое представление балета «Лебединое озеро».

[2] На 25 февраля было назначено первое исполнение фантазии «Франческа да-Римини» в симфоническом собрании Р. М. О.

[3] Это исполнение не нашло отклика в московской периодической печати.

К письму № 262

[1] Письмо М. И. Чайковского в архиве не сохранилось, и неизвестно, о чем идет речь.

[2] См. прим. 1 к письму № 236.

[3] Не это беспокоило Чайковского в то время. В мае началась его переписка с будущей женой, А. И. Милюковой, и решался вопрос о предстоявшей женитьбе. Чайковский скрывал пока это даже от братьев. Письма Милюковой к Чайковскому см. в Ч. М., I, прим. к № 19.

К письму № 264

1. В ответ на сообщение о новом творческом замысле Анатолий Чайковский писал брату 21 мая 1877 г.: «Я решительно не могу себе представить оперу «Евгений Онегин» и страшно огорчен, что ты избрал этот сюжет».

К письму № 265

[1] Отец ответил письмом от 27 июня 1877 г.: «Милый, дорогой и распрекрасный сын мой Петр! Толя передал мне письмо твое, в котором ты просишь моего благословения на женитьбу. Оно и обрадовало меня и привело в восторг, так что я перекрестился и подпрыгнул даже от радости. Слава богу! Господь да благословит тебя!!! Не сомневаюсь, что избранная тобою особа достойна такого же эпитета, который ты заслужил от отца, восьмидесятитрехлетнего старца, и от всей семьи моей, да, по правде сказать, и от всего человечества, которое тебя знает. Не правда ли, моя голубушка Антонина Ивановна? Со вчерашнего дня прошу позволения называть Вас моей богом данной дочкой; любите избранного Вами жениха и мужа, он поистине того достоин, а ты, женише мой, уведомь, в какой день и час совершишь твое бракосочетание. Я сам приеду (уведомь, согласен ли) благословить тебя и привезу образ, которым благословила тебя крестная мать, тетка Надежда Тимофеевна, умная и добрая женщина. Затем обнимаю, целую и благословляю тебя. Отец». А на письме сына он написал: «Милый Петя! Господь бог да благословит тебя!»

6 июля Чайковский женился на Антонине Ивановне Милюковой, недоучившейся пианистке, дочери мелкопоместной дворянки Клинского уезда. В предыдущих письмах промелькнуло несколько женских имен, которые останавливали на себе внимание, правда, не столько, пожалуй, самого Чайковского, сколько его родственников, заинтересованных в счастливом устройстве его семейной жизни. Имя Милюковой нигде не упоминалось. Милюкова, которую Чайковский едва знал, сама сказала ему о своих чувствах, писала ему несколько раз. До последней минуты Чайковский скрывал принятое им решение от самых близких. Он женился не по любви, — это была попытка ввести свою жизнь в норму человеческих отношений. Если оставить открытым вопрос о происхождении аномалии Чайковского, то все же бесспорно, что сам он всю жизнь мучился ею, доходя иногда до отчаяния.

Чайковский давно хотел жениться, и Милюкова своей инициативой помогла ему осуществить этот план. Но опыт не удался. Чайковский понял это в первый же день, и разрыв был неминуем. См. Ч. М., I, прим. к №№ 19 и 24 и в этой книге письмо № 277.

К письму № 268

[1] В ответном письме от 12 июня сестра писала: «Ты женат, значит, прибыло еще существо мне близкое, а следовательно, и дорогое, почему и не скажу тебе все то, что перечувствовала я за эти дни. Дай господи Вам счастья. Если хочешь порадовать и успокоить меня, привези мне свою жену. Я хочу полюбить сознательно ту, которой выпало на долю счастье быть твоей подругой».

К письму № 271

[1] Очевидно, имеется в виду какой-то очередной заем Ларош у Чайковского (может быть, во-время не отданный долг).

К письму № 275

[1] А. И. Чайковская была в то время в Москве, устраивала их общую квартиру.

[2] Анатолий Чайковский писал 8 сентября 1877 г.: «Ты спрашиваешь, как познакомился я с [Л. Н.] Толстым? А вот как: в Курске я встретил Сеню Деревицкого; верно, слышал ты про него, это родственник Жедринских. Деревицкий ехал с своим товарищем Волконским, которого я знал еще раньше. Волконский ехал во втором классе. В Туле сел в поезд Толстой. Будучи родственником Волконского, он разговорился с ним, и [тот] почему-то сказал, что едет в поезде брат знаменитого музыканта. Узнав это, Толстой сам подошел и начал расспрашивать про тебя. Между прочим он спросил, та ли особа твоя жена, про которую ты говорил ему год тому назад как про девушку, которая тебе нравится и на которой ты хочешь жениться. Я почему-то ответил утвердительно».

К письму № 276.

[1] Резкий отзыв Чайковского об «Анне Карениной» можно объяснить его подавленным, нервным состоянием, в котором он тогда находился. Впоследствии, в 1882 г., Чайковский снова читал «Анну Каренину» и «в первый раз прочитал с восторгом, доходящим до фанатизма» (письмо к А. И. Чайковскому от 17 февраля 1882 г.).

К письму № 277

[1] «Мне тяжко»,— вот все, что поведал Чайковский любимому брату. «Смерть есть действительно величайшее из благ, и я призываю ее всеми силами души»,— писал он в тот же день к фон-Мекк. Состояние его в то время было ужасное. Он растерялся. Не прошло и недели после приезда в Москву, а Чайковский, по его личному признанию, «утратил всякую способность бороться с тяжестью своего положения, и сознание стало по временам мутиться». В одну из таких минут он даже покушался на самоубийство — вошел в ледяную воду Москва-реки, чтобы получить смертельную простуду. Был выход один — уехать от жены, которую он возненавидел. Чайковский телеграфировал Анатолию, чтобы он от лица Направника вызвал его в Петербург. По получении этой телеграммы Чайковский немедленно уехал. Анатолий едва узнал его — так он изменился за месяц. Тут же с ним разразился страшный припадок, и Чайковский впал в бессознательное состояние, длившееся около двух недель. Следующее письмо написано в период выздоровления.

Отъезд из Москвы был фактическим разводом с женой, формальный же, несмотря на длительные переговоры, не состоялся. В течение всей жизни Антонина Ивановна получала от него пенсию, перешедшую к ней и по завещанию. Последние двадцать лет своей жизни (1896—1917) она находилась в петербургской лечебнице для душевнобольных. См. Ч. М., I прим. к № 34.

К письму № 284

[1] См. прим. 1 к письму № 288.

К письму № 285

[1] Эта субсидия была не из консерватории, а от фон-Мекк. Чайковский скрывал это от сестры.

[2] Местонахождение писем Чайковского к жене неизвестно. В нашем распоряжении имеется только несколько черновиков и неотправленных писем. Некоторые из них приводятся ниже, другие опубликованы в комментариях к письмам Чайковского к фон-Мекк и Юргенсону.

К письму № 286

[1] Эти деньги Чайковский сам попросил у фон-Мекк еще 11 октября. «Это ужасно, это тяжело до боли и до слез, но я должен решиться на это, должен опять прибегнуть к Вашей неисчерпаемой доброте»,— писал он ей. А по получении денег, 25 октября, Чайковский так благодарил ее: «В письме Вашем столько теплоты, столько дружбы, что оно одно достаточно, чтобы заставить меня снова полюбить жизнь и с твердостью переносить житейские невзгоды... Каждая нота, которая отныне выльется из-под моего пера, будет посвящена Вам! Вам буду я обязан тем, что любовь к труду возвратится ко мне с удвоенной силой, и никогда, никогда ни на одну секунду, работая, я не позабуду, что Вы дасте мне возможность продолжать мое артистическое призвание» (см. Ч. М., I, №№ 34, 35, 37).

К письму № 288

[1] В ответ на письмо от 17/29 октября 1877 г. Модест Чайковский писал ему 23 октября: «Первым делом отвечаю на твой вопрос. Я тебя люблю больше всего на свете, никогда никто не занимал большего места в моем сердце, никогда, никто и не будет занимать его. С раннего детства ты для меня был воплощением всех совершенств и навсегда останешься им. Я живу тобою, да, положительно, тобою, потому что всю мою жизнь подчинялся и буду подчиняться твоему влиянию. Мне бывало достаточно всегда одного твоего слова, движения, чтобы угадать твое недовольство и перерабатывать на твой лад всего себя. Если я сделался на что-нибудь годен, то благодаря т е б е. В молодости в особенности я не имел своего нравственного критериума, которому бы следовал, и всегда жил и буду жить так, чтобы тебе понравиться, потому что теперь уже сознательно отношусь к тебе как к образцу человека».

[2] Посещение парижского врача подробно описано в письме к фон-Мекк от того же числа. См. Ч. М., I, № 42.

К письму № 291

[1] Это письмо жены в архиве не сохранилось.

К письму № 292

[1] В архиве Чайковского за этот период нет писем ни сестры, ни ее мужа Л. В. Давыдова.

К письму № 294

[1] Из письма Чайковского к Танееву от 7/19 декабря 1877 г.: «В Вене я слышал «Валькирию» Вагнера и имел случай проверить свое первое байрейтовское впечатление. Если в самом деле музыке суждено иметь в лице Вагнера своего главного и величайшего представителя, то можно притти в отчаяние. Неужели это последнее слово искусства, неужели этой претенциозной, тяжеловесной и бездарной дребеденью будут наслаждаться грядущие поколения, подобно тому, как мы теперь наслаждаемся девятою симфонией, в свое время признававшейся тоже чепухой?! Если да, то это ужасно. Зато в той же Вене я с л ы ш а л балет «Sylvia» Leo Delibe'a;

именно с л ы ш а л, потому что это первый балет, в котором музыка составляет не только главный, но и единственный интерес. Что за прелесть что за изящество, богатство мелодическое, ритмическое и гармоническое! Мне было стыдно. Если б я знал эту музыку, то, конечно, не написал бы О з е р о л е б е д е й».

К письму № 295

[1] Расставшись с братом, Анатолий писал ему в тот же день, 1 декабря 1877 г.: «Когда двинулся поезд, я всячески старался угомонить свои волнения, чтоб не разреветься, и все обошлось благополучно. Немец, сидевший со мной, не был свидетелем моей позорной бабской слезливости... Какое удивительное счастье, что мы выписали Алешу и что ты так любишь его! Что бы было, если б мне пришлось тебя оставить с кем-нибудь другим... Единственной задачей моей жизни будет теперь забота устроить возможным твое возвращение в Россию. Ты такой стал в последнее время капризный и какой-то еще такой, что и назвать не сумею, что, пожалуй, рассердишься из боязни, что я сделаю по поводу моего желания возвратить тебя в Россию какую-нибудь неловкость. Но не сердись и не бойся. Я прекрасно знаю и понимаю, что нужно, чтоб это было возможно. Целую тебя. Как я люблю тебя, ты и представить себе не можешь».

К письму № 299

[1] Здесь впервые упоминается Четвертая симфония, черновые эскизы которой были окончены еще в мае 1877 г. В декабре месяце, после перерыва, продолжалась инструментовка ее, законченная 26 декабря Симфония посвящена фон-Мекк, без указания ее имени («Моему лучшему другу»). Впервые исполнена 10 февраля 1878 г. под управлением Н. Г. Рубинштейна в симфоническом собрании Р.М.О.

[2] В этой несохранившейся телеграмме Анатолий Чайковский уведомил о решенном отъезде из Каменки жены Чайковского. См. Ч. М., I, стр. 109.

К письму № 302

[1] Приписка к письму Алексея Софронова. Датируется по его письму.

К письму № 303

[1] В романе Теккерея «Пенденнис» Чайковскому напоминал Кондратьева майор Пенденнис (см. Ч. М., I, стр. 114). Местонахождение писем Чайковского к Кондратьеву неизвестно. В Клинском архиве письма Кондратьева этого времени не сохранились.

К письму № 309

[1] В упоминаемом письме Анатолий Чайковский уговаривал брата приехать из-за границы прямо в Каменку. Об отношении к нему родственников он писал: «Нельзя написать, что и как себе представляют всю твою историю здешние обитатели: каждый понимает это дело по-своему. Вере и Анне объяснено оно не так, как Александре Ивановне, а Александре Ивановне — не так, как Остафию, но несомненно то, что ни разу ни на одну секунду никому из них не пришло в голову, что ты сделал что-нибудь скверное. Саша устроила дело даже так, что никому не кажется, что все это что-либо заключает в себе особенное. Я убежден, что ты этому не поверишь. Если б я продолжал оставаться с тобой и получил бы такое письмо, как это, которое пишу теперь, то назвал бы автора

его безумным, но, ей богу, он не безумен. Я вовсе не хочу тебя уговаривать ехать сюда немедленно, потому что знаю, что ты настолько в настоящее время мнителен, что, что бы ни говорили, все-таки будешь чувствовать неловкость своего положения. Моя цель убедить тебя приехать сюда летом, впрочем, не сюда, а в Вербовку» (без даты).

К письму № 313

[1] Приглашение быть делегатом на Всемирной выставке в Париже принесло Чайковскому много тревог и огорчений. Приняв сначала приглашение, он затем отказался, чем навлек на себя большое неудовольствие со стороны Н. Г. Рубинштейна и консерваторских приятелей.

[2] Еще 25 октября 1877 г. Апухтин послал старому другу ободряющее письмо. Он писал: «Тысячи людей женятся, не сходятся характерами с женами и разъезжаются. Вообще, голубчик Петя, ты придаешь слишком большое значение разным толкам и пересудам. Я сам страшно бесился, встречая в газетах подлые инсинуации на мой счет, и это понятно, потому что меня они находили безоружным: что мог [я] противоставить им, кроме дилетантской известности в весьма небольшом кружке? Но чтобы ты, чьим именем будет гордиться страна, в которой ты родился, преклонял голову перед разными иксами и зетами,— это непонятно и бессмысленно! Согласись, что много комичного было бы в положении орла, конфузящегося перед червями и гадами. Да уйди от них в высь, в твою творческую высь, откуда тебе они не только не будут видны, но где ты должен игнорировать их существование, и брось оттуда новую «Бурю» или «Ромео»: пускай тяжесть твоей славы раздавит этих прохвостов! Если ты возразишь мне, что художник не может жить исключительно в самом себе, я напомню тебе, что на свете живут тысячи твоих горячих поклонников, а между ними много искренних друзей, которым дороги ты и твоя слава и которым все равно, под каким соусом ты любишь спаржу: под кислым или сладким или жирным. Приободрись, милый мой Петя, подними голову и смотри всем в глаза гордо и смело. Верю, что жить тебе тяжело, но стыдиться нечего. Ты не сделал ничего бесчестного, главная ошибка твоей жизни была уступкой для нее же, этой подлянки, называемой общественным мнением! Загляни в историю искусств: люди, как ты, никогда не пользовались счастием, но без них человечество лишилось бы своих лучших наслаждений».

В декабре, при недатированном письме, Апухтин прислал стихотворение, посвященное Чайковскому («Ты помнишь, как забившись в «музыкальной»...). Опубликовано.

К письму № 314

[1] В письме от 20 декабря 1877 г., написанном по дороге из Каменки в Петербург, Анатолий Чайковский сообщал московские новости: «Я пришел к Патрикееву, где меня ожидали Кашкин и Альбрехт. Пили мы без конца. Рассказать нашу беседу от начала последовательно не могу. Она продолжалась до трех часов ночи. Главный результат беседы тот, что я пришел к полному убеждению, что таких друзей [у тебя], как оба эти господа, на свете мало. Они любят тебя, конечно, не так, как я. Мне дорог твой каждый волосок, бородавка на шее, каждая козявка, каждое твое сочинение, все равно какое. Они, как ни толкуй, все-таки более всего обожают тебя как музыканта. Очень много говорили об «Онегине». Обоим им страшно понравилось все, но опасения их, что ученики не сумеют исполнить как следует, беспредельны... Много мне говорили они, как тебя любит Рубинштейн, как на него подействовала вся эта история. Они говорят, что он влюблен в тебя, что он тебя ревнует вечно к твоим

другим друзьям. С пьяну я, прости, не выдержал и заговорил про твой концерт. По их рассказам, он никогда не был так огорчен, как после этой истории. Кстати, знаешь ты, что он разучивает его! Одним словом, оба эти милые люди, любя и тебя и Рубинштейна, убеждены, что в сущности он любит тебя несравненно более, чем ты его». Об отношении Н. Г. Рубинштейна к фортепианному концерту Чайковского см. письмо № 193.

К письму № 318

[1] В соответствии с принятой основной датировкой переводим авторскую дату на старый стиль.

К письму № 319

[1] Датируется в соответствии с предыдущим письмом.

К письму № 322

[1] Чайковский писал Кашкину из Вены 26 ноября 1877 года. Он интересовался новостями из консерваторского мира: «Мне очень хочется знать многое. Ты знаешь, что я не ахти как люблю свое профессорство, что терпеть не могу свои классы, но десятилетняя привычка сделала то, что я все-таки очень близко к сердцу принимаю благополучие консерватории. Я люблю ее как арену деятельности нескольких людей, к которым я о к а з а л с я очень привязанным. Говорю «оказался», ибо только в разлуке я вполне сознал всю силу этой привязанности... Плоть моя довольно благополучна... Вот что касается души, то она получила такую рану, от которой, мне кажется, я никогда не оправлюсь. В сущности, мне кажется, что я un homme fini [конченный человек]. Я, конечно, возвращусь 1-го сентября 1878 г. в консерваторию, я буду попрежнему преподавать гармонию, буду испытывать приятные ощущения, чувствуя себя в близости старых друзей, но прежнего не вернуть никогда, никогда! Что-то такое во мне надорвалось, крылья подрезаны, и высоко летать я уж наверно не буду».

К письму № 323

[1] Письмо к жене не было отправлено, оно осталось при комментируемом письме. Приводим его полностью:

Антонина Ивановна!

Получил письмо от Анатоля, в котором он мне пишет, что ты желаешь письменного обеспечения в 100 р. помесячной субсидии и в том, что я выплачу за тебя долг в 2.500 р.

Ты весьма ошибаешься, думая, что теперь, когда я согласился взять на себя уплату всей суммы твоего долга, я оставлю за тобой р о я л ь. Рояль составляет единственное мое богатство, и когда я тебе предложил его, то не знал, что кроме сторублевой пенсии мне придется еще платить огромную сумму в 2500 р. Пойми, пожалуйста, что для того, чтобы достать 2.500 р., я должен буду продать все, что имею, и в том числе р о я л ь, который я тебе именно хотел отдать, чтоб вознаградить тебя за траты, сделанные по случаю замужества. Теперь, когда, получая 100 рублей в месяц и будучи обеспечена в уплате за тебя долга в 2.500,— ты вознаграждена вполне, рояль остается за мной, а потому не бери его от К. В. Переслени; он останется там до моего возвращения или до продажи его, которую я поручу брату. Если же ты распорядилась уже взять его, то тотчас возврати.

Вообще я не могу не заметить, что ты сделала уж слишком резкий переход от роли любящей, покинутой и обманутой женщины к роли совершенно противуположной. Ты не только хочешь взять с меня все, что только у меня есть, но даже хочешь лишить меня свободы, требуя письменного обеспечения в сторублевой пенсии.

На это я тебе отвечу следующее. Ты будешь получать от меня сто рублей в месяц 1) до тех пор, пока я буду жив, 2) до тех пор, пока ты будешь себя держать относительно меня так, что я не буду иметь причины быть недовольным. Как только ты позволишь себе какой-нибудь поступок относительно меня недоброжелательный или клонящийся к нарушению моего покоя, я перестану выплачивать тебе субсидию. Ты спросишь, чего нужно избегать, чтоб не причинять мне неудовольствия. Отвечу на это очень просто: жить так, чтоб я тебя не видел и не встречался с тобой, разумеется, по возможности, ибо я не имею права требовать, чтоб ты не жила в одном городе со мной. Если хочешь жить в Москве, то живи в Москве, но не пиши мне, не приходи ко мне и старайся держать себя вдалеке. После того, что случилось, нам обоим будет тяжела всякая встреча. Говорить про меня можешь все, что хочешь; если до меня дойдет известие, что ты рассказываешь про меня то или другое, то сердиться я не буду. Словом, для моего покоя нужно, чтоб я был далеко от тебя — и только. Вот за это-то я и обязан тебя поддерживать, но письменного обеспечения не дам, ибо для моего покоя нужна также свобода.

Что касается 2.500 р., то в них я охотно дам тебе обеспечение письменное в виде векселя или как хочешь. Это устроит Толя, которому я напишу.

Итак, резюмируем все, что я сказал:

1) Я буду тебе выплачивать 100 р. до тех пор, пока буду жив и пока ты не будешь отравлять мне жизнь тем или другим способом, т. е. будешь держать себя так, чтобы между нами все было кончено. В том, что ты будешь получать 100 р. аккуратно каждый месяц, я даю тебе честное слово, и за меня ручаются мои братья, сестра, словом, люди, на честное слово которых всякий может положиться.

2) Я заплачу за тебя 2.500 р. и дам тебе вексель или какую хочешь бумагу.

3) Рояль остается за мной, ибо я предложил его тебе тогда, когда еще не знал, что кроме того ты получишь 2.500 р.

4) Все, что ты выручила от продажи вещей, остается в твою пользу. Сумму, которую ты получишь от этой продажи, я не вычту из 2.500 р.

Засим предоставляю целому миру решить, достаточно ли ты вознаграждена, и не найдется никого, кто бы мог сказать, что я тебя обидел.

Прошу тебя отныне обращаться в случае разъяснения недоразумений к Толе.

Извини за бесцеремонный тон письма. После того, что ты не поцеремонилась, взяв с меня и ежемесячную пенсию и 2.500 р., еще продолжать считать и мой рояль твоею собственностью, всякие церемонии излишни. Будем называть вещи, как они есть.

Когда ты вышла замуж, ты не имела ничего, кроме своего леса. Теперь, кроме леса, ты имеешь ежемесячную пенсию и получила еще всю ту сумму, которая выручена от продажи вещей. Этого довольно.

Твой покорный слуга
П. Чайковский.

Вообще имей в виду, что я не имею никаких средств, что я принужден буду работать, как вол, дабы исполнить мои обязательства относительно тебя и что есть пределы всему.

К письму № 324

[1] Н. Г. Рубинштейн писал Чайковскому по поводу его отказа от делегатства. Письмо это не сохранилось. Содержание и характер его можно установить по письму Чайковского к фон-Мекк от 14/26 января 1878 г.: «Письмо его дышит лютым гневом. Это бы ничего, но в тоне письма такая сухость, такое бессердечие, такое самодурство! Он пишет мне, что болезнь моя — вздор, что я блажу, что я просто предпочитаю dolce far niente [блаженную праздность] труду, что я отучаюсь от труда, что он очень жалеет, что принял во мне слишком много участия, ибо этим только поощрил мою лень (!!!) и т. д. В конце письма он выражает надежду, что я одумаюсь и поспешу в Париж. Но, главное, неподражаемый тон письма! Разгневанный начальник, пишущий к трепещущему подчиненному!». Из ответного письма Чайковского к Рубинштейну от 14 января видно, что Рубинштейн обвинял в этом и фон-Мекк, субсидировавшую Чайковского (Рубинштейн был в числе очень немногих тогда лиц, знавших об этом). Кроме того Чайковского задел намек, что якобы по его, Рубинштейна, инициативе Мекк стала оказывать материальную поддержку, которая отрицательно отразилась на поведении Чайковского. «Ты жестоко заблуждаешься насчет ее характера и ее отношений ко мне, в которых ты не играл и не играешь никакой роли,— писал Чайковский.— Твой попрек, что я получаю ее субсидии по твоей инициативе, я нашел бы неуместным, даже если бы это и было действительно так... Мне было за нее обидно, что и ее так же мало понимаешь, как и меня. Она именно не взбалмошна. Для меня это просто какая-то неоскудевающая рука провидения». Переписка Чайковского с Н. Г. Рубинштейном издана в сборнике «История русской музыки в исследованиях и материалах», под ред. проф. К. А. Кузнецова, 1, М., 1924.

К письму № 325

[1] Осенью 1877 г., после окончательного разрыва Чайковского с женой, Н. Г. Рубинштейн принимал близкое участие в устройстве его дальнейшей судьбы (отпуск и деньги из консерватории, квартира, переговоры с А. И. Чайковской и проч.).

[2] Анатолий писал брату в письме от 11 января 1878 г., на которое отвечает Чайковский: «Ты спрашиваешь мое мнение об отказе от делегатства. Мне грустно, что твоя болезненная нервность помешала туда тебе ехать. Вот формула, в которой я могу выразить мое впечатление твоего отказа. Первым делом я горюю о твоей нервности, о твоей болезни, потом уже выгоды нравственные и материальные. Так как я знаю по письмам твоим ту борьбу, которую ты должен был выдержать перед тем, чтобы решиться на отказ, то на тебя нисколько не гневаюсь. Конечно, было бы недурно иметь несколько больше денег, да что же делать — здоровье дороже».

К письму № 326

[1] Модест Чайковский писал в то время повесть «Трутни» (не была опубликована).

[2] В конце 1877 г. Чайковский ради заработка принял предложение Юргенсона — перевод на русский язык итальянских текстов нескольких романсов Глинки. См. Ч. Ю., I, стр. 19—23.

К письму № 329

[1] Авторские даты этого письма неправильны: четверг, пятница и суббота были в этом году (по старому стилю) 26, 27 и 28 января; авторская дата (28 января/10 февраля) неправильна по исчислению нового стиля. Правильность редакторского исправления подтверждается авторской датой письма к фон-Мекк от 26 января/9 февраля 1878 г. (Ч. М., I, № 90). В этом письме говорится, что сообщение о смерти сестры Чайковский получил в ч е р а, а из комментируемого письма, датированного автором т е м ж е числом, видно, что известие получено с е г о д н я, т. е. не 28, а 27 января, на которое и приходилась п я т н и ц а.

[2] Зинаида Ильинична Ольховская — сестра композитора (дочь его отца от первого брака). Под «страшным совпадением чисел» подразумеваются даты смерти ее, 13 января, и матери композитора, умершей 13 июня 1854 г.

К письму № 330

[1] А. И. Чайковский вел переговоры о предоставлении А. В. Панаевой для исполнения в концерте письма Татьяны из «Евгения Онегина». Опера уже находилась в Московской консерватории. Запрос Н. Г. Рубинштейну был послан через К. Ю. Давыдова (А. И. Чайковский в то время очень увлекался Панаевой).

К письму № 331

[1] Закрепляем точную дату письма, согласно авторской пометки: п я т н и ц а была 3 февраля.

К письму № 333

[1] Четвертая симфония была исполнена в Москве в десятом симфоническом собрании Р. М. О. Она не произвела большого впечатления ни на публику ни на прессу. Одна из полученных Чайковским телеграмм была от фон-Мекк, вторая — от Рубинштейна (см. Ч. М., I, № 99, а также прим. к № 98).

К письму № 335

[1] По утверждению М. И. Чайковского, жившего в то время с братом, 12 февраля Чайковский написал ф-п. пьесу «Прерванные мечты» («средняя часть этой пьесы есть венецианская песня, которую в Венеции каждый вечер пели под окном Петра Ильича»; Ж. Ч., II, стр. 205). К 30 апреля было написано двенадцать пьес (средней трудности), составивших opus 40. Посвящены М. И. Чайковскому.

[2] Увлечение Анатолия Панаевой не получило завершения. П. И. Чайковский все же посвятил ей цикл романсов — семь романсов, написанных в 1881 г. (ор. 47).

К письму № 336

[1] «Комизм итальянцев груб, лишен тонкости и грации, но увлекателен до-нельзя»,— писал Чайковский фон-Мекк по поводу этого спектакля (Ч. М., I, стр. 220).

[2] Чайковского очень обижало, что об исполнении симфонии он, кроме телеграммы Рубинштейна, никаких подробностей из консерватории не получил. «Я серьезно был огорчен и обижен,— писал Чайковский Альбрехту.— Мне казалось, что симфония стоила того, чтоб меня друзья хотя немножко похвалили... Если симфония не понравилась, то ведь можно было прямо так и написать. Я не требовал восторгов и похвал, хоть и желал их. Но и з в е с т и й я имею право ожидать и требовать» (9 марта 1878 г.).

Единственный отзыв получил Чайковский от фон-Мекк, но он до нас не дошел (см. Ч. М., I, прим. к № 101). По ответному письму Чайковского можно установить содержание его: «Как я неизмеримо счастлив, что симфония понравилась Вам, что, слушая ее, Вы испытали те ощущения, которыми я был полон, когда писал ее, что моя музыка запала Вам в сердце».

К письму № 337

[1] «Pimpinella» помещена Чайковским среди романсов ор. 38. О встрече его с мальчиком-певцом см. Ч. М., I, №№ 66 и 102.

К письму № 341

[1] Звездочками Чайковский зашифровал фамилию Панаевой.

К письму № 342

[1] Только что начавшаяся работа над Большой сонатой (ор. 37) вскоре была прервана, и композитор переключился на сочинение скрипичного концерта. Работа возобновилась в двадцатых числах апреля, и 30 апреля соната была окончена. Посвящена Клиндворту.

[2] Много отзывов об этой симфонии Лало имеется в Ч. М., I (см. по указателю).

К письму № 343

[1] К 20 марта 1878 г. скрипичный концерт уже был закончен. Но тогда же, прослушав его в исполнении Котека, Чайковский остался недоволен Andante и к 24 марта написал новое. В процессе работы Чайковский советовался с Котеком о технической исполнимости солирующей партии. В первом издании концерт посвящен Ауэру, предполагавшему исполнить его в Петербурге в марте 1879 г., но за отказ от исполнения (познакомившись с концертом, Ауэр его не одобрил) Чайковский снял посвящение, и второе издание вышло с посвящением Бродскому, первому исполнителю скрипичного концерта (в Вене).

К письму № 344

[1] В тот же день, 10 марта 1878 г., Чайковский писал фон-Мекк: «Мне так хорошо, я так покоен, доволен собой по причине успешной работы, здоровье мое в таком превосходном состоянии, в будущем так мало тревожного и грозного, что я смело могу назвать мое теперешнее состояние счастьем».

[2] Названия произведений этого автора, которые читал Чайковский, и дополнительные отзывы о нем см. в Ч. М., I, по указателю.

[3] По поводу этой работы Чайковский отметил: «С того дня, как благоприятное настроение наступило, оно не оставляет меня. В таком фазисе духовной жизни сочинение утрачивает вполне характер труда; это сплошное наслаждение» (Ч. М., I, стр. 246—247).

К письму № 346

[1] «Франческа да-Римини» была исполнена в Петербурге 11 марта 1878 г. на восьмом симфоническом собрании Р.М.О., под управлением Направника. Отсутствие известий, как всегда, взволновало Чайковского, он был уверен в неуспехе и сгоряча готов был обвинять в нем Направника,

который «уже портил не одну его пьесу» (Ч. М., I, стр. 254). Вскоре полученные письма рассеяли эти подозрения. Успех был большой, одобрение всеобщее. Анатолий Чайковский писал уже через неделю после концерта, 18 марта: «10 марта, встав ровно в восемь часов, полетел в Дворянское собрание на репетицию. Застал там уже довольно много народу. Раньше других бросился в глаза мундир Кюи, затем недалеко от него увидел милого Танеева, рядом с которым и уселся. Писать ли про мои впечатления, когда играли «Франческу»? Так, разве вскользь. Конечно, с первого раза я вполне мог понять и тронуться только любовной частью. Если б потом в концерте я не слыхал «Франчески» во второй раз, то, вероятно, сказал бы, что вся она мне понравилась сразу. Впечатление во время концерта было до того сильно, я так был потрясен этою вещью, что только потому и говорю, что на репетиции не понял начала и конца,— в сущности же и тогда я почувствовал все величие и всю мощь этого сочинения... [В концерте] «Франческа» имела громадный успех, аплодировали без конца. После нее поднесли венок Направнику и целую корзинку маленьких венков оркестру; каждый музыкант получил такой венок. После концерта пили участвовавшие в концерте у Давыдовых чай. Карл Юльевич поручил мне написать тебе, что, по его мнению, «Франческа» — величайшее произведение нашего времени. Направник тоже в восхищении и с своей стороны просил написать, что оркестр играл отлично». В тот же день, 18 марта, об успехе «Франчески» писал Чайковскому и Танеев. Он тоже отметил, что К. Ю. Давыдов «находит, что «Франческа» есть лучшее произведение... всей современной музыки», что Направнику она очень нравится, хотя он и находит ее слишком длинною. Кюи одобрил интродукцию, Римскому-Корсакову «не нравятся темы, все же вместе взятое очень нравится». Ларош был сдержан в своих оценках: ему не нравилось, что похоже на Листа, он находил, что вообще симфонические поэмы — не жанр Чайковского. Однако в «Голосе» (1878, № 93) он поместил сочувственную рецензию (перепечатана в его «Собрании музыкально-критических статей», т. II, ч. 2, стр. 43 и сл.).

К письму № 347

[1] Об отношении Чайковского к Моцарту есть много материала в опубликованных его письмах к фон-Мекк и Юргенсону (см. по указателям).

[2] 3 марта нов. ст. 1878 г. был заключен Сан-Стефанский договор после русско-турецкой войны. Он вызвал сильное раздражение в Европе, особенно в Англии, которая в ответ на него приступила к мобилизации. Договор был пересмотрен на Берлинском конгрессе в июне. О своем отношении к последним политическим известиям Чайковский подробно писал в тот же день, 18 марта, фон-Мекк. См. Ч. М., I, стр. 265.

К письму № 349

[1] Это письмо Анатолия Чайковского от 18 марта 1878 г. Отрывок из него приведен в прим. к письму № 346.

[2] Первое, забракованное Andante скрипичного концерта включено в ор. 42 (три пьесы для скрипки, посвященные Браилову).

[3] В письме от 18 марта А. И. Чайковский писал об Алексее Павловиче Давыдове, изобретателе автоматической стрельбы. Чайковский был знаком с ним в период пребывания в Училище правоведения и встречался некоторое время после выхода из училища.

[4] В том же письме А. И. Чайковский сообщил, что артистка Глама «бежала» из Москвы и дебютировала в Александринском театре.

[5] См. прим. к письму № 346 и «Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», стр. 26.

[6] Чайковский через К. Ю. Давыдова хлопотал для Котека о месте преподавателя в скрипичном классе Петербургской консерватории.

К письму № 350

[1] В письме от 24 марта 1878 г. Анатолий Чайковский писал брату: «Скажу вскользь о разговоре моем с Кюи по поводу [фортепианного] концерта твоего. Он сам подсел ко мне за ужином и стал расхваливать концерт. Он говорит, что там все хорошо и так хорошо, что он страшно горюет, что бросил писать музыкальные фельетоны и не имеет возможности рассказать прелести концерта печатно. Меня очень тронули эти восхваления тебя, и на вопросы его о твоей болезни я в кратких словах объяснил ему сущность твоих передряг. Иногда в самом деле бывает до крайности противно отделываться про тебя общими фразами. Ты сердишься, но, ей богу, напрасно. Во-первых, я, конечно, рассказал так, что ничего того, чего нельзя говорить, не говорил, а во-вторых. Кюи говорил про тебя с такою любовью, с таким уважением, что мне даже приятно, что он теперь, если б ему и пришлось услышать что-нибудь другое, будет знать, что это ложь».

[2] Это письмо Танеева от 18 марта 1878 г. См. прим. к письму № 346 и прим. 5 к письму № 349.

К письму № 352

[1] 4 апреля 1878 г. Чайковский выехал из Кларана и 11 апреля приехал в Каменку; поместился в отдельном домике. 13 апреля туда же приехал и А. И. Чайковский. Комментируемое письмо написано после отъезда брата в Петербург.

[2] Это письмо Котека не сохранилось. Имеется только письмо от 24 апреля/6 мая 1878 г.— уже после ответа Чайковского.

[3] День рождения Чайковского 25 апреля ст. ст.

К письму № 353

[1] Это письмо брата к сестре было переслано Чайковским фон-Мекк. О содержании его Чайковский писал ей: «Она [жена] теперь вообразила себе, что мои родные — ее враги, а я действую под влиянием их козней» (Ч. М., I, стр. 316).

[2] Публикуем полностью это письмо по приложенному черновику:

Антонина Ивановна!

Ты считаешь посредничество самых близких и дорогих мне людей неуместным и хочешь, чтоб я сам отнесся к тебе. Изволь. Объяснюсь тебе коротко и ясно.

Прежде всего я должен теперь раз навсегда и вконец уничтожить печальную иллюзию, ослепляющую тебя. Как это ни непостижимо странно, но из твоего письма к Саше, к немалому моему изумлению, я вижу, что ты до сих пор еще надеешься, что, как ты выражаешься, р а н о и л и п о з д н о м ы д о л ж н ы с о й т и с ь с т о б о й. Итак, узнай ту непреложную истину, ч т о н и к о г д а, н и в к а к о м с л у ч а е, н и п о д к а к и м в и д о м, н и з а ч т о н а с в е т е я не соглашусь на сожительство с тобой. Кажется, уж достаточно было говорено о причинах этого невозвратного решения, и потому распространяться не буду. Еще в последний раз повторяю: ты ни в чем не виновата, я не отрицаю того, что ты можешь составить счастье другого человека, во всем виноват я, упрекать

мне тебя не в чем, и тем не менее никогда, никогда, никогда жить с тобой я не буду.

Пожалуйста, постарайся забыть на минуту свое справедливое негодование на меня и посмотри на нижеследующее мое предложение исключительно с точки зрения твоих интересов. Я тебе предлагаю развод на следующих условиях:

1) Ты возьмешь на себя инициативу дела, т. е. подашь куда следует просьбу. Затруднений для тебя не будет, так как дело будет вести адвокат.

2) Вину я принимаю на себя, и ты сохранишь право выйти замуж.

3) Все расходы по делу я принимаю на себя.

4) По окончании дела ты получишь от меня десять тысяч.

5) Так как ты, повидимому, не доверяешь ни мне, ни моим родным (что, мимоходом сказать, не говорит в пользу твоей способности оценивать людей по достоинству), то деньги до окончания дела я перешлю отсюда к третьему лицу, например к Рубинштейну, или к Юргенсону, или к Трескину, словом, к такому человеку, которому мы оба доверяемся. Вот мои условия. Я сомневаюсь, чтоб ты могла найти разумного и толкового человека, который, узнав эти условия и имея в виду мое непоколебимое решение никогда не сходиться с тобой, не посоветовал бы тебе принять их.

Сторублевая пенсия, которую я тебе назначил, очень непрочна. Уж не говоря о том, что здоровье мое пошатнулось и что я могу умереть, ведь и тебе и всем известно, что средств у меня никаких нет и что я могу тебе уплачивать эти деньги только тогда, когда буду в состоянии их зарабатывать. Нет власти в мире, которая могла бы заставить меня платить их, если я буду поставлен в такое положение, что принужден буду прекратить свои занятия, а это весьма возможно. Скажу тебе прямо. До тех пор, пока наш неудавшийся союз не будет порван окончательно, я не могу быть покоен, а следовательно, и здоров. Ты совершенно напрасно напомнила брату о письме, в котором они ручаются, что я буду исполнять свое обещание: во-первых, всякое обещание исполню по мере возможности [*не разобрано пять слов, написанных сокращенно*], во-вторых, я своего слова никогда не беру назад, я буду исполнять его до тех пор, пока могу, а в-третьих, уж если дело дойдет до писем, то и я могу кому нужно показать письмо, в котором ты мне предлагаешь формальный развод и с самою деликатной готовностью заранее соглашаешься на все мои условия. Итак, потрудись хорошенько понять. Я тебе предлагаю сделку, которая, как мне кажется, обоим нам удобна и выгодна. Ты, разумеется, можешь ее принять или не принять,— это в твоей воле. Но знай наперед. Мне нужен формальный и скорый ответ, и я буду его ждать от тебя в течение двух недель, ибо по истечении этого срока деньги, которые дает мне Лева, уже не будут в его распоряжении. Если ты согласна, то, не теряя времени, тотчас же приступим к делу, если нет, то я должен буду принять другие меры к обеспечению своей свободы действий.

Потрудись же отвечать немедленно. П. Чайковский.

[3] В эти дни Чайковский был занят сочинением детских пьес (Детский альбом, ор. 39).

[4] См. прим. 2 к письму № 352.

[5] Опера «Ундина» была написана Чайковским в 1869 г. Партитура ее была сожжена композитором в 1873 г. (сохранились только три отрывка). Новой оперы на этот сюжет Чайковский не написал.

[6] Речь идет о посредниках в переговорах с женой.

К письму № 354

[1] А. И. Чайковский взялся вести юридические дела железнодорожного деятеля Фаллизена.

К письму № 357

[1] Во время этого пребывания в Браилове Чайковский написал две пьесы для скрипки с аккомпанементом ф-п., вошедшие в ор. 42, посвященный Браилову (на нотах Браилов зашифрован: Б*******). См. прим. 2 к письму № 349.

К письму № 358

[1] Выдержки из письма жены Чайковского опубликованы в Ч. М., I, стр. 590. Текст письма Чайковского к ней неизвестен. См. Ч. М., I, № 146 и Ч. Ю., I, № 22.

К письму № 360

[1] Персонажи «Ундины».

[2] По поводу замысла оперы «Ромео и Юлия» Чайковский писал фон-Мекк 23 мая 1878 г.: «Оперы Беллини и Гуно не пугают меня. В них Шекспир исковеркан и искажен до безобразия. Не находите ли Вы, что эта великая, архигениальная драма способна привлечь музыканта? Я уже говорил об этом с Модестом. Он пугается великостью задачи, но смелость города берет. Буду много думать о сценарнуме этой оперы, на которую я положил бы все свои силы, а они еще есть в запасе».

[3] М. И. Чайковский дал такой комментарий к этому письму: «Ундина» с детства Петра Ильича была его любимым произведением. Его всегда особенно трогал конец поэмы, где Ундина говорит, что «уплакала» своего рыцаря. Здесь он шутливо бранит именно то, что ему больше всего нравилось» (Ж. Ч., II, стр. 175).

К письму № 367

[1] Это произведение Зола («Une page d'amour») только что появилось.

К письму № 368

[1] В письме от 14 июня 1878 г. М. И. Чайковский описывал встречу с революционером, родственником Конради, приехавшим в Гранкино на поселение.

[2] Екатерина Васильевна Пересленн и ее сыновья, Вадим Владимирович и Николай Владимирович.

[3] Это письмо Юргенсона не сохранилось. Содержание его см. в Ч. М., I, № 160; см. также Ч. Ю., I, № 23.

К письму № 369

[1] Это письмо жены в архиве не сохранилось.

К письму № 371

[1] Браиловский альбом хранится в Клинском музее. Несколько снимков из него воспроизведены в опубликованных переписках Чайковского с фон-Мекк и Юргенсоном.

К письму № 376

[1] Тогда же по поводу исполнения «Евгения Онегина» Чайковский писал фон-Мекк: «Мне совестно признаваться в этом, но не скрою от Вас, что я сам наслаждался не менее их, и были минуты, когда я должен был останавливаться от волнения, а голос отказывался петь вследствие приступа слез к горлу» (Ч. М., I, стр. 404; в этом же письме Чайковский

говорил о своей уверенности, что опера нигде, кроме консерваторского спектакля, поставлена не будет).

К письму № 377

[1] Письмо точно датируется в соответствии с письмом к фон-Мекк от того же числа (Ч. М., I, № 179).

К письму № 378

[1] Это письмо к М. И. Чайковскому от 12 августа 1878 г. не печатается (текст его почти дословно повторяет текст письма к А. И. Чайковскому).

К письму № 379

[1] Основание датировки: как видно из содержания, письмо написано не в Вербовке, а в Браилове (возможно, что Чайковский написал письмо на листе, ранее заготовленном и помеченном в Вербовке) — за несколько дней до отъезда оттуда, в понедельник, т. е. 14 августа 1878 г.; сообщения о погоде (ветер и дождь) точно совпадают с такими же сведениями в письме к фон-Мекк, датированном автором 14 августа (Ч. М., I, стр. 411).

[2] Коля — брат Чайковского, Николай Ильич.

К письму № 380

[1] В письме к фон-Мекк от того же числа Чайковский называет и другие произведения Мюссе, которые он читал в то время (Ч. М., I, № 183). Мысль об опере Чайковский скоро оставил.

К письму № 382

[1] Работа над Первой сюитой вскоре была приостановлена и возобновилась только в ноябре; закончена в 1879 г.

[2] Не были написаны оперы ни на сюжет Мюссе, ни на сюжет Шекспира; в отношении последнего его испугало существование, хотя и «посредственной», оперы Гуно «Ромео и Джульетта» (см. Ч. М., I, № 182). В декабре он приступил к составлению либретто оперы «Орлеанская дева».

К письму № 384

[1] «Московский фельетон» — «Новое время», 1878, № 895 от 26 августа. Фельетон полон резких нападок на Н. Г. Рубинштейна, своим деспотизмом изгнавшего из консерватории талантливых преподавателей; даны резкие оценки некоторым профессорам. Подробное изложение фельетона см. в Ч. М., I, прим. I к № 189.

К письму № 386

Приписка к письму И. П. Чайковского, датированному 8 сентября 1878 г.

К письму № 387

[1] Коля — брат Чайковского.

К письму № 389

[1] Н. Г. Рубинштейн вернулся из Парижа, куда ездил на Всемирную выставку вместо Чайковского, отказавшегося от делегатства. В зале Трокадеро состоялись четыре симфонических концерта под управлением Рубинштейна. Из произведений Чайковского были исполнены: «Буря», «Chant sans paroles», Вальс-скерцо (ор. 34) и Меланхолическая серенада (исп. Барцевич); дважды исполнялся фортепианный концерт (исп. Рубинштейн, дирижировал Колонн).

К письму 390

[1] Во время последнего пребывания Чайковского в Петербурге К. Ю. Давыдов предложил ему перейти в Петербургскую консерваторию на очень выгодных условиях: четыре часа занятий в неделю в классе высшей теории с окладом, вдвое большим московского. Это предложение было лестно и заманчиво для Чайковского, но впоследствии он расценил его как интригу — как стремление Давыдова сманить его из Москвы и тем самым сделать большую неприятность Рубинштейну.

[2] Об этом Чайковский писал Танееву 28 сентября 1878 г.

К письму № 392.

[1] В тот же день, 7 октября 1878 г., Чайковский писал фон-Мекк: «Вчера я дал свой последний класс... Итак, я человек с в о б о д н ы й. Сознание этой свободы доставляет неизъяснимое наслаждение. И как хорошо, что к наслаждению этому не примешивается никакого неприятного чувства, никакой неловкости. Совесть моя совершенно покойна. Я уезжаю в полнейшей уверенности, что консерватория нисколько не пострадает от моего отсутствия. Меня радует также мысль, что я не оказываю никакой н е б л а г о д а р н о с т и, хотя не сомневаюсь, что некоторые обвиняют меня в этом. Хорошо припоминая всю мою консерваторскую службу, я не могу не притти к заключению, что никогда не было сделано н и ч е г о, чтобы облегчить и поощрить ту сторону моей деятельности, которая единственно придает смысл и цену моей жизни». Чайковский вернулся в консерваторию в 1885 г., но только в качестве одного из директоров Московского отделения Р.М.О.

К письму № 394

[1] Основание датировки: Чайковский приехал из Петербурга в Москву 1 декабря и написал письмо на другой день — в день отъезда из Москвы в Каменку, куда приехал 4-го. См. Ч. М., I, №№ 211 и 214.

[2] Нападки на Н. Г. Рубинштейна приняли систематический характер после его концертов на Всемирной выставке в Париже. Возглавлял эту кампанию Стасов, обвинявший Рубинштейна в сознательном игнорировании творчества «могучей кучки».

[3] В мае 1878 г. Чайковский написал «Литургию св. Иоанна Златоуста» для четырехголосного смешанного хора ор. 41.

К письму № 395

[1] Основание датировки: письмо написано в день приезда Чайковского в Каменку, т. е. 4 ноября 1878 г. См. прим. к предыдущему письму.

[2] Здесь и в следующих письмах речь идет о рукописи Первой сюиты, оставленной Чайковским в Петербурге.

К письму № 396.

[1] О брате Анатолии и своем отношении к нему Чайковский подробно писал в тот же день фон-Мекк. См. Ч. М., I, стр. 473 и сл.

[2] Сознательное искажение произношения английской фамилии Иствуд (Eastwood).

К письму № 397

[1] Чайковский принял приглашение фон-Мекк приехать во Флоренцию, где она сняла для него виллу Бончиани, находившуюся недалеко от той виллы, где жила в то время фон-Мекк.

[2] Артистка Велинская, которой увлекался А. И. Чайковский. В письмах называется чаще Велина.

К письму № 398

[1] Брат писал о своей служебной неприятности: Корф, управляющий канцелярией министерства юстиции, советовал одному из судейских чиновников прекратить занятия у А. И. Чайковского.

К письму № 406

[1] 25 ноября 1878 г. в Петербурге, в симфоническом собрании Р.М.О. была исполнена Четвертая симфония Чайковского под управлением Направника. Успех был огромный, в газетах появились сочувственные отзывы. Возвратясь с концерта, Модест Чайковский писал брату: «Конечно, никто в Петербурге не отдаст тебе так скоро отчет о твоей симфонии, как я, потому что пишу тебе через десять минут после ее окончания. Я не остался дольше потому, что решительно не могу себе представить, чтобы в том состоянии, в котором нахожусь, можно было бы что-нибудь слушать другое. Если возможен фурор после исполнения симфонических вещей, то твоя симфония произвела его. После первой части аплодисменты были умеренные,— ну как тебе сказать? — приблизительно, как всегда бывают после первой части бетховенских или шумановских симфоний. После второй части уже значительно более аплодисментов, так что Направник должен был даже поклониться. После Скерцо fff криков, топания и bis'ов Направник кланяется один раз, другой,— шум только усиливается, до тех пор, пока не поднимается дирижерский жезл; тогда все затихает и дает место твоим пиццикато. После этого опять крики, вызовы, поклоны Направника и проч. Final оканчивает свои заключительные аккорды вместе с хлопаньем, криками и топаньем ног. Тут я вылетел из залы, как бомба, чтобы не встречаться ни с кем из знакомых, кишащих в публике симфонических концертов, и через четверть часа очутился у себя в кабинете с пером в руках».

К письму № 408

[1] Любимчиком прозвал М. И. Чайковского брат Анатолий, немного ревновавший его к старшему брату.

К письму № 410

[1] Рукопись сюиты А. И. Чайковский передал О. И. Юргенсону (брату издателя), который и отправил ее за границу. Рукопись была получена только в начале 1879 г.

К письму № 412

[1] Основание датировки: в письме идет речь об отправке Н. Г. Рубин-

штейну ко дню его именин, т. е. 6 декабря, поздравительной телеграммы, отправленной накануне вечером.

[2] В ряде писем А. И. Чайковский жаловался на свои неприятности по службе. В них участвовал Сабуров.

К письму № 413

[1] М. И. Чайковский получил приглашение сотрудничать в «Голосе» в качестве рецензента по Михайловскому театру (его письмо от 30 ноября 1878 г.).

[2] Чайковский начал писать оперу «Орлеанская дева». Вначале опера писалась без либретто и без плана, и к 10 декабря была вчерне готова вторая половина второго акта. Затем сочинение оперы шло параллельно с составлением либретто. Его составлял сам Чайковский по «Орлеанской деве» Шиллера, с прибавлением нескольких сцен из книги Валлона «Жанна д'Арк», драмы Барбье «Жанна д'Арк» и либретто оперы Мерме «Жанна д'Арк». Опера закончена 22 февраля 1879 г., а инструментовка ее — 27 августа.

К письму № 415

[1] Фон-Мекк прислала Чайковскому книгу: Henri Alexandre Wallon, «Jeanne d'Arc», изд. 2-е, Paris, 1876 (роскошное издание). Чайковский пользовался этой книгой при составлении либретто «Орлеанской девы». Книга сохранилась в его библиотеке.

К письму № 416

[1] Письма Екатерины II к Гримму напечатаны в № 9—10 «Русского архива» за 1878 г.

[2] Имеются в виду опера Мерме «Жанна д'Арк» (1876) и опера Гуно с тем же названием (1873); либретто последней составлено по драме Жюля Барбье.

[3] Имеются в виду шесть романсов (ор. 38), посв. А. И. Чайковскому.

К письму № 417

[1] Сестра Чайковского жила в то время в Петербурге, где учились ее старшие дети.

[2] Володе (Бобу) Давыдову посвящен Детский альбом (24 детских пьесы). На заглавном листе к каждой пьесе даны рисунки работы худ. А. Степанова.

К письму № 418

[1] В письме от 2—6 декабря 1878 г. М. И. Чайковский сообщил, что старик Кольрейф предложил ему свои услуги — за известное вознаграждение следить за женой Чайковского с целью уличить ее в супружеской неверности (для развода).

К письму № 420

[1] Эта часть письма (со стихотворением) факсимильно воспроизведена в Ж.Ч., II, стр. 242—245. Об отношении Чайковского к цветку ландыш см. Ч. М., I, прим. к № 276.

К письму № 421

[1] В письме от 9 декабря 1878 г. Анатолий Чайковский от имени г-жи Пиччиоли просил повидаться во Флоренции с Марией Бонне.

К письму № 423

[1] Этого письма жены Чайковского в архиве не сохранилось. Переписку Чайковского с Юргенсоном по этому поводу см. в Ч. Ю., I, №№ 45 и 48.

К письму № 433

[1] Об исполнении «Евгения Онегина» у Ю. Ф. Абазы см. Ч. М., II, № 3 и прим. 2 к нему.

К письму № 434

[1] В письме от 7 января Модест Чайковский подтвердил еще раз, что Каменская исполняла в концерте письмо Татьяны.

К письму № 435

[1] Ларош. «Музыкальные очерки» — «Голос», 1878, № 360 от 31 декабря. Большая часть фельетона посвящена «Евгению Онегину» (по поводу готовившегося спектакля Московской консерватории). «П. И. Чайковский не был чужд в свое время веяний музыкального радикализма, — писал Ларош,— и его симфонические поэмы носят на себе следы этих веяний... В «Онегине» разрыв полный... Культ чистой формы, округленность музыкальных нумеров, преобладание мелодии, классические повторения,— все это до такой степени бросается в глаза даже при поверхностном рассмотрении партитуры, что положение композитора обрисовалось отчетливо... «Онегин» важен не тем, что он написан в консервативном духе, а тем, что, будучи написан в этом духе, он составляет произведение яркого и чрезвычайно симпатичного таланта... Никогда еще композитор не был в такой мере самим собою, как в этих лирических сценах... Г. Чайковский — несравненный элегический поэт в звуках... Настроение г. Чайковского (я беру музыканта как нечто целое) есть в значительной мере настроение той пушкинской поэмы, которую он теперь взял себе канвою... Имеют ли его лирические сцены будущность для театральных подмостков, я не берусь судить... «Онегин» произведение интимное: чем больше зала, тем больше он потеряет, какова бы ни была виртуозность передачи («Собрание музыкально-критических статей», т. II, ч. 1, стр. 136—141).

К письму № 438

[1] Накануне, 8 января 1879 г., Чайковский писал Н. Ф. фон-Мекк: «Я очень доволен своей музыкальной работой. Что касается литературной, т. е. либретто, то этот труд наверно отнимет у меня хотя несколько дней жизни. Трудно передать Вам, до чего я утомляюсь. Сколько перьев я изгрызу, прежде чем вытяну из себя несколько строчек! Сколько раз я встаю в совершенном отчаянии оттого, что рифма не дается или не выходит известное число стоп, или оттого, что недоумеваю, что в данную минуту должно говорить то или другое лицо».

К письму № 440

[1] В 1879 г. продолжались резкие нападки на Н. Г. Рубинштейна части петербургской прессы: «Биржевых ведомостей», «Молвы» и др. Тон давало «Новое время». Чайковский тяжело переживал эту травлю, начавшуюся в 1878 г.

К письму № 441

[1] Этот вечер красочно описан в письме к Юргенсону. См. Ч. Ю., I, № 56.

К письму № 442

[1] О письме Чайковского к Стасову см. Ч. М., II, №№12 и 18; Ч. Ю., I, № 58.

К письму № 445

[1] Дело Коньковой — судебное дело об отравлении. Обвинителем выступал Анатолий Чайковский. Он особенно волновался потому, что на процессе присутствовали его товарищи по службе и начальство. Подсудимая была оправдана.

К письму № 450

[1] В письмах того времени Модест неоднократно обращался к своим воспоминаниям о прошлогодней совместной поездке. 27 января он писал: «Помнишь ли ты вечер, когда ты отворил окно и думал о том, что будет с нами через год? Когда я вспоминаю это, то припоминаю до малейших подробностей звук шумящего моря, и запах, и вязанку оливковых дров, и лампочку, и диван».

[2] М. И. Чайковский писал повесть «Трутни».

К письму № 451

[1] В январе 1879 г. прекратилась эпидемия чумы, вспыхнувшая в первой половине 1878 г. в Астраханской губернии.

К письму № 455

[1] В письме от 3 февраля 1879 г. Анатолий Чайковский сообщил, что у него совершенно исчезло хорошее отношение к А. А. Давыдовой, нанесшей ему большую обиду: она отказала в контрамарке на концерт артистке Савиной, которой тогда он увлекался.

[2] См. письмо № 390.

К письму № 457

[1] В 1859 г. Чайковский окончил Училище правоведения.

[2] В тот же день, 12 февраля 1879 г., Чайковский более подробно писал об этом Н. Ф. фон-Мекк: «Вообще я далеко не безусловный поклонник Берлиоза. У него в его музыкальном организме была какая-то неполнота, ему чего-то недоставало в умении чутко выбирать гармонии и модуляции. Есть в нем, одним словом, какой-то элемент угодливости, с которым я никак не могу помириться. Но это не мешало ему иметь душу самого высокого и тонкого художника, и иногда он достигал недосягаемой высоты. Некоторые места «Фауста» и особенно эта поразительно чудная сцена на берегу Эльбы принадлежат к перлам его творчества. Я с трудом сдерживал вчера во время этой сцены подступавшие к горлу рыдания. Что за прелесть этот речитатив Мефистофеля перед усыплением Фауста и следующий за ним хор духов и танец сильфов! Чувствуешь, слушая эту музыку, как охвачен был писавший ее поэтическим вдохновением, как он глубоко был потрясен своей задачей».

[3] Повесть К. Никулиной «Специалист (Страница из женской жизни)» напечатана в февральской книжке «Вестника Европы» 1879 г.

К письму № 460

[1] В январской книжке «Русского вестника» 1879 г. началась первая публикация «Братьев Карамазовых». О своем впечатлении Чайковский 16 февраля писал фон-Мекк: «В [этой повести], как и всегда у Достоевского, являются на сцену какие-то странные сумасброды, какие-то болезненно нервные фигуры, более напоминающие существа из области горячечного бреда и сонных грез, чем настоящих людей. Как всегда у него, и в этой повести есть что-то щемящее, тоскливое, безнадежное, но, как всегда, минутами являются почти гениальные эпизоды, какие-то непостижимые откровения художественного анализа» (далее подробно о сцене у Зосимы).

К письму № 463

[1] Об окончании «Орлеанской девы» Чайковский писал Н. Ф. фон-Мекк 20 февраля 1879 г.: «Я ее написал действительно скоро. Весь секрет в том, что я работал ежедневно и аккуратно. В этом отношении я обладаю над собой железной волей, и когда нет особенной охоты к занятиям, то всегда умею заставить себя превозмочь нерасположение и увлечься».

К письму № 465

[1] Драма «Assomoir» [«Западня»] является инсценировкой романа Эмиля Золя того же названия. Авторы инсценировки — Вильям Бюснак и Октав Гатино. Пьеса была поставлена в Париже в январе 1879 г. и имела большой успех.

К письму № 466

[1] Письмо Чайковского к Колонну опубликовано тогда же, 16 марта 1879 г., в «Revue et Gasette Musicale» (см. Ж. Ч., II, стр. 272). Ответное письмо Колонна см. в Ч. М., II, прим. 3 к № 83.

[2] Только некоторые газеты отметили этот концерт. В «Paris Journal» от 9 марта (нов. ст.) был напечатан резкий отзыв о «Буре». Рецензент констатировал: «Музыка г. Чайковского не поддается никакой критике. Это правильное последование нот. На этот раз г. Колонн случайно ошибся. Вот и все».

К письму № 467

[1] В этом концерте исполнялись также и произведения Сен-Санса.

К письму № 468

[1] Первое представление «Евгения Онегина» состоялось в московском Малом театре 17 марта 1879 г. под управлением Н. Г. Рубинштейна. Исполнители — ученики Московской консерватории. Успех оперы был незначительный, отзывы прессы или сдержанные или отрицательные. Чайковский присутствовал на спектакле. См. Ч. М., II, № 48 и прим. к нему.

[2] Племянница Чайковского, Анна Львовна, училась в Петербурге, в институте.

К письму № 476

[1] Письмо к жене вызвано ее письмом к Анатолию, «в коем она сообщает, что требует развода и что пришлет к нему поверенного. При этом она говорит, что ей надоели бесчисленные оскорбления, наносимые ей» (Ч. М., II, стр. 105).

Письмо к ней Чайковского не было послано; оно осталось при комментируемом письме. Приводим его полностью:

Каменка,
30 апреля [1879 г.]

Анатолий переслал мне письмо Ваше, в коем Вы заявляете о Вашем желании получить формальный развод. Очень радуюсь этому. К сожалению, я имею основание предполагать, что Вы все-таки не вполне понимаете, в чем заключается дело, и потому сообщу Вам следующее.

1) Для бракоразводного процесса требуется законный повод, т. е. или прелюбодеяние одного из супругов, или неспособность. Я согласен и на то и на другое. Предоставляю Вам выбрать тот или другой повод. Во всяком случае вину беру на себя, и вся неприятная сторона процесса будет лежать на мне.

2) Я беру на себя издержки дела, но с тем, чтобы они не превышали пяти тысяч; если потребуется больше, то остальное заплатите Вы.

3) Я соглашусь начать дело только тогда, когда из сношений с Вашим поверенным узнаю совершенно достоверно, что на сей раз Вы уже серьезно относитесь к делу. Я не могу, как в прошлом году, терять время и деньги на поездки в Москву ради того, чтобы подчиняться Вашим столь изменчивым желаниям.

4) Никаких денег Вы от меня не получите, ибо дай бог, чтоб я мог достать те пять тысяч, которые нужны для ведения дела. Впрочем, я это сказал Вам еще в прошлом году, после того как Вы пропустили чудесный случай отделаться от меня да еще получить те десять тысяч, которые случайно были в моем распоряжении.

Вот еще что я бы Вам посоветовал. Не лучше ли Вам вместо того лица, которому Вы хотите дать доверенность (и про которого Вы сами мне говорили, что оно недостойно этой чести), обратиться к специальному ходатаю по делам? Сколько мне кажется, Ваш теперешний поверенный одушевлен самыми лучшими намерениями и очень хорошо понимает, что развод для Вас будет лучшим благом,— но оно [лицо], как мне кажется, мало знакомо с процедурой бракоразводных дел. Нужно, чтобы кто-нибудь Вам хорошенько разъяснил, в чем дело, а то Вы до сих пор говорите о какой-то Вашей «снисходительности», как будто Вы имеете право чего-нибудь с меня требовать! Мне бы хотелось, чтобы Вы вполне сознательно относились к делу,— иначе я боюсь, что потянется длинная и бесконечная канитель, одинаково томительная и для Вас и для меня.

Во всяком случае очень, очень радуюсь, что Вы наконец сознаете всю выгоду развода и всю необходимость полного разрыва между нами.

Анатолий охотно берет на себя переговоры с Вашим поверенным. Если он встретит надобность в письменном сообщении со мной, то потрудитесь сообщить ему мой адрес.

П. Чайковский.

К письму № 477

[1] 1 мая—день рождения близнецов Чайковских, Анатолия и Модеста.
[2] Ландыш — любимый цветок Чайковского. См. письмо № 420.

К письму № 492

[1] Вера Васильевна Бутакова, сестра Л. В. Давыдова в молодости увлекалась Чайковским. См. письма 1867—68 г.г.

К письму № 496

[1] Письмо С. И. Юргенсон опубликовано в Ч. Ю., I, прим. к № 84.
[2] 12 июня 1879 г. Чайковский писал Н. Ф. фон-Мекк по поводу инструментовки «Орлеанской девы»: «Работа моя подвигается довольно быстро... Трудно передать наслаждение, которое испытываешь, когда от-

влеченная музыкальная мысль принимает вследствие передачи тому или другому инструменту или группе инструментов реальную форму. Это если не самая приятная, то одна из самых приятных минут в процессе сочинения. Если к тому же, как это теперь и есть, инструментуется вещь, про которую знаешь, что она составляет шаг вперед в твоей деятельности, то удовольствие сугубое».

К письму № 506

[1] Чайковского дожидалась корректура второго издания клавира «Евгения Онегина».
[2] Партитура «Орлеанской девы».

К письму № 516

[1] Первая сюита состояла из пяти частей. В августе 1879 г. Чайковский «вдруг сообразил, что все пять частей в двухдольном ритме. Это невозможно. А так как № 4 [Миниатюрный марш] сомнительного достоинства, то [он] поспешил написать вместо него другую вещь в ритме вальса, которая несравненно лучше». Эта новая часть (Дивертисмент) была включена в сюиту, но был сохранен и Миниатюрный марш. В окончательном виде сюита составилась из шести частей: Интродукция и фуга, Дивертисмент, Интермеццо, Миниатюрный марш. Скерцо, Гавот. См. Ч. Ю., I, №№ 96 и 98.

К письму № 521

[1] Скалоновка — второе имение Конради, близ Гранкина.

К письму № 523

[1] Чайковский был занят исправлением клавира «Орлеанской девы», сделанного Мессером. См. Ч. Ю., I, №№ 99 и 100.

К письму № 538

[1] В «Русском вестнике» 1879 г. печаталась «Критика отвлеченных начал» В. С. Соловьева.
[2] См. Ч. Ю., I, № 106.

К письму № 539

[1] Чайковский начал сочинение Второго концерта для фортепиано (ор. 44). Работа закончена в 1880 г. Посвящен Н. Г. Рубинштейну.

К письму № 541

[1] Чайковский 2 ноября приехал в Петербург и вскоре выехал оттуда за границу, сначала в Берлин и затем в Париж.

К письму № 547

[1] «По правде сказать, «La prise de Troie» — вещь очень слабая, скучная, и в ней более чем где-либо проявились все важнейшие недостатки Берлиоза, т. е. некрасивость и бедность мелодии, натянутость гармонизаций и несоответствие сильной и богатой фантазии с недостаточностью

изобретения. У него были великолепные намерения и высокое настроение, но нехватило силы исполнить задуманное»,— в тот же день, 19 ноября 1879 г., писал Чайковский Н. Ф. фон-Мекк.

К письму № 549

[1] 19 ноября 1879 г. по постановлению Исполнительного комитета «Народной воли» была произведена под Москвой попытка взрыва царского поезда.

К письму № 551

[1] Неделей раньше эту оперу Чайковский слышал под управлением Паделу, а теперь в Шателе — под управлением Колонна. О своих впечатлениях Чайковский писал фон-Мекк 26 ноября: «Прежде всего был поражен бесконечным различием в достоинстве исполнения между Pasdeloup и Colonn'ом. У первого исполнение было менее чем посредственно, у второго о ч е н ь х о р о ш е е. Самое сочинение, как всегда при ближайшем знакомстве и при лучшем исполнении, значительно более мне понравилось, хотя все-таки я считаю эту оперу слабым произведением, а в сравнении с chef d'oeuvr'ами Берлиоза, т. е. «Фаустом» и «Ромео», даже очень слабым».

К письму № 561

[1] Вилла Ришелье в Кларане.

К письму № 562

[1] Первая сюита была впервые исполнена 8 декабря 1879 г. в шестом симфоническом собрании Московского отделения Р.М.О. Сюита имела успех у публики, сочувственные отзывы прессы.

К письму № 564

[1] «Я переделал Вторую симфонию, т. е. первую часть, за исключением интродукции, написал вновь, Andante оставил по-старому, Скерцо переделал и переинструментовал, Финал сократил... Теперь могу, положа руку на сердце, сказать, что симфония эта — хорошая работа. Но неужели все это достанется Бесселю, который никогда этого не напечатает, т. е. будет опять целые годы водить меня за нос и утверждать, что партитура гравируется за границей, когда она у него в шкапу? Ни за что не хочу этого, но что делать? Покамест я написал ему подробное письмо, в коем изложил, каким образом эта симфония досталась ему даром (я занял у него триста рублей, а по продаже «Опричника», т. е. поспектакльной платы, он вычел эти триста рублей, а за симфонию хотел мне дать впоследствии денег, но, конечно, ничего не дал), как он надувал, в каких отношениях я нахожусь с тобой [Юргенсоном] и как я в настоящую минуту ни за что не отдам ему даром симфонии, которая стоила мне столько трудов» (Ч. Ю., I, № 125).

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В указатель включены собственные имена, а также названия музыкальных произведений под фамилией автора. Имена, упоминаемые только при их произведениях, не аннотированы. Имена, упоминаемые в тексте без фамилий, введены в указатель с ссылкой на фамилию, а в тех случаях, когда фамилия не установлена, страницы помещены у этих имен. Имена А. И. Давыдовой, А. И. Чайковского и М. И. Чайковского, встречающиеся почти на каждой странице, в указатель не вошли.

Абаза Юлия Федоровна (ум. 1915 г.), жена министра А. А. Абаза, певица — 502, 548, 720.

Авдотья Яковлевна — см. Бахирева А. Я.

Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836—1905), драматург — 627.

Агафон, камердинер Н. Г. Рубинштейна — 77—78, 135, 140, 143, 147, 688.

Агафья, работница в Каменке — 424.

Агнеса Макаровна, компаньонка С. О. Плесской — 581.

«Ад» — см. Данте.

Адамов Владимир Степанович (1833—1877) гофмейстер, с 1872 г. директор департамента Министерства юстиции. Окончил Училище правоведения в 1858 г.—81, 99, 125, 128, 130—133, 140, 142, 144, 160, 165, 169, 170, 172, 173, 180, 189, 190, 456.

Адамова Софья Ивановна — 49, 50, 190, 594.

Адамова, мать — 663.

Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888), министр двора — 551, 631.

Адольф Богданович — 15.

Азанчевская Анна Ивановна, жена М. П. Азанчевского — 364.

Азанчевский Михаил Павлович (1839—1881), в 1871—1876 гг. директор Петербургской консерватории, автор ряда музыкальных произведений — 228, 362—365.

«Аида», опера — см. Верди.

Аким, слуга А. И. Чайковского — 195, 452, 453, 458, 467, 469, 483, 494, 501, 606.
Акулина, прачка в Каменке — 573.
Аладьина — 214.
Алина, родственница Чайковских — 43.
Александр — см. Ониденко А. И.
Александр II (1818—1881) — 85, 639, 640, 669.
Александр Македонский — 114.
Александр Михайлович — см. Липпорт А. М.
Александра Валерьяновна — см. Панаева А. В.
Александра Ивановна — см. Давыдова А. И.
Александра Михайловна — см. Давыдова А. М.
Алексеев Александр Степанович (ум. 1861 г.), генерал-майор, муж Екатерины Андреевны Ассиер, тетки композитора — 57.
Алексеева Екатерина Андреевна, тетка Чайковского (сестра матери), певица, сыгравшая большую роль в музыкальном развитии композитора,— 57, 66—68, 70, 79, 84, 87, 93, 94, 102, 116, 190.
Алеша (упоминаемый при Давыдовых) — см. Давыдов А. В.
Алеша (упоминаемый при Кондратьевых) — см. Киселев А.
Алеша, Алексей — см. Софронов Алексей Иванович.
Алопеус Иван Самойлович (1824—1904), директор Училища правоведения, впоследствии сенатор — 80.
Алферьева — 165, 169.
Альбрехт Анна Леонтьевна, жена К. К. Альбрехта — 93.
Альбрехт Константин (Карл) Карлович (1836—1893), виолончелист, проф. Московской консерватории — 77, 93, 99, 111, 130, 140, 247, 312, 323, 355, 358, 446, 447, 452, 481, 689, 692, 706.
Алябьев А. А., романс «Соловей» — 42, 661.
Амалия — см. Литке Амалия Васильевна.
Анастаси, кузина — см. Попова А. В.
«Анджело», опера — см. Кюи.
Андрей — см. Зубрицкий А. П.
Андрюша — см. Апухтин Андрей Н.
Андрюша — см. Чайковский А. П.
Анна Петровна — см. Соколова А. П.
Аннушка, горничная А. И. Давыдовой — 584.
Антонида — 21.
Анюта — см. Давыдова Анна Львовна.
Аплечеев, знакомый Н. Д. Кондратьева — 639.
Аппалат, эконом каменского имения — 456.
Апухтин Алексей Николаевич (1844—1893), поэт, друг Чайковского — 71, 79, 80, 99, 100, 109—111, 130, 161, 192, 193, 206, 207, 209, 228, 229, 339, 362, 368, 377, 429, 444, 483, 500, 619, 632, 644, 651, 666, 668, 670, 681, 706.
Апухтин Андрей Николаевич, брат поэта — 60, 61—88, 100, 193, 435.
Аргеландер, табачный магазин в Москве — 254, 255, 451.
Арнольд Юрий Карлович (1811—1898), музыкальный теоретик, композитор — 129.
Арсений, московский знакомый Чайковского — 195.
Арсеньев Николай Сергеевич (1830—1903), товарищ председателя Московского окружного суда — 103.
Арто Дезире (1835—1907), знаменитая французская певица (меццо-сопрано) — 110, 114—119, 121, 122, 134, 136, 137, 139, 140, 188, 224, 231, 674—680, 682, 683.
Арто, мать Дезире Арто — 118, 677.

Ассиер Михаил Андреевич, двоюродный брат Чайковского (сын брата матери) — 270—272.

Ассиер Ольга Григорьевна, жена Андрея Андреевича Ассиера, дяди Чайковского (брата матери) — 219, 267, 268, 270, 271, 276.

Ауэр Леопольд Семенович (1845—1925), скрипач виртуоз, проф. Петербургской консерватории — 216, 693, 695, 711.

«Африканка», опера — см. Мейербер.

Ахматов П. И., знакомый Чайковских по Алапаевску — 32.

Базилевская Александра Владимировна (1862—1937), племянница Л. В. Давыдова, жена П. А. Базилевского — 258, 422, 425, 427, 429, 430—433, 440, 475, 556.

Базилевский Петр Александрович, офицер, впоследствии московский губернский предводитель дворянства — 432, 433.

Байкова — 187.

Балакирев Милий Алексеевич (1836—1910) — 127—131, 133, 138—140, 143, 151, 161, 665, 676, 680—684.

Банковский, доктор — 599.

Барбье Жюль, драма «Jeanne Darc» — 503, 512, 719.

Барцевич Станислав Карлович (р. 1858 г.), скрипач, впоследствии профессор Варшавской консерватории — 717.

Бахирева Авдотья Яковлевна (ум. 1880 г.), гувернантка А. И. и М. И. Чайковских, друг дома, восторженная поклонница композитора — 50, 53, 55, 78, 102, 127, 138, 144, 180, 190, 191, 586, 668, 678.

Башилов, судебный чиновник в Киеве — 130.

Башмаков, случайный знакомый Чайковского в Кларане — 529.

Бебинька — см. Давыдов Владимир Львович.

Бегичев Владимир Петрович (1838—1891) — драматург, начальник репертуара московских императорских театров — 111, 128, 675.

«Беда от нежного сердца» — 604, 605.

Беккер Яков Давыдович, основатель ф-п. фабрики в Петербурге—275.

Беклешев, выигравший процесс у Ячменевой (см.) — 60, 663.

Беллини Винченцо, опера «Ромео и Джульетта» — 715.

Белосельская-Белозерская, кн. Елена Павловна — 551, 575.

Белявский Федор Федорович (1839—1870), товарищ Чайковского по Училищу правоведения, гвардейский офицер — 25.

Беляев Митрофан Петрович (1836—1904), меценат, основатель издательской фирмы — 664, 676.

Бенингсен, гр. Александра Карловна (1849—1920), дочь Н. Ф. фон-Мекк — 564.

Берар, воспитатель в приготовительном классе Училища правоведения — 15—20, 23, 26, 28, 31, 35, 36.

Бергер Фердинанд Георгиевич (ум. 1875 г.) певец (баритон), директор Киевской оперной труппы — 147, 195.

Беренс Андрей Петрович, брат жены П. П. Чайковского (дяди), офицер — 119, 122, 161, 165, 301, 381.

Берлиоз Гектор (1803—1869) — 103, 210, 547, 673, 721, 724—725.

— Опера *«La prise de Troie»* (1863) — 638, 640, 724, 725.

— Драматическая легенда *«Гибель Фауста»* («La Damnation de Faust») (1846) — 531, 536, 721, 725.

— Симфония-кантата *«Ромео и Юлия»* (1839) —725.

— *Фантастическая симфония,* ор. 14—541.

Бернар — 421.

Бернард Матвей Иванович (1794—1871), композитор, основатель музыкально-издательской фирмы — 115, 119, 146.

Бернатович Станислав Александрович, помещик, сосед Давыдовых, начальник службы движения Фастовской ж. д.— 552, 628.

Бессель Василий Васильевич (1843—1907), основатель издательской фирмы в Петербурге, издатель Чайковского — 133, 137, 200, 208, 257, 403, 654, 682, 691—693, 725.

Бетховен ван Людвиг (1770—1827) — 140, 156, 157, 190, 206, 521, 524, 667, 693.

— «*Missa solemnis*» — 156.

Блессиг, врач — 68.

Бибиков, московский приятель Чайковского — 125, 134, 135, 139, 161, 162, 185.

Бизе Жорж, опера «Кармен» (1875) — 696, 697.

Бильбасов Василий Алексеевич (1838—1904), историк и публицист, редактор газеты «Голос» — 627.

Бильзе, дирижер, имевший в Берлине свой концертный зал — 226—228.

Бирюков Александр Иванович, директор каменского сахарного завода — 293, 427, 428, 577.

Бирюкова Дарья Александровна, жена А. И. Бирюкова — 554.

Бирюкова Евгения Александровна, дочь А. И. Бирюкова — 585.

Бирюковы, семья А. И. Бирюкова — 429, 454, 554, 628.

Блюменталь, владелец виллы в Кларане — 396.

Блюменфельд Станислав Михайлович (1850—1897), пианист, впоследствии открыл музыкальную школу в Киеве — 260.

Боборыкина София Александровна, жена писателя, артистка Александринского театра — 50.

Бобринский гр. Лев Алексеевич (1831—1915), владелец имения и сахарного завода в Смеле — 4.

Боде — 209.

Боденштедт фон, Фридрих (1819—1892), немецкий писатель и переводчик — 684.

Бодман, служащий в Каменке — 455.

Бомарше Пьер-Огюстен Карон (1732—1799), французский драматург и публицист — 532.

Бонне Мария, певица, ученица Чайковского — 58, 486, 719.

Бордзиловская Марья Федоровна, акушерка — 255.

Борисов Павел Иванович, певец (бас), артист Московского Большого театра — 624.

Бородин Александр Порфирьевич (1834—1887), композитор — 129.

Боте и Бок, музыкально-издательская фирма в Берлине — 686.

Боткин Сергей Петрович (1832—1889), известный клиницист — 332.

Бочечкаров Николай Львович (ум. 1879 г.), близкий знакомый Чайковского — 184, 204, 208, 209, 222, 230, 231, 233, 235, 236, 256; 281, 334, 340, 356, 399, 420, 429, 435, 437, 441; 446, 447; 490; 499, 504, 542, 586, 588, 592—597, 599—602, 608, 610— 613, 619, 624, 689.

Брем Альфред-Эдмунд, «Жизнь животных» — 471, 477.

Бродский Адольф (1851—1929), скрипач, в 1875—1878 гг. преподаватель Московской консерватории — 711.

Бронников — 147.

Брюллова А. И.— см. Конради А. И.

Бугаев Николай Васильевич (1837—1903), известный математик, проф. Московского университета — 96, 671.

Булатов, московский знакомый Чайковского — 188, 222, 259.

Булатова — 264.

Бурнашев, знакомый М. И. Чайковского — 184, 188,

Бутаков Иван Иванович (1822—1882), генерал-адъютант, вице-адмирал — 606, 608.

Бутакова Вера Васильевна (1840—1920), сестра Л. В. Давыдова, жена И. И. Бутакова — 64, 66, 67, 69, 86, 97, 100, 103, 106, 107, 11—114, 132, 137, 140—142, 157, 163, 537, 551, 577—580, 664, 671; 672, 676, 678, 723.

Бутовская — 144.

Бутовские — 58.

Бутовский Александр Иванович (1814—1890), директор департамента мануфактур Министерства финансов, впоследствии сенатор — 338—340.

Быков, петербургский знакомый Чайковского — 88.

Бюлов бар. фон Ганс-Гвидо (1830—1894), пианист, дирижер, музыкальный критик — 231, 694, 697.

Бюснак Вильям и Гатино, Октав, авторы инсценировки романа Золя «Assomoir» — 722.

Вагнер Рихард (1813—1883) — 4, 250, 251.

— Опера *«Тангейзер»* (1845) — 228.

— Тетралогия *«Кольцо нибелунгов»* (1874) — 243—245, 247, 248, 250, 251, 316, 704.

— Опера *«Лоэнгрин»* (1847) — 226.

Вазем Екатерина Оттовна, балерина, в 1866—1884 г.г. артистка петербургских театров — 534.

Вакар — 692.

Вакар Виктор, сын М. А. Вакара — 659.

Вакар Мария Петровна, жена П. А. Вакара — 29, 30, 45.

Вакар Модест Алексеевич, друг И. П. Чайковского (на его попечении был оставлен в Петербурге мальчик Петр) — 11—15, 17, 18, 20, 21, 26, 27, 659—661.

Вакар Надежда Платоновна, жена М. А. Вакара — 11, 12, 21, 659.

Вакар Николай, сын М. А. Вакара, скончавшийся от скарлатины,— 11—15, 659, 660.

Вакар Платон Алексеевич, брат М. А. Вакара — 23—31, 33, 37, 40—42, 44—46, 661.

Валуев, симбирский знакомый М. И. Чайковского — 160, 161, 164.

Вальзек Берта, профессор пения Московской консерватории—87, 88.

Вальц Карл Федорович (1846—1929) — декоратор Московского Большого театра — 114.

Ваня — см. Савченко.

Варя, Варенька — см. Давыдова В. Н.

Василий — см. Зубрицкий В. А.

Василий Васильевич — см. Давыдов В. В.

Василий Васильевич — см. Писарев В. В.

Васильев Евгений Васильевич, товарищ прокурора в Киеве — 401, 575—578, 601.

Васса Петровна — см. Стовбирина В. П.

Вебер Карл-Мария (1786—1826), опера «Фрейшюц» («Волшебный стрелок») (1821) — 43, 224, 234, 529, 533, 534.

— Опера *«Эврианта»* (1823) — 513.

Вейц Александра Ивановна, дочь И. И. Вейца — 25.

Вейц Иван Иванович, приятель И. П. Чайковского (на его попечении находился одно время мальчик Петр) — 23, 25, 33, 661.

Велина — см. Велинская Ф. Н.

Велинская Феодосия Никитишна (ум. 1929 г.), певица (сопрано) в 1877—1885 гг. артистка Мариинского театра — 456, 457, 459, 466, 475, 530, 533, 621, 626, 628, 642, 651, 718.

Венявский Генрих Иосифович (1835—1880), скрипач и композитор—667.
Вера Андреевна — см. Плесская В. А.
Вера Васильевна — см. Бутакова В. В.
Верди Джузеппе (1813—1901), итальянский композитор — 335, 665.
— Опера «*Аида*» (1871) — 231, 316, 343.
— » «*Сицилийские вечерни*» (1855) — 460.
— » «*Травиата*» (1853) — 295, 296.
— » «*Трубадур*» (1853) — 686.
— » «*Forza del destino*» (1862) — 368.
Вержбилович Александр Валерьянович (1849—1911), виолончелист, профессор Петербургской консерватории — 444.
Верн, Жюль, «Вокруг света в 80 дней» — 225.
Веруша — см. Давыдова В. Л.
Виардо Марианна, дочь Полины Виардо, концертная певица — 541.
Виардо Полина (1821—1910), знаменитая певица (меццо-сопрано) — 225, 542, 675.
Виардо Поль, сын Полины Виардо, скрипач — 541.
«*Вильгельм-Телль*», опера — см. Гретри.
Виньи де Альфред, «Cinq Mars» — 657.
Витторио, мальчик-певец — 376, 379, 380, 385.
Вишницкий Тимофей Викентьевич, механик сахарного завода в Каменке — 295, 427.
Владимир Андреевич — см. Плесский В. А.
«*Военные рассказы*» — см. Мещерский «Сборник...»
Волков, студент — 132, 133.
Волконский Михаил Сергеевич, знакомый А. И. Чайковского — 703.
Володя (упоминаемый при А. И. Чайковском) — см. Жедринский В. А.
Володя — см. Шиловский В. С.
Волохов, помощник директора сахарного завода в Каменке — 427.
«*Волчья долина*» — 534.
«*Волшебный стрелок*», опера — см. Вебер.
Вормс Густав (1836—1910), французский драматический актер — 495.
Вяземский кн. Петр Андреевич (1792—10 ноября 1878), поэт и критик (упоминается первый том его собрания сочинений) — 532.

Гайден Билли, клоун в цирке в Париже — 536.
Галеви Людовик (1834—1908), французский драматург; сотрудничал вместе с Мельяком — 536, 537.
«*Галька*», опера — см. Монюшко.
«*Гамлет*» — см. Шекспир.
«*Гамлет*», опера — см. Тома.
Ган Вильгельмина Васильевна, доч Е. А. Шоберт, жена В. В. Гана, двоюродная сестра Чайковского — 11, 13—15, 18—22, 25, 30, 33, 40, 41, 53, 55.
Ган, гувернантка детей Давыдовых — 433.
Гардер, знакомая В. В. Бутаковой — 157.
Гатино Октав — см. Бюснак, Вильям.
Гаук Минни (р. 1852 г.), американская оперная певица (сопрано), с большим успехом гастролировавшая в Европе — 155.
Гаусман, начальница института — 620, 621.
Гвидо Рени — см. Рени Гвидо.
Гедеонов Степан Александрович (1816—1877), директор императорских театров — 110, 111, 113, 125, 135, 682.
Генке Лидия Петровна (1838—1901), дочь П. П. Чайковского, двоюродная сестра композитора, жена Э. Я. Генке — 58, 265, 266, 268, 270.

Генке Петр Эмильевич (р. 1862 г.), племянник Чайковского, офицер— 270, 524, 526, 537, 539, 540.

Генке Эмилий Яковлевич (р. 1828 г.), муж Л. П. Генке — 258, 265— 266, 268.

Герард Владимир Николаевич (1839—1903), товарищ Чайковского по Училищу правоведения, присяжный поверенный — 60.

Герке Август Антонович (1841—1902), член дирекции Р. М. О.— 508.

Герман Карлович — см. Конради Г. К.

Гернгрос, петербургские знакомые Чайковского — 50, 58.

Глама-Мещерская Александра Яковлевна (р. 1856 г.), известная драматическая актриса; автор «Воспоминаний» (1937) — 266, 273, 397, 400, 712.

Глафира Тимофеевна, дальняя родственница Чайковских — 33.

Глебов, московский знакомый Чайковского — 188.

Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — 5, 99, 210, 357, 438, 665, 672, 692, 709.

— Опера *«Жизнь за царя»* (1836) — 33, 85, 86, 124, 202, 203, 205, 669, 692.

— *«Руслан и Людмила»* (1842) — 85.

— Фантазия *«Камаринская»* (1848) — 156.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 78, 413, 415, 427, 458, 578, 692.

Голицын кн. Алексей Васильевич, приятель молодого Чайковского, владелец имения Тростинец — 64, 79, 87, 160, 208, 645, 646, 647, 649, 650, 651, 653, 654, 655, 664, 670.

Головина Маша — 378, 400, 421.

Гольдмарк Карл (1830—1915), немецкий композитор.

— Опера *«La reine de Saba»* (1875) — 521, 524.

Гордеев, чиновник судебного ведомства — 170.

Горлов Иван Яковлевич (ум. 1890 г.), преподаватель Училища правоведения — 80.

Горовая Софья Федоровна, горничная А. И. Давыдовой — 76, 430, 431.

Городецкая Екатерина Федоровна, горничная А. И. Давыдовой — 51, 576.

Городецкий Я. П., смотритель кирпичного завода в Каменке—455, 576.

Готье, гувернантка дочери Давыдовых Таси — 580, 581—582, 584, 585, 587, 604, 605.

Греви Жюль (1807—1891), французский государственный деятель, в 1879 г. президент республики — 640—641.

Гретри Андре-Эрнест, опера «Вильгельм Телль» (1790) — 48, 138.

Гржимали Иван Войцехович (1844—1915), скрипач, профессор Московской консерватории — 697.

Греков Николай Порфирьевич (1810—1866), поэт, беллетрист и переводчик — 689.

Грибоедов А. С., «Горе от ума» — 642.

Григорий — 11.

Григорий, помощник буфетчика в Каменке — 612.

Гримм Фридрих (1723—1807), писатель и дипломат, корреспондент Екатерины II — 477, 719.

Гротхусы, друзья В. В. Бутаковой — 608, 633.

Губерт Николай Альбертович (1840—1888), профессор теории музыки Московской консерватории, в 1881—1883 гг. директор ее — 132—134, 141, 151, 161, 164, 167, 175, 188, 209, 213, 214, 235, 452, 682, 686, 687, 689, 692, 694.

«Гугеноты», опера — см. Мейербер.

Гугентоблер, французский педолог — 230, 232, 243, 325, 398, 696.

Гудим-Левковичи, киевские помещики, приятели А. И. Чайковского — 56, 143, 174, 179, 181, 183, 195, 200, 261, 439, 606.
Гуно Шарль Франсуа (1818—1893).
— Опера *«Сен Марс»* («Cinq Mars») (1877) — 344.
— » *«Фауст»* (1859) — 140, 342, 350, 624.
— » *«Жанна д'Арк»* — 478.
— » *«Ромео и Джульетта»* (1867) — 715, 716.
— » *«Polyeucte»* (1878) — 492, 493.
Гурин — 685.
Гурье М. К. — см. Котц М. К.
Гюбенет фон Христиан Яковлевич (1822—1873), хирург, проф. Киевского университета — 174.

Давыдов Алексей Васильевич (1846—1909), брат Л. В. Давыдова, чиновник судебного ведомства — 60, 64, 65, 68, 123, 240, 537, 681.
Давыдов Алексей Павлович (однофамилец), изобретатель — 397, 712.
Давыдов Василий Васильевич (1829—1873), брат Л. В. Давыдова, офицер — 98, 101, 114, 132, 137, 145, 150, 167, 182—183, 185, 186, 187, 198, 199.
Давыдов Василий Львович (1792—1855), декабрист. Был причислен к первому разряду осужденных и приговорен к двадцати годам каторжных работ — 3.
Давыдов Василий Петрович (ум. 1897 г.), сын П. В. Давыдова, муж О. А. Ливен, офицер — 258.
Давыдов Владимир Львович (1872—1906), любимый племянник Чайковского, его наследник — 5—6, 175, 181, 190, 195, 225, 261, 280, 298, 305, 318, 371, 406, 435, 446, 454, 478, 518, 519, 545, 554, 558, 585, 604, 607, 628, 688, 719.
Давыдов Дмитрий Львович (1870—1930), племянник Чайковского. Впоследствии занимал выборные дворянские должности в Киевской губ.— 181, 406, 426, 478, 545, 558, 570, 571—573, 575, 602, 604, 607, 670.
Давыдов (Давидов) Карл Юльевич (1838—1889), виолончелист-виртуоз, композитор, в 1876—1886 гг. директор Петербургской консерватории — 355, 363, 366, 397—399, 449, 511, 525, 533, 689, 692, 710, 712, 713, 717.
Давыдов Лев Васильевич (1837—1896), сын декабриста, муж сестры Чайковского—3, 7, 49, 50, 56, 57, 59, 61, 63, 64, 66—70, 75—76, 78, 82, 86—87, 90, 94, 97, 98, 101, 107, 109, 113, 123, 132, 142, 145, 149—151, 155, 157, 160, 168, 176, 181, 190, 193, 195, 210, 217, 221—222, 225, 240, 241, 254—255, 259—261, 266—267, 269—271, 275, 279—280, 285—286, 292, 295, 298, 302, 304, 306—308, 310, 315, 318—321, 330, 341, 355, 361—363, 366, 370—371, 382, 383, 390—392, 395, 400, 404, 406, 420, 425—427, 430—434, 439, 441—443, 451, 454—456, 458, 462, 467, 470, 478—480, 494, 507, 518—520, 543—545, 550—551, 556, 557, 560, 562, 563, 569—577, 582, 583, 585, 600, 605, 606, 608, 617, 631, 662, 667, 695, 704, 714, 723.
Давыдов Михаил Васильевич (1820—1880), старший брат Л. В. Давыдова, чиновник судебного ведомства — 442, 557, 573.
Давыдов Николай Васильевич (ум. 1917 г.), брат Л. В. Давыдова, совладелец Каменки — 68, 70, 76, 87, 107, 142, 190, 248, 254, 574, 628.
Давыдов Петр Васильевич (1825—1902), брат Л. В. Давыдова, совладелец Каменки, отставной офицер — 121, 125, 140, 141, 145, 147, 150, 163, 166, 186, 239.
Давыдов Юрий Львович (р. 1876 г.), племянник Чайковского, зам. директора Клинского музея — 235, 240, 280, 298, 318, 330, 406, 407, 423, 427, 434, 446, 452, 454, 458, 478, 518, 540, 545, 553—554, 556, 558, 566—567, 571, 586, 592, 604, 605, 628, 630, 662, 698.
Давыдова Александра Аркадьевна (1849—1902), жена К. Ю. Давыдова, издатель журнала «Мир божий» — 228, 229, 260, 266, 533, 603, 701, 721.

Двыдова Александра Васильевна (1827—1917), сестра Л. В. Давыдова, хранительница архива отца-декабриста — 64, 92, 94, 267, 269, 573.

Давыдова Александра Ивановна (1802—1895), жена декабриста. После смерти мужа вместе с детьми вернулась из Сибири — 64, 82, 90, 125, 132, 163, 166, 179, 180, 185, 186, 190, 198, 199, 239—240, 293, 308, 330, 439, 519, 556, 568, 574, 631, 664, 705.

Давыдова Александра Михайловна, жена В. В. Давыдова — 132.

Давыдова Анна Львовна (р. 1864 г.), племянница Чайковского — 68, 70, 90, 91, 94, 97, 98, 107, 108, 149, 150, 155, 160, 168, 181, 190, 195, 225, 275, 280, 286, 298, 318, 348, 361, 363, 383, 391, 423, 431, 433, 445, 465, 545, 551, 571, 573, 575, 589, 592, 607, 608; 652; 663; 705; 722.

Давыдова Варвара Николаевна (р. 1864 г.), дочь Н. В. Давыдова, в замужестве Санберг, по второму браку Дикова — 50, 605, 628, 647.

Давыдова Вера Львовна (1863—1889), племянница Чайковского — 63, 64, 66—70, 90, 94, 97, 98, 107, 149, 150, 155, 160, 168, 181, 190, 195, 225, 280, 286, 298, 318, 371, 406, 407, 423, 430, 431, 439, 454, 456, 458, 465, 470, 473, 519, 526, 538—540, 545, 569, 570, 572, 574, 575, 592, 601, 605, 606, 608, 626, 628—630, 652, 656, 663, 705.

Давыдова Елизавета Васильевна (1823—1904), сестра Л. В. Давыдова, друг Гоголя, друг Чайковского — 64, 69, 82, 87, 100, 121, 163, 198, 231, 308, 330, 422, 437, 439, 440, 519, 573.

Давыдова Елизавета Сергеевна, рожденная Трубецкая, дочь декабриста, жена П. В. Давыдова — 116, 132, 140, 141, 151, 163, 165, 167, 168.

Давыдова Наталья Львовна (р. 1868 г.), племянница Чайковского — 155, 160, 168, 181, 190, 195, 225, 280, 286, 292, 298, 318, 371, 406, 426, 431, 545; 571, 572, 574, 575, 580, 582, 584, 604, 605, 607, 617, 618, 620—622, 626, 652, 656, 675.

Давыдова Софья Васильевна — см. Сталь С. В.

Давыдова Татьяна Львовна (1862—1886), племянница Чайковского — 56, 57, 59—61, 63, 64, 66—70, 75, 90, 94, 97, 98, 107, 149, 150, 155, 160, 168, 181, 190, 195, 225, 260, 264, 275, 280, 286, 293, 295, 298, 311, 318, 361, 363, 371, 423, 426, 427, 429, 430, 432, 433, 440, 446, 451, 453, 456, 458, 462, 465, 470, 473, 475, 483, 492, 494, 508, 514, 518, 530, 538, 540, 545, 552, 556, 558, 570, 571—575, 592, 601, 605, 606, 608, 625, 627—629, 647, 651, 652, 654—656, 662.

Давыдовы (семья К. Ю. Давыдова) — 374, 483.

Давыдовы (семья Л. В. Давыдова) — 59, 71, 76, 78, 84, 92—94, 98, 116, 131, 161, 163—166, 168, 178, 180, 182, 185—187, 191, 198, 207, 213, 231, 280, 382, 393, 632, 678, 682.

Дагмара (1847—1928), принцесса датская, жена Александра III (Мария Федоровна) — 93.

Де Лазари — см. Лазари де.

Данте Алигьери (1265—1321) — 249, 698.

Делиб Лео, балет «Silvia ou la nymphe de Diane» (1876) — 251, 316, 699, 704—705.

Дервиз фон Иван Григорьевич (1839—1891), председатель правления Рязано-Уральской ж. д. — 48, 133, 135, 136, 166—169, 171, 220, 258, 265, 552, 607, 609.

Дервиз фон Павел Григорьевич (1826—1881), концессионер, строитель железных дорог — 60.

Деревицкий С., знакомый А. И. Чайковского — 703.

Дериченко Роман Ефимович, врач в Каменке — 142, 427, 428, 430, 455, 573—575, 577, 598.

Диккенс Чарльз (1812—1870) — 78, 413, 504, 505, 507, 510, 513, 520.

Дима, Димочка — см. Переслени Вадим Владимирович.

Дитлова Елизавета Павловна, московская знакомая Чайковского — 79, 87, 93, 102, 129.
Дмитриева Елизавета Михайловна, племянница Тарновских, увлечение Чайковского — 81, 83, 87, 669.
Доде Альфонс (1840—1897), французский романист — 477.
Доменикино (1581—1641), итальянский живописец и архитектор —655.
Дона́т Франц, управляющий имением Бобринских в Смеле — 603.
Дондуков-Корсаков, петербургский знакомый Чайковского — 195.
Донауров Сергей Иванович (1839—1897), композитор-дилетант, автор популярных в свое время романсов — 184, 238, 239, 242.
Доницетти Гаэтано, опера «Лукреция Борджиа» (1833) — 202.
Доор Антон (1833—1919), пианист-виртуоз, до 1869 г. проф. Московской консерватории, затем Венской консерватории — 300, 677.
Доре Густав (1833—1883), французский художник-иллюстратор, изд. в 1861—1868 гг. «Божественную комедию» Данте — 262, 700.
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — 540, 571, 722.
Дохтуров, приятель Чайковского в детстве — 25.
Дроз Густав, «Babolain» — 184.
Друри, генерал — 50.
Друцкая кн., соседка Давыдовых — 264, 557.
Дублянская Зинаида Петровна, дочь П. В. Давыдова — 454, 457.
Дублянский Петр, муж З. П. Дублянской, офицер — 454, 456—457.
Дюбюк Александр Иванович (1812—1897), пианист, до 1873 г. проф. Московской консерватории — 99.
Дюма Александр (сын), «Le fils naturel» — 495.
Дюрбах (1822—1895), гувернантка Чайковского — 14, 18, 660.
Дюссо, ресторан в Москве — 87, 228, 584.
Дютш Оттон Иванович, опера «Кроатка» (1860) — 137, 139.

Евстафий, лакей в Каменке — 580, 605, 617.
Егорова Анна, петербургская знакомая Чайковского — 60.
Екатерина II (1729—1796) — 477, 719.
Елена Павловна вел. кн. (1806—1873), жена вел. кн. Михаила Павловича, основательница Русского музыкального общества — 63, 124.
Елизавета Васильевна — см. Давыдова Е. В.
Елизавета Павловна — см. Дитлова Е. П.
Елизавета Сергеевна — см. Давыдова Е. С.
Емельян, повар в Каменке — 573.
Ершова София Александровна, гувернантка Коли Конради — 241—244, 246—249, 251—253, 256, 260, 266, 281, 282, 288, 698.

Жедринская Мария — 429.
Жедринские — 429, 703.
Жедринский Александр Александрович, приятель А. И. Чайковского — 444, 619, 651.
Жедринский Владимир Александрович (1851—1892), тов. прокурора Петербургского окружного суда, приятель А. И. Чайковского — 181, 185, 201, 444, 452, 456, 467, 473, 482, 483, 507, 508, 528, 563, 568, 611, 615, 621, 627, 631, 632, 634—636, 638, 639, 641—645, 648—654, 656.
Жедринский Дмитрий Александрович, приятель А. И. Чайковского — 444.
Живокини Василий Игнатьевич (1807—1874), актер-комик, артист Московского Малого театра — 115, 117.
Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 403, 512, 532.

«Записки охотника» — см. Тургенев И. С.

Заремба Николай Иванович (1821—1879), музыкальный педагог и теоретик, учитель Чайковского — 103, 212.

Званцев Константин Иванович (1825—1890), музыкальный критик — 232, 697.

Зверев Илья, служащий каменского имения — 587.

Зверев Николай Сергеевич (1832—1893), пианист, преподаватель Московской консерватории — 452.

Зина — см. Дублянская З. П.

Зина — см. Чайковская Зинаида Ильинишна.

Золя Эмиль (1840—1902) — 424, 477, 529, 532, 543, 546, 715, 722.

Зубрицкий Андрей Петрович, камердинер Н. В. Давыдова — 76.

Зубрицкий Василий Андреевич, камердинер в Каменке — 455.

Иван Андреевич, учитель в Каменке — 524.

Иван Иванович — см. Вейс И. И.

Иван Михайлович — см. Липпорт И. М.

Иванов Ардальон Васильевич, преподаватель Училища правоведения — 28.

Иванов Николай Федорович (р. 1838 г.), товарищ Чайковского по Училищу правоведения, гвардейский офицер — 84, 124, 125, 131, 167.

Иванишна — 266.

Ивашев, знакомый А. И. Чайковского — 433.

Извольский Павел Григорьевич (ум. 1892 г.), чиновник судебного ведомства, впоследствии сенатор — 124, 163, 165, 169.

Излер, ресторан в Петербурге — 51.

Иленька — см. Чайковский И. П., двоюродный брат.

Инсарский, товарищ М. И. Чайковского — 73, 76.

Иоахим Иосиф (1831—1907), знаменитый скрипач, руководитель берлинской высшей музыкальной школы — 345, 352, 388, 401, 402.

Иствуд, гувернантка детей Давыдовых — 422, 428, 433, 454, 545, 554, 571, 582, 603, 607.

Каблукова, знакомая Чайковского по Кларану — 391, 400.

Кадмина Евлалия Павловна (1853—1881), певица (контральто), в 1875—1876 гг. артистка Мариинского театра, в 1880 г. перешла в драматическую труппу в Харьков — 209, 228.

Каменская Мария Даниловна (1852—1925), певица (меццо-сопрано), артистка Мариинского театра — 228, 503, 511, 720.

Капнист гр. Павел Алексеевич (1842—1904), прокурор Московской судебной палаты, впоследствии сенатор — 174, 184, 456, 656.

Капнист, графиня — 673.

Канова Антонио (1757—1822), итальянский скульптор — 202.

Каракозов Дмитрий Владимирович (1842—1866), революционер, стрелявший в Александра II,— 669.

Карлуша, знакомый А. И. Чайковского — 266.

Карлуша — см. Альбрехт К. К.

Карнович Е. П. «Очерки и рассказы из старинного быта Польши». СПБ, 1873—562.

Каролина Даниловна — 13, 16, 21, 46.

Карцевы — см. Карцовы.

Карцов Георгий Павлович (1862—1930), сын А. П. Карцовой, племянник Чайковского, муж А. В. Панаевой, гвардейский офицер — 508.

Карцов Михаил Павлович (1869—1909), племянник Чайковского, гвардейский офицер — 146, 633.

Карцов Н. И. (однофамилец) — 445.

Карцов Павел Петрович (1821—1892), муж А. П. Карцовой, генерал, автор воспоминаний «Из прошлого» — 146, 161, 662.

Карцова Александра Петровна (1836—1899), дочь П. П. Чайковского, двоюродная сестра композитора, жена П. П. Карцова — 47, 119, 146, 147.

Карцова Елизавета Павловна (1858—1908), дочь А. П. Карцовой, племянница Чайковского — 146.

Карцова Саня — см. Фонвизина А. П.

Карцовы (семья А. П. Карцовой) — 160, 445, 581, 621, 643.

Карякин Михаил Михайлович (1850—1897), певец, артист Мариинского театра — 451.

Катерина Васильевна — см. Переслени Е. В.

Катерина Ивановна — см. Сульменнева Е. И.

Катерина Федоровна — см. Городецкая Е. Ф.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный публицист, редактор «Московских ведомостей» — 98.

Катя, тетя — см. Алексеева Е. А.

Катя — см. Шоберт Е. В.

Катя, прачка — см. Городецкая.

Кашкин Николай Дмитриевич (1839—1920), проф. Московской консерватории по классу теории и истории музыки, музыкальный критик — 73, 77, 79, 88, 129, 349, 432, 447, 452, 666, 669, 671, 673, 674, 676, 678—681, 683—688, 692, 700, 706, 707.

Кашперов Владимир Никитич (1827—1894), композитор, организатор бесплатных хоровых классов — 686.

— Опера *«Гроза»* (1867) — 101, 102, 672.

Кеммерлинг, доктор в Алапаевске — 43, 46.

Керубини Луиджи, опера «Водовоз» (1800) — 316.

Киреев Сергей Александрович, правовед, впоследствии чиновник, близкий друг Чайковского в молодости — 102, 663.

Киреева Софья — 50.

Киселев Алексей, знакомый Н. Д. Кондратьева — 184, 230, 231, 233, 263, 437, 444.

Клименко Иван Александрович, архитектор, приятель Чайковского, автор воспоминаний о нем — 102, 105, 110, 129, 141, 170, 632, 667, 671, 674, 676, 680, 681, 684, 685, 688, 689.

Клингенберг Елизавета Николаевна, начальница Елизаветинского института, дочь Э. А. Пущиной, двоюродная сестра А. В. Литке — 643.

Клиндворт Карл (1830—1916), пианист, ученик Листа, с 1868 г. проф Московской консерватории — 247, 250, 686, 711.

Княжевич Антонин, знакомый Чайковского — 242, 245, 246.

Козлова — 58, 630.

Кокорева В. А., гостиница в Москве — 72.

Колинька — см. Вакар Коля.

Кологривов Василий Алексеевич (1827—1875), один из организаторов Р. М. О., музыкальный деятель — 84.

Колонн Эдуард (1838—1910), известный французский дирижер — 548, 701, 717, 722, 725.

Кольрейф, кредитор Чайковского — 279, 409, 480, 719.

Коля — см. Чайковский Н. И.

Коля — см. Конради Н. Г.

Комиссаров Осип Иванович (1838—1892), шапочный мастер, предотвративший покушение на Александра II — 85.

Коммисаржевский Федор Петрович (1838—1905), оперный певец (тенор), в 1883—1888 гг. проф. Московской консерватории — 630.

Кондратьев Николай Дмитриевич (1832—1887), помещик Харьковской губ., друг Чайковского — 162, 164, 173, 182—184, 195, 199, 206, 213, 218, 220—222, 228—230, 233, 237—239, 246, 259, 262, 263, 269, 294, 329, 347, 394, 403, 414, 416, 418, 420—422, 428, 431, 432, 435, 436, 438, 439, 452, 507, 520, 552, 555, 560, 569, 578, 579, 584—586, 588—591, 593—596, 598, 602, 608, 611, 612, 614, 616—618, 622—624, 629, 634—641, 644—647, 651, 688, 692, 694, 705.

Кондратьев, брат Н. Д. Кондратьева — 239.

Кондратьев Геннадий Петрович (1835—1905), режиссер Мариинского театра — 276.

Кондратьева, вдова служащего каменского имения — 437, 600.

Кондратьева Мария Сергеевна, жена Н. Д. Кондратьева — 184, 230, 421—422, 596, 598, 602.

Конради Алина Ивановна (1849—1932), мать Н. Г. Конради — 256, 260, 266, 279, 281, 282, 288, 312, 323—326, 328, 333, 395, 410, 411, 414, 424, 429, 443, 445, 454, 458, 474, 483, 500, 558, 562, 571, 576, 589, 590, 596, 599, 602, 603, 619, 659, 667, 701.

Конради Герман Карлович (1833—1882), агроном, управляющий крупными имениями на Украине, отец Н. Г. Конради — 281, 282, 288, 305, 312, 318, 323—325, 328, 329, 395, 409—411, 414, 443, 549, 624.

Конради Николай Германович (1868—1923), воспитанник М. И. Чайковского, полтавский помещик (Гранкино) — 5, 235, 241—244, 246, 248—254, 256, 260, 263, 272, 279, 280, 282, 288, 295, 299, 302, 312, 313, 316, 323—325, 326, 327, 329, 330, 332, 337, 340, 341, 343, 344, 346—356, 358—360, 362, 364, 368—370, 380, 381, 383, 385, 386, 389, 390, 395, 396, 403, 406, 407, 409—412, 414, 420, 422—424, 426, 429, 436, 439, 441, 443, 445, 454, 458, 463, 466, 471, 473, 474, 476, 483, 487, 492, 496, 499, 500, 502, 512, 518, 523, 524, 528, 532, 535, 552, 554, 558, 562, 565, 567, 571, 576, 600, 602, 603, 615, 616, 619, 624, 633, 637, 638, 644, 645, 646, 647, 649, 651, 653—655, 698.

Конради (семья Н. Г. Конради) — 224, 228, 229, 233, 237, 254, 393, 632, 715, 724.

Константин Николаевич вел. кн. (1827—1892), сын Николая I, президент Р. М. О.— 196, 217, 219, 234, 235, 577, 587, 693.

Константинов — см. де Лазари.

Конькова, подсудимая, дело которой вел А. И. Чайковский—519, 721.

Коридут — 621.

Коробьин, председатель Рязанского окружного суда — 125, 126.

Корф, управляющий канцелярией министерства юстиции — 456, 718.

Коссман Бернгард (1822—1910), виолончелист-виртуоз в 1866—70 гг., профессор Московской консерватории — 93, 100.

Костецкая Пелагея Осиповна, гувернантка старших детей Давыдовых — 567, 569, 582, 585, 586, 589, 601, 605, 629.

Котек Иосиф Иосифович (1855—1885), скрипач, приятель Чайковского—272, 281, 282, 284, 287, 289, 292, 293, 296, 299, 306, 316, 317, 319, 324, 326, 327, 331, 334, 340, 345, 351, 352, 385—389, 392, 393, 395, 397—402, 408, 435, 437, 441, 446, 449, 450, 455, 461, 462, 475, 478, 485—488, 490, 491—496, 499, 505, 511, 514, 530, 542, 564, 605—608, 633—635, 711, 713.

Котц Мария К. рожд. Гурье, ученица Московской консерватории, автор воспоминаний о Чайковском — 686.

Котик — см. Котек.

Кочетова Александра Дормидонтовна, певица (сопрано), проф. Московской консерватории — 684.

Кочубей — 195.

Кошкаров — 644, 651, 656.

Краевский Андрей Александрович (1810—1889), известный журналист, издатель газеты «Голос» — 214, 215.
Краевский, товарищ М. И. Чайковского — 144.
Краузиха—М-me Краузе, воспитательница детей Н. В. Давыдова—578
Краусс Габриела (1842—1906), оперная певица (сопрано), примадонна парижской Большой оперы — 208, 534.
Кривошеин — 163, 164, 569.
«Кроатка», опера — см. Дютш.
Кроль, ресторан в Берлине — 51.
Кросс Густав Густавович (1831—1885), пианист, товарищ Чайковского по Петербургской консерватории, профессор этой консерватории — 94.
Кружилин Алексей Васильевич (ум. 1878 г.), племянник Плесских — 440.
Кружилин Федор Васильевич, племянник Плесских, офицер — 440.
Крутикова Александра Павловна (1851—1919), певица (меццо-сопрано), артистка московского Большого театра — 228.
Кузьмин, генерал — 53.
Кузьмина, рожд. Ярцева, жена предыдущего — 53.
Куликов Кирилл Егорович, фельдшер — 597.
Кушник, певица — 360.
Кюзель, знакомый Давыдовых — 94.
Кюи Цезарь Антонович (1835—1920), композитор, музыкальный критик — 210, 214, 215, 230, 233, 667, 692—694, 696, 712, 713.
— Опера *«Анджело»* (1876) — 228, 230, 231, 233.

Лабри, товарищ Чайковского по приготовительному классу Училища правоведения — 27.
Лавровская (по мужу кн. Цертелева) Елизавета Андреевна (1849—1919), известная певица (контральто) — 148, 277, 278.
Лажечников И. И., «Опричники» — 145, 149.
Лазари де (по сцене Константинов) Константин Николаевич (ум. 1903 г.), певец, третьестепенный драматический актер, приятель Чайковского, автор воспоминаний о нем — 127, 129, 134, 162, 164, 167, 289, 675, 677, 679, 688.
Лало Эдуард, «Symphonie espagnole» — 386, 711.
Лангер Фердинанд, преп. музыки, автор ряда салонных пьес для ф-п.— 686.
Лангер Эдуард Леонтьевич (1835—1892), преп. Московской консерватории — 207.
Ланин П. Н., директор Р. М. О.— 77.
Лапинская София — 50.
Ларош Герман Августович (1845—1906), музыкальный критик, в 1872—1879 гг. проф. Петербургской, в 1883—1886 гг. проф. Московской консерватории по классу теории и истории музыки — 67, 73, 77, 79, 84, 85, 96, 98, 99, 102—105, 110, 111, 115, 116, 123, 124, 129, 148, 163, 167, 191, 210, 213, 216, 221, 228—231, 245, 246, 250, 251, 289, 290, 299, 306, 348, 357, 362, 377, 430, 433, 437, 446—448,, 468, 477, 483, 504, 532, 536, 560, 608, 625, 627, 643, 663—666, 669, 672—676, 680, 681, 685, 689, 690, 692, 694—698, 702, 712, 720.
Ларош Анастасия Петровна (1847—1875), жена Г. А. Лароша — 105, 110, 111, 116, 213, 673, 694.
Лауб Фердинанд (1832—1875), скрипач-виртуоз, проф. Московской консерватории — 93, 94, 99, 138, 217, 219, 686, 695.
Лахнер Франц (1803—1890), немецкий композитор — 156.
Лебедева дом в Москве — 688.

Левашевы — 229.
Левдик, киевский фотограф — 65, 67.
Легошин Александр, слуга Н. Д. Кондратьева — 612, 644.
Лекок Александр-Шарль, оперетта «Le grand Casimir» (премьера 11 января 1879 г.) — 543, 547.
Леля — см. Апухтин А. Н.
Леня, Ленька — см. Софронов А. И.
Леон, слуга Мекк в Браилове — 609.
Леотор, знакомый семьи Чайковских — 54.
Лепин, товарищ М. И. Чайковского — 73, 215.
Лида, Лидия, Лидинька,— см. Ольховская Л. В.
Лиза, тетя — см. Шоберт Е. А.
Липпорт Александра Михайловна, сестра мачехи Чайковского — 75.
Липпорт Иван Михайлович, брат мачехи Чайковского — 75.
Липпорт Софья Михайловна, сестра мачехи Чайковского — 75.
Лист Франц (1811—1886) — 229, 250.
Литвинов Александр Александрович (1861—1931), стипендиат Чайковского в Московской консерватории, с 1882 г. первый скрипач Большого театра — 356.
Литке гр. Амалия Васильевна (1841—1912), дочь Е. А. Шоберт, жена Н. Ф. Литке, двоюродная сестра Чайковского, друг его детства — 11, 13—15, 18—22, 25, 30, 32, 33, 40, 41, 43, 47, 48, 53, 57—60, 67, 159, 183, 276, 277, 422, 551, 660.
Литке гр. Николай Федорович (1839—1887), сын знаменитого мореплавателя, железнодорожный деятель, муж А. В. Литке — 67, 183, 289, 560, 693.
Литке Никс, сын А. В. Литке, умерший в детстве — 70.
Литольф Генри (1818—1891), композитор — 210.
Лихачев — 524.
Лишин Григорий Андреевич (1854—1888), композитор, дилетант, переводчик оперных либретто — 233, 236.
— Опера *«Граф Нулин»* — 236.
Лопухин Виктор Сергеевич, сослуживец А. И. Чайковского — 209, 456.
Лопухин-Демидов кн. Николай Петрович (1836—1910), свитский генерал, землевладелец Киевской губернии — 267.
Лопухины — 105, 673, 674.
«Лоэнгрин», опера — см. Вагнер.
Луиза (Louise), горничная пансиона в Кларане — 359, 385.
Лукашевич Николай Александрович, член дирекции императорских театров, начальник репертуара — 631.
«Лукреция», опера — см. Доницетти.
Львов Алексей Федорович (1798—1870), автор ряда духовных произведений для православного богослужения — 679.
Львовна — см. Бочечкарев Николай Львович.
Люминарский, председатель окружного суда — 124.

Маврунька — 49.
Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт — 689
Майор (Mayor), владелица виллы Ришелье в Кларане — 322, 323, 337, 342, 347, 358, 359, 381, 384, 385, 394, 486—488, 492, 499, 513, 592, 527, 528, 531, 651.
Маиор Густав, сын владелицы виллы Ришелье — 513, 528—529.
Маиор Констант, сын владелицы виллы Ришелье — 513.
Маиор Софи, дочь владелицы виллы Ришелье — 513.
Макарий митрополит — 65.

Макарова Мария Александровна, певица (сопрано), в 1879—1882 гг. артистка Мариинского театра — 624.
«Маккавеи», опера — см. Рубинштейн А. Г.
Макиавели Никколо-ди-Бернардо (1469—1527), итальянский государственный деятель и политический писатель — 378.
Маллингер Матильда (1847—1920), певица (сопрано), артистка Берлинской оперы — 226.
Малоземова София Александровна, пианистка, проф. Петербургской консерватории — 205, 208—210, 212, 393, 693.
Маля — см. Литке А. В.
Мамгиг — 102.
Мамонтова Мария Александровна, деятельница в области детского воспитания — 216.
Манасеин Николай Авксентьевич (1834—1895), впоследствии министр юстиции — 163, 167, 169.
Манн И. А., «Паутина» — 73, 666.
Марбрие, петербургский портной — 70.
Маргарита, горничная пансиона в Сан-Ремо — 353, 358, 364.
Мария Александровна — см. Чайковская М. А.
Марья Сергеевна — см. Кондратьева М. С.
Маркетти Филиппо, опера «Ruy Blas» (1869) — 335.
Марья Федоровна — см. Чичерина М. Ф.
Маркизио сестры, Карлотта (сопрано) и Барбара (контральто), известные артистки, гастролировавшие с итальянской труппой — 132, 134.
Марков, отец жены М. П. Вакара — 29, 30.
Маркова, мать М. П. Вакара — 26—30.
Маркова Надежда Петровна, сестра жены М. П. Вакара — 29, 30.
Марсель Карлович, слуга Мекк в Браилове — 404, 405.
«Марта», опера — см. Флотов.
Масалитинов Н. В., приятель Чайковского — 184, 312, 644—647, 649—654, 670.
Массиу, кафе в Киеве — 181, 195.
Маслов Федор Иванович (1840—1915), товарищ Чайковского по Училищу правоведения, председатель Московской судебной палаты—81, 130, 167.
Машенька — см. Жедринская.
Машурочка — см. Фосс М. Е.
Медведев, антрепренер — 446.
Медведева Надежда Михайловна (1832—1899), знаменитая актриса Московского Малого театра — 537.
Мезенцов Николай Владимирович (1827—1878), шеф жандармов; убит Кравчинским — 436.
Мейербер Джакомо, опера «Африканка» — 335, 337.
— Опера *«Гугеноты»* (1836) — 225.
— » *«Роберт-Диавол»* (1831) — 460, 461.
Мекк фон Карл Федорович (1819—1876), муж Н. Ф. фон-Мекк — 404.
Мекк фон Людмила Карловна (Милочка) (р. 1872 г.), дочь Н. Ф. Мекк впоследствии жена кн. А. А. Ширинского-Шихматова — 610, 613.
Мекк фон Надежда Филаретовна (1831—1894), меценатка Чайковского — 4, 7, 305, 308, 311, 319, 323, 326, 327, 331, 340, 343, 345, 351, 352, 355, 359, 360, 363, 368, 369, 377, 378, 381, 382, 385, 387—389, 391—397, 399, 401, 403—405, 407, 408, 413, 414, 416—421, 428, 429, 437, 439, 441, 442, 444, 446, 449, 455, 457, 459—463, 465—469, 472—474, 476, 477, 479, 481—483, 485—487, 489, 490, 502, 504, 505, 508, 510, 514, 521, 522, 524, 526—531, 534, 536, 538, 539, 542, 544, 546, 548, 549, 552, 555, 559, 560, 563, 564, 567, 568, 570, 572, 577—579, 581, 583, 584, 588, 604, 607, 608,

609, 610, 613—614, 617—619, 626, 634—638, 641, 645—648, 653, 655, 694, 701, 702, 704, 705, 709—713, 715—723, 725.

Мекк фон Николай Карлович (1863—1929), правовед, с 1892 г. председ. правления московской Казанской ж. д. муж А. Л. Давыдовой—618.

Мекленбург-Стрелицкий герцог Георгий (1824—1876) — 229.

Мельяк А.— см. Галеви.

Мендельсон-Бартольди, «5-я реформационная» симфония — 548.

Меньшикова Александра Григорьевна (1840—1902), певица (сопрано), артистка Мариинского театра — 101, 113, 120, 122, 135, 679, 684.

Мерелли, антрепренер итальянской оперы в Москве — 114, 116.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), поэт и критик — 532.

Мерклинг Анна Петровна (1830—1911), дочь П. П. Чайковского, двоюродная сестра композитора, друг его детства — 205, 209, 230.

Мерме Огюст, опера «Jeanne d'Arc» (1876) — 478, 492, 503, 512, 719.

Мертен Эдуард, дирижер Московского Большого театра — 147, 148.

Мессер Юрий, преподаватель Московской консерватории, автор нескольких ф-п. произведений — 724.

Мерц Нюша — 49.

Метра Жюль, балет «Иедда» (1879) — 534.

Мещерская кн.— 93.

Мещерский кн. Владимир Петрович (1839—1914), товарищ Чайковского, журналист, издатель реакционного «Гражданина» — 129, 130, 135, 138—140, 146, 151, 160, 161, 166, 177, 218, 228, 230, 233, 262, 263, 280, 286, 287, 526, 690, 695.

Мещерский, «Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877—1878», тт. I—II, Спб. 1878, 1879—526.

Микель Анджело Буонаротти (1475—1564) — 378, 653, 655.

Милочка — см. Мекк Л. К.

Милюкова Антонина Ивановна — см. Чайковская А. И.

Милюкова Мария Ивановна, сестра жены Чайковского — 450, 551, 584.

Милюкова Ольга, мать жены Чайковского — 291, 450, 492, 494.

Мина — см. Ган В. В.

Мина — см. Пробст.

Мирза-Риза-Хан, сотрудник персидского посольства, впоследствии посол; поэт, личный знакомый Чайковских — 228.

Митрофан Петрович — см. Чайковский М. П.

Митя — см. Давыдов Д. Л.

Михаил Васильевич — см. Давыдов М. В.

Михайло, Миша — см. Софронов М. И.

Миша — 151.

Модест Алексеевич — см. Вакар М. А.

Моля — см. Юферов.

Мольер Жан Батист (1622—1673) — 99, 427, 491, 536.

Мольтке, знакомый Чайковского по Берлину — 634.

Монюшко Станислав, опера «Галька» (1848) — 137, 139.

Мотовилов Георгий Николаевич (1833—1879), прокурор Московской, а с 1870 г. Петербургской судебной палаты — 130, 131, 151, 163, 169.

Моцарт Вольфганг Амедей (1756—1791) — 393, 521, 524, 712.

— Опера *«Волшебная флейта»* (1791) — 645.

— » *«Свадьба Фигаро»* (1786) — 527, 532.

Муравьев Николай Валерьянович (1850—1908), в то время товарищ прокурора Петербургской судебной палаты, впоследствии министр юстиции — 195, 626, 632.

Мусоргский Модест Петрович (1839—1881), опера «Борис Годунов»—208.

Муфка — см. Дмитриева Е. М.

Мюссе Альфред (1810—1875), французский поэт, драматург, романист — 438, 716.
Мятлев, петербургский буржуа, сын поэта — 238.
Мятлева дача под Петербургом — 212, 670.

Наброцкий, владелец дилижансов в Ворожбе — 182.
Нагорнов Ипполит Николаевич, скрипач-виртуоз — 362.
Надежда Платоновна — см. Вакар Н. П.
Надежда Тимофеевна, дальняя родственница Чайковских — 18, 32, 702.
Направник Эдуард Францевич (1839—1916), дирижер Петербургской оперы, композитор, член главной дирекции Р. М. О.— 200, 228, 393, 457, 511, 691, 692, 696, 700, 702, 711—712, 718.
Настя, тетя — см. Петрова Н. П.
Наталья Андреевна — см. Плесская Н. А.
«Нибелунги» — см. Вагнер.
Николай Львович — см. Бочечкаров Н. Л.
Николай Васильевич — см. Давыдов Н. В.
Никольский Федор Калинович (1828—1898) певец, некоторое время пользовавшийся популярностью — 79.
Никулина К., «Специалист», повесть — 536, 721.
Нилов — 446.
Нилус Дмитрий Александрович, член Московского окружного суда — 88, 89, 356.
Нилус Н. Д. — 670.
Нильсон Христина (1843—1921), шведка, знаменитая певица — 186, 187.
Ниман Альберт (1831—1917), певец (тенор), артист берл. оп.—226.
Нормандская Евгения — 25.
Нормандский Александр Павлович — 25.
Норовы — 225, 258, 299, 621.

Обер Даниель, опера «Domino noir» (1837) — 114, 136, 137, 676.
Оболенский кн., знакомый Чайковского — 123, 235.
Обухова Екатерина Павловна, дочь П. П. Карцова (см.) — 662.
Одоевский кн. Владимир Федорович (1803—1869), писатель, один из директоров Московского отделения Р. М. О.— 93, 671, 677, 679.
Ожье Эмиль, комедии «Le Fourchambault», «Le gendre de Mr Poirier» — 495, 536, 537, 541.
Оконешников — 209.
Оллендорф, «Самоучитель французского языка» — 509, 518.
Ольга Николаевна — 621, 622.
Ольга Николаевна (1822—1892), королева вюртембергская — 334, 347.
Ольденбургский принц Петр Георгиевич (1812—1881), попечитель Училища правоведения — 19, 20.
Ольховская Евгения Евгеньевна, племянница Чайковского (дочь сестры Зинаиды) — 625, 626, 628—631, 633.
Ольховская Лидия Владимировна (1830—1892), дочь В. П. Чайковского, двоюродная сестра композитора, жена Н. И. Ольховского — 16, 21, 22, 29, 30—33, 37, 39, 46, 53, 54, 55, 58, 83, 165, 190, 197, 209, 445, 660, 663.
Ольховская Мария Евгеньевна, племянница Чайковского (дочь сестры Зинаиды) — 625, 626.
Ольховский Николай Иванович (1819—1868), муж Л. В. Чайковской, начальник монетного двора, писатель (псевд. Оникс) — 53, 54, 63, 79, 116, 634, 663.
Ониденко Александр Иванович, дворецкий в Каменке — 573.
Орелье Октав — см. Фелье.

Осберг А. Р., преп. пения в Московской консерватории в 1866—1869 гг.— 77.
Остафий — 705.
Островский Александр Николаевич (1823—1886) — 76, 93, 98, 100, 109, 114, 115, 193, 195, 196, 667, 671, 672, 691.
Островский Андрей Николаевич, брат драматурга — 151, 686.
«Отелло» — см. Шекспир.
«Отелло», опера — см. Россини.
Оффенбах Жак, оперетта «Orpheus in Hölle» («Орфей в аду») (1858) — 51.
— Оперетта *«Птички певчие»* («Периколла»)—181.

Павел Николаевич — 11.
Павловская Эмилия Карловна (1857—1935), оперная певица (сопрано) — 295, 296.
Паделу Жюль-Этьен (1819—1887), известный парижский дирижер — 541, 638, 725.
Падилла-и-Рамос (р. 1842 г.), оперный певец (баритон), муж Дезире Арто — 122, 679, 680.
Палкина ресторан — 376.
Панаева Александра Валерьяновна (р. 1853 г.), певица, ученица Виардо—293, 352, 362, 363, 366, 376, 377, 378, 379, 387, 392, 393, 397, 398, 467, 554, 555, 562, 574, 631, 710, 711.
Панашина — см. Панаева А. В.
Панасик — см. Соломенный П.
Паска́, известная французская актриса — 247.
Паскевич — 654.
Патрикеева ресторан — 420, 452, 552, 706.
Патти Аделина (1843—1919), выдающаяся итальянская певица (колоратурное сопрано), с большим успехом гастролировавшая в Европе,— 54, 187, 323, 484.
Пахульский Владислав Альбертович (ум. 1919 г.), скрипач, ученик Московской консерватории, впоследствии муж Ю. К. Мекк — 461, 482, 528, 529, 534, 542, 609, 610, 614, 635, 641.
Пашенька — 139.
Пелагея Осиповна — см. Костецкая П. О.
«Пенденис» — см. Теккерей.
Переслени Александра Владимировна — см. Базилевская А. В.
Переслени Вадим Владимирович, племянник Л. В. Давыдова, учитель французского языка — 121—423, 425, 427, 715.
Переслени Евгений Владимирович, племянник Л. В. Давыдова, офицер — 273.
Переслени Екатерина Васильевна (1822—1898), старшая сестра Л. В. Давыдова, жена В. М. Переслени — 87, 116, 121, 132, 137, 139, 141, 145, 147, 148, 151, 166, 168, 210, 258, 270, 274, 346, 422, 425, 678, 707, 715.
Переслени Николай Владимирович (Кокодес), племянник Л. В. Давыдова, чиновник — 422, 425, 427, 432, 437, 603, 700.
Переслени Софья Владимировна, по мужу Драшусова, племянница Л. В. Давыдова — 256, 261, 701.
Персефона — см. Костецкая П. О.
Петр Васильевич — см. Давыдов П. В.
Петр Герасимович Козидуб, буфетчик Давыдовых — 192, 690—691.
Петр Петрович — см. Чайковский П. П.
Петрова Анастасия Петровна (ум. в 1893 г.), гувернантка Чайковского — 12, 14, 15, 16 — 18, 21, 22, 25, 29, 30, 33, 37, 39, 46, 660.

Петровский, товарищ М. И. Чайковского — 88, 135.
Писарев Василий Васильевич, инженер (с ним Чайковский совершил первую поездку за границу) — 49, 51—55, 663.
Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881) — 76, 79.
Пиччиоли Луиджи (1812—1868), итальянец, учитель пения, имевший большое влияние на молодого Чайковского — 48, 58, 66—68, 662.
Пиччиоли, жена (?) предыдущего — 486, 719.
Пичугин, приятель Чайковского — 81.
Плеве Вячеслав Константинович (1846—1914), прокурор петербургской судебной палаты, впоследствии министр — 619, 622.
Плесская Вера Андреевна, в замужестве Подобедова, сестра Н. А. Плесской — 273.
Плесская Наталья Андреевна, внучка декабриста Поджио, друг семьи Давыдовых—427—431, 433—435, 439, 440, 454, 474, 507, 519, 558, 567, 569, 575, 576, 579, 582, 583, 585, 586, 589, 592, 597, 601, 602, 603, 606, 607, 609, 622, 628, 629, 645, 647, 653.
Плесская Софья Осиповна, дочь декабриста Поджио, мать Н. А. Плесской — 567, 581.
Плесские — 268, 271—273, 295, 440, 454, 581.
Плесский Владимир Андреевич, управляющий каменскими конторами — 142, 427, 573, 575, 577, 605, 607, 629.
Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт — 127, 129, 681, 689.
Подобедова Екатерина Ивановна (ум. 1888 г.), актриса Александринского театра в 1858—1882 гг. — 48.
Поликсена Ивановна — 481.
Полонский Яков Петрович (1819—1898), поэт — 689, 692.
Поля — см. Чайковский Ипполит Ильич.
Попова Анастасия Васильевна (1807—1894), двоюродная сестра Чайковского (дочь Варвары Петровны Поповой, рожд. Чайковской) — 14, 16, 18, 21, 22, 25, 29—33, 37, 39, 46, 168, 171, 172, 176, 187, 190, 259, 660. 687, 688.
Пороховщикова Надежда Петровна, дочь П. П. Чайковского, двоюродная сестра композитора, жена С. А. Пороховщикова, генерала — 228.
Постельс Александр Филиппович (1801—1871), естествоиспытатель, проф. Училища правоведения — 96.
Пробст Мина, гувернантка детей Давыдовых — 629, 630.
Прохорова-Маурелли Ксения Алексеевна (1836—1902), певица (сопрано), в 1863—1866 гг. артистка Мариинского театра — 138.
«Птички певчие» («Периколла») — см. Оффенбах.
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 278, 279, 331, 354.
Пущина Эмилия Антоновна, начальница Патриотического института, родственница Карцовых — 445.
Пышка — см. Чайковская Е. М.

Рааб Вильгельмина Ивановна, певица, арт. Мариинск. театра—327, 630.
Рабус Леонид Карлович, московский приятель Чайковского — 326.
Раевская Людмила, певица — 342, 353, 358, 362.
Раевские, семья М. Н. Раевского, двоюродного брата Л. В. Давыдова — 428.
Размадзе Александр Соломонович (1845—1896), музыкальный критик — 207, 245, 686, 698.
Расин Жан-Батист, трагедия «Andromaque» — 491.
Рафаэль Санти (1483—1520) — 312, 655.
Рачинский Сергей Александрович (1836—1902), профессор-ботаник, деятель в области народного образования, меломан, поклонник творчества Чайковского, автор либретто «Мандрагоры» — 144.

Редеровы — 22.
«Рейнгольд» («Золото Рейна») — см. Вагнер «Кольцо нибелунгов».
Ренан Эрнест (1823—1892), французский мыслитель, историк — 508.
Рени Гвидо (1575—1642), итальянский живописец — 498.
Риккорди Джулио (1840—1912), владелец крупнейшей итальянской издательской фирмы, основанной его отцом — 463.
Римская-Корсакова, рожд. Пургольд, Надежда Николаевна (1848—1919), пианистка, жена композитора — 192, 689.
Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908)—143, 192, 214, 665, 670, 684, 689, 693, 694, 712.
— Романс *«Где ты, там мысль моя»* — 143, 684.
Ристори Аделаида (маркиза Капранika дель Грилло) (1821—1906), знаменитая итальянская драматическая актриса — 466.
«Роберт», опера — см. Мейербер.
Розен, знакомый Чайковского — 102.
Роман Ефимович — см. Дериченко Р. Е.
Росси Эрнесто (1829—1896), итальянский трагик — 369, 370.
Россини Джоаккино, опера «Вильгельм Телль (1829) — 367.
— Опера *«Отелло»* (1816) — 110, 111.
— » *«Севильский цирюльник»* — 323, 353, 358, 362.
— » *«Семирамида»* (1823) — 134.
Ростислав — см. Толстой Ф. М.
Рубец Александр Иванович (1837—1913), препод. Петербургской консерватории, автор ряда книг по музыке — 136.
Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894) — 66, 70, 77, 82, 115, 118, 140, 164, 165, 257, 290, 668, 676, 680, 684, 692, 694.
— Опера *«Демон»* (1875) — 208, 212, 695.
— » *«Маккавеи»* (1875) — 257.
— Музыкально-характеристическая картина *«Иоанн Грозный»,* ор. 79—133, 134, 682.
— *«Персидские песни»,* ор. 34—684.
Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881), пианист и дирижер, основатель Московского отделения Р. М. О. и консерватории—72, 74—79, 83, 85, 88, 93, 94, 99, 103, 109—111, 116—118, 123, 124, 126, 127, 129, 130, 140, 144, 146—148, 150, 156, 157, 174, 175, 179, 180, 182, 186, 188, 200, 209, 213, 214, 217, 232, 250, 251, 258, 260, 290, 293, 314, 345, 349, 354—357, 359, 363, 366, 403, 410, 420, 421, 442, 443, 446—450, 452, 472, 511, 514, 525, 533, 623, 652, 665—669, 671, 673, 674, 676, 677, 679—681, 683—688, 690, 692, 694, 695, 700, 706—707, 709, 710, 714, 716—720, 724.
Руссо Жан-Жак (1712—1778) — 550.
Рюмин Константин Иванович (ум. в 80-х гг.), попечитель В. С. Шиловского — 135, 144, 149, 150, 161, 183, 654.
Рюмин Павел Иванович, брат предыдущего — 654.

Сабуров Андрей Александрович (1838—1916), прокурор, товарищ председателя Петербургского окружного суда, впоследствии министр народного просвещения, сенатор — 459, 473, 475, 494, 520, 568, 607, 719.
Сабуровы, петербургские знакомые Чайковского — 58.
Савельев, сын Ю. Савельевой — 206.
Савельева Юлия, петербургская знакомая Чайковского — 58, 206.
Савина Мария Гавриловна (1854—1916), выдающаяся актриса Александринского театра — 574, 721.
Савченко Иван, буфетчик в Каменке — 76, 92.
Садовский Пров Михайлович (1818—1872), знаменитый актер Московского Малого театра — 108, 115, 117, 666, 679.

Садык-Паша — см. Чайковский М. С.
Сальвини Томмазо (р. 1829 г.), знаменитый итальянский актер-трагик— 369, 370.
Салютенков — 87.
Самарин Иван Васильевич (1817—1885), артист Московского Малого театра; преподавал в консерватории драматическое искусство—99, 448, 666.
Самойлов Василий Васильевич (1813—1887), известный драматический актер; с 1850 г. был лично знаком с семьей Чайковских — 108.
Сараджев Константин Соломонович, дирижер, директор Ериванской консерватории — 666.
Сарасате Пабло (1844—1908), известный испанский скрипач — 331.
Саша — см. Базилевская А. В.
Саша (упоминаемый при Кондратьеве) — см. Легошин.
Святослав — 195.
Сгамбати Джованни (1843—1914), итальянский пианист, дирижер, инструментальный композитор — 655.
«Севильский цирюльник», опера — см. Россини.
Селастенников, родственник Н. Д. Кондратьева — 437.
«Семирамида», опера — см. Россини.
Сен-Санс Шарль-Камилл (1835—1921), французский композитор — 224, 225, 234, 549, 696, 698, 701, 722.
Серов А. Н., опера «Рогнеда» (1866)—228, 665.
— Опера *«Юдифь»* (1863) — 665, 667.
Сестрица — см. Попова Н. В.
Сетов Осип Яковлевич (1835—1894), антрепренер киевской оперы — 147, 209, 211.
«Сильвия», балет — см. Делиб.
Сильвия — см. Токс.
Симонов, доверенный жены Чайковского — 488—491.
«Сицилийские вечерни», опера — см. Верди.
Скворцов Николай Семенович (1839—1882), публицист, редактор «Русских ведомостей» — 223.
Славянский (Агренев) Дмитрий Александрович (1838—1908), певец, основатель хора псевдо-народной песни — 696.
Слоньский, аптекарь в Каменке — 603.
Смирнова Мария (ум. 1879 г.) — 575.
Соколова Анна Петровна, учительница в Каменке — 628.
Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), философ-идеалист, поэт и публицист — 630, 631, 724.
Соловьев Сергей, «Император Александр Первый. Политика. Дипломатия», Спб., 1877—347.
Соллогуб гр. Владимир Александрович (1814—1882), писатель — 679.
Соломенный Панасик, садовник в Каменке — 575.
Соня — см. Горовая С. Ф.
Сарохтин, знакомый А. И. Чайковского — 100, 103.
Софи — см. Чайковская С. П.
София Александровна — см. Ершова С. А.
Софья Васильевна — см. Сталь С. В.
Софья Ивановна — см. Адамова С. И.
Софья Львовна — 199.
Софья Михайловна — см. Липпорт С. М.
Софья Осиповна — см. Плесская С. О.
Софронов Алексей Иванович (1859—1925), слуга Чайковского с 1871 г.— 188, 199, 204, 206, 215, 222, 223, 230, 233, 239, 241, 245, 246, 249, 254, 282, 294, 295, 297, 299, 300, 306, 311, 316, 317, 319—328, 330—

332, 334—337, 346, 347, 349, 350, 352—354, 359—363, 369, 370, 381, 392, 396, 406, 408, 412, 420—423, 429, 435, 439, 451, 458—463, 465, 466, 468, 471, 472, 474, 476, 479, 486—488, 491, 493, 496, 497, 499, 501, 504—510, 512, 513, 518, 520, 523—525, 528, 530—533, 536, 540, 562, 566, 579, 583, 587—588, 592, 601, 605, 609, 611, 614, 617, 626, 633, 634, 648, 652, 653, 692, 705.

Софронов Михаил Иванович (1848—1932), брат А. И. Софронова, первый слуга Чайковского—186, 188, 189, 199, 200, 222, 230, 233, 246, 249, 313, 689, 692.

«Специалист» — см. Никулина К.

Спирин — 32.

Спонтини Гаспаро, танцы из оперы «Фердинанд Кортец» (1809)—513.

Сталь фон Софья Васильевна (1832—1903), сестра Л. В. Давыдова — 64, 132, 628, 664, 671.

Станио Роберто (1836—1897), итальянский популярный в свое время оперный и концертный певец (тенор) — 110, 111.

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — 209, 214, 514, 525, 691, 693, 697, 717, 721.

Степанов А., художник, иллюстрировавший «Детский альбом» Чайковского — 719.

Стовбирина Васса Петровна, няня детей Н. В. Давыдова — 76.

Стовбирина Федора Петровна, гувернантка детей Давыдовых — 142, 155, 569.

Стрелецкий, музыкант — 174, 179.

Стремоухов — 429.

Струсберг, петербургский коммерсант, герой громкого уголовного процесса — 263, 700.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1911), издатель «Нового времени» — 514.

Сульмениева Екатерина Ивановна, петербургская знакомая Чайковского — 197.

Суханов, знакомый М. И. Чайковского — 213.

Сципио, граф, директор сахарного завода Мекк в Браилове — 412.

Таль Роберт Христианович (1808—1895), начальник русского отдела всемирной выставки 1878 г. — 339, 341, 345.

Тамберлик Энрико (1820—1889), знаменитый певец (тенор), часто гастролировавший в России,— 163, 686.

Танеев Сергей Иванович (1856—1915), композитор, пианист, с 1878 г. профессор, в 1885—1889 гг. директор Московской консерватории — 222, 229, 230, 236, 357, 397, 398, 420, 449, 452, 623, 624, 652, 692, 695, 699—701, 704, 712, 713, 717.

Тарасов — 143, 147.

Тарновская Елизавета Петровна, автор нескольких популярных в свое время романсов — 79, 81.

Тарновские — 78—79, 81, 83, 85, 87—89.

Тарновский Константин Августинович (1826—1892), драматург, инспектор репертуара московских императорских театров — 73, 79, 81, 88, 666.

Тася — см. Давыдова Н. Л.

Таузиг Карл (1841—1871), пианист-виртуоз — 148, 685.

Тевяшев — 98.

Теккерей Вильям (1811—1863), английский писатель—112, 328, 333, 705.

Тибо-Бриньоль Федор Федорович (ум. 1880 г.), член совета Училища правоведения — 42—45.

Тинторето (1512—1594), итальянский живописец — 202.

Тихон, лесник в Каменке — 427.

Тициан (1477—1576), живописец венецианской школы — 202.

Токс, бонна детей Н. В. Давыдова — 578.
Толстой, товарищ М. П. Чайковского — 73, 76, 83.
Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — 112, 268, 272, 293, 294, 578, 579, 701, 703.
Толстой гр. Феофил Матвеевич (1809—1881), музыкальный критик (псевд. Ростислав) — 210.
Тома Амбруаз, опера «Гамлет» — 187, 634.
Торлецкий Александр Александрович (1820—1879), московский крупный домовладелец, член дирекции Московского отделения Р. М. О. — 77.
«Травиата», опера — см. Верди.
Трескин — 714.
Третьяков, певец — 136, 149, 150.
Трипольские, помещики, соседи Давыдовых — 557, 558.
«Трубадур», опера — см. Верди.
Трубецкой кн. Петр Николаевич (1861—1911), московский губернский предводитель дворянства — 99, 101.
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 96, 331, 413, 542.
Тшебельский, доктор — 599.

Ука — см. Давыдов Ю. Л.
Уметин, владелец книжного магазина в Москве — 88.
Урусов кн. Александр Иванович (1843—1899), присяжный поверенный в Петербурге и Москве — 103, 151.
Урусов — 686.
Утин, знакомый А. И. Чайковского — 214.

Фаллизен, железнодорожный деятель — 403, 430, 714.
Фаминцын Александр Сергеевич (1841—1896), музыкальный критик и исследователь — 136, 245, 683, 689, 698.
Фаня — см. Чайковский М. П.
«Фауст», опера — см. Гуно.
Федор Петрович, служащий в Каменке — 76.
Федора — см. Стовбирина Ф. П.
Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925), знаменитая актриса Московского Малого театра — 200, 666.
Федя — см. Кружилин Ф. В.
Фелье Октав (1821—1890), французский писатель — 535, 604, 605.
Феня — 618.
Филипп — см. Харченко Ф. Ф.
Филиппов, пианист, учитель Чайковского в детстве — 42.
Фитценгаген Вильгельм Федорович (1848—1890), виолончелист-виртуоз — 686, 701.
Флотов Фридрих, опера «Марта» (1847) — 217, 219, 695.
Фонвизина Александра Павловна (р. 1863 г.), дочь А. П. Карцовой, племянница Чайковского — 445.
Фосс Марья Егоровна, бонна в семье Шоберт, друг дома Чайковских и Шоберт — 13, 16, 22, 55, 660.
Фофа — см. Ершова Софья Александровна.
«Фрейшюц», опера — см. Вебер.
Фриц, слуга пансиона в Кларане — 358, 359, 385.

Харченко Филипп Филиппович, повар в Каменке — 427.
Хвостова Анастасия, невестка жены Чайковского — 284.
Хвостова Алина Александровна, певица, педагог — 146, 148, 684.
Хлудов Василий Алексеевич (1840—1913), фабрикант — 116.

Цертелев кн. Алексей Николаевич (1848—1883), дипломат, писатель — 628, 630.

«Цирюльник», опера — см. Россини.

Чайковская Александра Андреевна, рожд. Ассиер (ум. 1854 г.), мать композитора — 3, 11—46, 659, 662, 710.

Чайковская Антонина Ивановна (1849—1917), жена композитора — 283—293, 295—298, 302—311, 313, 314, 317, 319, 320, 323, 326, 327, 339, 343, 346, 352, 353, 356, 365—367, 371, 380—383, 387, 390, 400, 402, 413—415, 417, 419, 425, 426, 428, 450, 455, 464, 480, 481, 488—494, 496, 551—553, 555, 559—561, 563, 564, 569, 573, 576, 577, 583, 584, 588, 589, 613, 627, 701—705, 707—709, 713—715, 718, 719, 722—723.

Чайковская Елизавета Михайловна, мачеха композитора — 4, 7, 66—68, 74, 75, 79, 84, 91, 102, 103, 110, 114—117, 119, 121—123, 125—127, 132, 133, 144, 148, 153, 159, 160, 165, 172, 176, 180, 185—187, 191, 193, 196—199, 201, 202, 205, 207, 208, 211, 215—217, 219, 221, 223, 225, 228, 234, 237, 238, 240, 241, 248, 253, 255, 270, 275—277, 283, 289, 290, 297, 337, 342, 350, 353, 358, 361, 363, 445, 522, 632, 640, 663, 684.

Чайковская Зинаида Ильинишна (1829—1878), сестра композитора (от первого брака отца) жена Е. И. Ольховского — 12—15, 18—20, 22, 29—34, 37, 38, 40, 41, 44—46, 63, 297, 361, 366, 660, 662, 668, 672, 710.

Чайковская Лидия Владимировна — см. Ольховская Л. В.

Чайковская Мария Александровна, жена двоюродного брата композитора — 22, 661.

Чайковская Ольга Сергеевна, жена Н. И. Чайковского (брата) — 198, 508, 585.

Чайковская Софья Петровна (1833—1888), двоюродная сестра композитора — 58, 60.

Чайковские (однофамильцы) — 77.

Чайковский Андрей Петрович (ум. 1893 г.), двоюродный брат композитора, командир пехотного полка — 58, 161.

Чайковский Илья Петрович (1795—1880), отец композитора, горный инженер — 3, 4, 7, 11—48, 50—55, 59, 60, 62—64, 70, 72, 75, 78, 82, 90, 91, 93, 94, 96, 100—102, 107, 110, 114—119, 121—123, 125—127, 132, 133, 139, 144, 153, 156, 158—160, 164—165, 167, 171—172, 174—176, 179—181, 185—187, 189—191, 193, 195, 200, 202, 205, 206—208, 211, 213, 215—217, 219, 221, 223, 225, 228, 234, 237, 238, 240, 241, 248, 253, 255, 258, 264, 265, 270, 273, 275—277, 283, 284, 289, 290, 297, 342, 350, 353, 358, 361, 363, 365, 366, 434, 439, 442, 444, 445, 452, 465, 467, 470, 473, 508, 512, 522, 527, 528, 539, 545, 551, 566, 611, 615, 620, 622, 632, 640, 656, 663, 665, 666, 668—670, 672, 675, 678, 680—681, 684, 690, 702.

Чайковский Илья Петрович (1838—1891), двоюродный брат композитора, инженер — 13, 58, 133, 146.

Чайковский Ипполит Ильич (1843—1927), брат композитора, военный моряк, впоследствии служивший в торговом флоте,— 5, 11—16, 18—22, 25, 29, 30, 32—34, 37—41, 44—46, 67, 78, 79, 147, 192, 252—253, 286, 428, 569—574, 628, 660.

Чайковский Митрофан Петрович (1840—1903), двоюродный брат композитора, генерал — 61, 580, 581, 583, 584.

Чайковский Михаил Станиславович (однофамилец) (1808—1886), польский писатель (псевд. Садык-Паша) — 674, 678.

Чайковский Николай Ильич (1838—1911), брат композитора, горный инженер — 5, 12—18, 24, 28, 34, 40—42, 44, 61, 63, 67, 79, 113, 115, 121, 141, 160, 161, 173, 183, 186, 192, 193, 198, 236, 265, 266, 276, 294, 431, 437, 444—446, 508, 549, 574, 584, 622, 634, 659—661, 688, 716.

Чайковский Петр Петрович (1788—1871), дядя композитора, генерал — 13, 33, 171, 688.

Чернышев Федор Сергеевич (1805—1869), генерал, автор популярной в свое время «Солдатской сказки» — 23.

Чичерина Марья Федоровна, бонна, впоследствии акушерка в Каменке — 569.

Шамбор, гр. Анри Шарль (1820—1883), претендент на французский престол — 581, 582, 584, 587.

Шателен Евгения — см. Нормандская Е.

Шах — см. Мирза-Риза-Хан — 228.

Шаховской кн. Александр Валентинович, московский помещик, впоследствии гофмейстер — 87, 110.

Шекспир Вильям (1564—1616) — 195, 247, 369, 370, 416, 691, 698, 699, 715, 716.

Шеншин Дмитрий Семенович, генерал-майор, кредитор Чайковского — 399.

Шеньян, знакомый Чайковского по Каменке — 427.

Шефер, петербургский знакомый Чайковского — 77.

Шидловский Александр Иванович, бывший репетитор детей Давыдовых — 401, 427, 431.

Шиллер Иоганн-Фридрих (1759—1805) — 476—478, 492, 503, 512, 516, 517, 664, 667, 719.

Шиловская Мария Васильевна, по второму мужу Бегичева, мать В. и К. Шиловских, певица — 149.

Шиловский Владимир Степанович (ум. 1893 г.), ученик и приятель Чайковского (после женитьбы получил фамилию: гр. Васильев-Шиловский) — 102, 108, 110, 116, 123, 127—129, 131, 132, 135, 144, 146, 148—155, 157—159, 161, 173, 174, 178, 182—184, 199, 201, 208, 218, 221, 222, 230, 231, 233, 236, 254, 281, 319, 429, 675, 681, 688, 697, 699.

Шиловский Константин Степанович (1849—1893), помещик московской губ., дилетант-художник, поэт и музыкант, приятель Чайковского — 110, 234, 277—279, 281, 282, 285, 392, 614, 697.

Шиншина Евгения Сергеевна — 126.

Шландер, владелец дома в Москве — 126.

Шлезингер, владелец дома в Москве — 224.

Шнейдер Василий Васильевич (ум. 1872 г.), профессор Училища правоведения — 80, 89.

Шоберт Амалия Васильевна — см. Литке А. В.

Шоберт Вильгельмина Васильевна — см. Ган В. В.

Шоберт Екатерина Васильевна (ум. 1866 г.), дочь Е. А. Шоберт, двоюродная сестра Чайковского — 11, 13—15, 18—22, 25, 30, 33, 40, 41, 53, 55, 76, 86, 667.

Шоберт Елизавета Андреевна, тетка Чайковского (сестра матери) — 11—14, 16, 17—22, 25, 29, 30—34, 41, 43, 44, 47, 48, 51, 54, 57, 59, 66—69, 75, 84, 89, 92, 116, 121, 659—660, 663, 682.

Шоберт Николай (ум. 1870 г.), двоюродный брат А. В. Литке — 67, 114, 116, 160, 161.

Шоффа Николай Федорович, управляющий имением Гранкино — 624.

Шперк Франц Федорович, врач — 512.

Шпор Людвиг, Симфония — 513.

Шрейбер, чиновник судебного ведомства — 641.

Штраус Оскар Эмильевич, доктор в Каменке — 238, 239, 253, 557, 578.

Шуман Роберт (1810—1856), немецкий композитор — 94, 206, 210, 680.

Шумский Сергей Васильевич (1821—1878), ученик Щепкина, артист Московского Малого театра — 99, 108, 378, 666.

Щебальская — 144, 146, 147.
Щуровский Петр Андреевич (р. 1850 г.), дирижер императорских театров — 205, 692.

Эмилия Константиновна — 60.
Энгельгардт, товарищ Чайковского по Училищу правоведения — 660.

Юзефович — 181, 184.
Юргенсон Иосиф Иванович (1829—1910), брат П. И. Юргенсона, владелец нотного магазина в Петербурге — 276, 452, 453, 459, 482, 483, 485, 486, 718.
Юргенсон Петр Иванович (1836—1903) — 7, 103, 110, 133, 143, 192, 260, 261, 272, 326, 345, 352, 357, 383, 388, 401, 413, 420, 425, 429, 441, 446, 447, 451—453, 470, 471, 478, 481, 482, 488—490, 493, 504, 505, 507, 509, 514, 541, 548, 549, 555, 577, 587, 623, 631, 632, 647, 652, 677, 684, 692, 698, 704, 709, 712, 714, 715, 718, 720, 721, 725.
Юргенсон София Ивановна (1840—1911), жена П. И. Юргенсона — 216, 587, 723.
Юргенсон, доктор (однофамилец) — 670—671.
Юферов Владимир Николаевич, знакомый Чайковских, отец композитора Юферова — 49, 54, 56, 662.

Языков Александр Петрович (ум. 1878 г.), директор Училища правоведения — 23, 67.
Языковы — 282.
Яков Андреевич — не имя, а условное выражение детей Давыдовых.
Ярослав — 195.
Ярцова — см. Кузьмина.
Ячменева, знакомая отца Чайковского — 60, 663.

Agar (Агар Флоренс) (р. 1836 г.), французская актриса — 495.
«L'âge ingrat», комедия — см. Pailleron.
Amici (Амичи), мальчик-певец, впоследствии известный в Риме учитель игры на гитаре — 653.
Ampers J. J. «L'Empire Romain à Rome» (2-е изд. 1872) — 653.
«Andromaque», трагедия — см. Расин.
Annette — см. Мерклинг А. П.
Annette, горничная пансиона в Кларане — 398.
Annette, горничная пансиона в Виши — 246.
«Assomoir» — см. Зола.
d'Archambault (Аршамбо), врач в Париже — 309, 704.
«Bébé», пьеса — 491.
Bernhard (Бернар Сарра) (1844—1923), знаменитая трагическая актриса —491.
Berrard — см. Берар.
Boucher, французский актер — 495.
Brandt, случайная знакомая Чайковского в Кларане — 500.
«Les caprices de Marianne» — см. Мюссе А.
Coquelin (Кокелен Бенуа Констан) (р. 1841 г.), франц. актер — 537.
Croizette (Круазет Софи) (р. 1848 г.), французская актриса — 537.
Dauvergne, владелец гостиницы в Лионе — 242, 244, 246.
«Le dépit amoureux» — см. Мольер.
Dica Petit (р. 1848 г.) — французская актриса — 535.

Djulio (Джулио), итальянский живописец, случайный знакомый Чайковского — 653.
Dolci (Дольчи Карло) (1616—1686), итальянский живописец — 498.
Eastwood — см. Иствуд.
Emile, слуга пансиона в Кларане — 398.
Fanny — см. Дюрбах Фанни.
Favart (Фавар Пьерета, р. 1833 г.), французская актриса — 495.
Fetch, бар, случайная знакомая Чайковского по Кларану — 500.
«Le fils naturel» — см. Дюма А.
«Forza del destino», опера — см. Верди.
«Le Fourchambaults», комедия — см. Ожье.
«Freichutz», опера — см. Вебер.
Galvanj (Гальвани Джакомо), преп. пения Московской консерватории — 686.
«Le gendre de M. Poirier», комедия — см. Ожье.
Got (Гот Франсуа-Жюль) (1822—1901), французский актер-комик — 495, 537.
«Le grand Casimir», оперетта,— см. Лекок.
Hamilton (Гамильтон леди Евдокия Гавриловна) (1846—1887), жена лорда, английского офицера — 312.
«Histoire du second Empire» — 531.
«I dui Tartufi», балет — 469.
«Il violino del Diavolo», опера — см. Mercuri.
Jacolliot (Жаколио Луи) (1837—1897), французский писатель, автор романов из жизни Индии — 389.
Je crois bien — см. Фосс Мария Егоровна.
Joly, владелец пансиона в Сан-Ремо — 364, 369.
Marie, горничная пансиона в Кларане — 359, 382, 385, 392, 398, 499, 500, 505, 509, 513, 518, 521, 523, 527, 528, 587.
«Mariage de Figaro» — см. Моцарт.
«Le mariage forcé» — см. Мольер.
«La morte civile», пьеса — 469.
Massenet, опера «Le roi de Lahore» (1877) — 463, 466, 521, 524.
Mercuri A., опера «Il violino del diavolo» (1878) — 466, 467.
Mayor — см. Майор.
Mortier de Fontaine, гувернантка — 131.
«Orpheus in Hölle» («Орфей в аду»), оперетта — см. Оффенбах.
«Page d'amour» — см. Зола.
Pailleron Edouard, комедия «L'âge ingrat» (1878) — 491.
«Le petit Hôtel» — 536.
Perugino (Перуджино Пьетро) (1446—1524) — 498.
«Piccioli — см. Пиччиоли.
«Polyeucte», *опера* —см. Гуно.
Pontinartin, пьеса «La Revanche de Sèraphine» — 247.
«Le roi de Lahore», опера — см. Massenet.
«Rothomago», феерия — 487, 491.
Samary (Самари Жанна) (р. 1859 г.), французская актриса — 537.
San Galli (Сангалли Рита) (р. 1849 г.), французская балерина — 534.
«Séraphine», пьеса — см. Pontinartin.
Sevigné (Севинье де Мария, маркиза) (1626—1696), французская писательница, автор знаменитых писем — 207.
Thibaux-Brinlol — см. Тибо-Бриньо Ф. Ф.
Thiron (Тирон Шарль) (р. 1831 г.), французский актер — 537.
Wallon Henri Alexandre. «Jeanne d'Arc». Paris. 1876—476, 477, 719.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАЙКОВСКОГО

Для сцены (оперы, балет, музыка к драматическим произведениям)

«Воевода», опера в 3-х действиях (4 картины) (1868) — 93, 97, 98, 100—103, 105, 110, 111, 113, 120—122, 664, 671—673, 678—680.

— *«Танцы сенных девушек»* — 102, 103, 672—674.

«Евгений Онегин», опера (лирические сцены) в 3-х действиях (7 картин), ор. 24 (1878) — 277—286, 288, 292, 299, 315, 333, 346—349, 352, 354, 356—358, 361—363, 366, 418, 432, 434, 447, 502, 503, 511, 549, 550, 577, 587, 599, 614, 697, 702, 710, 715—716, 720, 722, 724.

«Ефраим», незавершенный замысел оперы (1876) — 231, 697.

«Кузнец Вакула», опера в 3-х действиях (7 картин), ор. 14 (1874) — 205, 207, 209, 220, 222, 224, 228, 229, 231, 232, 236, 254, 256—263, 273, 276, 277, 331, 362, 363, 366, 380, 456, 457, 482, 512, 630, 631, 692, 693, 695, 697—701.

«Лебединое озеро», балет в 4-х действиях, ор. 20 (1876) — 222, 233, 234, 275, 695, 698, 701, 705.

«Мандрагора», незавершенный замысел оперы (1870) — 143—144, 684.

— *«Хор цветов и насекомых»* — 144, 684.

«Опричник», опера в 4-х действиях (1872) — 141, 145, 148, 150, 161, 168, 170, 175, 186, 189, 190, 197, 200, 204, 208, 209, 211, 217, 219, 222, 235, 672, 684, 689, 690, 691—693, 695, 725.

«Орлеанская дева», опера в 4-х действиях (6 картин) (1879), посвящена Э. Ф. Направнику — 458, 470, 472, 474, 476—481, 501—506, 508—512, 514—517, 520—522, 525, 527, 529, 538, 541—545, 549, 557, 565, 570, 573, 575, 576, 588, 599, 601, 602, 604, 606, 610, 611, 613—617, 623, 624, 716, 719, 722—724.

«Отелло», незавершенный замысел оперы (1876) — 697, 699.

«Раймонд Люллий», незавершенный замысел оперы (1870) — 144.

«Ромео и Джульетта», незавершенный замысел оперы (1878) — 416—417, 440, 715, 716.

«Сандрильона», музыка к балету (незавершенный замысел) (1870) — 162, 163.

«Снегурочка», музыка к весенней сказке Островского, ор. 12 (1873) — 193, 195, 196, 691.

41—2

«Ундина», опера в 3-х действиях (1869) — 120, 123, 125, 128, 133—135, 137, 139, 142, 145—148, 150, 679, 682, 684, 685, 689, 714, 715.

«Ундина», незавершенный замысел новой оперы (1878) — 403, 416, 417, 714.

«Les caprices de Marianne», незавершенный замысел оперы (1878) — 440, 716.

Для оркестра

Первая симфония «Зимние грезы» (g-moll), ор. 13 (1866), посвящена Н. Г. Рубинштейну — 88, 92, 93, 105, 212, 670, 671, 673, 674, 685.

Вторая симфония (c-moll), ор. 17 (1872), посвящена Московскому отделению Р.М.О.— 184—187, 190—192, 196, 654, 689—691, 725.

Третья симфония (D-dur), ор. 29 (1875) — 227, 229, 231, 696.

Четвертая симфония (f-moll), ор. 36 (1877), посвящена «Моему лучшему другу [Н. Ф. фон-Мекк]»—311, 312, 322—324, 326, 329, 331 — 335, 344, 348, 351, 357—358, 363, 370, 378, 386, 388, 465, 466, 705, 710, 718.

Первая сюита, ор. 43 (1879), посвящена негласно Н. Ф. фон-Мекк — 440, 441, 453, 456—459, 461, 466—471, 476, 477, 481—483, 485, 486, 503, 540, 543, 545, 549, 554, 556, 557, 611, 614, 652, 717, 718, 724, 725.

«Борис Годунов», сцена на сюжет Пушкина [для оркестра?] (1864—1865?) (не издана) — 665.

«Буря», фантазия по Шекспиру, ор. 18 (1873), посвящена В. В. Стасову — 199, 208—210, 524, 543, 547—549, 691, 693, 706, 717, 722.

«Гроза», увертюра для оркестра к драме Островского того же названия; e-moll (1864) (не издана) — 64, 664, 665.

Концертная увертюра c-moll (1865—1866) (не издана) — 73, 664, 666.

Концертная увертюра F-dur (1866) (не издана) — 82, 84, 87, 664, 669.

«Римляне в Колизее» [для оркестра?] (1864—1865) (не издано) — 665.

«Ромео и Джульетта», увертюра-фантазия по Шекспиру (1870), посвящена М. А. Балакиреву — 134, 135, 137, 139, 141, 143, 146, 147, 149, 161, 164, 234, 681—683, 685, 686, 698, 706.

*Русско-Сербский (*Славянский) марш ор. 31 (1876) — 262, 265, 275, 700.

Торжественная увертюра на датский гимн, ор. 15 (1866) — 93, 671.

«Фатум», симфоническая поэма, ор. [77] (1868), посвящена М. А. Балакиреву — 114, 115, 117, 120, 123, 676, 677, 680, 681.

«Франческа да-Римини», фантазия по Данте, ор. 32 (1876), посвящена С. И. Танееву — 231, 249, 262, 263, 275, 362, 388, 389, 393, 397, 697—701, 711—712.

«Характерные танцы», для оркестра (1865) — 66—67, 664, 665.

Для камерного ансамбля

Квартет, для 2 скрипок, альта и виолончели, в одной части, B-dur (1865) (не издан) — 664.

Первый квартет, для 2 скрипок, альта и виолончели (D-dur), ор. 11 (1871) — 184, 208, 209, 228, 231, 272, 689, 697, 701.

Второй квартет, для 2 скрипок, альта и виолончели (F-dur), ор. 22 (1874) — 200, 228, 245, 692—693.

Третий квартет, для 2 скрипок, альта и виолончели (es-moll), ор. 30. (1876), посвящен памяти Ф. Лауба — 231, 232, 234, 235, 262, 695, 697.

Для отдельных инструментов (ф-п., скрипка, виолончель)

Первый концерт для ф-п. с оркестром (b-moll), ор. 23 (1875), посвящен Гансу фон-Бюлову — 208—211, 214, 216, 222, 245, 693—695, 707, 713.

Второй концерт для ф-п. с оркестром (G-dur), ор. 44 (1880), посвящен Н. Г. Рубинштейну — 629—631, 724.

Вальс-каприз (Valse-Caprice), для ф-п., ор. 4 (1868), посвящен А. Дооpу — 117, 677, 681.

«Вальс-скерцо», для ф-п., ор. 7 (1870), посвящ. А. И. Давыдовой — 145, 684.

«Воспоминания о Гапсале», три пьесы для ф-п., ор. 2 (1867), посвящены В. В. Давыдовой — 100, 103, 672.

— *№ 3 «Песня без слов»* («Chant sans paroles») — 717.

Детский альбом (24 детские пьесы), для ф.-п., ор. 39 (1878), посвящен Володе Давыдову — 6, 714, 719.

Двенадцать пьес средней трудности, для ф-п., ор. 40 (1878), посвящены М. И. Чайковскому — 401, 452, 456.

— № 9 *Вальс* — 401.

— № 12 *«Прерванные мечты»* — 376, 710.

Романс для ф-п., ор. 5 (1868), посвящен Дезире Арто — 117, 677.

Соната для ф-п. (G-dur), ор. 37 (1878), посвящена К. Клиндворту — 385—387, 424, 711.

Концерт для скрипки с оркестром (D-dur), ор. 35 (1878), посвящен первоначально Л. Ауэру, а потом А. Бродскому — 387, 388, 390, 393—396, 399, 711, 712.

Вальс-скерцо, для скрипки с оркестром, ор. 34 (1877), посвящен Иосифу Котеку.

«Воспоминания о дорогом месте», три пьесы для скрипки с сопровождением ф-п., ор. 42 (1878, посвящен Б[раилову] — 408, 418, 428, 712, 715.

Меланхолическая серенада, для скрипки с сопровождением оркестра (b-moll), ор. 26 (1875), посвящена Л. Ауэру — 216, 695, 717.

«Вариации на тему рококо», для виолончели с сопровождением оркестра, ор. 33 (1876), посвящены В. Фитценгагену — 266, 701.

Для пения (хор, романсы)

Музыка к гимну Шиллера *«К радости»*, для солистов, хора и оркестра (1865). Экзаменационная работа для выпускного экзамена в консерватории (не издана) — 75, 664, 667.

Кантата на открытие Политехнической выставки в Москве, на слова Я. П. Полонского, для тенора, хора и оркестра (1872) (не издана) — 689.

«Литургия св. Иоанна Златоуста», для четырехголосного хора, ор. 41 (1878) — 452, 453, 717.

Шесть романсов, ор. 6 (1870) — 140, 141, 146, 683—684.

№ 2 «Ни слова, о друг мой», посвящен Н. Д. Кашкину — 681.

№ 3 «И больно и сладко», посвящен А. Д. Кочетовой — 149.

№ 6 «Нет, только тот», посвящен А. А. Хвостовой — 146, 148.

Шесть романсов, ор. 16 (1872) — 187, 689.

№ 2 «Погоди», посвящен Н. А. Римскому-Корсакову — 684.

Шесть романсов, ор. 38 (1878), посвящены А. И. Чайковскому — 370, 478, 711.

№ 6 «Pimpinella», флорентийская песенка (русский перевод П. И. Чайковского) — 379, 711.

Семь романсов, ор. 47 (1880), посвящены А. В. Панаевой — 710.
Шесть романсов на французские тексты, ор. 65 (1888), посвящены Дезире Арто — 683.

Аранжировка для ф-п. в 4 руки музыкально-характеристической картины *«Иван Грозный»* А. Рубинштейна (1869) — 133—135, 682.
«Детские песни на русские и малороссийские напевы», составл. М. А. Мамонтовой под редакцией Чайковского — 117, 133.
Статья *«Бетховен и его время»* — 190, 690.
Переводы романсов Глинки (1877) — 357, 709.
Перевод книги Геварта *«Руководство к инструментовке»* — 66, 77, 664, 666, 667, 670.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редактора 3

ПИСЬМА

(указаны даты старого стиля)

1. И. П и А. А. Чайковским 1850 г. ноября 8 11
2. „ „ „ „ „ середина 12
3. „ „ „ „ „ 23 13
4. „ „ „ „ декабря 10 14
5. „ „ „ „ „ 17 14
6. „ „ „ „ „ середина 15
7. А. А. Чайковской 1851 г. февраля 1 17
8. И. П. и А. А. Чайковским „ „ начало 18
9. „ „ „ „ „ 18 20
10. „ „ „ „ марта 19 21
11. „ „ „ „ апреля 7 21
12. „ „ „ „ „ 12 22
13. „ „ „ „ „ 22 23
14. „ „ „ „ „ середина 23
15. „ „ „ „ „ 30 25
16. „ „ „ „ мая 20 25
17. „ „ „ „ „ конец 26
18. „ „ „ „ июня начало 28
19. „ „ „ „ „ 11 29
20. А. А. Чайковской „ „ 17 30
21. И. П. и А. А. Чайковским „ „ 25 30
22. И. П. Чайковскому „ июля 17 31
23. „ „ „ „ 20 32
24. А. А. Чайковской „ августа 7 32
25. „ „ „ „ 26 33
26. И. П. и А. А. Чайковским „ октября 7 33
27. „ „ „ „ „ 28 34
28. „ „ „ 1851 г. ноября 11 35
29. „ „ „ „ „ 18 36
30. „ „ „ „ „ 23 37
31. „ „ „ „ декабря 2 37
32. „ „ „ „ „ 10 39
33. „ „ „ 1852 г. января 1 40

					Стр.
34.	И. П. и А. А. Чайковским	1852 г. января	—6	. . . . .	41
35.	„ „ „	„ январь		. . . . .	42
36.	„ „ „	„ марта	13	. . . . .	43
37.	„ „ „	„ „	16	. . . . .	44
38.	„ „ „	„ „	28	. . . . .	45
39.	А. И. Давыдовой	1861 г. „	10	. . . . .	47
40.	„ „	„ июня	9	. . . . .	49
41.	И. П. Чайковскому	„ июля	9	. . . . .	50
42.	„ „	„ „	17	. . . . .	52
43.	„ „	„ „	29	. . . . .	53
44.	„ „	„ августа	12	. . . . .	54
45.	А. И. Давыдовой	„ октября	23	. . . . .	55
46.	„ „	„ декабря	4	. . . . .	57
47.	„ „	1862 г. апреля	12	. . . . .	59
48.	„ „	„ сентября	10	. . . . .	59
49.	„ „	1863 г. апреля	15	. . . . .	62
50.	„ „	1864 г. июля	28	. . . . .	64
51.	„ „	1865 г. августа	24	. . . . .	65
52.	„ „	„ сентября	1	. . . . .	66
53.	„ „	„ „	8	. . . . .	67
54.	„ „	„ октября	начало	. . . . .	68
55.	„ „	„ „	22	. . . . .	69
56.	Е. М. Чайковской	„ „	29	. . . . .	70
57.	А. И. и М. И. Чайковским	1866 г. января	6	. . . . .	72
58.	„ „ „	„ „	10	. . . . .	72
59.	А. И. Чайковскому	„ „	14	. . . . .	73
60.	Е. М. Чайковской	„ „	15	. . . . .	74
61.	А. И. и Л. В. Давыдовым	„ „	15	. . . . .	75
62.	М. И. Чайковскому	„ „	16	. . . . .	76
63.	А. И. и М. И. Чайковским	„ „	23	. . . . .	77
64.	„ „ „	„ „	30—31	. . . . .	78
65.	А. И. Чайковскому	„ февраля	6	. . . . .	80
66.	А. И. Давыдовой	„ „	7	. . . . .	81
67.	М. И. Чайковскому	„ „	начало—середина?		82
68.	А. И. Чайковскому	„ марта	6	. . . . .	83
69.	А. И. и М. И. Чайковским	„ апреля	7	. . . . .	85
70.	А. И. и Л. В. Чайковским	„ „	8	. . . . .	86
71.	А. И. и М. И. Чайковским	„ „	16	. . . . .	87
72.	А. И. Чайковскому	„ „	25	. . . . .	88
73.	„ „	„ мая	3	. . . . .	89
74.	А. И. Давыдовой	„ „	14	. . . . .	90
75.	„ „	„ июня	7	. . . . .	91
76.	А. И. Чайковскому	„ ноября	8	. . . . .	93
77.	„ „	„ декабря	1	. . . . .	94
78.	М. И. Чайковскому	1867 г.		. . . . .	95
79.	А. И. Чайковскому	„ мая	2	. . . . .	96
80.	А. И. Давыдовой	„ июля	20	. . . . .	96
81.	„ „	„ августа	8	. . . . .	97
82.	А. И. Чайковскому	1867 г. августа	31	. . . . .	98
83.	„ „	„ сентября	28	. . . . .	99
84.	А. И. Давыдовой	„ октября	11	. . . . .	100
85.	А. И. Чайковскому	„ „	31—ноября 6	. . .	101
86.	М. И. Чайковскому	„ ноября	25	. . . . .	102
87.	А. И. Чайковскому	„ декабря	12	. . . . .	103

					Стр.
88.	А. И. Чайковскому	1868 г.	января	27—28?	104
89.	„ „	„	февраля	начало	105
90.	А. И. Давыдовой	„	апреля	16	106
91.	„ „	„	июля	20	107
92.	А. И. Чайковскому	„	сентября	10	109
93.	М. И. Чайковскому	„	„	13	110
94.	А. И. Давыдовой	„	„	24	111
95.	А. И. Чайковскому	„	„	25	113
96.	„ „	„	октября	21	114
97.	М. И. Чайковскому	„	ноябрь		115
98.	„ „	„	декабря	середина	116
99.	Н. П. Чайковскому	„	„	26	117
100.	А. И. Чайковскому	1869 г.	января	начало	120
101.	„ „	„	„	„	121
102.	М. И. Чайковскому	„	февраля	1	121
103.	А. И. Чайковскому	„	„	15	122
104.	М. И. Чайковскому	„	апреля	3	123
105.	А. И. Чайковскому	„	„	19	124
106.	„ „	1869 г.	„	конец	125
107.	„ „	„	„	„	126
108.	„ „	„	май		126
109.	„ „	„	августа	3	127
110.	„ „	„	„	11	128
111.	„ „	„	„	19	129
112.	„ „	„	сентября	10	129
113.	А. И. Давыдовой	„	„	15—16?	131
114.	А. И. Чайковскому	„	„	25	132
115.	„ „	„	октября	7	133
116.	М. И. Чайковскому	„	„	12	134
117.	А. И. Чайковскому	„	„	30	135
118.	А. И. Давыдовой	„	ноября	15	136
119.	А. И. Чайковскому	„	„	18	137
120.	М. И. Чайковскому	„	„	18	138
121.	А. И. Чайковскому	„	декабря	начало	139
122.	„ „	„	„	„ 7	140
123.	„ „	„	„	середина	141
124.	А. И. Давыдовой	„	„	19	141
125.	М. И. Чайковскому	1870 г.	января	13	143
126.	А. И. Давыдовой	„	февраля	5	144
127.	А. И. Чайковскому	„	марта	начало	145
128.	М. И. Чайковскому	„	„	3	146
129.	А. И. Чайковскому	„	„	7	147
130.	М. И. Чайковскому	„	„	26	148
131.	Л. В. Давыдову	„	апреля	середина	149
132.	А. И. Чайковскому	„	„	23	150
133.	„ „	„	июня	1	151
134.	Н. П. Чайковскому	„	„	2	153
135.	М. И. Чайковскому	„	„	7	154
136.	А. И. Чайковскому	1870 г.	июня	24	155
137.	А. И. Давыдовой	„	„	24	156
138.	Н. П. Чайковскому	„	июля	12	158
139.	М. И. Чайковскому	„	„	12	159
140.	А. И. Чайковскому	„	сентября	4	160
141.	М. И. Чайковскому	„	„	17	161

			Стр.
142. М. И. Чайковскому	1870 г. октября	5	162
143. А. И. Чайковскому	„ „	5	163
144. М. И. Чайковскому	„ „	середина	164
145. И. П. Чайковскому	„ „	26	164
146. М. И. Чайковскому	„ ноября	1	165
147. А. И. Чайковскому	„ „	29	166
148. А. И. Давыдовой	„ декабря	20	167
149. А. И. Чайковскому	1871 г. января	начало	169
150. „ „	„ „	конец	169
151. „ „	„ февраля	3	170
152. А. И. Давыдовой	„ „	11	171
153. И. П. Чайковскому	„ „	14	171
154. А. И. Чайковскому	„ мая	17	173
155. „ „	„ сентября	3	173
156. „ „	„ декабря	2	174
157. А. И. Давыдовой	„ „	9	175
158. А. И. Чайковскому	1872 г. января	1	177
159. „ „	„ „	31	178
160. И. П. Чайковскому	„ „	31	179
161. „ „	„ мая	8	180
162. М. И. Чайковскому	„ июня	конец	180
163. А. И. Чайковскому	„ июля	5	181
164. М. И. Чайковскому	„ „	17—18	182
165. А. И. Чайковскому	„ сентября	2	182
166. „ „	„ „	4	183
167. М. И. Чайковскому	„ ноября	2	184
168. И. П. Чайковскому	„ „	22	185
169. „ „	„ декабря	9	186
170. М. И. Чайковскому	„ „	10	187
171. А. И. Давыдовой	1873 г. января	9	189
172. И. П. Чайковскому	„ февраля	5	190
173. М. И. Чайковскому	„ „	13	191
174. И. П. Чайковскому	„ апреля	7	193
175. А. И. Давыдовой и М. И. Чайковскому	„ „	27	193
176. А. И. Чайковскому	„ мая	16	195
177. И. П. Чайковскому	„ „	24	195
178. „ „	„ июля	23	196
179. „ „	„ октября	9	197
180. М. И. Чайковскому	„ ноября	28	198
181. А. И. Чайковскому	1874 г. января	26	200
182. М. И. Чайковскому	„ апреля	17	201
183. А. И. Чайковскому	„ „	19	202
184. М. И. Чайковскому	„ „	27	204
185. „ „	„ июня	18	205
186. И. П. Чайковскому	„ сентября	27	206
187. М. И. Чайковскому	„ октября	29	207
188. А. И. Чайковскому	„ ноября	21	208
189. М. И. Чайковскому	1874 г. ноября	26	210
190. „ „	„ декабря	середина	211
191. „ „	„ „	конец	211
192. „ „	1875 г. января	6	212
193. А. И. Чайковскому	„ „	9	213
194. М. И. Чайковскому	„ „	середина	214

					Стр
195.	М. И. Чайковскому	1875 г.	января	конец	215
196.	» »	»	февраля	3	215
197.	» »	»	»	13	215
198.	А. И. Чайковскому	»	марта	9	216
199.	М. И. Чайковскому	»	»	12	218
200.	» »	»	»	конец	219
201.	А. И. Чайковскому	»	мая	12	219
202.	А. И. Давыдовой	»	июня	2	220
203.	М. И. Чайковскому	»	»	29	221
204.	Л. В. Давыдову	»	августа	30	221
205.	М. И. Чайковскому	»	сентября	14	222
206.	А. И. Чайковскому	»	декабря	11	223
207.	» »	»	»	середина	224
208.	» »	»	»	31	224
209.	М. И. Чайковскому	1876 г.	января	11	226
210.	» »	»	»	20	227
211.	» »	»	»	28	229
212.	» »	»	февраля	10	230
213.	А. И. Чайковскому	»	»	10	231
214.	М. И. Чайковскому	»	марта	3	232
215.	А. И. Чайковскому	»	»	17	233
216.	М. И. Чайковскому	»	»	24	234
217.	» »	»	апреля	29	235
218.	А. И. Чайковскому	»	мая	19	236
219.	М. И. Чайковскому	»	»	19	237
220.	А. И. Чайковскому	»	июня	2	238
221.	М. И. Чайковскому	»	»	2	239
222.	А. И. Чайковскому	»	»	7	239
223.	» »	»	»	16	240
224.	М. И. Чайковскому	»	июля	2	241
225.	» »	»	»	3	242
226.	А. И. Чайковскому	»	»	3	243
227.	М. И. Чайковскому	»	»	4	244
228.	А. И. Чайковскому	»	»	6	244
229.	М. И. Чайковскому	»	»	6	246
230.	» »	»	»	7	247
231.	А. И. Давыдовой	»	»	13	247
232.	М. И. Чайковскому	»	»	27	248
233.	» »	»	августа	2	250
234.	» »	»	»	8	251
235.	» »	»	»	19	252
236.	» »	»	сентября	10	353
237.	Л. В. Давыдову	»	»	12	254
238.	М. И. Чайковскому	»	»	17	255
239.	А. И. Чайковскому	»	»	20	256
240.	А. И. Давыдовой	»	»	20	258
241.	М. И. Чайковскому	»	»	28	259
242.	А. И. Давыдовой	»	октября	6	260
243.	А. И. Чайковскому	1876 г.	октября	14	261
244.	М. И. Чайковскому	»	»	14	262
245.	А. И. Чайковскому	»	»	26	263
246.	А. И. Давыдовой	»	ноября	8	263
247.	А. И. Чайковскому	»	декабря	15	265
248.	А. И. и Л. В. Давыдовым	»	»	18	266

					Стр
249.	А. И. Давыдовой	1876 г.	декабря	23	267
250.	„ „	1877 г.	января	1	269
251.	„ „	„	„	2	270
252.	М. И. Чайковскому	„	„	2	271
253.	А. И. Давыдовой	„	„	4	272
254.	А. И. Чайковскому	„	„	12	273
255.	А. И. Давыдовой	„	„	19	274
256.	„ „	„	февраля	22	275
257.	Е. М. Чайковской	„	апреля	18	276
258.	А. И. Чайковскому	„	май		276
259.	„ „	„	„	18	277
260.	М. И. Чайковскому	„	„	18	278
261.	Л. В. Давыдову	„	„	19	279
262.	М. И. Чайковскому	„	„	23	280
263.	„ „	„	июня	9	281
264.	А. И. Чайковскому	„	„	15	282
265.	И. П. Чайковскому	„	„	23	283
266.	А. И. Чайковскому	„	„	23	284
267.	М. И. Чайковскому	„	июля	5	285
268.	А. И. и Л. В. Давыдовым	„	„	5	285
269.	А. И. Чайковскому	„	„	8	286
270.	М. И. Чайковскому	„	„	8	288
271.	А. И. Чайковскому	„	июля	9	289
272.	„ „	„	„	11	289
273.	А. И. Давыдовой	„	„	20	290
274.	А. И. Чайковскому	„	августа	27	291
275.	„ „	„	сентября	2	292
276.	М. И. Чайковскому	„	„	9	294
277.	А. И. Чайковскому	„	„	12	295
278.	М. И. Чайковскому	„	октября	1	296
279.	„ „	„	„	5	297
280.	А. И. Давыдовой	„	„	9	298
281.	М. И. Чайковскому	„	„	9	299
282.	А. И. Давыдовой	„	„	11	300
283.	„ „	„	„	12	300
284.	М. И. Чайковскому	„	„	17	301
285.	А. И. Давыдовой	„	„	26	302
286.	М. И. Чайковскому	„	„	26	304
287.	А. И. Давыдовой	„	ноября	1	307
288.	М. И. Чайковскому	„	„	2	308
289.	А. И. Давыдовой	„	„	9	309
290.	М. И. Чайковскому	„	„	10	311
291.	А. И. Давыдовой	„	„	12	313
292.	„ „	„	„	18	314
293.	„ „	„	„	20	316
294.	М. И. Чайковскому	„	„	27	316
295.	А. И. Чайковскому	„	декабря	1	317
296.	„ „	„	„	2	318
297.	А. И. и Л. В. Давыдовым	1877 г.	декабря	2	320
298.	А. И. Чайковскому	„	„	2	321
299.	„ „	„	„	3	322
300.	„ „	„	„	4	323
301.	М. И. Чайковскому	„	„	4	324
302.	„ „	„	„	начало	326

				Стр.
303.	А. И. Чайковскому	1877 г. декабря	5—7	326
304.	А. И. Давыдовой	„ „	8	329
305.	А. И. Чайковскому	„ „	8—10	330
306.	„ „	„ „	11	332
307.	А. И. Давыдовой	„ „	12	332
308.	А. И. Чайковскому	„ „	12—13	333
309.	„ „	„ „	14	334
310.	„ „	„ „	15—17	335
311.	„ „	„ „	19	336
312.	„ „	„ „	20	337
313.	„ „	„ „	21	338
314.	„ „	„ „	23	339
315.	А. И. Давыдовой	„ „	24	341
316.	А. И. Чайковскому	„ „	24	342
317.	„ „	„ „	24	342
318.	„ „	„ „	26	343
319.	„ „	„ „	28	344
320.	„ „	1878 г. января	1—4	345
321.	А. И. Давыдовой	„ „	5	348
322.	А. И. Чайковскому	„ „	5—7	349
323.	„ „	„ „	8—11	350
324.	„ „	„ „	12—14	353
325.	„ „	„ „	15—16	354
326.	„ „	„ „	17—18	357
327.	„ „	„ „	19—21	358
328	„ „	„ „	22—25	359
329.	„ „	„ „	26—28	361
330.	„ „	„ „	29— февраля 1	362
331.	„ „	„ февраля	3	363
332.	„ „	„ „	4—7	366
333.	„ „	„ „	12	368
334.	Л. В. Давыдову	„ „	12	370
335.	А. И. Чайковскому	„ „	13—14	372
336.	„ „	„ „	18	377
337.	„ „	„ „	22	378
338.	„ „	„ „	25	380
339.	„ „	„ „	26	381
340.	А. И. Давыдовой	„ „	28	383
341.	А. И. Чайковскому	„ „	27— марта 1	384
342.	„ „	„ марта	2—4	386
343.	„ „	„ „	5—8	387
344.	„ „	„ „	9—11	389
345.	А. И. Давыдовой	„ „	14	390
346.	А. И. Чайковскому	„ „	15	391
347.	„ „	„ „	16—18	393
348.	„ „	„ „	18—22	394
349.	„ „	„ „	23—25	396
350.	„ „	„ „	29	397
351.	А. И. Чайковскому	1878 г. марта	30— апреля 1	399
352.	„ „	„ апреля	27	400
353.	„ „	„ мая	1	402
354.	„ „	„ „	10	403
355.	М. И. Чайковскому	„ „	17	404
356.	А. И. Давыдовой	„ „	18	406

				Стр.
357.	М. И. Чайковскому	1878 г. мая	18—20	407
358.	„ „	„ „	22	413
359.	А. И. Чайковскому	„ „	22	414
360.	М. И. Чайковскому	„ „	25	415
361.	„ „	„ „	27	417
362.	А. И. Давыдовой	„ „	28	418
363.	М. И. Чайковскому	„ „	30	420
364.	„ „	„ июня	6	420
365.	„ „	„ „	9	421
366.	„ „	„ „	12	422
367.	„ „	„ „	15	423
368.	„ „	„ „	18	424
369.	„ „	„ июля	4	426
370.	„ „	„ „	7	427
371.	А. И. Чайковскому	„ „	19	428
372.	„ „	„ „	21	429
373.	„ „	„ „	25	430
374.	„ „	„ „	28	431
375.	„ „	„ „	31	432
376.	„ „	„ августа	3	434
377.	„ „	„ „	8	435
378.	„ „	„ „	12	436
379.	„ „	„ „	14	437
380.	М. И. Чайковскому	„ „	16	438
381.	А. И. Чайковскому	„ „	17	439
382.	М. И. Чайковскому	„ „	21	439
383.	„ „	„ „	28	440
384.	„ „	„ „	29	441
385.	„ „	„ сентября	4	444
386.	А. И. Давыдовой	„ „	8	445
387.	А. И. Чайковскому	„ „	11	446
388.	„ „	„ „	18	447
389.	„ „	„ „	23	448
390.	„ „	„ „	29	449
391.	„ „	„ октября	2	450
392.	Л. В. Давыдову	„ „	7	451
393.	А. И. и Л. В. Давыдовым	„ „	27	451
394.	А. И. Чайковскому	„ ноября	2	451
395.	„ „	„ „	4	452
396.	М. И. Чайковскому	„ „	6	453
397.	А. И. Чайковскому	„ „	6	454
398.	„ „	„ „	9	456
399.	М. И. Чайковскому	„ „	13	457
400.	А. И. Чайковскому	„ „	14	458
401.	М. И. Чайковскому	„ „	18	459
402.	А. И. Чайковскому	„ „	21	461
403.	М. И. Чайковскому	„ „	21	462
404.	А. И. Чайковскому	„ „	23	463
405.	А. И. Давыдовой	1878 г. ноября	25	464
406.	М. И. Чайковскому	„ „	27	465
407.	А. И. Чайковскому	„ „	29	467
408.	М. И. Чайковскому	„ „	30	468
409.	А. И. Чайковскому	„ декабря	3	469
410.	„ „	„ „	3	469

			Стр.
411. М. И. Чайковскому	1878 г. декабря	4	470
412. А. И.Чайковскому	» »	5	471
413. М. И. Чайковскому	» »	6	473
414. А. И. Чайковскому	» »	8	474
415. М. И. Чайковскому	» »	10	476
416. А. И. Чайковскому	» »	11	477
417. Л. В. Давыдову	» »	12	478
418. М. И. Чайковскому	» »	12	480
419. А. И. Чайковскому	» »	14	481
420. М. И. Чайковскому	» »	15	482
421. А. И. Чайковскому	» »	16	485
422. М. И. Чайковскому	» »	18	486
423. А. И. Чайковскому	» »	19	487
424. » »	» »	21	488
425. М. И. Чайковскому	» »	22	490
426. А. И. Чайковскому	» »	23	493
427. М. И. Чайковскому	» »	26	495
428. А. И. Чайковскому	» »	26	496
429. » »	» »	29	496
430. М. И. Чайковскому	» »	29	498
431. А. И. Чайковскому	» »	30	499
432. М. И. Чайковскому	» »	30	499
433. А. И. Чайковскому	» »	1	501
434. М. И. Чайковскому	» »	2	502
435. А. И. Чайковскому	» »	4	503
436. М. И. Чайковскому	» »	6	504
437. А. И. Чайковскому	» »	7—8	506
438. » »	» »	9	507
439. М. И. Чайковскому	» »	10—11	509
440. А. И. Чайковскому	» »	14	510
441. М. И. Чайковскому	» »	16	512
442. А. И. Чайковскому	» »	19	513
443. М. И. Чайковскому	» »	20	514
444. А. И. Давыдовой	» »	21	518
445. А. И. Чайковскому	» »	22	519
446. М. И. Чайковскому	» »	24	520
447. А. И. Чайковскому	» »	26	522
448. М. И. Чайковскому	» »	27	523
449. А. И. Чайковскому	» »	29	524
450. М. И. Чайковскому	» »	31	526
451. А. И. Чайковскому	» февраля	2	527
452. М. И. Чайковскому	» »	4	528
453. А. И. Чайковскому	» »	6	529
454. М. И. Чайковскому	» »	7	530
455. А. И. Чайковскому	» »	8	532
456. М. И. Чайковскому	» »	10	534
457. А. И. Чайковскому	» »	12	535
458. М. И. Чайковскому	» »	13	536
459. А. И. Давыдовой	1879 г. февраля	15	537
460. А. И. Чайковскому	» »	15	539
461. М. И. Чайковскому	» »	17	541
462. А. И. Чайковскому	» »	20	541
463. М. И. Чайковскому	» »	22	542
464. Л. В. Давыдову	» »	22	543

				Стр.
465. А. И. Чайковскому	1879 г. февраля	24	. . . . .	545
466. М. И. Чайковскому	" "	26	. . . . .	547
467. А. И. Чайковскому	" "	28	. . . . .	549
468. Л. В. Давыдову	" марта	12	. . . . .	550
469. А. И. Чайковскому	" апреля	4	. . . . .	551
470. " "	" "	9	. . . . .	551
471. " "	" "	12	. . . . .	553
472. " "	" "	16	. . . . .	554
473. " "	" "	21	. . . . .	555
474. " "	" "	23	. . . . .	556
475. " "	" "	28	. . . . .	557
476. " "	" "	30	. . . . .	559
477. " "	" мая	4	. . . . .	559
478. М. И. Чайковскому	" "	5	. . . . .	561
479. А. И. Чайковскому	" "	8	. . . . .	562
480. М. И. Чайковскому	" "	9	. . . . .	564
481. А. И. Чайковскому	" "	13	. . . . .	565
482. М. И. Чайковскому	" "	14	. . . . .	566
483. А. И. Чайковскому	" "	15	. . . . .	567
484. " "	" "	18	. . . . .	568
485. М. И. Чайковскому	" "	20	. . . . .	570
486. А. И. Чайковскому	" "	22	. . . . .	572
487. " "	" "	25	. . . . .	573
488. М. И. Чайковскому	" "	26	. . . . .	574
489. А. И. Чайковскому	" "	28	. . . . .	575
490. " "	" июня	1	. . . . .	576
491. М. И. Чайковскому	" "	2	. . . . .	577
492. А. И. Чайковскому	" "	5	. . . . .	579
493. М. И. Чайковскому	" "	8	. . . . .	580
494. А. И. Чайковскому	" "	9	. . . . .	583
495. " "	" "	12	. . . . .	585
496. М. И. Чайковскому	" "	15	. . . . .	586
497. А. И. Чайковскому	" "	15	. . . . .	588
498. М. И. Чайковскому	" "	17	. . . . .	589
499. А. И. Чайковскому	" "	17	. . . . .	590
500. " "	" "	19	. . . . .	590
501. А. И. Давыдовой	" "	21	. . . . .	591
502. " "	" "	23	. . . . .	592
503. М. И. Чайковскому	" "	24	. . . . .	593
504. А. И. Давыдовой	" "	29	. . . . .	594
505. " "	" июля	3	. . . . .	597
506. М. И. Чайковскому	" "	5	. . . . .	598
507. " "	" "	9	. . . . .	600
508. " "	" "	15	. . . . .	601
509. " "	" "	21	. . . . .	603
510. " "	" "	28	. . . . .	604
511. А. И. Чайковскому	" августа	6	. . . . .	606
512. М. И. Чайковскому	" "	7	. . . . .	607
513. А. И. Чайковскому	1879 г. августа	8	. . . . .	608
514. " "	" "	9	. . . . .	609
515. " "	" "	12	. . . . .	610
516. " "	" "	13	. . . . .	610
517. М. И. Чайковскому	" "	15	. . . . .	611
518. А. И. Чайковскому	" "	15	. . . . .	613

			стр.
519. М. И. Чайковскому	1870 г. августа	21	614
520. А. И. Чайковскому	„ „	22	615
521. М. И. Чайковскому	„ „	22	615
522. „ „	„ „	26	616
523. А. И. Чайковскому	„ „	26	616
524. „ „	„ „	28	617
525. М. И. Чайковскому	„ „	31	618
526. „ „	„ сентября	4	619
527. „ „	„ „	10	620
528. А. И. Давыдовой	„ „	10	621
529. М. И. Чайковскому	„ „	11	622
530. А. И. Чайковскому	„ „	20	622
531. А. И. Чайковскому	„ „	22	623
532. „ „	„ „	24	624
533. „ „	„ „	30	625
534. „ „	„ октября	4	626
535. М. И. Чайковскому	„ „	4	627
536. А. И. Чайковскому	„ „	7	628
537. М. И. Чайковскому	„ „	10	629
538. А. И. Чайковскому	„ „	12	630
539. „ „	„ „	17	631
540. „ „	„ „	18	632
541 М. И. Чайковскому	„ „	20	633
542. А. И. Чайковскому	„ ноября	11	633
543. „ „	„ „	12	634
544. „ „	„ „	14	635
545. „ „	„ „	16	636
546. М. И. Чайковскому	„ „	18	636
547. А. И. Чайковскому	„	19	637
548. М. И. Чайковскому	„ „	21	638
549. А. И. Чайковскому	„ „	22	639
550. И. П. Чайковскому	„ „	22	640
551. А. И. Чайковскому	„ „	25	640
552. „ „	„ „	27	641
553. М. И. Чайковскому	„ „	28	644
554. А. И. Чайковскому	„ „	30	645
555. М. И. Чайковскому	„ „	30	646
556. А. И. Чайковскому	„ декабря	3	647
557. „ „	„ „	5	648
558. „ „	„ „	7	648
559. „ „	„ „	9	649
560. „ „	„ „	12	649
561. „ „	„ „	16	650
562. „ „	„ „	18—19	651
563. „ „	„ „	23	652
564. „ „	„ „	26	654
565. „ „	„ „	31	655

Примечания 657
Указатель собственных имен 726
Указатель произведений Чайковского 754

Стр.

614
615
615
616
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
633
634
635
636
636
637
638
639
640
640
641
644
645
646
647
648
648
649
649
650
651
652
654
655

657
726
754

Цена 32 р. 50 к.